
U 343/9
II

Проф. Павелъ АРДАШЕВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА.

1774—1789.

Провинціальные интенданты.

Томъ II.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская № 22.
1906.

Проф. Павелъ АРДАШЕВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА.

1774—1789.

Провинціальные интенданты.

Томъ II.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская № 22.
1906.

Печатано съ разрѣшенія декана Историко-Филологическаго факультета Университета Св. Владиміра *Т. Флоринскаго*, 30 іюня 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ

Люди.

СТРАН.

СТРАН.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ приходится начать съ извиненія передъ читателемъ въ томъ, что я не сдержалъ своего обѣщанія закончить вторымъ томомъ настоящее изслѣдованіе. Вопросъ о „людяхъ" оказался, при его разработкѣ, гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ это мнѣ представлялось въ началѣ моей работы; пришлось привлечь къ изученію новые матеріалы и значительно расширить первоначально намѣченныя рамки изслѣдованія. Въ результатѣ— вторая „книга" разрослась въ цѣлый томъ, и теперь ужъ я, право, не поручусь, что не случится того же и съ третьей „книгой", обработка которой во всякомъ случаѣ потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ дальнѣйшей работы.

Удастся ли мнѣ закончить предпринятый трудъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тѣмъ, что мнѣ до сихъ поръ удалось сдѣлать, я обязанъ благожелательному содѣйствію многихъ лицъ, которымъ считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь свою глубочайшую признательность. Всего болѣе обязанъ я конечно моимъ бывшимъ учителямъ, профессорамъ-историкамъ Московскаго Университета, и прежде всего моему ближайшему наставнику, проф. В. И. Герье, въ „исторической семинаріи" котораго окрѣпъ зародившійся у меня подъ вліяніемъ университетскихъ лекцій интересъ къ исторической наукѣ и въ частности—къ изученію той эпохи, которая является полемъ для настоящаго изслѣдованія. Испрошенная, по его предложенію, Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета продолжительная (съ 1-го февраля 1896 до 1-го іюля 1898 г.) заграничная командировка дала мнѣ возможность ознакомиться съ необходимымъ для выполненія задуманной работы богатымъ матеріаломъ, какъ въ парижскихъ, такъ и въ нѣсколькихъ провинціальныхъ архивахъ и библіотекахъ Фран-

ціи [1]). Со стороны лицъ, завѣдующихъ названными библіотеками и архивами мнѣ приходилось всегда встрѣчать самое предупредительное и отзывчивое отношеніе. Особенно цѣнно было для меня данное мнѣ директоромъ Національнаго архива, M. Gustave Servois, разрѣшеніе пользоваться не предназначенною для „публики“ рукописною описью документовъ „серіи H“, являвшейся главнымъ полемъ моихъ изысканій. Различныя отрывочныя, но въ общей связи очень цѣнныя для различныхъ частей моей работы данныя, мнѣ удалось собрать благодаря отзывчивости французскихъ архивистовъ и другихъ ученыхъ. Особенно многимъ обязанъ я въ этомъ отношеніи маститому редактору капитальнаго изданія *Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789* и тонкому изслѣдователю самыхъ темныхъ закоулковъ стараго порядка, M. Armand Brette, которому, помимо данной имъ мнѣ возможности пользоваться корректурными листами третьяго тома (въ настоящее время уже вышедшаго въ свѣтъ) его *Recueil*, я обязанъ былъ многими цѣнными указаніями и сообщеніями [1]). Большинство архивистовъ тѣхъ изъ провинціальныхъ архивовъ, которыхъ мнѣ не удалось посѣтить, съ большою предупредительностью сообщили мнѣ различныя справки [2]), за которыми я къ нимъ обращался путемъ корреспонденціи; выражаю поэтому мою благодарность архивистамъ: Louis Duval въ Алансонѣ, Charles de Beaurepaire въ Руанѣ, Meschi-

[1]) Изъ библіотекъ, кромѣ Національной (какъ въ отдѣлѣ печатныхъ произведеній, такъ и въ отдѣлѣ рукописей), я имѣлъ случай пользоваться богатой библіотекой Историческаго общества въ Парижѣ и муниципальной библіотекой въ г. По (Pau, Basses-Pyrénées). По части архивовъ, я работалъ главнымъ образомъ въ парижскомъ Національномъ архивѣ (главнѣйшій изъ центральныхъ архивовъ Франціи) и въ провинціальномъ архивѣ департамента Марны въ Шалонѣ; кромѣ того, я имѣлъ возможность посѣтить, въ видахъ пополненія различныхъ пробѣловъ въ собранныхъ въ названныхъ архивахъ матеріалахъ, еще архивъ мин иностр. дѣлъ въ Парижѣ и департаментскіе архивы слѣдующихъ городовъ: Дижона, Сенъ-Бріе, Ренна, Монъ-де-Марсана, По, Тарба, Тулузы, Фуа, Монпеллье, Марселя, Макона и Бурга. Въ послѣдніе мѣсяцы командировки, проведенные мною въ Англіи, я пользовался также книжными сокровищами Британскаго музея.

[2]) Что оговорено въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ книги (въ примѣчаніяхъ).

net de Richemond въ ла-Рошелли, F. Galabert въ Фуа, A. Gandilhon въ Монтобанѣ, Jacques Soyer въ Буржѣ, Louis de Grandmaison въ Турѣ, George Guigue въ Ліонѣ, Camille Bloch въ Орлеанѣ, Alfred Leroux въ Лиможѣ, A. Touranjon въ Аяччіо (Корсика), Dr. Wiegand въ Страсбургѣ.

Изъ другихъ лицъ не могу также не упомянуть съ благодарностью за доставленныя ими различныя сообщенія, гг. Edme Champion въ Парижѣ, проф. Philippe Sagnac въ Лиллѣ, Félix Mourlot въ Алансонѣ, проф. Camille Jullian въ Бордо, Alphonse Couget въ Сенъ-Годенсѣ, Louis Audiat въ Сентѣ, аббата F. Uzureau въ Анжерѣ, барона J. Angot des Rotours въ Ротурѣ (Orne), графа de Bellevüe въ Moulinroûl (Loire-Inférieure), графа de Rochefort въ Ларокѣ, (Gironde), Pierre Meller въ Durandeau (Gironde), Alphonse Beaujour въ Rots (Calvados), графа de Maussion, графа и виконта de Bertier de Sauvigny въ Парижѣ. Къ перечисленнымъ именамъ мнѣ остается еще присоединить имена итальянскаго генеалога Gustavo Pedrelli въ Пармѣ и двухъ моихъ соотечественниковъ: директора И. Публичной Библіотеки Д. Ѳ. Кобеко и А. М. Ону; первому изъ названныхъ лицъ я обязанъ многочисленными свѣдѣніями по части французской генеалогіи, второму—справкой касательно бывшаго интенданта (въ послѣдствіи—эмигранта) Кордье-де-Лонэ, послѣднему — нѣсколькими цѣнными указаніями на различные документы Національнаго архива, которыми я, такимъ образомъ, получилъ возможность воспользоваться [1])

Мнѣ остается въ заключеніе поблагодарить тѣхъ изъ моихъ русскихъ и иностранныхъ сотоварищей по наукѣ, которые въ свое время взяли на себя трудъ ознакомиться съ первымъ томомъ моего изслѣдованія и подѣлиться въ печати своими сужденіями и замѣчаніями [2]). Особенно цѣнны для меня

---

[1]) То же замѣчаніе.

[2]) 1) *Жизнь*, мартъ 1901 г. (Н. Рожковъ); 2) *Міръ Божій*, май 1901 (О. Н. У.); 3) *Историческій Вѣстникъ*, май 1901 (А. К.); 4) *Journal des Savants*, juillet 1901 (Rodolphe Dareste, membre de l'Institut), 5) *English historical Review*, july 1901 (Oliver Wardrop), 6) *Révolution française*, mai 1902 (Nicolas Karéiev); 7) *Revue des Etudes franco-russes*, mai 1902 (E. Resslen); 8) *Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института*, 1904 г., т. I (Н. Карѣевъ).

отзывы и замѣчанія такихъ ученыхъ спеціалистовъ, какъ маститый историкъ французскихъ учрежденій, академикъ Rodolphe Dareste[1]), проф. В. И. Герье[2]) и проф. Н. И. Карѣ-

[1]) Съ выходомъ обѣщаннаго второго тома, говоритъ Р. Дарестъ: „Ce sera le travail le plus complet qui ait été publié sur ce sujet, et ce n'est pas sans quelque surprise que nous le recevons de Russie Pour exécuter une si vaste entreprise il a fallu lire une masse énorme de livres compulser une masse plus énorme encore de papiers conservés dans les dépôts d'archives, non seulement à Paris, mais encore dans les départements et dans les villes. On se demande comment un étranger a pu entreprendre sans effroi et mener à bonne fin un pareil labeur. Si l'on songe que les ouvrages publiés en France depuis cinquante ans sur l'histoire administrative ne pouvaient, quel qu'en soit le mérite, fournir à cet étranger un guide sûr, qu'ils se sont généralement bornés à des vues d'ensemble sur le gouvernement central, ou à des recherches de détail sur telle ou telle administration locale, ou qu'ils n'ont abordé le sujet que par un côté, par exemple par le côté juridique, on peut facilement se convaincre que tout en appelant l'attention sur les faits importants et peu ou mal connus, ils ne peuvent tenir lieu d'un ouvrage original donnant une idée exacte et satisfaisante du rôle de l'Administration dans les dernières années de l'ancien régime. C'est ce livre que M Ardascheff a voulu faire et dont nous autres Français devons lui savoir gré“.

[2]) Вотъ наиболѣе существенныя выдержки изъ отзыва, написаннаго проф. В. И. Герье по порученію Историко-филологическаго Факультета Московскаго Университета, куда моя работа представлена была въ качествѣ диссертаціи на степень магистра Всеобщей исторіи: „Это изслѣдованіе основано на многостороннемъ изученіи и критическомъ разборѣ литературы и источниковъ предмета, а затѣмъ на самостоятельной разработкѣ неизданнаго матеріала, какъ въ парижскомъ Національномъ архивѣ и рукописномъ отдѣленіи Національной библіотеки, такъ и въ нѣсколькихъ архивахъ департаментовъ, преимущественно—перепискѣ интендантовъ съ ихъ начальникомъ, генеральнымъ контролеромъ. Источникъ этотъ, изученный Токвилемъ, до сихъ поръ въ самой Франціи мало разработанъ, и изслѣдованіе г. Ардашева является выдающейся систематической попыткой ввести малоизвѣстный матеріалъ этого источника въ область исторической науки и основать на немъ болѣе полное представленіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ учрежденій стараго порядка. Г. Ардашевъ понялъ свою задачу очень широко. Это можно усмотрѣть уже изъ первыхъ главъ сочиненія, представляющихъ описаніе источниковъ и критическій разборъ пособій, а также изъ многочисленныхъ и цѣнныхъ примѣчаній къ книгѣ, въ которыхъ выясняются частности и нерѣдко опровергаются мнѣнія или ошибки прежнихъ изслѣдователей. Широкое пониманіе задачи проявляется также въ томъ, что авторъ не ограничился изложеніемъ интереснаго и только ему извѣстнаго архивнаго матеріала, но 1) представилъ общее изображеніе и оцѣнку стараго порядка, основанное на многостороннемъ изученіи всего, что входитъ въ это понятіе, 2) разсмо-

евъ [1]),—а также того спеціалиста по интересующей меня эпохѣ,

трѣлъ вопросъ о происхожденіи интендантовъ и 3) обстоятельно изучилъ отношеніе интендантовъ къ другимъ учрежденіямъ королевской Франціи. Благодаря этому, многія изъ этихъ учрежденій представлены въ новомъ свѣтѣ, въ особенности королевскій совѣтъ и подчиненные интендантамъ административные органы, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучше выяснена и дѣятельность генеральнаго контролера. Такимъ образомъ, значеніе книги г. Ардашева не ограничивается достиженіемъ спеціальнаго результата, который онъ поставилъ себѣ задачей — изучить и изобразить областную администрацію во Франціи передъ революціей; его книга, и по методу и по выводамъ, становится цѣннымъ пособіемъ и для изученія и пониманія дореволюціонной Франціи вообще: по *методу* - въ виду того, что авторъ настаиваетъ на необходимости провѣрить посредствомъ изученія административной переписки тѣ представленія о старомъ порядкѣ, которыя установились путемъ односторонняго изученія однихъ законодательныхъ памятниковъ. Что касается до данныхъ, приведенныхъ авторомъ, то онѣ способствуютъ во многихъ случаяхъ болѣе полному и вѣрному представленію о старомъ порядкѣ. Авторъ выставилъ ярче на видъ крайнее разнообразіе порядковъ и пріемовъ управленія,—которое скрывалось подъ однообразной лицевой стороной стараго порядка: онъ характеризовалъ бюрократическое начало, всесильное „безличное дѣйствіе канцелярій", скрывавшееся подъ проявленіемъ королевской воли (bon plaisir du roi) и министерскаго усмотрѣнія. Авторъ внесъ поправку въ общепринятое представленіе о централизаціи въ древней Франціи, указавъ, съ одной стороны—на отсутствіе строгаго разграниченія между центральными и областными учрежденіями, а съ другой—на самостоятельную дѣятельность интендантовъ, въ силу которой они являются въ послѣднюю пору новаторами и проводниками мѣстныхъ реформъ, иногда получающихъ затѣмъ общегосударственное значеніе. Видоизмѣняя, такимъ образомъ и дополняя общее представленіе объ интендантахъ предъ самой революціей, авторъ вноситъ историческое начало въ это понятіе: старый порядокъ, не смотря на кажущійся застой, переживалъ эволюцію, т. е. онъ не былъ неизмѣннымъ въ теченіе полутора вѣковъ порядкомъ, но существенно измѣнялся подъ вліяніемъ новыхъ условій и потребностей культурной жизни".—Цитирую по рукописи, сообщенной г. Деканомъ Факультета, такъ какъ мнѣ неизвѣстно, былъ ли гдѣ напечатанъ этотъ отзывъ. Замѣчу здѣсь, что профессору В. И. Герье принадлежитъ также отзывъ, на основаніи котораго была мнѣ присуждена Совѣтомъ Московскаго Университета за первый томъ моего изслѣдованія полная премія имени С. М. Соловьева (въ 1900 г.).

[1]) Въ критико-библіографическомъ обзорѣ работъ русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи, напечатанномъ первоначально по-французски въ журналѣ *Révolution française* (avril 1902), а затѣмъ въ болѣе подробномъ изложеніи—по-русски, въ *Извѣстіяхъ С.-П.-Б. Политех-*

который скрылъ свое имя подъ условными—(очень впрочемъ прозрачными—иниціалами О. Н. У. [1]).

Давая въ общемъ одобрительный отзывъ о первомъ томѣ моего труда, проф. Н. И. Карѣевъ высказываетъ въ то же время и рядъ критическихъ замѣчаній, по поводу которыхъ я считаю необходимымъ дать здѣсь соотвѣтствующія разъясненія. „Какъ ни правиленъ—говоритъ Н. И. Карѣевъ—тотъ методъ, который примѣнилъ проф. Ардашевъ къ разработкѣ своего предмета, и какъ ни важны фактическіе результаты этой разработки по части выясненія дѣйствительныхъ отношеній, существовавшихъ во Франціи въ XVIII в., общая оцѣнка учрежденія, которому посвящено все содержаніе книги, грѣшитъ ни на чемъ не основаннымъ оптимизмомъ“. Что съ точ-

ническаго Института, 1904 г., т. I; также отд. оттискъ: С.-П.-Б., 1904, 80 стр.).—„Главное достоинство труда проф. Ардашева въ методологическомъ отношеніи—говоритъ, между прочимъ, проф. Н. И. Карѣевъ—состоитъ въ томъ, что онъ строго держится хронологической и географической перспективы, постоянно различая эпохи и отдѣльныя провинціи и вмѣстѣ съ тѣмъ изучая конкретные факты, а не юридическія формулы. Заслуживаетъ похвалы и то, что онъ изучилъ мало до него разработанный матеріалъ, заключающійся въ административной перепискѣ“.

[1]) „Для тѣснаго круга спеціалистовъ не только въ нашей, но и во всемірной исторической литературѣ,—говоритъ г. О. Н. У.—книга эта представляется событіемъ. Научная ея цѣнность обусловливается не столько выводами или новой точкой зрѣнія, сколько примѣненіемъ строгаго метода къ слабо и мало изслѣдованному матеріалу... Г. Ардашевъ принадлежитъ—продолжаетъ г. О. Н. У.—къ тѣмъ немногимъ работникамъ въ этой области, которые путемъ кропотливаго и систематическаго изученія сырыхъ архивныхъ данныхъ, ставятъ вопросъ на почву строго объективнаго изслѣдованія“. „Благодаря тонкости и основательности критики, обзоръ источниковъ и пособій представляетъ собою совершенно исключительную цѣнность для спеціалиста, а также для начинающаго ученаго. Въ тонко продуманной третьей главѣ введенія изложенъ методъ, которому долженъ слѣдовать серьезный историкъ „стараго порядка“, въ отличіе отъ легковѣсныхъ авторовъ, разнорѣчивыя оцѣнки которыхъ слишкомъ часто подсказаны не столько изученіемъ матеріала, сколько вкусами и политическимъ направленіемъ.“ „Въ общемъ, „введеніе“, составляющее даже цѣлую небольшого объема книгу, по справедливости можетъ стать настольною книгой для людей, занимающихся „старымъ порядкомъ“. „Въ общемъ изслѣдованіе производится планомѣрно, въ систематическомъ, строго обдуманномъ порядкѣ и съ истиннымъ критическимъ талантомъ“ — *Міръ Божій*, май 1901.

ки зрѣнія господствующихъ въ исторической литературѣ воззрѣній, оцѣнка эта, дѣйствительно, можетъ представляться оптимистическою, это какъ нельзя болѣе естественно, если принять во вниманіе, что воззрѣнія эти основаны главнымъ образомъ на отмѣченныхъ субъективизмомъ отзывахъ современниковъ (графа Булэнвиллье, герцога Сенъ-Симона, маркиза Мирабо и др.), „Секретныхъ мемуаровъ", памфлетовъ и наконецъ—наказовъ 1789 г., при чемъ вдобавокъ обыкновенно не принимается во вниманіе различіе эпохъ, такъ что, напримѣръ, характеристику интендантовъ у Булэнвиллье или Сенъ-Симона распространяютъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій и на интендантовъ второй половины восемнадцатаго вѣка. Въ результатѣ, вмѣсто исторически вѣрнаго портрета, получается тенденціозная каррикатура, вмѣсто исторической правды—легенда, которая впрочемъ, на ряду со многими другими традиціонными легендами, свившими себѣ гнѣздо въ исторической литературѣ о старомъ порядкѣ и революціи, начинаетъ мало по малу разсѣиваться, по мѣрѣ того какъ критическая разработка новыхъ матеріаловъ проливаетъ все болѣе и болѣе свѣта на различныя стороны исторической дѣйствительности, которую несчетное число разъ изображали болѣе или менѣе художественно, но только въ самое послѣднее время начали *научно изслѣдовать* [1]). Собственно „общей оцѣнки учрежденія", о которой говоритъ проф. Карѣевъ, я не формулировалъ въ первомъ томѣ по той простой причинѣ, что *основанія* для такой оцѣнки мнѣ предстояло еще изложить въ дальнѣйшихъ частяхъ изслѣдованія; вполнѣ естественно, что высказанныя мною мимоходомъ въ первомъ томѣ тѣ или другія замѣчанія и сужденія, предвосхищавшія до извѣстной степени будущую „оцѣнку", должны были производить впечатлѣніе недостаточной обоснованности. Во всякомъ случаѣ мой почтенный критикъ признаетъ—надѣюсь—,

---

[1]) Интересно отмѣтить слѣдующее замѣчаніе академика Буалиля, которое находимъ въ предисловіи къ третьему (и послѣднему) тому изданной имъ *Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les Intendants des provinces* (Paris, 1897, p. II): „Non seulement en France, mais en Allemagne, mais jusque dans les Universités russes les plus éloignées, plusieurs thèses importantes ont été rédigées à l'aide de ces documents, soit sur le contrôle général lui-même, soit sur nos plus grands intendants, et celles-ci ont fait rendre une justice tardive à *une institution longtemps méconnue et calomniée*".

что то, что ему представляется моимъ „оптимизмомъ“, является результатомъ добросовѣстнаго изученія источниковъ, внушеннаго искреннею любовью къ исторической правдѣ ради правды, а не вытекаетъ изъ какого-либо предвзятаго взгляда, въ родѣ того, которому отдаютъ болѣе или менѣе обильную дань довольно многочисленные во Франціи историки-публицисты двухъ противоположныхъ лагерей, изъ которыхъ одни пишутъ панегирики „старому порядку“, другіе—памфлеты противъ него [1]). Затѣмъ, какъ увидитъ мой почтенный критикъ, „оптимизмъ мой“ далекъ отъ того, чтобы застилать отъ моего взора оборотную сторону медали, которую я отнюдь не стараюсь скрыть и отъ читателя. Все, что я могъ найти въ источникахъ по части „злоупотребленій и жалобъ“, все это тщательно собрано мною и использовано въ послѣдней главѣ второй книги [2]); къ этой сторонѣ дѣла мнѣ придется еще возвратиться въ слѣдующемъ томѣ, гдѣ я имѣю въ виду подвергнуть обстоятельному разбору критику изучаемаго учрежденія, формулированную какъ современниками, такъ и историками. Далѣе, прошу моего уважаемаго критика обратить вниманіе на то, что въ своей оцѣнкѣ я отнюдь не имѣю въ виду учрежденія интендантства *въ его историческомъ цѣломъ*: моя задача ограничивается лишь *послѣднею порою стараго* порядка, т. е. тѣмъ временемъ, когда, какъ это я обстоятельно выясняю въ предлагаемой второй „книгѣ“, учрежденіе это, въ лицѣ своихъ представителей—къ нимъ вѣдь собственно, къ *людямъ*, а не къ самому *учрежденію* относится мой „оптимизмъ“—, успѣло значительно измѣниться къ лучшему, благодаря проникшей въ него, подъ вліяніемъ идейныхъ вѣяній „просвѣщеннаго вѣка“, струѣ здороваго *идеализма*, вдохнувшаго совершенно новый духъ въ это старое учрежденіе и превратившаго его изъ орудія полицейскаго воздѣйствія въ факторъ культурнаго прогресса. Эта сторона дѣла была въ свое время отмѣчена, хотя правда вскользь, Токвилемъ, который, бичуя администрацію стараго порядка, неоднократно дѣлаетъ оговорки относительно послѣд-

[1]) Свое отношеніе и къ тѣмъ и къ другимъ я высказалъ вполнѣ опредѣленно и безъ обиняковъ въ своемъ обзорѣ „литературы предмета“ (т. I стр 5—48).

[2]) См. также *Pièces justificatives*, Nrs. 294—295 и 325—433.

ней поры стараго порядка, о которой онъ высказываетъ въ сущности такой же „оптимизмъ", въ какомъ упрекаетъ меня проф. Карѣевъ, совершенно напрасно считающій въ данномъ случаѣ своимъ союзникомъ Токвиля, противъ котораго будто бы я „беру подъ свое покровительство интендантовъ". Въ своемъ „оптимизмѣ" я, напротивъ, совершенно солидаренъ съ Токвилемъ, который признаетъ, что въ послѣднюю пору стараго порядка администрація настолько „преобразилась" къ лучшему, что писать по ней портретъ администраціи стараго порядка вообще—значило бы писать портретъ „изрядно подольщенный и мало схожій"[1]. Заключающаяся въ послѣднихъ словахъ характеристика (которую я готовъ подписать обѣими руками) могла бы относиться и къ тому „портрету", который я пытался написать, *если бы только я его сталъ выдавать за „портретъ" администраціи стараго порядка вообще*, но этого вѣдь я отнюдь не думаю дѣлать. Мой „оптимизмъ", *ограничивающійся исключительно отмѣченной эпохой*, является, стало быть, съ точки зрѣнія Токвиля, чѣмъ-то неизбѣжнымъ и вполнѣ нормальнымъ для всякаго историка стараго порядка. Прибавлю еще, что моя задача, а слѣдовательно и мой „оптимизмъ", имѣетъ своимъ объектомъ не администрацію вообще, а лишь провинціальную администрацію въ лицѣ интендантовъ, и на послѣднихъ я не нахожу справедливымъ возлагать отвѣтственность за грѣхи правительства. Такова, напримѣръ, административная опека, обязанная своимъ происхожденіемъ исключительно правительству, а интенданты являлись въ этомъ случаѣ лишь орудіями послѣдняго. Ставить же имъ это въ вину, это значитъ вообще ставить имъ въ вину, что они выполняли функціи, связанныя съ тѣмъ учрежденіемъ, носителями котораго они были; но это будетъ уже точка зрѣнія моралиста или публициста, отнюдь не историка, и я не думаю, чтобы проф. Карѣевъ сталъ рекомендовать мнѣ подобную точку зрѣнія. Вообще же, что касается административной опеки, то, вполнѣ раздѣляя съ Токвилемъ сдѣланную имъ *общую историческую оцѣнку ея роли въ исторіи Франціи*, я расхожусь съ нимъ лишь постольку, поскольку дѣло идетъ о роли интендантовъ *(а не администраціи вообще)* въ изучаемую мною пору *(а не при*

[1]) *Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, Paris, 1856, p. 92—93, 262—265.

старомъ порядкѣ вообще), такъ что раздѣляющее меня въ данномъ случаѣ съ Токвилемъ разногласіе въ сущности гораздо менѣе значительно, чѣмъ это можетъ представляться на первый взглядъ; дѣло въ томъ, что въ сущности Токвиль имѣетъ въ виду „старый порядокъ“ *за исключеніемъ его послѣдней поры* (относительно которой онъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ вполнѣ опредѣленныя оговорки), я же имѣю въ виду какъ разъ именно эту послѣднюю эпоху. Наше разногласіе въ сущности менѣе въ томъ, что мы говоримъ противоположное объ одномъ и томъ же, сколько въ томъ, что мы говоримъ *разное о двухъ разныхъ вещахъ*. Впрочемъ, работая надъ своимъ изслѣдованіемъ, я менѣе думалъ о томъ, чтобы сойтись съ Токвилемъ, чѣмъ о томъ, чтобы не разойтись съ исторической дѣйствительностью, хотя конечно всегда пріятнѣе имѣть человѣка съ такимъ глубокимъ знаніемъ и свѣтлымъ умомъ, какъ Токвиль, въ числѣ своихъ союзниковъ, чѣмъ чувствовать себя его противникомъ. То же самое мнѣ бы хотѣлось сказать и по отношенію къ моему уважаемому критику.

Мнѣ слѣдовало бы еще остановиться на критическихъ замѣчаніяхъ г. О. Н. У., тѣмъ болѣе, что всѣ они сдѣланы съ большимъ знаніемъ дѣла; но просматривая еще разъ его замѣтку, я вижу, что относительно наиболѣе существенныхъ изъ формулированныхъ имъ возраженій мнѣ пришлось бы въ сущности лишь повторить только что сказанное мною по поводу замѣчаній проф. Н. И. Карѣева; что же касается второстепенныхъ деталей, то врядъ ли стóитъ ради нихъ растягивать это и безъ того черезчуръ растянувшееся предисловіе. Къ тому же нѣкоторыя изъ формулированныхъ моимъ критикомъ замѣчаній были вызваны недоговоренностью нѣкоторыхъ изъ тѣхъ моихъ положеній, которымъ предстояло получить свое обоснованіе и развитіе лишь во второй „книгѣ“: послѣдняя вообще, какъ надѣюсь, дастъ соотвѣтствующіе отвѣты и разъясненія на различные вопросы и недоумѣнія, которыя могли возникнуть при чтеніи первой „книги“, поневолѣ иногда предвосхищавшей нѣкоторые изъ выводовъ, нашедшихъ свое обоснованіе лишь во второй.

Изъ прочихъ моихъ критиковъ г. Н. Рожковъ, давшій себѣ трудъ сличить мой первый томъ съ сочиненіемъ А. Бабо о „Провинціи“, дѣлаетъ мнѣ, исходя изъ послѣдняго, нѣсколько

возраженій фактическаго характера, на которыя охотно даю интересующія его разъясненія.

Замѣчаніе первое.—„Г. Ардашевъ утверждаетъ, что институтъ такъ называемыхъ „выборныхъ“ (élus) восходитъ къ генеральнымъ штатамъ 1355 г., тогда какъ Бабо находитъ выборныхъ еще въ XIII в. и дѣлаетъ при этомъ важное замѣчаніе, что тогда они, дѣйствительно, *выбирались* согражданами для раскладки налоговъ“. Замѣчу, во-первыхъ, что первоначальный *выборный* характеръ „выборныхъ“ у меня отмѣченъ вполнѣ опредѣленно (т. I, стр. 140); во-вторыхъ, что „выборные“, о которыхъ идетъ рѣчь были учреждены впервые королевскимъ ордоннансомъ 1355 г. [1]; въ-третьихъ, что, дѣйствительно, уже въ XIII в. существовали „выборные“: такъ назывались избиравшіеся въ каждой общинѣ изъ мѣстныхъ обывателей раскладчики тальи [2]. Но эти „выборные“, историческіе предки позднѣйшихъ *collecteurs* (сборщиковъ тальи), не имѣютъ ничего общаго съ учрежденными впервые въ 1355 г. „выборными“ *по округамъ (élections)*, которые интересуютъ меня, какъ историческіе предшественники позднѣйшихъ *выборныхъ коллегій (élections)*. А. Бабо, говоря о „выборныхъ“ въ XIII в., какъ о такихъ предшественникахъ, очевидно, смѣшалъ два совершенно различные института, введшіе его въ заблужденіе своею одноименностью: явленіе довольно заурядное въ исторической литературѣ о старомъ порядкѣ.

Второе замѣчаніе.—„Бабо относитъ пріобрѣтеніе должностью выборныхъ продажнаго характера ко времени Карла VII, а г. Ардашевъ, почему-то руководясь болѣе старымъ сочиненіемъ Maury, приписываетъ эту перемѣну Людовику XII“. Замѣчаніе это—плодъ недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что, прежде чѣмъ получить „характеръ продажности“—что имѣло мѣсто, дѣйствительно, лишь при Людовикѣ XII, какъ утверждаетъ совершенно справедливо Maury [3], должность эта, на ряду съ прочими судебными должностями, была объявлена пожизненною собственностью своихъ обладателей, но не въ силу купли-

[1]) *Isambert*, Recuil général des anciennes lois françaises, t. IV, p. 734—762.

[2]) *Encyclopédie méthodique Finances*, Paris, 1785, t. II, p. 40.

[3]) См., напр., *Encyclopédie méthodique*, *Jurisprudence*, Paris, 1786, t. VI, p. 248.

продажи, а въ силу королевскаго пожалованія; эта послѣдняя метаморфоза, которую, очевидно, имѣетъ въ виду Бабо въ указанномъ моимъ критикомъ мѣстѣ (гдѣ Бабо ничего не говоритъ о *продажности*, вопреки утвержденію г. Н. Рожкова [1]), имѣла мѣсто еще въ XV в.,—впрочемъ не при Карлѣ VII, какъ ошибочно утверждаетъ Бабо, а при его преемникѣ, Людовикѣ XI [2]).

Замѣчаніе третье. -„Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ г. Ардашевъ говоритъ о 12 генералъ-губернаторахъ при Франциске I, когда Бабо знаетъ только двухъ". На это замѣчу коротко, что „двѣнадцать губернаторовъ" при Франциске I—фактъ общественный, который фигурируетъ даже въ элементарныхъ учебникахъ французской исторіи, не говоря уже о руководствахъ болѣе солиднаго характера, въ родѣ *Всеобщей Исторіи* Лависса и Рамбо, гдѣ даже перечисляются эти первоначальные „12 генералъ-губернаторовъ" [3]). Впрочемъ и самъ Бабо въ другомъ мѣстѣ говоритъ точно также о 12 первоначальныхъ генералъ-губернаторахъ [4]), такъ что неточность, заключающаяся въ обратившемъ на себя вниманіе моего критика (и введшемъ его въ заблужденіе) указаніи Бабо, сводится, очевидно, къ простой опечаткѣ.

Своими замѣчаніями, давшими мнѣ лишній случай исправить еще нѣсколько неточностей въ сочиненіи А. Бабо, г. Н. Рожковъ далъ вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ случай убѣдиться въ томъ, насколько вообще рискованны критическіе экскурсы въ область, лежащую внѣ круга спеціальности критика. А это избавляетъ меня, въ свою очередь, отъ необходимости считаться съ его попытками общей оцѣнки моего сочиненія, настолько же расходящейся съ авторитетною оцѣнкою спеціалистовъ, въ лицѣ акад. Дареста, проф. Герье, проф. Карѣева и г. О. Н. У., насколько его замѣчанія фактическаго характера расходятся, какъ мы видѣли, съ исторической дѣйствительностью.

1) *Babeau*, la Province. t. I, p. 233: „Charles convertit leurs charges en *offices*. *dont il furent propriétaires*". Замѣчу здѣсь, что *office* есть родовое понятіе, по отношенію къ которому *office à finance* является видовымъ.

2) Именно, въ силу королевскаго ордоннанса отъ 21-го октября 1467.— *Recueil des ordonnances*, t. XVII, p. 25—26.

3) *Lavisse et Rambaud*, Histoire générale, t. IV, p. 158. Сравн. элементарный учебникъ *Auget et Petit*, Deuxième livre d'Histoire de France, § 211.

4) *Babeau*, op. cit., t. I, p. 6.

Считаю нелишнимъ сдѣлать еще одну оговорку относительно датъ 1774—1789 г., фигурирующихъ въ заголовкѣ сочиненія. Этими датами я хотѣлъ лишь отмѣтить тотъ хронологическій участокъ, въ которомъ лежитъ центръ тяжести моего изслѣдованія; но само собою разумѣется, что этимъ я отнюдь не отказывался отъ права выходить въ отдѣльныхъ случаяхъ за предѣлы этихъ хронологическихъ рамокъ. Дѣло въ томъ, что значительная часть интендантовъ отмѣченной эпохи начали свою дѣятельность значительно ранѣе, а игнорировать часть послѣдней въ силу какихъ бы то ни было апріорныхъ соображеній я считалъ недопустимымъ, — тѣмъ болѣе, что сама по себѣ дата 1774 г. не играетъ сколько-нибудь существенной роли въ исторіи провинціальной администраціи, такъ какъ физіономія „просвѣщенной администраціи", въ лицѣ интендантовъ послѣдней поры стараго порядка, опредѣлилась въ своихъ существенныхъ чертахъ уже въ 50—60-хъ годахъ, которые, вмѣстѣ съ періодомъ 1774—1789 гг., составляютъ, съ точки зрѣнія нашей задачи, такъ сказать, одно хронологическое цѣлое, которое можно было бы назвать *эпохой просвѣщенной администраціи* во Франціи—въ параллель съ *эпохой просвѣщеннаго абсолютизма* въ другихъ странахъ тогдашней Европы.

Замѣчу въ заключеніе, что часто повторяющаяся въ примѣчаніяхъ цитата *Pièces justificatives* означаетъ указаніе на изданный мною въ 1903 г., въ видѣ отдѣльнаго тома, систематическій сборникъ документовъ (или же извлеченій изъ), относящихся къ предмету моего излѣдованія [1]).

П. А.

---

[1]) *Paul Ardascheff.* les Intendants de province sous Louis XVI. Tome III. Appendice. Première partie: Pièces justificatives. Youriev (Dorpat), 1903.—Изъ отзывовъ французской критики: 1) *Revue historique* (t LXXXVIII, p. 136—137): „Cet appendice constitue un véritable dossier (de 600 pièces) sur l'administration provinciale pendant les dernières années de l'ancien régime.. On a inséré au programme de la classe de „première" un paragraphe sur l'administration des inten-

dants. Les professeurs de nos lycées n'auront, pour donner à leurs leçons du corps et de la vie, qu'à puiser dans le *spicilège* de M. Ardascheff" (Henri Hauser).— 2) *La Révolution*, t. XLVI (1904), p. 463 468: „Au moment où l'on s'occupe activement de restituer par des documents la vie économique de la Révolution, ce volume est précieux" (Armand Brette).—3) *Revue d'Histoire moderne et contemporaine* (octobre 1904, p 641—643): „Si nombreux d'ailleurs que soient ces chapitres, ils n'en contiennent pas moins, à leur tour, des documents bien classés. Pour mener à bien un travail d'une telle envergure, l'auteur a mis autant de soin à consulter les pièces imprimées qu'il en avait pris à colliger les documents manuscrits... Bref, ce travait est de ceux qui feraient l'honneur à un érudit français spécialisé dans l'histoire intérieure de la France"(A. Mansuy). —4) *Revue universelle* (août1904): „Les pièces réunies dans ce volume ne présentent pas l'aridité qui est souvent le propre de semblambles documents, parce qu'elles ne se suivent pas à la façon de matériaux, attendant les commentaires qui leur donneraint de l'intérêt et de la vie. Ces pièces sont classées de telle sorte, sous une suite de rubriques formant autant de chapitres, que l'on a déjà, à la lecture du volume, un aperçu très intéressant, notamment sur l'organisation des intendances, sur le rôle des subdélégués, etc."

КНИГА ВТОРАЯ.

Люди.

Общественно-политическій строй старой Франціи, какъ онъ сложился къ половинѣ семнадцатаго вѣка, представляется на первый взглядъ неподвижнымъ вплоть до послѣднихъ лѣтъ своего существованія. Но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ другой связи[1]), стбитъ лишь пристальнѣе всмотрѣться въ историческую дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что внутри этого, повидимому, окончательно установившагося и застывшаго въ своей неподвижности строя совершается постоянная, хотя и медленная работа,—происходитъ непрерывная, хотя и не бросающаяся въ глаза эволюція, гораздо менѣе замѣтная въ своемъ процессѣ, чѣмъ въ своихъ результатахъ. „Старый порядокъ" 1774—1789 годовъ во многихъ отношеніяхъ совершенно непохожъ на „старый порядокъ", взятый столѣтіемъ и даже полустолѣтіемъ раньше. А между тѣмъ никакой существенной перемѣны мы не замѣчаемъ въ учрежденіяхъ старой Франціи за послѣднее столѣтіе стараго порядка.

Въ чемъ же дѣло?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить коротко: дѣло въ *людяхъ*.

Что въ томъ, что учрежденія оставались по внѣшности неизмѣнными, если измѣнилась ихъ душа? Что въ томъ, что *учрежденія* оставались тѣ же, если *люди*, что воплощали ихъ въ своей дѣятельности, были уже другіе? „Другіе люди" принесли съ собою другія понятія, другія идеи, другія стремленія, другіе идеалы. Новые люди вдохнули новый духъ въ старыя учрежденія. Результатомъ было то, что, сохранивъ свою внѣшность, послѣднія претерпѣли глубокую внутреннюю метаморфозу: подъ прежней оболочкой скрывалось уже новое содержаніе.

—

[1]) См. выше, т. I стр. 89 и далѣе.

Мы познакомились въ предыдущей „книгѣ“ съ интендантствомъ, какъ *учрежденіемъ*, съ его организаціей и функціонированіемъ въ общей системѣ государственныхъ учрежденій старой Франціи. Намъ необходимо теперь познакомиться ближе съ тѣми *людьми*, дѣятельность которыхъ являлась воплощеніемъ этого учрежденія въ живой исторической дѣйствительности.

Само собою разумѣется, что мы подходимъ къ этому вопросу съ точки зрѣнія историческаго, а не спеціально-біографическаго интереса. Біографическій элементъ будетъ поэтому играть въ нашемъ изложеніи лишь второстепенную и, такъ сказать, служебную роль. Въ *людяхъ*, въ ихъ характерѣ и дѣятельности насъ будутъ интересовать не столько индивидуальныя черты отдѣльныхъ личностей, сколько тѣ *общія культурно-историческія черты*, которыя носятъ на себѣ болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ *среды* и *момента*, то-есть той исторической обстановки, въ которой проявляется дѣятельнось интересующихъ насъ людей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Интенданты и общество.

I. Традиціонныя „три сословія“ и новое *государственное дворянство.* II. Составные элементы государственнаго дворянства.—Судебная или *парламентская магистратура*.—Ея корпоративная и quasi-сословная внутренняя солидарность.—Стремленіе къ наслѣдственности и замкнутости.—III. Постепенное одворяненіе парламентской магистратуры.—Сословно-дворянскій и плутократическій характеръ позднѣйшей магистратуры.—Духъ независимости—IV. *Городовая магистратура.*—Ея связи съ магистратурою парламентской.—V. *Финансовая знать.*—Ея связи съ магистратурами парламентской и городовой.—VI. Государственное дворянство и администрація.—Министры Людовика XVI по ихъ фамильно-соціальному происхожденію.—VII. Интенданты времени Людовика XVI по ихъ фамильно-соціальному происхожденію.—VIII. Интенданты и составные элементы государственнаго дворянства.—IX. Интенданты и парламентская магистратура.—X. Совѣтская или *административная магистратура.*—XI. Кастовыя тенденціи внутри административной магистратуры.—„Административныя фамиліи“.—XII. Фамильныя связи внутри административной магистратуры.—Интендантскія семьи.—XIII. Проявленія кастоваго непотизма.—Административная молодежь.—XIV. Протекція и фаворотизмъ въ дѣлѣ замѣщенія интендантскихъ вакансій.—XV. Принципіальныя противоположности, раздѣляющія магистратуры парламентскую и административную.—Начало единоличности.—Начало назначенія и его коррективъ.—XVI. Начало бюрократической подчиненности.—Чѣмъ оно парализуется?—Интендантъ какъ *чиновникъ* и какъ *магистратъ.*—XVII. Служебный карьеризмъ.—Почему онъ не могъ получить широкаго развитія въ нѣдрахъ интендантства?—Заключеніе.

I.

Традиціонное дѣленіе французской „націи“ на три „сословія“ или „состоянія“ (trois ordres, trois états) признавалось самими представителями „стараго порядка“, вплоть до его послѣднихъ дней, однимъ изъ „основныхъ законовъ французской монархіи“, и во имя этого именно „основного закона“ сторонники старыхъ традицій, съ парламентами во главѣ, единодушно протестовали, въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ въ концѣ 1788 и въ началѣ 1789 г., противъ удвоенія числа депутатовъ третьяго сословія (doublement du tiers)

и сліянія представителей всѣхъ трехъ сословій въ одно поголовно голосующее собраніе. Въ глазахъ защитниковъ старины подобное „смѣшеніе сословій“ было равносильно „революціи“ и „ниспроверженію исконной конституціи королевства“ [1]).

Въ действительности „революція“, призракъ которой тревожилъ испуганное воображеніе охранителей „исконной конституціи“, была накануне 1789 года уже наполовину совершившимся фактомъ. „Революція“ эта была въ значительной мѣрѣ подготовлена издавна постепенной „эволюціей“. „Смѣшеніе сословій“, завершенное въ 1789 году, было дѣломъ, которое уже подготовлялось издавна, и которое къ этому времени успѣло сдѣлать значительные успѣхи [2]). Изъ всѣхъ сословій одно лишь духовенство представлялось по прежнему рѣзко отграниченнымъ отъ остальныхъ двухъ, хотя оно и исходило само изъ ихъ нѣдръ. Не говоря уже о костюмѣ, который служилъ вполнѣ нагляднымъ внѣшнимъ признакомъ „перваго сословія“, оно отличалось отъ остальныхъ двухъ сословій еще и другимъ, правда, не столь нагляднымъ, но за то болѣе существеннымъ признакомъ. Въ самомъ дѣлѣ, грани, отдѣлявшія сословія одно отъ другого, представляли собою нѣчто вполнѣ опредѣленное и наглядное, пока сословія являлись періодически въ роли политическихъ корпорацій—въ собраніяхъ генеральныхъ штатовъ (Etats généraux). Каждый созывъ штатовъ освѣжалъ тѣ борозды, которыя служили межами между отдѣльными сословіями. Съ прекращеніемъ созыва генеральныхъ штатовъ послѣ 1614 г., изъ всѣхъ сословій одно лишь духовенство продолжало существовать, какъ политическая корпорація, органомъ которой служили періодическіе съѣзды духовенства подъ именемъ *assemblées générales du clergé de France*. Что касается дворянства и третьяго сословія, то извѣстную сословно-корпоративную особность сословія эти продолжали сохранять лишь въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сохранились провинціальные штаты; но какъ сословія всего королевства, ни дворянство, ни третье сословіе ни разу съ 1614 г. не имѣли случая выступить въ роли организованныхъ сословно-политическихъ корпорацій. Удивительно ли, что ни разу не освѣжав-

[1]) *Brette*, Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789, t. I, Paris, 1894.

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs et les Conditions en France avant la Révolution, éd. Lescure, Paris, 1862, p. 120—127 (*Du rapprochement des diverses conditions*).

шаяся въ теченіе шести-семи поколѣній межа, раздѣлявшая оба сословія, успѣла настолько сгладиться и стереться, что когда въ первые мѣсяцы 1789 г. сословіямъ пришлось обособиться для производства выборныхъ операцій, то оказалось немало такихъ лицъ, которыхъ третье сословіе отвергало, какъ дворянъ, а дворянство не хотѣло допустить въ свою среду, какъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію [1]).

Дѣло въ томъ, что за полуторастолѣтній перерывъ въ совмѣстной работѣ сословій, какъ самостоятельныхъ политическихъ корпорацій, въ ихъ нѣдрахъ совершилась какая-то метаморфоза. На ряду съ традиціонными „тремя состояніями“ являются нѣкоторыя соціально-политическія новообразованія, уже не укладывающіяся въ эти традиціонныя рамки. *Новообразованія эти сводятся къ одному общему факту, который можно формулировать, какъ образованіе въ нѣдрахъ дворянства и третьяго сословія нѣкоторой новой соціально-политической группы, которая, сочетая въ себѣ элементы обоихъ сословій, эволюціонируютъ въ направленіи къ превращенію своему въ нѣкоторую самодовлѣющую соціально-политическую величину,— въ своего рода новое сословіе, хотя и съ явственнымъ классовымъ оттѣнкомъ.* Это новое quasi-сословіе, не успѣвшее окончательно сформироваться, и не получившее въ свое время общаго собирательнаго наименованія [2]), можно было бы назвать *государственнымъ дворянствомъ*, въ отличіе отъ традиціоннаго дворянства, *дворянства феодальнаго*. Если послѣднее возникло на почвѣ отношеній и потребностей, созданныхъ феодальнымъ строемъ, то новое государственное дворянство постепенно слагается и развивается на почвѣ новыхъ государственныхъ отношеній и созданныхъ ими потребностей. Переживши феодальный строй, старое дворянство держалось, какъ по-

---

[1]) Интересныя подробности, сюда относящіяся, можно найти въ изслѣдованіи *А. М. Ону*: „Наказы третьяго сословія въ 1789 г.“ (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* за 1896—1905 г.).

[2]) Выраженіе *noblesse de robe* было, очевидно, слишкомъ узко, такъ какъ обнимало собою лишь одворянившуюся часть магистратуры. *La robe* было шире, такъ какъ обнимало собою всю магистратуру, но было все-таки уже, чѣмъ то, что мы условились называть „государственнымъ дворянствомъ“, куда входитъ также и *la finance*. Не подходитъ въ данномъ случаѣ и новѣйшій терминъ *bourgeoisie*, имѣющій исключительно *классовый* характеръ; между тѣмъ въ соціальную группу, о которой мы говоримъ, входитъ также и элементъ *сословности* (чистая *roture* въ эту группу не входитъ).

литическая сила, въ качествѣ одного изъ элементовъ генеральныхъ штатовъ. Съ прекращеніемъ послѣднихъ, политическое существованіе дворянства не то чтобы прекращается, а, такъ сказать, сокращается. Оставляя въ сторонѣ провинціальные штаты, старое дворянство продолжаетъ жить политическою жизнью лишь въ той своей части, которая такъ или иначе вошла въ число дѣятельныхъ элементовъ новой государственной жизни, то-есть, иначе говоря, вошла въ составъ той соціально-политической группы, которую, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшей стадіи ея развитія, можно, какъ выше замѣчено, назвать государственнымъ дворянствомъ. Въ этомъ послѣднемъ феодально-дворянскому элементу принадлежитъ однако лишь второстепенное мѣсто, а главную роль въ образованіи государственнаго дворянства играетъ безусловно *третье сословіе* (*tiers état*).

Въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ элементовъ слагается въ интересующую насъ эпоху это государственное дворянство?

II.

Ядромъ его является магистратура. *Магистратами* (*magistrats*), или въ собирательномъ смыслѣ *магистратурой* (*magistrature*), назывались въ старой Франціи лица судебнаго вѣдомства, начиная съ офиціальнаго главы послѣдняго, *канцлера* или замѣщающаго его *хранителя печатей* и кончая послѣднимъ *королевскимъ судьей* первой инстанціи [1]), хотя, строго говоря, заключающій въ себѣ извѣстную „величавость“ [2]) титулъ *магистрата* считался принадлежащимъ по праву лишь „лицамъ извѣстнаго ранга въ судебномъ вѣдомствѣ“, а именно, кромѣ канцлера или хранителя печатей,—членамъ королевскаго совѣта, въ званіи ли совѣтника или секретаря [3]), а также членамъ парламентовъ и прочихъ высшихъ трибуналовъ, въ званіи президентовъ, совѣтниковъ, генералъ-адвокатовъ и генералъ-прокуроровъ [4]). Тѣмъ не менѣе, въ силу характеризующей восемнадцатый

[1]) См. выше, т. I, стр. 226, 447—491.

[2]) *Encyclopédie méthodique*, *Jurisprudence*, Paris, 1785, t. V, p. 663: „Magistrat. Ce nom présente une grande idée“.

[3]) См. выше, т. I, стр. 222.

[4]) *Encyclopédie méthodique*, *Jurisprudence*, t. V, p. 664: „En France on ne donne le nom de *magistrat* qu'à ceux qui tiennent un certain rang dans l'administration de la justice, tels que le chancelier, qui est le chef de la magistrature, les conseillers d'état et les maîtres des requêtes, les présidents et conseil-

вѣкъ общей тенденціи къ демократизаціи всякаго рода почетныхъ титуловъ, званій и отличій [1]), почетное званіе *магистрата* сдѣлалось достояніемъ не только членовъ президіаловъ, бальяжей и сенешальствъ [2]), а также—финансовыхъ присутствій и выборныхъ коллегій [3]), но и вообще „всѣхъ и каждаго, кто обладалъ должностью, связанною съ судебными полномочіями“ [4]).

Съ тѣхъ поръ какъ лица судебнаго вѣдомства превратились, вслѣдствіе введенной въ шестнадцатомъ столѣтіи продажности судебныхъ должностей, въ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ обладателей-собственниковъ своихъ должностей, судебное вѣдомство, постоянно возраставшее въ своей численности [5]) и организованное на

---

lers de cour souveraine, les avocats et procureurs généraux“. — О канцлерѣ и хранителѣ печатей см. выше т. I, стр. 226; о парламентахъ и прочихъ высшихъ трибуналахъ, тамъ же, стр. 447 и далѣе.

1) Такъ, титулы *écuyer* и *chevalier*, составлявшіе прежде удѣлъ лишь старинныхъ дворянскихъ родовъ, въ восемнадцатомъ столѣтіи могли стать достояніемъ чуть не всякаго дворянина-новичка (anobli); громкіе титулы *маркиза, графа, барона* точно также утратили изрядную долю своего былого аристократизма. То же самое можно замѣтить относительно обычая прибавлять къ своему фамильному имени названіе своего имѣнія, съ прибавкой *de*. Титулъ *Monseigneur* въ былое время былъ исключительнымъ достояніемъ королевскаго дома и считался при Людовикѣ XIV черезчуръ высокимъ для министровъ, а при Людовикѣ XVI онъ уже дѣлается общимъ достояніемъ интендантовъ. *Monsieur* тоже былъ когда-то почетнымъ титуломъ, но уже въ то время, когда маркизъ Мирабо писалъ своего „Друга людей“, „tout le monde est devenu Monsieur“ (*L'Ami des Hommes,* Avignon, 1756, t. I, p. 421).

2) *Encyclopédie méthodique. Jurisprudence,* loc. cit.: „Les juges des présidiaux, bailliages et sénéchaussées royales sont aussi regardés comme magistrats; ils en prennent même ordinairement le titre dans leurs jugements“.—О президіалахъ, бальяжахъ и сенешальствахъ—см. выше, т. I, стр. 474.

3) См. выше, стр. 479 и далѣе. Финансовыя присутствія заявляли даже притязаніе на „суверенность“ и полное равноправіе съ парламентами и прочими высшими трибуналами (тамъ же, стр. 485, примѣчанія 2 и 3).

4) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence,* loc. cit.: „Loiseau prétend que la qualité de *magistrat* ne convient pas aux juges d'attribution, tels que ceux des eaux et forêts, élections etc. Mais...dans nos moeurs on doit convenir que tous ceux qui possèdent un office, dont les fonctions consistent à rendre la justice, sont également *magistrats,* sans distinction des juges ordinaires et des juges d'attribution“.

5) Численный ростъ магистратуры былъ прямымъ слѣдствіемъ продажности судебныхъ должностей: правительству было выгодно увеличивать число послѣднихъ, такъ какъ это служило источникомъ доходовъ для королевской казны. Жалобы на крайнюю многочисленность судей—одно изъ на-

началахъ корпоративности, стало все болѣе и болѣе принимать характеръ чего-то въ родѣ сословія. Мѣста президентовъ и совѣтниковъ парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ, лейтенантовъ и совѣтниковъ президіаловъ, бальяжей, сенешальствъ и проч. сдѣлались во множествѣ случаевъ настоящимъ фамильнымъ достояніемъ, которое передавалось изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ тестя къ зятю, отъ дяди къ племяннику и т. д.[1]). Возникаютъ настоящія „парламентскія“ и другія „магистратскія“ фамиліи, которыя, въ свою очередь, вступаютъ другъ съ другомъ въ родственныя связи. Дѣйствительно, парламенты въ восемнадцатомъ вѣкѣ представляютъ собой извѣстныя корпоративныя группы, объединенныя внутри не только корпоративнымъ духомъ, но по большей части и родственными узами[2]).

Личный составъ различныхъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій представляетъ подъ часъ нѣчто похожее на одну большую семью. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ въ Брестѣ (Бретань) „г. Берженевъ отецъ состоитъ предсѣдателемъ таможеннаго суда, его зять Коатлоганъ—королевскимъ прокуроромъ при морскомъ судѣ и помощникомъ королевскаго прокурора при мѣстномъ королевскомъ трибуналѣ; двоюродный братъ Коатлогана, г. Смитъ, занимаетъ мѣсто фискальнаго прокурора; старшій сынъ г. Берженева состоитъ въ должности королевскаго прокурора при королевскомъ трибуналѣ и полицейскомъ судѣ, а младшій сынъ, занимая уже мѣсто частнаго лейтенанта морского суда, хлопочетъ о пріобрѣтеніи мѣста сенешала“. „Кромѣ перечисленныхъ трибуналовъ—прибавляетъ авторъ цитируемаго документа—въ нашемъ городѣ нѣтъ болѣе судебныхъ учрежде-

иболѣе избитыхъ мѣстъ въ „наказахъ“ 1789 года. Эту сторону дѣла отмѣчаетъ также Турэ въ своей рѣчи въ національномъ собраніи, 24-го марта 1790 г.: „Les tribunaux... se sont multipliés.. à un point qui n' a eu et qui n' a pas encore d'exemple chez aucune autre nation“. - *Moniteur* (réimpression), t. IV (1860), p. 37.

[1]) См. между прочимъ, *René Fage*, La vie à Tulle au XVIII siècle, Paris, 1902, p. 83: „Les magistrats du Présidial et de l'Election étaient des personnages dans la cité... Ils tenaient à leurs charges, que plusieurs avaient reçues de leurs pères et transmettaient à leurs enfants“.

[2]) *Roschach*, Histoire générale de Languedoc, Toulouse, 1877, t. XIII, p. 137: „Malgré les mesures prises en divers temps pour empêcher les offices parlementaires de se concentrer dans un petit nombre de familles rattachées entre elles par les liens du sang, la plupart des membres de la cour (du parlement de Toulouse) se trouvaient parents“. Аналогичныя указанія имѣются и относительно другихъ парламентовъ.

ній; такимъ образомъ, въ случаѣ полученія г. Бержевеномъ должности сенешала, единственной, которой еще не достаетъ этой фамиліи, у насъ будетъ одинъ-единственный магистратъ“ [1]).

Было бы однако ошибочно думать, чтобы подобныя родственныя связи внутри „судебнаго сословія“ замыкались въ рамки отдѣльныхъ мѣстныхъ парламентскихъ и судейскихъ мірковъ. Судейскія фамиліи одного парламента или одного мѣстнаго мірка состояли въ многочисленныхъ родственныхъ связяхъ съ другими такими же мірками [2]). Равнымъ образомъ, одна и та же „парламентская“ фамилія выставляетъ часто изъ своей среды представителей самыхъ разнообразныхъ положеній въ магистратурѣ.

Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, взятыхъ почти на удачу изъ генеалогіи различныхъ парламентскихъ фамилій, могутъ служить иллюстраціей къ этимъ общимъ указаніямъ. Фамилія Lefèvre d'Ormesson, за триста лѣтъ своего историческаго существованія, выставила изъ своей среды одного перваго президента парижскаго парламента, нѣсколькихъ президентовъ счетной палаты и великаго совѣта, многихъ совѣтниковъ тѣхъ же учрежденій, нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта и т. д. За это время она успѣла породниться со многими такими же „парламентскими“ фамиліями, каковы: Feydeau, d'Aguesseau, de la Bourdonnaye, Barentin, du Tillet и др. Первая изъ сейчасъ перечисленныхъ фамилій, Feydeau, дала магистратурѣ одного хранителя печатей, одного президента великаго совѣта, многихъ совѣтниковъ парижскаго парламента и счетной палаты, государственныхъ совѣтниковъ и т. д., и завязала родственныя связи со многими другими парламентскими фамиліями, каковы, кромѣ уже упомянутой Lefèvre d'Ormesson: Maupeou, Lepelletier, Machault. Изъ этихъ послѣднихъ фамилія Мопу дала двухъ канцлеровъ, нѣсколькихъ совѣтниковъ счетной палаты, палаты пошлинъ

[1]) *Archives nationales*, H 614. Requête présentée au Roi par les officiers municipaux de la ville de Brest, s'opposant à la réception du sieur Olivier Bergevin à la place de Sénéchal de ce siège royal, 1777.

[2]) Вотъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.—Первый президентъ эксскаго парламента де-Галлуа-де-ла-Туръ женится на дочери президента парижскаго парламента д'Алигра. Сынъ генералъ-лейтенанта клермонскаго президіала Дюфуръ-де-Вилльнёвъ женится на дочери совѣтника парижкаго парламента де-Лоссандьера. Maitre des requêtes Гравье-де-Верженнь, сынъ президента дижонской счетной палаты, женится на дочери перваго президента тулузскаго парламента, Батарда.

и парламента, одного генералъ-адвоката при великомъ совѣтѣ, нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта и т. д., а въ числѣ родственныхъ фамилій насчитывала цѣлый рядъ парламентскихъ родовъ, въ томъ числѣ: Lamoignon, Phélipeaux. Съ именемъ каждой изъ поименованныхъ фамилій, въ свою очередь, связанъ цѣлый рядъ судебныхъ учрежденій—съ одной стороны, парламентскихъ фамилій—съ другой [1]). Было бы интересно подвергнуть французскую магистратуру изученію съ указанной точки зрѣнія; намъ представляется, что подобное изслѣдованіе имѣло бы однимъ изъ ближайшихъ своихъ результатовъ установленіе одного интереснаго факта, который мы можемъ пока констатировать, на основаніи различныхъ болѣе или менѣе отрывочныхъ указаній, лишь какъ нѣчто имѣющее большую вѣроятность. Этотъ, пока только очень вѣроятный, но нуждающійся въ болѣе детальномъ обоснованіи фактъ—тотъ, что *къ концу стараго порядка вся французская магистратура, по крайней мѣрѣ въ своихъ верхнихъ, наиболѣе вліятельныхъ слояхъ, состояла, за немногими, быть можетъ, исключеніями, изъ фамилій, такъ или иначе связанныхъ между собою узами родства.*

Оговорка относительно „верхнихъ слоевъ" магистратуры необходима потому, что въ позднѣйшую пору стараго порядка въ нихъ замѣчается нѣкоторая кастовая тенденція,—*стремленіе къ наслѣдственно-сословной замкнутости.* Дѣло въ томъ, что, при всей внутренней корпоративной и отчасти какъ бы сословной солидарности магистратуры [2]), на ея составѣ отразилась двойственность

[1]) *Lachenaye-Desbois,* Dictionnaire de la noblesse, Paris, 1867 1876, 39 demi-vol. in 4⁰. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этого капитальнаго генеалогическаго труда, дополненны письменными сообщеніями пармскаго генеалога г. Педрелли.

[2]) Солидарность эта, не исключавшая извѣстнаго антагонизма или вѣрнѣе—соперничества между отдѣльными судебными корпораціями (напр., между финансовыми присутствіями и палатами косвенныхъ налоговъ), проявлялась особенно ярко всякій разъ, когда правительству приходилось сталкиваться съ парламентами, этими общепризнанными вождями магистратуры. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка возникаетъ въ парламентскомъ мірѣ идея о *единомъ парламентѣ,* въ силу которой каждый изъ парламентовъ считаетъ своимъ правомъ и долгомъ вступаться за всякій другой изъ своихъ „собратьевъ" (*Rocquain,* l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, Paris, 1878, p. 223).—На этомъ основаніи, напримѣръ, руанскій парламентъ принимаетъ 5 февраля 1771 постановленіе „qu'il serait écrit au roi... pour obtenir... le rappel de l'universalité des membres du parlement de

двухъ сословій, въ средѣ которыхъ она вербовалась. Что касается стариннаго феодальнаго дворянства,, то, въ силу своихъ воззрѣній на военную службу, какъ единственно достойную дворянскаго званія, оно смотрѣло на вступленіе дворянина въ магистратуру, какъ на униженіе своего сословнаго достоинства, и потому неудивительно, что случаи „измѣны шпагѣ“ въ пользу „мантіи“ были сравнительно рѣдки; рѣдки сравнительно были поэтому среди парламентскихъ фамилій такія, которыя вели свое начало отъ феодальнаго дворянства [1]). Во всякомъ случаѣ главнымъ поставщикомъ личнаго состава магистратуры являлось третье сословіе, то-есть, говоря точнѣе— верхніе слои послѣдняго, соединявшіе въ себѣ зажиточность съ интеллигентностью: послѣдняя требовалась характеромъ профессіи, первая—способомъ ея пріобрѣтенія (покупка).

Сравнительная интеллигентность аспирантовъ на судебныя должности обусловливалась предъявлявшимся къ нимъ требованіемъ извѣстнаго образовательнаго ценза. Кромѣ диплома „лиценціата правъ“, отъ кандидата требовалось, предварительное прохожденіе въ теченіе извѣстнаго времени должности адвоката. Затѣмъ требовалось, чтобы онъ былъ „принятъ“ соотвѣтствующей судебной корпораціей, а для этого кандидату надо было выдержать испытаніе въ полномъ

—

Paris et la restitution de ces magistrats aux fonctions de leur état inamovible, dont ils ne pouvaient être arbitrairement dépouillés“ (*Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, Rouen, 1852, t. VI, p. 619); на томъ же основаніи тулузскій парламентъ проситъ въ 1787 г. о возвращеніи изъ ссылки членовъ бордоскаго парламента (*Girardot*, Essai sur les assemblées provinciales, Bourges, 1845, p 328).—Чувство сословно-корпоративной солидарности во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка охватываетъ широкіе круги магистратуры, далеко за предѣлами собственно парламентскаго міра. Противъ упраздненія руанскаго парламента въ 1771 г. хоромъ протестуютъ руанская счетная палата, канскій президіалъ и другія мѣстныя судебныя учрежденія (*Floquet*, op cit., t. VI, p. 654—657); въ 1788 г многія изъ низшихъ судебныхъ учрежденій отказываются признать учрежденные въ противовѣсъ парламентамъ „великіе бальяжи“; отказываются ихъ признать мѣстные адвокаты, а въ Руанѣ даже консьержъ парламентской тюрьмы „отказывается признать великій бальяжъ“ и не боится заявить объ этомъ маркизу д'Аркуру (главнокомандующему въ Нормандіи) (тамъ же, т. VII, стр. 254). Сравн. *d'Argenson*, Journal et Mémoires, édition Rathéry, t. VIII, p. 196—197, 248; t. X, p. 330.

[1]) Къ числу этихъ рѣдкихъ парламентскихъ фамилій, вышедшихъ изъ среды стариннаго дворянства, принадлежитъ, напримѣръ, очень извѣстная во внутренней исторіи Франціи семнадцатаго столѣтія фамилія Ламуаньонъ, о которой г. Педрелли, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ французской генеа-

собранiи послѣдней, при чемъ онъ долженъ былъ обнаружить „совершенное знанiе законовъ“ [1]) и умѣнье свободно владѣть латинскою рѣчью [2]). Экзаменъ, начинавшiйся вступительной рѣчью кандидата на латинскомъ языкѣ, долженъ былъ, при „прiемѣ“ въ совѣтники парламента, начинаться въ семь часовъ утра и продолжаться до десяти „въ обыкновенное время, а великимъ постомъ—до одиннадцати“ [3]).

Что касается извѣстной зажиточности, то она была безусловно необходима для вступленiя въ магистрстуру на ея низшихъ ступеняхъ, на высшихъ же требовалась уже не простая зажиточность, а—богатство, въ виду высокой денежной стоимости высшихъ судебныхъ должностей. Такъ, въ парижскомъ парламентѣ должность совѣтника стоила, въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ, отъ восьмидесяти до полутораста тысячъ ливровъ, должность генералъ-адвоката—отъ полутораста до трехсотъ тысячъ, должность président à mortier—пятьсотъ тысячъ, должность генералъ-прокурора—семьсотъ тысячъ; стоимость должностей въ парижской счетной палатѣ: первый президентъ—четыреста тысячъ, президентъ à mortier—двѣсти тысячъ, совѣтникъ—сто тысячъ, генералъ-адвокатъ—сто двадцать тысячъ, генералъ-прокуроръ—двѣсти пятьдесятъ тысячъ; соотвѣтствующiя должности въ парижской палатѣ косвенныхъ налоговъ—отъ восьмидесяти до трехсотъ пятидесяти тысячъ; соотвѣтствующiя должности въ тулузскомъ и руанскомъ парламентахъ—отъ двадцати до двухсотъ тысячъ, въ дижонскомъ—отъ тридцати до ста тридцати тысячъ; приблизительно такiя же цифры—для остальныхъ парламентовъ. Соотвѣт-

логической литературы, которому я обязанъ многими цѣнными сообщенiями по этой части, говоритъ: „Les titres analysés par l'abbé de Marolles et par Dom Bétencourt prouvent l'ancienneté de la noblesse de cette famille, dont la filiation remonte à Guillaume, seigneur de Lamoignon, Mannay, Chasnay et Nannay en Nivernais, chevalier, qui vivait au XIII siècle“.

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. V, p. 302: „Tout juge royal, avant de remplir les fonctions de sa charge, est tenu de se faire recevoir dans la cour d'où relève sa juridiction; et il doit y subir un examen sur les lois et sur les ordonnances... Il est nécessaire, pour être juge, d'être licencié en droit et reçu au serment d'avocat, ce qui ne suppose pas toujours une parfaite connaissance des lois. L'intention du législateur était, non-seulement que l'homme qui doit rendre la justice eût fait une étude particulière en droit, mais qu'il eût encore exercé la profession d'avocat“.

[2]) *De Bastard d'Estang*, les Parlements de France, Paris, 1858, t. I, p. 128.

[3]) Ibidem, p. 127.

ственныя должности въ президіалахъ, бальяжахъ, сенешальствахъ и другихъ трибуналахъ, такъ сказать, второго ранга стоили значительно дешевле, но все же оцѣнивались десятками тысячъ, и лишь низшія должности не превышали нѣсколькихъ тысячъ [1])

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что всѣ эти цифры необходимо увеличить вдвое-втрое (по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ даже вчетверо), для того чтобы получить приблизительный эквивалентъ въ современныхъ франкахъ. Въ общей совокупности продажныя должности, число которыхъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ, составляли въ послѣднюю пору стараго порядка капиталъ приблизительно въ шестьсотъ милліоновъ [2]), то-есть значительно больше годового дохода казны въ ту пору.

„До введенія продажности судебныхъ должностей—говоритъ современникъ эпохи—послѣднія дѣлались достояніемъ лицъ, заявившихъ себя заслугами, опытомъ, выдающеюся репутаціей ума и образованія; теперь, прежде чѣмъ получить такую должность, требуется прежде всего сойтись въ цѣнѣ съ ея обладателемъ или съ тѣмъ, кому онъ переуступилъ свои права, что, очевидно, исключаетъ доступъ къ магистратурѣ знанію и добродѣтели, если имъ не пред-

[1]) *De Bastard d'Estang*, op. cit., t. I, p. 114—115; *Fayard*, Aperçu historique sur le parlement de Paris, Paris, 1876—1878, t. III, p. 321; *Glasson*, le Parlement de Paris, Paris, 1901, 2 vol. in 8.

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs et les Conditions en France avant la Révolution, édition Lescure, Paris, 1862, p. 149 — Вырученную отъ продажи должностей сумму можно разсматривать, какъ безсрочный внутренній государственный заемъ, проценты по которому, равнявшіеся въ среднемъ около 2%, выплачивались въ видѣ жалованья обладателямъ этихъ должностей. Съ этой точки зрѣнія продажность должностей находила себѣ многихъ защитниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и Сенакъ-де-Мельянъ. „Si l'on suppose que le prix de toutes les charges s'élève à six cents millions, qui n'ont pas coûté plus de deux pour cent d'intérêt, je demande quel moyen moins onéreux pouvait être inventé que celui de la vénalité, d'où est résulté une économie de plus de deux milliards, dans l'espace de deux cents ans?"—Разсужденіе, поражающее своею близорукостью. Да развѣ кажущаяся низость процента не уравновѣшивалась въ сугубой степени множествомъ частью чисто матеріальныхъ выгодъ (напр., освобожденіемъ отъ подати тальи), которыя, разумѣется, ложились бременемъ на податную часть населенія? И развѣ не отзывалось на этой послѣдней лишнимъ бременемъ содержаніе „въ теченіе двухсотъ лѣтъ" цѣлой арміи совершенно ненужныхъ должностныхъ лицъ, созданныхъ исключительно изъ фискальныхъ соображеній?...

шествуетъ матеріальная обезпеченность" [1]). Послѣдняя была необходима не только для того, чтобы уплатить болѣе или менѣе значительную сумму за искомую должность, но еще и для того, чтобы, получивъ послѣднюю, имѣть возможность вести образъ жизни „соотвѣтственно своему рангу", и притомъ—„независимо отъ доходовъ связанныхъ съ должностью"; и парламенты, напримѣръ, прямо наводили справки относительно состоятельности кандидата съ этой точки зрѣнія [2]), а въ случаѣ отрицательнаго результатата, имѣли полную возможность отстранить не удовлетворяющаго этому условію кандидата, пользуясь предоставленнымъ имъ королевскою грамотою 1546 года правомъ „предварительнаго освѣдомленія относительно жизни и нравовъ" каждаго аспиранта [3]).

III.

Если въ своемъ первоначальномъ видѣ магистратура имѣла до извѣтной степени демократическій хорактеръ [4]), то съ введеніемъ продажности парламентскихъ и вообще судебныхъ должностей, этотъ первоначальный демократизмъ получаетъ извѣстную плутократическую окраску, особенно замѣтную въ ея верхнихъ слояхъ. Въ свою очередь, отмѣченный плутократизмъ французской магистатуры, первоначально, если и не демократическій, то во веякомъ случаѣ „ротюрный" [5]), или скажемъ—„мѣщанскій", съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ дворянскій, на верхнихъ же ступеняхъ магистратуры дворянско-аристократическій характеръ.

Происходитъ это вслѣдствіе того, что всѣ сколько-нибудь значительныя судейскія должности обладали привилегіей сообщать своимъ

---

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. V, p. 302

[2]) *De Bastard d'Estang*, op cit., t. I, p. 134.

[3]) Ibidem, t. I, p. 124.

[4]) Глубоко вѣрно замѣчаніе Токвиля что въ своемъ первоначальномъ видѣ парламентъ, состоявшій изъ наиболѣе выдающихся юристовъ, представлялъ собою, на ряду съ церковью, одну изъ великихъ демократическихъ силъ, „вросшихъ въ аристократическую почву средневѣковья".— *A. de Tocqueville*, Mélanges, Paris, 1865, p. 118.

[5]) *Roture, roturier* противополагалось *noblesse, noble.* Отсюда слѣдуетъ, что *roture* не тождественно съ *tiers-état*, такъ какъ послѣднее противополагалось и дворянству и духовенству. Разница между *tiers-état* и *roture* въ томъ, что первое изъ этихъ двухъ выраженій указываетъ на *принадлеж-*

обладателямъ наслѣдственное дворянское достоинство [1]). Такихъ должностей въ послѣднюю пору стараго порядка насчитывалось болѣе четырехъ тысячъ, изъ которыхъ около половины приходилось на парламенты и прочіе высшіе трибуналы [2]). Въ восемнадцатомъ столѣтіи, въ особенности же во второй его половинѣ, аристократизація магистратуры сдѣлала уже настолько большіе успѣхи, что, съ одной стороны, одворянившаяся высшая магистатура начинаетъ мало по малу овладѣвать военными должностями, составлявшими въ былое время удѣлъ феодальнаго дворянства [3]), съ другой—она стремится уже отгородиться отъ того самаго третьяго сословія, изъ нѣдръ котораго вышла, и въ этихъ видахъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы закрыть въ свою среду доступъ „новымъ людямъ" изъ третьяго сословія. Дворянское достоинство, которое являлось прежде лишь *слѣдствіемъ* вступленія въ ряды магистратуры, сдѣлалось теперь почти непремѣннымъ *условіемъ* послѣдняго. *Парламенты, а за ними и другія судебныя учрежденія, обладавшія одворянивающими должностями, превратившись фактически въ дворянскія учрежденія, стали допускать въ свою среду тоже лишь людей изъ дворянскаго сословія*, т. е. фактически—изъ одворянившихся парламентскихъ фамилій, такъ какъ старое феодальное дворянство по традиціи тяготѣло болѣе къ „шпагѣ", чѣмъ къ „мантіи" [4]).

ность къ третьему сословію, второе же - на *происхожденіе* изъ этого сословія. Можно было *происходить* изъ третьяго сословія и въ то же время *принадлежать* къ духовенству или дворянству: первое—путемъ вступленія въ духовное званіе, второе—путемъ *anoblissement*.

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p. 133: „Celui qui est pourvu d'un de ces offices ne jouit des privilèges de noblesse que du jour qu'il est reçu, et qu'il a prêté serment. Pour que l'officier transmette la noblesse à ses enfants, il faut qu'il décède revêtu de l'office, ou qu'il l'ait exercé pendant vingt ans, et qu'au bout de ce temps il ait obtenu des lettres de vétérance. Il y a même certains offices dont il faut que le père et le fils aient été revêtus successivement, pour que leurs descendants jouissent de la noblesse".

[2]) *Necker*, De l'Administration des finances de la France, Paris, 1784, t. III, p. 145.

[3]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько генеалогій болѣе или менѣе старыхъ парламентскихъ фамилій: въ средѣ почти каждой изъ нихъ можно встрѣтить нѣсколькихъ военныхъ.

[4]) Discours de M. Thouret à l'Assemblée nationale, le 24 mars 1790: „Tous les citoyens... sont également admissibles à toutes dignités... Avec quelle force ce principe... ne s'élève-t-il pas contre ceux de ces tribunaux qui ne se trouvent

Уже въ этомъ стремленіи высшей магистратуры отгородиться отъ третьяго сословія, изъ нѣдръ котораго она сама вышла, обнаруживается извѣстная тенденція къ кастовой замкнутости; тенденція эта выступаетъ еще отчетливѣе въ томъ обстоятельствѣ, что парламенты дѣлали исключеніе относительно требованія дворянскаго званія лишь для сыновей совѣтниковъ парламента [1]). Тою же кастовою тенденціей объясняется въ значительной степени постепенное пониженіе требованій, которыя предъявлялись кандидатамъ въ смыслѣ образовательнаго ценза, и уже къ концу семнадцатаго вѣка „пріемное испытаніе" въ парламентахъ утратило въ значительной мѣрѣ свою былую серьезность [2]); къ концу же стараго порядка вся церемонія „пріема" новаго члена въ парламентъ превратилась въ чистую формальность, въ своего рода ритуальный обрядъ, не имѣвшій никакого реальнаго значенія [3]); и посмертный упрекъ въ невѣжествѣ, брошенный по адресу магистратуры съ трибуны національнаго собранія однимъ изъ ея бывшихъ представите-

---

actuellement composés que de clercs et de nobles, parce que ces tribunaux ayant déjà un certain nombre de places affectées aux ecclésiastiques, ont encore porté l'oubli des principes jusqu'à se faire une loi par des arrêtés secrets, mais avoués et exécutés, de n'admettre dans leur sein, pour exercer des offices qui n'aonblissent la plupart qu'au second degré, que des citoyens nobles ou déjà anoblis!"—*Moniteur* (réimpression), t. IV (1860), p. 37.—*Necker*, op. cit, t. III, p. 146: „Il faut observer cependant, qu'entre ces différentes charges, il en est un grand nombre qui, par le fait, ne deviennent pas une source de nouveaux nobles: car depuis que le royaume en est rempli, plusiers cours souveraines n'admettent que difficilement dans leurs compagnies, les familles bourgeoises qui n'ont pas encore acquis cette petite illustration."—Сравн. *Isambert*, Recueil des anciennes lois françaises, t. XXIII, p. 238: Arrêt du Conseil qui porte que ceux qui seront reçus présidents ou conseillers au parlement de Bretagne, seront dispensés comme nobles, du payement du droit de marc d'or.

[1]) *De Bastard d'Estang*, op. cit., t. I, p. 135.—Должность совѣтника парламента принадлежала къ числу тѣхъ должностей, которыя сообщали наслѣдственное дворянство лишь во второмъ или третьемъ поколѣніи. Такимъ образомъ, сынъ совѣтника-дворянина могъ быть и не-дворяниномъ; для полученія дворянства ему необходимо было самому сдѣлаться совѣтникомъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ одворянивалъ уже все свое потомство.

[2]) „Le récipiendaire y pipe assez ordinairement la loi, c'est-à-dire qu'il la choisit dans un corps de droit dont il fait l'ouverture en présence de M. le premier président".—Ibidem, p. 128.

[3]) *Encyclopédie methodique, Jurisprudence*, t V, p 302: „.. car la vaine formalité de la réception ne lui donne ni plus de lumière, ni plus expérience".

лей, хотя и несправедливый въ той огульной формѣ, въ какой онъ былъ высказанъ послѣднимъ, безспорно содержитъ въ себѣ изрядную долю горькой истины [1]).

Главнымъ условіемъ, отъ котораго зависѣлъ въ позднѣйшую пору успѣхъ кандидатуры на ту или другую должность въ области высшей магистратуры, была принадлежность къ ея кругу по рожденію. Происхожденіе изъ парламентской фамиліи обыкновенно обезпечивало кандидату круговую протекцію магистратуры, и для него настежъ открывались двери въ ея среду тамъ, гдѣ онѣ оказались бы захлопнутыми передъ кандидатомъ изъ „не-своихъ". Наглядное тому доказательство—сдѣлавшееся въ позднѣйшую пору обычнымъ явленіемъ, чуть что не правиломъ, принятіе въ свою среду судебными учрежденіями, въ томъ числѣ и парламентами, кандидатовъ, не достигшихъ требуемаго закономъ возраста; такого рода „разрѣшенія возраста" (dispenses d'âge), бывшія первоначально лишь исключеніемъ, находившимъ себѣ оправданіе въ тѣхъ или другихъ связанныхъ съ каждымъ даннымъ случаемъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, сдѣлались въ позднѣйшую пору обычнымъ явленіемъ, можно даже сказать правиломъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ кандидатамъ изъ „своихъ" [2]). Въ результатѣ парламенты и другія судебныя корпораціи переполнились „неопытными юношами" [3]),

[1]) *Moniteur* (réimpression), t. IV (1860), p. 69: „J'ai exercé des fonctions de magistrature, et je demande à tous ceux qui, comme moi, avaient trouvé leur instruction dans les provisions de leur office, je leur demande si ce ne sont pas les avocats qui nous apportent la nourriture de chaque jour? Ce sont eux qui ..nous fournissent les connaissances dont nous avons besoin pour juger" (слова депутата Турэ).—Собственноручныя писанія нѣкоторыхъ изъ представителей даже высшей магистратуры въ эту пору не всегда безупречны въ смыслѣ грамотности; укажемъ для примѣра собственноручное письмо перваго президента верховнаго совѣта въ Руссильонѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ въ 1783 г., хранящееся въ *Archives du ministère des affaires etrangères*, fonds France, Nr 1748 (письмо это напечатано въ извлеченіи въ нашихъ *Pièces justificatives*, Nr. 12 (lettre du comte de Malartic, 6 juillet 1783).

[2]) *Encyclopedie methodique, Jurisprudence*, t. V, p. 302: „On ne pouvait pas autrefois être reçu juge avant l'âge de 25 ans; mais depuis que les charges sont devenues dans les familles de robe une espèce de patrimoine, on accorde facilement des dispenses d'âge".

[3]) *Legrand*, Senac de Meilhan et l'intendance du Hainaut et du Cambrésis. Valenciennes, 1868, p. 18.—По словамъ *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 146: „Les jeunes gens prévalaient (en 1788) dans le parle-

„молокососами" [1] „мальчиками, однимъ прыжкомъ перескочившими со школьной скамьи на парламентское кресло" [2]). Учитывая извѣстную долю преувеличенія въ этихъ немножко бранчивыхъ квалификаціяхъ современниковъ, мы однако легко поймемъ ихъ саркастическій тонъ, если примемъ во вниманіе, что въ совѣтники и даже президенты [3]) парламентовъ принимались сплошь да рядомъ лица, не достигшія двадцатипятилѣтняго возраста; въ совѣтники же принимались часто лица, не достигшія двадцати лѣтъ, а нерѣдко и въ возрастѣ еще болѣе юномъ—въ девятнадцать, восемнадцать, иногда даже въ семнадцать лѣтъ [4]). Одинъ изъ бывшихъ совѣтниковъ парижскаго парламента разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ онъ восемнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ добивался этой должности, и какъ совершенно по-дѣтски расплакался, когда хранитель печатей объявилъ ему о своемъ рѣшеніи не допускать впредь на эту должность молодыхъ людей ранѣе достиженія ими 21-лѣтняго возраста [5]).

Фактъ одворяненія магистратуры достаточно объясняетъ и ту солидарность, которая проявляется въ позднѣйшую пору стараго порядка между дворянствомъ и парламентской магистратурой; солидар-

ment de Paris par le nombre et l'emportement".—Говоря о роли парламентовъ въ 1787 г., Неккеръ замѣчаетъ между прочимъ: „La jeunesse des parlements ...se lassant de vivre obscurément au milieu des procès et des querelles particulières, chercha le bruit et la renommée". — Отмѣчаемая въ приведенныхъ сейчасъ свидѣтельствахъ современниковъ сторона закулисной жизни парламентовъ, не въ достаточной мѣрѣ привлекающая къ себѣ вниманіе историковъ, способна однако пролить свѣтъ на многіе эпизоды парламентской исторіи въ ея позднѣйшемъ періодѣ.

1) „Mal purgés encore du lait de leur nourrice" — говоритъ о парламентской молодежи авторъ современнаго памфлета *Apologie de la Bastille* — *Carré*, la France sous Louis XV, Paris, 1891, p. 164.

2) „Des enfants anoblis, du collège, en un saut, volant aux fleurs de lis". Pièce *Le Pot aux roses découvert, ou le Parlement démasqué* (1789). — *Bastard d'Estang*, op. cit., t. I, p. 136.

3) Кромѣ одного перваго президента въ каждомъ парламентѣ было еще нѣсколько президентовъ à mortier.

4) *Floquet*, op. cit., t. VII, p. 331: „On admettait en qualité de conseillers et même de présidents, des sujets âgés de 19, 18 et même de 17 ans seulement". Пишущій эти строки имѣлъ возможность найти фактическія подтвержденія этому наблюденію въ генеалогіяхъ парламентскихъ фамилій.

5) *S. de Norvins*, Memorial, Paris, 1896, t. I. p. 139—140.

ность эта проявляется со стороны парламентовъ—въ защитѣ сословныхъ привилегій и противодѣйствіи всякимъ попыткамъ реформъ, затрогивающихъ интересы привилегированныхъ [1]), а со стороны дворянства—въ поддержкѣ парламентовъ противъ „покушеній" правительства [2]). Историческіе, а отчасти и кровные потомки *легистовъ*, поборниковъ государственности и монархическаго абсолютизма, превратились такимъ образомъ въ защитникомъ феодальныхъ переживаній, въ видѣ разнаго рода сословныхъ „привилегій и вольностей", и въ антагонистовъ королевской власти.

Сословно-дворянская тенденція парламентской магистатуры осложняется подъ часъ *тенденціей классово-землевладѣльческой* [3]), что опять-таки находитъ себѣ объясненіе въ существовавшей тѣсной связи магистратуры съ землевладѣльческимъ дворянствомъ, къ которому она сама, за незначительными развѣ исключеніями, принадлежала. Просматривая генеалогіи различныхъ парламентскихъ фамилій, на каждомъ шагу встрѣчаешь, на ряду съ должностнымъ ти-

---

[1]) Типичнымъ образчикомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить парламентская оппозиція противъ реформъ Тюрго, затрогивавшихъ дворянскія привилегіи.

[2]) Такъ, въ эпоху „парламентской революціи" въ маѣ 1788 г., провинціальное дворянство было въ первыхъ рядахъ защитниковъ парламентовъ. См., напримѣръ, *Bussière*, Etudes historiques sur la Révolution en Périgord, Bordeaux. 1885, t. II, p 9: „En Périgord et toute la Guyenne ce fut la noblesse qui mena la campagne contre les édits de mai (1788)". Объ аналогичномъ поведеніи нормандскаго дворянства въ тѣхъ же обстоятельствахъ: *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VI, p. 691.—Сравн. *Inventaire des archives departementales des Bouches-du-Rhône, C* 111: Remontrances de la Noblesse contre les édits de mai 1788, comme inconstitutionnels. Visite en corps aux membres du parlement et de la Cour des aides et du Bureau des finances.

[3]) Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи можетъ служить присужденіе парижскимъ парламентомъ къ сожженію книги Бонсера, одного изъ друзей и единомышленниковъ Тюрго, „О неудобствахъ феодальныхъ правъ", какъ „опасной" и „возмутительной" (*Flammermont*, Remontrances du parlement de Paris, Paris, 1898, t. III, p. 356).—Другой примѣръ—отрицательное отношеніе того же парламента къ августовскому эдикту 1779 г. объ освобожденіи крѣпостныхъ въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ (*Isambert*, Recueil des anciennes lois, t. XXVI, p. 139—141).—Эдиктъ этотъ былъ зарегистрованъ парламентомъ съ оговоркой: „Sans que lesdites dispositions du présent édit puissent nuire aux droits des seigneurs". — Сравн. *Roschach*, op. cit., t. XIII, p. 1325: „Les parlementaires étaient aussi pour la plupart seigneurs féodaux".

туломъ „президента", „совѣтника" парламента, счетной палаты и т. д., и сопровождающій его неизмѣнный, такъ сказать, подъ-титулъ: „сеньеръ такихъ-то и такихъ-то земель" [1]). Возможно, что за этими иногда очень широковѣщательными титулами „сеньеровъ токихъ-то и иныхъ земель" скрывалось подъ часъ—совершенно въ духѣ времени—гораздо болѣе претензій, чѣмъ реальнаго значенія въ смыслѣ размѣровъ и цѣнности самыхъ „сеньерій". На ряду съ крупными землевладѣльцами, въ средѣ магистратуры можно было насчитать немало и такихъ, для которыхъ ихъ „сеньеріи" служили скорѣе красивымъ придаткомъ къ ихъ дворянскому гербу, чѣмъ дѣйствительной основой матеріальнаго благосостоянія ихъ обладателей. Это послѣднее покоилось зачастую лишь на самой должности, сдѣлавшейся благопріобрѣтенной собственностью ея обладателя и семейнымъ достояніемъ фамилии [2]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и основою ея хозяйственнаго благосостоянія; и вотъ почему парламентскія фамиліи такъ ревниво оберегали это свое „фамильное достояніе" и старались всяческими способами, въ томъ числѣ и путемъ „разрѣшенія возраста", закрѣпить за собой обладаніе послѣднимъ. Впрочемъ, нормальнымъ и желательнымъ признавалось, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую пору, лишь то положеніе вещей, при которомъ должность не являлась единственнымъ источникомъ матеріальнаго обезпеченія ея обладателя [3]).

Благодаря отмѣченной плутократической тенденціи [4]), заложенной въ магистритурѣ со времени введенія продажности должностей, обусловленный послѣднею плутократическій характеръ сохранился у

[1]) Напримѣръ: Philippe-Auguste Morin d'Auvers, chevalier, conseiller au parlement de Normandie, seigneur, marquis d'Auvers, seigneur de Breteville, Varneville, Béautat, etc. (*Saint-Allais*, Nobiliaire universel de France, Paris, 1873, t. V, p. 92)

[2]) „. . . les charges sont devenues dans les familles de robe une espèce de patrimoine". См. выше, стр. 19, примѣч. 2.

[3]) См. выше, стр. 16.

[4]) Которая проглядываетъ подъ часъ и въ образѣ дѣйствій судебныхъ корпорацій. Такъ, по словамъ интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора, въ вопросѣ о реформѣ дорожной повинности въ бордоскомъ генеральствѣ, „les tribunaux de la Guyenne ayant pris part dans cette espèce de guerre entre les riches et les pauvres, s'étaient opposés avec chaleur à l'exécution du réglement" —*Dupré-de-Saint-Maur*, Mémoire improtant sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne, Bordeaux, 1784, in-4.—*Bibliotheque nat.*, Lf 93/21

нея и послѣ ея превращенія изъ „ротюрной“ въ дворянскую. „Плутократизмъ“ одворянившейся магистратуры выступаетъ особенно наглядно въ тѣхъ городахъ—а такихъ было большинство—, гдѣ не было сколько-нибудь развитой промышленной и торговой дѣятельности; въ нихъ судейскіе составляютъ обыкновенно не только наиболѣе вліятельный классъ по своему офиціальному положенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе зажиточный, иногда -- единственно зажиточный, элементъ населенія [1]) Высылка парламента изъ города Ренна въ 1771 г. вызвала настоящій экономическій кризисъ въ „столицѣ Бретани“; оказалось, что „съ высылкой всѣхъ зажиточныхъ потребителей, многіе обыватели покинули городъ, вслѣдствіе изсякновенія источниковъ къ существованію“ [2]). По случаю ссылки дижонскаго парламента въ 1788 г., правительство вынуждено было ассигновать въ распоряженіе мѣстнаго интенданта 18.000 ливровъ „на вспомоществованіе обывателямъ Дижона на время ссылки парламента“ [3]).

Необходимо впрочемъ замѣтить, что за отмѣченной выше заботливостью парламентскихъ корпорацій о хозяйственной благонадежности своихъ членовъ, кромѣ quasi-сословнаго тщеславія и нѣкоторой плутократической тенденціи, скрывались и другіе, болѣе почтенные мотивы. „Въ положеніи, гдѣ честь должна служить единственнымъ критеріемъ поведенія, надо имѣть возможность жить независимо отъ связанныхъ съ должностью доходовъ“ [4]).

Независимое въ экономическомъ смыслѣ положеніе, несмѣняемость благопріобрѣтенныхъ должностей, ихъ наслѣдственная передача изъ

[1]) *Archives nationales,* H 1436 (1775) („forment presque seuls la classe des citoyens aisés“).

[2]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine.* C 2696 (1772): „Tous les consommateurs riches sont exilés et un grand nombre des autres s'en bannissent volontairement faute d'y pouvoir subsister“.

[3]) *Archives nationales,* H 200, 3. Amelot, intendant de Dijon, à Necker, 18 décembre 1788: „On me demande de tous côtés des secours, mais je n'ai en ma disposition aucuns fonds à pouvoir y destiner, heureux d'avoir pu maintenir la tranquillité à Dijon jusqu' à ce moment avec le peu d'argent qui m'était resté *des 18.000 livres accordées au mois de juin 1788 pour le soulagement des habitants pendant l'exil du Parlement*“.

[4]) „Il faut, disait le procureur général du parlement de Rouen, dans un état où l'honneur seul doit conduire, pouvoir vivre indépendant des profits accessoires du travail qui ne doit influer sur rien“. — *De Bastard d'Estang,* op. cit., t. I, p. 134.

рода въ родъ, наконецъ—возникшій на почвѣ корпоративнаго устройства судебныхъ учрежденій и окрѣпшій благодаря указаннымъ благопріятнымъ условіямъ корпоративный духъ,—все это взятое вмѣстѣ создавало для магистратуры—и коллективно и индивидуально—совершенно исключительное по своей независимости и вліятельности положеніе. *Магистратура наложила свою печать на французскую монархію.* Если послѣдняя, несмотря на вѣковой прогрессивный ростъ королевской власти, не могла однако до конца развиться въ чистый монархическій абсолютизмъ, то это благодаря главнымъ образомъ развитію въ нѣдрахъ французской монархіи корпоративно организованнаго, экономически-обезпеченнаго, вліятельнаго въ соціальномъ и политическомъ отношеніи и независимаго отъ правительственнаго произвола могущественнаго „судебнаго сословія“ [1]). *Духъ независимости*, составляющій самую характерную черту моральной физіономіи французской магистратуры, отчасти, быть можетъ, унаслѣдованный ею отъ стараго дворянства, съ которымъ она была связана многими нитями, наложилъ свой отпечатокъ и на всю ту соціальную группу, которую мы условились объединять подъ названіемъ „государственнаго дворянства“, ядромъ котораго является парламентская магистратура. Если духомъ независимости проникнуты въ высокой мѣрѣ всѣ слои и элементы французскаго общества, въ особенности во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, то врядъ ли это явленіе не стояло въ связи съ ростомъ магистратуры и ея вліянія въ этомъ столѣтіи. Вообще, французская магистратура наложила свой отпечатокъ на всю націю; ниже мы увидимъ, въ какой мѣрѣ ея вліяніе отразилось на администраціи въ лицѣ интендантовъ.

Сравн. *A. de Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, Paris, 1856, p. 178: „Nous étions devenus un pays de gouvernement absolu par nos institutions politiques et administratives mais nous étions restés un peuple libre par nos institutions judiciaires“.—Сравн. его же Mélanges. Paris, 1865, p. 118: „Cette magistrature, toute vicieuse qu'elle était, avait cependant un mérite, que les tribunaux mieux constitués de nos jours ne possèdent pas toujours. Les juges étaient indépendants. Ils rendaient la justice au nom du prince, mais non suivant ses volontés. Ils n'obéissaient pas à d'autres passions que les leurs“.—Токвиль впервые ярко освѣтилъ эту сторону дѣла, хотя еще до него она была отмѣчена *Raudot*, la France avant la Révolution. Paris. 1841, p. 112: „Ces puissantes institutions (judiciaires) qui. . contribuèrent plus qu'on ne pense à faire des peuples de la France non seulement une nation riche et industrieuse, par la sécurité qu'elles assuraient au travail et au commerce, mais

IV.

Къ парламентской или судебной магистратурѣ, какъ главному ядру „государственнаго дворянства“, примыкаютъ, съ одной стороны—*городовая магистратура*, съ другой—*денежная знать*.

Городовая магистратура [1]), исходя первоначально изъ совершенно другого источника, чѣмъ магистратура судебная или парламентская (источникомъ послѣдней было королевское назначеніе, источникомъ первой—избраніе согражданъ), въ позднѣйшую пору стараго порядка настолько сблизилась съ судебной магистратурой, что грань, ихъ раздѣлявшая, становится подъ конецъ едва уловимой, такъ какъ должности по городскому управленію, должности меровъ, скабиновъ, совѣтниковъ, консуловъ и т. д. [2]), соединявшія въ своихъ аттрибутахъ функціи администратора и судьи, превратились во множествѣ случаевъ, начиная съ конца семнадцатаго вѣка, въ такія же продажныя и наслѣдственныя *offices à finance*, какъ и—раньше ихъ—должности судебной магистратуры [3]). Въ усугубленіе сходства съ послѣдней, *городовая магистратура точно также постепенно одворянивается*, благодаря тому, что многія изъ муниципальныхъ должностей были связаны съ привилегіей—сообщать своимъ обладателямъ наслѣдственное дворянство [4]). Наконецъ, въ довершеніе ана-

---

une nation juste, loyale, aussi fidèle qu'impatiente de la tyrannie. Ce fut une des grandes causes qui firent du royaume de France, malgré le gouvernement absolu érigé insensiblemet en principe, une monarchie tempérée“.

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. V, p. 665: „Les prévôts des marchands, maires et échevins et autres juges municipaux, qui reçoivent divers noms en quelques provinces, sont aussi regardés comme *magistrats*“.

[2]) См. выше, т. I, стр. 496—497.

[3]) Тамъ же, стр. 512 и далѣе.

[4]) „*Noblesse de mairie*, ou *de privilège* est celle qui vient de la fonction de maire, ou autre office municipal, qui a été rempli par celui qui se prétend noble, ou par quelqu' un de ses ancêtres en ligne directe masculine, dans une ville où l'exercice des charges municipales donne la noblesse, comme à Paris, à Lyon, à Poitiers, etc.“—*Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p. 132.—Кромѣ поименованныхъ въ приведенной цитатѣ Парижа, Ліона и Пуатье, можно указать еще на Туръ, Буржъ, Анжеръ, Ла-Рошель, Аббевилль, Ангулэмъ. — *Babeau*, la Ville sous l'Ancien régime, Paris, 1884, t. I, p. 188.—Замѣтимъ, что Неккеръ, говоря о должностяхъ, связанныхъ съ дворянскимъ званіемъ, обходитъ молчаніемъ муниципальныя должности (см. выше, стр. 17, примѣч. 2).

логіи съ судебной магистратурой, многія изъ городскихъ должностей сдѣлались въ позднѣйшую пору исключительнымъ удѣломъ лицъ дворянскаго происхожденія [1]).

Сблизившись на почвѣ продажности должностей, ихъ наслѣдственности и наконецъ—отчасти—пріобщенія къ дворянскаму сословію, городовая магистратура, хотя и многочисленная [2]), но черезчуръ раздробленная на множество мѣстныхъ мірковъ, съ ихъ особыми интересами, не успѣла сплотиться и обособиться въ нѣчто похожее на особое „сословіе“, и вполнѣ естественно тяготѣла къ болѣе сильной корпоративнымъ духомъ и quasi-сословной сплоченностью судебной магистратурѣ, съ которой она имѣла въ позднѣйшую пору такъ много общаго и по своему правовому и по своему соціальному положенію. Вотъ почему не смотря на довольно обычное соперничество между городскими управленіями съ одной стороны и мѣстными судебными корпораціями съ другой, между обѣими магистратурами—судебной и городовой—существовала въ дѣйствительности глубокая солидарность, которая проявлялась особенно наглядно въ критическія эпохи, въ родѣ „парламентской революціи“ 1771 г. [3]).

Взаимная солидарность обѣихъ магистратуръ была тѣмъ естественнѣе, что между ними существовали многочисленныя фамильныя связи [4]), и въ средѣ парламентской магистратуры было

---

[1]) Напримѣръ, должность „купеческаго старшины“ (prévôt des marchands) въ Парижѣ (титулъ равносильный меру), должность двухъ изъ шести „присяжныхъ“ (jurats) въ Бордо. Къ сожалѣнію, муниципальная исторія старой Франціи мало разработана, не смотря на обиліе монографической литературы (въ огромномъ большинствѣ—чисто любительской и не представляющей научной цѣнности), и въ частности отмѣченная здѣсь сторона дѣла остается мало выясненной (у Бабо, напримѣръ, она затронута лишь вскользь).

[2]) Численность ея однако нельзя опредѣлить даже и приблизительно при современномъ состояніи разработки муниципальной исторіи „стараго порядка“.

[3]) См., напримѣръ, *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VI, p. 658 (supplique et lettre des maire et échevins de Rouen au roi pour demander le rétablissement du parlement); p. 661 (lettre affectueuse de regret adressée par les maire et échevins de Rouen à Miromesnil, exilé dans sa terre de Bretteville).

[4]) Конкретные примѣры можно найти въ изобиліи, напримѣръ, въ многотомномъ Dictionnaire de la noblesse par *Lachenaye-Desbois*, на который намъ придется еще не разъ ссылаться.

въ позднѣйшую пору немало фамилій, вышедшихъ изъ нѣдръ магистратуры городовой [1]).

V.

Извѣстный плутократизмъ, отмѣченный нами въ судебной магистратурѣ и не чуждый, въ силу аналогичныхъ условій, магистратурѣ городовой, еще нагляднѣе выступаетъ въ другомъ примыкающемъ къ судебной магистратурѣ элементѣ „государственнаго дворянства". Этотъ элементъ – *финансовая знать*, *финансисты* (*financiers*, или собирательно—*la finance*) [2]).

Этимъ именемъ обозначали верхній, сравнительно немногочисленный слой многочисленной арміи профессіональныхъ агентовъ фиска [3]). Главный штабъ этой арміи составляли двѣ группы „финансистовъ": *receveurs généraux* и *fermiers généraux*. Первые—мы условимся называть ихъ *податными директорами*—были, въ числѣ сорока восьми, высшими областными агентами фиска, сосредоточивав-

[1]) Напримѣръ, изъ трехъ парламентскихъ фамилій восемнадцатаго вѣка, *Bertrand de Molleville*, *Depont* и *Lepelletier*, первая ведетъ свое начало отъ одного изъ тулузскихъ „капитуловъ" шестнадцатаго вѣка, вторая—отъ одного мера города Ла-Рошели тринадцатаго вѣка (фамилія, возведенная въ дворянское званіе въ шестнадцатомъ вѣкѣ), послѣдняя –отъ одного мера города Ле-Манъ шестнадцатаго вѣка.

[2]) *Necker*, op. cit., t. 122: „On donne le nom de *financiers* en France aux différentes personnes qui sont chargées du recouvrement des revenus publics, soit comme receveurs, soit comme fermiers, soit comme régisseurs; et l'on comprend encore sous la même dénomination les trésoriers qui payent les dépenses de l'Etat, les banquiers de la cour qui remplissent le service des affaires étrangères et les diverses personnes qui moyennant un droit de commission, font des avances sur la rentrée plus ou moins éloignée des impositions" — *Encyclopédie méthodique, Finances*, t. 203: „*Financier* Homme qui manie les finances c'est-à-dire les deniers du roi En géenral, on donne ce nom à toute personne connue pour être intéressée dans les fermes, régies, entreprises, ou affaires qui concernent les revenus du roi"

[3]) Общую совокупность лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ тѣмъ многообразнымъ и многосложнымъ операціямъ, при помощи которыхъ ежегодно сколачивались изъ скромныхъ ливровъ, убогихъ су и жалкихъ денье тѣ 400—500 милліоновъ, которые составляли годовой доходъ королевской казны, Неккеръ вычисляетъ въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ; исключая изъ этого числа всѣхъ мелкихъ агентовъ фиска, исполнявшихъ свою должность не въ силу профессіи, а въ силу повинности, Неккеръ получаетъ

шими въ своихъ рукахъ, каждый въ своемъ округѣ [1]), всѣ казенныя поступленія по статьямъ, не сданнымъ на откупъ (прямые налоги). Это не были однако чиновники въ современномъ значеніи слова, такъ какъ должности податныхъ директоровъ были, подобно должностямъ судебнымъ, продажными и наслѣдственными. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, функціи ихъ не исчерпывались ролью передаточнаго этапа для казенныхъ поступленій въ ихъ движеніи изъ кассъ податныхъ инспекторовъ (receveurs patriculiers, receveurs des tailles) [2]) въ королевскую казну, такъ какъ податные директора обязаны были, кромѣ того, вносить въ казну по одному милліону ливровъ ежемѣсячно [3]). Это обязательство, равно какъ и очень высокая стоимость должности податного директора [4]), дѣлали ее доступной лишь людямъ съ очень крупнымъ состояніемъ.

Еще болѣе крупныя состоянія необходимо были связаны съ званіемъ *fermiers généraux, государственныхъ откупщиковъ*. Это была компанія изъ сорока [5]) крупныхъ капиталистовъ, которой казна сдавала на откупъ всѣ косвенные налоги. Компанія вносила въ казну девяносто милліоновъ залога и обязывалась вносить ежегодно авансомъ, въ нѣсколько сроковъ, опредѣленную сумму, размѣры которой опредѣлялись посредствомъ періодическихъ—черезъ каждыя шесть лѣтъ торговъ [6]); послѣдніе имѣли впрочемъ совершенно фиктивный характеръ, въ виду фактической невозможности для кого бы

цифру въ 35.000, опредѣляющую число профессіональныхъ агентовъ фиска.— *Necker*, De l'Administration des finances de la France, t. I, p. 194 et 197.

[1]) На каждый округъ было по два директора, но они функціонировали не совмѣстно, а поочереди, черезъ годъ. Частный случай созданія лишнихъ должностей въ фискальныхъ видахъ.

[2]) Ихъ было двѣсти четыре, и должности ихъ были точно также продажно-наслѣдственныя.—Сравн. выше, т. I, стр. 432.

[3]) О податныхъ директорахъ и инспекторахъ, *Necker*, op. cit., t I, p. 96 et suiv.

[4]) Всѣ 48 должностей стоили въ совокупности 36 милліоновъ ливровъ.

[5]) Первоначальное число государственныхъ откупщиковъ, сорокъ, было увеличено въ 1756 г. до шестидесяти, но затѣмъ, въ 1780 г., Неккеръ снова сократилъ эту цифру до сорока, выдѣливъ изъ откуповъ часть казенныхъ статей, которыя были организованы въ видѣ *régie*; это была другая компанія, операціи которой были поставлены въ болѣе тѣсную зависимость отъ генеральнаго контроля.— *Necker*, op. cit.. t. I, p. 140—14..

[6]) Въ 1774 г., сумма эта равнялась 162 милліонамъ ливровъ.— *Emm. Besson*, Fermiers généraux (*Grande Encyclopédie*, t XVII, p. 292—296).

то ни было выступить конкуррентомъ столь мощной въ финансовомъ отношеніи компаніи, имѣвшей къ тому же сильныхъ покровителей въ правительственныхъ и придворныхъ кругахъ [1]) и сильной своими связями въ средѣ высшей аристократіи, съ большою готовностью, хотя и не безъ гримасъ, принимавшей въ свою среду невѣстъ съ милліонными придаными и жениховъ съ милліонными состояніями изъ дочерей и сыновей „ротюрной" денежной знати [2]).

Легко понять, почему эти „сорокъ плебейскихъ королей", какъ прозвали откупщиковъ съ легкой руки Вольтера, крѣпко держались за свои „мѣста", приносившія каждому изъ нихъ около трехсотъ тысячъ годового дохода [3]); каждый изъ нихъ старался заранѣе обезпечить столь теплое «мѣсто» за своимъ сыномъ, или вообще ближайшимъ родственникомъ [4]). А такъ какъ человѣку, располагающему ежегоднымъ доходомъ въ триста тысячъ, было вообще не трудно добиться того, чего онъ желалъ, то компанія откуповъ превратилась фактически въ замкнутую наслѣдственную корпорацію, куда лишь рѣдко и съ трудомъ удавалось проникать „новымъ людямъ".

Всего ближе группа государственныхъ откупщиковъ, по своему соціальному положенію, стояла конечно къ податнымъ директорамъ, которые вербовались по большей части въ нѣдрахъ тѣхъ же или близкихъ къ нимъ фамилій, въ рукахъ которыхъ находились откупа. Эти двѣ группы составляли вмѣстѣ до извѣстной степени однородную и

[1]) Многія вліятельныя лица, до принцевъ королевскаго дома (и фаворитокъ при Людовикѣ XV) включительно были заинтересованы въ доходахъ компаніи при помощи нѣкоторыхъ операцій, представлявшихъ собою по существу не что иное, какъ замаскированныя взятки. Такія лица носили характерное названіе *прихвостней* (*croupiers*)..

[2]) Самуилъ Бернаръ, извѣстный банкиръ при Людовикѣ XIV, женился на дѣвицѣ изъ аристократической фамиліи, и его внучки носили уже имена изъ числа наиболѣе громкихъ среди дворянской аристократіи. Сентъ-Аманъ, одинъ изъ откупщиковъ при томъ же Людовикѣ XIV, выдалъ свою дочь за маркиза де-Гриньянъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ матримоніальныя связи между аристократическими и „финансовыми" фамиліями сдѣлались еще болѣе обычнымъ явленіемъ.—*Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs etc., édition Lescure, p. 120; *d'Argenson*, Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France, Amsterdam, 1764, p. 182: „La noblesse est ruinée jusqu' à ne pouvoir plus subsister que par des mésalliances".

[3]) По вычисленію Бессона (см. примѣч. 6 на предыдущей страницѣ).

[4]) *D'Argenson*, Journal et Mémoires, édition Rathéry, t. VII, p. 82: „Aujourd' hui les fils ont la survivance des pères pour les places de finance."

связанную нѣкоторою внутреннею солидарностью соціальную величину, которую можно назвать *денежною знатью*, или—пожалуй—*финансовой магистратурой*—по аналогіи съ двумя другими видами магистратуры судебной и городовой. Аналогія состоитъ, какъ мы видѣли, во-первыхъ, —въ денежной основѣ, которая является общею для всѣхъ трехъ „магистратуръ", во-вторыхъ—въ корпоративномъ духѣ, и въ-третьихъ—въ наслѣдственности должностей и положеній: все черты общія всѣмъ тремъ отмѣченнымъ видамъ „магистратуръ".

Наконецъ, то, что, быть можетъ, всего болѣе роднило между собою всѣ три „магистратуры", это, вмѣстѣ съ общностью ихъ происхожденія изъ нѣдръ третьяго сословія, ихъ не менѣе общая тенденція къ „одворяненію", съ тою лишь разницею, что въ собственной магистратурѣ (судебной и городовой) это стремленіе къ „одворяненію" осуществлялось въ силу присущей должностямъ привилегіи, въ финансовой же quasi-магистратурѣ аналогичный результатъ достигался либо покупкой грамоты на дворянство (lettres de noblesse) [1]), либо пріобрѣтеніемъ одной изъ многочисленныхъ должностей *королевскихъ секретарей* (*secrétaires du roi*); эти въ сущности сдѣлавшіяся совершенно фиктивными „должности", число которыхъ возрасло къ концу стараго порядка до девятисотъ, имѣли своимъ назначеніемъ удовлетворять, съ пользою для королевской казны, тщеславіе тѣхъ людей изъ „третьяго сословія", которымъ расходъ въ сто двадцать тысячъ ливровъ не представлялся чрезмѣрнымъ, разъ дѣло шло о пріобрѣтеніи должности, дававшей, вмѣстѣ съ почетнымъ титуломъ, и наслѣдственное дворянство [2]).

VI.

При такомъ положеніи дѣла представляется совершенно естественнымъ фактъ постояннаго взаимнаго обмѣна своими элементами между всѣми тремя „магистратурами". Что касается такого обмѣна между магистратурами судебной и городовой, то онъ уже былъ от-

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p 129

[2]) *Necker*, op. cit , t. III, p. 146.—Случалось нерѣдко. что и дворяне, изъ захудалыхъ конечно фамилій, не пренебрегали случаемъ, если такой представлялся, вступить въ ряды финансовой знати. Таковъ Léonard du Cluzel, изъ старой дворянской фамиліи, сдѣлавшійся, въ первой половинѣ XVIII в., при помощи вліятельныхъ друзей, одвимъ изъ откупщиковъ.—*Dumas*, la Généralité de Tours au XVIII siècle, Paris, 1894, p. 12.

мѣченъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь мы можемъ отмѣтить подобное же явленіе въ отношеніи къ финансовой знати. Дѣйствительно, съ одной стороны—собственная магистратура (въ особенности парламентская) выдѣляетъ изъ себя извѣстные элементы въ финансовую знать [1]), съ другой—что гораздо обычнѣе—она воспринимаетъ въ себя элементы, выдѣлившіеся изъ послѣдней [2]).

Подобная инфильтрація „финансовъ“ въ „магистратуру“ замѣчается уже въ началѣ семнадцатаго вѣка; однако потребовалось нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ эта новая струя въ магистратурѣ слилась съ старыми элементами послѣдней [3]). Но ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка связанныя съ отмѣченнымъ явленіемъ внутреннія противоположности въ нѣдрахъ магистратуры сглаживаются; сглаживаются вообще различія и противоположности между различными элементами, изъ которыхъ слагалась постепенно та обширная соціальная группа, которую мы условились называть государственнымъ дворянствомъ.

Дворянствомъ эта разнородная по своему происхожденію и составу группа можетъ быть названа въ силу присущаго ей, какъ мы видѣли, извѣстнаго quasi-сословнаго аристократизма, равно какъ и въ силу фактическаго пріобщенія ея къ тому общественному слою, который носилъ въ узучаемую нами эпоху названіе дворянскаго сословія (ordre de la noblesse); *государственнымъ* же это новое дворянство, въ отличіе отъ стараго *феодальнаго*, можетъ быть названо не только потому, что оно сложилось на почвѣ смѣнившаго феодализмъ государственнаго строя, но также и потому, что *изъ его среды выходятъ тѣ элементы, которые служатъ органами новой государственности*, и потому что *функціи послѣдней сдѣлались нѣкоторымъ образомъ наслѣдственнымъ достояніемъ этого новаго quasi-сословія*. Послѣднее относится прежде всего къ тѣмъ функціямъ, которыя связаны съ тремя „магистратурами“—судебной, городовой

[1]) Для примѣра укажемъ на парламентскую фамилію Caze de la Bove, давшую также нѣсколькихъ откупщиковъ.—*Lachenaye-Desbois*, Dictionnaire de la noblesse. t. IV, p. 896 et suiv.

[2]) Знаменитый „президентъ Hénault“ былъ сыномъ откупщика. Другіе аналогичные примѣры можно найти въ цитированномъ выше генеалогическомъ трудѣ (см. предыдущее примѣчаніе).

[3]) Объ отрицательномъ отношеніи представителей старыхъ парламентскихъ фамилій къ „выскочкамъ“ изъ финансовыхъ фамилій въ XVII в. см. *Mailfait*, Omer Talon, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1902, p. 2—3.

и финансовой. Это мы уже видѣли, но этимъ дѣло не ограничивается, такъ какъ въ средѣ того же „сословія“, какъ мы сейчасъ увидимъ, вербуются, въ изучаемую нами эпоху, и административные органы государства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова: министры—въ центрѣ, интенданты—въ области.

По общераспространенному представленію, администрація, какъ центральная, такъ и областная, была въ строй Франціи со времени Людовика XIV главнымъ образомъ и чуть ли не исключительно удѣломъ „ротюрной“ буржуазіи, и что какъ министры, такъ и интенданты вербовались главнымъ образомъ въ средѣ „третьяго сословія“.

Въ видахъ провѣрки этого общепринятаго представленія, пишущій эти строки сдѣлалъ попытку собрать генеалогическія данныя по возможности о всѣхъ министрахъ и интендантахъ, дѣятельность которыхъ относится къ царствованію Людовика XVI. Благодаря любезному содѣйствію многихъ лицъ, частью спеціально занимающихся французскою генеалогіей, частью такихъ, которыя имѣли возможность доставить мнѣ интересующія меня свѣдѣнія въ силу спеціальныхъ обстоятельствъ [1]), мнѣ удалось выполнить поставленную задачу, съ незначительными лишь пробѣлами. Результатъ предпринятой мною enquête получился очень интересный. Оказывается, что какъ министры Людовика XVI, такъ и провинціальные интенданты были всѣ безъ исключенія дворянами,—дворянами не въ силу пожалованія или личнаго служебнаго положенія, а въ силу наслѣдованія—отъ отца, дѣда или другого, часто очень отдаленнаго предка. Оказывается, что *отмѣченное выше представленіе, вѣрное относительно времени Людовика XIV, совершенно невѣрно относительно времени Людовика XVI: для этой послѣдней поры оно является совершеннымъ анахронизмомъ.* Дѣло въ томъ, что, если семнадцатый вѣкъ былъ настоящимъ „царствомъ подлой буржуазіи“ (règne de la vile bourgeoisie), по энергичному выраженію Сенъ-Симона, то *въ теченіе восемнадцатаго вѣка администрація успѣла точно такъ же одворяниться, какъ одворянилась магистратура,*—и это въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, такъ какъ *административный персоналъ вербовался, какъ оказывается, въ той же соціальной средѣ, что и магистратура съ ея развѣтвленіями;* это та среда, которую мы условились выше называть „государственнымъ дворянствомъ“, между прочимъ и потому, что

[1]) Лица эти будутъ поименованны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (въ примѣчаніяхъ)

входившіе въ составъ послѣдняго элементы, хотя и вышедшіе въ огромномъ большинствѣ изъ нѣдръ третьяго сословія, сдѣлались, въ силу отмѣченной выше метаморфозы, составною частью дворянскаго сословія.

Мы остановимся болѣе обстоятельно на интендантахъ, относительно же министровъ органичимся лишь самыми общими результатами нашей enquête.

Изъ тридцати шести лицъ, которыя стояли въ различное время во главѣ различныхъ министерствъ въ царствованіе Людовика XVI, въ теченіе періода отъ момента вступленія его на престолъ до открытія генеральныхъ штатовъ въ маѣ 1789 г., мы не находимъ, какъ уже сказано, ни одного не-дворянина, за исключеніемъ конечно „женевскаго гражданина"; но что касается ихъ дворянскаго достоинства то оно оказывается далеко не одинаково происхожденія и качества. Хотя среди нихъ можно насчитать нѣсколько лицъ, могущихъ претендовать на принадлежность свою къ „высшему дворянству" (la haute noblesse) [1]), но это не значитъ, чтобы по происхожденію своему они принадлежали къ исконному, „незапамятному" дворянству феодальному (*noblesse immémoriale, irréprochable,* также *noblesse de nom et d'armes*) [2]), такъ какъ принадлежность къ „высшему дворянству", въ изучаемую нами эпоху, обусловливалась не столько древностью рода, сколько близостью ко двору [3]). Такія лица,

[1]) *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, Nr. 153. Extrait de l'Etat politique de la France, ms. de 1777: „La haute noblesse, dont l'origine se perd dans la nuit des temps et qui a soutenu le titre de son antiquité par des possessions honorables, telles que les pairies, les duchés simples, les grandes charges de la couronne, et d'autres dignités prééminentes".

[2]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p. 127: „*Noblesse immémoriale* ou *irréprochable* est celle dont on ne connaît point le commencement, et qui remonte jusqu'au temps de l'établissement des fiefs; c'est pourquoi on l'appelle aussi *féodale*; on l'appelle aussi *irréprochable*, parce qu'elle est à couvert de tout reproche ou soupçon d'annoblissiment".—Ibidem, p. 133: „*Noblesse de nom et d'armes*, est la noblesse ancienne et immémoriale, celle qui s'est formée en même temps que les fiefs furent rendus héréditaires, et que l'on commença à user des noms de famille et des armoiries".—Срв. *Saint-Allais*, Nobiliaire universel de France, Paris, 1823, t. IV, p. 13 („leur noblesse est aussi ancienne que leur nom").

[3]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p. 127; „*Noblesse haute*, il n'est pas aisé de définir aujourd'hui si ce titre dont tant de gens se parent dans le royaume, consiste dans une noblesse si ancienne que l'origine en soit

какъ герцогъ д'Эгильонъ, военный министръ, затѣмъ иностранныхъ дѣлъ въ 1771—1774 годахъ [1],—какъ маркизъ де-Кастрисъ, морской министръ 1780—1787 гг. [2],—какъ маркизъ де-Сегюръ, военный министръ въ 1780—1787 гг. [3],—какъ де-Монморэнъ, морской министръ, потомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1787—1789 гг. [4], какъ графъ де-Бріеннь, военный министръ въ 1787—1788 гг., и его болѣе знаменитый старшій братъ, архіепископъ Ломени-де-

inconnue, ou dans des dignités actuelles qui supposent, mais qui ne prouvent pas toujours une véritable noblesse"

[1]) Emmanuel-Armand de Vignerot du Plessis Richelieu, duc d'Aiguillon et d'Agenois, pair de France, род. 31-го іюля 1720 г., ум. 1-го сентября 1788 г.— „La famille de Vignerot est originaire du Poitou et remonte à Jean Vignerot qui vivait en 1475. René de Vignerot, chevalier, seigneur du Pont, Courlay et de Glenay épousa, le 29 août 1603, Jeanne du Plessis, soeur du cardinal de Richelieu. Marie-Madeleine de V., leur fille, fut créée duchesse d'Aiguillon". (Сообщено генеалогомъ г. Pedrelli)

[2]) Charles-Eugène-Gabriel de la Croix, marquis de Castries, maréchal, род. 25-го февраля 1727 г., ум. 11-го января 1801 г.—„La Croix de Castries, ducs de C., marquis de C., comtes de C. et de Gourdièges, vicomtes de Sémoine, barons de Gourdièges, de Mairargues, de Colias, etc. Famille originaire du Languedoc et répandue dans l'Ile-de-France, en Limousin, en Champagne, etc., qui remonte sa filiation à Jean de la Croix, chevalier, qui vivait en 1424, père de Jean de la Croix, baron de Castries... Cette famille a donné un ministre d'Etat, un pair de France, un maréchal de France, des lieutenants généraux, des maréchaux de camp, des capitaines et des lieutenants de compagnies d'hommes d'armes, des lieutenants généraux de Languedoc, de Lyonnais, de Forez, etc." (Pedrelli).

[3]) Philippe-Henri, marquis de Ségur seigneur de Ponchat et de Fougueyrolles, baron de Romainville, род. 20-го января 1724 г., умеръ 30-го октября 1801 г. (Pedrelli).—„De Ségur Rauzan, maison d'ancienne chevalierie, qui tient un rang distingué parmi les plus considérables de l'ancienne Aquitaine, tant par l'antiquité de son origine, remontée à plus de six siècles, que par ses emplois et ses illustrations" (*Saint-Allais*, Nobiliaire universel de France, Paris, 1826, t. XVI, p. 371).

[4]) Armand-Marc de Montmorin, comte de Saint-Hérem, seigneur de la Barge, etc., род. 13-го октября 1746 г., погибъ жертвой „сентябрьскихъ убійствъ", 2-го сентября 1792 г.—„Montmorin, marquis de Clamecy, barons du Broc, seigneurs de Montmorin, Auzon, Rillac, Massiac", etc. „Sans remonter, d'après plusieurs auteurs, avec la filation, à Caliste de M., vivant sous le roi Lothaire en 954, il faut cependant avouer que cette famille devait être très ancienne, puisque l'on trouve, dès 1312, Hugues de M., chanoine des chapitres de Brioude, où l'on demandait des preuves de noblesse pour être reçu" (Pedrelli).

Бріеннъ, министръ финансовъ въ тѣхъ же годахъ [1]),—какъ графъ де-ла-Люзернъ, морской министръ въ 1787—1789 гг. [2]),—какъ графъ де-Пюнсегюръ, военный министръ въ 1788—1789 гг. [3]),—какъ графъ де-Сенъ-Жерманъ, военный министръ въ 1775—1777 гг. [4]),—каждое изъ этихъ лицъ могло, съ большимъ или меньшимъ правомъ, претендовать на принадлежность свою къ „высшему дворянству“; тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ Сегюра, Ла-Люзерна и Пюнсегюра, дворянское родословіе которыхъ восходило съ большею или меньшею несомнѣнностью къ эпохѣ, предшествовавшей всякимъ anoblissements [5]), принадлежность остальныхъ къ стариннымъ феодальнымъ дворянскимъ родамъ могла имѣть за себя лишь нѣкоторую вѣроятность, въ виду сравнительной древности ихъ фамилій и ихъ исконной связи съ военной службой, но не исключала въ то же время и возможности происхожденія этихъ фамилій отъ *anoblis*, такъ какъ родословія ихъ восходятъ уже къ четырнадца-

[1]) Louis-Marie-Athanase de Loménie, comte de Brienne, род. 20-го апрѣля 1730 г., казненъ 10-го мая 1794 г. по приговору парижскаго революціоннаго трибунала (Pedrelli).—Etienne-Charles de Loménie de Brienne, род. 9-го октября 1727 г., ум. 16-го февраля 1794 г.—„Loménie de Brienne, marquis et comtes de B. et de Montbron, vicomtes des Planches, barons du Parc, de Pougy et de Boussac, seigneurs de Lambaudie, etc. Jean de Loménie, seigneur de Lambaudie, vivant au XV siècle, fut père de Geraud et de Gauthier de L., qui ont fait souche. De Geraud sont issus les rameaux: de Lambaudie, de Faye, éteint en 1690, après avoir été maintenue dans sa noblesse en 1667, etc.“ (idem).

[2]) César-Henri, comte de la Luzerne, marquis de Beuzeville, род. 23-го февраля 1737 г., ум. 29-го марта 1799 г. въ Австріи.—„La Luzerne, marquis de Beuzeville et de Brevans, comtes de Beuzeville, seigneurs de la Luzerne, Pirou, Ver, Percy, Soulles, etc., famille de Normandie, d'ancienne chevalerie, maintenue dans sa noblesse en 1463 par Mantfaut et en 1666 par Chamillart, dont la filiation que donne la Chesnaye des Bois, remonte à Guillaume, seigneur de la Luzerne, qui vivait en 1233“ (Idem).

[3]) Pierre-Louis de Chastenet, comte de Puységur, seigneur de Barrast etc., род. 30-го декабря 1727 г., ум. 15-го октября 1807 г.—„Chastenet de Puységur, seigneurs de Harouard, de Suarez, d'Aulan, de Clérel, de Tocqueville“, etc. „La famille de Chastenet ou Châtenet remonte sa filiation à Pierre, seigneur de Ch., qui vivait en 1186“ (idem).

[4]) Robert, comte de Saint-Germain, „né à Lons-le-Saunier, en Franche-Comté, en 1708, d'une famille noble et ancienne“ (*Chaudon et Delandine*, Nouveau dictionnaire historique, Lyon, 1804, t. XI, p. 34).

[5]) Первые зачатки которыхъ относятся ко второй половинѣ тринадцатаго вѣка.

тому (Монморэнъ) и пятнадцатому столѣтіямъ (остальные), то-есть къ эпохѣ, когда практика anoblissements, хотя и не получила еще широкаго развитія, успѣла уже однако пустить прочные корни. Можно поэтому предполагать, что въ числѣ фамилій, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣются такія, дворянство которыхъ связано либо съ королевскимъ пожалованіемъ, либо съ магистратурой. Изъ остальныхъ министровъ Людовика XVI по крайней мѣрѣ двадцать принадлежатъ, по своему происхожденію, къ одворянившейся магистратурѣ послѣднихъ четырехъ столѣтій; за исключеніемъ фамиліи Ламуаньонъ [1]), къ которой принадлежали Мальзербъ, министръ королевскаго дома въ 1775—1776 годахъ [2]), и Ламуаньонъ, его двоюродный братъ, хранитель печатей въ 1787—1788 г. г. [3]), и родословная нить которой можетъ быть прослѣжена до тринадцатаго вѣка [4]),—древность остальныхъ магистратскихъ фамилій, къ которымъ принадлежатъ министры Людовика XVI, не идетъ далѣе пятнадцатаго вѣка. Къ этому вѣку принадлежатъ фамиліи, изъ которыхъ вышло четыре генералъ-контролера: Тюрго (1774—1776) [5]), де-Клюньи (1776) [6]), Жоли-де-Флери (1781—1783) [7]) и Лефевръ д'Ормессонъ

[1]) Lamoignon, marquis de Basville et de la Mothe, comtes de Launay-Courson et de Montrevau, seigneurs de Lamoignon, Mannay, Nannay, Chasnay, etc.—„Les titres analysés par l'abbé de Marolles et par Dom Béthencourt prouvent l'ancienneté de la noblesse de cette famille, dont la filiation remonte à Guillaume, seigneur de Lamoignon, Mannay, Chasnay en Nivernais, chevalier qui vivait au XIII siècle" (Pedrelli).

[2]) Chrétien-Guillaume de Lamoignon de Malesherbes, сынъ перваго президента парижской палаты пошлинъ и канцлера Франціи, род. 6-го декабря 1721 г., казненъ 22-го апрѣля 1794 г. по приговору парижскаго революціоннаго трибунала.

[3]) Chértien-François de Lamoignon, р. въ 1735, ум. въ 1789 т.

[4]) Возможно, что фамилія эта вела свое начало отъ какой-либо старинной дворянской фамиліи феодальнаго происхожденія, которая въ силу какихъ-либо обстоятельствъ оставила „шпагу" ради „мантіи". Подобные случаи, хотя и рѣдкіе, не представляли собою чего-либо необычнаго. Сравн. выше, стр. 30, прим. 2.

[5]) См. о немъ ниже, стр. 42.

[6]) См. о немъ ниже, стр. 47.

[7]) Jean-François Joly le Fleury de la Valette, род. 8-го іюня 1713 г, ум. 13-го декабря 1802 г.—„Famille originaire de Bourgogne, où elle a occupé longtemps les premières places du Parlement et de la Chambre des comptes, lorsqu'une de ses branches vint s'établir à Paris vers la fin du XVI siècle. Paillot et Moreri parlent de cette famille et disent qu'elle est très an-

(1783) [1]). Къ шестнадцатому вѣку восходятъ родословныя слѣдующихъ министровъ: Амело, министра королевскаго дома въ 1776—1783 г.г. [2]), барона де-Бретёйль, преемника Амело въ томъ же министерствѣ [3]),—графа дю-Мюи, военнаго министра въ 1774—1775 г.г. [4]), графа—де-Верженнія, министра иностранныхъ дѣлъ въ 1774—1787 г.г. [5]),—де-Мопу, канцлера въ 1768—1774 г.г. [6]),—князя

—

cienne et illustre dès le temps des ducs de Bourgogne" (Lachenaye-Desbois).—„Elle a donné des greffiers en chef, des conseillers et des présidents au Parlement de Dijon, des conseillers au Grand conseil, des avocats généraux, des procureurs généraux, des conseillers et des présidents au Parlement de Paris, des conseillers d'Etat, un chancelier des ordres du roi, un directeur (lisez: *contrôleur*) général des finances, etc". (Pedrelli). Министръ Жоли-де-Флери насчитывалъ немало близкихъ и дальнихъ родственниковъ въ средѣ парижскаго парламента.—*Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 85

[1]) Henri-François Lefèvre d'Ormesson, род. 8-го марта (мая?) 1751 г., ум. въ 1807 г. „Le Fèvre d'Ormesson, marquis d'Ormesson, comtes d'Eaubonne barons de la Queue, seigneurs d'Ormesson, Eaubonne, Lezeau, Jermigny, Lincourt etc. Cette famille, qui a pour auteur Jean le Fèvre, commis de la chancellerie du parlement de Paris, secrétaire du roi (fils d'Adam le Fèvre, et de Charlotte de Soyecourt, mariés en 1450), a formé les branches d'Eaubonne éteinte en 1791, d'Ormesson encore existante, de Noyseau éteinte en 1849, et du Chéray, éteinte en 1771" (Pedrelli).

[2]) О немъ ниже, стр. 48.

[3]) Louis-Charles-Auguste le Tonnelier de Breteuil, baron de Preuilly, premier baron de Touraine, dit le baron de Breteuil, род. 7-го марта 1730, ум. 2-го ноября 1802 г.—„La famille le Tonnelier est originaire du Beauvaisis et répandue dans l'Isle-de-France, la Touraine etc... Claude le Tonnelier, seigneur de Conty et de Breteuil, marié en 1502 avec Enguerrande de Bailly, fut père de Jean le Tonnelier, seigneur de Conty et de Breteuil, anobli par une charge de secrétaire du roi, en 1548" (Pedrelli).

[4]) Louis-Nicolas-Victor de Félix, comte du Muy, chevalier de Malte, maréchal de France, род въ 1711 г., ум. 10-го октября 1775.—„Félix du Muy marquis du Muy et d'Ollières, comte de Villarfouchard, Grignan, etc. Claude de Félix, originaire d'Avignon, s'établit à Marseille, où il acquit une fortune considérable avec le commerce; il épousa, en 1493, Isoarde de Perussis, et ses deux fils furent les auteurs des branches de cette famille parlementaire de Provence" (Pedrelli).

[5]) См. ниже, стр. 62.

[6]) René Nicolas-Charles-Augustin de Maupeou, marquis de Morangles et de Bully, vicomte de Bruyères-le-Châtel, род. 15-го февраля 1714 г., ум 29-го іюля 1792 г.—„Maupeou, marquis, comtes et vicomtes de Maupeou, marquis de Morangles, de Bully, de Sablonnières, comtes d'Ableiges, vicomtes de Bruyères-le-Châtel, seigneurs de Noisy, Monceaux, Ivry-sur-Seine, Bruyères, Muids, Sab-

де-Монбаррэ, воепаго министра въ 1777—1780 г.г. [1]),—графа де-Сенъ-Флорантэна, министра королевскаго дома въ 1749—1775 г.г. [2]), и принадлежащаго къ той же фамиліи графа де-Морепа, „государственнаго министра" (ministre d'Etat) въ 1774—1781 г.г. [3]). Къ еще болѣе молодому слою магистратуры принадлежатъ фамиліи, изъ среды которыхъ вышли два хранителя печатей: Барантэнъ (1788—1789) [4]) и Гю-де-Миромениль (1774—1787 [5]),

—

lonnières, Parisis-Fontaine, Ableiges, etc. Cette famille est issue de Vincent Maupeou, notaire au Châtelet de Paris, dont les deux fils furent anobis en janvier 1586. Elle a donné des conseillers et des présidents à la Chambre des comptes, au Parlement et à la Cour des aides de Paris, un avocat général au Grand conseil, des maîtres des requêtes, intendants de plusieurs généralités, deux chanceliers de France, etc." (idem).

[1]) Marie-Alexandre-Eléonor de Saint-Maurice, prince du Saint-Empire par diplome de l'empereur Joseph II du 9 avril 1774, confirmé par le roi, comte de Montbarrey et de Savigny, род. 20-го апрѣля 1732 г., ум. 5-го мая 1795 г. въ Констанцѣ.—„Jean de Saint-Maurice, le premier connu de sa race, vivait à Dôle en 1500, avec Jeanne Morand, dont il eut Guillaume-Jean de Saint-Maurice, conseiller au parlement, auquel remonte la noblesse de la famille" (idem).

[2]) Louis Phélipeaux, comte de Saint-Florentin, duc de la Vrillière, род. 18-го августа 1705 г., ум. 27-го февраля 1777.—„Phélipeaux de Saint-Florentin, ducs de la Vrillière, comtes de Saint-Florentin, Busancy, Pontchartrain, Maurepas, seigneurs de la Villesablon, la Vrillière, Herbault, les Landes, le Verger, Pontchartrain, Villesavain, Maurepas, Bennes, Moisen, la Couarse Villepreux, Monthlégy, Outreville, etc. La filiation de cette familie remonte à Guillaume Phélipeaux, seigneur de la Villesablon, bourgeois de Blois, mort en 1527" (idem).

[3]) Jean Frédéric Phélipeaux, comte de Maurepas, род. 9-го іюля 1701 г., ум. 21-го ноября 1781.

[4]) Carles-Louis-François Barentin, seigneur de Hardivilliers et de la Malmaison, род. 1-го іюня 1736 г., ум. 30-го мая 1819 г.—„Barentin, marquis et vicomtes de Montchal, vicomtes de la Motte-Barentin et de Noyen, seigneurs de Pierrefitte, des Magdeleines, des Belles-Rueries, de Sublaines, etc. Jean Barentin, seigneur de Pierrefitte et des Magdeleines, épousa le 6 juillet 1504 Jeanne Bruneau, dont il eut deux enfants: Mathurin B., seigneur des Belles-Rueries et de Monnoye, père de Charles B., qui devint conseiller d'Etat, intendant de Normandie et de Touraine, dont est issue la branche parlementaire de la famille, et Pierre B., seigneur de Sublaines..." (Pedrelli).

[5]) Armand-Thomas Hue, marquis de Miromesnil, род. 23-го сентября 1723 г., ум. 6-го іюля 1796 г.—„Antoine Hue, seigneur de Miromesnil, maître de la chambre aux deniers du roi, en 1590, fut anobli par une charge de secrétaire du roi: c'est de lui que descend la famille de ce nom, maintenue dans sa noblesse, le 7 août 1668... La famille H. de M. a donné un conseiller au parlement de Rouen, un maître des requêtes, un intendant, des maréchaux de camp, un garde des sceaux de France, etc". (Pedrelli).

и четыре генералъ-контролера: де-Фуркё (1787)[1]), Ламберъ (1787—1890)[2]), Лоранъ-де-Виллльдёйль (1787)[3]) и аббатъ Террэ (1769—1774)[4]): все фамиліи не старше семнадцатаго вѣка. Повидимому, совершенными новичками въ магистратурѣ являются министръ земледѣлія Бертэнъ (1763—1780)[5]), два генералъ-контролера: де-Калоннъ (1783—1787)[6]) и Табуро-де-Рео (1776—1777),[7]), и морской министръ де-Сартинъ (1774—1780)[8]).

Наконецъ, всего слабѣе оказывается представленной въ личномъ составѣ министерствъ интересующей насъ эпохи—финансовая знать, именно—всего лишь въ лицѣ двухъ министровъ. Это—Буржуа-де-Боннъ, морской министръ въ 1771—1774 г.г., сынъ разбогатѣвшаго банкира, пріобрѣвшаго себѣ дворянское званіе покупкой фиктивной должности „королевскаго секретаря“[9]), и банкиръ Неккеръ, бывшій трижды министромъ финансовъ (въ 1777—1781 г.г., въ 1788—1789 и въ 1789—1790 г.г.[10]).

Подводя итогъ сказанному, мы находимъ, во-первыхъ, что въ

---

[1]) Michel Bouvard, seigneur de Fourqueux, род. 20-го августа 1719 г., ум. 3-го апрѣля 1789 г.—„Cette famille descend de Charles Bouvard, né à Montoire, en 1572, professeur au collège de France, surintendant du jardin royal des plantes, conseiller d'Etat et le premier médecin de Louis XIII, en 1625, anobli en 1639. Son fils fut reçu conseiller au Parlement de Paris, en 1645, et son petit-fils devint procureur général au même parlement, en 1701: cette charge passa ensuite de père en fils jusqu'au ministre d'Etat“ (idem).

[2]) Claude-Guillaume Lambert, baron de Camerolles, comte d'Auvers, seigneur du Fresne, des Chilleurs, etc., род. 9-го августа 1726 г, казненъ 27-го іюня 1794 г.

[3]) О немъ ниже, стр. 57.

[4]) О немъ ниже, стр. 67.

[5]) Henri-Léonard-Jean-Baptiste Bertin, comte de Bourdeille, premier baron du Périgord, seigneur de Périgueux, de Brantôme, etc., род. 23-го марта 1719 г., ум. въ 1792 г.

[6]) О немъ ниже, стр. 60.

[7]) О немъ ниже, стр. 66.

[8]) Antoine-Raymond-Jean-Gualbert-Gabriel de Sartines, comte d'Alby, род. 12-го іюля 1729 г., ум. 7-го сентября 1801 г.

[9]) Pierre-Etienne-Francois Bourgeois, comte de Boynes.—„Son père, Etienne Bourgeois, avait fait fortune dans la banque de Law, dont il était caissier, et s'était fait anoblir par une charge de secrétaire du roi“ (*Lurion*, Nobiliaire de Franche-Comté, Besançon, 1890, p. 128—129. Сообщено г. Педрелли).

[10]) Jaques Necker, род. въ Женевѣ 30 го сентября 1732 г., ум. въ Коппе, въ Швейцаріи (кантонъ Во) 9 го апрѣля 1804 г.

личномъ составѣ министерствъ занимающей насъ эпохи, принадлежащемъ всецѣло (за исключеніемъ иностранца Неккера) къ дворянскому сословію, феодальное дворянство представлено лишь тремя болѣе или менѣе несомнѣнно старинными фамиліями и шестью такими, феодальное происхожденіе которыхъ имѣетъ за себя лишь нѣкоторую вѣроятность. Что же касается остальныхъ двадцати шести лицъ, то-есть почти трехъ четвертей всего состава министерствъ (изъ тридцати пяти), то всѣ они принадлежатъ, по своему происхожденію, къ „государственному дворянству", и главнымъ образомъ, почти исключительно, къ той соціальной группѣ, каторая является настоящимъ ядромъ его,—къ одворянившейся магистратурѣ,

VII.

Обратимся теперь къ интендентамъ.

Прежде всего здѣсь приходится отмѣтить, какъ и относительно министровъ, что, вопреки общепринятому мнѣнію, *въ лицѣ интендантовъ изучаемой эпохи мы имѣемъ дѣло, безъ всякаго исключенія, съ лицами, принадлежащими къ дворянскому сословію*, хотя опять-таки дворянское званіе отдѣльныхъ лицъ оказывается въ данномъ случаѣ точно также различнаго происхожденія и достоинства.

Начать съ того, что должность интенданта, болѣе скромная, чѣмъ званіе министра, не могла конечно представлять сколько-нибудь притягательной силы для высшаго дворянства, и вполнѣ естественно, что въ числѣ тѣхъ шестидесяти восьми лицъ, которые „управляли Франціею" въ изучаемый нами періодъ, въ званіи интендантовъ, адъюнктъ-интендантовъ и субъ-интендантовъ [1]), мы не встрѣчаемъ ни одного представителя этого соціальнаго слоя [2]). „Предложить должность интенданта знатному барину, значило бы обидѣть его".

[1]) Въ это число мы не включаемъ Boutin'a и Charpentier de Boisgibaut, „государственныхъ совѣтниковъ", временно командированныхъ правительствомъ въ Бордо для управленія интендантствомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по случаю отставки интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора, вызванной его столкновеніемъ съ мѣстнымъ парламентомъ (см. конецъ второй главы).

[2]) Это впрочемъ отнюдь не исключало родственныхъ связей нѣкоторыхъ парламентскихъ и другихъ фамилій „государственнаго дворянства" съ фамиліями изъ высшей дворянской знати; такъ, фамилія, изъ которой вышли интенданты Rouillé, имѣла родственныя связи съ аристократической фамиліей d'Harcourt; фамилія Гео-де-Реверсо состояла въ родствѣ съ фамиліей Rohan-Chabot, принадлежавшей къ высшему дворянству, и т. д.

Это замѣчаніе Токвиля совершенно вѣрно; но что касается его дальнѣйшаго утвержденія, что „самый бѣдный дворянинъ стариннаго рода не снизошелъ бы въ большинствѣ случаевъ до этой должности“ 1), то это, быть можетъ, и вѣрно относительно эпохи болѣе ранней, когда и самая должность интенданта имѣла болѣе „ротюрный“ характеръ, и противоположность между дворянскимъ и недворянскимъ была болѣе рѣзкой; но въ изучаемую нами эпоху, когда, съ одной стороны—эти противоположности въ значительной степени сгладились, а съ другой стороны—и само интендантство, какъ увидимъ, одворянилось, замѣчаніе Токвиля грѣшитъ анахронизмомъ. Въ занимающую насъ эпоху „бѣдный дворянинъ“, хотя бы и стариннаго рода, былъ бы, вѣроятно, счастливъ, если бы его удостоили предложеніемъ интендантской должности. Дворянское происхожденіе, будь оно самое старинное, очень мало цѣнилось въ эту пору, если оно не было окружено соотвѣтствующей обстановкой въ видѣ матеріально обезпеченнаго и соціально-вліятельнаго положенія. А то и другое было необходимо, какъ увидимъ, для полученія интендантства. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что *среди интендантовъ времени Людовика XVI мы находимъ нѣсколькихъ, хотя, правда, и немногочисленныхъ, представителей стариннаго дворянства феодальной эпохи* 2), *предшествующей практикѣ anoblissements*. Таковъ послѣдній монтобанскій интендантъ (1783—1790) де-Тримонъ, дворянское родословіе котораго восходитъ къ началу тринадцатаго вѣка 3). Таковъ Фурнье-де-ла-Шапеллъ, ошскій интендантъ 1783—1787 гг., принадлежащій къ одной беррійской фамиліи, „родословіе которой восходитъ не прерываясь къ Жаку Фурнье, рыцарю и сеньеру de la Noühe, жившему въ серединѣ тринадцатаго вѣка“. Представители этой фамиліи „занимали почет-

1) *Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, Paris, 1856, p. 55.

2) Которое, какъ выше замѣчено, не слѣдуетъ смѣшивать съ „высшимъ дворянствомъ“.

3) Daniel Victor de Trimond, né le 24 février 1745, mort en 1813, au château de la Saussaye, près Arpajon. *Brette*, op. cit, t. I, p. 460. — *Bulletin héraldique*, 1895 (cité par Pedrelli). — „La filiation a été donné par Lainé [*Archives de la noblesse*, t. XI] depuis noble Raymond de Trimond, vivant en 1200. ...Cette famille.. maintenue dans sa noblesse le 12 octobre 1697 par jugement de M. de Lamoignon, intendant, a donné de nombreux magistrats à la Cour des comptes, aides et finances de Montpellier, dont plusieurs chevaliers d'honneur, un conseiller au parlement de Provence ..“ (Pedrelli).

ное положеніе съ начала тринадцатаго вѣка, какъ военные дворяне и сеньеры многочисленныхъ фьефовъ въ Берри и Солони“ 1). Таковъ былъ другой болѣе знаменитый интендантъ, Тюрго, происходившій изъ „стариннаго дворянства, ведшаго свое начало отъ временъ древняго рыцарства“. Родословіе этой фамиліи „стариннаго дворянскаго рода, документально установленное, восходитъ непрерывною нитью къ H. Тюрго, основавшему и обезпечившему пожертвованіемъ богадѣльню въ Condé-sur-Noireau“ 2). Алансонскій интендантъ (1766—

1) Pierre-Charles Fournier de la Chapelle, marquis de la Chapelle, seigneur de Laval, d'Argilliers et de Boisette, né à Saint-Domingue en 1747, condamné par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 16 juillet 1794, fils aîné de Charles Fournier de la Chapelle, né à Saint-Domingue en 1716, intendant de Saint-Domingue, procureur général au Conseil supérieur du Cap-Français, mort en 1764.—„La famille Fournier est originaire du Berry, où sa généalogie remonte d'une façon suivie à Hugues Fournier, chevalier, seigneur de la Noühe en la paroisse de la Ferté-Imbault, dès 1255. Elle a formé les branches des marquis de Boismarmin, des marquis de la Chapelle, des comtes de Varennes, des marquis de Bellevüe, seule actuellement existante“. (Notice fournie par M. le comte de Bellevüe, un des représentants actuels de la famille de Fournier).—„La très ancienne famille, originaire du Berry, en la paroisse de la Ferté-Imbault. Dès le début du XIII siècle, on trouve ses ascendants dans ce pays, où ils étaient traités et considérés comme nobles de noblesse militaire et seigneurs de nombreux fiefs en Berry et en Solonge. Ils y résidèrent jusque vers le milieu du XVII siècle. A cette époque, plusieurs membres de la famille allèrent s'établir à Saint-Domingue où ils acquirent bientôt une fortune considérable... Ils furent maintenus dans leurs droits et privilèges d'ancienne extraction dix fois à partir de 1636“ (*L'Estourbeillon*, la Noblesse de Bretagne, t. I, p. 55, d'après Pedrelli).

2) Anne Robert-Jacques Turgot chevalier, marquis de l'Aulne, né à Paris le 10 mai 1727, mort à Paris le 18 mars 1781, fils de Michel-Etienne Turgot, marquis de Sousmont, seigneur de Saint-Germain-sur-Aulne, né le 9 juin 1690, conseiller au Parlement de Paris le 31 juillet 1711, président en la seconde chambre des requêtes du palais le 25 janvier 1717, prévôt des marchands de Paris le 14 juillet 1729, marquis de Sousmont en 1735, conseiller d'Etat le 29 avril 1737, nommé pour remplir les fonctions de premier président du Grand conseil pendant l'année 1741, membre honoraire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres de Paris en 1743, conseiller d'Etat ordinaire au mois de novembre 1744, mort le 1 février 1751.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t XIX, p. 265—266.—*Saint-Allais*, op. cit., t. XV, p. 370.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Senac de Meilhan*, du Gouvernement, des Moeurs et des Conditions en France avant la Révolution, Hambourg, 1795, p. 146—151. — *Dupont de Nemours*, Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, Philadelphie, 1782.—*Condorcet*, Vie de M. Turgot, Londres, 1786.—„Le nom de cette famille, originaire de Bretagne,

1790) Жюлльенъ также происходитъ изъ „старинной бургонской фамиліи", ведущей свое начало изъ четырнадцатаго столѣтія [1]).

Къ этому же столѣтію восходитъ дворянское родословіе фамиліи, изъ которой вышелъ буржскій (1776—1779), потомъ дижонскій (1780—1783) и канскій (1783 - 1787) интендантъ Фейдо-де-Бру [2]).

est ancien en Normandie. On le trouve dans un rôle de 1272, où sont compris les gentilshommes de la province qui doivent service au roi, et dans quelques autres titres du commencement du XIV siècle, déposés, ainsi que le rôle, dans la Chambre des comptes de Paris. La filiation de cette ancienne noblesse, prouvée de degré en degré sans interruption, remonte à N. Turgot qui, vers le milieu du XIV siècle, fonda et dota l'Hôtel-Dieu de Condé-sur Noireau, où ses armes étaient encore en 1700" (Lachenaye-Desbois).—„Maison distinguée dans la robe et dans l'épée" (Saint-Allais).—„M. Turgot était d'une ancienne noblesse et qui remontait aux temps de l'antique chevalerie, mais ses pères, contre l'usage, étaient entrés dans la magistrature et avaient été revêtus de charges importantes" (Senac de Meilhan).—„Elle a donné des conseillers et des présidents aux Parlements de Rouen et de Paris, un premier président au Grand conseil, un avocat général à la Cour des aides de Normandie, des maîtres des requêtes intendants de plusieurs généralités, un prévôt des marchands de Paris, membre de l'Académie des inscriptions, un contrôleur général des finances, un pair de France, sénateur, ambassadeur et ministre de l'Etat, un évêque, des officiers dont un brigadier, des chevaliers de l'ordre de Malte, etc." (Pedrelli). — Изъ этой фамиліи вышло въ теченіе XVII—XVIII вѣковъ шесть провинціальныхъ интендантовъ, изъ которыхъ одинъ былъ дѣдомъ лиможскаго интенданта и генералъ-контролера.

1) Antoine-Jean-Baptiste-Alexandre Jullien, chevalier né au mois d'avril 1715 à Paris, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 8 juillet 1794.—*Brette*, op cit, t. I, p. 462.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XI, 159.—Notices ms. fournies par MM. le baron *Angot des Rotours*, *Louis Duval*, archiviste de l'Orne, et *Pedrelli*.—*Archives nationales*, W 409 (jugement du tribunal révolutionnaire). „Ancienne famille de Bourgogne" (Lachenay Desbois).—„Cette famille a donné plusieurs secrétaires en chef des Etats de Bourgogne" (ibidem).—Родоначальникомъ фамиліи Лашенэ-Дебуа считаетъ Gerard de Jullien, écuyer, жившаго во второй половинѣ XIV вѣка.

2) Charles-Henri-Feydeau, chevalier, marquis de Brou, né le 26 août 1754, mort le 10 décembre 1802, fils d'Antoine-Paul Joseph Feydeau, chevalier, marquis de Brou, né le 3 octobre 1731, avocat du roi au Châtelet de Paris, le 18 janvier 1751, intendant de Rouen, le 23 juin 1755, mort le 9 juin 1762. Il a obtenu, par lettres du mois de juillet 1761, l'érection en marquisat de ses terres et seigneuries de Brou, de Calende, Pomponne, Forets, Bordeaux etc., en considération de ses services et ceux de ses ancêtres.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VIII, 20—37.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Félix Mourlot*, l'Intendant Feydeau de Brou, 1783—1787, ms.—Notice fournie par M. *Jacques Soyer*, archiviste du Cher. — *Chaudon et Delandine*, Nouveau dictionnaire historique, t. V,

Вѣроятна, хотя и менѣе несомнѣнна, связь со старинным феодальнымъ дворянствомъ нѣкоторыхъ другихъ интендантскихъ фамилій, восходящихъ своимъ началомъ къ пятнадцатому столѣтію, то-есть ко времени, когда практика anoblissements, хотя еще и не достигшая полнаго своего развитія, была однако уже въ ходу. Такова, напримѣръ, „древняя бретанская фамилія", изъ которой вышли пуатевинскій (1751—1784), затѣмъ суассонскій (1784—1790) интендантъ де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ и его сынъ (адъюнктъ) (1781—1784 г. въ Пуатье и 1784—1790 г. въ Суассонѣ). Фамилія эта была признана въ своемъ „старинномъ дворянствѣ" бретанскою счетною палатою въ 1668 г., на основаніи документовъ, удостовѣрявшихъ ея родословную преемственность съ сеньеромъ Бертраномъ де-ла-Бурдоннэ, дворянское происхожденіе котораго было, въ свою очередь, документально установлено въ 1427 г. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ фамилія эта, добиваясь доступа ко двору, принуждена была подвергнуть новому офиціальному искусу свои фамильные документы, въ результатѣ чего было признано, что она „обладаетъ всѣми преимуществами самаго старинваго дворянства Бретани" [1].

p. 101. — „Ancienne noblesse, distinguée dans l'épée et dans la robe" (Lachenaye-Desbois).—Лашенэ-Дебуа ведетъ родословіе этой фамиліи отъ „Hugues Feydeau, damoiseau, seigneur et baron de Feydel en Basse-Marche, décédé vers le milieu du XIV siècle". — „Cette famille a donné des conseillers à la Chambre des comptes et au Parlement de Paris, des magistrats au siège de Bellac, des maîtres des requêtes, des intendants, un premier président au Grand conseil, un lieutenant général de police de Paris, des conseillers d'Etat, un garde des sceaux, des officiers dans les armées de terre et de mer, des chevaliers des ordres de Malte et de Saint-Louis, etc". (Pedrelli).

[1] Paul-Esprit-Marie de la Bourdonnaye de Blossac, chevalier, marquis de la Bourdonnaye et du Timeur, comte de Blossac, né au château de Blossac (Bretagne) le 29 août 1716, mort le 14 septembre 1800 au même château; fils de Louis Gabriel de la Bourdonnaye, comte de Blossac.—Charles-Esprit, comte de la Bourdonnaye de Blossac, né le 27 août 1753, mort le 22 mai 1840 dans son château d'Arcys-sur Cure (Yonne), fils du précédent. *Pilotelle*, Notice sur Paul-Esprit-Marie de la Bourdonnaye, dans les *Memoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (1855), p. 287—366. *Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. III, p. 815.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, O¹ 156, feuille 528 (titre).—„La Bourdonnaye, en Bretagne, famille noble et ancienne" (Lachenaye-Desbois).—„La maison de la Bourdonnaye, qui paraît tirer son origine d'une seigneurie de son nom, au diocèse de Rennes, est d'ancienne noblesse et a comparu aux réformations de Bretagne de 1427 à 1556; elle a été maintenue par arrêt de la Cambre des comtes de Bretagne du 1 oc-

Ріонскій интендантъ (1772—1780) де-Шазера принадлежитъ также къ сравнительно старинной фамиліи, судя по тому, что его предки упоминаются въ числѣ военныхъ дворянъ съ конца пятнадцатаго вѣка, при чемъ дѣдъ интенданта былъ первымъ въ своей фамиліи, помѣнявшимъ шпагу на мантію; по всей вѣроятности, это была одна изъ тѣхъ скромныхъ, хотя, быть можетъ, и очень старинныхъ провинціальныхъ фамилій, для которыхъ подобная перемѣна шпаги на мантію была не пониженіемъ, а скорѣе повышеніемъ на соціальной лѣстницѣ [1]).

Повидимому, къ числу такихъ старинныхъ феодальныхъ, но скромныхъ провинціальныхъ дворянскихъ фамилій, помѣнявшихъ свою традиціонную шпагу на новую мантію, слѣдуетъ отнести и фамилію, къ которой принадлежатъ орлеанскій интендантъ (1760—1785) Перрэнъ-де-Сипьеръ [2]) и его сынъ, сначала „адъюнктъ", а по-

tobre 1668, et établit sa filiation suivie depuis Bertrand de la B., seigneur de Vaumarqueur, cité aux réformations de 1427 et 1444" (*Titres de la restauration*, cités par Pedrelli).—„La maison de la Bourdonnaye jouit de tous les avantages qui constituent la noblesse la plus ancienne de la province de Bretagne" (*Archives nationales*, MM 811, preuves pour les honneurs de la cour).—*A. Brette*, op. cit., t. I, p. 448—449, даетъ ему ошибочно prénom Ch.rles-Esprit-Marie, ссылаясь на то, что въ оффиціальныхъ бумагахъ встрѣчаются обыкновенно сочетанія Charles-Esprit,—что совершенно вѣрно, но это имя *сына* послѣдняго суассонскаго интенданта, который былъ „адъюнктомъ", но послѣдніе годы фактически управлялъ интендантствомъ вмѣсто отца.

[1]) Charles-Antoine-Claude de Chazerat, chevalier, vicomte d'Aubusson et de Montel, baron de Lignat, Bor et Codignac, seigneur de Ligonne, Seychalles, Mirabelle, Saint-Agoulin et autres lieux, né le 20 avril 1729, mort le 7 septembre 1824; fils d'Antoine-François de Chazerat, chevalier, seigneur de Ligonne, Puyfol, etc., premier président de la Cour des aides de Clermont-Ferrand.—*Brette*, op. cit., t I, p. 452.—*Bonnefoy*, Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne. Paris, 1895, t. I, p. 134—137. — *Lachenaye-Desbois*, op. cit, t. V, p. 559.—*Aiqueperse*, Biographie des pers nnages d'Auvergne, Clermont-Ferrand, 1836, t. I, p. 172. — *Pedrelli*, Notice ms. — „Famille à laquelle appartenaient Odet et Pierre de Chazerat, écuyers, qui vivaient en 1495 près Châteauroux" (Pedrelli). „Antoine de Chazerat (grand-père de l'intendant) entra le premier de sa famille dans la robe" (Lachenaye-Desbois).

[2]) Jean-François-Claude Perrin de Cypierre, chevalier, baron de Chevilly, fils de Jean Perrin, sieur de Daron — *Saint-Allais*, op. cit, t. II, p. 426.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives départementales de la Marne*, C 1645 (titre).—„Sa fortune (du père de l'intendant) était si considérable que ses trois fils aînés eurent chacun 25,000 francs de légitime, et les filles 10,000 francs, sommes exorbitantes pour le temps, et qui ne l'empêchèrent pas de laisser un

томъ преемникъ отца въ томъ же интендантствѣ (1784—1790) [1].

Къ числу древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій слѣдуетъ отнести также фамиліи Колла-де-Прадинъ и де-Блэръ, давшія— первая интенданта Корсики (1771—1775), вторая—ла-рошелльскаго (1749—1754), затѣмъ валансьеннскаго (1754—1764) и эльзасскаго (1764—1777) интенданта. Первая изъ названныхъ фамилій ведетъ свое начало отъ одной старинной итальянской дворянской фамиліи, переселившейся въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей во французскій Провансъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ [2]; вторая—отъ шотландской дворянской фамиліи, давшей своихъ выходцевъ во Францію въ концѣ шестнадцатаго столѣтія [3]).

Итакъ, „дворяне старинныхъ родовъ“ далеко не всегда пренебрегали

riche héritage dans la personne de son fils aîné" (Saint-Allais).— „Famille originaire du Dauphiné, transplantée dans la Bourgogne, où elle a formé diverses branches" (ibidem)—Родоначальникомъ этой фамиліи Сентъ-Аллэ считаетъ Lazare Perrin qualifié de *sire Lazare*, qui „quitta le Dauphiné pendant les guerres de religion, pour se soustraire à l'arrière-ban qui aurait absorbé toute sa fortune, et se retira en Bourgogne“. Этотъ Лазарь Перрэнъ былъ прадѣдомъ Жана Перрэна, дѣда интенданта.

[1]) Adrien-Philibert Perrin de Cypierre de Chevilly, chevalier, baron de Chevilly (d'après Saint-Allais), marquis de Chevilly (d'après Pedrelli), né le 23 février 1757, mort le 26 mars 1848 à Paris. Дата рожденія сообщена А. Бреттомъ на основаніи записи о крещеніи.

[2]) Barthélemy de Colla de Pradine, chevalier, seigneur de Pradine, Vaurroux et autres lieux.—„Colla de Pradine, famille noble, originaire d'Italie, établie en Provence dans le XIV siècle. Cette famille est liée aux principales maisons de Provence" (Lachenaye Desbois, t. VI, p. 52).—„La famille Colla de Pradine fut maintenue dans sa noblesse par arrêt du Conseil du 8 mai 1732 et par le Conseil souverain de Saint-Domingue, le 31 janvier 1771“ (Pedrelli).

[3]) Louis-Guillaume de Blair, chevalier, seigneur, de Boisemont, Courtemanche et autres lieux, né vers 1716, mort le 7 mai 1778 à Paris; fils de Louis François de Blair, seigneur de Cernay, Aulnay, de Courtemanche, conseiller au Parlement de Paris.—„Blair de Boisemont, barons de Blair, de Pomarès, de Lahontan et d'Ambures, vicomtes de la Rochebriand, seigneurs des Turons de Pau, de Cherbejuzon, de Blainville, de Chapde, de la Mothe-de-Fayolles de la Mothe-de-Bois, de Cernay, d'Aulnay, de Courtemanche, de Boisemont, des Etangs, de Courcelles, etc., famille noble, originaire d'Ecosse, passée en France avec Alexandre de Blair, baron de Baltayock, qui s'établit en Béarn“ (vers 1590). (Pedrelli).—*Saint-Allais*, Nobiliaire universel, t. XIII, p. 223—227.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. III, p. 309—310.—*Inventaire des archives départementales de la Charente-Inférieure*, série C, Introduction, p. 15.

званіемъ интенданта; но вѣрно то, что они не проникали въ среду интендантства безъ извѣстной промежуточной ступени; такой промежуточной ступенью служила магистратура. *Старинное дворянство проникаетъ въ интендантство чрезъ магистратуру. Магистратура служила какъ бы резервуаромъ, въ которомъ дворянская струя сливалась съ мѣщанской, но одворянившейся, образуя ядро новаго, государственнаго дворянства.* Сліяніе это происходило тѣмъ легче, что между старинными дворянами и дворянами-новичками (anoblis) лежалъ цѣлый рядъ ступеней, при чемъ, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отодвигалась дата „одворяненія" данной фамиліи, тѣмъ менѣе было ея разстояніе отъ „исконнаго", „незапамятнаго", феодальнаго дворянства. Къ этой категоріи давнихъ anoblis принадлежитъ, напримѣръ, де-Клюньи, перпиньянскій (1774—1775), потомъ бордоскій (1775—1776) интендантъ, а впослѣдствіи генералъ-контролеръ (1776), происходившій изъ „старинной бретанской фамиліи" четырнадцатаго вѣка, обязанной своимъ происхожденіемъ одному изъ раннихъ anoblissements [1]). Бретанскій (1767—1771), а затѣмъ амьенскій (1771—1790) интендантъ графъ д'Агэ и его сынъ, „адъюнктъ" въ послѣднемъ изъ названныхъ интендантствъ (1785—1790), принадлежатъ къ „старинному дворянству Франшъ-Контэ",—къ фамиліи, которая въ 1773 г. „доказала триста пятнадцать лѣтъ дворянскаго родословія". Хотя источникомъ ея дворянскаго званія служила „жалованная грамота" 1467 г., но болѣе трехсотъ лѣтъ „дворянской филіаціи" настолько сгладили слѣды ея „ротюрнаго" происхожденія, что одному изъ ея представителей удалось даже, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, быть принятымъ въ число „рыцарей"

[1]) Jean-Etienne-Bernard de Clugny, baron de Nuis-sur-Armançon, seigneur de Praslay, de Saint-Marc, etc., né à la Guadeloupe le 20 novembre 1729, mort à Paris le 18 octobre 1776; fils d'Etienne de Clugny, baron de Nuis-sur-Armançon, seigneur de Villers-lez-Hauts et Mareuil, né le 18 juillet 1691, reçu conseiller au parlement de Bourgogne le 8 avril 1716, mort le 21 juin 1746.—*Saint-Allais*, op. cit., t. VIII, p. 209—213. — *Lachenaye-Desbois*, op cit, t V, p. 950 952.—*Pedrelli*, Notice ms.—„Clugny (de), noble et ancienne famille de Bourgogne, originaire d'Autun, laquelle a produit plusieurs personnages recommandables par les charges et les dignitées qu'ils ont possédées depuis quatre siècles, tant dans l'église que dans la robe et l'épee. Le premier de cette famille, dont l'existence soit établie sur des titres authentiques, est Guillaume de Clugny, d'Autun, qui vivait dans le XIV siècle" (Saint-Allais).—Возможно, что эта фамилія ведетъ свое дворянство отъ одного изъ раннихъ anoblissements;

архи-аристократическаго мальтійскаго ордена [1]). Вѣроятно, подобнаго же происхожденія „старинная орлеанская фамилія" Амело, къ которой принадлежатъ дижонскій интендантъ (1764—1776), впослѣдствіи статсъ-секретарь королевскаго дома (1776—1783), и его сынъ, бывшій преемникомъ отца по дижонскому интендантству (1783—1790). Ихъ предки, орлеанскіе буржуа въ началѣ четырнадцатаго вѣка, титулуются уже *écuyers* и *nobles* въ концѣ того же столѣтія,

по крайней мѣрѣ г. Педрелли нашелъ одного носителя этого имени, купившаго дворянство въ 1390 г. за 158 ливровъ. — „Cette famille a donné un échanson et un écuyer des ducs de Bourgogne, des maîtres des requêtes et un conseiller au Grand conseil du duc de Bourgogne, des hommes d'armes, des officiers, des évêques, un cardinal, des magistrats au bailliage d'Avalon, des trésoriers de France, des conseillers au Parlement de Dijon, un maître des requêtes, intendant de Saint-Domingue, de Bretagne, de Guyenne, intendant général des finances (?), un gouverneur de la Guadeloupe" (Pedrelli).

1) François-Marie-Bruno d'Agay, chevalier, comte d'Agay, seigneur de Myon, Villers-sous-Montrond, Bémond et Mutigney, né en 1722, mort le 15 décembre 1805; fils d'Antoine-Philibert d'Agay, chevalier, seigneur de Myon, de Vennans et de Mutigney, président à mortier au parlement de Besançon, mort en 1767.—Philippe-Charles-Bruno, comte d'Agay, chevalier, seigneur de Mutigney, né le 21 avril 1754, fils du précédent —*Brette*, Recueil de documents, et., t. 1, p. 447—448.—*Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralité d'Amiens, Paris, 1865, p. 215, 371, 486—488.—*Lachenaye-Desbois*, Dictionnaire de la noblesse, 3 éme édition, t. I, p 137—140 —*Archives nationales*, MM 813. „Mémoire généalogique sur la famille de Dagay, au comté de Bourgogne". — Родословіе этой фамиліи восходитъ, какъ къ своему родоначальнику, къ Hugues d'Agay, écuyer, seigneur de la Tour-Laubespin, conseiller du duc de Bourgogne Philippe le Bon, anobli par lettres-patentes en 1467. Свидѣтельство, выданное королевскимъ генеалогомъ Шереномъ въ 1773 г., по случаю вступленія графа д'Агэ въ мальтійскій орденъ, гласитъ, что „le chevalier Dagay a prouvé 315 années de filiation et de noblesse, et qu'ainsi il a satisfait et au delà, aux preuves requises par l'ordonnance de S M. du 28 mai 1777, qui fixe le terme de ces preuves à trois cent ans". (*Archives nationales*, MM 813).—*Lachenaye-Desbois*, loc. cit.: „D'Agay, ancienne noblesse de Franche-Comté... Elle s'est toujours distinguée et soutenue avec éclat dans l'epée et dans la robe, est admise dans les chapitres nobles de cette province, où l'on exige la preuve de seize quartiers".—Notice ms. par *Pedrelli*: „Cette famille a donné un professeur à l'université de Dôle, un président, des conseillers et un procureur général au parlement de Franche-Comté, un maître de la Chambre des comptes de Dôle, des chanoines de Dôle, de Poligny et d'Arbois, un évêque de Perpignan (frère de l'intendant), des chanoinesses de Montigny et de Lons-le-Saunier, des officiers, des chevaliers de l'ordre de Saint-Louis, un chevalier de Malte, etc."

а въ восемнадцатомъ вѣкѣ фамилія Амело уже фигурируетъ въ числѣ „старинныхъ дворянскихъ фамилій“, и ея представители проникаютъ въ высшіе, аристократическіе слои церкви и арміи и даже поставляютъ нѣсколькихъ „рыцарей“ аристократическому мальтійскому ордену [1]).

Къ числу древнѣйшихъ изъ одворянившихся фамилій слѣдуетъ отнести также фамилію де-Понъ, къ которой принадлежитъ муленскій (1765—1778), а затѣмъ мецскій (1778—1790) интендантъ, носящій это имя; она ведетъ свое начало отъ старинной муниципальной фамиліи г. Ла-Рошели, занимавшей съ тринадцатаго вѣка главнѣйшія муниципальныя должности въ этомъ городѣ, и одворянившейся съ тѣхъ поръ, какъ королевскимъ указомъ 1372 г. съ долж-

[1]) Antoine Jean Amelot, chevalier, marquis de Chaillou et de Châtillon-sur-Indre, né le 19 novembre 1732, mort le 20 avril 1793, en prison; fils de Jean-Jacques Amelot, seigneur de Chaillou (d'après Lachenaye-Desbois), marquis de Chaillou (d'après Saint-Allais), baron de Châtillon-sur-Indre, intendant de la Rochelle (1720—1726), conseiller d'Etat et intendant des finances (juin 1726), membre de l'Académie française (25 août 1727), mort le 7 mai 1749.—Antoine-Léon-Anne Amelot de Chaillou, chevalier, marquis de Chaillou, né le 22 juillet 1760, mort le 17 juillet 1824, à Rouen, fils du précédent.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 464—465.—*Saint-Allais*, Noblilaire universel de France, t. II, p 157; t. XXI, p. 65—67.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. I, p. 428—435.—Notice ms. par *Pedrelli*.—„Amelot Famille ancienne, originaire d'Orléans, où vivait, en 1387, Jean Amelot, seigneur de Chenailles, qualifié d'écuyer et de noble dans une charte de ladite année“ („Généalogies des principales familles de l'Orléanais“, ms. de la bibliothèque d'Orléans, cité par Saint-Allais).—„Famille issue de Jean Amelot, bourgeois d'Orléans, marié vers le 1300“ (Pedrelli).—„Amelot, famille originaire de la ville d'Orléans, qui a produit un très grand nombre de magistrats qui ont exercé avec distinction des charges dont ils ont été revêtus. Elle a donné un archevêque à l'église de Tours, et elle s'est alliée non seulement avec les principales familles de la robe, mais encore avec quelques-unes des plus grandes du royaume“ (Lachenaye-Desbois). — „Cette famille a donné des conseillers et des présidents au Parlement de Paris, des présidents au Grand conseil, un maître des comptes, des premiers présidents à la Cour des aides, des maîtres des requêtes, des intendants du commerce, des finances etc., des conseillers d'Etat, un ambassadeur ou ministre plénipotentiaire, un prévôt et maître des cérémonies des ordres du roi, un chancelier des ordres, un ministre secrétaire d'Etat, un membre de l'Académie française, des officiers supérieurs, un évêque de Vannes, des chevaliers de Malte et de Saint-Louis, etc.“ (Pedrelli).—Къ этому можно прибавить, что фамилія Амело дала въ теченіе XVII—XVIII в. четырехъ провинціальныхъ интендантовъ.

ностью мера г. Ла-Рошели была связана привилегія наслѣдственнаго дворянства [1]).

Мы не рѣшаемся категорически причислять къ старинному дворянству фамилію дю-Клюзель, изъ которой вышелъ турскій интендантъ (1766—1783), носящій это имя. Хотя различные современные генеалоги и связываютъ ее съ одноименными сеньерами, жившими въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка, но такъ какъ генеалогической связи между этими послѣдними—съ одной стороны и фамиліей интенданта—съ другой не установлено, то врядъ ли не ближе къ истинѣ предположить въ данномъ случаѣ простое совпаденіе именъ двухъ генеалогически совершенно различныхъ фамилій, тѣмъ болѣе, что отецъ интенданта былъ однимъ изъ государственныхъ откупщиковъ, а это званіе указываетъ скорѣе на буржуазное, чѣмъ на дворянское происхожденіе его носителя [2]). По всей вѣроятности, дворянство этой фамиліи имѣетъ своимъ источникомъ одинъ изъ видовъ anoblissements.

Къ старинному дворянству, хотя конечно уже не феодальному, слѣдуетъ отнести и тѣ, по большей части ведущія свое начало отъ

[1]) Jean-Samuel de Pont, chevalier, seigneur de Manderoux, de Forges, de Puydrouard etc., né le 29 mars 1725 à la Rochelle, mort à Paris le 23 décembre 1805; fils de François-Paul de Pont, chevalier, seigneur d'Aigrefeuille, de Forges, de la Brande etc., président-trésorier de France à la Rochelle —„La famille de Pont, originaire de l'Aunis, figure dès le XIII siècle dans les annales de la Rochelle, dont un de ses rejetons était maire en 1268, suivant une charte de l'abbaye de Fontevrault. Jacques de Pont est mentionné comme membre du corps de ville de cette cité en 1292. Postérieurement à l'édit du roi Charles, du 8 janvier 1372, qui attacha la noblesse héréditaire aux fonctions de maire de la Rochelle, plusieurs membres de la famille de Pont furent revêtus de cette dignité municipale. C'est ce que fit constater Paul-Charles de Pont, trésorier de France. Sur sa requête, un arrêt du conseil, en date du 18 juillet 1773, le confirma dans sa noblesse d'ancienne extraction (*Archives nationales*, E 1492 [*Annuaire de la Noblesse*, 1879, p. 206, d'après Pedrelli]).

[2]) Fraçois-Pierre du Cluzel, chevalier, marquis de Montpipeau, baron de Chéray, seigneur de Blanville et autres lieux, né à Paris le 4 avril 1734, mort à Tours, le 9 août 1783; fils de Léonard du Cluzel, écuyer, seigneur de la Chabrerie, et de Blanville, fermier général de 1726 à 1766, date de sa mort.—*Dumas*, la Généralité de Tours au XVIII siècle, Paris, 1894, p. 10—13, 394.—*Lachenaye-Desbois*, t. V, p. 954.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives départementales de la Marne*, C 1645 (titre imprimé).—„Famille noble et ancienne, dont il est parlé dès les XIII et XIV siècles, dans les différents titres qui concernent cette province (Périgord)“ (Lachenaye-Desbois).

одного изъ видовъ anoblissements, дворянскія фамиліи, дворянство которыхъ восходитъ по крайней мѣрѣ къ шестнадцатому вѣку и первой половинѣ семнадцатаго, такъ какъ для принадлежности къ „старинному дворянству“ требовалась непрерывная дворянская „филіація“ въ теченіе болѣе ста лѣтъ [1]), или по меньшей мѣрѣ въ теченіе четырехъ послѣдовательныхъ поколѣній [2]). Въ эту категорію болѣе молодыхъ изъ „старинныхъ“ дворянскихъ фамилій можно отнести также изрядное число интендантскихъ фамилій. Реннскій интендантъ (1784—1788), впослѣдствіи министръ, Бертранъ-де-Молльвиль имѣлъ своимъ предкомъ одного профессора права въ тулузскомъ университетѣ, жившаго въ началѣ шестнадцатаго вѣка; его потомки вступили въ ряды парламентской магистратуры и этимъ путемъ одворянили фамилію [3]). Домбскій интендантъ (1758—1782) Каше-де-Гарнеранъ происходилъ изъ провинціальной, бресской фамиліи, получившей дворянство въ силу пожалованія въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія [4]). Фамилія Казъ-де-ла-

1) „On ne regarde comme *ancienne noblesse* que celle dont les preuves remontent à plus de cent ans“.—*Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI, p. 125.

2) Четыре поколѣнія дворянской „филіаціи“ требовалось доказать, напримѣръ, для поступленія въ королевскую военную школу, для полученія званія офицера въ арміи и т. д.

3) Antoine-François de Bertrand de Molleville (dit le marquis de Bertrand-Molleville, d'après Pedrelli), né à Toulouse en 1744, mort le 19 octobre 1818.—„François Bertrand fut capitoul de Toulouse, en 1531, et anobli comme tel, puis conseiller et quatrième président au parlement de la même ville. On le dit fils de Nicolas B., docteur en droits, professeur à l'Université de Toulouse, auteur de l'ouvrage intitulé *de Tolosanorum gestis* (Toulouse, 1517). Les représentants de cette famille furent maintenus dans leur noblesse par jugement de Mr. de Bezons, intendant du Languedoc le 27 janvier 1670, comme descendants de conseillers et présidents au parlement de Toulouse“ (Pedrelli, d'après le *Bulletin héraldique*, 1886).—Нѣкоторые генеалоги пытаются связать эту вышедшую изъ тулузской муниципальной магистратуры фамилію съ одноименной ей парламентской фамиліей, къ которой принадлежалъ знаменитый канцлеръ Бертранъ (XVI вѣка), на генеалогическую связь съ которымъ претендовалъ и самъ Бертранъ-де-Молльвиль, и это вполнѣ естественно съ точки зрѣнія родословнаго тщеславія, но болѣе вѣроятно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя совершенно разными фамиліями, съ одинаковымъ, очень распространеннымъ именемъ. Скудость генеалогическихъ свѣдѣній о фамиліи Бертранъ-де-М. заставляетъ предполагать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ сравнительно „новыхъ“ фамилій въ парижской магистратурѣ.

4) Jean-Bénoît Cachet de Garnerans, chevalier, comte de Garnerans, seigneur de Montézan, du Bouchet, Teyrieux, Balmont, la Moluede, Tanay, Ar-

Бовъ, къ которой принадлежитъ реннскій (1774—1783), а затѣмъ гренобльскій (1784—1790) интендантъ, носящій это имя, во время ревизіи правъ на дворянство въ 1668 г., была официально признана въ своемъ „кровномъ дворянствѣ" [1]), и слѣдовательно начало ея дворянства слѣдуетъ отодвинуть приблизительно къ серединѣ шест-

cieux et de la Fontaine, fils de Claude Cachet de Garnerans, écuyer, comte de Garnerans, conseiller au parlement de Dombes et au présidial de Lyon, qui fut échevin de cette ville et intendant de la souveraineté de Dombes.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VIII, p. 981—982.—*Lombardon-Montézan*, l'Ancienne principauté de Dombes. Marseille, 1885, p. 3.—*Almanach de Bourgogne*, 1781.—*Archives départementales de la Marne*, C 1645 (titre imprimé).—„La famille de Cachet est originaire de la province de Bresse, et vint s'établir dans celle de Dombes vers le milieu du XV siècle. Les membres de cette famille exerçaient différentes charges au parlement de Dombes" (Lachenaye-Desbois).—„Cette famille... a donné des procureurs généraux au parlement de Dombes, des conseillers et des premiers présidents au Parlement de Dombes, des échevins et un prévôt des marchands de la ville de Lyon, etc". (Pedrelli).—Такимъ образомъ, фамилія эта принадлежала одновременно къ магистратурѣ парламентской и магистратурѣ городовой (по городу Ліону). Можно даже думать, что послѣдняя была первоначальной ступенью въ возвышеніи фамиліи до магистратуры парламентской. Родоначальникомъ этой фамиліи считаютъ Claude de Cachet, жившаго во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка. Къ дворянскому сословію она пріобщилась лишь съ 1620 г.

[1]) Gaspard-Louis de Caze, chevalier (écuyer, d'après Lachenaye-Desbois), baron de la Bove, seigneur de Juvencourt et d'Orgeval, né le 9 mai 1740, mort à Paris en 1824: fils de Gaspard-Henri de Caze, écuyer, baron de la Bove, seigneur du grand et petit Juvencourt, etc., conseiller au Parlament de Paris par provisions du 17 août 1731, maître des requêtes en 1736, intendant du commerce en 1740, intendant d'Auch, et de Champagne, né à Paris le 28 juillet 1711, mort à Langres le 4 novembre 1750.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. IV, p. 896—902.—*Courtaux*, Notice historique sur les seigneurs de la Bove, Paris, 1901.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 472.—*Pedrelli*, Notice ms.—„Caze de la Bove, marquis de Salignac, de la Mothe-Fénelon, vicomtes de Caze, barons de la Bove et des Barres, seigneurs de Charleval, de Juvencourt, d'Orgeval, de Villembray, de Méry, de Béost, etc., famille répandue en Languedoc, en Provence, en Forez et dans l'Ile-de-France, issue de Jean Caze, mort le 11 août 1558, qui eut, entre autres, trois enfants: Milan Caze, receveur général des finances de Lyon, auteur des branches de la Bove..." „Cette famille a donné un conseiller au Parlement, des auditeurs à la Chambre des comtes de Montpellier, et des maîtres de la Chambre des comtes de Dôle, des généraux des finanses, des fermiers généraux, des contrôleurs généraux et des receveurs généraux des fermes du roi, des maîtres des requêtes, intendants de Champagne, de Bretagne, etc". (Pedrelli).—„Cette famille a été maintenue dans sa noblesse par ordonnance rendue en faveur de Jean de Caze, maître d'hôtel du roi, par M. du Gué, in-

надцатаго вѣка [1]). Фамилія, къ которой принадлежалъ послѣдній бретанскій интендантъ (1788—1790) Дюфоръ-де-Рошфоръ, ведетъ свою дворянскую родословную съ начала семнадцатаго вѣка [2]). Фамилія Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, изъ которой вышелъ буржскій (1764—1776), а затѣмъ бордоскій (1776—1785) интендантъ съ этимъ именемъ, доказала въ 1757 г., на основаніи подлинныхъ документовъ, свою дворянскую „филіацію" съ 1501 г. [3]). Фамилія Эсман-

tendant de Lyon, le 18 août 1668, et par un arrêt des commissaires généraux députés par S. M. en Provence pour la recherche des usurpateurs de la noblesse, rendu le 5 décembre 1668, par lequel François, Georges, autre François et Pierre Caze, furent déclarés nobles et issus de noble race et lignée" (Lachenaye-Desbois).

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. VI p. 125: „La déclaration du 8 février 1661 porte que ceux qui se prétendent nobles d'extraction, doivent justifier, par titres authentiques, la possession de leur noblesse et leur filiation, depuis l'année 1550".

[2]) Germain-François Dufaure de Rochefort, chevalier, seigneur de Rochefort (comte de R., d'après Grignon), du Châtenet, de Sept-Fonts et autres lieux, né le 30 juillet 1754, mort à Bordeaux, le 8 août 1822; fils de Jean-Baptiste-Germain Dufaure, écuyer, seigneur de Rochefort, du Châtenet et de Sept-Fonts, trésorier général de France à Bordeaux, mort en 1766.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 471.—*Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, série C, Introduction.—*Archives nationales*, O[1] 160, feuille 419.—*La Coussière*, notice sur Dufaure dans l'*Intermédiaire des chercheurs et curieux*, t. 30 (1897), p. 128.—Notices mss. par M. *Grignon*, notaire à Paris, et par le *comte de Saint-Saud*, généalogiste, communiquées par M *le comte de Rochefort*, petit fils de l'intendant.—„Ancienne famille du Périgord" (La Coussière).—Въ своей рукописной генеалогіи этой фамиліи графъ Saind-Saud считаетъ ея родоначальникомъ Pierre Faure, maître de forges, жившаго въ концѣ пятнадцатаго вѣка, но непрерывная родословная нить начинается лишь съ Jean Faure, écuyer, seigneur de Rochefort, который жилъ въ началѣ семнадцатаго вѣка. Дѣдъ интенданта былъ меромъ города Перигё

[3]) Nicolas Dupré de Saint-Maur, chevalier, seigneur de Brion, Argent, Clémon, Villezon, Sainte-Montaine, la Jaulge et autres lieux; fils de Nicolas-François Dupré de Saint-Maur, trésorier de France à Paris, maître des comptes (1732), membre de l'Académie française, né en 1694, mort le 2 décembre 1774 —*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. 16, XVI, p. 313—319.—*Pedrelli*, Notice ms.- Notice fournie par M *Jacques Soyer*, archiviste du Cher.—*Archives nationales*, II 92 (titre). —„Famille noble, célèbre dans la magistrature, à Paris. Ses titres ont été produits devant M. d'Hozier, juge d'armes de France, suivant son certificat délivré le 28 juillet 1757, qui ne la remonte qu'à Nicolas du Pré, écuyer, seigneur de Lieusault, vivant en 1501, mais nous trouvons dans un inventaire des titres qu'elle prouve une filiation suivie depuis Nicaise du Pré, écuyer, seigneur de Cossigny, valet de chambre du duc de Bourgogne qui reçut, le

гаръ, давшая бордоскаго (1770—1775), затѣмъ канскаго (1775—1783) и лилльскаго (1783—1790) интенданта съ этимъ именемъ, подобнымъ же образомъ доказала въ 1782 г. „четыре поколѣнія“ непрерывнаго дворянства [1]). Муленскій (1762—1764), затѣмъ реннскій 1764—1767) и ліонскій (1767—1784) интендантъ, впослѣдствіи „купеческій старшина“ (городской голова) Парижа, де-Флессельль, происходилъ изъ фамиліи, которая въ шестнадцатомъ вѣкѣ насчитывала въ своей средѣ титулованныхъ дворянъ [2]). Изъ той же эпохи ведетъ свое дворянство фамилія Гиньяръ-де-Сенъ-При, давшая въ изучаемую нами эпоху двухъ лангдокскихъ интендантовъ

15 juin 1444 foi et hommage d'une maison et héritage près de Brie-Comte-Robert." (Lachenaye-Desbois).—„Elle a donné des conseillers à la Cour des comptes et au Parlement, des maîtres des requêtes, officiers, etc". (Pedrelli).

[1]) Charles-François-Hyacinthe Esmangart, chevalier, seigneur de Montigny, des Bordes, des Feynes, Pierrerue et autres lieux, né le 11 mai 17?6, mort après 1791; fils de Hyacinthe Esmangart.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VII, p 336—357.—*Brette*, op. cit, t. I, p. 466. -*Félix Mourlot*, l'Intendant Esmargart. ms.—*Pedrelli*, Notice ms.—„Une vieille famille du Valois. Dans un démembrement de 1573, Nicolas Esmangart, écuyer, sieur de Bourmonville, figure comme capitaine du château de Pierrefonds et maître particulier en la forêt de Guise (F. Mourlot). Въ „каталогѣ дворянъ, доказавшихъ предъ королевскими генеалогами свое дворянское званіе, для поступленія въ королевскія военныя школы и въ военную службу“ (*Saint-Allais*, Nobiliaire universel de France, t. XII, p. 58), фигурируютъ три брата: Charles-Hyacinthe, François-Marie-Hyacinthe и Claude-François Esmangart de Pierrerue, родившіеся 5-го октября 1767 г., 1-го октября 1766 г. и 5-го февраля 1767 г., и прошедшіе свои preuves 12-го марта и 23-го апрѣля 1782 г. Годы рожденія дѣлаютъ вѣроятнымъ, а имена—несомнѣннымъ, что это были дѣти интенданта. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ требовалось доказать четыре поколѣнія дворянства. Что касается самыхъ датъ, то въ нихъ есть по меньшей мѣрѣ двѣ опечатки: вѣроятно, въ первомъ случаѣ надо исправить семерку на четверку (1767—1764) и въ послѣднемъ семерку на девятку (1767—1769).

[2]) Jacques de Flesselles, chevalier, seigneur de Champgueffier, né le 11 novembre 1730, massacré le 14 juillet 1789, à Paris; fils de Jacques de Flesselles, écuyer, seigneur de Champgueffier, de la Chapelle-Yger et de Vaux.—*Boyer de Saint-Suzanne*, le Personnel administratif sous l'ancien régime, Paris, 1868.—*Pedrelli*. Notice ms.—*Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, série C, Introduction.—*Dictionaire de la conversation et de lecture*, t. XXVII, p. 213—214.—„Une famille de robe très ancienne" (Dictionnaire de la conv. et de lect.).—„Philippe de Flesselles, chanoine de Paris, qui testa le 8 septembre 1567, était le père de Gui de Fl. (du diocèse d'Amiens) par lequel d'Hozier commence la filiation de cette famille, qui, à la fin du XVI siècle, se divisa en deux branches, celle des marquis de Brégy, éteinte dans les mâles en

(1751—1785 и 1785—1786)[1]. Фамилія ле-Февръ-де-Комартэнъ, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, „заявляла притязаніе на старинное дворянство", на что она, дѣйствительно, имѣла полное право въ виду того, что ея представители издавна занимали различныя одворянивающія должности въ магистратурѣ; къ ней принадлежали мецскій (1754—1756), потомъ лилльскій (1756—1778) интендантъ съ этимъ именемъ[2], и его сынъ—реннскій (1784), по-

---

1762, et celle de Champgueffier, éteinte en 1789, avec le prévôt des marchands de Paris" (Pedrelli).—„Elle a donné un échevin de Paris, des conseillers au Parlements de Paris et de Rouen, des trésories généraux des Ponts et Chaussées, des conseillers d'Etat, un lieutenant général des armées du roi, le dernier prevôt des marchands de Paris, etc." (idem).

[1]) Jean-Emmanuel de Guignard, chevalier, vicomte de Saint-Priest, seigneur des Granges-le-Châtel, de Veyssilieu, de Lignet, de la Dosnière, de Chasselay, Moras, Panossar, Bressac et autres lieux, né le 20 mars (ou mai) 1714, mort à la fin de 1785; fils de Denis-Emmanuel de Guignard, chevalier, vicomte de Saint-Priest, marquis de Péraut, conseiller en la Cour des aides et finances du Dauphiné, par provisions du 13 août 1704, conseiller, puis président au Parlement de Grenoble par lettres du 31 mai 1715.—Marie-Joseph-Emmanuel de Guignard, vicomte de Saint-Priest, comte de Ferrières et de Rogermonts, seigneur de Veyssilieu, de Moras, Panossar, Bressac, Surgy, la Dosnière et autres lieux, né le 16 juillet 1732, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 28 juin 1794; fils du précédant.—*Généalogie des seigneurs Guignard, vicomtes de Saint-Priest.—Saint-Allais*, Nobiliaire universel de France, t. VI, p. 30—35.—*Inventaire des archives départementales de l'Herault*, t. II, notice par M. Thomas.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1104. 1121. 1127 et passim. *Notices biographiques sur MM. les comtes de Saint-Priest*, Paris, 1847.—*Pedrelli*, Notice ms. *Archives nationales*, W 397 (jugement du tribunal révolutionnaire).—„Famille originaire d'Alsace" (Saint-Allais).—„Généalogie des vicomtes de St.-P." считаетъ родоначальникомъ этой фамиліи Robert de Guignard, chevalier, seigneur de Samois et du Leyritz en Gâtinais, жившаго въ концѣ тринадцатаго и началѣ четырнадцатаго вѣковъ, и считаетъ интенданта его потомкомъ въ двѣнадцатомъ поколѣніи. Но такъ какъ фамильные архивы Гиньяровъ погибли во время революціи, то уходящая такъ далеко въ глубь вѣковъ генеалогическая лѣстница является мало устойчивой, и, быть можетъ, будетъ осторожнѣе возводить начало этой фамиліи, вмѣстѣ съ Педрелли, къ Jean Guignard, seigneur d'Arbonne en Gâtinais, который жилъ въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ эта фамилія дала нѣсколько совѣтниковъ гренобльскаго парламента, въ томъ числѣ былъ и самъ интендантъ (а отецъ его былъ даже президентомъ этого парламента).

[2]) Antoine-Louis François le Fèvre de Caumartin, marquis de Saint-Ange, comte de Moret, né le 29 juillet 1725, mort en 1803; fils d'Antoine-Louis-

томъ безансонскій (1784—1790) интендантъ [1]). Ла-рошелльскій (1764—1765), затѣмъ суассонскій (1765—1784) интендантъ ле-Пелльтье ведетъ свое начало отъ фамиліи, обязанной своимъ дворянствомъ Луи ле-Пелльтье, который въ 1637 г. пріобрѣлъ одворянивающую должность „королевскаго секретаря" [2]).

—

François, marquis de-Saint-Ange, comte de Moret, né le 6 septembre 1696 conseiller au Parlement de Paris le 27 janvier 1719, maître des requêtes le 24 juillet 1721, conseiller au Grand conseil le 14 avril 1722, rapporteur du point d'honneur au tribunal des maréchaux de France, président au Grand conseil, le 2 janvier 1742, conseiller d'Etat au mois de juillet 1745, premier président du Grand conseil pendant l'année 1747, mort le 14 avril 1748.—*Archives nationales*, MM 811, p. 485—495 (preuves pour les honneurs de la cour).—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VI. p. 982—992.—*Pedrelli*, Notice ms.—„Famille noble, originaire du Ponthieu, où elle a acquis la terre de Caumartin, à la fin du XIV siècle" (Lachenaye-Desbois).—„Depuis plus de 140 ans cette famille prétend être d'ancienne noblesse, on n'a sur elle aucun acte antérieur à 1540. Elle paraît dès le commencement de la robe, en remplit ensuite les premières places, continue jusqu'à aujourd'hui d'en exercer les fonctions et tient à ce titre un rang distingué entre les plus considérables de la magistrature. Elle a pour auteur connu Aubert le Fèvre, seigneur de Caumartin, mort en 1540". [*Archives nationales*, MM 811 (document cité)].—Въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, съ половины шестнадцатаго до конца восемнадцатаго, эта фамилія выставила изъ своей среды много магистратовъ, членовъ парижскаго парламента и финансоваго присутствія, совѣтниковъ королевскаго и великаго вовѣтовъ, одного „купеческаго старшину" гор. Парижа, одного канцлера ордена св. Людовика, одного члена французской академіи, одного посла, одного хранителя пачатей и пятерыхъ интендантовъ.

[1]) Marc-Antoine le Fèvre de Caumartin de Saint-Ange, né le 14 mars 1751, mort en?—Дата рожденія сообщена А. Бреттомъ на основаніи записи о рожденіи.

[2]) Louis le Pelletier, chevalier, marquis de Morfontaine, seigneur de Morfontaine, Plailles, Beaupré, Othis et autres lieux, né le 6 avril 1730, mort au mois de juillet 1816; fils de Jacques-Louis le Pelletier, seigneur de Montméliand, Morfontaine etc., dit le marquis de Morfontaine, né le 25 juillet 1700, mort le 9 juillet 1770.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives départementales de la Marne*, C 1645 (titre).—*Chassin*, les Elections et les Cahiers de Paris, t. I, p. 17.—„Famille originaire du Mans, illustre dans la magistrature et qui a pour auteur Pierre le Pelletier, vivant et 1508" (Pedrelli).—„Famille dont on connaît la filiation depuis Pierre le P., bailli de Touvoy (?), maire du Mans, mort en 1508, et qui doit sa noblesse à une charge de secrétaire du roi dont fut revêtu Louis le P., en 1637. Elle a donné des avocats au Parlement, un secrétaire du roi, des conseillers, président et premiers présidents au Parlement de Paris, des conseillers d'Etat, deux prévôts des marchands de Paris, deux contrôleurs généraux des finances, un directeur des fortifications, un grand trésorier des ordres du roi, un membre de la convention nationale, des députés, un pair de France, un pré-

Далѣе слѣдуетъ рядъ дворянъ, болѣе или менѣе новичковъ, дворянъ не старше третьяго поколѣнія,—дворянство которыхъ не восходитъ (или по крайней мѣрѣ не можетъ быть доказано) далѣе второй половины семнадцатаго столѣтія, а частью не выходитъ изъ предѣловъ восемнадцатаго. Ошскій (1767—1774), затѣмъ лиможскій (1774—1783) и турскій (1783—1790) интендантъ д'Энь былъ сыномъ anobli, пріобрѣвшаго дворянское званіе покупкой должности королевскаго секретаря въ 1728 г.[1]). Сыномъ же anobli былъ руанскій интендантъ (1785—1787), впослѣдствіи генералъ-контролеръ Лоранъ-де-Виллььдейль [2]). Отецъ мулэнскаго (1777—1781), потомъ ла-рошелльскаго (1781—1789) интенданта Гео-де-Реверсо былъ, повидимому, также anobli [3]). То же самое можно ска-

—

fet, un évêque, un ministre plénipotentiaire, etc., et a reçu les titres de comte et baron de l'empire" (Pedrelli).

1) Marius-Jean-Baptiste-Nicolas d'Aine, chevalier, né à Paris le 27 décembre 1730, mort en 1804; fils de Marius-Jean-Bartiste-Nicolas d'Aine, seigneur de Grandval-sous-Soucy, secrétaire du ministre de la guerre, anobli en 1728 par une charge de secrétaire du roi, mort le 25 août 1735.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 456.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit. t. VI, p. 697—698.—Notices ms. communiquées par M. *Louis de Grandmaison*, archiviste d'Indre-et-Loire, et par M. *Pedrelli*.

2) Pierre-Charles Laurent de Villedeuil, seigneur de Villemenon, Bras-de-Fer, Bombon, etc., né à Bouchain (Nord) le 12 octobre 1742, mort à Paris le 28 avril 1828; fils de Pierre-Josephe Laurent, ingénieur, directeur des canaux de Picardie et de Flandre, anobli en août 1756.—*Inventaire analytique des procès-verbaux du Conseil de commerce*, Paris, 1900, Introduction, p. 53.—*Inventaire des archives départementales de la Seine-Inférieure*, série C, Introduction.—*Bachaumont*, Mémoires secrets, t. XXXIV—XXXV.

3) Jacques-Philippe-Jean-Isaac Guéau de Gravelle de Reverseaux, chevalier, marquis de Reverseaux, comte de Miermaigne, seigneur châtelain de Theuville, Allonne, Beaumont, Argenvilliers et autres lieux, né le 26 juin 1739, condamné à mort par le tribunal révolutionaire de Paris et exécuté le 12 février 1794; fils de Jean-Jacques Guéau, seigneur de Reverseaux, de Rouvray, secrétaire du roi, président au Grand Conseil (1768), marquis de Reverseaux (12 septembre 1771).—*Brette*, op. cit., t. I, p. 453-454.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. IX, p. 978.—*D'Aussy*, Chroniques saintongeaises. Notices fournies par M. *Louis Audiat*, président de la Sociéte des Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis, par M. *Meschinet de Richemond*, archiviste de la Charente-Inférieure, et par M. *Pedrelli*.—*Archives nationales*, W 323.—„Famille appartenant au Parlement, d'une noblesse peu ancienne" (d'Aussy).— По всей вѣроятности, отецъ интенданта былъ первымъ въ своей фамиліи, пріобрѣвшимъ дворянское званіе, на что указываетъ его титулъ „королевскаго секретаря".

зать и о ла-рошелльскомъ (1766—1773), потомъ эксскомъ (1773—1775) и валансьеннскомъ (1775—1790) интендантѣ Сенакъ-де-Мейльянѣ [1]). Ріонскій (1767—1771), затѣмъ эксскій (1771—1773) и ла-рошелльскій (1773—1775) интендантъ Оже-де-Монтіонъ былъ внукомъ камеръ-юнкера и суперъ-интенданта королевской музыки въ серединѣ семнадцатаго вѣка; по всей вѣроятности, этотъ дѣдъ интенданта былъ первымъ дворяниномъ въ своей фамиліи (по своей должности) [2]).

Два послѣднихъ парижскихъ интенданта, Бертье (1774—1776, ранѣе—муленскій, 1734—1740, и гренобльскій, 1740—1743) [3]), и его

[1]) Gabriel Senac de Meilhan, né le 7 mai 1736, mort à Vienne le 16 août 1803; fils de Jean-Baptiste Senac, „conseiller ordinaire du roi en ses conseils d'Etat et privé, premier médecin de Sa Majesté, surintendant général des eaux, bains et fontaines minérales et médicinales du royaume, membre de l'Académie royale des sciences", mort le 20 décemre 1770, à Versailles, âgé d'environ 80 ans.—*Brette*, t. II, p. 467.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVIII, p. 508—509.—*Pedrelli*, Notice ms. — Другой сынъ королевскаго врача, старшій братъ интенданта, былъ откупщикомъ (умеръ въ 1783 г.).

[2]) Antoine-Jean Baptiste-Robert Auget de Montyon, chevalier, seigneur, baron de Montyon, né le 23 décembre 1733, à Paris, mort le 29 décembre 1820, à Paris; fils de Jean-Baptiste-Robert Auget, chevalier, baron de Montyon, seigneur de Jossigny, Minerval, Cambry, conseiller du roi et maître en la Chambre des comptes, né le 22 juillet 1695, mort le 9 février 1741.—*Labour*, M. de Montyon, Paris, 1880.—*Lachenaye-Desbois*, t. II, p. 31.—*Pedrelli*, Notice ms.—„M. de Montyon appartenait à une famille de magistrature... Il appartenait à la race de ces grands bourgeois parisiens, que notre époque confond si facilement avec les nobles d'extraction, parce que les appellations sont les mêmes" (Labour).—„Paul Auget, seigneur de Souffroy, gentilhomme ordinaire de la chambre du roi, est le plus ancien membre de cette famille dont le nom soit parvenu jusqu'à nous" (idem).

[3]) Louis-Jean Bertier, chevalier, marquis de Sauvigny, né le 28 mars 1709, mort le 23 août 1788; fils de Louis-Bénigne Bertier, seigneur de Sauvigny-les-Bois, Villefery, Arnay, Tharost, etc., gentilhomme de la vénerie du duc d'Orléans, président de la cinquième chambre des enquêtes au parlement de Paris, né en 1676, marié en 1708 à Jeanne Orry, fille de Jean Orry, comte de Vignori, président à mortier au Parlement de Metz et ministre des finances de Philippe V, roi d'Espagne, mort en 1745. -*De Boislisle*, Mémoires des intendants sur l'état des généralités dressés pour l'instruction du duc de Bourgogne, Paris, 1881, t. I, Introduction, p. 86. — *Ch. de Bertier de Sauvigny*, Quelques notes généalogiques sur la famille de Bertier, Lille, 1887.—*Lachenaye-Desbois*, t. III, p. 40—41.—Notices ms. communiquées par MM. *Pedrelli* et le *comte Christian de Bertier de Sauvigny*.—„Cette famille est originaire de Bourgogne" (Lachenaye-Desbois).—Родоначальникомъ этой фамиліи Lachenaye-Desbois называетъ Thomas Bertier, maître d'hôtel du roi en 1654, trésorie général des

сынъ, сначала „адъюнктъ“ (1768—1778), а затѣмъ преемникъ отца въ парижскомъ интендантствѣ (1778—1789) [1]), имѣли своимъ родоначальникомъ—онъ приходился дѣдомъ интенданту-отцу — Томаса Бертье, „вышедшаго изъ крестьянской семьи“, изъ Бургони; благодаря сильной протекціи, въ лицѣ казначея бургонскихъ штатовъ, ему удалось настолько подняться по соціальной лѣстницѣ, что его сынъ могъ уже проникнуть въ парламентскую магистратуру, и въ качествѣ совѣтника дижонскаго парламента, сдѣлаться дворяниномъ, а сынъ этого дворянина-новичка, сдѣлавшійся парижскимъ интендантомъ, носилъ уже громкій дворянскій титулъ „маркиза де-Совиньи“. Фамилія Бертранъ-де-Бушпорнъ, къ которой принадлежитъ корсиканскій (1775—1785), а потомъ по-байонскій (1785—1790) интендантъ съ этимъ именемъ, ведетъ свое родословіе отъ

Etats de Bourgogne; но послѣдній титулъ представляетъ, повидимому, результатъ недоразумѣнія, объясненіе которому даетъ, намъ кажется, слѣдующая сообщенная намъ г. Педрелли цитата изъ генеалогій, найденныхъ имъ въ рукописномъ отдѣлѣ національной библіотеки въ Парижѣ; тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ этотъ „Thomas Bertier, issu d'une famille de paysans de Massigny-les-Vitteaux arriva à la fortune“. „Etant venu à Paris au service du sieur d'Espringles, comme il avait de l'esprit, il eut une commission, et s'étant depuis attaché au sieur Barthet, trésoirer des Etats de Bourgogne, il s'avança auprès de lui, et devint ensuite maistre d'hôtel du Roy (1654)“ etc. Очевидно, упоминаемаго здѣсь *Barthet* смѣшали съ *Bertier* и титулъ перваго перенесли на послѣдняго. Титулъ „казначея бургонскихъ штатовъ“ не упоминается вовсе въ генеалогіи фамиліи Бертье, составленной однимъ изъ теперешнихъ ея представителей (заглавіе приведено выше). Попытка автора этой послѣдней генеалогіи связать упомянутаго Thomas Bertier, „вышедшаго изъ крестьянъ“, съ одворянившейся одноименной фамиліей тулузскихъ „капитуловъ“ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ, легко объяснима, но едва ли убѣдительна. По даннымъ, сообщеннымъ г. Педрелли, Томасъ Бертье, о которомъ идетъ рѣчь, пріобрѣлъ дворянское званіе путемъ покупки должности „королевскаго секретаря“ въ 1668 г.

[1]) Louis-Bénigne-François Bertier, chevalier, né le 24 mars 1737, massacré le 22 juillet 1789. Приведенный короткій титулъ, встрѣчающійся обыкновенно въ такомъ видѣ въ офиціальныхъ административныхъ актахъ (и принимаемый Бреттомъ), наращается у Педрелли прибавкой „le comte de Sauvigny“, а по даннымъ семейнаго архива фамиліи Бертье-де-Совиньи, любезно сообщеннымъ намъ графомъ Христіаномъ де-Бертье-де Совиньи, титулъ этотъ имѣетъ слѣдующій болѣе распространенный видъ: Louis-Bénigne-François de Bertier, chevalier, marquis de Bertier et d'Arnay, vicomte de Tharost et de Genouilly, baron de Lisle-sous-Monréal, Presles et Tour-de-Pré, seigneur de Sauvigny-le-Bois, Cussy les Forges, Sainte-Magnance, Villefery, Dampierre-en-Bourgogne, Origny, Sainte-Colombe, Morsan-sur-Orge, près Paris, etc.

секретаря мецскаго бальяжа, жившаго въ началѣ семнадцатаго вѣка, но дворянствомъ своимъ она обязана, по всей вѣроятности, другимъ изъ своихъ представителей по нисходящей линіи, занимавшихъ болѣе видныя и связанныя съ дворянствомъ должности въ магистратурѣ [1].

Мецскій (1768—1778), затѣмъ лилльскій (1778—1783) интендантъ, впослѣдствіи генералъ-контролеръ де-Калоннъ принадлежалъ къ буржуазной фамиліи города Турнэ, одворянившейся въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія путемъ пріобрѣтенія должностей королевскаго секретаря и совѣтника парламента [2].

Отецъ монтобанскаго (1756—1758), затѣмъ лотарингскаго (1758—

[1] Claude-François Bertrand de Boucheporn, chevalier, seigneur de Boucheporn, né à Metz le 4 novembre 1741, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Toulouse et exécuté le 20 février 1794; fils de Bertrand de Chailly, conseiller au parlement de Metz. — *Brette*, op. cit, t. I, p. 457. — *Saint-Allais*, op. cit., t. XII, p. 21. — *Bégin*. Biographie de la Moselle. Metz, 1829, t. I. p. 118—128.—*Duboul*, le Tribunal révolutionnaire de Toulouse, Toulouse. 1894, p. 79.—*Pedrelli*. Notice ms.—„La famille de Bertrand de Boucheporn, de Chailly, de Sussy, de Fourcheux, est originaire de Metz, et établit sa filiation depuis Jean Bertrand, greffier au bailliage de Metz, en 1615, dont la nombreuse postérité a rempli des charges de notaire royal, de conseiller au Parlement de Metz et au Bureau des finances“ (Pedrilli). — „Ancienne famille de Lorraine, dont plusieurs membres s'étaient distingués soit au Parlement de Metz, soit dans les fonctions de maître échevin de cette ville“ (Duboul)

[2] Charles Alexandre de Calonne, chevalier, comte d'Hannonville, baron d'Ornes. seigneur de Tillot, Dommartin et autres lieux, né à Douai le 20 janvier 1734, mort à Paris le 29 octobre 1802; fils de Louis-Joseph-Dominique de Calonne, président à mortier au Parlement de Douai en 1789.—*Archives nationales*, H 1448 (titre).—*Pedrelli*, Notice ms.—„Quant aux Calonne de Merchin, qui ont donné le fameux contrôleur général des finances sous Louis XVI, ils est incontestable qu'ils n'ont rien de commun que le nom avec les Calonne d'ancienne chevalerie. Après avoir acheté le droit de bourgeoisie de Tournai, avoir rempli des fonctions municipales, possédé des fiefs, la branche aînée fut anoblie par l'achat de charges de secrétaire du roi et de conseillers au Parlement, dans la première moitié du XVIII siècle. La deuxième et la troisième branche restèrent bougeoises“ (*Bulletin de la Société héraldique de France*, t II, p. 484, cité par Pedrelli).—„Cette famille... est originaire de Tournai. Elle a eu une grande illustration en donnant un premier président, un président à mortier, un conseiller, enfin un procureur général au Parlement de Frandre. Ce dernier devint contrôleur général des finances en 1783 et chancelier de l'ordre du Saint-Esprit“ (*Annuaire de la noblesse de France*, 1885, p 20:, cité par le même).

1777) и эльзасскаго (1777—1790) интенданта Шомонъ-де-ла-Галезьера (его сынъ былъ адъюнктомъ въ Страсбургѣ, 1789—1790) былъ совѣтникомъ мецскаго парламента, секретаремъ королевскаго совѣта и наконецъ канцлеромъ герцога лотарингскаго, и слѣдовательно—дворяниномъ по своимъ должностямъ, а также, по всей вѣроятности, и по своему происхожденію, но кто былъ авторомъ дворянства этой фамиліи, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ уже самая скудость генеалогическихъ свѣдѣній служитъ указаніемъ на относительную молодость этой дворянской фамиліи [1]). Родословіе фамиліи де-Галлуа-де-ла-Туръ, изъ которой вышелъ послѣдній экскій интендантъ (1744—1771, 1774—1790), извѣстный знатокъ французской генеалогіи Лашенэ-Дебуа ведетъ отъ Pierre des Gallois, seigneur de la Tour, который былъ дѣдомъ интенданта; онъ былъ, по всей вѣроятности, дворянинъ, такъ какъ иначе сыну его врядъ ли было бы возможно получить такое видное мѣсто въ магистратурѣ, какъ мѣсто перваго президента парламента (въ Эксѣ) [2]). Родоначальникомъ фамиліи, къ которой принадлежалъ послѣдній буржскій инденданть (1780—1789) Дюфуръ-де-Вилльневъ, былъ „ка-

[1]) Antoine de Chaumont de la Galaizière, marquis de la Galaizière, comte de Chaumont-sur-Moselle, marquis de Bayon, seigneur de Maseille-sur-Guyon et autres lieux, né le 4 octobre 1727, mort en 1803; fils d'Antoine-Martin Chaumont de la Galaizière, conseiller au Parlement de Metz, puis maître des requêtes en 1720, intendant de Soissons le 24 avril 1731, puis de Lorraine en 1737, chancelier du duc de Lorraine le 18 janvier 1737, conseiller d'Etat semestre le 24 juillet 1743, promu ordinaire le 18 octobre 1755, nommé conseiller au Conseil royal des finances en janvier 1776, commissaire au Bureau de commerce de 1767 à 1784; mort en 1784.—Antoine-Pierre de Chaumont de la Galaizière, né le 13 juin 1759, fils du précédent.—*Brette*, op cit., t. I, p. 467.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. V, p. 509.—*Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, Paris et Colmar, 1877, p. 21.—*Inventaire analytique des procès-verbaux du Conseil de commerce*, Paris, 1900, p. XLIII.—Notices communiquées par MM. *A. Brette* et *Pedrelli*.

[2]) Charles Jean-Baptiste des Gallois, chevalier, vicomte de Glené, seigneur de la Tour, Chazelles, Dampierre et autres lieux, né le 11 mars 1715, à Paris, mort à Paris le 24 janvier 1802; fils de Jean-Baptiste des Gallois, chevalier, vicomte de Glené, intendant du Poitou, puis de Bretagne (1728), de Provence (1734), premier président du parlement d'Aix (1735), mort le 7 mars 1747.—*Brette*, op. cit., t I, p. 470—471.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VIII, p. 882—883.—*Ribbe*, Pascalis, étude sur la fin de la constitution provençale, Paris, 1854, p. 61.—*Viguier*, les Débats de la révolution en Provence, Paris, 1894, p. 325. — *Bonnassieux*, Conseil de commerce et Bureau du commerce 1701—1791, Paris, 1900, p. XLV.

значей Франціи“ (членъ финансоваго присутствія), жившій во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, и по всей вѣроятности доставившій дворянское достоинство себѣ и своимъ потомкамъ путемъ пріобрѣтенія названной должности [1]. Такимъ же путемъ было пріобрѣтено дворянство предкомъ (вѣроятно—прадѣдомъ) ошскаго интенданта Гравье-де-Верженния (1782—1783) [2]). Отъ середины семнадцатаго вѣка ведетъ свое начало одворянившаяся чрезъ различныя должности въ руанскомъ парламентѣ—до перваго президента включительно—фамилія ле-Камюсъ, изъ которой вышелъ по-байонскій (1784—1786), а затѣмъ бордоскій (1785—1790) интендантъ, носившій это имя [3]).

1) Jean-Baptiste Claude Dufour de Villeneuve, chevalier, seigneur de Villeneuve, Chalus, Laspoix, Boisemont et Courdimanche, né le 6 novembre 1737, mort après le 1 juillet 1790 (date à laquelle il quitta l'intendance); fils de Jean-François Dufour de Villeneuve, né le 25 février 1710, lieutenant général au présidial de Clermont-Ferrand, maître des requêtes, le 27 octobre 1744, président au Grand conseil le 22 juillet 1747, intendant de Bourgogne de 1760 au mois de juillet 1764, lieutenant civil au Châtelet de Paris, reçu le 21 juin 1766.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VIII, p. 497—498.—*Inventaire des archives départementales de la Côte-d'Or*, série C, t. I, p. 10.—Notices fournies par MM. *Pedrelli* et *Jacques Soyer*, archiviste du Cher. — „Dufour, seigneurs de Vernols, Pradel, Fortunier, Rascoupet, Baladour, Gromont, le Bois de-Cros, Villemouze, Villeneuve, le Breuil, Vedrines, etc., en Haute et Basse-Auvergne“ (Pedrelli).—Родоначальникомъ этой фамиліи, насколько позволяетъ судить генеалогическая литература, является Isaac du Four, trésorier de France, жившій во второй половинѣ семнадцатаго вѣка. — *Boyer de Saint Suzanne*, le Personel administratif sous l'ancien régime, p. 60, смѣшиваетъ послѣдняго буржскаго интенданта съ дижонскимъ, который былъ его отцомъ.

2) Charles-Bonaventure-François-Xavier Gravier de Vergennes, marquis de Vergennes, chevalier, né en 1751, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 24 juillet 1794; fils Jean de Gravier, marquis de Vergennes, baron de Thénard, seigneur d'Ormes, de Vannaise et de Saugy, né à Dijon le 5 novembre 1718, président à la Chambre des comptes de Bourgogne et de Bresse (1742), ambassadeur en Suisse (1771—1788), mort en 1789.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. IX, p. 784—785.—*Duclos des Erables*, notice dans *l'Intermédiaire*, t. 47, p. 859—860.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives départementales des Hautes-Pyrénées*, C 176 (titre).—„Famille de Bourgogne dont la filiation remonte à Jean Gravier, seigneur de Chevagny, qui fut anobli par une charge de trésorier de France à Dijon, en 1681 ou 1685“ (Pedrelli).—Болѣе извѣстный представитель этой фамиліи, графъ де-Верженнь, министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI, приходился интенданту дядей.

3) François-Claude-Michel-Bénoît le Camus, chevalier, seigneur châtelain et patron de Neville, du Port-de-Navarre, Bourg-Charente et autres lieux,

Неизвѣстно, восходитъ ли дальше отца монтобанскаго (1758—1761), а затѣмъ безансонскаго (1761—1784) интенданта де-ла-Корэ дворянство этой фамиліи; что же касается отца интенданта, то его дворянское званіе не подлежитъ сомнѣнію въ виду его офицерскаго чина [1]. Дворянское званіе фамиліи де-Моссіонъ, давшей послѣдняго руанскаго интенданта (1787—1790), не восходитъ, по всей вѣроятности, дальше его дѣда, „королевскаго секретаря“ [2]. Путемъ пріобрѣтенія званія „королевскаго секретаря“ въ 1688 г. пріобщилъ себя и свое потомство къ дворянскому сословію предокъ (прадѣдъ?) Мёланъ-д'Аблуа, который былъ послѣдовательно ларошелльскимъ (1776—1782), монтобанскимъ (1782—1783) и наконецъ

né le 22 mars 1750, mort en? -*Brette*, t. I, p. 455.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. IV, p. 636—646.—*Brive-Cazes*, De la police des livres en Guyenne, p. 155.—*Archives départementales des Basses-Pyrénées*, C 1539 (titre). Дата рожденія сообщена Бреттомъ на основаніи записи о крещеніи.—„Famille originaire d'Auxonne, distinguée dans la robe“ (Lachenaye-Desbois). Изъ нея вышло нѣсколько первыхъ президентовъ руанскаго парламента. Родословіе ея однако не восходитъ далѣе половины семнадцатаго вѣка.

[1]) Charles-André de la Coré, chevalier, seigneur de Saint-Ouen, né le 24 août 1720, mort le 2 novembre 1784, dans son château de Saint-Ouen (près Pontoise); fils de Charles-Etienne de la Coré, seigneur de Saint-Ouen, ancien capitaine de cavalerie, maréchal des logis du roi.- *De Lurion*, M. de la Lacoré, intendant de Franche-Comté, Besançon, 1898.—*Inventaire des archives départementales du Lot*, série C, Introduction,—idem, de la Haute-Saône, Introd.—*Archives départementales de la Marne*, C 1645 (titre).—*Lachenaye-Desbois*, op. cit, t. VI, p. 184.—*Pedrelli*, Notice ms.—Lachenaye-Desbois не восходитъ въ своей генеалогіи этой фамиліи дальше отца интенданта.

[2]) Etienne-Thomas de Maussion, chevalier, seigneur de la Courtausie, de Jambeville, Fremainville et autres lieux, né le 18 mai 1750, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté de 24 février 1794; fils de Charles-Etienne de Maussion, chevalier (d'après le comte de Maussion, et d'après Pedrelli, *écuyer*), seigneur de la Courtausie, receveur général des finances (d'après le comte de Maussion, et d'après Pedrelli, *trésorier général*) à Alençon (charge que lui céda son père).—*Brette*, op. cit., t, I, p. 460—461.—*Archives nationales*, W 332 (jugement du tribunal révolutionnaire).—Notices ms., fournies par MM. *Pedrelli* et le *comte de Maussion*.—По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ де-Моссіономъ, на основаніи „прадѣдовскихъ записокъ“, ихъ фамилія получила дворянство въ силу пожалованія королемъ Францискомъ I въ 1545 г.; но такъ какъ это свѣдѣніе, не опирающееся на документальныя данныя, находится въ противорѣчіи съ фактомъ пріобрѣтенія прадѣдомъ интенданта одворянивающаго званія „королевскаго секретаря“ (которое обыкновенно покупалось съ цѣлью полученія дворянства) около

лиможскимъ (1783—1790) интендантомъ [1]). Аналогичнаго происхожденія дворянство канскаго интенданта (1752—1775) Орсо-де-Фонтетта [2]), ла-рошелльскаго (1765—1767), затѣмъ амьенскаго (1767—1771) и реннскаго (1771—1780) интенданта Дюплэ-де-

половины семнадцатаго вѣка, то мы имѣемъ основаніе усомниться въ его достовѣрности и допустить скорѣе, вмѣстѣ съ г. Педрелли, что дворянство этой фамиліи начинается именно съ момента пріобрѣтенія Томасомъ де-Моссіономъ, прадѣдомъ интенданта, упомянутаго званія. Что касается титула отца и дѣда интенданта, то *receveur général* кажется намъ вѣроятнѣе, чѣмъ *trésorier général* (à Alençon), по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: 1) *trésorier général*—такого титула, строго говоря, не существовало въ ту пору, а употреблялся подобный титулъ только во множественномъ числѣ trésoriers généraux de France, для обозначенія совокупности членовъ финансоваго присутствія, въ единственномъ же числѣ говорили trésorier de France; 2) по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ де-Моссіономъ, Томасъ де-Моссіонъ „былъ вызванъ въ Парижъ" своимъ покровителемъ дядей, который и доставилъ ему здѣсь мѣсто receveur général d'Alençon: это послѣднее званіе, дѣйствительно, позволяло его носителю жить постоянно въ Парижѣ, званіе же члена финансоваго присутствія въ Алансонѣ требовало бы пребыванія въ Алансонѣ.—„Cette famille a donné un secrétaire du roi des conseillers au Parlement de Paris, des trésoriers généraux (receveurs généraux?) d'Alençon, un intendant de Rouen, un contramiral, des généraux, des colonels, des députés, un préfet, un grand officier de la légion d'honneur, etc". (Pedrelli).

[1]) Marie-Pierre-Charles Meulan d'Ablois, chevalier, né le 17 juin 1739, fils de Pierre-Louis-Nicolas Meulan, seigneur de Saint-Martin d'Ablois, receveur général des finances, né en 1708, mort le 30 octobre 1777, à Paris.—*Brette*, op. cit., t. I. p. 455.- *Leroux*, la Généralité de Limoges (*Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne*). -*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XIII, p. 791—792. *Pedrelli*, notice ms.—„De Meulan en Picardie, famille noble" (Lachenaye-Desbois).—„Jean de Meulan, valet de chambre de Louis XIII, est l'auteur de cette famille, qui fut anoblie par une charge de secrétaire du roi dont fut revêtu, en 1688, un autre Jean M., fils du précédent. Sa postérité a donné un fermier général, des receveurs généraux des finances, un maître des requêtes, intendant de la Rochelle, un maréchal de camp, un préfet, des chevaliers de Saint-Louis, de la Légion d'honneur etc. Madame Guizot, la femme du ministre, appartenait à cette famille" (Pedrelli).

[2]) François-Jean Orceau, baron de Fontette, chevalier, marquis de Tilly-d'Orceau et autres lieux, né le 14 octobre 1718, mort en prison le 6 avril 1794; fils de François Orceau, seigneur d'Arennes, trésorier général des galères, intéressé dans la ferme des Postes.—*Félix Mourlot*, l'Intendant Fontette, 1752—(*Bulletin historique et philologique*. 1904, op. 312—328).—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XV, op. 188—189.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, H 1416 (titre).—„Une famille de marchands tourangeaux... Alexandre Orceau vint

Баканкуръ[1]), лиможскаго (1756—1761), затѣмъ гренобльскаго (1761—1784) интенданта Пажо, прадѣдъ котораго „одворянилъ“ свое потомство покупкой такой же „должности“ въ 1680 г. [2]). Около того же времени, а именно въ 1679 г., такимъ же точно путемъ, пріобрѣлъ дворянство прадѣдъ послѣдняго шалонскаго интенданта (1764—1790, ранѣе того ла-рошелльскаго, 1762—1764) Руйлье д'Орфёйль (его сынъ состоялъ при отцѣ „адъюнктомъ“, 1785—

s'établir comme marchand à Paris; il y mourut en 1702, après avoir acheté en 1691 une charge de secrétaire du roi“ (F. Mourlot).—Интендантъ былъ правнукомъ этого Александра Орсо.

[1]) Guillaume-Joseph Dupleix, chevalier, seigneur de Bacquencourt, Bucy etc., né le 23 avril 1727, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 8 juillet 1794; fils de Charles-Claude-Ange Dupleix, écuyer, seigneur de Bacquencourt, Pernant, Bucy et Montrouge, fermier général, secrétaire du roi (1736), né en 1696, mort le 13 novembre 1750 à Paris.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VII, p. 73.—*Inventaire des archives départementales de la Charente-Inférieure*, série C, Introduction.—Idem, d'Ille-et-Vilaine, série C, Introduction.—Idem, de la Somme, Introduction.—*Archives départementales de l'Ain*, C 1009 (titre).—*Boyer de Saint-Suzanne*, les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 209 et suiv.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, W 409.—„La filiation prouvée des Dupleix remonte à René-François D., écuyer, seigneur de Bacquencourt, Mercin, la Bruyère, et les Gardes-Fanneville, écuyer de la grande écurie, fermier général, directeur de la compagnie des Indes, contrôleur général de Hainaut, mort en 1733“ (Pedrelli).—Титулъ *écuyer* указываетъ на дворянское званіе отца интенданта, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ личнымъ, а не наслѣдственнымъ дворянствомъ, такъ какъ одинъ изъ сыновей откупщика значится получившимъ дворянское достоинство въ 1746 г. На это указываетъ и пріобрѣтеніе другимъ его сыномъ (отцомъ интенданта) одворянивающей должности „королевскаго секретаря“ въ 1736 г.

[2]) Christophe Pajot, chevalier, seigneur de Marcheval, Neung-sur-Beuvron, Château-Vieux et Millançay, né le 27 avril 1724, massacré en avril 1792; fils de François Pajot, seigneur de Marcheval, receveur du grenier à sel d'Orléans, puis receveur général d'Alençon en 1742, mort le 27 août 1754.—*Saint-Allais*, op. cit., t. XVI, p. 218—236.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XV, p 355—359.—*Pedrelli*, Notice ms.—„Pajot, comtes d'Onz-en-Bray, marquis de Villers, seigneurs de Villperrot, de Marcheval et de Juvisy, famille distinguée par ses emplois, ses alliances et ses services militaires. Elle établit, par titres originaux, une filiation suivie depuis Nicolas Pajot, père de Léon Pajot, contrôleur général des postes, mort en 1688“ (Saint-Allais). Этотъ Николай Пажо, пріобрѣвшій для себя и своихъ потомковъ дворянство путемъ покупки должности королевскаго секретаря въ 1680 г., былъ прадѣдомъ интенданта; дѣдъ послѣдняго былъ также генералъ-контролеромъ почтъ (должность,

1790) [1]. Валансьенскій интендантъ (1764—1775), а впослѣдствіи генералъ-контролеръ Табуро-де-Рео подобнымъ же образомъ обязанъ былъ своимъ дворянскимъ званіемъ своему дѣду, купившему „должность" королевскаго секретаря въ 1712 г. [2]) Аналогичнаго происхожденія также дворянское званіе послѣдняго лангдокскаго

которую онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца).—*Alfred Leroux* (archiviste de la Haute-Vienne), la Généralité de Limoges (*Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne*, série C), ошибочно считаетъ интенданта Кристофа Пажо сыномъ другого интенданта, Пьера Пажо, который въ дѣйствительности приходился первому двоюроднымъ дядей, какъ это видно изъ родословной таблицы, опубликованной Сентъ-Аллэ.

[1]) Gaspard-Louis Rouillé d'Orfeuil, chevalier, marquis de Marville, né le 3 juillet 1732, fils de Jean-Louis Rouillé d'Orfeuil, conseiller du roi en ses conseils, maître des requêtes ordinaire de son hôtel, né en 1704, mort le 12 janvier 1737.—Antoine-Louis Rouillé, chevalier, né le 5 novembre 1756, fils du précédent.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 459.—*Tisseron et de Quincy*, Notice historique sur la famille de M. le comte de Roullé d'Orfeuil, Paris, 1847, in-8 (Bibl nat., Ln 27/17923).—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVII, p. 792—793.—*Pedrelli*, Notice ms. -„La famille Rouillé d'Orfeuil, originaire de Normandie, est une des plus anciennes et des plus distinguées de cette province" (Tisseron-Quincy).—Родоначальникомъ этой фамиліи сейчасъ названные авторы считаютъ „Messire Guillaume Rouillé, né à Alençon en 1494, qui suivit avec distinction la carrière du barreau". Во всякомъ случаѣ фамилія эта занимала долгое время лишь очень скромное мѣсто въ рядахъ провинціальной магистратуры и выдвинулась въ первые ряды ея лишь во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, въ лицѣ Louis Rouillé, surintendant des postes, получившаго, благодаря своему матеріальному положенію, возможность пріобрѣсти вмѣстѣ съ должностью королевскаго секретаря потомственное дворянство.—„Cette famille a donné un secrétaire du roi, des conseillers au Parlement de Paris, des maîtres des requêtes, des surintendants et des contrôleurs généraux des postes, des secrétaires d'Etat, un grand-prévôt de l'ordre de Saint-Louis, un préfet, un pair de France, deux barons de l'empire, des officiers, etc". (Pedrelli).—Фамилія Руйлльe дала пять интендантовъ. Дѣдъ шампанскаго интенданта приходился роднымъ братомъ отцу одноименнаго съ нимъ министра иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV.

[2]) Louis-Gabriel Taboureau des Réaux, né le 20 octobre 1718, mort le 30 mai 1782, fils de Louis-Mathurin Taboureau, seigneur des Réaux, grand-maître des eaux et forêts au département du Lyonnais.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVIII, p. 725—726.—*Chaudon et Delandine*, Nouveau dictionnaire historique, t. XI, p. 505.—*Bonnassieux*, Conseil de commerce, etc., p. LX.—*Pedrelli*, Notice ms.—Родословіе этой фамиліи не простирается далѣе дѣда интенданта, Louis Taboureau, seigneur des Réaux, d'Orval, et de Lony, écuyer, conseiller-secrétaire du roi, maison, couronne de France et de ses finances, en 1712, mort à Paris, le 30 mai 1746, âgé de 83 ans (Lachenaye-Desbois).—Пріобрѣте-

интенданта (1786—1790) Бернаръ-де-Баллэнвиллье[1]). Прадѣдъ монтобанскаго (1773—1781), а затѣмъ муленскаго (1781—1784) и ліонскаго (1784—1790) интенданта Террэ былъ королевскимъ судьей, а его сынъ (дѣдъ интенданта) пріобрѣлъ уже болѣе видную должность королевскаго адвоката въ одномъ изъ бальяжей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и дворянское званіе [2]).

Родоначальникомъ фамиліи Тиру-де-Кронъ, изъ которой вышелъ руанскій интендантъ (1767—1785) съ этимъ именемъ, впослѣдствіи парижскій генералъ-лейтенантъ полиціи, былъ „одинъ изъ знаменитѣйшихъ адвокатовъ своего времени", а сынъ этого послѣдняго, „адвокатъ при дижонскомъ парламентѣ", получилъ въ 1659 г. дворянство въ силу жалованной грамоты [3]). Подобному же пожало-

віе имъ званія королевскаго секретаря въ 1712 г. отмѣчаетъ собою, по всей вѣроятности, начало дворянства этой фамиліи. Одинъ изъ братьевъ интенданта былъ trésorier général des bâtiments du roi († 27 mai 1763).

[1]) Charles Bernard de Ballainvilliers, chevalier, baron de Ballainvilliers, né le 15 avril 1757, mort le 24 septembre 1835; fils de Simon-Charles-Sébastien Bernard de Ballainvilliers, intendant d'Auvergne (1758–1767), né à Paris le 25 janvier 1721, mort le 19 octobre 1767.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. II, p. 977—978.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 462—463.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1333.—*Intermédiaire des chercheurs et curieux*, t. 46, p. 284, 363; t. 38, p. 792.—*Pedrelli*, Notice ms.—Дѣдъ послѣдняго лангдокскаго интенданта пріобрѣлъ въ 1726 г. должность королевскаго секретаря (Педрелли).

[2]) Antoine-Jean Terray, seigneur de Rozières et de la Motte-Tilly, né le 27 mars 1750, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 27 avril 1794; fils de Louis Terray, seigneur de Rozières, maître des requêtes, procureur général à la Cour des aides, intendant de Lyon, né le 14 avril 1713, mort le 19 juillet 1780, à Roanne.—*Brette*, op. cit., t. I, p. 451.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVIII, p. 844.—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, W 354 (jugement du tribunal révolutionnaire).

[3]) Louis Thiroux de Crosne, né le 14 juillet 1736, condamné à mort par le tribunal révolutionnaire de Paris et exécuté le 28 avril 1794; fils de Louis-Lazare Thiroux, seigneur d'Arconville et de Crosne, conseiller et commissaire de la première chambre des requêtes du Parlement de Paris, premier président des enquêtes au même Parlement, né le 17 octobre 1720.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVIII, p. 950—952.—*Bonnassieux*, op. c. p. LXI.—Notices fournies par *MM. Pedrelli* et *Charles de Beaurepaire*, archiviste de la Seine-Inférieure.—*Archives nationales* W 354 (jugement du tribunal révolutionnaire). —Родоначальникомъ этой фамиліи былъ Denis Thiroux, „un des plus célèbres avocats de son temps", qui „avait servi de conseil pendant trente ans à la ville d'Autun, dont il fut quatre fois vierg, et plusieurs fois député aux

ванію обязанъ былъ своимъ дворянствомъ дѣдъ байонскаго субъ-интенданта (1787), затѣмъ мулэнскаго интенданта (1788—1790) Фуллонъ-де-Дуэ[1]). Неизвѣстно, насколько старо было дворянство мулэнскаго интенданта (1785—1788) Барбара-де-Мазиро[2]) и его канскаго „собрата" (1783—1790) Кордье-де-Лонэ[3]); досто-

Etats de Bourgogne et à la cour". Его сынъ, Claude Thiroux, „avocat au Parlement de Dijon, enquêteur au bailliage et chancellerie d'Autun et Moncenis, conseil et vierg de la ville d'Autun", былъ трижды избираемъ старшиной третьяго сословія въ провинціальныхъ штатахъ Бургони; въ 1659 г. онъ получилъ „грамоту на дворянство" (lettres de noblesse), вѣроятно, въ награду за службу свою и отца. Прадѣдъ, дѣдъ и тесть интенданта были откупщики.

[1]) Joseph-Pierre-François-Xavier Foullon de Doué, chevalier, baron de Doué, seigneur du marquisat de la Tournelle, né le 31 janvier 1750, mort le 14 juillet 1828, à Mantes; fils de Joseph-François Foullon, seigneur de Chaintu, d'Ecottier, de la baronnie de Doué, comte de Morangis, commissaire des guerres (1740—1748), intendant de l'armée (1752), intendant de la guerre et de la marine (1760—1771), conseiller d'Etat et secrétaire de l'ordre de Saint-Louis, né à Saumur le 25 juin 1715, massacré à Paris le 22 juillet 1789. — *Brette*, op. cit., t. I, p. 450—451. — *Pedrelli*, Notice ms. — *Archives nationales*, O[1] 160, feuille 413.—„François Foullon, maître des requêtes de la reine, se désista en 1667, lors de la recherche de la noblesse. Il fut le grand père de Joseph-Honoré Foullon, seigneur de Chaintu, conseiller au présidial de Saumur, qui aurait obtenu des lettres de noblesse datées du 31 août 1739" (Pedrelli). Этотъ послѣдній былъ дѣдъ интенданта.

[2]) Charles-François-Antoine de Barbarat de Mazirot (dit le comte de Mazirot, d'après Pedrelli), chevalier, seigneur de Mazirot, comte de Muret et de Neuvron, né vers 1739, mort le 23 juillet 1788, à Paris; fils de Claude-Georges de Barbarat de Mazirot, seigneur de Mazirot, Bazoilles, Branbois, Landaville, Masberg etc., conseiller président honoraire au Parlement de Metz. — *Duclos des Erables*, Notice sur B. de M., dans *l'Intermédiaire des chercheurs et curieux*, t. 47 (1903), p. 854—857.— *Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, O[1] 156.

[3]) Louis-Guillaume-René Cordier de Launay, chevalier, né le 12 novembre 1746, mort à Saint-Pétersbourg le 26 janvier 1820; fils de Claude-René Cordier de Launay, seigneur des baronnies d'Echauffou et de Montreuil-Largille, de Valéry, de Blennes, etc., appelé M. de Montreuil, président à la Cour des aides de Paris.— *Brette*, t. I, p. 461—462.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VI, p. 180. — *Journal historique de la révolution opérée par Maupeou*, t. I, p. 50.—*Intermédiaire des chercheus et curieux*, t. 45 (1902), p. 842, 971; t. 46 (1902), p. 746.—*Pedrelli*, Notice ms. — *Lalanne*, Dictionnaire historique de la France, Paris, 1877, p. 587.—*Félix Mourlot*. l'Intendant Cordier de Launay, ms.— „Une famille de bourgeois définitivement anoblis dans le dernier tiers du XVIII siècle (F. Mourlot). Дата рожденія сообщена А. Бреттомъ на основаніи записи о крещеніи.

вѣрно извѣстно лишь то, что отцы ихъ и по рожденію принадлежали къ дворянскому сословію, такъ какъ оба они были президентами — первый мецскаго парламента, второй — парижской палаты пошлинъ. Отецъ послѣдняго пуатевинскаго интенданта Була-де-Нантейля (1784—1790) былъ, кажется, совѣтникъ парижскаго парламента, слѣдовательно дворянинъ не только по должности, но и по рожденію въ виду того, что дворянское званіе было фактическимъ условіемъ пріема въ эту должность [1]).

Наконецъ, относительно четырехъ интендантовъ: корсиканскаго (1784 — 1790) де-ла-Гилльоми [2]), перпиньянскаго (1775 — 1778), затѣмъ лотарингскаго (1778 — 1790) Мулэнъ-де-ла-Порта [3]), перпиньянскаго (1778 — 1790) Ремонъ-де-Сенъ-Совёра [4]), ошскаго (1768—1775) Журнэ [5]) и одного субъинтенданта (въ По, 1787) Бертело-де-Виллёрнуа [6]), намъ не удалось добыть никакихъ генеалогическихъ данныхъ (ихъ

[1]) Antoine-François-Alexandre Boula de Nanteuil, chevalier, seigneur de Mareuil, Saint-Clair, Lignières, Saint-Denis, la Grange-du-Mont, Nanteuil-lès-Meaux, Truet, Chermont et autres lieux, né à Meaux le 26 janvier 1746, mort le 30 avril 1816, à Paris. — *Brette*, op. cit., t. I, p. 453.—*Lecointre-Dupont*, notice dans les *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. 33 (1868).—*Pedrelli*, Notice ms.—*Archives nationales*, O^1 156. — Lachenaye-Desbois даетъ лишь лаконическое свѣдѣніе объ этой фамиліи: „Boula (de), seigneurs de Quincy, de Mareuil et de Montgodefroy, en l'Ile-de-France“ (t. III, p. 712).—Г. Педрелли даетъ лишь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о различныхъ лицахъ, носящихъ это фамильное имя. Одно изъ этихъ лицъ, Antoine-François Boula de Montgodefroy, conseiller au parlement de Paris en 1739, есть, по всей вѣроятности, отецъ интенданта.

[2]) François-Nicolas de la Guillaumye, chevalier, né le 19 février 1738.—*Brette*, t. I, p. 472.—Notice fournie par *M. Touranjon*, archiviste de la Corse.—Дата рожденія сообщена Бреттомъ на основаніи записи о крещеніи.

[3]) Jean-Baptiste-François Moulins de la Porte, chevalier, seigneur de Sarzay, Bellefonds et Sainte-Marie.

[4]) Louis-Hyacinthe Raymond de Saint-Sauveur, seigneur de la Grange-du Milieu.

[5]) Etienne-Louis Journet, baron de Beauche, seigneur de Chevannes et de Saint-Georges, mort subitement (ou suicidé?) le 25 décembre 1775.—*Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XI, p. 121.—*Boyer de Sainte-Susanne*, le Personnel administratif sous l'Ancien régime, Paris, 1868.—*Espion anglais*, Londres, 1779—1784, t. II, p. 319.

[6]) Berthelot de Villeurnoy.—Въ „Словарѣ“ Лашенэ-Дебуа находимъ лишь краткія свѣдѣнія о двухъ фамиліяхъ, носящихъ это имя, но отличающихся своими гербами. Возможно и даже очень вѣроятно, что

не могъ намъ указать даже такой знатокъ французской генеалогической литературы, какъ г. Недрелли), и въ этомъ молчаніи послѣдней можно видѣть указаніе на сравнительно „темное" въ генеалогическомъ смыслѣ происхожденіе названныхъ лицъ. Относительно перваго изъ нихъ, такъ какъ онъ до вступленія въ должность интенданта состоялъ совѣтникомъ парижскаго парламента — должность, доступъ къ которой былъ фактически закрытъ для недворянъ, — можно почти навѣрное сказать, что онъ унаслѣдовалъ дворянство отъ отца; относительно же послѣднихъ четырехъ категорически можно утверждать лишь ихъ собственное дворянское званіе по должности секретарей королевскаго совѣта; но если принять во вниманіе, что предварительнымъ условіемъ вступленія въ эту должность было пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ должности совѣтника одного изъ парламентовъ или другихъ высшихъ трибуналовъ, а для принятія въ эту послѣднюю должность требовалось дворянское происхожденіе, то и относительно этихъ послѣднихъ лицъ приходится признать ихъ дворянское поропсхожденіе не только вѣроятнымъ, но и почти несомнѣннымъ.

Изъ сдѣланнаго сейчасъ обзора явствуетъ, во-первыхъ, что, *по своему сословному положенію, интенданты принадлежали всѣ безъ исключенія къ дворянству, причемъ нельзя среди нихъ указать ни одного anobli въ собственномъ смыслѣ*, то-есть лица получившаго дворянство не по рожденію, а въ силу пожалованія или одворянивающей должности [1]), — другими словами, *интенданты занимающей насъ эпохи принадлежали къ дворянскому сословію не только по своему положенію, но также и по своему происхожденію*; во-вторыхъ, что лишь меньшинство среди нихъ принадлежало къ недавнему дворянству, значительная же часть къ тому слою, который носилъ названіе „стариннаго дворянства", насчитывавшаго не меньше четырехъ послѣдовательныхъ дворянскихъ поколѣній или больше ста лѣтъ дворянской „филяціи"; наконецъ, въ-третьихъ, что среди интенданскихъ фамилій были нѣкоторыя, хотя и не многія, такія которыя вели свое начало отъ дворянства феодальнаго.

интересующее насъ лицо принадлежало къ какой либо третьей одноименной фамиліи, такъ какъ „Бертело" одно изъ наиболѣе распространенныхъ фамильныхъ именъ во Франціи.

[1]) Вопреки сдѣлавшемуся общепринятымъ мнѣнію Токвиля, op. cit., p. 54: „l'intendant est d'ordinaire un *nouvel anobli*".

Замѣтимъ также, что многіе изъ интендантовъ носятъ титулы *барововъ, виконтовъ, графовъ, маркизовъ* [2]), но въ восемнадцатомъ вѣкѣ эти, когда-то громкіе и отмѣнно-аристократическіе титулы совершенно утратили свое былое значеніе, такъ какъ ими овладѣли множество новоиспеченныхъ дворянъ. Такимъ образомъ, сынъ богатаго буржуа, пріобрѣвшаго себѣ дворянство покупкою должности королевскаго секретаря, превращается въ *барона де-Баллэнвилье*, другой сынъ такого же anobli превращается въ *маркиза де-Реверсо*, внукъ третьяго—въ *маркиза де-Марвилль*, а подъ громкимъ титуломъ *маркиза де-Совиньи* скрывается внукъ бургонскаго крестьянина. Мудрено ли, что всѣ эти пышные титулы въ концѣ концовъ настолько потеряли свой аристократическій престижъ, что сдѣлалось знакомъ „хорошаго тона" по возможности не выставлять ихъ на показъ; подъ команду „хорошаго тона" это дѣлаютъ, скрѣпя сердце, и тѣ самыя лица, которымъ звучный титулъ стоилъ, быть можетъ, немалыхъ хлопотъ. Такимъ образомъ, „графъ д'Агэ" подписывается просто *d'Agay*, „баронъ де-Монтіонъ"—просто *Montyon*, маркизъ де-ла-Бурдоннэ, онъ же графъ де-Блоссакъ, пишетъ коротко *Blossac*, даже безъ пресловутой частицы de, пользующейся въ наше время такимъ успѣхомъ въ особенности у самозванныхъ дворянъ; маркизъ де-Реверсо подписывается просто *de Reverseaux*, маркизъ де-ла-Галезьеръ просто *de la Galaizière*, а его сынъ—еще проще, своимъ фамильнымъ именемъ: *de Chaumont*. Всѣ эти громкіе титулы игнорируются по большей части и въ офиціальной перепискѣ,—фактъ обладанія однимъ изъ нихъ тѣмъ или другимъ интендантомъ приходится узнавать зачастую лишь изъ генеалогической литературы; изъ послѣдней мы узнаемъ, напримѣръ, что Тюрго былъ *маркизъ de l'Aulne*, Калоннъ—*графъ d'Hannonville*, Шазера—*виконтъ d'Aubusson* и т. д.

VIII.

Итакъ, въ лицѣ интендантовъ мы имѣемъ дѣло, въ изучаемую эпоху, съ лицами, принадлежащими къ дворянскому сословію, и это—не только въ силу ихъ личнаго положенія, но и въ силу происхо-

1) Около половины всѣхъ интендантовъ принадлежатъ, въ изучаемую нами эпоху, къ титулованнымъ дворянамъ, а именно, насчитывается четырнадцать *маркизовъ*, восемь *графовъ*, четыре *виконта* и семь *бароновъ*.

жденія. Мы сочли нелишнимъ подвергнуть подробному пересмотру эту сторону дѣла, въ виду того, что установившіяся въ исторической литературѣ воззрѣнія на этотъ предметъ, вѣрныя по отношенію къ болѣе раннему періоду, не соотвѣтствуютъ однако исторической дѣйствительности занимающей насъ эпохи [1]). Но сама по себѣ для насъ интереснѣе другая сторона дѣла, къ которой мы сейчасъ и переходимъ.

Дворянство интендантовъ было, по отношенію къ должности интенданта, въ сущности случайностью; оно сдѣлалось фактически правиломъ не потому, чтобы дворянское званіе было необходимымъ *условіемъ* вступленія въ должность, а потому что оно было *слѣдствіемъ* другого условія такого вступленія. Это „другое условіе" было — *принадлежность къ магистратурѣ*; принадлежность же къ дворянскому сословію была лишь слѣдствіемъ послѣдней.

По своему личному положенію *каждый* интендантъ принадлежалъ къ магистратурѣ, либо какъ maître des requêtes (правило), либо какъ государственный совѣтникъ, или президентъ одного изъ высшихъ трибуналовъ (исключеніе). Но интереснѣе для насъ *происхожденіе* отдѣльныхъ интендантовъ, или говоря другими словами — *соціальное положеніе тѣхъ фамилій, изъ которыхъ каждый изъ нихъ вышелъ.*

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ *парламентская магистратура.*

Интендантъ д'Агэ-отецъ былъ сыномъ президента à mortier безансонскаго парламента и принадлежалъ къ фамиліи, насчитывавшей въ средѣ своихъ представителей нѣсколькихъ совѣтниковъ названнаго парламента, одного генералъ-прокурора того же парламента и одного старшаго совѣтника счетной палаты въ городѣ Долѣ [2]). Фамилія Амело, къ которой принадлежали оба интенданта съ этимъ именемъ, выставила изъ своей среды цѣлый рядъ совѣтниковъ и президентовъ парижскаго парламента, президентовъ великаго совѣта, совѣтниковъ счетной палаты, нѣсколькихъ первыхъ президентовъ парижской палаты пошлинъ, секретарей королевкаго совѣта, и т. д. [3]).

[1]) По Токвилю (op. cit., p. 54), интендантъ „est un homme de naissance commune.., d'ordiraire un anobli"; по Maury (*Revue des deux Mondes*, t. 108, p. 65), „les intendants n'étaient que des hommes d'origine bourgeoise". Того же мнѣнія и Тэнъ, op. cit., p. 410.

[2]) См. выше, стр. 48.

[3]) См. выше, стр. 49.

Отецъ Монтіона былъ совѣтникомъ парижской счетной палаты, дѣдъ— президентомъ парижскаго финансоваго присутствія [1]). Интендантъ Мазиро былъ сыномъ совѣтника и почетнаго президента мецскаго парламента [2]). Интендантъ Бертье—сыномъ совѣтника дижонскаго, а потомъ парижскаго парламента, впослѣдствіи президента слѣдственной камеры того же парламента [3]); интендантъ де-Блэръ—сыномъ совѣтника того же парламента [4]), какъ, по всей вѣроятности и Була-де-Нантейль [5]). Бернаръ-де-Баллэнвиллье былъ зятемъ перваго президента парламента въ Дуэ [6]); Бертранъ-де-Бушпорнъ—сыномъ совѣтника мецскаго парламента [7]); Калоннъ—сыномъ президента à mortier фландрскаго парламента и насчитывалъ въ числѣ старшихъ членовъ своей фамиліи одного перваго президента, одного совѣтника и одного генералъ-прокурора въ томъ же парламентѣ [8]). Фамилія, къ которой принадлежалъ интендантъ Бертранъ-де-Молльвилль, дала цѣлый рядъ совѣтниковъ и президентовъ тулузскаго парламента [9]). Отецъ Каше-де-Гарнерана занималъ издавна сдѣлавшійся наслѣдственнымъ въ фамиліи постъ перваго президента домбскаго парламента, который насчитывалъ въ своей средѣ также совѣтниковъ и генералъ-прокуроровъ изъ этой фамиліи [10]). Фамилія Казъ-де-ла-Бовъ, къ которой принадлежалъ носящій это имя интендантъ, выставила изъ своей среды цѣлый рядъ „магистратовъ“ тулузскаго парламента, счетныхъ палатъ въ Монпелье и Долѣ и членовъ финансовыхъ присутствій, и т. д. [11]). Отецъ одного и дѣдъ другого Шомонъ-де-ла-Галезьера былъ совѣтникомъ мецскаго парламента, затѣмъ секретаремъ королевскаго совѣта и наконецъ канцлеромъ герцога лотарингскаго [12]);

1) *Labour*, M. de Montyon, Paris, 1880, p. 7.
2) См. выше, стр. 68, примѣч. 2.
3) См. выше, стр. 58, примѣч. 3.
4) См. выше, стр. 46, примѣч. 3.
5) См. выше, стр. 69, примѣч. 1.
6) Онъ былъ женатъ на дочери перваго президента, которая приходилась племянницей генералъ-контролеру де-Калонну.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1333.
7) И самъ—почетнымъ совѣтникомъ того же парламента. — *Bégin*, Biographie de la Moselle, Metz, 1829.
8) См. выше, стр. 60, примѣч. 2.
9) См. выше, стр. 51, примѣч. 3.
10) См. выше, стр. 51, примѣч. 4.
11) См. выше, стр. 52, примѣч. 1.
12) См. выше, стр. 61, примѣч. 1.

отецъ де-Шазера — первымъ президентомъ палаты пошлинъ въ Клермонъ-Ферранѣ [1]; отецъ де-Клюньи — совѣтникомъ дижонскаго парламента, который насчитывалъ въ своей средѣ и другихъ представителей этой фамиліи [2]; Колла-де-Працинъ былъ сыномъ совѣтника экскаго парламента и зятемъ другого совѣтника того же парламента; кромѣ того, изъ этой фамиліи вышли одинъ первый президентъ парламента въ Оранжѣ и нѣсколько совѣтниковъ экской счетной палаты, а также и другихъ магистратовъ [3]). Отецъ Кордье-де-Лонэ былъ президентомъ парижской палаты пошлинъ [4]; отецъ де-Галлуа-де-ла-Тура — первымъ президентомъ экскаго парламента [5]). Дю-Клюзель имѣлъ своимъ дѣдомъ „авдитора" парижской счетной палаты и въ числѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ — совѣтника парижскаго парламента [6]). Отецъ Дюфоръ-де-Рошфора былъ членомъ финансоваго присутствія въ Бордо [7]). Дюфуръ-де-Вилльнёвъ былъ сыномъ генералъ-лейтенанта клермонферранскаго президіала и зятемъ совѣтника парижскаго парламента [8]; Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ — сыномъ члена парижскаго финансоваго присутствія, впослѣдствіи старшаго совѣтника парижской счетной палаты, при чемъ эта фамилія насчитывала и другихъ представителей магистратуры въ своей средѣ [9]). Фамилія Фейдо дала цѣлый рядъ совѣтниковъ парижской счетной палаты и парижскаго парламента, нѣсколькихъ членовъ королевскаго трибунала въ Беллакѣ, секретарей королевскаго совѣта, государственныхъ совѣтниковъ, одного перваго президента великаго совѣта; интендантъ Фейдо-де-Бру былъ внукомъ одного хранителя печатей, зятемъ другого [10]) и самъ едва не сдѣлался впослѣдствіи первымъ президентомъ парижской палаты пошлинъ [11]); онъ былъ, кромѣ того, шуриномъ сына канцлера Мопу [12]). Различныя положенія въ маги-

[1]) См. выше, стр. 45, примѣч. 1.
[2]) См. выше, стр. 47, примѣч. 1.
[3]) См. выше, стр. 46, примѣч. 2.
[4]) См. выше, стр. 68, примѣч. 3.
[5]) См. выше, стр. 61, примѣч. 2.
[6]) *Dumas*, la Généralite de Tours, p 12.
[7]) См. выше, стр. 53, примѣч. 2.
[8]) По сообщенію г. Педрелли.
[9]) См. выше, стр. 53, примѣч. 3.
[10]) Ламуаньона.
[11]) *Mourlot*, l'Intendant Feydeau de Brou, ms., feuille 5.
[12]) По сообщенію г. Педрелли.

стратурѣ, въ томъ числѣ въ парижскомъ и руанскомъ парламентахъ, занимали члены фамиліи де-Флесселль, къ которой принадлежалъ интендантъ съ этимъ именемъ [1]). Интендантъ Фуллонъ-де-Дуэ былъ сыномъ государственнаго совѣтника [2]); интендантъ Гравье-де-Верженнь—сыномъ президента дижонской счетной палаты и зятемъ перваго президента тулузскаго парламента, впослѣдствіи государственнаго совѣтника и хранителя печатей графа д'Артуа [3]). Отецъ интенданта Гео-де-Реверсо былъ президентомъ великаго совѣта [4]); интендантъ Гиньяръ-де-Сенъ-При старшій—сыномъ совѣтника гренобльской палаты пошлинъ и зятемъ президента гренобльскаго парламента, и самъ былъ сначала совѣтникомъ, потомъ президентомъ того-же парламента (послѣднюю должность отецъ интенданта унаслѣдовалъ отъ своего тестя) [5]). Дѣдъ интенданта де-ла-Корэ былъ аудиторомъ парижской счетной палаты [6]). Фамилія ле-Камюсъ-де-Невилль дала цѣлый рядъ магистратовъ руанскаго парламента до первыхъ президентовъ включительно [7]). Отецъ интенданта ле-Февръ-де-Комартэна былъ первымъ президентомъ великаго совѣта [8]). Фамилія, къ которой принадлежалъ интендантъ ле-Пелльтье, дала цѣлый рядъ адвокатовъ, совѣтниковъ, президентовъ парижскаго парламента; одинъ изъ послѣднихъ приходился дядей интенданту [9]). Нѣсколько совѣтниковъ того же парламента вышло изъ фамиліи, къ которой принадлежалъ интендантъ де-Моссіонъ [10]). Интендантъ Пажо былъ зятемъ совѣтника парижскаго парламента [11]). Интендантъ Perрэнъ-де-Сиперъ былъ сыномъ совѣтника дижонскаго парламента, а его сынъ, тоже интендантъ, зятемъ совѣтника парижскаго парламента [12]). Отецъ интенданта де-Пона былъ президентомъ финансоваго присут-

1) См. выше, стр. 54, примѣч. 2.
2) См. выше, стр. 68, примѣч. 1.
3) По сообщенію г. Педрелли.
4) См. выше, стр. 57, примѣч. 3.
5) См. выше, стр. 51, примѣч. 1.
6) По сообщенію г. Педрелли.
7) См. выше, стр. 62, примѣч. 3.
8) См. выше, стр. 55, примѣч. 2.
9) По сообщенію г. Педрелли
10) См. выше, стр. 63, примѣч. 2.
11) По сообщенію г. Педрелли.
12) Тоже.

ствія въ ла-Рошели [1]). Фамилія, изъ которой вышли интенданты Руйлле, отецъ и сынъ, дала цѣлый рядъ совѣтниковъ парижскаго парламента, секретарей королевскаго совѣта, государственныхъ совѣтниковъ и другихъ магистратовъ, при чемъ интендантъ-отецъ былъ сыномъ одного секретаря королевскаго совѣта, а его сынъ—зятемъ казначея парижскаго парламента [2]). Отецъ интенданта Табуро-де-Рео былъ grand maître des eaux et forêts du Lyonnais [3]). Прадѣдъ интенданта Террэ былъ королевскимъ судьей, а дѣдъ—королевскимъ адвокатомъ въ роаннскомъ бальяжѣ [4]). Отецъ интенданта Тиру-де-Кроня былъ президентомъ слѣдственной камеры парижскаго парламента [5]). Изъ фамиліи, къ которой принадлежалъ интендантъ де-Тримонъ, вышелъ цѣлый рядъ магистратовъ счетной палаты въ Монпеллье [6]). Фамилія Тюрго, изъ которой вышелъ лимузенскій интендантъ и знаменитый министръ Людовика XVI, насчитывала въ своей средѣ нѣсколько совѣтниковъ и президентовъ парижскаго и руанскаго парламентовъ, одного перваго президента великаго совѣта (это былъ отецъ интенданта), одного генеральнаго адвоката руанской палаты пошлинъ и различныхъ другихъ магистратовъ [7]).

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ интендантскихъ фамилій имѣютъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ *городовой магистратурой*. Такова фамилія Бертранъ-де-Бушпорнъ, имѣвшая своихъ представителей какъ въ мецскомъ парламентѣ, такъ и въ мецскомъ городскомъ управленіи [8]). Такова фамилія Каше-де-Гарнеранъ, насчитывавшая въ своей средѣ нѣсколькихъ муниципальныхъ совѣтниковъ и одного городского голову города Ліона [9]). Городское управленіе города Турнэ насчитывало также въ своей средѣ нѣсколькихъ представителей фамиліи де-Калоннъ [10]). Фамилія Дюфоръ-де-Рошфоръ имѣла прикосновеніе къ городскому управленію Перигё, давъ послѣднему нѣ-

[1]) См. выше, стр. 50, примѣч. 1.—Самъ интендантъ былъ почетнымъ совѣтникомъ парижскаго парламента.

[2]) По сообщенію г. Педрелли.

[3]) См. выше, стр. 66, примѣч. 2.

[4]) По сообщенію г. Педрелли.

[5]) См. выше, стр. 67, примѣч. 3.

[6]) См. выше, стр. 41, примѣч. 3.

[7]) См. выше, стр. 42, примѣч. 2.

[8]) См. выше, стр. 60, примѣч. 1.

[9]) См. выше, стр. 51, примѣч. 4.

[10]) См. выше, стр. 60, примѣч. 2.

сколькихъ меровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ дѣдъ интенданта по отцу [1]). Дѣдъ интенданта Эсмангара былъ однимъ изъ муниципальныхъ чиновниковъ г. Компьеня [2]). Не чужда муниципальнаго оттѣнка фамилія де-Флесселль, давшая одного муниципальнаго совѣтника и одного городского голову городу Парижу [3]). Фамилія ле-Пелльтье принадлежитъ къ муниципальной магистратурѣ по своему происхожденію, такъ какъ родоначальникомъ ея былъ меръ города ле-Мана; какъ бы въ pendant къ этому, интендантъ ле-Пелльтье сдѣлался впослѣдствіи парижскимъ городскимъ головой [4]). Подобнымъ же образомъ фамилія Бертранъ-де-Молльвилль, связанная тѣсно съ тулузскимъ парламентомъ, еще тѣснѣе связана была въ началѣ своего историческаго существованія съ городскимъ управленіемъ Тулузы [5]). Еще болѣе яркую муниципальную окраску имѣетъ фамилія де-Понъ, ведущая свое начало отъ одного мера города ла-Рошелли, жившаго во второй половинѣ тринадцатаго вѣка, и сдѣлавшая изъ этой послѣдней должности настоящее фамильное достояніе въ теченіе чуть ли не двухъ столѣтій [6]).

Затѣмъ, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ интендантскихъ фамилій отмѣчены *финансовымъ* оттѣнкомъ; таковы: Бертье, Орсо, ле-Пелльтье, д'Энь, де-Моссіонъ, Пажо, Руйлльe, Табуро-де-Рео, Бернаръ-де-Баллэнвилльe. На первоначальный „финансовый" характеръ этихъ фамилій указываетъ то обстоятельство, что исходнымъ моментомъ ихъ дворянства и проникновенія въ магистратуру является пріобрѣтеніе дорого стоившей, но въ сущности фиктивной и не связанной съ какимъ-либо реальнымъ вліяніемъ „должности" королевскаго секретаря [7]),—операція, представлявшая собою въ сущности не что иное, какъ замаскированную покупку дворянскаго званія. Это были люди, вся сила которыхъ первоначально заключалась въ въ ихъ толстомъ кошелькѣ, и которые, купивъ цѣною золота дворянское званіе, пріобрѣтали тѣмъ самымъ нѣкоторые шансы про-

1) См. выше, стр. 53, примѣч. 2.
2) *F. Mourlot*, l'Intendant Esmangart, ms., feuille 1
3) См. выше, стр. 54, примѣч. 2.
4) См. выше, стр. 56, примѣч. 2.
5) См. выше, стр. 51, примѣч. 3.
6) См. выше, стр. 50, примѣч. 1.
7) См. выше, стр. 30.

никнуть въ магистратуру, дверь въ которую до тѣхъ поръ для нихъ оставалась закрытой [1]).

Наконецъ, можно указать нѣсколько интендантскихъ фамилій которыя, хотя и находясь въ тѣсной связи съ магистратурой, являются уже представительницами *финансовой знати*. Фамилія Казъ-де-ла-Бовъ, родоначальникомъ которой былъ одинъ receveur général de Lyon во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка, выставила изъ своей среды цѣлый рядъ крупныхъ представителей финансовой знати въ видѣ receveurs généraux и fermiers généraux; вышедшій изъ этой фамиліи интендантъ приходился племянникомъ одному изъ этихъ откупщиковъ и внукомъ по матери другому. Названная фамилія успѣла однако пріобрѣсти подъ конецъ извѣстный „магистратскій" обликъ, благодаря проникновенію различныхъ ея членовъ въ тулузскій парламентъ, въ счетныя палаты въ Монпеллье и Долѣ и другія аналогичныя учрежденія [2]). Фамилія, изъ которой вышелъ интендантъ Меланъ-д'Аблуа, насчитывала среди своихъ представителей одного откупщика и нѣсколькихъ receveurs généraux, къ числу которыхъ принадлежалъ и отецъ интенданта [3]). Нѣсколькихъ откупщиковъ насчитывала въ своей средѣ также фамилія, къ которой принадлежалъ интендантъ Дуэ-де-ла-Булло, который и самъ былъ сынъ откупщика [4]). Откупщикомъ же былъ отецъ интенданта дю-Клюзеля [5]) У интенданта Дюплэ и отецъ и дѣдъ были откупщики: послѣдній былъ кромѣ того директоромъ индійской компаніи [6]). У интенданта Тиру-де-Кронь были изъ откупщиковъ прадѣдъ, дѣдъ и тесть [7]).

Нѣкоторые изъ интендантовъ породнились съ представителями финансовой знати. Кромѣ сейчасъ упомянутаго, интенданты Бертье [8]),

[1]) О Бернаръ-де-Баллэнвиллье есть, кромѣ того, прямое извѣстіе, что при выступленіи въ должность интенданта онъ имѣлъ до 80.000 л. годового дохода съ своихъ имѣній (*Roschach*, op. cit., t. XIII, p. 1333).—Объ Орсо-де-Фонтеттѣ извѣстно, что его отецъ былъ участникомъ въ компаніи откуповъ (ferme des postes) (*Mourlot*, op. cit., p. 313).

[2]) См. выше, стр. 52, примѣч. 1.

[3]) См. выше, стр. 64, примѣч. 1.

[4]) По сообщенію г. Педрелли.

[5]) *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 12.

[6]) См. выше, стр. 65, примѣч. 1.

[7]) См. выше, стр. 67, примѣч. 3.

[8]) См. выше, стр. 58, примѣч. 3.

ла-Корэ [1]), де-Пелльтье [2]), Жюлльнъ [3]) Руйллье [4]) были зятьями откупщиковъ; интендантъ де-Калоннъ былъ женатъ на дочери придворнаго банкира въ Брюсселѣ [5]); интендантъ Перрэнъ-де-Сипьеръ—на дочери главнаго казначея Лотарингіи [6]); интендантъ де-Февръ-де-Комартэнъ отецъ—на дочери податного директора (receveur général) [7]). Старшій братъ интенданта Сенакъ-де-Мейльяна былъ откупщикомъ [8]).

Изъ сдѣланнаго обзора слѣдуетъ, что *огромное большинство интендантовъ принадлежало, по своему происхожденію, къ парламентской магистратурѣ, считая въ томъ числѣ и тѣ изъ интендантскихъ фамилій, которыя вели или могли вести свое начало отъ стариннаго дворянства феодальной эпохи*: какъ поставщики личнаго состава интендантства, эти послѣднія фигурируютъ уже не въ качествѣ феодально-дворянскихъ, а въ качествѣ парламентскихъ фамилій. Къ парламентской магистратурѣ тѣснымъ образомъ примыкаютъ *фамиліи муниципальныя*, но ихъ сравнительно немного въ числѣ поставщицъ личнаго состава интендантства въ изучаемую эпоху, и при томъ всѣ онѣ въ большей или меньшей степени успѣли уже получить парламентскій обликъ. Наконецъ, часть сравнительно незначительная интендантовъ занимающей насъ эпохи вышла изъ среды *финансовой знати*, при чемъ эти „финансовыя" фамиліи точно также не чужды извѣстной парламентской окраски.

IX.

Припомнимъ результатъ, къ которому мы пришли относительно фамильно-соціальнаго происхожденія личнаго состава министерствъ за ту же эпоху, и сопоставимъ его съ только что сейчасъ полученными выводами относительно интендантовъ. Мы найдемъ, что, если оставить въ сторонѣ немногихъ министровъ, взятыхъ непосредственно изъ феодально-дворянской среды, не растворенной въ магистратурѣ, то

[1]) См. выше, стр. 63, примѣч. 1.
[2]) См. выше, стр. 56, примѣч. 2.
[3]) См. выше, стр. 43, примѣч. 1.
[4]) См. выше, стр. 66, примѣч. 1.
[5]) См. выше, стр. 60, примѣч. 2.
[6]) См. выше, стр. 45, примѣч. 2.
[7]) См. выше, стр. 55, примѣч. 2.
[8]) См. выше, стр. 58, примѣч. 1.

оказывается, что *интенданты, по своему фамильно-соціальному происхожденію, принадлежатъ къ тѣмъ же общественнымъ слоямъ, что и министры, именно—къ той сложной соціальной группѣ, которую мы условились называть государственнымъ дворянствомъ, и въ особенности—къ тому изъ его элементовъ, который, какъ было замѣчено, представляетъ собою настоящее ядро этого государственнаго дворянства: къ парламентской магистратурѣ.* При этомъ можно отмѣтить, что *интендантство, по своему личному составу, въ гораздо большей степени отличается парламентскимъ колоритомъ, чѣмъ министерства.* Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что часть министровъ, хотя, правда, и незначительная, какъ по своему происхожденію, такъ и по своему положенію, совершенно чужда магистратурѣ. Это разъ. Во-вторыхъ, многія и изъ тѣхъ лицъ, вступившихъ въ среду министровъ, которыя вышли изъ парламентскихъ фамилій и которыя сами занимали въ свое время извѣстное мѣсто въ магистратурѣ, проникли въ среду министровъ уже не въ качествѣ „магистратовъ" и парламентскихъ дѣятелей, а въ качествѣ администраторовъ или людей, прикосновенныхъ къ правительственной дѣятельности. Если, напримѣръ, Тюрго получилъ въ 1775 г. постъ министра, то это не въ качествѣ бывшаго совѣтника парижскаго парламента и сына одного изъ президентовъ того же парламента, а въ качествѣ лиможскаго интенданта; если, подобнымъ же образомъ, д'Ормессонъ былъ призванъ въ 1783 г. на постъ генералъ-контролера, то не въ качествѣ бывшаго парламентскаго „адвоката" или „совѣтника", а въ качествѣ „финансоваго интенданта", то-есть человѣка, стоявшаго во главѣ одного изъ „департаментовъ" финансоваго управленія. Напротивъ, что касается интендантовъ, то всѣ они, по своему предшествующему положенію, принадлежатъ къ магистратурѣ, не исключая и тѣхъ, которые чужды ей по своему происхожденію.

Какимъ образомъ?

Хотя утвержденіе Неккера, что, „въ силу давней практики, интендантскія мѣста замѣщались исключительно секретарями королевскаго совѣта"[1], и нуждается въ оговоркѣ, но вѣрно то, что, дѣйствительно, таково было *правило*, хотя и допускавшее *исключенія*. Дѣйствительно, можно указать случаи, когда интенданты назначались

[1] *Necker*, De l'Administration des finances, t. III, p. 379.

не изъ maîtres des requêtes, а, напримѣръ, изъ государственныхъ совѣтниковъ, какъ послѣдній парижскій интендантъ Бертье [1]), или изъ совѣтниковъ парламента, какъ послѣдній интендантъ Корсики де-ла-Гилльоми [2]), или изъ почетныхъ совѣтниковъ парламента, какъ валансьеннскій интендантъ Табуро-де-Рео [3]). Послѣднимъ интендантомъ княжества Домбъ былъ назначенъ первый президентъ домбскаго парламента Каше-де-Гарнеранъ [4]); послѣднимъ интендантомъ Оверни — первый президентъ палаты пошлинъ въ Клермонъ-Ферранѣ [5]); де-Клюньи, въ моментъ назначенія своего на перпиньянское интендантство, занималъ должность интенданта флота и колоній [6]); де-Камюсъ занималъ постъ директора книготорговли, когда получилъ назначеніе на побайонское интендантство [7]).

Но при этомъ необходимо замѣтить, что большая часть такихъ лицъ, вступившихъ на интендантскій постъ не изъ секретарей королевскаго совѣта, все-таки ранѣе уже занимали эту послѣднюю должность, или даже продолжали соединять ее съ тою другою должностью, которая позднѣе сдѣлалась для нихъ „главнымъ состояніемъ“ (état principal); что же касается тѣхъ немногихъ, которые названной должности ранѣе вступленія на интендантскій постъ не занимали, то они эту должность вскорѣ потомъ присоединяли къ должности интенданта [8]).

1) По даннымъ, сообщеннымъ виконтомъ Бертье-де-Совиньи на основаніи документовъ фамильнаго архива.

2) *Journal de la révolution Maupeou*, t. 1, p. 46.

3) *Inventaire analytique des procès-verbaux du Conseil de commerce*, Paris, 1900, p. LX.

4) *Lenail*, Notice historique sur le parlement de Dombes, Paris, 1900. — *Archives nationales*, H 181, 1436.

5) *Everat*, La sénéchaussée d'Auvergne au XVIII, Paris, 1885.

6) „Intendant général de la marine et des colonies“. — *Archives de la Gironde*, t. XXX, p. 197.

7) „Directeur de la librairie“. — *Inventaire des archives départementales des Basses-Pyrénées*, série C. — Idem, *des Landes*, série C. — *Brives-Cazes*, De la Police des livres en Guyenne, Bordeaux, 1883.

8) Такъ, назначенный въ 1772 г. на постъ ріонскаго интенданта де-Шазера, въ слѣдующемъ году получилъ недостававшее ему званіе maître des requêtes. Де-ла Гилльоми, получившій корсиканское интендантство въ 1784 г., былъ снабженъ званіемъ maître des requêtes лишь въ 1789 г. Что касается остальныхъ изъ названныхъ выше лицъ, то всѣ они проходили эту послѣднюю должность за нѣсколько лѣтъ до назначенія ихъ интендантами.

Итакъ можно сказать, что, хотя и не всегда интенданты вербовались изъ числа секретарей королевскаго совѣта, но всѣ они рано или поздно проходили черезъ это званіе, а стало быть *всѣ принадлежали по своему личному положенію къ парламентской магистратурѣ*, такъ какъ названная должность была одною изъ парламентскихъ должностей, и это въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, maîtres des requêtes считались, по своей должности, членами парламента, или точнѣе—парламентовъ; они пользовались всѣми привилегіями членовъ парламента и имѣли право засѣдать, съ правомъ голоса, какъ въ парижскомъ, такъ и въ любомъ изъ провинціальныхъ парламентовъ (хотя, правда, и въ ограниченномъ лишь количествѣ), при чемъ имъ предоставлялось почетное мѣсто, „выше старшаго члена корпораціи“ [1]). Это—разъ. Во-вторыхъ, званіе maître des requêtes необходимо предполагало предварительное прохожденіе ея обладателемъ по крайней мѣрѣ одной какой-либо парламентской должности, такъ какъ для полученія должности maître des requêtes требовалось, въ силу ноябрьскаго эдикта 1683 г., прослужить предварительно не менѣе шести лѣтъ въ должности совѣтника одного изъ парламентовъ или другихъ высшихъ трибуналовъ [2]); срокъ этотъ, правда, далеко не всегда выдерживался на практикѣ, но требованіе предварительнаго „стажа“ въ названной должности, насколько намъ извѣстно, никогда не нарушалось. Но и должность совѣтника въ одномъ изъ высшихъ трибуналовъ была, въ свою очередь, сопряжена съ предварительнымъ прохожденіемъ различныхъ низшихъ парламентскихъ званій, какъ-то—„королевскаго адвоката“, „королевскаго прокурора“, или помощника прокурора при одномъ изъ парламентовъ или другихъ высшихъ трибуналовъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что *парламентская магистратура была преддверіемъ интендантства, и каждый интендантъ, прежде чѣмъ*

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*. t. V, p. 743: „Les maîtres des requêtes sont membres du parlement, et ils y sont reçus... Ils ont pareillement séance dans les autres parlements, du royaume; leur place est au-dessus du doyen de la compagnie“. — По настоянію парижскаго парламента, максимумъ maîtres des requêtes не долженъ былъ превышать четырехъ на каждомъ засѣданіи. Это объясняется желаніемъ парламента предохранить себя отъ возможнаго давленія со стороны королевской власти, черезъ посредство maîtres des requêtes, которые находились въ извѣстной зависимости отъ канцлера, вѣдавшаго замѣщеніемъ вакансій на эти должности.

[2]) См. выше, томъ I, стр. 222, примѣч. 2.

сдѣлаться таковымъ, долженъ былъ предварительно пройти извѣстную парламентскую служебную карьеру.

Вотъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ.

Тиру-де-Кронь: въ 1756 г. королевскій адвокатъ при парижскомъ Шателэ, въ 1758 г.—совѣтникъ парижскаго парламента, въ 1761 г. секретарь королевскаго совѣта, въ 1767 г.—адъюнктъ-интендантъ въ Руанѣ, въ 1768 г.—интендантъ руанскаго генеральства [1]). Жюлльенъ: королевскій прокуроръ при парижскомъ парламентѣ въ 1743 г., совѣтникъ того же парламента въ 1752 г., секретарь королевскаго совѣта въ 1765 г., интендантъ въ Алансонѣ въ 1766 г. [2]). Табуро-де-Рео: помощникъ генералъ-прокурора парижскаго парламента въ 1737 г., совѣтникъ того же парламента въ 1740 г., секретарь королевскаго совѣта въ 1757 г., президентъ великаго совѣта и почетный совѣтникъ парижскаго парламента въ 1758 г., интендантъ въ Валансьеннѣ въ 1764 г. [3]). Ле-Камюсъ: помощникъ королевскаго адвоката и прокурора въ руанскомъ парламентѣ, затѣмъ совѣтникъ великаго совѣта въ 1769 г., секретарь королевскаго совѣта въ 1776 г., директоръ книготорговли въ томъ же году, интендантъ въ По и Байоннѣ въ 1784 г. [4]).

Итакъ, *всякій интендантъ является магистратомъ по своей предшествующей карьерѣ. Больше того: онъ обыкновенно не перестаетъ принадлежать къ магистратурѣ и послѣ своего назначенія на интендантство. Сдѣлавшись интендантомъ, онъ продолжаетъ оставаться магистратомъ.*

Какимъ образомъ?

Какъ уже было ранѣе замѣчено [5]), званіе maître des requêtes оставалось за его обладателемъ и послѣ его назначенія на должность интенданта, такъ какъ эта послѣдняя должность разсматривалась лишь какъ временное *порученіе (commission)*, какъ случайная миссія, которая отнюдь не влекла за собой утраты или необходимости оставленія той должности, въ данномъ случаѣ должности maître des requêtes,—которая составляла его благопріобрѣтеное достояніе и *должность* въ

[1]) По сообщеніямъ г. Педрелли и г. де-Борепэра, архивиста въ Руанѣ.

[2]) По сообщеніямъ гг. Бретта и Педрелли

[3]) *Inventaire des procès-verbaux du conseil de commerce*, p. LX.

[4]) *Inventaire des archives départementales des Basses-Pyrénées*, série C; также сообщенія г. Бретта.

[5]) См. выше, т. I, стр. 252.

собственномъ смыслѣ, *office*. Такъ же точно обстояло дѣло и со всякою другою должностью, которою обладало то или другое лицо до своего назначенія на интендантство. Такъ, Каше-де-Гарнеранъ продолжалъ оставаться въ должности перваго президента домбскаго парламента и послѣ того, какъ былъ назначенъ домбскимъ интендантомъ, какъ бо́льшая часть интендантовъ продолжала оставаться попрежнему секретарями королевскаго совѣта, хотя конечно фактически они и не были уже въ состояніи вершить связанныя съ этою должностью функціи. Точно также, положеніе интенданта не служило препятствіемъ къ пріобрѣтенію новыхъ „магистратскихъ" должностей. Мы уже отмѣтили случаи полученія интендантами должности maîtres des requêtes; еще чаще были случаи полученія ими званія государственнаго совѣтника, что также не влекло за собою необходимости оставленія должности интенданта, и дѣйствительно, среди интендантовъ изучаемой эпохи мы встрѣчаемъ, на ряду съ секретарями королевскаago совѣта, также и государственныхъ совѣтниковъ [1]). Послѣдній экскій интендантъ де-Галлуа-де-ла-Туръ, три года спустя послѣ своего назначенія на интендантство, унаслѣдовалъ отъ отца должность перваго президента экскаго парламента и съ тѣхъ поръ совмѣщалъ эти два званія вплоть до конца учрежденія интендантства. Корсиканскій интендантъ Бертранъ-де-Буппорнъ, занимавшій въ началѣ своей служебной карьеры нѣсколько должностей въ мецскомъ парламентѣ, былъ уже во время своего управленія корсиканскимъ интендантствомъ избранъ въ почетные совѣтники названнаго парламента. Интендантъ Барбара-де-Мазиро былъ почетнымъ президентомъ того же парламента; интендантъ де-Понъ—почетнымъ совѣтникомъ парижскаго парламента [2]).

[1]) Тамъ же.

[2]) Замѣтимъ, что въ Артуа, въ Руссильонѣ и въ Эльзасѣ интенданты, въ болѣе раннюю пору, нерѣдко соединяли это званіе съ положеніемъ перваго президента мѣстнаго верховнаго совѣта. Изрѣдка подобное совмѣстительство встрѣчается въ XVII–XVIII в. и въ другихъ мѣстахъ; укажемъ на лангдокскаго интенданта Морана, который былъ въ то же время первымъ президентомъ тулузскаго парламента; на де-Риса—интенданта въ Бордо и перваго президента мѣстнаго парламента; на Берюлля—интенданта въ Ліонѣ и Овернн и въ то же время перваго президента греноблькаго парламента. — *Bultel*, Notice sur l'état ancien et moderne de l'Artois, Arras, 1748, p. 296; *Marchand*, Un intendant sous Louis XIV, p 16; *Boislisle*, Correspondance des cotrôleurs généraux, t. I, p. 262, 613, 678; *Foucault*, Mémoires,

X.

Итакъ, *должность интенданта не была отреченіемъ отъ магистратуры; вступленіе въ нее не было равносильно разрыву съ последней. Интендантство, въ своемъ личномъ составѣ, было, какъ въ фигуральномъ, такъ отчасти и въ буквальномъ смыслѣ, плоть отъ плоти и кость отъ кости парламентской магистратуры.*

Но болѣе спеціальнымъ образомъ оно принадлежитъ къ нѣкоторой болѣе или менѣе ограниченной группѣ внутри магистратуры. Это та группа, центромъ которой является не парламентъ (употребляя это слово въ собирательномъ смыслѣ, для обозначенія всей совокупности высшихъ трибуналовъ), а королевскій совѣтъ. Эту группу можно, пожалуй, назвать *совѣтской магистратурой*, въ отличіе отъ остальной, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ *парламентской магистратуры*.

Не смотря на тѣсную, органическую связь между этими двумя магистратурами, между ними наблюдается извѣстный антагонизмъ. И понятно почему. Изъ кого, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ совѣтская магистратура? Изъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, maîtres des requêtes. За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ министровъ, все это люди, принадлежащіе къ магистратурѣ, если не по своему фамильно-соціальному положенію, то во всякомъ случаѣ по своему первоначальному служебному положенію: все это бывшіе адвокаты, прокуроры, совѣтники, президенты парламентовъ, счетныхъ палатъ и т. д., и по большей части дѣти такихъ же совѣтниковъ, президентовъ и т. д. Своими должностями государственныхъ совѣтниковъ и секретарей совѣта они владѣютъ въ силу покупки или наслѣдованія, какъ благопріобрѣтенною собственностью, совершенно такъ же, какъ владѣютъ своими должностями совѣтники и президенты парламентовъ. Секретари королевскаго совѣта продолжаютъ, какъ мы видѣли, считаться даже дѣйствительными членами парламента.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ кажущемся сходствѣ и внѣшней гармоніи, между двумя группами магистратуры есть одна существенная разница, заключающаяся въ способѣ вербованія личнаго состава той и другой. Пріобрѣтеніе судебной должности покупкой или путемъ наслѣдованія еще не означало, какъ мы видѣли, вступ-

Introduction, p. XXI; *Archives du ministère des affaires étrangères*, fonds France, Nr. 1748.

ленія въ нее: для послѣдняго необходима была еще кооптація кандидата соотвѣтствующей корпораціей. Таковъ былъ порядокъ въ парламентахъ и прочихъ судебныхъ учрежденіяхъ; по иначе дѣло обстояло съ королевскихъ совѣтомъ, гдѣ замѣщеніе вакансій производилось не путемъ кооптаціи со стороны корпораціи, а путемъ правительственнаго назначенія: совѣтники назначались королемъ, секретари—канцлеромъ или хранителемъ печатей, то-есть непосредственнымъ органомъ королевской власти [1]). Такимъ образомъ *совѣтская магистратура, по способу своего рекрутированія, въ противоположность собственно парламентской* [2]), *вполнѣ независимой, носила до извѣстной степени правительственный характеръ*, что, впрочемъ, вполнѣ гармонировало съ ея ролью въ государственной жизни страны. Королевскій совѣтъ вѣдь былъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, отъ имени котораго исходили всѣ важнѣйшіе акты внутренней и внѣшней политики; въ его составѣ, который пополнялся путемъ правительственнаго назначенія, вербовались органы внутренняго управленія — министры, провинціальные интенданты, — и самъ онъ наполнялся отчасти бывшими, отчасти состоящими въ должности министрами и интендантами; совѣтская или правительственная магистратура можетъ быть поэтому названа также магистратурою *административною*.

Разсадникомъ этой *административной магистратуры* являются восемдесятъ maîtres des requêtes (мы ихъ условились называть, за неимѣніемъ болѣе подходящаго термина, „секретарями королевскаго совѣта"), такъ какъ почти исключительно изъ ихъ среды вербовались провинціальные интенданты; изъ нихъ же среды — частью прямо, частью косвенно—пополнялся личный составъ государствен-

[1]) Элементъ назначенія не совсѣмъ, правда, былъ чуждъ и парламентамъ, такъ какъ мѣста первыхъ президентовъ въ нихъ замѣщались также по королевскому назначенію; но при корпоративной организаціи парламентовъ и при наличности сильнаго корпоративнаго духа въ нихъ, предсѣдатель корпораціи, хотя бы и назначенный правительствомъ, фактически не могъ дѣйствовать, какъ органъ послѣдняго, вопреки корпораціи, когда большинство послѣдней оказывалось въ оппозиціи противъ правительства.

[2]) Читатель благоволитъ обратить вниманіе на различное значеніе термина *парламентская магистратура*, которая въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ всю судебную магистратуру, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—магистратуру высшихъ трибуналовъ; наконецъ, въ еще болѣе тѣсномъ смыслѣ можно говорить о „собственно парламентской" магистратурѣ въ противоположность магистратурѣ совѣтской, какъ въ данномъ случаѣ.

ныхъ совѣтниковъ (косвенно, такъ какъ въ государственные совѣтники назначались часто бывшіе интенданты); наконецъ, и личный составъ министерствъ въ значительной степени пополнялся изъ среды тѣхъ же секретарей совѣта, косвеннымъ по крайней мѣрѣ образомъ (изъ государственныхъ совѣтниковъ и интендантовъ). Итакъ, *группа секретарей королевскаго совѣта, составлявшая ядро совѣтской магистратуры, представляла собою въ то же время и настоящій разсадникъ органовъ внутренняго управленія.*

XI.

Хотя никакихъ рѣзкихъ границъ не существовало между двумя магистратурами — административной и собственно парламентской,— тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить извѣстной тенденціи внутри административной магистратуры къ кастовой замкнутости. *Тенденція эта выражается прежде всего въ стремленіи „административныхъ фамилій“ превратить административныя должности въ нѣкотораго рода наслѣдственное фамильное достояніе.* Не говоря уже о должностяхъ maîtres des requêtes, включавшихъ, въ качествѣ продажныхъ должностей, принципъ наслѣдственности въ число своихъ аттрибутовъ, — извѣстной тенденціи къ наслѣдственности не чужда и должность интенданта, въ принципѣ вполнѣ эфемерная, какъ основанная на временномъ „порученіи“, зависящемъ отъ королевскаго изволенія, или вѣрнѣе — отъ министерскаго усмотрѣнія. Анализируя интендантскія генеалогіи [1]), мы находимъ, что значительная часть интендантовъ занимающей насъ эпохи принадлежатъ къ такимъ парламентскимъ фамиліямъ, которыя имѣютъ извѣстную административную окраску. Интенданты d'Agay (junior), Amelot (junior), Bernard de Ballainvilliers, Bertier de Sauvigny (junior), Cachet de Garnerans, Caze de la Bove, оба Chaumont de la Galaizière, des Gallois de la Tour, Dufour de Villeneuve, Feydeau de Brou, de la Bourdonnaye de Blossac, le Fèvre de Caumartin de Saint-Ange (junior), Rouillé (junior), Terray были всѣ сыновьями интендантовъ. Многіе другіе были сыновьями лицъ, занимавшихъ различныя положенія въ административной

[1]) Дальнѣйшія свѣдѣнія почерпнуты изъ источниковъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ на стр. 41—69

магистратурѣ. Отецъ интенданта d'Aine былъ секретаремъ военнаго министерства, отецъ Амело старшаго—государственнымъ совѣтникомъ и „интендантомъ финансовъ" (начальникомъ одного изъ отдѣленій генеральнаго контроля), отецъ Амело младшаго (въ моментъ назначенія послѣдняго на интендантство) былъ статсъ-секретаремъ королевскаго дома; отецъ интенданта Фейдо-де-Бру — интендантомъ, дѣдъ хранителемъ печатей (ранѣе того - тоже интендантомъ); отецъ Фуллона — государственнымъ совѣтникомъ и интендантомъ арміи и флота; отецъ Фурнье-де-ла-Шапелля — интендантомъ колоніи Санъ-Доминго: интендантъ Гравье-де-Верженнъ былъ сыномъ посла и племянникомъ министра (статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ); отецъ Гео-де-Реверсо былъ maître des requêtes, отецъ Лоранъ-де-Виллльдёйля directeur des canaux de Picardie; отецъ ле-Февръ-де-Комартэна старшаго - maître des requêtes и государственнымъ совѣтникомъ; точно также—отецъ Тюрго, занимавшій, кромѣ того, полу-административный постъ парижскаго городского головы; Руйлье старшій былъ сыномъ секретаря королевскаго совѣта, внукомъ интенданта и родственникомъ министра (статсъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ). Интендантъ Террэ былъ племянникомъ аббата Террэ, генералъ-контролера.

Нѣкоторыя изъ названныхъ фамилій насчитываютъ, кромѣ того, въ своей средѣ и другихъ болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей различныхъ положеній въ административной магистратурѣ. Такъ, фамилія Амело, на ряду съ представителями различныхъ слоевъ парламентской магистратуры, насчитываетъ въ своей средѣ нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта, государственныхъ совѣтниковъ, финансовыхъ интендантовъ, одного министра (статсъ-секретаря королевскаго дома) и четырехъ провинціальныхъ интендантовъ. Фамилія Казъ-де-ла-Бовъ насчитываетъ нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта и двухъ интендантовъ. Фамилія Шомонъ-де-ла Галезьеръ—трехъ интендантовъ, двухъ государственныхъ совѣтниковъ и одного министра (канцлера герцога лотарингскаго); фамилія де-Клюньи, выставившая изъ своей среды двухъ интендантовъ, насчитываетъ также нѣсколько секретарей королевскаго совѣта. Фамилія Фейдо дала нѣсколькихъ секретарей совѣта, государственныхъ совѣтниковъ, одного парижскаго генералъ-лейтенанта полиціи, одного министра (хранителя печатей) и шестерыхъ интендантовъ, такъ что званіе интенданта держалось въ фамиліи непрерывно съ 1673 г. до 1787 г., то-есть въ теченіе ста четырнадцати лѣтъ. Фамилія де-

Флесселль, кромѣ одного интенданта, дала нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ. Изъ фамилій де-ла-Бурдоннэ и ле-Камюсъ вышло по четыре интенданта. Фамилія ле-Февръ-де-Комартэнъ дала нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта, одного парижскаго городского голову и пятерыхъ интендантовъ. Фамилія ле-Пелльтье выставила изъ своей среды нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ, двухъ генералъ-контролеровъ и четырехъ интендантовъ; фамилія Пажо, кромѣ двухъ интендантовъ, — одного генералъ-контролера почтъ; фамилія Руйлле—нѣсколькихъ секретарей королевскаго совѣта, государственныхъ совѣтниковъ, двухъ министровъ (статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ и генералъ-контролера) и пятерыхъ интендантовъ; фамилія Тюрго—одного генералъ контролера, одного парижскаго голову и шестерыхъ интендантовъ [1]).

XII.

Далѣе, указаніемъ на существованіе извѣстной кастовой тенденціи въ административной магистратурѣ могутъ служить многочисленныя родственныя узы, которыми были взаимно связаны входившія въ ея составъ фамиліи. Бóльшая часть тѣхъ интендантскихъ фамилій, относительно которыхъ намъ удалось собрать генеалогическія свѣдѣнія, находятся частью въ отдаленномъ родствѣ или свойствѣ какъ взаимно между собою, такъ и съ различными другими „административными“ фамиліями, напримѣръ—министерскими. Начнемъ съ послѣднихъ парижскихъ интендантовъ—двухъ Бертье-де-Совиньи. Бертье отецъ былъ женатъ на сестрѣ генералъ-контролера Орри; его сынъ—на дочери государственнаго секретаря Фуллона и сестрѣ интенданта Фуллона-де-Дуэ. Съ другой стороны—Бертье-сынъ былъ тестемъ интенданта де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссака младшаго, который былъ женатъ на его дочери, и своякомъ интенданта д'Агэ младшаго, женатаго на сестрѣ его жены, а этотъ д'Агэ шуриномъ интенданта Лоранъ-де-Виллльдейля, женатаго на его сестрѣ. Далѣе, фамилія де-ла-Бурдоннэ, породнившаяся въ позднѣйшее время съ фамиліей Бертье, находи-

[1]) Изъ фамилій интендантовъ, не вошедшихъ въ нашъ обзоръ (какъ относящихся къ болѣе раннему періоду) назовемъ: Barberie de Saint-Contest—пять интендантовъ, Barentin—четыре, Barillon—три, Barin—четыре, Bernage—три, Bignon—четыре, Chauvelin, Sabert. Legendre и Pomereu—по три, Méliand—четыре.

лась еще ранѣе въ извѣстномъ родствѣ съ фамиліей ле-Пелльтье, къ которой принадлежалъ суассонскій интендантъ, а впослѣдствіи парижскій городской голова ле-Пелльтье-де-Морфонтэнь, и съ фамиліей де-Блэръ, къ которой принадлежалъ интендантъ, носившій это имя; кромѣ того, интендантъ де-ла-Бурдоннэ отецъ породнился съ генералъ-контролеромъ ле-Февръ-д'Ормессономъ, на сестрѣ котораго женился его сынъ (братъ адъюнктъ-интенданта); въ родствѣ съ ле-Февръ-д'Ормессономъ находились также интенданты де-Шазера и Фейдо-де-Бру. Интендантъ ле-Пелльтье-де-Морфонтэнь, въ свою очередь, приходился зятемъ интенданту дю-Клюзелю, который былъ братомъ его жены, и тестемъ генералъ-контролеру ле-Февръ-д'Ормессону, женатому на его дочери. Съ своей стороны, интендантъ дю-Клюзель приходился отдаленнымъ родственникомъ бретанскому интенданту Дюфоръ-де-Рошфору, мать котораго была изъ фамиліи дю-Клюзель; этотъ-же дю-Клюзель состоялъ въ отдаленномъ родствѣ съ генералъ-контролеромъ (ранѣе интендантомъ) Жоли-де-Флери; фамилія же ле-Пелльтье находилась въ родственной связи съ фамиліей де-Галлуа, къ которой принадлежалъ послѣдній экссkій интендантъ, а эта послѣдняя находилась въ родственной связи съ интендантскими фамиліями Тюрго, Пажо, Амело, Дюпрэ. Первая изъ этихъ послѣднихъ фамилій находилась также въ связи съ упомянутою уже фамиліею ле-Пелльтье, изъ которой была бабушка интенданта (и генералъ-контролера) Тюрго. Въ связи съ сейчасъ названной фамиліей Пажо находились фамиліи Оже-де-Монтіонъ и Руйллье, изъ которыхъ вышли носящіе эти имена интенданты. Изъ фамиліи Пажо была мать интенданта Оже-де-Монтіона. Интендантъ Руйллье-д'Орфейль старшій былъ, въ свою очередь, зятемъ интенданта Казъ-де-ла-Бова, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Интендантъ Бернаръ-де-Баллэнвиллье принадлежалъ къ фамиліи, находившейся въ связи съ упомянутою сейчасъ фамиліею Руйллье, и былъ родственникомъ интенданта, а потомъ генералъ-контролера де-Калонна (былъ женатъ на племянницѣ послѣдняго). Упомянутый выше интендантъ Пажо находился также въ родствѣ съ интендантомъ де-Флесселлемъ, жена котораго была изъ фамиліи Пажо, и съ интендантомъ де-Блэромъ[1]), женатымъ на сестрѣ де-Флесселля. Другой выше упомянутый ин-

[1]) Фамилія де-Блэръ была, какъ выше сказано, въ родствѣ и съ фамиліей Бертье.

тендантъ, Амело (онъ же министръ), находился въ отдаленномъ родствѣ съ интендантомъ д'Энемъ (дочь послѣдняго была женою племянника Амело), а д'Энъ былъ своякомъ интенданта Журнэ (ихъ жены были родными сестрами). Оже-де-Монтіонъ, о которомъ уже была рѣчь, приходился шуриномъ генералъ-контролеру Буваръ-де-Фуркё, женатому на его сестрѣ, и находился также въ свойствѣ съ генералъ-контролеромъ Мэнонъ-д'Энво и финансовымъ интендантомъ Трюдэнемъ, которые оба были женаты на двухъ племянницахъ Оже-де-Монтіона, дочеряхъ названнаго Буваръ-де-Фуркё.

Такимъ образомъ, *довольно многочисленная группа интендантскихъ фамилій представляетъ собою что-то въ родѣ одной большой семьи*. Быть можетъ, число членовъ этой семьи было въ дѣйствительности гораздо многочисленнѣе, только мы не имѣемъ возможности это констатировать, вслѣдствіе недостаточности генеалогическихъ данныхъ относительно нѣкоторыхъ изъ интендантскихъ фамилій.

Намъ остается поэтому лишь добавить къ изложенному тѣ отрывочныя данныя, которыя намъ удалось добыть относительно остальныхъ интендантскихъ фамилій.

Фамилія, къ которой принадлежалъ интендантъ де-Моссіонъ, находилась съ семнадцатаго вѣка въ родствѣ съ фамиліей Оберъ-де-Турни, изъ которой вышелъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся интендантовъ царствованія Людовика XV; кромѣ того, интендантъ де-Моссіонъ приходился зятемъ орлеанскому интенданту Перрэнъ-де-Сипьеру старшему, на дочери котораго (и слѣдовательно на сестрѣ Перрэнъ-де-Сипьера младшаго) онъ былъ женатъ,—и шуриномъ интенданту Шомонъ-де-ла-Галезьеру старшему, женатому на его сестрѣ. Перрэнъ-де-Сипьеръ, въ свою очередь, приходился своякомъ министрамъ Буржуа-де-Бопну и барону де-Бретёйль: жены всѣхъ трехъ были родныя сестры. Жена интенданта Фейдо-де-Бру была изъ фамиліи Ламуаньонъ, той самой, изъ которой вышли знаменитый лангдокскій интендантъ временъ Людовика XIV Бавилль, затѣмъ канцлеръ Ламуаньонъ-де-Мельзербъ, хранитель печатей Ламуаньонъ и болѣе всѣхъ ихъ извѣстный министръ Мальзербъ (впослѣдствіи защитникъ Людовика XVI передъ конвентомъ). Замѣтимъ, что жена министра (статсъ-секретаря флота и колоній) де-ла-Люзерна была также изъ фамиліи Лумуаньонъ. Кромѣ того, интендантъ Фейдо-де-Бру былъ женатъ на дочери хранителя печатей Ламуаньона, а одна изъ его сестеръ была замужемъ за сыномъ канцлера

Мону. Интендантъ Гравье-де-Верженнь былъ племянникомъ министра, носившаго то же имя (статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ) и шуриномъ интенданта Каше-де-Гарнерана, который былъ женатъ на его сестрѣ; а фамилія Гравье-де-Верженнь находилась въ связи съ фамиліей, къ которой принадлежалъ интендантъ Гео-де-Реверсо. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, приходился двоюроднымъ братомъ генералъ-контролеру де-л'Аверди. Интендантъ ле-Февръ-де-Комартэнъ старшій приходился племянникомъ графу д'Аржансону, который былъ послѣдовательно парижскимъ генералъ-лейтенантомъ полиціи, турскимъ интендантомъ, государственнымъ совѣтникомъ, военныхъ министромъ и суперъ-интендантомъ почтъ. Двоюродная сестра этого ле-Февръ-де-Комартэна была замужемъ за братомъ хранителя печатей Гюдо-Мироменила. Интендантъ Мёланъ-д'Аблуа былъ свякомъ министра (статсъ-секретаря флота и колоній) де-Сартина.

XIII.

Наконецъ, отмѣченная кастовая тенденція внутри административной магистратуры выдаетъ себя тѣмъ, что въ секретари королевскаго совѣта, этотъ разсадникъ административной магистратуры, а также и въ интенданты назначались сплошь да рядомъ молодые люди, далеко не достигшіе требуемаго закономъ возраста.

Изъ сорока девяти maîtres des requêtes (изъ числа будущихъ интендантовъ изучаемой эпохи), относительно возраста и движенія по службѣ которыхъ намъ удалось добыть необходимыя данныя, только пятеро оказались принятыми на эту должность по достиженіи регламентарнаго 31-лѣтняго возраста; четырнадцать человѣкъ были приняты въ возрастѣ отъ 27 до 30 лѣтъ, пятнадцать въ возрастѣ 25—26 лѣтъ, остальные пятнадцать—всѣ моложе двадцати пяти лѣтъ: въ томъ числѣ пятеро въ 21 года, двое въ 20 и одинъ въ восемнадцать лѣтъ и девять мѣсяцевъ [1]). Раздѣляя иначе, находимъ, въ возрастѣ до 25 лѣтъ включительно—двадцать три человѣка, тоесть немного меньше половины (изъ 49). Отсюда видно, что составъ секретарей королевскаго совѣта въ значительной пропорціи состоялъ изъ настоящей молодежи, хотя, правда, въ

[1]) Этимъ enfant précoce былъ Amelot, сынъ министра (статсъ-секретаря королевскаго дома).

среднемъ нѣсколько болѣе зрѣлой, чѣмъ совсѣмъ уже зеленая молодежь парламентской магистратуры [1]).

Въ обоихъ случаяхъ отмѣченное явленіе указываетъ на наличность *кастоваго непотизма, приносившаго законъ въ жертву желанію упрочить за „родными человѣчками“ насиженныя теплыя мѣста.* Справедливость требуетъ впрочемъ признать, что указанная скороспѣлость изрядной части административной магистратуры находитъ себѣ извѣстное оправданіе въ еще большей скороспѣлости той части парламентской магистратуры, изъ среды которой приходилось вербовать секретарей королевскаго совѣта; если бы внутри парламентской магистатуры соблюдался строго законъ о двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, какъ минимальномъ для кандидатовъ въ совѣтники (и вообще на судейскія должности), то разумѣется, что и среди maîtres des requêtes мы не видѣли бы людей моложе этого возраста. Но съ другой стороны—-правда и то, что административная магистратура не всегда пользовалась имѣвшимся въ ея рукахъ коррективомъ противъ указаннаго ненормальнаго положенія вещей: коррективъ этотъ заключался въ требуемомъ закономъ для кандидатовъ въ секретари совѣта по меньшей мѣрѣ шестилѣтнемъ „стажѣ“ въ должности совѣтника парламента или другого высшаго трибунала; тогда, даже при наличности семнадцатилѣтнихъ совѣтниковъ, въ средѣ секретарей совѣта не могло бы быть лицъ моложе 23-лѣтняго возраста; но въ дѣйствительности законный срокъ стажа сплошь да рядомъ значительно сокращался вдвое-втрое. Впрочемъ, кромѣ кастоваго непотизма, выражавшагося наглядно обыкновенно въ видѣ той или другой личной протекціи, въ данномъ случаѣ извѣстную роль играли и не зависящія отъ личныхъ вліяній условія, о которыхъ намъ придется упомянуть въ другой связи. Эти послѣднія условія, отчасти оправдываютъ и появленіе въ средѣ интендантовъ лицъ, не всегда отвѣчавшихъ, по своему возрасту, тѣмъ требованіямъ, какія предъявлялъ къ своему обладателю важный и отвѣтственный постъ провинціальнаго администратора.

Изъ пятидесяти девяти индендантовъ, относительно возраста которыхъ въ моментъ назначенія на должность интенданта намъ удалось добыть свѣдѣнія, оказывается, что тринадцать получили это назначеніе въ возрастѣ старше сорока лѣтъ, двѣнадцать въ возрастѣ отъ 36 до 40 лѣтъ (включительно), двадцать въ возрастѣ отъ 31 до 35 лѣтъ,

[1]) См. выше, стр. 19—20.

десять въ возрастѣ отъ 26 до 30 лѣтъ[1]) и четверо въ возрастѣ отъ 22 до 25[2]). Такимъ образомъ, 34 лица изъ 59 вступили и въ должность интенданта ранѣе достиженія регламентарнаго возраста.

XIV.

Что здѣсь кромѣ тѣхъ условій, о которыхъ намъ придется потомъ говорить, игралъ до извѣстной степени роль и кастовый непотизмъ, аналогичный съ тѣмъ, наличность котораго мы имѣли случай отмѣтить въ парламентской магистратурѣ, какъ и въ прочихъ элементахъ государственнаго дворянства,—на это указываютъ многочисленные, поддающіеся болѣе или менѣе точному констатированію факты, обнаруживающіе вліяніе протекціи—по большей части въ лицѣ сильныхъ родственниковъ—на замѣщеніе интендантскихъ вакансій[3]).

Въ дневникѣ маркиза д'Аржансона, бывшаго интенданта и министра, подъ 21-го февраля 1753 г. читаемъ между прочимъ слѣдующую замѣтку[4]): „Не совсѣмъ заурядное предстоитъ замѣщеніе вакансіи бретанскаго интенданта, при чемъ предстоитъ обнаружиться ничтожеству вліянія, которымъ пользуется мой братъ[5]), такъ какъ ему не удается выворожить интенданства для своего племянника г. де-Комартэна. Бретанскимъ интендантомъ будетъ назначенъ племянникъ моей жены, бѣдный генеральный адвокатъ г. ле-Бретъ, не могущій сказать слова безъ того, чтобы не закашляться; назначеніе свое онъ получитъ не смотря на то, что не имѣетъ званія maître des requêtes, противъ чего конечно будутъ громко кричать всѣ секретари королевскаго совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получитъ право наслѣдства на мѣсто перваго президента парламента этой про-

[1]) Perrin de Cypierre junior, intendant adjoint, de la Bourdonnaye de Blossac junior adjoint, des Gallois de la Tour, le Fèvre de Caumartin senior, оба Chaumont de la Galaizière (сынъ adjoint), оба Rouillé (сынъ adjoint), Senac de Meilhan, Bernard de Ballainvillers.

[2]) Feydeau de Brou (22), Amelot (22), Terray (23), Bertier отецъ (25).

[3]) Подобная протекція, несомнѣнно, имѣла мѣсто и при замѣщеніи вакансій секретарей королевскаго совѣта, но разсмотрѣніе этой стороны дѣла завело бы насъ за предѣлы нашей задачи.

[4]) *D'Argenson*, Journal et Mémoires, édition Rathéry, Paris, 1865, t. VII, p. 410—411.

[5]) Marc-Pierre Voyer, comte d'Argenson, surintendant général des postes ранѣе того—статсъ-секретарь военнаго вѣдомства.

винціи,—мѣсто, занимаемое въ настоящее время его дядей. де-ла-Бриффъ-д'Амплье. Выборъ этотъ подсказанъ государственнымъ совѣтникомъ г. де-Фрэнъ, сыномъ канцлера д'Агессо, имѣющимъ столь же опредѣленную репутацію бездѣльника, насколько прочна репутація порядочности, которую пользуется его фамилія. У этого г. де-Фрэнъ есть дочь отъ перваго брака, которую онъ приноситъ въ жертву хранителю печатей, выдавая ее за его beau frère'a, капитана жандармеріи, г. Руйлле-дю-Кудрэ: это—наслѣдница, имѣющая доставить ему богатство. Вмѣстѣ съ тѣмъ названному г. Руйлле собираются дать мѣсто парижскаго городского головы. *Такъ-то вотъ всѣ мѣста раздаются нынѣ въ силу протекціи или пролазничества*" [1]).

Послѣднее замѣчаніе цѣнно, какъ идущее отъ лица хорошо освѣдомленнаго—бывшаго интенданта и министра. Оно, правда, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ занимающая насъ эпоха: тѣмъ не менѣе оно не лишено интереса и съ точки зрѣнія послѣдней, такъ какъ значительная часть интендантовъ, „правившихъ Франціею" при Людовикѣ XVI, начали свою административную карьеру около того времени, къ которому относятся приведенныя слова маркиза д'Аржансона, частью же даже ко времени еще болѣе раннему [2]).

Замѣтимъ также, что „г. де-Комартэнъ, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ, есть тотъ самый ле-Февръ-де-Комартэнъ, который, начавъ свою административную карьеру мецкимъ интендантомъ въ 1754 году, продолжалъ ее въ качествѣ лилльскаго интенданта вплоть до 1778 года и кончилъ въ должности парижскаго городского головы. Время Людовика XV было, какъ извѣстно, золотымъ вѣкомъ „протекціи и пролазничества" во всѣхъ областяхъ, соприкасавшихся такъ или иначе съ придворными и правительственными сферами; извѣстно также, что новое царствованіе внесло нѣкоторое улучшеніе въ придворные и административные нравы. Тѣмъ не менѣе и при Людовикѣ XVI, если беззастѣнчивое „пролазничество" и утратило часть своихъ былыхъ правъ, то роль благодѣтельной „протекціи" врядъ ли что потеряла въ обиходѣ административной жизни. По

[1]) „Voilà comme toutes les places se donnent aujourd'hui à la faveur ou à l'intrigue".

[2]) Такъ, Бертье отецъ началъ свою интендантскую карьеру въ 1734 г., де-Блэръ въ 1749 г., де-Галлуа въ 1744 г., Гиньяръ отецъ и де-ла-Бурдоннэ отецъ въ 1751 г., ле-Февръ-де-Комартэнъ отецъ въ 1754 г., Орсо-де-Фонтеттъ въ 1752 г.

свидѣтельству человѣка, близко стоявшаго къ придворнымъ сферамъ въ началѣ царствованія Людовика XVI, „личное вліяніе и рекомендація оказывали большое вліяніе на выборъ интендантовъ“ [1]), съ чѣмъ вполнѣ сходится и свидѣтельство одного изъ послѣднихъ интендантовъ, замѣчающаго, что „протекція слишкомъ часто имѣла рѣшающее значеніе при выборѣ кандидатовъ на интендантскія должности [2]).

Что безъ опредѣленной протекціи аспирантъ на должность интенданта зачастую былъ обреченъ заранѣе на неудачу, это можно видѣть на примѣрѣ графа де-Маларти, перваго президента верховнаго совѣта въ Руссильонѣ. Вмѣстѣ съ назначеніемъ на постъ перваго президента въ 1774 г., незадолго до смерти Людовика XV, онъ получилъ „отъ короля“ обѣщаніе мѣста руссильонскаго интенданта, какъ только освободится вакансія. Вакансія, дѣйствительно, освободилась въ томъ же году, но это было уже въ новое царствованіе, когда бразды правленія оказались въ другихъ рукахъ, и на освободившееся мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ секретарей королевскаго совѣта, будущій министръ де-Клюньи, у котораго имѣлись покровители въ придворныхъ сферахъ [3]); а затѣмъ, когда въ слѣдующемъ году перпиньянское интендантство снова освободилось вслѣдствіе назначенія де-Клюньи на постъ генералъ-контролера, на него было назначено опять лицо изъ секретарей совѣта, Мулэнъ-де-ла-Портъ, который, въ свою очередь, былъ замѣщенъ въ 1778 г. опять секретаремъ совѣта Ремонъ-де-Сенъ-Севѣромъ, и графъ де-Маларти оказался обойденнымъ въ третій разъ, что, впрочемъ, не настолько его обезкуражило, чтобы не возобновить, пять лѣтъ спустя, еще разъ попытки получить облюбованное мѣсто. „Мнѣ извѣстно—писалъ онъ къ министру Гравье-де-Верженню 6-го іюля 1783 г.,—что г. де-Сенъ-Совѣръ (перпиньянскій интендантъ) желаетъ перемѣщенія и поѣхалъ въ Парижъ хлопотать о лучшемъ интендантствѣ, поближе

[1]) Lettre de l'abbé de Vermond à l'impératrice Marie-Thérèse (5 juin 1774): „...et cependant, combien le crédit et la recommandation n'influent-ils pas sur la nomination des intendants, des premiers présidents“.—*Arneth et Geffroy*, Marie-Antoinette, t. II, p. 168 (цит. по *Taine*, l'Ancien régime, Paris, 1896, p. 105)

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les moeurs et les conditions, etc., p. 142: „la faveur trop souvent l'emportait pour le choix des sujets“.

[3]) Судя по тому, какъ онъ выдвинулся въ министры. См. *Jobez*, la France sous Louis XVI, t. I, p. 517.

къ Парижу[1]). Былъ ли то ложный слухъ, или же Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ планахъ, только послѣдняго мы видимъ на мѣстѣ интенданта въ Перпиньянѣ вплоть до 1790 г.

Само собою понятно, что офиціальные документы не содержатъ въ себѣ никакихъ данныхъ для выясненія закулисной стороны интендантскихъ назначеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; кое-какія данныя на этотъ счетъ можно однако найти частью въ мемуарахъ, частью въ современной нецензурной прессѣ. Особенное вниманіе этой сторовѣ дѣла удѣляетъ вышедшая въ 1782 г. книжка подъ заглавіемъ *l'Espion dévalisé,* содержащая въ себѣ различныя „разоблаченія" болѣе или менѣе скандальнаго характера, относительно двора, правительства и администраціи[2]). Часть, посвященная интендантамъ, отличается столь же рѣзко-полемическимъ характеромъ, какъ и вся книжка, почему и нельзя конечно принимать всѣ ея „разоблаченія" за чистую монету, хотя многія сообщаемыя ею свѣдѣнія находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ, почему мы и не считаемъ себя въ правѣ отнестись безусловно отрицательно къ этому несомнѣнно тенденціозному сочиненію. „Разоблаченія" относительно интендантовъ сводятся по большей части къ указанію на ту или другую протекцію, которой данный интендантъ обязанъ былъ своимъ мѣстомъ. Интендантъ д'Агэ называется здѣсь „protégé de M. de Duras" (Duras былъ главнокомандующимъ въ Бретани въ 1768—1771 гг.). Интендантъ д'Энь „получилъ свое мѣсто черезъ Пралэна", министра 1760—1770 гг. Амело отецъ получилъ дижонское интендантство въ качествѣ protégé графа де-Морепà; послѣднее подтверждается и свидѣтельствомъ Сулави[3]). Оже-де-Монтіонъ „пользовался поддержкой Трюдэня", одного изъ финансовыхъ интендантовъ, занимавшаго вліятельный постъ директора путей сообщенія. Но, быть можетъ, еще

[1]) *Archives du ministère des affaires étrangeres,* fonds France, № 1748. Извлеченіе изъ письма де-Маларти къ министру напечатано нами въ *Pièces justficatives,* № 12.

[2]) *L'Espion dévalisé,* Londres, 1782. *Bibliothèque nat.*, Lb 39/317. Экземпляръ этой въ настоящее время крайне рѣдкой книги имѣется въ библіотекѣ Университета св. Владиміра, *Hist. Gall.* 307, in- 8⁰. Въ свое время это сочиненіе приписывали графу Мирабо, но Барбье говоритъ, что ему лично называлъ себя авторомъ Baudouin de Guémadeuc, ancien maître des requêtes (*Barbier,* Dictionnaire des ouvrages anonymes, Paris, 1882, t. II, p. 178).

[3]) *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, Paris, 1801, t. IV, p. 262.

большее значеніе имѣло въ данномъ случаѣ родство его съ генералъ-контролеромъ Мэнонъ-д'Энво [1]). Казъ-де-ла-Бовъ имѣлъ протекцію въ лицѣ министра де-Монбаррэ. Шомонъ-де-ла-Галезьеръ былъ „креатурой Шуазеля", въ свое время всемогущаго министра. Де-Шазера, „родственникъ д'Ормессона" (финансоваго интенданта), получилъ ріонское интенанство въ награду за свою податливость въ эпоху „революціи Мопу", когда онъ занималъ, какъ и впослѣдствіи, мѣсто перваго президента палаты пошлинъ въ Клермонъ-Ферранѣ. Это свѣдѣніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ [2]). Извѣстно, кромѣ того, что Шазера пользовался благоволеніемъ министра Сенъ-Флорантэна [3]). Дюфуръ-де-Вилльневъ „посланъ Неккеромъ въ Буржъ", потому что „отецъ его былъ однимъ изъ трехъ членовъ судебнаго комитета" [4]). „Эсмангаръ, сынъ камердинера въ Палэ-Роялѣ, заявилъ себя рабскою преданностью канцлеру Мопу. Его мать, состоявшая при герцогинѣ Шартрской, воспользовалась своимъ вліяніемъ, для того чтобы, черезъ посредство герцога Орлеанскаго, пристроить своего сына въ Бордо". Какъ намъ уже извѣстно, дѣти Эсмангара доказали четыре поколѣнія своего дворянства, а если такъ, то врядъ ли отецъ его занималъ приписываемое ему положеніе; а эта неточность набрасываетъ тѣнь сомнѣнія и на всю приведенную тираду. Де-Флесселль обязанъ всѣмъ герцогу д'Эгильону. Гео-де-Реверсо „получилъ всевозможныя повышенія отъ своего кузена, министра де-л'Аверди". Въ частности, муланское интендантство онъ получилъ будто бы въ награду за свое участіе въ какой-то „интригѣ", гдѣ замѣшаны были епископъ оксерскій и архіепископъ бордоскій. „Пріятель Жюлльенъ, бывшій начальникъ совѣта графа d'Eu, получилъ Алансонъ, въ качествѣ зятя Cromot (?), ибо требовалось построить дороги къ бургскому замку". Суассонскій интендантъ ле-Пелльтье—„protégé королевы", но, очевидно, это обстоятельство не могло оказать вліянія на назначеніе его интендантомъ, каковое имѣло мѣсто еще въ 1764 г. Мулэнъ-де-ла-Портъ, это—„ребенокъ, котораго маршалъ дю-Мюи [5])

[1]) *Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. III, p. 907.

[2]) Напримѣръ, въ многократно раньше нами цитированномъ *Journal historique de la révolution opérée par Maupeou*.

[3]) *Evérat*, la Sénéchaussée d'Auvergne, p. 246.

[4]) Comité contentieux, организованный при генеральномъ контролѣ. Отецъ интенданта былъ, кромѣ того, государственнымъ совѣтникомъ.

[5]) Маршалъ дю-Мюи, военный министръ 1774—1775 г.

назначилъ интендантомъ въ Нанси по просьбѣ Стэнвилля и по требованію Gayot (?), которому дю-Мюи не былъ въ состояніи въ чемъ-либо отказать". Де-Понъ получилъ мецское интендантство, потому что „его жена играла въ домашнемъ театрѣ маркизы де-Монтессонъ" [1]). Своего назначенія на перпиньянское интендантство Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ „добился чрезъ Тьерри" [2]). Тиру-де-Кронъ получилъ руанское интендантство благодаря Шуазелю и своему тестю де-ла-Мишодьеру, мѣсто котораго онъ занялъ.

Касательно остальныхъ интендантовъ отмѣтимъ изъ другихъ источниковъ то, что удалось намъ найти по этой части.

Относительно назначенія на дижонское интендантство Амело сына въ опубликованной Лескюромъ „секретной перепискѣ" находимъ слѣдующее интересное свѣдѣніе. Когда его отецъ, министръ, „согласился" подать въ отставку въ 1783 г., то онъ постарался извлечь изъ этого своего „согласія" все, что было возможно, и однимъ изъ условій своего удаленія поставилъ — назначеніе на бургонское интендантство своего сына, „молодого человѣка двадцати двухъ лѣтъ" [3]). Если дѣло, дѣйствительно, было такъ, то вотъ гдѣ, стало быть, разгадка необычайной скороспѣлости этого совсѣмъ юнаго администратора, успѣвшаго впрочемъ значительно опередить своихъ сверстниковъ и въ предшествующей должности maître des requêtes [4]).

Относительно дю-Клюзеля извѣстно, что онъ былъ назначенъ интендантомъ въ Турѣ благодаря покровительствовавшему ему герцогу Шуазелю, который имѣлъ нѣкоторое специальное отношеніе къ этой области, какъ въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца—ему принадлежалъ замокъ Chanteloup около Амбуаза,—такъ и въ качествѣ „губернатора Турэни" [5]).

Относительно де-Моссіона есть свѣдѣніе, что онъ получилъ въ

[1]) Маркиза де-Монтессонъ была неофиціальною женою герцога Орлеанскаго (отца *Эгалитэ*); въ своемъ роскошномъ помѣщеніи въ Палэ-Роялѣ она давала пышные обѣды, сопровождавшіеся театральными представленіями, для которыхъ герцогиня сама сочиняла пьесы и принимала участіе въ ихъ исполненіи.

[2]) Premier valet de chambre du roi.

[3]) *Correspondance secrète sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville*, de 1777 à 1792, publiée par M. de Lescure, Paris, 1866, t. II, p. 98.

[4]) Должность эту, требовавшую по закону минимальнаго возраста въ 31 годъ, онъ получилъ, какъ мы видѣли, въ возрастѣ 18 лѣтъ и 9 мѣс.

[5]) *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 16.

1787 г. мѣсто руанскаго интенданта „благодаря вліянію своего тестя“, орлеанскаго интенданта [1]). О Сенакъ-де-Мейльянѣ его біографъ говоритъ, какъ о „креатурѣ“ вліятельной фамиліи Ноайль, изъ придворной знати [2]).

Но вообще говоря, придворныя вліянія въ дѣлѣ выбора интендантовъ играли, повидимому, лишь второстепенную роль; гораздо больше значенія имѣлъ *кастовый непотизмъ*, находившій себѣ выраженіе въ протекціи сильныхъ или вліятельныхъ родственниковъ. Типичными иллюстраціями этого общаго явленія могутъ служить указанный выше примѣръ Амело, а также случай, записанный въ своемъ дневникѣ маркизомъ д'Аржансономъ. То, что намъ уже извѣстно о родственныхъ связяхъ между интендантскими и министерскими фамиліями, даетъ намъ возможность „понять“ нѣкоторыя изъ интендантскихъ назначеній съ указанной точки зрѣнія. Таковъ, напримѣръ, случай съ замѣщеніемъ лангдокскаго интендантства, сдѣлавшагося вакантнымъ съ уходомъ оттуда Гиньяръ-де-Сенъ-При младшаго въ 1786 г. По словамъ лангдокскаго историка, „конкуренты явились въ большомъ числѣ, и всѣ интенданты“ [3]). Однако никто изъ этихъ, частью, быть можетъ, очень заслуженныхъ администраторовъ, желаемаго мѣста не получилъ, а выборъ министра остановился на совсѣмъ молодомъ, ничѣмъ пока себя не заявившемъ человѣкѣ, изъ числа секретарей королевскаго совѣта. Впрочемъ, назначеніе это, по всей вѣроятности, было неожиданностью лишь для тѣхъ, кому не было извѣстно, что молодой Бернаръ-де-Баллэнвиллье имѣлъ надъ остальными конкуррентами одно серьезное преимущество: онъ былъ „роднымъ человѣкомъ“ могущественнаго тогда министра де-Калонна [4]). Замѣчательно, что всѣ интенданты, получившіе свои мѣста въ раннемъ возрастѣ, имѣли въ числѣ родственниковъ — министровъ или другихъ лицъ, занимавшихъ вліятельное положеніе въ административной магистратурѣ. Террэ, сдѣлавшійся интендантомъ въ двадцать три года, былъ племянникомъ министра; Амело младшій, получившій интендантство на двадцать третьемъ году своего возраста, былъ сыномъ министра; Бертье старшій, получившій ин-

[1]) *Intermédiaire des chercheurs*, t. XLVIII (1904). p. 80 (notice par. S. Churchill).

[2]) *Legrand*, Senac de Meilhan, p. 30: „S. de M., créature des Noailles“.

[3]) *Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1333. Авторъ не дѣлаетъ попытки объяснить странный, казалось бы, исходъ „конкурса“

[4]) Баллэнвиллье былъ женатъ на его племянницѣ.

тендантство въ возрастѣ двадцати пяти лѣтъ, былъ зятемъ генералъ-контролера; Фейдо-де-Бру, сдѣлавшійся интендантомъ, какъ и Амело, въ двадцать два года, былъ сыномъ одного хранителя печатей и зятемъ другого. Ле-Февръ-де-Комартэнъ, интендантъ въ двадцать девять лѣтъ, былъ въ родствѣ съ хранителемъ печатей Гю-де-Мироменилемъ. Шомонъ-де-ла-Галезьеръ, интендантъ въ томъ же возрастѣ, былъ сыномъ канцлера герцога лотарингскаго. Руйлье д'Орфёйль старшій, интендантъ въ тридцать лѣтъ, былъ родственникомъ министра изъ той же фамиліи. Гравье-де-Верженнь, интендантъ въ 31 годъ, былъ племянникомъ министра изъ той же фамиліи. Де-Галлуа, сдѣлавшійся интендантомъ въ 29 лѣтъ, былъ въ родствѣ съ первымъ президентомъ парижскаго парламента—постъ полу-административнаго характера [1]), очень вліятельный и въ правительственныхъ сферахъ. Вліяніе различныхъ сильныхъ родственниковъ проглядываетъ и въ назначеніи многихъ другихъ интендантовъ, независимо отъ возраста кандидатовъ. Такъ, Мёланъ-д'Аблуа получилъ въ 1776 г. ла-рошелльское интендантство, по всей вѣроятности, не безъ участія въ дѣлѣ тогдашняго военнаго министра, де-Сартина, который ему приходился своякомъ. Несомнѣнно вліяніе государственнаго совѣтника и интенданта арміи и флота Фуллона въ дѣлѣ назначенія его сына на должность субъ-интенданта въ Байоннѣ въ 1787 г., а въ слѣдующемъ году на мулэнское интендантство, —равнымъ образомъ вліяніе государственнаго совѣтника ле-Февръ-де-Комартэна на назначеніе на мецское интендантство въ 1754 г. его сына, у котораго вдобавокъ было и еще другое сильное покровительство въ лицѣ графа д'Аржансона [2]).

Не слѣдуетъ впрочемъ слишкомъ обобщать приведенныхъ, хотя бы и многочисленныхъ, примѣровъ; то, что случалось часто, конечно нельзя назвать исключеніемъ, но то, что не есть исключеніе, не есть еще правило. Если часты были случаи несомнѣннаго вліянія непотизма и протекціи на замѣщеніе интендантскихъ вакансій, то можно привести цѣлый рядъ и такихъ случаевъ, гдѣ трудно предполагать вліяніе этихъ факторовъ [3]). Не слѣдуетъ также при-

[1]) Такъ какъ первый президентъ *назначался* правительствомъ.

[2]) См. выше, стр. 95.

[3]) Таковы примѣры Бертранъ-де-Молльвилля, Кордье-де-Лонэ, Пажо-де-Маршеваля, де-Шазера, Дюфуръ-де-Вилльнёва Лоранъ-де-Вилльдейля, получившихъ должность интендантовъ въ возрастѣ отъ сорока до сорока четырехъ лѣтъ.

давать преувеличеннаго значенія фаворитизму и непотизму въ дѣлѣ выбора интендантовъ, въ виду того, что вслѣдствіе довольно ограниченнаго круга лицъ, среди которыхъ вербовались интенданты (о чемъ намъ придется говорить подробнѣе ниже), конкурренція на интендантскія вакансіи не могла отличаться особенною интенсивностью [1]).

XV.

Административная магистратура, разсадникомъ которой былъ королевскій совѣтъ въ лицѣ maîtres des requêtes, а главными представителями—министры и интенданты съ непосредственно подчиненнымъ имъ чиновничьимъ персоналомъ, находилась, какъ было замѣчено выше, въ извѣстномъ антагонизмѣ съ собственно *парламентской магистратурой* [2]), не смотря на тѣсную органическую связь съ послѣдней. Антагонизмъ этотъ легко понять, если принять во вниманіе раздѣлявшія обѣ магистратуры принципіальныя противоположности. Въ самомъ дѣлѣ, господствующему въ парламентской магистратурѣ *выборному началу*, въ административной соотвѣтствуетъ *принципъ назначенія*; духу *корпоративной независимости*—принципъ *бюрократической подчиненности*, начало же *коллегіальности* отодвигается на второй планъ, а то и совсѣмъ заслоняется началомъ *единоличнаго распоряженія* и *единоличной отвѣтственности*.

Но здѣсь требуется крайняя осторожность, чтобы не впасть въ довольно обычную ошибку состоящую въ перенесеніи на историческую дѣйствительность прошлаго представленій, сложившихся подъ впечатлѣніями, вынесенными изъ современной наблюдателю дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что *отмѣченные принципы далеко еще не успѣли въ изучаемую эпоху вылиться въ тѣ рѣзко очерченныя формы, въ какихъ мы привыкли ихъ наблюдать въ наше время*. Исключеніе составляетъ лишь начало *единоличности*, которое, дѣйствительно, нашло себѣ вполнѣ опредѣленное и полное выраженіе

[1]) Примѣръ лангдокскаго интендантства (см. выше, стр. 100) въ этомъ отношеніи скорѣе исключеніе, чѣмъ правило; да и тамъ, какъ мы видѣли, конкуррентами выступили „все интенданты“, за исключеніемъ одного Баллэнвиллье, который былъ maître des requêtes.

[2]) См. выше, стр. 86, примѣч. 2.

въ должностяхъ министровъ и интендантовъ; но далеко нельзя того же сказать о двухъ остальныхъ принципахъ.

Начнемъ съ принципа *назначенія*. По внѣшности, дѣйствительно, онъ какъ будто находитъ себѣ полное осуществленіе, такъ какъ ничто, повидимому, не стѣсняло центральную власть въ выборѣ своихъ „креатуръ“ для замѣщенія должностей государственныхъ совѣтниковъ и секретарей королевскаго совѣта, министровъ и интендантовъ. Но это—только повидимому; на дѣлѣ же *центральная власть была существеннымъ образомъ стѣснена въ своемъ выборѣ*,—стѣснена силою, противъ которой она была безсильна при всемъ своемъ „всемогуществѣ“: силою вещей. Сила же вещей заключалась въ крайней ограниченности круга лицъ, среди которыхъ центральной власти приходилось вербовать своихъ „креатуръ“. Оставляя въ сторонѣ министровъ съ подчиненнымъ имъ чиновничьимъ персоналомъ центральныхъ учрежденій—это выходитъ за предѣлы нашей задачи,—сосредоточимся на интендантахъ и той совѣтской магистратурѣ, которая служила ихъ разсадникомъ [1]).

Разсадникомъ этимъ являются, какъ уже было замѣчено выше, восемьдесятъ maîtres des requêtes. Вербовать же этихъ maîtres des requêtes приходилось въ сравнительно ограниченномъ кругу лицъ. На первый взглядъ кругъ этотъ кажется довольно обширнымъ, такъ какъ число совѣтниковъ парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ превышало въ общей совокупности тысячу [2]). Но, во-первыхъ, правоспособными кандидатами на данную должность являлись не всѣ совѣтники, а лишь тѣ, которые прослужили въ этомъ званіи не менѣе шести лѣтъ, слѣдовательно—лишь сравнительно незначительная часть всѣхъ совѣтниковъ, что сводило контингентъ правоспособныхъ кандидатовъ къ какимъ-нибудь двумъ-тремъ стамъ: число, очевидно, довольно ограниченное для замѣщенія выбывавшихъ членовъ восьмидесятичленной корпораціи, которая, кромѣ естественной убыли отъ вымиранія, ежегодно теряла значительное число своихъ членовъ вслѣдствіе перехода ихъ на другія должности (напримѣръ, въ государственные совѣтники, въ интенданты, при

[1]) О персоналѣ интендантскихъ канцелярій и о непосредственныхъ областныхъ органахъ интендантовъ, субделегатахъ, было достаточно сказано, между прочимъ и съ точки зрѣнія личнаго состава, въ первомъ томѣ „Провинціальной администраціи“, гл. IV и V.

[2]) *Necker*, De l'Administration des finances, t. III, p. 145—146.

чемъ званіе секретаря совѣта не всегда при этомъ удерживалось). Но въ дѣйствительности и изъ упомянутыхъ двухъ или трехъ сотъ лицъ далеко не всѣ могли фактически явиться претендентами на должность секретаря совѣта, такъ какъ не для каждаго изъ нихъ конечно была доступна очень высокая цѣна послѣдней, по большей части превышавшая вдвое-втрое стоимость должности совѣтника парламента [1]). Такимъ образомъ, число людей, имѣвшихъ юридическую и фактическую возможность занять должность секретаря совѣта, сводилось, быть можетъ, въ концѣ концовъ къ какой-нибудь сотнѣ. Но кромѣ *posse* необходимо было также *velle*, а нельзя же предполагать, чтобы всѣ эти лица стремились къ административной карьерѣ. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, канцлеру или хранителю печатей приходилось выбирать для замѣщенія должностей секретарей королевскаго совѣта въ числѣ лицъ, которыхъ онъ могъ почти перечесть по пальцамъ. Этой нѣкоторымъ образомъ force majeure и объясняется до извѣстной степени отмѣченное выше систематическое нарушеніе закона о минимальномъ возрастѣ; за недостаткомъ вполнѣ правомочныхъ кандидатовъ, приходилось довольствоваться подъ часъ кандидатами лишь на половину правомочными. Какая доля вліянія на указанное отступленіе отъ законнаго порядка должна быть удѣлена отмѣченной здѣсь „силѣ вещей“, и какая фаворитизму и непотизму, это, разумѣется, невозможно опредѣлить хотя бы и съ приблизительною точностью. Но врядъ ли мы будемъ далеки отъ истины, если позволимъ себѣ заподозрить въ самой „силѣ вещей“ извѣстное вліяніе *кастовой тенденціи* или пожалуй—двухъ взаимно салидарныхъ кастовыхъ тенденцій, которымъ какъ нельзя болѣе отвѣчала указанная выше „сила вещей“, способствовавшая, съ одной стороны—*замкнутости административной магистратуры самой въ себѣ*, съ другой—*замкнутости ея въ предѣлахъ магистратуры судебной въ широкомъ смыслѣ*: *status quo одинаково соотвѣтствовалъ и кастовой тенденціи магистратуры въ ея цѣломъ, и такой же тенденціи спеціально административной магистратуры*. Не въ этомъ ли слѣдуетъ искать объясненія устойчивости отмѣченнаго порядка вещей, ненормальность котораго съ точки зрѣнія закона, какъ подъ часъ и съ точки зрѣнія здраваго смысла, была ясна и современникамъ [2])? Не смотря на это, мы не видимъ ни со

[1]) См. выше, т. I, стр. 223.

[2]) См. объ этомъ въ послѣдней главѣ настоящей „книги“.

стороны парламентской магистратуры, ни со стороны администрацiи сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ положить ему конецъ.

Что касается замѣщенiя должностей государственныхъ совѣтниковъ, которые вербовались частью также изъ числа секретарей совѣта, а также изъ интендантовъ, то ограниченность выбора для центральной власти въ данномъ случаѣ слишкомъ очевидна, чтобы требовать спецiальныхъ разъясненiй. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно интендантовъ, которые, какъ мы видѣли, вербовались, за единичными исключенiями, среди дѣйствительныхъ или бывшихъ maîtres des requêtes. Такимъ образомъ, тридцать слишкомъ администраторовъ приходилось выбирать въ средѣ коллегiи, состоявшей изъ восьмидесяти человѣкъ, изъ числа которыхъ надо было еще исключить такихъ лицъ, которыя, соединяя эту должность съ другой, фактически не могли являться кандидатами на интендантство[1]). Стало быть, и относительно интендантовъ предложенiе было далеко не на уровнѣ спроса, и *принципъ правительственнаго назначенiя парализовался въ значительной мѣрѣ ограниченностью выбора кандидатовъ.*

Нельзя сказать, чтобы неудобства такого положенiя дѣлъ не чувствовались правительствомъ, какъ и многiе другiе „непорядки“ (abus): но кому же неизвѣстно, что старый порядокъ грѣшилъ въ гораздо меньшей степени невѣдѣнiемъ своихъ недуговъ, чѣмъ неумѣньемъ ихъ лѣчить? Не сумѣлъ съ указаннымъ „непорядкомъ“ справиться и Неккеръ, столь краснорѣчиво излагающiй всѣ его нежелательныя слѣдствiя въ своемъ трактатѣ „объ управленiи финансами во Францiи“[2]); онъ рекомендуетъ между прочимъ брать интендантовъ также и изъ „другихъ слоевъ магистратуры“, то-есть изъ судебной; самъ онъ однако ни разу не рѣшился отступить отъ заведеннаго порядка за время своего управленiя генеральнымъ контролемъ.

Выше мы указывали на случаи назначенiя на интендантскiя должности лицъ въ недостаточно зрѣломъ возрастѣ, какъ на одинъ изъ симптомовъ существовавшей въ административной магистратурѣ кастовой тенденцiи; теперь мы видимъ, что указанный порядокъ вещей до извѣстной степени обусловливался, какъ и относительно секретарей совѣта, „силою вещей“, хотя самая эта „сила вещей“ дер-

[1]) Напримѣръ, тѣ изъ maîtres des requêtes, которые сохранили эту должность послѣ назначенiя на интендантство.

[2]) *Necker*, op. cit. t. III. p. 379—381.

жалась, какъ кажется, тоже не безъ содѣйствія со стороны отмѣченной кастовой тенденціи, съ точки зрѣнія которой конечно должно было быть желательнымъ сохраненіе status quo и наоборотъ—нежелательными всякаго рода „реформы“ въ родѣ той, которую предлагалъ—правда, чисто академически—Неккеръ.

XVI.

Переходимъ къ принципу *бюрократической подчиненности*, который мы отмѣтили, какъ одинъ изъ аттрибутовъ административной магистратуры, въ противоположность началу корпоративной независимости, которымъ характеризуется магистратура парламентская. *Духъ независимости*, составляющій, быть можетъ, наиболѣе благородную черту въ моральной физіономіи французской судебной магистратуры, —черту, искупающую многіе серьезные недочеты въ ней,—слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы надо было останавливаться на этой сторонѣ дѣла, поскольку она касается характеристики парламентской магистратуры [1]); но не безынтересно для насъ коснуться ея, поскольку она имѣетъ отношеніе къ магистратурѣ административной и болѣе спеціальнымъ образомъ—къ администраціи въ лицѣ интендантовъ.

Въ числѣ подвергшихся карѣ „магистратовъ“ въ эпоху „революціи Мопу“, въ 1771—1772 г., мы встрѣчаемся между прочимъ съ молодымъ совѣтникомъ великаго совѣта, двадцатидвухлѣтнимъ ле-Камюсь-де-Невиллемъ, который, по примѣру большинства своихъ товарищей, не захотѣлъ „подчиниться видамъ канцлера“. Желая припугнуть его, канцлеръ объявилъ, что его величество будетъ очень недоволенъ его поведеніемъ, и что онъ, канцлеръ, не можетъ поручиться за послѣдствія, —что нѣтъ ничего невозможнаго, что король пожелаетъ показать на немъ устрашающій для другихъ примѣръ,—что въ королевствѣ имѣются зáмки, крѣпости и тюрьмы... „Все это мнѣ извѣстно, Monseigneur—возразилъ канцлеру смѣлый магистратъ,—но я молодъ, крѣпокъ и надѣюсь васъ пережить“ [2]).

[1]) См. особенно *Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, p. 178 et suiv.

[2]) *Journal historique de la révolution opérée par Maupeou*, t. I, p. 248.—*Maupeouana, ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou*, Paris, 1775, t. V, p. 199 (другая версія того же

Что этотъ разговоръ съ „монсеньеромъ" не прошелъ даромъ „смѣлому магистрату", это мы узнаёмъ изъ письма руанскаго интенданта къ мѣстному главнокомандующему, отъ 5-го ноября 1772 г., заканчивающагося слѣдующими строками: „Я получилъ также распоряженіе относительно ссылки г. ле-Камюсъ-де-Невилля, бывшаго совѣтника великаго совѣта, но, какъ здѣсь утверждаютъ, онъ выѣхалъ за-границу" [1]). Интересенъ для насъ этотъ маленькій эпизодъ главнымъ образомъ потому, что въ лицѣ „смѣлаго магистрата" мы имѣемъ дѣло съ будущимъ maître des requêtes, мало того - съ будущимъ интендантомъ, „собратомъ" того самаго руанскаго интенданта, Тиру-де-Кронь, которому было теперь поручено продѣлать связанныя съ его ссылкой операціи... Что примѣръ ле-Камюса не былъ единичнымъ и вообще не представляетъ собою исключенія, это можно видѣть изъ другого эпизода, связаннаго съ тою же „революціею Мопу". Когда въ началѣ 1771 г. значительное число членовъ парижскаго парламента было выслано по волѣ всемогущаго тогда канцлера изъ Парижа „въ свои земли", то на другой день тридцать восемь совѣтниковъ парламента собрались и подписали энергичный протестъ противъ „событія, разрушающаго свободу парламентскихъ преній", и въ слѣдующую же ночь всѣ тридцать восемь авторовъ подверглись той же участи, то-есть должны были немедленно же отправиться—кто въ „свои земли", кто въ „земли своихъ родителей" [2]). Интересъ этого эпизода для насъ въ томъ, что въ числѣ этихъ тридцати восьми подвергшихся карѣ авторовъ „протеста" было нѣсколькихъ будущихъ maîtres des requêtes, и въ томъ числѣ трое будущихъ интендантовъ [3]).

Парламентская магистратура наложила глубокій отпечатокъ на вышедшую изъ ея нѣдръ магистратуру административную, а тѣмъ самымъ и на администрацію, которая составляла въ нѣкоторомъ родѣ эманацію послѣдней. Вѣковымъ воспитаніемъ

эпизода).—Сравн. *Journal historique*, t. I, p. 252; t. VII, p. 196; *Maupeouana*, t. V, p. 195 et suiv.; *Mémoires secrets de Bachaumont*, t. IX (2 août 1776); t. XIV (13 août 1779); t. XXXIV (21 février 1787).

[1]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. II, p. 109

[2]) *Journal historique de la révolution opérée par Maupeou*, t. I, p. 152.— Эпизодъ этотъ разсказанъ кратко Рокэномъ (*Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la révolution, Paris, 1878, t. I, p. 284—285) на основаніи другого источника (не изданныхъ мемуаровъ парижскаго книгопродавца Hardy).

[3]) Boula de Nanteuil, Cordier de Launay, de la Guillaumye.

привитые, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемые навыки и понятія не такъ-то легко вытравить, и люди, вышедшіе изъ этой среды - парламентской магистратуры,—приносили съ собою и въ среду администраціи тотъ духъ благородной независимости характера, мысли и слова, который они унаслѣдовали отъ отцовъ и впитали въ себя изъ окружающей ихъ моральной атмосферы. *Становясь одминистраторомъ, интендантъ не превращался въ чиновника,—онъ продолжалъ оставаться магистратомъ.* Онъ и на офиціальномъ, какъ и на обиходномъ языкѣ, продолжалъ называться *магистратомъ (magistrat)*, а не *чиновникомъ (fonctionnaire)*. Чиновникомъ въ собственномъ смыслѣ, „бюрократомъ" интендантъ и не былъ на самомъ дѣлѣ. Что такое *чиновникъ*? Это—человѣкъ, который состоитъ на государственной службѣ и *этою службою живетъ*, то-есть получаетъ въ силу ея извѣстное общественное положеніе и вмѣстѣ—средства къ существованію; послѣднія — и то и другое—тѣсно связаны для него съ этою службою. Можно поэтому сказать еще, что чиновникъ, это—человѣкъ, занимающій извѣстную государственную должность и зависящій отъ нея. Это человѣкъ, для котораго государственная служба составляетъ его профессію, его „состояніе", которымъ онъ исключительно или главнымъ образомъ существуетъ. Таковъ, напримѣръ, историческій преемникъ провинціальнаго интенданта—современный французскій префектъ департамента. Онъ—чиновникъ; чиновникъ и только. Его общественное и матеріальное положеніе обусловлено исключительно или главнымъ образомъ его должностью. А такъ какъ обладаніе должностью зависитъ всецѣло отъ „усмотрѣнія" правительства, то этимъ вполнѣ обезпечивается безусловная подчиненность чиновника своему начальству, въ данномъ случаѣ—префекта министру.

Таково ли положеніе интенданта? *Чиновникъ* ли онъ? Конечно да, поскольку онъ состоитъ на государственной службѣ. Но про него нельзя сказать, что онъ *чиновникъ и только*, потому что нельзя сказать, что онъ, какъ интендантъ, *живетъ своею службою*, такъ-какъ *послѣдняя является для него не единственной и по большей части даже не главной основой его общественнаго и матеріальнаго положенія*, и это потому, что *интендантъ не чиновникъ только, а еще и магистратъ, и даже—прежде всего магистратъ. Его общественное и матеріальное положеніе опредѣляется не столько его положеніемъ какъ интенданта, сколько его положеніемъ какъ „магистрата", предшествующимъ первому*. Будь онъ maître des

requêtes, будь государственный совѣтникъ или президентъ парламента, во всѣхъ этихъ случаяхъ должность интенданта, давая большую власть въ „провинціи“, почти ничего не прибавляла своему обладателю въ смыслѣ общественнаго положенія и очень немного, иногда ничего—въ смыслѣ матеріальнаго интереса. Должность интенданта являлась для него лишь болѣе или менѣе желательнымъ плюсомъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, но все-таки только плюсомъ, придаткомъ къ его „основному состоянію“, заключавшемуся въ его магистратской должности. *Какъ maître des requêtes, какъ государственный совѣтникъ, какъ президентъ парламента или палаты пошлинъ, интендантъ занимаетъ не только высокое положеніе на общественной лѣстницѣ, но и обладаетъ вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ смыслѣ положеніемъ.* Обезпеченнымъ не столько конечно сравнительно скромнымъ жалованьемъ, связаннымъ съ этими должностями, сколько тѣмъ—болѣе или менѣе крупнымъ—состояніемъ, которое, какъ мы видѣли, было необходимымъ условіемъ полученія званія совѣтника парламента или одного изъ высшихъ трибуналовъ (а чрезъ это званіе долженъ былъ пройти всякій кандидатъ на должность maître des requêtes, это преддверіе интендантства). Еще въ большей мѣрѣ эти замѣчанія примѣнимы къ такимъ должностямъ, какъ должности государственнаго совѣтника или перваго президента парламента, занимавшія еще болѣе высокое положеніе въ магистратурѣ.

Очевидно, для человѣка, обладавшаго подобнымъ положеніемъ, должность интенданта могла имѣть значеніе лишь болѣе или менѣе существеннаго придатка къ послѣднему; но обладаніе ею или же ея утрата не означали для него пріобрѣтенія или утраты общественнаго положенія или источника матеріальнаго обезпеченія. Вотъ почему интенданту было не только вполнѣ естественно, но и не особенно трудно сохранять и въ своемъ положеніи „администратора“ навыки самостоятельности и независимости, пріобрѣтенные наслѣдственностью и воспитаніемъ въ средѣ парламентской магистратуры. Что касается новичковъ въ магистратурѣ, то они были слишкомъ малочисленны, чтобы не подпасть подъ господствующее вліяніе новой для нихъ, но мощной своими традиціями и своимъ корпоративнымъ духомъ среды; да къ тому же эти новички были по большей части люди, вышедшіе изъ среды финансовой знати, а эта среда, уступая магистратурѣ въ силѣ корпоративнаго духа, едва ли уступала ей въ духѣ независимости, источникомъ котораго служило въ

данномъ случаѣ то фактически независимое и вліятельное положеніе, которое создавала денежнымъ людямъ все болѣе и болѣе возраставшая сила денежнаго капитала. О богатствѣ интендантовъ, вышедшихъ изъ этой среды, излишне распространяться. Но и относительно остальныхъ мы имѣемъ основанія предполагать, что, какъ изъ среды парламентскихъ совѣтниковъ попадали въ maîtres des requêtes люди наиболѣе богатые, такъ вторично подобный же *плутократическій подборъ* имѣлъ мѣсто и при назначеніи на должность интенданта, въ особенности когда дѣло шло о такой области, гдѣ требовалась отъ интенданта дорого стоившая „представительность". Поэтому, „когда г. де-Баллэнвилье былъ предложенъ, 31 марта 1786 г., въ качествѣ кандидата на должность лангдокскаго интенданта, г. де-Калоннъ (тогда генералъ-контролеръ) принялъ во вниманіе то обстоятельство что этотъ магистратъ обладалъ большимъ состояніемъ" [1]). Этотъ „молодой человѣкъ тридцати лѣтъ", занимавшій уже семь лѣтъ должность секретаря совѣта, дѣйствительно, обладалъ состояніемъ, которое приносило ему восемьдесятъ тысячъ годовой ренты,—сумма равносильная приблизительно нынѣшнимъ двумъ стамъ тысячъ франковъ [2]). Какъ понималась тогда официальная представительность провинціальнаго администратора „такой провинціи, какъ Лангдокъ", можно судить по тому, что на ремонтъ своего „отеля" и обновленіе его обстановки вновь назначенный интендантъ употребилъ двѣсти тысячъ ливровъ, то-есть около полумилліона франковъ по современному разсчету, а на „представительство" во время первой же сессіи мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ—представительство это заключалось главнымъ образомъ въ широкомъ офиціальномъ хлѣбосольствѣ—истратилъ двадцать четыре тысячи ливровъ [3]). Дижонскій интендантъ Амело старается разжалобить министра указаніемъ на то, что его состояніе, измѣрявшееся въ моментъ его назначенія на интендантство цифрой въ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ (около 1.700.000 нынѣшнихъ франковъ), сократилось, за нѣсколько лѣтъ интендантства, до 540.000 ливровъ [4]). Повидимому, главной основой

[1]) *Moniteur* (réimpression), t. V, p. 379 (13 août 1790).—Что Баллэнвилье былъ мужемъ племянницы генералъ-контролера, это тоже врядъ ли не было принято при этомъ во вниманіе. Сравн. выше, стр. 100.

[2]) *Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1333.—Баллэнвилье былъ владѣльцемъ восьми имѣній. *Archives nationales*, D VI, 2.

[3]) *Archives nationales*, H 1090. Сравн. выше, т. I, стр. 281 и 310.

[4]) *Archives nationales*, H 590. Сравн. выше, т. I, стр. 311.

богатства обоихъ названныхъ интендантовъ, какъ и большинства ихъ коллегъ, были ихъ земельныя владѣнія. Относительно Монтіона извѣстно, что онъ былъ крупный помѣщикъ и капиталистъ-милліонеръ; когда послѣ его смерти былъ подведенъ итогъ оставленнаго имъ состоянія, то послѣднее, за вычетомъ лежавшихъ на немъ платежей, выразилось въ цифрѣ 6 802,422 фр. 95 сантимовъ [1]). Интенданты де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ (отецъ и сынъ) принадлежали къ одной изъ самыхъ богатыхъ фамилій въ парламентской магистратурѣ [2]): они владѣли однимъ изъ лучшихъ помѣщичьихъ замковъ въ Бретани, гдѣ проводили по нѣскольку мѣсяцевъ въ году [3]). Крупный помѣщикъ, его коллега Го-де-Реверсо имѣлъ окруженный обширными владѣніями замокъ Reverseaux въ окрестностяхъ Шартра и получалъ до сорока тысячъ ливровъ годового дохода [4]). Сынъ знаменитаго въ свое время и богатаго адвоката, зять перваго президента парижскаго парламента, д'Алигра, одного изъ богатѣйшихъ представителей парижской магистратуры, и самъ первый президентъ экскаго парламента, интендантъ де-Галлуа-де-ла-Туръ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ парламентской магистратурѣ [5]). Интендантъ Орсо-де-Фонтеттъ [6]), собственникъ нѣсколькихъ имѣній, покупаетъ въ 1767 г. въ своемъ интендантствѣ большое имѣніе Тилли, которое 25 лѣтъ спустя продаетъ за 900.000 л. [7]). Послѣ 1790 г. интендантъ де-ла-Галезьеръ эмигрироровалъ въ Бельгію, гдѣ купилъ въ окрестностяхъ Брюсселя имѣніе „за сто тысячъ экю наличными“ (пятьсотъ тысячъ ливровъ) [8]). Интендантъ Кордье-де-Лонэ, сверхъ своего личнаго состоянія, получилъ приданаго за женой 200.000 л. и до 370.000 ливровъ различныхъ наслѣдствъ [9]). Интендантъ Дю-

[1]) *Labour*, M. de Montyon, p. 240.

[2]) *Carré*, la France sous Louis XV, p. 150.

[3]) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, tome XXII (1855), art. de M. Pilotelle.

[4]) *D'Aussy*, Chroniques Saintgeaises, p. 196—200.

[5]) *Lachenaye-Desbois*, Dictionnaire de la noblesse, t. VIII, p. 882—883.

[6]) *Archives nationales*, H 1416.—*Pièces justificatives*, Nr. 294.

[7]) *Félix Mourlot*, l'Intendant Fontette (*Bulletin historique et philologique*, 1904, p. 317).

[8]) *Moniteur* (réimpression), t. XIV, p. 529. Extrait d'une lettre signée de Westermann, datée de l'armée des Pays-Bas, du 17 novembre 1792: „...J'ai découvert une terre près de Bruxelles, achetée comptant 100,000 écus, par Lagalaizière, ci-devant intendant d'Alsace“.

[9]) *Félix Mourlot*, l'Intendant Cordier de Launay, ms., feuilles 8—9.

форъ-де-Рошфоръ также былъ богатымъ человѣкомъ [1]). Интендантъ де-Шазера не могъ не обладать болѣе или менѣе крупнымъ состояніемъ, такъ какъ былъ первымъ президентомъ палаты пошлинъ въ Клермонъ-Ферранѣ [2]). Къ числу богатыхъ людей слѣдуетъ отнести также интендантовъ: д'Эня, Фейдо, дю-Клюзеля, Дюплэ, Дуэ-де-ла-Буллэ, Тиру-де-Кроня, Бертье, де-ла-Корэ, ле-Пелльтье, Руйллье, де-Калонна, де-Сипьера, Сенакъ-де-Мейльяна, въ виду ихъ тѣсной связи съ финансовой знатью [3]). Интендантъ Журнэ имѣлъ 50.000 л. въ годъ собственныхъ доходовъ [4]). Интендантъ Жоли-де-Флёри (будущій генералъ-контролеръ), получающій 10—12 тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода съ своихъ имѣній, считается въ числѣ „небогатыхъ" среди своихъ коллегъ [5]). Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать сколько-нибудь точныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи относительно прочихъ интендантовъ. Впрочемъ, для насъ не столько важно установить фактъ, что извѣстные интенданты были богачи, что могло и не быть правиломъ,—сколько отмѣтить то, что̀ дѣйствительно представляетъ собою правило въ изучаемую нами эпоху,—это то, что *интенданты были все люди матеріально вполнѣ обезпеченные и занимавшіе почетное положеніе въ обществѣ независимо отъ своей интендантской должности.* Естественно, что эта *фактическая независимость* являлась благопріятной почвой для проявленія того *духа независимости*, который былъ вынесенъ интендантами изъ взроставшей и воспитавшей ихъ въ своихъ нѣдрахъ парламентской магистратуры. Эта двоякая независимость являлась, естественно, серьезнымъ противовѣсомъ той *бюрократической тенденціи*, которая была присуща административной магистратурѣ и вышедшему изъ ея нѣдръ интендантству. Бюрократическая идея, можно сказать, лежала въ основѣ интендантской должности,—въ основѣ интендантства, какъ *учрежденія*, но, благодаря отмѣченнымъ выше условіямъ, она не успѣла фактически воплотиться во всей своей полнотѣ въ живыхъ *людяхъ*. Можно сказать, что *интендантство было болѣе бюрократично, чѣмъ интенданты.* Первое было

[1]) По сообщенію графа де-Рошфора, потомка интенданта.

[2]) См. выше, стр. 45, примѣч. 1.

[3]) См. выше, стр. 77—78.

[4]) *Espion anglais*, t. II, p. 320.

[5]) *Mémoires secrets*, t. XVII (27 mai 1781): „M. Joly de Fleury est peu riche, a peut-être de son patrimoine 10 ou 12,000 livres de rentes..."

бюрократично въ своемъ идейномъ существѣ; послѣднимъ же недоставало нѣкоторыхъ существенныхъ условій, безъ которыхъ невозможенъ настоящій чиновникъ-бюрократъ. *Для чиновника-бюрократа интендантъ былъ слишкомъ независимъ.* Можно сказать, что онъ былъ слишкомъ *магистратъ*, для того чтобы стать вполнѣ *чиновникомъ*, и недостаточно *чиновникъ*—для того, чтобы перестать быть *магистратомъ*.

Посвященную характеристикѣ отношеній между интендантами и правительствомъ третью главу перваго тома первой „книги" мы закончили слѣдующими словами: „какъ агенты правительства, они (интенданты) находились въ гораздо болѣе независимомъ положеніи по отношенію къ послѣднему, чѣмъ префекты. Причины этой сравнительной независимости лежали какъ въ *учрежденіяхъ*, такъ и въ *людяхъ*; первыя отчасти были уже намѣчены въ предыдущемъ изложеніи; что касается послѣднихъ, то намъ еще предстоитъ съ ними познакомиться" [1]). Того, что было выше сказано о *людяхъ*, достаточно, кажется намъ, для того, чтобы намъ не казались странными и непонятными въ нихъ та смѣлость языка и независимость дѣйствій, которыя были нами въ своемъ мѣстѣ отмѣчены [2]).

Не лишено характерности то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ случаевъ неповиновенія интенданта правительству наглядно выступаетъ внутренняя двойственность интенданта: съ одной стороны какъ магистрата и члена парламентской

[1]) Т. I, стр. 275.

[2]) Тамъ же, стр. 266—273. Дополнимъ данную тамъ характеристику нѣсколькими новыми штрихами. Графъ д'Агэ, реннскій интендантъ, отказался въ 1771 г. исполнить распоряженія канцлера Мопу, направленныя противъ бретанскаго парламента, за что былъ перемѣщенъ на другой интендантскій постъ (въ Амьенъ) (*Mémoires secrets*, t. XIX [17 novembre 1774]). Интендантъ Монтіонъ подвергся подобному же перемѣщенію за аналогичное ослушаніе министерскаго распоряженія (*Labour*, op. cit.). Тотъ же интендантъ не отступилъ передъ другимъ не менѣе явнымъ неповиновеніемъ правительству въ дѣлѣ хлѣбной торговли: вопреки правительственному запрещенію, онъ дозволилъ ввозъ и вывозъ его въ Марсели, по настоятельному ходатайству городского управленія, и „взялъ на себя отвѣтственность" за этотъ шагъ (ibid.). Подобнымъ же образомъ, амьенскій интендантъ собственною властью разрѣшилъ мѣстнымъ фабрикантамъ не соблюдать нѣкоторые изъ правительственныхъ регламентовъ касательно фабрикаціи матерій (*Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, Paris, 1901, t. II, p. 605)

семьи, съ другой—какъ чиновника и органа правительства, при чемъ перевѣсъ беретъ то одна, то другая изъ этихъ сторонъ [1]). Такъ, въ эпоху парламентской „революціи Мопу", одни изъ интендантовъ, хотя и скрѣпя сердце, соглашаются играть роль десницы правительства противъ парламентовъ, другіе, наоборотъ, отказываются „нанести оскорбленіе правосудію въ его храмѣ". Въ аналогичныхъ обстоятельствахъ, при другой „парламентской революціи", въ 1788 г., правительству не безъ труда удается добиться отъ нѣкоторыхъ изъ интендантовъ повиновенія своимъ распоряженіямъ, при чемъ ему приходится смотрѣть сквозь пальцы на такія выходки, какія позволяютъ себѣ, напримѣръ, интенданты де-Шазера въ Клермонѣ и Бретранъ-де-Молльвилль въ Реннѣ. Въ торжественномъ засѣданіи бретанскаго парламента, гдѣ интенданту было поручено произвести вмѣстѣ съ главнокомандующимъ операцію принудительнаго занесенія въ парламентскіе реестры направленнаго противъ парламента королевскаго эдикта, интендантъ въ своей офиціальной рѣчи между прочимъ высказалъ слѣдующее: „Выражаю парламенту мои живѣйшія сожалѣнія, что принужденъ, въ виду настоятельныхъ предписаній, присутствовать въ настоящемъ засѣданіи... Но если я нахожусь здѣсь въ настоящую минуту, то скорѣе какъ maître des requêtes,—какъ человѣкъ, лично принадлежащій къ магистратурѣ... Я остаюсь неизмѣнно преданнымъ истиннымъ началамъ магистратуры и принимаю обязательство, въ случаѣ если бы новые законы оказались противными основнымъ законоположеніямъ королевства или провинціи,—присоединить мой голосъ къ соотвѣтствующимъ представленіямъ бретанскаго парламента" [2]).

XVII.

Связь интендантства съ государственнымъ дворянствомъ и въ особенности съ его ядромъ—магистратурой, обусловливающая, вмѣстѣ съ двойственностью его положенія, и значительную степень его

[1]) Эта двойственность „природы" интендантовъ мѣтко охарактеризована однимъ изъ сотрудниковъ „мемуаровъ Башомона" эпитетомъ *magistrats amphibies.*—*Mémoires secrets*, t. XVII, p. 129: „Le but des cours (=Parlements) a toujours été de restreindre le pouvoir des commissaires départis; elles se sont constamment élevées avec force contre ces *magistrats amphibies*"..

[2]) См. выше, т. I, стр. 268. Подлинный текстъ приведенныхъ здѣсь въ переводѣ словъ см. на указанной страницѣ, прим. 3.

независимости по отношенію къ правительственной власти, органомъ которой являются интенданты,—имѣла своимъ слѣдствіемъ, на ряду съ далеко неполнымъ развитіемъ бюрократическаго начала въ его нѣдрахъ, также и сравнительно незначительную роль того, что можно назвать *служебнымъ карьеризмомъ*.

Какого-либо регулярнаго „движенія по службѣ" для интенданта не существовало, равно какъ не было ничего похожаго на прогрессивное повышеніе въ „чинахъ и орденахъ". Разъ получивши мѣсто интенданта, а это, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто по большей части въ молодыхъ лѣтахъ,—интендантъ могъ считать свою служебную карьеру завершенной, какъ въ виду значительной устойчивости этой должности, такъ и въ виду того, что, съ одной стороны—она мало сулила повышенія, а съ другой стороны—такъ же мало была подвержена и риску пониженія, и почти была гарантирована практически отъ утраты [1]). Несмотря на далеко не всегда безупречное, съ точки зрѣнія служебной дисциплины, поведеніе интендантовъ, намъ не удалось констатировать за весь изученный періодъ ни одного случая „отчисленія отъ должности" кого-либо изъ нихъ. Наиболѣе сильнымъ видомъ „опалы" (disgrâce) является перемѣщеніе изъ одного интендантства, болѣе значительнаго, въ болѣе скромное: такъ, Монтіонъ былъ перемѣщенъ изъ Экса въ ла-Рошелль, графъ д'Агэ изъ Рення въ Амьенъ [2]). Перемѣщеніе изъ Экса въ ла-Рошель было конечно большою непріятностью, но за-то она продолжалась недолго, не болѣе двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ потерпѣвшій нашелъ себѣ возмѣщеніе за нее въ видѣ должности государственнаго совѣтника. За то—вопросъ, было ли особенною непріятностью перемѣщеніе изъ Ренна, гдѣ постоянная оппозиція парламента и штатовъ превращала Бретань въ „настоящее чистилище" для интенданта [3])—въ Амьенъ, постъ, безъ сомнѣнія менѣе видный, но за-то куда болѣе спокойный и пріятный по своей близости къ Парижу, отъ притягательной силы котораго провинціальные администраторы были застрахованы не болѣе, чѣмъ и ихъ управляемые, тѣмъ болѣе, что

[1]) Послѣ всего, что намъ извѣстно объ интендантахъ, какъ *людяхъ*, врядъ ли можно признать исторически вѣрной характеристику, которую даетъ Токвиль (op. cit., p. 54) интенданту, какъ человѣку, „qui a sa fortune à faire".

[2]) См. выше, стр. 113, примѣч. 2.

[3]) Выраженіе одного изъ бретанскихъ интендантовъ.

большинство интендантовъ были парижане, если не по рожденію, то по воспитанію, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, по „духу“, наконецъ [1]). Не даромъ правительство вынуждено было время отъ времени напоминать интендантамъ о необходимости résider во „ввѣренныхъ имъ провинціяхъ“, и эта слабость провинціальныхъ администраторовъ къ чарамъ столицы не ускользнула отъ наблюдательности столичныхъ сочинителей *chansons*:

Pour notre bonheur sans relâche
En vain Louis travaillera,
Pendant qu'en loge à l'opéra
Chaque intendant fera sa tâche [2]).

Во всякомъ случаѣ, кары, какими угрожала интендантамъ министерская немилость, не были ни часты, ни особенно страшны. Вѣдь, въ концѣ концовъ, интендантъ былъ „своимъ человѣкомъ“ министру, если не по фамильнымъ связямъ, то по принадлежности къ одному и тому же общественному кругу. Нестрашны были эти кары, какъ по своей незначительности, такъ и по слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстной эфемерности министровъ, а слѣдовательно и хрупкости ихъ милостей и немилостей. Немилость канцлера Мопу не помѣшала же сосланному молодому магистрату получить нѣсколько лѣтъ спустя мѣсто интенданта [3]), а опальному интенданту—получить должность государственнаго совѣтника [4]).

Хотя не каждый интендантъ могъ сказать министру, какъ въ свое время сказалъ канцлеру ле-Камюсъ: „я молодъ и силенъ“,—за-то почти каждый могъ сказать, не рискуя впасть въ бахвальство: „надѣюсь васъ пережить“. Въ то время какъ во главѣ генеральнаго короля за пятнадцать лѣтъ съ 1774 до 1789 г. перемѣнилась добрая дюжина министровъ, многіе изъ интендантовъ считали десятками лѣтъ время своего служенія, иногда на одномъ и томъ же посту. Эсмангаръ, де-Флессель, ле-Пелльтье прослужили интендантами по двадцати лѣтъ, Бертье-сынъ и Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ—по двадцать одному году, Гинь-

---

1) „Ces magistrats sont impatients de venir à Paris“—говоритъ объ интендантахъ Неккеръ въ своей запискѣ, поданной королю въ 1778 г. и напечатанной въ 1784 г.—*Bicliothèque nat.*, Lb $^{39}/_{289}$, in-8⁰.

2) *Mémoires secrets*, t. XI (8 avril 1778).

3) Ле-Комюсъ-де-Невилль. См. выше, стр. 108.

4) Оже-де-Монтіонъ. См. выше, стр. 113, примѣч. 2.

ярь-де-Сенъ-При младшій—двадцать два года, Орсо-де-Фонтеттъ—двадцать три, Каше-де-Гарнеранъ, Жюлльенъ, Лефевръ-де-Комартэнъ-отецъ и Сенакъ-де-Мейльянъ—по 24 г., Перрэнъ-де-Сипьеръ и де-Понъ—по 25 лѣтъ, ла-Корэ—26 лѣтъ, де-Блэръ, Пажо, Руйлль-д'Орфейль старшій—по 28 лѣтъ, графъ д'Агэ-отецъ, д'Энь, Гиньяръ-де-Сенъ-При-отецъ и Шомонъ-де-ла-Галезьеръ-отецъ—по 34-35 лѣтъ, ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ-отецъ—около сорока лѣтъ, Бертье-отецъ—42 года, и де-Галлуа-де-ла-Туръ—43 г. Можно себѣ представить, какой калейдоскопъ министровъ промелькнулъ передъ глазами интенданта, просидѣвшаго на своемъ мѣстѣ тридцать-сорокъ лѣтъ. Вообще оказывается, что изъ шестидесяти восьми интендантовъ, „правившихъ Франціею" въ теченіе царствованія Людовика XVI, двадцать четыре занимали свою должность въ теченіе двадцати лѣтъ и болѣе, и тридцать девять, то-есть значительно больше половины, занимали свою должность не менѣе десяти лѣтъ, и только восемь правили меньше пяти лѣтъ. Такимъ образомъ, должность интенданта отличалась значительною устойчивостью, не только сравнительно съ тогдашними министерствами, но также и безотносительно къ последнимъ. Человѣкъ, являющійся въ свое интендантство иногда совсѣмъ молодымъ, остается въ этой должности, иногда на одномъ и томъ же посту, до старческихъ сѣдинъ, а то и до гробовой доски, при чемъ все „движеніе по службѣ" ограничивается—да и то для сравнительно немногихъ—полученіемъ подъ старость спокойной должности государственнаго совѣтника, для достиженія которой къ тому же и не требовалось непремѣнно быть интендантомъ, достаточно было прослужить болѣе или менѣе продолжительное время въ должности секретаря королевскаго совѣта. Кромѣ того, полученіе этого повышенія зависѣло не столько отъ милости того или другого министра, сколько отъ придворныхъ вліяній, доказательствомъ чему—примѣры Монтіона и Орсо-де-Фонтетта: и тотъ и другой получили въ концѣ концовъ должность государственнаго совѣтника, не смотря на то, что первый принадлежалъ къ числу, такъ сказать, штрафованныхъ интендантовъ [1], а послѣдній впалъ въ немилость—вполнѣ впрочемъ заслуженную—своего ближайшаго начальства въ лицѣ министра Тюрго [2]; но за то первый изъ нихъ имѣлъ протекцію въ лицѣ графа д'Артуа, а послѣдній—въ лицѣ графа Провансскаго.

[1]) См. выше, стр. 113, примѣч. 2.

[2]) *Archives nationales*, H 1416 Дѣло о злоупотребленіяхъ по службѣ этого интенданта. Извлеченіе изъ этого „дѣла" напечатано въ нашихъ *Pièces justi-*

Наконецъ, объектомъ честолюбивыхъ стремленій нѣкоторыхъ изъ интендантовъ могъ быть министерскій портфель, и дѣйствительно, какъ извѣстно, многіе изъ министровъ Людовика XVI были взяты изъ среды интендантовъ. Но не менѣе извѣстно также и то, что замѣщеніе министерскихъ вакансій еще въ большей степени зависѣло отъ различныхъ придворныхъ вліяній. Стало быть, желаніе получить министерскій портфель также не обусловливало собою со стороны честолюбиваго интенданта необходимости заискивать у министровъ. Если тутъ и былъ извѣстный карьеризмъ, то онъ имѣлъ чисто внѣшнее и случайное отношеніе къ интендантству, какъ должности, и въ концѣ концовъ приходится признать, что *условія, въ которыхъ находилась послѣдняя, не представляли собою благопріятной почвы для развитія въ ея нѣдрахъ служебнаго карьеризма.*

Отмѣтимъ вкороткѣ главные пункты изложенной главы.

Съ прекращеніемъ политической жизни „трехъ сословій", противоположности, раздѣлявшія дворянство и „третье сословіе", постепенно сглаживаются, по крайней мѣрѣ по отношенію къ верхнимъ слоямъ послѣдняго. Въ нѣдрахъ этихъ двухъ сословій, изъ сочетанія элементовъ того и другого, формируется мало-по-малу нѣкоторое соціально-политическое новообразованіе, имѣющее смѣшанный, наполовину классовый, наполовину сословный характеръ. Эта новая соціально-политическая группа, сложившаяся на почвѣ отношеній и потребностей новаго государства, можетъ быть названа *государственнымъ дворянствомъ* въ отличіе отъ дворянства традиціоннаго, *феодальнаго*, возникшаго въ свое время на почвѣ отношеній и потребностей созданныхъ феодальнымъ строемъ; новому „государственному дворянству" принадлежитъ въ позднѣйшую пору стараго порядка, какъ въ былое время дворянству феодальному, привилегированное положеніе въ государствѣ и обществѣ и вмѣстѣ руководящая роль въ соціально-политической жизни страны.

По своему правовому положенію государственное дворянство принадлежало въ своихъ высшихъ слояхъ къ дворянскому сословію, въ среднихъ и низшихъ имѣло смѣшанный характеръ, по происхо-

ficatives. Болѣе обстоятельно объ этомъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ.

жденію же своему принадлежало въ огромной своей части къ третьему сословію.

Подобно традиціоннымъ сословіямъ, государственное дворянство характеризуется извѣстною какъ бы кастовою тенденціей, заключающейся въ стремленіи къ замкнутости на почвѣ наслѣдственности. Тенденція эта находитъ себѣ благопріятную почву въ частью правовой, частью фактической наслѣдственности тѣхъ соціальныхъ группъ, совокупность которыхъ образуетъ собою государственное дворянство: *судебной магистратуры*, *магистратуры городовой* и *финансовой знати.* Являясь центромъ тяготѣнія для двухъ послѣднихъ изъ этихъ группъ, судебная магистратура представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ ядро государственнаго дворянства.

Первоначально демократически-буржуазная, судебная магистратура принимаетъ съ теченіемъ времени, по крайней мѣрѣ въ верхнихъ, наиболѣе вліятельныхъ своихъ слояхъ, аристократическій и вмѣстѣ плутократическій обликъ, который отражается соотвѣтственнымъ образомъ и на физіономіи государственнаго дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на характерѣ французской администраціи, личный составъ которой вербовался въ его средѣ: министры—за единичными исключеніями, провинціальные интенданты—исключительно.

Принадлежа къ верхнимъ слоямъ государственнаго дворянства, принадлежавшимъ цѣликомъ къ дворянскому сословію, интенданты (какъ и министры) являются, въ сословномъ смыслѣ, представителями дворянства; за единичными возможными, хотя и не констатированными и во всякомъ случаѣ сомнительными исключеніями, среди нихъ не было въ изучаемую эпоху anoblis въ строгомъ смыслѣ слова, наоборотъ—было много представителей того, что на современномъ эпохѣ языкѣ называлось „стариннымъ дворянствомъ“, хотя въ большинствѣ случаевъ послѣднее вело свое начало отъ различныхъ „пожалованій“ или одворянивающихъ должностей.

Изъ трехъ элементовъ, входившихъ въ составъ государственнаго дворянства, главная роль, въ качествѣ разсадника администраціи въ лицѣ интендантовъ (какъ и министровъ), принадлежитъ судебной магистратурѣ; городская же магистратура и финансовая знать занимаютъ въ этомъ отношеніи второстепенное мѣсто. Что касается интендантовъ, то къ какой бы изъ трехъ названыхъ группъ ни принадлежалъ тотъ или другой изъ нихъ по своему *происхожденію*, по личному своему *положенію* каждый изъ нихъ обязательно принадлежалъ къ парламентской магистратурѣ, которая являлась какъ

бы преддверіемъ интендантства. Независимо отъ этого, нерѣдки были случаи совмѣщенія парламентскихъ должностей съ должностью интенданта.

Болѣе спеціальнымъ образомъ интенданты принадлежатъ къ той группѣ магистратуры, которая можетъ быть названа *совѣтской* по своему происхожденію, *правительственной* по способу своего рекрутированія, и *административной*—по своему внутреннему характеру: королевскій совѣтъ былъ ея разсадникомъ, правительство—ея вдохновителемъ, администрація—ея удѣломъ.

Административной магистратурѣ, хотя и связанной многочисленными органическими узами съ магистратурой парламентской, не чужда извѣстная *кастовая тенденція*, которая находитъ себѣ внѣшнее выраженіе какъ въ многочисленныхъ узахъ родства между входящими въ ея составъ фамиліями, такъ и въ широко развитомъ непотизмѣ въ дѣлѣ замѣщенія административныхъ должностей.

Между административной магистратурой и магистратурой парламентской замѣчается извѣстный антагонизмъ, обусловливаемый нѣкоторыми раздѣлявшими обѣ магистратуры принципіальными противоположностями: характерезующимъ парламентскую магистратуру началамъ *избранія, корпоративной независимости* и *коллегіальности*, въ административной магистратурѣ соотвѣтствуютъ противоположныя начала *назначенія, бюрократической подчиненности и единоличности*.

Впрочемъ, за исключеніемъ послѣдняго, начала эти далеко не получили полнаго воплощенія въ административной дѣйствительности изучаемой эпохи. Что касается начала *назначенія*, то правительственная власть была существеннымъ образомъ стѣснена, въ дѣлѣ выбора своихъ „креатуръ", крайнею ограниченностью такого выбора. Что касается, далѣе, начала *бюрократической подчиненности*, то оно въ значительной мѣрѣ парализовалось тѣмъ *духомъ независимости*, которой былъ присущъ судебной магистратурѣ, а отъ нея унаслѣдованъ въ большей или меньшей степени и вышедшей изъ ея среды административною магистратурой, и въ частности - интендантами. Для своего проявленія этотъ духъ независимости находилъ себѣ благопріятную почву въ той *фактической независимости* интендантовъ, основою которой являлось неотъемлемое званіе „магистрата", опиравшееся на вполнѣ обезпеченное матеріальное положеніе, зачастую—на значительное личное богатство; послѣднее было

даже правиломъ для тѣхъ интендантовъ, которые—по происхожденію ли своему, или же по своимъ семейнымъ связямъ—принадлежали къ финансовой знати. Для *чиновника* въ современомъ смыслѣ слова интендантъ былъ слишкомъ независимымъ человѣкомъ.

Тѣ же начала, которыя парализовали начало бюрократической подчиненности, служили вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ и для развитія *служебнаго карьеризма* въ нѣдрахъ интендантства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Администрація и общественное мнѣніе.

I. „Власть" общественнаго мнѣнія во второй половинѣ XVIII-го вѣка.—Свидѣтельства современниковъ.—II. Что разумѣли современники подъ *общественнымъ мнѣніемъ*?—III. Общественное мнѣніе въ офиціальной фразеологіи.—IV. Общественное мнѣніе, какъ реальная сила.—Парламенты и другіе высшіе трибуналы.—Ихъ remontrances, какъ апелляція къ общественному мнѣнію.—V. Обращеніе къ общественному мнѣнію путемъ печати со стороны офиціальныхъ учрежденій, корпорацій и частныхъ лицъ.—VI. Вліяніе общественнаго мнѣнія на правительство.—VII. Развитіе офиціальной прессы.—VIII. Офиціозная пресса.—IX. *Городъ* и *дворъ*; метаморфоза, происшедшая въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.—X. Есть ли свобода публичнаго слова необходимое условіе существованія общественнаго мнѣнія?—„Общественная мимика". -XI. „Разговоръ", какъ факторъ общественнаго мнѣнія.—Салоны, литературные кружки, клубы, кафе.—XII. *Homme du monde* и *homme de lettres*.—XIII. Администрація и „литературная республика".—XIV. Литература и „публика"; пресса и разговоръ.—XV. Правовое положеніе печати.—Законодательство и практика.—XVI. Безсиліе цензуры и Бастиліи.—XVII. Ростъ книжной прессы.—XVIII. Развитіе злободневной прессы.—Періодическая пресса.—Характеръ современной публицистики.—XIX. Театръ.—XX. Ростъ прессы, какъ политической силы.—XXI. Вліяніе прессы на дѣятельность правительства.—XXII. Общественное мнѣніе и провинціальные интенданты.—Интендантъ, какъ *homme du monde* и *homme de lettres*.—XXIII. Сенакъ-де-Мейльянъ.—XXIV. Монтіонъ.—XXV.—Другіе интенданты *hommes de lettres*.—XXVI. Интендантъ—образованный человѣкъ.—XXVII. Секретари и субделегаты интенданта.—XXVIII. Общественное мнѣніе, какъ факторъ эволюціи учрежденія интендантства.—XXIX. Вліяніе общественнаго мнѣнія на дѣятельность интендантовъ.—XXX. Дѣло бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора.—Заключеніе.

I.

Если вѣрно, что, какъ говоритъ писатель-современникъ занимающей насъ эпохи, „мнѣніе управляетъ міромъ" [1]), то это должно

[1]) *Mercier*, le Nouveau Paris, t. I, p. 49: „L'opinion gouverne le monde".—Въ данномъ случаѣ Мерсье повторяетъ лишь то, что сорокъ лѣтъ тому назадъ было сказано маркизомъ д'Аржансономъ („мнѣнія управляютъ міромъ").—*В. Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1904, стр. 55.

быть особенно вѣрно относительно Франціи, которая, по выраженію одного изъ французскихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, „такъ ужъ устроена, что общественное мнѣніе играетъ въ ней господствующую роль“ [1]). Но если, дѣйствительно, „общественное мнѣніе имѣло всегда великую силу во Франціи“, какъ утверждаетъ и современникъ изучаемой эпохи [2]), то никогда еще не достигало оно такого могущества, какъ именно въ эту эпоху.

Въ пространномъ введеніи, которое онъ предпосылаетъ своему обширному трактату *Объ управленіи финансами Франціи*, напечатанному въ 1784 г., Неккеръ, бывшій и будущій министръ финансовъ, посвящаетъ цѣлый рядъ страницъ общественному мнѣнію [3]). Во Франціи—говоритъ онъ—существуетъ „трибуналъ, передъ которымъ обязанъ предстать всякій, на комъ (по его положенію) сосредоточены взоры общества“. „*Здѣсь, какъ бы съ высоты трона, общественное мнѣніе раздаетъ награды и вѣнки, создаетъ и разрушаетъ репутаціи.*

Не сразу однако достигла эта сила „высоты трона“. Она была неизвѣстна въ эпоху внутреннихъ смутъ, когда партійныя противоположности исключали какую бы то ни было внутреннюю общественную солидарность—необходимое условіе сильнаго общественнаго мнѣнія. Но хотя, съ воцареніемъ Людовика XIV, внутренній порядокъ упрочился въ странѣ, тѣмъ не менѣе проявленіе общественнаго мнѣнія долго еще парализовалось мощью, которой достигла королевская власть въ лицѣ „этого великаго монарха“, сумѣвшаго какъ бы сосредоточить въ своей личности всю общественную жизнь и окружить свою власть и свою особу такимъ ореоломъ и обаяніемъ, что „даже люди, достигшіе высокаго положенія и популярности своими талантами, добивались, какъ высшей чести, вниманія этого государя“.

Тѣмъ не менѣе, подготовленный этимъ блестящимъ царствованіемъ культурный подъемъ общества, тѣмъ самымъ создалъ благо-

---

1) *Dupont-White*, l'Administration locale en France et en Angleterre (*Revue des deux Mondes*, t. 45 (1863), p. 174): „La France est faite de telle façon qu'elle comporte l'opinion comme puissance dominante“.

2) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs et les Conditions en France avant la Révolution, Paris, 1862, p. 131: „L'opinion... a toujours eu un grand pouvoir en France“.

3) *Necker*, De l'Administration des finances de la France, Paris, 1784, t. I, Introduction, p. LVIII—LXXVI.

пріятную почву для „воцаренія общественнаго мнѣнія“. Снова задержанное въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи наступившимъ въ эпоху регентства „легкомысленнымъ индифферентизмомъ“ общества, „могущество общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ различныхъ благопріятныхъ условій, вскорѣ настолько возрасло, что въ настоящую пору его было бы уже трудно уничтожить: оно царитъ надъ умами, и даже государи съ нимъ считаются, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не отдаются на волю страстей. Одни изъ нихъ относятся съ извѣстнымъ вниманіемъ къ общественному мнѣнію добровольно, изъ желанія популярности; другіе, менѣе податливые, въ концѣ концовъ все-таки вынуждены подчиниться ему, незамѣтно для себя самихъ, благодаря тому вліянію, которое оказываютъ на нихъ окружающіе“. Замѣтивъ, что „эта власть общественнаго мнѣнія несравненно болѣе слаба въ другихъ странахъ, при другихъ правительственныхъ режимахъ“, Неккеръ продолжаетъ: „Вотъ почему *иностранцамъ въ большинствѣ случаевъ трудно составить себѣ вѣрное представленіе о той власти, которою обладаетъ во Франціи общественное мнѣніе; имъ трудно постичь эту невидимую державу, что безъ казны и вооруженной силы, предписываетъ законы столицѣ и двору и проявляетъ свою власть вплоть до ступеней трона.* И однако же это именно такъ“.

Не преувеличиваетъ ли однако Неккеръ значенія того „трибунала“, къ приговорамъ котораго онъ, какъ извѣстно, былъ лично особенно неравнодушенъ? Но Неккеру вторятъ въ одинъ голосъ такіе люди изъ числа его современниковъ, у которыхъ было очень мало общаго какъ съ нимъ, такъ и между собою.

Таковъ — бывшій подчиненный Неккера, его конкуррентъ по службѣ [1]) и постоянный литературный антагонистъ [2]) — Сенакъ-де Мейльянъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ качествѣ валансьеннскаго интенданта при закрытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г., Сенакъ-де-Мейльянъ говоритъ между прочимъ: „*Никогда еще не достигала такого господства власть общественнаго мнѣнія* [3]).

---

[1]) Сенакъ-де-Мейльянъ, считавшій себя призваннымъ къ государственной дѣятельности, никогда не могъ простить Неккеру, который, по его мнѣнію, перебилъ у него мѣсто министра финансовъ. Сенакъ-де-Мейльянъ былъ интендантомъ въ ла-Рошели, Эксѣ и Валансьеннѣ.

[2]) Объ этомъ ниже, подраздѣленіе XXIII настоящей главы.

[3]) „Jamais l'empire de l'opinion, cette reine du monde, n'a été plus domi-

Таковъ—Мальзербъ, президентъ парижской Палаты пошлинъ и будущій министръ, который, будучи избранъ въ 1775 г. въ члены Французской академіи, обращается къ ней въ своей вступительной рѣчи между прочимъ съ такими словами: „*Возникъ трибуналъ, независимый отъ всѣхъ существующихъ властей, но всѣми властями уважаемый... И этотъ общественный трибуналъ признается всѣми за верховнаго судью надъ всѣми судьями*“ [1]).

Очень мало общаго, какъ съ Мальзербомъ, такъ и съ Неккеромъ, которые оба были „друзьями философіи“, имѣлъ ихъ современникъ Бертранъ-де-Молльвилль [2]), не скрывавшій своего отрицательнаго отношенія къ „философіи“ и къ тому „общественному мнѣнію“, которое онъ считалъ ея „органомъ“. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ возникла, по его словамъ, „дерзкая и преступная секта, которая, подъ именемъ *философіи*, создала новую силу, органомъ которой она выступила, и которую назвала *общественнымъ мнѣніемъ*. Не имѣя опредѣленнаго мѣстопребыванія, послѣднее проявлялось лишь въ мятежныхъ сочиненіяхъ и дерзкихъ декламаціяхъ... *Оно вызывало къ своему трибуналу министровъ, генераловъ и всѣхъ носителей государственной власти, которыхъ оно ставило и низлагало. Въ царствованіе Людовика XVI эта новая верховная власть*, къ обладанію которой задорно объявляли себя призванными писатели и интриганы всѣхъ странъ, *стала еще болѣе страшной*“. Дошло до того, что „лже-философія насчитывала своихъ послѣдователей даже въ средѣ королевскаго совѣта“ [3]).

Любопытно, что съ Неккеромъ сходится въ данномъ вопросѣ даже Monsieur, братъ Людовика XVI (будущій Людовикъ XVIII),

---

nante“.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provisoire de la province de Hainaut*, Paris, 1788, in-4⁰.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/29.—*Pièces justificatives*, Nr. 126.—Сравн. *Correspondance secrète, politique et littéraire*, Préface: „Jamais l'histoire des événements... n'a été plus intimement liée avec celle des moeurs et des opinions que pendant la période de temps qu'embrasse cet ouvrage“.

[1]) *Lamoignon de Malesherbes*, Discours, prononcé dans l'Académie Française à sa réception, Paris, 1775.—*Quérard*, la France littéraire, t. IV, p. 500.—Цит. по *Bersot*, Etudes, p. 34.—Сравн. *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 41—42.

[2]) Онъ былъ бретанскимъ интендантомъ въ 1784—1788 г., затѣмъ морскимъ министромъ въ 1791—1792 г.

[3]) *Bertrand de Molleville*, Histoire de la Révolution de France, Paris, 1800, t. I, Introduction, p. 48—49.

который раздѣлялъ овладѣвшую въ то время многими коронованными особами страсть къ писательству. Въ 1776 г. онъ выпустилъ анонимный памфлетъ, въ которомъ высокопоставленный авторъ между прочимъ пишетъ: *„Нельзя не признать, что всякое общество управляется общественнымъ мнѣніемъ; что общественное мнѣніе есть противовѣсъ грубой силы; что имущество, права, наконецъ существованіе каждаго гражданина находятся подъ охраной общественнаго мнѣнія“* [1]).

Таковы завѣренія людей, такъ или иначе „дѣлавшихъ исторію“ своего времени. Имъ вторятъ тѣ изъ современниковъ послѣднаго, которые играли роль любопытныхъ и наблюдательныхъ зрителей этой „исторіи“. Таковъ, напримѣръ, современный писатель Мерсье, въ глазахъ котораго *общественное мнѣніе* является такою силой, *„которой не превозмогутъ никакія велѣнія въ мірѣ“* [2]).

II.

Но что такое *общественное мнѣніе*?

Это одно изъ тѣхъ понятій повседневнаго обихода, которыя кажутся такими ясными, и которымъ въ то же время такъ трудно дать сколько-нибудь удовлетворительное опредѣленіе. Впрочемъ для нашей задачи важно не столько то или другое опредѣленіе понятія общественнаго мнѣнія [3]), сколько вопросъ о томъ, какъ понимали

[1]) *Le Songe de Maurepas, ou les Machines du gouvernement français.* Памфлетъ этотъ перепечатанъ цѣликомъ у *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. III, p. 107—127, по которому и цитируемъ.

[2]) *Mercier*, Tableau de Paris, Amsterdam. 1782, t. IX, p. 64: „Tous les arrêts du monde ne prévaudront contre l'opinion publique“.—Louis-Sébastien Mercier, avocat au parlement, впослѣдствіи депутатъ конвента, затѣмъ членъ совѣта пятисотъ, профессоръ исторіи въ центральной школѣ, членъ института, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей эпохи, авторъ фантастическаго „романа будущаго“, *L'an 2440* (Amsterdam, 1770), род. въ 1740 г., слѣдовательно былъ на восемь лѣтъ моложе Неккера. — *Quérard*, la France littéraire, t. VI, p. 58—62.

[3]) См. *Holtzendorff*, Wesen und Werth der oeffentlichen Meinung, 2 Aufl., München, 1880. Переведено по-русски: *Гольцендорфъ*, Общественное мнѣніе, Петербургъ, 1895, изд. второе. —Впрочемъ, авторъ не даетъ *опредѣленія* общественнаго мнѣнія. Сравн. *G. Tarde*, l'Opinion et la conversation (*Revue de Paris*, 1899, t. IV, p. 689 et suiv). Тардъ даетъ слѣдующее опредѣленіе общественному мнѣнію (тамъ же, стр. 692): „L'Opinion est un groupe momentané et plus ou moins logique de jugements qui, répondant à des problèmes actuellement posés, se trouve reproduit en nombreux exemplaires dans des personnes du même pays, du même temps, de la même société“.

сами современники то, что̀ они называли *opinion publique*, *opinion générale*, или просто—*opinion*.

У нихъ мы и спросимъ объ этомъ.

Начнемъ съ одного изъ наиболѣе словоохотливыхъ среди нихъ, Неккера. Говоря о значеніи общественнаго мнѣнія во Франціи, Неккеръ видитъ въ этой „новой силѣ“ одно изъ существенныхъ препятствій для „злоупотребленій властью“. „Да, не иному чему, какъ именно общественному мнѣнію и тому уваженію, какимъ оно пользуется, нація обязана тѣмъ, что сохранила за собой извѣстное вліяніе, заключающееся въ правѣ награждать и наказывать—похвалой или презрѣніемъ“ [1]). Итакъ, субъектомъ общественнаго мнѣнія является въ пониманіи Неккера *нація*: общественное мнѣніе, это, стало быть, *мнѣніе націи*. Въ этомъ случаѣ Неккеръ опять-таки оказывается вѣрнымъ истолкователемъ общепринятыхъ въ его время представленій: не всѣ конечно разумѣли одно и то же подъ словомъ „нація“, но всѣ, повидимому, сходились въ пониманіи *общественнаго мнѣнія*, какъ *мнѣнія націи*.

Въ началѣ царствованія Людовика XVI вновь призванный къ власти министръ Морепа, желавшій возстановленія парламентовъ, старается склонить къ тому короля такимъ аргументомъ: „надо прислушиваться къ *общественному мнѣнію* и слѣдовать ему“ [2]). Убѣжденный доводами своего министра, Людовикъ, въ свою очередь, парируетъ всякія возраженія такимъ аргументомъ: „таково *желаніе народа*, а я хочу, чтобы народъ любилъ меня“ [3]). Далѣе, въ предисловіи къ своему эдикту, которымъ возстановлялся парижскій парламентъ, король мотивируетъ этотъ актъ, между прочимъ, желаніемъ „отмѣтить свое восшествіе на престолъ благимъ дѣломъ, которое ему представляется *общимъ желаніемъ его подданныхъ*“ [4]). Затѣмъ, въ торжественномъ королевскомъ засѣданіи парламента, посвященномъ регистраціи этого эдикта, первый президентъ, въ своемъ отвѣтѣ на прочитанную канцлеромъ рѣчь короля, обращаясь къ послѣднему,

---

[1]) *Necker*, op. cit., t. II, p. 65.

[2]) „Il faut écouter *l'opinion publique* et la suivre“.—*Fayard*, Aperçu historique sur le parlement de Paris, t. III, p. 248.

[3]) „C'était le *voeu du peuple*, et je veux être aimé“. — *Journal historique de la Révolution opérée par Maupeou*, t VI, p. 301.

[4]) „Un bienfait qui nous a paru le *voeu général de nos sujets*“. —*Isambert*, Recueil général, t. XXIII, p. 44.

говоритъ между прочимъ: „Возстановляя въ своихъ функціяхъ старинное. глубоко-чтимое судилище, вы уступили движенію вашего сердца еще въ большой степени, чѣмъ *общимъ пожеланіемъ всѣхъ чиновъ вашего государства*“ [1]). Наконецъ, на пріемѣ перваго президента въ Версалѣ, куда онъ явился, въ сопровожденіи высшихъ чиновъ парламента, чтобы принести соотвѣтствующія выраженія благодарности королю, королевѣ и членамъ королевской семьи,—королева высказавъ свое сожалѣніе по поводу утомленія, испытаннаго королемъ отъ продолжительнаго засѣданія, прибавила: „къ счастью, радость, которую чувствуетъ его величество, исполняя *желаніе націи*, предохранила его отъ всякаго недомоганія“ [2]).

Желаніе народа въ устахъ короля, *общее желаніе подданныхъ* въ текстѣ эдикта, *пожеланія всѣхъ сословій государства* въ рѣчи президента парламента, наконецъ—*желаніе націи* въ устахъ королевы,—всѣ эти выраженія представляютъ собою, очевидно, лишь различные перифразы того *общественнаго мнѣнія*, на которое ссылается министръ и которое дѣйствительно является ultima ratio отмѣченнаго законодательнаго акта [3]).

III.

Opinion publique, opinion générale, opinion du peuple, voeu de la nation и тому подобныя выраженія составляютъ, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ особенности въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, одинъ изъ постоянныхъ элементовъ офиціальной фразеологіи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ парламентамъ (и другимъ высшимъ трибуналамъ), которые въ своей борьбѣ съ королевскою властью искали и находили опору въ общественномъ мнѣніи. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ парламенты въ своихъ „представленіяхъ“ и „протестахъ“ часто категорически ссылаются на *общественное мнѣніе.* Въ своихъ „представленіяхъ“ по поводу задуманнаго канцлеромъ Мопу уничтоженія парламентовъ въ 1771 г. тулузскій парламентъ бросаетъ правительству упрекъ въ

---

[1]) „Cédant au mouvement de votre coeur plus qu'aux *voeux de tous les ordres de l'Etat*“...—*Fayard*, op. cit., t. III, p. 254.

[2]) „La joie que S. M. a ressentie, en remplissant le *voeu de la nation*, l'a garantie de toute indisposition“.—Ibidem, p. 257.

[3]) См. ниже, стр. 144, примѣч. 2, 3, 4.

„пренебреженіи къ *общественному мнѣнію*“ [1]). Въ своихъ знаменитыхъ представленіяхъ 1775 г. парижская палата пошлинъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: „всѣ, въ чьихъ рукахъ находится та или другая частица верховной власти, должны подлежать тройному контролю: законовъ, высшей власти и *общественнаго мнѣнія*“ [2]). „*Общественное мнѣніе* есть мощная сдержка противъ тиранніи чиновниковъ“ [3]). Въ подкрѣпленіе своихъ возраженій противъ практики эвокацій [4]), палата рекомендуетъ королю „прислушаться ко *всеобщему голосу публики*“ [5]), а въ подкрѣпленіе указаній на необходимость строгой бережливости въ расходованіи государственныхъ средствъ ссылается на „*всеобщее желаніе всей націи*“ [6]). Въ засѣданіи парижскаго парламента 25-го сентября 1788 г. одинъ изъ его членовъ обвиняетъ бывшихъ министровъ де-Ламуаньона и Ломени-де-Бріенна въ „попыткахъ завладѣть *мнѣніемъ народа* путемъ покровительства скандальнымъ и возмутительнымъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ магистратуры, и путемъ запрещенія печатать отвѣты на эти клеветы“ [7]). По словамъ автора предложенія, къ названнымъ министрамъ предъявляются различныя обвиненія и со стороны *общественнаго мнѣнія* [8]).

[1]) *Extrait des Registres des délibérations du parlement de Toulouse*, du samedi 31 août 1771: „Considérant... *l'opinion publique* méprisée“...—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, Toulouse, 1879, t. XIV, p. 2312.

[2]) *Remontrances de la Cour des Aides de Paris*, du 6 mai 1775, art. 81: „Tous les dépositaires de la puissance souveraine doivent être soumis à trois sortes de freins, celui des lois, celui du recours à l'autorité supérieure, celui de *l'opinion publique*“.—*Translations and Reprints from the original Sources of European History*, t. V, Nr. 2, Philadeplphia, 1899.

[3]) Ibidem, art. 78: „*L'opinion publique*... est un frein si puissant contre la tyrannie des subalternes“.

[4]) См. выше, т. I, стр. 566.

[5]) *Remontrances*, art. 23: „Mais Votre Majesté suppléera aisément à cet égard aux remontrances des Cours, en écoutant le *témoignage universel du public*“.

[6]) Ibidem, art. 48: „Cette économie vous est demandée par *les voeux universels de toute la nation*“.

[7]) *Récit fait par un des Messieurs, toutes les chambres assemblées, les pairs y séant*, le 25 septembre 1788: „D'après ces considérations, j'ai l'honneur de déférer à la Cour... leurs tentatives pour s'emparer de *l'opinion du peuple* en protégeant des écrits scandaleux et séditieux contre les magistrats, et en défendant... d'imprimer les réponses à ces calomnies“ (цитируемъ по *Brette*, Recueil de documents, t. I, p. 29—39).

[8]) Ibidem.: „Ces deux ministres... sont également accusés par *l'opinion publique*“.

Съ началомъ новаго царствованія, „общественное мнѣніе“ проникаетъ и въ обиходъ правительственной фразеологіи. Призванные Людовикомъ XVI въ 1778 г. новые министры, Мальзербъ и Тюрго, „относятся благожелательно къ тому, что̀ они называютъ *господствующимъ мнѣніемъ*“ [1]). Мальзербъ, какъ припомнимъ, впрочемъ, успѣлъ уже ранѣе формулировать офиціально свой взглядъ на значеніе общественнаго мнѣнія, какъ контролирующаго фактора по отношенію къ представителямъ власти [2]). Что касается Тюрго, то свое отношеніе къ общественному мнѣнію онъ формулировалъ въ одномъ изъ первыхъ же актовъ своей министерской дѣятельности. „Королевская власть—говоритъ онъ въ представленной имъ королю въ 1775 г. запискѣ о муниципалитетахъ—будетъ (въ случаѣ осуществленія проектируемой имъ реформы) освѣдомлена, но не стѣснена, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дано безъ всякаго риска *удовлетвореніе общественному мнѣнію* [3]). Тотъ же министръ въ своемъ докладѣ королю „объ ордерахъ на предъявителя“ говоритъ, какъ о вещахъ, съ которыми необходимо считаться прежде всего правительству,— объ „общественной пользѣ“ и о „*довѣріи народа*“ [4]).

Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Тюрго, Неккеръ, въ своемъ докладѣ королю о необходимости преобразованія провинціальной администраціи въ смыслѣ учрежденія выборныхъ провинціальныхъ

---

1) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. II, Discours préliminaire, p. XXVI: „Malesherbes et Turgot avaient favorisé ce qu'ils appelaient l'opinion régnante“.—Мальзербъ уже ранѣе успѣлъ заявить свое отношеніе къ общественному мнѣнію опубликованіемъ составленныхъ имъ *Remontrances de la Cour des aides* въ апрѣлѣ 1775 г. Что касается Тюрго, то еще въ бытность свою лиможскимъ интендантомъ онъ между прочимъ писалъ въ 1770 г. генералъ-контролеру аббату Террэ: „Je sais que vous n'adoptez pas *mes idées sur la nécessité de discuter cette matière au tribunal du public*“ (*Turgot*, Oeuvres, éd. Daire, t. II, p. 161).

2) Какъ авторъ упомянутыхъ выше *Remontrances de le Cour des Aides.*

3) *Mémoire au Roi, sur les Municipalités*, 1775.—*Turgot*, Oeuvres, éd. Daire, t. II, p. 502—550).

4) „Il est vrai, qu'il peut y avoir des dépenses légitimes qui, par des raisons d'Etat, doivent rester ignorées, mais ces cas sont très rares, et, ne pouvant avoir pour but que l'utilité publique, la *confiance des peuples* dans la justice du souverain n'en est pas altérée“. — *Sémichon*, les Réformes sous Louis XVI, Paris, 1876, p. 369.—Отсюда видно, что не правъ Берсо, полагающій, что „Turgot, qui influa beaucoup sur l'opinion par son arrivée au ministère et par sa chute, ne songea jamais à elle“. — *Bersot*, Etudes sur le XVIII siècle, Paris, 1855, p. 62.

собраній, въ 1778 г., подчеркиваетъ необходимость для правительства „слѣдовать по пути, намѣченному *общественнымъ мнѣніемъ*“ [1]). Три года спустя, тотъ же министръ, въ своемъ знаменитомъ *Отчетѣ*, настаиваетъ на важности того, чтобы даже „наиболѣе полезныя перемѣны находили также опору и въ *общественномъ мнѣніи*“ [2]).

„При Тюрго и въ особенности при Неккерѣ—говоритъ одинъ изъ цитируемыхъ уже нами современниковъ—новаторскія системы получаютъ въ административной фразеологіи, въ предисловіяхъ къ законамъ и въ (другихъ) офиціальныхъ бумагахъ, красивыя названія *господствующаго мнѣнія, общественнаго духа*“ [3]). Дѣйствительно, съ началомъ новаго царствованія королевскіе эдикты начинаютъ пестрѣть ссылками на „общественное мнѣніе“, на „всеобщія пожеланія націи“, или „народа“, и т. п. Мы уже цитировали выше эдиктъ 1775 г. Ссылку на *opinion* находимъ также въ февральскомъ эдиктѣ 1776 г. объ упраздненіи цеховъ и гильдій [4]). Королевская декларація о реформѣ дорожной повинности въ 1787 г. прямо подчеркиваетъ, что король „удостовѣрился относительно *общаго желанія націи*“ [5]). Майскій эдиктъ 1788 г. о преобразованіи судовъ рекомендуетъ новое устройство послѣднихъ, какъ „наиболѣе способное внушить *всеобщее довѣріе народа*“ [6]). Другой майскій

[1]) *Necker*, Mémoire au Roi, sur l'établissement des assemblées provinciales (*Bibliothèque nat.*, Lb 39—288): „L'administration montre bien moins d'habileté lorsqu'elle veut exécuter tout à coup le plus grand bien qu'elle conçoit, que lorsqu'elle s'approche par degrés, mais plus sûrement *en suivant la route que l'opinion générale a le plus frayée*“.

[2]) *Necker*, Compte rendu au Roi, au mois de janvier 1781, Paris, 1781: „Il est donc très important que les changements les plus utiles soient encore appuyés par *l'opinion publique*“.

[3]) *Soulavie*, Mémoires, t. II, Discours prélinimaire, p. XXV: „Sous Turgot et surtout sous M. Necker, les systèmes novateurs obtiennent, dans l'administration, dans les préambules des lois et dans les écrits officiels, les beaux noms d'*opinion régnante, d'esprit publique*“...

[4]) *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers.—Isambert*, Recueil général, t. XXIII, p. 370—386.

[5]) *Déclaration pour la conversion de la corvée en une prestation en argent*, 27 juin 1787: „Notre intention dans cet essai était de nous assurer encore davantage du voeu *général de la nation* en faveur de ce nouveau régime“.—Ibidem, p. 374.

[6]) „En conséquence, nous avons soin de les former de la manière la plus propre à inspirer une *confiance universelle à nos peuples*“.—Ibidem, t. XXXIII, p. 536.

эдиктъ того же года подчеркиваетъ высказанное парламентами противъ организаціи провинціальныхъ собраній противодѣйствіе, „котораго, казалось бы, не позволяло ожидать *желаніе націи*“ [1]). Постановленіе королевскаго совѣта отъ 5-го іюля 1788 г., которымъ возвѣщалось „намѣреніе короля созвать генеральные штаты своего королевства“, не вносило, стало быть, ничего новаго въ офиціальную фразеологію, когда заявляло о рѣшеніи короля запросить „*о мнѣніи своихъ подданныхъ*“, касательно организаціи созыва генеральныхъ штатовъ, „для того чтобы тѣмъ полнѣе было ихъ довѣріе къ *собранію поистинѣ національному*, какъ по своему составу, такъ и по своему значенію“ [2]).

Послѣ всего этого насъ не должно изумлять, если въ офиціальной перепискѣ и офиціальныхъ рѣчахъ провинціальныхъ интендантовъ мы встрѣтимся съ отголосками отмѣченныхъ сейчасъ особенностей офиціальной фразеологіи правительства, органами котораго они являются, и магистратуры, которая, какъ уже выше было замѣчено, наложила на нихъ глубокій отпечатокъ.

Въ представленной Неккеру въ 1778 г. запискѣ относительно предположенныхъ измѣненій въ территоріальномъ составѣ интендантства, беарнскій интендантъ старается подкрѣпить свою точку зрѣнія, между прочимъ, ссылкой на „*мнѣніе народа*“ [3]).

Эльзасскій интендантъ, въ офиціальной рѣчи своей при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ августѣ 1787 г., замѣтивъ, что этимъ учрежденіемъ осуществляется „желаніе націи“, прибав-

---

1) *Edit portant rétablissement de la Cour plénière*, mai 1788: „Notre édit concernant les assemblées provinciales... éprouve encore, dans quelques-uns de nos parlements, une résistance que l'utilité de ces assemblées et le *voeu de la nation* ne permettaient pas de présumer“.—Ibidem, p. 560.

2) *Arrêt du conseil concernant la convocation des Etats généraux du royaume*, 5 juillet 1788: „Sa Majesté... ne veut suppléer au silence des anciens monuments qu'en demandant, avant toute détermination, *le voeu de ses sujets*, afin que leur confiance soit plus entière dans *une assemblée vraiment nationale*, par sa composition comme par ses effets“. —*Brette*, Recueil de documents, t. I, p. 19—20. Любопытно отмѣтить здѣсь (подробность эта ускользаетъ обыкновенно отъ вниманія историковъ революціи), что будущее названіе генеральныхъ штатовъ, *Assemblée nationale*, было подсказано уже королевскимъ актомъ о созывѣ собранія.

3) *Archives nationales*. H 1411. Douet de la Boullaye à Necker, 23 janvier 1778: „A ces divers effets du démembrement en question il faut ajouter *l'opinion des peuples*“.

ляетъ, что въ данномъ случаѣ „*общественное мнѣніе* основано на разумѣ и справедливости“ [1]).

При открытіи „возстановленныхъ“ штатовъ области Дофинэ, въ г. Романсѣ, 10-го сентября 1788 г., гренобльскій интендантъ начинаетъ свою рѣчь такими словами: „Единственно озабоченный благоденствіемъ своего народа, король ожидаетъ лишь *выраженія желанія націи*, для того чтобы обезпечить ему навсегда такое управленіе, которое бы сочетало его истинные интересы съ честью французскаго имени и съ народною любовью къ своему государю“. Далѣе, говоря о Неккерѣ, интендантъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Къ управленію финансами снова призванъ министръ, намѣченный *общественнымъ мнѣніемъ, этимъ надежнѣйшимъ путеводителей королей*“ [2]).

Валансьеннскій интендантъ около того же времени и въ аналогичной обстановкѣ говоритъ—точно такъ же въ офиціальной рѣчи—объ общественномъ мнѣніи, какъ о „царицѣ міра“ [3]). Ліонскій интендантъ, въ аналогичной обстановкѣ, говоритъ объ учрежденіи провинціальныхъ собраній, какъ объ „исполненіи *желанія націи*“ [4]). Канскій интендантъ Кордье-де-Лонэ, припоминая въ офиціальной рѣчи „революцію Мопу“ и послѣдовавшее съ воцареніемъ Людовика

[1]) „Le Roi comble *les voeux de sa Nation*, en donnant à l'administration de son Royaume une nouvelle forme... Ici *l'opinion publique* est fondée sur la raison et la justice“.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale d'Alsace*. Strasbourg, 1787, in- 4⁰.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/3.

[2]) *Procès-verbaux des Assemblées générales des trois ordres et des Etats provinciaux du Dauphiné, tenus à Romans en 1788*, Lyon, 1888 (réimpression), p. 45. Discours de Caze de la Bove: „Le Roi, uniquement occupé du bonheur de ses peuples, n'ettend que de connaître *le voeu de la Nation*, pour lui assurer à jamais une administration qui concilie ses vrais intérêts avec l'honneur du nom Français et l'amour qu'elle porte à son Souverain. *Un Ministre désigné par l'opinion publique, le guide le plus sûr pour éclairer les Rois*, est appellé aujourd'hui à la tête des finances“.

[3]) „Le progrès des lumières a tout fait; il a découvert aux rois l'union intime de leur intérêt avec l'intérêt public. Jamais dans la monarchie française on n'a vu régner une aussi utile fermentation pour le bien général; *jamais enfin l' empire de l'opinion, cette reine du monde, n'a été plus dominante*“ —*Procès-verbal des séances de l'assembléé provisoire de la province de Hainaut*, Paris, 1788, in-4.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/29.

[4]) *Procès-verbal... de l'Assemblée provinciale de Lyon*, Lyon, 1787. — *Pièces justificatives*, Nr. 122.

XVI возстановленіе парламентовъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Если постигшая магистратуру опала бросила нѣкоторую тѣнь на конецъ царствованія Людовика XV, то первымъ шагомъ его преемника было пойти навстрѣчу *желанію Франціи*" [1]).

IV.

Можно однако задаться вопросомъ, насколько подъ этой обычной, скажемъ даже—модной фразеологіей, скрывалось реальное вліяніе „общественнаго мнѣнія"? Не было ли послѣднее простымъ стилистическимъ украшеніемъ официіальной фразеологіи,—звукомъ пустымъ?

Такое предположеніе можетъ, дѣйствительно, явиться у всякаго, кто сталъ бы судить объ официіальномъ языкѣ этой эпохи по наблюденіямъ надъ современностью. Про официіальный же языкъ восемнадцатаго вѣка надо замѣтить, что ему совершенно чужда бóльшая часть тѣхъ условныхъ лжей, которыя составляютъ неотъемлемую особенность современнаго официіальнаго стиля, французскаго или какого угодно другого. Языкъ восемнадцатаго вѣка официіальный, какъ и литературный,—это языкъ необыкновенно *наивный* въ лучшемъ смыслѣ этого слова: искренній, правдивый, откровенный, смѣлый, не боящійся называть вещи ихъ собственными именами,—языкъ въ высшей степени *безтактный* съ точки зрѣнія новѣйшей бюрократической выправки,—языкъ, склонный скорѣе къ излишней выразительности, чѣмъ къ умолчаніямъ и затушевываніямъ,—языкъ, въ которомъ нѣтъ нужды читать между строкъ, а скорѣе нелишне иногда кое-что поубавивъ изъ наличныхъ строкъ, чтобы получить непреувеличенное—по крайней мѣрѣ съ нашей современной точки зрѣнія—выраженіе [2]). Для человѣка, хорошо знакомаго съ языкомъ эпохи, не можетъ быть въ данномъ случаѣ вопроса объ условной лжи; можетъ возникнуть лишь вопросъ о наличности извѣстнаго преувеличенія. Но ближайшее знакомство съ дѣломъ заставляетъ и на этотъ вопросъ отвѣтить отрицательно.

---

[1]) *Procès-verbal .. de l'Assemblée provinciale de Caen*, Caen, 1788. — *Pièces justificatives*. Nr. 211.

[2]) О характерѣ официіальнаго языка эпохи можно судить, напримѣръ, по многочисленнымъ выдержкамъ изъ различныхъ современныхъ официіальныхъ актовъ у *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, Paris, 1876; у *Tocqueville*, l'Ancien régime et Révolution; у *Ону*, Наказы третьяго сословія, и др.

Начнемъ съ парламентской магистратуры, которая, въ силу извѣстныхъ уже намъ условій, во многихъ отношеніяхъ задавала тонъ правительству и администраціи, и выслушаемъ прежде всего свидѣтельство одного хорошо освѣдомленнаго и нелишеннаго проницательности современнаго наблюдателя. Вотъ въ какомъ видѣ представляется этому современнику роль, которую игралъ парламентъ въ послѣднюю пору стараго порядка.

„Пользуясь фактически, въ теченіе двухъ столѣтій, правомъ санкціонировать налоги, многократно выдержавъ борьбу съ королевскою властью въ защиту своей исключительной компетенціи въ этомъ отношеніи, парламентъ, *увлеченный потокомъ общественнаго мнѣнія*, въ одинъ прекрасный день отрекается отъ доктрины, которую онъ такъ долго отстаивалъ: онъ вдругъ объявляетъ во всеуслышаніе, что лишь нація, и одна только она въ правѣ соглашаться на установленіе налоговъ“ [1]).

Другой наблюдательный современникъ, отмѣчая тотъ фактъ, что первыя атаки противъ королевской власти во Франціи исходили отъ „аристократическихъ корпорацій“ (каковыми были парламенты въ позднѣйшую пору стараго порядка), объясняетъ его точно также вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которому—говоритъ онъ—часто люди подчиняются безсознательно и даже вопреки своимъ интересамъ [2]).

Приведенныя сейчасъ свидѣтельства современниковъ какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о роли парламентовъ во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка [3]). *Выступая въ роли выразителей общественнаго мнѣнія, парламенты, въ свою очередь, испытываютъ на себѣ вліяніе того самаго общественнаго мнѣнія, руководить которымъ они хотѣли; и чѣмъ болѣе крѣпнетъ сила общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе парламенты утрачиваютъ по отношенію къ нему роль руководителей,*

---

1) *Senac de Meilhan*, Des principes et de causes le la Révolution en France; Saint-Pétersbourg, 1791. p. 88.

2) *M-me de Staël*, Considérations sur la Révolution française. t. I, p. 43: „Ce sont les corps aristocratiques de France qui ont attaqué les premiers le pouvoir royal; non qu'ils voulussent renverser le trône, *mais ils étaient poussés par l'opinion publique:* or elle agit sur les hommes à leur insu, et souvent même contre leur intérêt“.

3) *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, Paris, 1878; *Glasson*, le Parlement de Paris, son rôle politique, Paris, 1901, 2 vol.

и тѣмъ явственнѣе становится испытываемое послѣдними вліяніе его силы. Это становится особенно замѣтно въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI. Яркою иллюстраціей въ данномъ отношеніи можетъ служить поведеніе парижскаго парламента въ вопросѣ о протестантахъ. Какъ извѣстно, въ дѣлѣ легальнаго преслѣдованія протестантовъ парламенты всегда шли даже впереди правительства и его органовъ; о возвращеніи протестантамъ отнятыхъ у нихъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта гражданскихъ правъ парламенты не хотѣли и слышать. Но вотъ, когда въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, былъ наконецъ круто поставленъ вопросъ о возвращеніи протестантамъ гражданскихъ правъ, то парижскій парламентъ, видя невозможность бороться противъ общественнаго мнѣнія, скрѣпя сердце рѣшилъ самъ пойти навстрѣчу послѣднему; онъ не только воздержался отъ всякаго противодѣйствія готовившейся реформѣ, но даже обратился къ королю съ просьбой о ея дарованіи[1]). Этимъ шагомъ парламентъ, можно сказать, подписывалъ свою капитуляцію передъ „новой верховной властью", -властью общественнаго мнѣнія.

Если въ извѣстные моменты парламенты дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на общество, то, съ другой стороны, и имъ самимъ передается возбужденіе „публики"; такъ, во время обостренія отношеній между парижскимъ парламентомъ и правительствомъ въ 1787 г., Мальзербъ, въ докладной запискѣ королю, прямо объясняетъ „возбужденное состояніе парламента—вліяніемъ публики"[2]).

Что для парламентской магистратуры „общественное мнѣніе" являлось не простою модною фразой, а вполнѣ реальною силой, съ которою она признавала необходимымъ серьезно считаться,—это видно какъ изъ приведенныхъ примѣровъ, такъ и изъ общаго характера „представленій" и другихъ актовъ парламента, представляющихъ общественный интересъ. Акты эти, особенно же „представленія", только по формѣ адресуются къ королю, по существу же они

[1]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 107 (12 février 1787): „Le parlement a délibéré de charger le premier président, de se retirer par devers le seigneur roi, pour lui demander un état civil aux protestans. *Il n'a fait cette démarche que parce qu'il était accusé de s'opposer à cet acte de justice*".

[2]) C'est le public qui échauffe le Parlement".—*Mémoire de Malsherbes au Roi*, 1787, напечатанный у *Boissy-d'Anglas*, Essai sur la vie de Malesherbes, t. II (заимствуемъ цитату у *Floquet*, Histoire du Parlement de Normandie, t. VII, p. 118).

обращаются къ обществу, къ „публикѣ". *Это не столько ходатайства передъ королевскою властью, сколько апелляція отъ нея къ общественному мнѣнію.* Представленія парижскаго парламента [1]), парижской палаты пошлинъ [2]) и провинціальныхъ парламентовъ [3]) во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, дѣйствительно, имѣютъ характеръ не столько офиціальныхъ актовъ, предназначенныхъ для короля и министровъ, сколько политическихъ трактатовъ и публицистическихъ памфлетовъ, предназначенныхъ для „публики", и преслѣдующихъ главнымъ образомъ задачу—потрафить общественному мнѣнію. *Акты эти и на самомъ дѣлѣ предназначались гораздо больше для публики, чѣмъ для правительства,* и, несмотря на то, что по закону всѣ эти remontrances должны были оставаться секретомъ короля и представляющаго ихъ трибунала, онѣ обыкновенно немедленно же предавались печати, при благосклонномъ попустительствѣ, а то и почнѣ магистратовъ, и широко распространялись въ публикѣ при не менѣе благосклонномъ, хотя конечно и не „офиціальномъ", содѣйствіи послѣднихъ [4]).

---

[1]) До сихъ поръ изданы только представленія парижскаго парламента за послѣднія два царствованія передъ революціей: *Flammermont*, Remontrances du parlement de Paris au XVIII-ème siècle, Paris 1888 et suiv., 3 vol. in- 4.

[2]) Особенно типичны въ данномъ отношеніи цитированныя выше *Remonrtrances de la Cour des Aides*, du 6 mai 1775.

[3]) Многочисленныя выдержки изъ нихъ можно найти въ спеціальныхъ монографіяхъ, напримѣръ, у *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie Rouen, 1840—1842, 7 vol. (одна изъ лучшихъ монографій этого рода).

[4]) *Mémoires secrets*. t. VIII (18 juilet 1775): „On vient d'imprimer les Remontrances de la Cour des aides"—*Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t VII, p. 60: „Le Parlement de Normandie... avait rendu (le 23 juin 1777) un arrêt dont Versailles se devait vivement émouvoir, la circonstance le l'impression de l'affiche de cet arrêt, de sa publication en tous lieux n'ayant pu que le rendre plus odieux encore aux ministres".—*Mémoires secrets* t. XI (23 mars 1778): „Les Remontrances du parlement de Paris, présentées au roi en février 1778, sur l'arrêt du conseil du 2 novembre précédent, sont imprimées avec la Réponse du roi".—Ibidem, t XXII (3 mars 1783): „Messieurs (du parlement de Grenoble), mortifiés du silence de la cour, laissent enfin percer des copies de leur arrêté".—Ibidem, t. XXVI (15 juin 1784): „Les Remontrances (du parlement de Bordeaux) du sujet des corvées paraissent imprimées et sont très adroites par l'insertion qu'on y a faite de toute l'enquête contre l'intendant où l'on cite une foule d'horreurs".—Тулузскій парламентъ предаетъ гласности, издавъ въ видѣ особой брошюры, свои „представленія"

V.

Обращеніе къ общественному мнѣнію путемъ печати получаетъ, съ легкой руки парламентовъ, широкое распространеніе въ въ особенности въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Городское управленіе Бордо, обращаясь въ 1778 г. къ королю съ жалобой на мѣстнаго податного инспектора королевскихъ доменовъ [1]), спѣшитъ предать ее тисненію: это—цѣлый трактатъ въ 33 страницы in-folio [2]). Беарнскіе штаты въ 1778 г. предаютъ печати обширную записку по вопросу о предположенныхъ измѣненіяхъ въ территоріальномъ составѣ ошскаго интендантства [3]). Такъ же точно поступаютъ въ 1780 г. бретанскіе штаты съ своею запиской въ защиту исконнаго права штатовъ выбирать свободно своихъ депутатовъ ко двору и въ счетную палату [4]),—права, котораго правительство сдѣлало попытку ихъ лишить [5]). Когда написанное отъ имени тѣхъ же штатовъ посланіе къ королю не было принято послѣднимъ (въ 1782 г.), то „наиболѣе усердные“ изъ депутатовъ предали это посланіе гласности путемъ печати [6]).

Старшины бургонскихъ штатовъ печатаютъ въ 1786 году обшир-

касательно вывоза хлѣба изъ области, и постановленіе королевскаго совѣта, которымъ эти „представленія“ кассировались.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc. t. XIII, p. 2416.—Въ парижской національной библіотекѣ имѣется большое собраніе подобныхъ печатныхъ remontrances и другихъ актовъ парламентовъ и прочихъ высшихъ трибуналовъ (рубрика Lb 37).

1) Receveur général des Domaines.

2) *Archives nationales*, H 92.

3) *Archives nationales*, H 1411. „L'évêque d'Acqs mande qu'il paraît sous le nom des Etats de Béarn, un mémoire qui a répandu l'alarme dans son diocèse“...

4) *Mémoires secrets*, t. XVII (12 janvier 1781). Сравн. *Lafond*, Etudes sur la Commission intermédiaire des Etats de Bretagne, Nantes, 1902, p. 224.

5) *Archives départementales d'Ille-et-Vilarne*, C 2700.

6) *Mémoires secrets*, t. XXI (22 décembre 1782): „Les membres les plus zélés des Etats, sentant la nécessité de répandre dans le public des copies de leur lettre au roi, pour dissiper les fâcheuses impressions qui pourraient résulter contr'eux du refus de la présenter à S. M...“ Посланіе это перепечатано цѣликомъ у Башомона. Отдѣльный экземпляръ упомянутаго здѣсь изданія имѣется въ парижской національной библіотекѣ (рубрика Lk 14/46).

ную записку въ отвѣтъ на представленія парижской палаты пошлинъ [1]).

Вообще *въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ обнаруживается въ средѣ провинціальныхъ штатовъ ясно выраженное стремленіе къ гласности, до той поры совершенно чуждой этимъ учрежденіямъ* [2]). Починъ въ этомъ отношеніи былъ положенъ штатами Лангдока, которые начали печатать свои протолы съ 1776 г. [3]). Съ 1778 г. печатаютъ свои протоколы штаты области Бигорръ [4]); съ 1783 г. штаты области Фуа [5]). Беарнскіе штаты спохватились нѣсколько поздно. Избранная ими 21-го января 1789 г. комиссія высказалась за печатаніе протоколовъ. По ея мнѣнію, „отъ гласности слѣдуетъ ожидать самыхъ благопріятныхъ результатовъ; она должна способствовать упроченію довѣрія къ предствляющей націю корпораціи, поддержанію общественнаго духа, обусловливающаго привязанность всѣхъ обывателей области къ ея конституціи, распространяя во всѣхъ слояхъ населенія свѣдѣнія о мѣрахъ, принимаемыхъ штатами для ея сохраненія и огражденія отъ возможныхъ покушеній на ея цѣлость“ [6]).

---

1) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3330. Mémoire pour les Elus généraux en réponse aux Remontrances de la Cour des aides de Paris, 130 p. in-folio.

2) Протоколы засѣданій не печатались, а то, что происходило въ засѣданіяхъ, считалось тайной. Засѣданія были искони и до конца остались закрытыми для публики и даже для королевскихъ комиссаровъ, которые имѣли право присутствовать лишь на открытіи и закрытіи сессій.

3) Собраніе этихъ печатныхъ протоколовъ сохранилось въ нѣсколькихъ экземплярахъ: въ Тулузѣ, въ архивѣ департамента Верхней-Гаронны; въ Монпеллье, въ такомъ же архивѣ департамента Hérault; въ парижской Національной библіотекѣ и, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ другихъ архивахъ и библіотекахъ.

4) Собраніе ихъ имѣется въ департаментскомъ архивѣ Верхнихъ-Пиренеевъ, въ Тарбѣ, а также (неполное) въ парижскомъ Національномъ архивѣ.

5) *Archives nationales* H 1058. D'Ormesson à l'évêque de Pamiers, 2 mai 1783:... „les Etats de Foix ont délibéré que ce procès-verbal serait dorénavant imprimé, et c'est une disposition sage pour donner aux habitans du pays la connaissance le leurs affaires et les y intéresser davantage“. Собраніе печатныхъ протоколовъ названныхъ штатовъ имѣется въ г. Фуа, въ архивѣ департамента Ariège, а также въ Національномъ архивѣ (неполное) и въ Національной библіотекѣ (тоже).

6) *Archives nationales*, K 680. „La connaissance donnée au public... semble devoir produire les plus heureux effets; elle doit exciter de plus en plus la con-

Самовольно, безъ королевской созывной грамоты, собравшіеся въ 1788 г. штаты области Дофинэ [1]) печатаютъ свои протоколы (составленные Мунье, будущимъ депутатомъ національнаго собранія) въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, которые быстро распространяются по всей Франціи [2]).

Печатались также протоколы провинціальныхъ собраній, какъ тѣхъ, что были учреждены въ видѣ опыта при Неккерѣ въ Буржѣ и Монтобанѣ [3]), такъ и тѣхъ, которыя были введены въ 1787 г. во всѣхъ областяхъ, не имѣвшихъ провинціальныхъ штатовъ [4]).

Корпораціи и частныя лица возбуждая то или другое ходатайство передъ правительствомъ, спѣшать предать свое ходатайство гласности путемъ печати, какъ бы заранѣе апеллируя къ трибунаственнаго мнѣнія [5]).

Получаетъ широкое распространеніе обычай апеллировать къ общественному мнѣнію путемъ гласности въ судебныхъ тяжбахъ, несмотря на повторяющіяся многократныя „запещренія" [6]), самая многократность которыхъ— наглядное доказательство ихъ безрезультат-

fiance pour un corps représentatif de la Nation..., soutenir l'esprit public qui attache tous les habitants à la constitution, en répandant dans toutes les classes la connaissance des mesures prises par les Etats pour la maintenir ou pour réparer les atteintes qu'elle pût avoir réçues".

[1]) Они не созывались съ 1623 г.—*Archives nationales*, H 441 (Mémoire, 1782).

[2]) *Sémichon*, les Réformes sous Louis XVI, p. 306; *Lansac de Laborie*, Mounier, Paris, 1887.

[3]) Впрочемъ, послѣ отставки Неккера въ 1781 г. правительство запретило печатать эти протоколы.—*Necker*, De l'administration des finances, t. II, p. 277—278.

[4]) Собраніе этихъ напечатанныхъ протоколовъ имѣется въ Національномъ архивѣ и въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ (рубрика Lk 15).

[5]) Такъ, напримѣръ, поступаютъ приходскіе священники Дофинэ, напечатавшіе въ подкрѣпленіе своего ходатайства объ увеличеніи жалованья особый *Mémoire à consulter et consultation pour les curés de Dauphiné, sur l'insuffisance de la portion congrue.—Isambert*, Recueil, t. XXVI, p. 329 (arrêt du conseil du 12 mai 1780)

[6]) Напр.: *Arrêt du Conseil qui défend l'impression des requêtes en cassation avant qu'elles soient communiqués*, 18 décembre 1775 (*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 289); *Arrêt du Conseil qui fait défenses à toutes personnes sans exceptions, autres que les avocats au Conseil du roi, de signer, ni faire imprimer aucune requête, mémoire*, etc., *dans les affaires portées au Conseil*, etc., 2 juillet 1786 (ibidem, t. XXVIII, p. 209).

ности. Печатаются составленныя адвокатами сторонъ „консультаціи"[1]), „оправдательныя записки" [2]), „просьбы о кассаціи", показанія сторонъ [3]), рѣчи защитниковъ [4]), и т. д.—все это либо съ тѣмъ чтобы оказать давленіе на судъ [5]), либо для того. чтобы апеллировать отъ суда къ общественному мнѣнію [6]). Противная сторона обыкновенно не остается въ долгу, и параллельно съ судебнымъ разбирательствомъ (иногда и до него) между сторонами возгорается иногда настоящая полемика въ печати [7]).

IV.

Общественное мнѣніе становится во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка силой, воздѣйствіе которой частью сознательно, частью безсознательно испытываетъ на себѣ и правительство. Такая мѣра первостепенной государственной важности, какъ изгнаніе іезуитовъ въ 1762 г., является, дѣйствительно, „торжествомъ общественнаго мнѣнія", какъ выражается одинъ изъ новѣйшихъ историковъ [8]). Канцлеръ Мопу высказываетъ въ 1769 г. мысль, что для осуществленія крупныхъ реформъ, въ которыхъ нуждается государ-

[1]) Напр., *Consulation pour la demoiselle Roubel contre le sieur Roux, par Siméon et Desorgues, avocat à Aix*, 1774 (цит. по *Bonifas*, le Mariage des protestants. Paris 1901, p. 177; исправляемъ явную опечатку: par la demoiselle, вм. pour la d.).

[2]) *Mémoires secrets*, t. XVI (23 juillet 1779); „On voit un *Mémoire pour le marquis de Brunoy*, qu'on dit avoit été imprimé, mais dont tous les exemplaires ont été saisis, sauf un sur lequel on a fait des copies manuscrits. On parle d'un *Mémoire* imprimé pour la justification le M-lle Sainval l'ainée".

[3]) Напр., *Interrogatoire de la demoiselle Roubel au sujet de son* „Memoire à consulter" *et autres faits résultant de la procédure*, Nîmes, 1774 (цит. по *Bonifas*, op. cit., p. 178).

[4]) Напр., *Discours de M Mazer, avocat du roi, dans la cause du sieur et la dame Boux*, Nîmes, 1774 (ibidem).

[5]) *Mémoires secrets*, t. XIV (16 août 1779): „M. le comte de Broglio, pour en imposer aux juges, avait fait répandre la veille du jugement *l'Exposé des motifs qui avaient nécessité la plainte du comte de Broglio.*"

[6]) *Mémoires, secrets*, t. VIII (6 juin 1775).

[7]) *Réplique pour la demoiselle Roubel, contre le sieur Roux*, Avignon, 1774; *Seconde réplique pour demoiselle Roubel, contre le sieur Roux, par Me Maignaud-Layrac*, Nîmes, 1774; etc.—*Bonifas*, op. cit., p. 178.

[8]) *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 231: „En réalité, l'abolition des Jésuites ne fut le triomphe ni des parlements, ni des Jansénistes, ni des Philosophes; *elle fut le triomphe de l'opinion*".

ство, необходимъ энергичный и окруженный ореоломъ *государь, способный управлять общественнымъ мнѣніемъ* [1]). Въ предпринятой въ 1771 г. „революціи парламентовъ" канцлеръ Мопу, встрѣчаясь съ противодѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, стоявшаго на сторонѣ парламентовъ, старается вооружить его противъ послѣднихъ [2]).

И самъ Людовикъ XV, при всѣхъ своихъ абсолютистскихъ замашкахъ, вынужденъ былъ признать надъ собой эту вновь народившуюся силу. „Назначаю своихъ министровъ я—говорилъ онъ,—но отставку даетъ имъ нація" [3]).

Съ новымъ царствованіемъ общественное мнѣніе дѣлаетъ новый и крупный шагъ впередъ въ своемъ побѣдномъ шествіи. При Людовикѣ XVI общественное мнѣніе не только „даетъ отставку" министрамъ, но оно же подчасъ и „назначаетъ" ихъ. Такъ, прежде всего, было съ назначеніемъ Тюрго. „При восшествіи короля—пишетъ современный наблюдатель—общественный голосъ былъ принятъ во вниманіе въ вопросѣ о выборѣ министровъ, и Тюрго былъ назначенъ морскимъ министромъ" [4]). Откликомъ на „общественный голосъ" было и послѣдовавшее вскорѣ назначеніе на постъ статсъ-секретаря королевскаго дома—„добродѣтельнаго Мальзерба" [5]), „друга философіи" [6]) и автора знаменитыхъ *Remontrances*, представленныхъ королю въ маѣ 1775 г. отъ имени парижской палаты пошлинъ [7]). Въ лицѣ

[1]) *Lebrun*, les Opinions, Paris, 1828 (цитируемъ по *Sorel*, l'Europe et la Révolution française, t. I, p. 209). Charles-François Lebrun, inspecteur général des domaines, потомъ депутатъ генеральныхъ штатовъ 1789 г., род. въ 1739 г., умеръ въ 1824 г.—*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 32.

[2]) Такъ, на руанскій парламентъ онъ старается свалить вину за наступившую въ это время голодовку въ Нормандіи, приписывая ее разрѣшенному парламентомъ вывозу хлѣба.—*Floquet*, op. cit., t. VI, p. 638.

[3]) „C'est moi qui nomme mes ministres, mais c'est la nation qui les renvoie".—*Tocqueville*, Mélanges, p. 49; *Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1904. стр. 56 (вм. t. V, слѣдуетъ читать t. VIII).

[4]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 195: „A l'avènement du roi au trône, la voix publique fut consultée pour le choix des ministres. M. Turgot fut nommé secretaire d'Etat de la marine..."

[5]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. II, p. 69 (26 juillet 1775): „La joie que l'élèvation de M. de Malesherbes a causée est universelle; cependant elle n'est qu'apparente chez les courtisans, les financiers et les gens d'affaires qui n'y voient qu'un surcroît de crédit pour M. Turgot".

[6]) *Soulavie*, Mémoires, t. II, p. 319: „Lamoignon de Bâville fut l'instrument du fanatisme, et Lamoignon de Malesherbes est aujourd'hui *l'ami de la philosophie*".

[7]) См. выше, стр. 129, примѣч. 2.

Неккера во главѣ финансоваго вѣдомства сталъ въ 1777 г. настоящій ставленникъ „общественнаго мнѣнія" [1]). Въ 1780 г. Людовикъ XVI принужденъ былъ дать отставку министрамъ де-Сартину и де-Монбаррэ, уступая „ясно выраженному голосу общественнаго мнѣнія"—говоритъ современникъ [2]).

Въ 1787 г. король былъ вынужденъ принести де-Калонна, къ которому лично питалъ довѣріе, въ жертву общественному мнѣнію, которое этотъ министръ успѣлъ противъ себя вооружить [3]). И если въ преемники де-Калонну Людовикъ XVI назначилъ Ломени-де-Бріенна, не смотря на глубокое недовѣріе, которое издавна внушалъ ему этотъ ловкій карьеристъ въ сутанѣ, то опять-таки въ силу того, что послѣдній сумѣлъ, по выраженію современника, до такой степени „овладѣть въ свою пользу общественнымъ мнѣніемъ" [4]), что назначеніе его министромъ привѣтствовалось въ обществѣ, какъ начало „царства свѣта и честности" [5]).

Удаленный въ 1781 г. отъ дѣлъ волею короля вопреки голосу общественнаго мнѣнія, Неккеръ возвращается въ 1788 г. къ власти волею общественнаго мнѣнія, наперекоръ королю [6]). Королевская

—

[1]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 216—240.

[2]) *Ségur*, Mémoires, Paris, 1859, t. I, p. 138: „L'opinion générale s'était si clairement manifestée contre deux de nos ministres que la cour sentit la nécessité de chosir des hommes assez habiles pour diriger la guerre avec activité qu'elle exigeait".

[3]) *Sémichon*, les Réformes sous Louis XVI, p. 196: „Devant l'opinion publique manifestée de cette manière Louis XVI dut abandonner son ministre".

[4]) *Senac de Meilhan*, des Principes et des Causes de la Révolution, p. 85—86: „L'archevêque de Toulouse s'était acquis depuis longtemps une grande réputation dans les affaires et fixait l'attention du public, qui le regardait comme l'homme le plus capable d'administrer les finances... *Il avait usurpé l'opinion publique*".

[5]) *Lescure*, Corresqondance secrète, t. II, p. 150: „Le ministère de M. de Brienne s'annooce comme l'époque du règne des lumières et de la probité... Le voeu général est rempli... La nation n'a pas vu avec moins de plaisir M de Malesherbes rentrer dans le ministère".

[6]) *Lescere*, Correspondance secrète, t. II, p. 134 (25 avril 1787): „La nation demande à grands cris M. Necker, comme le seul homme qui peut rétablir le crédit et la confiance; mais les préventions que les Maurepas et les Vergenne ont inspirées au roi contre lui, s'opposent à un retour nécessaire et qui sera forcé". Событія вскорѣ оправдали это предсказаніе.—Срв. тамъ же, стр. 137 (5 mai 1787): „La nation appelait M. Necker au timon des finances".

власть принуждена была преклониться передъ властью общественнаго мнѣнія [1]).

Вліяніе этой „новой власти“ сказывается и на отдѣльныхъ актахъ правительственной дѣятельности. Первымъ крупнымъ законодательнымъ актомъ царствованія Людовика XVI было возстановленіе уничтоженныхъ канцлеромъ Мопу парламентовъ, и этотъ актъ былъ со стороны новаго правительства первымъ шагомъ навстрѣчу общественному мнѣнію. Такъ дѣло представляется новѣйшимъ историкамъ [2]), такъ же точно представлялось оно и современникамъ эпохи—одинаково и дѣйствующимъ лицамъ [3]), и стороннимъ наблюдателямъ [4]). Далѣе, такой крупный и чреватый послѣдствіями актъ, какъ вмѣшательство Франціи въ англо-американскую распрю, повлекшее за собою продолжительную и тяжелую для Франціи войну, былъ совершенъ правительствомъ точно такъ же подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія [5]). Предложенная Неккеромъ въ 1778 г. и отчасти проведенная при немъ реформа провинціальнаго управленія въ смыслѣ внесенія въ него элемента самоуправленія, была отвѣтомъ на давнишнія чаянія общества [6]), и настоятельность этой

---

[1]) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la Révolution, p. 105: „La volonté souveraine s'abaissa devant l'opinion publique, et le roi fut forcé de recevoir un ministre, qu'il avait, peu de temps auparavant, exilé....“

[2]) *R. Dareste*, le Rappel des parlements (*Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 89, p. 330 et suiv.—Сравн. *Fayard*, Aperçu historique sur le parlement de Paris, t. III, p. 257: „Cette première concession au voeu de la nation devait en amener une autre...“—*Flammermont*, le Chancelier Maupeou et les Parlements, p. 564. „Après le conseil le roi retomba sous l'influence de Maurepas et de la reine, qui etait tout à fait acquise aux idées du ministre par le désir de voir le roi recouvrer sa popularité compromise par le retard du rappel des parlements“.

[3]) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la Revolution, p. 32: „Le comte de Maurepas... vit dans le rétablissement des parlements un sûr moyen de se concilier l'affection publique“.—Сравн. также выше, стр. 127—128.

[4]) См., напр., мемуары Сегюра.

[5]) *Ségur*, Mémoires, souvenirs et anecdotes, Paris, 1859, t. I, p. 76: „Ainsi *l'opinion publique* se déclarant de plus en plus pour la guerre, la rendait inévitable, et *entraînait nécessairement un gouvernement trop faible pour résister à une telle impulsion*“.

[6]) Одинъ изъ современниковъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ свой восторгъ по поводу введенія провинціальнаго собранія въ буржскомъ генеральствѣ: „Les voeux de tous les bons patriotes sont enfin accomplis... L'exécution du plus beau, du plus sage et du plus bienfaisant projet...

реформы самъ Неккеръ мотивировалъ въ представленной по этому поводу королю запискѣ своей, между прочимъ, необходимостью для правительства искать опоры въ общественномъ мнѣніи [1]). Вообще вліяніе общественнаго мнѣнія на дѣятельность правительства становится особенно замѣтнымъ при Неккерѣ. Ставленникъ общественнаго мнѣнія и его поклонникъ, онъ не только призналъ „новую власть", но и преклонился передъ ней, какъ передъ божествомъ, и во все время своего нахожденія у власти онъ былъ, можно сказать, его вѣрнымъ жрецомъ [2]). Знаменитый *Compte-rendu* (1781 г.) является наиболѣе торжественнымъ, но не первымъ, какъ и не послѣднимъ изъ совершенныхъ имъ жертвоприношеній богинѣ общественнаго мнѣнія. Безъ излишней скромности, но нельзя сказать, чтобы безъ основанія, Неккеръ отмѣчаетъ опубликованіе своего отчета въ 1781 г., какъ начало новой эры въ финансовомъ управленіи Франціи [3]).

Неккеръ ввелъ также опубликованіе ежегодныхъ отчетовъ парижскихъ госпиталей, „для того чтобы страхъ передъ взорами общества поддерживалъ въ нихъ духъ законности и бережливости" [4]).

Страницы, посвященныя Неккеромъ общественному мнѣнію во введеніи къ своему трактату о французскихъ финансахъ, представляютъ собою настоящій гимнъ „благородной и разумной власти,

était réservée à ce siècle et à ce règne pour la gloire immortelle de notre auguste souverain et le bonheur inaltérable de ses fidèles sujets".—*Lettre d'un habitant de C. à M. de L. L., maire de la ville de B.*, Amsterdam, 1779, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lf 95/15.

1) См. выше, стр. 131.

2) Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ автобіографическихъ изліяній Неккеръ самъ признается, что „относился къ общественному мнѣнію съ религіознымъ благоговѣніемъ" („le respect que je lui ai religieusement rendu").—*Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. IV, p. 205.—Сравн. ibidem, t. VI, p. 326: „Depuis son élévation au ministère, il s'occupe uniquement à créer une *opinion* qu'il appelle *publique*, et qu'il oppose à nos anciennes institutions".—*Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 223: „Parvenu au ministère, Necker ne s'occupa que des moyens d'éblouir le public et d'exciter l'enthousiasme.... Dévoré d'une soif inextinguible d'applaudissements, les moyens de sévérité ne coûtaient rien à son esprit".

3) *Necker*, De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. CX.—„Чѣмъ страшнѣе—говоритъ Неккеръ—публичные отчеты для нѣкоторыхъ администраторовъ, тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ можетъ нація считать полезнымъ для себя такой порядокъ" (ibidem. p. CXIII).

4) *Necker*, op. cit. t. I, Introduction, p. CXVII.

власти общественнаго мнѣнія, которое царитъ надъ людьми для того, чтобы питать въ нихъ любовь къ истинной славѣ, возбуждать ихъ къ великимъ дѣламъ перспективой почета и похвалъ и отклонять отъ всего низкаго и подлаго перспективой презрѣнія и позора" [1]).

„Страсть къ славѣ и къ общественному мнѣнію—говоритъ Неккоръ—есть самая простительная изъ страстей" [2]). Выраженіе это слишкомъ слабо, потому что, по убѣжденію Неккера, „страсть" эта есть не столько слабость, сколько достоинство, не столько порокъ, сколько добродѣтель. Онъ не только не думаетъ скрывать или оправдывать свое преклоненіе передъ тѣмъ, что̀ онъ называетъ общественнымъ мнѣніемъ, но и ставитъ себѣ такое преклоненіе въ особую заслугу, возводя свое поведеніе въ этомъ отношеніи въ принципъ, въ идеалъ для всякаго, „кто выступаетъ на публичной сценѣ". Въ особенности же „съ величайшимъ вниманіемъ слѣдуетъ относиться къ общественному мнѣнію министру финансовъ: горе ему, если онъ отнесется пренебрежительно къ общественному мнѣнію; но еще болѣе—горе государству, потому что, отказываясь, по нерадѣнію или же малодушію, отъ надежды на общественное уваженіе, министръ будетъ стараться снискать лишь ту популярность, которая пріобрѣтается угодничествомъ, и чтобы увеличить число своихъ союзниковъ и бороться противъ общественнаго презрѣнія, онъ будетъ приносить въ жертву и интересы дѣла и интересы государя"... Ничего добраго нельзя ожидать отъ того, кто относится высокомѣрно къ общественному мнѣнію; это вѣрный признакъ, что человѣкъ боится его суда и потому не желаетъ имѣть съ нимъ дѣла [3]).

Осуждая послѣдовавшее послѣ его отставки запрещеніе печатать протоколы провинціальныхъ собраній, Неккеръ въ числѣ прочихъ выгодъ существовавшей при немъ въ этомъ дѣлѣ гласности, указываетъ и на то, что, „благодаря этой гласности, администраторы могли получать моральную награду за свою дѣятельность—въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ вообще находитъ себѣ поощреніе всякій, кто отдается дѣятельности, сопряженной съ большой затратой труда, но безъ всякаго интереса или честолюбивыхъ видовъ".

---

[1]) *Necker*, op. cit., Introduction, p. LXIII—LXIV.

[2]) *Necker*, op. cit., t. I, Introduction, p CXX–CXXI: „...la plus pardonnable des passions, celle de la gloire et de l'opinion publique".

[3]) *Necker*, op. cit., t. I, p. LXII—LXVI.—Сравн. *Soulavie*, Mémoires, t. IV, p. 199—205.

„Но одобреніе короля должно вполнѣ удовлетворять такихъ людей" утверждаютъ министры, прекрасно знающіе, насколько это одобреніе находится подъ ихъ вліяніемъ. Безъ сомнѣнія, въ монархическомъ государствѣ, это такая награда, къ которой всякій стремится..., но плохими бы слугами короля оказались люди, не ставящіе ни во что общественное мнѣніе. Съ другой стороны—общественное мнѣніе лучше всякаго другого совѣтника въ состояніи наставить государя касательно талантовъ и нравственныхъ качествъ тѣхъ, кто облеченъ въ государствѣ какой-либо важною должностью. „Вотъ почему стѣсняя проявленіе общественнаго мнѣнія, заглушая его голосъ, королей лишаютъ возможности выслушивать совѣты самаго просвѣщеннаго, самаго безпристрастнаго и вмѣстѣ самаго неподкупнаго совѣтника". „Вялость, проявляемая многими административными учрежденіями, обусловливается, какъ мнѣ думается, отсутствіемъ гласности. Они сразу бы воспрянули,если бы имъ пришлось предстать передъ трибуналомъ общественнаго мнѣнія". „Безъ сомнѣнія, общественные взоры стѣсняютъ тѣхъ, кто ведетъ дѣло небрежно, но люди, одушевленные инымъ духомъ, желали бы окружить себя свѣтомъ; если они видятъ гдѣ затрудненія, то исключительно въ предразсудкахъ и невѣжествѣ" [1]).

Попытка, сдѣланная королевскою властью послѣ разжалованія Неккера въ 1781 г.—эмансипироваться отъ власти общественнаго мнѣнія—потерпѣла, въ концѣ концовъ, полное крушеніе. Созывъ нотаблей и реформа провинціальнаго управленія въ 1787 г.,—затѣмъ—возвращеніе Неккера къ власти въ слѣдующемъ году,—отмѣчаютъ собою главнѣйшіе этапы побѣдоноснаго шествія общественнаго мнѣнія послѣ 1781 г., а созывъ генеральныхъ штатовъ въ 1789 г. является его тріумфальнымъ завершеніемъ.

VII.

Однимъ изъ косвенныхъ, но тѣмъ не менѣе наглядныхъ проявленій вліянія общественнаго мнѣнія на правительство во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка является небывалое дотолѣ развитіе въ эту пору—въ особенности же въ царствованіе Людовика XVI—офиціальной и полуофиціальной (офиціозной) правительственной прессы.

Что касается офиціальной прессы, то къ ней слѣдуетъ отнести

---

[1]) *Necker*, op. cit., t. II, p. 278—279.

прежде всего такъ-называемыя *предваренія (préambules)*, родъ предисловій, которыя, въ силу исконнаго обычая, предпосылались эдиктамъ и другимъ актомъ королевской власти, и содержали въ себѣ краткую мотивировку данной законодательной или правительственной мѣры. Заключавшаяся въ „предвареніи“ мотивировка, какъ будто мало вязавшаяся съ обычною заключительною формулою королевскихъ эдиктовъ—„ибо таково наше изволеніе“ (*car tel est notre plaisir*) [1],—представляетъ собою, такъ сказать, традиціонную дань „старой французской свободѣ“ со стороны „новаго деспотизма“ [2].

Предваренія къ законодательнымъ актамъ—говоритъ Неккеръ—составляютъ особенность Франціи. Въ странахъ, гдѣ господствуетъ деспотическій режимъ, правительство либо не удостоиваетъ освѣдомлять подданныхъ, либо боится пріучить ихъ расмышлять и разсуждать. Что касается свободныхъ странъ, въ родѣ Англіи, то, при господствующей тамъ системѣ предварительнаго обсужденія всякаго новаго закона въ собраніи представителей, народъ оказывается достаточно освѣдомленнымъ относительно законовъ; всякій желающій имѣетъ возможность ознакомиться съ мотивами каждаго изъ нихъ въ собраніи парламентскихъ дебатовъ или въ прессѣ. „Но во Франціи, гдѣ не существуетъ національныхъ собраній, но гдѣ власть относится съ извѣстнымъ вниманіемъ къ національному характеру, что находитъ себѣ выраженіе между прочимъ въ признаніи необходимости регистраціи государевыхъ законовъ въ державныхъ трибуналахъ,—во Франціи, гдѣ сами министры на каждомъ шагу ощущаютъ потребность въ одобреніи общества,—было признано существенно-важнымъ объяснять мотивы монаршей воли, когда послѣдняя предъявляется народу въ формѣ ли эдиктовъ, или же въ формѣ простыхъ постановленій государева совѣта“ [3].

Словомъ, *предваренія къ королевскимъ актамъ представляли*

---

[1] Отнюдь не „car tel est notre *bon plaisir*“, какъ приводятъ эту традиціонную формулу нѣкоторые историки. Терминъ *bon plaisir*—позднѣйшаго происхожденія; онъ совершенно неизвѣстенъ до-революціонной Франціи. *Tel est notre plaisir* было лишь перифразой другой традиціонной и стереотипной формулы королевскихъ актовъ: *voulons et nous plaît*.

[2] „En France, c'est la liberté qui est ancienne, et c'est le despotisme qui est nouveau“—по мѣткому и, съ извѣстными оговорками, исторически вѣрному выраженію г-жи де-Сталь.

[3] *Necker*, De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXX—LXXI.

собою во Франціи, такъ сказать, суррогатъ политической свободы и дань тому общественному мнѣнію, которое, по выраженію Сенакъ-де-Мейльяна, „было всегда великою силой во Франціи“ [1]).

Естественно, что вмѣстѣ съ ростомъ этой „силы“ возрастаютъ и размѣры воздаваемой ей „дани“. Въ царствованіе Людовика XVI, до тѣхъ поръ обыкновенно краткія и сухо-офиціальныя „предваренія“ разростаются иногда до размѣровъ настоящихъ трактатовъ. Починъ этой „эволюціи“ принадлежитъ Тюрго [2]), то-есть, тому министру, который впервые сдѣлалъ попытку ввести въ правительственную практику „благожелательное отношеніе къ общественному мнѣнію“ [3]). Предваренія, предпосланныя этимъ министромъ знаменитымъ февральскимъ эдиктамъ 1776 г. [4]), представляютъ собою настоящія политико-экономическія диссертаціи, наполовину академическаго, наполовину публицистическаго характера. Тутъ отъ имени законодателя не только подробно обосновывается разумность, необходимость и цѣлесообразность данныхъ мѣръ, но и излагается, такъ сказать, исторія вопроса, при чемъ воспроизводятся мнѣнія, которыя были высказаны по даннымъ вопросамъ въ прессѣ, и опровергаются тѣ изъ нихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ точкою зрѣнія законодателя. Словомъ, законодатель—въ лицѣ Тюрго—не ограничивается, по традиціи, краткою мотивировкою даннаго законодательнаго акта, но старается *убѣдить* въ его разумности и необходимости.

Если предваренія, написанныя, Тюрго, напоминаютъ собою научно-публицистическія, „диссертаціи“, разсчитанныя на доказатель-

---

[1]) См. выше, стр. 123, примѣч. 2.—Съ этой точки зрѣнія предваренія къ королевскимъ актамъ были разсмотрѣны въ небольшой статьѣ Альбера Бабо, хотя, по нашему мнѣнію, недостаточно обстоятельно, въ особенности по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ.—*A. Babeau*, les Préambules des ordonnances royales et l'opinion publique (*Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 146 (1896), p. 797—858).

[2]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement etc.: „Ce ministre (Turgot), quoiqu'il fût attaché invariablement au régime monarchique, a le premier substitué les raisonnements à l'énoncé simple et précis des intentions du souverain *Les préambules des édits qui ont paru sous son ministère, sont des dissertations sur les objets auxquels ils s'appliquaient*“.

[3]) См. выше, стр. 130.

[4]) *Edit portant suppression de la corvée* (*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 358—370); *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers* (ibidem, p. 370—386); *Edit portant suppression des offices*, etc., (ibidem, p. 386—390).

ность и убѣдительность, то предваренія, принадлежащія перу его преемника[1]), Неккера, который, какъ мы видѣли, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ Тюрго, придавалъ значенія общественному мнѣнію[2]), и вдобавокъ обладалъ жилкой оратора, и какъ истый ораторъ, вѣрилъ въ могущество слова[3]),—представляютъ собою нѣчто въ родѣ ораторскихъ произведеній, задача которыхъ не столько доказать, сколько произвести впечатлѣніе, не столько убѣдить, сколько увлечь[4]).

У Неккера на этотъ счетъ своя теорія, которая находится въ органической связи съ его культомъ общественнаго мнѣнія. Внимательность къ послѣднему, обязательная для каждаго государственнаго человѣка, вмѣняется, какъ мы видѣли, Неккеромъ въ особую обязанность „министру финансовъ". Въ соотвѣтствіи съ этимъ, особенное значеніе имѣютъ, по его мнѣнію, предисловія къ „финансовымъ законамъ", которые имѣютъ въ виду столько же будущее, сколько и настоящее; безъ обстоятельнаго объясненія мотивовъ, они будутъ, по мнѣнію Неккера, казаться большинству „чѣмъ-то въ родѣ іероглифовъ". И пускай не отговариваются тѣмъ, что власть не имѣетъ надобности въ подобныхъ объясненіяхъ: „подобныя идеи граничили бы съ деспотизмомъ". Безъ сомнѣнія, въ монархіи, какова Франція, нетрудно добиться повиновенія; но неужели же власть утратитъ свое очарованіе отъ того, что повиновеніе это не будетъ слѣпо? Если не принижать націю, неужели отъ этого пострадаетъ величіе государя? Да, наконецъ, развѣ ничего не стоитъ довѣріе на-

---

1) Хотя и не непосредственнаго; Неккера отъ Тюрго отдѣляютъ два кратковременныя министерства де-Клюньи и Табуро-де-Рео (съ мая 1776 по іюнь 1777 г.).

2) По словамъ *Soulavie*, op. cit., t. IV, p. 199: „Necker adopta, le premier, le mot de *l'opinion publique*, dans la pratique comme dans les ouvrages théoriques de l'administration"

3) *Necker*, De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXXII: „Ce n'est point une vaine puissance que celle de la parole; souvent on y obéit, souvent on est déjà son esclave, lorsqu'on ne croit céder qu'à sa propre réflexion".

4) *Mémoires sekrets*, t. XV, p. 250 (4 août 1780): „Les préambules en général sont très séduisants, mais surtout ceux de ce directeur général des finances habile dans l'art du prestige oratoire, qu'il est en état d'opérer lui-même, quand il veut s'en donner la peine, mais au moins de revoir, de rectifier et d'embellir, d'après les Thomas, les Suard, les Chastellux et autres académiciens à ses ordres".

ціи и ея любовь? „Развѣ покорность и страхъ—единственныя чувства, которыхъ стоитъ желать?“ [1]).

Хотя преемники Тюрго и Неккера по большей части и не раздѣляли „благожелательнаго отношенія“ этихъ министровъ къ общественному мнѣнію, тѣмъ не менѣе вліяніе послѣднихъ въ данномъ отношеніи не осталось безслѣднымъ, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ довольно пространнаго предисловія къ майскому эдикту 1788 г. о возстановленіи Cour plénière. „Эти соображенія—говорится здѣсь, между прочимъ, отъ имени короля -, долгое время занимавшія нашу мудрость, *должны убѣдить нашъ народъ, какъ они убѣдили насъ самихъ*, въ необходимости единаго и общаго трибунала для регистраціи законовъ, также общихъ для всего королевства“ [2]). Въ обширномъ предвареніи къ постановленію королевскаго совѣта отъ 20-го іюня 1788 г. „король въ своемъ совѣтѣ“, между прочимъ, полемизируетъ противъ парламентовъ, которые старается дискредитировать въ общественномъ мнѣніи, упрекая ихъ въ систематическомъ противодѣйствіи „благодѣтельнымъ мѣропріятіямъ правительства“, направленнымъ къ облегченію податного бремени неимущихъ классовъ, и обвиняя ихъ въ стремленіи сохранить существующій податной режимъ „къ ущербу для народа“ [3]).

При помощи печати правительство старается иногда предать наивозможно широкой гласности тѣ или другіе офиціальные акты, въ цѣляхъ произвести желаемое впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Такъ, въ одномъ случаѣ правительство спѣшитъ опубликовать и распространить постановленіе совѣта, имѣющее, такъ сказать, полемическій характеръ [4]); въ другомъ случаѣ, „г. Неккеръ, для

---

[1]) *Necker,* De l'administration des finances, t. I. Introduction, p. LXXI—LXXII.

[2]) *Edit portant rétablissement de la Cour plénière,* mai 1788: „Ces considérations ont longtemps occupé notre sagesse; *elles doivent convaincre nos peuples, comme elles nous ont convaincu nous-même,* qu'il est nécessaire que les lois communes à tout le royaume soient enregistrées dans une cour qui soit aussi commune à tout le royaume“.—*Isambert,* Recueil général, t. XXVIII, p. 561.

[3]) *Arrêt du Conseil portant supression des délibérations et protestations des cours et autres corps et communautés faites depuis la publication des lois portées au lit de justice du 8 mai dernier,* 28 juin 1788.—*Isambert,* Recueil, t. XXVIII, p. 584—588.

[4]) Характерный образчикъ въ данномъ отношеніи находимъ въ актахъ старшинъ бургонскихъ штатовъ (*Archives départementales de la Côte-d'Or,*

того, чтобы парализовать въ общественномъ мнѣніи вліяніе направленныхъ противъ него памфлетовъ, не преминулъ немедля же напечатать въ *Gazette de France* предвареніе къ послѣдней королевской грамотѣ" [1]).

Иногда правительство прибѣгаетъ къ помощи офиціальной прессы для того, чтобы позондировать общественное мнѣніе касательно той или другой предположенной мѣры. Такъ, подготовляя реформу дорожной повинности, правительство опубликовало составленный, по порученію особой комиссіи, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ея членовъ, интендантомъ Шомонъ-де-ла-Галезьеромъ, трактатъ по этому вопросу—„въ цѣляхъ открыть всѣмъ гражданамъ свободное поле для различныхъ внушенныхъ усердіемъ къ дѣлу соображеній, и возможность свободно высказать свое мнѣніе" [2]). Въ результатѣ было, дѣйствительно, появленіе нѣсколькихъ брошюръ за и противъ офиціальнаго проекта [3]).

Опубликованіе въ 1787 г., по распоряженію Калонна, конфиденціальныхъ докладовъ королю, въ которыхъ министръ ставилъ ребромъ жгучій вопросъ о „реформѣ злоупотребленій", какъ онъ назы-

---

Registres des délibérations des Elus généraux), гдѣ, между прочимъ, указывается случай, когда одно постановленіе королевскаго совѣта (отъ 28-го іюня 1776 г.), направленное противъ этихъ старшинъ, было неожиданно для послѣднихъ опубликовано въ Дижонѣ въ тысячѣ экземпляровъ, „немедленно разосланныхъ по всему королевству".

[1]) *Mémoires secrets,* t. XV, p. 250 (4 août 1780): „M. Necker, pour compenser dans l'esprit du public la mauvaise opinion que les pamphlets répandus contre lui y auraient introduite n'a pas manqué de faire insérer très promptement dans la *Gazette de France* le préambule des dernières lettres patentes".

[2]) Въ парижской Національной библіотекѣ имѣются два экземпляра этого въ настоящее время крайне рѣдкаго изданія: *Mémoire sur les corvées,* 1785, 52 p. in—8. *Bibliothèque nat.,* Lf 93—22. Авторъ одной изъ вызванныхъ этимъ трактатомъ брошюръ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ этотъ шагъ правительства: „Cette sage précaution annonce les vues bienfaisantes du souverain; elle a pour but d'ouvrir à tous les citoyens un champs libre à des observations dictées par le zèle, de leur donner la liberté de dire leur avis".—*Lettre d'un propriétaire a l'auteur de la Réponse au Mémoire sur les corvées,* Londres, 1786.—*Bibliothèque nat.,* Lf 93—24.

[3]) Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи сочиненія, можно отмѣтить: *Réponse au Mémoire sur les corvées,* Londres, 1785, 33 p. in—8, (противъ офиціальнаго проекта); *Des Corvées, nouvel examen de cette question,* s. l. n. d. (Paris, 1787), 82 p. in—8 (въ пользу проекта).—(*Bibliothèque nat.,* Lf 93—23, 25.

валъ привилегіи дворянства и духовенства, было *настоящей апелляціей къ общественному мнѣнію противъ представлявшаго интересы привилегированныхъ сословій собранія нотаблей* [1]).

Однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ явленій въ области офиціальной прессы въ до-революціонной Франціи было опубликованіе министромъ Ломени-де-Бріеннемъ финансоваго отчета въ 1788 г. [2]).

Прибавимъ, что иногда тотъ или другой, по формѣ конфиденціальный актъ, но въ сущности предназначенный для возможно широкаго распространенія, попадалъ въ печать „безъ вѣдома" правительства, хотя, по всей вѣроятности, не безъ благосклоннаго попустительства съ его стороны. Для примѣра можно указать на обширный циркуляръ барона де-Бретейля, статсъ-секретаря королевскаго дома, къ интендантамъ по поводу *lettres de cachet*, отъ 25-го октября 1784 г. Хотя и нѣтъ основаній заподозривать искренность этого документа, но позволительно думать, что онъ былъ писанъ по меньшей мѣрѣ столько же для „публики", сколько и для интендантовъ; объ этомъ ясно говоритъ и стиль и общій тонъ документа, равно какъ и та быстрота, съ какою онъ сдѣлался достояніемъ публики, сначала въ рукописныхъ спискахъ, а затѣмъ и черезъ посредство нецензурной прессы [3]).

VIII.

Что касается *офиціозной прессы*, то уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ правительство дѣлаетъ попытку создать противовѣсъ растущей оппозиціонной прессѣ—въ офиціозной *Gazette de France*. Въ этихъ видахъ правительство пытается расширить кругъ читателей газеты, сдѣлавъ ее болѣе содержательной и интересной. Къ сотрудничеству предполагалось привлечь провинціальныхъ интендантовъ, которые, при помощи своихъ субделегатовъ, должны были со-

---

1) *Jobez*, la France sous Louis XVI, t. III, p. 180.

2) *Compte rendu au Roi, mars 1788*, Paris, 1788.—Это былъ первый случай опубликованія финансоваго отчета со времени знаменитаго *Отчета* Неккера (1781 г.).

3) Текстъ этого любопытнаго документа, сохраненный „секретными мемуарами" Башомона, воспроизведенъ нами цѣликомъ въ *Pièces justificatives*, Nr. 285.

общать редакціи обо всемъ, что случится въ той или другой области интереснаго и заслуживающаго опубликованія [1]).

Правительственная газета, однако, успѣха не имѣла, и изъ указанной попытки ничего не вышло. Впервые серьезнымъ орудіемъ воздѣйствія на общественое мнѣніе официозная пресса сдѣлалась въ рукахъ канцлера Мопу, въ началѣ семидесятыхъ годовъ [2]), въ эпоху предпринятой имъ парламентской реформы [3]). Для того, чтобы парализовать эффектъ, производимый многочисленными, направленными противъ него памфлетами и пасквилями, канцлеръ просто-на-просто сталъ нанимать писателей съ бойкимъ перомъ и покладистой совѣстью, съ тѣмъ, чтобы тѣ отгрызались за него отъ нападающихъ, а при случаѣ и сами переходили въ наступленіе, поражая враговъ министра ихъ же оружіемъ [4]).

Развитіе официозной прессы, вызванное въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV острою борьбою правительства съ парламентами, не прекратилось съ перемѣной короля, хотя и приняло, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нѣсколько иной, такъ сказать, мирный характеръ, такъ какъ первые годы новаго царствованія ознаменованы были господствомъ взаимнаго „довѣрія“ между королемъ и „націей“. Новые министры, Тюрго и Мальзербъ, относив-

---

[1]) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 1—2; *Dumas,* la Généralité de Tours, p. 325—326; *Tocqueville,* l'Ancien régime et la Révolution, p. 100—101.

[2]) Правда, уже въ шестидесятыхъ годахъ „Даламберъ едва поспѣваетъ сообщать Вольтеру названія подкупленныхъ журналовъ и статей, продиктованныхъ въ министерскихъ канцеляріяхъ“ (*Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 131); но позволительно думать, что въ списки Даламбера попало немало и такихъ „статей“ (вѣрнѣе—брошюръ), которыя были результатомъ свободнаго почина писателей противоположнаго „философамъ“ лагеря и къ „министерскимъ канцеляріямъ“ имѣли не болѣе отношенія, чѣмъ и произведенія самого Даламбера. Извѣстно, что оппозиція всегда склонна заподозривать искренность своихъ противниковъ и обвинять ихъ въ корыстномъ подслуживаніи къ правительству.

[3]) *Flammermont,* le Chancelier Maupeou et les Parlements, Paris, 1885.

[4]) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 78 (8 avril 1771): „M. le Chancelier, pour contrebalancer l'effet que pourront produire les divers écrits publiés contre la réformation des Parlements, fait composer d'autres ouvrages en faveur des derniers édits“.—Срв. *Rocquain,* op. cit., p. 291: „Maupeou se défendit par des brochures que rédigeaient des écrivains à ses gages et qui, avant la fin de 1771, dépassèrent le chiffre de cent“.

шіеся съ уваженіемъ къ тому, что они называли „общественнымъ мнѣніемъ" [1]), охотно прибѣгали къ помощи прессы, какъ для предварительнаго освѣдомленія и подготовленія умовъ въ пользу тѣхъ или другихъ подготовлявшихся правительствомъ законодательныхъ мѣръ [2]), такъ равно и для оправданія мѣръ уже приведенныхъ въ исполненіе [3]), наконецъ—для защиты правительственныхъ мѣропріятій противъ нападокъ оппозиціонной прессы [4]).

Съ нарушеніемъ первоначальной гармоніи между правительствомъ и обществомъ, которой была отмѣчена заря новаго царствованія, и съ развитіемъ оппозиціонной прессы, оживаетъ вновь и офиціозная публицистика. Въ 1777 г. мы наблюдаемъ интересную попытку основать, подъ видомъ нецензурнаго, офиціозное періодическое изданіе за границей, подъ заглавіемъ *Analectes politiques*. Изданіе это предназначалось служить яко бы „дополненіемъ", на самомъ же дѣлѣ—„противоядіемъ" противъ издававшагося за границей эмигрантомъ Linguet довольно ядовитаго журнала *Annales politiques* [5]).

---

1) См. выше, стр. 130.

2) *Mémoires secrets,* t. IX (24 fevrier 1776): „...la cabale opposée à M. Turgot s'y est encore distinguée: on a dénoncé un ouvrage produit sous les auspices de ce ministre, et *tendant à éclairer les esprits, à les disposer à une nouvelle loi qu'il voudrait établir:* il a pour titre les Inconvénients des droits féodaux". Дѣло идетъ объ извѣстномъ трактатѣ Бонсера, одного изъ друзей и единомышленниковъ Тюрго.—Сравн. ibidem. t. VIII, p. 47 (23 mai 1775): „On parle beaucoup des *Remontrances de la Cour des aides,* concertées entre M. Turgot et M. de Malesherbes, et dont l'objet est de donner ouverture aux projets du premier relativement à la finance et à son amélioration, mais surtout à la réforme des abus".

3) Такъ, парижскій хроникеръ отмѣчаетъ въ іюлѣ 1776 г. появленіе брошюры подъ заглавіемъ *Lettre d'un cultivateur de province à un citoyen de Paris,* представляющей собою „апологію операцій Тюрго и Сенъ-Жермэна". Врядъ ли брошюра эта появилась безъ вѣдома и даже безъ извѣстнаго участія заинтересованныхъ министровъ.—*Mémoires secrets,* t. IX, p. 162 (12 juillet 1776).

4) Таковъ принадлежащій перу Кондорсэ, друга Тюрго, анонимный памфлетъ, вышедшій въ 1776 г. въ отвѣтъ на сочиненіе Неккера о хлѣбной торговлѣ, и въ защиту политики Тюрго, стремившагося къ освобожденію хлѣбной торговли отъ всякихъ стѣсненій: *Lettre d'un laboureur de Picardie à M. N...* (Necker), *auteur prohibitif à Paris,* Paris, 1775. Хотя и помѣченная 1775 годомъ, брошюра эта появилась въ публикѣ лишь въ апрѣлѣ 1776 г.—*Jobez,* la France sous Louis XVI, Paris, 1877, p. 483; *Quérard,* op. cit., t II, p. 269.

5) *Mémoires secrets,* t. X, p. 195 (10 août 1777); „Un anonyme, pour faire

Въ 1778 г. директоръ главнаго управленія по дѣламъ печати ведетъ, въ формѣ анонимныхъ брошюръ, оживленную полемику съ анонимными авторами направленныхъ противъ него, какъ виновника изданныхъ въ 1777 г. королевскимъ совѣтомъ постановленій касательно печати [1]).

Генералъ-контролеръ де-Калоннъ оживилъ въ восьмидесятыхъ годахъ традиціи канцлера Мопу по части наемной прессы. Молва, циркулировавшая въ парижскихъ салонахъ, называла въ числѣ писателей, продавшихъ будто бы министру свое перо, графа Мирабо [2]). Когда въ 1784 г. былъ напечатанъ, не смотря на принятыя противъ этого де-Калонномъ мѣры, трактъ Неккера о французскихъ финансахъ, заключавшій въ себѣ довольно прозрачную критику финансоваго управленія де-Калонна, то, сообщая объ этомъ, современный хроникеръ прибавляетъ: „Г. де-Калоннъ, безъ сомнѣнія, найдетъ себя вынужденнымъ выступить съ своей стороны въ печати. *Скоро необходимо будетъ быть профессіональнымъ писателемъ, для того*

---

sa cour, sans doute, au ministère de France, propose par souscription des *Analectes politiques, civiles et littéraires,* pour servir de supplément aux *Annales* de M. Linguet... Ce supplément, ainsi qu'on le conjecture aisément, est un prétendu contrepoison imaginé pour guérir des morsures du journaliste".

[1]) *Mémoires secrets,* t. XI, p. 79 (30 janvier 1778): „On parle d'une réponse que M. Camus de Neville a fait faire à la Lettre à un Ami, pour défendre les arrêts du Conseil".—Ibidem, p. 85 (3 février 1778): Seconde lettre à un Ami sur les affaires actuelles de la librairie.—Ibidem, p. 137 (8 mars 1778): „Il paraît une Troisième lettre à un Ami concernant les affaires de la librairie".—Сравн. Ibidem, t. X, p. 273 (8 novembre 1777); p. 314 (18 décembre 1777); t. XI, p. 67 (20 janvier 1778); p. 71 (24 janvier 1778); p. 83 (2 février 1778); t. XIII, p. 314 (15 mars 1779); t. XIV, p. 101—103 (30 juin—1 juillet 1779).—Въ 1788 г. директоръ отдѣла промышленности въ генеральномъ контролѣ (intendant du commerce) Дюпонъ полемизируетъ, въ формѣ анонимной брошюры, противъ опубликованной руанской торговой палатой записки касательно заключеннаго съ Англіей въ 1786 г. торговаго договора, какъ причины упадка нѣкоторыхъ видовъ мѣстной промышленности.—*Dupont,* Lettre à la chambre du commerce de Normandie sur le Mémoire qu'elle a publié relativement au traité de commerce avec l'Angleterre, Paris, 1788.—*Levasseur,* Histoire des classes ouvrières, Paris, 1901, t. II, p. 564.

[2]) *Mémoires secrets,* t. XXIX, p. 105 (6 juillet 1785): „Il paraît que M. le comte de Mirabeau a vendu absolument sa plume au ministre des finances; on en juge par la nature des ouvrages qui l'occupent aujourd'hui et qu'il avoue lui-même être hors de son genre".

чтобы занимать мѣсто въ администраціи [1]). Де-Калоннъ, дѣйствительно, „нашелъ себя вынужденнымъ" выступить на свою защиту съ тѣмъ же оружіемъ печатнаго слова, сначала анонимно, а также при помощи чужихъ, частью доброхотныхъ, частью оплаченныхъ перьевъ, а со времени созыва натаблей въ 1787 г. онъ вступаетъ уже въ открытую печатную полемику съ Неккеромъ [2]), которая, послѣ отставки перваго въ апрѣлѣ 1787 г., пріобрѣтаетъ еще болѣе ожесточенный характеръ, при чемъ попутно бывшій министръ обращается и „къ королю", и „къ націямъ", и „къ публикѣ", стараясь оправдать „свою администрацію" и, насколько возможно, дискредитировать въ общественномъ мнѣніи своихъ противниковъ съ Неккеромъ во главѣ [3]).

Впрочемъ личное участіе министровъ въ печатной полемикѣ не является особенной неожиданностью послѣ того, что старшій братъ короля (и самъ будущій король) записался въ число публицистовъ,

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII (1 janvier 1785): „*Considérations sur les finances de la France,* par M. Necker... M. de Calonne se verra sans doute forcé d'écrire de son côté. *Bientôt il faudra être homme de lettres, auteur, pour entrer dans l'administration*".

[2]) Lettre de M. Necker à M. le Calonne, au sujet du future discours de celui-ci à l'Assemblée de Notables, 29 janvier 1787; Réponse de M. de Calonne à M. Necker. 30 janvier 1787; Lettre de M Necker à M. de Calonne, 7 février 1787; Billet de M. de Calonne à M. Necker. en lui envoyant un exemplaire de son discours aux Notables, 28 février 1787; Lettre de M. Necker au roi en lui envoyant une copie de sa correspondance avec M. de Calonne, 6 mars 1787.

[3]) Requête au Roi. Londres. 1787; Réponse de M. de Calonne à l'écrit de M. Necker. publié en avril 1787, contenant l'examen des comptes de la situation des finances rendus en 1774, 1776, 1783 et 1787, Londres, 1788; Compte rendu aux Nations, Dresde, 1788, Motif pour différer jusqu'à l'assemblée des Etats généraux la réfutation du nouvel écrit que M. Necker vient de publier, 1789; Note sur le Mémoire remis par M Necker au Comité des subsistances, Londres, 1789; Lettre adressée au Roi, par M. de Calonne, le 9 février 1789; Londres, s. d.; Seconde lettre au roi, 5 avril 1789; Lettre de M. de Calonne à l'évêque de Blois sur le cahier de Madon, 1789.—*Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 228 (8 février 1788): „Le nouveau mémoire de M. de Calonne commence à se répandre. Il traine M. Necker dans la boue et l'accuse d'avoir menti effrontement dans son *Compte rendu*". Ibidem, p. 230 (16 février 1788): „Le dernier mémoire de M. de Calonne a fait beaucoup de sensation et augmenté le nombre de ses partisans".—*Quérard,* la France littéraire, t. II, p. 25—26; *Young,* Voyages en France, t. I, p. 114. — *Bibliothèque nat.,* Lb 39/347; 39/1489; 39/1836.

сочинялъ памфлеты противъ министровъ короля и занимался распространеніемъ ихъ на ряду съ другими авторами произведеній нелегальной прессы [1]).

Въ эпоху второй „парламентской революціи", въ 1788 г., правительство, въ лицѣ министровъ Ломени-де-Бріенна и де-Ламуаньона, снова дѣлаетъ попытку — и отчасти не безъ успѣха — оживить традиціи канцлера Мопу, противопоставивъ, при помощи цѣлой фаланги „наемныхъ пасквилянтовъ", потоку противоправительственныхъ памфлетовъ парламентской партіи цѣлую литературу (также нелегальную по виду) контръ-памфлетовъ и контръ-пасквилей [2]), направленныхъ къ оправданію правительства и ошельмованію парламентской магустратуры въ глазахъ общественнаго мнѣнія [3]), а также, если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ современниковъ, — къ поддержанію притязаній третьяго сословія противъ дворянства, привилегіи котораго находили себѣ энергичную поддержку въ парламентской магистратурѣ [4]). При этомъ правительство не скупилось

---

[1]) По словамъ Сулави, графъ Провансскій былъ авторомъ памфлета *Songe de M. de Maurepas,* одного изъ многочисленныхъ произведеній нелегальной прессы, направленныхъ противъ Тюрго и отчасти способствовавшихъ его паденію. — *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. III, p 107—127) (анализъ содержанія этого памфлета).—Въ 1774 г., когда былъ поднятъ вопросъ о возстановленіи парламентовъ, графъ Провансскій выступилъ противъ предположеннаго возстановленія въ анонимной брошюрѣ подъ заглавіемъ *Mes idées.*—*Floquet,* op. cit., t. VII, p. 5.—Сравн *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 213: „4 octobre 1783. Dans le *Journal de Paris* du 3 octobre il y a une lettre assez gaie qu'on attribue à Monsieur".

[2]) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 270 (5 juillet 178?): „On publie un arrêt du conseil qui casse et annule les arrêtés pris par les corps et communautés. C'est une maladresse, et une autre plus grande est celle d'autoriser le débit de toutes les ordures littéraires *des libellistes stipendiés qui écrivent sur les affaires actuelles en faveur de l'administration".*

[3]) Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ, формулированныхъ въ засѣданіи парижскаго парламента 25 сентября 1787 г. однимъ изъ присутствовавшихъ членовъ противъ бывшихъ министровъ Ломени-де-Бріенна и де-Ламуаньона, фигурируетъ между прочимъ (пунктъ 8) обвиненіе ихъ въ *„tentatives pour s'emparer de l'opinion du peuple en protégeant des écrits scandaleux et séditieux contre les magistrats".*—*Brette,* Recueil de document, t. I, p. 30.—Сравн. *Floquet,* Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 320—321, 445; *Sallier,* Annales françaises, Paris, 1813, p. 188—189; *Weber,* Mémoires, t. I, p. 228, 238.

[4]) *Weber,* Mémoires, t. I, p. 238: „Loménie de Brienne... conçut, dès ce

—если вѣрить современному хроникеру—на „гонораръ“, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ извѣстнымъ „перомъ“ [1]).

Въ числѣ этихъ „наемныхъ пасквилянтовъ“ различные современники называютъ графа Мирабо, аббата Мореллэ, адвоката Лэнгэ, Ривароля [2]), Вольнея [3]), Мангури [4]), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были будто бы командированы въ различныя области (Вольней въ Бретань, Мирабо—въ Провансъ) для организаціи на мѣстѣ офиціозно-революціонной прессы [5]).

---

moment (mai 1788), l'idée de soulever le tiers contre les deux premiers ordres et d'en faire un rempart autour du trône... Il employa dès lors toute son influence à susciter les prétentions du tiers contre l'ordre de la noblesse, et les principaux dépositaires de l'autorité du gouvernement eurent l'ordre de diriger les esprits vers ce mouvement et de former une alliance entre le peuple et la couronne“ (цит. по *Granier de Cassagnac,* Histoire des causes de la Révolution, t. II, p 391 et suiv.).—*Bouillé,* Mémoires, t. I, p. 75: „*Des écrivains connus par leurs talents, par leur esprit factieux et révolutionnaire, furent envoyés dans les provinces* pour enflammer le peuple, par leurs discours et leurs écrits... A cet effet, Mirabeau fut en Provence, Volney fut en Anjou et en Bretagne; d'autres, moins connus, se répandirent dans différentes provinces. Paris était inondé d'écrits incendiaires et révolutionnaires, tolérés par le gouvernement, et dont les auteurs étaient ouvertement protégés“ (ibidem).—*Sallier,* Annales françaises, Paris, 1813, p. 189: „Dès lors (1788) jusqu'à l'ouverture des Etats généraux, on va voir le roi sur la même ligne que les factieux, professer leurs principes, corrompre l'opinion publique et appeler le peuple à la sédition“.

1) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 272 (6 juillet 1788): „L'abbé Morellet s'est jeté dans la mêlée des combattants du parti royaliste: il a écrit un petit pamphlet de quelques pages, et ce dévouement héroïque lui a valu un bénéfice de 18.000 livres de rente“.

2) Въ вышедшемъ въ это время противоправительственномъ памфлетѣ въ формѣ комедіи, *la Cour plénière,* въ уста министра Ломени-де Бріенна влагаются между прочимъ слѣдующія слова: „J'ai fait recrue des plus beaux esprits du siècle. Linguet, Rivarol, et le banal Mirabeau ont reçu des arrhes“ (цит. по *Granier de Cassagnac,* Histoire des causes de la Révolution, t. II, p. 301 et suiv).

3) См. черезъ два примѣчанія выше.

4) Mangourit, lieutenant criminel au présidial de Rennes, издатель газеты *le Hérault le la Nation,* которой, по рукописному заявленію самого издателя, „покровительствовали министры Бріеннъ и Ламуаньонъ“. Идейная программа изданія формулируется издателемъ въ видѣ слѣдующихъ положеній: „point d'ordres privilégiés, plus de parlements, la Nation et le Roi“. *Quérard,* op. cit, t. V, p. 491—492.

5) См. черезъ четыре примѣчанія выше.

IX.

Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ симптомовъ прогрессивнаго роста общественнаго мнѣнія и его могущества во Франціи является постепенная эманципація „города“ отъ „двора“, Парижа отъ Версаля. При Людовикѣ XIV „дворъ“ даетъ тонъ „городу“, который почтительно и внимательно прислушивается къ его голосу. Дворъ является высшимъ образцомъ и критеріемъ по части „вкуса“, модъ, нравовъ, даже идей. Во всемъ этомъ Версаль задаетъ тонъ Парижу, и „городъ“ съ почтительнымъ вниманіемъ прислушивается къ камертону „двора“. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ первый постепенно эманципируется отъ этого моральнаго и интеллектуальнаго холопства передъ послѣднимъ. Престижъ двора настолько же падаетъ, насколько возрастаетъ вліяніе „города“. При Людовикѣ XVI и уже въ послѣдніе годы предыдущаго царствованія „дворъ“, по словамъ Сенакъ-де-Мейльяна, не имѣлъ болѣе прежняго престижа въ глазахъ „города“, бывшаго когда-то слѣпымъ подражателемъ тона и маперъ двора [1]). „Слово *дворъ*—говоритъ другой современникъ, Мерсье—не импонируетъ болѣе намъ, какъ бывало во времена Людовика XIV. Не отъ двора уже исходятъ господствующія мнѣнія, не онъ создаетъ репутаціи въ какой бы то ни было области. Теперь ужъ не услышишь болѣе этой смѣхотворно-напыщенной фразы: *такъ высказался дворъ!* Приговоры двора кассируются...“ [2]).

Престижъ двора настолько падаетъ, престижъ „города“, диктующаго „господствующія мнѣнія“, настолько возрастаетъ, что Парижъ и Версаль какъ бы мѣняются ролями. Теперь уже не „дворъ“ даетъ тонъ „городу“, а наоборотъ. Теперь уже не послѣдній прислушивается къ тому, какъ „высказался дворъ“ въ томъ или другомъ случаѣ, а уже дворъ „съ большимъ вниманіемъ прислушивается къ рѣчамъ парижанъ“. „Что говорятъ лягушки?—задаютъ часто другъ другу вопросъ принцы. И когда лягушки хлопаютъ въ ладоши при ихъ появленіи въ театрѣ или по дорогѣ къ св. Женевьевѣ, они очень довольны. Иногда ихъ наказываютъ молчаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, по тому, какъ держитъ себя народъ при ихъ появленіи, они имѣютъ возможность угадывать, каково его настроеніе на ихъ

1) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 88.

2) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153.

счетъ. Общественное ликованіе, или же, наоборотъ—равнодушіе, слишкомъ замѣтны. Увѣряютъ, что они очень чувствительны къ пріему, какой имъ оказываетъ столица, потому что они чувствуютъ смутно, что въ этой людской массѣ есть и здравый смыслъ, и умъ, есть и люди, способные дать оцѣнку и имъ и ихъ дѣйствіямъ, а эти люди оказываютъ какимъ-то образомъ рѣшающее вліяніе на сужденія массы" [1]. *„При Людовикѣ XIV дворъ былъ образованнѣе города; теперь городъ образованнѣе двора.* Идеи того и другого рѣдко сходятся... *Относительно многихъ вопросовъ дворъ хранитъ молчаніе, не только изъ осторожности, но также и изъ робости.* Городъ говоритъ обо всемъ безъ умолку и самымъ увѣреннымъ тономъ... Городъ, гдѣ сосредоточены вся образованность, всевозможныя искусства и знанія, сила которыхъ увеличивается отъ ихъ соединенія, рѣшаетъ смѣло, потому что чувствуетъ свою силу, и къ тому же онъ болѣе увѣренъ въ своемъ выдержавшемъ столько испытаній тактѣ. Дворъ, съ своей стороны, смутно сознаетъ, что ему не хватаетъ многихъ данныхъ для того, чтобы настоять на своемъ мнѣніи. Словомъ, дворъ потерялъ свое былое вліяніе на искусства, на литературу и на все, что относится къ этой области. Въ прошломъ вѣкѣ ссылались на мнѣніе придворнаго барина, принца, и никто не осмѣливался возражать" [2]. Теперь, наоборотъ, дѣло дошло до того, что „дворъ не осмѣливается высказаться категорически о какой-либо новой книгѣ, театральной пьесѣ, произведеніи искусства, наконецъ—просто о какомъ-либо выдающемся событіи: онъ ожидаетъ приговора столицы, о которомъ онъ тщательно заранѣе освѣдомляется, чтобы не скомпрометировать свой приговоръ, который бы потомъ могъ подвергнуться кассаціи" [3]. Дѣйствительно, какъ пишетъ г-жа де-Сталь въ 1786 г., „Парижъ, со своимъ республиканскимъ духомъ, обыкновенно апплодируетъ пьесамъ, провалившимся при дворѣ" [4], и наоборотъ—успѣхъ пьесы на придворной сценѣ обыкновенно плохое предзнаменованіе для нея въ „городѣ" [5].

---

1) *Mercier,* Tableau de Paris, t. I, p. 37.

2) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153—154.

3) *Mercier,* Tableau de Paris, t. IV, p. 153—154.

4) „Paris, avec son esprit républicain, applaudit ordinairement ce qui est tombé à Fontainebleau" (Lettre de M-me de Staël, du 17 semptembre 1786, цит. по *Taine,* les Origines, t. I, p. 416).

5) *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 237 и слѣд. (глава о *публикѣ, театральной цензурѣ и актерахъ*).—Сравн. *Tilly,* Mé-

Что касается министровъ, то вмѣсто, того, чтобы стараться подчинить „городъ“ „двору“, они сами идутъ навстрѣчу „мнѣніямъ, господствующимъ во вліятельныхъ общественныхъ кружкахъ, которые являются верховными вершителями репутацій“, и въ частности —репутацій государственныхъ людей [1]).

Мало того, въ эту пору даже придворные, по выраженію одного изъ ихъ среды, „фрондировали версальскія власти и ухаживали за властями *Энциклопедіи*“ [2]). Что это не пустая фраза, показываетъ хотя бы случай, имѣвшій мѣсто въ 1770 г., когда герцогъ де-Шуазель подвергся королевской опалѣ. Сосланнаго въ свое имѣніе министра демонстративно, цѣлой гурьбой, навѣщаютъ представители высшей знати, такъ что замокъ опальнаго министра превращается въ настоящій маленькій дворъ, такъ сказать въ анти-Версаль [3]). Подобная же исторія повторяется одиннадцать лѣтъ спустя съ другимъ опальнымъ министромъ, Неккеромъ. Его „отель“ въ Сентъ-Уанѣ, близъ Парижа, послѣ его отставки, буквально осаждается представителями „лучшаго“ парижскаго и версальскаго общества, „носителями наиболѣе уважаемыхъ во Франціи именъ“ [4]).

X.

Самъ собою однако напрашивается вопросъ: какимъ образомъ общественное мнѣніе могло получить подобную силу въ такомъ обществѣ, которое было лишено легальной свободы публичнаго слова, какъ печатнаго, такъ и устнаго? Разсуждая *a priori*, можно даже прійти къ категорическому отрицанію самаго существованія общественнаго мнѣнія во Франціи въ изучаемую нами эпоху, какъ это, дѣйствительно, и дѣлаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ: въ старой Франціи не было свободы публичнаго слова, слѣдовательно

---

moires, éd. Barrière, Paris, 1862, p. 233: „En opposition au sentiment de la reine, il (de Hénin) s'était prononcé à Fontainebleau en faveur de je ne sais quelle pièce qui tomba à plat.—Eh bien! M. de Henin, votre pièce est tombée.—Oui, Madame, à la cour: c'est pour cela qu'elle réussira à Paris“.

1) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 88.

2) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 97: „Jamais, il n'y eut à la cour plus de magnificence, de vanité et moins de pouvoir. On frondait les puissances de Versailles, et on faisait sa cour à celles de *l'Encyclopédie*“.

3) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la Révolution, p. 29.

4) *Bersot*, Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 85—86.

въ ней не могло быть и общественнаго мнѣнія [1]). Такое апріорное сужденіе не выдерживаетъ, какъ мы видѣли, очной ставки съ исторической дѣйствительностью, которая предъявляетъ намъ фактъ, отрицаемый этимъ сужденіемъ. Ясно, что посылки, на которыхъ основывается приведенное заключеніе, нуждаются въ провѣркѣ. Попробуемъ произвести эту провѣрку.

Вѣрно ли, что свобода публичнаго слова есть -какъ утверждаетъ вторая (подразумѣваемая) посылка приведеннаго силлогизма—необходимое условіе существованія общественнаго мнѣнія? Это было бы конечно такъ, если бы то̀, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, было продуктовъ, изготовляемымъ въ типографіяхъ и публичныхъ залахъ, а не чѣмъ-то гораздо болѣе сложнымъ по своему происхожденію и болѣе деликатнымъ по своей природѣ. Намъ кажется, что то̀, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ, слагается, въ томъ или иномъ сочетаніи, изъ индивидуальныхъ „мнѣній" отдѣльныхъ людей [2]). Но что такое представляютъ собою эти индивидуальныя мнѣнія? Это – въ высшей степени сложный продуктъ того, что можно назвать *воспитаніемъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, разумѣя подъ нимъ *совокупность всѣхъ факторовъ, участвующихъ въ выработкѣ міросозерцанія каждаго отдѣльнаго индивидуума.* То, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ, вырабатывается, быть можетъ, не столько въ редакціяхъ газетъ и журналовъ и въ разныхъ публичныхъ собраніяхъ, сколько въ семьѣ и школѣ, у домашняго очага, въ тиши рабочаго кабинета, наконецъ —въ пріятельской бесѣдѣ и повседневномъ разговорѣ. *Разговоръ*, этотъ простой, повседневный, непринужденный, не стѣсняемый никакой цензурой обмѣнъ свѣдѣній, наблюденій, мнѣній, возраженій и т. д., между приходящими въ непосредственное повседневное или случайное соприкосновеніе людьми, интересующимися и способными интересоваться чѣмъ-либо кромѣ чисто „дѣловыхъ" вопросовъ и связанныхъ съ мелкою „борьбою за существованіе" интересовъ,—не есть ли, въ концѣ концовъ, такой „разговоръ"—могущественный и, во всякомъ случаѣ, выражаясь словами Тарда, „наиболѣе постоянный и наиболѣе универсальный факторъ общественнаго мнѣнія"? [3]). Иногда общественное мнѣніе

[1]) Такова, напримѣръ, точка зрѣнія авторовъ введенія къ *Archives parlementaires.*

[2]) Сравн. опредѣленіе, даваемое Тардомъ (см. выше, стр. 126, прим. 3).

[3]) „Le facteur de l'opinion... le plus continu et le plus universel... la con-

есть, быть можетъ, не столько то, что печатается во всеобщее свѣдѣніе или говорится публично, сколько то, что высказывается въ дружеской бесѣдѣ; а подчасъ, это, быть можетъ, не столько то, что говорятъ, сколько то, о чемъ молчатъ. „Мнѣніе", хотя бы и не высказанное публично, но составляющее достояніе болѣе или менѣе многочисленныхъ членовъ даннаго общества, уже представляетъ собою важный элементъ общественнаго мнѣнія, хотя и въ скрытомъ состояніи.

Спрашивается однако, можетъ ли такое „скрытое" общественное мнѣніе обнаружиться безъ помощи публичнаго слова? Отчего же нѣтъ? Развѣ индивидуальное мнѣніе не можетъ выражаться сплошь да рядомъ и помимо слова—въ жестахъ, въ мимикѣ, въ игрѣ физіономіи? Но своего рода физіономія вѣдь есть и у общества, какъ есть у него и своего рода мимика и жесты, при помощи которыхъ оно точно такъ же можетъ и безъ словъ вполнѣ удобопонятно выражать свое настроеніе, свое отношеніе къ тому или другому событію, къ тому или другому лицу,—словомъ высказывать свое „мнѣніе". Аплодисменты театральнаго зала, подчеркивающіе ту или другую сцену, ту или другую фразу, заключающія въ себѣ намекъ на то или другое современное событіе или лицо, шумно-восторженный или же, напротивъ, мрачно-молчаливый пріемъ, оказанный „публикой" на улицѣ, на площади, въ публичномъ собраніи—королю, министру или какому-либо другому общественному дѣятелю,—развѣ все это не достаточно выразительная „общественная мимика"? Извѣстно, что нѣмые достигаютъ поразительной виртуозности въ языкѣ жестовъ и мимики; подобной же виртуозности можетъ достигнуть въ дѣлѣ „общественной мимики", общество, лишенное свободы публичнаго слова. Французское общество до революціи представляетъ собою наглядную и яркую иллюстрацію подробнаго явленія. Въ 1762 г. одинъ изъ придворныхъ аристократовъ, Брольи, подвергся королевской опалѣ и былъ сосланъ, въ силу *lettre de cachet*, „въ свои земли". На другой день идетъ въ театрѣ *Танкредъ* Вольтера. Лишь только артистка, исполнявшая роль Аменаиды, начала декламировать жалобу героини на изгнаніе Танкреда, имя Брольи мгновенно пролетѣло изъ устъ въ уста по зрительному залу, и бурные аплодисменты прервали монологъ. На слѣдующій день *Танкредъ* былъ

—

versation".—*Tarde*, l'Opinion et la Conversation" (*Revue de Paris*, 1899, t. IV, p. 702—703).

снятъ съ репертуара по распоряженію правительства [1]). Когда въ эпоху „парламентской революціи" Мопу [2]) какъ-то шла въ театрѣ комедія Расина *les Plaideurs*, театральный залъ разразился аплодисментами послѣ фразы одного изъ героевъ: „у насъ нѣтъ ни одного адвоката", и тѣмъ выразилъ свое отрицательное отношеніе къ непопулярной мѣрѣ канцлера Мопу [3]). Пьесу хотѣли запретить, подобно *Танкреду*.

Особенно типиченъ въ данномъ отношеніи спектакль, имѣвшій мѣсто во Французскомъ театрѣ 20-го мая 1781 г., когда въ Парижѣ только-что разнеслась вѣсть объ отставкѣ Неккера [4]). Пьеса *une Partie de chasse de Henri IV*, по случайному совпаденію, какъ нельзя болѣе подходила къ волновавшей общество злобѣ дня: дѣло шло объ опалѣ герцога Сюлли, оклеветаннаго передъ королемъ придворными интриганами. Спектакль превратился въ сплошную и шумную манифестацію единодушныхъ симпатій по адресу подвергшагося наканунѣ опалѣ министра. „Каждый аплодисментъ, казалось, отличался особымъ характеромъ, какъ бы выражая различные оттѣнки чувства, одушевлявшаго публику. Это были аплодисменты сожалѣнія и печали, благодарности и уваженія, и всѣ эти чувства были до такой степени искренни, правдивы, такъ ярко выражены, что самое слово не могло сообщить имъ болѣе живого выраженія... Какимъ взрывомъ рукоплесканій встрѣченъ былъ отвѣтъ герцога Белльгарда лицамъ, дерзающимъ клеветать на государственнаго человѣка, котораго они считаютъ въ опалѣ! „Извольте говорить съ почтеніемъ о великомъ министрѣ!..." Съ какимъ захватывающимъ волненіемъ привѣтствовала публика моментъ, когда Белльгардъ опровергаетъ слухъ объ отставкѣ... Съ какимъ мрачнымъ молчаніемъ внимали зрители фразѣ герцога Сюлли, которую раньше всегда покрывали аплодисменты: „Ваше Величество, со всякимъ другимъ государемъ, кромѣ васъ, я считалъ бы себя погибшимъ". Сколько слезъ смѣшалось съ рукоплесканіями, съ особенною силой подчеркнувшими столь правдивое восклицаніе Генриха, послѣ того какъ онъ раскрылъ интригу: „Жестокіе люди! какъ они меня об-

---

[1]) *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 322; *Mémoires secrets*, t. I (20 février 1762).

[2]) Уничтоженіе парламентовъ въ 1771—1772 гг.

[3]) Въ видѣ протеста противъ нея, адвокаты забастовали.—*Ивановъ*, тамъ же стр. 323.

[4]) Имѣвшей мѣсто наканунѣ.

манули!..“ „При этихъ словахъ—говоритъ другой очевидецъ—изъ партера раздался чей-то возгласъ: *да, да, да,* вмигъ подхваченный тысячью голосовъ“. „Какой ропотъ негодованія пробѣжалъ по залѣ при упоминаніи о подпольныхъ пасквиляхъ, которыми пытались погубить доблестнаго мужа въ глазахъ короля. Не было пропущено ни единаго слова, которое могло служить для публики поводомъ къ выраженію своихъ чувствъ къ Неккеру“. Манифестація вышла слишкомъ выразительной, чтобы пройти не замѣченной, кѣмъ слѣдуетъ; у организаторовъ спектакля потребовали объясненій, но оказалось, что пьеса стояла въ репертуарѣ за недѣлю до представленія, и послѣднее не могло, слѣдовательно, быть преднамѣреннымъ въ смыслѣ происшедшей манифестаціи. Тѣмъ не менѣе, прессѣ было запрещено что-либо печатать по этому поводу [1].

Такимъ образомъ, поведеніе театральной публики было для правительства, какъ для всѣхъ и каждаго, однимъ изъ хорошихъ способовъ освѣдомленія относительно настроенія общественнаго мнѣнія [2]). Приведенные примѣры, дѣйствительно, показываютъ, что истинный смыслъ театральныхъ манифестацій не ускользалъ отъ того, кому это интересно было знать.

Что и внѣ театральнаго зала „публика“ умѣла, гдѣ находила нужнымъ, выразить безъ словъ свое „мнѣніе“, нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить слѣдующій передаваемый современникомъ случай, связанный также съ именемъ Неккера. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своей отставки Неккеръ появился на художественной выставкѣ въ Луврѣ. „Какъ только его замѣтили—разсказываетъ современникъ—, всѣ картины были забыты, и всѣ лица повернулись въ его сторону. Минута почтительнаго молчанія, потомъ—взрывъ энтузіазма. Кто-то произнесъ: „вотъ —возстановитель финансовъ; да здравствуетъ Неккеръ!“ Раздались аплодисменты и сочув-

---

[1]) *Correspondance littéraire,* t. XIII. 511—512.—*Correspondance secrète,* t. IX, p. 280.—*Mémoires secrets,* t. XVII (23 mai 1781).—Цитаты и переводъ ихъ заимствуемъ (съ незначительными стилистическими измѣненіями) у *Иванова,* Политическая роль французскаго театра, стр. 524—525.

[2]) Говоря о подобныхъ манифестаціяхъ, авторъ „литературной корреспонденціи“ замѣчаетъ: „après tout, loin de nuire, ne servent-elles pas à éclairer le gouvernement sur l'opinion du peuple?“—*Correspondance littéraire,* t. X, p. 398 (цит. по *Иванову,* стр. 313).

ственные возгласы. Неккеръ нашелъ себя вынужденнымъ удалиться изъ Лувра, при чемъ столпившаяся публика—болѣе двухъ тысячъ человѣкъ--проводила его до экипажа. „За недѣлю передъ тѣмъ—прибавляетъ хроникеръ—всѣ министры посѣтили выставку вмѣстѣ, и никто не подумалъ даже шляпы снять передъ ними" [1]).

Насколько хорошо умѣли понимать лица, которыхъ это касалось, подобныя проявленія „общественной мимики", можно судить хотя бы по тому, что какъ-то, въ 1785 г., стоило Маріи-Антуанетѣ сдѣлать небольшую прогулку по Парижу, чтобы тотчасъ же замѣтить происшедшее въ публикѣ охлажденіе къ своей особѣ [2]).

XI.

Что касается *разговора*, то при той высокой степени развитія „вкуса къ обществу" (goût de la société) и „общительности" (esprit de société), какую мы наблюдаемъ во Франціи восемнадцатаго столѣтія [3]), онъ становится могучимъ орудіемъ обмѣна свѣдѣній и мыслей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выработки общественныхъ идей и настроеній,—орудіемъ зачастую болѣе могучимъ, чѣмъ печатная книга или газета, принужденныя считаться съ аргусомъ цензуры, отъ бдительности котораго, наоборотъ, совершенно ускользала свободная „непечатная пресса" живого тысячеустаго „разговора". *„Непечатная проза" повседневнаго разговора пріобрѣтаетъ особенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ часть ея, очищенная отъ мелкихъ будничныхъ интересовъ и повседневныхъ дѣловыхъ отношеній, сдѣлалась предметомъ спеціальной культуры—въ салонахъ.* Салонная жизнь, эта характерная особенность французской общественности семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, возникшая изъ сочетанія придворной культуры и культуры городской (точнѣе—парижской), является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ продуктовъ и вмѣстѣ—однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ той французской „общительности" и того

---

1) *Correspondance cecrête, politique et littéraire,* t. XII, p. 64 (21 septembre 1781).

2) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (8 juin 1785): „Pendant le dernier voyage de la reine à Paris, le peuple a montré si peu d'empressement que cette princesse, dont le coeur est si bon, en a été affectée, et qu'elle a dit avec douleur, en rentrant à Tuileries: „Mais que leur ai-je donc fait?"—Сравн. выше, стр. 160.

3) См. объ этомъ *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 120—127.

„вкуса къ обществу“, которые составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей французской культуры XVII—XVIII вѣковъ. Именно, въ *салонной жизни* находитъ себѣ наиболѣе полное удовлетвореніе „вкусъ къ обществу“, а „общительность“ находитъ свое наиболѣе совершенное выраженіе въ *салонномъ разговорѣ (conversation, causerie)*. Съ развитіемъ салонной жизни, естественно, возрастаетъ и значеніе разговора, какъ фактора общественнаго мнѣнія [1]). *Разговоръ*, сдѣлавшійся почвою для культурнаго сближенія между различными слоями образованнаго общества, въ особенности между представителями аристократіи—съ одной стороны, и представителями литературы—съ другой, сходившимися въ салонахъ на равную ногу [2]), становится настоящимъ *занятіемъ*, серьезнымъ дѣломъ для тогдашняго образованнаго общества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественнаго мнѣнія. *Разговоръ получаетъ значеніе важной общественной функціи, средоточіемъ которой являются салоны.* Послѣдніе становятся настоящими очагами разговора, и число этихъ очаговъ постоянно возрастаетъ. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, на ряду съ салонами традиціоннаго типа, группирующимися вокругъ той или другой femme d'esprit—будь то grande dame изъ высшей аристократіи [3]) или изъ финан-

---

[1]) *De Barante*, op. cit., p. 313: „Par le progrès des moeurs, la société et la conversation avaient acquis une grande influence. Le plaisir de communiquer ses idées à mesure qu'elles naissent, de leur donner plus de rapidité, et de jouir plus vite et plus complètement de leur effet, avaient propagé ce mode de communication. Les journaux mirent la conversation en commun entre milliers d'hommes“.—Сравн. *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XV, p. 3 (23 juillet 1783); *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 98; *M-me de Genlis*, Dictionnaire critique et raissonné des étiquettes de la cour, etc., t. I, p. 82; *Mercier*, Tableau de Paris, t. VI, p. 185; *Lescure*, Rivarol et la Société française, p. 328.

[2]) Именно, въ салонахъ главнымъ образомъ происходило то „постоянное треніе между различными соціальными слоями“, которое, по выраженію Сенакъ-де-Мейльяна, „сглаживало существовавшія шероховатости“. Находившій себѣ здѣсь удовлетвореніе „вкусъ къ обществу“ заглушалъ сословную гордость и сглаживалъ въ повседневной жизни „различіе ранговъ“; послѣднее отодвигалось здѣсь на второй планъ, стушевываясь передъ образованностью, умомъ и свѣтскимъ лоскомъ. Почетное мѣсто возлѣ себя хозяйка отводитъ обыкновенно не тому изъ гостей, кто имѣетъ передъ остальными преимущество знатности, а „тому, кого она находитъ наиболѣе любезнымъ“.—*Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 120—121.

[3]) Таковы были, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, салоны: маркизы du Deffand († 1789), герцогини de Luxembourg, герцогини de Mirepoix,

совой знати [1]), будь то просто dame du monde изъ парламентской или административной магистратуры [2]), наконецъ — изъ дворянъ средней руки или изъ полудворянской буржуазіи [3]), будь то артистка, художница, жена академика и т. д. [4])—, на ряду съ такими традиціоннаго типа салонами появляется во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка цѣлый рядъ писательскихъ кружковъ, „философскихъ синагогъ", которыя группируются вокругъ того или другого гостепріимнаго писателя или просто „просвѣщеннаго" любителя литературы, имѣющаго вдобавокъ къ своимъ услугамъ хорошаго повара [5]).

герцогини d'Enville, маркизы de Créquy († 1803), герцогини de Polignac, маркизы de Beauharnais.

[1]) Таковы, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, салоны: M-me d'Epinay, M-me Dupin, M-me du Bocage (женъ государственныхъ откупщиковъ).

[2]) Таковы салоны: M-me Necker, жены министра, M-me Doublet de Persan, M-me Trudaine, M-me de Vaines (женъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля). Сюда же можно отнести и салонъ маркизы de Condorcet, такъ какъ ея мужъ, извѣстный „философъ", занималъ высокое положеніе въ финансовой администраціи, въ качествѣ inspecteur des monnaies.

[3]) Таковы салоны: M-me Geoffrin (самый вліятельный изъ салоновъ своего времени, 1740—1777 гг.), M-lle de Lespinasse, M-me de Graffigny, M-me de Marchais.

[4]) Таковы салоны; артистокъ M-lle Quinault († 1759) и M-lle Guimard († 1816), художницы Vigée-Lebrun, жены академика M-me Saurin. и т. д.

[5]) Важнѣйшими изъ этихъ кружковъ были тѣ, которые собирались у энциклопедистовъ Гельвеція и барона Гольбаха и у „экономиста" маркиза Мирабо. Кромѣ того, писательскія собранія имѣли мѣсто у академика Choiseul-Gouffier, у писателя и гастронома Grimod de la Reynière, у государственныхъ откупщиковъ Pelletier, Corancez de la Popelinière и др.—Съ салонною жизнью во Франціи знакомятъ насъ многочисленные современные мемуары и письма современниковъ; важнѣйшіе изъ этихъ источниковъ перечислены у *Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t. VI, p. 444—446. Дополнимъ этотъ списокъ указаніемъ на *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 93 et suiv. У Petit de Julleville можно найти и довольно обстоятельную библіографію новѣйшихъ трудовъ объ этомъ предметѣ, которую можемъ дополнить указаніями еще на слѣдующія сочиненія: *Chasles,* les Salons français et la Société anglaise au XVIII-e siècle (*Revue des deux Mondes,* 1845); *Bidoire,* la Société française au XVIII-e siècle (ibidem, 1847); *de Witt,* la Société française au XVIII-e siècle (ibidem, 1864); *du Bled,* de l'Isle, le salon de la duchesse de Polignac (ibidem, 1890); *Caro,* la Fin du XVIII-e siècle, Paris, 1880 (Paris et la Société française de 1765 à 1775, d'après Horace Walpole, перепечатано изъ *Revue des deux Mondes,* 1772); *Perey* et *Maugras,* la Jeunesse de M-me d'Epinay, les dernières années de M-me d'Epinay, son salon et ses amis, d'après des lettres et des do-

Когда сколокъ съ придворной культуры [1])—салоны постепенно, главнымъ образомъ съ половины восемнадцатаго столѣтія, демократизировались, или лучше сказать—деаристократизировались, тогда и „разговоръ“ конечно пошелъ другой въ этихъ салонныхъ кружкахъ. Но значенія своего, какъ фактора общественнаго мнѣнія, „разговоръ“ отъ этого отнюдь не потерялъ; быть можетъ, даже—напротивъ. Спустившись съ верхнихъ этажей общественнаго зданія въ средніе этажи, гдѣ было менѣе просторно и болѣе людно,—гдѣ поэтому температура стояла на гораздо болѣе высокихъ градусахъ, чѣмъ это было въ верхнихъ, менѣе людныхъ этажахъ, *разговоръ пріобрѣлъ небывалую мощь, какъ факторъ общественности*: его поле дѣйствія необычайно расширилось, его содержаніе стало не въ примѣръ богаче; разговоръ сталъ и многостороннѣе и жизненнѣе. Литературно-эстетическія, художественныя и свѣтскія темы, преобладавшія въ болѣе раннихъ салонахъ, постепенно отступаютъ въ позднѣйшихъ на второй планъ передъ вопросами соціальными и политическими; изъ *bureaux d'esprit* [2]), салоны превращаются постепенно въ нѣчто въ родѣ „генеральныхъ штатовъ въ миньятюрѣ“ [3]).

Когда на ряду съ салонами традиціоннаго типа и болѣе упрощенными „философскими синагогами“, въ послѣдніе годы передъ революціей стали возникать, „на англійскій манеръ“, *клубы* [4]), пред-

---

cuments inédits, Paris, 1882—1883, 2 vol.; *Perey,* les Figures du temps passé: Comment on crée un salon, Paris 1900; *Guillois,* la Marquise de Condorcet, sa famille, son salon, ses amis, Paris, 1897; *Doumic,* la Marquise de Condorcet *(Revue des deux Mondes,* février 1897).

3) Таковъ, какъ извѣстно, первый „салонъ“—„отель Рамбуллье“.

2) *Mercier,* Tableau de Paris, t. VI, p. 175: „*Bureaux d'esprit.* On appelle ainsi toute maison où la maîtresse affiche son goût pour la littérature, fait profession d'en parler, et se pique de s'y connaître“.

3) *Bézenval,* Mémoires, t. I, p. 368 (цит. по *Rocquain,* l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 288).

4) *Mémoires secrets,* t. XXIII (4 juillet 1783): „Depuis quelque temps il s'est élevé un *Club,* sous le nom de *Société philantropique;* elle est composée de citoyens de tous les ordres de l'Etat...“—Ibidem, t. XXV (23 avril 1784): „C'est à l'instar du fameux *Club littéraire* du café de Saint-James, établi à Londres par Willis, Steele, Adisson, Swift, où a été composé le fameux *Spectateur,* que M. Bussy veut instituer le *Lycée de Paris...* Il y aura quatre salles pour le service des membres, la première pour la lecture, la seconde pour l'étude, la troisième pour les conférences, et la dernière pour les exercices...“—Ibidem, t. XXVIII (11 janvier 1785): „Après les *Clubs,* les *Musées,* les *Lycées* etc. il (M.

ставляющіе собою дальнѣйшую и послѣднюю стадію упрощенія и дезаристократизаціи салонной культуры,—температура „разговора", естественно, еще болѣе повысилась [1]). Наконецъ, многіе изъ парижскихъ *кафе* сдѣлались въ это время настоящими клубами, которые имѣли своихъ завсегдатаевъ, сходившихся сюда не столько для питья, сколько для разговора [2]).

XII.

Салоны, писательскіе кружки, „англійскіе" клубы, кафе являлись настоящими конторами ежедневныхъ свѣтскихъ, литературныхъ и политическихъ новостей, гдѣ путемъ обмѣна мыслей по ихъ поводу, индивидуальныя „мнѣнія" незамѣтно переработывались въ органическіе элементы „общественнаго мнѣнія".

Являясь однимъ изъ существенныхъ факторовъ выработки послѣдняго, существовавшіе многочисленные очаги общественнаго „разговора" играли въ то же время и роль посредниковъ между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, которое, при ихъ посредствѣ, имѣло возможность постоянно быть au courant господствующихъ общественныхъ теченій и настроеній. Какимъ образомъ? Да очень просто: вѣдь представители правительства, какъ мы видѣли, составляли органическую часть той же самой соціальной семьи, которая составляла главное ядро тогдашняго образованнаго общества: это все то же „государственное дворянство", включавшее

Champcenets) parle du *Mariage de Figaro,* etc.".—Ibidem, t. XXIX (9 août 1785): „Ce ne sont que *Musées,* que *Clubs* de tous côtés.."—Сравн. ibid., t. XXVIII, p. 44 (17 janvier 1785).

[1]) *Senac de Meilhan,* Des principes et des causes de la Révolution, p. 79—80: „On laissa établir dans Paris des *clubs* à la manière anglase, sans prévoir que des assemblées de gens de tout état, choisis d'après la convenance des personnes et de leurs sentiments, inviteraient, comme en Angleterre, à discuter toutes les questions relatives au gouvernement, feraient circuler promptement les opinions et les nouvelles, et que rien n'était plus propre à enflammer les esprits".—*Mercier,* Tableau de Paris, t. X, p. 132 et suiv.: „...Ce sont presque partout des *clubs,* où la musique et quelquefois l'instruction président... Le goût des *cercles,* inconnu à nos pères et copié des Anglais, a commencé à se naturaliser à Paris. Dans ces sortes d'assemblées on s'instruit en s'amusant ..Les cafés regorgent d'hommes dont la seule occupation, toute la journée, est de débiter ou d'entendre des nouvelles..."

[2]) См. послѣднюю цитату въ предыдущемъ примѣчаніи.

въ себя и высшую знать и дворянскую аристократію, и средніе слои дворянства и парламентско-муниципальную магистратуру, и финансовую знать. Правда, на ряду съ представителями различныхъ слоевъ государственнаго дворянства мы находимъ въ салонахъ также представителей литературы и науки. Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности во второй его половинѣ, грань, отдѣляющая міръ „свѣтскаго общества" и міръ „литературной республики", успѣла до такой степени стушеваться, что часто въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно распознать, гдѣ кончается „свѣтскій человѣкъ" (homme du monde) и гдѣ начинается „человѣкъ литературы" (homme de lettres),— гдѣ кончается знатный баринъ или „магистратъ", и гдѣ начинается писатель или ученый. Въ этотъ „просвѣщенный вѣкъ" почти всякій баринъ, всякій магистратъ или финансистъ въ то же время немножко (а иногда и много) и писатель, и наоборотъ — большинство писателей въ эту пору принадлежатъ, по своему соціальному положенію, къ различнымъ слоямъ все того же государственнаго дворянства.

Представители чистой *roture* въ литературѣ этого времени сравнительно немногочисленны. Въ числѣ ихъ встрѣчаются, правда, такія звѣзды первой величины, какъ „женевскій гражданинъ" Жанъ-Жакъ Руссо, какъ сынъ часовщика Каронъ-де-Бомаршэ, какъ сынъ слесаря Дидро; но другая сторона, не уступая ни въ чемъ качествомъ, во много превосходитъ количествомъ. Начать съ самого „патріарха философовъ": Вольтеръ, сынъ нотаріуса Аруэ, вышелъ какъ извѣстно, изъ судейскаго дворянства (noblesse de robe) и, несмотря на свою постоянную войну противъ всякихъ „предразсудковъ", въ томъ числѣ и сословныхъ, никогда не могъ забыть о своемъ дворянскомъ званіи [1]). Одинъ изъ столповъ *Энциклопедіи*, д'Аламберъ, имѣлъ чисто аристократическое, хотя и незаконное происхожденіе [2]). Авторъ *Духа законовъ* принадлежалъ къ верхнему слою парламентской магистратуры по своему положенію и къ старинному дворянству по своему происхожденію [3]). Его сверстникъ

---

[1]) Чѣмъ подавалъ поводъ Фридриху II смѣяться надъ собой. См. *Desnoirresterres*, Voltaire et Frédéric, Paris, 1870.

[2]) Онъ былъ, какъ извѣстно, незаконнымъ сыномъ знаменитой маркизы de Tencin отъ chevalier Destouches-Canon.

[3]) Именно, къ старинной гюэнской фамиліи Secondat. Онъ носилъ титулъ барона de la Brède et de Montesquieu и былъ сначала совѣтникомъ, потомъ президентомъ à mortier въ бордоскомъ парламентѣ.

маркизъ д'Аржансонъ принадлежалъ къ парламентской магистратурѣ по своему происхожденію и къ магистратурѣ административной по своему положенію (интендантъ, потомъ министръ) [1]). То же самое—Тюрго, одинъ изъ выдающихся „философовъ-экономистовъ" своего времени [2]). Кондорсэ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи и занималъ высокое положеніе въ администраціи (въ качествѣ inspecteur des monnaies) [3]). Бюффонъ происходилъ изъ провинціальной парламентской магистратуры [4]). Академикъ Дюкло—изъ провинціальной же муниципальной магистратуры (сынъ мера города Динана) [5]). Академикъ Сорэнъ былъ одно время адвокатомъ при парламентѣ [6]). Серванъ и Дюпати были генеральными адвокатами—первый греноблькаго, второй бордоскаго парламента [7]). Флоріанъ принадлежалъ къ старой дворянской фамиліи [8]). Дворянскаго же происхожденія были Ривароль и chevalier de Jaucourt, одинъ изъ главнѣйшихъ работниковъ *Энциклопедіи* [9]). Экономистъ Мерсье-де-ла-Ривьеръ вышелъ изъ рядовъ парламентской магистратуры, къ которой принадлежалъ и по своему положенію (въ качествѣ совѣтника парижскаго парламента [10]). „Философъ" Гальвецій, знаменитый химикъ Лавуазье и драматургъ Nivelle de la Chaussée принадлежали по своему положенію, а частью и по своему происхожденію, къ финансовой знати [11]), и т. д.

Еще не такъ давно прикосновенность къ писательству была

---

1) *Armand Brette,* la France au milieu du XVIII-e siècle d'après le Journal du marquis d'Argenson, Paris, 1898 (см. въ концѣ *Généalogie sommaire de la famille de Voyer d'Argenson*).

2) См. выше, стр. 42, примѣч. 2.

3) *Chaudon et Delandine,* Nouveau dictionnaire historique, Lyon, 1804, t. II, p. 568; *Lalanne,* op. cit, p. 575—576.

4) Отецъ его былъ совѣтникомъ дижонскаго парламента.—*Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 208.

5) *Chaudon et Delandine,* op. cit., t. IV, p. 372.

6) *Bersot,* Etudes, p. 79—80; *Carré,* la France sous Louis XV, p. 158—160.

7) *Quérard,* la France littéraire, t. VIII, p. 472.

8) *Chaudon et Delandine,* op. cit., t. V, p. 184.

9) *Quérard,* op. cit., t. VIII, p 59; *Chaudon et Delandine,* t. VI, p. 454; *Petit de Julleville,* op. cit.

10) *Quérard,* op. cit., t. V, p. 140.

11) Гельвецій и Лавуазье были оба государственными откупщиками; Нивелль-де-ла-Шоссэ—племянникомъ откупщика.—*Lalanne* op. cit., p. 977—1103; *Chaudon et Delandine,* op. cit., t. IX, p. 76.

чѣмъ-то зазорнымъ для человѣка „извѣстнаго ранга". „Опубликованіе сочиненія —говоритъ Сенакъ-де-Мейльянъ—, доставляя литературную извѣстность знатному человѣку, дѣлала его до извѣстной степени смѣшнымъ въ глазахъ лицъ его круга. Наука и умъ были еще въ нѣкоторомъ родѣ дѣломъ не-дворянскимъ. Вступая въ ряды писателей, человѣкъ извѣстнаго ранга, казалось, спускался въ нѣкоторый низшій классъ. Качество писателя было почти неодолимымъ препятствіемъ для сколько-нибудь выдающейся карьеры" [1]). Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка этотъ „готическій и нелѣпый предрасудокъ" [2]), „достойный эпохи варварства" [3]), безвозвратно сданъ въ архивъ. „Будь у меня къ тому талантъ—заявляетъ одинъ знатный баринъ—, я завтра же принялся бы писать комедію, а подзадорь меня немножко, я пустился бы самъ же ее разыгрывать" [4]). Стоитъ ли этому удивляться, послѣ того, что, съ легкой руки Фридриха II, коронованныя особы не только стали ухаживать за писателями, но и самолично „опускаться" до роли простыхъ гражданъ „литературной республики"? [5]).

XIII.

Если было время, когда писательство могло повредить чиновной карьерѣ, то при Людовикѣ XVI дѣло измѣнилось настолько, что у современнаго хроникера, какъ мы видѣли, вырывается замѣчаніе: „Скоро придется быть писателемъ для того, чтобы занять мѣсто въ администраціи" [6]). Дѣйствительно, писательство успѣло въ это вре-

1) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 168—169.

2) „Préjugés gothiques et absurdes sur la culture des lettres"—выраженіе, цитируемое со словъ Тилли, *Тэномъ,* les Origines, t. I, p. 409.

3) *Senac de Meilhan,* op. cit., p 168: „Qui croirait que dans la patrie des Corneille et des Montesquieu il existât un tel préjuge, digne des temps de barbarie?"

4) *Taine,* op. cit., t. I, p. 419.

5) Если во Франціи король самъ и не выступаетъ въ печати, то это дѣлаютъ —при Людовикѣ XVI—его братья: графъ Провансскій, графъ д'Артуа, а также герцогъ Орлеанскій.—*Bersot,* Etudes, p. 87 et suiv —Впрочемъ, по словамъ д'Аламбера, въ пятидесятыхъ годахъ, „malgré cette lumière générale dont se glorifie notre siècle philosophe, il est encore bien des gens, et bien plus qu'on ne croit, pour qui la qualité d'auteur ou d'homme le lettres n'est pas un titre assez noble".—*D'Alembert,* Oeuvres philosophiques, Paris, 1805, t. III. p. 75 (*Essai sur la société des gens de lettres*).

6) См. выше, стр. 157.

мя стать, если и не необходимымъ, то, во всякомъ случаѣ, далеко не безполезнымъ въ этомъ отношеніи.

Наглядное тому свидѣтельство—Неккеръ и его министерская карьера. Своимъ примѣромъ Неккеръ „восторжествовалъ надъ предразсудкомъ, который не позволялъ лицамъ, призваннымъ по своему рожденію или положенію къ видной общественной роли, опубликованія своихъ идей“ [1]). Неккеръ былъ уже писателемъ съ громкой извѣстностью [2]) въ то время, когда получилъ постъ министра. Онъ „первый посвятилъ вопросамъ администраціи пышность краснорѣчія и цвѣты воображенія“ [3]). Во всякомъ случаѣ, его писательская извѣстность занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ числѣ факторовъ его возвышенія на постъ министра. Но, и сдѣлавшись министромъ, онъ продолжалъ свою писательскую дѣятельность, которая достигла особенно высокаго напряженія послѣ первой отставки [4]).

Тюрго, хотя и менѣе плодовитый, является однако еще болѣе

---

[1]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 168.

[2]) Достаточно сказать, что выпущенное имъ въ 1775 г. сочиненіе на одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ современности—*De la législation et du commerce des grains* выдержало въ короткое время до двадцати изданій.— *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 393.

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 217 et suiv.

[4]) Сочиненія, напечатанныя Неккеромъ до перваго министерства: Réponse au Mémoire de l'abbé Morellet sur la Compagnie des Indes. Paris, 1769; Eloge de Colbert, discours qui a remporté le prix de l'Académie française, Paris, 1773; Sur la législation et le commerce des grains, Paris, 1775.—Сочиненія, напечатанныя во время перваго министерства: Mémoire présenté au Roi en 1778; Compte rendu, présente au Roi au mois de janvier 1781, Paris, 1781.—Сочиненія, вышедшія послѣ отставки Неккера въ 1781 г.: Sur le bonheur des sots, Paris, 1782; De l'administration des finances de la France. Paris, 1784, 3 vol.; Défense contre M. de Colonne, 1787; Mémoire d'avril 1787; De l'importance des opinions religieuses, Paris, 1788; Aperçu de la situation des finances, Paris, 1789; Discours dans l'assemblée des Etats-généraux, 1789; Lettre à M. le président de l'Assemblée nationale, 1789; Mémoire lu à l'Assemblée nationale le 14 novembre 1789; Observations sur l'avant-propos du Livre rouge, 1790; Sur l'administration de M. Necker, par lui-meme, Paris, 1791; Du pouvoir exécutif dans les grands Etats, 1792; Réflexions présentées à la nation française sur le procès intenté à Louis XVI, 1792; de la Révolution française, 1796, 4 vol.; Cours de morale religieuse, Genève, 1800, 3 vol.—Собраніе сочиненій Неккера было издано его внукомъ, барономъ Сталемъ въ 1820—1821 г. въ 15 томахъ. Въ это изданіе вошли также нѣкоторыя не изданныя ранѣе сочиненія Неккера.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 392—395.

крупнымъ писателемъ, чѣмъ Неккеръ. Хотя про него и нельзя сказать, чтобы своею служебною карьерой онъ былъ обязанъ своему писательству, тѣмъ не менѣе, онъ не оставлялъ послѣдняго въ теченіе всей своей административной и государственной дѣятельности —сначала въ качествѣ лиможскаго интенданта, потомъ въ качествѣ генералъ-контролера [1]).

Если Тюрго и Неккеръ одни лишь среди министровъ Людовика XVI могутъ быть названы выдающимися писателями, то прикосновенности къ писательству въ большей или меньшей степени не чужды [2]) и многіе изъ ихъ „собратьевъ". Назовемъ: Мальзерба [3]), де-Калонна [4]),

---

[1]) *Anne-Robert-Jacques Turgot,* le Conciliateur, ou Lettres d'un ecclésiastique à un magistrat, Rome, 1754 (см. черезъ одно примѣчаніе ниже) (написано, по Керару, совмѣстно съ Ломени-де-Бріенномъ); Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, 1766; les Trente-Sept vérités opposées aux Trente-sept impiétés de Bélisaire, censurées par la Sorbonne, par un bachelier ubiquiste, Paris, 1867; Lettres sur les émeutes populaires occasionnées par la cherté des grains, 1769 (*Quérard,* op. cit., t. IX, p. 577: „Une note manuscrite attribue cet ouvrage à Turgot. Barbier considère ce renseignement comme douteux"); Lettres sur les grains écrites à Turgot, 1788; Mémoire qui contient les principes de l'administration politique sur la propriété des carrières et des mines, 1790.—Тюрго напечаталъ также цѣлый рядъ крупныхъ статей въ *Энциклопедіи* (важнѣйшія изъ которыхъ: *Foires et Marchés, Fondation* и *Fondations*); но бо́льшая часть сочиненій Тюрго была напечатана лишь послѣ его смерти, частью отдѣльно, но главнымъ образомъ въ полномъ собраніи сочиненій Тюрго, изданномъ въ 1808—1811 г. въ 9 томахъ его сотрудникомъ и другомъ Дюпономъ, а также въ болѣе новомъ изданіи Дэра въ 1844 г. въ двухъ большихъ томахъ (въ *Collection des principaux économistes*). Въ оба эти изданія вошли также многіе изъ офиціальныхъ актовъ административной и государственной дѣятельности Тюрго.

[2]) Или же сдѣлались причастными позднѣе.

[3]) *Lamoignon de Malesherbes,* Discours prononcé dans l'Académie française, à sa réception, Paris, 1775; Mémoire sur le mariage des protestants, 1785; Second Mémoire, 1787, Lettre sur la révocation de l'Edit de Nantes, 1788; Mémoire; sur la liberté de la presse; Mémoire sur les moyens d'accélerer l'économie rurale en France; Idées d'un agriculteur patriote sur le défrichement des terres incultes, 1791; Mémoire pour Louis XVI, 1794; Mémoire sur la liberté de la presse, Paris, 1809.- *Quérard,* la France littéraire, t. IV, p. 500—501.—Кромѣ того, Мальзербъ былъ авторомъ напечатанныхъ въ 1775 г. *Remontrances de la Cour des aides de Paris* (см. выше, стр. 129, примѣч. 2).

[4]) *Ch.-A. de Calanne,* Tant mieux pour elle, conte plaisant, 1760 (*Quérard,* op. cit., t. II, p. 26: „Opuscule que quelques personnes ont attribué a l'abbé de Voisenon, et que d'autres ont assuré être la première production de Calonne");

Ломени-де-Бріенния[1]), де-Монбаррэ[2]), де-Сенъ-Жермена[3]), де-Сартина[4]), де-Верженния[5]).

При такомъ положеніи вещей представляется очевиднымъ что *между правительственными сферами—съ одной стороны, и обществомъ—съ другой, не было никакой глухой стѣны:* люди, кото-

---

Mémoires concernant la navigation des rivières de la province des Trois-Evêchés. 1773; Observations et jugements sur les coutumes d'Amiens, d'Artois, de Boulogne, de Porthieu, sur plusieurs matières de droit civil et du droit coutumier, 1781; Lettre d'un avocat au défenseur du comte de Ch.., 1786; Correspondance de Necker avec Calonne, 1787; Requête au Roi. Londres, 1788; Réponse de Calonne à l'écrit de Necker, Londres, 1788; Comte rendu aux nations, Dresde, 1788; Motif pour différer jusqu'à l'assemblée des Etats généraux la refutation du nouvel écrit que Necker vient de publier, 1789; Note sur le *Mémoire* remis par M. Necker au comité des subsistinces, Londres, 1789; Lettres de Calonne au Roi, Londres, 1790; De l'état de la France présent et à venir, Londres, 1790; Observations sur les finances, Londres, 1790; Esquisse de l'état de la France, 1791; Lettre d'un publiciste de France à un publiciste d'Allemagne, 1791; Mémoire contre le décret rendu le 14 février 1791 par l'assemblée soit-disant nationale, Venise et Paris, 1791; Lettre au citoyen auteur du Rapport prétendu fait à S. M. Louis XVIII (par Montyon), 1796; Tableau de l'Europe en novembre 1795, Londres 1796; les Finances publiques de la France, Londres, 1797; Lettre à l'auteur des Considérations sur l'état des affaires publiques au commencement de l'année 1798, Londres, 1798.—*Quérard,* op. cit., t. II, p. 26: „On attribue aussi à Ch.-Alex. de Calonne une *Réponse à Montyon,* des *Remarques sur l'Histoire des révolutions de Russie,* par Rhulière, et un *Traité sur la police pour* (?) *l'Angleterre*".

1) *Etienne-Charles Loménie de Brienne,* le Conciliateur, ou Lettres d'un Ecclésiastique à un Magistrat, Rome, 1754 (*Quérard,* op. cit., t. V, p. 344: „On croit que le cardinal de Loménie est, avec Turgot, l'auteur de cet ouvrage"); Oraison funèbre de Dauphin, 1766; Compte rendu au Roi, Paris, 1788.—*Quérard,* . c.: „On lui doit encore plusieurs rapports et discours insérés dans les procès-lverbaux des assemblées du clergé".

2) *Le prince de Monbarrey,* Mémoires, Paris, 1826—1827, 4 vol.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 232: „La *Biographie universelle* dit que le prince de Montbarrey est aussi auteur des *Mémoires sur différentes parties de l'art militaire,* qui fixèrent sur lui l'attention du conseil de guerre où il fut admis en 1776".

3) *Le comte de Saint-Germain,* Correspondance particulière, Londres, 1789, 2 vol.—*Quérard,* op. cit., t. VIII, p. 336.

4) *De Sartine,* Discours prononcé au Châtelet de Paris à l'occasion de la retraite de M. d'Argouges.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 461.

5) *Le comte de Vergennes,* Mémoire historique et politique sur la Louisiane, Paris, 1802.—*Quérard,* op. cit., t. X, p. 108.—Обходимъ здѣсь молчаніемъ Бертранъ-де-Молльвилля, который, хотя и былъ министромъ, но уже послѣ 1789 г.

рые толпились въ парижскихъ салонахъ, литературныхъ кружкахъ и клубахъ, и люди, которые занимали министерскіе кабинеты и наполняли министерскія канцеляріи, принадлежали, за немногими исключеніями, къ одной и той же соціальной семьѣ. Даже болѣе того: зачастую это были въ обоихъ случаяхъ *одни и тѣ же люди.* Тюрго былъ своимъ человѣкомъ въ салонахъ M-me du Deffand, M-me Geoffrin, и др.[1]) Неккеръ самъ фигурируетъ въ качествѣ хозяина (хотя и уступающаго первенствующую роль хозяйкѣ) одного изъ наиболѣе видныхъ „философскихъ салоновъ" своего времени[2]). Трюдэнь и Кондорсэ, видные сановники центральной администраціи, не только фигурируютъ въ числѣ посѣтителей различныхъ парижскихъ салоновъ, но и „держатъ" свои собственные салоны. Въ числѣ посѣтителей различныхъ салоновъ встрѣчаемъ также Гурнэ и Дюпона, которые съ своимъ высокимъ положеніемъ въ финансовомъ вѣдомствѣ (оба они были „интендантами коммерціи") соединяли и званіе писателей-„экономистовъ" [3]).

XIV.

Салоны служили также однимъ изъ главныхъ орудій, при помощи которыхъ общество оказывало свое воздѣйствіе на печать. Книги писались въ ту пору, главнымъ образомъ, для „публики" салоновъ [4]) и даже, „такъ сказать, подъ ея диктовку", по характерному выраженію историка и почти современника эпохи [5]).

---

[1]) Въ томъ числѣ въ „философской синагогѣ" Гельвеція.

[2]) Въ числѣ его посѣтителей встрѣчаемъ: Дидро, д'Аламбера, аббатовъ Галіани и Морелле, Бюффона, Гримма, Томà, Сюара, Сенъ-Ламбера и др.— *Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t VI, p. 415—419. Сравн. *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc.: „M-me Necker, espèce d'érudite qui avait eu besoin de s'instruire pour subsister, avait fait de sa maison un bureau d'esprit".

[3]) *Quérard,* la France littéraire, t. II, p. 228, 706.

[4]) „Point de livres qui ne soient écrits pour les gens du monde, et même pour les femmes du monde" (выраженіе Тэна, цитируемое у *Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française t. VI, p. 386—387).

[5]) *De Barante,* De la littérature française pendant le XVIII-e siècle, Paris, 1824, p. 215: „Les livres n'ont pas seulement reçu l'influence du public; ils ont, pour ainsi dire, été écrits sous sa dictée".—Le baron de Barante, родившійся въ 1782 г., можетъ, слѣдовательно, считаться младшимъ современникомъ дѣятелей восьмидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія.

Дѣйствительно, если, вообще говоря, *литература* въ конкретной дѣйствительности не отдѣлима отъ *общества*, котораго она есть плоть отъ плоти и кость отъ кости, такъ какъ вѣдь писатели сами составляютъ органическую часть общества и дышать одною съ нимъ духовною адмосферой,—то это особенно вѣрно по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ, когда высокая степень развитія салонной общественности до такой степени тѣсно спаяла между собою свѣтское общество и литературу, что во многихъ случаяхъ, какъ уже было замѣчено, трудно было сказать, гдѣ кончается *homme du monde*, и гдѣ начинается *homme de lettres*, и наоборотъ.

Въ особенности сильное вліяніе „публики" испытывала злободневная пресса, являвшаяся въ значительной своей части отраженіемъ и отчасти даже просто воспроизведеніемъ салоннаго „разговора". Дѣло не столько въ періодической прессѣ, этомъ „разговорѣ между тысячами собесѣдниковъ"—она сравнительно мало еще была развита въ ту пору,—сколько въ тѣхъ частью крупныхъ, но въ огромномъ большинствѣ мелкихъ произведеніяхъ—по большей части нелегальной прессы, которыя служили тогда главнымъ органомъ текущей злобы дня. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ собою всѣ эти памфлеты, разнаго рода „словари", „катехизисы", „альманахи", „афиши", иногда печатные, часто рукописные летучіе листки [1]), *nouvelles à la main* [2]), эти ходячіе анекдоты, эпиграммы, *mots, couplets, chansons* [3]), которые по боль-

---

[1]) *Mémoires secrets*, t, XII, p. 162 (13 novembre 1778): „Cet article est extrait d'une gazette manuscrite très accréditée dans Paris et dans les provinces".—Одинъ изъ такихъ рукописныхъ листковъ, вышедшій въ началѣ 1776 г. изъ кружка маршала де-Ришелье, и направленный противъ Тюрго, напечатанъ цѣликомъ у *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. III, p. 431—435.

[2]) Нѣкоторыя изъ рукописныхъ *nouvelles à la main* второй половины восемнадцатаго вѣка напечатаны въ различныхъ научно-историческихъ сборникахъ, напр., въ многократно нами цитированномъ собраніи документовъ *Hippeau*, le Gouvermement de Normandie, въ *Travaux de la Société... de l'Eure*, 5-e série, t. V, p. 90—102, и друг.

[3]) „En France, tout finit par des chansons"—гласитъ ходячее выраженіе.—Сравн. *Taine*, les Origines, t. I, p. 164: „Alliances, batailles, impôts, traités, ministères, coups d'Etat, on a toute l'histoire du siècle en épigrammes et en chansons". Для восемнадцатаго вѣка имѣется превосходное собраніе chansons: *Recueil Clairambault-Maurepas, Chansonnier historique du XVIII-e siècle*, Paris, 1879—1884, 10 vol.

шей части не нуждались даже въ посредничествѣ не только типографскаго станка, но и пера, для того чтобы стать общимъ достояніемъ „публики“, — что такое представляютъ собою всѣ эти явленія прессы, въ которой иногда трудно сказать, гдѣ кончается устная рѣчь и гдѣ начинается печатное слово,—что такое они представляютъ собою, какъ не брызги живого тысячеустаго „разговора“ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ,—разговора салоновъ и клубовъ, разговора кафе и бульваровъ?... Иногда эти мелкія произведенія, суммируясь, образуютъ объемистые повременные, хотя и безъ строгой періодичности, сборники, наиболѣе виднымъ и типичнымъ образчикомъ которыхъ являются такъ называемые *секретные мемуары Башомона*; послѣдніе, дѣйствительно, представляютъ собою не что иное, какъ сшитый бѣлыми нитками, въ хронологическомъ порядкѣ, сборникъ *nouvelles à la main*, а эти послѣднія представляли собою не что иное, какъ рукописное (иногда предававшееся печати) воспроизведеніе или résumé салонныхъ „разговоровъ“, съ прибавкою того, что при этихъ разговорахъ читалось (какъ-то: мелкихъ памфлетовъ, chansons, писемъ изъ провинціи, и т. п.)[1]).

XV.

Послѣ всего, что мы видѣли, становится очевиднымъ, что *свобода публичнаго слова не являлась необходимымъ условіемъ какъ для выработки общественнаго мнѣнія во Франціи занимающей насъ эпохи, такъ и для его внѣшняго выраженія.* Такимъ образомъ, вторая посылка силлогизма, о которомъ идетъ рѣчь[2]), какъ оказывается, не выдерживаетъ исторической провѣрки. Посмотримъ, насколько выдерживаетъ подобную провѣрку первая посылка того же силлогизма, утверждающая отсутствіе свободы публичнаго и въ частности печатнаго слова въ дореволюціонной Франціи.

Легальное положеніе прессы во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка опредѣлялось, между прочимъ, королевскими деклараціями 16-го апрѣля 1757 г., 23-го марта 1764 г. и 1767 г. Первымъ изъ этихъ законодательныхъ актовъ воспрещалось „сочинять, печатать и распространять въ публикѣ сочиненія, направлен-

---

[1]) О происхожденіи *Мемуаровъ Башомона* см. *Hatin*, Histoire de la presse en France, Paris, 1859, t. III, p. 453—510.

[2]) См. выше, стр. 163.

ныя противъ религіи, королевской власти и общественнаго спокойствія", и это—*подъ страхомъ смертной казни* [1]). Второй изъ этихъ актовъ воспрещалъ „отнынѣ печатать что-либо касательно государственнаго управленія и финансовъ" [2]). Послѣдній изъ названныхъ актовъ предписывалъ полное молчаніе касательно всего, что относится къ религіи [3]). Наконецъ, въ самые послѣдніе годы передъ революціей, именно въ 1785 г., королевскимъ совѣтомъ было издано запрещеніе печатать въ періодическихъ изданіяхъ „разсужденія, письма и что бы то ни было относительно вопросовъ законодательства и юриспруденціи" [4]).

Возможно ли при такомъ положеніи дѣла говорить о какой бы то ни было „свободѣ слова"? Возможно ли даже вообще выраженіе какой-либо критическій мысли? Возможно ли, наконецъ, при подобномъ режимѣ существованіе какой бы то ни было прессы? Да, возможно ли это?... И правда ли, что къ эпохѣ господства этого режима относится „сооруженіе" *Энциклопедіи*, этого „величайшаго памятника восемнадцатаго столѣтія"? Правда ли, что къ этой эпохѣ относится та „литература просвѣщенія", которая произвела переворотъ въ европейской мысли? Правда ли, что въ это именно время жили и писали Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, „экономисты"? Или, быть можетъ, Вольтеръ не написалъ ни строчки противъ религіи, Руссо не затрогивалъ вопросовъ государственнаго управленія, энциклопедисты не касались вопросовъ законодательства, а „экономисты" не заикались о финансахъ? Или, быть можетъ, всѣ эти писатели, или, по крайней мѣрѣ, добрая половина ихъ, съ Вольтеромъ во главѣ, и въ компаніи съ своими издателями и книгопродавцами, сложили свои головы на эшафотѣ во исполненіе королевской деклараціи 1757 г.?..

Всѣ эти и подобные имъ недоумѣнные вопросы разрѣшаются однако очень просто, если мы припомнимъ то, что было въ своемъ мѣстѣ сказано о той пропасти, которая въ до-революціонной Фран-

---

1) *Isambert,* Recueil, t. XXII, p. 272—274; *Tocqueville,* l'Ancien régime, p. 104; *Rocquain,* op. cit., p. 204; *Anna Soederhjelm,* le Régime de la presse, p. 11.

2) *Isambert,* Recueil, t. XXII, 400—410; *Rocquain,* op. cit., p. 244; *Anna Soederhjelm,* op. cit., p. 11.

3) *Isambert,* op. cit., t. XXII, p. 467; *Anna Soederhjelm,* l. c.

4) *Isambert,* op. cit., t. XXVIII, p. 17; *Guyot,* Traité des droits, t. III, p. 235; *Anna Soederhjelm,* l. c.

ціи отдѣляла законодательную норму отъ конкретной дѣйствительности [1]).

Въ данномъ случаѣ, пропасть, раздѣлявшая законъ и практику, углублялась еще вслѣдствіе того, что законодательная норма шла слишкомъ въ разрѣзъ съ общественными вѣяніями и настроеніями эпохи, которыя успѣли подчинить себѣ и тѣхъ людей, на каторыхъ лежала офиціальная задача блюсти за осуществленіемъ этихъ нормъ. Какъ они въ этомъ случаѣ блюли свою задачу, яркая тому иллюстрація—образъ дѣйствій Мальзерба, стоявшаго во главѣ управленія печатью съ 1750 до 1763 г., по отношенію къ начавшемуся при немъ изданію *Энциклопедіи*. Съ первыхъ же томовъ послѣдняя, какъ извѣстно, вызвала яростныя нападки со стороны духовенства, особенно іезуитовъ, которые нашли себѣ поддержку съ одной стороны—при дворѣ, съ другой—со стороны парламентовъ. Мальзербъ, принадлежавшій къ числу „просвѣщенныхъ людей" своего вѣка, проникнутыхъ идеями „философіи", былъ въ душѣ преданъ дѣлу *Энциклопедіи*, и, насколько позволяло ему его офиціальное положеніе, старался спасти послѣднее отъ происковъ его многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ. Уступая настояніямъ послѣднихъ, Мальзербъ нашелъ себя однажды вынужденнымъ предписать арестовать всѣ бумаги Дидро. Наканунѣ ареста Мальзербъ вызываетъ къ себѣ Дидро и предупреждаетъ его о готовящемся обыскѣ. Дидро въ отчаяніи: какъ ему спасти свои рукописи?... „Пришлите ихъ ко мнѣ"— отвѣтилъ Мальзербъ. И рукописи были „спасены" отъ сыщиковъ... Мальзерба [2]).

Въ качествѣ неофиціальнаго защитника *Энциклопедіи*, Мальзербъ находилъ себѣ поддержку и со стороны нѣкоторыхъ изъ министровъ; таковы были д'Аржансонъ, Берни, Шуазель, которые всегда старались по возможности ослабить тѣ удары, которые направлялись противъ *Энциклопедіи* ея противниками [3]), сильными уже тѣмъ, что законъ былъ на ихъ сторонѣ... Но за-то противъ нихъ былъ „духъ времени": это былъ „вѣкъ просвѣщенія", и надъ „варварскимъ" *закономъ* торжествовалъ „просвѣщенный" *про-*

---

[1]) См. выше, т. I, стр. 115.

[2]) *Bersot,* Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 31.—Объ управленіи Мальзерба см. *Brunetière,* Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, Paris, 1897, 2-e série, p. 144—223 *(la Direction de la librairie sous M. de Malesherbes).*

[3]) *Petit de Julleville,* op. cit., t. VI, p. 342.

изволъ. Въ дѣлѣ свободы прессы при Мальзербѣ Франція, по выраженію Вольтера, „стала наполовину Англіей“ [1]). Съ той только существенной разницей, что у англичанъ была свобода, основанная на законѣ, а у французовъ — свобода, основанная на просвѣщенномъ произволѣ. Произволъ былъ слишкомъ въ правахъ старой Франціи, а, съ другой стороны, — „просвѣщеніе“ сдѣлало настолько широкія завоеванія въ правительственно-административныхъ сферахъ, что перемѣны въ личномъ составѣ министерствъ и управленія дѣлами печати послѣ Мальзерба не измѣнили уже сущности дѣла; данное Мальзербомъ управленію печати направленіе было слишкомъ въ духѣ времени и въ то же время слишкомъ гармонировало съ исконными административными навыками, чтобы измѣнить свой курсъ. Канцлеръ Мопу, высшее начальство по дѣламъ печати, негласно покровительствуетъ ввозу во Францію изданныхъ за границею „наиболѣе нечестивыхъ сочиненій“ Вольтера [2]). По закону, заграничныя изданія должны были поступать предварительно въ синдикальныя камеры книготорговли, и уже оттуда выпускаться въ продажу по ихъ разсмотрѣніи цензурой. Цензура конечно не пропуститъ „нечестивыхъ сочиненій“ „безбожнаго философа“. Но дѣло можетъ быть устроено проще. Пусть „нечестивыя сочиненія“ адресуются на имя канцлера, который будетъ передавать ихъ по принадлежности—книгопродавцу Мерлэну. И вотъ, книгопродавецъ пользуется этимъ удобствомъ для того, чтобы выписывать заодно и различныя другія сочиненія, запрещенныя во Франціи, „и ихъ можно получить у него съ такою же легкостью, и въ такомъ же богатомъ выборѣ, какъ въ Голландіи“ [3])... Совершенно въ духѣ Мальзерба, только еще размашистѣе; но вѣдь и по своему положенію канцлеръ важнѣе начальника управленія по дѣламъ печати, который есть лишь его подчиненный.

Начало новаго царствованія было, какъ нельзя болѣе, благопріятно для прессы. Во главѣ двухъ министерствъ стали искренніе „друзья философіи“ и убѣжденные сторонники свободы мысли и слова: Мальзербъ и Тюрго. Эти министры дали почти небывалый про-

---

[1]) „Nous étions déjà à moitié chemin des Anglais“ (14 octobre 1763) (цит. по *Bersot*, Etudes, p. 31).

[2]) Успѣвшаго снискать благоволеніе канцлера своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ парламентамъ и сочувствіемъ къ реформѣ Мопу (уничтоженіе парламентовъ).

[3]) *Bersot*, Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 81.

сторъ прессѣ, доходившій, по выраженію современнаго хроникера, до „позволенія излагать свой образъ мыслей относительно высокопоставленныхъ лицъ" (чего —замѣчаетъ онъ—раньше никогда не бывало) и „оглашать во всеобщее свѣдѣніе свои мысли объ улучшеніи различныхъ сторонъ финансоваго управленія" [1]).

Послѣ Мальзерба и Тюрго—Неккеръ, тоже „другъ философіи" и самъ гордящійся своей принадлежностью къ „литературной республикѣ". Наступившая было послѣ отставки Неккера реакція не могла не отразиться и на прессѣ, но она была уже безсильна сдвинуть послѣднюю съ того пути, по которому ее направилъ „просвѣщенный произволъ" въ лицѣ Мальзерба, и по которому ее гнали все болѣе и болѣе крѣпчавшія „вѣянія времени".

Постановленіе совѣта 3-го іюня 1785 г. было послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ этой реаціи. Вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ созыва „націи", въ іюлѣ 1788 г., прессѣ была впервые предоставлена „временно" широкая легальная свобода; но этому „временному" освобожденію предстояло получить въ 1789 г. значеніе окончательно санкціонированнаго закономъ порядка вещей.

XVI.

Итакъ, *не смотря на полное отсутствіе свободы, санкціонированной закономъ, печать пользовалась въ занимающую насъ эпоху извѣстною фактическою свободой, основанной на „просвѣщенномъ произволѣ"*. О многомъ писать было запрещено, но обо всемъ этомъ все-таки сотни и тысячи перьевъ писали, а затѣмъ десятки и сотни типографскихъ станковъ предавали написанное тисненію. „Пресса—говоритъ современный наблюдатель, вспоминая о занимающей насъ эпохѣ,—не была свободна de jure, и однако это не мѣшало тому, что de facto печаталось все, что угодно" [2]). Авторовъ „безбожныхъ" и „противогосударственныхъ" сочиненій конечно не казнили: ихъ сажали время отъ времени въ Бастилію или какой-либо другой изъ „коро-

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. IV, p. 171 (22 février 1777): „Dans aucun temps il n'a été permis chez nous de mettre au jour sa façon de penser sur les gens en place, mais sous le ministère de M. Turgot chaque citoyen avait la liberté de publier ses idées sur les moyens d'amélioration des différentes parties de la finance".

[2]) *Pasquier,* Mémoires, t. I, p 43 et suiv: „La presse n'était pas libre de droit, cependant tout s'imprimait, tout se colportait aves audace".

левскихъ замковъ". Эти непріятныя приключенія не мѣшали однако этимъ писателямъ продолжать свою писательскую дѣятельность въ томъ же духѣ, подобно тому, какъ въ наше время желѣзнодорожныя крушенія не мѣшаютъ продолжать ѣздить по нимъ пассажирамъ. Кары, постигавшія писателей, не только не парализовали ихъ писательской дѣятельности, но зачастую—наоборотъ, подогрѣвали ее, увеличивая ихъ популярность—съ одной стороны, съ другой — изощряя ихъ въ „искусствѣ высказывать *все*, такъ чтобы не попасть въ Бастилію въ странѣ, гдѣ не дозволено *ни о чемъ* говорить" [1]). Это „искусство", въ которомъ тогдашніе писатели достигали, дѣйствительно, поразительной виртуозности [2]), они ставили такъ высоко, что они почти готовы были открещиваться отъ свободы прессы, „установленной эдиктомъ", такъ какъ такая свобода положила бы конецъ этому „искусству" [3]).

Что касается легальныхъ каръ, постигавшихъ то или другое произведеніе печати, въ родѣ „запрещенія" (suppression) отъ королевскаго совѣта, или сожженія рукою палача по приговору парламента [4]), то это оказывалось по большей части болѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ для преслѣдуемаго сочиненія, которое, благодаря публичной карѣ, пріобрѣтало разомъ и извѣстность и вмѣстѣ—притяга-

---

[1]) Выраженіе аббата Галіани, приводимое *Bersot,* Etudes, p. 13, изъ его корресподенціи.

[2]) Въ одномъ журналѣ было напечатано въ 1777 г. объявленіе о новомъ романѣ подъ заглавіемъ *l'Impuissant et la Coquette.* Оказалось, что въ дѣйствительности такой книги вовсе не выходило, а ея яко бы заглавіе заключало въ себѣ коварный намекъ на короля и королеву —*Mémoires secrets,* t. X, p. 100 (14 avril 1777).

[3]) „Dieu vous préserve de la liberté de la presse établie par édit! Rien ne contribue davantage à rendre une nation grossière, à détruire le goût, à abâtardir l'éloquence et toute sorte d'esprit". — *L'abbe Galiani,* Corresdondance, Paris, 1818 (цит. по *Bersot,* op. cit., p. 13). — Какъ далеки были отъ истиннаго пониманія свободы слова даже наиболѣе передовые и свободолюбивые изъ писателей того времени, показываетъ примѣръ d'Аламбера, который въ 1756 г. обратился къ Мальзербу, тогда начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, съ просьбой пріостановить издаваемую Фрерономъ *l'Année littéraire* за то, что въ этомъ изданіи была допущена рѣзкая выходка противъ *Энциклопедіи.—Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t. VI, p. 337.

[4]) *Сожженіе* не слѣдуетъ себѣ представлять, какъ уничтоженіе всего изданія. Сожженію подвергался обыкновенно лишь одинъ экземпляръ.

тельную силу запрещеннаго плода. Этимъ путемъ парламентъ и королевскій совѣтъ зачастую оказывали лишь услугу книгѣ, которая иначе рисковала пройти незамѣченной и заваляться на складѣ у издателя. „Вотъ еще сожженная книга!“ —пишетъ по поводу подвергшейся этой участи брошюры *le Cathéchisme du citoyen français* парижскій хроникеръ въ апрѣлѣ 1777 г. „Плохая политика—жечь книги. Сожженіе извлекаетъ ихъ изъ праха, въ которомъ имъ, быть можетъ, суждено было сгнить. Вотъ хотя бы этотъ *Катехизисъ*: безъ постигшей его публичной казни никто бы и не подозрѣвалъ о его существованіи. Онъ такъ сухъ, такъ неинтересенъ, такъ плохо написанъ, такъ напичканъ банальностями... Но онъ сожженъ! И сожженіе для книги приблизительно то же, что для писателя—званіе академика, которое, какъ извѣстно, Мидасовъ превращаетъ въ отмѣнныхъ умницъ... Тѣмъ лучше для насъ—говоритъ книгопродавецъ —мы вѣдь и живемъ глупостью писателей и публики“ [1]). На ряду съ плохими, запрещеніямъ и сожженію подвергались конечно и хорошія книги, но онѣ отъ этого тоже мало теряли, какъ показываетъ, напримѣръ, судьба вышедшей въ 1776 г. книги Бонсера *О неудобствахъ феодальныхъ правъ*; она была приговорена парламентомъ къ сожженію; результатомъ было то, что вскорѣ потребовалось новое изданіе [2]). Подобную же исторію видимъ около того же времени съ книгой *le Monarque accompli*, которой парламентскія преслѣдованія создали грандіозную рекламу [3]). Вышедшій въ 1784 г. трехтомный трактатъ Неккера о французскихъ финансахъ „производитъ—сообщаетъ современный хроникеръ—тѣмъ болѣе шума, что генералъ-контролеру (де-Калонну) удалось добиться запрещенія этого изданія“ [4]).

Кромѣ того, цензурныя строгости можно было обойти либо, какъ

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. IV, p. 292 (12 avril 1777).

[2]) *Mémoires secrets*, t. X (16 janvier 1777): „Malgré la proscription qu'a fait le parlement de la brochure intitulée *les Inconvénients des droits féodaux*, on en multiplie les éditions, et il en paraît une nouvelle“.

[3]) *Mémoires secrets*, t X (19 décembre 1777): *„Le Monarque accompli...* Tel est le titre d'un livre qui, proscrit il y a près de deux ans par le parlement, n'en est devenu que plus recherché“.

[4]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XVII, p. 222 (1 janvier 1785): „Son ouvrage (de Necker)... fait d'autant plus de bruit que le contrôleur général a réussi à en faire défendre la publication“.

мы видѣли, при благосклонномъ содѣйствіи самихъ же представителей цензурнаго вѣдомства, либо при помощи того „искусства", о которомъ только что была рѣчь; а когда ни то, ни другое не удавалось, то къ услугамъ пишущей братіи являлись тайныя типографіи, недостатка въ которыхъ не было, при слабости правительственнаго надзора за этой частью; слабостью этой пользовались и легальныя типографіи для того, чтобы конкуррировать съ тайными въ печатаніи нелегальныхъ сочиненій, въ сочиненіи которыхъ, сказать къ слову, принимали участіе—на ряду съ профессіональными писателями—адвокаты, судьи, члены парламентовъ, а подчасъ и сами королевскіе цензоры [1]), наконецъ - министры [2]) и вплоть до принцевъ королевскаго дома [3]).

Наконецъ, къ услугамъ авторовъ нелегальныхъ сочиненій были типографіи Англіи, Голландіи, Швейцаріи и германскихъ областей, откуда сочиненія эти ввозились во Францію цѣлыми транспортами, благодаря недостаточно бдительному надзору, а иногда, какъ мы видѣли, и при благосклонномъ содѣйствіи самихъ властей до министровъ включительно. Дѣло идетъ не только о какихъ-нибудь мелкихъ брошюрахъ, но и о такихъ объемистыхъ и многотомныхъ изданіямъ, какъ *Секретные мемуары Башомона*, какъ *Секретная корреспонденція* Метра, какъ *Дневникъ революціи, произведенной канцлеромъ Мопу*: эти многотомныя сочиненія, печатавшіяся за границей, находили себѣ такой широкій сбытъ во Франціи, что успѣли выдержать каждое по два и болѣе изданій въ теченіе немногихъ лѣтъ.

XVII.

Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было *правовое* положеніе печати во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, *фактическое* ея положеніе было таково, что какъ литературная, такъ и злободневная пресса достигли въ эту пору небывалаго развитія. Съ

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, Pidansat de Mairobert, censeur royal, secrétaire des commandements du duc de Chartres, авторъ и сотрудникъ многихъ произведеній нелегальной прессы (изданныхъ по большей части за границей).— *Quérard,* la France littéraire, t. VII, 151.

[2]) Этимъ грѣшилъ, напримѣръ, Морепа.

[3]) Графъ Прованскій, напримѣръ, принималъ участіе въ кампаніи подпольной прессы, направленной противъ Тюрго (см. ниже, стр. 195).

1757 по 1776 г. вышли въ Женевѣ 43 тома перваго „полнаго собранія сочиненій Вольтера", независимо отъ напечатаннаго въ Парижѣ собранія его сочиненій въ 22 томахъ въ 1757 г. и другихъ аналогичныхъ собраній, вышедшихъ въ Амстердамѣ въ 1764 г. въ 18 томахъ и въ Женевѣ въ тому же году въ 21 томѣ. Въ 1767—1778 г. печатается новое собраніе его сочиненій въ Женевѣ въ 30 томахъ, въ 1770—1780 г. въ Лозаннѣ въ 57 томахъ, въ 1771—1777 г. въ Люттихѣ въ 30 большихъ томахъ, въ семидесятыхъ годахъ въ Нефшателѣ въ 52 томахъ, въ 1775 г. въ Женевѣ въ 40 томахъ, въ томъ же году въ Ліонѣ въ 41 томѣ, въ 1785 году въ Келѣ въ 98 томахъ (напечатанное въ 15.000 экземпляровъ), въ 1785—1789 г. тамъ же въ 70 томахъ (напечатанное въ 28.000 экз.), въ 1784—1790 г. въ Базелѣ въ 71 томѣ, независимо отъ множества изданій отдѣльныхъ сочиненій того же автора [1]). Излишне пояснить, что огромная часть изданій, напечатанныхъ внѣ Франціи, предназначалась для нея. Собранія сочиненій Руссо, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, выходятъ въ разныхъ мѣстахъ, частью во Франціи, съ промежутками въ два-три года, а въ восьмидесятыхъ годахъ почти ежегодно и даже—нѣсколько изданій одновременно [2]). Менѣе внушительны соотвѣтствующія данныя для другихъ писателей эпохи, но въ общей совокупности они слагаются во солидную величину [3]). Послѣдняя значительно увеличится, если присоединить къ ней колоссальный коллективный трудъ—*Энциклопедію* Дидро и Даламбера; независимо отъ оригинальнаго изданія этого труда во Франціи, вышедшаго въ 1750—1772 г., онъ вышелъ—частью одновременно съ оригинальнымъ—въ нѣсколькихъ перепечаткахъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ за границей [4]). Въ восьмидесятыхъ годахъ стало выходить новое, переработанное и значительно дополненное изданіе *Энциклопедіи*, законченное лишь въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ 166 томахъ) [5]). Прибавимъ, что *Энциклопедія* Дидро и д'Аламбера, имѣв-

[1]) См. *Quérard,* la France littéraire, t. X, p. 371—377.

[2]) Ibidem, t. VIII, p. 192 et suiv.

[3]) Данныя эти можно найти у *Quérard,* op. cit.

[4]) Въ Лозаннѣ—по мѣрѣ выхода томовъ оригинальнаго изданія; въ Луккѣ въ 1758—1771 г. въ 23 томахъ, въ Ливорно въ 1770 г. въ 33 томахъ, въ Женевѣ въ 1777 г. (передѣлка), въ Лозаннѣ въ 1778 (тоже), въ Ивердонѣ въ 1778—1780 г. (тоже).—*Petit de Julleville,* op. cit., t. VI, p. 341.

[5]) Подъ названіемъ *Encyclopédie méthodique.* Законченная недавно печатаніемъ *la Grande Encyclopédie,* величайшая изъ новѣйшихъ энциклопе-

шая огромный издательскій успѣхъ [1]), вызвала цѣлый рядъ подражаній [2]).

Что касается въ частности эпохи Людовика XVI, то корифеи литературы „философскаго вѣка“, Вольтеръ, Руссо, Дидро, д'Аламберъ, доживали въ это время вечернюю зарю своей жизни на лаврахъ пріобрѣтенной въ предыдущее царствованіе славы. За-то на смѣну отходящему въ вѣчность поколѣнію великихъ „отцовъ“ является менѣе богатое крупными, но за-то не въ примѣръ болѣе многочисленное поколѣніе „дѣтей“. „Число писателей -говоритъ современникъ—размножилось до безконечности при Людовикѣ XVI“ [3]). „Вышедшее въ восьмидесятыхъ годахъ изданіе *Альманахъ великихъ людей* показываетъ, какъ огромно во Франціи число людей, одержимыхъ маніей писательства“. „Просто поразительна та масса произведеній, начиная мадригаломъ и кончая трагедіей, которыя появляются и исчезаютъ въ столицѣ, подобно тѣмъ насѣкомымъ, которыя рождаются, живутъ и умираютъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ“ [4]).

Общая тенденція къ демократизаціи, которою характеризуется культура второй половины восемнадцатаго вѣка, сказалась между прочимъ и на прессѣ. На смѣну нѣсколькимъ „большимъ сеньерамъ“ литературы является многочисленная мелкая литературная сошка, которая однако по-своему продолжаетъ дѣло своихъ великихъ отцовъ, популяризируя въ массахъ, пуская въ обращеніе размѣненными на общедоступную мелкую монету *Духъ законовъ* и *Общественный договоръ*, десятки фоліантовъ энциклопедіи и сотни томовъ Вольтера,—приспособляя къ уровню массы идеи „философіи“ и пріурочивая ихъ къ животрепещущимъ вопросамъ текущей современности. Въ 1775 г. изъ тайныхъ типографій выходятъ и ходко

дій, по крайней мѣрѣ втрое менѣе, по своимъ размѣрамъ, названной энциклопедіи конца восемнадцатаго вѣка.

[1]) Не смотря на конкурренцію многочисленныхъ заграничныхъ перепечатокъ, уже въ 1769 г., то-есть за три года до окончанія изданія, рыночная цѣна *Энциклопедіи* превысила почти на 50 процентовъ номинальную.—*Petit de Julleville,* op. cit. t. VI, p. 341.

[2]) Напримѣръ, вышедшій въ восьмидесятыхъ годахъ многотомный *Dictionaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen* (экземпляръ этого изданія имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета).

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 155: „Le nombre des écrivains s'est multiplié à l'infini sous le règne de Louis XVI“.

[4]) Ibidem, p. 166.

продаются „изъ-подъ полы“ (sous le manteau) анонимныя сочиненія *Другъ законовъ* и *Катехизисъ гражданина* [1]), излагающія, по выраженію современнаго хроникера, въ формѣ „доступной для умовъ самыхъ простыхъ и недалекихъ, доктрины, которыя въ *Духѣ законовъ* и *Общественномъ договорѣ* закутаны въ трудную для пониманія метафизику“ [2]).

Около того же времени выходятъ: *Записка о важныхъ вопросахъ публичнаго права* [3]) и *Принципы всеобщаго законодательства*, ратующіе за одно изъ основныхъ началъ, провозглашенныхъ „философіей“,—за свободу печати [4]).

Большую сенсацію, въ значительной мѣрѣ обязанную торжественному осужденію со стороны парламента, произвела въ 1776 г. книга Ланжюинэ *Совершенный монархъ*, представляющая собою, подъ видомъ панегирика государю-философу (императору Іосифу II), сатиру на французское современное правительство [5]). Въ іюнѣ 1776 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ появленіе анонимнаго *Опыта о деспотизмѣ*; брошюру эту онъ характеризуетъ, какъ „самое гордое сочиненіе, какое только было до сихъ поръ написано объ этомъ предметѣ“ [6]).

---

[1]) *L'Ami des lois; Cathéchisme du citoyen, ou Elements du droit public français.*—*Rocquain,* op. cit., p. 531.

[2]) *Mémoires secrets,* t. IX, p. 134 (15 juin 1776): „Cet ouvrage... met à la portée des plus simples et des plus ineptes une doctrine que *l'Esprit des Lois* et *le Contrat social* avaient noyée dans une métaphysique fort difficile à entendre“.

[3]) Подвергшаяся осужденію со стороны королевскаго совѣта въ январѣ 1775 г.—*Isambert,* Recueil, t. XXIII, p. 130. — Сочиненіе это не значится въ спискѣ осужденныхъ книгъ, напечатанномъ Рокэномъ въ приложеніи къ его сочиненію „l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution“.

[4]) *Principes de la législation universelle,* 1775. — *Bersot,* op. cit., p. 49.—Въ защиту свободы печати въ томъ же году вышло также сочиненіе аббата Морелле, написанное десять лѣтъ тому назадъ.—Ibidem. Сравн. *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 306.

[5]) *De Lenjuinais,* le Monarque accompli, Lausanne, 1774. Парижскій хроникеръ отмѣчается появленіе этой книги лишь въ маѣ 1776.—*Mémoires secrets,* t. IX, p. 100, 105 (3, 7 mai).—Сравн. *Rocquain,* op. cit., p. 532.

[6]) *Mémoires secrets,* t. IX, p. 140 (22 juin 1776): „Il paraît un *Essai sur le Desposme,* l'ouvrage le plus fier qui ait encore été écrit sur cette matière“. Авторомъ этого сочиненія былъ графъ Мирабо. — *Quérard,* la France littéraire, t. VI, p. 155.

Нѣсколько времени спустя вышла анонимная книга, принадлежавшая тому же перу, *О запечатанныхъ приказахъ и государственныхъ тюрьмахъ* [1]). Въ 1780 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ появленіе книги, которая, подъ заглавіемъ *l'Alambic des lois,* предлагаетъ читателямъ теоріи *Духа законовъ* въ переводѣ на языкъ памфлета и въ примѣненіи къ современной политической дѣйствительности [2]). Въ началѣ 1788 г. узнаёмъ о появленіи *Изслѣдованія о происхожденіи религіознаго и политическаго рабства во Франціи* [3]). Въ концѣ того же года выходитъ *Челобитная королю объ уничтоженіи поповъ и монаховъ во Франціи* [4]), и т. д.

XVIII.

Періодическая пресса нѣсколько отстаетъ въ своемъ развитіи отъ прессы книжной; тѣмъ не менѣе, вторая половина восемнадцатаго вѣка, въ особенности же семидесятые и восьмидесятые годы, отмѣчены довольно замѣтнымъ оживленіемъ и въ этой области печати [5]). Дошедшій до насъ списокъ періодическихъ изданій, цир-

[1]) Des lettres de cachet et des prisons d'Etat.—*Bersot,* op. cit., p. 49, относитъ это сочиненіе къ 1778 г.; у *Quérard,* op. cit., t. VI, p. 156, значится 1782 г., безъ обозначенія, первое это изданіе, или нѣтъ.

[2]) L'Alambic des lois, ou Observations de l'ami des Français sur l'homme et sur les lois.—*Mémoires secrets,* t. XV, p. 133 (11—14 avril 1780).

[3]) Recherches sur l'esclavage religieux et politique en France.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XIV, p. 133—134 (14 février 1783).—Въ этомъ памфлетѣ читаемъ, между прочимъ, слѣдующую любопытную фразу: „Qu'il se trouve seulement un roi, qui... réunisse l'âme de Henri IV aux lumières de Charlemagne, et le peuple français sera libre... On peut être libre même sous le gouvernement des rois".

[4]) Requête au roi sur la destruction des prêtres et des moines en France.—*Mémoires secrets,* t. XXIV, p. 90 (23 décembre 1783).

[5]) Съ 1760 г. выходитъ журналъ *le Censeur hébdomadaire;* съ 1764 г.—*Journal de Bruxelles* (первая ежедневная газета), *Gazette littéraire* (1764—1784); съ 1765 г.— *Ephémérides du citoyen, ou Chronique de l'Esprit national* (органъ „экономистовъ", прекратившійся въ 1772 г. и возродившійся въ 1775 г.) и *Journal de l'agriculture, du commerce et des finances;* съ 1770 г.—*Portefeuille hébdomaidaire;* съ 1772 г. —*Esprit des Journaux, Journal historique et politique;* съ 1774 г. —*Annales politiques, civiles et littéraires* (de Linguet): съ 1775 г.—*Nouvelles Ephémérides économiques;* съ 1776 г. — *Journal de Monsieur* и *Courrier de l'Europe;* съ 1777 г. —*Journal français;* съ 1779 г.—*Nouvelles de la République des lettres et des arts.* См. *Hatin,* Histoire de la presse périodique, Paris, 1859, t. III; *Petit de Julleville,* op. cit., t. VI,

кулировавшихъ въ Парижѣ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, содержитъ сорокъ два названія (въ томъ числѣ пятнадцать иностранныхъ, но исключительно на французскомъ языкѣ) [1].

Сравнивая періодическую прессу второй половины восемнадцатаго вѣка съ тѣмъ, что она представляла собою до этого времени, мы наблюдаемъ крупный шагъ впередъ въ этой области; но конечно эта періодическая пресса занимающей насъ эпохи покажется совершенно ничтожной, если мы сравнимъ ее съ тѣмъ, что̀ представляетъ собою эта пресса въ настоящее время. Было бы однако большою поспѣшностью дѣлать отсюда заключеніе о слабомъ развитіи злободневной прессы въ изучаемую нами эпоху. Дѣло въ томъ, что злободневная пресса въ ту пору далеко не исчерпывалась періодической журналистикой; послѣдняя поглощала въ себѣ лишь сравнительно незначительную долю первой. Текущая злоба дня находила себѣ главное выраженіе помимо журналовъ и газетъ—въ формѣ летучихъ листковъ [2], афишъ (placards) [3], брошюръ [4], „альманаховъ“ [5], „словарей“ [6], болѣе или менѣе многотомныхъ сборниковъ полу-періоди-

---

p. 539; *Anna Soederhjelm,* op. cit., p. 3; *Calonne,* la Vie agricole, p. 53; *Mémoires secrets*, t. VII (31 octobre 1774); ibidem (3 janvier 1775).

1) *Hatin,* op. cit., t. III, p. 314—316. По замѣчанію названнаго историка французской періодической прессы, „les journaux étaient devenus, dans le courant du XVIII-e siècle, l'objet d'un mouvement considérable et une excellente affaire“ (ibidem, p. 324).—По словамъ хорошо освѣдомленнаго современника, *le Journal de Paris* давалъ въ восьмидесятыхъ годахъ до ста тысячъ ливровъ чистой прибыли.—*Corespondance littéraire,* t. XIV, p. 162 (цит по *Иванову*, Политическая роль французскаго театра, стр. 711).

2) См. выше, стр. 179.

3) Для примѣра—см. афиши, цитируемыя *Рокэномъ*, l'Esprit révolutionnaire avant la Revolution, p. 330.

4) Наиболѣе обычная форма тогдашней злободневной прессы, въ которую хорошо укладывалась и публицистическая статья, и небольшой трактатъ по злободневному вопросу, и политическій памфлетъ, и литературная полемика и т. д. Примѣрами могутъ служить многія изъ цитируемыхъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ сочиненій.

5) Дѣло идетъ здѣсь не о тѣхъ „альманахахъ“ или „календаряхъ“, которые печатались въ большомъ количествѣ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи въ качествѣ ежегодниковъ и адресъ-календарей, а о различныхъ довольно обычныхъ въ ту пору пародіяхъ на такія изданія. Для примѣра: *Almanach des honnêtes gens,* изданный въ 1788 адвокатомъ Марешалемъ.—*Quérard,* la France littéraire, t. V, p. 521.

6) Одна изъ излюбленныхъ формъ памфлета и пасквиля. Примѣры: *Dic-*

ческаго характера, посвященныхъ либо какому-нибудь выдающемуся событію, привлекающему къ себѣ общественное вниманіе [1]), либо ставящихъ себѣ задачею отражать текущую жизнь, хотя бы и заднимъ числомъ, но съ возможною обстоятельностью [2]).

Сильный толчокъ развитію публицистической прессы, преимущественно памфлетнаго характета, дала „парламентская революція" 1771—1772 г. [3]), вызвавшая сильное возбужденіе въ широкихъ слояхъ французскаго общества; это возбужденіе нашло себѣ выраженіе между прочимъ въ оживленной и даже ожесточенной печатной полемикѣ между защитниками уничтоженныхъ парламентовъ—съ одной стороны и приверженцами „ужаснаго" канцлера—съ другой [4]). Даже возстановленіе парламентовъ въ 1774—1775 г. не могло сразу положить конецъ этой полемикѣ, продолжавшейся, частью заднимъ числомъ, еще нѣкоторое время [5]).

---

tionnaire des philosophes, 1767 (противъ „философовъ"), *Petite Encyclopédie,* 1772 (памфлетъ противъ *Энциклопедіи*).

[1]) Таковы посвященные „парламентской революціи" 1771—1772 г. изданія: *Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. de Maupeou, chancelier de France,* 1774—1776, Londres, 1774—1776, 7 vol.; *Maupeouana, ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou,* Paris, 1775.

[2]) Самое крупное явленіе въ этомъ родѣ представляютъ собою многократно цитированные нами *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France,* извѣстные подъ болѣе короткимъ названіемъ „Мемуаровъ Башомона" (охватываютъ двадцатипятилѣтіе съ 1762 по 1787 г.); этотъ 36-томный сборникъ выдержалъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ нѣсколько изданій.

[3]) *Flammermont,* le Chancelier Maupeou et les Parlements, Paris, 1885.

[4]) Значительная часть этой полемической литературы частью воспроизведена, частью зарегистрована въ цитированнныхъ выше (черезъ два примѣч. выше) *Journal historique* и *Maupeouana,* а также въ нѣкоторыхъ другихъ, каковы: *les Efforts de la Liberté et du Patriotisme contre le despotisme du Sr. de Maupeou* и *Journal historique du rétablissement de la magistrature.—Mémoires secrets,* t. XXIX (11 novembre 1774); t. IX (3 janvier 1776).

[5]) Напр.: Lettre du chancelier Maupeou à M. de Miromesnil (*Mémoires secrets,* t. VII, 26 décembre 1774); Oraison funèbre de très-hauts et très-puissants seigneurs, les gens tenants les conseils supérieurs en Franse (ibidem, 5 février 1775); Remarques historiques et anecdotiques sur le château de la Bastille (ibidem., 19 mars 1775); le Coup d'oeuil purin, памфлетъ противъ высшаго совѣта въ Руанѣ (ibidem, 27 avril 1775). — Сравн. *Mémoires secrets,* t. IX (2 janvier 1775): „Il paraît une carricature sanglante où MM. du Conseil supérieur de Rouen figurent d'une façon humiliante".

Не успѣла еще улечься эта полемика, какъ перемѣна царствованія въ 1774 г. дала новую тему для публицистики,—той конечно, которая для своего появленія на свѣтъ не спрашивала разрѣшенія королевскихъ цензоровъ [1]).

Въ 1775 г. во главѣ финансоваго вѣдомства становится Тюрго, одинъ изъ столповъ школы „экономистовъ". Его мѣропріятія въ духѣ послѣдней, между прочимъ—мѣры къ освобожденію хлѣбной торговли отъ различныхъ стѣсненій, подогрѣваютъ возникшую въ 1770 году полемику между физіократами, приверженцами свободы хлѣбной торговли, и ихъ противниками [2]). Одни, какъ Неккеръ, выступаютъ противъ „системы Тюрго" открыто [3]), другіе предпочитаютъ дѣйствовать подъ покровомъ анонимности. По мѣрѣ развитія плановъ новаго министра, расширяется и почва для полемической прессы, при чемъ вся дѣятельность Тюрго и его личность становятся мишенью для всевозможныхъ памфлетовъ [4]), летучихъ листковъ [5]),

[1]) Таковы вышедшіе въ маѣ 1775 г. памфлеты: la Vie de Louis XV и la Poule au pot (*Mémoires secrets,* t. VIII (11, 15 mai 1775).

[2]) Подробности объ этомъ можно найти въ книгѣ *Г. Е. Афанасьева,* Условія хлѣбной торговли во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Одесса, 1892 (глава XII, *Вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати).* Книга эта вышла также во французской переработкѣ (Paris, 1894).

[3]) *Necker,* De la législation et du commerce des grains, 1775. Брошюра эта выдержала въ короткое время до двадцати изданій.—*Quérard,* la France littéraire, t. VI, p. 393.

[4]) Въ апрѣлѣ 1776 г. былъ выпущенъ герцогомъ Прованскимъ, братомъ короля, злобный памфлетъ противъ Тюрго и „секты экономистовъ" подъ заглавіемъ *le Songe de M. de Maurepas, ou les Machines du gouvernement français* (текстъ его воспроизведенъ у *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. II, p. 107—127).—Въ концѣ того же апрѣля современный хроникеръ замѣчаетъ: „les censeurs de l'administration de M. Turgot ne cessent d'enfanter des satyres contre lui" *(Mémoires secrets,* t. IX, 28 avril 1776).—Въ маѣ 1776 г. хроникеръ отмѣчаетъ: „Outre la plaisanterie des *Trois Maries,* on parle d'une autre intitulée: *les Mannequins.* La disgrâce de M. Turgot fera percer plus aisément des satyres contre lui" (Ibidem, 30 mai 1776). Текстъ этого памфлета воспроизведенъ въ *Correspondance secrete, politique et littéraire,* t. III, p. 87—110.

[5]) Въ ноябрѣ 1775 г., напр., вышелъ листокъ, представляющій, подъ видомъ списка новыхъ книгъ, пасквиль на Тюрго и „экономистовъ", подъ заглавіемъ: Catalogue des Livres nouveaux qui se trouvent chez l'abbé Roubaud, secrétaire perpétuel de la Franche Loge Economiste sous la protection de M. Turgot, le très vénérable Grand-maître.—*Mémoires secrets,* t. VIII (novembre 1775).—Въ началѣ того же года распространялся въ рукописи листокъ подъ заглавіемъ: Lettre critique contre l'administration de M. Turgot.—*Soulavie,* Mémoires, t. III, p. 431.

эпиграммъ [1]), каррикатуръ [2]), chansons [3]), комедій [4]), при чемъ достается заодно и „сектѣ экономистовъ“ и всей доктринѣ физіократовъ.

Если кратковременное министерство Тюрго ознаменовалось ожесточенной кампаніей прессы, направленной противъ министра-реформатора его многочисленными и сильными противниками, въ рядахъ которыхъ стали парламенты, духовенство, дворянство, дворъ,—то въ болѣе продолжительное министерство Неккера, вокругъ имени послѣдня-

---

1) Въ апрѣлѣ 1776 г. противниками Тюрго была пущена въ обращеніе слѣдующая злая, или лучше сказать—злобная эпиграмма:

Inonder l'Etat de brigands,
Multiplier les mendiants,
De malheurs augmenter la somme,
Et soulever les paysans,
Sont les résultats effrayants
Du système de ce grand homme,
Dont les fous sont les partisans.
Riez, chantez, peuples de France,
Vous recouvrez la liberté;
Quant à votre propriété,
Le Prince en garde la finance,
Et de ce fortuné bienfait
Zéro sera le produit net.

Mémoires secrets, t. XI (16 avril 1776).

2) *Mémoirets secrets,* t. VIII (19 mai 1775): „Les adversaires du système de M. Turgot ont frappé une estampe satyrique pour le tourner en ridicule. Le ministre y est représenté en cabriolet avec M-me la duchesse d'Anville. L'abbé Baudeau, l'abbé Boubaud, le Sr. Dupont, le Sr. de Vaines et autres chefs des Economistes, le tirent et le font rouler sur les tas de blé. La voiture renverse bientôt; le contrôleur général est culbuté, la dame aussi, ses jupes retroussées et présentant son derrière. Au-dessus sont écrits ces mots: *Liberté, liberté, liberté toute entière*“.

3) *Mémoires secrets,* t. IX (10 avril 1776): „Les ennemis de M. Turgot, ne cessent de chercher à répandre de l'odieux ou du ridicule sur ses opérations, sur ses confidents et ses suppôts, même sur sa personne. C'est ce qui a donné lieu à une chanson“...—Судя по изложенію, это не та *chanson,* которая фигурируетъ въ *Recueil Clairambault-Maurepas,* t. IX, p. 100—101, подъ заглавіемъ: *Portrait de Turgot.*

4) Такъ, въ ноябрѣ 1776 г. вышла въ формѣ драмы, сатира, направленная противъ энциклопедистовъ и „экономистовъ“, подъ заглавіемъ *le Bureau d'esprit (Mémoirets secrets,* t. IX (26 novembre, 4 décembre 1776).

го выросла цѣлая полемико-публицистическая литература за и противъ [1]).

Послѣ его отставки въ публицистической прессѣ наступаетъ временное затишье, прерываемое время отъ времени появленіемъ какого-нибудь нецензурнаго памфлета противъ того или другого министра [2]), или противъ существующаго порядка вообще [3]). Это сравнительное затишье было нарушено въ 1784 г. появленіемъ обширнаго трактата Неккера объ управленіи финансами во Франціи [4]).

Не смотря на усилія правительства *замолчать* этотъ трактатъ [5]), въ которомъ стоявшій въ то время во главѣ финансоваго управленія де-Калоннъ увидѣлъ, и не безъ основанія, косвенную критику

---

1) Большая часть этихъ публицистико-полемическихъ произведеній была въ концѣ 1781 г., то-есть послѣ отставки Неккера, перепечатана въ видѣ сборника, подъ заглавіемъ: *Collection complète de tous les ouvrages pour et contre M. Necker,* Utrecht, 1781, 3 vol.—„Полнота", на которую претендуетъ заглавіе, несомнѣнно, лишь относительная. Экземпляръ этого рѣдкаго въ настоящее время изданія имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета. Краткое изложеніе содержанія большей части этихъ произведеній можно найти въ *Mémoires secrets,* t. XIV—XVIII.

2) Напримѣръ, въ маѣ 1783 г. вышелъ рѣзкій пасквиль противъ хранителя печатей Мироменилія.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XIV, p. 341 (21 mai 1783): „On a imprimé... une diatribe sanglante contre M. le garde des sceaux".

3) Такъ, въ концѣ 1783 г. современный хроникеръ отмѣчаетъ появленіе брошюры, заключающей въ себѣ „разсужденія о предѣлахъ власти королей и свободы народовъ".—*Correspondance secrète,* t. XV, p. 258—259 (1 décembre 1783).—Въ началѣ 1783 г. появляется брошюра, содержащая въ себѣ сатирическое изображеніе современной Франціи, подъ заглавіемъ: le Roi voyageur, ou Examen des abus de l'administration de la Lydie. Краткое изложеніе содержанія этой книжки, написанной въ духѣ „экономистовъ", даютъ *Mémoires secrets,* t. XXVIII (18 février 1785).

4) *Necker,* De l'administration des finances de la France, Paris, 1784, 3 vol.

5) *Mémoires secrets,* t. XXVIII (14 mars 1785): „Le gouvernement s'obstine à la proscription de l'ouvrage de M. Necker, mais tacitement; il ne veut qu' aucune feuille en parle". Министры не осмѣливались открыто преслѣдовать сочиненіе Неккера, которое успѣло попасть въ руки короля и произвести на него сильное впечатлѣніе.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII, p. 343 (24 février 1785): „On fait dire au Roi qui a lu et relu son ouvrage (de Necker): il faut que tout le monde ait grand intérêt à donner des torts à M. Necker, car dans ce pays il n'a que moi seul pour ami".—Сравн. *Lescure,* Correspondance secrète, t. I, p. 338.

своего управленія [1]),—сочиненіе Неккера, взбудоражившее улегшіяся было страсти, бушевавшія вокругъ его имени три-четыре года тому назадъ, послужило сигналомъ къ новой вспышкѣ въ полемико-публицистической прессѣ [2]), которая отъ спеціальныхъ вопросовъ, связанныхъ непосредственно съ сочиненіемъ Неккера, вполнѣ естественно переходила на болѣе общіе вопросы объ „управленіи", о государственномъ строѣ и гнѣздящихся въ немъ „злоупотребленіяхъ", и т. д. Не смотря на усиленіе строгостей противъ явной и тайной прессы, „никогда еще—говоритъ современный хроникеръ—не выходило такого множества подпольныхъ сатиръ, при чемъ ихъ авторы, за рѣдкими исключеніями, ускользаютъ отъ розысковъ полиціи" [3]).

Въ частности, мишенью „подпольныхъ сатиръ" въ это время сдѣлалась королева [4]). Она уже и до тѣхъ поръ успѣла утратить популярность [5]), а теперь, послѣ отставки Неккера, которую молва приписывала ея проискамъ [6]), Марія Антуанетта успѣла вооружить противъ себя еще болѣе широкіе круги общества, при чемъ ея непопулярность пришлось раздѣлить и ея новому protégé, де-Калонну [7]). Скандальное дѣло съ „ожерельемъ королевы" въ 1786 г. [8]) снова усилило этотъ потокъ „подпольныхъ сатиръ" и злыхъ куплетовъ

---

[1]) Онъ пытался было воспрепятствовать появленію этого трактата въ печати (см. выше, стр. 186, примѣч. 4).

[2]) Современный хроникеръ отмѣчаетъ впрочемъ безуспѣшность направленной противъ Неккера полемики.—*Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 46—47 (21 avril 1785): „Les critiques contre l'ouvrage de M. Necker se multiplient sans aucun succès... Le fameux abbé Baudeau, l'économiste, vendra demain un autre plaidoyer contre M. Necker".

[3]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (7 juin 1785).

[4]) *Correspondance secrète politique et littéraire,* t. XVIII, p. 153 (8 juin 1785); *Lescure,* Correspondance secrète, t. I, p. 568—569.

[5]) Такъ, въ февралѣ 1776 г. парижскій хроникеръ отмѣчаетъ: „La fureur effrénée des auteurs criminels des couplets redouble, et ils en ont enfanté contre la reine de plus affreux encore s'il est possible. M. le lieutenant général de police est de nouveau aux aguets de ces abominables chansonniers".

[6]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t XVII, 357 (2 mars 1785): „On sait que le roi n'avait consenti à la retraite de M. Necker, que par condescendance pour la reine et pour ses frères".

[7]) *Mémoires secrets,* t. XXX (7 novembre 1785): „Un nouveau *Supplément au Journal de Paris...* est toujours principalement dirigé contre M. de Calonne".—Сравн ibidem, t. XXX, p. 45 (12 octobre 1785).

[8]) *Funck-Brentano,* l'Affaire du collier, Paris, 1902, 4-e édition.

противъ королевы, при чемъ попутно влетало и королю и министрамъ [1]).

По мѣрѣ приближенія къ 1789 г., все болѣе и болѣе обнаруживается безсиліе правительства—бороться съ все болѣе и болѣе ростущимъ потокомъ подпольной прессы. „Не перестаютъ плодиться—замѣчаетъ современный хроникеръ въ сентябрѣ 1787 г.—памфлеты и каррикатуры", напраленные противъ короля, двора, правительства [2]). Въ концѣ того же мѣсяца „подпольныя произведенія кишатъ" [3]). Затѣянная Ломени-де-Бріенемъ и Ламуаньономъ новая „парламентская революція", въ маѣ 1788 г. [4]), подлила масла въ огонь. „Мятежныя брошюры, жестокія афиши—пишетъ современный хроникеръ въ первыхъ числахъ іюня 1788 г.– продолжаютъ множиться и возбуждать умы. Строгость полицейскихъ розысковъ лишь озлобляетъ недовольныхъ" [5]). Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца—уже настоящій „потопъ" подпольныхъ произведеній [6]).

Созывъ генеральныхъ штатовъ, сопровождавшійся объявленіемъ свободы печати (въ іюлѣ 1788 г.), естественно, далъ новый и сильный толчекъ развитію публицистической прессы, для которой историческій моментъ открывалъ цѣлое море вопросовъ одинъ другого важнѣе, одинъ другого животрепещущѣе. Оживленіе это продолжаетъ рости

1) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 172 (16 août 1787). „...on a l'indignité de répandre des écrits et des placards abominables contre le roi et son auguste famille".—Ibidem, p. 183 (15 septembre 1787): „Les diffamations, les bruits calomnieux, les écrits et les carricatures qu'on répand, indignent presque toutes les personnes honnêtes. On vend secrètement un croquis avec cette inscription: *La France malade*. Elle est en effet représentée expirante; on voit sur une table huit palettes de sang que vient de lui tirer M. de Calonne; la Reine tient l'assiette pour recevoir la neuvième palette..."

2) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 180 (5 septembre 1787): „Les pamphlets et les carricatures vont leur train".

3) Ibidem, p. 184 (24 septembre 1787): „Les écrits clandestins ne cessent de pulluler. La *Supplique du peuple au Roi* veut prouver que les réformes dans la maison du Roi sont illusoires", etc.

4) *Glasson*, le Parlement de Paris, Paris, 1901, p. 474; *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, Rouen, 1842, t. VII, p. 174—184.

5) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 263 (7 juin 1788): „Les brochures séditieuses, les placards atroces continuent de se multiplier et d'échauffer les esprits. La rigueur des recherches de la police ne fait qu'aigrir lés mécontents".

6) Ibidem, p. 268 (22 juin 1788): „Nous sommes inondés d'écrits. Les plus piquants sont", etc.

вплоть до открытія генеральныхъ штатовъ въ маѣ 1789 г., а съ открытіемъ ихъ еще усиливается. „Лавочки, гдѣ продаются брошюры,—пишетъ прибывшій въ началѣ іюня 1789 г. въ Парижъ англійскій путешественникъ Юнгъ —дѣлаютъ невѣроятные обороты. Я пошелъ въ Пале-Рояль чтобы посмотрѣть новинки и добыть ихъ полный каталогъ. Оказывается, что ежечасно выходятъ новыя произведенія. Сегодня вышло тринадцать, вчера шестнадцать, а всего за послѣднюю недѣлю—92. Мы воображаемъ иногда, что магазины Дебретта и Стокделя въ Лондонѣ переполнены; но они—пустыня по сравненію съ Дессэномъ и нѣкоторыми другими въ Парижѣ; нелегкое дѣло протискаться до прилавка... Потребность читать политическія брошюры настолько распространилась, что, говорятъ, и въ провинціи всѣ типографіи также завалены работой“ [1]. „Парижъ залитъ потопомъ лжи“—пишетъ въ серединѣ августа 1789 г. пессимистически настроенный парижанинъ. „На улицахъ стонъ стоитъ отъ оглушительныхъ выкрикиваній почти двухъ тысячъ продавцовъ памфлетовъ. Одинъ кричитъ: по два су—*Калоннъ выгнанный изъ Англіи*; другой: по десяти ліаровъ—*Арестованные Полиньяки*; третій объявляетъ *Открытіе заговора аристократовъ*, четвертый—*Исповѣдь графа д'Артуа*, и т. д. Авторы этихъ мерзостей конечно подверглись бы строгому наказанію, не будь въ настоящую минуту такой полной анархіи...“ [2]. „Сотни политическихъ брошюръ всевозможныхъ размѣровъ“—пишетъ около того же времени другой парижскій наблюдатель, настроенный скорѣе иронически, чѣмъ пессимистически,—„день и ночь работаютъ надъ тѣмъ, чтобы помочь администраціи, наставить уму-разуму государей и министровъ, имѣющихъ жестокость не читать сочиненій, спеціально для нихъ написанныхъ... Академіи объявляютъ на соисканіе премій политическія темы... Никогда еще общество (corps social) не имѣло ни болѣе горячихъ, ни болѣе многочисленныхъ друзей“... [3].

XIX.

Къ прессѣ примыкаетъ *театръ* представляющій собою, такъ сказать, продолженіе на сценѣ того „разговора“, который идетъ въ

---

[1] *Young,* Voyages en France, t. I, p. 183.
[2] *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 379.
[3] *Mercier,* Tableau de Paris, t. X, p 177,

салонахъ, „литературныхъ синагогахъ“, клубахъ, кафе. Восемнадцатый вѣкъ отмѣченъ замѣтнымъ прогрессомъ и въ этой области. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже размноженіе театровъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи [1]). На ряду съ публичными театрами, появляется масса частныхъ сценъ. Театральная зала (salle de spectacle) становится непремѣнной принадлежностью каждаго сколько-нибудь значительнаго барскаго дома, каждаго новаго интендантскаго „отеля“; уже въ серединѣ восемнадцатаго вѣка въ Парижѣ насчитывается болѣе полутораста различныхъ обществъ, имѣющихъ свои сцены. Двадцать пять лѣтъ спустя увлеченіе театромъ становится настоящей маніей свѣтскаго общества. „Всѣ наши сеньеры—военные, церковные, штатскіе—напоминаютъ группы Бріоше (изобрѣтателя маріонетокъ)“—пишетъ современникъ. „Всѣ они спѣшатъ устраивать въ своихъ домахъ маріонеточные театрики, гдѣ и упражняются въ разыгрываніи комическихъ оперъ во славу и на пользу отечества“. „Страсть устраивать спектакли—пишетъ другой современникъ въ 1775 г.—овладѣла всѣмъ обществомъ; только и разговоровъ, что о маленькихъ театрахъ на дачахъ въ окрестностяхъ Парижа“ [2]). Спектакль на домашней сценѣ, это—обычное завершеніе всякаго парраднаго обѣда [3]).

Знатные сеньеры, богатые буржуа и дамы не только устраиваютъ у себя спектакли, но и сами занимаются сочиненіемъ комедій и другихъ театральныхъ пьесъ, привлекая иногда къ сотрудничеству даже своихъ горничныхъ [4]). И не только сочиняютъ пьесы, но и разыгрываютъ ихъ въ качествѣ актеровъ-любителей. Въ послѣдніе годы передъ революціей, по словамъ современника, „всѣ становятся актерами“ [5]). Всѣ—вплоть до графа д'Артуа, „съ большимъ успѣхомъ“ исполняющаго на придворной сценѣ роль Фигаро, —и Маріи-Антуанетты, съ неменьшимъ успѣхомъ подвизающейся на той же сценѣ въ роли горничныхъ и крестьянокъ [6]),—вплоть до молодыхъ аббатовъ, выступающихъ на частныхъ сценахъ и вызывающихъ своимъ артистическимъ исполненіемъ женскихъ ролей

[1]) *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 172.
[3]) Тамъ же, стр. 177.
[4]) Тамъ же, стр. 174.
[5]) Тамъ же, стр. 159.
[6]) Тамъ же, стр. 167.

апплодисменты зрителей, не исключая и присутствующихъ среди нихъ прелатовъ [1]).

Что касается театральной литературы, то, въ противоположность литературѣ семнадцатаго вѣка, разработывавшей общечеловѣческія темы „всѣхъ вѣковъ и народовъ“, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности же во-второй его половинѣ, она начинаетъ тяготѣть къ общественной злобѣ дня и пріобрѣтаетъ до извѣстной степени публицистическій характеръ. Теряя отъ этого въ художественномъ отношеніи, она много выигрываетъ въ качествѣ выразителя общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ—одного изъ факторовъ послѣдняго [2]).

XX.

Являясь отраженіемъ общественныхъ настроеній и однимъ изъ выраженій „общественнаго мнѣнія“, пресса, разумѣя подъ этимъ словомъ литературу и публицистику вмѣстѣ, являлась, съ другой стороны, и однимъ изъ первостепенныхъ факторовъ послѣдняго. Вліяніе „философской“ литературы на общественное мнѣніе было фактомъ настолько бьющимъ въ глаза, что многіе изъ современниковъ склонны были отождествлять послѣднее съ первой или по крайней мѣрѣ—смотрѣть на общественное мнѣніе, лишь какъ на отраженіе „философіи“ [3]).

1) Тамъ же, стр. 176.

2) Подробности—въ названномъ сочиненіи г. Иванова.—Сравн. главу о театрѣ въ XVIII в. Henri Lion'a у *Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 543—635. См. также разборъ названнаго сочиненія И. И. Иванова, напечатанный проф. Н. П. Дашкевичемъ въ *Отчетѣ о VII присужденіи премій митрополита Макарія въ 1897 г.* (отд. оттискъ: С.-Пб. 1902).

3) Напримѣръ: *Bertrand de Molleville,* Histoire de la Révolution, t. I, introduction, p. 48: „Dans ce même temps, s'éleva une secte audacieuse et coupable qui, sous le nom de la *philosophie,* créa une nouvelle puissance dont elle se constitua l'organe, et qu'elle appela *l'opinion publique.*—Сравн. *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 110—111; *M-me de Genlis,* Dictionnaire des étiquettes, t. II, p. 208. - Эту точку зрѣнія усвоили и нѣкоторые изъ историковъ, напр., *Ducros,* les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 187: „Louis XVI ayant résisté à l'opinion des philosophes qui est l'opinion publique“, etc. — Сравн. *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 46: „Ни одна философія никогда и нигдѣ не отождествлялась съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ первый разъ это произошло во Франціи“.—Что въ дѣйствительности *общественное мнѣніе* не впол-

Пресса являлась, какъ мы видѣли, однимъ изъ факторовъ и вмѣстѣ —однимъ изъ выраженій общественнаго мнѣнія, а общественное мнѣніе—это вѣдь была новая „верховная власть", передъ которой во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка преклоняются всѣ и все, не исключая и представителей государственной власти. И представители прессы, вліяніе которыхъ на общественное мнѣніе чувствовалось и помимо послѣдней [1]), вполнѣ сознаютъ свою силу. Во второмъ изданіи своей *Философской исторіи обѣихъ Индій* аббатъ Рейналь, въ 1774 г., проектируетъ установленіе „европейской республики", въ которой писатели, какъ руководители общественнаго мнѣнія, будутъ руководить и правительствомъ [2]).

Какъ одинъ изъ мощныхъ факторовъ общественнаго мнѣнія, пресса, естественно, даетъ чувствовать свою силу и правительству. Это—фактъ, который бросается въ глаза уже современникамъ. Если при Людовикѣ XIV пресса прислушивается къ камертону двора, то съ середины царствованія его преемника роли совершенно мѣняются: дворъ и правительство начинаютъ съ чувствомъ безпокойства прислушиваться къ голосу прессы [3]). Тѣ драконовскія репрессивныя законодательныя мѣры, въ родѣ пресловутой деклараціи 1757 г., которыя правительство Людовика XV издаетъ противъ прессы, выдаютъ, помимо его воли, испытываемое правительствомъ чувство страха, смѣшанное съ сознаніемъ своего безсилія противъ

нѣ совпадало съ *философіей*, это можно видѣть, напримѣръ, на отношеніи перваго и послѣдней къ парламентамъ, особенно въ эпоху „революціи Мопу", *противъ* которой было тогдашнее *общественное мнѣніе*, хотя *философы*, съ Вольтеромъ во главѣ, были *за* нее.

1) Стóитъ, напримѣръ, припомнить хотя бы ту видную роль, которую писатели играли въ салонной жизни. См., напр., *Senac de Meilhan,* le Gouvernement etc., p. 88—89: „...les sociétés dominantes. . Les gens de lettres avaient sur ces sociétés un ascendant marqué pour la plupart des objets relatifs au gouvernement".

2) *Raynal,* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, Amsterdam, 1770, 4 vol. in-8. (*Quérard*, op. cit., t. VII, p. 473. Цитируемъ по *Petit de Julleville*, Histoire de la Littérature française, t. VI, p. 382).

3) *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 93: „Sous Louis XIV la supériorité de l'Etat sur la république des lettres et son indépendance des opinions littéraires sont si bien établies... Sous Louis XV, au contraire, la prépondérance de la rédublique des lettres sur le gouvernement est d'une telle influence ..", etc.

надвигающейся, въ лицѣ оппозиціонной прессы, новой и враждебной ему силы. Аналогичное состояніе духа диктовало и правительству Людовика XVI его образъ дѣйствій по отношенію къ Вольтеру, которому оно не хотѣло разрѣшить возвратиться въ Парижъ, но и не рѣшилось воспрепятствовать этому возвращенію: въ лицѣ Вольтера оно видѣло—и не безъ основанія—олицетвореніе силы печатнаго слова, какъ фактора общественнаго мнѣнія, въ эту пору настроеннаго оппозиціонно [1]). Въ царствованіе Людовика XVI пресса является, по замѣчанію современника, силой, соперничающей съ правительствомъ [2]), —и соперничающей по большей части съ успѣхомъ. Одной изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій этого общаго факта является устроенный Парижемъ Вольтеру тріумфальный пріемъ во время его возвращенія послѣ долгихъ лѣтъ изгнанія [3]).

„Проектъ“ аббата Рейналя, о которомъ была рѣчь выше, современникамъ его могъ представляться менѣе фантастичнымъ, чѣмъ это кажется намъ. *Фантазія* опиралась въ данномъ случаѣ на вполнѣ *реальный фактъ*,—фактъ необычайно вліятельнаго положенія, котораго достигаютъ писатели во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, и это—до извѣстной степени независимо отъ окружающей то или другое имя громкой славы. „Писательство – говорятъ одинъ изъ второстепенныхъ писателей эпохи,—правда, не даетъ само по себѣ опредѣленнаго общественнаго положенія, но оно замѣняетъ послѣднее для тѣхъ, кто таковаго не имѣетъ; писательство доставляетъ имъ даже такія почести, которыхъ не всегда въ состояніи добиться лица, занимающія болѣе высокое общественное положеніе. Въ настоящее время считается такъ же мало унизительнымъ преклоняться

---

1) *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 111: „*L'opinion philosohique* l'emportait tellement alors dans les esprits et intimidait à tel point le pouvoir qu'on laissa revenir Voltaire dans son pays sans le lui permettre...“

2) *Soulavie,* op. cit., t. VI, p. 94: „Sous Louis XVI, la république des lettres rivalise en quelque sorte, par son influence, son crédit et sa renommée, avec le gouvernement“.

3) *Rocquain,* op. cit., p. 369; *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 111: „On ne voulut point lui accorder une légère grâce, et on le laissa jouir d'un triomphe éclatant“. - *Фонвизинъ,* Письма изъ Франціи, Парижъ 20/31 марта 1778: „Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія“ (*Полное собраніе сочиненій,* Москва, 1830, т. II, стр. 27).

передъ умомъ, какъ и передъ красотой" [1]). Если такъ дѣло обстояло въ серединѣ столѣтія (приведенныя слова относятся къ 1751 г.), то четверть вѣка спустя „быть писателемъ уже означало занимать видное положеніе въ государствѣ" [2]).

„Таланты, умъ, артистическая извѣстность—говоритъ другой современникъ Людовика XVI—доставляли человѣку лестное вниманіе. Эти счастливые дары природы ставили людей безъ роду безъ племени почти на равную ногу съ знатными сеньерами и наиболѣе почетными лицами" [3]). Зачастую къ писателямъ—говоритъ другой современникъ—относились даже съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ лицамъ высокопоставленнымъ [4]). Знатныя барыни отличаютъ ихъ особеннымъ вниманіемъ, лица высокопоставленныя ищутъ ихъ общества [5]).

Придворная знать, по выраженію современника изъ числа представителей послѣдней, „фрондировала противъ Версаля и ухаживала за *Энциклопедіей*". „Мы предпочитали—говоритъ онъ—слово похвалы д'Аламбера или Дидро самой отмѣнной милости какого-либо государя" [6]). Это говоритъ одинъ изъ придворныхъ Версаля! Какъ далеко это отъ того времени, когда „милость государя" была верхомъ достижимаго на землѣ счастья не только для придворнаго, но даже и для человѣка „достигшаго высокаго положенія и популярности своими талантами" [7]). Теперь старинные дворянскіе гербы склоняются передъ „писателями безъ предковъ" [8]). Передъ ними

[1]) *Duclos,* Considérations sur les moeurs de ce siècle, Paris, 1751: „Les lettres ne donnent pas précisément un état, mais elles en tiennent lieu à ceux qui n'en ont pas d'autre, et leur procurent des distinctions que des gens qui leur sont supérieurs par le rang n'obtiendraient pas toujours".

[2]) *De Barante,* op. cit., p. 311: „Etre écrivain, c'était occuper un rang dans l'Etat".

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 121.

[4]) *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 95: „Les écrivains... jouissaient... d'une considération supérieure, à plusieurs égards, à celle des grands de la monarchie".

[5]) *Taine,* les Origines, t. I, p. 409.

[6]) *Segur,* Mémoires, t. I, p. 97: „On frondait les puissances de Versailles, et on faisait sa cour à celles de l'Encyclopédie. Nous préférions un mot d'éloge de d'Alembert, de Diderot, à la faveur la plus signalée d'un prince".

[7]) См. выше, стр. 123.

[8]) *Senac de Meilhan,* op. cit., p. 125: „L'homme de lettres, sans aïeux, recherché des grands, des hommes en place, des riches... était distingué, comblé d'éloges dans les plus brillantes sociétés..."

опускаются троны, за ними ухаживаютъ коронованныя особы [1]). Во Франціи, правда, Людовикъ XV, инстинктивно не долюбливавшій „новаго духа", не жаловалъ литературы, которая была пропитана этимъ духомъ; за-то M-me de-Pompadour, „умѣвшая понять современную силу общественнаго мнѣнія, не отказывала въ своемъ вниманіи писателямъ и артистамъ", въ обществѣ которыхъ, собиравшемся у придворнаго врача Кенэ, она охотно проводила время [2]), а человѣкъ, стоявшій въ это царствованіе въ теченіе многихъ лѣтъ во главѣ управленія по дѣламъ печати (Мальзербъ), былъ „другомъ философіи" и благожелательнымъ покровителемъ писателей. Онъ мечталъ даже, какъ сообщаетъ современникъ, „сдѣлать Парижъ столицей писателей всего міра", „новыми Ѳивами, куда стекалась бы дань со всего міра черезъ ихъ сто воротъ". „Парижъ долженъ былъ стать центромъ научной и художественной жизни"; въ Парижѣ долженъ былъ, по его мысли, издаваться особый періодическій органъ, „который бы служилъ каналомъ для всѣхъ знаній" [3]).

Людовикъ XVI, которому, точно въ насмѣшку, судьба послала цѣлый рядъ министровъ—частью писателей, частью причастныхъ къ литературѣ, тоже нельзя сказать, чтобы очень жаловалъ „литературную республику". Тѣмъ не менѣе, и онъ и его правительство въ лицѣ министровъ, даже и тѣхъ, что вполнѣ раздѣляли въ данномъ отношеніи настроеніе своего государя, признавало однако нужнымъ считаться съ представителями литературы. Ежегодно золотой дождь—хотя, правда, и не особенно обильный—орошаетъ литературную ниву черезъ „каналъ" генеральнаго контроля [4]). Въ восьмидесятыхъ годахъ министръ двора баронъ де-Бретёйль и директоръ главнаго управленія по дѣламъ печати ле-Нуаръ „не пренебрегаютъ никакимъ средствомъ, для того чтобы поощрить ученыхъ и писателей". „Первый—сообщаетъ современный хроникеръ—предполагаетъ приглашать разъ въ недѣлю къ своему столу по два

---

1) *Desnoiresterres,* Voltaire et Frédéric, Paris, 1870; *Ch. de Larivière,* Catherine II et la Révolution française, Paris, 1895; *Petit le Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 111 et suiv.

2) *Ивановъ,* Политическая роль французскаго театра, стр. 164.

3) *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. II, p. 320.

4) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-e partie, t. I, 268 (9 mars 1786): „Au moment où doivent se décerner les grâces accordées par S. M., Mr. le Contrôleur général aura à examiner plus de huit cents mémoires à l'appui des demandes qui lui sont adressées".

члена отъ Французской Академіи, отъ Академіи наукъ и отъ Академіи изящной словесности, а также по два профессора отъ Королевскаго коллежа, для того, чтобы такимъ путемъ лучше быть освѣдомленнымъ относительно того, на кого правительство должно распространять свое благоволеніе" [1]).

XXI.

Вліяніе прессы на правительство въ занимающую насъ эпоху можно прослѣдить и въ отдѣльныхъ актахъ послѣдняго. Можно даже сказать, что многіе изъ правительственныхъ актовъ первостепенной важности были подсказаны прессой. Законодательной отмѣнѣ натуральной дорожной повинности, сначала въ 1776 г. при Тюрго, потомъ въ 1787 г. при де-Калоннѣ, предшествовали продолжительные и оживленные дебаты объ этомъ вопросѣ въ прессѣ, которой, можно сказать, принадлежитъ дѣйствительная честь почина этой важной реформы [2]).

Съ реформой провинціальной администраціи, намѣченной въ видѣ частичнаго опыта въ концѣ семидесятыхъ годовъ и проведенной окончательно въ 1787 г., связана точно также довольно значительная публицистическая литература, не оставшаяся безъ вліянія на законодательное рѣшеніе вопроса [3]); послѣднее является какъ бы отвѣтомъ на desiderata, высказанныя подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ прессѣ.

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. XVII, p. 309 (3 février 1785).

[2]) Одинъ изъ первыхъ заговорилъ противъ натуральной дорожной повинности маркизъ Мирабо въ пятидесятыхъ годахъ въ своемъ *Другъ людей (Lettre sur les corvées);* въ семидесятыхъ годахъ объ этомъ предметѣ писалъ аббатъ Бодо (*Mémoire sur les corvées servant de réplique à leurs apologistes,* 1775); въ восьмидесятыхъ годахъ годахъ—Кондорсэ *(Sur l'abolition des corvées, Oeuvres,* t. XI), Dupré de Saint-Maur (*Mémoire sur l'administration des corvées,* 1784), Chaumont de la Galaisière (*Mémoire sur les corvées,* 1785); de Pemmereuil (*Des corvées, nouvel examen de cette question,* 1787) и мн. др.

[3]) Кромѣ болѣе извѣстныхъ въ исторической литературѣ сочиненій маркиза Мирабо (все въ томъ же *Другъ людей*) и Ле-Троня (*De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt,* 1779), по этому вопросу было написано, особенно въ восьмидесятыхъ годахъ, много частью анонимныхъ трактатовъ и брошюръ, обширная коллекція которыхъ имѣется въ парижской Національной библіотекѣ (въ отдѣлахъ Lb 39 и Lf 95).

Вопросъ о протестантахъ точно также долгое время дебатировался въ прессѣ, прежде чѣмъ получить законодательное рѣшеніе въ формѣ эдикта 1787 г.,—и опять-таки въ смыслѣ удовлетворенія высказаннымъ прессою пожеланіямъ [1]). Мало того, пресса до извѣстной степени оказывала вліяніе на судьбы министровъ. Предшествовавшая паденію Тюрго въ 1776 г. ожесточенная травля его въ прессѣ [2]), несомнѣнно, не осталась безъ вліянія на судьбу его, какъ министра. То же самое можно сказать и о Неккерѣ, противъ котораго точно также была организована его противниками настоящая кампанія прессы, не сразу прекратившаяся и послѣ его отставки въ 1781 г. [3]).

Итакъ, каково бы ни было *легальное положеніе* прессы въ занимающую насъ эпоху во Франціи, *фактическая роль* ея очень значительна и какъ фактора общественнаго мнѣнія и какъ его выразителя. Тѣ легальныя стѣсненія, которыми она была окружена, не помѣшали ей сдѣлаться „универсальнымъ орудіемъ, которымъ каждый считалъ необходимымъ вооружиться“ [4]).

„Вооружиться“ имъ считало для себя необходимымъ и правительство, какъ въ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться при ознакомленіи съ офиціальной и офиціозной прессой эпохи [5]).

XXII.

Если мы обратимся теперь къ непосредственнымъ органамъ правительства, провинціальнымъ интендантамъ, и посмотримъ, въ ка-

1) *Bonifas,* le Mariage des protestants depuis la Réforme jusqu'à 1789, Paris, 1901.—Приложенный къ сочиненію библіографическій указатель даетъ перечень около ста сочиненій, посвященный этому вопросу, начиная съ 1761 г. и до 1787—даты эдикта о протестантахъ. Перечень этотъ однако еще не полонъ; такъ, въ числѣ первыхъ печатныхъ произведеній по этому вопросу пропущена *Lettre de M. l'Intendant de**** à Mgr l'évêque d' Alais, напечатанная въ 1751 г. лангдокскимъ интендантомъ Гиньяръ-де-Сенъ-При.—Сравн. также: *Courpron,* Essai sur l'histoire du protestantisme en Aunis et Saintonge, 1685—1787, Cahors, 1902; *Robert-Labarthe,* Histoire du protestantisme dans le Haut-Languedoc, le Bas-Quercy et le comté de Foix, de 1685 à 1789, 2 vol.

2) См. выше, стр. 195.

3) См. выше, стр. 195—196.

4) *De Barante,* De la littérature française pendant le XVIII-e siècle, Paris, 1824, p. 311: „La littérature était regardée comme l'instrument universel, dont chacun croyait nécessaire de s'armer“.

5) См. выше, стр. 147—159.

комъ отношеніи стояли они къ „новой верховной власти“ въ лицѣ общественнаго мнѣнія, которое такъ осязательно давало чувствовать свою силу правительству,—то мы найдемъ, что и относительно интендантовъ дѣло обстояло, mutatis mutandis, такимъ же приблизительно образомъ. Правда, у провинціальныхъ администраторовъ, стоявшихъ болѣе или менѣе въ тѣни для той „публики“, которая главнымъ образомъ „дѣлала общественное мнѣніе“ [1]), мы, естественно, не видимъ столь же яркихъ проявленій вліянія послѣдняго, какъ это имѣетъ мѣсто относительно центральной власти; тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ знакомствѣ съ административной дѣятельностью интендантовъ, мы найдемъ, что вліяніе общественнаго мнѣнія на послѣднюю, хотя и не бросающееся въ глаза, было тѣмъ не менѣе глубоко и серьезно.

Да и могло ли быть иначе? Вѣдь, *интенданты, какъ мы видѣли, по своему происхожденію и своему соціальному положенію, принадлежали, какъ и министры, къ тому же самому „государственному дворянству“, которое въ изучаемую пору составляло и главный контингентъ той „просвѣщенной публики“, которая наполняла собою парижскіе салоны.* Рѣдкій интендантъ—парижанинъ по рожденію, но почти каждый—парижанинъ по своему воспитанію, по своимъ вкусамъ, по своимъ семейнымъ и служебнымъ связямъ. Общій всѣмъ парижанамъ недугъ—тоска по Парижу—не чуждъ и интендантамъ, хотя и провинціаламъ по своему рожденію. Тяготѣніе къ Парижу—одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ перемѣщеній интендантовъ. Иной съ радостью перемѣняетъ лучшее интендантство на худшее, но болѣе близкое къ Парижу, куда его тянетъ неодолимая сила. Почти каждый интендантъ—до́ма въ Парижѣ,—быть можетъ, подъ часъ болѣе дома, чѣмъ въ „своей провинціи“: тамъ у него только казенный „отель“, подъ одной крышей съ канцеляріями; здѣсь, въ Парижѣ, почти всегда—собственный домъ, по сосѣдству съ какимъ-нибудь „салономъ“, гдѣ „просвѣщенный магистратъ“ чувствуетъ себя своимъ среди „просвѣщенныхъ“ дамъ, свѣтскихъ людей, литераторовъ, артистовъ и т. д. Удивительно ли послѣ этого, что интенданту нелегко бываетъ вырваться изъ Парижа, разъ

---

[1]) На что не безъ грусти указываетъ одинъ изъ интендантовъ (Сенакъ-де-Мейльянъ) въ офиціальной рѣчи своей передъ провинціальнымъ собраніемъ въ 1787 г.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provisoire de la province de Hainaut,* Paris, 1788.—*Pièces justificatives,* p. 214.

тамъ очутившись; не смотря на то, что на это косо посматриваетъ высшее начальство, интендантъ иной разъ засиживается тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ подъ рядъ. Въ чемъ же заключалась столь неодолимо притягательная для „просвѣщеннаго человѣка“ сила Парижа? Въ чемъ, какъ не въ той доведенной до высшей степени утонченности, блестящей и жизнерадостной салонно-свѣтской общественности, которая, постепенно дезаристократизируясь, мельчая и дробясь, сдѣлалась въ послѣдніе годы стараго порядка достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ „публики“? И не въ этой ли „достигшей своего совершенства“ свѣтской жизни [1]) заключался главный элементъ той *douceur de vivre* и вмѣстѣ—разгадка того „очарованія“ парижской жизни, о которыхъ любили на старости лѣтъ вспоминать впослѣдствіи люди, въ зрѣлые годы принимавшіе участіе въ парижской свѣтской жизни въ послѣднюю пору стараго порядка [2])?

Homme du monde, интендантъ нерѣдко и *homme de lettres*. Дѣйствительно, среди интендантовъ занимающей насъ эпохи, мы встрѣчаемъ немало лицъ, не только состоящихъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ „литературной республикой“, но и принадлежащихъ къ числу „гражданъ“ послѣдней. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей-экономистовъ и мыслителей своего времени принадлежитъ къ числу интендантовъ этой эпохи. На немъ мы, однако, не будемъ останавливаться отчасти потому, что Тюрго—мы разумѣемъ именно его—представляетъ собою слишкомъ выдающееся въ этомъ отношеніи и пожалуй до извѣстной степени исключительное явленіе; во-вторыхъ—потому, что его дѣятельность, какъ интенданта, всего лишь нѣсколькими мѣсяцами принадлежитъ времени Людовика XVI; наконецъ—потому еще, что физіономія Тюрго, и какъ администратора, и какъ писателя, слишкомъ хорошо выяснена въ исторической литературѣ, чтобы представлялась надобность останавли-

---

1) *Taine*, les Origines, t. I, p. 163: „Par cette détente universelle, la vie mondaine est devenue parfaite“.

2) „Quiconque n'a pas vecu alors, n'a pas connu la douceur de vivre“—говорилъ впослѣдствіи Таллейранъ, вспоминая о послѣднихъ годахъ передъ 1789 г. О томъ же времени г-жа де-Сталь высказывалась такъ: „Les étrangers ne sauraient cencevoir le charme et l'éclat tant vanté de la société de Paris, s'ils n'ont vu la France que depuis vingt ans; mais on peut dire avec vérité que jamais cette société n'a été aussi brillante et aussi sérieuse tout ensemble que pendant les trois ou quatre premières années de la révolution, à comter de 1788 à la fin de 1791“.

ваться здѣсь болѣе обстоятельно на этой исторической личности [1]).

Если оставить въ сторонѣ Тюрго, то первенствующее мѣсто среди интендантовъ-писателей слѣдуетъ отвести Сенакъ-де-Мейльяну и Оже де-Монтіону.

XXIII.

Интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ является въ извѣстномъ смыслѣ типичнымъ представителемъ *gens de lettres* второй половины восемнадцатаго вѣка: всесторонній и вмѣстѣ поверхностный, все знающій, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, готовый писать обо всемъ съ одинаковымъ блескомъ и остроуміемъ; кумиръ вѣка, *esprit*—его кумиръ [2]). Излишне прибавлять, что съ юности онъ—поклонникъ Вольтера. Восемнадцатилѣтнимъ юнцомъ будущій интендантъ совершаетъ па-

---

[1]) Біографіи Тюрго: *Dupont de Nemours,* Mémoire sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, Philadelphie, 1782, 2 vol., *Dupuy,* Eloge historique de M. Turgot, 1782; *Condorcet,* Vie de M. Turgot, 1786; *Tallandier,* Eloge de M. Turgot, Limoges, 1814; *Monjean,* Notice sur la vie et les ouvrages de Turgot, Paris, 1844; *Daire,* Notice sur la vie et les ouvrages de Turgot, Paris, 1844; *Dareste,* Eloge de Turgot, Paris, 1846; *Bouchot,* Eloge de Turgot, Paris, 1846; *Baudrillart,* Eloge de Turgot (*Revue des deux Mondes,* 1846).—Тюрго, какъ писатель и администраторъ: *d'Argout,* Du ministère de Turgot, Paris, 1840; *Муравьевъ,* Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, Москва, 1858; *d'Hugues,* Essai sur l'administration de Turgot, dans la généralité de Limoges, Paris, 1859; *Batbie,* Turgot, philosophe, économiste et administrateur, Paris, 1861; *Tissot,* Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages, Paris, 1862; *Mastier,* Turgot, sa vie et sa doctrine, Paris, 1862; *de Larcy,* Louis XVI et Turgot, d'après des documents inédits, Paris, 1866; *Scheel,* Turgot als Nationalekonom (*Zeitschr. für d. ges. Staatswissenschaft,* 1868); *Foncin,* Essai sur le ministère de Turgot, Paris, 1876; *Treich-Laplène,* Turgot dans le Haut-Limousin (*Bulletin de la Société scientifique,* etc., Brive, 1879); *Gerlier,* Voltaire, Turgot, et les franchises du pays de Gex, Genève, 1883; *Афанасьевъ,* Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго, Одесса, 1884; *Nourrisson,* Trois révolutionnaires: Turgot, Necker, Bailly, Paris, 1885; *Neymarck,* Turgot et ses doctrines, Paris, 1885, 2 vol.; *Kriegsmann,* Turgot bit zu seiner Berufung ins Ministerium, Wandsbeck, 1885; *Say,* Turgot, Paris, 1887; *Waelès,* Turgot als Pädagog, Bonn, 1901; *Lafarge,* l'Agriculture en Limousin au XVIII siècle et l'intendance de Turgot, Paris, 1902; *Carré,* Turgot et le rappel des Parlements (*Séances et travaux de l'Acad. d'sciences m. et. p.,* 1902).

[2]) *Correspondance secrète, poitique et littéraire,* t. XV, p. 393 (5 février 1784): „L'auteur du *Tableau de Paris*... On peut lui reprocher d'avoir voulu y mettre trop d'esprit: *c'est le défaut du siècle*—Сравн. *Lettres persanes,* 48: „...qui n'a pas d'esprit pour parler, mais qui *parle pour avoir de l'esprit*".

ломничество въ Délices на поклоненіе этому литературному божеству и адресуетъ Вольтеру стихотворное посланіе, на которое тотъ отвѣчаетъ въ обычномъ своемъ тонѣ преувеличенныхъ похвалъ, изъ-подъ которыхъ сквозитъ саркастическая усмѣшечка [1]). Переписка будущаго интенданта съ патріархомъ философіи продолжалась болѣе или менѣе регулярно въ теченіе пяти-шести лѣтъ, и въ 1760 г., напримѣръ, Вольтеръ пишетъ своему поклоннику: „Сочиняйте въ прозѣ или стихахъ, занимайтесь философіей или практической дѣятельностью,—вы достигнете успѣха въ вашихъ начинаніяхъ“ [2]).

Любопытно слѣдующее автобіографическое признаніе Сенакъ-де-Мейльяна, сдѣланное имъ на склонѣ своей жизни: „вплоть до созыва собранія нотаблей (въ 1787 г.) я было всецѣло поглощенъ литературой, удовольствіями и работой на благо людей“ [3]). Замѣтьте: *литература*—на первомъ мѣстѣ и „благо людей“ на послѣднемъ: характерное признаніе въ устахъ бывшаго администратора, и вмѣстѣ—характерный примѣръ завоеванія „администраціи“ „литературой“—явленіе новое въ исторіи „стараго порядка“.

Впрочемъ, прежде чѣмъ искать литературной извѣстности, Сенакъ довольствовался репутаціей *homme du monde* и *homme d'esprit*. Парижскій „свѣтъ“ съ его *bureaux d'esprit* былъ настоящей стихіей валансьеннскаго интенданта, въ которую онъ спѣшилъ окунуться всякій разъ, какъ представлялась возможность покинуть „свою провинцію“.

Не смотря на свой ранній интересъ къ литературѣ, Сенакъ-де-Мейльянъ выступилъ на литературное поприще лишь тридцать лѣтъ спустя послѣ своихъ первыхъ рукописныхъ опытовъ „въ прозѣ и стихахъ“, удостоившихся столь лестнаго поощренія со стороны

---

1) Отвѣтъ Вольтера на присылъ юнаго Сенакъ-де-Мейльяна начинается слѣдующими словами: „Je n'ai guère reçu, Monsieur, en ma vie, ni de lettres plus agréables que celles dont vous m'avez honoré, ni de plus jolis vers que les votres“.—*Legrand,* Senac de Meilhan, p. 10.

2) „Faites de la prose ou des vers, Monsieur, donnez-vous à la philosophie ou aux affaires, vous réussirez à ce que vous entreprendrez“ (4 juillet 1760).—Ibidem, p. 12, 13.

3) „Le goût des lettres et l'amour d'une vie voluptueuse amortirent en peu de temps mon ambition et jusqu'à l'assemblée des Notables, je ne fus occupé que des lettres, de mes plaisirs et du bien que je pouvais faire aux hommes“.—*Senac de Meilhau,* l'Emigré, Brunswick, 1797, 4 vol. (цит. по *Legrand,* op. cit., p. 17).

Вольтера. Какъ истый питомецъ парижскихъ салоновъ, пятидесятилѣтній администраторъ и аспирантъ на постъ министра и роль спасителя отечества [1]) дебютируетъ на поприщѣ литературы мистификаціей, которая была бы изумительна въ наше время, но которая была совершенно въ духѣ того времени, помѣшаннаго на esprit. Въ 1786 г. появилась и успѣла обратить на себя вниманіе книга подъ заглавіемъ: *Мемуары принцессы пфальцской Анны Ганзагъ* [2]). Какой-то нѣмецъ принялъ въ серьезъ эти „Мемуары" нѣмецкой принцессы и перевелъ ихъ даже на нѣмецкій языкъ [3]); у французской публики нюхъ оказался тоньше: она не позволила себя одурачить литературнымъ фокусомъ. Оставалось разгадать таинственнаго автора. Въ гипотезахъ не было недостатка; называли, между прочимъ, Рюльера, Таллейрана, Неккера и другихъ патентованныхъ *hommes d'esprit;* тѣмъ пріятнѣе былъ автору самому помочь раскрыть свое инкогнито, что̀ онъ и не замедлилъ сдѣлать, убѣдившись въ литературномъ успѣхѣ своей нѣсколько запоздалой пробы пера. Поддѣльные мемуары предназначались, повидимому, служить пробнымъ шаромъ, потому что вслѣдъ за этой литературной продѣлкой Сенакъ-де-Мейльянъ выпустилъ въ слѣдующемъ году одинъ вслѣдъ за другимъ два большихъ и на этотъ разъ серьезныхъ трактата: *Размышленія объ умѣ и нравахъ* [4]) и *Размышленія о богатствѣ и роскоши* [5]).

Оба сочиненія представляютъ собою не что иное, какъ упражненія въ остроумничаньи на „моральныя" темы, послѣднее—съ изрядной примѣстью „экономіи". Оба были во вкусѣ эпохи и имѣли успѣхъ въ парижскихъ салонахъ [6]), хотя Гриммъ остался недоволенъ

---

[1]) *Sainte-Beuve,* Causeries du Lundi, Paris, 1855, t. X, p. 78: A la mort de Louis XV, il semble s'être dit: „Mon père était le premier médecin du feu roi, je serai le premier médecin de la France".

[2]) *Senac de Meilhan,* Mémoires d'Anne de Gonzague, princesse Palatine, Londres et Paris, 1786.—Экземпляръ этой книги имѣется въ Воронцовской библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ рубрикой: 2. 8. 7. 14.

[3]) Нѣмецкій переводъ вышелъ въ Halle въ 1787 г.—*Legrand,* op. cit., p. 53.

[4]) Considérations sur l'esprit et les mœurs, Londres et Paris, 1787, in-8.

[5]) Considérations sur les richesses et le luxe, Paris et Amsterdam, 1787.—Въ дѣйствительности книга была отпечатана въ Валансьеннѣ. Біографъ Сенакъ-де-Мейльяна Лескюръ (въ предисловіи къ сочиненію Сенакъ-де-Мейльяна *le Gouvernement, les mœurs,* etc., p. 25) считаетъ это произведеніе Сенака вторымъ, другой же біографъ, Легранъ (op. cit., p. 54) считаетъ его третьимъ и, кажется, съ бо̀льшимъ правомъ.

[6]) *Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 240 (21 mars 1788): „On parle

первымъ изъ названныхъ сочиненій. Признавая въ авторѣ „un homme de beaucoup d'esprit", онъ полагаетъ, тѣмъ не менѣе, что сочиненіе это „принесетъ гораздо болѣе вреда его честолюбивымъ планамъ [1]), чѣмъ прибавитъ что-либо къ его литературной репутаціи". Въ сочиненіи валансьеннскаго интенданта литературный критикъ находитъ „массу замѣчаній, не соотвѣтствующихъ по своему характеру ни солидности его возраста, ни серьезности занимаемаго имъ положенія и еще менѣе — того положенія, къ которому онъ стремится" [2]).

Приговоръ современнаго критика грѣшитъ явною односторонностью, и новѣйшій критикъ, въ лицѣ Сентъ-Бёва, даетъ названному произведенію Сенака болѣе вѣрную оцѣнку. Быть можетъ, нѣсколько рискованно ставить автора *Considérations sur l'esprit et les mœurs* въ параллель съ Ларошфуко и Лабрюйэромъ, какъ это дѣлаетъ Сентъ-Бёвъ, но послѣдній очень мѣтко указываетъ именно на ту сторону сочиненія Сенакъ-де-Мейльяна, которая составляетъ, несомнѣнно, его главную цѣнность. При всей его погонѣ за краснымъ словцомъ, при всемъ его равнодушіи къ правдѣ ради правды, эта правда пробивается между строкъ, безъ вѣдома автора, можно сказать—противъ его воли. „Моралистъ времени Людовика XVI, въ моментъ, когда дореволюціонная цивилизація достигла своего предѣльнаго развитія", онъ нѣкоторымъ образомъ рисуетъ передъ нами картину „французской монархіи наканунѣ ея конца" [3]).

Что касается *Размышленій о богатствѣ и роскоши*, то здѣсь остроуміе, въ которомъ никто не отказывалъ Сенаку, оказывается на службѣ у „тщеславія", въ которомъ его упрекали, можно сказать, всѣ. Сенакъ былъ увѣренъ въ своемъ провиденціальномъ назначеніи „спасти Францію" въ качествѣ министра финансовъ, и не могъ про-

beaucoup de trois ouvrages nouveaux. L'un est intitulé *Considérations sur les mœurs*"...

[1]) Намекъ на стремленіе Сенакъ-де-Мейльяна получить постъ министра финансовъ.

[2]) „Quoique l'ouvrage... soit assurément celui d'un homme de beaucoup d'esprit, il y a lieu de croire qu'il ajoutera moins à la réputaition littéraire de l'auteur qu'il ne pourra nuire à l'ambition de ses projets; on y a trouvé une foule de remarques dont le caractère ne convient ni à la gravité de son âge, ni à celle de son état, encore moins à celle de la place où l'on sait qu'il aspire".— *Grimm,* Correspondance littéraire, t. XIV (цит. по *Legrand,* op. cit., p. 55).

[3]) *Sainte-Beuve,* Causeries du Lundi, t. X, p. 74, 82, 86.

стить Неккеру, что онъ „перебилъ“ у него мѣсто; еще менѣе могъ онъ простить послѣднему тѣ лавры, которые тотъ стяжалъ своимъ трактатомъ о французскихъ финансахъ. *Размышленія о богатствѣ и роскоши* должны были служить противовѣсомъ трактату Неккера, и съ одной стороны—доказать несостоятельность идей послѣдняго, а съ другой—показать urbi et orbi, какой финансовый геній скрывается въ авторѣ *Размышленій*. По удачному замѣчанію Сентъ-Бёва, Сенакъ-де-Мейльянъ выступалъ съ этой книгой „передъ общественнымъ мнѣніемъ въ качествѣ кандидата на постъ министра финансовъ“ [1]). Однако претензіи непризнаннаго государственнаго генія далеко не встрѣтили того пріема, на который, быть можетъ, разсчитывалъ авторъ послѣ успѣха своей литературной продѣлки. „Репутація остроумнаго человѣка и государственнаго дѣятеля—замѣчаетъ Гриммъ въ своей *Литературной корреспонденціи*,—повидимому, не удовлетворяетъ тщеславія этого молодого магистрата [2]); онъ заявляетъ еще притязаніе на репутацію солиднаго ученаго; мы опасаемся однако, чтобы его ученыя выкладки не были заподозрѣны въ такомъ же верхоглядствѣ, какъ и его политико-экономическія разсужденія“ [3]).

Ученость автора, дѣйствительно, не изъ солидныхъ; но во всякомъ случаѣ книга валансьеннскаго интенданта свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ сочиненіями Вольтера, котораго онъ охотно цитируетъ,—съ *Духомъ законовъ* Монтескье, котораго цитируетъ еще чаще [4]), а также—съ ученіемъ современныхъ ему „экономистовъ“, идеи которыхъ ему служатъ въ качествѣ аргументовъ противъ Неккера. „Свобода есть факторъ роста народонаселенія“ [5]). „Ростъ народонаселенія есть одно изъ средствъ противъ нищеты“ [6]). Вслѣдъ за физіократами, авторъ высказывается, въ противоположность оппортунистическимъ воззрѣніямъ Неккера, за безусловную свободу хлѣбной торговли [7]). Валансьеннскій интендантъ вполнѣ

[1]) *Sainte-Beuve*, op. cit., t. X, p. 81.

[2]) „Молодому магистрату“ было въ ту пору за пятьдесятъ лѣтъ. Врядъ ли тутъ ошибка, скорѣе—иронія.

[3]) *Grimm*, Correspondance littéraire, t. XV, p. 113—115.

[4]) Изъ древнихъ авторъ цитируетъ Плинія и Аристотеля.

[5]) *Senac de Meihan*, Considérations sur les richesses et le luxe, p. 29.

[6]) „C'est pour remédier à la misère qu'il est à désirer que la population s'accroisse“.—Ibidem, p. 33.

[7]) Ibidem, p. 299—300.

раздѣляетъ также преклоненіе физіократовъ передъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Фридрихъ II Прусскій въ его глазахъ—идеалъ государя. „Слава своего вѣка, величайшій изъ государственныхъ людей со времени Цезаря, этотъ государь пользуется безграничной властью... Ему можно бы воздвигнуть, какъ Траяну, тріумфальную арку съ надписью: *Providentissimo principi* [1]).

Революція не прервала литературной карьеры бывшаго интенданта, она дала ей лишь новое направленіе. Въ 1790 г. онъ выпустилъ, по обыкновенію безъ обозначенія своего имени, брошюру *О началахъ и причинахъ французской революціи* [2]).

Эта маленькая книжка, прошедшая почти незамѣченною въ свое время и не попавшая въ литературную исторію Франціи по своей литературной незначительности, была, быть можетъ, лучшимъ изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ до этой минуты изъ-подъ пера Сенакъ-де-Мейльяна. То, что написано было имъ до тѣхъ поръ, все это было *сочинено* въ худшемъ смыслѣ этого слова. Это была первая изъ написанныхъ имъ книгъ, которая была написана не съ тѣмъ, чтобы блеснуть своимъ остроуміемъ или проложить дорогу своимъ честолюбивымъ стремленіямъ; въ ней было то, чего не доставало прежнимъ сочиненіямъ Сенакъ-де-Мейльяна: *искренность*. Нельзя сказать, чтобы книжка эта была написана горячо: этого трудно было ожидать отъ Сенакъ-де-Мейльяна и ранѣе, въ особенности же теперь, когда ему было подъ шестьдесятъ лѣтъ; она поражаетъ, напротивъ, своимъ спокойнымъ тономъ, слишкомъ спокойнымъ для человѣка, пишущаго о той самой революціи, которая разбила его жизнь. Написанная *sine ira et studio*, книга Сенакъ-де-Мейльяна далека и отъ той близорукости, какою по большей части отличаются сужденія современниковъ о революціи. И это, быть можетъ, потому, что изложилъ здѣсь авторъ не сочиненное „изъ головы" или вычитанное изъ книгъ, а *пережитое*, передуманное и перечувствованное. Благодаря этому, совершенно независимо отъ своихъ литературныхъ

---

1) „Un souverain, la gloire de son siècle..., le plus grand homme depuis César, jouit d'une autorité sans bornes. La plus grande économie règne dans l'administration de ses revenus... Aucun détail n'est indigne de lui, et on pourrait lui élever, comme à Trajan, un arc de triomphe avec l'inscription: *Providentissimo principi*".—Ibidem, p. 317—318.

2) *Senac de Meilhan*, Des principes et des causes de la révolution en France, Londres et Paris, 1790; Saint-Pétersbourg, 1791.

достоинствъ и недостатковъ, книжка Сенакъ-де-Мейльяна представляетъ собою большой историческій интересъ. Интересны сужденія бывшаго валансьеннскаго интенданта, между прочимъ, и потому, что въ своихъ общихъ взглядахъ на революцію онъ до извѣстной степени предвосхищаетъ взглядъ на нее одного изъ новѣйшихъ историковъ революціи. „Французская революція является революціей человѣческаго ума. Царство религіозныхъ идей миновало; возрождается, повидимому, царство свободы. Но у древнихъ свобода коренилась въ сердцѣ, это была страсть; любовь къ свободѣ, проявляющаяся въ настоящій моментъ, имѣетъ свои корни въ умѣ, она раціоналистична и систематична“ [1]). Какъ легко видѣть, идея Тэна о „классическомъ духѣ“ и его роли въ исторіи революціи выражена здѣсь только въ другихъ словахъ.

Во всякомъ случаѣ въ этой книгѣ о революціи, написанной человѣкомъ, потерпѣвшимъ отъ нея, мы напрасно бы стали искать гнѣвныхъ филиппикъ противъ послѣдней, равно какъ и стремленія защищать во чтобы то ни стало старый порядокъ, съ которымъ были связаны у автора и его лучшія воспоминанія и его завѣтныя мечты. Въ этомъ отношеніи бытописатель-современникъ оказывается несравненно объективнѣе многихъ новѣйшихъ историковъ революціи. Вліяніе *esprit* восемнадцатаго вѣка сказалось здѣсь лучшей его стороной, — той стороной, которую можно назвать интеллектуальнымъ тактомъ.

Сочиненіе о французской революціи свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о рѣдкомъ самообладаніи, съ какимъ отнесся къ совершившемуся перевороту этотъ столь потерпѣвшій отъ него человѣкъ. Событія нисколько не нарушили равновѣсія его духа, и лучшее тому свидѣтельство—въ томъ, что Сенакъ-де-Мейльянъ выпустилъ въ томъ же 1790 г. небольшой разсказъ *Два кузена, подлинная исторія*, который Сентъ-Бёвъ находитъ „очень остроумнымъ и изящнымъ по своей идеѣ“ [2]).

---

[1]) Ibidem, p. 102: „La révolution de la France semble être celle de l'esprit humain. Le règne des idées religieuses est passé, celui de la liberté paraît renaître. Mais chez les anciens, l'amour de la liberté avait ses racines dans le cœur, c'était une passion; celui qui éclate en ce moment a sa racine dans l'esprit, il est raisonné et systématique“.—Въ деталяхъ, впрочемъ, авторъ далеко не выдерживаетъ этого философско-историческаго полета и раздѣляетъ до извѣстной степени близорукость другихъ современниковъ революціи.

[2]) *Senac de Meilhan,* Les deux Cousins, histoire véritable.—*Lescure,* op. cit, p. 43.

Однако время остроумничанья прошло, приходилось думать уже о своей безопасности, и Сенакъ-де-Мейльянъ, вмѣстѣ съ интендантствомъ, покинулъ и Францію, куда ему, какъ „эмигранту", не суждено было болѣе возвратиться, такъ какъ не удалось дожить до реставраціи. Лѣтомъ 1790 г. мы его видимъ въ Англіи. Впечатлѣнія, испытанныя здѣсь бывшимъ французскимъ администраторомъ, не лишены характерности. „Каждый гражданинъ живетъ здѣсь въ самой полной безопасности и съ полнымъ правомъ смотритъ на себя, какъ на дѣятельную частицу правительственной машины. Знать, пользуясь уваженіемъ народа, въ то же время лишена возможности его угнетать..." Не менѣе интересно заключеніе, къ которому приходитъ бывшій валансьеннскій интендантъ: „Роль, которую играетъ въ Европѣ англійская нація, свидѣтельствуетъ въ пользу ея государственнаго строя" [1]).

Въ слѣдующемъ году мы встрѣчаемся съ Сенакомъ въ Германіи, гдѣ онъ выпускаетъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ *Философскіе и литературные наброски* [2]), выборки изъ своихъ прежнихъ сочиненій. Вслѣдъ затѣмъ Сенакъ-де-Мейльянъ переноситъ театръ своей дѣятельности въ Россію: въ 1792 г. мы его находимъ въ Петербургѣ, въ толпѣ „знатныхъ иностранцевъ", околачивающихъ пороги екатерининскихъ дворцовъ, въ чаяніи щедротъ „сѣверной Семирамиды" [3]). Насыщенная полувосточной лестью атмосфера петербург-

---

[1]) „Chaque citoyen vit dans la sécurité la plus profonde et se croit avec raison une partie active de la machine du gouvernement. Les grands, honorés du peuple, ne peuvent jamais l'opprimer... Le rôle que joue dans l'Europe la nation anglaise dépose en faveur de sa constitution".—*Legrand,* op. cit., p. 78—79.

[2]) *Senac de Meilhan,* Mélanges de philosophie et de littérature.—*Lescure,* op. cit., p. 44.

[3]) Утвержденіе Сентъ-Бёва, вообще слишкомъ пристрастнаго въ пользу Сенакъ-де-Мейльяна, что онъ былъ приглашенъ Екатериной, опровергается опубликованными въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго общества* (томъ 42, 1885 г.) письмами Екатерины и другихъ лицъ касательно Сенакъ-де-Мейльяна.—См. объ этомъ также: *Майковъ,* Сношенія Екатерины II съ Неккеромъ и Сенакъ-де-Мейльяномъ (*Русская Старина,* т. 85 (1896), стр. 145—161); *кн. Оболенскій,* Сенакъ-де-Мейльянъ, французскій эмигрантъ восемнадцатаго вѣка и его отношенія къ Россіи (*Русскій Архивъ,* 1866 г., стр. 422—459); *Ch. de Larivière,* Cathérine II et la Révolution française. Paris, 1895, 272—355; *Pingaud,* les Français en Russie et les Russes en France, Paris, 1886.

скаго двора, видимо, сбила съ толку бывшаго французскаго „магистрата“, судя по тому плачевному состоянію, въ какомъ очутился здѣсь его, казалось бы, столь испытанный французскій *esprit*. Достаточно сказать, что первымъ литературнымъ произведеніемъ, которымъ онъ дебютировалъ на берегахъ Невы, было то самое *Письмо о Россіи* [1]), о которомъ не могутъ говорить, не краснѣя за его автора, біографы Сенакъ-де-Мейльяна. Остается лишь удивляться, какъ, безспорно до той поры остроумный и несомнѣнно неглупый человѣкъ, да вдобавокъ не лишенный опытности писатель, могъ не краснѣя преподносить читателю свою грубую лесть Екатеринѣ, столь же наглую по существу, сколько лубочную по формѣ [2]).

Во всякомъ случаѣ чувство мѣры и чувство такта до такой степени измѣнили на берегахъ Невы человѣку, который пріобрѣлъ себѣ репутацію „остроумнаго“ на берегахъ Сены, что послѣ изложеннаго литературнаго дебюта, Сенакъ-де-Мейльянъ не нашелъ ничего болѣе подходящаго, какъ предложить Екатеринѣ свои услуги въ качествѣ исторіографа Россіи. Онъ предлагалъ ни болѣе ни менѣе, какъ написать исторію Россіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ... это ни слова не зная по-русски, не говоря уже о незнаніи страны и народа... Впрочемъ, для „просвѣщеннаго человѣка“ восемнадцатаго вѣка, съ его „классическимъ умомъ“ и представленіемъ о „человѣкѣ вообще“, подобная идея могла представляться столь же естественной, сколько намъ, людямъ двадцатаго столѣтія, она кажется чудовищной. Екатеринѣ ничего не оставалось, какъ дать понять самозванному россійскому исторіографу всю несообразность его претензій, а послѣднему—ретироваться изъ страны, не оправдавшей его надеждъ. Чтобы позолотить пилюлю, Екатерина предложила ему, по обыкновенію, щедрую „пенсію“, которую Сенакъ-де-Мейльянъ имѣлъ без-

[1]) Lettre à madame de*** sur la Russie, Paris, 1792.—Перепечатано въ *Oeuvres philosophiques*.

[2]) Именно—въ формѣ параллели между „великой Екатериной“ и римскимъ храмомъ св. Петра. „Храмъ св. Петра соединяетъ въ себѣ всѣ роды архитектуры: Екатерина соединяетъ съ прелестями самой обворожительной женщины—мужество и энергію великаго человѣка. Храмъ св. Петра непроницаемъ для атмосферныхъ перемѣнъ: внутри его лѣтомъ не жарко, зимой не холодно. Умъ Екатерины такого прочнаго закала, что его не въ состояніи сломить неудачи, какъ не можетъ ослѣплять успѣхъ... Храмъ св. Петра внушаетъ религіозное чувство: онъ вызываетъ ощущеніе необъятности. Екатерина вызываетъ точно такое же чувство...“

тактность или слабость принять. Послѣ этого мы видимъ Сенакъ-де-Мейльяна снова въ Германіи. Оставивъ окончательно въ покоѣ русскую исторію, бывшій валансьеннскій интендантъ находитъ здѣсь болѣе подходящій выходъ своимъ литературнымъ порывамъ. Въ 1795 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ въ Гамбургѣ, подъ заглавіемъ *Философскихъ и литературныхъ сочиненій* [1]), переработку своихъ *Considérations sur les moeurs* и *Mélanges de philosochie et de littérature*, а также новое сочиненіе *О правительствѣ, нравахъ и общественныхъ отношеніяхъ во Франціи передъ революціей* [2]).

Въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій Сенакъ-де-Мейльянъ попалъ снова въ свою настоящую стихію: какъ въ своей книгѣ о французской революціи, такъ еще болѣе въ этомъ довольно объемистомъ трактатѣ, ему приходится не *сочинять*, а лишь излагать вещи, хорошо ему извѣстныя по личнымъ наблюденіямъ, воспоминаніямъ, по собственному опыту. Это рядъ очерковъ, если и не дающихъ цѣльной картины старой Франціи, то рисующихъ болѣе или менѣе отчетливо нѣкоторыя изъ ея сторонъ. Естественно, что человѣкъ, у котораго, можно сказать, все въ жизни было связано съ той старой Франціей, говоритъ о ней съ симпатіей; но эта симпатія не доходитъ до пристрастія, которое бы заставляло автора закрывать глаза на отрицательныя стороны предмета. Этихъ отрицательныхъ сторонъ Сенакъ-де-Мейльянъ ничуть не думаетъ замалчивать, и опять-таки этотъ бытописатель изъ „людей стараго порядка“ оказывается несравненно ближе къ исторической объективности, чѣмъ многіе изъ новѣйшихъ историковъ.

Во введеніи Сенакъ-де-Мейльянъ снова заявляетъ себя поклонникомъ „англійской конституціи“, которую беретъ подъ свою защиту противъ Руссо [3]). Въ первой главѣ, посвященной характеристикѣ „придворныхъ нравовъ при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI“, авторъ рисуетъ ихъ словами Монтескье: „Тщеславіе въ праздности,

[1]) Oeuvres philosophiques et littéraires, Hambourg, 1795, 2 vol. petit in 8.

[2]) Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution, Hambourg, 1795, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lb 2/18.—Сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью, сочиненіе это было переиздано Лескюромъ (Paris, 1862).

[3]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, les Moeurs, etc., éd. Lescure, p. 77: „On conteste au peuple anglais d'être libre: et un écrivain célèbre, J.-J. Rousseau prétend“, etc.

низость въ высокомѣріи, желаніе обогатиться безъ труда, отвращеніе къ правдѣ, презрѣніе къ долгу гражданина, страхъ передъ добродѣтелью государя и чаянія отъ его слабостей—вотъ основныя черты моральной физіономіи большинства придворныхъ" [1]).

Послѣ „короля и королевы", которымъ посвящена вторая и, вопреки возможнымъ ожиданіямъ, очень мало содержательная глава, Сенакъ переходитъ къ тремъ сословіямъ. Здѣсь онъ дѣлаетъ ретроспективный упрекъ правительству Людовика XVI за то, что у него не хватило рѣшимости покончить разъ навсегда съ отжившею привилегіей. въ силу которой самое богатое изъ всѣхъ сословій духовенство, не считалось обязаннымъ нести податного бремени въ пользу государства [2]). Дворянинъ, но не изъ старинныхъ, а главное—„просвѣщенный человѣкъ", Сенакъ не раздѣляетъ „старыхъ предразсудковъ", въ силу которыхъ дворяне старинныхъ родовъ старались отмежеваться отъ болѣе молодого дворянства" [3]). Изображеніе положенія третьяго сословія грѣшитъ у автора явнымъ излишествомъ розовыхъ тоновъ, поскольку дѣло идетъ о третьемъ сословіи вообще; но въ сущности онъ имѣетъ въ виду лишь верхніе слои послѣдняго, входящіе въ составъ того, что мы условились называть государственнымъ дворянствомъ [4]). Отмѣтивъ въ особой главѣ „сближеніе между отдѣльными сословіями" [5]), авторъ переходитъ къ парламентамъ, и, что замѣчательно, въ сужденіяхъ, бывшаго интенданта о нихъ нѣтъ ни горечи, ни предубѣжденія. Напротивъ, бывшій интендантъ отмѣчаетъ съ нескрываемой симпатіей „мужественное сопротивленіе" высшихъ трибуналовъ „произволу правительственной власти" и ихъ часто успѣшную „борьбу противъ министровъ-деспотовъ" [6]).

Въ слѣдующей главѣ, трактующей объ „администраціи", въ особенности интересно отмѣтить сужденіе объ интендантахъ со стороны

---

1) Ibidem, p. 90.

2) Ibidem, p. 105.

3) Ibidem, p. 108.

4) Ibidem, p. 111—120.

5) Ibidem, p. 121—127.

6) „Les Parlements, et dans quelques circonstances les Chambres des comptes et les Cours des aides ont opposé une courageuse résistance aux entreprises de l'autorité arbitraire, et ont été efficacement secondés dans cette lutte contre des ministres despotes, par les moeurs et les usages fortifiés de l'opinion, qui a toujorus eu un grand pouvoir en France".—Ibidem, p. 131.

одного изъ ихъ среды. „Ихъ часто упрекали въ злоупотребленіи властью и въ суровости по отношенію къ податному населенію. Возможно, что нѣкоторые изъ нихъ заслуживали подобнаго упрека, да и существуетъ ли вообще такое учрежденіе, которое было бы совершенно застраховано отъ злоупотребленій? Подъ управленіемъ Кольбера интенданты осуществляли свою власть съ суровымъ деспотизмомъ и въ этомъ случаѣ они лишь слѣдовали тѣмъ указаніямъ и предписаніямъ, которыя исходили отъ этого знаменитаго государственнаго человѣка. Блескъ его управленія заслонилъ собою возмутительную фискальность послѣдняго.“ Таковъ приговоръ, произносимый интендантовъ „просвѣщеннаго вѣка“ надъ интендантами эпохи Кольбера. Къ счастью, это время „варварскаго деспотизма“ далеко; настало другое время, когда „интенданты, *направляемые общественнымъ мнѣніемъ, стали стараться болѣе отличиться своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ населенію, чѣмъ рабскимъ подчиненіемъ министерской волѣ*. Въ перепискѣ большей части этихъ магистратовъ можно найти краснорѣчивыя ходатайства въ пользу народа, подкрѣпленныя глубокимъ знаніемъ дѣла“ [1])... Если въ чемъ можно упрекнуть нѣсколькихъ изъ нихъ, то это „ни мздоимство, ни злоупотребленіе властью, а скорѣе—небрежность и легкомысліе“ [2])... Что касается послѣднихъ словъ („небрежность и легкомысліе“), то они сами собой напрашиваются на замѣчаніе: „parlez pour vous, Monsieur“: какъ автобіографическое признаніе, они безспорно цѣнны; какъ историческое свидѣтельство, въ той общей формѣ, въ которой они здѣсь фигурируютъ, они нуждаются въ оговоркахъ, какъ это увидимъ ниже.

Защищая въ слѣдующей главѣ продажность судебныхъ должностей, авторъ однако не можетъ удержаться, чтобы не отдать дани „болѣзни вѣка“, о которой говоритъ современный писатель [3]). Анекдотъ, который онъ по этому поводу передаетъ, не особенно вяжется съ основнымъ тезисомъ автора, но въ немъ tant d'esprit! „Кто же будетъ покупать эти должности?“ замѣтилъ Людовикъ XIV генералъ-контролеру, который, въ качествѣ одного изъ новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, проектировалъ учредить цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ и частью смѣхотворныхъ должностей. „Ваше

---

[1]) Ibidem, p. 141.
[2]) Ibidem, p. 141.
[3]) См. выше, стр. 210, примѣч. 2.

Величество—возразилъ министръ—забываетъ объ одной изъ лучшихъ прерогативъ французскихъ королей, а состоитъ она въ томъ, что всякій разъ какъ король учреждаетъ новую должность, Господь-Богъ въ тотъ же моментъ создаетъ дурака, готоваго ее купить“ [1]).

Глава о *lettres de cachet,* написанная бывшимъ интендантомъ, представляетъ собою особый интересъ. Начало этого „злоупотребленія“ (abus) авторъ связываетъ съ религіозными преслѣдованіями эпохи религіозныхъ войнъ, когда ,,богословское изувѣрство и духъ сектантства не знали себѣ границъ“. ,,Фанатизмъ, это—одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней человѣческаго духа, и жизнь и свобода—ничто въ глазахъ фанатика, увѣреннаго въ томъ, что онъ мститъ за небо. Множество гражданъ были лишены свободы въ силу произвольныхъ приказовъ“. Но вотъ, „философіи суждено было увидѣть, какъ ея усилія въ пользу гуманности мало-по-малу увѣнчались успѣхомъ, благодаря прогрессу духа терпимости“, и съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI, „злоупотребленія“, связанныя съ запечатанными приказами, если не исчезли совершенно, то значительно сократились [2]).

Изъ остальныхъ главъ занимающаго насъ сочиненія наибольшій интересъ представляютъ характеристики нѣсколькихъ выдающихся современниковъ Сенакъ-де-Мейльяна, въ томъ числѣ министровъ Морепà, Тюрго и Неккера. Къ Морепà онъ относится иронически, къ Неккеру враждебно, къ Тюрго восторженно—конечно, насколько послѣднее вообще доступно темпераменту Сенакъ-де-Мейльяна [3]).

Въ 1797 г. Сенакъ-де-Мейльянъ напечаталъ въ Брауншвейгѣ большой романъ въ письмахъ подъ заглавіемъ *Эмигрантъ* [4]), въ ко-

[1]) *Senac de Meilhan,* op. cit., p. 149.

[2]) Ibidem, p. 151.

[3]) Ibidem, p. 186 et suiv.

[4]) L'Emigré, Brunswisk, 1797, 4 vol.—Лескюръ ошибочно указываетъ Гамбургъ, какъ мѣсто изданія. Біографъ Сенакъ-де-Мейльяна Легранъ говоритъ что это сочиненіе „aujourd'hui à peu près introuvable en France“ (*Legrand,* op. cit., p. 86) и самъ онъ пользовался экземпляромъ, который ссудилъ ему Сентъ-Бёвъ. Экземпляръ этого крайне рѣдкаго теперь изданія имѣется въ библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ рубрикой 49/740. Недавно это сочиненіе Сенакъ-де-Мейльяна было переиздано, правда, съ нѣкоторыми сокращеніями (Paris, Fontemoing, 1904). Мы не раздѣляемъ нѣсколько восторженнаго сужденія Леграна объ этой книгѣ, которую онъ называетъ „oeuvre la plus curieuse et la plus remarquable de Senac“, и думаетъ, что „elle serait certainement plus célèbre, si elle était plus connue“ (ibid., p. 86).

торомъ элементъ вымысла переплетается съ автобіографическими воспоминаніями и наблюденіями. Повидимому, книга эта не имѣла успѣха въ свое время, быть можетъ, потому, что къ тому времени успѣли сильно порѣдѣть ряды той „публики“, для которой Сенакъ привыкъ писать. Съ точки зрѣнія историческаго интереса, остается только пожалѣть, что видный представитель отжившаго стараго порядка и очевидецъ интересной эпохи перелома въ исторіи Франціи и Европы, Сенакъ-де-Мейльянъ предпочелъ простому и правдивому изложенію своихъ воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій въ формѣ мемуаровъ—форму романа, которая дѣлала необходимымъ внесеніе элемента вымысла.

Эмигрантъ былъ послѣднимъ сочиненіемъ Сенакъ-де-Мейльяна, вышедшимъ въ свѣтъ при жизни автора. Десять лѣтъ спустя послѣ его смерти (въ 1803 г.), однимъ изъ его друзей была издана, по оставленнымъ Сенакъ-де-Мейльяномъ рукописямъ, книжка подъ заглавіемъ *Портреты и характеристика выдающихся личностей конца восемнадцатаго вѣка* [1]). Эти очерки представляли собою естественное дополненіе къ изданному при жизни автора сочиненію *О правительствѣ* и, вѣроятно, были написаны около того же времени [2]).

XXIV.

Монтіонъ дебютировалъ въ литературѣ уже по завершеніи своей карьеры интенданта, въ бытность свою государственнымъ совѣтникомъ, сочиненіемъ на конкурсную тему, объявленную французской Академіей: *Похвала канцлеру де-л'Опиталю* [3]). Имѣя своими конкуррентами Кондорсэ, Гара и аббата Реми, Монтіонъ былъ удостоенъ за свое сочиненіе второй дополнительной преміи. Но для насъ интереснѣе не столько та или другая степень успѣха лавреата, сколько идеи и взгляды бывшаго интенданта. Для характеристики послѣднихъ достаточно привести нѣсколько наиболѣе характерныхъ вы-

1) Portraits et caractères des personnages distingués de la fin du XVIII-e siècle, Paris, 1813, in-8.

2) Портреты и характеристики“ переизданы Лескюромъ въ приложеніи къ сочиненію „О правительствѣ“, въ 1862 г.

3) *Montyon,* Eloge de Michel de l'Hôpital, chancelier de France. Discours qui a obtenu le second accessit au prix de l'Académie française en 1777, Paris, 1777, 59 p. in-8. Экземпляръ этой книги имѣется въ библіотекѣ Юрьевскаго университета подъ рубрикой XV 159.

держекъ. Въ своемъ сочиненіи авторъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ новѣйшею политическою литературой, не исключая и англійской. Такъ, на стр. 10 онъ цитируетъ Локка: именно—его выраженіе, что „не существуетъ истинной свободы въ странѣ, гдѣ нѣтъ закона" [1]). На слѣдующей страницѣ читаемъ такое разсужденіе: „Какова бы ни была форма правленія, человѣкъ подчиненный власти, на существованіе которой онъ даетъ свое согласіе, можетъ и долженъ быть свободенъ; единственною цѣлью всякаго политическаго общества является благополучіе составляющихъ его индивидуумовъ. Короли, императоры, государи, магистраты всѣхъ странъ! Вотъ гдѣ начало вашей власти, *вотъ гдѣ основаніе вашихъ прерогативъ; все остальное—узурпація и злоупотребленіе. Противъ этого закона общественнаго договора не имѣютъ силы ни давность, ни прецеденты: природа не дозволяетъ отказа отъ своихъ правъ и не допускаетъ ихъ прекращенія въ силу давности*" [2]). Разсужденіе это нужно автору для того, чтобы сказать, что „л'Опиталь былъ первымъ во Франціи, кто доказалъ, что онъ знаетъ *права человѣчества, являющіяся объектомъ и вмѣстѣ—предѣломъ власти*" [3]). На стр. 22 бывшій интендантъ обращается къ своимъ читателямъ: „Французы, хотите ли быть свободны и счастливы? Храните чистоту нравовъ" [4]). Говоря о возбужденіи религіозныхъ страстей въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда жилъ л'Опиталь, авторъ выражается такъ: „*Болѣе опасный, чѣмъ Римъ, чѣмъ Медичи и Филиппъ, религіозный фанатизмъ привелъ націю въ состояніе умопомраченія*". А вотъ одна изъ заключительныхъ фразъ сочиненія государственнаго совѣтника: „Да послужитъ настоящая похвала ободреніемъ для тѣхъ *трусливыхъ и робкихъ судей, которые трепещутъ передъ придвор-*

---

[1]) „Dans un pays où il n'y a pas de lois, il n'y a point de véritable liberté".

[2]) „Dans toute forme de gouvernement, l'homme soumis à un pouvoir dont il a consenti l'existence, peut et doit être libre; et il n'est point de société politique dont l'objet ne soit le bonheur des individus qui la composent. Rois, empereurs, souverains, magistrats de tous les pays, voilà votre origine et les titres de vos prérogatives; le reste est usurpation est abus. *Contre cette loi des pactes, les temps et les exemples ne sont rien, et la nature ne permet pas qu'on renonce à ses droits, ni qu'on prescrive contre elle*".

[3]) „C'est l'Hôpital qui, le premier en France, parut connaître *les droits de l'humanité, l'objet et les limites de la puissance*"...

[4]) „Français, voulez-vous être libres et heureux? Ayez les moeurs" (p. 30).

ными и не имѣютъ достаточно мужества, чтобы быть магистратами" [1]).

Въ слѣдующемъ году вышелъ въ свѣтъ объемистый трактатъ Монтіона подъ заглавіемъ: *Изслѣдованія и размышленія о народонаселеніи Франціи* [2]). Лучшій изъ новѣйшихъ знатоковъ французской демографіи, академикъ Левассёръ, отзывается объ этомъ сочиненіи, какъ о „замѣчательномъ, въ одно и то же время наиболѣе общемъ и наиболѣе точномъ изъ всѣхъ появившихся до тѣхъ поръ статистическихъ трудовъ" [3]).

---

[1]) „Puisse encore cet éloge toucher ces juges lâches et timides, qui craignent des courtisans et n'osent être des magistrats" (p. 52).

[2]) Recherches et Considérations sur la population de la France, Paris, 1778. Авторъ предпосылаетъ своему сочиненію *Посланіе къ королю* (*Epître à un Roi*, 12 novembre 1774). Здѣсь читаемъ между прочимъ: „Если существуетъ въ настоящее время во вселенной такой государь, поведеніе котораго отмѣчено любовью къ человѣчеству, уваженіемъ къ правамъ націи и каждаго изъ подданныхъ,—горячимъ желаніемъ видѣть людей покорными законамъ, множащимися и счастливыми; государь, всѣ публичные акты котораго были бы актами благотворительности,—то ему я посвящаю это сочиненіе". Такой государь существуетъ, но нѣтъ нужды называть его имя. „Читатель будетъ произносить это имя и призывать его всякій разъ, какъ встрѣтится съ видами общественнаго блага, съ мыслями объ административныхъ улучшеніяхъ, съ проектами, направленными къ благополучію человѣчества и націи".

[3]) *Levasseur*, la Population française, Paris, 1889, t. I, p. 158.—Левассёръ, вслѣдъ за библіографомъ Girault de Saint-Fargeau, считаетъ авторомъ этого сочиненія Moheau, имя котораго, дѣйствительно, стоитъ на обложкѣ книги. Однако есть вѣскія основанія для того, чтобы считать Moheau, который былъ личнымъ секретаремъ Монтіона и ни ранѣе, ни позднѣе ничѣмъ не заявилъ себя въ печати, простымъ *prête-nom*, что̀ было вполнѣ въ литературныхъ нравахъ эпохи. Что такъ же именно представляли себѣ дѣло хорошо освѣдомленные современники, это видно изъ того, что *Journal des Savants*, въ маѣ 1779 г. категорически приписываетъ названный трактатъ Монтіону, противъ чего не думаютъ протестовать ни Монтіонъ, ни Moheau. Наконецъ, одному изъ новѣйшихъ біографовъ Монтіона (*Labour*, M. de Montyon, Paris, 1880, p. 183) посчастливилось найти въ его бумагахъ „отрывочные листки, покрытые цифрами и вычисленіями, относящимися къ настоящему сочиненію", и написанные рукою Монтіона. Все это взятое вмѣстѣ обязываетъ насъ присоединиться къ мнѣнію Лабура, считающаго Монтіона настоящимъ авторомъ *Изслѣдованій о народонаселеніи*. Что секретарь его могъ принимать то или другое активное участіе въ этой работѣ, это вполнѣ допустимо и вполнѣ естественно, но участвовалъ онъ тутъ, безъ сомнѣнія, „non ut architectus, sed ut faber".

Изданіе своего трактата авторъ мотивируетъ высказаннымъ нѣкоторыми изъ близкихъ ему лицъ убѣжденіемъ въ пользѣ его „для человѣчества, для отечества, для промышленности"; издать въ свѣтъ свое сочиненіе побудили его „эти идеи общественнаго блага".

Приведемъ нѣсколько изъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ этого трактата.

„Есть государи, сердце которыхъ глухо къ голосу природы, и окружающее ихъ суетное подобострастіе заставило ихъ забыть, что ихъ подданные суть существа имъ подобныя, часто даже болѣе высокія по своему характеру, нравственности, уму и познаніямъ" [1]).

„Наиболѣе благопріятная для населенія форма правленія есть, безспорно, та, гдѣ власть законодательная, власть судебная и исполнительная, начала дѣйствія и сопротивленія такъ распредѣлены и скомбинированы, что одинъ изъ этихъ факторовъ служитъ противовѣсомъ другому, чѣмъ обезпечивается каждому гражданину безопасное, свободное и счастливое существованіе" [2]).

Въ качествѣ канцлера графа д'Артуа, Монтіонъ составилъ въ томъ же году *Записку* отъ имени графа д'Артуа, князя де-Кондэ и герцога Бурбонскаго,—которая была напечатана [3]).

Послѣдняя присужденная въ восемнадцатомъ вѣкѣ французскою Академіей премія выпала на долю Монтіона за сочиненіе на тему *О послѣдствіяхъ открытія Америки для Европы, въ политическомъ, нравственномъ и торговомъ отношеніяхъ* [4]).

Послѣ революціи, въ изгнаніи, въ качествѣ „эмигранта", Монтіонъ продолжалъ свою литературно-публицистическую дѣятельность. Въ 1796 г. вышелъ въ Лондонѣ его *Докладъ королю Людовику XVIII*, являющійся отвѣтомъ на вышедшее передъ тѣмъ сочиненіе бывшаго министра де-Каллона [5]). Сочиненіе, въ которомъ Монтіонъ выступилъ поборникомъ легитимно-либеральныхъ идей и высказы-

---

[1]) Ibidem, p. 10.

[2]) Ibidem, p. 56. Въ этихъ словахъ нетрудно распознать одну изъ основныхъ идей „Духа Законовъ".

[3]) Mémoire présenté au roi au nom de MM. le comte d'Artois, le prince de Condé et le duc de Bourbon, Paris, 1778.

[4]) Les conséquences qui ont résulté pour l'Europe de la découverte de l'Amérique, relativement à la politique, à la morale et au commerce.—*Labour*, op. cit., p. 185.

[5]) Rapport fait à S. M. Louis XVIII sur le principe de la monarchie française, contre le *Tableau de l'Europe* de M. de Calonne, Londres, 1796, in-8.

вался за необходимость крупныхъ реформъ въ „старомъ порядкѣ“, „злоупотребленій“ котораго онъ не думалъ ни скрывать, ни защищать, не могло конечно понравиться большинству эмигрантовъ, раздѣлявшихъ въ сущности тотъ взглядъ на старый порядокъ, который съ восхитительною наивностью былъ высказанъ г-жей де-Мопрегаръ. Въ отвѣтъ на толки о „злоупотребленіяхъ“ при старомъ порядкѣ, она возразила: „Но эти злоупотребленія,—вѣдь въ этомъ-то и была главная прелесть стараго порядка“! [1]). Сочиненіе Монтіона было поэтому осуждено въ эмигрантскихъ кругахъ, какъ не достаточно „монархическое“.

Въ 1801 г. Монтіонъ получилъ отъ стокгольмской Академіи премію за сочиненіе на объявленную ею на конкурсъ тему: *Оцѣнка восемнадцатаго вѣка* [2]). Пять лѣтъ спустя онъ печатаетъ новое сочиненіе, написанное на заданную на конкурсъ Королевскимъ обществомъ въ Геттингенѣ тему о *Вліяніи различныхъ видовъ налоговъ на нравственность, дѣятельность и промышленность народовъ* [3]). Въ 1808 г. онъ пишетъ *Похвалу Корнелю*, опять на тему, объявленную на конкурсъ Французскимъ Институтомъ; впрочемъ, какъ эмигрантъ, онъ былъ устраненъ отъ конкурса [4]). Два года спустя Монтіонъ издаетъ свою компиляцію по статистикѣ Тонкина [5]). Свою довольно плодовитую, какъ видно изъ предыдущаго, литературную дѣятельность бывшій интендантъ закончилъ вышедшей въ 1812 г. книгой *Замѣтокъ о наиболѣе знаменитыхъ министрахъ финансовъ Франціи* [6]); это, безспорно, самая интересная изъ остав-

[1]) *Bardoux*, le Comte de Montlosier et les constitutionnels, Paris, 1880 (цит. по *Labour*, op. cit., p. 187).

[2]) Quel jugement doit être porté sur le XVIII-e siècle? Сочиненіе это, повидимому, не было напечатано; Лабуръ говоритъ о немъ какъ-то глухо.

[3]) Quelle influence ont les diverses espèces d'impôt sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples?—*Franclin*, Eloge de M. de Montyon, Paris, 1834, p. 87.

[4]) Eloge de Corneille.—*Labour*, op. cit., p. 196.—Это сочиненіе Монтіона фигурируетъ въ числѣ изданныхъ Дэромъ „сочиненій главнѣйшихъ экономистовъ“ (Paris, 1848, t. II, p. 369—498).

[5]) De l'état actuel du Tonquin, de la Conchinchine, etc., notes de M. de la Bissachère, rédigées par M. de Montyon, Londres, 1810.—*Franclin*, op. cit., p. 87.

[6]) Particularités et observations sur les ministres des finances de France les plus célèbres, depuis 1660 jusqu'au 1791, Paris, 1812, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lf 19/3.

ленныхъ Монтіономъ книгъ; въ особенности интересны характеристики современныхъ ему министровъ, дѣятельность которыхъ онъ имѣлъ возможность наблюдать не только въ качествѣ посторонняго зрителя, но и какъ человѣкъ, самъ игравшій роль одного изъ многочисленныхъ колесъ въ той же административной машинѣ, центральную часть которой составляли „министры финансовъ". Въ характеристикахъ отдѣльныхъ министровъ, отмѣченныхъ незауряднымъ литературнымъ мастерствомъ, въ особенности поражаетъ спокойный, объективный тонъ и искреннее желаніе быть справедливымъ даже къ тѣмъ лицамъ, которыя явно несимпатичны автору[1]).

XXV.

Интендантъ графъ д'Агэ былъ выбранъ въ 1774 г. въ число членовъ Амьенской академіи. Вступительная рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи академіи, представлявшая собою первое произведеніе интенданта, была посвящена вопросу о *Пользѣ наукъ и искусствъ*[2]). Ораторъ начинаетъ съ историческаго обзора человѣческой цивилизаціи, и подойдя къ современной ему эпохѣ, заканчиваетъ панегирикомъ новѣйшему просвѣщенію и его представителямъ, во главѣ которыхъ онъ ставитъ Вольтера и Бюффона[3]). Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1782 г., графъ д'Агэ напечаталъ другую, читанную имъ въ Амьенской академіи, *Рѣчь о выгодахъ внутренняго судоходства*[4]). По этому случаю интендантъ удостоился высшей чести, ка-

—

1) Такъ, о несимпатичномъ ему аббатѣ Террэ авторъ замѣчаетъ: „Comme on doit être juste même envers ceux qui ne l'ont point été, il faut reconnaître que quelque ignorante, quelque perverse qu'ait été l'administration de l'abbé Terray, elle a été bien moins nuisible que celle de plusieurs de ses successeurs". (*Particularités et Observations*, p. 173).—Въ общей оцѣнкѣ дѣятельности министровъ Людовика XVI Монтіонъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей; сравнивая ихъ съ министрами эпохи Людовика XIV, онъ находитъ, что „leurs principes n'ont point été aussi sages, et leurs dispositions n'ont pas été aussi bien combinées, les plans adoptés n'ont point été aussi constamment et aussi fidèlement suivis" (ibidem, p. 354).

2) Discours prononcé à la séance publique de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts d'Amiens, par M. d'Agay, intendant de la province, sur l'utilité des sciences et des arts, Amiens (1774), 24 p. in-4.

3) *Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralite d'Amiens, Paris 1865, p. 374.

4) Discours prononcé le 25 août 1782, sur les avantages de la navigation intérieure, auquel on a joint la carte de communication de la mer Méditerranée

кой только могъ себѣ ожидать въ ту пору писатель, это—похвалы со стороны „фернейскаго патріарха“. Это въ первый разъ—писалъ ему Вольтеръ—, что магистратъ, стоящій во главѣ провинціи, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и во главѣ всѣхъ изящныхъ искусствъ, которымъ оказываетъ покровительство не только своимъ вліяніемъ, но и своимъ краснорѣчіемъ. „Вы украшаете—продолжаетъ Вольтеръ въ эмфатическомъ стилѣ того времени—вѣкъ славный всѣми полезными искусствами; счастливы тѣ, что предаются имъ подъ вашимъ наблюденіемъ“. Изрядную долю этихъ явно преувеличенныхъ похвалъ слѣдуетъ отнести частью на счетъ желанія Вольтера не остаться въ долгу у автора за его вступительную академическую рѣчь, частью просто на счетъ привычной тому времени гиперболичности стиля, въ особенности, когда дѣло шло о похвалѣ или о порицаніи [1]). Но въ извѣстной мѣрѣ похвала Вольтера могла быть искренняя, такъ какъ авторъ заявилъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ „философіи“, высказавъ попутно изрядную „просвѣщенность“ [2]).

Въ своей *Запискѣ* о реформѣ дорожной повинности, напечатанной въ 1784 г., интендантъ Шомонъ-де-ла-Галезьеръ высказалъ мысли, которыя были въ свое время дороги Тюрго, „экономистамъ“ и вообще „философамъ“ [3]).

То же самое можно сказать о двухъ посвященныхъ тому же вопросу печатныхъ сочиненіяхъ полемическаго характера, принадлежащихъ перу интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора [4]).

---

avec la mer du Nord, par le canal projeté en Bourgogne et par les canaux de Picardie.—Авторъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько пышныхъ словъ, во вкусѣ эпохи о „культѣ наукъ и искусствъ, очищенномъ разумомъ души чувствительной къ интересамъ общества“.

[1]) Типичные образцы гиперболическаго стиля эпохи представляютъ собою, напримѣръ, тѣ рѣчи, которыми привѣтствовали различныя депутаціи возвратившихся изъ ссылки членовъ парламентовъ въ октябрѣ 1788 г., при чемъ эти послѣдніе возвеличивались, какъ „отцы отечества“, а по адресу только что вышедшихъ въ отставку министровъ Ламуаньона и Ломени-де-Бріенна формулировались характеристики въ родѣ слѣдующей: „En vain des monstres tyranniques vomissaient sur vos pas leur écume empestée“ (*Détails de ce qui s'est passé à Pau à la rentrée du Parlement, 14 octobre 1788. -Bibliothèque nat.*, Lb 39/656, in-8).

[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 375: „Ses écrits sont remplis d'érudition et d'idées neuves...; ils se ressentent des audaces philosophiques qui troublaient toutes les consciences et jetaient le vague dans les idées“.

[3]) См. выше, стр. 152.

[4]) См. ниже, стр. 239—247.

Интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ, „большой экономистъ“ и не безъ писательскихъ претензій [1]), кромѣ своего *Отчета*, опубликованнаго въ 1790 г. [2]), напечаталъ въ молодые годы *Руководство для желающихъ писать книги* [3]).

Бывшій интендантъ, а впослѣдствіи министръ Бертранъ-де-Мольвилль извѣстенъ, какъ писатель, своими *Мемуарами* [4]) и *Исторіей французской революціи* [5]).

Интендантъ Лепелльтье-де-Морфонтэнь [6]) и бывшій интендантъ Кордье-де-Лонэ [7]) пробуютъ свои литературныя силы на поприщѣ изящной словесности, хотя, какъ кажется, и безъ особаго успѣха. Кордье-де-Лонэ, кромѣ того, заявилъ себя—еще до назначенія на должность интенданта—переводомъ Иліады, который имѣлъ въ свое время значительный успѣхъ: онъ выдержалъ не менѣе пяти изданій [8]).

Интенданты д'Эвь и Бернаръ-де-Баллэнвиллье также пробовали свое перо на поприщѣ изящной литературы, хотя, правда, лишь въ качествѣ переводчиковъ. Первый перевелъ съ англійскаго *Эклоги* Попа и *Экономію человѣческой жизни* Додслея [9]). Второй перевелъ *Оды* Горація и его же *Поэтическое искусство* [10]).

---

[1]) Compte de l'administration, par M. Raymond de Saint-Sauveur, intendant de Roussillon, 1790, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lk 2/1492.

[2]) Agenda des auteurs, ou Calepin littéraire à l'usage de ceux qui veulent faire des livres, Paris, 1755, in-12.

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXVI (19 juillet 1784). Extrait d'une lettre de Prades en Roussillon, du 27 juin: „M. Raymond de Saint-Sauveur, notre intendant, est un grand économiste. Il a d'autre côté beaucoup de prétentions à l'esprit“.

[4]) *Bertand de Molleville,* Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la dernière année de Louis XVI, Londres, 1797, 3 vol. Переиздано въ 1823 г. въ двухъ томахъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ: Mémoires particuliers pour servir à l'histoire de la fin du règne de Lous XVI.

[5]) Histoire de la Révolution de France, Paris, 1801—1803, 14 vol.

[6]) „*Mizrim, ou le Sage la cour, histoire égyptienne,* est un roman moral allégorique, qui n'a rien de neuf au fond, ni de piquant dans la forme .. On attribue cet ouvrage à M. Pelletier de Morfontaine, intendant de Soissons...“ — *Mémoires secrets,* t. XXII (14 février 1783).

[7]) *Cordier de Launay*, la Voeuve de Catane, roman, Berlin, 1803.

[8]) Первое изданіе вышло въ 1782 г. въ двухъ томахъ—*Quérard,* la France littéraire, t. IV, p. 125.

[9]) *Quérard,* op. cit., t. I, p. 20; t. VII, p. 277.

[10]) *Quérard,* op. cit., t. IV, p. 131—132.

Къ числу интендантовъ, такъ или иначе причастныхъ къ „литературной республикѣ“, слѣдуетъ присоединить и имя де-Калонна, о которомъ намъ приходилось уже упоминать, какъ о министрѣ [1]).

XXVI.

Писатель или нѣтъ, во всякомъ случаѣ интендантъ—человѣкъ стоящій на уровнѣ современнаго образованія. Это непремѣнно человѣкъ съ университетскихъ образованіемъ, такъ какъ университетскій дипломъ по юридическимъ наукамъ считался однимъ изъ необходимыхъ условій для полученія тѣхъ парламентскихъ должностей, которыя являлись преддверіемъ интендантства. Юристъ по своему спеціальному образованію, интендантъ второй половины восемнадцатаго вѣка является часто человѣкомъ образованнымъ въ широкомъ смыслѣ, съ живымъ интересомъ къ литературѣ, къ искусству, къ наукѣ, къ „философіи“. Къ „литературной республикѣ“ онъ имѣетъ прикосновеніе, если не какъ писатель—что тоже не представляетъ собою, какъ мы видѣли, исключенія—, то во всякомъ случаѣ какъ читатель. Въ библіотекѣ „просвѣщеннаго администратора“ мы найдемъ, рядомъ съ *Потеряннымъ раемъ* и *Освобожденнымъ Іерусалимомъ*, *Хромого черта* и *Разсказы* Мармонтеля; рядомъ съ *Георгиками* Вергилія и *Лѣтописью* Тацита, *Духъ законовъ* Монтескье и *Общественный договоръ* Руссо; рядомъ съ *Альманахомъ маркизовъ* *Энциклопедію* Дидро; рядомъ съ *Комическимъ романомъ* и *Искусствомъ любви*, *Chimie hydraulique и Récréations physiques*; а по части періодической прессы, кромѣ мѣстной *Газеты* или *Журнала*, а также офиціозной *Gazette de France*, интендантъ позволяетъ себѣ подъ часъ роскошь иностранной газеты [2]).

Интендантовъ встрѣчаемъ въ числѣ членовъ различныхъ ученыхъ обществъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ. Беарнскій интендантъ Бертранъ-де-Бушпоръ состоялъ дѣйствительнымъ, а позднѣе почетнымъ членомъ королевской академіи въ Мецѣ [3]). Амьенскій интендантъ д'Агэ былъ выбранъ мѣстною Академіей въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ [4]). Интендантъ д'Энь былъ членомъ берлинской Академіи и находился въ близкихъ отношені-

---

1) См выше, стр. 176, примѣч. 4.

2) *Archives historiques de la Gironde,* t. XXXIV (1899). Livre des dépenses de M. Dupré de Saint-Maur.

3) *Begin,* Biographie de la Moselle. Metz, 1829, t. II, p. 118—128.

4) См. выше, стр. 228.

яхъ съ кружкомъ барона Гольбаха, который былъ женатъ на его сестрѣ [1]). Въ бумагахъ турскаго интенданта дю-Клюзеля его новѣйшій историкъ нашелъ такую замѣтку, предназначенную для свѣдѣнія его секретаря: „Должны прибыть чрезъ Ліонъ книги, посылаемыя мнѣ Вольтеромъ; слѣдуетъ мнѣ ихъ переслать немедленно" [2]). Отсюда видно, что дю-Клюзель находился также въ перепискѣ съ Вольтеромъ, какъ впрочемъ и нѣкоторые другіе интенданты [3]).

Какъ бы то ни было, интендантъ, по своему образованію, какъ и по рожденію и воспитанію, принадлежитъ къ образованному обществу, къ тому public eclairé, который является настоящимъ носителемъ „общественнаго мнѣнія".

XXVII.

Своихъ ближайшихъ помощниковъ, секретарей и субделегатовъ, „просвѣщенный администраторъ", естественно, стремится выбирать также среди „просвѣщенныхъ" людей. Какъ мы видѣли, это были по большей части судейскіе и адвокаты, слѣдовательно—лица съ „факультетскимъ", юридическимъ, образованіемъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ не только людей интересующихся наукой и литературой но и вносящихъ въ послѣднія посильную долю своего активнаго участія.

Таковъ—первый секретарь амьенскаго интенданта графа д'Агэ, Демо, коллега интенданта по амьенской Академіи, которой оба они состояли членами,—и „лавреатъ" послѣдней, награжденный „преміей краснорѣчія" за *Похвалу Ж. Ж. Руссо* [4]).

Таковъ—субделегатъ того же интенданта, Можандръ, также членъ амьенской Академіи, и также награжденный послѣднею въ 1775 г. такою же преміей за *Похвалу Ашери, съ историческими примѣчаніями* [5]).

---

[1]) По сообщенію турскаго архивиста, M. Louis de Grandmaison.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 94 (цит. по *Dumas,* la Généralité de Tours au XVIII-e siècle, p. 17).

[3]) Сенакъ-де-Мейльянъ, д'Энь, д'Агэ и др.

[4]) *Demaux,* Eloge de J. J. Rousseau, discours qui a remporté le prix d'éloquence à l'académie d'Amiens en 1778, Amiens, s. d.—*Boyer de Sainte-Suzanne,* les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 376—561.

[5]) *Maugendre,* Eloge de dom Acheri, avec des notes historiques, qui a remporté le prix d'éloquence, au jugement de l'Académie d'Amiens, en l'année 1775, Amiens, 1775. Авторъ, родившійся въ Реннѣ въ 1758 г., былъ въ моментъ

Таковъ—везульскій субделегатъ безансонскаго интендантства, Мирудо, напечатавшій нѣсколько сочиненій по агрономіи, статистикѣ и исторіи своего округа [1]).

Таковъ—бургскій субделегатъ дижонскаго интендантства, Тома Рибу, членъ многихъ провинціальнымъ академій и авторъ многочисленныхъ археологическихъ и публицистическихъ сочиненій [2]).

Таковъ—тулузскій субделегатъ лангдокскаго интендантства, Жанъ Рейналь, адвокатъ тулузскаго парламента, бывшій тулузскій капитулъ (членъ городского управленія), членъ королевской Академіи наукъ, надписей и изящной словесности въ Тулузѣ и мѣстный историкъ [3]).

Таковъ — орильякскій субделегатъ овернскаго интендантства, Пажѐсъ, членъ многихъ провинціальныхъ Академій, „неутомимый компиляторъ и романистъ“, будущій „историкъ“, публицистъ и поэтъ революціи [4]),

— — —

полученія преміи семнадцатилѣтнимъ „студентомъ философіи“ —*Quérard,* la France littéraire, t. V, p. 634; *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 376.

[1]) *Miroudot de Saint-Ferjeux,* Essai sur l'agriculture du comté de Bourgogne, Lyon. 1762; Mémoires pour servir à l'histoire de la ville de Vesoul en Franche-Comté, Yverdon, 1779; Mémoire sur le bailliage de Vesoul. Besançon, 1774; Description statistique du village d'Aumont.—*Inventaire des archives départementales de la Haute-Saône,* introduction, p. V; *Quérard,* la France littéraire, t. VI p. 163.

[2]) Tomas Riboud, procureur du roi au bailliage de Bresse, plus tard président honoraire de la Cour royale de Lyon, etc.; membre de la Société d'émulation de Bourg-en-Bresse, des académies de Bordeaux, Dijon, Lyon, etc. -*Quérard,* la France littéraire, t. VII, p. 10; *Bibliographie générale des travaux historiques et archéologiques,* Paris, t. I, p. 1 et suiv.; *Almanach de Bourgogne.*—Сравн. *Pièces justificatives,* Nrs. 61, 252.

[3]) *Jean Raynal,* Histoire de la ville de Toulouse, Toulouse, 1759 —„Noble Jean Raynal, écuyer, avocat au parlement de Toulouse. ancien capitoul, membre de l'Académie royale des sciences, inscriptions et belles lettres de Toulouse, subdélégué de l'intendant de Languedoc, né à Toulouse en 1723, mort au village d'Argeliers (Aude), le 28 juillet 1807“ —*Quérard,* la France littéraire, t. VII, p. 475. Сравн. *Archives départementales de la Haute-Garonne,* C 56.

[4]) François-Xavier Pagès, né à Aurillac en 1745, lieutenant particulier au bailliage en 1772, lieutenant de maire en 1773, avocat au parlement en 1776, subdélégué depuis 1778, mort à Paris, le 21 décembre 1802. Въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ 1789 г. сочинилъ поэму *la Révolution, ou les Ordres réunis,* которую посвятилъ муниципальному совѣту своего родного города Орильяка; основалъ въ концѣ 1790 г. газету *le Cantaliste,* позднѣе написалъ поэму *la France républicaine, ou le Miroir de la Révolution française.* Наибольшимъ, хотя и мало заслуженнымъ (какъ это выяснено въ недавнее

XXVIII.

Послѣ всего, что намъ теперь извѣстно, для насъ становится очевиднымъ, что *вліяніе общественнаго мнѣнія на провинціальную администрацію, въ лицѣ интендантовъ и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, было, въ занимающую насъ эпоху, не только естественно, но и неизбѣжно.* Этотъ апріорный выводъ какъ нельзя болѣе подтверждается, какъ свидѣтельствами наблюдательныхъ современниковъ—между прочимъ изъ числа самихъ же интендантовъ –, такъ и данными конкретной исторической дѣйствительности.

Что касается свидѣтельствъ современниковъ-интендантовъ, то припомнимъ прежде всего приведенныя выше слова Сенакъ-де-Мейльяна. По его наблюденію, какъ мы видѣли, *общественное мнѣніе является тѣмъ факторомъ, которому интендантство, въ лицѣ своихъ представителей, обязано было своей метаморфозой.* Метаморфоза эта заключается, по его наблюденію, въ томъ, что изъ „рабски-покорныхъ“ орудій „министерской воли“, „осуществлявшихъ свою власть съ суровымъ деспотизмомъ“—таковы интенданты времени Кольбера,—послѣдніе превращаются въ „гуманныхъ“ адмистраторовъ, не боящихся, гдѣ нужно, вступиться за интересы „народа“, даже противъ „министерской воли“. Помимо заключающагося въ приведенныхъ словахъ Сенакъ-де-Мейльяна свидѣтельства, слова эти являются характернымъ знаменіемъ времени, наглядно подтверждающимъ заключающееся въ нихъ свидѣтельство. Развѣ не характерны въ устахъ интенданта времени Людовика XVI—какъ этотъ суровый приговоръ надъ интендантами эпохи Кольбера за ихъ „варварскій деспотизмъ“ и „рабскую покорность министерской волѣ“,

время А. Бреттомъ въ статьѣ, заглавіе которой приведено въ концѣ этого примѣчанія) извѣстностью пользовался Пажесъ въ качествѣ историка революціи, благодаря двумъ объемистымъ сочиненіямъ: Histoire secrète de la Révolution française, Paris, 1796—1802, 7 vol, in-4, и Tableaux historiques de la Révolution française, ouvrage orné de 222 gravures, Paris, 1791 -1804, 3 vol. in-fol. (роскошное изданіе, стоившее по подпискѣ 678 фр. за экземпляръ, но совершенно лишенное всякой цѣнности въ научномъ отношеніи).—*Quérard,* la France littéraire, t. VI, p. 547—548; *Armand Brette,* l'Historien Pagès, à propos d'un manuscrit de la Bibliothèque nationale (*Révolution française,* t. XXX [1896], p. 320—332); *Delmas,* Notice sur Pagès dans la *Révolution française,* t. XXXIII (1897), p. 553—555.

такъ и косвенная похвала себѣ и своимъ коллегамъ за ихъ „гуманное отношеніе къ народу“ и „полезныя начинанія“. Разстояніе, отдѣляющее время Людовика XVI отъ эпохи Кольбера, становится здѣсь наглядной, почти осязательной величиной. Въ приведенныхъ словахъ бывшаго интенданта Людовика XVI охарактеризованы коротко не только двѣ хронологически разобщенныя эпохи, но можно сказать—два различныхъ административныхъ міросозерцанія. Въ чемъ же разгадка такой глубокой матаморфозы? Сенакъ-де-Мейльянъ самъ же и даетъ намъ ключъ къ ней: это—*вліяніе общественнаго мнѣнія.*

Къ сожалѣнію, онъ ограничивается лишь приведеннымъ лаконическимъ замѣчаніемъ, представляющимъ собою почти афоризмъ. Во всякомъ случаѣ афоризмъ этотъ не изъ тѣхъ, что „сочиняются изъ головы“, а изъ тѣхъ, что подсказываются живою дѣйствительностью и удачно выражаютъ, въ сжатой формѣ, результатъ многочисленныхъ и многообразныхъ впечатлѣній и наблюденій. Въ своихъ сочиненіяхъ Сенакъ-де-Мейльянъ, какъ мы видѣли, въ полной мѣрѣ отдалъ дань слабости своего вѣка, которую сами современники характеризуютъ какъ *manie de l'esprit;* и самъ Сенакъ-де-Мейльянъ чистосердечно—опять-таки совершенно въ духѣ своего времени - признается въ ней [1]); но въ данномъ случаѣ *l'homme d'esprit* оказывается, какъ увидимъ, просто тонкимъ наблюдателемъ и правдивымъ свидѣтелемъ.

Свидѣтельство Сенакъ-де-Мейльяна почти буквально совпадаетъ съ завѣреніемъ его бывшаго „собрата“, эльзасскаго интенданта Шомонъ-де-ла-Галезьера. Свою оффиціальную рѣчь при открытіи эльзасскаго провинціальнаго собранія онъ начинаетъ слѣдующимъ вступленіемъ: „Обстоятельство, ради котораго мы здѣсь собрались, составитъ незабвенную эпоху въ лѣтописяхъ нашего вѣка и нашей націи. Государственный строй не можетъ оставаться разъ навсегда установленнымъ и неизмѣннымъ. Время, успѣхи просвѣщенія, перемѣны въ нравахъ и идеяхъ неизбѣжнымъ образомъ приводятъ къ кореннымъ измѣненіямъ въ правительственной системѣ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ мало по малу зрѣли во всѣхъ головахъ патріотическія идеи; въ настоящую минуту каждый гражданинъ же-

---

1) „C'est que rien, disait M. Senac de Meilhan, parlant de lui-même, n'a jamais fait effet sur moi comme vrai, mais comme bien trouvé“.—*Sainte-Beuve,* Causeries du Lundi, Paris, 1855, t. X, p. 81.

лаетъ внести свою долю активнаго участія въ общую работу на благо общее. Такое настроеніе заслуживаетъ всяческаго поощренія. Король, желающій благоденствія своихъ подданныхъ, не можетъ лучшимъ образомъ выполнить свою задачу, какъ изъявляя свое согласіе на ихъ активное участіе въ этомъ дѣлѣ. *Уже давно администрація уступила импульсу того всеобщаго движенія, которое охватило націю подъ вліяніемъ прогресса знаній.* Правительственныя пружины, дѣйствовавшія въ былое время во мракѣ, въ настоящее время раскрыты и на глазахъ у всего народа". Далѣе интендантъ отмѣчаетъ, что, установленіемъ провинціальныхъ собраній *король выполняетъ задушевныя пожеланія націи*". Опытъ аналогичныхъ учрежденій въ Берри и Верхней Гюэни показалъ, что они „пріобрѣли *довѣріе народа*". „Это уже само по себѣ великое пріобрѣтеніе, даже въ томъ случѣ, если бы это довѣріе обусловливалось извѣстною предвзятою тенденціею; но въ данномъ слѣчаѣ *общественное мнѣніе* основано на разумѣ и справедливости" [1]).

XXIX.

Въ самомъ дѣлѣ, будемъ ли мы разсматривать отдѣльные акты дѣятельности индендантовъ, попытаемся ли схватить общія руководящія идеи послѣдней,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы найдемъ, что *общественное мнѣніе являлось для интендантовъ вполнѣ реальною силой, которая въ значительной мѣрѣ, дѣйствительно, „направляла" ихъ дѣятельность.*

Въ апрѣлѣ 1775 г. реймскій субделегатъ Полонсо опубликовалъ въ своемъ субделегатствѣ слѣдующее „объявленіе объ отбываніи дорожной повинности": „Въ виду предстоящаго коронованія короля въ Реймсѣ.., необходима крайняя быстрота и строжайшая аккуратность въ выполненіи дорожной повинности; а посему мы предваряемъ всѣхъ сельскихъ обывателей нашего округа, подлежащихъ названной повинности, что они имѣютъ явиться въ назначенные дни

---

1) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale d'Alsace,* Strasbourg, 1787, in-4 (*Bibliothèque nat.,* Lk 15/3): „L'administration a cédé depuis longtemps à l'impulsion de ce mouvement général que le progrès des connaissances a imprimé à la Nation... Le Roi comble les voeux de la Nation... Ce serait déjà un grand avantage, guand cette confiance n'aurait pour base que la prévention; mais ici l'opinion publique est fondée sur la raison et sur la justice".

и часы въ тѣ рабочіе пункты, которые имъ будутъ назначены. Въ случаѣ же, если окажутся ослушники, то списокъ таковыхъ немедленно долженъ мнѣ быть представленъ десятникомъ, для неукоснительнаго принятія противъ такихъ ослушниковъ принудительныхъ мѣръ до тюремнаго заключенія включительно, при чемъ не исполненныя работы будутъ сданы съ торговъ на ихъ страхъ и на ихъ счетъ". Субделегатъ спѣшитъ послать, при соотвѣтствующемъ письмѣ, печатный экземпляръ своего шедевра — начальству, въ лицѣ шалонскаго интенданта, отъ котораго, надо думать, ожидалъ заслуженной похвалы за свою распорядительность и усердіе по службѣ. Такую похвалу онъ, по всей вѣроятности, и не преминулъ бы получить — двадцатью-тридцатью годами раньше, но въ концѣ апрѣля 1775 г. это было *поздно*, и отвѣтъ начальства долженъ былъ показать черезчуръ распорядительному субделегату, до какой степени онъ опоздалъ съ своею распорядительностью. „Я прочиталъ ваше объявленіе — пишетъ ему сухо интендантъ — и усматриваю изъ него, что вы объявляете величайшія строгости противъ подлежащихъ отбыванію дорожной повинности лицъ. Признаюсь, я не могу одобрить подобнаго объявленія, въ особенности въ настоящее время, когда мы находимся въ печальномъ положеніи по случаю дороговизны хлѣба, что должно, вмѣсто усиленія строгости, побуждать насъ къ наивозможно мягкому отношенію къ населенію... Въ виду этого, прошу васъ задержать по возможности всѣ экземпляры вашего объявленія. *Было бы въ высшей степени непріятно, если бы оно получило огласку* и попало въ руки лицъ, могущихъ дать ему неблагопріятное истолкованіе" [1]).

Въ обсуждавшемся въ 1778 г. вопросѣ о перемѣнахъ въ территоріальномъ составѣ ошскаго интендантства, мѣстный интендантъ Дуэ-де-ла-Буллэ находитъ необходимымъ считаться въ данномъ случаѣ съ „*мнѣніемъ народонаселенія*", на что съ удареніемъ указываетъ въ своемъ офиціальномъ письмѣ къ министру [2]).

Беарнскій интендантъ ле-Камюсъ-де-Невилль, въ своемъ донесеніи генералъ-контролеру отъ 23-го ноября 1784 г., высказываетъ

---

[1]) *Archives départementales de la Marne,* C 1549. Текстъ см. въ *Pièces justificatives,* Nrs. 236—237.

[2]) *Archives nationales,* H 1411. Douet de la Boullaye à Necker, 26 janvier 1778: „A ces divers effets du démembrement il faut ajouter *l'opinion des peuples*". Текстъ этого письма напечатанъ цѣликомъ въ *Pièces justificatives,* Nr. 15.

свои соображенія о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ „конституціи“ входящей въ составъ его интендантства маленькой области Лабуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ практическое осуществленіе этихъ преобразованій „несвоевременнымъ“, въ виду того, что послѣднія „произвели бы, несомнѣнно, *неблагопріятное впечатлѣніе на мѣстное населеніе*“ [1]).

Другой беарнскій интендантъ, Бертранъ-де-Бушпорнъ, въ своемъ письмѣ къ генералъ-контролеру въ октябрѣ 1786 г., настаиваетъ на необходимости „*поставить общественное мнѣніе въ извѣстность* относительно употребленія суммъ“, ассигнованныхъ мѣстными штатами на произвоизводство различныхъ общественныхъ работъ въ предѣлахъ области [2]).

По примѣру министровъ, интенданты прибѣгаютъ при случаѣ къ печатному слову, какъ орудію воздѣйствія на общественное мнѣніе—какъ мѣстныхъ такъ и болѣе широкихъ круговъ. Такъ, въ 1785 г. бретанскій интендантъ Бертранъ-де-Молльвилль издаетъ, съ одобренія министра, анонимную брошюру (имъ, или по его внушеніямъ сочиненную), въ цѣляхъ дискредитировать въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи непріятную правительству и интенданту партію въ средѣ бретанскихъ штатовъ [3]).

Но особенно характерна въ данномъ случаѣ надѣлавшая въ свое время много шума печатная полемика бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора съ мѣстнымъ парламентомъ, о которой намъ уже раньше пришлось вскользь упомянуть по другому поводу [4]), и которая заслуживаетъ того, чтобы, здѣсь остановиться на ней болѣе обстоятельно [5]).

---

[1]) *Archives départementales des Basses-Pyrénées,* C 453. Le Camus de Neville à Calonne, 23 novembre 1784: „Je ne proposerai cependant aucun changement pour le moment, *on indisposerait certainement le pays...*“

[2]) *Archives nationales,* H 80. Bertrand de Boucheporn à Calonne, octobre 1786: „Je le désire vivement pour le motif dont j'ai rendu comte... et afin de *fixer l'opinion publique sur l'emploi des fonds dont il a été disposé*“.

[3]) *Ch. de Calan,* la Bretagne sous Louis XVI, Vannes, 1896, p. 53—54.—Тотъ же интендантъ, въ своей „инструкціи субделегатамъ“, указываетъ имъ на „общественную признательность“, какъ на наиболѣе „почетную награду“ за ихъ усердную службу.—*Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 8.—*Pièces justificatives,* Nr. 34.

[4]) По поводу характеристики отношеній между интендантами и парламентами, см. т. I, стр. 464.

[5]) Источники, изъ которыхъ почерпнуты относящіяся къ излагаемому ниже эпизоду подробности, слѣдующіе: *Bachaumont,* Mémoires secrets, t. XXV—

XXX.

На мѣсто назначеннаго въ 1776 году генералъ-контрелеромъ де-Клюньи, въ Бордо былъ присланъ, въ качествѣ интенданта, Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, занимавшій до того уже двѣнадцать лѣтъ такую же должность въ Буржѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неспокойныхъ администраторовъ новаго типа, которые, подобно его сверстнику, лимузенскому „собрату“ Тюрго, не умѣли ладить съ людьми, для которыхъ все обстоитъ благополучно, лишь бы не нарушали установившихся, привычныхъ и удобныхъ имъ порядковъ. Съ перемѣной интенданта пошли разныя болѣе или менѣе непріятныя новшества. Однимъ изъ такихъ новшествъ была затѣянная новымъ интендантомъ реформа дорожной повинности.

Реформа, которую затѣялъ бордоскій интендантъ, была въ сущности попыткой осуществить въ предѣлахъ подвѣдомственной ему провинціи то, что гораздо ранѣе было сдѣлано интендантомъ Тюрго въ лиможскомъ генеральствѣ, а потомъ тѣмъ же Тюрго-министромъ во всемъ королевствѣ. Реформа эта, заключавшаяся въ замѣнѣ крайне тягостной для сельскаго населенія и крайне неравномѣрно ложившейся на населеніе натуральной повинности—умѣренной и равномѣрно распредѣленной податью, была большимъ облегченіемъ для крестьянской массы, но за-то задѣвала интересы привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Какъ извѣстно, Тюрго палъ прежде, чѣмъ его реформы имѣли время перейти изъ бумаги въ живую дѣйствительность. Однако, прежній порядокъ дорожной повинности сдѣлался уже настолько ненавистнымъ, что явившееся на смѣну Тюрго реакціонное министерство въ лицѣ де-Клюньи не рѣшилось возратиться purement et simplement къ прежнему порядку и предоставило провинціальнымъ интендантамъ вводить въ своихъ интендантствахъ, по своему усмотрѣнію, факультативную замѣну натуральной повинности соотвѣтствующей прибавкой къ основной подати

XXVIII; *Corespondance cecrète, politique et littéraire; Encyclopédie méthodique, Finances,* t. I. p. 714 et. suiv.; Lettre d'un Subdelégué de Guyenne à M. le duc de*** relativement aux corvées, 1784; Mémoire important sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne et Observations sur les Remontances du parlement de Bordeaux du 13 mai 1784, par Monsieur Dupré de Saint-Maur, intendant de Guyenne (*Bibliotèque nat.,* Lf 93—21): *Archives nationales,* H 1429, 1444.

(тальѣ). Однимъ изъ первыхъ актовъ дѣятельности Сенъ-Мора въ новомъ интендантствѣ было объявленное имъ сельскому населенію приглашеніе—воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ выкупа натуральной дорожной повинности. На приглашеніе интенданта отозвалось большинство сельскихъ общинъ, которыя нашли для себя болѣе выгоднымъ денежную приплату къ тальѣ въ размѣрѣ одной трети послѣдней, чѣмъ выполненіе повинности натуральнымъ способомъ. Но выгодный для крестьянской массы населенія новый порядокъ оказался, напротивъ, невыгоднымъ для крупныхъ помѣщиковъ, на земли которыхъ приплата къ тальѣ, которую платили ихъ арендаторы, ложилась новымъ бременемъ, неизбѣжно отзывавшимся на пониженіи арендной платы... Буря благороднаго негодованія поднялась противъ интенданта-новатора. Выразителемъ настроенія разгнѣванныхъ помѣщиковъ выступилъ, какъ и слѣдовало ожидать, мѣстный парламентъ, тѣсно связанный съ мѣстной землевладѣльческой аристократіей, къ которой и самъ принадлежалъ почти цѣликомъ по своему личному составу.

Кампанія была открыта постановленіемъ парламента 2-го іюля 1779 г. Исходя изъ того положенія, что прибавка къ тальѣ въ замѣнъ натуральной повинности есть новый налогъ, а для введенія всякаго новаго налога требуется соотвѣтствующій законодательный актъ, занесенный предварительно въ парламентскіе реестры, парламентъ объявлялъ введенный интендантомъ порядокъ незаконнымъ и предписывалъ всѣмъ сельскимъ общинамъ безъ исключенія возвратиться къ прежнему порядку—натуральнаго выполненія дорожной повинности.

Это распоряженіе парламента было кассировано королевскимъ совѣтомъ (постановленіе 18-го іюля того же года). Выражая свое неудовольствіе поступкомъ парламента, король категорически запрещалъ ему на будущее время вмѣшиваться прямо или косвенно въ вопросъ о дорожной повинности, „вѣдѣніе котораго его величество оставляетъ исключительно за собой и своимъ совѣтомъ“.

Парламентъ отвѣтилъ „представленіями“, въ которыхъ настаивалъ на отмѣнѣ введеннаго интендантомъ порядка. Представленія были оставлены безъ послѣдствій. Парламентъ однако отнюдь не думалъ считать свое дѣло проиграннымъ. Лѣтомъ 1780 г. онъ нарядилъ секретное слѣдствіе надъ дѣйствіями низшихъ органовъ интендантской администраціи, поскольку она касалась дорожной повинности. Изъ тщательно собранныхъ и искусно сгруппированныхъ жа-

лобъ былъ составленъ болѣе или менѣе эффектный букетъ, который и былъ преподнесенъ королю въ слѣдующемъ ноябрѣ (постановленіе парламента 22-го ноября 1780 г.).

Отвѣтомъ было постановленіе совѣта отъ 13-го іюля 1781 г., въ которомъ отъ имени короля выражалось порицаніе „процедурѣ секретнаго слѣдствія“, къ которой счелъ себя въ правѣ прибѣгнуть парламентъ, и предписывалось заинтересованнымъ сторонамъ „передать документы и записки государственному совѣтнику Жоли-де-Флери, члену финансоваго совѣта, для представленія имъ соотвѣтствующаго доклада“.

Наступило затишье, и введенный интендантомъ порядокъ продолжалъ мирно развиваться, не смотря на глухое противодѣйствіе парламента. Но затишье оказалось лишь кратковременнымъ перемиріемъ. Въ 1783 г. къ введенному интендантомъ порядку пожелали присоединиться и нѣсколько общинъ тѣхъ округовъ, гдѣ талья была не *личной*, а *„вещной“*, то-есть пріурочена не къ лицу, а къ землѣ. Для этихъ общинъ интендантомъ былъ изданъ 3-го марта 1783 г. спеціальный „ордоннансъ“. Въ силу послѣдняго, замѣнявшая натуральную повинность денежная подать раскладывалась не только между плательщиками тальи, но также и между плательщиками поголовной подати (capitation). Послѣдняя особенность обусловливалась, очевидно, тѣмъ, что иначе отъ несенія дорожной повинности оказалась бы освобожденной цѣлая категорія лицъ, которая въ округахъ съ личной тальей эту повинность несла. Какъ бы то ни было, это новое проявленіе „произвола“ со стороны интенданта подало поводъ парламенту возобновить противъ него прерванную было борьбу, которая на этотъ разъ приняла болѣе острый и ожесточенный характеръ. 27-го марта 1784 г. парламентъ принялъ постановленіе, которымъ, предавая рѣзкому осужденію введенную интендантомъ „систему произвола“, предписывалъ нарядить новое слѣдствіе надъ этой частью интендантскаго управленія. Слѣдствіе это было въ полномъ ходу, когда 17-го апрѣля послѣдовало постановленіе королевскаго совѣта, которымъ кассировалось постановленіе парламента и вся начатая имъ слѣдственная процедура. Но парламентъ, видимо, рѣшилъ ни передъ чѣмъ не останавливаться, чтобы доконать испортившаго ему столько крови интенданта; 28-го того же апрѣля парламентъ принялъ постановленіе, которымъ „подтверждалось“ только что кассированное королевскимъ совѣтомъ постановленіе 27-го марта; вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ издалъ приказъ

объ арестѣ перваго секретаря интендантства, который „спасся бѣгствомъ“ въ Парижъ; одинъ изъ субделегатовъ былъ вызванъ парламентомъ въ качествѣ обвиняемаго въ различныхъ злоупотребленіяхъ по дѣламъ дорожной повинности. Вслѣдъ затѣмъ, 13-го мая того же года, парламентъ постановилъ отправить королю обширныя „представленія“ по поводу „чудовищнаго накопленія притѣсненій, учиненныхъ интендантомъ въ виду установленной имъ системы дорожной подати“. На этотъ разъ парламентъ не ограничился представленіемъ своихъ remontrances королю, но отпечаталъ ихъ и принялъ мѣры къ наивозможно болѣе широкому распространенію ихъ среди публики. Попытка дискредитировать администратора передъ правительствомъ не удалась – надо было попытаться дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи. Въ видахъ достиженія болѣе вѣрнаго результата, рядомъ съ печатными представленіями была пущена въ ходъ устная сплетня, или, какъ выражается современный хроникеръ, „довольно забавный анекдотъ, не имѣющій, правда, никакого отношенія къ дѣлу, но бросающій тѣнь на частную жизнь и нравы г. интенданта“ [1]).

Выждавъ эффекта своихъ „представленій“, адресовавшихся въ сущности болѣе къ „публикѣ“, чѣмъ къ королю, и находя его вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ видамъ, парламентъ выпустилъ, три недѣли спустя, „вторичныя представленія“ (7-го іюня 1784 г.), въ которыхъ окончательно добивалъ поверженнаго во прахъ противника; къ нимъ былъ приложенъ докладъ слѣдственной комиссіи парламента, въ которомъ приводилась „масса возмутительныхъ вещей“. Насколько были основательны эти обвиненія, преднамѣренная тенденціозность которыхъ была слишкомъ очевидна, но провѣрить которыя не имѣла возможности та „публика“, къ которой фактически адресовались „представленія“ парламента,—мы не можемъ сказать; но во всякомъ случаѣ цѣль, къ которой стремился парламентъ, была достигнута: вокругъ имени непріятнаго администратора была создана „скандальная извѣстность“, оно сдѣлалось достояніемъ различныхъ „секретныхъ мемуаровъ“ и „секретныхъ корреспонденцій“,

[1]) *Mémoires secrets,* t. XXV (4 mai 1784): „On a découvert qu'il menait avec lui dans ses tournées une fille, déguisée tantôt en dragon, tantôt en abbé, tantôt en capucin“. Сплетня, характеризующая скорѣе нравы тогдашняго общества и легковѣріе парижскихъ хроникеровъ, чѣмъ „частную жизнь“ интенданта, которому въ то время было, сказать кстати, подъ шестьдесятъ лѣтъ.

объектомъ салонныхъ сплетенъ и „остроумныхъ“ комментаріевъ въ столичныхъ bureaux d'esprit. Интендантство, какъ учрежденіе, не пользовалось популярностью; въ Парижѣ интендантами вовсе не интересовались, о дѣятельности ихъ имѣли очень смутныя представленія, но ихъ недолюбливали, а потому всякая направленная противъ нихъ—коллективно ли, или индивидуально—выходка, будь то парламентскія „представленія“, или идущая изъ провинціи сплетня,—встрѣчала всегда благосклонный пріемъ. У Сенъ-Мора вдобавокъ не было, повидимому, сильныхъ связей при дворѣ или въ правительственныхъ сферахъ, для того чтобы продолжать борьбу съ парламентомъ. Торжество послѣдняго было полное: Сенъ-Моръ ушелъ, не чувствуя силъ оставаться долѣе на своемъ боевомъ посту. Но уходя, онъ рѣшилъ защищаться противъ своего врага его же оружіемъ—печатнымъ словомъ, и это, быть можетъ, самый интересный моментъ во всей этой маленькой, но богатой перипетіями исторіи. Это, насколько намъ извѣстно, первый случай непосредственнаго обращенія къ общественному мнѣнію со стороны одного изъ провинціальныхъ администраторовъ до-революціонной Франціи.

Сначала интендантъ выступилъ въ печати подъ псевдонимомъ „одного субделегата Гюэни“, въ формѣ открытаго письма къ третьему лицу [1]). Вслѣдъ затѣмъ онъ выпустилъ уже подъ своимъ именемъ объемистую брошюру, подъ заглавіемъ *Mémoire important sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne et Observations sur les Remontrances du Parlement de Bordeaux* [2]). Брошюра эта, которой интендантъ постарался дать столь же широкое распространеніе, какъ и парламентъ своихъ „представленіямъ“, открывается личнымъ обращеніемъ интенданта къ королю [3]), въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: „Обвиненный однимъ изъ вашихъ парламентовъ, въ его представленіяхъ, опубликованныхъ и распространенныхъ съ нескрываемымъ намѣреніемъ придать имъ наиболѣе широкую огласку, я долженъ предста-

[1]) Lettre d'un Subdélégué de la généralité de Guyenne à M. le Duc de*** relativement aux corvées, 1784, p. in-4. Въ Національной библіотекѣ имѣется одинъ экземпляръ этой брошюры.

[2]) Экземпляръ этой брошюры имѣется въ парижской Національной библіотекѣ: Lf 93—21, in-4.

[3]) Это своеобразное открытое письмо интенданта къ королю было нами воспроизведено цѣликомъ въ первомъ томѣ „Провинціальной администраціи“, въ примѣчаніи на стран. 251.

вить свое оправданіе вамъ, государь; я долженъ его представить вашему народу; я долженъ, наконецъ, его представить самому себѣ".

Стараясь соблюдать въ своемъ отвѣтѣ на обвиненія парламента умѣренный тонъ, Сенъ-Моръ платитъ ему по существу тою же монетой; оправдываясь отъ взводимыхъ на него обвиненій, онъ съ своей стороны высказываетъ по адресу парламента самыя тяжкія обвиненія—и все это съ тою ужасающею прямолинейностью, на какую только былъ способенъ языкъ того времени [1].

Интересно однако, насколько была достигнута интендантомъ основная цѣль его выступленія въ печати—реабилитація его образа дѣйствій въ общественномъ мнѣніи.

Какъ и слѣдовало ожидать, тѣ общественные круги, которые стояли близко къ парламентской магистратурѣ, остались и послѣ публичной защиты Сенъ-Мора при своемъ прежнемъ враждебномъ къ интенданту „мнѣніи", выразителемъ котораго для насъ является хроникеръ „секретныхъ мемуаровъ" [2]. За-то интенданту, выступившему по пути, намѣченному въ свое время „министромъ-патріотомъ", какъ называетъ Сенъ-Моръ въ своей брошюрѣ –Тюрго [3]), удалось

[1]) Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ этого любопытнаго документа: „Peut-être, au reste, cet événement ne sera-t-il point en pure perte pour l'Etat. Peut-être le parlement aura-t-il rendu à la province, à la France entière un service essentiel, dont il est lui-même bien loin de se douter. La fermentation à laquelle il a donné lieu, et qui n'a pas tardé à se propager, ne peut manquer d'accélérer de beaucoup l'instant où le gouvernement sera forcé de prendre un parti général et uniforme sur l'article de la confection et entretien des chemins. Mais le voeu peu réfléchi du Parlement (le rétablissement de la corvée en nature) ne s'accomplira point. S'il est analogue aux désirs de quelques gens aisés, il blesse trop ouvertement les intérêts de la classe indigente". „La plupart des griefs dont on se plaint ont été l'effet nécessaire ou le résultat des contrariétés que le service des corvées a éprouvées depuis 1777, et de la résistance continuelle que la classe des gens riches a apportée à l'exécution du nouveau système". „Dès le premier moment, les tribunaux de la Guyenne ont pris parti dans cette espèce de guerre entre les riches et les pauvres"...

[2]) *Mémoires secrets*, t. XXVIII (30 janvier 1785): „La publicité de cet arrêté (du Parlement) était d'autant plus nécessaire que le mémoire de M. Dupré de Saint-Maur, imprimé et répandu avec profusion, accumule contre le Parlement les accusations les plus graves et les plus calomnieuses"...—Ibidem, t. XXVIII (7 février 1785): „En supposant même la vérité de tout ce qu'avance le commissaire départi, on ne le juge pas pleinement justifié".

[3]) *Mémoire important*, etc: „Permettons-nous donc de penser qu'on reviendra plutôt au plan de ce ministre partiote, qui, s'il existait encore, serait sin-

вполнѣ завоевать симпатіи тѣхъ общественныхъ круговъ, которые находились подъ вліяніемъ „секты экономистовъ“; эти симпатіи къ администратору, потерпѣвшему неудачу въ своихъ начинаніяхъ въ духѣ Тюрго, нашли себѣ отголосокъ въ обширной статьѣ, посвященной натуральной дорожной повинности въ вышедшей въ восьмидесятыхъ годахъ *Методической Энциклопедіи*, представляющей собою, какъ было выше замѣчено, переработанное и значительно дополненное изданіе знаменитой *Энциклопедіи* Дидро и д'Аламбера [1]).

Непосредственными результатами столкновенія Сенъ-Мора съ бордоскимъ парламентомъ были: отставка его, какъ интенданта, разборъ его дѣла въ особой комиссіи королевскаго совѣта, окончившійся его реабилитаціей, выразившейся реальнымъ образомъ въ назначеніи Сенъ-Мора государственнымъ совѣтникомъ. Но благодаря той широкой огласкѣ, которую получило это дѣло, и благодаря вліянію заинтересованнаго имъ общественнаго мнѣнія, оно оказалось чреватымъ гораздо болѣе крупными результатами, чѣмъ этого можно было ожидать. Съ одной стороны, это дѣло дало новый толчокъ оппозиціонному движенію противъ всего существующаго правительственнаго режима и вмѣстѣ съ тѣмъ снова разбудило задремавшую было мысль-мечту о генеральныхъ штатахъ; въ своемъ „посланіи къ королю“, опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе, по поводу все того же дѣла, въ январѣ 1785 г., бордоскій парламентъ впервые „даетъ понять королю необходимость возстановить старинныя торжественныя собранія, генеральные штаты, слишкомъ уже долго не созывавшіеся—настоящій и единственный путь къ возстановленію прочности ослабѣвшихъ пружинъ монархіи“ [2]). Съ другой стороны, публичная полемика между интендантомъ и парламентомъ по поводу вопроса о реформѣ дорожной повинности, снова выдвинула на сцену этотъ, казалось, заглохшій, но въ сущности лишь замятый послѣ неосуществившейся попытки Тюрго, вопросъ. И вотъ, въ то самое

gulièrement surpris d'en voir l'exécution presque indispensablement amenée par des moyens si éloignés de la sagesse de ceux qu'il avait présentés à la Nation".

[1]) *Encyclopédie méthodique, Finances*, t. I, p. 691—717 (art. *Corvée*, signé Grivel).—См. выше, стр. 188, примѣч. 5.

[2]) *Mémoires secrets*, t. XXVIII (29 janvier 1785): „...Le Parlement fait sentir au roi la nécessité de rétablir ces assemblées antiques et solennelles, trop longtemps suspendues, les Etats généraux, véritable et unique moyen de remonter les ressorts de la monarchie, dans un relâchement général".

время, какъ бордоскій парламентъ „давалъ понять королю“ необходимость созыва генеральныхъ штатовъ, правительство, въ лицѣ генералъ-контролера де-Калонна, поставило вопросъ о замѣнѣ натуральной дорожной повинности соотвѣтствующей податью на обсужденіе особой комиссіи изъ интендантовъ. Заключенія, къ которымъ пришла послѣдняя, были формулированы въ той „запискѣ“, составленной интендантомъ ла-Галезьеромъ, о которой мы уже упоминали въ другой связи. Въ іюлѣ слѣдующаго года была созвана де-Калонномъ новая комиссія изъ интендантовъ для окончательной выработки проекта реформы, а въ ноябрѣ того же года послѣдовало „постановленіе совѣта о замѣнѣ, въ видѣ опыта въ теченіе трехъ лѣтъ, натуральной дорожной повинности денежной податью“ [1]; но до истеченія трехъ лѣтъ, въ іюнѣ слѣдующаго года, эта временная мѣра получила значеніе окончательной реформы [2]). Это было торжество идеи „министра-патріота“ и вмѣстѣ—великое нравственное удовлетвореніе для продолжателя и поборника ея, бывшаго бордоскаго интенданта.

Такъ завершилась эта маленькая административная драма, о которой можно сказать, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ней является *общественное мнѣніе.*

Приведенныхъ примѣровъ изъ дѣятельности интендантовъ достаточно для того, чтобы видѣть, насколько общественное мнѣніе было, дѣйствительно, реальной силой въ дѣятельности администраціи вообще, и интендантовъ въ частности; до какой степени глубоко было вліяніе этой силы на дѣятельность послѣднихъ, мы увидимъ при болѣе детальномъ знакомствѣ съ нею. Но прежде чѣмъ перейти къ этому детальному знакомству, намъ необходимо познакомиться съ тою ближайшею средой, въ которой эта дѣятельность проявлялась, то-есть—съ *провинціей.*

1) *Arrêt du conseil qui ordonne l'essai, pendant trois ans, de la conversion de la corvée en une prestation en argent,* 6 novembre 1786.—*Archives nationales,* H 1429.

2) *Declaration pour la conversion de la corvée en une prestation en argent,* 27 juin 1787.—*Isambert,* Recueil général, t. XXVIII, p. 374–376.

Въ заключеніе отмѣтимъ главнѣйшіе пункты настоящей главы.

Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ особенности же въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ во Франціи необычайно вліятельную роль; въ признаніи этого факта сходятся современники самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и идейныхъ настроеній. „Общественное мнѣніе“, которое современниками понималось, какъ „мнѣніе націи“, начиная съ семидесятыхъ годовъ, получаетъ право гражданства даже въ офиціальномъ языкѣ администраціи.

Общественное мнѣніе становится силой, вліяніе которой испытываютъ на себѣ, и съ которой находятъ нужнымъ считаться парламенты, городскіе муниципалитеты, провинціальные штаты и другія корпораціи, равно какъ и частныя лица. Но что особенно важно, воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, частью сознательно, частью безсознательно, начинаетъ испытывать на себѣ и правительство. Вліяніе общественнаго мнѣнія сказывается, какъ въ освобожденіи, такъ и въ замѣщеніи министерскихъ вакансій; оно сказывается равнымъ образомъ и въ отдѣльныхъ актахъ правительственной дѣятельности.

Общественное мнѣніе становится силой, съ которой само правительство находитъ нужнымъ считаться самымъ серьезнымъ образомъ. Отсюда—необычайное развитіе въ занимаемую насъ эпоху — *офиціальной* и *полуофиціальной прессы.*

На ряду съ этимъ явленіемъ, другимъ важнымъ симптомомъ роста общественнаго мнѣнія и его могущества является постепенная эмансипація „города“ отъ „двора“, Парижа отъ Версаля. Если было время время, когда „дворъ“ давалъ тонъ „городу“, то теперь наоборотъ, первый начинаетъ внимательно прислушиваться къ камертону послѣдняго.

Спрашивается однако, какъ могло достигнуть столь вліятельной роли общественное мнѣніе въ тогдашней Франціи, лишенной свободы публичнаго слова, въ особенности—слова печатнаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ,—та роль, которую игралъ во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ *разговоръ.*

Сдѣлавшись предметомъ спеціальной культуры — въ *салонахъ*, разговоръ уже давно получилъ во Франціи значеніе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ общественности. Съ демократизаціей салонной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, разговоръ не только ничего не потерялъ въ своемъ значеніи, а напротивъ—пріобрѣлъ еще бо́льшую силу въ качествѣ одной изъ общественныхъ функцій.

Салоны, писательскіе кружки, англійскіе клубы, парижскіе кафе, эти постоянные очаги общественнаго разговора, представляли собою одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ выработки общественнаго мнѣнія. Въ то же время они являлись посредниками между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, такъ какъ въ занимающую насъ эпоху между правительственными кругами—съ одной стороны и обществомъ—съ другой не было чего-либо похожаго на глухую стѣну: люди, которые толпились въ парижскихъ салонахъ, литературныхъ кружкахъ и клубахъ, и люди, которые занимали министерскіе кабинеты и наполняли министерскія канцеляріи, принадлежали, за немногими исключеніями, къ одной и той же соціальной семьѣ, а зачастую это были одни и тѣ же люди.

Салоны же и подобные имъ кружки являлись однимъ изъ главныхъ орудій при помощи которыхъ общество оказывало свое воздѣйствіе на *печать*, которая въ значительной мѣрѣ являлась лишь отраженіемъ живого разговора салоновъ, клубовъ, кафе, и т. д.

Печать тѣмъ удобнѣе могла отражать этотъ разговоръ, что, не смотря на отсутствіе легальной свободы, она пользовалась довольно широкою свободой фактической, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ количественный ростъ прессы во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, такъ и характеръ ея произведеній въ эту пору. За предѣлами же этой фактической свободы оставался широкій просторъ для нелегальной прессы (особенно заграничной), которая получаетъ самое широкое развитіе въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

Такимъ образомъ, существовавшія легальныя стѣсненія отнюдь не мѣшали прессѣ играть роль одного изъ важнѣйшихъ факторовъ общественнаго мнѣнія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести также *театръ*, представлявшій собою какъ бы продолженіе на сценѣ того „разговора“, который шелъ въ салонахъ, литературныхъ кружкахъ, клубахъ, кафе и т. д.

Какъ одинъ изъ мощныхъ факторовъ общественнаго мнѣнія, пресса, естественно, даетъ чувствовать свою силу и правительству. Вліяніе прессы на правительство въ занимающую насъ эпоху можно прослѣдить во многихъ актахъ послѣдняго; можно даже сказать, что многіе изъ правительственныхъ актовъ первостепенной важности были подсказаны прессой.

Вліяніе общественнаго мнѣнія распространяется и на провинціальную администрацію въ лицѣ интендантовъ. И это совершенно естественно, въ виду того, что послѣдніе, какъ мы ранѣе видѣли, и по

своему происхожденію и по своему соціальному положенію, принадлежали, какъ и министры, къ тому же самому государственному дворянству, которое въ занимающую насъ пору составляло и главный контингентъ той „просвѣщенной публики", которая наполняла собою и парижскіе салоны и ряды „литературной республики": *homme du monde*, интендантъ нерѣдко и *homme de lettres*. Дѣйствительно, многіе изъ интендантовъ эпохи не чужды литературѣ, какъ не чужды ей и нѣкоторые изъ ихъ ближайшихъ помощниковъ и подчиненныхъ. Писатель или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ интендантъ этого времени - человѣкъ, стоящій на уровнѣ современной образованности. Это обыкновенно—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, интересующійся литературой, а подъ часъ и наукой.

При такихъ условіяхъ, вліяніе общественнаго мнѣнія на провинціальную администрацію, въ лицѣ интендантовъ и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, представляется уже a priori не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ. Этотъ апріорный выводъ вполнѣ подтверждается и a posteriori. Общественное мнѣніе, дѣйствительно, является, по признанію одного изъ интендантовъ, тѣмъ факторомъ, которому интендантство, въ лицѣ своихъ представителей, обязано было своей метаморфозой. Вліяніе общественнаго мнѣнія можно прослѣдить и на отдѣльныхъ актахъ административной дѣятельности интендантовъ. Дѣло бордоскаго интенданта Дюпрэ-де-Сенъ-Мора можетъ служить одною изъ иллюстрацій той роли, какую играетъ общественное мнѣніе въ провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Интенданты и провинція.

Французская провинція въ послѣднюю пору стараго порядка представляетъ ли собою *мертвое тѣло?*—I. Провинція, какъ административная величина.—Провинціальные штаты.—II. Традиціи провинціальной свободы и ихъ оживленіе въ послѣдніе годы стараго порядка.—III. Парламенты и другіе высшіе трибуналы.—Городскіе муниципалитеты.—Помѣстное дворянство.—IV. Провинція, какъ культурная величина.—Ростъ народонаселенія.—V. Хозяйственный прогрессъ провинціи.—Свидѣтельства современниковъ.—Объективныя данныя.—VI. Прогрессъ въ области сельскаго хозяйства. Свидѣтельства современниковъ.—VII. Вздорожаніе земли.—VIII. Расширеніе запашекъ.—IX. Различныя усовершенствованія и новыя культуры; прогрессъ скотоводства.—X. Промышленный прогрессъ.—XI. Ростъ внѣшней торговли.—XII. Развитіе и усовершенствованіе дорожной сѣти.—XIII. Усовершенствованіе и развитіе внутреннихъ водныхъ путей.—XIV. Ростъ городскихъ центровъ.—XV. Прогрессъ городского благоустройства.—XVI. Французскіе города по впечатлѣніямъ англійскаго путешественника.—XVII. Деревня и ея хозяйственный прогрессъ.—XVIII. Прогрессъ умственной жизни провинціальнаго общества.—Развитіе провинціальной прессы.—XIX. Провинціальныя „академіи“ и сельскохозяйственныя общества.—XX. „Филантропическіе“ и „патріотическіе“ кружки, массонскія ложи и „салоны“ въ провинціи.—XXI. Провинціальное общественное мнѣніе и его вліяніе на интенданта.—„Человѣкъ короля“ и „человѣкъ провинціи“.—XXII. Интендантъ противъ притязаній фиска.—XXIII. Интендантъ за мѣстныя „права“ и „вольности“.—XXIV. Интендантъ противъ правительства.—XXV. Интендантъ „свой человѣкъ“ въ провинціи.—XXVI. Интендантъ изъ мѣстныхъ обывателей.—XXVII. Популярные интенданты.—Тюрго.—XXVIII. Другіе интенданты по свидѣтельству современниковъ.—XXIX. Тоже,—по свидѣтельству управляемыхъ.—XXX. Память объ интендантахъ въ ихъ провинціяхъ.—Заключеніе.

Вмѣстѣ и параллельно съ развитіемъ административной централизаціи во Франціи въ послѣдніе полтора столѣтія до революціи растетъ и значеніе Парижа, какъ столицы. По мѣрѣ возрастанія значенія Парижа, какъ политическаго и административнаго центра, естественно, растетъ и значеніе его, какъ культурнаго центра страны. Этотъ ростъ столицы отчасти совершается конечно на счетъ

провинціи, на счетъ ея населенія, притягиваемаго столичнымъ центромъ,—на счетъ ея правовыхъ вольностей, постепенно поглощаемыхъ центральной властью,—на счетъ мѣстныхъ культурныхъ силъ, постоянно отливающихъ къ столицѣ, какъ главному очагу всей культурной жизни страны. Маркизу д'Аржансону Франція его времени представляется въ видѣ паука: „огромная голова и тощія оконечности“ [1]). „Апоплектическое тѣлосложеніе“ Франціи, „съ чрезмѣрно большой головой“, внушаетъ опасенія и его современнику маркизу Мирабо [2]).

Преобладающая роль Парижа въ дореволюціонной Франціи прекрасно обрисована Токвилемъ, и не было бы надобности останавливаться обстоятельнѣе на этой сторонѣ дѣла, если бы Токвиль не увлекся черезчуръ этимъ впервые имъ отмѣченнымъ фактомъ и не подчеркнулъ его болѣе рѣзко, чѣмъ это требовалось для исторической вѣрности нарисованной имъ картины. Когда онъ говоритъ о „совершенномъ поглощеніи провинцій Парижемъ“ [3]) и называетъ ихъ „мертвыми тѣлами“ [4]), то онъ уже утверждаетъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ то, на что уполномочиваютъ его данныя исторической дѣйствительности.

Нѣтъ, во французской провинціи до самаго конца стараго порядка оставалось еще не мало живыхъ силъ, и провинцію революція нашла далеко не въ видѣ мертваго тѣла. *Французская провинція до революціи не была мертвымъ тѣломъ ни въ административномъ, ни въ культурномъ смыслѣ.*

I.

Начать съ областей со штатами (pays d'états) [5]). Относительно ихъ и Токвиль считаетъ необходимымъ сдѣлать оговорку, но увлечен-

[1]) „De nos jours, la France s'est métamorphosée de femme en araignée: grosse tête et bras maigres. Toute graisse, toute substance s'est portée à Paris“.—*D'Argenson*, Journal et Mémoires, Paris, éd. Rathéry, 1859—1867.

[2]) „Les capitales sont nécessaires, mais si la tête devient trop grosse, le corps devient apoplectique et tout périt“ (цит. по *Tocqueville*, l'Ancien régime et la Révolution, p. 112).

[3]) *Tocqueville*, op. cit., p. 114: „Paris avait achevé de dévorer les provinces“.

[4]) Ibidem, p. 115: „Il semblait qu'on déchirât des corps vivants: on ne faisait que dépecer des morts“. — Дѣло идетъ о произведенномъ учредительнымъ собраніемъ территоріальномъ передѣлѣ Франціи на департаменты.

[5]) Подробныя библіографическія указанія по части провинціальныхъ

ный своей идеей о всепоглощающей централизаціи, онъ спѣшитъ прибавить, что эти области „скорѣе имѣли видъ самоуправляющихся", чѣмъ были таковыми въ дѣйствительности [1]). Исключеніе, по его мнѣнію, составляли лишь „двѣ области, гдѣ провинціальная свобода имѣла, дѣйствительно, жизненное значеніе" [2]). Что такія крупныя области, какъ Лангдокъ и Бретань—такъ какъ ихъ именно и имѣетъ въ виду Токвиль—въ большей степени, чѣмъ другія, менѣе значительныя области, представляли благопріятную обстановку для развитія и сохраненія духа провинціальной независимости,—это само собою понятно; но нельзя согласиться съ Токвилемъ, что во всѣхъ прочихъ областяхъ со штатами это учрежденіе „совершенно утратило свою жизненную силу и сохранило лишь пустую внѣшность" [3]). Какъ бы ни были въ позднѣйшую пору ограничены полномочія провинціальныхъ штатовъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда они фактически обладали правомъ „соглашаться и не соглашаться" на различныя подати въ пользу королевской казны, все же они далеко не представляли собою une quantité négligeable для мѣстнаго интенданта, а подъ часъ даже и для правительства [4]).

Самоуправленіе и связанные съ нимъ традиціи провинціальной свободы и духъ областной независимости не только продолжаютъ жить—хотя конечно и въ различной степени—въ областяхъ, сохранившихъ свои штаты, но и начинаютъ проявлять себя во вто-

штатовъ можно найти въ нашей замѣткѣ („штаты провинціальные") въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза-Ефрона.

[1]) Ibidem, p. 50: „Les pays d'états c'est-à-dire les provinces qui s'administraient, ou plutôt avaient l'air de s'administrer encore en partie elles-mêmes".

[2]) Ibidem, p. 50: „Il n'y en avait que deux où la liberté provinciale fût réellement vivante".

[3]) Ibidem, p. 326: „La liberté provinciale n'existait plus à vrai dire que dans deux, la Bretagne et le Languedoc, *partout ailleurs l'institution avait entièrement perdu sa virilité et n'était plus qu'une vaine apparence*".

[4]) Такъ, въ 1782 г. правительство отмѣнило для Прованса августовскій эдиктъ (вводившій акцизъ на оливковое масло и мыло), противъ котораго высказалось мѣстное „общее собраніе коммунъ" (*Archives départementales des Bouches-du-Rhone*, C 91).—Штаты маленькихъ областей Беарна и Фуа отказываются въ 1786 г. вотировать предложенный королемъ налогъ для образованія „фонда вознагражденій" (fonds des indemnités) (*Archives nationales*, H 1429).—Въ февралѣ 1788 г. беарнскіе штаты наотрѣзъ отказываются вотировать потребованную отъ имени короля прибавку къ „абонементу" подати vingtièmes (*Archives nationales*, K 680).

рой половинѣ восемнадцатаго вѣка со все возрастающей настойчивостью. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, мѣстные штаты не только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ отстаиваютъ свой традиціонный административный „доменъ“ отъ покушеній центральной власти и ея провинціальныхъ органовъ, но переходятъ подъ часъ изъ обороны въ наступленіе, при чемъ имъ удается иногда оттѣснить интенданта съ уже завоеванныхъ имъ и даже насиженныхъ позицій [1]).

II.

Но и о прочихъ областяхъ нельзя утверждать безъ всякихъ оговорокъ, чтобы въ нихъ совершенно угасла къ концу стараго порядка всякая мѣстная общественная жизнь, какъ это склоненъ думать Токвиль. *Эта мѣстная общественная жизнь продолжала здѣсь сохраняться въ мѣстныхъ парламентахъ и другихъ высшихъ трибуналахъ, въ городскихъ управленіяхъ, въ различныхъ мѣстныхъ корпораціяхъ, наконецъ—въ сохранившихся традиціяхъ и воспоминаніяхъ о прежней „провинціальной свободѣ“.* Что идеи „провинціальной свободы“ не вымерли въ многихъ изъ тѣхъ областей, которыя утратили въ болѣе или менѣе отдаленное время свои провинціальные штаты объ этомъ свидѣтельствуютъ такія явленія, какъ надѣлавшій въ свое время немало шума *Манифестъ къ нормандцамъ*, приглашавшій „нормандскую націю“ разорвать связывающій ее съ французской короной „договоръ“, какъ нарушенный королемъ вслѣд-

[1]) Напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ штатамъ области Артуа удается отвоевать у интенданта существенную долю административной опеки надъ мѣстными общинами (надзоръ за управленіемъ общинными имуществами, *Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 193).—Нѣсколько лѣтъ спустя тѣмъ же штатамъ удается добиться новаго расширенія своихъ административныхъ компетенцій на счетъ компетенцій интенданта (въ дѣлѣ замѣщенія должностей городскихъ головъ. (*Guyot*, Traite des droits, etc., t. III, p. 289—290).—Бретанскіе штаты ведутъ около того же времени наступательную войну съ мѣстными интендантами за расширеніе своихъ „прерогативъ“ (между прочимъ, также въ области опеки надъ городами) и въ общемъ не безъ успѣха, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ жалобъ послѣднихъ бретанскихъ интендантовъ на то, что мѣстные штаты, на ряду съ мѣстнымъ парламентомъ, „хотятъ всѣмъ распоряжаться, всѣмъ управлять, всѣмъ завѣдовать, не стѣсняясь границами своихъ полномочій“ (*Archives nationales*, H 591. Bertrand de Molleville au Contrôleur général, 21 décembre 1785.—Сравн. Ibidem, H 643. — *Pièces justificatives*, Nrs. 79,87). См. также *Ch. de Calan*, la Bretagne sous Louis XVI, Vannes, 1896.

ствіе уничтоженія мѣстнаго парламента, и отложиться отъ „Франціи", чтобы возвратить себѣ былую „національную свободу" [1]. Не менѣе характерна въ данномъ отношеніи та легкость, къ какою многія изъ „выборныхъ областей" вспомнили въ 1787 г., въ эпоху учрежденія провинціальныхъ собраній, о своихъ давнишнихъ и, казалось, давно сданныхъ въ архивъ мѣстныхъ штатахъ, о „возстановленіи" которыхъ были возбуждены ходатайства различными мѣстными учрежденіями и корпораціями [2]. О томъ же говоритъ и то, повидимому, внезапное дуновеніе областного партукуляризма, которое пронеслось по лицу Франціи въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ 1789 г., то-есть наканунѣ того дня, когда страна готовилась читать отходную феодальному „федерализму" [3].

Это было время, когда такія выраженія, какъ „нормандская нація", „нація бретанская", „пикардійская" и т. д., никому не представлялись странными.

Нѣкоторыя изъ окраинныхъ провинціальныхъ „націй" продолжали сохранять вплоть до 1789 г. свой мѣстный „національный" языкъ даже въ качествѣ языка оффиціальнаго. Такъ, въ Беарнѣ дебаты и все дѣлопроизводство мѣстныхъ штатовъ велось на мѣстномъ беарнскомъ нарѣчіи, при чемъ правительству представлялся экземпляръ протоколовъ засѣданій штатовъ въ переводѣ на французскій языкъ [4]. Не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные француз-

[1] *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 91 (18 novembre 1771): „Le *Manifeste aux Normands* fait plus de bruit que la plupart des écrits publiés dans ces derniers temps contre le coup d'état de M. le Chancelier".—Сравн. *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 293.

[2] *Archives nationales*, H 1606.—Послѣ того что въ началѣ восемнадцатаго вѣка Фенелономъ былъ возбужденъ вопросъ о возстановленіи провинціальныхъ штатовъ, вопросъ этотъ заглохъ до начала второй половины того же столѣтія, когда его снова выдвинулъ маркизъ Мирабо. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ возбуждаются различными мѣстными вліятельными людьми и корпораціями ходатайства о возстановленіи мѣстныхъ штатовъ (между прочимъ, штатовъ области Дофинэ въ 1766 г., *Archives nationales*, H 161).

[3] *Champion*, l'Unité nationale et la Révolution (*Révolution française*, t. XIX).

[4] Эти переводные протоколы хранятся въ *Archives nationales*, H 77; K 680.—Подлинники протоколовъ хранятся въ г. По, въ архивѣ департамента Нижнихъ-Пиренеевъ. Приведемъ для образца первыя строки протокола послѣдняго экстреннаго собранія беарнскихъ штатовъ въ 1789 г.: „Per

скимъ языкомъ въ Эльзасѣ со времени его присоединенія къ Франціи при Людовикѣ XIV, нѣмецкій языкъ продолжалъ оставаться вплоть до революціи офиціальнымъ языкомъ всѣхъ мѣстныхъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ управленій, не исключая и „столицы" области. Когда, по случаю проѣзда черезъ Страсбургъ Маріи-Антуанеты, страсбургскому муниципалитету предстояло привѣтствовать будущую королеву Франціи на французскомъ языкѣ, то онъ нашелъ себя вынужденнымъ обратиться по этому случаю къ канцлеру мѣстнаго университета съ просьбой указать ему кого-либо изъ числа профессоровъ, настолько владѣющаго французскимъ языкомъ, чтобы ему можно было поручить произнести привѣтственную рѣчь принцессѣ [1].

Все это было бы странно и непонятно, если бы провинція въ занимающую насъ эпоху была, дѣйствительно, „мертвымъ тѣломъ", какъ говоритъ Токвиль, и если бы вовсе не существовало болѣе „провинціальнаго патріотизма", какъ утверждаютъ вслѣдъ за нимъ Тэнъ [2].

III.

Первое мѣсто среди сохравшихся живыхъ силъ провинціи— тамъ гдѣ не было штатовъ—занимаютъ *парламенты* и другіе высшіе трибуналы [3]. Съ прекращеніемъ мѣстныхъ штатовъ, эти обладавшія, въ силу своей организаціи, высокою степенью независимости по отношенію къ центральной власти, корпораціи унаслѣдовали отъ провинціальныхъ штатовъ роль представителей мѣстныхъ провинціальныхъ интересовъ и носителей идеи областной свободы, на томъ же основаніи, на какомъ парижскій парламентъ заявлялъ притязаніе на роль „генеральныхъ штатовъ въ миньятюрѣ". Если коллективно парламенты считаютъ себя представителями французс-

manedem De Monseignour lou marquis De Lons Loctenen De Rey, en Navarre et Bearn, son estats convoquats las gens Deus très Estats De Bearn per lou quinze Deu presèn mês d'octobre, côm pareix De las lettres missives Deu D. seignour", etc. (*Archives départementales des Basses-Pyrénées*, C 827).

[1]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 353—354.

[2]) *Taine*, les Origines, t. I, p. 515: „Il n'y a plus de patriotisme provincial ou minicipal".

[3]) См. выше, т. I, стр. 447—491.

ской націи въ ея цѣломъ [1]), то отдѣльно каждый парламентъ смотритъ на себя [2]), сверхъ того, какъ на спеціальнаго представителя мѣстной провинціальной „націи". Такъ, безансонскій парламентъ протестуетъ въ 1788 г. противъ нарушенія правъ „франшъ-контейской націи" со стороны министра Жоли-де-Флери [3]).

Затѣмъ, къ числу живыхъ силъ провинціи надо отнести *городскіе муниципалитеты*, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ городское управленіе сохранило въ себѣ въ большей или меньшей степени выборное начало. Впрочемъ, значенія мѣстныхъ самостоятельностей не лишены были и тѣ городскія управленія, которыя находились въ рукахъ независимыхъ отъ центральной власти несмѣняемыхъ и наслѣдственныхъ обладателей муниципальныхъ должностей [4]).

Далѣе, традиціи провинціальной свободы были, быть можетъ, не менѣе живучи въ провинціальномъ *помѣстномъ дворянствѣ*, которое въ былую пору вѣдь и было главнымъ носителемъ мѣстныхъ самостоятельностей. Вѣковая политика короны успѣла въ концѣ концовъ свести значеніе дворянства въ провинціяхъ къ сравнительно скромнымъ размѣрамъ, но уничтожить его вполнѣ не могла, да послѣ Людовика XIV врядъ ли даже и стремилась къ этому. Въ особенности въ областяхъ со штатами положеніе дворянства продолжало оставаться очень вліятельнымъ, и въ большей части этихъ областей, въ томъ числѣ и въ главнѣйшихъ изъ нихъ—Лангдокѣ и Бретани—даже преобладающимъ [5]). Но и въ прочихъ областяхъ мѣстное дворянство, связанное къ тому же тѣсными узами, съ одной стороны (въ верхнихъ своихъ слояхъ)—съ придворной знатью, съ другой—съ мѣстной судебной магистратурой, было не лишено извѣстной вліятельности въ смыслѣ мѣстной общественной силы; а

[1]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 245 (2 avril 1778): „Les parlements ne s'ennuient point, et leur résistance s'accroît au lieu de mollir, comme on l'avait espéré. Il est évident que l'autorité ou *les représentants de la Nation*, de fait s'ils ne le sont de droit, doivent céder".

[2]) Эта точка зрѣнія впрочемъ раздѣляется и общественнымъ мнѣніемъ эпохи. Такъ, въ поданномъ нормадскимъ дворянствомъ королю адресѣ по поводу уничтоженія руанскаго парламента въ 1772 г., говорится между прочимъ: „Nous avions un tribunal dépositaire de nos droits et libertés„— *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. II, p. 94—95.

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXIV (31 décembre 1783).

[4]) См. выше, т. I, стр. 492—554.

[5]) Особенно въ Бретани.

насколько чутокъ былъ этотъ общественный элементъ ко всякому вопросу, затрогивавшему „провинціальныя вольности“, можно судить по тому факту, что именно дворянство играло наиболѣе дѣятельную роль въ томъ „федералистскомъ“ движеніи, которымъ отмѣчены 1787—1788 годы. Припомнимъ въ частности, что „дофинейская революція“ 1788 г., приведшая къ возстановленію старинныхъ штатовъ Дофинэ [1]), была результатомъ движенія, иниціатива котораго принадлежала мѣстному дворянству. Въ полной гармоніи съ этими фактами находится и то обстоятельство, что упомянутый выше *Манифестъ къ Нормандцамъ* вышелъ точно также изъ среды мѣстнаго дворянства [2]). Роль помѣстнаго дворянства, какъ одной изъ мѣстныхъ силъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка замѣчается усиленіе тяготѣнія его къ землѣ [3]).

Наконецъ, всѣ дремавшія провинціальныя силы ожили съ новой силой съ распространеніемъ въ 1787 г. на всѣ лишенныя штатовъ области учрежденія „провинціальныхъ собраній“, введенныхъ первоначально въ видѣ опыта въ двухъ генеральствахъ, буржскомъ въ 1778 г. и монтобанскомъ въ 1779 г. [4]); но объ этой важной попыткѣ административной децентрализаціи намъ придется говорить болѣе обстоятельно въ другой связи.

IV.

Если, какъ мы видѣли, не смотря на успѣхи административной централизаціи, провинція продолжала вплоть до конца стараго порядка сохранять въ себѣ извѣстный запасъ живыхъ общественныхъ силъ, не дававшихъ ей превратиться въ „мертвое тѣло“, то еще менѣе даетъ намъ историческая дѣйствительность права говорить о поглощеніи провинціи Парижемъ въ культурномъ смыслѣ. Опять-

[1]) *Documents Dauphinois*, Grenoble, 1888; *Documents historiques sur les origines de la révolution Dauphinoise*, 1888; *Procès-verbaux des assemblées des Etats provinciaux du Dauphiné*, Lyon, 1888.

[2]) См. выше, стр. 254.

[3]) Отчасти подъ вліяніемъ англоманіи, отчасти подъ вліяніемъ оживленія интереса къ сельскому хозяйству (физіократы), отчасти, наконецъ, подъ вліяніемъ сентиментальнаго увлеченія „деревней“ въ противоположность „городу“. См. объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

[4]) Въ нѣкоторыхъ областяхъ (Дофинэ, Франшконтэ, Эно), вмѣсто провинціальныхъ собраній, были „возстановлены“ провинціальные штаты.

таки, не смотря на быстрый ростъ Парижа, какъ культурнаго центра, въ послѣднія полтора столѣтія до революціи, провинція, какъ культурная величина, оставалась далека отъ того, чтобы быть поглощенной Парижемъ. Напротивъ того, *одновременно съ ростомъ Парижа, какъ культурнаго центра страны, мы замѣчаемъ, начиная со второй четверти восемнадцатаго вѣка, и еще болѣе во второй половинѣ послѣдняго, и культурный ростъ провинціи. А это—вѣрный знакъ того, что ростъ Парижа былъ не столько результатомъ культурнаго „поглощенія“ провинціи столицей, сколько слѣдствіемъ общаго культурнаго роста страны.* Положительные результаты этого роста были по меньшей мѣрѣ столь же плодотворны для „провинціи“, сколько и для „столицы“.

Населеніе Парижа возрастаетъ, но одновременно возрастаетъ и народонаселеніе провинціи, и еще неизвѣстно, кто изъ двухъ—столица или провинція—выигрываетъ болѣе отъ естественнаго прироста населенія страны [1]), сдѣлавшагося особенно замѣтнымъ послѣ семилѣтней войны [2]).

---

[1]) По собраннымъ Левассеромъ даннымъ, движеніе народонаселенія во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ круглыхъ цифрахъ): въ 1700 г.—двадцать одинъ милліонъ, въ 1715 г.—восемнадцать милліоновъ, въ 1770 г.—двадцать четыре съ половиною милліона, въ 1789 г.—двадцать шесть милліоновъ.—*Levasseur*, la Population française, Paris, 1889, t. II, p. 288.—Если принять, вмѣстѣ съ Левассёромъ, что населеніе Парижа за то же время возрасло съ 500,000 до 650,000, то-есть на тридцать процентовъ, то придется признать, что парижское населеніе увеличивалось лишь въ немного болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ населеніе всей страны (около двадцати пяти процентовъ, если принять приведенныя выше цифры).—По даннымъ, почерпнутымъ страсбургскимъ архивистомъ изъ мѣстныхъ архивовъ, народонаселеніе Эльзаса утроилось за послѣднія два царствованія передъ революціей.—*Spach*, Lettres sur les archives du Bas-Rhin, p. 32 (цит. по *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 22). См. также *Babeau*, la Vie rurale, p. 142.

[2]) О приростѣ народонаселенія можно судить, между прочимъ, по записямъ о рожденіяхъ. По этимъ даннымъ, напримѣръ, оказывается, что число рожденій въ Монтобанскомъ генеральствѣ возрастаетъ съ 17,589 въ 1770 г. до 22,900 въ 1786 г.; въ Тулузскомъ генеральствѣ, за тотъ же періодъ, съ 23,588 до 27,000 (*Inventaire des archives départementales du Lot*, C 7—24); въ Бургони, за то же время, съ 40,000 до 46,000 (округленныя цифры) (*Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 46); въ Бретани, за годы 1770—1785, съ 87,000 до 95,000 (*Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 1400). Овернскій интендантъ Баллэнвиллье констатируетъ въ

V.

Парижъ богатѣетъ, но богатѣетъ и провинція,— богатѣетъ вся страна.

Этотъ хозяйственный прогрессъ, первыя проявленія котораго замѣчаются уже во второй четверти восемнадцатаго столѣтія [1]), становится особенно ощутительнымъ во второй половинѣ послѣдняго, въ особенности послѣ окончанія злополучной семилѣтней войны. Пріѣхавъ вновь во Францію въ 1765 г., англичанинъ Вальполь пишетъ: „Я нахожу страну несравненно болѣе богатой, чѣмъ я ее видѣлъ четыре года тому назадъ" [2]). Вспоминая о послѣднихъ годахъ передъ революціей, бывшій совѣтникъ парижскаго парламента, канцлеръ Пакье говоритъ о нихъ, какъ о времени наибольшаго благосостоянія, какого когда-либо достигала страна [3]).

Наказъ немурскаго бальяжа въ 1789 г., составленный однимъ изъ экономистовъ эпохи, сотрудникомъ Тюрго Дюпономъ изъ Немура, категорически заявляетъ: „за послѣднія двадцать пять лѣтъ населеніе и богатство Франціи, какъ и ея просвѣщеніе, сдѣлали замѣтные успѣхи" [4]).

шестидесятыхъ годахъ значительный приростъ населенія въ Оверни, сравнительно съ пятидесятыми годами (*Ballainvilliers*, l'Etat de la province d'Auvergne en 1765, Clermont-Ferrand, 1846, p. 4—5).

[1]) „Трудно себѣ представить, какое благосостояніе и довольство разлито по всему королевству"—пишетъ въ 1739 г. англійская путешественница леди Монтагю, въ многосторонности наблюденій которой однако можно усумниться.—*Babeau*, le Village sous l'ancien régime, Paris, 1891, p. 363.

[2]) *Horace Walpole*. Lettres. Paris, 1873. p. 17 (цит. по *Babeau*, op. cit., p. 364).

[3]) *Pasquier*, Mémoires, t. I, p. 41.

[4]) *Archives parlementaires*, 1-ère série, t. IV, p. 207.—Въ своей рѣчи при открытіи сессіи провинціальныхъ штатовъ области Брессъ въ 1787 г. старшина третьяго сословія Рибу между прочимъ говорилъ, обращаясь къ своей аудиторіи: „Перенесемся воображеніемъ за полстолѣтія обратно, и взглянемъ на то, что представляла собою наша область. Ни правильныхъ сообщеній, ни удобныхъ дорогъ. Земледѣліе въ упадкѣ, земли въ забросѣ. Никакого движенія, пріѣзжихъ не видать; всюду — обыватель прозябающій въ молчаливой тиши, безъ дѣятельности, безъ промышленности. Какъ на это мало похоже то, что мы видимъ теперь передъ собой! Многочисленныя и удобныя дороги облегчаютъ и внутреннія и внѣшнія сношенія; ввозная и вывозная торговля совершаются безъ затрудненій; земледѣліе совершенно

Впрочемъ и помимо свидѣтельствъ современниковъ, которыя могутъ грѣшить извѣстною субъективностью, мы имѣемъ и другія, чисто объективныя указанія на то, что, дѣйствительно, хозяйственное положеніе страны значительно улучшилось въ теченіе послѣдняго полустолѣтія передъ революціей.

На это указываетъ, во-первыхъ, *прогрессивно возрастающая цифра поступленій отъ различныхъ статей налоговъ на предметы потребленія* [1]).

Другимъ не менѣе объективнымъ, но еще болѣе нагляднымъ свидѣтельствомъ значительнаго хозяйственнаго роста страны въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности во второй его половинѣ, является замѣчающійся въ эту пору *серьезный прогрессъ во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни страны: въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности и торговлѣ.*

VI.

Особенно важно отмѣтить для Франціи занимающей насъ эпохи, какъ страны по преимуществу земледѣльческой, прогрессъ именно въ области сельскаго хозяйства. *Каковы бы ни были недочеты въ этой области, какъ бы много ни оставляла желать сельскохозяйственная культура во Франціи во второй половинѣ восемнадца-*

измѣнило свою физіономію, благодаря всестороннимъ усовершенствованіямъ; его производительность возрастаетъ; всякаго рода попытки улучшеній встрѣчаютъ поощреніе; возрождается торговля, развивается промышленность; народонаселеніе возрастаетъ, умы просвѣщаются..." (*Thomas Riboud*, Discours sur l'administration ancienne et moderne de la Bresse, prononcé à l'Assemblée du Tiers état de cette province. Bourg, 1787, in-8. *Bibliothèque nat.*, Lk 2/408). Учитывая имѣющуюся въ этихъ словахъ несомнѣнную долю оптимистическаго преувеличенія, обусловливаемую „средой" и „моментомъ", въ условіяхъ которыхъ они были произнесены, приходится, тѣмъ не менѣе, признать въ нихъ извѣстную долю исторической правды—и не только относительно той области, о которой въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь. Сравн. *Pièces justificaves*, Nr. 15, p. 39 (правая колонна внизу).

1) Какъ это видно изъ постоянно возростающей цифры аренды откуповъ. Такъ, въ 1780 г. откупа были сданы за сумму въ 123 милліона (гладко), а въ 1787 г. уже за 144 милл. (*Boiteau*, Etat de la France en 1789, Paris, 1861, p. 388). По вычисленію Неккера, доходность откупныхъ статей возрастала въ его время въ среднемъ на два милліона ливровъ въ годъ (*Tocqueville*, l'Ancien régime, p. 265). Сравн. *Gomel*, Causes financières de la Révolution, t I, p. 424; t. II, p. 567.

таго вѣка (по сравненію съ тѣмъ, что представляетъ собою въ этомъ отношеніи современная намъ Франція),—*всетаки, сравнительно съ началомъ восемнадцатаго вѣка, сельскохозяйственная жизнь сдѣлала значительный шагъ впередъ*,—шагъ настолько значительный, что онъ бросался въ глаза даже такимъ современнымъ наблюдателямъ, для которыхъ сельское хозяйство стояло далеко не на первомъ планѣ [1]).

На ряду съ картинами сельскохозяйственнаго убожества, встрѣчаемыми имъ на своемъ пути во Франціи [2]), англійскій сельскій хозяинъ Артуръ Юнгъ, котораго вовсе нельзя упрекнуть въ предвзятомъ оптимизмѣ въ пользу французскаго сельскаго хозяйства, находитъ однако возможнымъ занести въ свой дорожный дневникъ впечатлѣнія, граничащія подъ часъ съ восхищеніемъ. „Фландрія, часть Артуа, богатая равнина Эльзаса, долина Гаронны и значительныя пространства въ Керси—говоритъ Юнгъ —похожи скорѣе на сплошной садъ, чѣмъ на поля" [3]). Маркизъ Мирабо говоритъ о сѣверныхъ областяхъ, долинѣ Луары близъ Тура, долинѣ р. Гаронны близъ Ажана, объ окрестностяхъ Орлеана, Ліона и Марсели, какъ о мѣстностяхъ, представляющихъ „картину благосостоянія и плодородія" [4]). Проѣзжая по Керси, Юнгъ восхищается хорошо обработанными и „чудными" маисовыми полями [5]). Въ Лангдокѣ онъ видитъ „самыя прелестныя пшеничныя поля, какія только гдѣ-либо можно увидѣть" [6]). На пути изъ Саверна въ Страсбургъ вниманіе англійскаго путешественника привлекаетъ „одно изъ прелестнѣйшихъ зрѣлищъ плодородія и хорошей культуры, какія только можно увидѣть во Франціи" [7]).

Соотечественникъ Юнга, докторъ Ригби, посѣтившій Францію лѣтомъ 1789 г., въ восторгѣ отъ сельскохозяйственнаго благоустрой-

1) Совершившійся на его глазахъ сельско-хозяйственный прогрессъ отмѣчаетъ, напримѣръ, Вольтеръ.—*Babeau*, la Vie rurale, p. 135.

2) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 7 (Boulonnais), 9 (Picardie), 21 (Sologne), 23 (Berry), 134 (Yvetot, Normandie), 146 (Bretagne, Combourg), 236 (Champagne); t. II, p. 384—386 (Normandie), 387—388 (Bretagne).

3) *Young*, Voyages en France, t. II, p. 122.

4) *Le marquis de Mirabeau*, l'Ami des hommes, t. I, p. 176—178 (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, t. p. 136).

5) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 30.

6) Ibidem, p. 36.

7) Ibidem, p. 245.

ства и плодородія нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, чрезъ которыя ему приходится проѣзжать. Пшеничнымъ полямъ Фландріи онъ отдаетъ даже преимущество передъ англійскими. Пикардія поражаетъ англійскаго путешественника своей сельско-хозяйственной культурой: „ни пяди земли, не обработанной или безплодной".

Прорѣзавъ всю Францію съ запада на востокъ—отъ Нормандіи до Бургони—,онъ пишетъ: „На протяженіи пяти-шести сотъ миль, что мы сдѣлали во Франціи, мы едва встрѣтили одинъ арпанъ невоздѣланной земли... Почти каждый вершокъ земли тщательно обработанъ и, кажется, раздавленъ подъ тяжестью своего урожая". Повернувъ отъ Дижона къ югу, по направленію къ Ліону, англійскій путешественникъ восхищается видомъ холмовъ, покрытыхъ до верху виноградниками и окруженныхъ полями. „Что за плодородная земля, и что за промышленный народъ!" восклицаетъ онъ въ восторгѣ. Въ долинѣ Роны его поражаютъ превращенныя, благодаря удобренію, въ плодоносные участки разсѣлины между скалами; подобныя же картины встрѣчаетъ онъ и въ окрестностяхъ Тулона. Быть можетъ, докторъ Ригби вообще черезчуръ оптимистически настроенъ? Однако, проѣзжая по Германіи, онъ не забываетъ отмѣтить, что въ Клевскомъ герцогствѣ оказывается едва сотая часть обработанной земли; равнымъ образомъ, онъ отмѣчаетъ обиліе пустопорожнихъ земель въ части Голландіи. Въ сравненіи съ этими областями, видѣнныя имъ французскія области представляются англійскому путешественнику „полными жизни" [1]). Интересно, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи впечатлѣнія доктора Ригби вполнѣ совпадаютъ съ впечатлѣніями его соотечественника Артура Юнга, который, вступивъ изъ предѣловъ Испаніи во французскую область Руссильонъ, замѣчаетъ: „Мы вдругъ перенеслись изъ дикой, пустынной и бѣдной страны—въ край, обогащенный человѣческимъ трудомъ" [2]).

По другому современному свидѣтельству, въ области Суассона и Лана „необработанными остаются лишь такіе участки, которые безусловно негодны для культуры, напримѣръ—крутые откосы, обращенные къ палящему полуденному солнцу; землелѣльческая культура доведена здѣсь до высшей степени интенсивности" [3]). Одинъ изъ мѣстныхъ

[1]) *Rigby*, Letters from France in 1789, London, 1880 (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, p. 139—140).

[2]) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 30.

[3]) *Archives départementales de l'Aisne*, C 36 (цит. по *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 15).

старожиловъ отмѣчается въ 1780 г., „сельскохозяйственный прогрессъ (въ Пикардіи) за послѣдніе двадцать лѣтъ [1])

VII.

Но опять-таки и въ данномъ случаѣ, помимо тѣхъ или другихъ свидѣтельствъ современниковъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ чисто объективныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о прогрессѣ сельскаго хозяйства во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего *прогрессивное вздорожаніе земли*, отражающееся, естественнымъ образомъ, и на соотвѣтствующемъ *возрастаніи земельной аренды* [2]).

За послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ земельныя цѣны во многихъ областяхъ возросли вдвое, а мѣстами и въ еще большей прогрессіи [3]). Такъ, въ тулузской области земля, оцѣнивавшаяся въ 1771 г. въ 645 ливровъ за гектаръ, продается въ 1789 г. по 1405 ливровъ [4]). Участокъ, въ окрестностяхъ Парижа, ходившій въ тридцатыхъ годахъ за семнадцать ливровъ годовой аренды, сдается въ 1772 г. за тридцать шесть ливровъ съ лишкомъ. Съ 1746 до 1784 г. сельскохозяйственное производство сельской общины Сенъ-При близъ Парижа удвоилось [5]). Въ Мэнѣ въ семидесятыхъ годахъ земельная аренда поднялась въ нѣсколько лѣтъ на двѣ трети; въ Пикардіи она удвоилась за пятьдесятъ лѣтъ [6]). Земельный участокъ въ одной изъ сѣверныхъ провинцій, сданный въ аренду за 475 ливровъ въ 1747 г.,

[1]) *Inventaire des archives départementales de la Somme*, série C 110. Ducastel, subdélégué à Amiens, à l'intendant d'Agay, 22 décembre 1780.

[2]) *Levasseur*, les Progrès de l'agriculture française dans la seconde moitié du XVIII-e siècle (*Comptes-rendus de l'Académie des sciences morales et politiques*, janvier 1898). Сравн. *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières en France. Paris, 1901, t. II, p. 550—551: *Levasseur*, la France industrielle en 1789, p. 7—10.

[3]) Напримѣръ, въ Шампани, въ Лангдокѣ.—*Babeau*, l'Assemblée d'élection et le Bureau intermédiaire de Troyes, Troyes, 1873, p. 3: „Des documents prouvent que la valeur des propriétés avait doublé depuis 1760" (авторъ говоритъ на основаніи документовъ департаментскаго архива города Труа).—*Balguerie*, Statistique du département du Gers, an X, p. 34—35 (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, p. 138).

[4]) *Théron de Montaugé*, l'Agriculture et les Classes rurales dans le pays Toulousain, Paris, 1869, p. 124.

[5]) *Auguste Rey*, les Cahiers de Saint Prix et de la subdélégation d'Enghien. p. 155—156.

[6]) *Babeau*, la Vie rurale, p. 138.

арендуется уже за 800 л. десять лѣтъ спустя, и за 1000 ливровъ въ 1774 г.[1]). По словамъ аббевилльскаго субделегата въ 1789 г. арендныя цѣны „страшно поднялись" за послѣднее время въ его округѣ[2]).

По вычисленіямъ одного новѣйшаго экономиста, средняя цѣна пахатной земли въ періодъ 1775—1790 г. была болѣе, чѣмъ вдвое, выше противъ періода 1736—1750 г.[3])

По даннымъ, собраннымъ другимъ новѣйшимъ экономистомъ, за послѣднія двадцать лѣтъ до революціи земельная аренда поднялась на 35% въ Бовэзи, на 40% въ окрестностяхъ Парижа и въ Нормандіи, на 50% въ Анжу, на 60% въ Мэнѣ, на 66% въ Брессѣ, и т. д[4]).

VIII.

Другимъ объективнымъ свидѣтельствомъ въ пользу занимающаго насъ факта является *прогрессивное расширеніе площади обрабатываемой земли на счетъ пустошей и болотъ*, которыя для этой цѣли осушались и обрабатывались при содѣйствіи частью правительства, частью провинціальныхъ штатовъ[5]). Усиленная дѣятельность въ этомъ направленіи замѣчается особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ шестидесятыхъ годахъ правительствомъ были объявлены различныя податныя льготы въ пользу предпринимателей осушки болотъ и разработки пустошей[6]).

По словамъ Неккера, имѣлось въ виду довести въ 1780 г. количество вновь разработанной такимъ образомъ земли до девятисотъ

[1]) *A. de Calonne*, la Vie agricole sous l'Ancien régime, Paris, 1887, p. 75—76.

[2]) *Ону*, Наказы третьяго сословія, стр. 83.

[3]) Именно: 764 фр. противъ 344.—*D'Avenel*, Histoire économique de la propriété, etc. (цит. по *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 550).

[4]) *Gomel*, Causes financières de la Révolution, t. II, p. 567 (по вычисленіямъ Zolla).

[5]) *Archives nationales*, H. 1430, 1482, 1570.—*Rodolphe Dareste*, Documents, etc., p. (*Arrêts du Conseil* des 17 août 1776, 4 janvier 1779, 8 septembre 1782).

[6]) Декларація 14-го іюня 1764 г. объявляла свободу отъ тальи и другихъ податей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ всякому, кто осушитъ извѣстное пространство болотной земли. Эти льготы были распространены деклараціей 13-го августа 1766 г. и на тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые разработаютъ заново вообще какую-либо необработанную землю.—*Guyot*, Traité des droits, etc., t. III, p. 169; *Isambert*, Recueil. t. XXII, p. 461; *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 295.

пятидесяти тысячъ арпановъ [1]). Былъ ли этотъ планъ выполненъ, Неккеръ не знаетъ, и вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ существующія данныя не даютъ; но онѣ говорятъ скорѣе въ пользу положительнаго отвѣта. Такъ, по однимъ даннымъ, въ теченіе трехъ только лѣтъ, послѣ 1766 г., было вновь разработанно до четырехсотъ тысячъ арпановъ [2]). Въ одномъ лишь турскомъ геральствѣ размѣры вновь разработанной съ 1766 г. до 1784 г. земли достигли цифры 60,000 арпановъ [3]). Въ Лангдокѣ за одинъ 1786 г. было разработано заново около пяти тысячъ арпановъ [4]); въ Шампани за одинъ 1767 г.—болѣе трехъ тысячъ арпановъ, въ 1776 г. около двухъ съ половиною тысячъ [5]); въ Оверни въ восьмидесятыхъ годахъ въ среднемъ около пятисотъ арпановъ въ годъ [6]). Необходимо однако при этомъ оговориться, что расширеніе площади культурной земли въ силу указанныхъ „поощреній“ не мѣшало тому, что въ отдѣльныхъ случаяхъ запашки сокращались и обработанныя земли забрасывались подъ лежавшимъ на нихъ непосильнымъ бременемъ различныхъ повинностей [7]).

[1]) *Necker*, De l'administration des finances, t. III, p. 233.

[2]) *Procès-verbaux de l'Assemblée proviciale de Basse-Normandie*, p. 205 (цит. по *Taine*, les Origines, t. II, p. 453).

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 86 (цит. по *Dumas*, la Généralité de Tours au XVIII-e siècle, p. 296).

[4]) *Archives nationales*, H 1062 („et il en reste à défricher plus de 148,000 arpens“).—Точная цифра, приводимая цитируемымъ документомъ: „4920 arpens, 65 perches, 19 pieds, 10 pouces“.

[5]) *Inventaire des archives départementales de la Marne*, C 436.

[6]) *Legrand d'Aussy*, Voyage fait en 1787—1788 dans la ci-devant Auvergne, Paris, an III, t. III, p. 189.

[7]) *Н. И. Карѣевъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ, стр. 197.—Приводя свидѣтельства, рисующія сельское хозяйство во Франціи XVIII в. въ плохомъ состояніи, почтенный авторъ напрасно однако говоритъ объ *упадкѣ* земледѣлія въ XVIII в.: оно находилось въ неудовлетворительномъ состояніи *не смотря на прогрессъ* въ этой области. Можно говорить объ упадкѣ *отдѣльныхъ хозяйствъ* или ихъ *группъ*: сельское же хозяйство *всей страны*, несомнѣнно, прогрессируетъ въ этомъ столѣтіи, какъ это все болѣе и болѣе выясняется въ послѣднее время детальными изслѣдованіями въ этой области. См., напр., *Théron de Montaugé*, l'Agriculture et les classes rurales dans le pays Toulousain, Toulouse et Paris, 1869; *Caffiaux*, Essai sur le régime économique du Hainaut, Valenciennes, 1873; *Bernier*. Essai sur le Tiers-Etat rural, ou les Paysans de Basse-Normandie, Paris et Lyon, 1892; *Dupont*. la Condition des paysans dans la sénéchaussée de Rennes. Paris et Rennes, 1901; *Calonne*. la

IX.

Далѣе, въ качествѣ объективныхъ симптомовъ сельскохозяйственнаго прогресса въ восемнадцатомъ вѣкѣ являются *развитіе и усовершенствовованіе существующихъ культуръ и введеніе новыхъ.*

„Земледѣліе прогрессируетъ за послѣднія двадцать лѣтъ" — пишетъ въ 1780 г. амьенскій субделегатъ [1]). „Виноградныя плантаціи расширяются и улучшаются"—пишетъ Вольтеръ. „Выдѣлываются новыя, неизвѣстныя прежде вина, какъ, напримѣръ, шампанское. Садоводство и огородничество получили необычайное развитіе" [2]).

Шелководство получаетъ болѣе широкое распространеніе [3]).

По части новыхъ культуръ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка особенно заслуживаютъ быть отмѣченными успѣхи травосѣянія и разведенія картофеля.

Перенесенная впервые во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія изъ Англіи на западное побережье Франціи [4]), культура картофеля нашла себѣ здѣсь многихъ горячихъ прозелитовъ и пропагандистовъ въ средѣ тѣхъ изъ „просвѣщенныхъ людей", которые по своему положенію стояли близко къ сельскому хозяйству. Сеньеры, сельскіе священники съ увлеченіемъ разводятъ новый корнеплодъ. Уже въ 1763 г. одно изъ возникшихъ въ тѣ годы сельскохозяйственныхъ обществъ, въ Лиможѣ, слушаетъ докладъ одного изъ своихъ членовъ о „нѣмецкихъ палатахъ" (картофель), при чемъ докладчикъ „представилъ собранію корзину пататовъ, собранныхъ

Vie agricole dans le Nord de la France. Paris, 1887; *Suchet*, Paysans franc-comtois, Besançon, 1887; *Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime, Perpignan, 1889; *Babeau*, la Vie rurale, p. 135; и въ особенности цитированная выше (стр. 263) статья *Левассёра* „о прогрессѣ сельскаго хозяйства во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ".

[1]) *Inventaire des Archives départementales de la Somme*, C 110.

[2]) *Voltaire*, Siècle de Louis XIV, ch. XXX (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, p. 135).

[3]) Такъ, въ сороковыхъ годахъ оно прививается въ Руссильонѣ; нѣсколько позднѣе дѣлаются попытки привить его въ Пуату и т. д.—*Mémoires des antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 296; *Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'Ancien régime, Perpignan, 1889, p. 86—87.

[4]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 1432. Напр., въ Гюэни, гдѣ первые опыты культуры картофеля относятся къ началу семидесятыхъ годовъ.—*Bussière*, Etudes historiques sur la Révolution en Périgord, t. I, p. 121—122.—*Archives de la Gironde*, t. I, p. 266.

имъ въ своемъ имѣніи“ [1]). M-lle Бертэнъ, сестра министра, вводитъ въ своемъ имѣніи новую культуру въ 1771 г. и находитъ себѣ многихъ подражателей, хотя, правда, и не среди крестьянъ, которые первоначально отнеслись къ ней съ обычнымъ недовѣріемъ простолюдиновъ ко всякимъ новшествамъ [2]). Въ январѣ 1779 г. Пармантье, горячій поборникъ американскаго корнеплода, преподноситъ королю „хлѣбъ, приготовленный исключительно изъ картофеля“ [3]). Въ 1780 г. бордоскій интендантъ благодаритъ одного сельскаго священника за присланные имъ „пататы собственной культуры“ [4]). „Просвѣщенные прелаты“ предписываютъ сельскимъ священникамъ своихъ епархій *проповѣдовать* культуру новаго корнеплода съ церковной каѳедры [5]).

Съ легкой руки пастора Шредера изъ Шеллендорфа, въ Эльзасѣ прививается культура клевера [6]). Вообще травосѣяніе, которое было во Франціи совершеннымъ новшествомъ въ серединѣ столѣтія, въ восьмидесятыхъ годахъ дѣлаетъ уже настолько значительные успѣхи [7]), что Пикардія, напримѣръ, насчитываетъ до сорока тысячъ арпановъ искусственныхъ луговъ [8]), а посѣтившій Францію въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ англичанинъ Артуръ Юнгъ говоритъ о травосѣяніи (въ частности—о культурѣ люцерны), какъ объ „одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ отраслей сельскаго хозяйства во Франціи“, и эту отрасль французскаго сельскаго хозяйства онъ находитъ на такой высокой степени совершенства, что совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ поучиться кое-чему у французовъ въ этой спеціальности [9]).

Развитіе травосѣянія даетъ толчекъ *развитію скотоводства*. Послѣднее прогрессируетъ не только въ количественномъ, но и въ ка-

1) *Leroux*, op. cit., p. CVII.

2) *Bussière*, op. cit., t. I, p. 121.

3) *Mémoires secrets*, t. XIII, p. 261 (20 janvier 1779).—Сравн. ibidem, t. XIV, p. 28—29 (21 avril 1779).

4) *Archives de la Gironde*, t. XXV, p. 431.

5) *Taine*, op. cit., t. I, p. 396.

6) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 314.

7) *Théron de Montaugé*, op. cit., p. 138—139; *D'Hugues*, op. cit., p. 162; *Dumas*, op. cit., p. 234; *Bonnefoy*, op. cit., t. II, p. 146; *Inventaire des archives départementales de la Somme*, C 132.

8) *Inventaire des archives départementales de la Somme*, C 132.

9) *Young*, Voyages en France, t. II, p 164.

чественномъ отношеніяхъ, въ особенности въ области коневодства и овцеводства. Надъ улучшеніемъ конской породы работаетъ значительно сгустившаяся въ восемнадцатомъ вѣкѣ сѣть haras, начало которой было положено еще Кольберомъ [1]). Нѣкоторые изъ этихъ haras представляли собою настоящіе конскіе заводы, въ родѣ основаннаго по почину герцога Шуазеля haras de Pompadour [2]); но въ большинствѣ случаевъ подъ этимъ названіемъ разумѣлись небольшія группы производителей, считавшихся лишь на бумагѣ пріуроченными къ опредѣленному пункту, но въ дѣйствительности находившихся постоянно въ разныхъ мѣстахъ, во временномъ пользованіи отдѣльныхъ частныхъ лицъ -помѣщиковъ и крестьянъ [3]).

Начало тонкорунваго овцеводства, составляющаго въ настоящую пору одну изъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства во Франціи и вмѣстѣ—важное подспорье фабричной промышленности, относится ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. По почину министра Бертэна, были выписаны изъ Испаніи и Англіи тонкорунныя овцы [4]), которыя были размѣщены частью на королевской фермѣ въ Рамбулльe, [5]), частью розданы желавшимъ заняться этимъ дѣломъ сельскимъ хозяевамъ. Новая отрасль сельскаго хозяйства привилась настолько удачно, что статистикою 1812 г. во Франціи было зарегистровано 655,000 чистокровныхъ мериносовъ и болѣе трехъ съ половинною милліоновъ тонкорунныхъ метисовъ [6]).

Изъ всего предыдущаго явствуетъ, насколько неправъ Артуръ Юнгъ, утверждая, что сельское хозяйство во Франціи „не сдѣлало никакого, или почти никакого шага впередъ" за послѣднее время [7]).

[1]) *Clément*, Histoire de Colbert et de son administration. Paris, 1874, t. II. p. 84—96.

[2]) Этотъ конскій заводъ описанъ посѣтившимъ его въ 1787 г. Артуромъ Юнгомъ.—*Young*, Voyages en France, t. II, p. 28.

[3]) *Archives nationales*, H 1046, 1110, 1111. Кромѣ указанныхъ связокъ документовъ, въ серіи H парижскаго Національнаго архива сохраняется обширное собраніе документовъ (главнымъ образомъ офиціальной переписки), относящихся къ этому предмету.

[4]) *Young*, Voyages en France, t. II, p. 224.

[5]) *Chaptal*, Industrie française. Paris, 1819, t. I, p. 149: *Périgot*, Histoire du commerce français, Paris, 1884, p. 313. По словамъ Периго, королевская ферма въ Рамбулльe „оказала величайшія услуги сельскому хозяйству и промышленности во Франціи".

[6]) *Chaptal*, Industrie française, t. I, p. 223.

[7]) *Young*, Voyages en France, t. II, p. 374.

X.

Промышленность развивается въ восемнадцатомъ вѣкѣ еще болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ сельское хозяйство. Объясняется это отчасти хозяйственной политикой французскаго правительства, центръ тяжести которой, со времени Кольбера, лежалъ въ „поощреніи" промышленности и торговли—иногда даже въ ущербъ сельскому хозяйству [1]); отчасти отмѣченное явленіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что промышленная техника, благодаря успѣхамъ химіи, физики и механики—съ одной стороны [2]), благодаря развитію духа предпріимчивости и изобрѣтательности съ другой [3]),

1) Только съ середины восемнадцатаго вѣка начинается поворотъ въ сторону сельскаго хозяйства, частью подъ вліяніемъ частыхъ неурожаевъ и голодовокъ, частью подъ вліяніемъ народившейся въ половинѣ столѣтія и получившей большое вліяніе „секты экономистовъ" (физіократовъ).

2) *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, Paris, 1901, t. II, p 538—539; *Pasquier*, Mémoires, t. I, p. 41.

3) Въ семидесятыхъ годахъ дѣлаются первыя, не имѣвшія, правда непосредственныхъ практическихъ результатовъ, попытки примѣненія парового двигателя къ передвиженію какъ по сушѣ, такъ и по водѣ. „Une machine à feu pour le transport des voitures. Essayée pour l'artillerie en 1770, reprise en 1773 et adaptée à un bateau" (*Mémoires secrets*, цит. по *Aubertin*, op. cit., p. 398).—О попыткѣ пароходства въ восьмидесятыхъ годахъ см. *Archives nationales*, F 12,922 (цит. по *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 665).—Въ 1783 г. изобрѣтенъ братьями Монгольфье первый аэростатъ, на которомъ ими и былъ совершенъ первый публичный подъемъ 4-го іюня 1783 г. въ ихъ родномъ городкѣ Annonaye, „столицѣ" лангдокской области Vivarais, въ присутствіи мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ (*Mémoires secrets*, t. XXIII, p. 108; *Roschach*. Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1331). 19 сентября того же года опытъ былъ повторенъ въ Версалѣ, въ присутствіи двора (ibidem, p. 159), а 1-го декабря того же года другими воздухоплавателями, Шарлемъ и Роберомъ, былъ совершенъ воздушный полетъ въ Парижѣ, „въ виду массы народа, наполнявшаго Тюильрійскій садъ, ворота котораго не выдержали напора толпы" (*Mercier*. Tableau de Paris, t. X, p. 95). Въ восьмидесятыхъ годахъ одинъ мечтатель уже предвосхищаетъ идею телеграфа (*Poinsignon*, Histoire de la Champagne. t. III, p. 441: „Il s'agit d'établir sous terre *des conducteurs électriques en fil de fer* doré, renfermés dans des tuyaux garnis de résine. *Une machine électrique* à l'une des extrémités de ces conducteurs et *des lettres en métal, des caractères tachygraphiques* a l'autre, rendraient cet appareil très propre à transmettre d'un lieu à un autre, même à une distance considérable, des avis fort détaillés").

далеко опередила технику сельскохозяйственную [1]. На ряду съ многочисленными усовершенствованіями орудій и способовъ производства, частью заимствованными изъ Англіи, частью обязанными отечественной изобрѣтательности, французская промышленность начинаетъ въ семидесятыхъ годахъ пользоваться изобрѣтеннымъ въ Англіи паровымъ двигателемъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе, въ качествѣ болѣе дешеваго, чѣмъ дрова, топлива, каменный уголь [3]), добыча котораго становится въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ одною изъ важныхъ отраслей добывающей промышленности въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, какъ въ Форезѣ [4]), въ Лангдокѣ [5]), въ Артуа [6]) и др.

Даже англичанинъ Юнгъ отдаетъ дань удивленія „духу предпріимчивости современнаго поколѣнія во Франціи". Отмѣчая „общій подъемъ цѣнъ за послѣднія два десятка лѣтъ" во Франціи, онъ объ-

[1]) „Когда я обращаю свои взоры—говоритъ анонимный авторъ одной брошюры, вышедшей въ 1754 г.,—на человѣческую дѣятельность, и вижу, какъ всюду строятся города, какъ всѣ стихіи пускаются человѣкомъ въ дѣло, какъ преодолѣваются пространства суши и водъ и измѣряются протяженія небесъ,—тогда міръ кажется мнѣ очень старымъ. Когда же я вижу, какъ люди нетверды относительно самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по части основныхъ началъ врачебнаго искусства и земледѣлія, по части свойствъ самыхъ общеизвѣстныхъ веществъ, по части распознаванія болѣзней, отъ которыхъ они страдаютъ, по части ухода за деревьями, устройства плуга,—мнѣ кажется, что земля стала обитаема лишь со вчерашняго дня".— Pensées sur l'interprétation de la Nature, 1754, p. 97.—Не забудемъ здѣсь, что приведенныя слова относятся къ 1754 г., когда прогрессъ въ области сельскаго хозяйства едва лишь начиналъ намѣчаться.

[2]) *Levasseur*, op. cit., t. II, p. 525, 535—541.

[3]) *Levasseur*, op. cit., t. II, p. 536.

[4]) *Antoine*, Histoire du Forez, Saint-Etienne, 1883, p. 189—190. Богатымъ каменноугольнымъ залежамъ Фореза была обязана своимъ промышленнымъ развитіемъ „столица" области, Сентъ-Этьеннъ, въ настоящую пору одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ металлургической промышленности во Франціи.

[5]) Начало разработки каменноугольныхъ залежей въ Лангдокѣ относится къ 1777 г.—*Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1282.

[6]) Гдѣ начало каменноугольной промышленности было положено мѣстными провинціальными штатами, которые въ 1777 г. объявили премію въ двѣсти тысячъ тому, кто первый примется за разработку мѣстныхъ каменноугольныхъ залежей.—*Filon*, Histoire des Etats d'Artois, Paris et Arras, 1861, p. 98.

ясняетъ это явленіе „увеличеніемъ массы денегъ въ странѣ, вслѣдствіе несомнѣннаго роста ея промышленности“ [1]).

„По общему мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей—пишетъ въ 1788 г. современный статистикъ—въ торгово-промышленной жизни страны совершился за послѣднія сорокъ лѣтъ поразительный прогрессъ: никогда еще промышленность не достигала такой интенсивности, какъ въ настоящее время, и не смотря на развитіе старыхъ мануфактуръ, въ королевствѣ постоянно возникаютъ новые виды промышленности, неизвѣстные нашимъ отцамъ“ [2]). Въ числѣ этихъ „новыхъ видовъ промышленности“ заслуживаетъ въ особенности быть отмѣченнымъ введенное впервые во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка фарфоровое производство, получившее вскорѣ широкое развитіе [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ существующія производства (напримѣръ, хлопчатобумажныхъ тканей) все болѣе и болѣе расширяются. Такъ, въ 1746 г. была основана первая ситцевая мануфактура въ Эльзасѣ; въ 1788 г. эта область насчитываетъ уже двадцать такихъ фабрикъ [4]). Построенный въ 1787 г. однимъ эльзасскимъ сеньеромъ охотничій замокъ Вессерлингъ превращается въ 1778 г. въ ситцевую фабрику Рислера и К°: характерное знаменіе времени [5]).

Вообще, фабрикація бумажныхъ матерій получила широкое развитіе въ послѣднія два десятилѣтія стараго порядка, а также производство стальныхъ и кожаныхъ издѣлій [6]).

Въ теченіе восемнадцатаго вѣка постоянно возрастаетъ число промышленныхъ заведеній [7]) вмѣстѣ съ расширеніемъ многихъ изъ нихъ и усовершенствованіемъ ихъ оборудованія [8]).

[1]) *Young*, Voyages en France, t. II, p. 272.

[2]) *Messance*, Recherches sur la population de la France, Lyon, 1788, p. 289—290 (цит. по *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, Paris, 1901, t. II, p. 550—551).—Сравн. *Mollien*, Mémoires, t. I, p. 112: „L'industrie... prenait plus d'essor“.

[3]) *Levasseur*, op. cit., t. II, p. 530—535.—Сравн. *Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 172.

[4]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 325.

[5]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 326.

[6]) *Pasquier*, Mémoires, t. I, p. 42.

[7]) *Tocqueville*, op. cit., p. 265: „Depuis 1774—dit un administrateur du temps—les divers genres d'industrie, en se développant, avaient agrandi la matière de toutes les taxes de consommation“.

[8]) *Levasseur*, la France industrielle, Paris, 1865, p. 22; *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 537.

Вообще въ теченіе этого столѣтія, въ особенности же за послѣдніе четыре-пять десятилѣтій передъ революціей, французская промышленность, не смотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, парализовавшихъ ея развитіе, сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ признаніи этого факта сходятся наиболѣе серьезные изъ новѣйшихъ историковъ-экономистовъ [1]).

XI.

Параллельно съ ростомъ промышленности развивается и внѣшняя торговля. *Торговый прогрессъ*, явственно обнаружившійся начиная съ двадцатыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, былъ пріостановленъ злосчастной для Франціи семилѣтней войной, но съ возстановленіемъ мира въ 1763 г., снова пошелъ быстрыми шагами впередъ. По современнымъ, конечно приблизительнымъ, вычисленіямъ, общая сумма оборотовъ внѣшней торговли Франціи, возросшая въ періодъ 1749—1755 г. въ среднемъ до 616 милліоновъ въ годъ,

[1]) *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 550: „Malgré les obstacles qui avaient entravé sa marche dans le cours de ce siècle, l'industrie avait fait d'incontestables progrès".—Ibidem, p. 551: „Il est certain qu'il y a eu progrès de l'industrie et du commerce (sous le règne de Louis XVI)... on ne peut nier qu'il y ait eu à cette époque (de 1749 à 1788) un progès considérable".—Сравн. *Caffiaux*, Essai sur le régime économique du Hainaut, p. 356, и *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. 126 et passim. Первый изъ этихъ послѣднихъ двухъ изслѣдователей мѣстной экономической исторіи констатируетъ, что въ области Эно, сравнительно съ началомъ восемнадцатаго вѣка, въ послѣдніе годы стараго порядка замѣчается „значительный ростъ торговой и промышленной дѣятельности"; Леру, являющійся однимъ изъ серьезнѣйшихъ провинціальныхъ архивистовъ-изслѣдователей, даетъ, если и не полную, то довольно яркую картину промышленнаго роста лиможскаго генеральства, въ особенности во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, и съ которымъ нельзя не согласиться въ виду его солидной документальной обоснованности,—тотъ, что наканунѣ революціи 1789 г. „Лимузенъ начинаетъ занимать мѣсто въ ряду промышленныхъ районовъ южной Франціи".—Однимъ изъ наглядныхъ признаковъ промышленнаго прогресса Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка является приливъ къ ней дворянскихъ капиталовъ; многіе представители столичной знати, какъ и зажиточнаго провинціальнаго дворянства начинаютъ принимать дѣятельное участіе своими капиталами въ различныхъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ (*Leroux*, op. cit., p. 124—125; *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II. p. 542).

(почти втрое противъ періода 1716 — 1720 г.), и упавшая въ 1756—1763 г. до 323 милліоновъ, быстро поднимается въ слѣдующій періодъ 1764 1776 г. до небывалой еще цифры 725 милліоновъ, и послѣ новаго, на этотъ разъ незначительнаго пониженія (вслѣдствіе войны съ Англіей) въ 1777 – 1783 г. до 683 милліоновъ, снова поднимается, достигая въ періодъ 1784—1788 г. средней годовой цифры въ 1061 милліонъ [1]).

По словамъ Левассёра, являющагося однимъ изъ лучшихъ знатоковъ экономической исторіи Франціи, „никогда еще ранѣе статистика торговли не отмѣчала столь выдающихся результатовъ; можно оспаривать безусловную точность этихъ данныхъ, но нельзя отрицать, что въ эту эпоху страною былъ сдѣланъ крупный шагъ впередъ" въ дѣлѣ торговаго и промышленнаго развитія [2]). Семилѣтняя война и война за независимость сѣвероамериканскихъ колоній задержали каждая лишь на время этотъ промышленный прогрессъ, но не могли его остановить.

По даннымъ, собраннымъ англичаниномъ Юнгомъ, средняя цифра внѣшней торговли Франціи за пятилѣтіе 1784—1788 г. почти учетверилась сравнительно съ пятилѣтіемъ 1716—1720, а за двадцать пять лѣтъ со времени окончанія семилѣтней войны (1763 г.) эта цифра почти удвоилась. Сопоставляя эти данныя съ соотвѣтствующими данными для Англіи, Юнгъ находитъ послѣднія далеко не такими блестящими. Онъ признаетъ, что Франція „сдѣлала огромный шагъ впередъ" въ дѣлѣ внѣшней торговли, и шагъ гораздо болѣе крупный, чѣмъ тотъ, что сдѣлала за то же время Англія [3]).

---

[1]) *Arnould*, De la balance du commerce et des relations commerciales extérieures de la France, Paris, 1791; sec. éd. Paris, 1795, 2 vol. (*Quérard*, la France littéraire, t. I, p. 98) (цит. по *Levasseur*, op. cit., t. II, p. 546). Не вполнѣ точно, стало быть, хотя и недалеко отъ истины замѣчаніе Лаверня: „Le commerce extérieur s'était élevé, en quinze ans (1774—1789) de 500 millions à un milliard" (*Lavergne*, Economie rurale de la France depuis 1789, Introduction).—Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что не далеко также отъ истины замѣчаніе Юнга, по которому обороты внѣшней торговли Франціи удвоились за послѣдніе два десятка лѣтъ (съ конца шестидесятыхъ до конца восмидесятыхъ годовъ).—*Young*, Voyages en France, t. II, p. 373.

[2]) *Levasseur*, op. cit, t. II, p. 551.—Сравн. *Levasseur*, la France industrielle en 1789, Paris, 1865 p. 13—31.

[3]) *Young*, Voyages, t. II, p. 373—374.

XII.

Однимъ изъ симптомовъ и вмѣстѣ—факторовъ промышленнаго и торговаго прогресса страны является развитіе и усовершенствованіе внутреннихъ путей сообщенія за послѣднее полустолѣтіе передъ революціей, выразившееся въ значительномъ расширеніи и улучшеніи сѣти грунтовыхъ дорогъ,—въ урегулированіи и улучшеніи судоходныхъ рѣкъ, какъ путей сообщенія,—въ приспособленіи къ судоходству до того несудоходныхъ рѣкъ или частей ихъ,—въ соединеніи судоходныхъ рѣкъ каналами,—въ сооруженіи и оборудованіи морскихъ портовъ, и т. д.

Тѣ сравнительно немногочисленныя грунтовыя дороги, которыя частью были унаслѣдованы Франціей еще отъ римскаго времени, частью построены въ управленіе Сюлли, и въ особенности въ управленіе Кольбера, были въ позднѣйшую пору царствованія Людовика XIV мало-по-малу совершенно запущены [1])—вслѣдствіе того, что разворенная непосильными военными издержками казна не въ состояніи была отпускать необходимыя средства на ремонтъ дорогъ, не говоря уже о постройкѣ новыхъ [2]). Въ такомъ положеніи дѣло оставалось вплоть до тридцатыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, когда, благодаря почину нѣсколькихъ интендантовъ, нашедшему себѣ поддержку со стороны правительства въ лицѣ генералъ-контролера Орри, дорожное дѣло вступило на путь возрожденія [3]).

Результатомъ полувѣковой работы въ этомъ направленіи было то, что, напримѣръ, когда созванное въ 1787 г. провинціальное собраніе Эльзаса—одной изъ областей, на бездорожье которыхъ раздаются жалобы въ началѣ восемнадцатаго столѣтія,—стало подводить итоги своего областного хозяйство, то оно могло констатировать,

[1]) Провансскій интендантъ жалуется въ 1706 г. на плачевное состояніе дорогъ въ области, „qui sont dans le dernier état“ (*Babeau*, la Province, t. II, p. 171).—Такъ обстояло дѣло на крайнемъ югѣ; не въ лучшемъ положеніи находился въ эту пору и крайній сѣверъ, какъ область Эно, гдѣ, по словамъ мѣстнаго историка, дороги находились въ началѣ восемнадцатаго вѣка „въ самомъ ужасномъ состояніи, или вѣрнѣе—ихъ вовсе здѣсь не было“ (*Caffiaux*, Essai sur le régime économique du Hainaut, Valenciennes, 1873, p. 269).—Сравн. *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 50.

[2]) *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. 131—132.

[3]) *Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 251—287 (*Observations du garde des sceaux et contre-observations de Turgot sur la suppression de la corvée*).

что Эльзасъ покрытъ сѣтью „превосходныхъ дорогъ", длиною болѣе восьмисотъ тысячъ туазовъ (около полуторы тысячъ верстъ), и одинъ изъ ораторовъ провинціальнаго собранія могъ съ гордостью за „свою родину" сказать: „Наши дороги прекрасны, наши пути сообщенія многочисленны, и въ этомъ отношеніи остается уже немногое сдѣлать для достиженія полнаго совершенства" [1]).

Въ 1752 г. Лотарингія насчитывала около 360 льё грунтовыхъ дорогъ, въ 1787 г. эта цифра поднимается до 624 льё, то-есть за тридцать пять лѣтъ количество дорогъ увеличилось приблизительно на 75 процентовъ. По части дорожныхъ сооруженій въ 1787 г. Лотарингія насчитывала на своей территоріи около четырехсотъ мостовъ, въ томъ числѣ 268 каменныхъ [2]).

Основанный Лувуа стекольный заводъ въ Монмирайлѣ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ спустя прекратить свое существованіе, „въ виду крайней неудовлетворительности дорогъ" [3]). Въ окрестностяхъ Труа, столицы Шампани, еще въ 1751 г. „дороги очень опасны [4]). Проѣзжая по Шампани въ 1779 г., одна путешественница заноситъ въ свой дневникъ такую замѣтку: „Дороги въ Шампани прекрасны" [5]).

Вообще безодорожная въ началѣ столѣтія Франція въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ оказывается покрытою густою сѣтью [6]) хорошихъ дорогъ, вызывающихъ восхищеніе даже у англійскаго путешественника, для котораго видъ благоустроенныхъ дорогъ не могъ быть новостью [7]). По вычисленію одного новѣйшаго изслѣдователя, за пятьдесятъ

[1]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 50.

[2]) *Boyé*, les Travaux publics et le régime des corvées en Lorraine, p. 73—75.

[3]) *Poinsignon*, Histoire de la Champagne, t. III, p. 395.

[4]) Ibidem, p. 405.

[5]) Ibidem, p. 408.

[6]) Неккеръ вычисляетъ длину всѣхъ дорогъ во Франціи въ его время въ девять тысячъ лье, или около 36.000 километровъ. Вѣроятно, въ это число не включены нѣкоторыя дороги мѣстнаго сообщенія, чѣмъ и объясняется противорѣчіе между вычисленіями Неккера и вычисленіями новѣйшаго изслѣдователяля (см. черезъ одно примѣчаніе ниже).

[7]) *Yoyng*, Voyages en France, t. I, p. 6: „Route excellente" (de Calais à Boulogne); p. 7: „Si les Français n'ont pas d'agriculture à nous montrer, ils ont des routes; rien de plus magnifique, de mieux tenu, que celle qui traverse un beau bois, propriété de M. Neuvillier"; p. 25: „La route, pendant tout ce trajet est vraiment superbe" (Limousin); p. 27: „Les magnifiques chemins que nous avons suivis" (Limousin); p. 36: „Route superbe" (de Pompignan à Saint-

лѣтъ, съ 1737 до 1787 г., было сооружено въ Франціи отъ десяти до двѣнадцати тысячъ льё повыхъ грунтовыхъ дорогъ, при чемъ большая половина этой цифры падаетъ на второе двадцатипятилѣтніе [1]).

Ко второй же половинѣ восемнадцатаго столѣтія относится сооруженіе бо́льшей части мостовъ, унаслѣдованныхъ современною Франціей отъ дореволюціонной эпохи, въ томъ числѣ цѣлый рядъ такихъ грандіозныхъ сооруженій, каковы—продолжающіе и понынѣ свою службу—каменные мосты черезъ Жиронду въ Бордо, черезъ Луару въ Турѣ и Орлеанѣ. Постройка турскаго моста, начатая въ 1765 г. по проекту, представленному въ 1758 г. и окончательно утвержденному въ 1764 г., была окончена въ чернѣ въ 1779 г., въ окончательной же отдѣлкѣ лишь въ 1788 г. и обошлась въ колоссальную по тому времени сумму 4,800,000 ливровъ [2]). Построенный въ восьмидесятыхъ годахъ и также, понынѣ существующій мостъ черезъ Марну въ Шалонѣ обошелся около полутора милліона ливровъ [3]).

Восемнадцатый вѣкъ во Франціи, дѣйствительно, въ правѣ гордиться своимъ дорожнымъ строительствомъ, составляющимъ, по выраженію одного современника, „одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ столѣтія“ [4]).

XIII.

Къ этой же порѣ относится сооруженіе, частью окончаніе, частью начало постройки цѣлаго ряда судоходныхъ каналовъ, въ томъ чи-

Jorry); p. 50: „Route ... magnifiquement construite“ (Languedoc); p. 52: „Les routes sont d'admirables travaux“ (Languedoc); p. 57: „Je ne sais rien d'aussi remarquable pour le voyageur que les routes du Languedoc: nous n'avons pas en Angleterre l'idée de tels efforts; c'est superbe, splendide“; p. 87: „La plus belle route que j'ai vue en France; il est impossible qu'il y en ait qui la surpasse“ (Champagne); p. 289: „Magnifique route neuve“ (Languedoc). Замѣчанія противоположнаго характера встрѣчаются у Юнга крайне рѣдко; см., напр., стр. 39, 138, 310.

[1]) *Cotelle*, Mémoire sur l'ancienne corvée des chemins (*Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. XIX [1851], p. 291).

[2]) *Archives departementales d'Indre-et-Loire*, C 55, 59, 239, 240 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 219—225).

[3]) *Inventaire des archives départementales de la Marne*, C 1658.

[4]) *Archives departementales de la Marne*, C 1520. Lettre de Rouillé d'Orfeul, 9 août 1775: „L'établissement des chemins est un des plus beaux monuments du siècle“.

слѣ такихъ грандіозныхъ, какими являются каналы Бургонскій [1]) и въ особенности Пикардійскій, который, дѣйствительно, можно назвать, вмѣстѣ съ новѣйшимъ историкомъ этой области, величайшимъ изъ промышленныхъ предпріятій Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ [2]).

По части усовершенствованія водныхи путей—вторая половина восемнадцатаго вѣка отмѣчена также дѣятельными работами по улучшенію судоходности Гаронны [3]), Роны [4]), Сены [5]), Луары [6]) и множества менѣе значительныхъ рѣкъ, какъ Шельды во Фландріи [7]), Тарна въ Лангдокѣ [8]), Селли въ Бургони [9]), Бэзы въ Гюэни [10]) и др.

Внутренніе водные пути, рѣки и каналы, имѣли въ старой Франціи, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ это стало потомъ, когда рельсъ и паровозъ сдѣлались главными орудіями товарнаго движенія внутри страны. Превращеніе какой-либо рѣки въ судоходную или проведеніе новаго канала имѣло въ ту пору иногда даже болѣе глубокія хозяйственныя послѣдствія для данныхъ мѣстностей, чѣмъ проведеніе новой желѣзнодорожной линіи въ настоящее время. Вполнѣ естественно поэтому то видное мѣсто, которое отводится въ восемнадцатомъ вѣкѣ усовершенствованію водныхъ путей на ряду съ дорожнымъ строительствомъ [11]).

1) *Archives nationales*, H 146—152. — Документы, относящіеся къ сооруженію каналовъ въ Бургони: *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 2986—2987, 4500—4559.

2) *Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 406—427.—Въ теченіе десяти лѣтъ 1776—1785 г. на постройку Пикардійскаго канала вмѣстѣ съ Бургонскимъ было ассигновано восемь милліоновъ, а строились эти каналы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. См. *Archives nationales*, AD XIII, 1.—Сравн. докладъ Понсэна Національному собранію въ т. 75 собранія протоколовъ послѣдняго: *Bibliothèque nat.*, Lc 27/10. Въ 1783 г. было приступлено къ сооруженію соединительнаго канала между Роной и Рейномъ, проектированнаго еще въ 1744 г. и законченнаго лишь въ 1834 г.—*Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 51.

3) *Archives nationales*, H 1056.

4) *Archives nationales*, H 1429.

5) *Archives nationales*, H 1436.

6) *Archives nationales*, AD XIII. Arrêt du conseil qui ordonne l'établissement d'une navigation réglée sur la Loire, 12 décembre 1779.

7) *Archives nationales*, H 1482.

8) *Archives nationales*, H 1429.

9) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 2987.

10) *Tholin*, Cahiers du Tiers-Etat du pays d'Agenais. Agen, 1885. p. 142.

11) Прибавимъ, что съ 1724 г. по 1786 г. было уничтожено до четырехъ

Одновременно производятся обширныя работы по расширенію и улучшенію торговыхъ морскихъ портовъ: Бордо, Дьеппа, Гавра, Ла-Рошелли, Агда, Сетта и др. [1]).

XIV.

Улучшеніе существующихъ путей сообщенія сухопутныхъ и водныхъ, созданіе цѣлой сѣти новыхъ грунтовыхъ дорогъ и постройка многочисленныхъ каналовъ, этотъ фактъ конечно также не могъ не отразиться болѣе или менѣе значительнымъ плюсомъ на хозяйственномъ ростѣ страны. Страна замѣтно богатѣетъ, и провинція въ общемъ отнюдь не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ столицы. *Главная роль въ этомъ хозяйственномъ ростѣ выпадаетъ на долю городовъ, и Парижъ въ этомъ отношеніи является среди прочихъ городовъ Франціи лишь какъ primus inter pares.* Провинція богатѣетъ главнымъ образомъ въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ городовъ, въ особенности же въ лицѣ своихъ „столицъ“. Одновременно и параллельно съ ростомъ Парижа, какъ культурнаго центра страны, аналогичный процессъ совершается и въ отдѣльныхъ областяхъ: это —культурый ростъ провинціальныхъ центровъ, которыми являются обыкновенно областныя „столицы“,—въ особенности „столицы“ областей удаленныхъ отъ Парижа и потому естественно тяготѣющихъ къ своимъ мѣстнымъ центрамъ.

Показателемъ роста провинціальныхъ центровъ является прежде всего прогрессивное увеличеніе ихъ населенія—не только въ силу естественнаго прироста, но также и благодаря притоку внѣ-городского населенія [2]). Такъ, столица Прованса Aix, насчитывавшая въ

тысячъ *пеажей*; другими словами, внутреннія пути сообщенія были очищены отъ четырехъ тысячъ мелкихъ заставъ, являвшихся часто не менѣе существенными тормазами торговли, чѣмъ плохія дороги.—*Archives nationales*. H 3174 (точная цифра уничтоженныхъ въ указанный періодъ пеажей—3634).

[1]) *Périgot*, Histoire du commerce français, Paris, 1884, p. 312; *Raymond de Saint-Sauveur*. Compte de l'administration, 1790; *Ribadieu*, Histoire de Bordeaux, Bordeaux. 1853.

[2]) „Les villes ne sont si peuplées pour la plupart qu'aux dépens des campagnes“—свидѣтельство одного современника, цитируемое *Левассёромъ*, la Population française, Paris, 1889, t. I, p. 226.—Кромѣ притягательности города, какъ культурнаго центра, не послѣднюю роль играло въ данномъ случаѣ привилегированное положеніе его, сравнительно съ деревней, въ отно-

1740 г. около 18.000 жителей, считаетъ ихъ 24.000 въ 1785 г [1]). Населеніе Безансона возрастаетъ съ 17,000 въ 1709 г. до 25.500 въ восьмидесятыхъ годахъ [2]); населеніе Страсбурга съ 32,000 въ 1709 г.—до 50.000 въ 1789 г. [3]) и т. д.

О хозяйственномъ прогрессѣ французскихъ городовъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и болѣе спеціальнымъ образомъ во второй его половинѣ, говорятъ и такіе факты, какъ быстрый ростъ городскихъ бюджетовъ и въ частностн—прогрессивное возрастаніе городскихъ доходовъ, заключавшихся главнымъ образомъ въ городскихъ заставныхъ пошлинахъ на различные предметы потребленія (octrois) [4]).

XV.

Другимъ нагляднымъ признакомъ культурнаго роста провинціальныхъ городскихъ центровъ во Франціи въ занимающую насъ эпоху является замѣчаемое въ эту пору внутри ихъ оживленіе строительной дѣятельности, при чемъ послѣдняя преслѣдуетъ не простое лишь удовлетвореніе насущной потребности въ жилыхъ помѣщеніяхъ для ростущаго населенія, но также—удовлетвореніе менѣе насущнымъ потребностямъ комфорта и эстетики. Дѣло идетъ не только и даже зачастую не столько объ обезпеченіи города достаточнымъ количествомъ обывательскихъ квартиръ, сколько

шеніи податей и повинностей: бо́льшая часть городовъ были свободны отъ самой обременительной изъ податей—*тальи*, и отъ самой тяжелой изъ натуральныхъ повинностей—*corvée*. По мѣткому выраженію Тэна (op. cit., t. I, p. 482), города являлись какъ бы убѣжищами (refuge) отъ фискальнаго гнета, противъ котораго была беззащитна деревня.—Сравн. письмо де-Толозана къ генералъ-контролеру, отъ 31-го января 1789: „...il y a dans cette ville (Falaise) beaucoup de peuple qui y est attiré parce qu'on n'y paie point de taille: elle y a été commuée en un droit d'entrée sur les consommations et quelques objets de commerce, et le peuple qui ne fait rien entrer qu'en fraude, n'y paie aucun droit" (*Duval*, Ephémérides de la Moyenne Normandie, Alençon, p. 16),

1) *Guibal*, Mirabeau et la Provence, p. 5.

2) *Necker*, De l'administration des finances, t. I, 239; *Castan*, l'Ancienne école de peinture et de sculpture de Besançon (1756—1791), Besançon, 1890, p. 56.

3) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, Paris et Colmar, 1877.

4) Такъ, доходы города Реймса ростутъ въ слѣдующей прогрессіи: въ 1710 г.—60,000 ливровъ, въ 1751 г.—113,000, въ 1782 г.—186,000, въ 1785 г.—190,000 л. (цифры округлены) (*Inventaire des archives départementales de la Marne*, C 662).

объ его „украшеніи“ и объ усовершенствованіи городского благоустройства.

Особенно усиленно обстраиваются и „украшаются“ прежде всего конечно наиболѣе крупные изъ провинціальныхъ центровъ, какъ Монпеллье, Бордо, Марсель, Ліонъ и т. д. Марсель, напримѣръ, насчитываетъ за періодъ съ 1721 г. до 1789 г. до десяти тысячъ вновь выстроенныхъ домовъ [1],—цифра тѣмъ болѣе внушительная, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ городомъ солидныхъ каменныхъ построекъ, крытыхъ черепицей, и слѣдовательно застрахованныхъ на цѣлыя столѣтія отъ разрушенія и на долгое время отъ пожара.

Пріѣхавшій въ 1761 г. въ Монпеллье провинціалъ пораженъ „красотой театра“, „великолѣпіемъ“ генеръ-губернаторскаго дома и епископства, роскошью частныхъ домовъ, состязающихся между собою дорогими мраморными лѣстницами, и т. д. Труднѣе конечно было удивить англичанина, но видѣвшій Монпеллье двадцать пять лѣтъ спустя Юнгъ остался вполнѣ удовлетворенъ городомъ, который ему показался „скорѣе столицей, чѣмъ провинціальнымъ городомъ“. Надо сказать что эти двадцать пять лѣтъ не прошли даромъ въ смыслѣ „украшенія“ города. За это время городъ успѣлъ обзавестись нѣсколькими новыми, прямыми и широкими улицами, прорѣзанными въ чащѣ старинныхъ кривыхъ улицъ, щелеобразныхъ переулковъ и темныхъ тупиковъ; соорудилъ террасы и тріумфальную арку [2]) и собирался „украситься“ новымъ роскошнымъ театромъ, постройка котораго приходила въ восьмидесятыхъ годахъ къ концу [3]).

Въ числѣ построекъ, которыми „украсился“ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка городъ Бордо, фигурируютъ два такихъ грандіозныхъ сооруженія, какъ существующій понынѣ каменный мостъ черезъ Жиронду и также до сихъ поръ сохранившійся элегантный, а по своему времени роскошный театръ [4]). По словамъ мѣстнаго

[1]) *Guibal*, Mirabeau et la Provence, p. 5.

[2]) *Thomas*, Essai sur Montpellier, p. 80 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. II, p. 116). По словамъ Бабо (со ссылкой на приведенное сочиненіе) городъ Монпеллье „затратилъ одинъ милліонъ на всевозможныя украшенія“,—но въ какой это періодъ времени?

[3]) *Archives nationales*, H 1429.—Стоимость театра по смѣтѣ была исчислена въ двѣсти тысячъ ливровъ—сумма очень почтенная по тому времени.—Сравн. ibidem, H 1241, Mémoire de Coussin, avocat au parlement d'Aix, 1779.

[4]) *Archives nationales*, H 92. Театръ, строившійся по плану знаменитаго

историка, „памятники, составляющіе гордость этого города, почти всѣ ведутъ свое начало отъ послѣднихъ лѣтъ стараго порядка“ [1]).

Ліонъ производитъ обширныя работы, имѣющія задачей „преобразить зловонное болото въ обитаемую часть города“ [2]).

Эксъ, столица Прованса, аттестуется въ концѣ семидесятыхъ годовъ однимъ изъ мѣстныхъ обывателей, какъ „наиболѣе изукрашенный изъ всѣхъ городовъ королевства“ [3]). Для очистки мѣста подъ новыя архитектурныя „украшенія“ тамъ не остановились даже передъ сломкой великолѣпнаго средневѣковаго дворца графовъ Провансскихъ [4]).

Въ 1765 г. страсбургскій муниципалитетъ принимаетъ планъ новой распланировки городскихъ улицъ, составленный выписаннымъ для этого изъ Парижа „королевскимъ архитекторомъ“ Блонделемъ. Планъ этотъ, разсчитанный на постепенное выполненіе, долженъ былъ совершенно измѣнить физіономію города: прямыя и широкія магистрали должны были прорѣзать причудливую паутину кривыхъ и узкихъ улицъ и переулковъ средневѣковаго города, открывъ въ него доступъ свѣту и воздуху [5]).

Амьенъ обзаводится около того же времени новымъ зданіемъ театра [6]), крытымъ рынкомъ и солиднымъ „отелемъ“ интендантства, производитъ урегулированіе главной площади, а на мѣстѣ старинныхъ земляныхъ укрѣпленій разбиваетъ элегантные бульвары [7]).

тогда архитектора Луи въ теченіе семи лѣтъ (1773—1780), обошелся въ два съ половиной милліона ливровъ.—*Lavergne*, les Assemblées provinciales sous Louis XVI, Paris, 1879, p. 312.

[1]) *Bussière*, Etudes historiques sur la révolution en Périgord, Bordeaux, 1877, t. I, p. 87.—Сравн. *Ribadieu*, Histoire de Bordeaux, Bordeaux, 1853.

[2]) *Archives parlementaires*, l-ère série, t. I, p. 189 suiv.

[3]) *Archives nationales*, H 1241. Mémoire de l'avocat Coussin, 1779.—Въ числѣ прочихъ сооруженій—новый дворецъ парламента“.—*Archives parlementaires*, t. I, 189 suiv.

[4]) *Ribbe*, Pascalis, etc., p. 107: „Il est peu d'exemples dans l'histoire d'un si incroyable vandalisme“. Намъ непонятенъ этотъ „вандализмъ“ людей восемнадцатаго вѣка; но имъ былъ бы не менѣе непонятенъ тотъ интересъ, который мы питаемъ къ подобнымъ „остаткамъ стариннаго варварства“.

[5]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 52—53.

[6]) *Mémoires secrets*, t. XVII (1 janvier 1781). Стоимость театра—160,000 ливровъ.

[7]) *Inventaire des archives départementales de la Somme*, série C, Introduction, p. 13.

Безансонскій бытописатель [1]) отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: 18-го февраля 1778 г.—„освященіе новаго интендантства“ [2]): 12-го іюня 1778 г., „начали сломку магазина du Transmarchement для постройки на этомъ мѣстѣ театра“; 10-го сентября 1778 г., „начали земляныя работы по постройкѣ театра“; 6-го сентября 1784 г., открытіе новаго театра [3]); 12-го апрѣля 1786 г., „въ первый разъ пущена вода въ фонтанѣ при новомъ интендантствѣ“; 15-го апрѣля 1786 г., „посажены деревья отъ улицы Кордельеровъ до Pontot; 1-го іюня 1787 г., „снесены два дома на площади Св. Петра, въ видахъ украшенія этой площади“. По замѣчанію новѣйшаго историка города Безансона, послѣдній „обладаетъ до настоящаго времени значительнымъ количествомъ оставленныхъ ему восемнадцатымъ вѣкомъ архитектурныхъ сооруженій“ [4]).

За послѣднія двадцать пять лѣтъ до революціи, Лиможъ „охваченъ такой строительной горячкой, какой ранѣе никогда еще не наблюдалось“ [5]): въ 1762 г. закончено постройкой новое интендантство, въ 1770 г.—главная городская больница, въ 1775 г.—зданіе религіозной общины Visitandines, въ 1777 г.—королевская коллегія, въ 1779 г.—зданіе „сестеръ Провидѣнія“, въ 1784 г.—„дворецъ президіала“, въ 1787 г.—епископство, и т. д.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ городъ Туръ, параллельно и одновременно съ сооруженіемъ грандіознаго моста черезъ Луару, ведетъ другое почти столь же грандіозное предпріятіе, имѣющее цѣлью „украшеніе“ города: сооруженіе новой улицы [6]). Оба сооруженія, выполненныя при самомъ дѣятельномъ содѣйствіи интенданта дю-Клюзеля, дѣйствительно, „придали городу въ высшей

---

1) *Gauthier*, Besançon de 1774 à 1791, chronique d'un coitemporain anonyme, Besançon, 1891.

2) Строившагося съ 1774 г. и обошедшагося болѣе шестисотъ тысячъ ливровъ.—*Archives nationales*, H 1408.

3) Добавляемъ эту подробность, почему-то пропущенную въ „хроникѣ“, по *Lurion*, M. de Lacoré, intendant de Franche-Comté, Besançon, 1898, p. 50.

4) *Castan*, l'Ancienne école de peinture et de sculpture de Besançon, 1756—1791 (*Mémoires de la Société d'émulation du Doubs*, 1888, p. 56).

5) *Leroux*, la Genéralité de Limoges, p. 137: „Il y eut alors à Limoges pendant près de 25 années une fièvre de bâtir telle qu'on n'en avait pas encore vue“.

6) Первоначально она такъ и была названа: *rue Nouvelle*, въ настоящее время—*rue Nationale*.—*Dumas*, op. cit., p. 225—236.

степени привлекательный видъ и представляютъ по настоящее время его главное украшеніе“ [1]).

Нантъ сооружаетъ въ 1758 г. крытый рынокъ, въ 1783 г.— другой спеціально для торговли рыбой, въ 1786 г.— третій; постройка послѣдняго изъ нихъ исчислена была въ сто шестьдесятъ тысячъ ливровъ; въ 1769 г. городъ занимаетъ двѣсти тысячъ для перестройки биржи, въ 1783 г. триста тысячъ для перестройки театра [2]).

Нантъ имѣетъ своего „благотворителя“ въ лицѣ финансиста Гралена, „извѣстнаго, по словамъ современника, своими начинаніями, полезными какъ для общества, такъ и для него самого“. Въ нѣсколько лѣтъ онъ создаетъ вокругъ своего „отеля“ цѣлый кварталъ, который носитъ до сихъ поръ его имя. Благодаря его предпріимчивости, пустырь въ нѣсколько лѣтъ превратился въ густо населенный уголокъ, покрытый сплошь красивыми домами, съ широкими, прямыми улицами. Онъ содѣйствуетъ скорѣйшей постройкѣ городского театра и носится, хотя и безуспѣшно, съ проектомъ „красиваго и просторнаго кафе, который онъ предполагаетъ построить близъ театра, съ исключительной привилегіей продажи прохладительныхъ напитковъ въ театральной залѣ“; за-то ему удается организовать компанію для постройки близъ театра „красиваго меблированнаго дома“ [3]).

Дижонъ сооружаетъ новое интендантство и монументальный „дворецъ штатовъ“ [4]), Шалонъ—милліонный „отель“ интендантства [5]); подобные же „отели“ выростаютъ въ По, Монтобанѣ, Лиллѣ, Турѣ; затѣвается на широкую ногу „отель“ въ Суассонѣ, и т. д. [6]).

Маленькая „столица“ совсѣмъ маленькой области Брессъ, г. Бургъ, обзаводится, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, цѣлымъ рядомъ новыхъ публичныхъ сооруженій: городской думой, театромъ, крытымъ рынкомъ, больницей, бойнями, общественными банями и фонтанами; въ то же время прокладываются новыя улицы въ лабиринтѣ старинныхъ переулковъ, и т. д. [7]).

---

1) Тамъ же, стр. 235. Съ этимъ замѣчаніемъ мѣстнаго историка вполнѣ гармонируютъ личныя впечатлѣнія, вынесенныя пишущимъ эти строки при посѣщеніи Тура въ 1896 г.

2) *Dupuy*, Etudes sur l'administration municipale en Bretagne au XVIII-e siècle, Paris et Rennes, 1891, 2-ème partie, p. 32 et suiv.

3) Ibidem, p. 40.

4) *Archives départementales de la Côte d'Or*, C 2987.

5) *Archives départementales de la Marne*, C 1089.

6) См. выше, т. I, стр. 281—282.

7) *Jarrin*, la Bresse et le Bugey, leur place dans l'histoire, Bourg, 1886, t. III, p. 258.

На ряду съ постройками, провинціальныя „столицы“ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ вводить различныя „благоустройства“: устраиваются мостовыя [1]), появляются неизвѣстные прежде тротуары [2]); вводится мало-по-малу уличное освѣщеніе [3]); пустыри и заброшенныя земляныя укрѣпленія превращаются въ общественные сады, скверы, бульвары, „аллеи“, „променады“ [4]), изъ которыхъ многія продолжають до нашихъ дней служить „украшеніемъ“ своихъ городовъ и предметомъ гордости для мѣстныхъ обывателей [5]).

Вслѣдъ за провинціальными „столицами“ и прочіе города и городки спѣшатъ „украситься“ новыми зданіями городскихъ думъ, театрами, крытыми рынками, больницами, „судебными дворцами“ (palais de justice), площадями, фонтанами, статуями, садами, „променадами“ [6]).

[1]) *Archives nationales*, H 1436. Feuille de travail du 21 octobre 1780: „A M. de la Tour, pour approuver, conformément à son avis, une délibération prise par le conseil municipal de Marseille, pour faire paver, en pierre de qrès, la rue de Noailles“.

[2]) *Young*, op. cit., t. I, 262 (Dijon).

[3]) *Archives départementales de Saône-et-Loire*, C 496. Delibération des Elus du Mâconnais du 5 février 1779: „Les quais de Mâcon seront éclairés la nuit“. — *Auger*, Etablissement des reverbères à Moulins, en 1783 (*Bulletin de la Société d'émulation de l'Allier*, t. XI (1868 - 1869).—*Répertoire des travaux de la Société de statistique de Marseille*, t. VIII, (1845) (établissement de l'éclairage à Marseille en 1785).—Въ шестидесятыхъ годахъ вводится уличное освѣщеніе въ Страсбургѣ, Безансонѣ, Тулузѣ, Бокерѣ, Верденѣ-на-Гароннѣ, Отёнѣ, Труа; въ семидесятыхъ—въ Маконѣ, Бургѣ, Орлеанѣ, Кастрѣ, Авалонѣ и др. *Babeau*, la Ville, t. II, p. 126; *Krug-Basse*, op. cit., p. 350; *Lurion*, op. cit., p. 16).

[4]) *Allées de Tourny* (Bordeaux), *place de Tourny* (Limoges), *allées d'Etigny* (Auch), *parc de Blossac* (Poitiers), *allées de Meilhan* (Marseille), *jardin du Jard* (Châlons), etc.—*Babeau*, la Ville, t. II, p. 119; *Mémoires de la Société des antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (1855) p. 287 suiv.

[5]) Какъ паркъ *Blossac* въ Пуатье, приведшій въ свое время въ восхищеніе англійскаго путешественника (*Young*, op. cit., t. I, p. 147: „la plus belle promenade de France“). См. о немъ статью Пилотелля въ *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (1855) (notice sur Paul-Esprit-Marie de la Boudonnaye, comte de Blossac, et Recherches sur la promenade qui porte son nom, par M. Pilotelle).

[6]) *Dupuy*, Etudes sur l'administration municipale en Bretagne au XVIII-e siècle, Paris et Rennes, 1891, 2-ème partie, p. 32 suiv.; *Krug-Basee*, l'Alsace avant 1789, p. 53; *Babeau*, la Ville, t. I, p. 118—119; *Leroux*, la Généra-

XVI.

Впечатлѣнія Артура Юнга относительно французскихъ городовъ во многомъ совпадаютъ съ приведенными данными. Многое конечно не удовлетворяетъ англійскаго путешественника, въ особенности, что касается опрятности [1]. Тѣмъ не менѣе во многихъ городахъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать, онъ отмѣчаетъ оживленную дѣятельность, вкусъ къ „украшеніямъ", успѣхи благоустройства.

Первымъ французскимъ городомъ, съ которымъ онъ познакомился, по высадкѣ съ корабля, былъ портовый городъ Булонь. „Городъ имѣетъ цвѣтущій видъ" спѣшитъ записать нашъ путешественникъ въ своемъ дневникѣ (17-го мая 1787 г.)[2]. „Зданія въ хорошемъ состояніи, тщательно отдѣланы; есть нѣсколько новыхъ построекъ—одинъ

lité de Limoges, p. 137—138; *Lurion*, M. de Lacoré, p. 22; *Archives nationales*, H 1429 (Béziers).—Въ своей дѣятельности по части украшеній и благоустройства города встрѣчаютъ себѣ поддержку какъ со стороны областныхъ самоуправленій (штатовъ), такъ иногда и со стороны казны. Такъ, лангдокскіе штаты вотируютъ крупныя субсидіи городу Монпеллье (резиденціи штатовъ) на украшеніе главной площади и городу Тулузѣ на устройство набережныхъ и другія публичныя работы (*Archives nationales*, H 748, цит. по *Babeau*, la Province, t. I, p. 135). Уже въ двадцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія собраніе коммунъ Прованса командируетъ въ Парижъ и другіе важнѣйшіе города Франціи молодого архитектора для изученія „всего, что имѣется наиболѣе любопытнаго и изящнаго въ различныхъ городахъ" (*Archives nationales*, H 189, цит. по *Babeau*, l. c.). Бретанскіе штаты вносятъ въ 1765 г. въ бюджетъ области двѣсти тысячъ ливровъ на устройство портовъ и украшеніе городовъ (*Archives nationales*, H 626, по *Babeau*, l. c.). На помощь городу Ниму, предпринявшему въ семидесятыхъ годахъ обширныя работы по реставраціи развалинъ древнеримскаго цирка, приходятъ одновременно и лангдокскіе штаты и казна (послѣднее особенно любопытно въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ) (*Archives nationales*, H 1062).

[1] Въ этомъ отношеніи французскіе города не удовлетворили и нашего соотечественника Фонвизина. „Вездѣ по городамъ—пишетъ онъ въ 1777 г. изъ Монпеллье—улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ".—*Фонвизинъ*, Полное собраніе сочиненій, Москва, 1830, т. II, стр. 3.—Впрочемъ, къ свидѣтельствамъ Фонвизина, всюду щеголяющаго своею франкофобіей, слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью.

[2] *A. Young*, Voyages en France, t. I, p. 6—7.

изъ вѣрныхъ признаковъ благосостоянія. Строится новая церковь по такому плану, который долженъ потребовать большихъ расходовъ. Вообще городъ оживленный". Въ беррійскомъ городкѣ Вьерзонѣ путешественнику опять бросаются въ глаза „новые дома, постройки изъ прелестнаго камня"; „городъ имѣетъ цвѣтущій видъ и, безъ сомнѣнія, много обязанъ судоходству" [1]). Маленькую столицу миніатюрной области Небузана, городокъ Сенъ-Годенсъ [2]), англійскій путешественникъ застаетъ въ разгарѣ работъ по самоукрашенію: „строится много новыхъ домовъ, съ претензіями на нѣчто большее, чѣмъ простой комфортъ" [3]).

Монпеллье показался Юнгу „скорѣе столицей, чѣмъ провинціальнымъ городомъ"; особенно импонирующее впечатлѣніе произвелъ на англійскаго путешественника грандіозный городской водопроводъ: „въ этомъ полезномъ сооруженіи есть истинное величіе, и оно произвело на меня болѣе впечатлѣнія, чѣмъ все, что я видѣлъ въ Версалѣ" [4]).

Въ Каркассоннѣ вниманіе Юнга обратили на себя „большія фабрики, признакъ богатства" [5]). Бордо произвелъ особенно выгодное впечатлѣніе на англійскаго путешественника. „Хотя я много и читалъ и слыхалъ о торговлѣ, богатствѣ и великолѣпіи этого города, дѣйствительность однако далеко превзошла мои ожиданія". Сравнивая Бордо съ Ливерпулемъ, Юнгъ отдаетъ пальму первенства первому; особенный восторгъ вызываютъ въ немъ колоссальная набережная и та кипучая дѣятельность, для которой она служитъ театромъ [6]).

Камбрэ, какъ и прочіе пограничные города французской Фландріи, понравился путешественнику „своими красивыми, широкими, хорошо вымощенными и хорошо освѣщенными улицами" [7]).

При приближеніи къ Гавру путешественникъ заранѣе догадывается о близости „очень цвѣтущаго города: склоны холмовъ почти сплошь усѣяны новенькими виллами; строится много новыхъ". Какъ оказа-

---

[1]) Ibidem, p. 22.
[2]) По мѣстному произношенію (Saint-Gaudens).
[3]) *Young*, op. cit., p. 39.
[4]) Ibidem, p. 57—58.
[5]) Ibidem, p. 65—66.
[6]) Ibidem, p. 82.
[7]) Ibidem, p. 126.

лось, „городъ также усиленно растетъ“. „Нѣтъ нужды въ справкахъ, чтобы констатировать цвѣтущее состояніе этого города...; здѣсь больше движенія, жизни, дѣятельности, чѣмъ въ какомъ угодно изъ видѣнныхъ мною мѣстъ во Франціи. Недавно сданъ за 600 ливровъ на три года домъ, а двѣнадцать лѣтъ тому назадъ его можно было нанять за 24 ливра въ годъ“ [1]).

Въ Бретани, которая Юнгу „представляется совсѣмъ бѣдной провинціей“, путешественникъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ „благоустройство г. Ренна“ (главный городъ Бретани) съ его „двумя прелестными площадями“ [2]). „Брестъ — городъ съ хорошими постройками, прямыми красивыми улицами, съ набережной и множествомъ военныхъ и коммерческихъ судовъ, создающихъ ту картину оживленія, которой характеризуются вообще приморскіе города“ [3]). Нантъ производитъ на Юнга впечатлѣніе „большого торговаго города“. Контрастъ съ ближайшими окрестностями этой второй столицы Бретани наводитъ англійскаго путешественника на слѣдующее интересное замѣчаніе. „Непостижимо—говоритъ онъ —, до какой степени блескъ и богатство городовъ стоятъ во Франціи внѣ всякаго соотвѣтствія съ состояніемъ деревень“: съ одной стороны—нищета, съ другой—роскошь [4]).

Столица Бургони, Дижонъ—„очень красивый городъ, съ широкими хорошо замощенными улицами и даже—не совсѣмъ заурядное явленіе во Франціи—съ тротуарами“ [5]).

Реймсъ производитъ на англійскаго путешественника выгодное впечатлѣніе своими „прямыми, широкими и хорошо обстроенными улицами“ [6]). Въѣздъ въ городъ и выѣздъ изъ него—черезъ „великолѣпныя и очень элегантныя желѣзныя ворота“. Вообще—замѣчаетъ Юнгъ—по своимъ архитектурнымъ сооруженіямъ и различнымъ „общественнымъ украшеніямъ“, публичнымъ паркамъ и т. п., „французскіе города стоятъ гораздо выше англійскихъ“ [7]).

---

[1]) Ibidem, p. 135.
[2]) Ibidem, p. 147.
[3]) Ibidem, p. 152.
[4]) Ibidem, p. 158.
[5]) Ibidem, p. 262.
[6]) Ibidem, p. 232—233.
[7]) Ibidem, p. 233. Это послѣднее замѣчаніе продолжаетъ оставаться справедливымъ и по настоящее время.

XVII.

Львиная доля отмѣченнаго хозяйственнаго прогресса Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ выпадаетъ, безспорно, на долю *города* [1]); но и *деревня* не остается въ сторонѣ отъ него. *Нищета и убожество все еще составляютъ основной фонъ картины* [2]), *но, за исключеніемъ голодныхъ годовъ, нужда становится все менѣе и менѣе острой и всеобщей, а зажиточность дѣлается все менѣе и менѣе рѣдкой гостьей въ деревенскихъ захолустьяхъ.*

---

[1]) Что обусловливалось въ значительной мѣрѣ экономической политикой французскаго правительства, проникшейся со времени Кольбера меркантильными тенденціями, направленными къ развитію промышленности и торговли (преимущественно внѣшней). — См. *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France, Paris, 1900; *Des Cilleuls*, Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII—XVIII siècles, Paris, 1898.

[2]) Эта сторона дѣла блестяще, хотя и въ черезчуръ сгущенныхъ тонахъ, изображена Тэномъ въ первомъ томѣ его „Происхожденія современной Франціи" (глава „Народъ"). См. также *Карѣевъ* Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, Москва, 1879, глава IV: „Состояніе крестьянъ передъ революціей"; *Максимъ Ковалевскій*, Происхожденіе современной демократіи, т. I, гл. II: „Сеньеріальное право, экономическое и соціальное положеніе крестьянства въ концѣ прошлаго вѣка".—Свидѣтельства эпохи изобилуютъ изображеніями крестьянской бѣдности и жалобами на нужду (послѣдними особенно богаты крестьянскіе наказы 1789 г). Было бы однако рискованно полагаться на эти жалобы и изображенія, какъ на вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства (какъ это дѣлаютъ большинство историковъ эпохи). Чтобы добраться черезъ нихъ до исторической правды, необходимо, кромѣ другихъ данныхъ, принимать въ соображеніе: 1) привычную и потому до извѣстной степени безсознательную гиперболичность выраженій, свойственную вообще языку людей второй половины восемнадцатаго вѣка; 2) сознательныя и намѣренныя преувеличенія въ жалобахъ крестьянъ на свою бѣдность, въ видахъ уменьшенія податей или по крайней мѣрѣ предотвращенія ихъ увеличенія, и, наконецъ, 3) намѣренное аффишированіе внѣшнихъ знаковъ убожества и сокрытіе зажиточности, опять-таки изъ боязни увеличенія податей, размѣры которыхъ опредѣлялись сплошь да рядомъ по однимъ лишь внѣшнимъ признакамъ зажиточности или бѣдности плательщика. Типичный въ этомъ отношеніи фактъ приводитъ, со словъ Шамфора, Тэнъ (op. cit., t. I, p. 467). Помѣщикъ-филантропъ Шуазель-Гуффье пожелалъ облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ, замѣнивъ на свой счетъ соломенныя крыши ихъ хатъ черепичными. Крестьяне поблагодарили своего сеньера за его доброту, но просили оставить въ покоѣ ихъ соломенныя крыши. „Если—заявили они—

Артуръ Юнгъ неоднократно отмѣчаетъ контрастъ между богатствомъ городовъ во Франціи и убожествомъ деревень. Надо однако замѣтить, что этотъ контрастъ между городомъ и деревней не всюду былъ въ пользу перваго. Такъ, во Фландріи и Эно интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ, отмѣчая „цвѣтущее“ состояніе большей части деревень, прибавляетъ: „нельзя сказать того же о городахъ“ 1).

—

субделегаты увидятъ, что наши хаты покрыты черепицей вмѣсто соломы, то они не преминутъ надбавить наши податные оклады“. Въ интересахъ крестьянина было казаться насколько возможно бѣднѣе. Извѣстенъ также случай съ Жанъ-Жакомъ Руссо, который зашелъ разъ къ мужику попросить, чтобы его накормили; мужикъ сначала сказалъ, что онъ и самъ сидитъ безъ хлѣба, но потомъ, убѣдившись изъ разговора, что посѣтитель не имѣетъ никакого отношенія къ фиску, угостилъ его сытнымъ обѣдомъ (*Rousseau*, Confessions, 1-ère partie, liv. IV, цит. по *Babeau*, le Village, p. 365). Маркизъ Мирабо говоритъ о крестьянахъ окрестностей Орильяка (Овернь), какъ пользующихся зажиточностью, но изображающихъ изъ себя „des riches honteux qui font les pauvres crainte de surcharge“ (*Taine*, op. cit., t. I, p. 464). Жалуясь на тяжесть налоговъ въ Эльзасѣ, мѣстный верховный совѣтъ рисуетъ въ своихъ представленіяхъ (въ 1763 г). въ самыхъ мрачныхъ тонахъ „истощеніе провинціи“, „оскудѣніе области“, „упадокъ земледѣлія и промышленности“, „уменьшеніе народонаселенія“. Въ дѣйствительности же, какъ показываетъ статистика, земледѣліе и промышленность въ Эльзасѣ не только не падали въ эту пору, но значительно развивались, а что касается народонаселенія, то за послѣднія полстолѣтія передъ тѣмъ оно удвоилось (*Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 43). Если бы вѣрить жалобамъ на бѣдность той или другой области (напр., въ наказахъ 1789 г.), то пришлось бы чуть ли не каждую изъ областей признать „самой бѣдной“ и „наиболѣе обремененной налогами“ во всемъ королевствѣ. Такъ, провинціальные штаты области Фуа говорятъ въ 1788 г. о послѣдней, какъ о „pays le plus pauvre du royaume“ (*Archives départementales de l'Ariège*, Procès-verbaux des Etats de Foix, 24 janvier 1788), а наказъ деревни Idaüx считаетъ свою область (Soule) „la province la plus pauvre du royaume (*Larrieu*, Cahiers du pays de Soule, p. 163). „Aucune province ne paie autant d'impôts que la Lorraine“ — заявляетъ мѣстный парламентъ (*Krug-Basse*, Histoire du parlement de Lorraine, p. 331). „L'Auvergne est la province du royaume la plus chargée“—утверждаетъ овернское провинціальное собраніе (*Mège*, Chroniques et récits de la Révolution dans la Basse-Auvergne, Paris, 1867, p. 15). „En proportion de la population, le Roussillon paie plus que toute autre province du royaume“—говоритъ дворянскій наказъ области Руссильона (*Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Rossillon, p. 276).

1) Экономическій упадокъ городовъ этой части Франціи интендантъ приписываетъ пережитымъ ими въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій во-

Во всякомъ случаѣ, какъ бы много ни оставляло еще желать хозяйственное положеніе французской деревни во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, все же оно было лучше, чѣмъ ранѣе, и хотя медленно, но продолжало улучшаться. [1]).

Бывшій интендантъ Оже-де-Монтіонъ, имѣвшій возможность близко изучить положеніе народныхъ массъ въ различныхъ частяхъ Франціи, признавая, что „положеніе народа во Франціи не настолько счастливо, насколько бы могло быть“, тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ несомнѣнный, по его мнѣнію, прогрессъ народнаго благосостоянія сравнительно съ прошлымъ — въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ [2]).

„Не знаю—говоритъ Вольтеръ,—какъ это могло случиться, что въ нашей деревнѣ, съ ея неблагодарной землей, съ ея тяжелыми налогами, съ невыносимыми стѣсненіями для вывоза производимаго ею хлѣба, почти не найдется мужика, который бы не имѣлъ порядочной суконной одежи, и не былъ бы хорошо обутъ и накормленъ“ [3]). Вольтеръ прибавляетъ: „Нигдѣ въ мірѣ крестьянинъ не пользуется такимъ благосостояніемъ, какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, и одна лишь Англія можетъ у ней оспаривать это преимущество“ [4]).

Посѣтившій нѣсколько разъ Францію англичанинъ Горасъ Вальполь отмѣчаетъ въ шестидесятыхъ годахъ „замѣчательный подъемъ“ народнаго благосостоянія во Франціи за послѣдніе годы. „Даже ничтожныя деревушки носятъ на себѣ отпечатокъ зажиточности“ [5]).

Въ Нормандіи при Людовикѣ XVI, по словамъ современника,

енвымъ невзгодамъ, которыя заканчивались для нихъ каждый разъ увеличеніемъ податей и налоговъ. Въ особенности тяжело отзывались дошедшія до чрезмѣрно высокой нормы городскія заставныя пошлины, которыя „стѣсняли зажиточные классы и совершенно угнетали классы неимущіе“.— *Legrand*, Senac de Meilhan et l'intendance du Hainaut, Valenciennes, 1868, p. 131.

[1]) И Тэнъ, склонный сгущать краски, замѣчаетъ однако, что „sans doute, sous Louis XVI ... la misère est moindre“ (op. cit., t. I, p. 437).

[2]) *Moheau*, Recherches et Considérations sur la population de la France, Paris, 1778, p. 264—266.—Въ своемъ мѣстѣ было объяснено, почему, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать Монтіона авторомъ этого сочиненія.

[3]) *Babeau*, la Vie rurale dans l'ancienne France, Paris, 1885, p. 60.

[4]) Ibidem, p. 135.

[5]) *Horace Walpole*, Lettres, trad. du comte de Baillon, 2-e éd., p. 17.— Сравн. *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 13.

двѣ трети крестьянъ живутъ зажиточно и „любятъ щеголять нарядами и хорошей ѣдой“ [1]).

По воспоминаніямъ одного стараго сельскаго священника области Анжу, „ѣда крестьянъ, даже и наименѣе зажиточныхъ, была сытная и обильная. Хорошій хлѣбъ на одну треть изо ржи и на двѣ трети изъ пшеницы, сидръ, болѣе или менѣе разбавленный водой; супъ за обѣдомъ и ужиномъ и другое блюдо изъ мяса, яицъ или овощей. Завтракъ всегда изъ двухъ блюдъ — масла и сыра, иногда вдобавокъ третье, въ видѣ фруктовъ—свѣжихъ, вареныхъ или сушеныхъ“ [2]).

„Никогда—пишетъ въ началѣ 1789 г. аббевилльскій субделегатъ — подданные не были въ такихъ хорошихъ жилищахъ, такъ хорошо накормлены, такъ хорошо одѣты“ [3]).

Старый сельскій священникъ области Мэнъ пишетъ въ 1788 г.: „нынѣшнія служанки одѣваются наряднѣе, чѣмъ барышни двадцать лѣтъ тому назадъ“ [4]).

Безансонскій фабричный инспекторъ отмѣчаетъ въ своемъ отчетѣ въ 1780 г. зажиточность крестьянъ области Франшъ-Контэ, которые, по его словамъ, „вообще хорошо одѣваются и имѣютъ порядочную домашнюю обстановку. Не рѣдкость встрѣтить крестьянокъ въ шелковыхъ юбкахъ или по крайней мѣрѣ передникахъ“ [5]).

Было бы конечно ошибочно обобщать безъ всякихъ оговорокъ приведенныя нами свидѣтельства современниковъ: это не болѣе, какъ конкретныя иллюстраціи общаго факта, наличность котораго, удостовѣряемая, какъ мы видѣли, и другими, болѣе объективными данными, разумѣется, не исключала въ дѣйствительности отдѣльныхъ конкретныхъ явленій совершенно противоположнаго характера. Какъ бы то ни было, общій фактъ не подлежащій сомнѣнію, это—несомнѣнный подъемъ благосостоянія французской деревни во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка [6]).

1) *Baudrillart*, la Normandie. passé et présent, 1880, p. 92 (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, p. 115).

2) *Besnard*, Souvenirs d'un nonagénaire, 1880, t. I, p. 301 (ibidem).

3) *Ону*, Наказы третьяго сословія, стр. 83.

4) *Meignan*, Notes du curé de Brûlon (*Revue des questions historiques*, janvier 1879, p. 147 (цит. по *Babeau*, la Vie rurale, p. 80).

5) *Archives nationales*, F 12, 650 (цит. по *Des Cilleuls*, Histoire et Régime de la grande industrie en France aux XVII—XVIII siècles, Paris, 1898, p. 402).

6) Новѣйшія изслѣдованія все болѣе выясняютъ этотъ фактъ, оставляю-

О хозяйственномъ прогрессѣ крестьянства говоритъ намъ и фактъ, отмѣченный еще Токвилемъ на основаніи различныхъ современныхъ эпохѣ свидѣтельствъ [1]), а въ послѣднее время вполнѣ установленный на основаніи документальныхъ данныхъ [2]), —фактъ прогрессивнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Прибавимъ, наконецъ, что наличность сельскохозяйственнаго прогресса во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ—о чемъ была рѣчь выше— является уже сама по себѣ вѣскимъ свидѣтельствомъ въ пользу факта подъема матеріальнаго благосостоянія деревни во занимающую насъ эпоху [3]).

щій впрочемъ все еще широкое поле для дальнѣйшихъ изслѣдованій. См. особенно: *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 853; *Caffiaux*, Essai sur le régime économique du Hainaut, etc., Valenciennes, 1873, p. 356; *Marion*, Etat des classes rurales, etc. (*Revue des Etudes historiques*, 1902); *Babeau*, le Village sous l'Ancien régime, p. 359 et suiv.; *Babeau*, la Vie rurale, p. 123 et suiv; *Gourbeyre*, la Petite prorpiété rurale dans le Puy-de-Dôme, Paris, 1900, p. 35; *Suchet*, Paysans franc-comtois (*Mémoires de l'Académie de Besançon*, 1887); *Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Roussillon, Perpignan, 1889; *Bernier*, Essai sur le Tiers Etat rurale de la Basse Normandie au XVIII-e siècle, Paris et Lyon, 1892; *A. de Calonne*, la Vie agricole dans le Nord de la France, p. 13—15, 76, 200, 227, 292. Сравн.: *Tocqueville*, l'Ancien régime, p. 33—43; *Taine*, op. cit., t. I, p. 437.

1) *Tocqueville*, op. cit., p. 35—37.—Сравн. *Taine*, op. cit., t. I, p 454.

2) См. главнымъ образомъ, *И. Лучицкій*, Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи (преимущественно въ Лимузенѣ), Кіевъ, 1900 (особенно стр. 190—204). Сравн. *Максимъ Ковалевскій*, Происхожденіе современной демократіи, т. I, стр. 106 и далѣе (второе изд.).

3) Крестьянство въ данномъ случаѣ раздѣляетъ до извѣстной степени судьбу всего рабочаго класса. Артуръ Юнгъ, который находитъ „все еще жалкимъ" матеріальное положеніе рабочаго класса во Франціи, констатируетъ тѣмъ не менѣе извѣстный прогрессъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ прошлымъ.—*Young*, Voyages en France, t. II, p. 272.—По словамъ современнаго стастистика восьмидесятыхъ годовъ, фабричные рабочіе въ его время легко впадаютъ въ нищету въ случаѣ болѣзни или потери работы, такъ какъ обыкновенно не думаютъ о черномъ днѣ „въ хорошее время", когда есть заработокъ: тогда—говоритъ цитируемый авторъ—„они ѣдятъ и одѣваются, какъ буржуа" (*Messance*, Nouvelles recherches sur la population de la France, Lyon, 1788, p. 58, цит. по *Levasseur*, Histoire des classes ouvrières, t. II, p. 853).—Сравн. *Babeau*, la Province, t. II, p. 224).—Тулузскій фабричный инспекторъ въ своемъ отчетѣ въ 1780 г., констатируетъ распространенность въ краѣ дешевыхъ шелковыхъ матерій, благодаря

XVIII.

Вмѣстѣ и параллельно съ хозяйственнымъ прогрессомъ провинціи замѣчается и прогрессъ въ умственной жизни провинціальнаго общества. Прогрессъ этотъ сказывается главнымъ образомъ въ развитіи провинціальной прессы, провинціальныхъ „академій" и разнаго рода ассоціацій.

По образцу различныхъ парижскихъ *Gazettes*, *Affiches*, *Journaux*, возникаетъ цѣлый рядъ подобныхъ же періодическихъ изданій во многихъ провинціальныхъ городахъ: въ Эксѣ, Дижонѣ, Анжерѣ, Ліонѣ, Реймсѣ, Труа, Греноблѣ, Нимѣ, Сансѣ, Нанси, Монпеллье, Марсели, Канѣ, Лиможѣ, Пуатье, Нантѣ, Бордо, Орлеанѣ, Ла-Рошелли, Руанѣ, Ренни, Ле-Манѣ, Турѣ и др. [1]). Правда, большинство этихъ періодическихъ изданій были довольно тощи и безсодержательны; но выводить отсюда заключеніе о ничтожествѣ провинціальной прессы было бы ошибочно, потому что центръ тяжести тогдашней прессы лежалъ, какъ мы видѣли [2]), не въ журналистикѣ (какъ въ наше время), а въ мелкихъ, появлявшихся внѣ регулярной очереди, брошюрахъ, летучихъ листкахъ и т. п.

Сильный толчекъ развитію этого рода прессы въ провинціи дало вызванное „революціей Мопу" возбужденіе умовъ въ 1771—1772 гг. [3]); каждый изъ парламентскихъ городовъ сдѣлался тогда

тому, что ихъ начинаютъ носить даже мастеровые и ихъ жены Они уже не довольствуются шерстяными матеріями: „потребителями этого сорта матерій остаются лишь служанки да не особенно зажиточные изъ сельчанъ".— *Archives départementales de l'Hérault*, C 2569 (цит. по *Des Cilleuls*, op. cit., p. 402).

[1]) *Hatin*, Bibliographie historique et critique de la presse périodique française, etc., Paris, 1866; *Hatin*, Histoire de la presse en France, Paris, 1859, 8 vol; *Babeau*, la Ville, t. II, p. 343; *Guibal*, Mirabeau et la Provence, t. 1, p. 163; *Bujeaud*, la Charente révolutionnaire, Angoulême, 1866, t. I, p. 137; *Mémoires secrets*, t. XV, p. 273—275 (7 août 1780); t. XVII (19 avril 1781); *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 347—348; *Uzureau*, Andegaviana, Angers et Paris, 1904, 1-ère série, p. 39—42. — Въ парижской Національной библіотекѣ имѣется довольно обширная, хотя и далеко не полная, коллекція провинціальныхъ періодическихъ изданій этой эпохи (отдѣлы Lc 9 и Lc 11).

[2]) См. выше, стр. 192.

[3]) Но уже задолго до этого замѣчается развитіе прессы въ провинціи,

настоящимъ очагомъ памфлетной, частью пасквильной литературы, авторство которой принадлежало главнымъ образомъ пострадавшимъ отъ этой „революціи“ представителямъ парламентской магистратуры, которые, очутившись вдругъ безъ дѣла, располагали вдоволь досугомъ, для того чтобы изливать въ язвительныхъ памфлетахъ и сатирахъ накипѣвшую злобу противъ „ужаснаго“ канцлера [1]). Съ возстановленіемъ парламентовъ въ 1775 г. это оживленіе въ провинціальной прессѣ нѣсколько поулеглось, но оно не прекращалось уже съ этой поры вплоть до новаго—мало сказать подъема, а взрыва въ провинціальной прессѣ, вызваннаго сначала майскимъ эдиктомъ 1788 г., а затѣмъ іюльскимъ постановленіемъ королевскаго совѣта въ томъ же году (о созывѣ генеральныхъ штатовъ) [2]).

По части прессы провинція стояла даже какъ бы въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ Парижемъ, такъ какъ болѣе или менѣе бдительная и подъ часъ строгая въ Парижѣ, въ провинціи цензура отличалась зачастую гораздо большею покладистостью и благодушіемъ. Извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые томы *Энциклопедіи* печатались изъ-за этого въ провинціи, откуда уже и распространялись контрабандой въ Парижѣ [3]). Театральная цензура точно также была подъ часъ гораздо либеральнѣе въ провинціи, чѣмъ въ Парижѣ, и въ

на что указываетъ, напримѣръ, фактъ прогрессивнаго увеличенія числа типографій. Установленное королевскимъ ордоннансомъ 1739 г. число типографій въ лиможскомъ генеральствѣ—пять—оказалось вскорѣ недостаточнымъ, и, уступая настойчивымъ ходатайствамъ, правительство нашло необходимымъ увеличить въ 1759 г. это число до *семи*, но вскорѣ и это число оказалось уже недостаточнымъ.—*Leroux*. la Généralité de Limoges, p. 116.— Въ 1759 г. верховный совѣтъ въ Кольмарѣ находитъ нужнымъ издать особое постановленіе въ видахъ „пресѣченія господствующей въ мѣстной печати распущенности, дошедшей до того, что каждый считаетъ себя въ правѣ сочинять, печатать и распространять сочиненія, всего менѣе достойныя того, чтобы стать извѣстными“.—*Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 320.

[1]) *Mémoires secrets*, t. VII, p. 275 (5 février 1775): „Il paraît une nouvelle brochure arrivée de Normandie: *Oraison funebre de très-hauts et très-puissants seigneurs en leur vivant, les gens tenant les conseils supérieurs de France*, etc.— Другія относящіяся сюда подробности см. въ *Journal historique de la Révolution opérée par Maupeou* (цит. выше), стр. 193, примѣч. 1.

[2]) Богатая коллекція относящейся сюда провинціальной литературы имѣется въ парижской Національной библіотекѣ, въ отдѣлѣ Lb 39.

[3]) *Bersot*, Etudes sur le XVIII-e siècle, Paris. 1833, p. 102

провинціальныхъ городахъ ставились иногда на сценѣ такія пьесы, о постановкѣ которыхъ въ Парижѣ нельзя было и думать. Такъ, въ началѣ 1775 г. въ Ренни была поставлена пьеса подъ заглавіемъ *Королевская коронація*, представлявшая собою болѣе, чѣмъ прозрачную сатиру на царствованіе Людовика XV [1]). Нѣкоторыя пьесы появлялись на парижскихъ сценахъ лишь заручившись предварительно успѣхомъ въ провинціи [2]).

Вообще, провинція времени Людовика XVI далеко ушла отъ своей былой умственной косности, а къ концу стараго порядка она настолько выросла культурно и созрѣла умственно, что, читая провинціальные наказы 1789 г., парижане только руками разводили: „откуда-де взялись въ нашихъ захолустьяхъ люди, способные высказывать идеи столь зрѣлыя и энергичныя“ [3]).

Вмѣстѣ съ развитіемъ прессы—въ провинціи появляются, по образцу парижскихъ, публичные „кабинеты для чтенія“ [4]).

XIX.

Другимъ показателемъ несомнѣннаго подъема умственной жизни во французской провинціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка служитъ небывалое дотолѣ размноженіе различныхъ научно и художественно-литературныхъ обществъ, большая часть которыхъ продолжаютъ существовать, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ,

[1]) *Mémoires secrets*, t. VII (8 février 1775): „On écrit de Rennes qu'on y avait joué une seule fois une drame intitulée *le Couronnement d'un roi*, drame dans lequel on avait cru trouver des allusions injurieuses à la mémoire de Louis XV“.—Ibidem (12 février 1775): „C'est une allégorie des plus fines. Tous les vices qui entourent le trône y sont personifiés... On y reconnaît en bien et en mal différents ministres passés et présents, qui rendent la scène plus intéressante“.—*Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. I, p. 233.—*Hippeau*, op. cit., 2-e partie, t. I, p. 99.

[2]) *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, Москва, 1895, стр. 180.

[3]) *Archives départementales des Côtes-du-Nord*, C 165. Bulletin des députés du Tiers état de la province de Bretagne, du 19 décembre 1788: „Nous avons appris qu'il y avait dans les bureaux près de 1500 requêtes de la Bretagne. Celle de la paroisse de Château-Giron s'enlève chez les libraires avec une promptitude incroyable. Les Parisiens sont étonnés que nos bourgades renferment des hommes capables de pensées fortes et énergiques“.

[4]) *Babeau*, la Ville, t. II, p. 344.

вплоть до нашихъ дней. Такова, чтобы начать въ хронологическомъ порядкѣ, существующая и понынѣ (съ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ) *Société royale des sciences et belles-lettres*, основанная около 1750 г. въ Нанси [1]). Въ 1752 г. получила свою окончательную организацію просуществовавшая до революціи и потомъ возстановленная въ 1806 г. *Académie des sciences, belles-lettres et arts* въ Безансонѣ [2]). Въ слѣдующемъ году организовалось *Литературное общество* въ Шалонѣ, преобразованное въ 1775 г. въ утвержденную королевскою грамотой *Académie des sciences, arts et belles-lettres de Châlons* [3]). Въ 1754 г. стало публиковать свои „мемуары" *Литературное общество* въ Канѣ, продолжающее существовать понынѣ подъ именемъ *Канской академіи* [4]). Въ 1755 г. основались *Академическое общество* въ Шербургѣ [5]) и *Литературное общество* въ Бургѣ, по почину знаменитаго астронома Лаланда [6]), преобразованное въ 1788 г. въ *Société d'émulation* [7]). Въ слѣдующемъ году получила окончательную организацію основанная нѣсколькими годами ранѣе *Académie de Rouen*, продолжающая существовать до настоящаго времени [8]). Въ 1757 г. получила свое начало *Société royale des sciences* въ Мецѣ, существующая понынѣ въ видѣ *Académie de Metz* [9]). Существующая по настоящее время *Académie des sciences, belles-lettres et arts* въ Ліонѣ получила свою организацію въ 1758 г. [10]). Подобнымъ же образомъ были реорганизованы *Академіи* въ Анжерѣ въ 1760 г. [11]) и въ Марсели въ 1766 г. [12]). Съ 1769 г. стала публико-

---

[1]) *Lasteyrie*, Bibliographie générale des travaux historiques et archéologiques publiés par les Sociétés savantes de la France, dressée sous les auspices du ministère de l'instruction publique, Paris, 1888, t. II, p. 264.

[2]) Ibidem, t. I, p. 446.

[3]) Ibidem, t. II, p. 229.

[4]) Ibidem, t. I, p. 136.

[5]) Ibidem, t. II, p. 218.

[6]) *Jarrin*, la Société d'émulation de l'Ain (*Annales de la Société... de l'Ain*, 1875).

[7]) *Lasteyrie*, Bioliographie générale des travaux historques, etc.. t. II, p. 330.

[8]) Ibidem, t. IV, p. 415.

[9]) Ibidem, t. II, p. 586.

[10]) Ibidem, t. II, p. 186.

[11]) Ibidem, t. I, p. 117.

[12]) Ibidem, t. I, p. 390.

вать свои труды *Дижонская академія* [1]). Въ 1772 г. было основано въ Греноблѣ литературное общество подъ именемъ *Académie délphinale*, продолжающее существовать и по нынѣ подъ тѣмъ же наименованіемъ [2]). Королевскою грамотой 1773 г. *Литературное общество* въ Аррасѣ было преобразовано въ *Королевскую академію изящной словесности* [3]). Въ 1777 г. основана *Академія* въ Эксѣ (Провансъ). Въ 1778 г. возникло въ Аррасѣ своеобразное общество *Rosati*, основанное „молодежью, объединенной взаимною дружбой, любовью къ поэзіи, къ розамъ и вину“ [4]), общество, интересное между прочимъ потому, что въ числѣ своихъ членовъ оно насчитывало будущихъ знаменитостей революціонной эпохи, Робеспьера и Карно. Въ томъ же году были основаны *Литературное общество* въ Ліонѣ [5]) и *Литературно-патріотическое общество* въ Ле-Манѣ. Основанное кружкомъ образованныхъ горожанъ, сходившихся вмѣстѣ для чтенія журналовъ, брошюръ и новыхъ книгъ, послѣднее изъ двухъ названныхъ обществъ успѣло заручиться благосклоннымъ покровительствомъ старшаго брата короля и чрезъ него получить официальное признаніе своего существованія подъ названіемъ *Академическаго общества* [6]). Въ 1779 г. получила официальное признаніе и организацію *Académie de peinture, sculpture et architecture civile et navale* въ Бордо [7]). Въ слѣдующемъ году получила официальную организацію *Société des sciences, belles-lettres et arts* въ Клермонъ-Ферранѣ, существующая понынѣ подъ названіемъ *Академіи* [8]). Въ томъ же году преобразована *Академія* въ Перигё [9]). Въ 1783 г. возникло въ Бордо, на ряду съ *Академіей*, другое артистическое общество, подъ именемъ *Музея* [10]). Въ слѣдующемъ году возникло *Литературно-патріотическое*

[1]) Ibidem, t. II, p. 51.

[2]) Ibidem, t. II, p. 446.

[3]) Ibidem, t. I, p. 111.

[4]) *Babeau*, la Ville, t. II, p. 322.

[5]) *Lasteyrie*, Bioliographie générale, etc., t. II, p. 630.

[6]) *Triger*, l'Année 1789 au Mans, p. 87. По мнѣнію автора, „à la veille de la Révolution, la vie littéraire présente au Mans une plus grande vigueur qu' ajourd'hui“. Мѣстному изслѣдователю конечно объ этомъ лучше знать, но всетаки позволимъ себѣ оставить этотъ пунктъ подъ знакомъ вопроса.

[7]) *Ribadieu*, Histoire de Bordeaux pendant le règne de Louis XVI, Bordeaux, 1853, p. 29.

[8]) *Lasteyrie*, Bibliographie générale, etc., t. II, p. 514.

[9]) Ibidem. t. I, p. 428.

[10]) *Ribadieu*, op. cit., p. 30—31; *Lasteyrie*, Bibliographie générale, etc., t. I, p. 619, 633.

общество въ Валансѣ, офиціально признанное королевскою грамотою въ концѣ 1786 г. [1]). Въ Эльзасѣ находимъ въ послѣдніе годы стараго порядка—два литературно-художественныхъ общества въ Страсбургѣ, подъ названіемъ *Гармоніи* и *Друзей искусства*, и одно въ Кольмарѣ, подъ названіемъ *Tapagie littéraire* [2]).

Къ перечисленнымъ собственно „академическимъ" ассоціаціямъ слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ возникшихъ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка *сельско-хозяйственныхъ обществъ (sociétés d'agriculture)*; нѣкоторыя изъ нихъ назывались также *сельско-хозяйственными и научными*. Стóитъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ не Парижу, а провинціи. Именно, первыя сельско-хозяйственныя общества возникли въ Реннѣ [3]), Лиможѣ [4]) и Турѣ [5]); затѣмъ, начиная съ 1761 г., быстро возникаютъ одно за другимъ подобныя же ассоціаціи: въ Парижѣ [6]), Ліонѣ, Орлеанѣ, Клермонъ-Ферранѣ, Руанѣ, Суассонѣ [7]), Ошѣ [8]), Канѣ [9]), Буржѣ [10]), Ларошелли, Алансонѣ [11]), Валансьеннѣ [12]), Эксѣ [13]),

---

1) *Almanach du Dauphiné:* „L'objet principal de cette compagnie est de contribuer, par ses travaux, aux progrès des sciences, arts et belles-lettres, pour en faire l'application à tout ce qui peut être utile au Dauphiné et surtout au Valentinois".

2) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 310.

3) Основано было въ 1757 г. по почину одного изъ „экономистовъ", Gournai.—*Mauguin*, Etudes historiques sur l'administration de l'agriculture en France, Paris, 1876, t. I, p. 279.

4) *Taillebois*, la Société d'agriculture du Limousin (*Bulletin de la Société.. de la Corrèze*, t. I (1879).—*D'Hugues*, Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges, Paris, 1859. p. 145

5) *Dumas*, la Généralité de Tours au XVIII-e siècle, p. 282—283.

6) *Archives nationales*, H 1444 (arrêt du conseil du 1 mars 1761).—*Lavergne*, la Société d'agriculture de Paris (*Revue des deux Mondes*, juin 1859).

7) *Inventaire des archives de la Haute-Vienne*, série C, Introd., p. 103.

8) *Archives nationales*, H 76.—*Brégal*, Une Société d'agriculture en Gascogne au XVIII-e siècle, Auch, 1898, p. 16.

9) *Lasteyrie*, Bibliographie générale des travaux historiques, etc., t. I, p. 195.

10) Ibidem t. I, p. 368.

11) *Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne*, série C, introduction, p. 103.—Общества въ Ошѣ, Буржѣ, Ларошелли и Алансонѣ возникли въ 1762 г.

12) Возникло въ 1763 г.—Ibidem.

13) *Coriolis*, Traité sur l'administration de Provence, Aix, 1786, t. I, p. 382. Основано въ 1765 г.

Перпиньянѣ [1]), Монтобанѣ [2]), Ажанѣ [3]), и др., всего до тридцати такихъ обществъ возникло послѣдовательно съ 1757 до 1789 г. [4]).

Конечно далеко не всѣ провинціальныя „академіи", какъ и не всѣ сельско-хозяйственныя общества стояли на высотѣ своего призванія, но во всякомъ случаѣ всѣ эти ассоціаціи, служа центромъ единенія и очагами общенія между представителями провинціальной интеллигенціи, вносили каждое свою долю оживленія въ культурную и общественную жизнь провинціи и приносили вмѣстѣ съ тѣмъ свой вкладъ въ культурную жизнь всей страны. Почину различныхъ провинціальныхъ „академій" французская литература и наука обязала не однимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Стоитъ лишь припомнить, что литературный дебютъ такой крупной величины не только во французской, но и во всемірной литературѣ, какъ Руссо, былъ связанъ съ одной изъ провинціальныхъ академій (дижонской), а съ другой провинціальной академіей (бордоской) было связано имя Монтескье. Что касается сельско-хозяйственныхъ обществъ, о которыхъ намъ придется говорить болѣе подробно въ другой связи,—то, каковы бы ни были недочеты и даже странности въ ихъ дѣятельности, уже теперь, при тѣхъ покамѣстъ далеко неполныхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагаемъ о дѣятельности этихъ обществъ, совершенно невозможно отрицать за ней серьезнаго значенія въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ Франціи, а также—что насъ интересуетъ спеціальнымъ образомъ—въ исторіи того культурнаго подъема и общественнаго оживленія французской провинціи, которымъ отмѣчена вторая половина восемнадцатаго вѣка.

XX.

Объ оживленіи „общественнаго духа" во французской провинціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка говоритъ также фактъ появленія въ различныхъ провинціальныхъ центрахъ такого рода кружковъ, какъ *кружекъ филадельфовъ (cercle des philadelphes)* въ

[1]) *Lasteyrie*, Bibliographie générale, etc., t. II, p. 546. Основано въ 1779 г.

[2]) Основано въ 1782 г. по почину мѣстнаго провинціальнаго собранія.— *Lavergne*, Assemblées provinciales, p. 90.

[3]) Société d'agriculture, sciences et arts.—*Lasteyrie*, Bibliographie générale. etc. t. II, p. 162. Основано въ 1784 г.

[4]) *Babeau*, la Ville, t. II, p. 239.

Аррасѣ [1]), или *бретонское патріотическое общество (société patriotique bretonne)* въ Реннѣ [2]); далѣе—возникновеніе въ провинціи масонскихъ ложъ [3]); наконецъ—появленіе—изрядно, правда, запоздалое—салонной жизни въ провинціи.

Мѣстный предсѣдатель парламента или другого мѣстнаго трибунала, мѣстный главнокомандующій, интендантъ,—все это были, помимо своего офиціальнаго высокаго положенія, представители парижскаго „просвѣщеннаго общества", къ которому они въ большинствѣ случаевъ принадлежали по своимъ житейскимъ и идейнымъ связямъ, а иногда и по своему рожденію. Въ провинціи они являются, такъ сказать, делегатами этого общества и въ качествѣ таковыхъ—насадителями салонной культуры въ провинціальныхъ центрахъ. Ячейками салонной жизни въ провинціи являются обыкновенно салоны de m-me la présidente, m-me la commandante, или m-me l' intendante; они играютъ роль центровъ свѣтскаго общенія между представителями мѣстнаго избраннаго общества, состоящаго изъ президентовъ и совѣтниковъ мѣстнаго парламента или другого трибунала, членовъ мѣстнаго городского управленія, представителей мѣстной финансовой знати, офицеровъ мѣстнаго гарнизона, мѣстныхъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ.

Таковъ, напримѣръ, въ Безансонѣ кружокъ, центромъ котораго является въ пятидесятыхъ годахъ салонъ герцогини де-Талльяръ, жены мѣстнаго главнокомандующаго, который и самъ принадлежалъ къ числу „просвѣщенныхъ людей": его почину между прочимъ была въ значительной мѣрѣ обязана своимъ существованіемъ безансонская академія наукъ, изящной словесности и художествъ [4]). Преемницей герцогини въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ въ роли патронессы мѣстнаго *bureau d' esprit* является г-жа де-ла-Корэ, жена интенданта, назначеннаго въ Безансонъ въ 1761 г. „Женщина просвѣщенная", она имѣла, кромѣ того, и репутацію *femme d'esprit* и даже сочиняла стихи. „Г-жа интендантша" имѣла конкурентку въ лицѣ „г-жи президентши" (жены перваго президента безансонскаго парламента), которая также слыла „остроумною женщиной",

[1]) *Quérard,* la France littéraire. t. V. p. 135.
[2]) *Mémoires secrets,* t. XXXI (7 février 1786).
[3]) Напримѣръ, въ Безансонѣ.—*Lurion,* M. de la Coré, Besançon, 1898.
[4]) *Lasteyrie,* Bibliographie générale, t. I, p. 446.

и какъ поэтесса, снискала себѣ отъ мѣстныхъ любителей дамской поэзіи лестное прозвище *Deshoulières franc-comtoise*,—имя, о носительницѣ котораго Вольтеръ сказалъ, что „изъ всѣхъ французскихъ дамъ, занимавшихся поэзіей, она имѣла наибольшій успѣхъ“ [1]).

Всякій заѣзжій „человѣкъ изъ общества“ былъ желаннымъ гостемъ, лучше сказать—„своимъ человѣкомъ“ въ этихъ провинціальныхъ салонахъ. „Я встрѣтилъ самый лестный пріемъ у г. и г-жи де-Б“.—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкто Жюлліанъ. Г. и г-жа де-Б., это—послѣдній лангдокскій интендантъ де-Баллэнвиллье и его жена. „Г-жа де-Б. была полна вниманія, предупредительности, доброты къ своимъ гостямъ. Не то чтобы красива, но элегантна, въ высшей степени остроумна, привѣтлива, любезна... Салонные кружки губернаторскаго дома (гдѣ помѣщалась квартира главнокомандующаго) и интендантства представляли собою блестящія собранія. Этикетъ отнюдь не исключалъ здѣсь свободы.... Эти два дома были открыты по два раза въ недѣлю“ [2]).

Что касается масонства, то оно получаетъ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка быстрое и широкое распространеніе во Франціи; около трехсотъ городовъ имѣли у себя масонскія ложи; крупные города имѣли ихъ по нѣскольку [3]). По своему составу масонскія ложи имѣли аристократическо-буржуазный характеръ: дворянство, магистратура, буржуазія, даже духовенство насчитываютъ въ ихъ средѣ своихъ представителей, предсѣдателями же ложъ являются обыкновенно принцы королевскаго дома [4]).

XXI.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ культурнаго роста провинціи является развитіе провинціальнаго общественнаго мнѣнія. Нося на себѣ извѣстный отпечатокъ вліянія общественнаго мнѣнія

[1]) *Estignard*, le Parlement de Franche-Comté, de son installation à Besançon à sa suppression, Besançon. 1892, t. II. p. 15—16.—*Lalanne*, Dictionnaire historique, p. 1002—1003 (Houlières).

[1]) *M. de J... (Jullian)*, Souvenirs de ma vie, Paris, 1815, p. 89.

[1]) Напримѣръ, въ Лиллѣ съ 1766 до 1788 г. возникаютъ послѣдовательно четыре ложи.—*Van Hende*, Etat de la ville et de la châtellenie de Lille en 1789, Lille, 1890, p. 73.

[2]) *Babeau*, la Ville, t. I, p. 53.—Срав. *Barbier*, Chronique de la régence, etc., Paris, 1857, t. III, p. 80—81.

столицы, оно является однако въ значительной мѣрѣ продуктомъ мѣстнаго развитія, произведеніемъ мѣстныхъ культурныхъ и общественныхъ силъ. Когда интендантъ говоритъ объ общественномъ мнѣніи, какъ о силѣ, съ которой слѣдуетъ считаться, то онъ разумѣетъ при этомъ прежде всего „мнѣніе провинціи", мнѣніе мѣстныхъ „обывателей".

Если то „общественное мнѣніе", о которомъ говоритъ Неккеръ, то-есть мнѣніе „просвѣщеннаго" парижскаго общества, служило серьезнымъ коррективомъ противъ „злоупотребленій" абсолютной власти, являясь, такъ сказать, суррогатомъ исчезнувшаго народнаго представительства [1]*, то аналогичная и пропорціонально не менѣе важная поправка была внесена въ занимающую насъ эпоху въ дѣятельность интенданта провинціальнымъ общественнымъ мнѣніемъ.*

Эпоха эта уже далека отъ того времени, когда интендантъ являлся въ область властнымъ и грознымъ носителямъ частицы верховной власти, равнодушнымъ ко всему, кромѣ „службы государевой" и ея „интересовъ". Теперь, на ряду съ интересами „службы государевой", интенданта озабочиваютъ также и интересы ввѣренной его управленію провинціи и ея „обывателей"; кромѣ изволенія государя, его интересуютъ также „мнѣнія" и „желанія" управляемыхъ. Когда-то королевская власть постепенно завоевывала провинцію посредствомъ интенданта; теперь провинція, въ свою очередь, начинаетъ завоевывать интенданта, —завоевывать при помощи той силы, которой ей ранѣе не доставало,— силы общественнаго мнѣнія, взросшей на почвѣ культурнаго и общественнаго развитія провинціи.

Отсюда въ характерѣ провинціальнаго интенданта, въ былое время совершенно цѣльномъ и опредѣленномъ, возникаетъ, становящаяся особенно явственною во вторую половину восемнадцатаго вѣка, та двойственность, которая была нами отмѣчена вскользь въ другой идейной связи [2]. Двойственность эта заключается въ томъ, что основной характеръ интенданта, какъ „человѣка короля", какъ представителя центральной власти въ провинціи, осложняется нѣкоторымъ привнесеннымъ исторической эволюціей вторичнымъ характеромъ,—характеромъ интенданта, какъ *представителя провинціи* и ея интересовъ передъ той властью, органомъ которой онъ былъ

---

[1] *Necker*, op. cit., introduction, p. LXXI.

[2] См. выше, т. I, стр. 267.

предназначенъ служить. *Человѣкъ короля*, не переставая быть таковымъ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ—*человѣкомъ провинціи* [1]). Иногда, впрочемъ, какъ увидимъ, указанный вторичный характеръ интенданта до такой степени выступаетъ на первый планъ, что передъ нимъ стушевывается его основной характеръ: *человѣкъ провинціи* заслоняетъ собою *человѣка короля*.

Турскій интендантъ дю-Клюзель въ своемъ письмѣ къ генералъ-контролеру де-Клюньи (въ іюнѣ 1776 г.) говоритъ, что онъ, какъ администраторъ „трехъ провинцій" [2]), является „представителемъ ихъ интересовъ, на которые онъ долженъ смотрѣть, какъ на свои собственные" [3]).

„Благополучіе этой провинціи—заявляетъ интендантъ графъ д'Агэ въ своей привѣтственной рѣчи провинціальному собранію Пикардіи 17-го ноября 1787 г.—будетъ драгоцѣннѣйшей наградой за мои труды и за рвеніе, которымъ одушевленъ мой сынъ [4]). Его голосъ сольется сегодня съ моимъ въ изліяніи этихъ чувствъ; и когда онъ раздастся въ этомъ собраніи, пусть напомнитъ вамъ онъ тогда о той привязанности, которая угаснетъ лишь съ послѣдними ощущеніями жизни" [5]).

Мы увидимъ сейчасъ, что заявленія этого рода въ устахъ провинціальныхъ администраторовъ не были пустыми фразами.

XXII.

Наиболѣе постояннымъ и, можно сказать, типичнымъ случаемъ, гдѣ проявляется отмѣченный здѣсь „вторичный" характеръ интенданта, является ежегодно представляемое послѣднимъ генералъ-контролеру мотивированное „мнѣніе о раскладкѣ тальи". Образцомъ подобныхъ ежегодныхъ *avis sur l'imposition de la taille* могутъ служить опубликованныя Дэромъ въ собраніи сочиненій Тюрго *avis*, адресо-

---

1) „L'homme du roi devient celui de la province"—слова архіепископа экскаго, въ его отвѣтной рѣчи на офиціальную рѣчь интенданта, при открытіи возстановленныхъ провинціальныхъ штатовъ Прованса, 31-го декабря 1787 г. *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 191.

2) Турэни, Анжу и Мэнъ.

3) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 167 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 63).

4) Intendant adjoint.

5) *Boyer de Sainte-Susanne*, op. cit., p. 451—452.

ванныя послѣднимъ, въ бытность его лиможскимъ интендантомъ, генералъ-контролеру. Здѣсь интендантъ выступаетъ настоящимъ адвокатомъ „своей провинціи“ и ходатаемъ за нее передъ правительствомъ. Какъ припомнимъ, раскладка тальи между отдѣльными генеральствами производилась *de jure* „королемъ въ своемъ совѣтѣ“, *de facto*—генералъ-контролеремъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ интендантами, и ихъ „отзывовъ“. Въ одномъ изъ такихъ „отзывовъ“ Тюрго ссылается на одинъ изъ прежнихъ своихъ *avis*, гдѣ „было обстоятельно доказано переобремененіе этой провинціи (лиможскаго интендантства)“. Эти доказательства, „мы ихъ излагали— продолжаетъ интендантъ—столько разъ, съ такою настойчивостью и обстоятельностью, что мы находимся въ совершенной невозможности прибавить къ нимъ что-либо новое; но не есть ли нашъ долгъ—повторять это до тѣхъ поръ, пока Совѣту заблагоразсудится насъ выслушать?“ Въ заключеніе—настойчивое ходатайство объ уменьшеніи оклада тальи для „провинціи“ [1]).

Къ сожалѣнію, подобныхъ *avis* другихъ интендантовъ сохранилось мало [2]), но во всякомъ случаѣ имѣется достаточно данныхъ для того, чтобы установить, что „отзывы“ лимузенскаго интенданта не были лишь счастливымъ исключеніемъ, и тотъ духъ заступничества за интересы „своей провинціи“, которымъ въ такой мѣрѣ проникнуты „отзывы“ Тюрго, не былъ чуждъ и его „собратьямъ“.

Такъ, Меланъ-д'Аблуа, одинъ изъ преемниковъ Тюрго въ лиможскомъ интендантствѣ (и послѣдній лиможскій интендантъ), въ своемъ пространномъ письмѣ къ генералъ-контролеру де-Калонну въ іюнѣ 1784 г., по поводу своего ходатайства о сбавкѣ податного оклада съ лиможскаго генеральства, между прочимъ пишетъ: „Вы меня предупреждаете, что состояніе финансовъ ставитъ правительство въ невозможность удовлетворить нуждамъ всѣхъ частей королевства,—что интендантамъ надлежитъ изыскать такіе способы облегченія народонаселенія, которые бы были наименѣе обременительны для казны, — и что этихъ способовъ слѣдовало бы искать въ мѣстныхъ рессурсахъ, находящихся въ распоряженіи интендан-

---

1) *Turgot*. Oeuvres. édition Daire. t. I. p. 517—632: *Avis annuels sur l'imposition des tailles*, 1762—1774.

2) По крайней мѣрѣ въ тѣхъ отдѣлахъ архивныхъ документовъ, которые мы имѣли возможность обслѣдовать, интендантскіе „отзывы о тальѣ“ представляютъ собою большую рѣдкость.

товъ. Но позвольте мнѣ замѣтить, что Вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстны рессурсы, каторыми располагаютъ провинціальные интенданты, и что... эти рессурсы до такой степени ограничены, что можно сказать, что въ ихъ распоряженіи ничего не остается.... Лиможское генеральство не предоставляетъ въ мое распоряженіе никакихъ иныхъ рессурсовъ, кромѣ тѣхъ, которые будетъ добро мнѣ дать правительство. Лиможское генеральство даетъ правительству больше, чѣмъ въ состояніи платить, и дѣло правительства—прійти ему на помощь, для того чтобы дать области возможность стать снова на ноги и нести свою податное бремя". [1]).

Про пуатевинскаго интенданта де-Блоссака мы читаемъ, что онъ „энергично боролся противъ введенія новыхъ налоговъ и употреблялъ всѣ усилія къ облегченію существующихъ" [2]). Тотъ же интендантъ входитъ въ затруднительное финансовое положеніе города Пуатье и старается добиться для него различныхъ фискальныхъ облегченій, которыя ему, дѣйствительно, удается выхлопотать въ генеральномъ контролѣ [3]).

Дижонскій интендантъ Амело поддерживаетъ ходатайство старшинъ области Брессъ объ отмѣвѣ отяготительныхъ для ея населенія поборовъ въ пользу счетной палаты, и добивается этой отмѣны [4]).

Бордоскій инденданть Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ поддерживаетъ въ 1782 г. ходатайство Байонны и другихъ городовъ объ оставленіи ихъ въ предѣлахъ этого интендантства, отъ котораго ихъ предполагалось, какъ ходили слухи, отдѣлить и приписать къ ошскому. „Ходатайство о такомъ передѣлѣ—пишетъ Сенъ-Моръ къ одному изъ финансовыхъ интендантовъ (директоровъ департамента въ генеральномъ контролѣ) 25-го ноября 1782 г.—исходитъ отъ податныхъ директоровъ г. Оша, заинтересованныхъ въ расширеніи своего округа"; между тѣмъ такой передѣлъ явно противорѣчитъ интересамъ Байонны и ея округа, связанныхъ съ Бордо оживленными коммерческими сношеніями по морю [5]).

1) *Archives nationales*, H 1418. Meulan d'Ablois à Calonne, juin 1784.—*Pièces justificatives*, Nr. 214.

2) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (1855), p. 296.

3) *Memoires... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 299.

4) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3413.

5) *Archives nationales*, H 1411.

Замѣтимъ въ заключеніе, что духъ заступничества за „своихъ“ управляемыхъ не чуждъ и ближайшимъ агентамъ интенданта, субделегатамъ [1]).

XXIII.

Въ качествѣ „человѣка провинціи“, интендантъ вступается нерѣдко за органы мѣстнаго самоуправленія, штаты и городскіе муниципалитеты, противъ притязаній той самой центральной власти, „велѣнія“ которой ему полагалось, по духу должности, проводить въ провинціи прежде всего и превыше всего. Но „духъ времени“ и „власть общественнаго мнѣнія“ оказывались иногда могущественнѣе духа должности и силы традицій.

Если въ одномъ случаѣ, въ силу „духа должности“, интендантъ сталкивается съ мѣстными самоуправленіями, въ особенности съ провинціальными штатами, какъ это часто имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Бретани [2]), и подъ часъ налагаетъ свою руку на „провинціальную свободу“, какъ это случалось иногда по отношенію къ штатамъ маленькихъ областей, въ родѣ Жекса [3]) или Бресса [4]), — то, въ другомъ случаѣ, подъ вліяніемъ „духа времени“, интендантъ какъ бы забываетъ о своемъ качествѣ агента центральной власти: „человѣкъ провинціи“ беретъ верхъ надъ „человѣкомъ короля“.

---

[1]) Такъ, въ 1785 г., мѣстный субделегатъ обращаетъ вниманіе на непропорціонально-высокое обложеніе тальей своего роднаго города (и своей резиденціи) Брессюира. „Надо бросить взглядъ состраданія на этотъ несчастный городъ“—пишетъ между прочимъ субделегатъ.—*Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 130. Blactot à Boula de Nanteuil, avril 1785.—Сравн. ibidem, p. 182.

[2]) См., напримѣръ, жалобы бретанскаго интенданта на мѣстные штаты, которые „все порабощаютъ, хотятъ всѣмъ управлять и все вершить“, въ письмѣ къ генералъ-контролеру отъ 21-го декабря 1785 г.—*Archives nationales*, H 591. Текстъ цитированнаго документа воспроизведенъ цѣликомъ въ нашихъ *Pièces Justificatives*, Nr. 79.

[3]) Старшина духовнаго сословія штатовъ области Жексъ, жаловавшійся на „деспотизмъ“ дижонскаго интенданта Фейдо-де-Бру („comme il a fait en vrai despote de l'administration..“), былъ смѣщенъ правительствомъ по настоянію интенданта.—*Archives nationales*, H 202, 3. Сравн. *Inventaire des archives départementales de l'Ain*, C 1010.

[4]) *Archives départementales de l'Ain*, C 894. Жалобы старшинъ области Брессъ на дѣйствія субделегата Перье. См. *Pièces Justificatives*, Nr. 92.

Когда бретанскіе штаты энергично протестовали противъ октябрьскаго постановленія совѣта 1780 г., лишавшаго ихъ исконнаго права свободнаго выбора депутатовъ, посылаемыхъ отъ имени штатовъ ко двору и въ счетную палату [1]), интендантъ Бертранъ-де-Молльвилль становится рѣшительнымъ образомъ на сторону штатовъ и въ обширной запискѣ, представленной имъ по этому поводу въ генеральный контроль, осуждаетъ принятую правительствомъ мѣру, какъ несправедливую и нетактичную, а относительно протеста штатовъ заявляетъ, что „невозможно не признать совершенной справедливости ихъ заявленій“ [2]).

Тотъ же интендантъ, нѣсколькими годами позднѣе (въ 1788 г.), высказываетъ министру свои сѣтованія на то, что тотъ издалъ, отъ имени короля, направленную противъ бретанскаго парламента мѣру, не дожидаясь предстоявшей сессіи мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ, „согласіе которыхъ—говоритъ интендантъ—было въ данномъ случаѣ необходимо“. Это, по мнѣнію интенданта, единственный образъ дѣйствія, „который былъ бы совмѣстимъ съ привилегіями Бретани, сохраненіе которыхъ въ полной неприкосновенности было клятвенно обѣщано королемъ“ [3]).

Запрошенный въ 1787 г. по поводу поступившаго отъ различныхъ лицъ и учрежденій области Эно ходатайствъ о возстановленіи здѣсь прежнихъ провинціальныхъ штатовъ вмѣсто предположенныхъ правительствомъ провинціальныхъ собраній, интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ высказывается за удовлетвореніе этого ходатайства; свое мнѣніе онъ мотивируетъ „духомъ“ мѣстнаго населенія, его „привязанностью къ традиціонному порядку“ и опасностью, которую бы неминуемо вызвало, въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи ходатайства, „броженіе умовъ въ народныхъ массахъ“ [4]).

Въ то же время интендантъ поддерживаетъ притязанія своей „столицы“ на административно-политическую особность, „на манеръ ганзейскихъ городовъ“. „Нельзя не признать—докладываетъ

---

[1]) *Archives départementales de Côtes-du-Nord*, C 162. Arrêt du conseil du 4 octobre 1780: „Les Etats de Bretagne ne pourront choisir leurs députés que parmi ceux qui auront obtenu l'agrément de Sa Majesté“.

[2]) „Il est impossible de n'être pas convaincu de l'extrême justice de leurs réclamations“.—*Archives nationales*, H 643.

[3]) *Bertrand de Molleville*, Mémoires, t. I, p. 92—98.

[4]) *Archives nationales*, H 730.

онъ правительству –, что городъ Валансьеннь, на основаніи своей старинной конституціи и своей капитуляціи, въ правѣ требовать сохраненія существующаго режима, и нельзя думать, чтобы въ то время, какъ Его Величество занятъ устройствомъ провинціальныхъ собраній на благо своего народа и удостоиваетъ обѣщать отнестись съ уваженіемъ къ мѣстнымъ особенностямъ,—чтобы въ это время онъ воспользовался своею властью для уничтоженія привилегій Валансьенна и слѣдовательно—отнесся къ этому городу болѣе сурово, чѣмъ это имѣло мѣсто въ моментъ его завоеванія“ [1]).

Безансонскій интендантъ Комартэнъ-де-Сентъ-Анжъ точно также высказывается въ 1787 г. за возстановленіе традиціонныхъ провинціальныхъ штатовъ Франшъ-Контэ, предпочтительно передъ провинціальнымъ собраніемъ, которое не могло бы, по его мнѣнію, разсчитывать на „довѣріе франшъ-контейцевъ“ [2]).

Гренобльскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ имѣлъ возможность въ своей офиціальной рѣчи при открытіи возстановленныхъ въ 1788 г. штатовъ области Дофинэ, между прочимъ, сказать: „Привыкнувъ относиться съ уваженіемъ къ привилегіямъ областей, въ особенности когда эти привилегіи не вредятъ общему интересу, я добился возстановленія княжества Оранжскаго въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыя были за нимъ ранѣе признаны“ [3]).

Амьенскій интендантъ д'Агэ проситъ въ сентябрѣ 1774 г. для своей области сбавку съ тальи въ 80,000 ливровъ, указывая на „изнеможеніе несчастныхъ плательщиковъ“, вслѣдствіе неурожая и вызваннаго имъ угнетенія въ мѣстной торговлѣ и промышленности. Обусловленное послѣднимъ обстоятельствомъ пониженіе заработной платы поденщиковъ, одновременно съ вздорожаніемъ хлѣба, повергло ихъ въ состояніе безысходной нужды. Голодовка вызвала во многихъ мѣстностяхъ повальныя болѣзни, а недостатокъ кормовъ—скотскіе падежи. Вдобавокъ многія деревни пострадали отъ пожаровъ. Словомъ—„только крайняя, безысходная нужда—заканчи-

---

[1]) *Legrand*, Senac de Meilhan, p. 193.

[2]) *Mémoire* (*Biblibthèque nat.*, Le 7/21), I, p. 18: „M. de Saint-Ange assure avoir rendu (un bon service) à cette province, en représentant au gouvernement que le bien du service exigeait plutôt le rétablissement de ses Etats qu'une assemblée provinciale, qui ne pourrait acquérir de même la confiance des Franc-Comtois“.

[3]) *Procès-verbaux des Etats du Dauphiné*, Paris, 1888, p. 203 (discours de Caze de la Bove).

ваетъ интендантъ свое длинное письмо—побуждаетъ меня настаивать на просимомъ вспомоществованіи“ [1]).

Турскій интендантъ дю-Клюзель, въ своихъ ежегодныхъ „отзывахъ“ о раскладкѣ тальи горячо вступается за плательщиковъ своей области, настоятельно ходатайствуя о сбавкѣ наложеннаго на нее податного оклада, и обыкновенно добивается таковой въ размѣрѣ отъ 250 до 420 тысячъ ливровъ ежегодно. Иногда ему удается, сверхъ того, облегчить для плательщиковъ нѣкоторыя изъ добавочныхъ къ тальѣ податныхъ статей; такъ, въ 1779 г. онъ выхлопатываетъ сбавку въ 16,000 ливровъ съ „казарменной подати“ [2]).

Въ 1771 г. генералъ-контролеръ аббатъ Террэ захотѣлъ повысить подать „двадцатинъ“. Въ письмѣ къ своему секретарю дю-Клюзель печалуется по этому случаю о постоянномъ возрастаніи налоговъ и рекомендуетъ снисходительность къ плательщикамъ и сбавки подати слишкомъ обремененнымъ, если удастся собрать сумму, превышающую затребованную генералъ-контролеромъ [3]).

Другой разъ дю-Клюзель вступается за свою провинцію противъ генералъ-контролера аббата Террэ, настаивающаго на увеличеніи налога двадцатинъ и получаетъ отъ послѣдняго упрекъ въ томъ, что интендантъ „слишкимъ щадитъ провинцію“, которая „дала до сихъ поръ лишь ничтожный прпростъ“ этого налога [4]).

Когда въ 1773 г., въ силу постановленія королевскаго совѣта, изданнаго по почину аббата Террэ, расходы по ремонту тюремныхъ зданій, искони лежавшіе на короловскомъ доменѣ, были возложены на города, то дю-Клюзель энергично вступился за города своей области, большая часть которыхъ, по его словамъ, была не въ состояніи, по недостатку доходовъ, выполнить возложенную на нихъ новую повинность. Въ отвѣтъ на представленія интенданта, министръ отвѣтилъ только, что маломочнымъ въ финансовомъ отношеніи городамъ будетъ дано право установить у себя

---

[1]) *Inventaire des archives départementales de la Somme*, C 87. Lettre de d'Agay du 20 septembre 1774.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 162 (цит. по *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 25).

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 12 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 18). - „Письмо интенданта—замѣчаетъ по этому поводу Дюма—дышетъ глубокою любовью къ народу“ 2).

[4]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 12 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 49).

заставныя пошлины. „Само собою разумѣется—замѣчаетъ по этому поводу дю-Клюзель въ письмѣ къ своему секретарю—,что онъ (министръ) возьметъ половину этихъ пошлинъ себѣ“ (то-есть въ королевскую казну). Секретарь, очевидно, раздѣляющій образъ мыслей своего принципала, также мало стѣсняется въ выраженіи своихъ мнѣній. Въ своемъ письмѣ къ интенданту онъ развиваетъ ту мысль, что король обязанъ давать своимъ подданнымъ судъ и расправу, откуда вытекаетъ обязанность государя строить и содержать въ должномъ порядкѣ необходимыя для производства суда и расправы помѣщенія, въ томъ числѣ и тюрьмы. Удивительно, продолжаетъ секретарь, какъ это гг. интенданты не соединились „для энергичнаго отпора противъ столь обременительной для городовъ мѣры, носящей отпечатокъ величайшаго деспотизма; имъ бы слѣдовало сговориться—возвратить постановленіе совѣта его автору“ [1]).

Дю-Клюзель энергично поддерживалъ ходатайство города Тура о возстановленіи въ немъ свободныхъ (безпошлинныхъ) ярмарокъ, и когда на это ходатайство послѣдовало законодательное рѣшеніе въ утвердительномъ смыслѣ въ видѣ январьской королевской грамоты 1782 г., интендантъ получилъ отъ городского управленія Тура выраженіе—немножко эмфатическое, во вкусѣ времени—горячей признательности. „Мы не въ состояніи—писали члены городского управленія 6-го марта 1782 г.—выразить чувство живѣйшей радости, вызванное въ нашемъ городѣ этимъ событіемъ. Всѣмъ нашимъ гражданамъ хорошо извѣстно, что этимъ мы обязаны вамъ...“ [2]).

Валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ не отставалъ отъ своихъ коллегъ въ настойчивомъ заступничествѣ за свою провинцію противъ чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, требованій фиска. Какъ бы отвѣчая заранѣе на возможный упрекъ сверху за преувеличенное изображеніе народной нужды, интендантъ прибавляетъ: „Мой долгъ—изложить вамъ дѣйствительное состояніе народа, безъ всякихъ преувеличеній, ни въ хорошую, ни въ дурную сторону“ [3]). Вступаясь за интересы своей „столицы“, которой угрожало увели-

[1]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 287 (цит. по *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 332).

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 397 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 209—210).—Нѣсколькими годами ранѣе дю-Клюзель усердно содѣйствуетъ городу Туру въ дѣлѣ выкупа финансовыхъ должностей, созданныхъ эдиктомъ 1771 г.—*Dumas*, op. cit., p. 387.

[3]) *Legrand*, Senac de Meilhan et l'intendance du Hainaut, p. 133.

ченіе налоговъ, тотъ же интендантъ пишетъ Неккеру въ 1779 г.: „Его Величество, ради мимолетнаго увеличенія казенныхъ поступленій, рискуетъ обнаружить со временемъ полное изсякновеніе ихъ источниковъ, вмѣстѣ съ гибелью подданныхъ. Подобная перспектива не можетъ конечно не обратить вниманія короля, как и вашего. Первый долгъ, связанный съ занимаемымъ мною постомъ, заключается въ правдивомъ изображеніи передъ вами истиннаго положенія, въ какомъ находится народъ“ [1]).

Нелишне, быть можетъ, замѣтить, что Сенакъ-де-Мейльяна врядъ ли можно причислить къ числу лучшихъ изъ интендантовъ его времени, хотя бы уже потому, что на свою должность онъ смотрѣлъ почти съ презрѣніемъ, какъ на должность слишкомъ скромную для своихъ талантовъ, о которыхъ самъ онъ былъ гораздо болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ хорошо знавшіе его современники и очень мало знающее его потомство. Тѣмъ цѣннѣе, въ качествѣ показателя „духа времени“ и характера эпохи, то благородство, съ какимъ этотъ интендантъ отстаиваетъ интересы своей провинціи, не останавливаясь подъ часъ передъ рискомъ вызвать противъ себя неудовольствіе начальства. Въ 1783 г, валансьеннское интендантство пострадало отъ опустошительныхъ бурь; въ особенности потерпѣло сельское населеніе. Сенакъ-де-Мейльянъ добился помощи отъ казны въ 60,000 ливровъ, что далеко не было легкимъ дѣломъ, если припомнить, что на казенномъ сундукѣ возсѣдалъ въ это время обворожительный де-Калоннъ, которому деньги были нужны для удовлетворенія другихъ, не въ примѣръ болѣе „интересныхъ“ просителей и просительницъ. Отпущеннымъ пособіемъ интендантъ однако остался недоволенъ. Вмѣсто благодарности министру за такую щедрость, интендантъ заявляетъ, что отпущенная сумма совершенно ничтожна въ сравненіи съ размѣрами понесеннаго населеніемъ провинціи ущерба, простиравшагося, по его вычисленіямъ, до 1,200,000 ливровъ; въ заключеніе интендантъ проситъ министра, въ видѣ пособія пострадавшему населенію, сложить съ него подати въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ отвѣтъ интендантъ получаетъ отъ Калонна должное внушеніе за „свое недостаточно серьезное и не вполнѣ обдуманное предложеніе“. Интендантъ не желаетъ однако молчаливо расписаться въ полученіи начальническаго выговора и отвѣчаетъ министру длиннымъ письмомъ, въ которомъ

---

[1]) Ibidem.

настаиваетъ на безусловной точности своихъ сообщенiй и на полной обдуманности своего предложенiя, чуждаго „слѣпой чувствительности“. „Я убѣжденъ—пишетъ интендантъ—, что если бы вы имѣли передъ глазами всѣ данныя..., вы бы не преминули испытать сожалѣнiе по поводу того, что не имѣли возможности удовлетворить въ полной мѣрѣ мое ходатайство, которое тогда не было бы вами найдено необдуманнымъ“. „Я всегда полагалъ—продолжаетъ обиженный интендантъ—, что долгъ провинцiальнаго администратора—изображать бѣдствiе во всемъ его объемѣ и въ то же время указывать средства противъ него. Изложить на бумагѣ, что въ такомъ-то селенiи дома разрушены, что у него не остается никакихъ средствъ для починки старыхъ и постройки новыхъ, и почти нечѣмъ жить,—развѣ это не все равно, что констатировать его полную несостоятельность относительно уплаты податей?“ [1]).

Интересно отмѣтить, что тотъ же самый де-Калоннъ, которому ходатайство валансьеннскаго интенданта показалось „несерьезнымъ и необдуманнымъ“, въ бытность свою лилльскимъ интендантомъ точно также вступался за „свою провинцiю“ противъ требовательности тогдашнихъ генералъ-контролеровъ [2]).

Предшественникъ де-Калонна въ лилльскомъ интендантствѣ Лефевръ-де-Комартэнъ также горячо присоединяется къ ходатайству провинцiальныхъ штатовъ Артуа о сбавкѣ податного оклада. „Провинцiя эта—пишетъ онъ въ своемъ отзывѣ—издавна угнетена бременемъ налоговъ, толкающихъ ее на розорительный путь займовъ... Штаты не въ состоянiи облегчить участь нуждающагося населенiя... Никогда еще провинцiя не была въ болѣе безвыходномъ положенiи. Его Величество не можетъ отказать въ своемъ изволенiи на сбавку двухсотъ тысячъ ливровъ“. И благодаря заступничеству интенданта область, дѣйствительно, получила просимое „облегченiе“ [3]).

[1]) Ibidem.

[2]) *Archives nationales*, H 36.—Относительно „наказовъ“ провинцiальныхъ штатовъ Артуа, ходатайствующихъ о смягченiи предъявляемыхъ къ провинцiи требованiй фиска, въ виду бѣдственнаго положенiя населенiя, читаемъ, напримѣръ, такiя замѣчанiя: „M. de Calonne (intendant) confirme l'exposé des Etats et regarde l'effort qu'ils ont fait pour armer une frégate comme un nouveau titre pour mériter la bienfaisance du roi“. „M. de Calonne observe que l'exposé des Etats est de la plus exacte verité; que leurs charges ne font qu'augmenter, tandis que leurs ressources éprouvert des diminutions sensibles“.

[3]) *Archives nationales*, H 35 (1775).

Беарнскій интендантъ Бертранъ-де-Бушпорнъ, въ концѣ 1786 года, поддерживаетъ передъ министромъ ходатайство беарнскихъ провинціальныхъ штатовъ о томъ, чтобы имъ было возвращено право участвовать, вмѣстѣ съ интендантомъ, въ распоряженіи ассигнуемыми областью суммами на производство различныхъ общественныхъ работъ. „Это—право, въ которомъ—пишетъ интендантъ—нельзя отказать области, обладающей штатами“ [1]).

Тотъ же интендантъ беретъ на себя защиту мѣстнаго городского самоуправленія, искаженнаго системой продажи городскихъ должностей. „Опытъ показываетъ — пишетъ онъ генералъ-контролеру 6-го марта 1786 г.—, что муниципальные чиновники, пріобрѣвшіе свои должности за деньги, не пользуются довѣріемъ городскихъ обществъ, дѣйствительно имѣющихъ подъ часъ серьезныя основанія для того, чтобы отказывать имъ въ такомъ довѣріи. *Представляется болѣе справедливымъ и болѣе полезнымъ предоставить этимъ обществамъ самимъ выбирать своихъ администраторовъ.* Какъ на практическій выходъ изъ ненормальнаго, по мнѣнію интенданта, положенія дѣлъ, онъ указываетъ на выкупъ городскими обществами распроданныхъ должностей; путемъ такого выкупа города вступили бы снова въ право располагать своими городскими должностями по своему усмотрѣнію, и слѣдовательно, могли бы возстановить выборное управленіе. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію интенданта, необходимо такъ или иначе „*возстановить города въ ихъ правѣ избирать своихъ муниципальныхъ чиновниковъ: это исконное право ихъ должно бы всегда оставаться неприкосновеннымъ*“ [2]).

Шалонскій интендантъ Руйлье-д'Орфёйль лишь въ исключительныхъ и крайне рѣдкихъ случаяхъ пользуется своимъ правомъ назначать сельскихъ старостъ, „потому что—говоритъ онъ—въ мои правила входитъ *поддерживать сельскихъ обывателей въ ихъ естественномъ правѣ выбирать своихъ набольшихъ*“ [3]).

Экскій интендантъ де-Галлуа-де-ла-Туръ вступается въ 1776 г. за мѣстныхъ городскихъ чиновниковъ, которымъ грозила перспектива ареста въ силу lettres de cachet, и добивается того, что ихъ остав-

[1]) *Arhives nationales*, H 80. Bertrand de Boucheporn à Calonne, 3 octobre et 20 novembre 1786.

[2]) *Archives nationales*, H 719. Lettre de Bertrand de Boucheporn à Calonne, 6 mars 1786. Выдержки изъ этого письма см. *Pièces justicatives*, Nr. 152.

[3]) *Archives dépertementales de la Marne* C 555. Подлинный текстъ см. выше, т. I, стр. 525, примѣч. 2.

ляютъ въ покоѣ; за этотъ поступокъ общее собраніе коммунъ Прованса вотировало интенданту выраженіе признательности [1]).

Интендантъ де-ла-Бурдоннэ вступается за „права и привилегіи“ города Пуатье передъ правительствомъ, за что получаетъ отъ городского совѣта офиціальную письменную благодарность [2]).

Городскія управленія турскаго генеральства нашли въ дю-Клюзелѣ, по словамъ его историка, „просвѣщеннаго руководителя и энергичнаго защитника ихъ интересовъ и правъ“ [3]).

XXIV.

„Человѣкъ провинціи“ иногда до такой степени заслоняетъ собою въ интендантѣ „человѣка короля“, что онъ не отступаетъ подъ часъ передъ явнымъ неповиновеніемъ и даже противодѣйствіемъ предписаніямъ правительства.

Такъ, генералъ-контролеръ, именемъ короля, предписалъ пріостановить свободный вывозъ хлѣба чрезъ марсельскій портъ. Исполненіе этого предписанія было бы крайне тягостно для Марсели, и интендантъ оставилъ его безъ исполненія [4]).

Когда напуганное рѣзкимъ вздорожаніемъ хлѣба въ Парижѣ лѣтомъ 1789 г. правительство приняло мѣры къ подвозу хлѣба въ столицу изъ ближайшихъ провинцій, изъ которыхъ иныя и сами страдали отъ недостатка хлѣба, нѣкоторые изъ интендантовъ не побоялись пойти на перекоръ планамъ правительства, чтобы защитить свою провинцію отъ угрожавшей ей голодовки.

Таковъ—шалонскій интендантъ Руйлье-сынъ, „выбивающійся изъ силъ“, для того чтобы „защитить провинцію“ отъ „измора голодомъ“, которымъ ей угрожаетъ правительство [5]). Таковъ—его суассонскій

1) *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 93.

2) *Mémoires .. des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 304—305.

3) *Dumas*, op. cit., p. 394.

4) Интендантомъ былъ въ ту пору Оже-де-Монтіонъ, который самъ и передаетъ объ этомъ случаѣ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, въ своей докладной запискѣ королю въ 1775 г: „Le contrôleur général donna, au nom du roi, l'ordre de suspendre la liberté du commerce de Marseille... Je la laissai subsister, prenant l'événement sur moi...“ (цит. по *Feugère*, Eloge de M. de Montyon, Paris, 1834, p. 7.

5) *Archives départementales de la Marne*, C 2790. Lettre de la Commission intermédiaire de Champagne, 4 juillet 1789: „Nous ne sommes pas si heureux que la capitale en subsistances... M. Rouillé le fils se donne des peines infinies: il

собратъ, де-ла-Бурдоннэ-сынъ, который, въ числѣ прочихъ мѣръ для обезпеченія своей области хлѣбомъ, запрещаетъ вывозъ его изъ предѣловъ генеральства. Когда Неккеръ, испуганный перспективой недостачи хлѣба въ Парижѣ, задумалъ организовать массовый подвозъ его изъ сосѣднихъ областей, то суассонскій интендантъ воспротивился вывозу хлѣба изъ своего генеральства; ослушавшись министра, онъ явился лично въ Версаль, добился аудіенціи у короля и сумѣлъ убѣдить его въ своей правотѣ [1]).

XXV.

„Человѣку короля“ было тѣмъ легче войти въ роль „человѣка провинціи“, что интендантъ нерѣдко и въ самомъ дѣлѣ былъ болѣе или менѣе своимъ человѣкомъ въ провинціи. Изучаемая нами эпоха была и хронологически и исторически далека отъ того времени, когда интендантъ являлся, такъ сказать, принципіально чужимъ человѣкомъ для провинціи, что подчеркивалось первое время временностью интендантскихъ порученій [2]), а потомъ долго державшейся практикой частыхъ перемѣщеній интендантовъ изъ одной области въ другую. Тенденція, лежавшая въ основѣ такой политики, была вполнѣ ясна, да ее и не думали скрывать: не успѣвшему еще прочно утвердить свой авторитетъ въ области центральному правительству важно было имѣть тамъ своими органами людей, связанныхъ своими интересами исключительно съ центральной властью, и по возможности не давать имъ завязать сколько-нибудь прочныхъ связей съ провинціей; важно было, чтобы въ лицѣ интенданта „человѣкъ короля“ не встрѣтилъ себѣ конкуррента въ „человѣкѣ провинціи“, что, дѣйствительно, и случилось впослѣдствіи. Случилось это отчасти именно вслѣдствіе того, что центральная власть, почувствовавъ свой авторитетъ окончательно окрѣпшимъ въ провинціи, перестала, такъ сказать, ревновать къ ней своего агента. Интендантъ началъ засиживаться въ провинціи десять, двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ. Центральная власть смотрѣла на это сквозь пальцы, находя даже въ этомъ свои удобства: какъ органъ освѣдомленія, интендантъ прі-

défend sa province avec un courage qui doit lui donner des droits à la reconnaissance des principales villes. Le gouvernement nous affame...“

1) *Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 313.

2) См. выше, т. I, стр. 155—157.

обрѣталъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ больше имѣлъ возможности знакомиться съ своей провинціей. Интендантъ, съ своей стороны, привыкалъ къ „своей провинціи“, свыкался съ ней, сближался съ ея людьми, мало по малу переставалъ чувствовать себя среди нихъ чужимъ человѣкомъ и охотно застрѣвалъ иногда на всю жизнь среди людей и обстановки, сдѣлавшихся для него родными, и—родными не всегда, какъ увидимъ, въ одномъ лишь переносномъ смыслѣ.

Что касается продолжительности пребыванія каждаго отдѣльнаго интенданта въ одной и той же области, то изъ шестидесяти восьми лицъ, фигурировавшихъ въ должности провинціальнаго интенданта въ царствованіе Людовика XVI, только двадцать девять, то-есть около сорока процентовъ общаго числа, оставались въ одномъ и томъ же интендантствѣ менѣе десяти лѣтъ; изъ остальныхъ тридцати девяти, остававшихся каждый *болѣе десяти лѣтъ* въ одномъ и томъ интендантствѣ, двадцать четыре оставались *болѣе двадцати лѣтъ* изъ нихъ тринадцать *болѣе двадцати пяти лѣтъ*, въ томъ числѣ семеро *свыше тридцати лѣтъ* и двое *свыше сорока лѣтъ* [1]).

Какъ это было далеко отъ того времени, когда „королевскіе комиссары“ появлялись и исчезали, какъ метеоры, проносясь, какъ молнія или зловѣщая комета, по провинціи [2])...

Прибавимъ, что въ занимающую насъ эпоху не рѣдкость, что одно и то же интендантство переходитъ отъ отца къ сыну и становится, такимъ образомъ, какъ бы фамильнымъ достояніемъ. Такъ,

[1]) Детальный подсчетъ: Des Gallois de la Tour - 43 года, Bertier-отецъ—42 г., de la Bourdonnaye de Blossac-отецъ—39 лѣтъ, Chaumont de la Galaizière-отецъ и Guignard de Saint-Priest-отецъ—по 34 г., d'Agay-отецъ и d'Aine—по 33 г., Rouillé d'Orfeuil, Pajot de Marcheval и de Blair de Boisemont—по 28 л., de la Coré—26 л., de Pont и Perrin de Cypierre-отецъ—по 25 л., Jullien, Senac de Meilhan, Cachet de Garnerans и Lefèvre de Caumartin-отецъ—по 24 г., Orceau de Fontette—23 г., Guignard de Saint-Priest-сынъ—22 г., Bertier-сынъ и Dupré de Saint Maur—по 21 г., Esmangart, de Flesselles и Lepelletier de Morfontaine—по 20 л., de Chazerat, Thiroux de Crosne, Terray и du-Cluzel—по 17 л., Caze de la Bove—16 л., de Boucheporn, de Calonne, Dupleix de Bacquencourt и Moulins de la Porte—по 15 л., Meulan d'Ablois—14 л., Turgot—13 л., Guéau de Reverseaux—12 л., Raymont de Saint-Sauveur, Amelot и Taboureau des Réaux—11 л., и т. д.

[2]) *Remontrances du Parlement de Paris*, 1628: „...Les commissaires extraordinaires passent comme des éclaires dans les provinces, paraissent et disparaissent, souvent considérés des peuples comme des comètes de sinistre présage...“ (цит. по *Laferrière* Mémoire sur les Etats provinciaux, p. 385).

Амело отецъ и сынъ управляли съ нѣкоторымъ перерывомъ одинъ вслѣдъ за другимъ дижонскихъ интендантствомъ. Гиньяръ-де-Сенъ-При сынъ, прикомандированный въ 1764 г. къ своему отцу, лангдокскому интенданту, въ качествѣ адъюнкта, занялъ его мѣсто, послѣ его смерти въ 1785 г.; де-ла-Бурдоннэ, прикомандированный подобнымъ же образомъ въ 1784 г. къ своему отцу, суассонскому интенданту, фактически управлялъ интентствомъ за своего престарѣлаго отца. Графъ д'Агэ-сынъ, прикомандированный въ 1785 г. къ своему отцу, амьенскому интенданту, въ качествѣ адъюнкта, готовился быть его преемникомъ, когда въ 1790 г. послѣдовало уничтоженіе учрежденія интендантства. Въ такомъ же положеніи находился Руйллье-д'Орфейлъ-сынъ, прикомандированный въ 1785 г. къ своему отцу, шалонскому интенданту.

Естественно, что интендантъ, получавшій провинцію въ управленіе послѣ своего отца, съ которымъ онъ цѣлые годы сотрудничалъ въ дѣлѣ управленія областью, не былъ уже, для послѣдней чужимъ человѣкомъ. Но хотя бы и совсѣмъ чужой человѣкъ въ началѣ своего управленія, интендантъ, естественно, переставалъ быть таковымъ послѣ десяти-двадцати и болѣе лѣтъ пребыванія въ области, гдѣ у него успѣвали завязаться за это время прочныя связи съ мѣстными людьми, какъ на почвѣ дѣлового сотрудничества, такъ и на почвѣ личныхъ и семейныхъ отношеній.

Все это были такіе факторы, которые не могли не отражаться самымъ существеннымъ образомъ на отношеніи интенданта къ области, все болѣе и болѣе заслоняя въ немъ „человѣка короля" „человѣкомъ провинціи". Про гренобльскаго интенданта Казъ-де-ла-Бова въ одной конфиденціальной бумагѣ читаемъ такую аттестацію: „человѣкъ мягкій и слабый", „имѣетъ связи въ своей провинціи, его сынъ состоитъ совѣтникомъ въ мѣстномъ парламентѣ; *сдѣлался настоящимъ дофинейцемъ, желаетъ нравиться и быть любимымъ (въ провинціи)*" [1]).

Про его „собрата" въ Бордо, ле-Камюсъ-де-Невилля, мы узнаемъ изъ письма одного мѣстнаго обывателя въ 1786 г., что этотъ интен-

---

[1]) „...Lié avec la province, ayant son fils conseiller au Parlement, s'étant fait Dauphinois, voulant plaire et être aimé". — *Archives nationales*, Ba 43 (цит. по *Brette*, Recueil de documents, t. I, p. 473).

дантъ воодушевленъ „сильнымъ желаніемъ заслужить признательность провинціи“ [1]).

„Первѣйшее мое желаніе—говоритъ парижскій интендантъ, обращаясь къ вновь учрежденному провинціальному собранію въ 1787 г.— это, чтобы вы не смотрѣли на меня, какъ на человѣка чужого для области, которой вамъ предстоитъ управлять. Послѣ того, что въ теченіе двадцати лѣтъ я работалъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ управлять этой областью, интересами которой мнѣ приходилось завѣдовать первоначально подъ руководствомъ моего отца, къ которому, надѣюсь, здѣсь хранятъ нѣкоторое уваженіе, мнѣ было бы тяжело отказаться отъ возможности быть ей полезнымъ“ [2]). Послѣ того, что намъ уже извѣстно, врядъ ли мы въ правѣ видѣть въ этихъ словахъ просто красивую фразу; быть можетъ, будетъ ближе къ истинѣ—допустить, что слова эти могли звучать одинаково искренне и правдиво и въ устахъ многихъ другихъ изъ „собратьевъ“ парижскаго интенданта.

Когда овернскому интенданту де-Баллэнвиллье предложено было, въ видѣ повышенія по службѣ, перейти на болѣе видный постъ интенданта въ Бордо, онъ не захотѣлъ разстаться съ своей убогой провинціей, къ которой успѣлъ искренно привязаться [3]). Въ этомъ отношеніи онъ предвосхитилъ подобный же поступокъ Тюрго, отказавшагося нѣсколько лѣтъ спустя помѣнять скромное и бѣдное лиможское интендантство на болѣе привлекательный и видный постъ ліонскаго интенданта [4]).

XXVI.

Надо еще имѣть въ виду тотъ фактъ, что въ занимающую насъ эпоху мы встрѣчаемся и съ такими случаями, что интендантъ назначается изъ *мѣстныхъ людей*. Таковъ, напримѣръ, интендантъ де-Шазера, управлявшій Оверoccupy Оверенью въ теченіе восемнадцати лѣтъ

---

[1]) *Mémoires secrets*, t. XXXII (6 mai 1786). Extrait d'une lettre de Bordeaux, du 29 avril 1786.—*Pièces justificatives*, Nr. 523.

[2]) *Procès-verbal... de l'Assemblée provinciale de l'Isle de France.—Pièces justificatives*, Nr. 119).

[3]) *Bonnefoy*, Histoire de l'administration dans la province d'Auvergne, Paris, 1895, t I, p. 122—123.

[4]) *Dupont de Nemours*, Mémoires sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, Philadelphie, 1782.

(1773—1790). Разумѣется, что въ теченіе столь продолжительнаго срока онъ и безъ того подъ конецъ пересталъ бы быть чужимъ человѣкомъ для своей области, если бы онъ не былъ своимъ уже задолго до своего назначенія на этотъ постъ. Начать съ того, что фамилія де-Шазера принадлежала къ числу видныхъ старинныхъ *мѣстныхъ* „магистратскихъ" фамилій. Будущій интендантъ былъ сыномъ перваго президента палаты пошлинъ въ Клермонъ-Ферранѣ и по смерти отца былъ его преемникомъ въ этой должности, первой по своему рангу во всей овернской магистратурѣ. Принадлежа области и по своему происхожденію и по своему служебному положенію, овернскій интендантъ былъ связанъ и съ *землей*, будучи мѣстнымъ помѣщикомъ, и съ *людьми* — кромѣ другихъ связей, многочисленными узами родства, какъ съ своей стороны, такъ и со стороны жены, которая, по своему происхожденію, принадлежала точно также, къ мѣстной магистратурѣ (она была дочерью президента мѣстнаго финансоваго присутствія). Свой человѣкъ въ „своей провинціи", онъ и самъ долженъ былъ чувствовать себя здѣсь, какъ дома. Здѣсь, „у себя" и среди „своихъ", остался онъ и послѣ того, какъ въ 1790 г. прекратило свое существованіе интендантство, какъ учрежденіе, и даже революціонная буря не въ силахъ была оторвать коренного овернца отъ его родной почвы, въ которой онъ и сложилъ мирно свои старыя кости, переживъ на тридцать пять лѣтъ то учрежденіе, однимъ изъ послѣднихъ представителей котораго прослужилъ значительную и, быть можетъ, лучшую часть своей жизни [1]).

[1]) Онъ умеръ въ 1824 г. въ томъ самомъ Клермонъ-Ферранѣ, въ которомъ и родился и провелъ, можно сказать, всю свою жизнь; здѣсь же онъ и похороненъ. Послѣдній овернскій интендантъ раздѣляетъ судьбу огромнаго большинства своихъ „собратьевъ": онъ до сихъ поръ не дождался своего біографа; изложенныя здѣсь данныя собраны изъ отдѣльныхъ указаній, разбросанныхъ въ генеалогической и монографической литературѣ по мѣстной исторіи, а именно: *Lachesnaye-Desbois*, Dictionnaire de la Noblesse, t. V, p. 559; *Bouillet*, Nobiliaire d'Auvergne, t. II, p. 188; *Aigueperse*, Biographie, ou Dictionnaire historique des personnages d'Auvergne, Clermont-Ferrand, 1836, t. I. p. 172; *Evérat*, la Sénéchaussée d'Auvergne au XVIII-e siècle. Paris, 1885; *Bonnefoy*, Histoire de l' administration civile dans la province d'Auvergne. Paris, 1895, t. I, p. 134—137 et passim; *Cohendy*, Mémoire historique sur les modes successifs de l'administration dans la province d'Auvergne, Clermont-Ferrand, 1856; *Gourbeyre*, la Petite propriété rurale dans le Puy-de-Dôme, Paris, 1900; также сообщенія гг. Бретта и Педрелли.

Не представляетъ ли однако интендантъ де-Шазера исключенія? Нѣтъ; не являясь правиломъ, онъ и не исключеніе. Его домбскій коллега Каше-де-Гарнеранъ былъ точно также мѣстнымъ уроженцемъ и точно также происходилъ изъ старинной мѣстной фамиліи, связанной съ давнихъ поръ съ мѣстнымъ парламентомъ, гдѣ члены этой фамиліи занимали различныя должности до перваго президента включительно. Кромѣ того, еще раньше, чѣмъ стать домбскимъ интендантомъ, Каше-де-Гарнеранъ сдѣлался первымъ президентомъ мѣстнаго парламента. Отецъ его былъ также домбскимъ интендантомъ и вмѣстѣ совѣтникомъ мѣстнаго парламента. Наконецъ, послѣдній домбскій интендантъ, какъ его отцы и дѣды, былъ однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ [1]).

Своимъ человѣкомъ въ области былъ, и по своему положенію, и по своему происхожденію и связямъ, также послѣдній экскій интендантъ де-Галлуа-де-ла-Туръ. Сынъ экскаго интенданта и перваго президента экскаго парламента, онъ унаслѣдовалъ отъ отца обѣ эти должности, равно какъ и положеніе мѣстнаго помѣщика. Кромѣ того, фамилія де-Галлуа издавна принадлежала къ числу старыхъ мѣстныхъ фамилій Прованса [2]).

Лотарингскій интендантъ Шомонъ-де-ла-Галезьеръ былъ сыномъ канцлера лотарингскаго, который былъ то же время и однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ [3]).

Лилльсскій интендантъ де-Калоннъ, впослѣдствіи генералъ-кон-

[1]) *Almanach de Bourgogne*, 1781—1783; *Lambardon-Montézan*, l'Ancienne principauté de Dombes, la famille Cachet de Montézan, Marseille, 1885; *Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. XVIII, p. 981—982; *Lenail*, Notice historique sur le parlement de Dombes, Lyon, 1900.;

[2]) *Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. VIII, p. 882; *Ribbe*, Pascalis, étude sur la fin de la constitution provençale, Paris, 1854; *Viguier*, les Débuts de la révolution en Provence, Paris, 1894; *Guibal*, Mirabeau et la Provence, Paris, 1887; *Lautard*, Esquisses historiques sur la ville de Marseille, Marseille, 1844.

[3]) *Lachenaye-Desbois*, op. cit., t. V, p. 509; *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789; Paris et Colmar, 1877, p. 21; *Inventaire analytique des procès-verbaux du conseil de commerce*, Paris, 1900, p. XLIII; *Boyé*, les Travaux publics et le régime des corvées en Lorraine au XVIII-e siècle, Paris et Nancy, 1900; *Boyer de Sainte-Suzanne*, le Personnel administratif sous l'Ancien régime, Paris, 1868, p. 26—30; *Mathieu*, l'Ancien régime dans la province de Lorraine et Barrois, Paris, 1876, p. 237; *Durival*, Description de la Lorraine et du Barrois, Nancy, 1778—1783; *Madame d'Oberkirch*, Mémoires, t. II, p. 102.—Также сообщенія гг. Бретта и Педрелли.

тролеръ, принадлежалъ къ одной изъ мѣстныхъ фамилій, связанныхъ съ фландрскимъ парламентомъ, равно какъ и съ мѣстнымъ землевладѣніемъ. Сынъ одного изъ президентовъ à mortier въ названномъ парламентѣ, де-Калоннъ и самъ началъ свою служебную карьеру въ томъ же парламентѣ. Въ качествѣ мѣстнаго фландрскаго дворянина, де-Калоннъ даже пытался попасть въ генеральные штаты 1789 г., въ качествѣ депутата отъ мѣстнаго дворянства [1]).

Послѣдній парижскій интендантъ Бертье имѣлъ помѣстья въ своемъ генеральствѣ; канскій интендантъ Орсо-де-Фонтеттъ и два послѣднихъ орлеанскихъ интенданта, Сипьеръ-де-Шевилльи, были точно также мѣстными помѣщиками [2]).

Изъ всего выше сказаннаго ясно, насколько ошибочно господствующее въ исторической литературѣ, со времени Токвиля, представленіе объ интендантѣ, какъ непремѣнно *чужакѣ* въ своей области [3]).

XXVII.

Для интенданта, бывшаго, или ставшаго своимъ человѣкомъ въ провинціи, сжившагося и сроднившагося съ ней физически и ду-

[1]) *Du Chastel de la Howardrie*, Notices généalogiques tournaisiennes, Tournai, 1881 (цит. по сообщенію Pedrelli); *Archives nationales*, Ba 18.

[2]) Какъ это видно изъ подробныхъ титуловъ. Объ Орсо-де-Фонтеттѣ, кромѣ того, см. *Archives nationales*. H 1416 (*Pièces justificatives*, Nr. 294).— Прибавимъ, что большинство интендантовъ принадлежали къ *провинціальнымъ* фамиліямъ. Всего больше дала Бюргонь; къ бургонскимъ фамиліямъ принадлежали: Bertier, Gravier, Jullien, Perrin de Cypierre, Thiroux de Crosne. Фамилія д'Агэ была изъ Франшъ-Контэ, Каше—изъ области Брессъ; де-Понъ—изъ области Онисъ, де-Шазера—изъ Оверни, де-Калоннъ—изъ Фландріи, де-Тримонъ—изъ Лангдока, Бушпорнъ—изъ Трехъ-Епископствъ, ле Пелльтье изъ Мэна, Амело—изъ Орлеанэ, дю-Клюзель—изъ Перигора, де-Флесселль—изъ Пикардіи, Фуллонъ—изъ Турэни и т. д. Оже-де-Монтіонъ, Орсо, Пажо, Руиллье принадлежали къ парижскимъ фамиліямъ.

[3]) *Tocqueville*, l'Ancien régime, p. 54: „L'intendant... est un homme de naissance commune, *toujours étranger à la province*". Первая часть приведеннаго выраженія заключаетъ въ себѣ также невѣрное утвержденіе; см. объ этомъ выше, стр. 70.—Сравн. *Mémoires secrets*, t. XVII, p. 129: „Le but des cours a tojours été de restreindre le pouvoir des commissaires départis; elles se sont constamment élevées avec force contre *ces magistrats amphibies, qui par leur nature se trouvaient presque toujours opposés aux véritables intérêts de la province confiée à leurs soins*". Послѣ всего, что намъ извѣстно, нетрудно опредѣлить истинную цѣну этого голословнаго утвержденія публициста эпохи.

ховно, послѣдняя не могла уже быть простымъ объектомъ „приведенія въ исполненіе королевскихъ велѣній [1]). *Она являлась, кромѣ того, а подъ часъ и прежде всего—живымъ субъектомъ, моральное воздѣйствіе котораго, частью безсознательно, частью вполнѣ сознательно, испытываетъ на себѣ „человѣкъ короля*". Интендантъ внимательно прислушивается къ голосу провинціи, къ ея „общественному мнѣнію". Голая власть—съ одной стороны, простое повинованіе—съ другой его уже не удовлетворяютъ: онъ хочетъ „нравиться и быть любимымъ" [2]). Онъ хочетъ быть для своей провинціи не „зловѣщей кометой", наводящей суевѣрной страхъ [3]), а „опекающимъ геніемъ", пекущимся о ея благополучіи [4]) и вызывающимъ чувство благодарности и любви.

„Нравиться и быть любимымъ..." Задача не изъ легкихъ для королевскаго комиссара въ провинціи; тѣмъ не менѣе, разрѣшить эту задачу въ положительномъ смыслѣ ему нерѣдко удается,—удается во всякомъ случаѣ гораздо чаще, чѣмъ этого можно было бы ожидать въ виду той всеобщей непопулярности, которая искони упрочилась за комиссарами его величества, и которую отъ интендантовъ-покорителей семнадцатаго столѣтія унаслѣдовали и ихъ историческіе потомки, интенданты-„благотворители" „вѣка просвѣщенія" [5]).

Какъ бы то ни было, но на ряду съ жалобами какъ противъ интендантовъ вообще, такъ и противъ отдѣльныхъ интендантовъ въ частности—на этомъ намъ придется остановиться болѣе подробно въ своемъ мѣстѣ,—документы эпохи сохранили для исторіи и многочисленныя выраженія признательности по отношенію къ отдѣльнымъ интендантамъ, исходящія какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ группъ управляемыхъ. Трудно конечно сказать, насколько искренни всѣ эти выраженія, но отрицать въ нихъ огульнымъ образомъ это послѣднее качество было бы тѣмъ менѣе справедливо, что выраженія эти являются по большей части не голословными, а

---

1) См. опредѣленіе интенданта, какъ „человѣка короля", выше, т. I, стр. 248.

2) См. выше, стр. 317.

3) См. выше, стр. 316.

4) „L'esprit tutélaire qui préside au bonneur de cette province"—выраженіе мѣстнаго журналиста эпохи по отношенію къ безансонскому интенданту де-ла-Корэ.—*Lurion*, M. de Lacoré, p. 35.

5) Объ административной *благотворительности* (*bienfaisance*) эпохи болѣе обстоятельно—ниже.

имѣютъ подъ собой вполнѣ реальныя основанія. Впрочемъ во многихъ случаяхъ, какъ увидимъ, чувства симпатіи выражались въ такой формѣ, которая сама по себѣ исключала возможность какой-либо фальши.

Начнемъ съ Тюрго, какъ наиболѣе извѣстнаго изъ интендантовъ занимающей насъ эпохи. Тюрго, у котораго, по выраженію его бывшаго сослуживца и подчиненнаго, Сенакъ-де-Мейльяна, „не было другихъ враговъ кромѣ враговъ общественнаго блага“ [1]), „пріобрѣлъ въ Лимузенѣ, по словамъ другого современника, великую репутацію честности и ума“ [2]). „Мы до слезъ удручены смертью Тюрго“—пишетъ въ мартѣ 1781 г. изъ Лиможа одинъ изъ мѣстныхъ обывателей. „Онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ управлялъ областью въ духѣ справедливости, народолюбія, благотворительности... Никогда здѣсь не забудутъ той помощи, которую онъ щедрою рукою оказывалъ бѣднымъ во время свирѣпствовавшей у насъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ голодовки,—его неустанныхъ заботъ о доставленіи намъ недостающаго пропитанія, той энергіи и почти назойливости, благодаря которымъ ему удалось убѣдить правительство въ чрезмѣрности возложенной на генералъство податной тягости... Благодаря его благотворительности и проницательности, поденщикъ и бѣдный сельчанинъ обязаны своимъ освобожденіемъ отъ жестокой барщины, принуждавшей ихъ работать безплатно надъ ремонтомъ дорогъ и доставлять подводы для войскъ. Замѣна натуральной дорожной повинности денежнымъ взносомъ,—эта реформа, послужившая образцомъ для прочихъ областей [3]), носитъ на себѣ отпечатокъ духа справедливости, которымъ отмѣчены всѣ операціи Тюрго... При помощи организованныхъ имъ благотворительныхъ работъ, Лимузенъ обогатился дарогами, самыми великолѣпными въ Европѣ...“ [4]).

Отголоски благодарной памяти о „мудромъ и справедливомъ управленіи“ Тюрго сохранились—крайне рѣдкое явленіе! [5])—даже въ наказахъ 1789 г. [6]).

[1]) Починъ этой реформы, принадлежалъ однако, какъ было въ другомъ мѣстѣ замѣчено, не Тюрго, а канскому интенданту Орсо де-Фонтетту.

[2]) *Mémoires secrets*, t. XVII, p. 118—120 (31 mars 1781). Extrait d'une lettre de Limoges, du 27 mars.—*Pièces justificatives*, Nr. 603.

[3]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc.: „M. Turgot n'avait d'ennemis que ceux du bien public“.

[4]) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 26—27.

[5]) См., напримѣръ, ниже- объ интендантѣ Эсмангарѣ.

[6]) *Cahier de la paroisse de Royère:* „En 1774 M. Turgot, alors intendant

XXVIII.

Врядъ ли чьи „репутація“ была болѣе заслужена, чѣмъ эта „великая репутація“ лиможскаго интенданта; но во всякомъ случаѣ у него не было недостатка въ достойныхъ сослуживцахъ и сверстникахъ.

Въ числѣ ихъ мы находимъ знаменитаго филантропа Монтіона [1]), который своимъ гуманнымъ управленіемъ „пріобрѣлъ—по словамъ мѣстнаго историка — уваженіе и любовь населенія Оверни“ [2]). Оставленная имъ въ Оверни добрая память о „благотворительности“ и „гуманности“ этого „друга человѣчества“, была послѣ его ухода оттуда увѣковѣчена, между прочимъ, различными „коммеморативными надписями“ [3]).

Послѣдній амьенскій интендантъ графъ д'Агэ, за восемнадцать лѣтъ управленія своего амьенскимъ интендантствомъ, „сумѣлъ завоевать всеобщія симпатіи простотой и привѣтливостью обращенія“ [4]).

Современный хроникеръ говоритъ о канскомъ интендантѣ Эсмангарѣ, какъ о „личности, пользовавшейся уваженіемъ и любовью въ различныхъ интендантствахъ“, которыми ему приходилось управлять въ различное время [5]).

Валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ успѣлъ, по словамъ его біографа, снискать любовь своихъ управляемыхъ [6]). Отъ муниципалитета столицы интендантства, Валансьенняя, онъ неоднократно получалъ публичныя выраженія признательности за различныя оказанныя имъ городу услуги [7]).

de Limoges,... allait faire éprouver à cette paroisse les effets de sa sage et juste administration“ (cadastre).—*Autorde*, Archives révolutionnaires de la Creuse, nouveaux cahiers de dolćances paroissiales de 1789, Guéret, 1890, p. 32.

1) Собственно полное имя его было *Auger de Montyon*.

2) *Bonnefoy*, Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne, Paris, 1895, t. I, p. 124.

3) Изъ которыхъ двѣ приведены нами въ *Pièces justificatives*, Nrs. 556—557.

4) *Boyer de Sainte-Suzanne*, les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 372.

5) *Mémoires secrets*, t. XXXIV (21 février 1787).—*Pièces justificatives*, Nr. 540.

6) *Legrand*, Senac de Meilhan, p. 43.

7) См., напр., ibidem, p. 129.

По словамъ мѣстнаго историка, послѣдній алансонскій интендантъ, Жюлеьенъ, „оставилъ по себѣ драгоцѣнныя воспоминанія, какъ въ городѣ (Алансонѣ), такъ и во всемъ генеральствѣ“ [1]).

По свидѣтельству буржскаго архивиста Суайе, двѣнадцатилѣтнее управленіе Дюпрэ-де-Сенъ-Мора буржскимъ интендантствомъ „снискало ему уваженіе всѣхъ беррійцевъ“ [2]).

Къ числу интендантовъ, снискавшихъ себѣ расположеніе своихъ управляемыхъ, слѣдуетъ также отнести послѣдняго лангдокскаго интенданта де-Баллэнвилле. Во всякомъ случаѣ онъ пользовался большой популярностью въ своей резиденціи, Монпелье, какъ это обнаружилось нагляднымъ образомъ въ эпоху выборовъ на должность мера Монпелье въ 1790 г. Совершенно неожиданно для себя, Баллэнвилле былъ выбранъ на эту должность огромнымъ большинствомъ (923 долосами противъ 315). Въ эту пору интендантство, какъ учрежденіе, было уже отмѣнено національнымъ собраніемъ, и Баллэнвилле, по примѣру другихъ своихъ собратій продолжалъ лишь временно исправлять прежнія функціи впередь до организаціи новаго департаментальнаго управленія. Тѣмъ не менѣе Баллэнвилле не счелъ возможнымъ „принять титулъ, которымъ его почтили его сограждане“, какъ онъ выразился въ своемъ отвѣтномъ письмѣ на извѣщеніе муниципалитета о состоявшихся выборахъ. Это обстоятельство устраняетъ всякія подозрѣнія на счетъ возможныхъ закулисныхъ воздѣйствій со стороны интенданта. Хроникеръ *Moniteur*'а, органа, который нельзя конечно заподозрить въ пристрастіи къ интендантамъ, признаетъ однако въ избраніи Баллэнвилле „дань патріотическимъ чувствамъ и мудрому управленію“ интенданта [3]). Замѣтимъ здѣсь, что слово *патріотизмъ* было въ ту пору синонимомъ *гражданскаго духа (civisme)* и *любви къ общественному благу (amour du bien public)*.

Въ *Монитёрѣ* же отъ 23-го февраля 1790 г., читаемъ слѣдующее

1) *Léon de la Sicotière*, le Département de l'Orne, archéologique et pittoresque, Alençon, 1845, p. 283.

2) *Jacques Soyer, archiviste du Cher*, Notice manuscrite: „Sa longue administration de douze ans... lui mérita l'estime de tous les Berruyers“, etc.

3) *Moniteur universel*, 1790, Nrs. 46, 54.—*Pièces justificatives*, 499.—Секретарь лангдокскаго интендантства, адвокатъ Дюпэнъ, избранъ былъ около того же времени въ старшины мѣстнаго провинціальнаго собранія.—*Procès-verbaux de l'Assemblée administrative de l'Hérault*, Montpellier, 1889, t. I, p. 389.

характерное постановленіе муниципалитета города Меца, изъ котораго можно заключить, что мѣстный интендантъ де-Понъ, котораго нѣсколькими годами ранѣе одинъ пасквилянтъ обозвалъ печатно дуракомъ (imbécile) [1], былъ на гораздо лучшемъ счету у своихъ управляемыхъ. „Муниципальный комитетъ—гласитъ постановленіе—, желая дать г-ну де-Пону, интенданту области, подлинное свидѣтельство того что его управленіе было неизмѣнно дѣятельно, гуманно, и просвѣщенно, благотворительно во времена бѣдствій, всегда мудро и тактично въ самыхъ трудныхъ обстоятельствавъ; желая, далѣе, сохранить съ этимъ магистратомъ отношенія, которыя всегда будутъ дороги нашему городу, и которыя единственно въ состояніи предупредить сожалѣнія, которыя она бы испытала, если бы, вмѣстѣ съ предстоящимъ введеніемъ новаго порядка вещей, г. де-Понъ, оставивъ занимаемую имъ должность, удалился бы отъ насъ, — муниципальный комитетъ единогласно постановилъ присудить ему грамоту на званіе гражданина города Меца, о чемъ и дать ему знать немедленно черезъ двухъ депутатовъ“. *Монитёръ* предпосылаетъ тексту приведеннаго постановленія слѣдующее, также не лишенное характерности, замѣчаніе: „Вотъ—новый фактъ [2], доказывающій, что общественная признательность рѣдко заглушается предубѣжденіемъ, внушаемымъ именами и титулами; изъ этого можно вывести заключеніе, что не вина управляемыхъ, если они не представляютъ чаще подобныхъ выраженій признательности администраторамъ“ [3]. Приведенный фактъ тѣмъ характернѣе, что это было время, когда „предубѣжденіе, внушаемое титуломъ“, было особенно сильно.

Послѣдній безансонскій интендантъ Комартэнъ-де-Сентъ-Анжъ, послѣ сдачи управленія областью комиссарамъ трехъ организованныхъ во Франшъ-Контэ департаментовъ, въ августѣ 1790 г., получилъ отъ нихъ письмо, въ которомъ тѣ свидѣтельствуютъ, что, ознакомившись съ деталями его управленія, они „убѣдились, съ какою безпощадностью боролся онъ противъ злоупотребленій“, „съ какою твердостью отстаивалъ интересы области противъ покушеній со стороны властнаго произвола“, „съ какою бережливостью расходовалъ онъ общественныя суммы“. Въ заключеніе авторы письма

1) *Espion dévalisé*, Londres, 78: —*Pièces justificatives*, Nr. 531.

2) Передъ этимъ рѣчь шла объ избраніи интенданта Баллэввиллье меромъ города Мовпеллье.

3) *Moniteur universel*, 1790, Nr. 54 (23 février 1790).

выражаютъ „безупречному и просвѣщенному администратору“ симпатіи и признательность отъ имени области Франшъ-Контэ [1]).

По случаю выздоровленіе графа д'Агэ послѣ тяжелой болѣзни въ 1786 г. многими городами, начиная со „столицы“ интендантства, были устроены общественныя празднества. Нѣкоторые изъ городовъ прислали особыя депутаціи для выраженія своей радости по случаю выздоровленія интенданта [2]). Городъ Сенъ-Кантэнъ заказалъ гравированный портретъ графа д'Агэ съ „чувствительною“, въ духѣ времени, надписью въ формѣ четверостишія [3]).

Бертье-де-Совиньи-отецъ, предпослѣдній интендантъ парижскаго генеральства, умершій въ 1788 г., около десяти лѣтъ спустя послѣ оставленія имъ интендантства, былъ однако вспомянутъ съ признательностью многими изъ своихъ прежнихъ управляемыхъ, какъ можно судить, напримѣръ, по слѣдующему извлеченію изъ протоколовъ муниципалитета города Бовэ, „столицы“ одного изъ выборныхъ округовъ (élections) [4]) парижскаго генеральства, отъ 30-го августа 1788 г. „Меръ сказалъ, что г. Бертье-де-Совиньи, бывшій интендантъ парижскаго генеральства, скончался въ столицѣ 26-го сего августа, и что, въ виду этого, онъ полагалъ бы благопристойнымъ, чтобы муниципальный совѣтъ помолился объ упокоеніи его души. На предложеніе мера поставить на голосованіе его предложеніе, муниципальный совѣтъ, проникнутый чувствомъ признательности за благодѣянія покойнаго Бертье-отца по отношенію къ этому городу, нашелъ предложеніе г. мера справедливымъ, и въ виду этого постановилъ отслужить въ слѣдующую пятницу въ приходской церкви св. Стефана въ нашемъ городѣ торжественную мессу объ упокоеніи души г. де-Бертье“ [5]).

Его сыну и преемнику въ парижскомъ интендантствѣ организованное въ концѣ 1787 г. провинціальное собраніе Иль-де-Франса

---

1) *Moniteur universel*, 1790, Nr. 253 (1 septembre).—*Pièces justificatives*, Nr. 577.

2) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 220.

3) D'un tendre ami du peuple éterniser l'image,
C'est rendre à la vertu le plus touchant hommage.
Le sort est prêt à lui ravir le jour,
Mais le ciel attendri le rend à notre amour“.

Boyer de Sainte-Suzanne, op. cit., p. 487.

4) См. выше, т. I, стр. 189 и далѣе.

5) *Archives municipales de Beauvais*. BB 102. Сообщено виконтомъ де-Бертье-де-Совиньи.

высказываетъ, устами своего предсѣдателя, „признательность“ области, которая—замѣчаетъ онъ —„всегда будетъ имѣть право на его привязанность“ [1]).

Про турскаго интенданта дю-Клюзеля мы узнаёмъ, что онъ сумѣлъ „снискать себѣ всеобщую привязанность“. Тонъ писемъ—говоритъ его новѣйшій историкъ—совсѣмъ не тотъ, когда чины городского управленія Тура обращаются къ дю-Клюзелю, или же къ его предшественнику Лескалопье, либо къ его преемнику д'Эню. Въ однихъ находимъ лишь выраженія чисто офиціальныя, банальныя, такъ сказать—обязательныя; другія, напротивъ, продиктованы, можно сказать, самой глубокой и истинной привязанностью. Таково вполнѣ отчетливое впечатлѣніе, которое выносишь изъ чтенія многочисленныхъ бумагъ, относящихся къ его управленію, и протоколовъ турскаго муниципалитета“ [2]). „Вы разрабатываете, какъ новь—пишетъ въ іюлѣ 1782 г. дю-Клюзелю турскій меръ—провинцію, которая оставалась невоздѣланной до вашего управленія; вашъ взглядъ обращается послѣдовательно на всѣ предметы общественнаго блага. Во всѣхъ частяхъ управленія зарождается общее соревнованіе, и это, быть можетъ, счастливѣйшая изъ всѣхъ произведенныхъ вами революцій. Награда за ваши отеческія услуги—всеобщее довѣріе, и въ частности—довѣріе нашего города, и это довѣріе—безраздѣльно“ [3]).

„Если бы уваженіе и признательность гражданъ“—пишетъ интенданту дю-Клюзелю въ томъ же году городское управленіе Тура, по поводу удовлетворенія возбужденнаго городомъ и поддержаннаго интендантомъ ходатайства—„могли возрасти, то этотъ новый знакъ покровительства конечно усилилъ бы эти чувства; но граждане нашего города, съ тѣхъ поръ какъ находятся подъ вашимъ управленіемъ, привыкли встрѣчать въ васъ неподкупнаго магистрата и благодѣтельнаго покровителя. Это событіе можетъ лишь еще болѣе скрѣ-

1) „La province... aura toujours des droits à votre attachement, comme vous en avez, Monsieur, à notre reconnaissance“.—*Procès-verbal de l'Assemblée provinciale de l'Isle de-France*, p 131.—*Pièces Justificatives*, Nr. 119.—Историкъ парижскаго интендантства, академикъ де-Буалиль, отмѣчаетъ дѣятельную заботливость двухъ послѣднихъ парижскихъ интендантовъ о преуспѣяніи управляемой ими области. - *A de Boislisle*, Mémoires des Intendants sur l'état des généralités, Paris, 1881, t. I, Introduction, p. LXXXVI—LXXXVII.

2) *Dumas*, op. cit., p. 19.

3) *Archives départementales d'Indre et-Loire*, C 106 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 20).

пить узы, издавна связывающія васъ съ народомъ, надъ благополучіемъ котораго вы не перестаете работать...“[1]).

Біографъ послѣдняго беарнскаго интенданта де-Бушпорна, говоритъ о немъ, какъ о хорошемъ администраторѣ, который оставилъ по себѣ благодарную память въ области, бывшей „свидѣтельницей его заботъ о ея благѣ“ [2]). Симпатіи, которыми онъ успѣлъ заручиться въ качествѣ интенданта Корсики, наглядно проявились здѣсь во время болѣзни интенданта. Не менѣе наглядно проявились позднѣе подобныя же симпатіи къ нему въ широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія въ Беарнѣ, гдѣ, въ эпоху организаціи департаментовъ въ 1790 г., де-Бушпорнъ едва не былъ выбранъ на должность старшины (procureur général syndic) департамента Нижнихъ-Пиренеевъ, въ составъ котораго вошла центральная часть беарнскаго интендантства [3]). Еще ранѣе, въ началѣ 1789 г., Бушпорнъ получилъ, за свои заботы объ обезпеченіи населенія продовольствіемъ въ это трудное время, выраженіе благодарности отъ беарнскихъ штатовъ, никода не отличавшихся особенными симпатіями къ мѣстнымъ интендантамъ, каковы бы они ни были [4]).

Хотя, по словамъ одного современнаго пасквиля, на руанскаго интенданта Тиру-де-Кроня „плевали“ въ Руанѣ [5]), но по другому, болѣе безпристрастному свидѣтельству, въ Руанѣ жалѣли о его уходѣ, когда онъ былъ въ 1785 г. переведенъ на должность парижскаго генералъ-лейтенанта полиціи [6]).

Общее собраніе коммунъ Прованса вотируетъ въ 1776 г. выраженіе благодарности интенданту де-Галлуа-де-ла-Туръ за то, что онъ выхлопоталъ отмѣну нѣсколькихъ lettres de cachet, изданныхъ было противъ нѣкоторыхъ изъ муниципальныхъ чиновниковъ области [7]).

---

[1]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 397 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 210—211).

[2]) *Bégin*, Biographie de la Moselle, Metz, 1829, t. I, p. 118–128.

[3]) Ibidem.

[4]) *Archives nationales*, K 680 (29 janvier 1779)

[5]) *L'Espion dévalisé*, Londres, 1782.—*Pièces justificatives*, Nr. 598.

[6]) *Mémoires secrets*, t. XXIX (17 juillet 1785); t. XXXI (18 mars 1786).—*Pièces justificatives*, Nrs. 601—602. См. также краткій біографическій очеркъ, посвященный Тиру-де-Кроню у *Peuchet*, Mémoires tirés des archives de la police de Paris, Paris 1838, t. III. особ. p. 146.—См. также *Floquet*, Histoire du parlement de Normandie, t. VI, p. 669—670.

[7]) *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 93.

Между лангдокскимъ интендантомъ Гиньяръ-де-Сенъ-При (отцомъ) и его управляемыми господствовали наилучшія отношенія, и мѣстные провинціальные штаты не упускали случая засвидѣтельствовать ему свои симпатіи [1]).

О дижонскомъ интендантѣ Фейдо-де-Бру читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ изъ Дижона отъ 20-го декабря 1783 г.: „У насъ очень жалѣютъ объ уходѣ нашего интенданта Фейдо-де-Бру. 4-го настоящаго мѣсяца старшины трехъ сословій областей Бресса, Бюжэ, Домба и Жекса обратились къ нему съ письмомъ, въ которомъ просятъ его не забыть, не смотря на его перемѣщеніе, что онъ далъ слово позволить провинціи быть воспріемницей ребенка, которымъ обѣщаетъ его подарить г-жа де-Бру“ [2]).

Аналогичное постановленіе было принято въ 1784 г. дижонскимъ муниципалитетомъ по отношеію къ преемнику Фейдо-де-Бру, Амело [3]).

По словамъ новѣйшаго біографа безансонскаго интенданта де-ла-Корэ, послѣдній, будучи переведенъ въ 1761 г. въ Безансонъ изъ Монтобана, былъ тамъ встрѣченъ со всеобщимъ сочувствіемъ, благодаря той репутаціи, которую онъ успѣлъ себѣ создать за свое трехлѣтнее управленіе монтобанскимъ интендантствомъ. Городъ Безансонъ привѣтствовалъ новаго интенданта депутаціей, преподнесшей ему званіе безансонскаго гражданина. „Любовь народа монтобанскаго генеральства, пріобрѣтенная г. де-ла-Корэ благодаря его справедливости, привѣтливости и гуманности (vertus bienfaisantes)..., и выказанная имъ къ намъ доброта—гласитъ состоявшееся по этому предмету постановленіе безансонскаго муниципалитета—сулятъ намъ самыя свѣтлыя перспективы“ [4]).

Когда въ сентябрѣ того же года де-ла-Корэ пріѣхалъ въ Безансонъ, чтобы присутствовать вмѣстѣ съ своимъ преемникомъ на торжественномъ открытіи новаго театра, то появленіе ихъ въ публикѣ было встрѣчено продолжительными рукоплесканіями [5]). Двадцать два

---

[1]) *Roschach*, Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1332.

[2]) *Mémoires secrets*, t. XXIV: Extrait d'une lettre de Dijon, du 20 décembre 1783.—*Pièces justificatives*, Nr. 543.

[3]) *Archives nationales*, H. Lettre des officiers municipaux de Dijon au contrôleur général, 16 octobre 1784.—*Pièces justificatives*, Nr. 267.

[4]) *Lurion*, M. de la Coré, intendant de Franche-Comté, Besançon 1898, p. 5.

[5]) *Journal de Franche-Comté*, 14 septembre 1881 (цит. по *Lurion*, op. cit., p. 50).

года спустя, въ 1783 г., де-ла-Корэ получаетъ званіе государственнаго совѣтника -предвѣстіе близкаго оставленія имъ должности интенданта. По этому случаю, безансонскій муниципалитетъ постановляетъ обратиться къ хранителю печатей, военному министру и генералъ-контролеру, съ ходатайствомъ о томъ, чтобы они употребили свое вліяніе въ видахъ сохраненія де-ла-Корэ „на посту, который онъ такъ достойно занимаетъ въ провинціи". Когда же это ходатайство осталось безъ результата, и де-ла-Корэ покинулъ свой постъ интенданта, то городское управленіе постановило въ особомъ письмѣ выразить ему свое сожалѣніе о его уходѣ [1]).

Уже въ моментъ своего прибытія въ Пуатье въ 1751 г. интендантъ де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ имѣлъ случай „доставить великое удовлетвореніе народу" и „оправдать то чувство, которое заранѣе питала къ нему публика". Это счастливое начало, повидимому, ничѣмъ не было омрачено въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцалѣтняго пребыванія де-ла-Бурдоннэ въ Пуатье въ качествѣ интенданта, и если вѣрить его біографу, то общія симпатіи къ нему не переставая возрастали въ теченіе этого времени, и „послѣ его долгаго пребыванія среди пуатевинцевъ всеобщія сожалѣнія сопровождали его въ его отставкѣ, и общественная признательность была неразлучна съ памятью о немъ" [2]). Когда оба де-ла-Бурдоннэ, отецъ и сынъ, были въ началѣ 1784 г. переведены изъ Пуатье въ Суассонъ, городской корпусъ Пуатье обратился къ нимъ съ письменнымъ выраженіемъ своего сожалѣнія по случаю ихъ ухода. Одинъ изъ мѣстныхъ поэтовъ посвятилъ этому случаю чувствительное стихотвореніе съ акростихомъ *de Blossac* [3]).

Въ письмѣ, которымъ привѣтствовалъ муниципалитетъ Пуатье преемника Блоссака, по адресу послѣдняго (и его сына) читаемъ слѣдующія строки: „Мы наслаждались въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, подъ ихъ (де-ла-Бурдоннэ отца и сына) управленіемъ, самымъ совершеннымъ благополучіемъ. Они относились къ намъ, какъ любящіе отцы; наша признательность и привязанность къ нимъ безгранична..." Для выраженія искренняго чувства мы бы желали побольше простоты,

---

1) *Lurion*, op. cit., p. 49.

2) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (par M. Pilotelle), p. 293.

3) *Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 310—311. Упомянутое здѣсь стихотвореніе воспроизведено у насъ въ *Pièces justificatives*, Nr. 508.

но предоставимъ каждой эпохѣ говорить своимъ языкомъ и не будемъ мѣрить языкъ отдаленной эпохи на нашъ современный аршинъ. Во всякомъ случаѣ, быть не искренними, лицемѣрить и льстить по отношенію къ *бывшему* своему интенданту не имѣло бы никакого смысла. Прибавимъ также, что муниципалитетъ Пуатье продолжаетъ и послѣ удаленія Блоссака поддерживать съ своимъ бывшимъ интендантомъ свѣтски-дружескія отношенія. Первый обыкновенно поздравляетъ послѣдняго съ каждымъ новымъ годомъ и получаетъ отъ него соотвѣтствующій дружескій отвѣтъ. Эта неофиціальная переписка между бывшимъ администраторомъ и его бывшими управляемыми продолжается вплоть до 1789 г. Въ отвѣтъ на поздравительное письмо городского корпуса въ этомъ году бывшій интендантъ пишетъ изъ своего бретанскаго замка Блоссакъ: „Я счастливъ видѣть, что меня не забыли въ городѣ Пуатье. Боюсь, что онъ страдаетъ отъ голода, который дѣлается всеобщимъ... Настоящія обстоятельства вызываютъ у меня состраданіе къ нему...“ [1]).

Блоссакъ-сынъ, состоявшій въ суассонскомъ интендантантствѣ адъюнктомъ своего отца, но фактически замѣнявшій его въ управленіи областью, точно также успѣлъ, повидимому, снискать симпатіи мѣстнаго общества. По крайней мѣрѣ, разнесшійся въ августѣ 1789 г. слухъ о намѣреніи Блоссака подать въ отставку вызвалъ въ мѣстномъ обществѣ выраженія сожалѣнія и попытки удержать интенданта отъ этого его намѣренія. Нѣкоторыми изъ городскихъ управленій интендантства были приняты въ этомъ смыслѣ особыя постановленія. Такъ, муниципалитетъ городка Крепи занесъ 8-го августа 1789 г. въ свои протоколы слѣдующее постаноdленіе (интересное особенно въ этотъ моментъ: августъ 1789 г.): „Постоянный комитетъ города Крепи — гласитъ это постановленіе –, встревоженный слухами о томъ, что области угрожаетъ утрата г. де-Блоссака, суассонскаго интенданта, который будто бы подалъ или предполагаетъ подать въ отставку; принимая во вниманіе, что область потеряла бы въ этомъ случаѣ столь справедливаго и столь честнаго магистрата, а такая потеря была бы очень трудно возмѣстима, и желая пойти навстрѣчу единодушнымъ пожеланіямъ всѣхъ корпорацій города и всѣхъ гражданъ,—постоянный комитетъ единогласно постановилъ: ходайствовать передъ нашими сеньерами наці-

[1]) Ibidem, p. 312.

ональнаго собранія о томъ, чтобы оно сдѣлало всѣ возможныя усилія для того, чтобы побудить Его Величество не принимать отставки г. де-Блоссака, въ случаѣ если онъ таковую подалъ или подастъ впослѣдствіи, и сохранить суассонской области интенданта, который составляетъ ея утѣшеніе и благополучіе, и заслуживаетъ публичной признательности“ [1]).

Что постановленіе городского управленія Крепи не являлось чѣмъ-либо единичнымъ и изолированнымъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько писемъ, полученныхъ постояннымъ комитетомъ Крепи по поводу приведеннаго сейчасъ постановленія, и занесенныхъ въ его протоколы. Въ числѣ ихъ находимъ письмо за подписью членовъ постояннаго комитета городка Montmirail. „При первыхъ же слухахъ объ уходѣ г. де-Блоссака мы почувствовали, какъ и вы,— пишутъ они своимъ коллегамъ г. Крепи—всю тяжесть утраты, въ случаѣ принятія Его Величествомъ отставки этого магистрата, друга народа и вмѣстѣ—друга справедливости. Та дань уваженія, которую всѣ принуждены отдать его добродѣтелямъ, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ, насколько въ интересахъ всѣхъ насъ—соединить наши пожеланія и наши усилія, для того чтобы удержать его въ нашей области, которой онъ составляетъ и славу и благополучіе. Вмѣстѣ съ выраженіемъ нашихъ чувствъ къ г. де-Блоссаку, примите увѣреніе въ нашей полной готовности поддержать ваши шаги въ видахъ предупрежденія угрожающей намъ общей для насъ утраты [2]).

Преемникъ Блоссаковъ въ Пуатье, Була-де-Нантёйль, снискалъ себѣ признательность „своихъ согражданъ“ своими энергичными и успѣшными мѣрами для предотвращенія угрожавшаго зимою 1785—1786 г. городу Пуатье голода, вслѣдствіе неурожая предыдущаго лѣта. Желая увѣковѣчить свою признательность интенданту, муниципалитетъ города Пуатье, „столицы провинціи“, постановилъ въ сентябрѣ 1786 г. заказать „картину, которая бы содержала гербъ г.-де-Нантейля, девизъ и соотвѣтствующую обстоятельствамъ латинскую надпись“; но затѣмъ, вмѣсто картины, рѣшено было заказать соотвѣтствующую медаль, которая и была выбита въ количествѣ ста четырехъ экземпляровъ (одна золотая для интенданта, три серебряныхъ для наиболѣе почетныхъ лицъ въ городѣ и сто бронзовыхъ). Въ четвергъ 14-го декабря муниципалитетъ въ полномъ составѣ

1) *Bulletin de la Société archéologique de Soissons*, t. XIX (1888), p. 139.
2) Ibidem, p. 141.

отправился для врученія медали интенданту. Процессія имѣла импозантный видъ. Впереди шелъ отрядъ гренадеръ городской милиціи съ барабанами и военнымъ оркестромъ. Прибывъ во главѣ процессіи въ отель интендантства, меръ вручилъ золотую медаль интенданту, одну изъ серебряныхъ передалъ первому секретарю интендантства, а членамъ муниципалитета и почетнымъ лицамъ города роздалъ бронзовыя медали; другая серебряная медаль была оставлена меру, третья передана для храненія въ думское казнохранилище. Однимъ изъ студентовъ мѣстнаго юридическаго факультета было прочитано привѣтственное стихотвореніе, которое послѣ школьно-напыщеннаго сравненія интенданта съ императоромъ Титомъ, заканчивалось нѣсколькими болѣе простыми словами въ которыхъ звучала нотка искренности [1]). На лѣвой сторонѣ медали былъ изображенъ гербъ города Пуатье съ надписью CIVITAS PICTAVIUM. На оборотѣ латинская надпись гласила, что „Була-де-Нантёйль, въ бытность свою въ царствованіе благодѣтельнаго Людовика XVI правителемъ области Пуату, подвергшейся въ то время голоду, съ величайшей предусмотрительностью обезпечилъ снабженіе города съѣстными припасами“ [2]).

XXIX.

Въ ознаменованіе своей симпатіи или же благодарности тому или другому изъ своихъ интендантсвъ за какое-либо „благодѣяніе“ города нерѣдко „увѣковѣчиваютъ“ его имя въ названіи улицы, площади, набережной и т. д. Многія изъ этихъ наглядныхъ воспоминаній, оставленныхъ различными интендантами въ своихъ провинціяхъ, сохранились до нашихъ дней. Такимъ образомъ, имена многихъ изъ интиндантовъ занимающей насъ эпохи продолжаютъ до сихъ поръ жить въ устахъ потомковъ ихъ бывшихъ управляемыхъ. Такъ, города Моріакъ и Орильякъ въ Оверни продолжаютъ сохранять память о Монтіонѣ, который былъ однимъ изъ послѣд-

1) Oui, Nanteuil, à jamais ta mémoire chérie
Vivra jusques aux temps de nos derniers neveux,
Qui diront à leur tour d'une voix attendrie:
Il trouva le bonheur en faisant des heureux.

2) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, année 1855, p. 257—347—354 (par M. Pilotelle); ibidem, année 1868, p. 5—16 (par M. Lecointre-Dupont).

нихъ интендантовъ этой области, въ названіяхъ своихъ бульваровъ [1]).

Одна изъ улицъ въ Орильякѣ носитъ до сихъ поръ имя послѣдняго овернскаго интенданта де-Шазера [2]), а одна изъ улицъ Клермонъ-Феррана—имя одного изъ его предшественниковъ, Баллэнвиллье [3]).

Послѣдній алансонскій интендантъ, Жюлльенъ, оставилъ память о себѣ въ названіи одной изъ улицъ Алансона [4]).

Воспоминаніе объ интендантѣ Сенакъ-де-Мейльянѣ до сихъ поръ живетъ вѣ Марсели, въ названіи одного изъ лучшихъ бульваровъ города, allées de Meilhan [5]).

Городъ Руанъ далъ одной изъ своихъ улицъ имя послѣдняго своего интенданта, Тиру-де-Кроня, которое послѣ временнаго остракизма въ эпоху террора, было возставленно при консульствѣ и продолжаетъ существовать до нашихъ дней [6]).

Городъ Канъ далъ одной изъ своихъ площадей имя одного изъ своихъ послѣднихъ интендантовъ, Фонтетта (сохранившееся до сего времени) [7]); городъ Виръ назвалъ именемъ того же интенданта вновь возникшую при немъ улицу [8]).

Городъ Шалонъ далъ одной изъ улицъ имя одного изъ послѣднихъ мѣстныхъ интендантовъ, Руйлльe-д'Орфейля [9]), городъ Лоріанъ въ Бретани—своей новой площади имя одного изъ послѣднихъ бретанскихъ интендантовъ, Казъ-де-ла-Бова [10]).

Городъ Сэнтъ, служившій одной изъ резиденцій послѣдняго ла-

---

1) *Intermédiraire des chercheurs et curieux*, t. XL, p. 953—954 (par Dauvergne).

2) Ibidem.

3) *Bonnefoy*, Histoire de l'administratin dans la province d'Auvergne, t. I, p. 123. Одинъ изъ бульваровъ Клермонъ-Феррана носитъ имя Трюдэня, одного изъ овернскихъ интендантовъ времени Людовика XV (ibidem, p. 161).

4) *Angot des Rotours*, Notice manuscrite sur l'intendant Jullien, p. 2.

5) См. одинъ изъ путеводителей по Марселю.

6) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 1-ère partie, t. I, p. 100.

7) *Galland*, Essai sur l'histoire du protestantisme à Caen, Caen, 1898, p. 403; *Mourlot*, l'Intendant Fontette, p. 10 (extrait du *Bulletin historique et philologique*, 1904).

8) *Mourlot*, op. cit., p. 10.

9) См. путеводитель по Шалону.

10) „Cours la Bove".—*Dupuy*, Etudes sur l'administration municipale en Bretagne au XVIII-e siècle, Paris et Rennes, 1891, 2-ème partie, p. 40.

рошелльскаго интенданта Гео-де-Реверсо, назвалъ его именемъ одну изъ своихъ набережныхъ [1]).

Въ городѣ Рошфорѣ есть „великолѣпное мѣсто для прогулки, ведущее къ морскому госпиталю“,—оно называетя cour d'Ablois: это—имя одного изъ послѣднихъ ла-рошелльскихъ интендантовъ [2]).

Лиможскій муниципалитетъ далъ одной изъ своихъ городскихъ площадей имя своего интенданта д'Эня (непосредственнаго преемника Тюрго въ лиможскомъ интендантствѣ), и послѣ его перемѣщенія въ Туръ, поставилъ при одномъ изъ входовъ на названную площадь двѣ колонки съ „латинскими надписями, перечисляющими подробно всѣ выполненныя въ его управленіе общественныя работы“. „Эти памятники любви и признательности—пишетъ по этому поводу одинъ изъ мѣстныхъ обывателей—тѣмъ для него (интенданта) лестнѣе, что они декретированы въ такой моментъ, когда не оказывается никакой надобности заискивать у интенданта, потому что онъ насъ оставляетъ. „Мнѣ бы хотѣлось — прибавляетъ авторъ письма—, чтобы къ надписи были прибавлены слова: *Г. д'Эню—послѣ его ухода въ турское интендантство*“ [3]).

Городъ Пуатье до сихъ поръ гордится своимъ паркомъ, слывущимъ однимъ изъ красивѣйшихъ во Франціи: онъ носитъ имя Блоссака, одного изъ послѣднихъ интендантовъ области [4]). Именемъ того же

[1]) *Bulletin de la Société des archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis*, année 1892, p. 429.—*Intermédiaire des chercheurs et curieux*. t. XL, p. 944.

[2]) *Intermédiaire des chercheurs et curieux*, t. XL, p. 944 (par R. Salignon).

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXIII (14 novembre 1783). Exrait d'une lettre de Limoges, du 8 novembre.

[4]) Въ сороковыхъ годахъ, когда, благодаря изслѣдованіямъ мѣстныхъ любителей старины, стало кое-что извѣстнымъ изъ того, чѣмъ обязанъ былъ городъ Пуатье дѣятельности интенданта Блоссака, возникла въ мѣстномъ обществѣ мысль о сооруженіи ему памятника въ паркѣ, носящемъ его имя. Мысль эта, встрѣтившая себѣ сочувственный откликъ въ средѣ муниципалитета, натолкнулась однако на одно, довольно неожиданное, но тѣмъ не менѣе серьезное препятствіе. Оказалось, что негдѣ добыть свѣдѣній о мѣстѣ и времени рожденія и смерти бывшаго интенданта; напрасно также искали въ Пуатье его портрета... Только нѣсколько лѣтъ спустя удалось разыскать послѣдній въ фамильномъ замкѣ Блоссаковъ въ Бретани, и муниципалитетъ Пуатье распорядился снять съ него копію, которая и помѣщена была въ зданіи городской думы (*Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 364—365) Насколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ интендантовъ времени

интенданта назвалъ свою главную площадь (place de Blossac) городокъ Фонтенэ [5]).

Подведемъ итоги настоящей главы.

Не смотря на значительный прогрессъ административной и культурной централизаціи во Франціи, провинція, во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, всетаки далека отъ поглощенія Парижемъ, какъ въ административномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи.

Какъ *административная величина*, провинція не только сохраняетъ извѣстные элементы жизненности, но въ позднѣйшую пору стараго порядка начинаетъ даже проявлять свою жизненность съ большей интенсивностью. Органами мѣстной общественной и административной жизни являются, прежде всего, провинціальные штаты, а тамъ, гдѣ таковые болѣе не существуютъ,—мѣстные парламенты и другіе трибуналы, сохранившіе извѣстную степень самостоятельности городскіе муниципалитеты, помѣстное дворянство и различныя мѣстныя корпораціи. Какъ бы то ни было, традиціи „провинціальной свободы“ никогда не умирали и въ тѣхъ областяхъ, которыя утратили болѣе или менѣе давно свои провинціальные штаты; въ концѣ стараго порядка традиціи эти оживаютъ даже съ новою силой.

Что касается провинціи, какъ *культурной величины*, то одновременно съ ростомъ Парижа, какъ культурнаго центра страны, мы замѣчаемъ, начиная со второй четверти восемнадцатаго вѣка, и еще болѣе—во второй половинѣ послѣдняго, также и значительный культурный ростъ провинціи. Ростъ Парижа былъ слѣдовательно не столько результатомъ культурнаго поглощенія провинціи столицей, сколько слѣдствіемъ *общаго культурнаго роста страны*,—роста, положительные результаты котораго были по меньшей мѣрѣ столь же плодотворны для „провинціи“, сколько и для „столицы“.

Населеніе Парижа ростетъ, но одновременно возрастаетъ и народонаселеніе провинціи, и еще неизвѣстно, столица или провинція идетъ впереди, какъ демографическая величина. Парижъ богатѣетъ, но богатѣетъ и провинція, богатѣетъ вся страна. О хозяйственномъ прогрессѣ,

Людовика XVI не удостоился чести памятника, если не считать нѣсколькихъ коммеморативныхъ надписей въ честь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

[1]) Ibidem, p. 343.

темпъ котораго ускоряется въ особенности послѣ семилѣтней войны, кромѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ современниковъ, говоритъ и цѣлый рядъ свидѣтельствъ чисто объективнаго характера. Таковъ — фактъ постепеннаго возрастанія цифры поступленій отъ различныхъ статей налоговъ на предметы потребленія. Таковъ — фактъ *значительнаго прогресса во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни страны*: въ сельскомъ хозяйствѣ, въ промышленности, въ торговлѣ, — фактъ опять-таки засвидѣтельствованный какъ многочисленными наблюденіями современниковъ, такъ и цѣлымъ рядомъ чисто объективныхъ свидѣтельствъ. Между прочимъ, однимъ изъ симптомовъ, а вмѣстѣ и факторовъ промышленнаго и торговаго прогресса страны во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка является значительное развитіе и усовершенствованіе сѣти, какъ сухопутныхъ, такъ и водныхъ внутреннихъ путей сообщенія за послѣднее полустолѣтіе, въ особенности же за послѣднія 20—30 лѣтъ до революціи.

Главная роль въ этомъ хозяйственномъ ростѣ страны выпадаетъ на долю *городовъ*, и Парижъ въ этомъ отношеніи является, среди прочихъ городовъ Франціи, лишь какъ primus inter pares. Вмѣстѣ и параллельно съ ростомъ Парижа, какъ демографической величины, ростутъ и другіе города, въ особенности же — „столицы“ провинцій. Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ признаковъ *культурнаго роста провинціальныхъ центровъ* во Франціи въ занимающую насъ эпоху является замѣчаемое въ эту пору внутри нихъ сильное оживленіе строительной дѣятельности, при чемъ послѣдняя преслѣдуетъ не простое лишь удовлетвореніе насущной потребности въ жилыхъ помѣщеніяхъ для численно ростущаго населенія, но также и удовлетвореніе потребностямъ комфорта и эстетики. Города не только расширяются, но также „украшаются“ и обзаводятся различными „благоустройствами“.

Что касается *деревни*, то она значительно отстаетъ отъ города въ дѣлѣ культурно-хозяйственнаго прогресса; тѣмъ не менѣе и она не остаётся совершенно въ сторонѣ отъ послѣдняго. Если нищета и убожество все еще продолжаютъ составлять основной фонъ картины деревенской Франціи и въ занимающую насъ эпоху, то во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ голодныхъ годовъ, нужда становится все менѣе и менѣе острой и всеобщей, а зажиточность дѣлается все менѣе и менѣе рѣдкой гостьей въ деревенскихъ захолустьяхъ.

Вмѣстѣ и параллельно съ хозяйственнымъ прогрессомъ провинціи, замѣчается и *прогрессъ въ умственной жизни провинціальнаго обще-*

ства, находящій себѣ наглядное выраженіе въ развитіи провинціальной прессы, въ возникновеніи цѣлаго ряда научно и художественно-литературныхъ ассоціацій и сельскохозяйственныхъ обществъ, различнаго рода „филантропическихъ“ и „патріотическихъ“ кружковъ, масонскихъ ложъ, наконецъ—въ возникновеніи салонной жизни въ провинціальныхъ центрахъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ культурнаго роста провинціи является развитіе *провинціальнаго общественнаго мнѣнія*, которое, нося на себѣ болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ общественнаго мнѣнія столицы, является, тѣмъ не менѣе, въ значительной мѣрѣ продуктомъ мѣстнаго развитія, произведеніемъ мѣстныхъ культурно-общественныхъ силъ.

Это общественное мнѣніе провинціи оказываетъ *глубокое вліяніе на характеръ интенданта,* внося въ него извѣстную двойственность, заключающуюся въ томъ, что основной и изначальный характеръ интенданта, какъ *представителя центральной власти*, осложняется теперь нѣкоторымъ привнесеннымъ, вторичнымъ характеромъ—характеромъ интенданта, какъ *представителя своей провинціи*: „человѣкъ короля“, не переставая быть таковымъ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и „человѣкомъ провинціи“, при чемъ этотъ вторичный характеръ интенданта иногда до такой степени выступаетъ на первый планъ, что передъ нимъ стушевывается его основной характеръ.

Интендантъ обыкновенно отстаиваетъ свою провинцію противъ чрезмѣрныхъ притязаній фиска; нерѣдко онъ вступается за „права и вольности“ мѣстныхъ штатовъ и муниципалитетовъ противъ поползновеній то самой власти, органомъ которой онъ являлся по духу своей должности. *Человѣкъ провинціи* иногда до такой степени заслоняетъ собою въ интендантѣ *человѣкъ короля*, что онъ не отступаетъ подъ часъ передъ явнымъ неповиновеніемъ и даже противодѣйствіемъ правительству.

Человѣку короля было тѣмъ легче войти въ роль *человѣка провинціи*, что интендантъ нерѣдко и въ самомъ дѣлѣ былъ болѣе или менѣе *своимъ человѣкомъ* въ своей области, если не по происхожденію своему (что также иногда имѣло мѣсто), то по тѣмъ многочисленнымъ—личнымъ, семейнымъ, матеріальнымъ и моральнымъ связямъ, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ болѣе или менѣе продолжительнаго (иногда—пожизненнаго) пребыванія интенданта въ „своей провинціи“.

Естественно, что для интенданта, ставшаго *своимъ человѣкомъ*

въ провинціи, сжившагося и сроднившагося съ ней физически и духовно, послѣдняя не могла уже быть простымъ объектомъ „приведенія въ исполненіе королевскихъ велѣній“; она являлась, кромѣ того, а подъ часъ и прежде всего, живымъ субъектомъ, моральное воздѣйствіе котораго, частью безсознательно, частью вполнѣ сознательно, испытываетъ на себѣ „человѣкъ короля“. Голая власть—съ одной стороны, простое повинованіе—съ другой его уже не удовлетворяютъ: онъ хочетъ „нравиться и быть любимымъ“, и это ему, дѣйствительно, нерѣдко удается,—удается во всякомъ случаѣ гораздо чаще, чѣмъ этого можно было бы ожидать, въ виду той всеобщей непопулярности, которой было искони окружено имя провинціальныхъ интендантовъ. Какъ бы то ни было, многимъ изъ интендантовъ времени Людовика XVI удалось оставить по себѣ добрую память въ „своихъ провинціяхъ“, и имя Тюрго не представляетъ собою единичнаго явленія въ этомъ отношеніи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Просвѣщенный человѣкъ“ и „просвѣщенный администраторъ“.

Администраторъ, какъ *просвѣщенный человѣкъ*.—I. Символъ вѣры „просвѣщеннаго человѣка“.—Вѣра въ свой вѣкъ и его *просвѣщеніе*.—II. *Другъ философіи* и поклонникъ *разума*.—III. Вѣра въ „прогрессъ разума“ и оптимизмъ.—IV. Другъ *природы*.—V. *Чувствительный человѣкъ*.—VI. *Другъ человѣчества*.—VII. *Другъ свободы*.—VIII. Просвѣщенное свободолюбіе и его историческія основы.—IX. Врагъ *фанатизма*.—X. *Другъ народа*.—XI. Просвѣщенное народолюбіе и любовь къ *равенству*; ихъ историческія основы.—XII. Народолюбіе и увлеченіе сельскимъ хозяйствомъ и сельскимъ бытомъ; вліяніе *философовъ-экономистовъ*.—XIII. *Патріотъ* и *гражданинъ*.—XIV. *Другъ націи*.—XV. *Республиканскій духъ*.—XVI. Англоманія.—XVII. *Философскій духъ* въ администраціи.—*Просвѣщенный администраторъ*.—XVIII. Администраторы—„собратья философовъ“.—XIX. Офиціальный языкъ администраціи.—*Просвѣщенный вѣкъ, разумъ, природа*. — XX. „Администраторъ просвѣщенный и чувствительный“. — XXI. *Человѣколюбіе*. - XXII. *Народолюбіе*. — XXIII. „Республиканская“ фразеологія въ языкѣ администраціи. – XXIV. Офиціальныя рѣчи интендантовъ.—XXV. Интенданты-англоманы.—Заключеніе.

Вліяніе общественнаго мнѣнія на администрацію вообще и въ частности на интендантовъ и ихъ дѣятельность было тѣмъ глубже и разностороннѣе, что оно не было лишь *внѣшнею силой*, давленію которой администрація *принуждена была* такъ или иначе уступить, но также въ значительной мѣрѣ и *силою внутренней*, которая находила себѣ *непринужденное проявленіе* въ дѣятельности администраціи. Въ самомъ дѣлѣ, *то идейное настроеніе, которое представляло собою, такъ сказать, психологическую основу общественнаго мнѣнія,—это настроеніе вѣдь не было чѣмъ-то постороннимъ и чуждымъ для администраціи, такъ какъ оно въ большей или меньшей степени раздѣлялось и тѣми людьми, въ лицѣ которыхъ осуществлялась дѣятельность администраціи.* Это было впрочемъ вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что тѣ общественные слои, изъ нѣдръ которыхъ выходили эти люди, не

только были глубоко проникнуты этимъ настроеніемъ, но въ извѣстной степени и сами являлись активными носителями и, если можно такъ выразиться, *производителями* послѣдняго, въ качествѣ органической части того образованнаго общества, или, какъ тогда выражались—*просвѣщенной публики (le public éclairé)*, которой фактически принадлежала главная, чтобы не сказать исключительная, роль въ выработкѣ того *общественнаго мнѣнія*, которое современниками считалось и выдавалось за „мнѣніе націи“ [1]).

Въ лицѣ администратора занимающей насъ эпохи мы имѣемъ дѣло не только съ образованнымъ человѣкомъ въ привычномъ для насъ смыслѣ этого слова, но и съ *человѣкомъ просвѣщеннымъ (homme éclairé)* въ томъ спеціальномъ и чреватомъ смыслѣ (sensu praegnanti), какой ему придавался людьми того „просвѣщеннаго вѣка“, кагда быть „просвѣщеннымъ человѣкомъ“ было такъ же обязательно для каждаго порядочнаго человѣка, какъ въ былое время быть „добрымъ католикомъ“. „Просвѣщенный человѣкъ“, это не просто образованный человѣкъ, какъ „добрый католикъ“ не просто хорошій христіанинъ. *Просвѣщеніе (lumières)* этого просвѣщеннаго вѣка—нѣчто большее, чѣмъ образованность: это—своего рода вѣроисповѣданіе. Для просвѣщеннаго человѣка такъ же обязателенъ извѣстный символъ вѣры, какъ обязательно свое credo для добраго католика.

I.

Просвѣщенный человѣкъ преисполненъ прежде всего полной самаго наивнаго оптимизма *вѣры въ свой вѣкъ*, какъ *просвѣщенный* par excellence *(siècle eclairé)*, *вѣкъ просвѣщенія (siècle des lumières)* [2]),

---

[1]) Такъ, впрочемъ, смотрятъ на дѣло и нѣкоторые изъ современныхъ наблюдателей. См., напр., *Bouillé*, Mémoires, p. 19: „On persuada encore à ce prince (Louis XVI), et ses ministres se le persuadèrent à eux-mêmes, que le public éclairé, mais inquiet, avide et corrompu, qui habitait la cour, la capitale et les villes, composait la masse de la nation... L'opinion de ce public devint la boussole variable du gouvernement“.

[2]) Вѣра въ свой вѣкъ и въ его „просвѣщеніе“ обусловливалась въ значительной мѣрѣ, съ одной стороны—дѣйствительными успѣхами наукъ, въ особенности естественныхъ, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, съ другой—огромнымъ развитіемъ литературы и ростомъ ея значенія въ общественной и умственной жизни эпохи. Уже въ серединѣ восемнадцатаго вѣка, по наблюденіямъ современника, „вкусъ къ литературѣ, наукѣ и искусствамъ настолько распространился въ обществѣ, что его старались выказывать даже тѣ, которые въ

вѣкъ разума (siècle de la raison) [1], *вѣкъ философіи (siècle de philosophie)* [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенный человѣкъ, естественно, преисполненъ самаго глубокаго презрѣнія къ прошлымъ вѣкамъ, какъ вѣкамъ варварства, невѣжества, грубыхъ заблужденій и „готическихъ предразсудковъ“ [3].

дѣйствительности его не имѣли“. „Вкусъ“ этотъ прогрессивно развивается въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій. Интересоваться „науками“ становится модой, увлекаться ими—признакомъ „хорошаго тона“. Въ 1782 г. одинъ изъ героевъ г-жи де-Жанлисъ пишетъ о свѣтскихъ дамахъ своего времени: „Пять лѣтъ тому назадъ я ихъ оставилъ всецѣло поглощенными своими нарядами и зваными ужинами; я ихъ нахожу теперь всѣхъ учеными и умницами (beaux-esprits). „Науки вдругъ вошли въ моду“. Въ будуарѣ свѣтской дамы этого времени не рѣдкость было увидать полку съ книгами, среди которыхъ фигурировали словари по естественнымъ наукамъ и трактаты по физикѣ и химіи. Организовались публичные или кружковые курсы „по химіи, физикѣ, естественной исторіи“. Возникали, вплоть до самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ уголковъ, различныя научныя и литературно-художественныя „общества“, „академіи“.—*Taine,* les Origines, t. I, p. 222 et suiv.; 379—380; *Soulavie,* op. cit., t. IV, p. 400; *m-me de Genlis,* Dictionnaire des étiquettes t. I, p. 33: „Tout à coup les prétentions à l'esprit mirent les sciences à la mode.—*Duclos,* Considérations sur les moeurs de ce siècle, nouvelle édition Londres, 1769, p. 140: „Le goût des lettres, des sciences et des arts a gagné insensiblement, et il est venu au point que ceux qui ne l'ont pas, l'affectent“.

[1]) Иначе—*l'âge de la raison.* Уже въ 1732 г. Фонтенелль пишетъ: „Nous sommes dans un siècle où la raison commence à prendre plus d'empire qu'elle n'en avait eu, du moins depuis longtemps“ (*Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française, t. VI, p. 10).—„Является поколѣніе, посвятившее себя царству разума“—пишетъ въ 1753 г. аббатъ de Pons (*Дашкевичъ,* Разборъ сочиненія Иванова, Спб. 1892, стр. 84).—Въ своемъ сочиненіи *Considérations sur les moeurs de ce siècle,* вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1751 г., Дюкло между прочимъ пишетъ: „Je ne sais si j'ai trop bonne opinion de mon siècle; mais il me semble qu'il y a une certaine fermentation de la raison universelle qui tend à se développer“ (стр. 18, по лондонскому изданію 1769 г.).—Дюкло „исторіографъ Франціи“, родился въ 1704 г., умеръ въ 1772 г.—Въ 1750 г. Тюрго напечаталъ Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain, 1750 (*Turgot,* Oeuvres, éd. *Daire,* t. II, p. 597-610). Сравн. *Condorcet,* Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain, Paris, 1794.—Сравн. *Voltaire,* Eloge historique de la Raison, 1774: „Dites-moi quel temps vous auriez choisi ou préféré au temps où nous sommes pour vous habituer en France?“ (цит. по *Petit-de-Julleville,* op. cit., t. VI, p. 148).

[2]) Иначе—*siècle philosophe.*—*Grimm,* Correspondance littéraire, t. III, p. 151; *D'Alembert,* Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie, t. II, p. 75.

[3]) *De Barante,* op. cit., p. 311: „Il y avait dans la nation un désir vague de perfectionnement, *une ivresse des lumières* qu'on croyait avoir acquises, un *dé-*

„Просвѣщеніе“, это — и великая моральная сила и вмѣстѣ—панацея противъ всякихъ общественныхъ золъ. „Для того, чтобы сдѣлать людей лучшими, надо только ихъ просвѣтить; преступленіе, это всегда—результатъ недомыслія“ [1]). Если нація „просвѣщенна“, то деспотизмъ для нея нестрашенъ, ибо—невозможенъ [2]). Если мысль о созывѣ генеральныхъ штатовъ внушаетъ королю опасенія за свою „прерогативу“, то это совершенно напрасно—увѣряетъ его бордоскій парламентъ: „королевской прерогативѣ нечего опасаться за себя въ *нашъ просвѣщенный вѣкъ*“ [3]).

II.

Просвѣщенный вѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ—*философскій вѣкъ* (*siècle philosophe*) [4]), его „просвѣщеніе“ проникнуто *философскимъ*

dain superbe pour le passé...“—„Depuis cette époque—говоритъ меръ г. Ла-Рошелли въ концѣ 1788 г.—*les lumières* se sont répandues, *ces vieilles erreurs* ont été dévoilées...“—*Audiat*, les Etats provinciaux de Saintonges, p. 144—145.

[1]) *Duclos*, Considérations, 1769, p. 6: „Pour les (les hommes) rendre meilleurs, il ne faut que les éclairer; le crime est toujours un faux jugement“.

[2]) „Le despotisme est impossible si la nation est éclairée“—слова Кенэ, цитируемыя Токвилемъ, op. cit., p. 244

[3]) „La prérogative du roi n'en a rien à craindre dans *ce siècle éclairé*“.—Remontrances du parlement de Bordeaux, du 29 janvier 1785. *Mémoires secrets*, t. XXVIII [25 février 1785].

[4]) Первые проблески „философскаго духа“ можно замѣтить уже у Фонтенелля, этого „скептика, вѣрящаго въ разумъ“, являющагося истиннымъ предшественникомъ Вольтера и Энциклопедистовъ (*Pierre Robert*, les Précurseurs (*Histoire de la Langue et de la Littérature françase*, t. VI, p. 1—13); *Emile Faguet*, Dix-huitième siècle, études littéraires, Paris, 1894, p. 31—53; *Ferd. Brunetière*, Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française, 5-ème série, Paris, 1896, p. 183—250 (la Formation de l'idée de progrès au XVIII-e siècle).—Появленіе въ печати *Англійскихъ* или *Философскихъ писемъ* Вольтера въ 1731 г. принято считать датой перваго явственнаго проявленія „философскаго духа“ во Франціи. Изъ позднѣйшихъ хронологическихъ датъ отмѣтимъ, какъ важнѣйшія: 1746 г., отмѣченный выходомъ *Философскихъ мыслей* Дидро, и 1751—1772 г. время выхода въ свѣтъ перваго изданія Энциклопедіи, въ которой нашла себѣ наиболѣе полное выраженіе „философія“ восемнадцатаго вѣка (*Ducros*, les Encyclopédistes, Paris, 1900). Къ этому періоду относятся такія явленія въ области „философской“ литературы, какъ *Diderot*, Pensées sur l'interprétation de la Nature, 1754; *Helvétius*, De l'Esprit, 1758; *Voltaire*, Dictionnaire philosophique, 1764; *Raynal*, Histoire philosophique des deux Indes, 1770; *Holbach*, Système de la Nature, 1770. Отмѣтимъ также анти-„философскую“ комедію *Palissot*, les Philosophes, 1760, и анонимный

духомъ (esprit philosophique), оно есть, можно сказать, сама *философія*. Просвѣщенный человѣкъ можетъ конечно и не быть самъ „философомъ", но для него обязательно быть „другомъ философіи".

Въ качествѣ друга философіи, просвѣщенный человѣкъ является поклонникомъ *разума (raison)*, такъ какъ вѣдь сущность философскаго просвѣщенія состояла, по опредѣленію самихъ же современниковъ эпохи, въ томъ, чтобы всѣмъ вещамъ давать оцѣнку не на основаніи традиціонныхъ понятій, а на основаніи разума [1]).

„Разумъ - пишетъ другой современникъ—высвобождается изъ пеленокъ, которыми опутали его религія и законы" [2]). Разумъ становится „единственнымъ авторитетомъ, который признается мудрецомъ" [3]). Богиня разума имѣетъ своихъ жрецовъ задолго до того момента, когда ея олицетвореніе возсѣло на алтарѣ парижской Notre-Dame. Не задолго передъ революціей нѣкоторые публицисты—полушутя, полусерьезно—начинаютъ уже вести лѣтосчисленіе отъ „воцаренія разума" [4]).

анти-„философскій" памфлетъ *la Petite Encyclopédie, ou Dictionnaire des Philosophes,* 1772.

[1]) *Mme de Staël,* Considérations sur la Révolution française, t. I, p. 182: „Les lumières philosophiques, c'est-à-dire l'appréciation des choses d'après la raison et non d'après les habitudes" (цит. по *Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1904, стр. 309). — Характерны въ указанномъ отношеніи заглавія нѣкоторыхъ печатавшихся тогда книгъ; напримѣръ, въ 1789 г. вышла книжка подъ заглавіемъ: *Petit code de la raison humaine, ou Exposition succinte de ce que la raison dicte à tous les hommes pour éclairer leur conduite et assurer leur bonheur*. Экземпляръ этой книжки имѣется въ библіотекѣ кн. Воронцова, принадлежащей Новороссійскому университету (рубр. 2, 26, 6, 4.).

[2]) *La Petite Encyclopédie, ou Dictionnaire des Philosophes,* Anvers, 1772, p. 4: „La raison sort de l'enfance, où la religion et les lois l'avaient retenue". Цитируемое сочиненіе представляетъ собою анти-философскій памфлетъ, но даваемыя имъ ироническія опредѣленія сплошь да рядомъ формулируютъ довольно точно воззрѣнія „философовъ". Экземпляръ этого любопытнаго и рѣдкаго въ настоящее время сочиненія имѣется въ библіотекѣ кн. Воронцова, въ Новороссійскомъ университетѣ (рубрика: 2, 10, 1, 15).

[3]) „L'autorité de la raison est la seule qu'un sage reconnaisse" (Ibidem).— По мнѣнію Фонтенелля, уже въ его время „l'autorité a cessé d'avoir plus de poids que la raison" (*Fontenelle,* Histoire de l'Académie des sciences, Paris, 1702, préface).

[4]) Такъ, въ 1788 г. адвокатъ Maréchal издалъ брошюру подъ заглавіемъ *Almanach des honnêtes gens* съ датой, формулированной такъ: „L'an premier du règne de la Raison".— *Quérard,* la France littéraire, t. V, p. 521.

III.

Вѣра въ свой „просвѣщенный вѣкъ“ и вѣра въ „прогрессъ разума“ [1]) придаютъ особую, характерную для эпохи глубоко-оптимистическую окраску этому „новому духу“. Въ представленіи людей эпохи, не прошедшихъ чрезъ „суровую школу революцій“ [2]), совокупность желанныхъ „реформъ“ облекается въ свѣтозарный образъ *счастливой, вожделѣнной революціи*, которая „возродитъ“ и облагодѣтельствуетъ Францію [3]). За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ стараго порядка, „никто болѣе не утверждаетъ, что Франція находится въ упадкѣ; можно было бы сказать, наоборотъ, что въ эту пору не видится предѣловъ прогрессу... Двадцатью годами раньше ничего не надѣялись отъ будущаго; теперь оно не внушаетъ никакихъ опасеній“ [4]). Общее чувство, это—оптимистиче-

[1]) Вѣра эта находится въ тѣсной связи съ увѣренностью въ способности человѣческой природы къ безконечному усовершенствованію и въ „моральной добротѣ человѣка“. „La bonté morale de l'homme—говоритъ Кондорсэ,—résultat nécessaire de son organisation, est, comme toutes les autres facultés, susceptible d'un perfectionnement indéfini, et la nature lie, par une chaine indissoluble, la vérité, le bonheur et la vertu“.—*Condorcet,* Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain (цит по *Petit de Julleville,* Histoire de la langue et de la littérature française. t. VI. p. 384).

[2]) „La dure école des révolutions“.—*Tocqueville,* l'Ancien régime et la révolution, p. 236.

[3]) „Elle est donc arrivé, *cette heureuse révolution,* qui porte l'allégresse dans les coeurs de tous les bons citoyens“ - такими словами привѣтствуетъ одна депутація возвращающихся въ Руанъ членовъ нормандскаго парламента въ ноябрѣ 1774 года. — „*Une si heureuse révolution*“ говорятъ о возстановленіи тулузскаго парламента въ своемъ письмѣ къ министру тулузскіе купцы (*Archives du ministère des Affaires étrangères,* fonds France, Nr. 1651, p. 113).—„L'espérance commençait à renaître dans le coeur des citoyens; ils se flattaient de voir bientôt s'opérer *cette salutaire révolution*“ -пишетъ въ 1788 г современный хроникёръ по поводу возстановленія парламентовъ (*Relation,* etc.- *Bibliothèque nat.,* Lb 39/645).—„La voici arrivée, l'époque de *cette révolution* qui fixera les regrets ou l'admiration de la postérité!..“ – восклицаетъ около того же времени другой современный публицистъ (*Rocquain,* op. cit., p. 475). — „*Une révolution inespérée* rassure les bons citoyens“—говоритъ въ концѣ 1788 г. современный обозрѣватель, по поводу происшедшей перемѣны въ настроеніи дворянства (*Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 307 [30 novembre 1788]).

[4]) *Tocqueville,* l'Ancien régime, p. 270.

ская увѣренность въ томъ, что „Франція возрождается въ этотъ просвѣщенный вѣкъ“. Изъ „вожделѣнной революціи“ она выйдетъ „совсѣмъ взрослой и вооруженной, какъ Минерва изъ головы Юпитера“. Скептики, если они найдутся въ этотъ полный наивнаго, юношескаго оптизма вѣкъ, „пусть не забываютъ ни на минуту, что счастливая природа создаетъ сердца гуманнѣйшія, благороднѣйшія и чувствительнѣйшія“ [1]). По господствующему убѣжденію, „новая эра должна была открыться для возрожденной Франціи“ [2]).

IV.

Другъ философіи, просвѣщенный человѣкъ есть тѣмъ самымъ и *другъ природы*, ибо *философія*, основанная на *разумѣ*, есть по преимуществу—*естественная философія (philosophie naturelle)* [3]), потому что лежащій въ ея основѣ *разумъ* указываетъ на *природу* [4]), какъ на универсальное начало всего существующаго, какъ въ мірѣ

1) *Archives parlementaires,* t. IV, p. 188. Remontrances du Tiers Etat du bailliage de Nemours (цит. по *Иванову*, op. cit., стр. 729—730).—Сравн. *Krug-Basse,* Histoire du Parlement de Lorraine, p. 355: „C'est sur le rétablissement des Etats particuliers de la Lorraine qu'est fondé l'espoir de la régénération de la province“—слова лотарингскаго парламента въ 1788 г.

2) *Raudot*, op. cit., p. 125—126: „Il fallait tout détruire pour tout créer; une ère nouvelle devait commencer pour la France régénérée“. — Сравн. рѣчь мера г. Mortagne, въ Нормандіи, къ делегатамъ отъ приходовъ, 5-го марта 1789 г.: „Voici l'aurore d'un beau jour; nous touchons à ce terme si désiré du peuple français, où la Nation va, pour ainsi dire, se régénérer“.—*Duval,* les Ephémérides de la Moyenne Normandie et du Perche en 1789, Alençon, 1890, p. 30.—Объ оптимистическомъ настроеніи французскаго общества передъ революціей см. между прочимъ: *Taine,* op. cit., t. I, p. 191, 398; *Tocqueville,* l'Ancien régime, p. 236—238; *Aubertin,* op. cit., p. 399; *Faguet,* op. cit. p. XII; *Герье*, op. cit., стр. 105; *Ону,* op. cit., стр. 7—8.

3) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen*, Paris, 1777, t. I, p. 540: „Le règne de la philosophie, et surtout de la philosophie naturelle, s'empare de notre siècle“.

4) *La nature et la raison*—одно изъ стереотипныхъ сочетаній въ языкѣ эпохи. Требованіе „утвердить основы общественнаго блага на природѣ и разумѣ“ представляетъ, съ различными варіаціями, одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ въ наказахъ 1789 г. См., напр., *Ивановъ*, op. cit., стр. 9.—Сравн. *Petite Encyclopédie,* p. 111: „*Nature.* Expression familière aux Philosophes et qu'ils doivent employer plus souvent pour rendre le langage plus uniforme. Chacun ensuite y attacherait le sens qu'il voudrait, selon le système qu'il aurait embrassé... Mais quelque sens qu'on y attache, j'ai toujours vu que ce mot faisait un bel effet dans les écrits de nos Sages“.

вселенной, такъ и въ мірѣ человѣка, индивидуально и коллективно. *Натуралистъ*—потому что *раціоналистъ*, просвѣщенный человѣкъ, въ качествѣ философа или друга философіи, именно въ природѣ и ея законахъ („естественныхъ законахъ") ищетъ разгадки всего существующаго и ключа къ разрѣшенію вопросовъ нравственности и общественности.

Сверхъестественнымъ законамъ, служащимъ къ объясненію вселенной съ точки арѣнія „привычныхъ представленій", просвѣщенный человѣкъ противопоставляетъ подсказываемые разумомъ *естественные законы* [1]), религіи откровенной—*религію естественную* [2]), морали богословской—*естественную мораль* [3]), историческому праву—*естественное право* или *право природы* [4]), традиціонной юриспру-

[1]) Вольтеръ посвящаетъ одну изъ своихъ поэмъ *Естественному закону* (1756) (*Voltaire*, Oeuvres, édition Didot, t. V)—*Руссо* въ Эмилѣ (1762) говоритъ о „вѣчныхъ законахъ природы" („lois éternelles de la Nature")—Сравн. *De la Loi naturelle,* 1790—Burlamaqui (1694—1748) въ своемъ сочиненіи *Du Droit naturel,* Genève, 1748, даетъ слѣдующее опредѣленіе „естественнаго закона": „L'on entend par *loi naturelle* une loi que Dieu impose à tous les hommes, et qu'ils peuvent découvrir et connaître par les seules lumières de leur raison, en considérant avec attention leur nature et leur état".—Авторъ книги *De la Philosophie de la Nature,* Amsterdam, 1770, формулируетъ свое опредѣленіе такъ: „Les *lois naturelles* sont ces principes éternels et primitifs qui dérivent de la constitution de l'être et le conservent ...La *loi naturelle* est indépendante du consentement formel de ceux qui doivent l'observer; elle oblige tous les hommes, parce qu'ils sont hommes et dès qu'ils sont hommes". Цитируемая книга имѣется въ библіотекѣ кн. Воронцова (6, 11, 3, 6).

[2]) *Turgot,* Lettres sur la tolérance, 1754: „Le plus grand des bienfaits du christianisme a été d'avoir éclairci et propagé *la religion naturelle*".—*Voltaire,* la Religion naturelle, poëme, 1756; *Rousseau,* Emile (1762), t. III, p. 108: „...la religion naturelle: il est bien étrange qu'il en faille une autre!"

[3]) *Rousseau*, Emile, III, p. 86: „Obéissons à la Nature..."—Ibidem, p. 278: „Il faut être soi dans tous les temps et ne point lutter contre la Nature"—ibidem, p. 319: „Voulez-vous toujours être bien guidé? Suivez toujours les indications de la Nature".—*Petite Encyclopédie,* p. 21: „En fait de moeurs et de conduite, nous ne connaissons que les avis de la Nature, ce sont nos lois".—*D'Holbach,* la Morale universelle, ou les Devoirs de l'Homme fondés sur la Nature, Amsterdam, 1776.—Сравн. *Guerrier,* l'abbé de Mably, p. 25: „C'est la *morale naturelle* opposée à la morale surnaturelle et théologique".

[4]) *Strube,* Recherches nouvelles de l'origine et des fondements du Droit de la Nature, Saint-Pétersbourg, 1740 (Воронц., 2, 10, 8, 26), p. 2: „Les plus anciens philosophes désignaient ces Lois, l'ordre éternel et immuable de toutes

денціи и политикѣ—*естественную юриспруденцію* [1]) и *естественную политику* [2]). Вслѣдъ за „философами", „просвѣщенный человѣкъ" желалъ бы передѣлать существующій общественный строй и утвердить основы новаго строя на *естественномъ порядкѣ (ordre naturel)*, согласно требованіямъ *разума* [3]).

V.

Для просвѣщеннаго человѣка, друга философіи, *природа*, это—подсказываемый ему „разумомъ" теоретическій принципъ всего его міросозерцанія. Но этого мало; „природа" для него есть нѣчто большее, чѣмъ отвлеченный теоретическій принципъ: она для него, сверхъ того, и живой, конкретный фактъ. Природа говоритъ его уму, но она говоритъ и его сердцу. Онъ не только *вѣритъ* въ природу, какъ въ великую абстрактную истину, но и *любитъ* ее, какъ кон-

les choses créées".—*Burlamaqui,* Principes du droit naturel, Genève, 1748, 2 vol. (Воронц., 2. 7, 8, 13), p. 2: „Le *Droit naturel* est le sustème, l'assemblage ou le corps de ces mêmes lois (naturelles)".—*Vattel,* Questions de Droit naturel, 1762 (ibid. 2, 10, 1, 4). — *De la Philosophie de la Nature,* Amsterdam, 1770, p. 14: „Si le *droit naturel* n'existait pas, les législateurs ne sont à mes yeux que les tyrans du genre humain, et leurs lois, les attentats contre ma liberté".- *M-me Faber,* le Droit de la Nature, imité du poëme allemand (paru en 1758), Yverdon, 1777 (*Quérard,* op. cit, t. V, p. 299).—Въ подзаголовкѣ одной брошюры о провинціальныхъ штатахъ, напечатанной въ 1789 г., читаемъ слѣдующія характерныя слова: „Des droits de la nature au-dessus de toutes les constitutions" (*Bibliothèque nat.,* Lb 39/927).

1) *Burlamaqui,* Principes du Droit naturel, Genève, 1748, p. 2: „La *Jurisprudence naturelle* sera l'art de parvenir à la connaissance des lois de la nature, de les développer et de les appliquer aux actions humaines".—*Luzac,* le Bonheur, ou nouveau Système de jurisprudence naturelle, Berlin, 1753 (*Quérard,* op. cit., t. V, p. 399).—*Pestel,* les Fondements de la jurisprudence naturelle, Utrecht, 1774 (Воронц., 2, 7, 10, 1).—*Servin,* Manuel de jurisprudence naturelle, Paris, 1784 (ibid., 2, 10, 3, 3).

2) *D'Holbach,* Politique naturelle, ou Discours sur les vrais principes du gouvernement, Amsterdam, 1773.

3) *Quesnay,* Tableau économique, 1758.—*Rousseau,* Emile (1762), t. I, p. 15: „Dans l'ordre naturel les hommes étant tous égaux..." — *Mercier de la Rivière,* Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, Londres, 1767. — *Quesnay,* Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain, Leyde, 1768.—*De l'Ordre naturel,* 1778 (Воронц., 6, 11, 3, 7).—*De la sanction de l'ordre naturel,* 1778, p. (ibid, 6, 11, 3, 7), p. 28: „*L'Ordre naturel* est l'ordre conséquent, dérivant de la nature donnée par le Créateur aux choses et à l'homme".

кретную, видимую и осязаемую, *живую природу*, съ ея лѣсами и горами, съ ея полями и лугами и населяющими ихъ живыми существами. Природу „просвѣщенный человѣкъ“ познаетъ не только какъ разумное существо (*être raisonnable*), но еще и какъ *существо чувствительное (être sensible)* [1]. „Натуралистъ“ онъ не потому только, что „раціоналистъ“, но также и потому, что онъ еще и *чувствительный человѣкъ* (*homme sensible*). На лонѣ природы *разумъ* встрѣчается съ *чувствомъ*; *натурализмъ* оказывается почвой, на которой *раціонализму* подаетъ руку *сентиментализмъ*. „Просвѣщенная философія“ есть вмѣстѣ и *чувствительная философія* [2]), какъ и „чувствительность“ просвѣщеннаго человѣка, естественно, есть „*просвѣщенная чувствительность*“ [3]). Обладать „чувствительной душой“ такъ же обязательно для просвѣщеннаго человѣка, какъ и имѣть „просвѣщенный разумъ“ [4]).

„Человѣкъ общества“ (homme de société), это конечно непремѣнно—*homme d'esprit*; но если еще недавно для того, кто претендовалъ на званіе *homme d'esprit*, было обязательно превыше всего быть *un homme aimable* [5]), то теперь отъ него требуется, кромѣ того, и даже прежде всего, быть *un homme sensible: le bel esprit* не осмѣливается

[1]) *La Veaux*, les Nuits champêtres, 1784, p. IX: „Il n'est point *d'âme sensible* qui n'ait goûté, dans la solitude, ces instants délicieux où l'homme, écartant les prestiges du mensonge, rentre dans son propre coeur, pour y chercher les étincelles de la vérité“.

[2]) „Моя философія чувствительна“—говоритъ Вольтеръ (*Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 73).—Характерны въ данномъ отношеніи заглавія нѣкоторыхъ сочиненій эпохи, напр.: *Lettres d'un Philosophe sensible*, La Haye, 1769 (Воронц. библ., 6, 5, 4, 17).—Сравн. *Mercier*, le Nouveau Paris, t. II, p. 172—173: „Quelque temps avant la révolution, les gens du *bon ton* avaient adopté une certaine *philosophie sentimentale*, qui était l'art de se dispenser d'être vertueux. Cette philosophie avait son jargon, sa sensibilité, son accent, ses gestes même“.

[3]) *Sensibilité éclairée*—одно изъ ходячихъ выраженій во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, встрѣчающееся, напр., въ трактатѣ Неккера, t. II, p. 270.

[4]) *Ame sensible*—другое ходячее выраженіе. См., напр., *Necker*, op. cit., t I, p. CXXIV; *Montyon*, Particularités et Observations sur les ministres des finances, Paris, 1812, p. 273.

[5]) *Duclos*, Cosidérations sur les moeurs de ce siècle, p. 103—104: „L'ambition de parvenir à cette réputation (*d'homme aimable*) devient de jour en jour une espèce de maladie épidémique... Tout le monde veut être *aimable* et ne s'embarrasse pas d'être autre chose“.

болѣе показываться въ обществѣ иначе, какъ „въ сопровожденіи чувствительности“ [1]). Хорошій тонъ требуетъ „нѣкоторой сентиментальной философіи“ [2]). Прослыть нечувствительнымъ, это значитъ разъ на всегда потерять право на званіе просвѣщеннаго человѣка [3]).

Являясь до извѣстной степени реакціей противъ искусственности салонно-городской жизни, сентиментальное возвращеніе къ природѣ и естественности проявляется, между прочимъ, въ формѣ идиллическаго увлеченія деревней съ ея близостью къ „природѣ“, и въ формѣ буколической идеализаціи деревенскаго быта съ его простотой и „естественностью“. „Я покидаю васъ наконецъ—говоритъ герой одной повѣсти восьмидесятыхъ годовъ—я покидаю васъ, пышные города, печальныя убѣжища спеси и холопства, гдѣ зачастую порокъ пресмыкается подъ видомъ добродѣтели, гдѣ все можно купить на золото, гдѣ драгоцѣнныя природныя чувства глохнутъ подъ блестящей мишурой... Освободившись отъ этихъ путъ, душа моя жадно вдыхаетъ упоительный воздухъ свободы... Возвратившись въ мою милую хижину, я начинаю выполнять предназначенный человѣку природой удѣлъ“... „Счастливые обитатели деревни! Наслаждайтесь сладчайшими дарами небесъ!.. Въ то время какъ по вашимъ утомленнымъ членамъ природа разливаетъ благодѣтельный отдыхъ, въ то время какъ она готовитъ вокругъ васъ наслажденія, которыя будутъ чаровать ваше пробужденіе,—въ это время въ нѣдрахъ городовъ злодѣйство точитъ свои кинжалы, готовитъ свои черныя отравы и намѣчаетъ свои жертвы...“ Между тѣмъ какъ въ „невинной деревнѣ“ (campagne innocente) „всѣ существа наслаждаются покоемъ и счастіемъ“. Во влажной свѣжей травкѣ играютъ тысячи различныхъ насѣкомыхъ; рыбки рѣзвятся безбоязненно въ водѣ; въ своихъ гнѣздахъ птички предаются наслажденіямъ любви и покоя—восхитительная награда за труды, понесенные ими въ теченіе жаркаго дня изъ-за родительской нѣжности. Невинныя животныя, вы вкушаете въ мирѣ сладости свободы... Любезный

---

1) „Le bel esprit n'osait se montrer qu'accompagné de sensibilité“.—*Lacretelle,* op. cit., t. VI, p. 31.

2) *Mercier,* le Nouveau Paris, t. II, p. 172—173. — См. выше, стр. 350, примѣч. 2.

3) *Taine,* op. cit., t. I, p. 395.—Сравн. письмо Вольтера къ Фридриху II въ 1739 г.: „Il y a je ne sais quoi de réprouvé à être insensible“ (цит. по *Дашкевичу,* op. cit., стр. 83).

соловей! чарующей пѣснью развѣвай скуку твоей милой подруги, занятой распространеніемъ въ гнѣздѣ тепла, что обѣщаетъ вызвать къ жизни плоды вашихъ взаимныхъ ласкъ... И вы, чувствительныя горлицы, отдавайтесь беззавѣтно сладостямъ любви и вѣрности..." [1])

Въ этой „чувствительности", превратившейся въ свѣтскую моду, было конечно много смѣшного [2]), какъ вообще во всемъ, что становится модой; но въ ней была, безспорно, и серьезная сторона, и лучшее тому доказательство—то, что чувствительность имѣла своихъ „вѣрныхъ" не только среди свѣтскихъ фатовъ и салонныхъ дамъ, но была достояніемъ всего общества, не исключая и лучшихъ людей въ его средѣ. „Чувствительность" была въ глазахъ людей „просвѣщеннаго вѣка" видимымъ проявленіемъ лучшихъ сторонъ *человѣка* [3]). „Je suis homme et sensile"—говоритъ герой современной повѣсти [4]), и только читатели того времени могли вполнѣ оцѣнить и тотъ тонъ, которымъ произносились эти слова, и тотъ богатый смыслъ, который скрывался подъ этимъ для нашего уха не совсѣмъ ловкимъ и немножко какъ будто даже смѣшнымъ сочетаніемъ словъ. *Sensible*, слѣдовательно—*éclairé*, слѣдовательно—„другъ философіи", „другъ природы", „другъ человѣчества".

[1]) Voyages de Mylord***, Yverdon, 1777, t. II, p. 273 (Воронц., 2, 7, 2, 17).

[2]) *Mme de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 24—25: „L'affectation de *sensibilité* que chaque jour semblait accroître, devint à certains égards si ridicule", etc. Сравн. отзывъ Мерсье, выше, стр. 350, примѣч. 2.—У обывателей Пуату „льются слезы"—правда, на страницахъ мѣстной газеты—по случаю ухода интенданта де-Блоссака (*Affiches du Poitou*, 26 février 1784: „Si nos larmes coulent, le roi nous donnera un homme selon son coeur".—*Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Oueit*, t. XXII (1855), p. 346). Во время выборовъ въ генеральные штаты 1789 г., лейтенантъ перлиньянскаго сенешальства, предсѣдательствовавшій въ мѣстномъ избирательномъ собраніи, сдѣлался предметомъ рѣзкихъ нападокъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ собранія. „Тогда г. Тетра (имя предсѣдателя), сидѣвшій все время подперевъ голову, съ платкомъ въ рукѣ, вдругъ всталъ, произвесъ рѣчь и какъ своими словами, такъ и *пролитыми слезами*" окончательно растрогалъ собраніе (*Ону*, Наказы третьяго сословія въ 1789 г., стр. 49).

[3]) „Современники—какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ *И. П. Ивановъ*, Политич. роль франц. театра, стр. 250,—чувствительность понимаютъ, какъ силу, преобразующую всю жизнь и дѣятельность человѣка, одинаково—въ семьѣ, въ кругу близкихъ, въ обществѣ, даже въ государствѣ".

[4]) *La Veaux*, les Nuits champêtres, 1784.

VI.

„Другъ человѣчества"... Въ самомъ дѣлѣ, чувствительность просвѣщеннаго человѣка обусловливается не столько, быть можетъ, его любовью къ природѣ, сколько его *любовью къ человѣчеству (amour de l'humanité)*. И можетъ ли другъ природы не быть и *другомъ человѣчества (ami de l'humanité)?* [1]). Не есть ли человѣкъ лучшее, что имѣется въ природѣ? [2])

Дѣйствительно, вѣра въ доброту человѣческой природы есть одинъ изъ членовъ символа вѣры „чувствительнаго", а слѣдовательно и „просвѣщеннаго" человѣка [3]). Такимъ образомъ, любовь къ человѣчеству, иначе *гуманность* (*humanité*) [4]), или *филантропія* (*philanthropie*) [5]), есть лишь естественное слѣдствіе чувствительности. Гуманность даже нерѣдко отождествляется въ представленіи современниковъ съ чувствительностью [6]), или вѣрнѣе—представляется имъ, какъ наиболѣе благородное изъ ея проявленій.

---

1) Такимъ эпитетомъ награждаетъ Монтіона упомянутая выше коммеморативная надпись, сдѣланная городскимъ управленіемъ Моріака, въ 1771 г., въ память его управленія областью въ качествѣ интенданта (*Pièces justificatives*, Nr. 557).—Выраженіе „*другъ человѣчества*" вошло въ литературный и словесный обиходъ, по всей вѣроятности, съ легкой руки маркиза Мирабо, озаглавившаго выпущенный имъ въ 1755—1756 гг. сборникъ статей по различнымъ соціально-экономическимъ вопросамъ: *l'Ami des Hommes*.

2) *Pestel*, les Fondements de la jurisprudence naturelle, Utrecht, 1774: p. 50: „L'homme naît avec un sentiment d'humanité, c'est-à-dire que nous portons en nous-mêmes un sens intérieur qui nous fait connaître l'excellence de l'homme et sa supériorité sur tous les êtres animés. Une sympathie naturelle nous intéresse aux biens et aux maux de nos semblables".

3) Проф. Н. П. Дашкевичъ справедливо называетъ вѣру въ доброту человѣческой природы „основной догмой чувствительности" XVIII в. (op. cit. стр. 45).

4) *Dictionnaire philosophique, ou Introduction à la connaissance de l'homme*, Paris, 1762, p. 318: „L'humanité est l'amour des hommes".—Сравн. *Petite Encyclopédie*, Anvers, 1772, p. 83: „Qu'est-ce que l'humanité?—C'est l'amour des hommes".—Сравн. ibidem, p. 37: „*Charité*, terme bas et populaire. Substituez lui toujours celui *d'Humanité:* il est plus sonore... D'ailleurs, quelle honte pour un Philosophe de se servir d'un mot si fort chéri des croyants..."

5) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat*, Londres, 1782, t. XXI, p. 550—553: „Humanité, philanthropie, vertu charmante, que ne puis-je t'élever un hôtel dans tous les coeurs!..."

6) *Дашкевичъ*, op. cit., p. 45.

„Гуманность есть чувство благожелательности ко всѣмъ людямъ. Это благородный и возвышенный порывъ, удѣлъ души великой и чувствительной. Человѣкъ, въ чьей душѣ онъ зажегся, мучится чужими страданіями и испытываетъ потребность облегчить ихъ. Онъ готовъ обойти вселенную, чтобы уничтожить рабство, истребить суевѣріе, положить конецъ пороку и несчастью". „Гуманный человѣкъ, это—человѣкъ, для котораго невыносимо зрѣлище чужого несчастья, и который, чтобы спастись отъ этого зрѣлища, можно сказать, вынужденъ помочь несчастному". „Ничего, кромѣ спокойной совѣсти, нельзя сравнить съ тѣмъ затаеннымъ чувствомъ удовлетворенія, которое испытываетъ *другъ вселенной*: я хочу сказать—*гуманный человѣкъ*, человѣкъ, находящій наслажденіе въ томъ, чтобы осчастливливать другихъ" [1]).

Одна изъ настоятельнѣйшихъ духовныхъ потребностей просвѣщеннаго человѣка [2]), *гуманность* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его первый нравственный долгъ, поскольку она является постулатомъ [3]), и — высшая добродѣтель, поскольку она является фактомъ [4]).

---

[1]) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen*, Londres, 1782, t. XXI, p. 350—353.—Сравн. *Dictionnaire philosophique, ou Introduction à la connaissance de l'homme*, Paris, 1762, p. 318: „C'est un sentiment de bienveillance qui nous excite à faire leur (=des hommes) bonheur".

[2]) *Dictionnaire philosophique, ou Introduction à la connaissance de l'homme*, p. 318: „Les personnages douces et éclairés sont naturellement portés à l' amour de l'humanité".

[3]) *Rousseau*, Emile, t. I, p. 122: „Hommes, soyez humains, c'est votre premier devoir".

[4]) *Dictionaire universel*, etc., t. XXI, p. 550—553.—Гуманность была еще до появленія „философскаго просвѣщенія", подготовлена постепеннымъ смягченіемъ нравовъ. Регламентъ одной начальной школы въ Эльзасѣ, въ 1735 г., запрещаетъ учителю наказывать учениковъ палкой, „какъ это было ранѣе въ употребленіи" (*Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 307).—Позднѣйшіе наблюдатели отмѣчаютъ, такъ сказать, повседневную *мягкость (douceur)* французскаго общества второй половины XVIII в. „Что сразу бросается въ глаза иностранцу—говоритъ современникъ Мерсье—это всеобщая мягкость, открытое радушіе, господствующее во всѣхъ слояхъ общества" (*Mercier*, Tableau de Paris, t. X, p. 131).—Жертвуя средства для основанія женской начальной школы въ Бельфорѣ, мѣстный приходскій священникъ высказываетъ въ дарственной записи свое непремѣнное желаніе, чтобы учительницы „обходились съ своими ученицами безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ, и избѣгали жестокости и вспыльчивости при наказаніяхъ, которымъ имъ придется ихъ подвергать" (*Krug-Basse*, op. cit., p. 308).—Одинъ изъ знатныхъ сеньеровъ пишетъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ своей инструкціи управляющему:

VII.

Другъ человѣчества „желалъ бы обойти вселенную, чтобы всюду уничтожить рабство, суевѣріе, порокъ и несчастіе“ [1]).

„Уничтожить рабство“—потому что другъ человѣчества не можетъ не быть и *другомъ свободы*, и это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ—потому, что любовь къ человѣчеству состоитъ въ дѣятельномъ желаніи „сдѣлать людей счастливыми“ [2]), свобода же составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ человѣческаго благополучія [3]); вѣдь „человѣкъ счастливъ лишь постольку, поскольку онъ свободенъ“; болѣе того—„человѣкъ лишь постольку человѣкъ, поскольку онъ свободенъ“ [4]).

Но, если съ одной стороны -свобода подсказывается „другу человѣчества“ чувствомъ, то „другу философіи“ она диктуется, кромѣ того, и разумомъ. „Свободолюбіе—говоритъ современный писатель—есть даръ философіи“ [5]). „Свобода мысли—вторитъ ему другой -составляетъ самую сущность философіи“ [6]). Вообще—„свобода необхо-

---

„Je désire que tous mes gens soient heureux; s'ils ne le sont pas, s'ils ont à se plaindre de quelque chose, qu'ils le disent à M. Bernard ou à moi, et je tâcherai d'y remédier.. Je recommande que mes gens soient extraordinairement attentifs pour tous ceux qui viendront chez moi; que surtout ils ne repoussent jamais les pauvres et les malheureux, mais qu'ils me parlent sur le champs de ces derniers quand il s'en présentera“.—*Armand Brette,* Papiers et correspondance du prince Emmanuel de Salm-Salm, Paris, 1899, p. 7 (extrait de la *Revue hist.,* t. LXXI, 1899).

[1]) *Dictionnaire universel,* etc., loc. cit.: „..Il voudrait parcourir l'univers, abolir l'es lavage, la superstition, le vice et le malheur“.

[2]) См. выше, стр. 354, примѣч. 1.

[3]) „La liberté est un des plus grands biens de l'humanité“ (*Dictionnaire philosophique, ou Introduction à la connaissance de l'homme,* Paris, 1762, p. 368).—Сравн. *Les Nuits de Paris,* 1789, t. VII, p. 293: „La liberté est un si grand bien, pour l'espèce humaine, qu'y porter atteinte, c'est un crime de lèse-humanité, au premier chef“.

[4]) „L'homme n'est heureux, l'homme enfin n'est l'homme, qu'autant qu'il est libre“.—*Dictionnaire social et patriotique,* Amsterdam, 1770, p. 273. (библ. Унив. св. Владиміра, 1881—1139).

[5]) „L'esprit de liberté.., c'est la philosophie qui le donne“.—*Les Nuits parisiennes,* 1769, t. II, p. 5 (Воронц., 2, 8, 8, 9).

[6]) „L'essence de la philosophie consiste dans la liberté de penser“.—*Petite Encyclopédie,* 1772, p. 21.

дима для философіи" [1]): „философъ безпрестанно кричитъ: *свобода!* и не можетъ безъ нея существовать" [2]). Философскій вѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *вѣкъ свободы* (*siècle de la liberté*) [3]).

Свободолюбіе, вытекающее, съ одной стороны—изъ „любви къ человѣчеству", съ другой—изъ „философскаго" свободомыслія, находитъ себѣ теоретическую опору въ томъ „раціоналистическомъ натурализмѣ", который представляетъ собою теоретическую подкладку „просвѣщенной" мысли второй половины восемнадцатаго вѣка. Свобода есть требованіе природы. *Свобода есть неотъемлемая принадлежность человѣка, какъ человѣка. Человѣкъ свободенъ по природѣ,* иначе говоря—свобода ему принадлежитъ въ силу *естественнаго права* [4]).

VIII.

Основанный на этомъ раціоналистическомъ понятіи свободы,—свободы, какъ одного изъ требованій „естественнаго права", „просвѣщенный" либерализмъ нашелъ благопріятную почву для своего развитія въ общественно-политическихъ традиціяхъ и навыкахъ французскаго общества. Собственно говоря, свобода въ той или другой формѣ, никогда не умирала во Франціи; даже въ моменты наивысшаго развитія королевскаго абсолютизма, она не только продолжала жить въ идеѣ, но не изчезала вполнѣ и изъ политической дѣйствительности. Съ прекращеніемъ генеральныхъ штатовъ, она продолжала жить въ уцѣлѣвшихъ провинціальныхъ штатахъ [5]), а

---

1) „La liberté .. est nécessaire à la philosophie".—*Discours préliminaire à l'Encyclopédie* (d'après la *Petite Encyclopédie,* p. 101).

2) „Autorité, c'est le mot le plus odieux au vrai philosophe, car autorité impose dépendance, et le philosophe crie sans cesse liberté et ne peut subsister sans elle" —*Petite Encyclopedie,* p. 21.

3) *Correspondance secrète, politique et littéraire,* t. II, p. 425 (1776).

4) *De la Philosophie de la Nature,* Amsterdam, 1770, p. 14.— *Rocquain,* L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 257: „Le public vit dans cette déclaration (de 1766) les principes du despotisme établis avec la plus grande hardiesse sur ceux du *droit naturel*".—*Georges,* Préliminaires de la Révolution dans l'Aube, Troyes, 1893: „Les conseillers municipaux de Bar-sur-Aube, dans une lettre du 31 décembre 1788, à leurs collègues de Vitry-le-François, parlaient résolument des *droits imprescriptibles* que le peuple tient *de la nature*".

5) „L'ancien droit du royaume—заявляетъ общее собраніе духовенства въ 1788 г.—s'est conservé tout entier dans les pays d'Etat".—*Sémichon,* les Réformes sous Louis XVI, Paris, 1876, p. 328.—Сравн. выше, стр. 251—252.

также отчасти—въ сохранившихся остаткахъ муниципальныхъ городскихъ вольностей[1]), наконецъ—въ „генеральныхъ штатахъ въ миньятюрѣ“, то-есть въ парламентахъ, которые въ извѣстной мѣрѣ унаслѣдовали роль прекратившихся генеральныхъ штатовъ[2]), и вообще—въ проникнутыхъ началами корпоративной независимости судебныхъ учрежденіяхъ[3]). Наконецъ, элементы политической свободы продолжали жить въ сословныхъ привилегіяхъ, создавшихъ для извѣстныхъ группъ гражданъ въ значительной степени независимое положеніе: независимость духовенства покоилась на его правовомъ положеніи, какъ status in statu, независимость дворянства—на остаткахъ феодальныхъ привилегій и на рыцарскихъ традиціяхъ „чести“[4]),—традиціяхъ, которыя наложили свой отпечатокъ на характеръ всей націи[5]).

„Среди многихъ учрежденій, уже приготовленныхъ для абсолютной власти,—говоритъ Токвиль—свобода продолжала жить“, и при всѣхъ абсолютистскихъ замашкахъ и притязаніяхъ королевской власти, „король никогда не былъ безраздѣльнымъ господиномъ всѣхъ и каждаго въ своемъ королевствѣ“[6]). Глубоко вѣрно замѣчаніе одного изъ новѣйшихъ историковъ до-революціонной Франціи, что „монархія, въ томъ видѣ, какъ она установилась при Людовикѣ XIV, была гораздо менѣе абсолютна въ своихъ актахъ, чѣмъ въ своихъ формулахъ и теоріяхъ“[7]).

---

1) См. выше, т. I, стр. 501 и далѣе; т. II, стр. 256.

2) „Les Etats généraux au petit pied“.—См. выше, т. I, стр. 451. См. также третью главу настоящей „книги“, стр. 255.

3) См. выше, стр. 24.

4) Какъ-то разъ графъ д'Артуа позволилъ себѣ какую-то пренебрежительность по отношенію къ капитану своей гвардіи, князю d'Hénin'у. „Monseigneur—сказалъ послѣдній королевскому принцу—благоволите вспомнить, что если я имѣю честь служить вамъ, то вы имѣете честь пользоваться моею службой“.— *Tilly*, Mémoires, éd. Barrière, p. 233. — Сравн. *Le prince de Ligne,* Mémoires et Mélanges, t. IV (Paris 1828), p. 150: „Louis XV exila M. de Choiseul: on courut à Chanteloup; on insultoit M-me du Barry; on abandonna une saison entière Compiègne et Fontainebleau, les seuls voyages à la mode, car Versailles était déjà tombé“.

5) См. черезъ четыре примѣчанія ниже.

6) *Tocqueville,* l'Ancien régime et la Révolution, p. 167.

7) *Babeau,* la Province sous l'Ancien régime, t. I, Introduction, p. VI.—Сравн. *Soulavie,* Mémoires historiques et politiques, t. VI, p. 341: „Il n'y avait rien en France de si mal défini que la fameuse *volonté royale.* Quelque absolue et militaire qu'elle fût, le roi qui prononçait sans cesse les mots *tel est notre plai-*

Помимо учрежденій, существенную роль играли въ данномъ отношеніи традиціи и нравы, которые, правда, въ свою очередь, являлись въ значительной степени продуктомъ этихъ учрежденій [1]). „Различныя привилегіи, предразсудки, ложныя идеи, препятствовавшія установленію регулярной и благотворной свободы, поддерживали въ большемъ числѣ подданныхъ духъ независимости и предрасполагали ихъ къ сопротивленію злоупотребленіямъ власти“ [2]). Дѣйствительно, „полный деспотизмъ никогда не могъ во Франціи войти въ нравы націи“, и „свобода, отсутствующая въ законахъ, продолжала существовать въ нравахъ“. „Въ нравахъ и въ общественномъ мнѣніи королевская власть находила себѣ сдержку еще болѣе, чѣмъ въ учрежденіяхъ“ [3]). А мы уже знаемъ, что „общественное мнѣніе имѣло всегда большую силу во Франціи“ [4]); что же касается „нравовъ“, то это были нравы „свободнаго народа“, каковымъ искони были „Франки“ [5]). Свобода есть, такъ сказать, естественное состояніе французовъ („Франковъ“), и „отсутствіе свободы было бы для Франціи состояніемъ противнымъ природѣ“ [6]).

Не смотря на прогрессъ „новаго деспотизма“ въ учрежденіяхъ, „старая свобода“ продолжала жить и даже крѣпнуть въ „нравахъ“ и въ „общественномъ мнѣніи“. Столь же тонко, сколько и глубоко вѣрно замѣчаніе Токвиля, что, по мѣрѣ того какъ „во Франціи государственный строй съ каждымъ днемъ все больше и больше проявлялъ тенденціи къ деспотизму [7]), въ силу замѣчательнаго контраста, навыки и идеи становились все болѣе и болѣе свободны;

sir, se trouvait arrêté à chaque pas par le respect qu'il était obligé de garder pour nos droits et usages“.—Сравн. также *Caillet,* l'Administration sous le cardinal de Richelieu, Paris, 1863, t. I, p. 18.

1) *Raudot,* la France avant la Révolution, Paris, 1841, p. 114.

2) *Tocqueville,* op. cit., p. 167 et suiv.

3) *Raudot,* op. cit., p. 13—14.

4) См. выше, стр. 123, примѣч. 2

5) „Les Francs sont un peuple libre“ — ходячее выраженіе въ XVIII в., встрѣчающееся, напримѣръ, въ *Remontrances,* поданныхъ королю общимъ собраніемъ духовенства въ іюнѣ 1788 г.—*Sémichon,* les Réformes sous Louis XVI, p. 327.

6) „Exister sans liberté, est, pour la France, un état contre nature“.—*Soulavie,* op. cit., t. VI, p. 344.

7) Необходимо сдѣлать оговорку, что съ началомъ царствованія Людовика XVI „тенденціи къ деспотизму“ значительно ослабѣваютъ.

свобода исчезала изъ учрежденій и больше, чѣмъ когда-либо, упрочивалась въ нравахъ" [1]). Духъ независимости и свободы, составлявшій всегда отличительную черту французскаго характера, получилъ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка необычайное развитіе [2]).

При Людовикѣ XVI неповиновеніе—говоритъ одинъ современникъ —сдѣлалось такою же модой, какъ было въ модѣ повиноваться въ ту пору, „когда наводило трепетъ имя кардинала Решелье" [3]). „Во всѣхъ классахъ гражданъ—замѣчаетъ другой современникъ—внезапно проявился энтузіазмъ къ свободѣ" [4]).

Бывшій министръ Людовика XVI, знаменитый Мальзербъ, въ поданной имъ королю въ 1787 г. докладной запискѣ, говоритъ объ усиленіи „духа независимости" во французскомъ обществѣ въ степени „неизвѣстной нашимъ предкамъ". „Вотъ ужъ лѣтъ сорокъ— прибавляетъ онъ какъ бы въ объясненіе этого явленія—, какъ у насъ не перестаютъ обсуждать взаимныя права государей и народовъ, и каждый частный человѣкъ подвергаетъ предварительному обсужденію вопросъ о томъ, подъ какими условіями онъ обязанъ къ повиновенію" [5]). „Вопросъ" ставился даже по отношенію къ военной дисциплинѣ и къ вѣрности арміи своему государю и разрѣшался въ томъ смыслѣ, что „военный долженъ отказывать въ повиновеніи приказаніямъ явно незаконнымъ" [6]).

Свободолюбивое настроеніе проявлялось въ эту пору, по словамъ современника, „съ бóльшимъ одушевленіемъ и независимостью, чѣмъ это бывало потомъ", при существованіи свободныхъ учрежденій. У

---

[1]) *Tocqueville,* Mélanges, p. 44.

[2]) Ibidem, p. 44, 46.

[3]) *De Ligne,* Mémoires, Paris, 1828, t. IV, p. 159: „Il était aussi à la mode de désobéir sous Louis XVI, que d'obéir lorsqu'on tremblait au nom du cardinal de Richelieu".

[4]) „L'enthousiasme pour la liberté, l'intérêt aux affaires publiques s'est manifesté subitement danc toutes les classes de citoyens"—слова провинціальнаго хроникера, цитируемые (по неизданной рукописи) аббатомъ *Mathieu,* l'Ancien régime dans la province de Lorraine, p. 393—394.—Сравн. *Segur,* Mémoires, t. I, p. 53: „Cet amour de la liberté qui se manifestait en France..."—„Духъ свободы составляетъ характерную черту XVIII-го вѣка", говорилъ Дидро Дашковой (*Н. Н. Дашкевичъ,* Разборъ сочиненія И. И. Иванова „Политическая роль французскаго театра", Спб., 1902. стр. 14).

[5]) *Malesherbes,* Mémoire au Roi, 1787. Цит. по *Floquet,* Histoire du parlement de Normandie, t. VII, p. 443.

[6]) *Journal de la Révolution opérée par Maupeou,* t. VI, p. 325 (ibidem)

насъ—продолжаетъ онъ—не было ни выборовъ, ни національнаго парламента, и въ силу стариннаго обычнаго права, государь былъ единственнымъ законодателемъ; но въ высшихъ трибуналахъ, въ привилегированныхъ сословіяхъ, наконецъ—во всѣхъ классахъ общества, власть встрѣчала чувство чести (un point d'honneur), свободный образъ мыслей (une franchise d'opinion), и эти силы лучше всякихъ законовъ парализовали произволъ" [1]. Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ эпохи, „въ случаѣ сопротивленія, подданный (въ эту пору) могъ найти въ нравахъ болѣе вѣрную защиту, чѣмъ подъ часъ гражданинъ свободной страны въ законахъ" [2].

Не забудемъ однако, что дѣло идетъ о той эпохѣ, когда не только прекратился „прогрессъ новаго деспотизма", но и наоборотъ, королевская власть, прошедшая со времени регентства чрезъ столько слабыхъ и въ особенности—неспособныхъ рукъ, сдѣлавшая столько для того, чтобы постепенно уронить свой престижъ,—въ концѣ концовъ совершенно потеряла всякій авторитетъ. Она не внушала болѣе ни уваженія, ни просто—страха. Да и сама она перестала вѣрить въ себя и пасовала передъ малѣйшимъ сопротивленіемъ. „Абсолютная власть" короля продолжала существовать въ официальныхъ формулахъ и теоріяхъ, но—и только. Она была болѣе теоретическимъ притязаніемъ, чѣмъ осуществляемымъ въ жизни правомъ; болѣе—фикціей, чѣмъ реальнымъ фактомъ. Въ дѣствительности, какъ говоритъ современный бытописатель, „подъ властью абсолютнаго короля, свобода, сдѣлавшаяся настоящею модой въ столицѣ, царила тамъ больше, чѣмъ онъ" [3].

IX.

Гуманный человѣкъ „желалъ бы уничтожить" также „суевѣріе" [4], потому что, въ качествѣ „просвѣщеннаго", онъ не можетъ не быть врагомъ „суевѣрія" и „фанатизма", этихъ наслѣдій „вѣковъ варварства и невѣжества", въ качествѣ же „друга свободы", онъ

---

1) *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 128—129.

2) „En cas de résistance, le sujet eût été mieux défendu par les moeurs que n'est souvent garanti par les lois le citoyen des pays libres".—*Tocqueville,* Mélanges, p. 46.

3) *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 11: „Sous le pouvoir d'un roi absolu, la liberté devenant une mode dans la capitlae, y régnait plus que lui".

4) См. выше, стр. 354.

не можетъ не быть другомъ *вѣротерпимости* [1]). Вѣротерпимость подсказывается просвѣщенному человѣку и чувствомъ—какъ *другу человѣчества* [2]), и разумомъ—какъ *другу философіи* [3]).

---

[1]) „Господству религіозныхъ идей—замѣчаетъ одинъ современный наблюдатель—пришелъ конецъ: настаетъ, какъ кажется, царство свободы" (*Senac de Meilhan,* Des principes et des causes de la Révolution, p. 102).—Крайне характерно для „просвѣщеннаго человѣка" это противопоставленіе *свободы—религіознымъ идеямъ.*

[2]) Чтобы понять это, надо припомнить, въ какое тяжелое положеніе были поставлены протестанты послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, и насколько это положеніе мало отвѣчало требованіямъ гуманности. Напримѣръ, однимъ изъ позднѣйшихъ эдиктовъ предписывалось привлекать къ судебной отвѣтственности тѣхъ изъ обратившихся въ католичество протестантовъ, которые на одрѣ болѣзни откажутся отъ католическаго причастія. Въ случаѣ доказанной виновности, „преступникъ" приговаривался къ пожизненной каторгѣ (мужчины) или къ пожизненному заключенію (женщины) съ конфискаціей имущества въ обоихъ случаяхъ. Если же отказавшійся отъ причастія протестантъ умиралъ, то къ суду долженъ былъ привлекаться его трупъ, который, послѣ признанія „виновности", подлежалъ лишенію погребенія и вывозу на мѣсто свалки нечистотъ (*Isambert,* Recueil t. XIX, p. 545—546). И это варварское предписаніе не только не оставалась мертвою буквой, но его безчеловѣчность еще усугублялась на практикѣ За неимѣніемъ особаго помѣщенія въ почти всегда тѣсныхъ тюрьмахъ, „подсудимые" трупы помѣщались сплошь да рядомъ въ одномъ помѣщеніи съ живыми арестантами. Вывозка осужденнаго трупа производилась часто съ нарочитымъ надругательствомъ: его волокли привязаннымъ за ноги внизъ лицомъ къ плетеной изъ прутьевъ рѣшоткѣ. Случалось, какъ это часто водилось въ старой Франціи, что два трибунала затѣютъ споръ относительно подсудности дѣла. О правѣ судить трупъ „отступника" Гильома Гуеля въ Байе заспорили два трибунала, и прежде чѣмъ „конфликтъ" былъ разрѣшенъ компетентной инстанціей, прошло четыре мѣсяца; чтобы не дать „подсудимому" совершенно разложиться, трупъ осолили. См. объ этомъ *Guilland,* Essai sur l'histoire du protestantisme à Caen, Paris, 1898.—Въ XVIII в., въ особенности во второй его половинѣ, положеніе протестантовъ значительно улучшилось, тѣмъ не менѣе оно продолжало оставлять желать многаго съ точки зрѣнія гуманности.

[3]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 51: „La *philosophie* avait vu couronner ses efforts en faveur de *l'humanité*".—Вотъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ датъ изъ исторіи идеи вѣротерпимости во французской литературѣ: *Voltaire,* Mahomet, ou le Fanatisme, tragédie en cinq actes, Paris, 1742; *Turgot,* Lettres sur la tolérance, 1753—1754; *Voltaire,* Mémoire pour Donat Calas, pour son père, sa mère et son frère, Genève, 1762; Traité sur la tolérance, à l'occasion de la mort de Jean Calas, 1763; Relation de la mort du chevalier de la Barre, 1766; Avis au public sur les parricides imputés aux Ca-

X.

Гуманный человѣкъ „желалъ бы уничтожить несчастіе“, онъ желалъ бы сдѣлать всѣхъ несчастныхъ счастливыми. Естественно, что любовь друга человѣчества направляется прежде всего на „самый несчастный классъ гражданъ“ [1]), на *народъ*. Другъ человѣчества является, такимъ образомъ, *другомъ народа*. „Философская“ любовь къ человѣчеству пріобрѣтаетъ извѣстный соціальный оттѣнокъ; человѣколюбіе превращается въ *народолюбіе*, гуманность—въ *народничество* (*popularité*) [2]).

Любовь къ народу подсказывается просвѣщенному человѣку, какъ другу человѣчества, чувствомъ, „просвѣщенной чувствительностью“; какъ другу философіи, она диктуется ему также разумомъ, который говоритъ объ *естественномъ равенствѣ* (*égalité naturelle*) всѣхъ людей [3]).

---

las et Sirven. 1766; Mémoire pour P. Sirven, 1767; les Guèbres, ou la tolérance, tragédie, 1769; le Cri du sang innocent, au roi très-chrétien en son Conseil, 1775.—*Quérard,* la France littéraire, t. X. p. 292—295. 314.

[1]) „La plus malheureuse classe des citoyens“.—*Duclos,* Considérations, p. 159.—Сравн. *Герье,* Идея народовластія и французская революція, стр. 258: „У Руссо состраданіе къ сельскимъ труженикамъ есть проявленіе той общей жалости, которой онъ охватываетъ все страждущее“.

[2]) *Popularité,* въ смыслѣ *amour du peuple*, очевидно, по аналогіи съ *humanité—amour des hommes.* Въ указанномъ значеніи слово *popularité* встрѣчается, кажется, впервые лишь во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, напр., у *Duclos,* Considérations sur les moeurs de ce siècle, Londres, 1769, p. 159. По поводу смерти Тюрго въ 1781 г. современный хроникеръ поминаетъ его добрымъ словомъ и говоритъ: „On ne peut lui ôter une probité intacte, une humanité, *une popularité,* une philanthropie“... (*Mémoires secrets,* t. XVIII, 22 mars 1781). Сравн. *Mercier,* Tableau de Paris, t. XII, p. 126: „L'assemblée provinciale de l'Isle-de-France s'est tenue à Melun... C'est une époque heureuse que celle qui a enfin réuni les lumières de plusieurs têtes dispersées. Nous sommes plus riches que nous ne comptions en hommes véritablement instruits et en généreux citoyens. On a vu des personnes d'un rang distingué offrir ce *patriotisme populaire,* qui semblait être le partage de la classe souffrante et mitoyenne“.

[3]) „L'égalté est la loi de la nature“—говоритъ одинъ изъ героевъ драмы Ла Шоссэ, десятью годами ранѣе разсужденія Руссо о происхожденіи неравенства между людьми.—*La Chaussée,* l'Ecoles dés Mères, Paris, 1755 (цитируемъ по *Дашкевичу,* Разборъ сочиненія Иванова, стр. 70).—*Rousseau,* Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes, Amsterdam, 1755.

Впрочемъ, принципъ „разума“, *равенство* находитъ себѣ поддержку и въ чувствѣ, именно—въ „чувствѣ человѣческаго достоинства“,—чувствѣ, которое, въ свою очередь, составляетъ одинъ изъ элементовъ гуманности; благодаря этому чувству, „на насъ производитъ тягостное впечатлѣніе все, что такъ или иначе нарушаетъ это равенство“ [1]).

XI.

Гуманность, любовь къ человѣчеству тѣмъ естественнѣе переходитъ въ любовь къ *равенству*, что послѣдняя находитъ для себя благопріятную почву въ традиціонномъ бытовомъ демократизмѣ французской общественности, который, какъ это нерѣдко наблюдается, прекрасно уживался съ аристократизмомъ тогдашнихъ соціально-политическихъ отношеній [2]). Вкусъ къ равенству въ повседневной,

Сравн. *Rousseau,* Du Contrat social, ou Principes du droit politique, Amsterdam, 1762; *Pestel,* Fondements de la jurisprudence naturelle, Utrecht, 1774; также: *Guerrier,* l'abbe de Mably, moraliste et politique, Paris, 1886.

1) На связь между гумманностью и равенствомъ людей указываетъ также Мерсье; по поводу „гуманности“,—слово, которое онъ находитъ „le plus beau de la langue française“, онъ замѣчаетъ: „n'avait-il pas démontré l'égalité des hommes, fait apercevoir le laboureur dans son sillon?...“—*Ducros,* les Encyclopédistes, Paris, 1900. p. 268.

2) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, les Moeurs, etc. (édition Lescure). p. 120: „En France seulement il existait, si je puis m'exprimer ainsi, un frottement perpétuel entre les diverses classes, qui en minait les angles trop saillantes, et cette facilité de moeurs, qui caractérise les Français, ne permettait pas qu'il y eût d'invariables et humiliantes séparations“.—Яркій образчикъ отмѣченнаго здѣсь *бытового демократизма* представляетъ такъ поразившій нашего соотечественника Фонвизина случай, о которомъ онъ разсказываетъ въ своемъ письмѣ къ графу Панину отъ 18/29-го сентября 1778 г. (изъ Ахена): „Губернаторъ тамошній (лангдокскій), графъ Перигоръ имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно становился часовой съ ружьемъ изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города (Монпеллье), часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ, и поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье... Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить, для чего часовой къ нему присосѣдился?—„C'est qu'il est curieux de voir la comédie“—отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ“.—Графъ Перигоръ, котораго Фонвизинъ называетъ „губернаторомъ“, былъ въ дѣйствительности commandant en chef въ Лангдокѣ.

и частной и общественной жизни, тотъ *esprit d'égalité*, который является одновременно и продуктомъ и факторомъ развитія свѣтской общительности (esprit de société) во Франціи восемнадцатаго вѣка, составлялъ одну изъ „прелестей парижской свѣтской жизни, привлекавшихъ туда толпы иностранцевъ изъ всѣхъ странъ“ [1]).

„Магнаты, простые дворяне, буржуа, связанные взаимно и семейными узами, и общностью идей, и одинаковостью матеріальнаго положенія, не даютъ болѣе повода къ насмѣшкамъ надъ смѣшными препирательствами, которыя не разъ возникали между этими различными общественными классами, границы между которыми фактически утратили свою отчетливость“ [2]).

За предѣлами свѣтской жизни этотъ „вкусъ къ равенству“ издавна проявлялся въ нѣкотораго рода патріархальной близости и фамильярности отношеній между людьми различныхъ, казалось бы, взаимно отдаленныхъ въ соціальномъ и политическомъ отношеніи общественныхъ слоевъ. Родители Монтескье, видные представители провинціальной знати, приглашаютъ въ качествѣ крестнаго отца своего сына, будущаго президента бордоскаго парламента и автора „Духа Законовъ“, простого крестьянина. Мать хотѣла, чтобы ея сынъ „лучше помнилъ, что всѣ люди равны передъ Богомъ“ [3]). Патріархально-фамильярныя отношенія между сеньеромъ и „его крестьянами“, подогрѣтыя во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка дуновеніемъ „гуманности“ и народолюбія, не были чисто мѣстнымъ явленіемъ, характеризующимъ извѣстныя области въ родѣ Бретани

---

[1]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XV, p. 5 (23 juillet 1783): „On regardait comme un des charmes de cette capitale, cette égalité dont on éprouve assez généralement les agréments extérieurs dans les sociétés, et dont on jouit pleinement dans tous la lieux publics“.—*Ségur*, Mémoires, Paris, 1859, t. I, p. 53—54: „C'était cet esprit d'égalité qui faisait alors le charme des sociétés de Paris et qui y attirait en foule les étrangers de tous les pays... Il faut avouer aussi que, depuis longtemps, cet esprit d'égalité avant de s'étendre jusqu'au tiers-état, avait jeté de profondes racines dans la noblesse française“.— Сравн. *Duclos*, Considérations sur les moeurs de ce siècle, p. 10: „Les moeurs sont à Paris ce que l'esprit du gouvernement fait à Londres: elles confondent et égalent dans la société les ranges qui sont distingués et subordonnés dans l'Etat“.

[2]) *Correspondace secrète, politique et littéraire*, t. VIII, p. 45 (29 mai 1779).

[3]) *Ribbe*, les Familles et la Société en France, p. 45 (цит. по *Babeau*, le Village sous l'Ancien régime, Paris, 1891, p. 182).

и Вандеи [1]). Сеньеръ въ гостяхъ у крестьянина, на крестинахъ, на свадьбѣ, или наоборотъ—сеньеръ, устраивающій для „своихъ крестьянъ" сельскій праздникъ,—явленіе довольно обычное въ этотъ народолюбивый и сентиментально-эгалитарный вѣкъ [2]). Дань этому настроенію отдавали и представители „перваго сословія". Такъ, ланскій епископъ устраиваетъ въ 1787 г. обѣдъ своимъ крестьянамъ въ саду своего замка и въ заключеніе угощаетъ гостей домашнимъ спектаклемъ [3]).

Въ подобныхъ случаяхъ традиціонный бытовой демократизмъ сливался съ „философской" любовью къ равенству, и гуманитарное народолюбіе—съ сентиментальной идеализаціей деревенскаго быта. Вообще „филантропія", какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ занимающей насъ эпохи,—„вызывая участіе къ бѣднымъ и слабымъ, къ нуждающимся классамъ вообще, подготовляла почву для болѣе полнаго и глубокаго пониманія идеи о народѣ и вела къ установленію нравственной солидарности между его классами" [4]).

Какъ бы то ни было, можно сказать вслѣдъ за Токвилемъ, что въ занимающую насъ эпоху, въ то время какъ „въ сферѣ политическихъ отношеній продолжало торжествовать аристократическое начало, нравы пріобрѣтали уже демократическій характеръ, и тысячи различныхъ связей устанавливались между людьми, разобщенными взаимно законодательствомъ" [5]). И въ концѣ концовъ, „тогдашняя Франція, съ своимъ дворянствомъ, съ своею государственною религіей, своими аристократическими законами и обычаями, была въ сущности наиболѣе демократическою изъ всѣхъ европейскихъ націй" [6]). Въ этихъ словахъ, могущихъ показаться на первый взглядъ лишь красивымъ парадоксомъ, нельзя не признать, при болѣе пристальномъ изученіи эпохи, глубоко вѣрнаго наблюденія.

XII.

Народолюбіе просвѣщеннаго человѣка обусловливалось также въ значительной мѣрѣ вліяніемъ соціально-экономическихъ идей *фило-*

[1]) *Babeau,* le Village, p. 182.

[2]) *Babeau,* op. cit., p. 373.

[3]) *La comtesse de Sabran,* Correspondance inédite, p. 295 (цит. по *Babeau,* op. cit., p. 373).

[4]) *Герье,* Идея народовластія и французская революція, стр. 146.

[5]) *Tocqueville,* Mélanges, p. 21.

[6]) Ibidem, p. 32.

софовъ-экономистовъ, какъ ихъ называли въ ту пору, или *физіократовъ* [1]), какъ ихъ принято называть въ исторической литературѣ,— идей, которыя какъ нельзя болѣе гармонировали съ чувствительнымъ настроеніемъ просвѣщенныхъ людей. „Всякое богатство идетъ отъ земли" [2]), и „земледѣліе, которое одно лишь доставляетъ человѣку средства къ прокормленію, есть первѣйшій изъ всѣхъ промысловъ" [3]). Такъ говоритъ маркизъ Мирабо, одинъ изъ отцовъ „физіократіи", и съ нимъ вполнѣ сходится въ этомъ отношеніи самый яркій выразитель чувствительности въ литературѣ, Руссо. „Первое и самое почетное изъ ремеслъ есть земледѣліе"—говоритъ онъ [4]).

Разъ „земледѣліе есть первоисточникъ всѣхъ богатствъ", то „профессія „земледѣльца является не только первою, но и важнѣй-

1) *Le marquis de Mirabeau,* Ami des hommes, 1755; *Quesnay,* Tableau économique, 1758; *le marquis de Mirabeau,* Tableau économique avec ses explications, 1760; *idem,* Théorie de l'impôt, 1760; *Thomas,* Eloge de Sully, 1763; *le marquis de Mirabeau,* et *Quesnay,* Philosophie rurale, ou Economie générale et particulière de l'agriculture, 1764; *Journal de l'agriculture, du commerce et des finances* (par Dupont de Nemours), 1765; *Mercier de la Rivière,* l'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, 1767: *Quesnay,* Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain, 1768; *le marquis de Mirabeau,* Lettres économiques, 1770; *l'abbé Baudeau,* Première introduction à la philosophie économique, 1771; *Le Trosne,* l'Intérêt social par rapport à la valeur, à l'industrie et au commerce intérieur et extérieur, 1777; *idem,* De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt, 1779.

2) „Toute richesse vient de la terre".—*Mirabeau,* Mémoire sur l'agriculture, 1760.

3) „L'agriculture qui peut seule multiplier les subsistances, est le premier des arts".- *Mirabeau,* l'Ami des hommes, ch. III.—Сравн. *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen,* Londres, 1782, t. I, p. 533: „L'agriculture, ou l'art de cultiver la terre, est sans contredit le premier, le plus utile, le plus étendu et le plus essentiel des arts".

4) *Rousseau,* Emile, II, p. 79: „Le premier et le plus respectable de tous les arts est l'agriculture". Двумя годами позднѣе, маркизъ д'Аржансонъ говоритъ о земледѣліи, какъ о „celle de toutes les manufactures qui est la plus essentielle".—*D'Argenson,* Considérations sur le Gouvernement de la France, 1764, p. 231.—Около того же времени авторъ одного статистическаго трактата, говоря объ имѣвшемъ мѣсто во Франціи „явномъ предпочтеніи, отдававшемся мануфактурамъ передъ земледѣліемъ", замѣчаетъ: „это заблужденіе, къ счастью, болѣе не существуетъ.—*Tableau de la province de Touraine depuis 1762 jusques et y compris 1766* (цит. по *Levasseur,* Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789, Paris, 1901, t. II, p. 550).

шею изъ всѣхъ профессій“ [1]), а крестьянинъ-земледѣлецъ—самымъ полезнымъ членомъ общества. На плечахъ земледѣльца-крестьянина держится все благосостояніе государства. „Бѣденъ крестьянинъ—бѣдно государство; бѣдно государство—бѣденъ государь“ [2]).

Такимъ образомъ, теоретико-экономическая идеализація народа-земледѣльца [3]) идетъ, въ понятіяхъ просвѣщеннаго человѣка, навстрѣчу его любви къ народу, какъ къ „самой несчастной части гражданъ“ [4]).

Увлеченіе сельскимъ хозяйствомъ сдѣлалось, по выраженію одного современника, „модной болѣзнью“ [5]). Это было время, когда преклоненіе передъ „трудомъ земледѣльца“ входило въ „кодексъ разума“, въ качествѣ одной изъ заповѣдей, обязательныхъ для всякаго „просвѣщеннаго человѣка“ [6]). „Разведеніе растеній я ставлю въ числѣ добродѣтелей“—говоритъ одинъ изъ „просвѣщенныхъ людей“ эпохи [7]). Это было время, когда, по выраженію одного современника, „философы занимались земледѣліемъ, а знатные люди покровительствовали ихъ изслѣдованіямъ“ [8]). Это было время, когда поэты сочиняли въ честь земледѣлія высокопарныя „посланія“ [9]) и широковѣщательныя поэмы [10]),—аббаты писали многотомные трактаты по сельскому

---

1) *Petit code de la Raison humaine,* 1789, p. 49: „L'agriculture est la source primitive de toutes les richesses... La profession du laboureur est donc non seulement la première, mais encore la plus importante de toutes“.

2) „Pauvre paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi“—эти слова Кенэ поставилъ девизомъ одного изъ своихъ сочиненій.—*Герье,* Идея народовластія и французская революція, стр. 258.

3) Такъ какъ *земледѣльцы* и *народъ* было почти однозначаще въ старой Франціи.

4) См. выше, стр. 362, примѣч. 1.

5) „La maladie à la mode“.—*Grimm,* Correspondance littéraire, t. V, p. 103 (цит. по *Ducros,* les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 142).—Не послѣднюю роль въ этой „модной болѣзни“ играло конечно и отмѣченное выше чувствительное возвращеніе къ природѣ и сентиментальная идеализація деревни и сельскаго быта.

6) См. выше, первое примѣч. на этой страницѣ.

7) *Ducros,* op. cit., p. 142.

8) „Des philosophes s'occupent de l'agriculture et les grands favorisent leurs recherches“.—*Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat,* Londres, 1782, t. I, p. 533.

9) *Voltaire,* Epître sur l'agriculture.—*D'Hugues,* Essai sur l'administration de Turgot, p. 110.

10) *Rosset,* l'Agriculture, poëme, Paris, 1774—1782, 2 vol. in-4.—Поэтъ Lesbros de la Versane напечаталъ въ 1768—1769 г. два трактата о маренѣ и шелковичномъ деревѣ (*Quérard,* la France littéraire, t. V, p 233—234).

хозяйству [1]), магистраты изыскивали „способы поощренія земледѣлія" [2]),—сельскіе священники пропагандировали новыя культуры [3]),—знатные сеньеры и важные прелаты не только „поощряли земледѣліе", „покровительствуя изслѣдованіямъ о немъ философовъ" и засѣдая въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ [4]), но и принимали болѣе непосредственное и активное участіе въ „прогрессѣ сельскаго хозяйства". Вопросы о *produit net*, о многопольномъ хозяйствѣ, о лучшихъ способахъ удобренія, объ осушеніи болотъ, о разработкѣ пустошей, объ орошеніи полей, о лучшихъ породахъ скота, и т. п. служатъ темами для разговоровъ въ самыхъ элегантныхъ салонахъ Парижа. Свѣтскія барыни зачитываются описаніями природы у Руссо, георгиками Делиля и Сенъ-Ламбера, пасторалями Дора и Берни.

Деревня и сельское хозяйство входятъ въ моду даже при дворѣ, тонъ которому задавала м-мъ де-Помпадуръ, охотно переодѣвавшаяся „пейзанкой", и удостоивавшая своими посѣщеніями „субботы" лейбъ-медика Кенэ, основателя „секты экономистовъ" [5]). „Вдругъ всѣ вообразили себя Цинциннатами" [6]). А съ тѣхъ поръ, что королева устроила у себя въ Тріанонѣ „деревню" и въ костюмѣ „пейзанки" навѣщала „своихъ коровъ" и чуть что сама не доила ихъ [7]), не было рѣдкостью встрѣтить свѣтскихъ барынь изъ парижской знати, которыя, „оставивъ удовольствія парижской жизни", пресерьезно погружались въ детали сельскаго хозяйства въ своихъ имѣніяхъ [8]). Деревня снова пріобрѣтаетъ притягательную силу, одно время

[1]) *L'abbé Rozier,* Cours complet d'Agriculture, Paris, 1781—1800, 10 vol.

[2]) *Archives de la Gironde,* t. XXV, p. 431.

[3]) *Le Vayer* (maître des requêtes), Essai sur les moyens d'encourager l'agriculture, 1764 (*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 271); *Marcandie* (conseiller à l'Election de Bourges), Mémoire sur une nouvelle manière de préparer le chanvre, 1758; Traité du chanvre, Paris, 1758; Question importante sur l'agriculture et le commerce, 1766 (*Quérard,* op. cit., t. V, p. 505).

[4]) См., напр., *Leroux,* la Généralité de Limoges, p. CIV.

[5]) *M-me du Hausset,* Mémoires, p. 132; Mémoires de la cour de France, p. 226 (цит. по *D'Hugues,* Essai sur l'administration de Turgot, p. 139).

[6]) *M-me de Genlis,* op. cit., t. I, p. 14: „Tous les hommes, dans leurs terres ou dans leurs maisons de campagne, se crurent tout à coup des *Cincinnatus*".

[7]) *Taine,* op. cit., p. 212.

[8]) *Arthur Young,* op. cit., p. t. I, p. 103—104: „Le lendemain matin, nous allâmes d'Ermenonville à Brasseuse, résidence de m-me du Pont, soeur de la duchesse de Liancourt. Quelle fut ma surprise de trouver un grand agriculteur dans cette vicomtesse! Une dame, une Française, assez jeune encore pour goûter tous les plaisirs de Paris, vivant à la campagne et s'occupant de ses terres, c'était un spectacle inattendu".

парализованную чарами Версаля и Парижа. Богатые сеньеры начинаютъ возвращаться въ свои земли [1]), превращаются въ „просвѣщеныхъ агрономовъ“, заводятъ у себя разныя „улучшенія“ и „усовершенствованія“, клонящіяся къ „прогрессу сельскаго хозяйства“. Цѣлый рядъ ученыхъ, какъ Дюгамель-Монсо, Тилле, Добантонъ, Лавуазье, Демарэ, Пармантье, пытаются найти практическое приложеніе въ сельскомъ хозяйствѣ новѣйшимъ научнымъ открытіямъ и бороться противъ рутины въ этой области [2]).

XIII.

Гуманность „друга вселенной“, естественно, универсальна [3]) и космополитична [4]). Для „гражданина міра“ [5]) не существуетъ ника-

1) Посѣтивши въ сентябрѣ 1787 г. одно изъ крупныхъ барскихъ имѣній въ центральной Франціи, Артуръ Юнгъ сознается, что „убѣдился въ ошибочности своихъ прежнихъ представленій о деревенской жизни во Франціи“. Помѣщичій замокъ онъ нашелъ полнымъ жизни, какъ гдѣ-нибудь въ Англіи. „Въ послѣднее время—прибавляетъ онъ—во Франціи вошло въ моду—проводить часть года въ деревнѣ: въ этотъ сезонъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, Парижъ почти пустуетъ. У кого есть свое имѣніе, ѣдутъ туда, другіе пріѣзжаютъ къ нимъ въ гости“. Эту „замѣчательную революцію во французскихъ обычаяхъ“ наблюдательный путешественникъ приписываетъ вліянію Англіи, почва для котораго была подготовлена „чарующимъ вліяніемъ произведеній Руссо“ (*Young,* Voyages en France, p. 100).—Отмѣченная метаморфоза относится ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, потому что еще въ пятидесятыхъ годахъ маркизъ Мирабо писалъ: „Il n'y a pas dans le royaume une seule terre un peu considérable dont le propriétaire ne soit à Paris, et conséquemment ne néglige ses maisons et ses châteaux“ (*Mirabeau,* l'Ami des hommes, цит. по *Taine,* les Origines, t. I, p. 58). Свидѣтельство маркиза Мирабо является, стало быть, для послѣднихъ лѣтъ стараго порядка, устарѣвшимъ.

2) *H. Pigconneau* et *A. de Foville,* le Comité d'administration de l'agriculture un Contrôle général des finances (1785—1787), procès-verbaux, Introduction p. V et suiv.

3) *Philanthopie universelle* выраженіе Кондорсэ въ его *Tableau des progrès de l'esprit humain,* an IX, p. 258—259. (цит. по *Иванову,* Политическая роль французскаго театра, стр. 73).

4) *Tocqueville,* Mélanges, p. 63: „C'est à cette époque qu'on vit naître une passion nouvelle qui a donné naissance à un mot nouveau, le *cosmopolitisme...*“ — *Petit de Julleville,* Histoire de la littérature française, t. VI, p. 739: „M-me Roland disait d'elle même, qu'elle avait *l'âme cosmopolite*“.

5) *Le Cosmopolite, ou le Citoyen du monde,* 1750 (Воронц. 2, 8, 1, 25).— *Dictionnaire social et patriotique,* Amsterdam, 1770, p. 24: „Il existent en Fran-

кихъ національныхъ перегородокъ, и „національное тщеславіе" онъ гордо „предоставляетъ черни", какъ „ребяческое" чувство [1]). То, что интересуетъ друга философіи, это—бѣдствія или благополучіе „рода человѣческаго" [2]). Его человѣколюбіе „простирается на оба полушарія" [3]). Но этотъ *космополитизмъ* отнюдь не исключаетъ въ душѣ просвѣщеннаго „друга философіи"— *патріотизма*. „Всѣ проникнуты въ настоящее время духомъ патріотизма"—говоритъ одинъ современный наблюдатель въ послѣдніе годы передъ революціей [4]). *Патріотизмъ* проникаетъ въ самую „философію" [5]). Если онъ мирно уживается въ душѣ просвѣщеннаго человѣка съ космополитизмомъ, то это—потому, что „просвѣщенный патріотизмъ" представляетъ собою не отрицаніе космополитической любви къ человѣчеству, а лишь ея естественное продолженіе. Въ своемъ отечествѣ онъ любитъ часть человѣчества, въ своихъ соотечественникахъ—людей вообще, а въ благополучіи родины видитъ лишь одинъ изъ этаповъ на пути къ достиженію идеала всеобщаго благополучія человѣчества. Если гуманность есть дѣятельное стремленіе къ осуществленію идеала всеобщаго благополучія человѣчества, то патріотизмъ представляетъ собою такое же стремленіе къ идеалу „общаго" или „общественнаго блага" (bien général, bien public). „Любовь къ отече-

---

ce des hommes qui... se proclament hautement eux-mêmes philosophes-*cosmopolites*". (Библ. Унив. св. Владиміра, 1881—1139).

[1]) *Duclos*, Considérations sur les moeurs de ce siècle, Londres, 1769, p. 12—13: „Les hommes de mérite, de quelque nation qu'ils soient, n'en forment qu'une entre eux. *Ils sont exempts d'une vanité nationale et puérile, ils la laissent au vulgaire*, à ceux qui n'ayant point de gloire personnelle sont réduits à se prévaloir de celle de leurs compatriotes".—Сравн. *Фонвизинъ*, Письма (Ахенъ, 18/29 сент. 1778): „Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю".

[2]) Характерно въ данномъ отношеніи, напримѣръ, заглавіе вышедшаго въ 1768 г. трактата *Quesnay*, Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain.

[3]) *Lacretelle*, Histoire de France au XVIII-e siècle, t. II, p. 31—32: „La pitié s'étendait jusqu'aux malheurs de l'autre hémisphère".

[4]) Mais l'esprit de patriotisme, dont tout le monde paraît être animé aujourd'hui..." изъ рѣчи алансонскаго интенданта при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г.—*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de la Moyenne Normandie*, Lisieux, s. d. (*Bibliothèque nat.*, Lk 15/40).—*Pièces justificatives*, Nr. 124.

[5]) *Hatin*, op. cit., t. III, p. 473.

ству, любовь къ общественному благу,—эти выраженія у всѣхъ на устахъ"—замѣчаетъ современникъ [1]). А такъ какъ высшее изъ человѣческихъ благъ есть свобода, то послѣдняя, естественно, является важнѣйшимъ изъ элементовъ этого „общественнаго блага". По опредѣленію современнаго писателя, „истинная и серьезная любовь къ общественному благу состоитъ въ посильномъ содѣйствіи благополучію государственнаго тѣла, его свободѣ, его спокойствію и матеріальному преуспѣянію" [2]). Подобно тому, какъ девизомъ людей времени Людовика XIV былъ *государственный интересъ (la raison d'état)*, неразлучный съ идеей неограниченной власти государя,—такъ девизъ просвѣщеннаго человѣка второй половины восемнадцатаго вѣка, *общественное благо (le bien public)*, тѣсно сочетается въ его представленіи съ идеей *національной свободы (liberté nationale)* [3]). *Любовь къ свободѣ* неразлучна у просвѣщеннаго человѣка съ *любовью къ родинѣ* [4]). Можно сказать, что патріотизмъ его предста-

---

[1]) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat*, Londres, 1779, t. VIII, p. 313: „L'amour de la patrie, l'amour du bien public, est une phrase qui se trouve dans la bouche de tout le monde".

[2]) Ibidem, p. 313: „Le véritable et solide amour du bien public consiste à contribuer, selon ses forces et ses facultés, au bonheur du corps politique, à sa liberté, a sa tranquillité, a sa prospérité".

[3]) Меръ города Ла-Рошелли, несомнѣнно, выражалъ мысль своей аудиторіи и даже до извѣстной степени „общее мнѣніе" тогдашняго „просвѣщеннаго" общества, когда въ своей рѣчи 30-го декабря 1788 г. проводилъ параллель между своимъ временемъ и эпохой Людовика XIV, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Sous Louis XIV, toute idée de *bien public* fut absorbée par l'idée de la toute-puissance du Monarque, et la *liberté nationale et individuelle* furent également écrasées sous cette longue domination. Depuis cette époque, *les lumières* se sont répandues", etc.—*Audiat*, les Etats provinciaux de Saintonge, p. 144—145.

[4]) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 103: „La passion de la liberté, l'amour de la patrie triomphaient de tous les obstacles".—„Патріоты" всегда на сторонѣ *свободы* противъ *деспотизма* (*Mémoires secrets*, t. IX, 23 septembre 1776: „M. le Camus de Neuville qui est aujourd'hui à la tête de la librairie, ...exerce dans cette partie un despotisme qu'on n'aurait pas présumé d'un excellent patriote comme lui"). Вотъ почему „патріоты" испытываютъ тревогу всякій разъ, какъ начинаетъ колебаться положеніе того или другого изъ либеральныхъ министровъ, „друзей отечества", „могущихъ стать жертвами своихъ патріотическихъ видовъ" (*Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. II (1 janvier 1776): „Ce ministre (Malesherbes) et M. Turgot pourront être la victime de leurs vues patriotiques".—Ibidem, 29 mai 1779: „Ministres amis de la patrie". —*Mémoires secrets*, t. XVII (15 mai 1781): „On dit M. Necker mandé

вляетъ собою сочетаніе любви къ свободѣ съ любовью къ родинѣ. Просвѣщенный *патріотизмъ* неразлученъ съ *гражданскимъ духомъ (civisme)* [1]. Въ этомъ гражданскомъ духѣ, въ этомъ цивизмѣ, находятъ себѣ психологическое примиреніе филантропическій космополитизмъ и просвѣщенный патріотизмъ. „Другъ философіи" становится патріотомъ не въ силу того, что онъ чувствуетъ себя французомъ, а въ силу того, что онъ сознаетъ себя гражданиномъ. Филантропъ-космополитъ и „просвѣщенный" патріотъ сливаются воедино — въ *гражданинѣ* [2].

---

aujourd'hui à la cour, et l'on espère sortir de cette incertitude qui alarme les bons patriotes. Наоборотъ, „патріоты" рукоплещутъ такимъ реформамъ, какъ преобразованіе въ либеральномъ духѣ областного самоуправленія Неккеромъ. „Les voeux de tous les *bons patriotes* sont enfin accomplis"—говоритъ по поводу учрежденія провинціальныхъ собраній въ Берри и Дофинэ авторъ брошюры подъ заглавіемъ *Lettre d'un habitant de C. à M. de L. L., maire de la ville de B.*, Amsterdam, 1779, in-8.—*Bibliothèque nat.*, Lf 95/19.—Въ восьмидесятыхъ годахъ входятъ въ моду различныя „патріотическія" ассоціаціи, въ родѣ *Société patriotique Bretonne* (см выше, стр. 300), о характерѣ которой можно судить, напримѣръ, по тому факту, что на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности она объявила конкурсъ на тему „похвальное слово де-ла-Шалотэ", а этотъ де-ла-Шалотэ получилъ извѣстность въ качествѣ одной изъ „жертвъ деспотизма" въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV (*Mémoires secrets*, t. XXXI, 7 février 1786). Когда въ 1787 г. были учреждены провинціальныя собранія, то въ ихъ составѣ оказалось немало такихъ лицъ, которыя, хотя и принадлежа по своему соціальному положенію къ привилегированнымъ, заявили себя, тѣмъ не менѣе, своимъ „народолюбивымъ патріотизмомъ" (patriotisme populaire) (*Mercier*, Tableau de Paris, t. XII, p. 126; см. выше, стр. 362 примѣч. 2). По случаю возстановленія парламентовъ въ 1788 г. въ резиденціяхъ послѣднихъ устраиваются *патріотическія празднества* (*fêtes patriotiques*) (см., напр., *Mathieu*, l'Ancien régime dans la province de Lorraine, p. 378; *Krug-Basse*, Histoire du parlement de Lorraine, Paris, et Nancy, 1879, p. 349; *Détail de ce qui s'est passé*, etc. (*Bibliothèque nat.*, Lb 39/658).

[1]) Парижскій хроникеръ отмѣчаетъ въ 1778 г. „гражданскій духъ" парижскихъ кафе.—*Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. VII, 15 octobre 1778.

[2]) „Страшное слово *гражданинъ*" становится достояніемъ „просвѣщеннаго" словоупотребленія задолго до Руссо, которому Тэнъ приписываетъ „ввозъ" этого слова (*Taine*, les Origines, t. I, p. 386: „Un mot redoutable, celui de *citoyen* importé par Rousseau ..“). — *La Voix libre du citoyen*, 1749 (*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 66) вышелъ за тринадцать лѣтъ до *Общественнаго договора* Руссо. За пять лѣтъ до послѣдняго вышла анонимная брошюра *Vues d'un Citoyen* (Воронц. библ. въ Одессѣ, 6, 13, 4, 3); за

XIV.

Космополитическое въ своемъ корнѣ, просвѣщенное свободолюбіе еще и другимъ путемъ приводитъ просвѣщеннаго человѣка къ патріотизму: оно приводитъ къ идеѣ *отечества (patrie)* чрезъ посредство идеи *націи (nation)*, потому что другъ свободы, просвѣщенный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *другъ націи.*

Уже въ 1754 году маркизъ д'Аржансонъ записываетъ въ своемъ дневникѣ (подъ 26 іюня): „Замѣчаютъ, что никогда еще не повторяли такъ часто словъ *нація* и *государство*, какъ въ настоящее время: эти слова вовсе не произносились при Людовикѣ XIV, да тогда и не имѣли о нихъ никакого понятія. Никогда еще у насъ не были такъ хорошо освѣдомлены относительно *свободы* и *правъ націи*" [1]. „Общее мнѣніе" было то, что „нація выше короля, подобно тому какъ вселенская церковь выше папы" [2]. Въ 1759 г. парижскій парламентъ, въ своихъ „представленіяхъ" противъ практики ссылокъ и арестовъ при посредствѣ *lettres de cachet*, противопоставляетъ „абсолютной власти" —*право націи* [3].

годъ до трактата Руссо вышелъ *Dictionnaire du Citoyen*, и за нѣсколько мѣсяцевъ началъ выходить журналъ *le Citoyen (Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 672). Въ годъ появленія трактата „женевскаго гражданина" выходитъ въ свѣтъ ода Лебрёна *le Citoyen (Bersot*, Etudes, p. 75) Три года спустя начинаетъ издаваться журналъ *les Ephémérides du Citoyen (Hatin*, Histoire de la presse, Paris, 1859, t III, p. 153). Въ 1771 г. аббатъ Мабли выпускаетъ въ свѣтъ свой *Traité des droits du Citoyen (Guerrier*, l'abbé de Mably, moraliste et politique, Paris, 1886). Въ 1775 г. выходитъ подвергшійся осужденію со стороны парижскаго парламента *Cathéchisme du Citoyen (Mémoires secrets*, t. IX, 15 juin 1775). Въ 1787 г. выходитъ книга подъ заглавіемъ *le Financier Citoyen* (Воронц. библ. 2, 7, 7, 19). Въ семидесятыхъ годахъ *гражданинъ* уже фигурируетъ въ качествѣ принадлежности обыденной рѣчи. „Вы знаете, до какой степени я гражданка" -пишетъ одна подруга другой, и получаетъ въ отвѣтъ письмо, начинающееся словами: „Какъ гражданка и какъ подруга, могла ли я.. " *(Taine*, les Origines. t. I, p. 386).

[1]) *D'Argenson*, Journal et Mémoires, ed. Rathéry, Paris, 1865, t. VIII, p. 315.—Сравн. ibidem, 313: „à ces noms (de *jansénistes* et de *molinistes*) substituez ceux de *nationaux* et de *secerdotaux*".—Сравн. *Rocquain*, op. cit., 179, 189.

[2]) Ibidem, t. VIII. p. 153: „Dans l'opinion générale et par les études de ces messieurs (=membres des Parlements) s'établit l'opinion que *la nation est au-dessus des rois*, comme l'église universelle est au-dessus du pape" (3 nov. 1753).—Сравн. *Aubertin*, op. cit., p. 275.

[3]) *Barbier*, Chronique de la Régence, 7-ème série, p. 150: „Les remontrances du Parlement de Paris, datées du 24 mars dernier (1759)... Leur principal objet sont

Со времени появленія въ свѣтъ *Общественнаго Договора* Руссо (1762 г.) [1]), *нація*, со всѣми ея производными, получила окончательное право гражданства въ числѣ „новыхъ словъ", на ряду съ *общественнымъ договоромъ (contrat social, pacte social)*, какъ основой *національной свободы (liberté nationale)* [2]). Въ 1770 г. отъ имени французскаго духовенства было опубликовано „Предупрежденіе вѣрнымъ противъ опасностей невѣрія" [3]). Въ сущности это былъ призывъ, обращенный къ „свѣтскому мечу" противъ „невѣрующихъ", и для того чтобы убѣдить свѣтскую власть въ опасности невѣрія, авторы „Предупрежденія" указывали на то, что „религія научаетъ народы переносить съ покорностью иго деспотизма". Этотъ аргументъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ негодованіе „друзей философіи", какъ заключающій въ себѣ „принципы, несовмѣстимые съ *священными правами общественнаго договора*" [4]).

„Эпоха революціи Мопу", отмѣченная небывалымъ взрывомъ свободолюбиваго „патріотизма", ознаменовалась цѣлымъ потокомъ трактатовъ, брошюръ, памфлетовъ, въ которыхъ излагались теоріи „естественной свободы человѣка", его „неподлежащихъ давности правъ", происхожденія королевской власти, „общественнаго договора" [5]) и т. д. Противъ уничтоженія парламентовъ отовсюду раздаются

les lettres de cachet pour l'exil de la moitié des membres du Parlement de Besançon, que l'on regarde comme des voies irrégulières de pouvoir absolu, contraires aux lois en général et *au droit de la Nation*", etc.—Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, зародышъ того чреватаго послѣдствіями идейнаго противопоставленія *нація* и *короля*, которое красною нитью проходитъ чрезъ исторію послѣднихъ лѣтъ стараго порядка и первыхъ лѣтъ революціи. Эта сторона дѣла обстоятельно разработана въ книгѣ проф. *Герье*, Идея народовластія и французская революція, Москва, 1904 (см. особенно стр. 59, 249, 296, 495).

[1]) Въ томъ же году вышла книга *Baculard d'Arnaud*, A la Nation, poëme (*Quérard*, op. cit., t. I, p. 92).

[2]) О *національной свободѣ* говоритъ уже въ 1771 г. руанскій парламентъ въ своемъ посланіи къ королю (*Hippeau*, op. cit., 2-ème partie t. II, p. 16).— Позднѣе выраженіе это сдѣлалось болѣе ходячимъ. См., напр., рѣчь мера города Ла-Рошелли 30-го декабря 1788 г. у *Audiat*, les Etats provinciaux de Saintonge, p. 144—145.

[3]) Avertissement du Clergé de France aux fidèles du royaume, sur les dangers de l'incrédulité.—*Rocquain*, op. cit., 276.

[4]) „Principes destructeurs *des droits sacrés du contrat social*". Ibidem.

[5]) *Rocquain*, op. cit., p. 298.

протесты во имя *общественнаго договора* и *національнаго права* [1]).

По случаю коронованія Людовика XVI вышла въ 1775 г. брошюра подъ заглавіемъ *Коронованіе короля, или Права французской націи, признанныя и подтвержденныя этимъ обрядомъ.* Въ сочиненіи этомъ излагается—говоритъ современный обозрѣватель—„то, что извѣстно всѣмъ и каждому, а именно, что между государями и народами существуетъ договоръ, и что въ случаѣ его нарушенія со стороны первыхъ, послѣдніе получаютъ обратно принадлежащее имъ право избирать себѣ государей" [2]). Тѣ же „общеизвѣстныя" истины излагались и въ другой вышедшей около того же времени брошюрѣ, подъ характернымъ заглавіемъ *Cathéchisme de la Nation* [3]). При поднесеніи „гражданскаго вѣнка" возвратившимся изъ ссылки „магистратамъ" тулузскаго парламента ораторъ депутаціи отъ мѣстныхъ студентовъ, между прочимъ, превозносилъ ихъ за то, что они „защищали *права націи*" [4]).

Бретанскіе штаты протестуютъ въ 1776 г. противъ ограниченія ихъ традиціоннаго права избирать своихъ депутатовъ ко двору. „Возможно ли—пишутъ по этому поводу уполномоченные штатовъ—возможно ли, чтобы *просвѣщенные министры* могли до такой степени игнорировать *право націи*, чтобы побуждать его величество пользоваться своею властью для ограниченія свободы своихъ вѣрныхъ подданныхъ?..." [5]). Тѣ же штаты протестуютъ противъ приказа объ ихъ распущеніи, такъ какъ, въ силу *національной конституціи*, они могутъ быть распущены не иначе, какъ по ихъ же собственному о томъ ходатайству [6]). Тѣ же бретанскіе штаты, требуя

---

[1]) См., напр., *Archives departementales d'Ille-et-Vilaine*, C 2696.

[2]) *Correspondance secrète, politique et littéraire* t. II, p. 39—38—39.—Сравн. *Mémoires secrets*, t. VIII (15 juilet 1775).

[3]) *Mémoires secrets*, t. VIII (3 juillet 1775).

[4]) „Fondés sur des principes solides, vous avez défendu *les droits de la Nation* avec cette vigueur d'âme qui fait le caractère des grands magistrats".—„Compliments à Nosseigneurs les Présidents du Parlement de Toulouse, prononcés le 12 mars 1775, par M. Péricaud, Bachelier en Droit, en leur offrant une couronne civique, au nom de MM. les Etudiants".—*Journal*, etc.—*Bibliothèque nat.*, Lb 39/168.

[5]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 2698 (1776). „Se peut-il que des ministres éclairés méconnaissent *le droit de la Nation* au point d'inspirer à Sa Majesté d'user de son autorité pour blesser la liberté de ses plus fidèles sujets..."

[6]) Ibidem.

въ 1781 г. возвращенія себѣ права контролировать заставныя пошлины городовъ Бретани,—мотивируютъ это требованіе, между прочимъ, ссылкой на „конституціонныя и не подлежащія давности права“, входящія въ составъ *національной конституціи* [1]).

Провинціальные штаты маленькой области Четырехъ-Долинъ (Quatre-Vallées, въ Пиренеяхъ) ссылаются въ своихъ представленіяхъ правительству на традиціонныя привилегіи области, составляющія *національный кодексъ (le code de la nation)* [2]). Безансонскій парламентъ протестуетъ въ 1783 г. противъ нарушенія *правъ націи* со стороны министра Жоли-де-Флёри [3]). Беарнскіе штаты называютъ себя въ началѣ 1789 г. *корпусомъ представителей націи* [4]). Въ послѣднихъ изъ приведенныхъ примѣровъ слово *нація*, очевидно, вполнѣ соотвѣтствуетъ слову *отечество* въ аналогичной связи, то-есть въ смыслѣ *націй* провансальской, бретанской, беарнской, и т. д. Провинціальные парламенты считаютъ себя также представителями соотвѣтствующихъ провинціальныхъ *націй*, на ряду съ мѣстными штатами; но коллективно они уже смотрятъ на себя, какъ на *представителей французской націи* въ ея цѣломъ [5]). Выраженіе *національное собраніе* также входитъ какъ въ обыденное, такъ и въ офиціальное словоупотребленіе за много лѣтъ до 1789 г.—сначала въ примѣненіи къ провинціальнымъ штатамъ [6]), потомъ—къ собранію нотаблей 1787 г. [7]). Да и само національное собраніе 1789 г. было,

---

[1]) „Droits constitutionnels et imprescriptibles“..., „constitution nationale“.— *Archives nationales*, H 405 (Mémoire des Etats de Bretagne, 1781).

[2]) *Archives départementales des Hautes-Pyrénées*, C 294.

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXIV (31 décembre 1783).

[4]) „Un corps représentatif de la nation“. — Procès-verbaux des Etats de Béarn, 13 février 1789.—*Archives nationales*, K 680.

[5]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 245 (2 avril 1788): „Les parlements ne s'ennuient point, et leur résistance s'accroît au lieu de mollir, comme on l'avait espéré. Il est évident que l'autorité ou les *représentants de la Nation*, de fait s'ils ne le sont de droit, doivent céder“...

[6]) *Assemblée nationale*, этотъ терминъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ 1780 г. въ офиціальномъ языкѣ въ примѣненіи къ бретанскимъ штатамъ (*Babeau*, la Ville, t. I, p. 236).—Штаты Прованса называютъ себя въ 1787 г. *Assemblée de la nation* (*Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 91).

[7]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 292: „*L'Assemblée nationale* (=l'assemblée de Notables) se différera tant que je suis, ainsi que le public de Paris, dans l'appréhension qu'elle ne manque“.—Сравн. *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 92.

можно сказать, окрещено этимъ именемъ заблаговременно [1]), потому что слова *нація*, *національный* были тогда у всѣхъ на устахъ. Люди, умѣвшіе наблюдать и понимать происходившее на ихъ глазахъ, чувствовали себя уже въ первой половинѣ 1788 г. наканунѣ *великой національной революціи* (*une grande révolution nationale*) [2]).

XV.

Просвѣщенный *патріотизмъ*, проникнутый *гражданскимъ духомъ* и тѣсно связанный съ идеей *націи* и политической *свободы*, какъ важнѣйшаго элемента *общественнаго блага*, налагаетъ на просвѣщеннаго человѣка, друга философіи, явственный *республиканскій* отпечатокъ. Это тѣмъ естественнѣе, что и независимо отъ „патріотизма", „философія", съ ея идеями свободы и равенства, уже содержала въ себѣ сѣмена „республиканства" [3]).

Одинъ изъ „друзей философіи", академикъ Тома, въ публичной рѣчи въ честь Морица Саксонскаго въ 1759 г. привелъ въ восторгъ свою „просвѣщенную" аудиторію слѣдующею фразой: „Не могу утаить: онъ происходилъ отъ королевской крови"... [4]).

---

[1]) Въ 1788 г. вышла брошюра подъ заглавіемъ *Des Etats généraux et autres Assemblées nationales*. Библ кн. Воронцова, 2, 10, 5, 2.

[2]) *Rocquain*, op. cit., p. 464.

[3]) Уже въ пятидесятыхъ годахъ маркизъ д'Аржансонъ замѣчаетъ „вѣяніе философскаго вѣтра въ направленіи къ свободному и анти-монархическому правленію" („Il nous souffle un vent philosophique de gouvernement libre et antimonarchique"—слова маркиза д'Аржансона, цитируемыя *Тэномъ*, les Origines, t. I. [1896], p. 385). Тотъ же современный наблюдатель, нѣсколькими годами ранѣе, не находитъ во французской дѣйствительности никакихъ данныхъ для республиканскаго настроенія (*Aubertin*, l'Esprit public au XVIII-e siècle p. 280). Впрочемъ, по части „республиканскаго духа" философы имѣли предшественниковъ въ лицѣ янсенистовъ. См., напр., *Barbier*, Chronique de la Régence, 5-ème série, p. 253: „Tous ceux du parti janséniste ou un peu républicains.. donnent à cet égard plein pouvoir au Parlement"; *d'Argenson*, Journal et Mémoires, t. VII, p. 242 (juin 1752): „Quant à moi, je tiens pour l'avénement du second article, et même du républicanisme".

[4]) „Je ne puis le dissimuler: il était du sang des rois" (цитирумъ по *Тэну*, op. cit., t. I, p. 385). Въ слѣдующемъ году Тома былъ награжденъ французской Академіей за свое *Посланіе къ Народу*, проникнутое „республиканскимъ духомъ" (*Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 546).

Въ семидесятыхъ годахъ „просвѣщенные“ французы восхищаются американцами, „возставшими противъ своего короля“ [1]), украшаютъ свои камины бюстами Франклина [2]) и настойчиво требуютъ вмѣшательства своего правительства „въ пользу республиканской свободы“ [3]).

Въ 1775 г. парижскій парламентъ осуждаетъ двѣ брошюры за слишкомъ откровенное, въ республиканскомъ духѣ, трактованіе „такихъ политическихъ проблемъ, которыя должны были бы всегда оставаться подъ покровомъ“ [4]). Впрочемъ парламенты, при всей своей традиціонной принципіальной приверженности къ „исконной конституціи королевства“ и „основнымъ законамъ монархіи“, и сами не избѣжали вліянія новыхъ вѣяній: „сами того не замѣчая, они прониклись тѣмъ же республиканскимъ духомъ“ [5]).

Въ восьмидесятыхъ годахъ „Парижъ, *со своимъ республиканскимъ духомъ*, обыкновенно апплодируетъ пьесамъ, провалившимся въ Фонтенбло“ [6]).

„*Республиканскій духъ*“ проникаетъ вплоть до верхнихъ ступеней соціальной лѣстницы. Попавъ въ одинъ парижскій аристократическій салонъ въ началѣ 1789 г., иностранный дипломатъ чувствуетъ себя среди „республиканцевъ чистѣйшей воды“ [7]). „Республиканскія“ рѣчи раздаются въ парижскихъ салонахъ и даже при дворѣ задолго до 1789 г. „Избранное общество, въ настоящую пору

---

[1]) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 51: „Je fus singulièrement frappé de voir éclater unanimement un si vif et si général intérêt pour la révolte d'un peuple contre ung roi. L'insurrection américaine prit partout comme une mode“...

[2]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 114 (17 janvier 1777): „Il est maintenant de mode d'avoir sur sa cheminée un portrait de Franclin“. См. также *М. Ковалевскій*, Происхожденіе современной демократіи (глава: „Англоманія и американофильство“).

[3]) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 102: „De toutes parts l'opinion pressait le gouvernement de se déclarer pour la liberté républicaine“.

[4]) *Mémoires secrets*, t. VIII (5 juillet 1775): „Ces deux ouvrages (condamnés par le Parlement) sont tirés du Contrat social, d'une multitudes de remontrances des parlements.. Mais... ces problèmes politiques devraient toujours démeurer sous le voile“...

[5]) *Ségur*, Mémoires, Paris, 1859, t. I, p. 16: „Les Parlements, bravant le pouvoir..., étaient devenus presque républicalns sans s'en douter“.

[6]) См. выше, стр. 161, примѣч. 4.—Сравн. *Ивановъ*, op. cit., стр. 326—327.

[7]) *Journal de Gouverneur Morris*, Paris, 1901, p. 4 (5 mars 1789): „Je rentre à Paris dîner chez M-me du Tessé: des républicains de la plus belle eau“.

роялистское—вспоминаетъ впослѣдствіи о послѣднихъ годахъ стараго порядка одинъ изъ представителей этого избраннаго общества—, вело себя совсѣмъ *по-республикански*, само того не подозрѣвая" [1]).

„Мы апплодировали—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ представителей придворной знати—мы апплодировали въ театрѣ республиканскимъ сценамъ, въ академіяхъ—философскимъ рѣчамъ, въ литературѣ—смѣлымъ сочиненіямъ... Свобода насъ подкупала своею отвагой, равенство своимъ удобствомъ" [2]). Это было время, когда „при дворѣ апплодировали республиканскимъ изреченіямъ Брута,—когда монархи готовы были предлагать свои услуги народу, возставшему противъ своего короля,—когда разсуждали о независимости—въ казармахъ, о демократіи—въ барскихъ палатахъ" [3]). Словомъ, „подъ покровомъ монархическихъ формъ, нравы становились республиканскими" [4]).

XVI.

Немножко республиканецъ, просвѣщенный патріотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и немножко *англоманъ*. Для него *англоманія* [5]) вполнѣ естественна, и какъ для „патріота", друга „національной свободы", и какъ для „друга философіи", потому что и то и другое—и философія и свобода—имѣли своею колыбелью Англію.

Съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ, своими *Англійскими письмами*, внушилъ своимъ соотечественникамъ восхищеніе „политическимъ

---

1) *De Ligne*, Mémoires, Paris, 1828, t. IV, p. 150: „La bonne compagnie, royaliste à présent, fit alors la république sans s'en douter".

2) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 27. Сравн. *Mercier*, Tableau de Paris, t. XII, p. 126: „On a entendu les nobles plaider la cause des roturiers.."

3) *Ségur*, op. cit., p. 97.

4) Ibidem, p. 129: „Sous des formes monarchiques, les moeurs étaient devenues républicaines" —Сравн *ibidem*, p. 53: „Les institutions étaient monarchiques et les moeurs républicaines".

5) *M-me de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, etc., t. I, p. 37: „Ce furent les philosophes et surtout M. de Voltaire, qui répandirent en France *l'anglomanie*, qui devint si générale sur la fin du dernier siècle".—*M-me d'Oberkirch*, t. II, p. 188: (5 février 1785): „*L'anglomanie* a fait des progrès immenses. On veut être Anglais à tout prix ...On cherche à effacer nos modes, nos usages, pour devenir semblables à nos voisins..."—*Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 243 (mars 1788): „La nation est en effet tellement pénétrée des principes de liberté..., que les parlements ne sont plus qu'un miroir où ses sentiments et ses

строемъ, свободой и нравами" англичанъ [1]), а Монтескье поселилъ въ нихъ сочувственный интересъ къ „англійской конституціи" [2]), молодые французы стали ѣздить въ Англію „учиться мыслить" [3]), а „люди зрѣлые—изучать англійскіе законы и завидовать имъ" [4]).

Если знатные сеньеры покидаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ году свои версальскіе и парижскіе „отели" ради своихъ *châteaux*, то въ этомъ сказывается, кромѣ сентиментальнаго возвращенія къ природѣ и доктринерскаго увлеченія сельскимъ хозяйствомъ, также и модная англоманія [5]).

voeux se réfléchissent pour aller frapper sur le trône. *On ne peut se dissimuler que l'anglomanie a préparé depuis longtemps la révolution qui semble prête à s'opérer. Elle a fixé nos regards sur une constitution qui fait des hommes libres*". - Г-жа де-Жанлисъ ставитъ въ причинную связь съ *англоманіей* тотъ *новаторскій духъ*, который въ соединеніи съ *философскими идеями* произвелъ, по ея мнѣнію, революцію 1789 г.—*M-me de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 37—38.—Еще въ 1754 г. маркизъ д'Аржансонъ, отмѣчая тотъ фактъ, что никогда еще во Франціи не говорили столько о *свободѣ* и о *правахъ націй*, замѣчаетъ: „Cela nous vient du parlement et des Anglais".—*D'Argenson*, Journal et Mémoires, éd. Rathéry, Paris, 1865, t. VIII, p. 315. Сравн. *Ивановъ*, Политическая роль французскаго театра, стр. 278; *Bersot*, Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 10—11; *Taine*, les Origines, t. I, 212; *Lescure*, Rivarol et la société française, p. 277.

[1]) Впрочемъ Вольтеръ имѣлъ въ данномъ случаѣ предшественника въ лицѣ Muralt'a, который за шесть лѣтъ до *Англійскихъ писемъ* Вольтера напечаталъ свои *Lettres sur les Anglais*, въ 1725 г., и вторымъ изданіемъ—въ слѣдующемъ году, изъ чего можно заключить, что они успѣли заинтересовать французскую публику.—*Дашкевичъ*, Разборъ сочиненія Иванова, стр. 57; *Quérard*, la France littéraire, t. VI, p. 363.

[2]) Первое изданіе *Духа Законовъ* вышло въ 1748 г. Кромѣ сочиненія Монтескье, оживленію интереса къ англійскому государственному строю немало содѣйствовала позднѣе книга *Delolme*, la Constitution d'Angleterre, вышедшая въ 1771 г. и выдержавшая нѣсколько изданій.

[3]) *M-me de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 38: „Nos jeunes gens allaient passer huit jours à Londres pour y *appendre à penser*".

[4]) *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 14: „Les hommes mûrs étudiaient et enviaient les lois de l'Angleterre".—Сравн. *Lacretelle*, op cit., VI, p. 32.

[5]) См. выше, стр. 369, примѣч. 1.—Другимъ проявленіемъ англоманіи въ восьмидесятыхъ годахъ является мода на „англійскіе сады" (*M-me de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 38: „On culbutait les beaux jardins de Lenôtre; on contournait nos majestueuses allées *à pert de vue;* on détruisait nos bassins et nos jets d'eaux; on creusait de petits ruisseaux bourbeux, honorés du nom de rivières; on surchargeait nos parcs de ponts, d'ermitages, de ruines, de tombeaux..."—*Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-e partie, t. I, p.

XVII.

„Сила просвѣщенія — говоритъ одинъ современникъ — такова, что оно просвѣщаетъ даже тѣхъ, кого обличаетъ“ [1]). Оно *просвѣщаетъ* дворянскую знать, привилегіи которой „обличаетъ“, какъ *злоупотребленія* (*abus*) [2]). Оно *просвѣщаетъ* духовенство, то-есть ту самую „церковь“, которой вѣроученіе „обличаетъ“, какъ „чудовищную систему предразсудковъ“ [3]). Оно *просвѣщаетъ* парламентскую магистратуру, предающую сожженію рукою палача сочиненія Вольтера и другихъ піонеровъ „просвѣщенія“ [4]). Оно *просвѣщаетъ*, наконецъ, администрацію. „Дѣло не въ томъ—писалъ Вольтеръ въ 1769 г.—, чтобы произвести (духовную) революцію, какъ во времена Лютера и Кальвина, а въ томъ, чтобы произвести такую революцію въ умахъ тѣхъ людей, въ чьихъ рукахъ находятся бразды правленія“ [5]). Въ то время, когда Вольтеръ писалъ эти строки,

270 (10 avril 1786): „M. de la Borde, un de nos Crésus, fait exécuter à Menneville, diocèse d'Amiens, un jardin anglais des plus magnifiques“).—Трудно однако рѣшить, чѣмъ главнымъ образомъ обусловливалось это увлеченіе „англійскими“ садами: тѣмъ ли что они были *англійскими*, или же тѣмъ, что они были ближе къ *природѣ*, чѣмъ традиціонные „французскіе“ сады, въ которыхъ природа совершенно стушевывалась передъ „искусствомъ“. Если вѣрить г-жѣ де-Жанлисъ, то честь изобрѣтенія „англійскихъ“ садовъ принадлежитъ французу, епископу авраншскому Huet, который, по ея словамъ, „первый предложилъ въ своихъ сочиненіяхъ подражать природѣ въ устройствѣ садовъ“.—*M-me de Genlis*, op. cit., t. I, p. 297—298.

1) *Rabaut Saint-Etienne*, Considérations sur le Tiers Etat (*Oeuvres complètes*, Paris, 1826, t. II, p. 237 et suiv.): „Les lumières sont d'un tel effet qu'elles éclairent même ceux qu'elles dévoilent“. (Цит. по *Chérest*, la Chute de l'Ancien régime, Paris, 1884, t. I, p. 11).

2) *Tilly*, Mémoires, t. II, p. 344; *Ségur*, Mémoires, t. I, p. 16 suiv.

3) Système monsrueux de préjugés“.—*Pasquier*, Mémoires, t. I, p. 43: „Le haut clergé partageait ce qu'on appelait *les lumières du siècle*“.—Противъ „нетерпимости“ пишутъ не только „философы“, но даже и представители духовенства; см., напр., *l'abbé de Malvaux*, l'Accord de la religion et de l'humanité sur l'intolérance, Paris, 1762 (*Quérard*, la France littéraire, t. V, p. 481).

4) *Mémoires secrets*, t. XI (28 février 1778): „Sans doute une foule de ses ouvrages brûlés pouvaient servir de prétexte à lui faire son procès (à Voltaire); mais .. il faudrait établir une istruction en règle, qui serait trop odieuse dans *ce siècle éclairé*, et à laquelle ne se préterait pas aujourd'hui le parlement, dans le sein duquel il a des parents, des amis et des admirateurs“.

5) Изъ письма Вольтера къ д'Аржансону.—*Sorel*, l'Europe et la Révolution française, t. I, p. 102.

„революція“, о которой онъ говорилъ, какъ о *pium desiderium*, была уже наполовину совершившимся фактомъ. Это было время, когда *философы*, какъ нѣкогда янсенисты, насчитывали тайныхъ приверженцевъ среди магистратовъ и даже среди полиціи [1]). Еще немного, и „приверженцамъ философіи“ стало нечего болѣе таиться.

„Министръ ла-Врилльеръ закончилъ администрацію чисто военную и абсолютистскую, которую онъ направлялъ въ теченіе полустолѣтія, и передалъ ее въ руки *философіи*“ [2]). Въ лицѣ *друзей философіи* Тюрго и Мальзерба, „философія возсѣла рядомъ съ трономъ“ [3]). „Падая во прахъ, ла-Врилльеръ передалъ власть въ побѣдоносную десницу философіи“, которая „заняла мѣсто въ правительствѣ рядомъ съ королемъ“ [4]). Такъ совершилось это замѣчательное „превращеніе управленія на военную ногу—въ управленіе *философское*“ [5]). Что въ лицѣ Тюрго и Мальзерба „философіи“ не пришлось долго „возсѣдать рядомъ съ трономъ“, это обстоятельство не могло уже остановить ея побѣднаго шествія. „*Философскій духъ* настолько овладѣлъ вѣкомъ“, что будь это „философія благодѣтельная“, какъ думали одни изъ современниковъ (большинство) [6]), или же—зловредная „лже-философія“, какъ полагали другіе (меньшинство) [7]),—во всякомъ случаѣ „духъ“ этотъ успѣлъ „проникнуть вплоть до головъ адми-

[1]) *Rocquain*, l'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 251.

[2]) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, t. II, p. 323: „La Vrillière termine une administration toute militaire et absolue; une administration qu'il avait gardée pendant un demi-siècle, et il la dépose dans les mains de la philosophie“.

[3]) *Montyon*, Particularités et observations, etc., p. 373: „Sous l'abbé Terrai, c'est la fiscalité qui a régné; sous Turgot, c'est la philosophie“.—*Soulavie*, op. cit., p. 318: „...Lamoignon de Bâville fut l'instrument du fanatisme, et Lamoignon de Malesherbes est aujourd'hui l'ami de la philosophie“...—Ibidem, t. II, p. 327: „...La philosophie se voyait donc établie à côté du trône“.

[4]) *Soulavie*, op. cit., t. II, p 329: „Ainsi, La Vrillière tombait dans le néant, et dans sa chute il remettait l'usage de l'autorité dans les mains victorieuses de la philosophie introduite à côté du roi dans le gouvernement“.

[5]) Ibidem, p 323: „...la métamorphose de la puissance militaire en administration philosophique“.

[6]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XVIII, 198—199: „..l'esprit d'une *philosophie bienfaisante* a pénétré jusques dans la tête des administrateurs“.

[7]) *Bertrand de Molleville*, Histoire de la Révolution, Introduction, p. 49: „La *fausse philosophie* eut des prosélites jusques dans les conseils du roi“.

нистраторовъ" [1]) и насчитывалъ своихъ „прозелитовъ вплоть до нѣдръ королевскаго совѣта" [2]).

Вѣкъ „просвѣщенныхъ людей" есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣкъ *просвѣщенныхъ министровъ* и *просвѣщенныхъ администраторовъ* [3]). Названіе *просвѣщеннаго администратора*—самое лестное изъ всѣхъ, на какія можетъ претендовать интендантъ „просвѣщеннаго вѣка". Утомленный преслѣдованіями мѣстнаго парламента, бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, въ своемъ печатномъ отвѣтѣ ему, обиженнымъ тономъ заявляетъ о своемъ рѣшеніи оставить свой постъ въ наслѣдіе другому, „болѣе просвѣщенному администратору". „Чистую совѣсть и уваженіе просвѣщенныхъ гражданъ—прибавляетъ онъ съ достоинствомъ—я ставлю выше обладанія властью" [4]).

XVIII.

До какой степени *философія* „проникла въ администрацію", это можно видѣть, во-первыхъ—изъ печатныхъ произведеній тѣхъ изъ администраторовъ, которые были въ то же время и гражданами „литературной республики", о чемъ намъ уже приходилось говорить въ другой связи [5]). Между прочимъ, составленный эльзасскимъ интендантомъ въ 1785 г. трактатъ о необходимости реформы натуральной дорожной повинности былъ настолько проникнутъ „духомъ благотворительной философіи", что снискалъ себѣ одобреніе въ „философскихъ" кружкахъ Парижа [6]).

Оставляя въ сторонѣ Тюрго—занимаемое имъ видное мѣсто среди „философовъ", и въ частности среди „философовъ-экономистовъ" просвѣщеннаго вѣка, слишкомъ общеизвѣстно, чтобы требовалось на

---

[1]) См. черезъ одно примѣчаніе выше.

[2]) См. черезъ одно примѣчаніе выше.

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXVIII (7 février 1785). См. также выше, стр. 375.

[4]) *Dupré de Saint-Maur*, Mémoire sur les corvées, 1785

[5]) См. выше, стр. 210 и далѣе.

[6]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XVIII, p. 198—199 (23 juin 1785): „Le Mémoire de M. de la Galaisières, intendant de Strasbourg, sur les corvées, paraît depuis quelques jours. Les principes dans lesquels est rédigé cet ouvrage important, *font un honneur infini à son auteur, et prouvent malgré les cris de nos frondeurs, que l'esprit d'une philosophie bienfaisante a pénétré jusques dans la tête des administrateurs.*—См. также выше, стр. 152 и 229.

этомъ останавливаться [1]),—можно однако сказать, что въ лицѣ его менѣе видныхъ „собратьевъ“ по перу, какъ и по административной дѣятельности, мы встрѣчаемся съ „просвѣщенными людьми“ въ спеціальномъ значеніи этого слова,—съ истинными „друзьями философіи“.

XIX.

Просвѣщенный вѣкъ налагаетъ свою печать и на офиціальную фразеологію—правительственную и административную. Королевскіе эдикты, министерскія письма, донесенія, приказы и офиціальныя рѣчи интендантовъ съ любовью говорятъ о своемъ времени, какъ о *вѣкѣ просвѣщенія*, и въ своемъ презрѣніи къ прошлымъ „вѣкамъ варварства и невѣжества“ могутъ поспорить съ произведеніями „философской“ литературы [2]).

Въ офиціальныхъ рѣчахъ „просвѣщенныхъ администраторовъ“ не рѣдкость встрѣтить цитаты изъ Монтескье, Вольтера, Руссо [3]).

1) См. выше, стр. 210 примѣч. 1 —Напомнимъ лишь здѣсь коротко, что Тюрго одинъ изъ первыхъ во французской литературѣ формулировалъ идею умственнаго прогресса—одну изъ излюбленныхъ идей „философіи“ XVIII в.; онъ былъ въ числѣ первыхъ поборниковъ идеи вѣротерпимости; наконецъ—однимъ изъ выдающихся экономистовъ эпохи (примыкая къ физіократамъ, онъ занимаетъ въ ряду ихъ особое, въ значительной мѣрѣ самостоятельное положеніе).

2) *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers*, février 1776: „Nous ne suivrons pas plus loin l'énumération des dispositions bizarres, tyranniques, contraires à l'humanité et aux bonnes moeurs, dont sont remplis ces espèces de codes obscures, rédigés ...dans les temps d'ignorance“.—*Isambert*, op. cit., t. XXIII, p. 374 (авторство этого эдикта принадлежитъ Тюрго).—*Arrêt du Conseil concernant la restauration des arènes de Nîmes*, 28 août 1786:“... une entreprise qui doit rendre aux arts... un édifice célèbre échappé aux ravages des guerres et du temps. mais dont l'antique magnificence est... déshonorée par les viles constructions qu'on y a élevées dans des siècles de barbarie“.—*Isambert*, op. cit., t XXVIII, p. 227. Сравн. составленный въ 1775 г. Тюрго для доклада королю *Mémoire sur les municipalités*, гдѣ между прочимъ читаемъ (въ началѣ) такую фразу: „ce qu'ont fait nos ancêtres dans les temps *que nous convenons nous-mêmes avoir été des temps d'ignorance et de barbarie*“ ..—*Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 502.

3) Напр., изъ рѣчи главнокомандующаго въ Нормандіи, герцога д'Аркура (26 февр. 1789 г.): „Interrogez Voltaire, Montesquieu, ces génies sublimes, dont la littérature s'honore...“ — См. также ниже, отдѣлъ XXIV этой главы.

Разумъ и *природа*, *человѣчество* и его *неотъемлемыя права*, *гуманность* и *чувствительность*, *любовь къ общественному благу* и *любовь къ свободѣ*, *гражданинъ* и *патріотъ*,—всѣ эти неизбѣжные аттрибуты „просвѣщенной“ фразеологіи эпохи составляютъ и неизмѣнную принадлежность офиціальнаго языка того времени. Въ ноябрьскомъ эдиктѣ 1774 г. о возстановленіи парламента король возвѣщаетъ своимъ подданнымъ о своемъ „намѣреніи всегда править въ духѣ *разума* и совѣта“ [1]). Въ другомъ эдиктѣ того же времени читаемъ такой афоризмъ: „только власть, основанная на законности и направляемая справедливостью и *разумомъ*, въ состояніи доставить благоденствіе нашимъ подданнымъ“ [2]). Въ ноябрьскомъ эдиктѣ 1787 г. относительно иновѣрцевъ слова короля дышатъ нескрываемымъ негодованіемъ, когда онъ говоритъ о направленныхъ противъ иновѣрцевъ „насильственныхъ мѣрахъ, столько же противныхъ принципамъ *разума* и *человѣчности*, сколько и истинному духу христіанства“. Своимъ эдиктомъ король имѣетъ въ виду положить конецъ существующимъ „опаснымъ противорѣчіямъ между *правами природы*—съ одной стороны и постановленіями закона—съ другой“ [3]). Майскій эдиктъ 1771 г. возвращаетъ городскимъ и сельскимъ общинамъ „*естественное право* выбирать своихъ правителей и старшинъ“ [4]). Въ одной изъ первыхъ представленныхъ королю записокъ, въ запискѣ о вѣротерпимости, Тюрго обосновываетъ „права совѣсти“ на „началахъ *естественнаго права*“ [5]). Въ другой за-

1) *Edit portant rétablissement des anciens offices du parlement de Paris*, novembre 1774: „Notre intention sera toujours de régner par l'esprit de raison et de conseil, suivant la forme et les lois sagement établies dans notre royaume...“—*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 44.

2) „L'autorité fondée sur les lois... dirigée par la justice et la raison, peut seule procurer à nos sujets le bonheur“. — *De Calan*, la Bretagne sous Louis XVI, Vannes, 1896, p. 7.

3) *Edit concernant ceux qui ne font pas profession de la religion catholique*, novembre 1787: „...et nous proscrirons, avec la plus sévère attention, toutes ces voies de violence, qui sont aussi contraires *aux principes de la raison et de l'humanité*, qu'au véritable esprit du christianisme“.... „Un pareil ordre de choses sollicitait depuis longtemps notre autorité de mettre un terme à ces dangereuses contradictions entre *les droits de la nature* et les dispositions de la loi“.—*Isambert*, Recueil, t. XXVIII, p. 472—473.

4) „Le droit si naturel, si précieux d'élire leurs administrateurs et leurs chefs“.—*Isambert*, Recueil, t. XXII, 529.

5) *Turgot*, Oeuvres, éd. Daire, t. II, p. 493: „J'établirai ensuite ces droits (de la conscience) d'après les principes *du droit naturel*“.

пискѣ, о муниципалитетахъ, онъ говоритъ, что „права людей, соединенныхъ въ обществѣ, основаны не на ихъ исторіи, а на ихъ *природѣ*“ [1]). Февральскій эдиктъ 1776 г. о цехахъ и промышленно-торговыхъ корпораціяхъ говоритъ объ *естественномъ правѣ* на свободный трудъ и высказываетъ сожалѣніе по поводу имѣвшихъ мѣсто попытокъ ограничить это „право“ [2]). Совершенно въ томъ же духѣ, шалонскій интендантъ Руйлльe-д'Орфейль, доводя въ 1788 г. до свѣдѣнія министра о томъ, что изъ 2300 сельскихъ общинъ своего интендантства онъ лишь не болѣе, какъ въ десяти, поставилъ старостъ по своему назначенію (вмѣсто выборныхъ), прибавляетъ: „потому что я считаю за правило поддерживать сельскихъ обывателей въ ихъ *естественномъ правѣ* избирать самимъ своихъ набольшихъ“ [3]).

XX.

Если просвѣщенный администраторъ охотно говоритъ о своей *чувствительности*, то это потому, что, въ качествѣ человѣка просвѣщеннаго, онъ считаетъ въ нѣкоторомъ родѣ обязательнымъ для себя обладать *чувствительной душой* [4]). Чувствительность есть одна

[1]) Ibidem, p. 503: „Les droits des hommes réunis en société ne sont point fondés sur leur histoire, mais sur leur *nature*“. „Естественное право—говоритъ современникъ о Тюрго—было его первымъ путеводителемъ, когда онъ былъ призванъ къ административной дѣятельности. Тамъ, гдѣ естественное право народовъ встрѣчалось съ установившимся во Франціи правомъ положительнымъ, Тюрго всегда отдавалъ предпочтеніе правамъ природы передъ правомъ установленія“.—*Soulavie*, op. cit., t. II, p. 277—278.

[2]) *Edit portant suppression des jurandes et communautés de commerce, arts et métiers*, février 1776: „Nous avons vu avec peine les atteintes multipliées qu'ont données à ce *droit naturel* et commun des institutions, anciennes à la vérité, mais que ni le temps, ni l'opinion, ni les actes même émanés de l'autorité... n'ont pu légitimer“.—*Isambert*, op. cit., t. XXIII, p. 371.

[3]) „..Parce qu'il est dans mes principes de maintenir les habitants des campagnes dans *le droit naturel* de choisir eux-mêmes leurs chefs“. — *Archives départementales de la Marne*, C 555 (1783).

[4]) Особенно любитъ говорить о своей „чувствительной душѣ“ Неккеръ. См., напр., De l'administration des finances, t. I, p. 124: „Hony soit qui verrait dans ces épanchements d'*une âme sensible* le dépit ou le regret de l'ambition trompée“.—Бывшаго интенданта, а впослѣдствіи министра, де-Калонна, его бывшій коллега Монтіонъ характеризуетъ, какъ человѣка съ „чувствительной душой“, хотя и „безъ нѣжности“: "Une âme sensible sans être tendre,

изъ основныхъ добродѣтелей „просвѣщеннаго администратора“ [1]). „Администраторъ просвѣщенный и чувствительный“—это самый лестный комплиментъ, какимъ только можно было осчастливить представителя администраціи въ эту просвѣщенную и чувствительную эпоху [2]).

Чувствительность проникаетъ вплоть до министерскихъ и интендантскихъ канцелярій. „Административный стиль, отличающійся обыкновенно отмѣнною сухостью, становится временами елейнымъ, почти нѣжнымъ“ [3]). Одинъ субделегатъ жалуется въ письмѣ къ парижскому интенданту, что „при исполненіи своихъ обязанностей онъ часто испытываетъ невыносимую для *чувствительной души* боль“ [4]). Овернскій интендантъ де-Шазера пишетъ 1783 г. одному изъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля: „Умоляю васъ посовѣтоваться съ вашимъ сердцемъ и прислушаться къ его голосу, когда вы будете ходатайствовать о благодѣяніяхъ короля и министра,

plus susceptible d'émotion que de passion“.—*Montyon*, Particularités et Observations sur les ministres des finances, Paris, 1812, p. 278. — Сравн. рѣчь валансьеннскаго интенданта при закрытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г.: „Souvent il ne lui est pas permis de manifester sa sensibilité...“ (*Pièces justificatives*, Nr. 126).

1) „При видѣ бѣдственнаго положенія самаго многочисленнаго класса плательщиковъ податей пробуждается чувствительность даже наименѣе активная; и эта чувствительность, даже въ сферѣ чисто дѣловыхъ отношеній, представляетъ собою самый дѣятельный мотивъ и самую прочную основу блага: именно благодаря этому душевному состоянію, человѣкъ начинаетъ горячо принимать къ сердцу интересы народа и неустанно работать въ этомъ направленіи; именно указанное душевное состояніе даетъ человѣку и внимательность, и рвеніе, и настойчивость; словомъ, это—животворящій духъ, который все охватываетъ и пронизываетъ своимъ пламенемъ“.—*Necker*, De l'administration des finances, t. II, p. 272.

2) „Un administrateur sensible et éclairé“ — этимъ комплиментомъ даритъ, напримѣръ, шалонскаго интенданта Руйлле-д'Орфейля, въ обращенной къ нему офиціальной рѣчи, предсѣдатель мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г. – *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de Champagne*, Châlons, s. d., in-4 *Bibliothèque nat.*, Lk 15/21.

3) Это—выраженіе Токвиля. Мы не присоединяемся лишь къ ироническому тону, который придаетъ своему выраженію Токвиль; иронія, которую мы считаемъ несправедливой въ этой общей, не обставленной никакими оговорками формѣ, къ тому же находится въ противорѣчіи съ другими наблюденіями самого же Токвиля, напр. *Tocqueville*. l'Ancien régime et la Révolution, p. 98.

4) Ibidem.

и дать той части народа, за которую я прошу вашего благорасположенія, ощутить дѣйствіе вашего покровительства и *вашей чувствительности*" [1]).

XXI.

Нельзя конечно отрицать извѣстной доли условности въ этой „чувствительности“ офиціальнаго языка; но несправедливо было бы видѣть въ ней, вмѣстѣ съ Токвилемъ, лишь „фальшивую чувствительность“ (fausse sensibilité) [2]) и трактовать ее иронически; напротивъ, за этой чувствительностью скрывается обыкновенно навѣянное духомъ времени *филантропическое* настроеніе. *Человѣчность, права* и *благо человѣчества* занимаютъ почти столь же видное мѣсто въ административной перепискѣ эпохи, какъ и въ современной „философской“ литературѣ (и, какъ увидимъ, это не были просто лишь *слова*).

Министръ Тюрго посылаетъ въ 1775 г. бордоскому интенданту нѣсколько экземпляровъ брошюры по медицинѣ, въ виду того, что затрогиваемый ею вопросъ „крайне важенъ для блага человѣчества“ [3]). Валансьеннскій интендантъ пишетъ ему о томъ, какъ въ другихъ обстоятельствахъ „можно было бы больше сдѣлать добра для человѣчества“ [4]).

Издавая въ декабрѣ 1775 г. ордоннансъ, смягчающій суровыя кары за дезертирство, король считаетъ, что наступило время для подобнаго „*закона милости и человѣчности*“ [5]).

[1]) Lettre de M. de Chazerat à M. de Montaran, 25 mars 1783: „Je vous supplie, Monsieur, de consulter et d'écouter votre coeur lorsque vous solliciterez la bienfaisance du Roy et du ministre, et de faire ressentir à cette partie de ses peuples pour laquelle je réclame vos bontés, les effets de votre protection et de votre sensibilité".—*Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 104, p. 299.—Интендантъ де-Шазера устраиваетъ въ своемъ овернскомъ имѣніи среди пруда „очень пріятный островокъ“, на которомъ разбиваетъ „укромный уголокъ (un hermitage) и садикъ, съ гротомъ и фонтаномъ“.—*Legrand d'Aussy*, Voyage en Auvergne en 1787—1788, t. III, 382.

[2]) *Tocqueville*, op. cit., p. 98.

[3]) *Archives départementales de la Gironde*, C 74 (цит. по *Foncin*, Essai sur le ministère de Turgot, Paris, 1877, p. 615).

[4]) *Archives nationales*, H 645. Senac de Meilhan à Turgot, 17 avril 1775.

[5]) *Ordonnance portant, entre autres choses, modération des peines contre les déserteurs*, 12 décembre 1775: „Sa majesté... a cru que le jour où elle pu-

Шалонскій интендантъ въ письмѣ къ министру въ 1778 г. говоритъ о нищенствѣ, какъ о „бичѣ, *унизительномъ для человѣчества*“ [1]).

Въ постановленіи совѣта отъ 10-го января 1779 г. касательно парижскаго воспитательнаго дома король ополчается противъ „вкравшихся въ этотъ первостепенной важности отдѣлъ администраціи злоупотребленій, *противныхъ всѣмъ принципамъ гуманности*“ [2]).

Неккеръ пишетъ въ 1780 г. къ лангдокскому интенданту касательно борьбы съ нищенствомъ; рѣчь идетъ объ арестованіи нищихъ и препровожденіи ихъ въ dépôts; министръ заканчиваетъ свои инструкціи выраженіемъ пожеланія, чтобы при этомъ „точное исполненіе предписаній согласовалось съ *правами человѣчества*“ [3]).

Въ мотивировкѣ ордонаннанса объ учрежденіи при валансьеннской городской больницѣ пріемнаго покоя для бѣдныхъ роженицъ и пріюта для подкидышей, въ 1780 г., валансьенскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ высказывается такимъ образомъ: „Дѣло закона—карать дошедшія до свѣдѣнія его служителей преступленія; долгъ администратора—дѣлать усилія для предупрежденія послѣднихъ. Доставить убѣжище, гдѣ глубочайшая тайна сокрыла бы ошибки, и откуда можно было-бы выйти не отчаиваясь въ возможности возстановить свое доброе имя,—протянуть отеческую руку тѣмъ, для кого оказалось злосчастнымъ самое настоятельное изъ естественныхъ чувствъ,—таковы тѣ способы, которые указало намъ горячее желаніе сообразоваться съ благодѣтельными видами Его Величества, высказанными въ постановленіи совѣта отъ 10-го января 1779 г.“ [4]).

„Я не буду пытаться—пишетъ алансонскій интендантъ Жюлльенъ одному изъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля въ

bliait une loi de douceur et d'humanité devait être celui de la clémence...“ —Ibidem, p. 269.

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 2005 (Rouillé d'Orfeuil à Necker, 12 janvier 1778).

[2]) *Arrêt du conseil concernant les Enfants-Trouvés*, 10 janvier 1779: „Sa majesté... n'a pu apprendre sans douleur que dans un des objets les plus intéressants de l'administration publique, il s'était introduit *un abus contraire à tous les principes de l'humanité*, et qu'elle ne pouvait trop promptement réprimer“.—*Isambert*, Recueil t. XXVI, p. 7.

[3]) *Archives nationales*, H 1056. Necker à Guignard de Saint-Priest, 15 novembre 1780: „Que la sûreté du service se concilie avec *les droits de l'humanité*“.

[4]) *Legrand*, Senac de Meilhan, p. 140—141.

1783 г.—доказывать вамъ, насколько *интересы человѣчества* и государства требуютъ того, чтобы эти дѣти (подкидыши), обреченные на гибель безъ посторонней помощи, находили такую помощь въ администраціи..." [1])

Въ предисловіи къ январьскому эдикту 1784 г., которымъ евреи освобождались отъ „тѣлесной пошлины" (péage corporel) и другихъ унизительныхъ для человѣческаго достоинства поборовъ, которыми евреи „приравнивались къ скотинѣ", по выраженію эдикта,—читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „Противно чувствамъ, которыя мы питаемъ ко всѣмъ нашимъ подданнымъ, оставлять существовать по отношенію къ кому-либо изъ нихъ такого рода поборы, которые кажутся *унизительными для человѣческаго достоинства*" [2]).

„Удалось возстановить разсудокъ нѣсколькимъ изъ душевнобольныхъ, заключенныхъ въ госпиталяхъ и смирительныхъ домахъ" [3]) пишетъ изъ Парижа пуатевинскій интендантъ Була-де-Найнтейль своему субделегату въ Брессюирѣ. „Этотъ успѣхъ, столь отрадный для человѣчества, возбудилъ сострадательную заботливость правительства, которое, въ виду этого обстоятельства, только что опубликовало инструкцію касательно того, какъ слѣдуетъ обращаться съ этими несчастными, и какъ лечить ихъ..." [4]). Тотъ же интендантъ пишетъ тому же субделегату въ другое время и по другому поводу: „Если вашъ городъ (Брессюиръ), какъ я надѣюсь, выкажетъ столько же *усердія и гуманности*, то я съ своей стороны готовъ всячески содѣйствовать его усиліямъ..." [5]).

[1]) *Plantié*, les Enfants assistés, p. 83—84 (lettre de Jullien à M. de la Millière, 26 janvier 1783).

[2]) „... qui semble avilir l'humanité".—*Edit contenant affranchissement en faveur des Juifs du péage corporel et autres droits analogues, auxquels ils étaient assujettis*, janvier 1784.—*Isambert*, Recueil, t. XXVII, p. 36).—Часть „предваренія", отсутствующаго въ сборникѣ Изамбера, приведена у *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 225, откуда и заимствуемъ приведенный текстъ.

[3]) Въ ту пору еще не было особыхъ пріютовъ для умалишенныхъ.

[4]) Lettre de Boula de Nanteuil à M. Blactot, 28 juillet 1785: „On est parvenu à rétablir la raison de quelques-uns des insensés qui sont renfermés dans les hôpitaux et maisons de force. *Ce succès, si doux pour l'humanité, a excité la sollicitude compatissante du gouvernement.* Il vient, en conséquence, de publier une instruction sur la manière de gouverner et de traiter ces êtres malheureux..."—*Archives historiques du Poitou*, t. XX (1889), p. 146.

[5]) Lettre du 26 janvier 1786: „Si votre ville, comme je l'espère, se porte à donner les mêmes preuves de zèle et d'humanité, alors je serai tres disposé à

Шалонскій интендандатъ, около того же времени, горячо привѣтствуетъ намѣреніе генералъ-контролера де-Калонна замѣнить натуральную дорожную повинность денежною податью. „Не боюсь сказать— пишетъ онъ министру—, что эта *счастливая революція* составитъ тѣмъ болѣе славную эпоху въ вашемъ министерствѣ, что она оставитъ продолжительное воспоминаніе о *вашей гуманности и вашей готовности притти на помощь обездоленнымъ*" [1]).

Въ офиціальной рѣчи при открытіи провинціальныхъ штатовъ Прованса въ концѣ 1787 г., королевскій комиссаръ воздаетъ хвалу „мудрымъ совѣтамъ министра, предложившаго королю утвердить основы монархіи *на правахъ, человѣчества*" [2]).

Майскій эдиктъ 1788 г., вводящій извѣстныя реформы въ области уголовной юстиціи, мотивируетъ послѣднія главнымъ образомъ соображеніями „*человѣчности и справедливости*" [3]).

XXII.

Народолюбіе, отмѣченное нами выше, какъ одна изъ чертъ общественнаго настроенія „просвѣщеннаго вѣка", наложило свой отпечатокъ и на администрацію. По характерному выраженію одного современника, существовавшій ранѣе во Франціи „культъ короля", въ царствованіе Людовика XVI уступилъ мѣсто „культу народа

seconder ses efforts..."—Ibidem, p. 181.—Дѣло идетъ объ организаціи призрѣнія бѣдныхъ жителей города Брессюира, по примѣру города Монморилльона, учредившаго у себя на добровольныя пожертвованія такъ называемые *bureaux de charité*, о которыхъ намъ придется говорить обстоятельно въ слѣдующей главѣ.

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 1553 (Rouillé d'Orfeuil à Calonne, 22 avril 1789).—*Pièces justificatives*, Nr. 19.

[2]) *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 91. Discours de Caraman (31 décembre 1787): „Vous n'oublierez jamais qu'un aussi grand événement est dû aux sages conseils d'un ministre qui ne croit devoir proposer au roi de fixer les bases de la monarchie que sur *les droits de l'humanité*".

[3]) *Déclaration relative à l'ordonnance criminelle*, 1 mai 1788: „Nos lois criminelles.. méritent d'autant plus de fixer notre attention, qu'elles intéressent à la fois notre humanité et notre justice".—Ibidem, t. XXVIII, p. 527.

со стороны короля" [1]). И со стороны представителей королевской власти—прибавимъ мы отъ себя.

„Глубокое чувство *любви къ народу* и заступничество за него—говоритъ Неккеръ есть надежный путеводитель въ управленіи финансами" [2]). „Министру финансовъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ рекомендовать *любовь къ народу*, что окружающія его вліянія всячески отвлекаютъ его отъ этого чувства" [3]). При наличности же послѣдняго, „благотворительная рука государя не перестанетъ оказывать *покровительство и защиту той обездоленной части своихъ подданныхъ, чей голосъ никогда не слышится заблаговременно, ибо издавна она умѣетъ лишь благословлять или плакать*" [4]). „Забота о народѣ, попеченіе о бѣднякѣ, это—одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей человѣчности" [5]).

Если Неккеръ осуждаетъ „излишества свободы" въ дѣлѣ хлѣбной торговли, то опять-таки во имя „*любви къ народу*" [6]).

Если вообще конечною цѣлью королевскихъ заботъ является „благоденствіе и благополучіе подданныхъ" [7]), то нѣкоторыя категоріи послѣднихъ признаются заслуживающими особеннаго вниманія и покровительства: это, во-первыхъ—„сельскіе обыватели", являющіеся представителями „земледѣлія, которое представляетъ собою—говоритъ король въ деклараціи отъ 3-го января 1775 г. объ отмѣнѣ круговой поруки—предметъ особенно достойный нашего покровительства". Далѣе, „особенное право на наше покровительство—заявляетъ король въ предисловіи къ февральскому эдикту 1776 г. объ отмѣнѣ цеховъ—имѣетъ тотъ классъ населенія, который, не имѣя другой собствен-

[1]) *Soulavie*, Mémoires historiques et politiques, t. II, p. 37: „Le culte des rois n'existait plus en France dès le moment que Louis XVI monta sur le trône. *Le culte des peuples par le roi succéda à l'autre sentiment*".

[2]) *Necker*, De l'administration des finances, t. I, Introduction, p. LXXXIX.

[3]) Ibidem, p. XCIII.

[4]) Ibidem, p. XCII.

[5]) Ibidem, p. LXXXVII.

[6]) „*L'amour du peuple* empêchera d'abandonner aveuglement ce trafic à l'excès de la liberté, afin de prévenir des secousses subites dans le prix des subsistances.."—Ibidem, p. XC.

[7]) „Notre affection pour les habitants de la campagne nous engage..."—*Déclaration portant abolition des contraintes solidaires contre les principaux habitants des paroisses, pour le payement des impositions royales*, 3 janvier 1775.—*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 127.

ности, кромѣ своего труда и ремесла", особенно нуждается въ такомъ покровительствѣ [1]).

По поводу оказаннáго бордоскимъ парламентомъ ожесточеннаго противодѣйствія попыткамъ мѣстнаго интенданта реформировать дорожную повинность въ смыслѣ облегченія ея для крестьянской массы, король объявляетъ въ 1786 г., что „не потерпитъ, чтобы парламенты ставили препоны его видамъ касательно предмета, представляющаго столь значительный интересъ для *наиболѣе драгоцѣнной части его народа*" [2]).

Въ своемъ отвѣтѣ на „представленія" дижонскаго парламента въ 1787 г. по поводу учрежденія провинціальныхъ собраній, хранитель печатей заявляетъ отъ имени короля: „Справедливость короля не можетъ болѣе терпѣть, чтобы тяжесть государственныхъ повинностей ложилась неравномѣрно на его подданныхъ, и при томъ давая себя чувствовать всего суровѣе наиболѣе бѣдной и *наиболѣе близкой его сердцу части подданныхъ*" [3]).

XXIII.

Философская" фразеологія просвѣщеннаго вѣка налагаетъ настолько глубокій отпечатокъ на офиціальный языкъ администраціи, что придаетъ ей подъ часъ чисто „республиканскій" колоритъ. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій Монтіонъ, бывшій интендантъ и государственный совѣтникъ (членъ королевскаго совѣта), вспоминая о до-революціонной порѣ, говоритъ между прочимъ: „Зачастую мнѣ случалось въ засѣданіяхъ королевскаго совѣта выслушивать защиту правъ народа, опредѣленіе границъ королевской власти, ссылки на *общественный договоръ* (*pacte social*)" [4]).

1) „Nous devons surtout cette protection à cette classe d'hommes qui n'ayant de propriété que leur travail et leur industrie", etc.—*Edit portant suppression des jurandes*, etc.—*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 371.

2) „...Pour la partie la plus précieuse de son peuple" —*Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 69 (28 août 1786). Сравн. *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 237.

3) „La portion la plus pauvre et la plus intéressante pour son coeur".—*Archives nationales*, H 1596.

4) *Angel de Montyon*, Rapport au roi Louis XVIII (цит. по *Labour*, M. de Montyon, Paris, 1880, p. 166).

Требовать отъ извѣстной части подданныхъ безвозмезднаго труда, какъ это до сихъ поръ дѣлалось (для постройки и починки дорогъ), это значитъ, какъ заявляется отъ имени короля въ февральскомъ эдиктѣ 1776 г., „наносить одинаковый ущербъ и собственности и *свободѣ* различныхъ категорій нашихъ подданныхъ“ [1]).

Въ письмѣ къ Неккеру въ 1778 г. беарнскій интендантъ Дуэ-де-ла-Буллэ говоритъ о бывшемъ генералъ-контролерѣ Тюрго, какъ о *министрѣ-гражданинѣ (un ministre citoyen)* [2]). Того же Тюрго другой интендантъ называетъ позднѣе *министромъ-патріотомъ* [3]).

Въ августовскомъ эдиктѣ 1779 г. король „полагаетъ свою славу прежде всего въ томъ, чтобы повелѣвать *націей свободной и благородной (une nation libre et généreuse)*“ [4]).

Бретанскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ, по поводу попытки мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ лишить субделегатовъ права быть депутатами въ собраніяхъ штатовъ, защищаетъ право своихъ подчиненныхъ на участіе въ этой, по его словамъ, „самой лестной изъ *національныхъ прерогативъ (prérogative nationale la plus flatteuse)*“ [5]).

Вообще *патріотъ* и *гражданинъ* зачастую заслоняютъ собою въ оффиціальной фразеологіи просвѣщенной администраціи *подданнаго*, а *нація*, съ ея *желаніями* и *правами* до *свободы* включительно, занимаетъ часто въ оффиціальномъ языкѣ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ этого можно было бы ожидать.

XXIV.

Для „просвѣщенныхъ администраторовъ“ особенно характерны въ данномъ отношеніи оффиціальныя рѣчи, которыми привѣтствовали интенданты учрежденныя въ 1787 году провинціаль-

[1]) *Edit portant suppression de la corvée*, février 1776.—*Isambert*, Recueil, t. XXIII, p. 363.

[2]) *Isambert*, Recueil, t. XXVI, p. 139. *Edit portant suppression du droit, de main-morte et de la servitude personnelle dans les domaines du roi*, août 1779.

[3]) *Archives nationales*, H 1411. Douet de la Boullaye à Necker, 26 janvier, 1778.—*Pièces justificatives*, Nr. 15.

[4]) *Dupré-de-Saint-Maur*, Mémoire important sur l'administration des corvées, etc., 1784, p. 132: „Permettons-nous donc de penser qu'on reviendra plutôt au plan de ce *ministre patriote*...“—*Bibliothèque nat.*, Lf 93/21.

[5]) *Archives nationales*, H 591 (lettre du 15 décembre 1782).

ныя собранія (а въ нѣкоторыхъ областяхъ — возстановленные взамѣнъ ихъ провинціальные штаты) при открытіи и закрытіи ихъ первой сессіи въ концѣ 1787 и началѣ 1788 гг.[1]). Ото всѣхъ этихъ рѣчей вѣетъ въ большей или меньшей степени духомъ „просвѣщенной философіи“. Такова, напримѣръ, рѣчь эльзасскаго интенданта Шомонъ-де-ла-Галезьера[2]). Замѣтивъ, что „настоящее собраніе составитъ достопамятную эпоху въ лѣтописяхъ нашего вѣка и нашей націи“, ораторъ продолжаетъ: „Политическій строй государствъ можетъ быть безусловно неподвижнымъ и неизмѣннымъ. Время, *прогрессъ просвѣщенія*, перемѣны въ нравахъ и идеяхъ неизбѣжнымъ образомъ приводятъ къ болѣе или менѣе глубокимъ перемѣнамъ (révolutions) въ правительственномъ строѣ. За послѣднія тридцать лѣтъ мы наблюдаемъ, какъ *постепенно зрѣютъ во всѣхъ умахъ патріотическія идеи*, и въ настоящее время *каждый гражданинъ хочетъ быть призваннымъ къ участію въ работѣ на благо общее*“. Ораторъ находитъ такое настроеніе умовъ заслуживающимъ „всяческаго поощренія“. Отмѣчая возрастающую силу общественнаго мнѣнія и вліяніе послѣдняго на администрацію, интендантъ, между прочимъ, указываетъ на тотъ фактъ, что „мотивы новѣйшихъ *законовъ обстоятельно излагаются въ предвареніяхъ къ нимъ; предположенныя мѣропріятія зачастую повергается заблаговременно на публичное обсужденіе и приводятся въ исполненіе лишь послѣ того, какъ получатъ всеобщее одобреніе*“[3]).

Совершенно въ духѣ „просвѣщенной философіи“ говоритъ, въ подобной же обстановкѣ, канскій интендантъ Кордье-де-Лонэ[4]) — объ *ужасахъ фанатизма*, которыми ознаменовалась эпоха религіозныхъ смутъ, и какъ истый *патріотъ*, рукоплещетъ принятому королемъ рѣшенію *сдерживать проявленія абсолютизма* (*retenir les impulsions d'une autorité absolue*) и „призвать со всѣхъ концовъ государства наиболѣе достойныхъ людей“.

„Васъ призвала *нація*“ — такъ начинаетъ парижскій интендантъ Бертье свою рѣчь при открытіи провинціальнаго собранія Иль-де-Фран-

[1]) Рѣчи эти сохранились въ печатныхъ протоколахъ провинціальныхъ собраній (и штатовъ). Собраніе этихъ протоколовъ имѣется какъ въ Національномъ архивѣ, такъ и въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ.

[2]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale d'Alsace* (*Bibliothèque nat.*, Lk 15/3). — *Pièces justificatives*, Nr. 120.

[3]) Сравн. выше, стр. 147—153, 206—207 и 235—236.

[4]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de Basse-Normandie* (*Bibliothèque nat.*, Lk 15/42). — *Pièces justificatives*, Nr. 121.

са [1]). „Собраніе нотаблей вотировало ваше существованіе, и *король даруетъ вамъ часть своей власти*, необходимую для осуществленія блага его подданныхъ". Провинціальныя собранія призваны объединить представителей различныхъ слоевъ населенія и различныхъ интересовъ, для того чтобы они могли общими силами „*работать на благо общее* (*travailler au bien général*)". Указывая на свои постоянныя старанія объ „облегченіи податного бремени, путемъ изгнанія изъ раскладки податей всякаго произвола", интендантъ высказываетъ надежду на то, что начатое имъ дѣло найдетъ въ лицѣ членовъ провинціальнаго собранія ревностныхъ продолжателей, какъ въ силу ихъ собственнаго интереса, такъ и въ силу одушевляющаго ихъ *патріотизма* (*esprit de patriotisme*).

„Не могу не рекомендовать—продолжаетъ интендантъ—вашей *гуманности*, вашему усердію и вашей справедливости, трехъ предметовъ, *къ которымъ я сохраню всегда самую живую привязанность: бѣдныхъ плательщиковъ тальи*, земледѣліе и моихъ сотрудниковъ, помогавшихъ мнѣ въ предпринимавшихся мною работахъ". Часть рѣчи, посвященная первому изъ этихъ трехъ „предметовъ", проникнута духомъ „просвѣщенной чувствительности". „Вы будете тронуты до слезъ огромностью лежащаго на платильщикѣ бремени... Ахъ, милостивые государи, не откажите ему въ вашемъ покровительствѣ; вѣдь онъ выноситъ на своихъ плечахъ всю тяжесть государственныхъ повинностей; онъ же доставляетъ вамъ защитниковъ государства, онъ же даетъ земледѣльцевъ, и онъ же васъ обогащаетъ, потребляя ваши продукты"...

Рѣчь ліонскаго интенданта Террэ [2]) проникнута духомъ „просвѣщеннаго патріотизма". „*Паріотическое учрежденіе*—такъ называетъ ораторъ провинціальное собраніе—, которое васъ здѣсь соединило, *является живымъ свидѣтельствомъ благотворительности короля*. Являясь отвѣтомъ на *всеобщія пожеланія націи*, оно служитъ вожделѣннымъ сигналомъ къ свободному проявленію *любви къ общественному благу*, васъ одушевляющей. Его Величество знаетъ, что сдѣлать васъ соучастниками своихъ отеческихъ заботъ о своемъ народѣ, указать вамъ въ благополучіи послѣдняго конечную цѣль вашихъ

[1]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de l'Isle-de-France.— Pièces justificatives*, Nr. 119.

[2]) *Procès-verbaux des séances de l'Assemblée provinciale de la généralité de Lyon*, Trévoux, 1898, p. 18.

трудовъ и вмѣстѣ—награду за нихъ,—это значитъ тѣснѣе связать ваши сердца съ благомъ государства,—сдѣлать ваши знанія орудіемъ его благополучія,—развить въ васъ *самыя чистыя чувства патріотизма*".

Въ томъ же духѣ держитъ рѣчь амьенскій интендантъ д'Агэ къ мѣстному провинціальному собранію, которое онъ называетъ *патріотическимъ собраніемъ* (*une assemblée patriotique*) [1]).

Алансонскій интендантъ Жюльенъ, въ подобной же обстановкѣ [2]), взываетъ къ *духу патріотизма*, которымъ, по его мнѣнію, одушевлено собраніе, и къ его *любви къ общественному благу*, для того чтобы изыскать средства къ *облегченію положенія народной массы*, „*къ сожалѣнію, черезчуръ обремененной налогами*", благодаря тому, что „*тѣ, что могли бы защитить народъ, зачастую заинтересованы въ томъ, чтобы оставить на немъ податное бремя*, облегчить которое ему они могли бы не иначе, какъ взявши на себя часть послѣдняго".

Въ томъ же духѣ „просвѣщеннаго патріотизма"—рѣчь экскаго интенданта де-ла-Тура при открытіи возстановленныхъ штатовъ Прованса въ концѣ 1787 г. [3]) „Какое для васъ утѣшеніе, какая слава—быть свидѣтелями возрожденія *національныхъ собраній*, установленныхъ мудростью вашихъ отцовъ... Монархъ, желающій царствовать лишь по законамъ, болѣе занятый вашимъ благополучіемъ, чѣмъ своею властью, приглашаетъ васъ самихъ намѣтить благотворныя учрежденія для вашего самоуправленія; *онъ ввѣряетъ вамъ самыя ревнивыя права верховной власти*. Никогда еще никакая *нація* не получала болѣе блестящаго свидѣтельства довѣрія своего государя". Крайне характерно въ устахъ королевскаго комиссара это слово *нація* по отношенію къ населенію области [4]). Не менѣе ха-

[1]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de Picardie* (*Bibliothèque nat.*, Lk 15/48).—Рѣчь эта перепечатана цѣликомъ въ книгѣ *Hesse*, l'Administration provinciale et communale en France et en Europe, 1785—1870, Amiens, 1870, p. 94—98.

[2]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de Moyenne-Normandie.—Pièces justificatives*, Nr. 124.

[3]) *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 190. Discours de M. Des Gallois de la Tous à la séance d'ouverture des Etats de Provence, 31 décembre 1787.—*Pièces justificatives*, Nr. 103.

[4]) Впрочемъ экскій интендантъ не является въ данномъ случаѣ совершеннымъ новаторомъ; напримѣръ, его реннскій коллега, въ офиціальной

рактерно и то, что офиціальнаго оратора нисколько, повидимому, не смущаетъ тотъ явно „республиканскій“ оттѣнокъ, который принимаетъ далѣе его проникнутая „патріотизмомъ“ рѣчь. „Исторія — продолжаетъ интендантъ — представляетъ намъ лишь одинъ подобный примѣръ, именно—въ той республикѣ, въ которой герой, заслужившій имя Публиколы („народолюбца“), сказалъ знаменитѣйшему во вселенной народу: „Римляне, издавайте сами законы, которые бы сдѣлали васъ счастливыми“. Отъ себя ораторъ прибавляетъ слѣдующую чисто „республиканскую“ сентенцію: „Только собравши гражданъ всѣхъ сословій, возможно осуществить идеалъ всеобщаго блага“; вслѣдъ затѣмъ онъ цитируетъ „*знаменитаго писателя, рожденнаго въ суровой республикѣ и посвятившаго свое перо свободѣ*“, и приводитъ слѣдующія слова Руссо: „Я выбралъ бы своимъ отечествомъ страну, гдѣ управленіе было бы общимъ дѣломъ всѣхъ гражданъ“.

„Духовенство, Дворянство, Третье сословіе, вы здѣсь въ сущности лишь *граждане*!“—прибавляетъ отъ себя ораторъ, и продолжаетъ: „Возможно ли представить себѣ болѣе благопріятныя условія для подъема *патріотизма*, для разрѣшенія великой задачи осуществленія *общаго блага*? Миновало время, когда управленіе, окутанное тайнами политики, укрывалось отъ постороннихъ взоровъ .. *Король-гражданинъ*, этотъ государь, другъ правды, открылъ свое сердце справедливымъ жалобамъ своихъ трибуналовъ (парламентовъ)..., изложившихъ передъ нимъ плачевное положеніе королевства.. *Уже встаетъ передъ нашими взорами заря того счастливаго дня*, когда государь, достойный любви и признательности своихъ подданныхъ, возвѣститъ *собравшейся націи* возстановленіе порядка и явится, чтобы закрѣпить въ ея лонѣ столь вожделѣнный *союзъ между властью и свободой*“...

Въ своей рѣчи при открытіи провинціальныхъ штатовъ Дофинэ въ 1788 г.[1]), гренобольскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ привѣтствуетъ возстановленіе самоуправленія области. „Желать царствовать лишь надъ *просвѣщеннымъ народомъ* и осуществлять его благополучіе лишь при содѣйствіи его мнѣнія и его любви, это значитъ—*облагородить націю*,

докладной запискѣ въ 1784 г., совершенно спокойно говоритъ о „бретанской націи“.—*Archives nationales*, H 643. Observations générales sur les Etats de Bretagne, par M. Bertrand de Molleville, 1784.

[1]) *Procès-verbaux des assemblées des Etats provinciaux du Dauphiné*, Lyon, 1888, p. 117.

это значитъ—возвысить себя". Тѣмъ большія надежды возлагаетъ ораторъ на *просвѣщенный патріотизмъ* провинціальныхъ штатовъ.

Закрывая сессію провинціальнаго собранія области Hainaut въ концѣ 1787 г., валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ начинаетъ свою рѣчь [1]) выраженіемъ своего удовлетворенія по поводу того, что онъ „первый апплодировалъ патріотическимъ видамъ собранія", и переходитъ затѣмъ къ восхваленію своего вѣка, отмѣченнаго небывалымъ „распространеніемъ просвѣщенія". „Кажется—говоритъ онъ—, что *умъ человѣческій достигъ доступныхъ ему границъ знаній и талантовъ*, и что ему остается лишь примѣнить свои способности въ сферѣ управленія... Исчерпавъ ошибки, отдавши дань призраку славы, люди наконецъ сосредоточили свое вниманіе на прочныхъ интересахъ. Государи не помышляютъ уже о завоеваніи новыхъ областей, чтобы увеличить число своихъ подданныхъ; ихъ заботы направлены къ тому, чтобы усилить естественный приростъ населенія перспективою мирнаго благополучія..." Отмѣченную метаморфозу интендантъ приписываетъ всецѣло *прогрессу просвѣщенія (progrès des lumières)*, „который открылъ государямъ глубокую солидарность ихъ собственныхъ интересовъ съ интересомъ общественнымъ" [2]). Далѣе, pro domo sua, интендантъ „смѣетъ завѣрить" свою аудиторію, что, „если бы *нація* имѣла передъ своими глазами докладныя записки и различныя представленія королевскихъ комиссаровъ, то въ большинствѣ случаевъ она бы нашла въ ихъ лицѣ *людей просвѣщенныхъ*, *умѣющихъ соединять съ покорностью подданнаго и непререкаемыми обязанностями службы—добродѣтели гражданина*". Интересно это противопоставленіе,—добродѣтели гражданина—покорности подданаго въ устахъ королевскаго комиссара... Было, правда, время—продолжаетъ интендантъ—, когда „недавнія смуты, неотложныя нужды, *незнаніе истинныхъ принциповъ (l'ignorance des vrais principes) участили акты произвола*", но, къ счастью, это время миновало: „просвѣщеніе, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ медленно распространившееся, раскрыло ту истину, что сила власти вовсе не заключается въ томъ, чтобы дѣлать

[1]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provissoire de la province de Hainaut*, Paris, 1788, in-4.—*Pièces justificatives*, Nr. 126.

[2]) Сравн. рѣчь парижскаго интенданта при открытіи провинціальнаго собранія Иль-де-Франса: „Le roi..., persuadé que ses intérêts ne sont que ceux de ses peuples..."—См. выше, стр. 396, примѣч. 1.

все, и что, желая дѣлать все, она лишь затрудняетъ свое положеніе" [1]. По милости этого *просвѣщенія*, „пали преграды, стѣснявшія торговлю хлѣбомъ; были учреждены провинціальныя собранія; многочисленные граждане, дѣятельные и предпріимчивые, преслѣдуемые въ теченіе цѣлаго столѣтія,—эти люди, казавшіеся блуждающими среди общества призраками, лишенные гражданскаго существованія, будутъ отнынѣ законными отцами, супругами, дѣтьми: законъ санкціонируетъ *не подлежащія давности права природы (les droits imprescriptibles de la nature)*" [2].

XXV.

Въ качествѣ „просвѣщеннаго человѣка", администраторъ зачастую немножко *англоманъ*. Будущій интендантъ д'Энь переводитъ въ молодые годы англійскаго поэта Попа [3]. Бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ записываетъ въ 1777 г. въ своей расходной книгѣ: „30 ливровъ книгопродавцу за *Комментаріи объ англійскихъ законахъ*, 6 томовъ in-8" [4]. Въ 1787 г. англійскій путешественникъ Юнгъ посѣтилъ имѣнье парижскаго городского головы, бывшаго ранѣе интендантомъ, Лепелльтье-де-Морфонтэня, устроенное, какъ оказалось, „на англійскій ладъ" [5]. Бывшій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ заявляетъ себя поклонникомъ „англійской конституціи" [6], а его бывшій „собратъ" Монтіонъ выказываетъ знакомство съ сочиненіями Локка [7].

1) Сравн. *d'Argenson*, Journal et Mémoires. t. VIII, p. 220 (février 1754): „Pour gouverner mieux, il faudrait gouverner moins".—Сравн. слова Мирабо: „...un grand mal qui tient à cette maladie meurtrière de vouloir trop gouverner..." (*Jobez*, la France sous Louis XVI, t. III, p. 270).

2) Въ этой послѣдней фразѣ рѣчь идетъ о возвращеніи протестантамъ гражданскихъ правъ, которыхъ они были лишены въ концѣ семнадцатаго вѣка. См. Edit concernant ceux qui ne font pas profession de la religion catholique, novembre 1787 (*Isambert*, Recueil, t. XXVIII, p. 472—482).

3) *Quérard*, La France littéraire, Paris, 1827, t I, p. 20.

4) *Archives historiques de la Gironde*, t. XXXIV. Livre des dépenses de M. Dupré de Saint-Maur, intendant de Guyenne (année 1777), p. 17.

5) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 102.

6) См. выше, стр. 217 и 219.

7) См. выше, стр. 224.

Подведемъ итоги настоящей главы.

Вліяніе общественнаго мнѣнія на администрацію вообще и въ частности на интендантовъ было тѣмъ глубже и разностороннѣе, что оно не было лишь *внѣшней силой*, давленію которой администрація *должна была волей-неволей уступать*,—но также въ значительной мѣрѣ и *силой внутренней*, которая находила себѣ *непринужденное проявленіе* въ дѣятельности администраціи, такъ какъ то идейное настроеніе, которое представляло собою психологическую основу общественнаго мнѣнія, раздѣлялось въ большей или меньшей степени и тѣми людьми, которые являлись представителями администраціи. И это было вполнѣ естественно, такъ какъ послѣдніе, по своему соціальному положенію, принадлежали къ той, состоявшей изъ *просвѣщенныхъ людей—просвѣщенной публикѣ*, которая являлась фактически истиннымъ субъектомъ „общественнаго мнѣнія".

Просвѣщенный администраторъ раздѣляетъ со всѣми *просвѣщенными людьми* своего времени вѣру въ свой *просвѣщенный вѣкъ*, какъ вѣкъ *разума*, и презрительное отношеніе къ прошлымъ вѣкамъ, какъ вѣкамъ *варварства, невѣжества* и *предразсудковъ*. Просвѣщенный администраторъ съ уваженіемъ цитируетъ *философовъ* и офиціальному языку администраціи придаетъ „философскій" колоритъ. *Разумъ* и *природа*, *естественное право* и *права природы*, *человѣчество* и его *права*, *любовь къ человѣчеству* и *гуманность*,—всѣ эти неизбѣжные аттрибуты современной „философской" фразеологіи составляютъ въ то же время и неотъемлемую принадлежность офиціальнаго языка администраціи этого „просвѣщеннаго вѣка".

Вмѣстѣ съ „просвѣщеннымъ" *разумомъ* въ администрацію проникаетъ и „просвѣщенная" *чувствительность*, представляющая собою одну изъ основныхъ добродѣтелей *просвѣщеннаго человѣка*. Человѣкъ съ *чувствительной душой*, „просвѣщенный администраторъ" одушевленъ, какъ и всякій „просвѣщенный человѣкъ", *любовью къ человѣчеству* и уваженіемъ къ его *правамъ*. Въ качествѣ *друга человѣчества*, „просвѣщенный администраторъ" является, естестественно, и *другомъ народа*": народолюбіе, являющееся однимъ изъ аттрибутовъ общественнаго настроенія „просвѣщеннаго вѣка", налагаетъ свой отпечатокъ и на администрацію.

„Философская" фразеологія налагаетъ настолько глубокій отпечатокъ на офиціальный языкъ администраціи, что зачастую придаетъ ему тотъ же *республиканскій* колоритъ, которымъ отмѣчено настроеніе „просвѣщеннаго человѣка". *Патріотъ* и *гражданинъ* не-

рѣдко заслоняютъ собою въ офиціальной фразеологіи „просвѣщенной администраціи"—*подданнаго*, а *нація*, съ ея *желаніями, прерогативами* и *правами* до *свободы* включительно, часто занимаетъ въ офиціальномъ языкѣ администраціи гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ этого можно было бы ожидать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Интенданты и „просвѣщенная благотворительность“.

I. *Просвѣщенная благотворительность* и *благотворительная философія.* II. „Дѣятельное состраданіе“ къ „страждущему человѣчеству“.—III. Филантропическія учрежденія и „благотворительные проекты“.—IV. Народолюбивая „филантропія“.—V. Народныя бѣдствія и „просвѣщенная благотворительность“.—VI. „Соціальная любовь въ дѣятельномъ состояніи“.—Реформаторскій духъ.—VII. Сентиментальная благотворительность.—*Розьеры* и *преміи за добродѣтель.*—VIII. Работа надъ улучшеніемъ матеріальныхъ условій существованія общества.—IX. Новая струя въ дѣятельности „академій“.—X. Сельскохозяйственныя общества, общій характеръ ихъ дѣятельности.—XI. Сельскохозяйственное общество въ Лиможѣ.—Аналогичныя общества въ Ошѣ, Турѣ и Буржѣ.—XII. Духъ „просвѣщенной благотворительности“ въ администраціи.—Гуманизація администраціи.—XIII. Просвѣщенная администрація и „страждущее человѣчество“.—Филантропическая борьба съ нищенствомъ.—XIV. *Bureaux de charité.*—XV. *Ateliers de charité.*—XVI. Дорожныя работы.—XVII. Благотворительныя работы въ городахъ.—Другія формы вспомоществованія.—XVIII. Голодовки и продовольственный вопросъ—XIX. Народное бѣдствіе 1784—1785 гг—XX. Голодовка 1788—1789 гг.—XXI. Призрѣніе подкидышей.—XXII. Оздоровленіе тюремъ.—XXIII. Врачебная помощь населенію.—Борьба съ эпидеміями.—XXIV. *Boîtes de remèdes*, наставленія, больницы.—XXV. Санитарное состояніе селъ и городовъ.—Цѣлебные источники и грязи.—XXVI. Оспопрививаніе.—XXVII. Акушерскіе курсы для деревенскихъ женщинъ.—XXVIII. „Просвѣщенный администраторъ“, какъ *другъ народа.*—XXIX. „Бѣдный плательщикъ тальи“ и податныя привилегіи.—XXX. Королевская *талья.*—XXXI. Податныя облегченія.—XXXII. Косвенные налоги.—XXXIII. *Corvée*—XXXIV. Интендантъ Шомонъ-де-ла-Галезьеръ.—XXXV. Реформа дорожной повинности.—XXXVI. Другія повинности.—XXXVII. Интенданты и вѣротерпимость.—XXXVIII. Послѣдніе канскіе интенданты.—Сенакъ-де-Мейльянъ.—XXXIX. Традиціи *драгоннадъ.*—XL. „Просвѣщенная администрація“ и евреи.—XLI. Личная *благотворительность* „просвѣщенныхъ администраторовъ“.—Заключеніе.

I.

„Просвѣщенный вѣкъ“, вѣкъ философіи и филантропіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *вѣкъ благотворительности (le siècle de la bien-*

faisance) [1]). Просвѣщенный человѣкъ, „другъ философіи“ и „другъ человѣчества“, онъ въ то же время и *благотворительный человѣкъ (homme bienfaisant)* [2]), или по крайней мѣрѣ стремится къ тому, чтобы быть такимъ.

Родившись, или вѣрнѣе—возродившись почти одновременно съ „философскимъ просвѣщеніемъ“ [3]), это старое, но обновленное слово *bienfaisance* какъ нельзя болѣе кстати подошло—съ одной стороны къ „чувствительному“ и „филантропическому“ настроенію „просвѣщеннаго вѣка“, съ другой—къ той „любви къ общественному благу“, которая являлась дальнѣйшимъ развитіемъ „чувствительности“ и „гуманности“.

Просвѣщенная благотворительность (bienfaisance éclairée) [4]) есть лишь естественное продолженіе и завершеніе *просвѣщенной чувствительности (sensibilité éclairée)* [5]). *Чувствительная философія* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *благотворительная философія* (*philosophie bienfaisante)* [6]). *Чувствительность* есть источникъ *благотворительности*, поскольку чувство вообще является источникомъ дѣятельности. *Чувствительность* есть аффектъ, *благотворительность* —

[1]) „Le siècle de la bienfaisance et de l'humanité—слова Дидро (*Ducros*, les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 366—367). Характерно въ данномъ отношеніи заглавіе вышедшаго въ 1778 г. двухъ-томнаго трактата: *la Bienfaisance française ou Mémoires pour servir à l'histoire de ce siècle*, Paris, 1778, 2 vol. in-12.

[2]) *Mémoires secrets*, t. X, (8 août 1777): „M. de Trudaine est mort. Il est regretté: c'était *un homme bienfaisant*“.

[3]) По общераспространенному мнѣнію, раздѣляемому и авторомъ соотвѣтствующей статьи въ *Encyclopédie méthodique (Jurisprudence*, t. IX, p. 419: „Ce mot (bienfaisance) inventé par l'abbé de Saint-Pierre“), честь изобрѣтенія слова *bienfaisance* принадлежитъ аббату Сенъ-Пьеру (1658—1743), но это не совсѣмъ точно: Сенъ-Пьеръ лишь извлекъ это старинное французское слово изъ забвенія, а съ его легкой руки, его пустили въ ходъ и другіе, болѣе молодые писатели, въ томъ числѣ и Руссо, способствовавшій его популярности. См. объ этомъ статью Лавернь въ *Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. 39, p. 371—372.—Сравн. *Siégler-Pascal*, Un contemporain égaré au XVIII siècle, les projets de l'abbé de Saint-Pierre, Paris, 1899.

[4]) Выраженіе это встрѣчается, напр., у *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 196.

[5]) См. выше, стр. 350.

[6]) „L'esprit d'une philosophie bienfaisante“.—*Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XVIII, p. 189—199 (juin 1785).

подсказанный имъ актъ. *Благотворительность, это, стало быть, та же чувствительность, только перешедшая въ дѣятельность.* Въ этомъ, наиболѣе широкомъ смыслѣ, объектомъ „благотворительности", какъ и ея субъектомъ, можетъ быть не только человѣкъ, но и всякая тварь,—вся живая природа [1]).

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, *благотворительность* есть переходящая въ дѣятельное состояніе *гуманность*, подобно тому какъ сама *гуманность* есть *чувствительность* въ болѣе спеціальномъ и вмѣстѣ—въ болѣе высокомъ смыслѣ: „чувствительность, ограниченная индивидуумами нашего вида". *Гуманность въ дѣятельномъ состояніи, это и есть „благотворительность" въ болѣе тѣсномъ и въ то же время—въ болѣе благородномъ смыслѣ* [2]). Это—тотъ видъ „благотворительности", объектомъ которой (какъ и субъектомъ) служитъ—*человѣкъ*. Это—„благотворительность" въ собственномъ смыслѣ,—благотворительность par excellence. Благотворительность въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть „добродѣтель, состоящая въ дѣятельномъ содѣйствіи благу ближняго" [3]).

„Добродѣтель" эта не была, разумѣется, созданіемъ „просвѣщеннаго вѣка"; она была извѣстна и ранѣе подъ названіемъ *charité*. Но между традиціонной *charité* и просвѣщенной *bienfaisance* есть та существенная разница, что первая имѣетъ своимъ основаніемъ религію, послѣдняя—„философію"; первая ограничивается предѣлами, которые полагаетъ вѣроисповѣданіе, послѣдняя же простирается на

[1]) Пояснительнымъ примѣромъ могутъ служить два мѣста въ цитированной уже выше сентиментальной повѣсти *La Veaux*, les Nuits champêtres, p. 152 и 162. Въ первомъ случаѣ субъектомъ „благотворительности" (а вмѣстѣ и примѣромъ „добродѣтели" для людей) является чувствительная коза (противопоставляемая „варварски-жестокой матери"), во второмъ—„вся природа".

[2]) „La *sensibilité* est la source de toutes les vertus douces. elle s'étend aux animaux, alle gémit de leurs peines, et souffre de leur douleur. Resserrée, limitée aux individus de notre espèce, elle devient *humanité*. Perfectionnée, annoblie par la réflexion, animée par la volonté, c'est la *bienfaisance*".—*Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. IX, p. 409.

[3]) „*Bienfaisance*, vertu qui nous porte à faire du bien à notre prochain. Ce n'est point une simple bonté d'âme qui caractérise les hommes bienfaisants, elle ne les rendrait que sensibles et incapables de nuire. C'est une raison supérieure qui les perfectionne" —*Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat*, Londres, 1779, t. VIII p. 334.

весь „родъ человѣческій“ [1]). Словомъ, *bienfaisance есть въ такой же мѣрѣ продуктъ „философіи“, въ какой charité была произведеніемъ „религіи“*; если *charité* есть проявленіе благочестія, то *bienfaisance* есть проявленіе „филантропіи“ [2]). „Просвѣщенная благотворительность“, это—такая „добродѣтель, которая ставитъ мудреца выше завоевателя“ [3]). Это—добродѣтель par excellence, или вѣрнѣе—совокупность всѣхъ добродѣтелей. „Качество человѣка благотворительнаго обнимаетъ собою всю совокупность нравственныхъ требованій. Быть благотворительнымъ, это значитъ—быть образованнымъ и просвѣщеннымъ; это значитъ—быть во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ человѣкомъ; это значитъ (заканчиваетъ цитируемый современникъ, отдавая явную дань слабости своего вѣка къ гиперболической эмфазѣ)—быть поистинѣ великимъ человѣкомъ“ [4]). *Благотворительный человѣкъ, un homme bienfaisant*.—этотъ эпитетъ составляетъ высшую похвалу въ устахъ „просвѣщеннаго человѣка“.

II.

„Любовь къ отечеству, любовь къ общественному благу—эти фразы на устахъ у всѣхъ“—говоритъ современникъ. Можно однако спросить: не ограничивалось ли все дѣло этими модными *фразами* да салоннымъ краснобайствомъ? Отвѣтъ на такой вопросъ да-

—

[1]) „Ce qui distingue ce genre de bienfaisance de celle de nos ancêtres, c'est qu'on y a porté l'esprit de tolérance, de générosité sans exception de personne, sans égard aux opinions particulières, aux différences de culte et de communion“.—*Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, t. IX, p. 419.

[2]) „La grammaire est souvent un témoin des moeurs... Le mot de *bienfaisance* est moderne, et il n'y a pas un demi-siècle qu'on n'entendait, en parlant de la charité, qu'un acte de dévotion et le produit d'un sentiment religieux“.—*Moheau*, Recherches sur la population, Paris, 1778, II, p. 51 (note).

[3]) „La bienfaisance, cette vertu née pour l'homme, qui met le sage au-dessus du conquérant, et qui porte avec soi sa recompence...“—*De la Philosophie de la Nature*, Amsterdam, 1777, p. 189.

[4]) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat et du citoyen*, Londres, 1779, t. VIII, p. 334 et suiv.: „La seule qualité de bienfaisant emporte avec elle toute l'étendue des devoirs de la morale. Etre *bienfaisant*, c'est être instruit et éclairé; c'est être bon citoyen; c'est être homme de mérite; c'est, en un mot, être vraiment un grand homme“.

етъ именно *благотворительность* „просвѣщеннаго вѣка". Она говоритъ въ пользу искренности и серьезности того „филантропическаго" и вмѣстѣ—„патріотическаго" настроенія, которымъ характеризуется „вѣкъ просвѣщенія". Подъ красивыми фразами скрывалось зачастую дѣйствительное и искреннее увлеченіе; кромѣ модныхъ словъ, тутъ было немало и настоящаго хорошаго дѣла, немало безкорыстнаго „рвенія ко благу человѣчества" [1]). „Никогда еще—замѣчаетъ современный наблюдатель—не проявлялся во Франціи съ такою силой *энтузіазмъ къ общему благу*" [2]). Это было время, когда „всѣ души были преисполнены *самымъ дѣятельнымъ состраданіемъ*" [3]) и какъ бы „*опьянены филантропіей*" [4]).

Предметомъ этого „дѣятельнаго состраданія" являются конечно прежде всего различныя группы *страждущаго человѣчества* (*l'humanité souffrante*). На первомъ планѣ—„бѣдные, эта вызывающая къ себѣ особый интересъ часть человѣчества" [5]).

Въ 1759 г. Клико-де-Блервашъ высказываетъ мысль объ учрежденіи пріюта „для утратившихъ трудоспособность земледѣльцевъ" [6]). Въ 1779 г. „парижскій архіепископъ выигралъ въ парламентѣ важный въ матеріальномъ отношеніи процессъ. Дѣло шло что-то о тридцати тысячахъ ливровъ годовой ренты и болѣе пятисотъ тысячъ капитала. Получивъ эту послѣднюю сумму, архіепископъ тотъ же часъ послалъ ее г-жѣ Неккеръ,—въ пользу бѣдныхъ. Г-жа Неккеръ стоитъ во главѣ дѣла призрѣнія: она завѣдуетъ больницами, домами призрѣнія и вообще всякаго рода филантропическими учрежденіями (toutes les institutions tendantes à soulager l'humanité)". Фактъ тѣмъ болѣе характерный, что, какъ это съ удареніемъ отмѣчаетъ современный хроникеръ, въ данномъ случаѣ „прелатъ обратился къ

[1]) „Un zèle général pour le bien de l'humanité".—*De Barante*, De la littérature française au XVIII-e siècle, p. 313.

[2]) „Jamais dans la monarchie française on n'a vu régner une aussi utile fermentation pour le bien général".—Discours de Sénac de Meilhan, 15 décembre 1787 (*Procès-verbal des séances de l'Assemblée provisoire de la province de Hainaut*, *Bibliothèque nat.*, Lk 15/29).

[3]) „La pitié la plus active remplissait les âmes"—слова Лакретеля, цитируемыя у *Labour*, M. de Montyon, Paris, 1880, p. 208.

[4]) „Enivrées de philanthropie".—*Ségur*, Mémoires, t. II, p. 61 (цит. по *Rocquain*, op. cit., p. 412).

[5]) „Le pauvre, cette portion intéressante de l'humanité".—*La Caze*, les Libertés provinciales en Béarn, Paris, 1865.

[6]) *Bersot*, Etudes sur le XVIII-e siècle, p. 194.

г-жѣ Неккеръ, не смотря на то, что она—еретичка" [1]). Г-жа де-Монморэнъ, жена главнокомандующаго въ Бретани, въ 1785 г., „благодаритъ штаты за предложенный ей подарокъ (онъ состоялъ въ крупномъ брилліантѣ цѣнностью въ 50.000 ливровъ), заявляя, что она будетъ безконечно болѣе довольна, если стоимость этого подарка будетъ употреблена на добрыя дѣла" [2]). Генералъ-губернаторъ и главнокомандующій въ Норманіи, герцогъ д'Аркуръ, узнавъ въ іюлѣ 1789 г., что канскіе милиціонеры готовятся устроить въ честь его праздникъ, „настоятельно просилъ этихъ господъ обратить предназначенную на это сумму—въ помощь бѣднымъ" [3]).

Въ инструкціи, данной однимъ „просвѣщеннымъ" бариномъ своему управляющему, читаемъ, между прочимъ, слѣдующія наставленія. „Я хочу, чтобы всѣ мои люди были счастливы. Въ противномъ случаѣ, если у нихъ есть на что пожаловаться, пусть обратятся къ г. Бернару или ко мнѣ, и я постараюсь поправить дѣло... Я рекомендую моимъ людямъ оказывать крайнюю внимательность ко всѣмъ, кто ко мнѣ приходитъ; въ особенности же пусть никогда не отказываютъ въ пріемѣ бѣднымъ и несчастнымъ; въ случаѣ если такіе явятся, пусть немедленно докладываютъ мнѣ о нихъ" [4]).

III.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, развиваются и получаютъ небывалое прежде развитіе различныя благотворительныя ассоціаціи, частью подъ старыми, традиціонными названіями: *Bureaux de charité, Bureaux d'aumônes, Bureaux des pauvres* [5]), *Maisons de*

---

[1]) „Le prélat s'en est rapporté à elle quoique hérétique". — *Mémoires secrets*, t. XIV (30 août 1779).

[2]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 2702.

[3]) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-me partie, t, I. p. 3 (Caen, 10 juillet 1789).

[4]) *Armand Brette*, Papiers et Correspodance du prince Emmanuel de Salm-Salm, p. 7 (*Revue historique*, t. LXXI [1899]).

[5]) *Archives départementales de la Marne*, C 2005.—*Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne*, série C, Limoges, 1891, p. CXLII.—*Bonnefoy*, Histoire de l'administration dans la province d'Auvergne, t. I, p. 194.—*Duval*, les Ephémérides de la Moyenne-Normandie, etc., p. 86.—*Deny d'Aussy*, l'Assaistance publique avant la Révolution (*Revue des Questions historiques*, t. 44, p. 546—547).—*Prudhomme*, Etudes historiques sur l'assistance publique à Grenoble avant la Révolution (*Bulletin de l'Académie Delphinale*, 1897).—*Valran*, Misère et Charité en Provence au XVIII-e siècle, Paris, 1899.—*Chotard*, la Mendicité en Auvergne au XVIII-e siècle (*Revue d'Auvergne*, 1898).

charité [1]),—частью подъ болѣе новыми и модными названіями: *Sociétés philanthropiques* [2]), *Maisons philanthropiques* [3]).

Возникаютъ различныя благотворительныя ассоціаціи и организаціи съ болѣе спеціальными задачами, въ родѣ „фалантропическаго общества", возникшаго въ 1779 г. въ Парижѣ по иниціативѣ г-жи Неккеръ, съ спеціальною цѣлью „наблюденія за тюрьмами и улучшенія ихъ режима" [4]),—въ родѣ „благотворительнаго учрежденія въ пользу бѣдныхъ матерей-кормилицъ", основаннаго въ Ліонѣ по почину мѣстнаго архіепископа [5]), или—„бюро помощи потерпѣвшимъ отъ пожара", основаннаго въ восьмидесятыхъ годахъ въ Отёнѣ [6]). Въ благотворительномъ духѣ настроенныя лица хлопочутъ объ организаціи безплатной медицинской и даже юридической помощи бѣдному населенію [7]). Маркизъ Мирабо, извѣстный авторъ *Друга людей* и отецъ болѣе знаменитаго сына, отчасти осуществилъ эту послѣднюю идею въ своемъ лимузенскомъ имѣніи [8]). Въ шестидесятыхъ годахъ возникаетъ мысль объ организаціи страхованія прислуги на случай ста-

[1]) Lettres patentes qui permettent à M. l'abbé d'Espagnac d'établir une maison de charité au village de Colombs, mars 1781.—*Isambert*, Recueil, t. XXVII, p. 6.

[2]) Подъ такимъ наименованіемъ было, напримѣръ, основано въ 1781 г. въ Бордо общество „для оказанія матеріальной помощи бѣднымъ семьямъ".—*Ribadieu*, Histoire de Bordeaux, Bordeaux, 1853, p. 32

[3]) *Mémoires secrets*, t. XXXIII (31 décembre 1786). Lettre d'Orléans, du 15 décembre: „Notre *Maison philanthropique*, établie sous la protection de M. le duc d'Orléans, a causé déjà des biens infinis dans notre ville". Объ одномъ изъ такихъ учрежденій читаемъ въ провинціальной газетѣ *Affiches d'Angers* (1789): „Un *bureau de charité* ... avait, pendant près d'un an, épargné aux habitants (de la paroisse de Gonnord) l'abus et la honte de la mendicite".—*Uzureau*, Andegaviana, 1-ère série, p. 425.

[4]) „Société philantropique pour la surveillance et l'amélioration du régime des prisons".—*Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-ème partie, t. I, p. 135.

[5]) *Fabvier*, Histoire de la ville de Lyon, Lyon, 1846. t. II. p. 307: „L'archevêque de Lyon avait entrepris de nouveau *l'Institut de bienfaisance en faveur des pauvres mères-nourrices*. C'etait l'idée de Rousseau que l'on tentait de remettre en pratique".

[6]) *Montarlot*, Un Bureau de secours aux incendiés du diocèse d'Autun en 1787 (*Mémoires de la Société Eduenne*, 1897).—Въ 1787 г. было учреждено первое страховое отъ огня общество (*Isambert*, Recueil, t. XXVIII, p. 463: Arrêt du Conseil, du 3 novembre 1787).—Въ 1788 г. рождается идея страхованія отъ градобитія (*Seré-Depoin*. Trois catastrophes à Pontoise, p. 221).

[7]) *Bersot*, Etudes, p. 194.

[8]) *Taine*, op. cit., t. I, p. 194.

рости [1]). Въ шестидесятыхъ же годахъ, по почину аббата л'Эпэ, учреждаются первыя школы-пріюты для глухонѣмыхъ [2]), а въ восьмидесятыхъ годахъ, по почину другого филантропа, Найу, возникаетъ первый „Институтъ слѣпыхъ“ [3]). Устраиваются особые пріюты для умалишенныхъ, которые прежде содержались обыкновенно въ общихъ больницахъ. Воспитательные дома для подкидышей являются предметомъ особой заботливости со стороны просвѣщенныхъ благотворителей [4]), усердіе которыхъ подогрѣвалось въ данномъ случаѣ, кромѣ просвѣщенной чувствительности, также господствовавшимъ въ ту пору, подъ вліяніемъ физіократовъ, убѣжденіемъ, что „прогрессомъ народонаселенія“ обусловливается и прогрессъ матеріальнаго благосостоянія страны [5]).

IV.

Въ связи съ сейчасъ указаннымъ воззрѣніемъ, которому подавало руку отмѣченное выше народолюбивое настроеніе эпохи [6]), воз-

1) *Bersot*, op. cit., 194.

2) *Vaïsse*, Un document retrouvé et quelques faits rétablis concernant l'histoire de l'éducation des sourds-muets en France (*Mémoires de la Société d'Aveyron*, t. XI).—*Archives de la Gironde*, t. XXIII, p. 233.—*Linguet*, Annales politiques, t. V (1779), p. 99 et suiv.—*Ribadieu*, Histoire de Bordeaux, p. 31—*Mémoires secrets*, t. XXVIII, p. 52—53. Lettre de Bordeaux, du 15 janvier 1785: „Notre archevêque, témoin des merveilles de l'abbé de l'Epée, a imaginé de lui adresser M. l'abbé Siccard, ecclésiastique de son diocèse... Quand cet élève aura été formé suffisamment, M. de Cicé se propose de lui faire ériger une chaire d'éducation pour les sourds et muets de naissance“.—Аббатъ Сиккаръ, дѣйствительно, сдѣлался впослѣдствіи продолжателемъ дѣла своего учителя.

3) L'Institut des aveugles, 1784. -*Rocquain*, op. cit., p. 412—413.

4) *Archives nationales*, H 168, 1311, 1447.—*Léon Lallemand*, Histoire des enfants abandonnés et délaissés. Paris, 1885.

5) *Marquis de Mirabeau*, l'Ami des hommes, Avignon, 1756, t. I, p. 34—35: „La nourriture, les commodités, et les douceurs de la vie sont la richesse. La terre la produit, et le travail de l'homme lui donne la forme“.—„Si l'homme est nul, la terre l'est aussi“.—„Ces deux principes de richesses sont intimement liés l'un à l'autre“.—Но если народонаселеніе необходимо для существованія земледѣлія, и если болѣе или менѣе высокая степень развитія послѣдняго обусловливается большей или меньшей населенностью данной страны, то, съ другой стороны—прогрессъ народонаселенія находится въ причинной зависимости отъ успѣховъ земледѣлія, которое есть источникъ продовольствія, а „мѣра продовольствія опредѣляетъ собою и мѣру народонаселенія“: *la mesure de la subsistance est celle de la population* (ibidem, p. 40).

6) Печатью котораго отмѣченъ характеръ большей части упомянутыхъ выше благотворительныхъ обществъ: объектъ ихъ благотворительныхъ заботъ, это главнымъ образомъ—„бѣдные сельскіе обыватели“.

никаетъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, цѣлая сѣть безплатныхъ *акушерскихъ курсовъ* (*cours d'accouchement*) для „сельскихъ женщинъ", въ виду того что невѣжество деревенскихъ повитухъ являлось одной изъ главныхъ причинъ необычайной смертности роженицъ и дѣтей въ первоначальномъ возрастѣ [1]). Почипъ въ этомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, принадлежалъ администраціи, но послѣдняя встрѣчала въ данномъ случаѣ самую дѣятельную поддержку со стороны различныхъ „просвѣщенныхъ благотворителей", въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ, между прочимъ, и представителей духовенства. Такъ, подобное „патріотическое учрежденіе" было организовано въ 1781 г. въ Кастрѣ, по почину мѣстнаго епископа. Три года спустя, „подъ впечатлѣніемъ этого примѣра, архіепископъ тулузскій выписалъ, для обученія повитухъ своего діоцеза, г. Фэра, хирурга и профессора кастрской школы; прелатъ остался настолько доволенъ результатомъ, что предполагаетъ — сообщаетъ современный хроникеръ — приглашать его каждый годъ" [2]).

Еще болѣе близкое участіе въ этомъ „патріотическомъ" дѣлѣ принимаютъ болѣе близкіе по своему положенію къ „сельскимъ обывателямъ" приходскіе священники. Когда по почину мѣстнаго интенданта въ Шампани были организованы въ семидесятыхъ годахъ акушерскіе курсы, большинство сельскихъ священниковъ приняло дѣятельное участіе въ привлеченіи слушательницъ изъ своей паствы. Такъ какъ это новшество въ иныхъ медвѣжьихъ углахъ не встрѣтило на первый разъ особенной отзывчивости со стороны „сельскихъ обывателей", то нѣкоторые священники настаиваютъ даже на „принудительной посылкѣ" слушательницъ. „Голосъ природы и религіи (?) — пишетъ одинъ изъ нихъ къ интенданту — требуютъ принудительныхъ мѣръ противъ моихъ прихожанъ, которые готовы скорѣе расточать свои заботы своимъ коровамъ, когда онѣ телятся, чѣмъ своимъ женамъ, когда тѣ нуждаются въ акушерской помощи" [3]). Одинъ священникъ посылаетъ интенданту, по случаю открытія курсовъ, цѣлое посланіе въ стихахъ. Самое вѣрное средство къ увеличенію народонаселенія —

C'est de former des Lucines
Qui président aux gésines,
Et dont les savantes mains
Assurent la naissance aux fragiles humains [4]).

[1]) *Archives nationales,* H 1602; *Archives departementales de Saône-et-Loire,* C 497 (1782); *Burdin,* Documents historiques sur la province de Gévaudan. Toulouse, 1846 (analyse des procès-verbaux des Etats de Gévaudan); *Ballainvilliers,* Etat de l'Auvergne en 1765. Clermont-Ferrand, 1846, p. 92—93.
[2]) *Mémoires secrets,* t. XXVII (14 décembre 1784).
[3]) *Archives departementales de la Marne,* C 359.
[4]) *Poinsignon,* Histoire de la Champagne, t. III, p. 399.

Врачебная помощь населенію, въ особенности сельскому, становится въ восьмидесятыхъ годахъ „настоящею эпидемій“, по выраженію современнаго хроникера [1]). Вообще преимущественнымъ предметомъ „просвѣщенной благотворительности“ служатъ „бѣдные сельскіе обыватели“, что вполнѣ гармонируетъ съ отмѣченнымъ уже ранѣе характернымъ для тогдашняго настроенія сентиментальнымъ народничествомъ. Вопросъ о „способахъ облегчить положеніе добраго народа“ [2]) есть настоящій центръ тяготѣнія благотворительныхъ помысловъ „просвѣщеннаго человѣка“. И дѣйствительно, никогда еще „народъ“ не былъ предметомъ такой любовной заботливости [3]). Въ семидесятыхъ годахъ герцогъ де-Шаро въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ уничтожаетъ барщину, открываетъ школы, строитъ больницы и своею „просвѣщенною благотворительностью“ „оживляетъ три провинціи“ [4]). Подъ вліяніемъ благотворительно-народническаго настроенія, многіе сеньеры слѣдуютъ примѣру короля, объявившаго свободу крѣпостнымъ своихъ доменовъ [5]).

V.

Духъ благотворительности (*esprit de bienfaisance*) особенно ярко проявляется въ моменты острыхъ народныхъ бѣдствій, въ родѣ суровой зимы 1784 г., заставившей испытать бѣдный сельскій людъ доброй половины Франціи всѣ бѣдствія холода и голода [6]). „Пропорціонально народному бѣдствію—пишетъ канскій интендантъ—умножились и пожертвованія. Большинство приходскихъ священниковъ,

[1]) *Mémoires secrets,* t. XXII (28 avril 1783): „Tout devient épidémique dans ce pays-ci... La fureur est aujourd'hui de mettre tout en hôpital, depuis que M-me Necker, à l'aide de son mari, a fait des prosélites dans ce genre de commisération“.—Въ 1787 г. Академія наукъ въ Бордо присуждаетъ премію за *Mémoire sur le meilleur régime des hôpitaux,* написанный мѣстнымъ врачемъ Capelle.—*Ribadieu,* Histoire de Bordeaux, p. 36.—См. также: *Léon Lallemand,* Quinze années de réformes hospitalières (1774—1789), Paris, 1898.

[2]) „Les moyens de soulager *le bon peuple*“—слова одного современнаго „благотворителя“.

[3]) „Jamais le peuple—совершенно вѣрно замѣчаетъ *Rocquain,* op. cit., p. 413,—ne s'était vu l'objet d'une telle sollicitude“.

[4]) *A. de Calonne,* la Vie agricole, p. 50.

[5]) *Taine,* op. cit., t. I, p. 396.

[6]) *Archives nationales,* H 1419. Донесенія интендантовъ въ 1784 г. о бѣдственномъ состояніи областей вслѣдствіе суровой зимы.

многіе сеньеры и большое число зажиточныхъ собственниковъ приняли дѣятельное участіе въ облегченіи участи народа". „Во всѣхъ городахъ—пишетъ лилльскій интендантъ—какъ представители администраціи, такъ и частныя лица изъ богатыхъ или просто зажиточныхъ, поспѣшили на помощь пострадавшимъ. Обильныя пожертвованія спасли много жертвъ". „Приходскіе священники и городскія управленія—сообщаетъ безансонскій интендантъ — путемъ раздачи подаяній и дровъ, а также путемъ доставленія заработка, сумѣли облегчить положеніе наиболѣе обездоленной части народа". Нансійскій интендантъ пишетъ, что нашелъ „самое усердное содѣйствіе со стороны зажиточныхъ гражданъ" для борьбы съ бѣдствіемъ. Аналогичными сообщеніями полны донесенія интендантовъ и прочихъ пострадавшихъ областей [1]).

Опустошившая въ іюлѣ 1788 г. значительную часть парижскаго и нѣкоторыхъ смежныхъ съ нимъ генеральствъ градовая буря [2]) также дала случай ярко проявиться духу „просвѣщенной благотворительности" какъ на мѣстѣ [3]), такъ и въ особенности—въ Парижѣ; во всѣхъ парижскихъ театрахъ были организованы спектакли въ пользу пострадавшихъ, и никогда еще не служили въ такой мѣрѣ „удовольствія публики—къ осушенію слезъ несчастныхъ" [4]).

Въ началѣ 1789 г. современный хроникёръ отмѣчаетъ „ужасную нужду въ народѣ", но—прибавляетъ онъ „суровость ея въ значительной степени смягчается обиліемъ актовъ благотворительности: всякъ спѣшитъ опередить другого въ дѣлѣ помощи страждущему человѣче-

[1]) Ibidem.—Сравн. *Mémoires secrets*, t. XXV (31 janvier, 4, 9, 22, 27, 28, février, 16 mars 1784).

[2]) *Chassin*, les Elections et les Cahiers de Paris, t. IV, p. 31, 58, 87, 102 463—464.—*Chérest*, la Chute de l'ancien régime, t. II, p. 110.—*Rey*, les Cahiers de Saint-Prix, p. 3.—*Seré-Depoin*, Trois catastrophes à Pontoise en 1788—1789, Pontoise, 1880.—*Sainsot*, l'Orage de 1788 en Beauce (*Mémoires de la Société d'Eure-et-Loire*, t. XII, p. 141—172).

[3]) Такъ, въ Понтуазѣ въ концѣ того же года была организована *Association libre de bienfaisance*, съ спеціальною цѣлью помощи пострадавшимъ. *Seré-Depoin*, Trois catastrophes à Pontoise, p. 259.

[4]) Текстъ афиши французскаго театра: „Les comédiens ordinaires du Roi, du Théâtre-Français, se rappelant que, plus d'une fois, les plaisirs du public ont servi à essuyer les pleurs des malheureux, annoncent leur représentation au profit des cultivateurs dont les biens ont été détruits par la grêle, pour le 1-er août.—On jouera *Athalie*, le *Bienfait anonyme*, comédie en 3 actes, par Pilhes, avec divertissement".—*Seré-Depoin*, op. cit., p. 175.

ству“ [1]). Въ Анжерѣ, напримѣръ, „плачевное зрѣлище“ народнаго бѣдствія вызвало широкое благотворительное движеніе въ мѣстномъ обществѣ. Офицеры находящагося въ Анжерѣ полка, „граждане отечества, ими защищаемаго, проявили ревностное усердіе въ дѣлѣ облегченія страждущаго человѣчества (le soulagement de l'humanité souffrante)“. Представители мѣстнаго духовенства, „проникнутые истиннымъ духомъ благотворенія, удвоили свои усилія и свою щедрость, въ виду возрастающей нужды“. „Различныя корпораціи стараются превзойти другъ друга своею благотворительностью“. „Всѣ чины и сословія приняли дѣятельное участіе въ выполненіи этого долга человѣколюбія...“ [2]). Нѣкоторые изъ этихъ „актовъ благотворительности“ были зарегистрованы на столбцахъ мѣстныхъ печатныхъ органовъ. Такъ, *Affiches d'Angers* въ февралѣ 1789 г. сообщаютъ, что маркизъ де-Перёзъ и его жена, проживающіе въ своемъ замкѣ Жаллэ, въ теченіе послѣднихъ морозовъ раздавали бѣднымъ крестьянамъ топливо и оказывали имъ „всякаго рода вспомоществованія“ [3]).

VI.

Ни филантропическимъ „облегченіемъ участи страждущаго человѣчества“, ни „чувствительной“ благотворительностью однако дѣло не ограничивалось. „Просвѣщенная благотворительность“ была гораздо шире. *Благотворительность*, какъ ее понималъ „просвѣщенный вѣкъ“, охватываетъ собою всю совокупность элементовъ „общественнаго блага“. Благотворительность, это—практическое осу-

[1]) „C'est à qui s'empressera de soulager l'humanité souffrante“.—*Lescure,* Correspondance secrète, t. II, p. 318 (9 janvier 1789).

[2]) *Uzureau,* Andegaviana, 2-e série, p. 137.

[3]) *Uzureau,* Andegaviana, 1-ère série, p. 424.—Изъ отдѣльныхъ случаевъ гуманной „благотворительности“ стоитъ быть отмѣченнымъ слѣдующій. Провинціальнымъ штатамъ области Маконнэ было доложено въ февралѣ 1789 г. дѣло о сопротивленіи, оказанномъ обывателями одного сельца сборщикамъ податей. Заслушавъ составленный послѣдними по этому случаю протоколъ, штаты, „согласно съ началами гуманности—читаемъ въ журналѣ ихъ засѣданій—постановили не давать дальнѣйшаго движенія протоколу податныхъ чиновъ.. и даже... выдать пособіе женщинѣ, получившей ружейную рану отъ защищавшагося податного агента“.—*Archives départementales de Saône-et-Loire,* C 499. Procès-verbaux des Etats du Mâconnais, 4 février 1789.

ществленіе „любви къ общественному благу“, или—другими словами—дѣятельное служеніе на „пользу общества“. „Неизвѣстная особа“, пожертвовавшая сто тысячъ на „выдачу замужъ бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ дѣвушекъ“, озабочена не столько участью послѣднихъ, сколько мыслью о томъ, чтобы „сдѣлать *дѣло полезное для общества*“ [1]). Дѣятельная любовь къ человѣчеству, *просвѣщенная благотворительность* есть не что иное, какъ осуществленіе любви къ общественному благу или, выражаясь словами современнаго писателя,—*соціальная любовь въ дѣятельномъ состояніи* (*l'amour social mis en action*) [2]). Быть „просвѣщеннымъ благотворителемъ“, это значитъ вообще -служить *общественной пользѣ* (*utilité publique*), другими словами—*содѣйствовать тѣми или другимъ способами улучшенію моральныхъ и матеріальныхъ условій существованія общества.* Словомъ, просвѣщенная благотворительность второй половины восемнадцатаго вѣка есть то, что, примѣнительно къ нашей современной терминологіи, можно назвать *соціально-утилитарнымъ идеализмомъ.*

Содѣйствовать улучшенію моральныхъ условій, это значитъ—работать надъ искорененіемъ тѣхъ *abus*, которые мѣшаютъ „общественному благополучію“, — и надъ водвореніемъ новыхъ, „разумныхъ“, идей и порядковъ, которые должны „возродить“ (régénérer) Францію [3]). Въ этомъ случаѣ *просвѣщенная благотворительность* подаетъ руку тому *реформаторскому духу* (*esprit de réforme*), который составляетъ одну изъ господствующихъ нотъ въ идейномъ настроеніи „просвѣщеннаго вѣка“. *Реформа злоупотребленій* (*la réforme des abus*) становится господствующей темой и прессы и общественныхъ „разговоровъ“ [4]). Рѣчи о „реформѣ злоупотребленій“ раздаются не

[1]) См. выше, стр. 139, примѣч. 1.

[2]) *Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'homme d'Etat,* Londres, 1779, t. VIII, p. 334 et suiv.

[3]) Слово *régénérer* съ соотвѣтствующими дополненіями—*la France, la nation, la province, la constitution*—одно изъ излюбленныхъ выраженій въ „просвѣщенной“ фразеологіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій стараго порядка.

[4]) *Ségur,* Mémoires, t. I, p. 77: „L'esprit d'innovation, de réforme, et d'amélioration...“—*M-me de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 38: „L'esprit d'innovation devint général“.—*Pasquier,* Mémoires, t. I, p. 47: „D'où venait donc cette passion de réforme, ce bésoin de tout changer?..“—*M-me d'Oberkirch*, Mémoires, t. II, p. 188: „On cherche à oublier le passé pour fonder un avenir nouveau“.

только и даже пожалуй не столько въ тѣхъ нижнихъ этажахъ соціальнаго зданія, которые страдаютъ отъ этихъ „злоупотребленій“,— но еще, быть можетъ, громче въ тѣхъ верхнихъ этажахъ послѣдняго, для которыхъ эти „злоупотребленія“ являлись источникомъ благополучія. „То, чего мы желаемъ—возклицалъ патетически одинъ придворный баринъ, —это—смерти злоупотребленій“ [1]. „Значитъ,—возразилъ ему его собесѣдникъ—вамъ надоѣла жизнь, потому что вѣдь вы сами не что иное, какъ одно изъ *злоупотребленій*“ [2]. Говорить о реформахъ было „хорошимъ тономъ“ даже при дворѣ [3],—при томъ самомъ дворѣ, въ которомъ многіе видѣли „начало всѣхъ злоупотребленій“, *le principe de tous les abus.*

Реформаторскій духъ (*l'esprit de réforme*) проникаетъ даже въ корпораціи, консервативныя по своей природѣ и проникнутыя уваженіемъ къ традиціи. Голоса, требующіе „реформы злоупотребленій“, раздаются и въ литературѣ, и въ обществѣ; они идутъ и изъ среды городскихъ муниципалитетовъ [4], и изъ среды провинціальныхъ штатовъ [5],

[1] *Mercier,* le Nouveau Paris, t. I, p. 49: „Toutes les plumes dirigeaient l'opinion vers la réforme des abus, et il y avait tant d'abus en France qu'ils auraient suffi non à tuer un royaume, mais un monde“.

[2] „Nous voulons la mort des abus“.—„Vous êtes donc las de vivre, car vous êtes un *abus* vous-même“. Разговоръ между le chevalier d'Oraison и le comte d'Estaing.—*Tilly,* Mémoires, Paris, 1828, t. II, p. 344.

[3] „L'agriculture, l'économie, les réformes, la philosophie sont de bon ton, même à la cour“.—слова Вальполя, цитируемыя *Тэномъ,* op. cit., p. 387.

[4] Такъ, въ 1778 г. настаиваютъ на необходимости реформы тулузскаго городского управленія нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго. — *Roschach,* Histoire générale de Languedoc, t. XIII, p. 1288.

[5] Бретанскіе штаты настаиваютъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на расширеніи своихъ компетенцій (*Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 244, 2731).—Около того же времени раздаются голоса, требующіе различныхъ преобразованій въ организаціи штатовъ Беарна и другихъ пиренейскихъ областей (*Archives nationales,* H 1165; *Archives départementales des Basses-Pyrénées,* C 453). — За два-три года до созыва генеральныхъ штатовъ 1789 г. обнаруживается во многихъ изъ провинціальныхъ штатовъ, въ особенности же въ лангдокскихъ, провансскихъ и бретанскихъ, сильное движеніе въ пользу болѣе или менѣе коренного преобразованія ихъ. „Возродившіеся“ въ 1788 г. штаты Дофинэ представляютъ собою одно изъ наглядныхъ воплощеній господствовавшаго въ ту пору „духа реформы“.—Относительно Лангдока: *Champion,* la Conversion du comte d'Antraigues. Paris, 1894; относительно Прованса: *Archives nationals,* H 1240; *Archives départementales des Bouches-du-Rhône,* C 250; относительно Бретани:

наконецъ—изъ среды парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ [1]).

VII.

Просвѣщенная благотворительность, источникомъ которой является гуманно-народолюбивая чувствительность, естественно, окрашена во многихъ случаяхъ характернымъ для эпохи сентиментальнымъ оттѣнкомъ. Когда „добродѣтельному" и „благотворительному" герою современной повѣсти случается пріѣзжать въ свое имѣніе, то „онъ навѣщаетъ всѣхъ обывателей" послѣдняго. „Онъ ласково разспрашиваетъ ихъ объ ихъ трудахъ, объ ихъ успѣхахъ, объ ихъ радостяхъ и печаляхъ. Выслушиваетъ все съ участіемъ, отвѣчаетъ на все съ благорасположеніемъ. Онъ ласкаетъ дѣтей и запросто бесѣдуетъ съ родителями. Можно подумать, что это отецъ пришелъ навѣстить своихъ дѣтей..." „Время, которое я провожу съ этими добрыми людьми —говорилъ мнѣ какъ-то Дорваль (имя героя повѣсти)— составляетъ самые лучшіе моменты моей жизни. Они заставляютъ меня забыть мишурное убожество городской жизни" [2]).

Чувствительные филантропы-народолюбцы въ духѣ Дорваля нерѣдки и въ живой дѣйствительности. Къ ихъ числу принадлежитъ, напримѣръ, графъ де-Молеврье, объявляющій въ 1779 г. ежегодную премію въ 200 ливровъ тому (или той) изъ крестьянъ своей сеньеріи, кто заявитъ себя наиболѣе внимательнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, при чемъ право на премію предоставляется опредѣлять собранію деревенскихъ „нотаблей" [3]). Сюда же принадлежитъ тотъ

Archives nationales, H 419; относительно Дофинэ: *Archives nationales*, H 1484; K 648.

[1]) См. *Flammermont*, Remontrances du parlement de Paris au XVIII-e siècle, Paris, 1888—1898; Remontrances de la Cour des Aides de Paris, 1775 (*Translations and Reprints from the original sources of European History*, Philadelphia, 1899).—Указанный новаторскій и реформаторскій духъ, въ которомъ, безспорно, отразилось вліяніе „философіи", имѣлъ однако своимъ источникомъ не столько эту „философію", сколько неудовлетворенность существующимъ. *Любовь къ новизнѣ* вытекала и логически и психологически изъ *ненависти къ старому*. Жажда *новаго* была жаждой *лучшаго*. Новаторскій духъ былъ порывомъ отъ опостылаго *настоящаго* къ лучшему *будущему*, которое бы не походило на *прошлое*.

[2]) *La Veaux*, les Nuits champêtres, 1784, p. 157—158.

[3]) *Uzureau*, Andegaviana, 1-ère série, p. 423.

сельскій священникъ, который оставляетъ въ 1782 г. по завѣщанію капиталъ на ежегодную выдачу пяти премій въ приходѣ, а именно: 1) „земледѣльцу, который наилучшимъ образомъ обработаетъ свою землю“, 2) „наиболѣе усердному поденщику“, 3) „отличившемуся самымъ хорошимъ поведеніемъ парню“, 5) тоже—дѣвицѣ, 5) пастуху, который заявитъ себя наиболѣе добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей [1]). Съ родни Дорвалю также та молодая чета сеньеровъ-филантроповъ, про которыхъ мѣстный листокъ, *Affiches d'Angers*, передаетъ, какъ они устроили въ своемъ château праздникъ въ честь четы мѣстныхъ крестьянъ-старичковъ, по случаю ихъ „золотой свадьбы“, при чемъ „91-лѣтній крестьянинъ съ своей 87-лѣтней старушкой были отвезены сеньерами въ своемъ экипажѣ въ приходскую церковь для совершенія вторичнаго бракосочетанія (renouvellement du mariage), откуда привезены въ помѣщичій замокъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ приглашенныхъ гостей изъ мѣстныхъ крестьянъ, для которыхъ въ замкѣ былъ сервированъ обѣдъ на 160 приборовъ“ [2]). Сюда же слѣдуетъ отнести и ту „неизвѣстную особу“, которая жертвуетъ въ 1781 г., капиталъ въ 100.000 ливровъ, для того чтобы на проценты съ него „ежегодно выдавать замужъ пятерыхъ дѣвушекъ, бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ, трудолюбивыхъ, безупречныхъ и безъ всякаго пятна отъ самаго рожденія“ [3]). Выдача замужъ „бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ“ дѣвушекъ становится однимъ изъ модныхъ видовъ благотворительности [4]). Доставляя „внутреннее удовлетвореніе чувствительной душѣ“ благотворителя, этотъ видъ благотворительности отвѣчалъ, съ одной стороны—интересамъ „общественнаго блага“, поскольку послѣднее связано съ увеличеніемъ народонаселенія [5]); съ другой—онъ являлся косвеннымъ „поощреніемъ добродѣтели“ (encouragement à la vertu). *Поощреніе добродѣтели* получаетъ даже значеніе самостоятельнаго вида благотворительности. Старинный граціозный обычай нѣкоторыхъ мѣстностей—*коронованіе розьеръ (couronnement de rosières)*—получаетъ въ эту чувствительную

[1]) *Mathieu*, l'Ancien régime en Lorraine, p. 343—344.

[2]) *Uzureau*, Andegaviana, 1-ère série, p. 424.

[3]) „...cinq filles pauvres, mais vertueuses, laborieuses, irréprachables et sans tâche depuis leur naissance“.—*Mémoires secrets* t. XVII (10 juin 1781).

[4]) *Babeau*, le Village sous l'Ancien régime, Paris, 1891, p. 373.

[5]) См. выше, стр. 410, примѣч. 5.

эпоху небывалое прежде распространеніе и оживленіе[1]). *Rosière*, это — дѣвушка, которая удостоивается чести публичнаго, въ особой—не то чтобы торжественной, а вѣрнѣе—праздничной обстановкѣ, „коронованія“ вѣнкомъ изъ живыхъ розъ—символъ „добродѣтели“ [2]). Дѣйствующими лицами при этомъ являются обыкновенно мѣстные сеньеръ и приходской священникъ, а если случится, то и проѣзжій „знатный сеньеръ“. Такъ случилось въ 1777 г. съ герцогомъ и герцогиней Брольи. Очутившись проѣздомъ въ *Salency* (въ Пикардіи) въ день „коронованіе розьеры“, они приглашаютъ въ гости „розьеру“ съ ея родителями и угощаютъ ихъ обѣдомъ за своимъ столомъ. „Трогательно было смотрѣть— описываетъ современный хроникеръ— на этихъ добрыхъ людей, не знавшихъ какъ себя держать отъ смущенія, и на сеньеровъ, предлагавшихъ имъ то того, то другого, и пившихъ за ихъ здоровье съ своею обычною привѣтливостью“ [3]).

Коронованіе розьеръ представляло собою въ сущности замаскированную премію за „добродѣтель“. Но разъ признано, что „добродѣтель“ нуждается въ „поощреніи“, то почему бы прямо не премировать ее, безъ всякой символической маскировки? „Просвѣщенные люди“ съ „чувствительной душой“ поступали поэтому вполнѣ логично, давая та-

[1]). *Lesbros de la Versane,* la Rosière, ou le Triomphe de la vertu, comédie héroïque, Paris, 1766 *(Quérard,* la France littéraire, t V, p. 233); *l'abbé Marquis,* le Prix de la Rose de Salency aux yeux de la religion, avec le véritable esprit de celle de Réchicourt le-Château, instituée sur le modèle de la première, Metz, 1770 (*Quérard*, op. cit., t. V, p. 558); *l'abbé l'Ecuy,* Discours prononcé à la fête de la Rose, le 8 juin 1776, Soissons, 1776 *(Quérard*, op cit , t. V, p. 65); *Feutry,* Histoire de la rosière de Salency, 1777 (ibid.); *Lemonnier,* les Fêtes des bonnes gens de Canon et la rosière de Briquebec, Paris, 1778; Discours sur la fête de la Rose, célébrée à la Falaise pour la première fois le jour de la Trinité, le 14 juin 1778, la Falaise et Paris, 1779; *l'abbé Marquis,* Idée de la vertu chrétienne, suivie de Conférences sur la fête de la Rose, exécutée à Réchicourt en 1779 et 1780, Dieuze, 1781 (*Quérard,* op. cit. t. V, p. 558); Projet de la fête du couronnement et du mariage des rosières des sept paroisses de la ville de Lille, etc., Lille, 1781; *l'abbé Lemonnier,* la Rosière de Passais, ou Piété filiale de Jeanne Closier, Paris, 1787 (*Quérard,* op. cit., t. V, p. 150); *Léon de Labessade,* le Droit du seigneur et la rosière de Salency, Paris, 1878; *Durieux,* les Rosières de Cambrai (*Mémoires de la Société d'émulation de Cambrai,* t. XLVI, 1890).

[2]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай этотъ продолжаетъ сохраняться до сихъ поръ, между прочимъ въ Нантеррѣ, близъ Парижа.

[3]) *Petites affiches,* 17 juillet 1779 (цит. по *A. de Calonne,* la Vie agricole sous l'ancien régime dans le Nord de la France, Paris, 1887, p. 278).

кое именно назначеніе нѣкоторымъ изъ своихъ благотворительныхъ жертвъ. *Преміи за добродѣтель* (*prix de vertu*) не были изобрѣтеніемъ какого-либо желавшаго пооригинальничать или порисоваться филантропа, какимъ представляютъ себѣ нерѣдко люди нашего времени знаменитаго основателя такой преміи при Французской Академіи. Между тѣмъ все, что было въ данномъ случаѣ новаго, это—сравнительно крупная сумма пожертвованія, а также—связь его съ Академіей; сама же идея премированія „добродѣтели“ не была изобрѣтена Монтіономъ: это было анонимное изобрѣтеніе „просвѣщеннаго вѣка [1]). Такъ, за два года до основанія знаменитой „преміи Монтіона“, булонскій епископъ учредилъ въ каждомъ изъ приходовъ, въ которыхъ онъ былъ сеньеромъ, по одной „преміи за добродѣтель“, по 500 ливровъ каждая, „въ пользу бѣдныхъ и добродѣтельныхъ дѣвушекъ“ [2]). Еще раньше, приходскій священникъ деревеньки Venay, въ Пикардіи, учредилъ въ своемъ приходѣ на свои скудныя средства подобную премію въ скромныхъ размѣрахъ—одного луидора (24 ливровъ [3]). Въ восьмидесятыхъ годахъ, особенно послѣ того, какъ по почину Монтіона дѣло „поощренія добродѣтели“ взяла подъ свое покровительство Французская Академія, этотъ видъ „просвѣщенной благотворительности“ получаетъ широкое распространеніе. Расширяется и самое понятіе подлежащей поощренію „добродѣтели“. Такъ, приходскій священникъ мѣстечка Tremblay, близъ Понтуаза, основываетъ ежегодную премію въ 240 ливровъ „въ пользу рабочаго, отца семейства, наиболѣе добродѣтельнаго“ [4]).

VIII.

На ряду съ работой надъ улучшеніемъ моральныхъ условій существованія народа, *просвѣщенная благотворительность*, какъ выше было замѣчено, включаетъ въ себя также и „просвѣщенную“ работу надъ *улучшеніемъ матеріальныхъ условій* этого существованія.

1) Начало „преміи Монтіона“ относится къ 1782 г., а уже въ семидесятыхъ годахъ „преміи за добродѣтель были въ ходу, и ихъ „основателями“ являются обыкновенно сельскіе сеньеры, приходскіе священники и епископы.—*Labour*, M. de Montyon, p. 211 et suiv.; *A. de Calonne*, la Vie agricole, Paris, 1887, p. 278.—Сравн. слѣдующее примѣчаніе.

2) *Mémoires secrets*, t. XVII (4 janvier 1781).

3) *A. de Calonne*, la Vie agricole dans le Nord de la France, p. 278.

4) *Seré-Depoin*, Trois catastrophes à Pontoise, p. 112.

Это—та *дѣятельная благотворительность*, которую воспѣваетъ Шенье въ своемъ *Гимнѣ Франціи* [1]). Та „страсть къ украшеніямъ“, которая, какъ было отмѣчено выше въ другой связи, охватила французскіе города во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка [2]), является лишь однимъ изъ симптомовъ отмѣченнаго явленія, представляющаго собою одну изъ сторонъ характеризующаго эпоху „соціально-утилитарнаго идеализма“.

Согласно съ духомъ времени, идеализмъ этотъ, при всей своей утилитарно-практической тенденціи, носитъ явственный сентиментальный и народническій отпечатокъ. Народолюбивые сеньеры, „просвѣщенные прелаты“, „гуманные священники“, ученыя и сельскохозяйственныя общества, провинціальныя собранія,—всѣ спѣшатъ содѣйствовать подъему народнаго благосостоянія посредствомъ всяческихъ „поощреній“ (encouragements) промышленности и въ особенности—земледѣлію, „этой важнѣйшей изъ видовъ промышленности“. Въ восьмидесятыхъ годахъ возникаетъ въ Руанѣ „бюро для поощренія и развитія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности“ [3]). Амьенскій художникъ (живописецъ) де-ла-Туръ учреждаетъ въ 1783 г. премію въ 500 ливровъ въ пользу „того изъ гражданъ Пикардіи, который совершитъ наилучшій актъ гуманности или же изобрѣтетъ какую-либо машину, орудіе, инструментъ, могущіе служить къ усовершенствованію земледѣлія, ремеслъ и торговли, преимущественно въ предѣлахъ провинціи (Пикардіи)“ [4]). Маркизъ Колэнкуръ „поощряетъ“ въ своемъ имѣніи производство шелковой кисеи и газа „по голландскому фасону“ [5]). Маркизъ Луванкуръ предлагаетъ въ 1778 г. основать въ Longpré полотняную фабрику „для доставленія работы бѣднымъ“ [6]). Маркизъ д'Эрвильи устраиваетъ въ своемъ имѣніи ткацкую фабрику для выдѣлки „полотна по способу

1) „Dirai-je ces travaux, source de l'abondance,
Ces ports où des deux mers *l'active bienfaisance*
Amène les tributs du rivage lointain“, etc.
Andrée Chénier, Hymne à la France (цит. по *d'Hugues*, op. cit., p. 204).

2) См. выше, стр. 279—284.

3) *Mathieu*, l'Ancien régime dans la province de Lorraine, p. 344.

4) *Mémoires secrets*, t. XXIII (6 octobre 1783).

5) *Bulletin académique de Laon*, t. IV, p. 218 (цит. по *A. de Calonne*, la Vie agricole, p 127).

6) *Archives départementales de la Somme*, C 64, lettre à l'Intendant, du 22 septembre 1778 (ibidem).

Куртрэ“ [1]). Маркиза де-Шуазель-Гуффье основываетъ у себя бумагопрядильню [2]). Графиня де-Ламетъ, „обожаемая въ своемъ околоткѣ благодаря своимъ благодѣяніямъ, превышающимъ ея состояніе“, раздаетъ въ своемъ имѣніи сотню самопрялокъ [3]). Герцогиня д'Анвилль, въ своемъ имѣніи, „не забываетъ ничего, что могло бы поощрять земледѣліе и дать заработокъ обывателямъ“. Она сооружаетъ на свой счетъ дорогу, которая связываетъ ея имѣніе Ла-Рошфуко съ Перигоромъ и Сентонжемъ. Она пытается ввести въ своихъ земляхъ культуру шелка, выписываетъ съ этою цѣлью опытныхъ шелководовъ изъ Лангдока и выдаетъ своимъ крестьянамъ премію за каждое посаженное шелковичное дерево и сверхъ того—поощрительную ежегодную премію за представленный лучшій образецъ выработаннаго у себя шелка [4]). Герцогъ де-Шаро основываетъ при амьенской „академіи“ ежегодную премію въ шестьсотъ ливровъ за лучшее сочиненіе по земледѣлію [5]). Въ своемъ орлеанскомъ имѣніи, столь живо описанномъ англійскимъ путешественникомъ Юнгомъ [6]), герцогъ де-ла-Рошфуко [7]) устраиваетъ образцовую „англійскую“ ферму и собственнымъ примѣромъ поощряетъ своихъ крестьянъ къ травосѣянію и разведенію новыхъ культуръ, въ особенности картофеля [8]). Аббатъ Розье, извѣстный въ свое время ученый агрономъ [9]), основываетъ въ 1787 г. на свои средства „практи-

[1]) *Bulletin académique de Laon,* loc. cit. (ibid.).

[2]) *Archives départementales de la Somme,* C 64 (ibid.).

[3]) *Archives départementales de la Somme,* C 99 (ibid.).

[4]) *Bujeaud,* la Charente révolutionnaire, Angoulême, 1866, t. I, p. 126—128.

[5]) *A. de Calonne,* la Vie agricole, p. 49.

[6]) *Arthur Young,* Voyages en France, t. I, p. 97—102.

[7]) Ему посвященъ біографическій очеркъ: *Vie du duc de Larochefoucauld-Liancourt,* Paris, 1831.

[8]) *A. de Calonne,* la Vie agricole, p 51.—По части новыхъ культуръ интересенъ докладъ, сдѣланный однимъ помѣщикомъ сенъ-бріёкскаго діоцеза бретанскимъ штатамъ въ 1776 г относительно произведенныхъ имъ опытныхъ посѣвовъ „чернаго сибирскаго жита“ (blé noir de Sibérie).—*Archives départementales des Côtes-du-Nord,* C 162.—Относительно этого „сибирскаго жита“ (яровая пшеница?) находимъ одинъ *Mémoire* въ *Journal de Lyon,* отъ 17-го марта 1784 г., гдѣ между прочимъ сообщается, что „ce bled a été apporté en France du Nord de la Sibérie par un missionnaire du Bas-Maine, et déjà quelques agriculteurs le cultivent avec succès depuis environ 1770“. Въ этой „запискѣ“ излагаются способы обработки „сибирскаго жита“, приготовленія изъ него хлѣба, и т. д.

[9]) Авторъ многотомнаго *Dictionnaire de l'agriculture* и редакторъ *Journal de physique* (род. въ 1734, ум. въ 1794 г.).

ческую школу садоводства" въ Ліонѣ [1]). Бургонскіе штаты выдаютъ въ восьмидесятыхъ годахъ ежегодныя преміи „лучшимъ прядильщицамъ" мѣстныхъ бумагопрядиленъ [2]). Тѣ же штаты ассигнуютъ ежегодный кредитъ въ двадцать тысячъ ливровъ „на предметъ поощренія мѣстныхъ мануфактуръ и въ пользу рисовальной школы" [3]). Провинціальные штаты Артуа учреждаютъ при мѣстной „академіи" (въ г. Аррасѣ) ежегодную премію въ видѣ золотой медали стоимостью въ пятьсотъ ливровъ, въ пользу автора лучшаго сочиненія по сельскому хозяйству или торговлѣ, или въ пользу такого лица, которое укажетъ какой-либо новый способъ „извлекать пользу изъ произведеній области" [4]). Старшины области Маконнэ посылаютъ въ 1785 г. на счетъ провинціи студента въ ліонскую ветеринарную школу [5]). Общее собраніе коммунъ Прованса (assemblée générale des communautés de Provence) вотируетъ въ 1777 г. 400 ливровъ на напечатаніе записки аббата Фабра „касательно усовершенствованія мукомольныхъ мельницъ" [6]). То же собраніе объявляетъ въ 1776 г. премію въ триста ливровъ „первому, кто построитъ телѣгу о четырехъ колесахъ съ дышломъ". Въ слѣдующемъ году то же учрежденіе „поощряетъ устройство въ Эксѣ кисейной фабрики", вотируетъ поощрительную награду (gratifications) „братьямъ Віаль, фабрикантамъ бархата въ Провансѣ", и постановляетъ выдавать „временно ежемѣсячную субсидію г. Риву, намѣревающемуся устроить въ Эксѣ бумагопрядильню" [7]). Провинціальные штаты маленькой области Жеводана, въ одну изъ своихъ сессій въ восьмидесятыхъ годахъ, „разсматриваютъ образецъ полотна, вытканнаго изъ дрота Лодэвскихъ годъ", и постановляютъ „добыть сѣмянъ этого растенія и произвести его посѣвы въ Жеводанѣ" [8]). Тѣ же штаты вотируютъ въ слѣдующемъ году 632 ливра „на пріобрѣтеніе зонда, для того чтобы продолжать изслѣдованія залежей каменнаго угля" [9]).

[1]) *D'Hugues*, Essai sur l'administration de Turgot, p. 147.—Tableau... de la généralité de Lyon, p. 20.

[2]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3241.

[3]) Ibidem, C 3413.

[4]) *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 49.

[5]) *Archives départementales de Saône-et-Loire*, C 498.

[6]) *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*, C 93.

[7]) *Archives departementales des Bouches-du-Rhône*, C 93.

[8]) *Burdin*, Documents historiques sur la province de Gévaudan, Toulouse, 1846 (analyse des procès-verbaux des Etats, 18 juin 1787).

[9]) Ibidem, 18 juin 1788.

IX.

Характерна для *просвѣщенной благотворительности* дѣятельность тѣхъ многочисленныхъ „академій", о которыхъ намъ приходилось уже говорить въ въ другой связи [1]. Однимъ изъ главныхъ проявленій этой дѣятельности было премированіе сочиненій, обыкновенно на заранѣе объявленныя академіями темы. Въ былое время преобладали темы поэтическія, историческія, моральныя; „просвѣщенный вѣкъ" выдвигаетъ на первый планъ вопросы другого, такъ сказать—*соціально-утилитарнаго* характера. Вотъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Въ 1755 г. бордоская академія объявляетъ на конкурсъ тему о „причинахъ порчи зерна, въ силу которой оно чернѣетъ въ колосу, и о способахъ предотвращенія такой порчи" [2]. Тулузская академія присуждаетъ въ семидесятыхъ годахъ премію „экономисту" ле-Троню за сочиненіе *О провинціальномъ управленіи и о податной реформѣ* [3]. Шалонская академія награждаетъ въ 1777 г. сочиненіе на объявленную ею тему *О способахъ искорененія нищенства во Франціи, такъ чтобы сдѣлать нищихъ полезными для государства, не дѣлая въ то же время ихъ несчастными* [4].

Академія въАррасѣ около того же времени предлагаетъ „изслѣдовать, всякая ли земля годна для ежегоднаго обсѣмененія, и каковъ наилучшій способъ ея эксплуатаціи" [5]. Ліонская академія объявляетъ около 1780 г., конкурсъ по вопросу объ усовершенствованіи дорожной части [6]. Академикъ Добантонъ посвящаетъ свою

1) См. выше, стр. 295—299.

2) Премія была присуждена Тилле, члену королевской Академіи наукъ; по его имени названа и изслѣдованная имъ впервые болѣзнь зерна: *tilletia caries*. *Théron de Montaugé*, l'Agriculture et les classes rurales dans le pays Toulousain, Paris et Toulouse, 1869, p. 7.

3) *Le Trosne*, De l'administration provinciale et de la réforme de l'impôt, suivi d'une Dissertation sur la féodalité, Bâle (Paris), 1779. Сочиненіе это было написано въ 1775 г.—*Quérard*, op. cit., t. V, p. 263.

4) Les Moyens de détruire la mendicité en France, en rendant les mendiants utiles à l'Etat, sans les rendre malheureux, tirés des Mémoires qui ont concouru pour le prix accordé en l'année 1777 par l'Académie de Châlons-sur-Marne. Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée, Châlons, 1780. (Библ. кн. Воронцова, 2, 9, 5, 9).—Сравн. *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. XI, p. 170 (28 mars 1781).

5) *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 49.

6) *Archives nationales*, F-14 182-B. Mémoire sur le roulage, couronné par l'Académie de Lyon.

актовую рѣчь въ парижской Академіи наукъ, въ 1784 г., вопросу объ „улучшеніи качества шерсти и усовершенствованіи суконнаго производства“ [1]).

Анжерская академія объявляетъ въ 1785 г. на конкурсъ тему *О наилучшихъ и наиболѣе экономныхъ способахъ сохраненія въ провинціяхъ подкидышей и воспитанія ихъ въ наиболѣе полезномъ для государства смыслѣ*; въ 1788 г.— *О наилучшихъ и наиболѣе дешевыхъ способахъ предотвратить разливы рѣки Оріона, равно какъ и застой ея водъ, а также сдѣлать ее судоходной въ извѣстной части ея теченія*; въ 1787 г.—*О наилучшихъ средствахъ къ оживленію торговли города Анжера и всей области* [2]).

Амьенская академія объявляетъ въ восьмидесятыхъ годахъ тему „о наиболѣе цѣлесообразныхъ средствахъ къ распространенію и развитію культуры искусственныхъ луговъ“ [3]). Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности названной академіи сообщаетъ въ 1782 году одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, въ письмѣ, которое было напечатано потомъ въ *Секретныхъ мемуарахъ* Бошомона (хотя ничего *секретнаго* въ содержаніи письма, какъ увидимъ, нѣтъ). „Наша академія—пишетъ амьенскій обыватель въ октябрѣ 1782 г. — занимается не исключительно лишь стихами да прозой: она удѣляетъ свое вниманіе и предметамъ болѣе полезнымъ и важнымъ. Такъ, она возымѣла благую мысль воспользоваться опытомъ столицы, гдѣ стараніями генералъ-лейтенанта полиціи (ле-Нуара) была учреждена школа мукомольнаго и хлѣбопечнаго дѣла. Аббатъ Рейнаръ, преподаватель физики въ здѣшнемъ коллежѣ и членъ амьенской академіи, обратилъ вниманіе на тотъ прискорбный фактъ, что даже изъ самой лучшей пшеницы хлѣбъ здѣсь выходитъ лишь посредственнаго качества; онъ прочелъ объ этомъ вопросѣ докладъ въ публичномъ засѣданіи академіи. Ему удалось возбудить интересъ къ этому предмету въ своемъ собратѣ по академіи, нашемъ интендантѣ д'Агэ, по ходатайству котораго правительство командировало къ намъ Пармантье [4]) и Каде-де-Во [5]), великихъ апостоловъ новой доктрины. Они

[1]) *Bonnefoy*, Histoire de l'administration civile dans la province d'Auvergne. Paris, 1895, t. I, p. 176.

[2]) *Uzureau*, Andegaviana, Angers et Paris, 1904, 1-ère série, p. 5—12.

[3]) *A. de Calonne*, op. cit., p. 49.

[4]) Parmentier, знаменитый агрономъ своего времени, одинъ изъ горячихъ поборниковъ культуры картофеля.

[5]) Cadet de Vaux, химикъ и агрономъ.

нашли, что хлѣбопеченіе, и въ особенности мукомольное дѣло, находятся здѣсь въ состояніи дѣтства, какъ и два столѣтія тому назадъ; что единственный извѣстный здѣсь первобытный способъ размола даетъ лишь двѣ трети муки, между тѣмъ какъ при экономическомъ размолѣ получается три четверти; что благодаря нераціональной конструкціи печей, пропадаетъ непроизводительно третья часть дровъ,—обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживающее вниманія, что этотъ продуктъ со дня на день становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ въ Пикардіи. Въ результатѣ у насъ организовались, подъ предсѣдательствомъ г. д'Агэ, курсы (по мукомольному и хлѣбопечному дѣлу). Открытіе курсовъ имѣло мѣсто въ понедѣльникъ 7-го настоящаго мѣсяца, при чемъ г. д'Агэ произнесъ небольшую рѣчь объ этомъ учрежденіи, восхваляя благотворительность правительства. Собраніе было блестящее, какъ впрочемъ и всѣ послѣдующія. Епископъ, интендантъ, муниципалитетъ, академія—считали своимъ долгомъ посѣщать курсы; сверхъ того, слушать профессоровъ-экономистовъ приходили регулярно отъ 300 до 400 постороннихъ посѣтителей. Епископъ пожелалъ, чтобы семинаристы, готовящіеся быть приходскими священниками, также посѣщали эти курсы, болѣе полезные, чѣмъ всѣ эти богословскія умствованія. Довольно забавно было видѣть всѣ эти черные кафтаны запачканными мукой отъ прикосновенія мельниковъ и хлѣбопековъ... По мнѣнію епископа, будущіе священники должны обладать общеполезными знаніями, приложимыми въ крестьянскомъ быту. Умѣй священникъ выбирать сѣмена и приготовлять ихъ къ посѣву,—сколько было бы устранено бѣдъ, единственнымъ источникомъ которыхъ является зачастую лишь невѣжество и непредусмотрительность земледѣльца. Опасались было, что амьенскіе хлѣбопеки, какъ и тѣ, которыхъ интендантъ вытребовалъ изъ различныхъ субделегатствъ, въ силу свойственнаго этимъ грубымъ и тупоголовымъ ремесленникамъ упрямства, не захотятъ отказаться отъ привычной имъ рутины. Къ счастью, они не устояли передъ ясными наставленіями гг. Пармантье и Кадэ-де-Во. Они поняли, что въ хлѣбопеченіи экономія идетъ объ руку съ совершенствомъ, такъ что въ концѣ концовъ предубѣжденіе было побѣждено интересомъ, и прослушавъ курсъ, хлѣбопеки въ полномъ составѣ явились къ г. д'Агэ—выразить ему свою признательность..." [1])

[1]) *Mémoires secrets*, t. XXI, p. 147—149 (21 octobre 1782). Extrait d'une lettre d'Amiens, du 19 octobre.

X.

Еще болѣе полное и всестороннее выраженіе духъ *просвѣщенной благотворительности* нашелъ въ возникшихъ во второй половинѣ столѣтія многочисленныхъ *сельскохозяйственныхъ обществахъ*, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать въ другой связи [1]). *Уже самый фактъ возникновенія этихъ ассоціацій является характернымъ симптомомъ охватившаго просвѣщенное общество „благотворительнаго" настроенія.* Дѣло здѣсь идетъ не о какихъ-либо чисто дѣловыхъ ассоціяхъ сельскихъ хозяевъ на почвѣ ихъ общихъ интересовъ. Совсѣмъ нѣтъ; характерной особенностью занимающихъ насъ ассоціацій является именно преобладаніе въ ихъ составѣ такихъ элементовъ, которые не были связаны непосредственно своими интересами съ вопросами сельскаго хозяйства. Въ этихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ собственно сельскіе хозяева, помѣщики, занимаютъ сравнительно скромное мѣсто на ряду съ различными учеными агрономами и агрономами-любителями изъ числа мѣстныхъ „магистратовъ", инженеровъ, писателей, аббатовъ и даже епископовъ [2]). Спрашивается, что влечетъ этихъ людей къ объединенію въ сельскохозяйственныя общества? Общій интересъ? Но таковаго у нихъ нѣтъ. Личная выгода? Но такой тоже не предвидится отъ вступленія въ ассоціацію, существующую взносами своихъ членовъ и ихъ безвозмезднымъ трудомъ. Остается допустить, что этихъ людей съ различными общественными положеніями и различными интересами влечетъ къ объединенію и къ общей работѣ какая-нибудь общая *идея*. Если бы мы обратились отдѣльно къ каждому изъ членовъ любого изъ сельскохозяйственныхъ обществъ съ вопросомъ о томъ, изъ какихъ побужденій вступилъ онъ въ данную ассоціацію, то, вѣроятно, мы получили бы въ отвѣтъ—отъ одного, что онъ это сдѣлалъ изъ *патріотизма*, отъ другого, что изъ *любви къ общественному благу*, отъ третьяго—изъ желанія *быть*

[1]) См. выше, стр. 298—299.

[2]) Практическому англичанину, какъ Артуръ Юнгъ, эта сторона дѣла была конечно мало понятна; онъ увидѣлъ въ ней лишь одну сторону—смѣшную, но не разглядѣлъ другой—серьезной, почему и счелъ возможнымъ ограничиться по поводу французскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ лишь нѣсколькими ироническими замѣчаніями.—См. *Young*, Voyages en France, t. I, p. 27.

полезнымъ обществу или *народу*, и т. д. И мы бы не имѣли основаній не вѣрить этимъ почтеннымъ людямъ—хотя-бы уже потому, что въ нихъ, какъ людяхъ „просвѣщенныхъ", мы должны были бы допустить a priori большую или меньшую степень того духа „просвѣщенной благотворительности", которымъ характеризуется настроеніе „просвѣщеннаго человѣка" этой эпохи. Наше довѣріе въ данномъ случаѣ нашло бы себѣ подтвержденіе a posteriori—въ самой дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ, которая, дѣйствительно, проникнута тѣмъ стремленіемъ къ улучшенію матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія народа, которое составляетъ душу „просвѣщенной благотворительности" эпохи.

Чтобы понять этотъ—для нашего времени не вполнѣ уже понятный—идеализмъ въ дѣятельности сельскохозяйственныхъ обществъ занимающей насъ эпохи, надо припомнить—съ одной стороны ту идеализацію земледѣлія и земледѣльческаго класса, которую внесли въ представленія „просвѣщеннаго человѣка" физіократы, съ другой стороны—то народолюбіе, которымъ было проникнуто его настроеніе, отчасти подъ вліяніемъ внушенной „просвѣщенною гуманностью" любви къ меньшей братіи. Наконецъ, къ этому надо прибавить одушевлявшій просвѣщенныхъ людей „духъ реформы", который вообще уже самъ по себѣ не чуждъ извѣстной доли идеализма, въ особенности когда дѣло идетъ о реформѣ въ области общественныхъ отношеній, слѣдовательно—въ сферѣ „общественнаго блага" par excellence.

Ближайшей задачей сельскохозяйственныхъ обществъ является конечно „прогрессъ сельскаго хозяйства". Первое по времени возникновенія изъ этихъ обществъ, бретанское, ставитъ себѣ задачею: производить опыты съ культурами, преуспѣвающими въ другихъ областяхъ Франціи, испытывать различныя удобренія, добывать образцовыхъ производителей различныхъ породъ скота, изучать способы борьбы со скотскими падежами, изыскивать средства къ улучшенію овечьей шерсти, поощрять разработку пустошей, и т. д.[1]).

Въ томъ же родѣ формулируютъ свою задачу и другія возникшія вслѣдъ за бретанскимъ и частію по его образцу сельскохозяйственныя общества. Но при той центральной роли, которую играло зем-

[1]) *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 42.—Сравн. *Du Châtellier*, De l'agriculture et des classes agricoles en Bretagne (*Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. LX—LXIII).

леделіе въ странѣ, гдѣ подавляющее большинство населенія принадлежало къ земледѣльческому классу, сельскохозяйственнымъ обществамъ было трудно, а подъ часъ и фактически невозможно ограничить поле своей дѣятельности исключительно рамками чисто сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Послѣдніе сплошь да рядомъ приводили съ неумолимою неизбѣжностью къ вопросамъ экономическимъ въ широкомъ смыслѣ и даже къ вопросамъ соціально-политическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, основной вопросъ сельскаго хозяйства—это, въ тогдашней Франціи, прежде всего вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Послѣдняго слишкомъ часто не хватаетъ; его вообще не хватаетъ на столько, чтобы весь народъ постоянно былъ сытъ: часть народа, можно сказать, хронически недоѣдаетъ, и почти весь народъ періодически голодаетъ. Словомъ—хлѣба производится недостаточно. Отчего его недостаточно производится? Во-первыхъ оттого, что земля плохо родитъ. А это отчего? Оттого что удобряютъ ее недостаточно. А плохое удобреніе отчего? Оттого, что скотины мало у мужика. А отчего мало скотины? Оттого, во-первыхъ, что выпасу мало, да и тотъ сеньеръ норовитъ оттягать у сельской общины. Вопросъ объ удобреніи приводитъ, такимъ образомъ, къ сеньеріальному праву, то-есть къ одному изъ устоевъ тогдашняго соціальнаго строя. Но это только одна сторона дѣла, есть еще и другая. Независимо отъ вопроса о выпасѣ, потому еще мало скотины у мужика, что держать ея много ему прямо-таки невыгодно. Попробуй онъ завести лишнюю лошадь, при ближайшей же раскладкѣ тальи податной комиссаръ или сборщикъ накинетъ ему на его податной паекъ; потомъ придетъ время отбывать дорожную повинность,—на свою лишнюю лошадь онъ получилъ лишній „урокъ" ремонтной работы; та же исторія въ случаѣ перевозки войскъ и ихъ багажа. Такимъ образомъ, тотъ же вопросъ объ удобреніи приводитъ, съ другой стороны, къ вопросу о податномъ режимѣ. Далѣе, не только мало родитъ обработываемая земля, но кромѣ того, еще оказывается, что обработывается-то земля недостаточно, и много земли не только остается въ пустѣ, но случается, что и пахатная земля забрасывается. Это отчего? Что заставляетъ земледѣльца, не смотря на недостатокъ хлѣба, не только избѣгать расширять свои запашки, но подъ часъ и сокращать ихъ? Опять-таки и въ этомъ случаѣ, независимо отъ тѣхъ или другихъ свойствъ почвы, играетъ не послѣднюю роль „анти-соціальная" податная система [1]), возлагающая на земледѣліе часто непосиль-

[1]) „L'ordre fiscal... est évidemment antisocial" —изъ корреспонденціи, на-

ное бремя податей и повинностей, парализующихъ въ корнѣ всякую предпріимчивость въ этой области труда. Кромѣ того, дѣло не въ однѣхъ государственныхъ податяхъ и повинностяхъ; кромѣ нихъ на плечахъ земледѣльца лежитъ, съ одной стороны—церковная десятина, съ другой—многочисленные и разнообразные сеньеріальные платежи и повинности. Все это взятое вмѣстѣ, заставляетъ мужика —потому что на его именно плечахъ висятъ всѣ эти тягости, отъ которыхъ избавлены лица привилегированныхъ сословій—заставляетъ сократить свои запашки въ обрѣзъ, до предѣловъ строго необходимаго минимума. Такимъ образомъ, вопросъ о запашкахъ и пустошахъ неминуемо приводитъ къ вопросу о сословныхъ привилегіяхъ, то-есть къ одному изъ центральныхъ вопросовъ „конституціи королевства". Но тотъ же вопросъ о запашкахъ и пустошахъ приводитъ еще и къ другому важному вопросу,—вопросу объ экономической политикѣ правительства. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ хлѣбной торговлѣ конечной цѣлью экономической политики французскаго правительства было искони—возможное удешевленіе хлѣба; цѣли же этой оно считало возможнымъ достигнуть не столько посредствомъ увеличенія производства хлѣба, сколько путемъ искусственнаго пониженія цѣнъ—частью введеніемъ обязательной таксы на хлѣбъ, но главнымъ образомъ—посредствомъ всевозможныхъ полицейскихъ стѣсненій хлѣбной торговли, и въ частности—запрещеніями вывоза хлѣба за-границу или же изъ одной провинціи въ другую. Такимъ путемъ достигалось искусственное пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ до такого уровня, при которомъ производство его становилось невыгоднымъ или даже убыточнымъ, что и заставляло земледѣльца сокращать свои запашки до возможнаго минимума.

Однимъ изъ тормазовъ земледѣльческаго прогресса была въ нѣкоторыхъ областяхъ [1]) обширность пустошей и выпасовъ, представлявшихъ собою обыкновенно общинныя земли, на которыя всѣ обыватели имѣли право выгонять скотъ. Иногда эти земли считались собственностью сеньера, по большей же части право собственности на нихъ не было ясно установлено, и на этой почвѣ возникали постоянныя и нескончаемыя пререканія и судебныя тяжбы между

печатанной въ 1775 г. въ *Gazette de l'Agriculture* (*Bujeaud*, la Charente révolutionnaire, *Pièces justificatives*, p. CCLXVI).

[1]) Какъ, напримѣръ, въ Бретани.—*De la Morvonnais*, l'Economie rurale de Bretagne dans le passé et le présent, Rennes, 1894, p. 32—36.

крестьянами и сеньерами. Какъ бы то ни было, количество такихъ предназначенныхъ исключительно для выпаса земель [1]) далеко превышало потребности скотоводства, а между тѣмъ правовое положеніе этихъ земель дѣлало невозможною земледѣльческую эксплуатацію ихъ. Это приводить сельскохозяйственныя общества къ вопросамъ аграрнаго порядка.

Далѣе, одною изъ причинъ плохой продуктивности земледѣлія является крайняя примитивность земледѣльческой техники, всякая же попытка поднять эту технику наталкивается на первомъ же шагу на два препятствія: на невѣжество и малограмотность крестьянской массы—съ одной стороны, на ея бѣдность—съ другой. Сельскохозяйственныя общества наталкиваются, такимъ образомъ, на вопросъ о средствахъ къ поднятію умственнаго и экономическаго уровня крестьянства,—вопросъ затрагивающій, въ свою очередь, цѣлую сѣть проблемъ соціально-экономическаго порядка. Удивительно ли, что основная тема сельскохозяйственныхъ обществъ, тема о хлѣбѣ насущномъ, расширялась, даже помимо ихъ воли, до размѣровъ проблемы объ улучшеніи матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія народа вообще, и что имъ приходилось трактовать о народномъ образованіи по поводу навоза и о „конституціи королевства" по поводу запашекъ и пустошей.

XI.

Для поясненія сказаннаго остановимся на дѣятельности нѣкоторыхъ изъ сельскохозяйственныхъ обществъ второй половины восемнадцатаго вѣка [2]).

Второе послѣ ренискаго, по времени своего происхожденія, лиможское сельскохозяйственное общество получило свое начало въ 1759 г., первоначально въ качествѣ частнаго общества, которое два года спустя было возведено въ рангъ „королевскаго общества". Въ 1761 г. въ двухъ другихъ городахъ генеральства, Бривѣ и Ангулемѣ,

[1]) *Terres vaines et vagues*, какъ ихъ называли.

[2]) Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ изъ этихъ обществъ, которыя нашли себѣ изслѣдователей. Одно изъ лучшихъ изслѣдованій посвящено именно лиможскому сельскохозяйственному обществу лиможскимъ архивистомъ Альфредомъ Леру, въ предпосланномъ имъ описи документовъ серіи С мѣстнаго департаментскаго архива обширномъ введеніи подъ заглавіемъ: *La généralité de Limoges, esquisse historique.*

были учреждены два мѣстныхъ отдѣленія общества подъ названіемъ *Bureaux d'agriculture*. По своей организаціи оба отдѣленія составляли одну корпорацію съ обществомъ; единство это выражалось въ участіи обоихъ отдѣленій въ выборѣ новыхъ членовъ общества, а также въ постоянномъ общеніи между отдѣлами и обществомъ посредствомъ корреспонденціи.

Число членовъ общества, состоявшаго вначалѣ всего изъ семи человѣкъ, возрастаетъ два года спустя до двадцати, въ томъ числѣ нѣсколько иногороднихъ, въ качествѣ „корреспондентовъ". Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, общество насчитываетъ четырехъ почетныхъ членовъ, двадцать дѣйствительныхъ и десять корреспондентовъ, проживающихъ внѣ предѣловъ области. Въ числѣ членовъ фигурируютъ: Демарэ и Монтань, будущіе члены парижской Академіи наукъ; де-Лепинъ, извѣстный нѣсколькими научными работами, и нѣсколько духовныхъ лицъ: епископы Лиможскій и Тюльскій, кордельеръ Лефевръ, извѣстный какъ агрономъ; другой агрономъ, аббатъ Розье, директоръ ветеринарной школы въ Ліонѣ; аббатъ Витракъ, профессоръ лиможскаго коллежа и членъ нѣсколькихъ провинціальныхъ академій [1]).

Лиможское сельскохозяйственное общество формируетъ у себя спеціальную библіотеку, для которой выписываются наиболѣе важныя сочиненія по сельскому хозяйству и всѣ французскія періодическія изданія, такъ или иначе относящіяся къ этому предмету [2]). Общество собиралось даже издавать свой періодическій органъ, но мысль эта не получила осуществленія, по всей вѣроятности за недостаткомъ средствъ; пришлось довольствоваться напечатаніемъ время отъ времени отдѣльныхъ докладовъ и „записокъ" въ видѣ брошюръ [3]). Кромѣ того, отдѣльные члены общества печатали свои сообщенія и замѣтки въ парижскихъ *Ephémérides du citoyen*, въ мѣстныхъ календаряхъ-альманахахъ, а съ 1775 г.—также и въ мѣстной газетѣ, начавшей выходить съ этого года въ Лиможѣ *Feuille hebdomadaire*, сдѣлавшейся какъ бы органомъ сельскохозяйственнаго общества [4]), подобно тому какъ парижская *Gazette d'agriculture, commerce et fi-*

[1]) *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. CIII.

[2]) *Journal de physique*, издаваемый аббатомъ Розье, *Journal* и *Gazette d'agriculture, commerce et finances*, *Journal économique*, *Éphémérides du citoyen*, издаваемый Дюпонъ-де-Немуромъ.

[3]) *Leroux*, op. cit., p. CIV—CV.

[4]) Ibidem.

nances служила органомъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ обществъ Франціи и ихъ областныхъ отдѣловъ [1]).

Въ первые же годы существованія общества, въ средѣ его возникла мысль объ образованіи путемъ подписки, „по англійскому обычаю", капитала для организаціи конкурсовъ на преміи. Мысль эта однако получила свое осуществленіе лишь нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря участію, которое принялъ въ этомъ дѣлѣ новый лиможскій интендантъ Тюрго. Благодаря устройству конкурсовъ, значительно расширилось поле дѣятельности общества, получившаго этимъ путемъ извѣстность и далеко за предѣлами своей области [2]). Въ числѣ темъ, объявленныхъ лиможскимъ обществомъ на конкурсъ находимъ, напримѣръ, такія: *О наиболѣе выгодномъ способѣ перегонки и очистки винъ*; *Объ относительныхъ выгодахъ пользованія для распашки лошадьми и волами*; *Исторія хлѣбнаго жука и способы предохраненія отъ него жита*; *О вліяніи прямыхъ налоговъ на доходы землевладѣльцевъ*; *О способахъ точной оцѣнки доходности земли при различныхъ родахъ культуры* [3]).

Въ 1775 г. общество разсматриваетъ изобрѣтенную однимъ монахомъ изъ Villeneuve-d'Agen „небольшую переносную сѣялку, отличающуюся несложной конструкціей". Въ томъ же году общество разсматриваетъ представленную ему аббатомъ Сумиллемъ изъ Villeneuve-d'Avignon брошюру, „содержащую въ себѣ алгебраическій анализъ лоттерей о семи *dés*". Пять лѣтъ спустя то же общество получаетъ отъ одного священника изъ Дофинэ сообщеніе объ изобрѣтенномъ имъ способѣ—„мѣшать курамъ поѣдать виноградъ въ періодъ его зрѣлости, не стѣсняя въ то же время ихъ свободы" [4]).

Различныя отрасли сельскаго хозяйства были подѣлены между отдѣльными членами, соотвѣтственно съ спеціальными интересами и познаніями каждаго. Такъ, одинъ спеціально вѣдалъ вопросы воздѣлыванія и удобренія земли, другой—вопросы виноградоводства, третій—завѣдовалъ садоводствомъ и лѣсоводствомъ, четвертый—скотовод-

[1]) Послѣдніе являлись постоянными корреспондентами соотвѣтствующихъ обществъ, частью по собственному почину, частью во исполненіе циркулярнаго предложенія генералъ-контролера де-Лаверди въ 1765 г. (о которомъ упоминается въ журналѣ засѣданій лиможскаго сельскохозяйственнаго общества).—*Leroux*, op. cit., p. CVIII.

[2]) Ibidem, p. CV.

[3]) *D'Hugues*, Essai sur l'administration de Turgot, p. 146.

[4]) *Leroux*, op. cit., p. CIV.

ствомъ, и т. д.[1]). Словомъ, въ средѣ сельскохозяйственнаго общества мы видимъ одинъ изъ первыхъ въ ту пору опытовъ примѣненія принципа раздѣленія труда на началахъ спеціализаціи. Члены общества собираютъ справки относительно различныхъ сельскохозяйственныхъ методовъ, практикуемыхъ въ Англіи и Швейцаріи; входятъ въ сношеніе съ республикой Луккой относительно способовъ сушки каштановъ и съ „польскою націей"—касательно способа приготовленія гречневой каши[2]). Пытаются даже использовать опытъ турокъ и китайцевъ; послѣдніе вѣдь слыли въ ту пору идеаломъ „земледѣльческой націи"[3]).

Лиможское сельскохозяйственное общество завело было у себя даже опытную ферму для испытанія различныхъ предложенныхъ усовершенствованій и изобрѣтеній, но начинанію этому не суждено было упрочиться за недостаткомъ средствъ. Болѣе успѣха имѣло другое начинаніе. Устроенный обществомъ питомникъ древесныхъ породъ въ окрестностяхъ Лиможа послужилъ плодотворнымъ примѣромъ, такъ что въ семидесятыхъ годахъ Лимузенъ насчитывалъ уже значительное число питомниковъ, устроенныхъ частными лицами[4]).

Лиможское общество организовало, едва ли не впервые во Франціи, систематическія метеорологическія наблюденія[5]), сначала въ Лиможѣ, а нѣсколько позднѣе—также въ Бривѣ и Ангулемѣ, резиденціяхъ двухъ отдѣловъ общества. Результаты этихъ наблюденій посылались для напечатанія въ *Gazette d'agriculture, commerce et finances*[6]).

На ряду съ вопросомъ объ усовершенствованіи существующихъ культуръ[7]), общество удѣляетъ серьезное вниманіе различнымъ новымъ культурамъ, въ особенности разведенію картофеля и шелковичнаго дерева[8]).

[1]) Ibidem, p. CV.

[2]) „Le *cacha* de sarrazin".—*Leroux,* op. cit., p. CVI.

[3]) Ibidem, p. CVI.

[4]) Ibidem.

[5]) Съ января 1762 г.—Конечно объ особой метеорологической обсерваторіи не было еще и рѣчи. Подобною обсерваторіею, впрочемъ, Лиможъ обзавелся, но лишь въ 1886 г.—*Leroux,* op. cit., p. CVI.

[6]) Ibidem, p. CVII.

[7]) Такъ, общество занимается обсужденіемъ лучшихъ способовъ культуры винограда.—Ibidem, p. CVII—CVIII.

[8]) Ibidem.

Шелководство, пчеловодство, борьба съ вредными насѣкомыми и со скотскими падежами и тому подобные вопросы служатъ предметомъ какъ теоретическихъ докладовъ и дебатовъ въ засѣданіяхъ общества, такъ и практическихъ опытовъ, производимыхъ на опытной фермѣ послѣдняго, а также въ собственныхъ имѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ общества. Производятся также опыты съ различными новыми или усовершенствованными орудіями—сѣялками, молотилками, вѣялками, мельницами [1]). Нѣкоторые изъ членовъ сельскохозяйственнаго, общества старались и могли служить живымъ примѣромъ прогрессивнаго усовершенствованнаго хозяйства. Такъ, одинъ изъ нихъ, Delpeuch, мѣстный адвокатъ и „извѣстный агрономъ“ [2]), путемъ разныхъ улучшеній и усовершенствованій, удвоилъ урожайность своего имѣнія [3]). Лиможское сельскохозяйственное общество интересуется также горною промышленностью [4]), относится съ интересомъ къ первымъ попыткамъ (увѣнчавшимся успѣхомъ) разработки каменноугольныхъ залежей въ Лимузенѣ [5]), и отмѣчаетъ въ своемъ журналѣ засѣданій фактъ открытія въ предѣлахъ области *каолина* [6]), которому предстояло сыграть важную роль въ промышленной исторіи послѣдней [7]). Оно поднимаетъ вопросъ о соединеніи каналомъ рѣкъ Вьенны и Шаранты, проектируетъ устройство въ Лиможѣ ботаническаго сада и оранжереи, составленіе каталога растеній области и сельскохозяйственнаго календаря, и т. п. [8]). Въ 1772 г. оно предлагаетъ послать нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ уроженцевъ Лимузена въ основанную передъ тѣмъ сельскохозяйственную школу близь Компьеня [9]).

На первыхъ же шагахъ своей дѣятельности сельскохозяйственное общество наталкиваются на затрудненія въ статистическомъ изученіи сельскаго хозяйства, обусловливавшіяся, помимо множества другихъ обстоятельствъ, отсутствіемъ единства мѣръ, въ которыхъ

[1]) Ibidem, p. CVIII.

[2]) „Célèbre agriculteur“, какъ его величаетъ журналъ засѣданій названнаго общества (9 января 1782 г.).—*Leroux*, op. cit., p. CX.

[3]) Ibidem.

[4]) *Leroux*, op. cit., p. CVIII.

[5]) *Leroux*, op. cit. t. CXXII.

[6]) Главная составная часть фарфора.

[7]) Журналъ засѣданій общества 5-го апрѣля 1766 г.—*Leroux*, op. cit., p CXXIII. О фарфоровой фабрикѣ въ Лиможѣ, см. ниже.

[8]) *Leroux*, op. cit., p. CVIII.

[9]) Ibidem.

царило самое пестрое и самое хаотическое разнообразіе и многообразіе [1]). И мы видимъ, что уже въ первые годы своего существованія лиможское общество поднимаетъ вопросъ (которому суждено было еще долго ждать своего рѣшенія!) объ объединеніи мѣръ [2]).

Страдало сельское хозяйство отъ недостатка рабочихъ рукъ, обусловливавшагося эмиграціей крестьянъ въ города; этотъ вопросъ также привлекаетъ къ себѣ вниманіе сельскохозяйственнаго общества [3]).

Недостатокъ рабочихъ рукъ, кромѣ эмиграціи въ города, обусловливался еще и страшной смертностью среди дѣтей въ деревняхъ—благодаря главнымъ образомъ крайнему невѣжеству деревенскихъ повитухъ, а также отсутствію сколько-нибудь удовлетворительнаго призрѣнія подкидышей. Насъ не должно поэтому удивлять, если сельскохозяйственное общество занимается вопросами объ организаціи акушерскихъ курсовъ для „сельскихъ женщинъ" и о призрѣніи подкидышей [4]).

Въ первые же годы своего существованія лиможское общество поднимаетъ вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли [5]), а также обсуждаетъ представленный однимъ его членовъ проектъ соединительнаго канала между верхнимъ теченіемъ Вьенны и Шарантой, а нѣсколько лѣтъ спустя—подобный же, представленный другимъ членомъ, проектъ превращенія Везеры въ судоходную рѣку [6]).

Что вопросы аграрные привлекаютъ къ себѣ вниманіе сельскохозяйственнаго общества, это тѣмъ естественнѣе, что многіе изъ освященныхъ обычаемъ или закономъ аграрныхъ порядковъ были, какъ выше замѣчено, настоящими тормазами для сельскохозяйственнаго прогресса [7]).

[1]) См. *Афанасьевъ*, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Одесса, 1892, стр. 487—496 (таблица хлѣбныхъ мѣръ, бывшихъ бывшихъ въ употребленіи во Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ).

[2]) См. журналъ засѣданій 20-го апрѣля 1765 г.—*Leroux*, op. cit., p. CX.

[3]) См журналъ засѣданій 28-го января 1764 г.—*Leroux*, op. cit., p. CIX.

[4]) См. журналъ засѣданія 18-го янв. 1766 г.—*Leroux*, op. cit., p. CX.

[5]) *Leroux*, op. cit., p. CIX.

[6]) *Leroux*, op. cit., p. CXXXV.

[7]) Таковъ былъ, наприм., *droit de parcours*, который дѣлалъ извѣстные земельные участки юридически неспособными къ распашкѣ, хотя бы они и представляли къ тому всѣ агрономическія данныя. Лиможское общество высказывается въ пользу необходимости видоизмѣненія этого *droit*. —См. журналъ засѣданій 9-го августа 1766 г. и 22-го апрѣля 1775 г. — *Leroux*, op. cit., p. CX.

Производительности сельскохозяйственнаго труда много вредили также черезчуръ многочисленные праздники; лиможское общество высказывается за необходимость сокращенiи ихъ числа [1]).

Примитивность земледѣльческихъ прiемовъ обусловливалась, кромѣ бѣдности, еще и невѣжествомъ крестьянской массы, въ которую, благодаря ея малограмотности, съ трудомъ проникали тѣ многочисленныя печатныя „наставленiя", которыя старались распространить среди сельскаго люда и правительство, и мѣстная администрацiя, и сельскохозяйственныя общества, и отдѣльные „просвѣщенные благотворители", касательно различныхъ улучшенiй и усовершенствованiй въ сельскомъ хозяйствѣ. Отсюда—вопросъ о народномъ просвѣщенiи, фигурирующiй въ числѣ предметовъ, обсуждаемыхъ лиможскимъ обществомъ [2]).

Уже въ первые годы своего существованiя лиможское сельскохозяйственное общество ставитъ на очередь такiе вопросы, какъ вопросъ объ отмѣнѣ дворянскихъ привилегiй, одинъ изъ центральныхъ вопросовъ „исконной конституцiи французской монархiи",—которому предстояло ожидать своего окончательнаго разрѣшенiя вплоть до знаменитой ночи четвертаго августа 1789 г. [3]).

Нѣсколько позднѣе общество возбуждаетъ вопросъ о церковной десятинѣ и рѣшаетъ его въ смыслѣ желательности ея отмѣны или по крайней мѣрѣ—выкупа [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что лиможское сельскохозяйственное общество предвосхищаетъ многiя изъ реформаторскихъ desiderata наказовъ 1789 г.

Лиможское сельско-хозяйственное общество не единственное, которое обнаруживаетъ подобное широкое пониманiе своей задачи [5]).

[1]) См. журналъ засѣданiй 1-го мая 1762 г., 20-го мая 1763 г. и 4-го января 1776 г.—*Leroux,* op. cit., p. CIX.

[2]) См. журналъ засѣданiя 16-го января 1765 г.—*Leroux,* op. cit., p. CX.

[3]) Журналъ засѣданiя 1-го августа 1761 г.—*Leroux,* op. cit., p. CIX.

[4]) Журналъ засѣданiй 16-го января 1762 г., 14-го и 28-го января 1769 г.—*Leroux,* op. cit., p. CIX.

[5]) По словамъ *Н. И. Карѣева,* Крестьяне и крестьянскiй вопросъ во Францiи, стр. 237: „общества сельскаго хозяйства... не воображали, что въ вопросахъ земледѣлiя могутъ играть роль какiя-либо соображенiя помимо техническихъ". Быть можетъ, эта характеристика и справедлива относительно нѣкоторыхъ изъ сельскохозяйственныхъ обществъ — въ чемъ мы однако сомнѣваемся—, но она отнюдь не приложима ко всѣмъ имъ вообще, и въ частности — къ лиможскому обществу.

Въ дополненіе къ сказанному, приведемъ еще нѣсколько краткихъ свѣдѣній относительно дѣятельности нѣкоторыхъ другихъ изъ этихъ обществъ.

Основанное въ 1761 г. сельскохозяйственное общество въ Турѣ имѣло два отдѣла, въ Анжерѣ и ле-Манѣ, съ которыми составляло вмѣстѣ одну корпорацію.

Общество ставило себѣ задачею содѣйствовать „прогрессу сельскаго хозяйства", производить и поощрять опыты и изобрѣтенія въ этомъ направленіи, распространять сельскохозяйственныя знанія, поощрять сельскихъ хозяевъ въ различныхъ улучшеніяхъ хозяйства, содѣйствовать увеличенію его производительности и подъему благосостоянія сельскаго населенія, и т. д.

Первые члены общества были назначены королемъ, а затѣмъ дальнѣйшія вакансіи замѣщались по выбору, за исключеніемъ непремѣннаго секретаря, назначаемаго всегда королемъ. Вскорѣ послѣ своего учрежденія общество исходатайствовало себѣ право избирать себѣ членовъ-корреспондентовъ въ различныхъ частяхъ генеральства; ихъ задача заключалась въ роли агентовъ общества и посредниковъ между нимъ и заинтересованнымъ въ его дѣятельности населеніемъ. Кромѣ того, общество прибѣгало къ содѣйствію сельскихъ священниковъ и субделегатовъ: имъ общество разсылало, напримѣръ, для распространенія изданныя имъ брошюры по сельскому хозяйству и чрезъ нихъ же получало интересующія его свѣдѣнія.

Въ обществѣ интендантъ находитъ себѣ дѣятельнаго помощника въ своихъ начинаніяхъ по части „покровительства" и „поощренія" сельскому хозяйству, и съ своей стороны поддерживаетъ начинанія общества. Такъ, въ 1767 г. интендантъ дю-Клюзель получаетъ отъ генералъ-контролера шестьдесятъ фунтовъ сѣмянъ марены, выписанныхъ изъ Смирны, для раздачи сельскимъ хозяевамъ области. При содѣйствіи членовъ сельскохозяйственнаго общества, новая культура, давшая при первыхъ же опытахъ хорошіе результаты, быстро привилась въ области и сдѣлалась одною изъ самыхъ прибыльныхъ отраслей мѣстнаго хозяйства [1]).

Анжерскій сельскохозяйственный отдѣлъ старается о распространеніи и усовершенствованіи культуры конопли въ своей области. Въ этихъ видахъ онъ издаетъ брошюру съ наставленіемъ о лучшихъ

[1]) *Dumas,* la Généralité de Tours, p. 282—284.

способахъ разведенія этого растенія, о лучшихъ сортахъ сѣмянъ, объ уходѣ за нимъ, о способѣ уборки, обмолота, сушки и т. д. Дѣятельность общества въ этомъ направленіи не осталась безъ результатовъ. Когда, во время войны съ Англіей, этотъ продуктъ потребовался въ огромномъ количествѣ для флота, Неккеръ обратился къ интендантамъ съ запросомъ относительно количества этого растенія, производимаго каждымъ интендантствомъ, и относительно возможности увеличить его производство. Изъ представленнаго въ концѣ 1781 г. преемнику Неккера, генералъ-контролеру Жоли-де-Флери, подробнаго доклада, составленнаго на основаніи донесеній субделегатовъ, оказалось, что турское генеральство производитъ болѣе семи милліоновъ фунтовъ конопли въ годъ; но стоитъ лишь обезпечить сбытъ продукта по хорошей цѣнѣ, и производство можетъ быть значительно увеличено [1]).

Основанное въ томъ же 1762 г., въ Ошѣ (Гасконь), сельскохозяйственное общество заявило себя, по словамъ его новѣйшаго изслѣдователя, „похвальными усиліями, направленными къ поощренію земледѣлія, изысканію наилучшихъ методовъ и разумному примѣненію агрономическихъ знаній“ [2]).

По примѣру другихъ подобныхъ обществъ, ошское общество ассигновало ежегодно извѣстную сумму на выдачу премій, при чемъ одна, самая крупная премія, въ 240 ливровъ, назначалась въ награду за лучшее сочиненіе на объявленную обществомъ тему. Для опубликованія темъ, въ виду малой развитости мѣстной періодической прессы, прибѣгали къ посредничеству приходскихъ священниковъ, которые и объявляли данную тему съ церковной каѳедры. Выборъ темъ свидѣтельствуетъ о широкомъ пониманіи обществомъ своихъ задачъ. На ряду съ темами *О наилучшемъ способѣ приготовленія навоза*, *О наилучшемъ способѣ воздѣлыванія пшеницы*, о скотскихъ болѣзняхъ, ихъ причинахъ и способахъ леченія и предупрежденія, о способахъ посадки деревьевъ на каменистой или крайне сухой почвѣ, и т. п.—мы встрѣчаемъ и темы въ родѣ слѣдующихъ: *Проектъ кредитнаго учрежденія для земледѣльцевъ*, *Указать главныя препятствія къ усовершенствованію земледѣлія въ нашей области и намѣтить способы для ихъ устраненій*; *Де-*

1) *Dumas*, op. cit., p. 290.

2) *Brégal*, Une Société d'agriculture en Gascogne au XVIII-e siécle. Auch, 1898 (*Revue de Gascogne*, 1898, p. 457—472).

шевизна съѣстныхъ припасовъ благопріятна-ли для сельского хозяйства и выгодна ли для простонародья, и т. п. [1]).

Въ числѣ желательныхъ, въ интересахъ сельскаго хозяйства, мѣръ общество высказывается за освобожденіе хлѣбной торговли отъ всякихъ стѣсненій, и въ частности—за свободный вывозъ хлѣба заграницу. Въ этомъ пунктѣ общество встрѣтило себѣ поддержку со стороны мѣстнаго интенданта Фурнье-де-ла-Шапелля, который, склоняясь на доводы общества, обратился въ 1784 г. къ генералъ-контролеру съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вызова хлѣба, какъ единственной мѣры, способной, по мнѣнію интенданта, обезпечить мѣстному населенію возможность выплачивать лежащую на немъ чрезвычайно высокую подать [2]).

Основанное въ томъ же 1762 г. аналогичное общество въ Буржѣ занимается вопросами о сохраненіи лѣсовъ отъ истребленія, о свободѣ хлѣбной торговли, о необходимости увеличить продолжительность законныхъ сроковъ аренды земельной собственности, объ улучшеніи мѣстнаго овцеводства, о способахъ увеличенія народонаселенія, о необходимости сокращенія числа праздниковъ, и т. д. На первыхъ же порахъ своего существованія общество заявило себя попытками расширить въ области разведеніе голландскаго клевера и ввести шелководство; съ этою послѣднею цѣлью имъ было выписано съ юга значительное количество тутовыхъ деревьевъ и отпечатано для распространенія среди мѣстнаго сельскаго населенія соотвѣтствующее наставленіе. Попытки эти не остались безъ результата [3]).

XII.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что *вліяніе „благотворительной философіи“ на просвѣщеннаго человѣка не ограничивалось лишь областью мысли и слова; оно является въ большей или меньшей степени также и внутреннею движущею силою его дѣятельности.* Чувствительность, гуманность, народолюбіе сказываются не въ рѣчахъ только, но и въ дѣйствіяхъ, не въ однихъ словахъ, но также и въ дѣлахъ. А разъ намъ теперь извѣстно, что администрація „просвѣщеннаго вѣка“ имѣла своими представителями также „людей просвѣщенныхъ“, то уже a priori можно заключить, что подобнымъ же образомъ

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) *Girardot,* Essai sur les Assemblées provinciales, et en particulier sur celle du Berry, Bourges, 1845, p. 386—389.

долженъ былъ сказаться и на ней успѣвшій въ нее проникнуть *духъ просвѣщенной благотворительности.* Дѣйствительно, *тотъ соціально-утилитарный идеализмъ, который является душою практической дѣятельности, въ особенности общественной дѣятельности, просвѣщеннаго человѣка, налагаетъ глубокій отпечатокъ и на дѣятельность „просвѣщеннаго администратора". Конечною цѣлью этой дѣятельности является воплощеніе идеала просвѣщенной благотворительности въ духѣ гуманности и народолюбія.*

Наиболѣя яркимъ выразителемъ этого *административнаго идеализма* является, безспорно, Тюрго—какъ въ качествѣ лиможскаго интенданта, такъ и въ качествѣ министра. „Администрація—по вѣрному замѣчанію историка Тюрго, какъ интенданта, была въ его глазахъ миссіей, верховная цѣль которой—облегченіе участи всѣхъ страждущихъ" [1]). Филантропическія вѣянія времени нашли себѣ благодарную почву въ природныхъ задаткахъ этой богато одаренной, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, натуры, и дали роскошный плодъ. *Благотворительная философія* вѣка нашла себѣ какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ личномъ характерѣ Тюрго, отмѣченномъ печатью „энтузіазма",—того энтузіазма, отсутствіе котораго въ его пріятелѣ, аббатѣ Галіани, искренно огорчаетъ Тюрго. „Мнѣ не нравится—пишетъ онъ о Галіани къ аббату Морелле въ 1771 г.—это всегдашнее благоразуміе и непріязнь ко всякому энтузіазму... Не нравится мнѣ это его постоянное согласіе со всѣми этими *ne quid nimis* и со всѣми этими господами, наслаждающимися настоящимъ и желающими только, чтобы все шло по старому, потому что такъ они чувствуютъ себя превосходно; это—тѣ люди, которые, какъ говаривалъ де-Гурнэ, имѣя хорошо постланную постель, не желаютъ, чтобы ее переворачивали... О, всѣ эти господа должны недолюбливать энтузіазмъ..." [2]).

Если были среди интендантовъ „господа" въ духѣ Галіани, то съ другой стороны—въ ихъ числѣ находимъ и такихъ, которымъ не была чужда искра того энтузіазма, о которомъ говоритъ Тюрго. Таковъ, напримѣръ, одинъ изъ его младшихъ собратьевъ, послѣдній канскій интендантъ Кордье-де-Лонэ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ молодого „магистрата" (ему было тогда всего лишь 27 лѣтъ) къ своему секретарю (слѣдовательно—лицу, передъ которымъ ему нечего было рисоваться) читаемъ, между прочимъ, слѣ-

[1]) *D'Hugues,* op. cit., p. 31.
[2]) *D'Hugues,* op. cit., p. 41.

дующія строки: „Во всякомъ актѣ политической дѣятельности надо вдохновляться двумя чувствами, которыя, хотя и кажутся взаимно противорѣчащими, тѣмъ не менѣе, не непримиримы: слѣдуетъ соединять *любовь къ общественному благу*, которая необходимо присуща добродѣтельному человѣку,—съ *равнодушіемъ ко злу*. Примѣняя первое ко всему, что можетъ вести къ добру, послѣднее—ко всему, что направлено въ противоположную сторону, можно побѣдить всякое препятствіе и рано ли поздно ли доставить торжество истинѣ“ [1]).

Въ Тюрго, какъ и вообще во всякомъ общественномъ дѣятелѣ той или другой эпохи, необходимо прежде всего различать то, что составляетъ его личное достояніе, какъ даръ природы, отъ того чѣмъ обязанъ онъ своему воспитанію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—въ смыслѣ совокупности всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ вліяній окружающей среды. Говоря коротко, слѣдуетъ различать въ каждой данной личности то, что принадлежитъ собственно ей индивидуально, отъ того, чѣмъ она обязана эпохѣ на ряду съ прочими своими сверстниками. По своимъ природнымъ задаткамъ, по своей необыкновенно высокой одаренности въ умственномъ и въ нравственномъ смыслѣ, Тюрго представляетъ собою явленіе, безспорно, выдающееся, пожалуй даже исключительное; *но то направленіе и то выраженіе, какое получила эта выдающаяся даровитость,—это принадлежитъ уже эпохѣ*. Родись Тюрго въ средніе вѣка, это былъ бы великій подвижникъ, святой, основатель какого-нибудь монашескаго ордена; но онъ родился въ „просвѣщенный вѣкъ“, въ „вѣкъ философіи“, и это уже не святой: это—*философъ*; это не подвижникъ, аскетъ: это—*просвѣщенный человѣкъ*; это не основатель монашескаго ордена: это—*просвѣщенный администраторъ*. Въ этомъ отношеніи Тюрго лишь яркое выраженіе своей эпохи, яркое именно въ силу своей выдающейся даровитости. *Въ качествѣ выразителя эпохи, Тюрго—выдающееся явленіе, но не исключительное*. Менѣе блестящими, но за то, пожалуй, болѣе типичными—именно въ силу своей меньшей яркости—выразителями эпохи, съ ея „благотворительной философіей“ и „просвѣщенной благотворительностью“, являются, въ различной конечно степени и съ различными оттѣнками, и многіе другіе, быть можетъ—большинство

[1]) *Archives départementales du Calvados*, C 4156 (цит. по *F. Mourlot*, l'Intendant Cordier de Launay, ms., f. 3).

его собратьевъ по администраціи [1]). „Духъ времени", этотъ духъ „просвѣщенной благотворительности", настолько силенъ, что онъ заражаетъ собой даже такихъ людей, какъ Сенакъ-де-Мейльянъ, какъ Монтіонъ, которые ни по своему личному темпераменту, ни по своему моральному складу не представляли особенно благопріятныхъ для этого данныхъ.

Сенакъ-де-Мейльянъ, этотъ блестящій *bel esprit* парижскихъ салоновъ и салонный побѣдитель дамскихъ сердецъ, смотрящій на жизнь со слегка скептическимъ легкомысліемъ свѣтскаго *blasé*, а на свою дѣятельность—съ горделивымъ пренебреженіемъ не разгаданнаго и не оцѣненнаго генія,—эгоистъ по природѣ и карьеристъ по призванію,—Сенакъ-де-Мейльянъ, тѣмъ не менѣе, отдаетъ дань филантропическому настроенію своего времени и на ряду съ „литературой" и „удовольствіями", или пожалуй вѣрнѣе—*послѣ* того и другого, вспоминаетъ время отъ времени и о „добрѣ, которое онъ можетъ сдѣлать людямъ" [2])... Мы не знаемъ ничего о частной благотворительности Сенакъ-де-Мейльяна, но не можемъ не признать, что дѣятельность его, какъ администратора, отмѣчена духомъ „просвѣщенной благотворительности".

Еще болѣе яркій примѣръ глубокаго вліянія этого „духа времени" на людей представляетъ собою Монтіонъ, имя котораго хорошо извѣстно, какъ имя одного изъ выдающихся филантроповъ и благотворителей эпохи; и дѣйствительно, какъ частная жизнь Монтіона, такъ и его административная дѣятельность отмѣчены печатью „просвѣщенной благотворительности" въ духѣ своего времени. А между тѣмъ, это былъ въ сущности человѣкъ съ черствымъ сердцемъ и изрядный скупецъ. Достаточно сказать, что этотъ богачъ, оставившій послѣ себя состояніе въ нѣсколько милліоновъ, не стѣснялся просить у правительства пособія, „въ виду умѣренности получаемаго имъ жалованья и скромности своего состоянія" („médiocrité de sa fortune"). Это—по части жадности. О томъ же качествѣ, съ прибавкой изрядной доли черствости, даетъ понятіе уцѣлѣвшая какими-то судьбами и въ настоящую пору хранящаяся въ департаментскомъ архивѣ Сены-и-Марны (въ г. Меленѣ) переписка знаме-

[1]) Оговорка „быть можетъ" можетъ быть устранена лишь съ дальнѣйшей детальной разработкой предмета, оставляющаго еще широкое поле для изслѣдованій.

[2]) См. выше, стр. 211, примѣч. 3.

шитаго филантропа съ управляющимъ одного изъ его многочисленныхъ имѣній [1]). Послѣдній въ одномъ изъ своихъ писемъ, например, пишетъ: „Г. Дюмонъ мнѣ сообщаетъ, что Monseigneur (т. е. Монтіонъ) предписалъ ему взыскать опять судебнымъ порядкомъ со вдовы Лантенуа недоимку за аренду виноградника. Monseigneur далъ ей отсрочку до минувшаго 15-го ноября. Она проситъ монсеньера, не будетъ ли ему благоугодно дать ей еще небольшую отсрочку, которая бы дала ей возможность продать свое вино". Резолюція монсеньера: „Слѣдовало вести объ этомъ рѣчь раньше, до моего распоряженія; распоряженіе остается въ силѣ". Другой разъ управляющій ходатайствуетъ за нѣкоего Жана Руссо, чтобы „дать ему время" собраться съ силами для уплаты долга монсеньеру. Резолюція послѣдняго: „Некогда, поздно. Если въ теченіе двухъ недѣль, отъ сего дня, не уплатитъ, вручить его обязательство г. Дюмону для взысканія судебнымъ порядкомъ" [2]).

„Духъ времени" оказывается, такимъ образомъ, сильнѣе личнаго темперамента. Зачастую онъ сильнѣе фамильныхъ и сословныхъ традицій, сильнѣе подъ часъ даже „духа" того учрежденія, носителями котораго являются интенданты. „*Благотворительная философія*" *вдохнула новый духъ въ самое учрежденіе: она, можно сказать, переродила его.*

„Просвѣщеніе—по замѣчанію одного современника—проникло въ идеи; идеи проникли, въ свою очередь, въ нравы. Нравы смягчились подъ вліяніемъ просвѣщенія" [3]). Нравы шли въ данномъ случаѣ впереди учрежденій и являлись какъ бы коррективомъ послѣднихъ. „Все, что не было въ ту пору—говоритъ другой современникъ—смягчено законодательствомъ, фактически подверглось смягченію подъ вліяніемъ нравовъ и навыковъ". „Смягченіе" это испытала на себѣ и администрація—сверху до низу. Наблюдательный и умный англичанинъ Артуръ Юнгъ, отъ проницательности кото-

[1]) Многочисленныя выдержки изъ этой интересной переписки опубликованы однимъ изъ новѣйшихъ біографовъ Монтіона: *Fernand Labour,* M. de Montyon, d'après des documents inédits, Paris, 1880, p. 54 et suiv., откуда и заимствуемъ приводимыя здѣсь выдержки.

[2]) *Labour,* M. de Montyon, p. 61—64.

[3]) „Les lumières ont pénétré elles-mêmes dans les moeurs; on s'est adouci en s'éclairant". — *Guyot,* Traité des droits, etc., t. III, p. 149—150.

раго не укрылся ни одинъ изъ изъяновъ тогдашней французской общественности, записываетъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ слѣдующее характерное замѣчаніе: „И все-таки здѣшнее правительство (французское)—самое гуманное, послѣ нашего (англійскаго) во всей Европѣ“ [1]).

Что касается собственно провинціальной администраціи, то она не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ правительства, но зачастую шла впереди послѣдняго. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что интенданты стояли гораздо ближе къ *живымъ людямъ*, къ тому *народу*, который былъ „порученъ ихъ заботамъ“, и для провинціальныхъ администраторовъ гораздо чаще представлялись и поводы и побужденія для проявленія навѣяннаго „духомъ благотворительной философіи“ человѣколюбиваго и народолюбиваго настроенія. Эти *люди*, этотъ *народъ*, которые министрамъ и ихъ ближайшимъ помощникамъ видѣлись лишь сквозь рядъ канцелярскихъ бумагъ,—для интенданта это были живые люди, живой народъ, которыхъ онъ повседневно видѣлъ воочію—то въ видѣ просителей въ своемъ пріемномъ кабинетѣ, то на полевыхъ или дорожныхъ работахъ, то въ деревнѣ—въ видѣ „плательщиковъ тальи“, ожидающихъ властнаго слова монсеньера, прибывшаго на мѣсто „для раскладки податей“ совмѣстно съ своими субделегатами и чиновниками выборныхъ коллегій [2]),—то въ видѣ обитателей госпиталей и тюремъ,—то въ видѣ тянущихся вереницами по большимъ дорогамъ нищихъ и бродягъ и прочихъ представителей „страждущаго человѣчества“. *Страждущее человѣчество, l'humanité souffrante*, это—въ большинствѣ случаевъ лишь красивая модная фраза въ устахъ или подъ перомъ министра; въ устахъ интенданта или подъ его перомъ, подъ перомъ его секретаря или субделегата, это—реальная, живая дѣйствительность, на каждомъ шагу бросающаяся въ глаза и уже своимъ видомъ взывающая о помощи и „облегченіи“ своей участи [3]).

1) *Young*, Voyages, t. I, p. 71: „Et ce gouvernement est encore, après le notre, le plus doux de l'Europe“.

2) См. выше, томъ I, стр. 638—639.

3) „Soulagement de l'humanité souffrante“—одно изъ стереотипныхъ выраженій „просвѣщенной“ фразеологіи—официціальной и неофиціальной. „Облегченіе участи страждущихъ—говоритъ интендантъ Тюрго въ своей инструкціи касательно *bureaux de charité*—есть долгъ всѣхъ и дѣло всѣхъ“.—*Turgot*, Oeuvres, t. I, p. 5 (*Instruction sur les moyens les plus convenables de*

XIII.

Въ „своей провинціи“ интендантъ находитъ широкое поле для проявленія своей *просвѣщенной благотворительности.* Это, прежде всего, конечно тѣ же категоріи „страждущаго человѣчества“, которыя привлекаютъ къ себѣ участливое и дѣятельное вниманіе со стороны „просвѣщенныхъ благотворителей“ вообще и возбуждаютъ къ себѣ состраданіе „чувствительныхъ душъ“.

Это—прежде всего „бѣдные, эта заслуживающая особаго интереса часть человѣчества“.

Нищенство было однимъ изъ исконныхъ „бичей“ Франціи. „Во Франціи—съ наивной меланхоліей пишетъ одинъ „просвѣщенный“ современникъ занимающей насъ эпохи—нищенство почти столь же древне, какъ и монархія“ [1]). „Почти столь же древня“ была и борьба съ этимъ зломъ. Но „духъ благотворительной философіи“ просвѣщеннаго вѣка внесъ въ эту борьбу новую струю. Традиціонная борьба съ нищенствомъ сводилась къ милостынѣ—индивидуальной или коллективной со стороны общества и къ ряду полицейскихъ мѣръ болѣе или менѣе суровыхъ со стороны государства. Суровость послѣднихъ однако постепенно смягчается по мѣрѣ приближенія къ вѣку просвѣщенія. Въ началѣ семнадцатаго вѣка генеральные штаты, въ качествѣ мѣры борьбы съ нищенствомъ, рекомендуютъ вѣшать нищихъ [2]); Кольберъ предписываетъ интендантамъ ловить ихъ и безъ дальнѣйшихъ формальностей отправлять на галеры [3]); при Людовикѣ XV нищихъ сажаютъ въ тюрьмы и смирительные дома [4]); въ концѣ этого царствованія и при Людовикѣ XVI въ борьбу съ нищенствомъ, какъ замѣчено выше, вносится, подъ вліяніемъ „просвѣщенной благотворительности“, новая струя: *центръ тяжести этой борьбы мало по малу переносится съ чисто полицейской почвы на почву филантропическую. Борьба съ нищенствомъ получаетъ*

soulager les pauvres et sur le projet d'établir dans chaque paroisse des brueaux de charité, 1770).

[1]) См. выше, стр. 424, примѣч. 4.

[2]) Cahier du Tiers Etat, 1614, art. 332 (цит. по *d'Hugues*, Essai sur l'administration de Turgot, p. 238).

[3]) *Clément,* Histoire de Colbert, p. 246 (ibidem).

[4]) *Felix Mourlot,* la Question de la mendicité en Normandie à la fin de l'Ancien régime, p. 3 (Extrait du *Bulletin historique et philologique,* 1902).

характеръ организованной общественной и государственной помощи неимущимъ, при чемъ интенданты играютъ самую дѣятельную, иногда даже руководящую роль въ этомъ дѣлѣ.

Смирительные дома (dépôts de mendicité) продолжаютъ функціонировать, равно какъ продолжаютъ оставаться въ силѣ предписанія о задержаніи въ нихъ нищихъ; но суровость этихъ полицейскихъ мѣръ значительно смягчается на практикѣ. Такъ, въ концѣ царствованія Людовика XV генералъ-контролеръ рекомендуетъ овернскому интенданту наблюдать за тѣмъ, чтобы, въ случаѣ задержанія нищихъ, имъ давали немедленно чистую одежду, а ихъ собственную отдавали бы въ чистку. Онъ рекомендуетъ интенданту улучшить пищу арестованныхъ нищихъ, воспользовавшись изобрѣтеніемъ Папэна, „при помощи котораго размягчаются самая жесткая говядина и самыя твердыя кости". До министра дошли жалобы на недоброкачественность хлѣба, которымъ кормятъ арестованныхъ; онъ требуетъ, чтобы ему выслали образецъ этого хлѣба [1]).

Въ началѣ царствованія Людовика XVI шалонскій интендантъ получаетъ отъ министра инструкцію, въ которой рекомендуется примѣнять существующее законодательное предписаніе о задержаніи нищихъ „съ большою осмотрительностью" и совершенно оставлять въ покоѣ тѣхъ изъ нищихъ, которые имѣютъ постоянное мѣсто жительства [2]).

Въ 1772 г. аббатъ Террэ предписываетъ Тюрго задерживать нищихъ подъ арестомъ впредь до осуществленія предположеннаго правительствомъ проекта, заключающагося въ томъ, чтобы „сдѣлать нищихъ полезными для общества". Препровождая это распоряженіе своимъ субделегатамъ, интендантъ сопровождаетъ его такимъ „разъясненіемъ": „Въ ожиданіи осуществленія этого проекта можно, безъ особенныхъ неудобствъ, продолжать поступать, какъ прежде. *Было бы странно задерживать въ заключеніи людей, вовсе того не заслуживающихъ, до полученія инструкцій, которыя могутъ замедлить по тысячѣ причинъ*" [3]).

Полицейскія мѣры борьбы съ нищенствомъ все менѣе и менѣе пользуются сочувствіемъ со стороны самихъ представителей адми-

—

1) *Chotard*, la Mendicité en Auvergne au XVIII-e siècle (*Revue d'Auvergne*, janvier-août 1898, p. 16—17).

2) *Archives départementales de la Marne*, C 2000.

3) *Leroux*, op. cit., p. CXL.

нистраціи, и нѣкоторые изъ интендантовъ (какъ турскій дю-Клюзель) даже ходатайствуютъ передъ правительствомъ о совершенномъ упраздненіи смирительныхъ домовъ, находя ихъ настоящими „школами преступности“. Свои усилія въ борьбѣ съ нищенствомъ они направляютъ главнымъ образомъ въ сторону „просвѣщенной благотворительности“. Если не совершенно уничтожить, то интендантамъ удается мало по малу значительно сократить не только число обитателей смирительныхъ домовъ, но и число этихъ послѣднихъ. Такъ, изъ учрежденныхъ въ 1768 г. въ турскомъ интендантствѣ четырехъ смирительныхъ домовъ, въ 1775 г. остается всего лишь одинъ въ главномъ городѣ области, а число его обитателей понижается до 50 60 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ 1768 г. каждый изъ четырехъ домовъ насчитывалъ болѣе сотни заключенныхъ [1]). Смирительные дома мало по малу утратили свое первоначальное значеніе мѣстъ заключенія для всякихъ нищихъ безразлично: для работоспособныхъ дома эти превратились въ простые этапы, мѣста временной остановки до прiисканія работы или высылки на родину; постоянными же обитателями домовъ остались лишь неспособные къ работѣ; для нихъ эти дома превратились въ пріюты [2]). Подобную же метаморфозу потерпѣлъ около того же времени смирительный домъ въ Лиможѣ, благодаря почину Тюрго, превратившаго его въ работный домъ, гдѣ задержанныхъ нищихъ обучали различнымъ ремесламъ, послѣ чего выпускали на волю [3]).

XIV.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ смягченіемъ полицейскихъ мѣръ, послѣднія все болѣе и болѣе отступаютъ на второй планъ передъ мѣрами филантропическаго характера. Послѣднія сводятся, съ одной стороны—къ организаціи безплатной матеріальной помощи нуждающимся, съ другой—къ доставленію заработка трудоспособнымъ бѣднымъ.

На ряду съ индивидуальной милостыней, во Франціи была организована въ XVII в., такъ сказать, общественная милостыня, въ ви-

[1]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 307 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 330).
[2]) Ibidem, C 302 (ibidem, p. 331).
[3]) *Leroux*, op. cit., p. 140.

дѣ *Bureaux d'aumônes*, или *Bureaux de charité* [1]). Это были добровольныя ассоціаціи, организовавшіяся главнымъ образомъ въ городахъ, въ видахъ оказанія безплатной помощи бѣднымъ обывателямъ деньгами, пищей и одеждой. Эти благотворительныя ассоціаціи, состоявшія изъ благотворителей всѣхъ сословій, находились подъ патронажемъ духовенства, и предсѣдательство въ каждомъ изъ такихъ *bureaux* -будемъ ихъ называть *благотворительными комитетами*—принадлежало мѣстному епископу. а въ не-епископскихъ городахъ—старшему представителю мѣстнаго духовенства. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ благотворительные комитеты приходятъ въ упадокъ и проявляютъ очень вялую дѣятельность. Вѣянія „благотворительной философіи" вдохнули новую жизнь въ это учрежденіе, придавъ ему болѣе свѣтскій характеръ, при чемъ руководящая роль въ этихъ *bureaux* переходитъ въ руки интенданта, хотя за епископомъ и остается по-прежнему почетное званіе предсѣдателя [2]). Даже засѣданія комитета въ резиденціи интенданта созываются обыкновенно послѣднимъ—и въ помѣщеніи интендантства [3]). *Въ лицѣ интендантовъ второй половины восемнадцатаго вѣка, прежняя христіанско-церковная благотворительность уступаетъ мѣсто новой благотворительности, которую можно назвать филантропическо-административной:* духовный сановникъ ретируется передъ „просвѣщеннымъ администраторомъ".

Bureaux d'aumônes являются историческими предшественниками современныхъ *bureaux de bienfaisance*. Ихъ дѣятельность заключалась въ сборѣ пожертвованій, въ помощи наиболѣе нуждающимся семьямъ и отдѣльнымъ лицамъ—пищей, одеждой и деньгами. Реорганизованные [4]) въ голодный 1770 годъ постановленіемъ королевскаго совѣта отъ 18-го декабря 1770 г., учрежденія эти оказались въ рукахъ многихъ интендантовъ очень полезнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ нищенствомъ. Въ числѣ первыхъ изъ провинціальныхъ администраторовъ, взяв-

[1]) Упоминаются, между прочимъ, въ административной перепискѣ генералъ-контролеровъ при Людовикѣ XIV, изданной академикомъ Буалилемъ, т. I, стр. 517—518 и др.

[2]) *Babeau*, la Ville, t. II, p. 190—191; *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. CXLII.

[3]) Такъ, напримѣръ, поступаетъ Тюрго въ 1770 г. — *Leroux*, op. cit., p. CXLII.

[4]) А не *созданные (créés)*, какъ полагаетъ *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 367.

шихся серьезно за это дѣло, были турскій интендантъ дю-Клюзель [1]) и лиможскій—Тюрго. Послѣдній задается обширнымъ планомъ—организовать благотворительные комитеты не только въ городахъ, но и во всѣхъ сельскихъ приходахъ области [2]).

Въ 1777 г. Неккеръ рекомендуетъ интендантамъ организовать въ городахъ и сельскихъ приходахъ ихъ областей такіе комитеты, привлекая къ дѣлу призрѣнія бѣдныхъ наиболѣе зажиточныхъ изъ мѣстныхъ обывателей. „Задачею этихъ комитетовъ - пишетъ Неккеръ —будетъ доставленіе подаяній и вспомоществованій и распредѣленіе ихъ съ пользою; они будутъ намѣчать работы, доставлять матеріалы и инструменты тѣмъ, кто можетъ работать, доставлять лекарства, уходъ и удобства бѣднымъ больнымъ, а также выдавать заимообразно ссуды такимъ лицамъ, которыя будутъ испытывать лишь временную нужду“ [3]).

Въ томъ же году, въ отвѣтъ на вопросъ своего шалонскаго собрата, относительно принимаемыхъ въ парижскомъ генеральствѣ мѣръ къ искорененію нищенства, парижскій интендантъ Бертье, между прочимъ, пишетъ: „Въ настоящее время я устраиваю благотворительные комитеты во всѣхъ приходахъ; при помощи этого средства всѣ бѣдные въ скоромъ времени, надѣюсь, будутъ вполнѣ обезпечены помощью“ [4]). По словамъ того же интенданта, въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ тому же шалонскому интенданту Руйлье-д'Орфейлю, его предложеніе касательно учрежденія благотворительныхъ комитетовъ было принято всюду съ полнымъ сочувствіемъ и получило „немедленное осуществленіе“ [5]).

1) *Dumas*, op. cit., p. 367.

2) *Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 4—20 (Instruction sur les moyens les plus convenables de soulager les pauvres, et sur le projet d'établir dans chaque paroisse des bureaux de charité).—Сравн. ibidem, p. 21, 28, 46, 48, 54, 57.

3) *Chotard*, la Mendicité en Auvergne au XVIII-e siècle (*Revue d'Auvergne*, janvier-août 1898, p. 20—21).—Сравн. *Lallemand*, Quinze années de réformes hospitalières, p. 18.

4) *Archives départementales de la Marne*, C 2005. *Pièces justificatives*, Nr. 195.

5) Ibidem.—*Pièces justificatives*, Nr 196.—Не всюду однако дѣло налаживалось такъ гладко. Такъ, въ турскомъ интендантствѣ, жители города ле-Мана отнеслись на первыхъ порахъ очень несочувственно къ попыткѣ интенданта завести у нихъ благотворительный комитетъ, въ которомъ подозрительные обыватели готовы были видѣть замаскированную попытку обложить ихъ новою податью (*Dumas*, op. cit., p. 367).—Не безъ труда уда-

Въ своемъ отвѣтѣ на одно изъ писемъ Бертье, Руйлье-д'Орфейль, между прочимъ, пишетъ: „Вотъ уже лѣтъ десять, что я усиленно работаю надъ этимъ важнымъ дѣломъ искорененія нищенства. Я прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, отъ которыхъ можно было надѣяться истребленія бича, столь же позорнаго для человѣчества, сколько противнаго общественному порядку и личной безопасности гражданъ, не говоря уже о томъ вредѣ, который имъ наносится земледѣлію и торговлѣ". „Въ послѣдній мой объѣздъ Шампани—продолжаетъ интендантъ—я всячески старался побудить какъ городскія управленія, такъ и приходскихъ священниковъ, заняться съ усердіемъ устройствомъ благотворительныхъ комитетовъ... Я обращался также письменно по этому поводу какъ къ директорамъ госпиталей, такъ и къ муниципальнымъ чинамъ главныхъ городовъ... Я имѣю также въ виду заняться организаціей такихъ комитетовъ въ сельскихъ приходахъ" [1]).

Въ своемъ циркулярѣ къ субделегатамъ Руйлье-д'Орфейль рекомендуетъ имъ „стараться учреждать благотворительные комитеты, которые въ деревняхъ будутъ состоять изъ мѣстнаго сеньера или его управляющаго, приходскаго священника и наиболѣе зажиточныхъ изъ обывателей; въ городахъ—изъ главнѣйшихъ магистратовъ, приходскихъ священниковъ и другихъ почтенныхъ лицъ... По отношенію къ тѣмъ изъ комитетовъ, которые заявятъ себя дѣятельной помощью бѣднымъ, въ случаѣ недостаточности ихъ средствъ, я съ удовольствіемъ окажу имъ поддержку какъ своею властью, такъ и тѣми суммами, которыя благоизволилъ мнѣ ввѣрить король... Я буду раздавать щедрою рукою лекарства, рисъ, матеріалы и инструменты для работы, и даже деньги, если это окажется необходимымъ". „Прошу васъ поэтому—заканчиваетъ интендантъ свой циркуляръ—приложить всѣ усилія къ тому, чтобы вызвать къ жизни эти учрежденія, писать объ этомъ къ приходскимъ священникамъ, чтобы возбудить ихъ усердіе,—вліять, насколько это въ вашихъ силахъ,

---

лось алансонскому интенданту Жюлльену преодолѣть „косность обывателей" Алансона, долгое время не поддававшихся на побужденія со стороны интенданта къ основанію въ Алансонѣ благотворительнаго комитета, и только новая острая голодовка 1789 г. помогла наконецъ интенданту побѣдить эту „косность" (*Duval*. Ephémérides de la Moyenne Normandie, Alençon, 1890, p. 86).

[1]) *Archives departementales de la Marne*, C 2005. — *Pièces justificatives*, Nr. 197.

на сеньеровъ въ видахъ усиленія ихъ благотворительности, обращаться къ содѣйствію наиболѣе толковыхъ изъ сельскихъ старостъ и къ наиболѣе вліятельнымъ изъ мѣстныхъ обывателей, которые бы могли быть сколько-нибудь полезными для этого добраго дѣла“ [1]).

На подобныхъ же филантропическихъ началахъ организуютъ въ своихъ областяхъ борьбу съ нищенствомъ и другіе интенданты, старающіеся привлечь къ дѣлу мѣстныя общественныя силы. Такъ, около того же времени, въ 1778 г., амьенскій интендантъ графъ д'Агэ созвалъ съ этой цѣлью совѣщаніе изъ мѣстныхъ „именитыхъ гражданъ“, съ мѣстнымъ епископомъ во главѣ. Опредѣливши милостыню, какъ „дополненіе къ слишкомъ малому заработку“ и какъ „довольствіе неспособныхъ къ труду“, совѣщаніе постановило поручить приходскимъ священникамъ произвести перепись неимущихъ лицъ въ каждомъ изъ приходовъ и опредѣлить степень необезпеченности каждаго изъ послѣднихъ; соотвѣтственно съ этимъ, пособія будутъ раздаваться каждую недѣлю изъ средствъ, которыя будутъ собираться путемъ ежемѣсячныхъ благотворительныхъ сборовъ [2]). Такъ возникло учрежденіе, которое, подъ названіемъ *Bureau pour la destruction de la mendicité*, функціонировало въ восьмидесятыхъ годахъ въ Амьенѣ, вполнѣ оправдавъ возлагавшіяся на него надежды. По крайней мѣрѣ, лѣтъ пять спустя, въ одномъ своемъ письмѣ къ генералъ-контролеру, по поводу дѣятельности названнаго комитета, графъ д'Агэ пишетъ: „Заботы епископа (амьенскаго) и мои собственныя увѣнчались успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія...“ [3]).

XV.

Но особенно яркое выраженіе духъ „просвѣщенной благотворительности, направленной, съ одной стороны—къ „облегченію страждущую человѣчества“, съ другой—къ „общественному благу“, ска-

—

1) Ibidem, C 205.—*Pièces justificatives,* Nr. 35.—См также *Archives nationales,* H 1419, Lettre de Rouillé d'Orfeuil au marquis de Vergennes, 19 juillet 1784.—*Pièces justificatives,* Nr 213.

2) *Boyer de Sainte-Suzanne,* les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 378—380.

3) Но нищенство возродилось снова въ 1784 г., вслѣдствіе бѣдствій, причиненныхъ населенію продолжительной и суровой зимой.—*Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 202.

зался въ получившей широкое развитіе, начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, организаціи различнаго рода *благотворительныхъ работъ*, какъ средства доставленія вспомоществованія нуждающимся.

Починъ въ дѣлѣ организаціи благотворительныхъ работъ, такъ называемыхъ *travaux de charité*, или *ateliers de charité* [1]), приписывается обыкновенно интенданту Тюрго, но это невѣрно [2]). Уже въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка мы встрѣчаемъ первые опыты благотворительныхъ работъ. Кому изъ интендантовъ принадлежитъ въ данномъ случаѣ честь почина, неизвѣстно. Наиболѣе ранніе опыты въ этомъ смыслѣ относятся, насколько намъ извѣстно, къ тридцатымъ годамъ [3]).

Въ 1751 г. генералъ-контролеръ Машо, извѣщая турскаго интенданта объ ассигнованіи въ его распоряженіе 50,000 ливровъ на вспомоществованіе бѣднымъ плательщикамъ тальи, рекомендуетъ расходовать эти деньги по преимуществу на устройство различныхъ общеполезныхъ работъ [4]). Въ шестидесятыхъ годахъ къ этому средству „облегченія народа" прибѣгаетъ въ лиможскомъ интендантствѣ Тюрго, и если вѣрить современному автору статьи объ ateliers de charité въ *Encyclopédie méthodique*, то именно успѣху опыта Тюрго благотворительныя работы обязаны были тѣмъ, что изъ единичныхъ попытокъ отдѣльныхъ провинціальныхъ администраторовъ, онѣ превратились въ постоянную организацію общегосударственнаго харак-

[1]) Послѣдній изъ этихъ терминовъ, совершенно равносильный первому въ словоупотребленіи эпохи, обыкновенно переводится выраженіемъ *благотворительныя мастерскія* (напр., въ новѣйшемъ русскомъ переводѣ *Токвиля*, Старый порядокъ и революція, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова); но это неправильно, такъ какъ *ateliers de charité* состояли главнымъ образомъ въ дорожныхъ работахъ, и подъ *atelier* въ единственномъ числѣ разумѣлись обыкновенно работы, пріуроченныя къ одному какому-нибудь мѣсту.

[2]) Отвѣтственность за эту неточность падаетъ, вѣроятно, на автора статьи объ Ateliers de charité въ *Encyclopédie méthodique, Economie politique*, t. I, p. 703, который категорически утверждаетъ, что „c'est lui (Turgot) qui a proposé le premier au ministre ces ateliers de charité, noble et utile moyen de soulager, dans les années de disette, le peuple".

[3]) Въ Оверни (*Ballainvilliers*, Etat de la province d'Auvergne en 1765, p. 84), въ Турени (*Archives departementales d'Indre-et-Loire*, C 322, цит. по *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 345).

[4]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 322 (цит. по *Dumas*, op. cit., p 345).

тера [1]). Свидѣтельство это однако стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ письмомъ генералъ-контролера къ турскому интенданту дю-Клюзелю отъ 11-го мая 1771 г. касательно благотворительныхъ работъ, оканчивающееся такою фразой: „*Данный вами прошлый годъ примѣръ, которымъ я воспользовался для распространенія подобнаго рода работъ на прочія провинціи королевства*, гдѣ онѣ даютъ прекрасные результаты, есть вѣрное ручательство въ томъ, что вы сообразуетесь съ данными мною вамъ предписаніями“ [2]). Изъ этихъ словъ видно во всякомъ случаѣ, что правительство въ данномъ отношеніи шло лишь по пути, намѣченному нѣкоторыми изъ интендантовъ [3]).

Какъ бы то ни было, начиная съ семидесятыхъ годовъ, благотворительныя работы, практиковавшіяся до тѣхъ поръ отдѣльными интендантами какъ экстренная мѣра, въ голодные годы, получаютъ характеръ постоянной благотворительной организаціи, какъ одного изъ главныхъ средствъ борьбы съ нищенствомъ. Въ распоряженіе каждаго изъ интендантовъ ежегодно ассигновалась опредѣленная сумма, подъ названіемъ *благотворительнаго фонда*, или *фонда благотворительныхъ работъ* (*fonds de charité, fonds de travaux de charité*), которая предназначалась на устройство „полезныхъ работъ“ преимущественно въ „мертвые сезоны“ (свободные отъ сельскохозяйственныхъ работъ) [4]). Отъ предпріимчивости и умѣнья отдѣль-

[1]) *Encyclopédie méthodique, Economie politique*, t. I, p. 703: „Le grand et utile secours que le peuple de la généralité de Limoges avait trouvé dans les ateliers de charité (en 1766—1769) fit adopter au gouvernement cette institution qui fut étendue sur les autres provinces du royaume en 1770... Depuis ce temps il y a toujours eu un fonds annuel destiné à ce genre de travail“.

[2]) *Archives departementales d'Inde-et-Loire*, C 322 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 346).—О благотворительныхъ работахъ въ томъ же году въ лиможскомъ интендантствѣ, см. *Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 13—16.

[3]) Въ офиціальной перепискѣ дю-Клюзеля впервые о благотворительныхъ работахъ рѣчь идетъ въ письмѣ его къ городскому управленію Лаваля отъ 14-го февраля 1770 г., въ которомъ интендантъ сообщаетъ о своемъ согласіи на выдачу городу ссуды для организаціи благотворительныхъ работъ. Въ письмѣ отъ 11-го марта того же года къ аббату Террэ де-Клюзель высказываетъ, что, по его мнѣнію, организація благотворительныхъ работъ — наилучшій способъ оказанія помощи беднымъ (*Archives departementales d'Indre-et-Loire*, C 36, цит. по *Dumas*, op., cit., p. 346).

[4]) *Archives départementales de la Marne*, C 508 (Compte rendu par l'intendant de Champagne, 1-er septembre 1790: „Les fonds de travaux de charité, destinés à occuper les pauvres à des ouvrages utiles pendant les saisons mortes

ныхъ интендантовъ зависѣло усилить благотворительный фондъ путемъ привлеченія пожертвованій со стороны мѣстныхъ сеньеровъ и общинъ, заинтересованныхъ въ осуществленіи тѣхъ или другихъ публичныхъ работъ [1]). Къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ благотворительныя работы, какъ средство вспомоществованія нуждающемуся населенію, получили значительное развитіе, какъ это можно судить по нѣкоторымъ цифрамъ. Такъ, въ шалонскомъ интендантствѣ въ 1779 г. ассигнуется на эту часть отъ казны сумма въ 100.000 ливровъ, которую интенданту удается усилить добавочной суммой въ 50,000 л., составившейся изъ „добровольныхъ взносовъ" [2]), при чемъ работы были организованы въ 131 мѣстѣ, противъ 101 въ предыдушемъ году и 50—60 въ прежніе годы [3]). Наибольшее число этихъ мѣстъ выпадаетъ на винодѣльческіе районы, гдѣ населеніе отличалось особенной бѣдпотой, изъ которой не въ состояніи былъ, хотя временно, вывести даже хорошій урожай винограда, потому что на мѣстныхъ рынкахъ вино тогда крайне обезцѣнивалось, а болѣе отдаленные рынки, особенно столичный, были совершенно недоступны для низшихъ и среднихъ сортовъ, такъ какъ они не въ состояніи были выдержать стоимость перевоза и массу всевозможныхъ платежей, которыя приходилось нести на себѣ винамъ при перевозкѣ на болѣе или менѣе значительныя разстоянія [4]).

de l'année".—Сравн *Necker,* De l'administration des finances, t. III, p. 170: „Il y a des travaux publics ouverts dans toutes les provinces pendant les mortes saisons de l'année".—См. также выше, стр. 154, примѣч. 1.

[1]) „Тѣ, кто въ силахъ работать — писалъ Тюрго въ 1770 г. по вопросу объ организаціи благотворительныхъ работъ — нуждаются въ заработкѣ, и доставить имъ таковой, это значитъ направить свою милостыню по наилучшему адресу". Въ этихъ словахъ ясно выражена основная идея благотворительныхъ работъ. Къ участію въ организаціи этихъ работъ Тюрго имѣлъ въ виду привлечь прежде всего „зажиточныхъ землевладѣльцевъ", которые, по его мысли, могли бы „въ моменты бѣдствія предпринять въ своихъ владѣніяхъ всѣ тѣ работы по улучшенію и даже украшенію, какія бы оказались желательными, и такимъ образомъ они могли бы оказать необременительное для себя и въ тоже время очень полезное содѣйствіе дѣлу благотворительности".—*Turgot,* Oeuvres, t. II, p. 13—14 (Instruction sur les bureaux de charité).

[2]) См. выше, т. I, стр. 612.

[3]) „Ce qui est le double de l'année dernière" — прибавляетъ интендантъ въ своемъ письмѣ къ министру. — *Archives départementales de la Marne,* C 1701 (1779).

[4]) *Archives départementales de la Marne,* C 1702.—*Pièces justificatives,* Nr. 199.—Сравн. также письмо Неккера къ шалонскому интенданту отъ 17-го

XVI.

Въ качествѣ благотворительныхъ работъ служили главнымъ образомъ работы по постройкѣ и ремонту дорогъ, имѣвшія, помимо своей общеполезности, еще то удобство, что по своему характеру онѣ были доступны всякому работоспособному человѣку, частью даже женщинамъ и подросткамъ. Въ нѣкоторыхъ интендантствахъ, какъ въ турскомъ, первоначально заработокъ участникамъ благотворительныхъ работъ выплачивался хлѣбомъ—по три фунта на человѣка въ день на мущину и по полтора фунта на женщину или подростка (пятнадцати лѣтъ и моложе); потомъ стали платить деньгами по девяти су мужчинамъ, по семи женщинамъ и по пяти подросткамъ. Впервые организованные въ турскомъ интендантствѣ благотворительныя работы въ голодный 1770 годъ были устроены въ десяти различныхъ пунктахъ области и доставляли ежедневный заработокъ тремъ тысячамъ съ лишкомъ лицъ [1]). Опытъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. „Никакое—пишетъ интендантъ дю-Клюзель генералъ-кантролеру 19-го мая 1770 г.—вспомоществованіе не производило болѣе надежнаго и благопріятнаго результата, какъ благотворительныя работы [2]). Интендантъ отдаетъ послѣднимъ рѣшительное предпочтеніе передъ раздачей голодающимъ риса, неизбѣжно связанною съ различными злоупотребленіями, тогда какъ благотворительныя работы „даютъ бѣднымъ возможность зарабатывать себѣ пропитаніе, поддерживаютъ въ нихъ привычку къ труду и даже развиваютъ вкусъ къ послѣднему, такъ какъ къ участію въ работахъ допускаются и подростки". Благотворительнымъ работамъ интендантъ приписываетъ и отсутствіе волненій въ народѣ, не смотря на голодный годъ [3]).

„Завѣдованіе этой частью администраціи" въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ приводитъ алансонскаго интенданта Жюльена къ убѣжденію въ высокой благотворности благотворительныхъ работъ, кото-

мая 1786 г.: *Archives départementales de la Marne*, C 1701.—*Pièces justificatives*. Nr. 195 (исправить опечатку: вмѣсто 1786 слѣдуетъ 1781).

1) *Dumas*, op. cit., p. 346.

2) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 96 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 347).

3) Ibidem.—Для расширенія дѣла благотворительныхъ работъ, въ виду данныхъ ими благопріятныхъ результатовъ, правительствомъ было отпущено въ распоряженіе дю-Клюзеля въ томъ же 1770 году 25,000 ливровъ изъ мѣстнаго дохода отъ откуповъ и кромѣ того ему было предоставлено употребить на то же дѣло часть „свободныхъ фондовъ поголовной подати"

рыя были организованы этимъ интендантомъ съ семидесятыхъ годовъ [1]). „Сколько существенной помощи—говоритъ онъ въ своей рѣчи при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г.—оказали сельскимъ общинамъ ассигнованныя на ихъ долю въ сущности скромныя суммы. Благодаря устроеннымъ на нихъ благотворительнымъ работамъ, общины эти получили возможность легко сбывать свои продукты, которые не представляли зачастую никакой цѣны благодаря затруднительности перевозки. А сколько выгоды—поденщикамъ, получившимъ такимъ путемъ заработокъ въ такіе промежутки времени, когда сельскія работы прекращаются. Вотъ почему я считалъ своимъ долгомъ стараться о наивозможномъ расширеніи благотворительныхъ работъ. При устройствѣ ихъ я не всегда руководствовался одною лишь полезностью той или другой подлежащей исправленію дороги, но прежде всего, а часто и исключительно лишь степенью нужды, испытаемой данной общиной. Требовалось доставить средства къ существованію бѣднякамъ, и я имъ доставлялъ заработокъ" [2]).

Вообще интенданты сходятся въ признаніи благотворительныхъ работъ „однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ доставленія бѣднымъ средствъ къ существованію" [3]). Въ этомъ пунктѣ вполнѣ сходится съ ними Неккеръ, который въ своемъ трактатѣ о французскихъ финансахъ съ восторгомъ отзывается о благотворительныхъ работахъ, какъ о „превосходномъ учрежденіи, представляющемъ собою наилучшій образчикъ общественной благотворительности" [4]).

XVII.

Нищенство было главнымъ образомъ „бичемъ" деревни, почему и благотворительныя работы, заключавшіяся, какъ сказано, главнымъ образомъ въ исправленіи (иногда постройкѣ) дорогъ, имѣли прежде

[1]) *Archives nationales,* H 1482.

[2]) *Procès-verbal... de l'assemblée provinciale de la Moyenne Normandie,* 1787.—*Pièces justificatives,* Nr. 124.

[3]) „Un des secours les plus utiles et les plus efficaces pour procurer des moyens de subsistance aux pauvres"—слова безансонскаго интенданта де-ла-Корэ въ письмѣ его къ генералъ-контролеру отъ 3-го марта 1784 г.—*Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr 208.

[4]) *Necker,* De l'administration des finances, t. II, p. 26?. „C'est une excellente institution qui présente l'exemple de la meilleure charité politique, celle des secours donnés en échange d'un travail aisé, mais utile".

всего въ виду деревенское населеніе. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ интендантовъ пытаются—и не безъ успѣха—примѣнить тотъ же принципъ вспомоществованія нуждающимся путемъ доставленія имъ заработка—также и по отношенію къ городскому населенію. Такъ, турскій интендантъ дю-Клюзель, еще въ семидесятыхъ годахъ, входитъ въ соглашеніе съ однимъ изъ мѣстныхъ капиталистовъ, который обязался устроить ткацкую мастерскую для изготовленія шерстяныхъ одѣялъ, для того, чтобы дать заработокъ мѣстнымъ бѣднякамъ и въ частности—обывателямъ мѣстнаго смирительнаго дома. Въ видахъ „поощренія" предпріятія, дю-Клюзель выхлопоталъ фабриканту право налагать на свои произведенія штемпель: *Manufacture des pauvres*, а генералъ-контролеръ распорядился, чтобы произведенія этой фабрики пріобрѣтались для нуждъ смирительныхъ домовъ. Фабрикантъ, съ своей стороны обязывался кормить, одѣвать и въ случаѣ надобности—лечить своихъ рабочихъ. Для „поощренія" послѣднихъ онъ отчислялъ въ ихъ пользу одну восьмую чистаго дохода „мануфактуры". Кромѣ перечисленныхъ выше привилегій, фабрикантъ получалъ нѣкоторую субсидію отъ казны, пропорціонально количеству занятыхъ на фабрикѣ нищихъ [1]).

Амьенскій интендантъ графъ д'Агэ пытается въ 1781 г. организовать безпроцентный кредитъ и мастерскія рукодѣлій для бѣдныхъ дѣвушекъ [2]).

Въ томъ же году, по почину интенданта Сенакъ-де-Мейльяна, была устроена близъ Сентъ-Аманда прядильня, какъ одно изъ средствъ борьбы противъ нищенства путемъ доставленія неимущимъ честнаго заработка [3])

Въ 1784 г., по случаю снѣжной и морозной зимы, городскія улицы сдѣлались неудобопроѣзжими и неудобопроходимыми; мѣстные интенданты находятъ въ этомъ удобный случай—дать заработокъ мѣстной голытьбѣ въ видѣ расчистки улицъ [4].

Зачастую въ городахъ борьба съ нищенствомъ идетъ объ руку съ ихъ „украшеніемъ", въ особенности въ критическіе для мѣстной

---

1) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 306 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 329).

2) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 381.

3) *Legrand,* op. cit., p. 141.

4) Таковъ, напримѣръ, руанскій интендантъ Тиру-де-Кронь.—См. его письмо къ генералъ-контролеру отъ 27-го февраля 1784 г.—*Archives nationales,* H 1418 (*Pièces justificatives,* Nr. 205).

промышленности годы. Такъ, въ 1787 г., по случаю безработицы на шелковыхъ фабрикахъ г. Нима, обусловленной плохимъ сборомъ шелка, рабочіе въ поискахъ за работой собираются эмигрировать за-границу. Для предотвращенія этой эмиграціи, лангдокскій интендантъ предлагаетъ привлечь ихъ къ различнымъ работамъ, проектированнымъ въ видахъ украшенія города [1]).

Подобнымъ же образомъ, въ Оверни, въ трудные годы, во многихъ городахъ предпринимается, по почину интенданта, цѣлый рядъ общественныхъ работъ по части городского благоустройства, съ спеціальною цѣлью—доставить заработокъ нуждающемуся рабочему населенію. Такимъ образомъ—сообщаетъ мѣстный интендантъ—„Ріомъ и Клермонъ привели въ порядокъ свои земляныя укрѣпленія; Мондоръ получитъ мѣсто для общественныхъ гуляній; Моріакъ преобразился: посреди беспорядочной кучи плюгавенькихъ домишекъ возникла площадь и что-то въ родѣ земляного вала, служащаго одновременно и дорогой и мѣстомъ прогулки; въ Орильякѣ изрытое и грязное болото превратилось въ хорошо распланированное мѣсто для гуляній". „Надѣюсь—продолжаетъ интендантъ—, что городокъ Maurs будетъ освобожденъ отъ стоячихъ водъ, заражающихъ воздухъ и вызывающихъ иногда болѣзни; Мюра получитъ новыя мостовыя, болѣе прямыя и ровныя улицы. Сентъ-Флуръ изъ всѣхъ городовъ получилъ наиболѣе существенные результаты отъ королевской благотворительности: нельзя было съ безопасностью въѣзжать въ экипажѣ въ этотъ городъ, помѣстившійся на почти отвѣсной скалѣ; теперь—устроена удобная дорога, съ равномѣрнымъ подъемомъ" [2]).

На ряду съ благотворительными комитетами и благотворительными работами во всѣхъ видахъ—этими двумя главными орудіями борьбы съ нищенствомъ въ рукахъ „просвѣщенныхъ администраторовъ"—, отдѣльные интенданты находятъ и различныя другія формы для выраженія своей „благотворительности" въ этой области. Такъ, нѣкоторые изъ интендантовъ удѣляютъ часть находящихся въ ихъ распоряженіи суммъ на выдачу вспомоществованій многодѣтнымъ семьямъ [3]). Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ пристран-

---

[1]) *Archives nationales,* H 1429.—*Pièces justificatives,* Nr. 218.

[2]) *Bonnefoy,* op. cit., t. I, p. 195.

[3]) Напримѣръ, алансонскій интендантъ Жюлльенъ. См. его рѣчь при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія, перепечатанную въ *Pièces justificatives,* Nr. 124.

ваетъ нищихъ-дѣтей частью въ деревняхъ, у крестьянъ, для обученія земледѣлію, частью у городскихъ ремесленниковъ, для обученія различнымъ ремесламъ [1]).

Еще въ первые годы своего управленія пуатевинскимъ генеральствомъ интендантъ де-ла-Бурдоннэ обращается къ муниципалитету города Пуатье съ предложеніемъ, чтобы, въ виду наличности въ городѣ многочисленныхъ бѣдныхъ, традиціонные ежегодные обѣды, даваемые меромъ въ день принесенія имъ присяги, были „замѣнены ассигнованіемъ соотвѣтствующей суммы на пользу общественную". Во исполненіе этого предложенія муниципалитетъ постановилъ, взамѣнъ традиціоннаго обѣда, отчислять ежегодно изъ городскихъ суммъ тысячу ливровъ для выдачи пособій бѣднымъ города, равно какъ и на другія общеполезныя надобности [2]).

XVIII.

Хроническая „язва" нищенства, естественно, обострялась въ годы народныхъ бѣдствій — повальныхъ болѣзней, скотскихъ падежей, но въ особенности — голодовокъ вслѣдствіе мѣстнаго или общаго недорода хлѣба, составлявшаго основу питанія народныхъ массъ. Поэтому, *на ряду съ борьбой противъ нищенства, одной изъ постоянныхъ заботъ администраціи является обезпеченіе народонаселенія хлѣбомъ, на случай угрожающаго недорода и еще болѣе—въ случаѣ наличности таковаго* [3]): вопросъ крайне трудный, зачастую — грозный, въ виду затруднительности массовыхъ перевозокъ хлѣба при тогдашнихъ способахъ перевозки грузовъ,—при массѣ всевозможныхъ стѣсненій, которыми была окружена торговля хлѣбомъ, и наконецъ— при господствовавшемъ въ тѣ времена почти суевѣрномъ страхѣ передъ дѣйствительными или мнимыми (чаще—послѣднее) скупками хлѣба „монополистами" и крайней подозрительности населенія по отношенію ко всякаго рода хлѣбнымъ операціямъ, связаннымъ съ болѣе или менѣе крупными перевозками хлѣба [4]).

[1]) *Lurion;* M. de Lacoré, p. 36—37.

[2]) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 295.

[3]) Наиболѣе острыми голодовками отмѣчены въ восемнадцатомъ вѣкѣ годы: 1709, 1739—1740, 1767, 1769—1771, 1776—1777, 1784—1785 и 1788—1789.—См. *A. de Calonne,* la Vie agricole, p. 229; *d'Hugues,* Essai sur l'administration de Turgot, p. 225; *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 202—216.

[4]) Эта подозрительность и эти страхи были тою психологическою почвой, на которой выросла, между прочимъ, пресловутая легенда о тайномъ

Крайняя чуткость народной массы къ вопросу о продовольствіи обусловливалась въ значительной степени низкой степенью ея покупательной способности, благодаря чему незначительное подъ часъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ давало себя тяжело чувствовать низшимъ слоямъ населенія, а болѣе или менѣе значительное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ производило уже настоящую голодовку съ ея неизбѣжными спутниками—повальными болѣзнями и рыночными бунтами. Администраціи приходилось думать поэтому не просто о *достаточности* хлѣба для мѣстнаго потребленія, но по возможности—объ *изобиліи* его, для того чтобы поддерживать цѣны на возможно низкомъ уровнѣ.

Этотъ острый вопросъ объ обезпеченіи пропитанія въ виду возможной, угрожающей или уже наличной голодовки—является зачастую однимъ изъ первыхъ неотложныхъ вопросовъ, съ которыми приходится считаться вновь прибывшему на свой постъ интенданту. Первые же годы своего управленія пуатевинскимъ генеральствомъ интенданту де-Блоссаку пришлось имѣть дѣло съ голодовкою. Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ, было со стороны интенданта призвать мѣстныя общественныя силы. По соглашенію съ епископомъ, онъ созываетъ у послѣдняго собраніе: членовъ городского управленія и всѣхъ видныхъ представителей мѣстнаго общества для обсужденія необходимыхъ мѣръ [1]).

Турскому интенданту дю-Клюзелю, точно также въ первые же годы своего управленія областью, пришлось встрѣтиться съ этимъ вопросомъ. Когда осенью 1768 г., цѣны на хлѣбъ въ Турѣ стали повышаться, дю-Клюзель, для того чтобы остановить это повышеніе и по возможности понизить ихъ, задумываетъ организовать въ Турѣ продажу хлѣба по цѣнамъ ниже рыночныхъ, принявъ убытки на счетъ казны. Нужно однако, чтобы администрація оставалась за кулисами, и о ея вмѣшательствѣ въ дѣло не было бы ничего извѣстно „публикѣ" и „народу". Но какъ это устроить? Одинъ шинонскій

„голодномъ договорѣ" (pacte de famine), проникшая и въ историческую литературу и державшаяся въ ней вплоть до послѣдняго времени. Вслѣдъ за французскими изслѣдователями, свѣтъ на эту легенду и ея происхожденіе пролитъ русскимъ изслѣдователемъ эпохи *Г. Е. Афанасьевымъ* („Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ, Одесса, 1892, и по-франц. Paris, 1894; тамъ же можно найти и подробныя указанія на литературу вопроса).

1) *Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 294—295.

купецъ взялся снабдить интенданта необходимымъ количествомъ хлѣба. Но какъ его перевезти въ Туръ незамѣтнымъ образомъ, такъ чтобы не возбудить подозрѣній и даже переполоха въ народѣ при видѣ крупныхъ транспортовъ хлѣба? Наконецъ, если бы удалось провести хлѣбъ незамѣтно, то какъ его разгрузить и сложить въ депо въ Турѣ, не обративъ на это подозрительнаго вниманія „публики...“? Всѣ эти опасенія высказываетъ въ своемъ письмѣ къ интенданту его первый секретарь, которому дю-Клюзель поручилъ устроить это дѣло. Неизвѣстно, оправдались ли бы опасенія секретаря—они во всякомъ случаѣ очень характерны и бросаютъ много свѣта на тѣ затрудненія, съ которыми приходилось считаться тогдашней администраціи въ продовольственномъ вопросѣ—, но задуманный интендантомъ планъ оказался вскорѣ ненужнымъ, такъ какъ послѣдовавшее около этого времени законодательное поощреніе ввоза хлѣба изъ-за границы сразу понизило хлѣбныя цѣны во всей странѣ [1]).

Но слѣдующій, 1769 г., оказался на бѣду неурожайнымъ, и интенданту снова приходится имѣть дѣло съ грознымъ вопросомъ—не только объ обезпеченіи, въ особенности городского населенія, хлѣбомъ, но и по возможности —дешевымъ хлѣбомъ. Въ качествѣ одной изъ мѣръ, дю-Клюзель предлагаетъ генералъ-контролеру предоставить городскимъ управленіямъ закупать хлѣбъ для нуждъ городского населенія. Впрочемъ, на эту мѣру интендантъ смотритъ лишь какъ на палліативъ; радикальной же мѣрой противъ голода и дороговизны хлѣба было бы, по его мнѣнію, лишь *полное освобожденіе хлѣбной торговли отъ всякихъ законодательныхъ и полицейскихъ стѣсненій*. Въ этомъ случаѣ дю-Клюзель разсуждаетъ, какъ истый ученикъ „экономистовъ“ (физіократовъ). „Хлѣбъ есть товаръ—пишетъ онъ—, и торговля имъ должна быть такъ же свободна, какъ и торговля всякимъ другимъ продуктомъ, и чѣмъ легче будетъ производить торговлю хлѣбомъ, тѣмъ меньше будутъ провинціи рисковать остаться безъ хлѣба —даже въ годы неурожая, потому что въ интересѣ купца—везти свой товаръ въ такія мѣста, гдѣ онъ можетъ его сбыть наиболѣе выгоднымъ образомъ“ [2]). Для облегченія положенія

[1]) Октябрьскій эдиктъ 1763 г.—*Dumas*, la Géneralité de Tours. p. 340—342.

[2]) Письмо дю-Клюзеля къ городскому управленію ле-Мана, 30-го сентября 1769 г.—*Archives départementales d'Indre-et-Loire*, С 96 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 343—344).

голодающаго деревенскаго населенія, дю-Клюзель дѣлаетъ распоряженіе, чтобы отъ него не требовали строгаго выполненія натуральной дорожной повинности, и не подвергали бы взысканіямъ неаккуратныхъ corvéables. Кромѣ того, на имѣющіяся въ его распоряженіи суммы, дю-Клюзель закупаетъ рисъ для безплатной раздачи наиболѣе нуждающимся изъ крестьянъ [1]).

Слѣдующій, 1770 г., оказался снова голоднымъ. На этотъ разъ дю-Клюзель старается вызвать общественную благотворительность путемъ устройства благотворительныхъ комитетовъ [2]), а въ деревняхъ—дать нуждающемуся населенію заработокъ путемъ организаціи благотворительныхъ работъ [3]). Кромѣ того, интендантъ продолжаетъ примѣнять и прежнія мѣры, какъ-то—безплатную раздачу риса наиболѣе нуждающимся, и приводитъ въ исполненіе задуманную еще въ 1768 г. мѣру—организацію благотворительной продажи хлѣба. Съ этою цѣлью онъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими изъ заслуживавшихъ довѣрія хлѣботорговцевъ, съ тѣмъ чтобы они продавали хлѣбъ нѣсколько ниже рыночной цѣны, за что имъ было гарантировано соотвѣтствующее возмѣщеніе убытковъ изъ имѣвшихся въ распоряженіи интенданта средствъ [4]).

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, интенданту удалось предохранить область и отъ голодныхъ бунтовъ и отъ острой голодовки, не прибѣгая при этомъ ни къ какимъ изъ практиковавшихся въ прежнее время стѣсненіямъ хлѣбной торговли

Замѣтимъ, что продажа хлѣба по пониженнымъ цѣнамъ за счетъ администраціи практиковалась дю-Клюзелемъ и впослѣдствіи, напримѣръ, во время голодовки 1782 г. По вычисленію новѣйшаго историка, дю-Клюзелемъ, за его 17-лѣтнее управленіе турскимъ генеральствомъ, было истрачено на этотъ предметъ болѣе 40.000 ливровъ изъ средствъ администрація [5]). Но эта административная

[1]) Только оказалось, что крестьяне не знали, что съ нимъ дѣлать, а опыты его приготовленія по способу, указанному имъ сельскими священниками, давали въ результатѣ массу, „похожую скорѣе на клей, чѣмъ на здоровую пищу“. Пришлось напечатать въ большомъ количествѣ экземпляровъ „наставленіе“, какъ приготовлять рисъ для пищи.—*Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 96 (цит. по *Dumas*, op. cit. p. 344).

[2]) См. выше, стр. 449.

[3]) См. выше, стр. 453—457.

[4]) *Dumas*, op. cit., p. 348.

[5]) *Dumas*, op. cit., p. 363—364

благотворительность была облечена непроницаемымъ покровомъ тайны. Быть можетъ, иначе было, дѣйствительно, нельзя. Но какъ не сказать, что не будь этой тайны, врядъ ли могла бы возникнуть та колоссальная историческая клевета, которая, подъ именемъ „голоднаго договора", болѣе столѣтія пользовалась довѣріемъ, какъ историческій фактъ, даже въ серьезной исторической литературѣ.

Въ виду угрожающей голодовки, вслѣдствіе плохого урожая, безансонскій интендантъ де-ла-Корэ съ осени 1770 г. запрещаетъ вывозъ хлѣба изъ предѣловъ области. Когда, несмотря на это, къ веснѣ цѣны на хлѣбъ стали сильно подниматься, что приписывалось „продѣлкамъ скупщиковъ", то интендантъ принялъ мѣры къ закупкѣ хлѣба въ Ліонѣ, и одного извѣстія объ этомъ оказалось достаточнымъ для возвращенія хлѣбныхъ цѣнъ къ нормальному уровню. Кромѣ того, де-ла-Корэ выхлопоталъ отъ правительства субсидію въ 50,000 ливровъ для вспомоществованія голодающимъ. Благодаря заботливой предусмотрительности интенданта, угрожавшая области острая голодовка была предотвращена [1]).

Нѣкоторые изъ интендантовъ прибѣгаютъ въ этотъ голодный годъ также къ безплатной раздачѣ хлѣба голодающимъ [2]). Этотъ голодный годъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что съ нимъ связанъ первый опытъ широкаго примѣненія благотворительныхъ работъ, какъ одного изъ главныхъ средствъ вспомоществованія нуждающемуся населенію [3]).

Когда назначенный въ 1778 г. перпиньянскимъ интендантомъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ прибылъ въ свою область, онъ „узналъ, что хлѣба въ ней было всего лишь на мѣсяцъ, между тѣмъ какъ до ближайшаго урожая оставалось еще семь-восемь мѣсяцевъ". „Этимъ дѣломъ — продолжаетъ онъ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г. —, какъ наиболѣе важнымъ, я занялся прежде всего". Каковы были эти мѣры, интендантъ не говоритъ, но съ чувствомъ удовлетворенія заявляетъ, что ему удалось обезпечить населеніе хлѣбомъ до будущаго іюня и удержать хлѣбныя цѣны на сравнительно низкомъ уровнѣ, при чемъ „не было ни одной жалобы" [4]).

[1]) *Lurion*, op. cit., p. 36.

[2]) Таковъ интендантъ де-Лабурдоннэ-де-Блоссакъ, въ Пуатье. — *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 296.

[3]) См. выше, стр. 454, примѣч. 1. — О дѣятельности Тюрго въ этотъ голодный годъ см. *d'Hugues*, op. cit., p. 225—249.

[4]) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte de l'administration, 1790. — *Pièces justificatives*, Nr 161.

Относительно дѣятельности беарнскаго интенданта Дуэ-де-ла-Буллэ по части продовольствія населенія находимъ слѣдующее любопытное свидѣтельство, занесенное въ протоколы штатовъ маленькой пиренейской области Четырехъ-Долинъ. „Г. интендантъ—гласитъ протоколъ засѣданія 28-го іюня, 1777 г.—не удовольствовался тѣмъ, что выписалъ хлѣбъ изъ-за границы, но простеръ свою заботливость и свою доброту до того, что организовалъ для народа приготовленіе печенаго хлѣба, стоящаго всего 17 деньe за фунтъ, и раздаваемаго въ Ошѣ съ замѣчательной аккуратностью. Благодаря этой мѣрѣ, народъ получаетъ хлѣбъ почти вдвое дешевле, чѣмъ если бы ему приходилось получать его въ булочныхъ" [1]).

XIX.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на дѣятельности интендантовъ въ дѣлѣ народнаго продовольствія въ осебенно тяжелые годы—1784—1785 и 1788—1789.

Зима 1783—1784 г., отличавшаяся необычайной суровостью, была настоящей катастрофой для сельскаго населенія большей части страны. Амьенскій интендантъ въ письмѣ отъ 19-го февраля 1784 г. пишетъ генералъ-контролеру о „прискорбномъ положеніи своего генеральства". „Вотъ уже два мѣсяца, какъ земля сплошь покрыта снѣгомъ и льдомъ. Какъ городскіе рабочіе, такъ и сельскіе поденщики остались безъ работы. Мастеровые и фабричные рабочіе принуждены были оставить мастерскія вслѣдствіе чрезвычайныхъ морозовъ. Этотъ бичъ, вмѣстѣ съ повальными болѣзнями, этимъ неизбѣжнымъ спутникомъ нищеты, создаютъ крайне тяжелое положеніе въ моемъ генеральствѣ, насчитывающемъ много фабрикъ. Полагаю, что послѣ того, что вы сами видите въ окрестностяхъ Парижа и что вамъ сообщено изъ различныхъ другихъ областей, мнѣ нѣтъ нужды распространяться болѣе обстоятельно о страданіяхъ, испытываемыхъ населеніемъ моего генеральства..." „Я хорошо понимаю — продолжаетъ интендантъ, — что вамъ невозможно принять дѣйствительныхъ мѣръ противъ бездѣйствія, постигшаго почти всѣ области королевства; но полагаю, что дѣло безусловной необходимости—оказать нѣкоторое вспомоществованіе городу Амьену, переполненному

[1]) *Archives départementales des Hautes-Pyrénées*, C 294. *Pièces justificatives*, Nr. 91.

фабриками, гдѣ изъ сорока тысячъ фабричныхъ рабочихъ около половины остались безъ работы и теперь нищенствуютъ по городу". Учрежденный по почину интенданта благотворительный комитетъ въ Амьенѣ оказываетъ посильную помощь, но она ничтожна въ сравненіи съ размѣрами нужды [1]).

Алансонскій интендантъ Жюлльенъ, въ письмѣ отъ 26-го февраля, рисуетъ подобную же картину своего генеральства, и продолжаетъ: „Пропорціонально съ размѣрами народнаго бѣдствія увеличилась и благотворительность. Большинство приходскихъ священниковъ, многіе сеньеры и множество зажиточныхъ собственниковъ оказываютъ настолько вспомоществованія, чтобы не дать народу умереть съ голода. Часть нуждающихся получаютъ заработокъ; я распорядился употребить ихъ для очистки улицъ отъ загромождающаго ихъ снѣга и льда... Сельскіе священники просили у меня помощи бѣднымъ. Такъ какъ у меня не было риса, то я разрѣшилъ этимъ священникамъ самимъ закупить необходимое количество ржи для раздачи бѣднымъ... Я также поручилъ субъ-инженерамъ устроить благотворительныя работы на большихъ дорогахъ. Такъ какъ можно было опасаться, что въ случаѣ слишкомъ быстраго таянія снѣга, мельницы будутъ не въ состояніи работать, то я позаботился собрать точныя свѣдѣнія о количествѣ имѣющейся въ городѣ муки". Такъ какъ подобная статистическая операція могла вызвать тревогу среди населенія, находившагося подъ гнетущимъ ожиданіемъ голодовки, то интендантъ прибѣгъ къ слѣдующему не лишенному остроумія маневру. „Я поручилъ—продолжаетъ онъ—директору откуповъ, человѣку честному и очень умному, предписать своимъ агентамъ произвести въ городѣ обыскъ, какъ будто для разысканія контрабанднаго табаку и контрабандной соли. Агенты эти находились подъ руководствомъ главнаго капитана, который одинъ лишь былъ посвященъ въ дѣло. Онъ, дѣйствительно, подвергъ обыску многіе дома, преимущественно же квартиры булочниковъ. Подъ предлогомъ необходимости удостовѣриться, нѣтъ ли контрабанды въ мѣшкахъ съ мукой, онъ заходилъ въ ихъ склады, пересчитывалъ незамѣтно для хозяевъ ихъ мѣшки и по выходѣ записывалъ ихъ число". Этотъ своеобразный обыскъ далъ самые успокоительные результаты. Оказалось, что даже въ случаѣ прекращенія работы мельницъ на двѣ или даже двѣ съ

---

[1]) *Archives nationales,* H 1418. *Pièces justificatives,* Nr. 202.

половиной недѣли — „что почти невозможно“ — муки хватитъ для прокормленія города [1]).

Руанскій интендантъ Тиру-де-Кронь, сообщая въ письмѣ отъ 27-го того же февраля объ аналогичномъ бѣдствіи, постигшемъ его область, прибавляетъ, что, въ качествѣ средства помощи пострадавшему населенію, онъ остановился на благотворительныхъ работахъ предпочтительно передъ денежнымъ вспомоществованіемъ. „Такимъ путемъ я доставилъ работу значительному количеству рабочихъ, благодаря чему мнѣ удалось сохранить порядокъ, который безъ этого могъ бы быть нарушенъ“. На организацію благотворительныхъ работъ, кромѣ обычнаго „фонда“, интендантъ имѣлъ возможность употребить также субсидію, ассигнованную на это дѣло городскимъ управленіемъ Руана, выказавшимъ въ этомъ случаѣ „величайшее усердіе“ — говоритъ интендантъ и продолжаетъ: „Во всѣхъ этихъ операціяхъ я дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ парламентомъ (руанскимъ), который, между прочимъ, предписалъ благотворительный сборъ, давшій хорошіе результаты. Мною также былъ розданъ рисъ, выданный мнѣ по вашему распоряженію“. Для Руана, какъ большого города, на ряду съ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ, получилъ въ эту пору острое значеніе вопросъ о снабженіи топливомъ. „Недостатокъ дровъ, каменнаго угля и даже торфа вызывалъ не меньшее безпокойство, чѣмъ опасенія недостатка хлѣба и съѣстныхъ припасовъ. Рѣка покрылась льдомъ, и топливо не могло быть доставлено водой. Большой складъ дровъ имѣлся въ порту, въ четырехъ льё отъ Руана: но два льё, что отдѣляютъ портъ отъ большой дороги, были совершенно непроходимы вслѣдствіе снѣга и льда. Я командировалъ туда одного изъ инженеровъ путей сообщенія съ большимъ количествомъ рабочихъ для приведенія этой дороги въ такое состояніе, чтобы можно было по ней проѣхать на телѣгѣ. Что касается города Руана, то его улицы были настолько загромождены снѣгомъ и льдомъ, что сдѣлались точно также почти непроходимыми, и городское движеніе почти совершенно прекратилось“. Чтобы помочь бѣдѣ, интендантъ вошелъ въ соглашеніе съ городскимъ управленіемъ, которое, по его предложенію, устроило очистку улицъ на свой счетъ, употребивъ въ дѣло оставшійся безъ работы городской рабочій людъ [2]).

[1]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 203.
[2]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 205.

„Вотъ уже двѣ недѣли, что нѣтъ хлѣба въ магазинахъ“—пишетъ 28-го февраля 1784 г. генералъ-контралеру купеческій старшина (городской голова) Ліона. „Вотъ уже два базарныхъ дня подъ рядъ прошли безъ хлѣба. Болѣе четвертой части всѣхъ булочныхъ были пусты, хлѣбъ не подвозился въ городъ ни водой, ни по землѣ... При такихъ условіяхъ, мы совмѣстно съ интендантомъ предложили одному изъ купцовъ, располагающему очень крупными средствами и внушающему довѣріе, премію въ десять су за каждую (проданную имъ) мѣру хлѣба въ 60 фунтовъ“ [1]).

Ліонскій интендантъ де-Флесселль озабоченъ въ эту суровую зиму недостаткомъ топлива, который особенно круто даетъ себя знать этому второму послѣ Парижа большому городу во Франціи. Интендантъ принимаетъ мѣры къ усиленію разработки имѣвшихся въ окрестностяхъ Ліона каменноугольныхъ залежей. Но такъ какъ въ предыдущую зиму въ городѣ оказался недостатокъ въ углѣ вслѣдствіе того, что мѣстные фабриканты вдругъ перешли съ дровъ на уголь, то „для того чтобы не попасть въ такое же затрудненіе въ текущемъ году, мы [2])—пишетъ де-Флессолль [3]) 1-го марта 1784 г.—собрали въ началѣ сентября главныхъ фабракантовъ и предупредили ихъ, что въ ихъ интересахъ запастись топливомъ въ теченіе этого мѣсяца, такъ какъ начиная съ будущаго 1-го октября весь уголь, доставленный въ городъ, будетъ предпочтительно отпускаться частнымъ потребителямъ. „Эта предосторожность -говоритъ интендантъ - произвела наилучшее дѣйствіе, такъ какъ фабрикантамъ оказалось тѣмъ легче запастись во-время углемъ, что въ то же время я энергически поощрялъ его добываніе“ [4]).

Сообщая о „необычайной суровости зимы и изобилія снѣга“, безансонскій интендантъ де-ла-Корэ пишетъ 3-го марта того же года генералъ-контролеру: „Первою моею заботою было—распорядиться привести въ сносное состояніе дороги и возстановить сообщенія. Я озаботился также—ознакомиться съ нуждами наемныхъ рабочихъ и поденщиковъ“. Интендантъ хвалитъ усердіе приходскихъ священниковъ и городскихъ управленій, которые, „путемъ раздачи вспомо-

[1]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 204.

[2]) Разумѣя себя и городского голову.

[3]) Будущій купеческій старшина Парижа, одна изъ жертвъ парижской черни 14-го іюля 1789 г.

[4]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 207.

ществованій, топлива и доставленія кое-какой работы, нашли возможность облегчить положеніе наиболѣе нуждающейся части народа". Но главныя свои упованія де-ла Коро возлагаетъ на организуемыя имъ въ большихъ размѣрахъ благотворительныя работы, на каковой предметъ и испрашиваетъ субсидію въ 30,000 ливровъ [1]).

Слѣдовавшая за суровой и снѣжной зимой весна вызвала во многихъ мѣстностяхъ гибельныя наводненія, которыя довершили бѣдствія зимы. Лилльскій интендантъ Эсмангаръ сообщаетъ въ письмѣ къ генералъ-контролеру отъ 26-го апрѣля 1784 г. о „безпримѣрномъ наводненіи", которое постигло многія мѣстности Фландріи, въ частности—окрестности Лилля. Въ одной деревенькѣ жители принуждены были спасаться на крышахъ своихъ избъ, гдѣ едва не погибли съ голода; къ счастью, на выручку явился мѣстный субделегатъ ле-Діс съ лодками и съѣстными припасами [2]).

Шалонскій интендантъ Руйлье-д'Орфейль старается возбудить въ эту тяжелую для низшихъ слоевъ населенія пору благотворительную дѣятельность городскихъ управленій, къ которымъ онъ обращается по этому случаю съ горячимъ призывомъ. „Хотя—пишетъ онъ, обращаясь къ членамъ городскихъ муниципалитетовъ,—я вполнѣ убѣжденъ, господа, что суровая зима и доровизна хлѣба могущественнымъ образомъ возбуждаютъ вашу заботливость о бѣдной части городского населенія, нуждающагося въ работѣ и пищѣ, я, тѣмъ не менѣе, считаю нужнымъ просить васъ сообщить мнѣ, по полученіи настоящаго письма, о принятыхъ вами на этотъ счетъ мѣрахъ. Ничто не должно васъ удерживать отъ выполненія заботъ столь важныхъ, какъ съ точки зрѣнія религіи, такъ и съ точки зрѣнія гуманности. Оцѣните, господа, всѣ ужасы суровой зимы; подумайте только, какія бѣдствія испытываютъ въ эту минуту ваши сограждане, ваши ближніе; взвѣсьте тѣ послѣдствія, которыя могутъ отсюда проистечь, и разсудите, существуютъ ли такія соображенія, которыя бы могли освободить васъ отъ обязанности употребить въ дѣло всѣ находящіяся въ вашей власти средства для предотвращенія этихъ пагубныхъ послѣдствій". Интендантъ рекомендуетъ устройство благотворительныхъ работъ для работоспособныхъ и теплыхъ помѣщеній для неспособныхъ къ работѣ и не могущихъ пріобрѣсть себѣ топлива. „Примите во вниманіе, господа,—продолжаетъ интендантъ—всю

[1]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 208.
[2]) *Archives nationales,* H 1418.—*Pièces justificatives,* Nr. 211.

остроту переживаемаго момента, передъ грозною повелительностью котораго должны отступить всякіе планы и соображенія экономіи. Пріостановите наименѣе спѣшныя изъ вашихъ работъ, задержите уплату обыкновенныхъ расходовъ, займите, если надобно, но сдѣлайте такъ, чтобы ваши бѣдняки и рабочіе не оставались безъ средствъ къ существованію..." [1]).

XX.

Голодовка 1788-1789 г., яркимъ описаніемъ которой начинаетъ Тэнъ свой второй томъ *Происхожденія современной Франціи*, была въ значительной степени подготовлена различными сельскохозяйственными катастрофами предыдущаго года. Такова была пронесшаяся 13-го іюля 1788 г. по центральной и сѣверной Франціи (и захватившая часть Бельгіи) страшная градовая буря [2]), уничтожившая на своемъ пути всѣ нивы наканунѣ ихъ жатвы [3]). Въ какихъ-нибудь шесть-семь минутъ „великолѣпный урожай, какого не видали вотъ уже нѣсколько лѣтъ—пишетъ понтуазскій субделегатъ (парижскаго интендантства)—былъ уничтоженъ безвозвратно". „Самыя мелкія градины были величиной въ голубиное яйцо, наиболѣе крупныя достигали размѣровъ небольшой винной бутылки, большинство же были величиной въ кулакъ... Жито было смято, какъ будто по нему прошла цѣлая армія. Виноградники потеряли и листву и плоды; мѣстами виноградные кусты были повырваны съ корнемъ. Деревья оказались также въ плачевномъ состояніи, съ обломанными вѣтвями, съ ободранными стволами..." [4]).

Катастрофа 13-го іюля 1788 г. ограничилась, по крайней мѣрѣ, сравнительно незначительною частью Франціи; но ни одинъ уголокъ

[1]) *Archives nationales*, H 1420.—*Pièces justificatives*, Nr. 216.

[2]) „Une des plus mémorables chutes de grêle que la météorologie ait enregistrées"—говоритъ объ этой бурѣ Фламмаріонъ. — *Seré-Depoin*, Trois catastrophes à Pontoise, 1880, p. 9.

[3]) *Seré-Depoin*, Trois catastrophes à Pontoise en 1788—1789, Pontoise, 1880, p 7 et suiv.: *l'abbé Sainsot*, l'Orage de 1788 en Beauce (*Mémoires de la Société ... d'Eure-et-Loire*, t. XII, p. 141—172); *Rey*, Cahier de Saint-Prix, p. 3; *Chassin*, les Elections et les Cahiers de Paris, t. II, p. 31, 58, 87, 102, 463—464; *Chérest*, la Chute de l'Ancien régime, t. II, p. 110 et suiv; *Taine*, les Origines, t. II, p. 4.

[4]) *Seré-Depoin*, op. cit., p. 10—12.

послѣдней не спасся отъ наступившихъ въ декабрѣ того года лютыхъ морозовъ, превзошедшихъ своею суровостью даже морозную зиму 1783—1784 г. Въ Провансѣ и Лангдокѣ погибла отъ мороза значительная часть оливковыхъ и каштановыхъ деревьевъ. Въ центрѣ морозъ достигалъ 18 градусовъ по Реомюру. Сена, Луара и другія рѣки покрылись льдомъ, что было равносильно перерыву сообщеній между нѣкоторыми областями и прекращенію подвоза продуктовъ къ городамъ, пользовавшимся для этого рѣками и каналами. Съ замерзаніемъ маленькихъ рѣчекъ стали водяныя мельницы, и населеніе очутилось безъ хлѣба даже и тамъ, гдѣ въ зернѣ недостатка не было. „Съ прекращеніемъ работы мельницъ, ставшихъ изъ-за мороза,—пишетъ орлеанскій интендантъ Сипьеръ-де-Шевилльи Неккеру 24-го декабря 1788 г.—три города въ моемъ генеральствѣ терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ; такая же перспектива угрожаетъ и прочимъ городамъ. Для того чтобы обезпечить ихъ продовольствіемъ, мнѣ пришлось—да вѣроятно и еще придется—закупать хлѣбъ въ мѣстностяхъ располагающихъ избыткомъ его" [1]). Начавшійся, съ наступленіемъ оттепели въ январѣ 1789 г., ледоходъ и разливъ рѣкъ довершилъ бѣдствія лютой зимы. Пострадали какъ поля, такъ и города и селенія. Выше Орлеана, на Луарѣ образовался заторъ изъ льда, и когда вздувшаяся рѣка прорвала эту ледяную плотину, то хлынувшая на городъ ледяная волна произвела въ немъ страшныя опустошенія: набережныя были разрушены, многіе дома повреждены и частью совершенно уничтожены, при чемъ не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ [2]).

Уже съ начала 1789 г. администрацію начинаетъ тревожить вопросъ объ обезпеченіи населенія хлѣбомъ до будущаго урожая. Въ февралѣ 1789 г. финансовый интендантъ де-Монтаранъ проситъ амьенскаго интенданта сообщить ему свѣдѣнія относительно количества имѣющагося въ области хлѣба; при этомъ однако онъ рекомендуетъ интенданту осторожность и осмотрительность при собираніи свѣдѣній, въ виду того, что „уже одна мысль о существованіи нужды въ хлѣбѣ производитъ часто такое же впечатлѣніе, какъ самая нужда, и принятыя безъ надлежащей осмотрительности мѣры предупрежденія противъ голодовки иногда достаточны для

[1]) *Archives nationales,* H 1420 Cypierre de Chevilly à Necker, 24 décembre 1788.

[2]) Ibidem. Relation, par un Citoyen véridique (impr.)

того, чтобы вызвать мысль, что голодовка уже существуетъ, и тогда съ результатами такого состоянія умовъ бываетъ труднѣе бороться, чѣмъ съ дѣйствительной нуждой" [1]). Въ отвѣтъ на разосланный интендантомъ, вслѣдствіе этого письма, циркуляръ [2]), субделегатъ городка Руа сообщаетъ, что онъ соберетъ самыя точныя справки. „хотя это и не особенно легко, въ виду нежеланія лицъ, имѣющихъ хлѣбные запасы, сообщать о нихъ точныя свѣдѣнія". Цѣны хлѣба растутъ съ каждымъ базарнымъ днемъ, „и народъ начинаетъ понемногу роптать и вполголоса грозить мятежомъ. До сихъ поръ впрочемъ ничего не произошло, и надо желать, чтобы такъ продолжалось. Какъ бы то ни было, еще далеко до новаго хлѣба и я опасаюсь, чтобы дѣлаемыя здѣсь значительныя закупки хлѣба для Парижа не поставили насъ въ затруднительное положеніе" [3]). Субделегатъ города Калэ пишетъ 16-го февраля 1789 г.: „Постановленіе королевскаго совѣта отъ 23-го ноября [4]), а также постановленіе парламента касательно хлѣбной торговли, предписывающія продавать зерно и муку не иначе, какъ въ крытыхъ рынкахъ и на рыночныхъ площадяхъ, вызвали слѣдствія діаметрально противоположныя той цѣли, которая этими постановленіями преслѣдовалась: замѣтивъ безпокойство правительства, сельскіе хозяева воспользовались этимъ, чтобы повысить цѣны на свои произведенія" [5]). Амьенскій субделегатъ, констатируя прогрессивное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, возлагаетъ большія надежды на ввозъ хлѣба изъ-заграницы. „Сельскіе хозяева, бывшіе до сихъ поръ полными господами цѣнъ этого товара, встрѣтятъ конкурренцію, которая должна дать хорошіе результаты" [6]). Нѣкоторые субделегаты даютъ утѣшительные отвѣты: хлѣба должно хватить до новаго урожая [7]). Субделегатъ города Мондидье, находя мѣстные за-

[1]) *Inventaire des archives departementales de la Somme,* C 104. De Montaran à d'Agay, 9 fevrier 1789.

[2]) Ibidem. Circulaire de l'intendant d'Agay aux Subdélégués, 12 fevrier 1789.

[3]) Ibidem. Subdélégué de Roye à l'Intendant, 16 février 1789.

[4]) *Arrêt du conseil concernant le commerce des grains,* 23 novembre 1788 —*Isambert,* Recueil, t. XXVIII, p. 629 suiv.—Въ видахъ предупрежденія скупки хлѣба торговцами съ цѣлью поднятія цѣнъ на хлѣбъ, этимъ постановленіемъ торговля хлѣбомъ была обставлена различными ограниченіями, напримѣръ—запрещеніемъ продавать хлѣбъ гдѣ бы то ни было, кромѣ рыночныхъ площадей.

[5]) Ibidem. Le subdélégué Duflos à l'intendant, 16 février 1789.

[6]) Ibidem. Le subdélégué Derveloy à l'Intendant, 17 février 1789.

[7]) Ididem. Les Subdélégués Dubrun (18 février 1789), Balis (21 février), Levavasseur (22 février) à l'Intendant.

пасы хлѣба достаточными, высказываетъ однако нѣкоторыя опасенія, въ виду „усиленнаго вывоза хлѣба въ сосѣднія области и въ Парижъ, а также въ виду того, что сельскіе хозяева „не спѣшатъ сбывать свои хлѣбные запасы", въ ожиданіи дальнѣйшаго повышенія цѣнъ [1]). Резюмируя въ своемъ письмѣ отъ 26-го февраля 1789 г. донесенія своихъ субделегатовъ, интендантъ, въ виду продолжающагося повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, угрожающаго въ ближайшемъ будущемъ настоящей голодовкой, предлагаетъ, въ качествѣ предупредительной мѣры, поощреніе, путемъ премій, ввоза хлѣба изъ-за границы [2]).

Не смотря на предупредительныя мѣры, наступившая весна принесла съ собою голодовку въ большей части областей Франціи. На этотъ разъ интенданты прибѣгаютъ ко всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ мѣрамъ „благотворительности", которыя ими были испытаны въ тяжелый 1784 г., хотя въ эту позднѣйшую пору имъ уже приходится дѣлить свои „благотворительныя заботы" съ учрежденными въ 1788 г. провинціальными комиссіями (commissions intermédiaires). Такъ, орлеанскій интендантъ, въ своемъ письмѣ къ Неккеру отъ 20-го мая 1789 г., сообщаетъ, что онъ „рекомендовалъ орлеанскому муниципалитету просить провинціальную комиссію объ устройствѣ благотворительныхъ работъ". „Я перешлю въ Вандомъ—подолжаетъ интендантъ—присланный вами транспортъ риса. Первое вспомоществованіе въ 300 квинталовъ я роздалъ въ Солони и Виньоблѣ, гдѣ нужда особенно рѣзко даетъ себя знать, и гдѣ цѣны на хлѣбъ особенно высоки" [3]).

Узнавъ, что нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ выдерживаютъ въ своихъ амбарахъ собранный отъ десятины хлѣбъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго повышеніы цѣнъ, алансонскій интендантъ Жюльенъ „въ вѣжливыхъ письмахъ даетъ имъ понять, что въ подобный моментъ на народъ производитъ дурное впечатлѣніе это выжиданіе дальнѣйшаго повышенія цѣнъ". Интендантъ считаетъ даже нелишнимъ немножко припугнуть черезчуръ разсчетливыхъ пастырей, прибавляя, что „ропотъ ихъ прихожанъ дошелъ до него, и что послѣдніе грозили даже пустить въ ходъ насиліе, для того чтобы добыть себѣ хлѣба, на который они полагаютъ, что имѣютъ нѣко-

[1]) Ibidem. Le subdélégué Pucelle à l'Intendant, 23 février 1789.
[2]) Ibidem. L'intendant d'Amiens à M. de Montaran, 26 février 1789
[3]) *Archives nationales,* H 1420.—*Pièces justificatives,* Nr. 224.

торое право, въ виду того, что священники имѣютъ его отъ ихъ же, прихожанъ, щедротъ" [1]).

Тотъ же интендантъ Жюлльенъ спѣшитъ успокоить своего сосѣда, турскаго интенданта, по случаю вывоза хлѣба изъ предѣловъ турскаго генеральства въ алансонское. „Что касается слуховъ, о которыхъ вы пишете, дорогой собратъ, касательно скупки хлѣба, производимой будто бы нашими алансонскими обывателями и жителями нѣкоторыхъ изъ окрестныхъ мѣстностей, то я имѣю честь завѣрить васъ, что это не болѣе, какъ сплетни... По моему глубокому убѣжденію, во всемъ Алансонѣ имѣется не болѣе семи-восьми тысячъ мѣръ (boisseaux) хлѣба, что составляетъ около четырехъ тысячъ вѣсовыхъ кило. Судите сами, великъ ли такой запасъ для 14—15 тысячъ ртовъ на тѣ четыре мѣсяца, которые отдѣляютъ насъ отъ будущаго урожая. Не придавайте, дорогой собратъ, никакой вѣры слухамъ о нашихъ хлѣбныхъ богатствахъ... Что касается вывоза хлѣба изъ области Мэна въ мою провинцію, то этотъ фактъ вѣренъ, но это всегда имѣло мѣсто, въ виду того, что округа алансонскій и аржантанскій производятъ хлѣбъ лишь въ очень маломъ количествѣ. Полагаю даже, что эта часть вашего генеральства очень бы бѣдствовала, если бы не имѣла подъ бокомъ сбыта для излишка производимаго ею хлѣба... Вѣрьте, дорогой собратъ, что только настоятельная нужда заставляетъ насъ вывозить хлѣбъ изъ вашей области, и все, что мы оттуда получаемъ, идетъ исключительно на наше собственное потребленіе... Вы подѣлитесь съ нами произведеніями вашей почвы, а мы вамъ доставимъ средства для дальнѣйшаго ея улучшенія" [2]).

Перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ сообщаетъ, что, по случаю съѣзда выборщиковъ въ генеральные штаты, въ Перпиньянѣ сильно вздорожалъ хлѣбъ, такъ что онъ нашелъ себя вынужденнымъ распорядиться выдавать бѣднымъ по двѣсти фунтовъ въ день на свой собственный счетъ. „Я настоялъ также — продолжаетъ интендантъ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г. —на томъ, чтобы городъ пріостановилъ взиманіе въ свою пользу установленной пошлины на муку, для того чтобы такимъ путемъ понизить цѣны на печеный хлѣбъ". Выборы прошли благополучно, безъ нарушенія порядка. Но

[1]) Lettre de Jullien à l'Intendant de Tours, 19 avril 1789.—*Duval.* Ephémérides de la Moyenne Normandie et du Perche en 1789, Alençon, 1890, p. 61—62.
[2]) Ibidem.

вскорѣ цѣны на хлѣбъ снова быстро пошли въ гору, пришлось снова бороться съ грознымъ призракомъ голода. „Я побудилъ—пишетъ Ремонъ-де-Сенъ-Сов́ръ—нѣсколькихъ честныхъ и богатыхъ негоціантовъ-хлѣботорговцевъ взять на себя обязательство доставлять нужный для области хлѣбъ впредь до новаго урожая; съ своей стороны, я имъ далъ слово не вмѣшиваться въ ихъ торговыя операціи. Мнѣ было извѣстно, что значительное количество хлѣба было припрятано въ выжиданіи дальнѣйшаго повышенія цѣнъ, и я полагалъ, что этимъ хлѣботорговцамъ удастся заставить выйти наружу хлѣбные запасы, которые жадность держала подъ спудомъ". Хлѣботорговцы не сразу однако согласились на предложеніе интенданта. „Не гонясь за прибылью, они однако требовали гарантіи противъ возможныхъ убытковъ во время сбора новаго урожая, подававшаго хорошія надежды. При этомъ они не желали, изъ опасенія различныхъ затрудненій, обращаться за возмѣщеніемъ убытковъ ни къ правительству, ни къ провинціальному собранію; я имъ предложилъ въ видѣ гарантіи—мое собственное имущество. Купцы согласились, но отказались взять отъ меня письменное обязательство, заявивъ, что довольствуются моимъ словомъ". Хлѣботорговцы исполнили взятое на себя обязательство, и область была обезпечена хлѣбомъ до новаго урожая. Операція дала лишь незначительный убытокъ въ 1,800 ливровъ, который интенданту даже не пришлось выплачивать изъ своего кармана, потому что эта сумма была возмѣщена изъ казны [1]).

Въ іюнѣ и іюлѣ 1789 г. парижскій интендантъ Бертье-де-Совиньи занятъ организаціей подвоза хлѣба въ столицу, гдѣ начиналъ ощущаться недостатокъ въ немъ. Для ускоренія операцій и для личнаго наблюденія надъ ними, онъ отправился изъ Парижа въ область [2]), откуда ему суждено было возвратиться уже не по своей волѣ, а плѣнникомъ озвѣрѣвшей толпы, нафанатизированной пущенною про интенданта злобной клеветой, будто онъ занимается скупкой хлѣба для вымариванія народа голодомъ. Клевета эта стоила жизни этому дѣятельному и гуманному администратору, растерзанному тѣмъ самымъ народомъ, о пропитаніи котораго онъ такъ заботился въ эти послѣдніе дни двадцатипятилѣтняго управленія своего об-

[1]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790.—*Pièces justificatives,* Nr. 225.

[2]) *Seré-Depoin,* Trois catastrophes à Pontoise, p. 269—270.

ластью, проникнутаго постоянной заботой о благѣ своихъ управляемыхъ, особенно же той части ихъ, которой жилось всего труднѣе [1]).

Во многихъ мѣстностяхъ на почвѣ голодовки возникаютъ народныя волненія. Приписывая учащеніе безпорядковъ въ своемъ генеральствѣ сравнительной безнаказанности послѣднихъ, алансонскій интендантъ Жюлльенъ сообщаетъ министрамъ о комадированіи имъ въ мѣста послѣднихъ безпорядковъ жандармскаго офицера (lieutenant de maréchaussée) для производства дознанія и ареста главныхъ зачинщиковъ. „Безъ сомнѣнія,—продолжаетъ интендантъ —могло бы быть полезнымъ дать устрашающій примѣръ на мѣстахъ [2]); *но надо, полагаю, также принять во вниманіе тѣ мотивы, которыми обусловливаются эти безпорядки. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ несчастными, которые нуждаются въ хлѣбѣ, и для которыхъ онъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ дорогъ*“. Признавая однако „опаснымъ обнаруживать снисходительность въ подобные моменты“, интендантъ предлагаетъ такую мѣру: арестовать нѣсколькихъ изъ наиболѣе замѣшанныхъ въ безпорядкахъ лицъ и увезти ихъ въ Алансонъ, „подъ предлогомъ готовящагося суда надъ ними“. *На самомъ же дѣлѣ ихъ можно и не судить*, потому что ихъ ареста и „неизвѣстности относительно дальнѣйшей судьбы, ожидающей арестованныхъ, будетъ достаточно для того, чтобы предупредить всякій новый мятежъ“ [3]).

XXI.

Существовавшій въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Парижѣ воспитательный домъ былъ единственнымъ во всемъ королевствѣ, и потому, хотя его назначеніемъ было служить исключительно нуждамъ столицы, онъ сталъ притягивать къ себѣ подкидышей и изъ провинціи. Въ парижскій воспитательный домъ, принимавшій до 1740 г. въ среднемъ до трехъ тысячъ дѣтей въ годъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ доставлялось уже до восьми тысячъ, въ томъ числѣ около трети изъ провинцій, не исключая и самыхъ отдаленныхъ. На этой почвѣ

[1]) О трагической смерти Бертье, см. *Pièces justificatives*, Nr. 450.

[2]) Интендантъ намекаетъ, очевидно, на возможность примѣненія предусматриваемой закономъ высшей кары за „мятежъ“—смертной казни.

[3]) *Archives départementales de l'Orne*, C 1166. Lettres de Jullien à Villedeuil, Necker et de Puységur, 20 juin 1789 (цит. по *Duval*, Ephémérides, p. 93).

развился даже особый промыселъ—профессіональныхъ перевощицъ дѣтей изъ провинціи въ Парижъ, при чемъ большинство дѣтей гибли по дорогѣ отъ недостаточнаго ухода и отъ тяжелыхъ условій переѣзда, особенно при тогдашнихъ способахъ передвиженія. „Просвѣщенная администрація“ не могла конечно не обратить вниманія и на эту послѣднюю сторону дѣлу, столь „интересную для человѣчества“. Въ виду всего этого, правительство, въ лицѣ генералъ-контролера аббата Террэ, обратилось въ концѣ 1772 г. съ циркулярнымъ предложеніемъ ко всѣмъ интендантамъ королевства—озаботиться принятіемъ „благоразумныхъ мѣръ, какія ими будутъ найдены подходящими, для того чтобы положить конецъ этому непорядку“ и обязать дома ли призрѣнія, сеньеровъ ли, обладающихъ правомъ высокой юстиціи [1]), на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе подкидышей,—обязать ихъ исполнять этотъ долгъ, „предписываемый законами и гуманностью“ [2]). Призывъ, раздавшійся сверху, не остался безплоднымъ. Алансонскій интендантъ Жюлльенъ былъ однимъ изъ первыхъ среди „просвѣщенныхъ администраторовъ“, который немедленно и горячо отозвался на него. Циркуляръ министра помѣченъ 26 декабря, а 8-го слѣдующаго января интендантъ пишетъ на него длинный отвѣтъ. Высказывая полную готовность содѣйствововать разрѣшенію поставленнаго министромъ вопроса, интендантъ дѣлится съ нимъ своими мыслями, предположеніями, надеждами и опасеніями. „Затрудненіе—говоритъ онъ—въ средствахъ. Правда, обязанность заботиться объ участи своихъ подкидышей должна лежать на каждой изъ областей. Въ моемъ генеральствѣ есть примѣры, что отдѣльные приходы облагались особымъ налогомъ для содержанія такихъ дѣтей; но такой порядокъ связанъ со многими неудобствами. Обложенный приходъ смотритъ съ неудовольствіемъ на увеличеніе своихъ налоговъ, не имѣя въ то же время надежды заставить ухаживать за ребенкомъ его мать, которую надо было еще разыскать. Съ другой стороны, несчастная дѣвушка,

[1]) *Seigneurs hauts justiciers* — сеньеры, имѣвшіе право суда по всѣмъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ тѣхъ категорій дѣлъ, которыя королевскими ордоннансами были объявлены подлежащими исключительному вѣдѣнію королевскаго суда *(cas royaux)*.

[2]) *Eugène Plantié*, les Enfants assistés dans l'Orne au XVIII-e siècle, lettres et mémoires de l'intendant Jullien, 1777—1789, Alençon, 1885, p. 10—12 (lettre de l'abbé Terray à Jullien, 26 décembre 1772, in extenso).

боясь, какъ бы ея ошибка не раскрылась, готова скорѣе оставить своего ребенка на погибель, чѣмъ подвергаться риску быть открытой... Не подлежитъ сомнѣнію, что отсутствіе всякихъ затрудненій при пріемѣ дѣтей въ парижскомъ воспитательномъ домѣ обезпечило жизнь множеству этихъ несчастныхъ дѣтей".

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, интендантъ временно рѣшаетъ этотъ вопросъ для своего генеральства такимъ образомъ. Роль воспитательныхъ домовъ будутъ временно исполнять существующія въ области больницы. Принятыя дѣти будутъ отдаваться на воспитаніе „кормилицамъ" за особую плату, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ больничныхъ управленій и подъ общимъ надзоромъ интенданта и его субделегатовъ. Если средства той или другой больницы окажутся недостаточными для покрытія этой новой статьи расходовъ, то издержки эти будутъ приняты на счетъ „провинціи", которую придется обложить для этой цѣли соотвѣтствующимъ добавочнымъ налогомъ. Въ заключеніе письма интендантъ увѣдомляетъ министра, что имъ уже разосланы соотвѣтствующія инструкціи больничнымъ управленіямъ и субделегатамъ [1]). Къ чести больничныхъ управленій, большинство изъ нихъ отнеслись въ духѣ „просвѣщенной гуманности" къ возлагавшейся на нихъ новой и отвѣтственной обязанности, связанной съ лишними хлопотами и издержками. Изъ всѣхъ больницъ, къ которымъ обратился интендантъ, „отъ одной лишь, изъ Бернэ — пишетъ онъ къ министру — я получилъ представленія противъ своего предложенія". Интендантъ жалуется на эту „оппозицію общественному благу" со стороны больничнаго управленія, обнаруживающаго „узкій кругозоръ и ложное усердіе къ личнымъ интересамъ". „Я постарался—продолжаетъ интендантъ— выяснить имъ ихъ заблужденіе, доказавъ, что воспитаніе подкидышей ничего не будетъ имъ стóить". Однако управленіе одной изъ больницъ генеральства упорно отказывается принимать подкидышей. Исчерпавъ всѣ средства увѣщанія, интендантъ наконецъ съ сердцемъ сообщаетъ одному изъ высшихъ чиновниковъ контроля, завѣдующему дѣломъ призрѣнія, о своемъ рѣшеніи „поручить своему субделегату озаботиться пріисканіемъ для этихъ дѣтей кормилицъ". А для уплаты послѣднимъ установленнаго вознагражденія, „я издамъ — пишетъ интендантъ—исполнительный листъ для взысканія причитающейся суммы лично съ членовъ больничнаго управленія. Это единственный способъ урезонить этихъ господъ

[1]) Ibidem, p. 13—16.

и принудить ихъ къ этому акту гуманности, отъ котораго они до сихъ поръ недостойнымъ образомъ уклонялись" [1]).

Встрѣченная интендантомъ частичная „оппозиція общественному благу" имѣла и свою положительную сторону; она выяснила интенданту необходимость общеобязательной организаціи дѣла, за которое онъ принялся. Детальная разработка послѣдняго потребовала около двухъ съ половиною лѣтъ. Результаты ея были сведены въ обширной „запискѣ", которую интендантъ представилъ въ 1775 г. генералъ-контролеру. „Затрудненіе въ средствахъ"—это былъ главный вопросъ, и его разрѣшенію интендантъ посвящаетъ большую часть своей записки. По закону, содержаніе подкидышей должно лежать на обязанности сеньеровъ, обладающихъ правомъ „высокой юстиціи", но этотъ устарѣлый законъ не отвѣчаетъ болѣе ни дѣйствительному положенію дѣла, ни потребностямъ времени. Такихъ сеньеровъ осталось мало въ области, и было бы несправедливо возлагать на нихъ однихъ всю тяжесть этой обязанности. Это было бы, кромѣ того, и опасно по своимъ послѣдствіямъ для призрѣваемыхъ дѣтей, такъ какъ „можно опасаться, чтобы эти дѣти не стали жертвами скупости сеньеровъ и часто даже—недостаточной ихъ зажиточности". Съ другой стороны, было бы несправедливо взваливать новое податное бремя на и безъ того уже черезчуръ обремененныхъ плательщиковъ тальи. Было бы наиболѣе согласно, какъ съ видами справедливости, такъ и съ интересами самаго дѣла,—возложить связанныя съ призрѣніемъ подкидышей издержки на всѣхъ землевладѣльцевъ. „Хотя подкидыши являются, быть можетъ, рѣже слѣдствіемъ слабости людей богатыхъ, которые въ состояніи обезпечить пропитаніе своихъ дѣтей, и хотя большинство брошенныхъ дѣтей своимъ появленіемъ на свѣтъ обязаны людямъ неимущимъ..., тѣмъ не менѣе—пишетъ интендантъ—я полагаю, что издержки, о которыхъ идетъ рѣчь, должны покрываться исключительно землевладѣльцами: вѣдь такимъ путемъ будутъ сохранены для сельскаго хозяйства рабочія руки, которыя отплатятъ ему за полученное отъ него благодѣяніе" [2]). Правда, связанныя съ организаціей этого дѣла издержки, значительныя уже въ самомъ началѣ, будутъ, несомнѣнно, возрастать съ каждымъ годомъ, такъ какъ къ принятымъ уже дѣтямъ будутъ постоянно присоединяться вновь доставленныя, и ихъ

[1]) Ibidem, p. 93—94.
[2]) Ibidem, p. 40.

придется содержать вплоть до достиженія ими такого возраста, когда они въ состояніи будутъ сами добывать себѣ средства къ существованію. Но какъ же быть иначе? Не возвращаться же къ прежнему порядку, при которомъ больше двухъ третей несчастныхъ дѣтей гибло во время перевозки ихъ изъ провинціи въ Парижъ, а остальная треть добиралась до воспитательнаго дома еле живыми. „Насколько должно страдать человѣчество отъ подобнаго злоупотребленія, способствовавшаго къ тому же обезлюденію провинцій!“ [1]).

Филантропическіе мотивы тѣсно переплетаются у Жюлльена, какъ это видно уже изъ приведенныхъ отрывковъ изъ его записки, съ соображеніями экономическими въ духѣ физіократовъ. Заботы о „прогрессѣ сельскаго хозяйства“ сквозятъ и въ слѣдующей фразѣ записки: „Я разсчитываю пристроить ихъ (подкидышей) на воспитаніе у крестьянъ, которые охотно пойдутъ на это, привлеченные перспективой различныхъ льготъ, которыя я имъ намѣренъ дать; крестьяне пріучатъ дѣтей къ труду, для котораго они рождены“ [2]).

Какъ бы то ни было, съ 1773 г. въ алансонскомъ интендантствѣ подкидыши принимаются безпрепятственно во всѣхъ больницахъ, безъ всякихъ опросовъ приносящихъ. Каждый вновь принятый ребенокъ передается немедлено одной изъ состоящихъ при больницѣ кормилицъ, для ухода за нимъ впредь до прибытія изъ деревни одной изъ кормилицъ, которыя заранѣе заявили больницѣ о своемъ желаніи принять дѣтей на воспитаніе. За воспитаніе каждаго ребенка деревенскимъ кормилицамъ выдается отъ пяти до девяти ливровъ въ мѣсяцъ, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, и кромѣ того, отъ 24 до 60 л. въ годъ на одежду. Послѣднюю статью расхода интенданту удалось вскорѣ значительно сократить, передавши дѣло снабженія дѣтей одеждой особому поставщику за 19 л. 10 су за каждаго. Не смотря однако на всѣ усилія интенданта, лично объѣзжавшаго больницы для ближайшаго ознакомленія со всѣми подробностями дѣла, общая сумма издержекъ по призрѣнію дѣтей превысила въ первый же годъ сорокъ тысячъ ливровъ; въ 1782 г. она превысила уже шестьдесятъ тысячъ, а въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—девяносто тысячъ.

Для наблюденія за воспитаніемъ дѣтей въ деревняхъ, время отъ времени командируются для ревизіи особыя лица, съ порученіемъ

[1]) Ibidem, p. 42.
[2]) Ibidem, p. 47.

убѣдиться на мѣстѣ, „пользуются ли дѣти хорошимъ уходомъ и отпущенною для нихъ одеждой“; въ случаѣ неблагопріятныхъ результатовъ ревизіи, дѣти передаются въ другія руки [1]).

Администраторъ-филантропъ входитъ лично во всѣ подробности дѣла. „Трудность найти иногда кормилицъ за умѣренную цѣну — говоритъ онъ въ своей рѣчи при открытіи алансонскаго провинціальнаго собранія въ 1787 г.—побудила меня попробовать вскармливать этихъ дѣтей коровьимъ молокомъ. Каковы бы ни были выгоды этого способа вскармливанія, но прежде чѣмъ примѣнить его на дѣлѣ, я обратился съ запросомъ къ врачамъ, чтобы узнать, можетъ ли быть коровье молоко вполнѣ пригоднымъ для дѣтей. Всѣ они одобрили мой проектъ, съ тою лишь предосторожностью, чтобы въ началѣ вскармливанія молоко разбавлялось немного водой. Такимъ путемъ сократилась нужда въ женщинахъ, которыя бы могли лично вскармливать дѣтей. Брать на воспитаніе дѣтей могла съ тѣхъ поръ всякая женщина, лишь бы у нея была корова. Нѣкоторыя изъ нихъ берутъ до трехъ питомцевъ: двухъ коровъ оказывается для нихъ болѣе, чѣмъ достаточно. Въ настоящее время я вполнѣ убѣдился въ преимуществахъ изложенной методы; изъ списковъ смертности дѣтей у кормилицъ, оказывается, что послѣдняя значительно ниже для тѣхъ изъ питомцевъ, которые кормятся коровьимъ молокомъ. Дѣло въ томъ, что большинство женщинъ, берущихся кормить своимъ молокомъ, до такой степени бѣдны, что едва себя пропитываютъ, и не трудно понять, почему ихъ молоко не должно отличаться питательностью“. Новая метода имѣетъ еще одно преимущество. „Заботясь о сохраненіи жизни этихъ малютокъ, я въ то же время щажу здоровье ихъ кормилицъ, которымъ, при вскармливаніи ихъ грудью, эти дѣти, зачастую—плодъ разврата, передаютъ ядъ, которымъ они иногда сами заражены“. Интендантъ не считаетъ возможнымъ ограничить свои заботы о подкидышахъ ихъ дѣтскимъ возрастомъ, но считаетъ необходимымъ „заняться изысканіемъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ подданныхъ для государства“. „По достиженіи питомцами семилѣтняго возраста—говоритъ интендантъ—я ихъ пристраиваю у крестьянъ, которые иногда ихъ принимаютъ безплатно, иногда довольствуются какою-либо незначительною льготой или же умѣреннымъ вознагражденіемъ. Эти ма-

[1]) Ibidem, p. 65—68, 71.

ленькіе пришлецы воспитываются въ семьѣ, какъ свои дѣти, привыкаютъ къ этому положенію и въ то же время пріучаются къ труду. Вдали отъ города, они не видятъ соблазновъ. Если ребенокъ слишкомъ слабъ для деревенскихъ работъ, я его отдаю какому-нибудь ремесленнику, который его обучаетъ своему ремеслу, за что получаетъ вознагражденіе въ черыре луи (въ годъ) до достиженія питомцемъ такого возраста, когда онъ окажется въ состояніи самостоятельно зарабатывать себѣ средства къ существованію“ [1]).

Въ концѣ 1789 г. Жюлльенъ принимаетъ близкое участіе въ судьбѣ пятилѣтняго подкидыша, нуждающагося въ операціи извлеченія камня. Ни одинъ изъ алансонскихъ врачей не рѣшается произвести опасную операцію. „Ребенокъ этотъ —пишетъ по этому поводу интендантъ генералъ-контролеру—принадлежитъ однако націи, и не должна ли послѣдняя попытаться спасти его? И я думаю, что попытка увѣнчалась бы успѣхомъ, если бы оказалось возможнымъ отправить больного въ парижскій домъ призрѣнія (Hôtel-Dieu)... Если вы это мнѣ разрѣшите, я изыскалъ бы средства для отправки его въ Парижъ“ [2]).

Примѣръ Жюлльена можетъ служить иллюстраціей дѣятельности „просвѣщенныхъ администраторовъ“ по части „облегченія страждущаго человѣчества“ въ лицѣ призрѣваемыхъ дѣтей [3]).

XXII.

Въ царствованіе Людовика XVI принимается цѣлый рядъ мѣръ для улучшенія положенія невольныхъ обитателей тюремъ, и интен-

[1]) *Procès-verbal... de l'assemblée provinciale de la Moyenne Normandie*, 1787.—*Pièces justificatives*, Nr. 124.

[2]) *Duval*, Ephémérides, p. 208 (lettre de Jullien du 25 décembre 1789).—Сравн. ibidem, p. 212.

[3]) Въ 1780 г. Сенакъ-де-Мейльянъ учреждаетъ въ валансьенской городской больницѣ безплатный пріютъ для бѣдныхъ роженицъ и подкидышей. Изъ соображеній гуманности, роженицамъ гарантировалось ихъ инкогнито; дѣти ихъ поступали на содержаніе больницы, и сверхъ того, каждая роженица имѣла право на пособіе въ двѣнадцать су ежедневно въ теченіе десяти дней, „для того чтобы дать имъ возможность просуществовать до пріисканія какой-либо работы, и предотвратить возвращеніе къ распущенной жизни подъ давленіемъ безысходной нужды“.—*Legrand*, Senac de Meilhan, p. 139—140.—О дѣятельности другихъ интендантовъ въ этой области „благотворительности“, см.: *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. 141—142;

данты, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ входитъ также надзоръ за тюрьмами, идутъ въ первыхъ рядахъ навстрѣчу этому филантропическому движенію.

Шалонскій интендантъ Руйллье-д' Орфейль настаиваетъ въ 1786 г. на немедленной перестройкѣ реймсской тюрьмы. „Я не въ состояніи— пишетъ онъ генералъ-контролеру—дать вамъ сколько-нибудь вѣрное представленіе объ этомъ ужасномъ помѣщеніи; я былъ самъ пораженъ, когда пришелъ посмотрѣть въ первый разъ. Это—царство отчаянія и смерти. Тутъ все насквозь пропитано безнадежностью и смертью. Это скорѣе какое-то логовище дикихъ звѣрей, чѣмъ человѣческое жилище“ [1]).

По почину интенданта ле-Февръ-де-Комартэна, въ безансонской тюрьмѣ для заключенныхъ женщинъ было устроено особое помѣщеніе, каждому заключенному была отведена отдѣльная постель, и больные были отдѣлены отъ здоровыхъ. Были устроены особыя помѣщенія для мастерской и для столовой, улучшено питаніе и т. д. [2]).

Канскій интендантъ, посѣтившій въ концѣ 1784 г. имѣвшуюся въ Канѣ старинную башню, казематы которой было предположено превратить въ дополнительное помѣщеніе для арестантовъ, „нашелъ ихъ настолько ужасными, что не счелъ возможнымъ дать имъ предположенное назначеніе и предложилъ главному инспектору госпиталей осмотрѣть ихъ, для того чтобы представить соотвѣтствующій докладъ министру и доказать ему невозможность терпѣть подобное безобразіе (une pareille monstruosité“) [3]).

XXIII.

Возникшее въ первые годы царствованія Людовика XVI, по почину Трюдэня, одного изъ лучшихъ представителей тогдашней *просвѣщенной администраціи* [4]), королевское медицинское общество въ

Dumas, la Généralité de Tours, p. 265—366; *Babeau,* la Province, t. II, p. 302—303; *Babeau,* la Ville, t. II, p. 213; *Archives nationales,* H 168, 1311.

1) *Archives departementales de la Marne,* C 1207.

2) Voyage d'une Française en Suisse et en Franche-Comté, 1790, t. II, p. 224 (цит. по *Babeau,* la Province, t. II, p. 113).

3) *Joly,* les Lettres de cachet dans la généralité de Caen, p. 10.

4) „C'était un homme bienfaisant“—замѣчаетъ по поводу его смерти въ 1777 г. парижскій хроникеръ.—См. также выше, т. I, стр. 631.

Парижѣ [1]), преслѣдовавшее двоякую задачу: научной разработки медицины—съ одной стороны, и организаціи медицинской помощи населенію страны—съ другой [2]),—это „благодѣтельное учрежденіе" нашло себѣ многихъ дѣятельныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ въ лицѣ „просвѣщенныхъ администраторовъ" провинціи.

Центръ тяжести дѣятельности медицинскаго общества лежалъ въ борьбѣ съ повальными болѣзнями, этимъ „бичемъ человѣчества", и скотскими падежами, этимъ „бичемъ сельскаго хозяйства". Эпидеміи особенно часто посѣщали деревенское населеніе, истощенное частыми голодовками и тяжелымъ трудомъ. „Дѣйствительно,—пишетъ въ 1783 г. турскій интендантъ дю-Клюзель—когда истощенные трудомъ и нуждой организмы подвергаются губительному вліянію перемѣнчивой погоды и насыщеннаго вредоносными испареніями воздуха, тогда смерть коситъ обильную жатву" [3]). Эпидеміи и скотскіе падежи, можно сказать, являются такимъ же постояннымъ, хроническимъ явленіемъ, какъ и голодовки: нѣтъ того момента, когда нигдѣ, ни въ одномъ уголкѣ королевства не было бы одного изъ этихъ зловѣщихъ гостей, которые ктому же сплошь да рядомъ навѣщаютъ ту или другую мѣстность вдвоемъ, а то и втроемъ [4]). Тифъ [5]) почти не выводится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе „лишеній и плохого питанія", какъ докладываетъ

[1]) *Société royale de médecine* историческій эмбріонъ нынѣшней парижской медико-хирургической академіи.—*Mauguin,* Etudes historiques sur l'administration de l'agriculture en France, Paris, 1876, t. II, p. 265.

[2]) „Вамъ не безызвѣстно—пишетъ 12-го іюня 1779 г. Неккеръ шалонскому интенданту—, что учрежденное недавно королевское медицинское общество имѣетъ своею задачею не только пріобрѣтеніе новыхъ знаній въ искусствѣ врачеванія, но также и оказаніе медицинской помощи тѣмъ гражданамъ, которые всего менѣе въ состояніи добыть себѣ такую помощь".—*Archives départementales de la Marne,* C 366.

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 403, Lettre du 12 avril 1783 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 368).

[4]) *Archives nationales,* 15 230 (донесенія интендантовъ объ эпидеміяхъ). Валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ пишетъ, напримѣръ, 22-го февраля 1789 г.: „Les habitants de Fumay ont éprouvé un picore épidémique occasionné tant par la misère que par la rigueur de la saison et même la disette des vivres".—Сравн. *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 1423, 1435, 1436; *Archives departementales de la Marne,* C 366, 371, 2987; *Archives nationales,* H 94, 613, 719, 903, 928, 1062, 1482, 1602, 1606.

[5]) „Fièvre maligne", „fièvre putride".

одинъ субделегатъ,—„и вслѣдствіе изнуренія работой", какъ добавляетъ другой [1]).

И въ этомъ случаѣ „просвѣщенные администраторы" не ограничиваются отписками и переписками съ субделегатами—съ одной стороны, съ медицинскимъ обществомъ и генералъ-контролеромъ—съ другой, но проявляютъ много собственнаго почина и активности.

Изслѣдователь архивовъ канскаго и алансонскаго интендантствъ говоритъ, что заключающіеся въ нихъ документы „свидѣтельствуютъ объ усердіи приходскихъ священниковъ, монаховъ, монахинь, сердобольныхъ женщинъ, субделегатовъ, интендантовъ, министровъ и самого короля—въ борьбѣ съ эпидеміей" [2]). Въ безансонсомъ интендантствѣ, всякій разъ какъ интендантъ получаетъ свѣдѣніе о появленіи эпидеміи въ какой-либо части области, на мѣсто немедленно командируются врачи. Субделегаты составляютъ списки пострадавшихъ и посылаютъ ихъ интенданту, какъ матеріалъ для составленія раскладочной росписи податныхъ облегченій [3]). Весною 1785 г. пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантейль озабоченъ мѣрами для „доставленія съ наивозможной скоростью врачебной помощи бѣднымъ сельскимъ обывателямъ, имѣвшимъ несчастіе подвергнуться эпидемическимъ заболѣваніямъ" [4]).

Нѣкоторые изъ интендантовъ не ограничиваются одною лишь врачебною помощью пострадавшимъ. Такъ, въ 1779 г. появляется эпидемія въ турскомъ генеральствѣ. Интендантъ немедленно выхлопатываетъ отъ казны восемьдесять тысячъ ливровъ на борьбу съ бѣдствіемъ. Населенію пораженныхъ мѣстностей раздается безплатно хлѣбъ, рисъ, мясо, сидръ, молоко, лекарства. Все генеральство раздѣлено на медицинскіе участки, каждый съ врачемъ во главѣ, и наиболѣе усердные изъ нихъ получаютъ отъ интенданта особыя награды [5]). Въ 1781 г. появляется заразная болѣзнь въ одной бургонской деревушкѣ. Интендантъ немедленно командируетъ врача, съ порученіемъ принять мѣры противъ эпидеміи

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 363.

[2]) *Bernier*, Essai sur le Tiers Etat rural de Basse-Normandie, Paris et Lyon, 1892, p. 46.

[3]) *Lurion*, op. cit., p. 37.

[4]) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 123. Boula de Nanteuil à Blactot, 8 avril 1785.

[5]) *Inventaire des archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 401—407 (цит. по *Babeau*, la Province, t. II, p. 300).

и представить потомъ докладъ о ней въ дижонскую Академію, а если будетъ признано нужнымъ, то и въ королевское медицинское общество [1]). Алансонскій интендантъ Жюлльенъ не считаетъ возможнымъ „быть бережливымъ по отношенію къ несчастнымъ обывателямъ деревень, впавшимъ въ болѣзнь и лишенныхъ средствъ съ нею бороться". „Какъ только до меня доходитъ—говоритъ Жюлльенъ въ своей рѣчи при открытіи алансонскаго провинціальнаго собранія,— что въ какомъ-либо изъ сельскихъ приходовъ появились опасныя по своимъ послѣдствіямъ заболѣванія, я командирую туда врача. Такъ какъ большинство больныхъ не въ состояніи добыть себѣ бульона, въ которомъ могутъ имѣть надобность, то я поручаю мѣстному священнику изготовлять бульонъ у себя на дому и уплачиваю ему сдѣланные имъ по этому случаю расходы. При помощи этого недорогого средства я имѣлъ удовлетвореніе спасти жизнь нѣкоторымъ изъ такихъ людей, которые бы погибли безъ этой помощи" [2]).

XXIV.

Для оказанія безплатной медицинской помощи сельскому люду интенданты располагали особымъ запасомъ лекарствъ, которые ежегодно присылались имъ изъ Парижа. Посылка изъ Парижа въ провинціи лекарствъ (boîtes de remèdes) для безплатной раздачи бѣднымъ больнымъ практиковалась уже при Людовикѣ XIV, но въ началѣ восемнадцатаго вѣка прекратилась и была возобновлена лишь въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія [3]), хотя первоначально лишь въ скромныхъ размѣрахъ. Впервые серьезное значеніе эта мѣра получила лишь съ 1769 г., когда количество ежегодно разсылаемыхъ интендантамъ лекарственныхъ дозъ было увеличено съ 126,910 почти до одного милліона [4]). Постановленіемъ совѣта 1-го марта 1769 г. было предписано, „въ видахъ предупрежденія и леченія различныхъ эпидемическихъ болѣзней, отъ которыхъ часто страдаетъ въ особенности сельское на-

[1]) *Archives nationales*, H 190 (цит. по *Babeau*, la Province, t. II, p. 300).

[2]) *Procès-verbal... de l'Assemblée provinciale de la Moyenne Normandie*, 1787.—*Pièces justificatives*, Nr. 124.

[3]) *Archives départementales de la Marne*, C 360.—Ошибочно утвержденіе г. де-Калонна, что „ящики съ лекарствами" ведутъ свое начало только съ 1728 г.—*Calonne*, la Vie agricole dans le Nord de la France, p. 243.

[4]) Точная цифра: 932. 136. — *Archives départementales de la Marne*, C 361.

селеніе", разсылать ежегодно интендантамъ „семьсотъ сорокъ два маленькихъ и тридцать двѣ большихъ коробки съ лекарствами". Послѣднія должны были выдаваться въ завѣдованіе различнымъ „сердобольнымъ особамъ" для раздачи нуждающимся. Въ виду доказанной опытомъ пользы такой посылки лекарствъ въ провинціи, а также въ виду недостаточнаго ихъ количества, принятымъ по предложенію Тюрго постановленіемъ королевскаго совѣта отъ 9-го февраля 1776 г., число ежегодно разсылаемыхъ коробокъ съ лекарствами было увеличено до 2.258, въ томъ числѣ 32 большихъ [1]).

Интенданты также усердно распространяютъ среди сельскаго населенія издаваемыя правительствомъ различныя „наставленія" и „руководства" по части предупрежденія и леченія домашними средствами различныхъ заразныхъ и другихъ наиболѣе обычныхъ въ деревенскомъ быту заболѣваній [2]). Не довольствуясь этимъ, нѣкоторые изъ интендантовъ сами издаютъ подобные листки и брошюры для мѣстнаго населенія. Такъ, безансонскій интендантъ де-ла-Корэ издаетъ и разсылаетъ своимъ субделегатамъ для распространенія среди населенія области брошюру, содержащую въ себѣ различные гигіеническіе совѣты и наставленія, въ видахъ предохраненія отъ наиболѣе распространенныхъ въ области заболѣваній [3]).

Постановка больничнаго дѣла, оставлявшая желать очень многаго [4]), представляла собою обширное поприще для административ-

1) *Isambert,* Recueil, t. XXIII, p. 348—349. Arrêt du conseil portant qu'il sera envoyé annuellement dans les provinces 2258 boîtes de remèdes pour être distribués gratuitement aux pauvres des campagnes, 9 février 1776. — Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Дюма ошибочно называетъ цитируемый королевскій актъ *эдиктомъ* (*Dumas,* la Généralité de Tours, p. 339).

2) *Lurion,* M. de Lacoré, p. 37.

3) Генералъ-контролеръ Тюрго разсылаетъ въ 1775—1776 г. интендантамъ печатныя наставленія къ леченію бѣшенства и къ обеззараживанію подозрительныхъ въ санитарномъ отношеніи кожъ животныхъ (*Archives départementales de la Marne,* C 174). — Генералъ-контролеръ де-Калоннъ разсылаетъ въ 1785 г. интендантамъ печатное „Наставленіе къ леченію помѣшанныхъ и уходу за ними"; въ 1787 году—„наставленіе къ леченію венерическихъ болѣзней" (*Archives départementales de la Marne,* C 175).—Лангдокскій интендантъ де-Баллэнвиллье получаетъ въ 1785 г. отъ генералъ-контролера де-Ламбера, для распространенія въ области, двѣсти экземпляровъ „Руководства къ уходу за больными" (*Archives nationales,* H 1063).

4) Отсутствіе самыхъ элементарныхъ санитарныхъ и гигіеническихъ условій, тѣснота, доходившая до того, что на одну кровать помѣщали иногда до шести больныхъ, по трое въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.—*Babeau,* la Ville, t. II, p. 209.

ной благотворительности „прсвѣщенныхъ министровъ“ [1]), какъ и провинціальныхъ администраторовъ. Улучшеніе больничнаго дѣла составляетъ одну изъ первѣйшихъ заботъ турскаго интенданта дю-Клюзеля. Онъ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ главнымъ врачемъ турской больницы, которую самъ часто навѣщаетъ, для личнаго ознакомленія съ положеніемъ этого учрежденія и выполненіемъ различныхъ проектированныхъ улучшеній въ его организаціи. Онъ поддерживаетъ переписку съ мѣстнымъ архіепископомъ касательно раздачи вспомоществованій и средствъ больнымъ въ деревняхъ чрезъ посредство приходскихъ священниковъ [2]). Канскій интендантъ учреждаетъ, для изысканія способовъ къ улучшенію постановки больничнаго дѣла, постоянную комиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ изъ врачей и представителей городского управленія [3]).

XXV.

Санитарное состояніе селъ и городовъ также даетъ много случаевъ для „просвѣщеннаго“ вмѣшательства мѣстной администраціи въ лицѣ интендантовъ и субделегатовъ. „Лужи стоячей воды, зловонныя нечистоты, покосившіеся, наполовину вросшіе въ землю дома, лишенные воздуха“—такъ живописуетъ мѣстный субделегатъ внѣшній видъ улицъ мѣстечка Pont-l'Abbé въ Бретани [4]). Но и болѣе значительные города, даже „столицы“ областей, при всемъ своемъ показномъ блескѣ по части архитектурныхъ и прочихъ „украшеній“, недалеко ушли въ этомъ отношеніи отъ описаннаго мѣстечка. Въ большихъ городахъ, какъ Нантъ, улицы метутся разъ въ недѣлю, въ городахъ поменьше—ихъ не метутъ совсѣмъ. Пос-

1) Особенное вниманіе обратилъ на эту часть Неккеръ, нашедшій себѣ въ этомъ случаѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ своей жены.—*Necker*, De l'administration des finances, t. III, p. 176—178; *Mémoires secrets*, t. XXII, p. 232 (28 avril 1783).—См. также: *Lallemand*, Quinze années de réformes hospitalières 1774—1789 (*Compte rendu de l'Academie des sciences morales et politiques*, 1898); *Chotard*, les Hôpitaux en Auvergne au XVIII-e siècle (*Revue d'Auvergne*, 1897); *Faty*, les Hôpitaux de Quimper avant 1789 (*Bulletin de la Société... de Finistère*, 1883)

2) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 70 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 364).

3) *Inventaire des archives départementales du Calvados*, C 616, 773 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. II, p. 210).

4) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 1435.

лѣ метенія, „кучи мусора вдоль улицъ, оставаясь не убранными, снова расползаются по нимъ и покрываютъ собою улицы, какъ если бы онѣ вовсе не были метены“ [1]). Въ столицѣ Оверни, Клермонъ-Ферранѣ, англійскаго путешественника поразили „улицы, по своему цвѣту, неопрятности и зловонію напоминающія траншеи, прорѣзанныя въ кучѣ навоза“. „Вонь, заражающая воздухъ этихъ наполненныхъ нечистотами улицъ, заставляла меня завидовать нервамъ бравыхъ туземцевъ, которые, какъ мнѣ казалось, чувствовали себя какъ ни въ чемъ не бывало“ [2]). Напрасно стали бы мы искать объясненія такому положенію дѣлъ въ отсталости провинціи. Что столица въ этомъ отношеніи врядъ ли много ушла впередъ, можно судить хотя бы по письму министра Лоранъ-де-Вилльдейля къ парижскому городскому головѣ отъ 29-го января 1789 г., начинающемуся слѣдующими строками: „Я разсчитывалъ видѣть въ прошлый вторникъ г. де-Кроня [3]) и поговорить съ нимъ о жалобахъ города относительно сдѣланнаго этимъ магистратомъ распоряженія—разбросать по бульварамъ скопившіяся нечистоты и ледъ и свалить въ рѣку тѣ, которыя скопились на площадяхъ и набережныхъ“ [4]).

„Во время своихъ объѣздовъ области — пишетъ перпиньянскій интендантъ въ своемъ печатномъ *Отчетѣ* 1790 г.—я обратилъ вниманіе на недостатокъ чистоты въ деревняхъ, въ особенности въ горной области, гдѣ жители имѣли обыкновеніе сваливать навозъ передъ входомъ въ избу и держать свиней подъ одной съ собой крышей. Благодаря этому, улицы до крайности загрязнялись, воздухъ заражался и вызывалъ частыя заболѣванія, иногда повальныя. Насколько было въ моихъ силахъ, я старался исправить

1) *Dupuy,* Etudes sur l'administration municipale en Bretagne, 2-me partie, p. 2 et suiv.

2) *Young,* Voyages en France, t. I, p. 280.

3) Lieutenant général de police (Paris).

4) *Archives nationales,* O[1] 500, p. 64 (цит. по *Monin,* Etat de Paris en 1789, p. 378).—Сравн. Ordonnance de police contenant réglement général sur la répression des contraventions les plus fréquentes, Paris, 27 juillet 1777.—Пунктъ третій ордонанса запрещаетъ „выбрасывать на улицу соръ, грязь, нечистоты“; пунктъ пятый—„выливать или выбрасывать черезъ окна, днемъ ли, ночью ли, воду, мочу, испражненія и другія нечистоты, какого бы то ни было свойства“... Замѣтимъ, что, какъ гласитъ ордонансъ, дѣло идетъ о „*наиболѣе часто встрѣчающихся* нарушеніяхъ“ санитарныхъ правилъ.—*Isambert,* Recueil, t. XXV, p. 59.

эти дурныя привычки". Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, недостатокъ чистоты обусловливался зачастую недостаткомъ воды. „Я обратилъ вниманіе—продолжаетъ интендантъ—на недостаточное количество водоемовъ, находившихся къ тому же иногда въ довольно плохомъ состояніи". Интендантъ принимаетъ мѣры къ восполненію этого важнаго пробѣла въ дѣлѣ народнаго здравія, побуждая городскія управленія устраивать новые водоемы и приводить въ исправность старые. Въ Перпиньянѣ, „столицѣ" области, по его иниціативѣ, устраивается до полудюжины водоемовъ, „дающихъ здоровую и чистую воду народу—даромъ, а людямъ зажиточнымъ за умѣренную плату". Это было дѣло первой необходимости"—замѣчаетъ интендантъ [1]).

Въ четырехъ лье отъ Перпиньяна интендантъ нашелъ горячіе минеральные источники, „очень цѣлебные, но крайне запущенные, до такой степени что какъ бассейнъ, такъ и сводъ ваннаго заведенія явно разваливались, а источникъ для питья имѣлъ видъ ручейка, куда женщины ходили полоскать бѣлье... Я привелъ ванное заведеніе въ приличный и удобный для пользованія водами видъ, а источникъ для питья обставилъ такими же удобствами, какія имѣются въ другихъ водолечебныхъ заведеніяхъ королевства. Вызванный этимъ приливъ посѣтителей—какъ изъ Франціи, такъ и изъ Испаніи—въ скоромъ времени поставитъ мѣстныхъ жителей въ возможность устроить удобныя и комфортабельныя квартиры, которыхъ до сихъ поръ совершенно не было въ этой мѣстности". Въ шести лье отъ названнаго источника имѣется другой минеральный источникъ, славящійся своей цѣлебностью противъ грудныхъ болѣзней. Интендантъ нашелъ этотъ послѣдній источникъ въ состояніи еще большей запущенности, а ведущую къ нему дорогу—въ „ужасномъ" состояніи. „Я привелъ — продолжаетъ онъ — цѣлебный источникъ въ благоустроенный видъ, а дорогу, ведущую между пропастями и обрывами, сдѣлалъ безопасной для проѣзда во всякое время. Такъ какъ поблизости нѣтъ никакого селенія, то я устроилъ небольшую гостиницу, гдѣ лечащіеся водами пользуются удобнымъ помѣщеніемъ, ваннами и цѣлебной водой для питья за тридцать су въ день".

Вниманіе интенданта обратило на себя, между прочимъ, то обстоятельство, что „медицина, хотя и довольно хорошо поставленная

[1]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790.—*Pièces justificatives,* Nrs. 165, 189.

въ Руссильонѣ, страдала однако недостаточнымъ знакомствомъ съ химіей, столь необходимой для приготовленія прописанныхъ лекарствъ; что горы, наполненныя цѣнными металлами, какъ-то— желѣзомъ, свинцомъ, мѣдью,—находились въ совершенномъ пренебреженіи,— рудники забрасывались, либо плохо разработывались,—минеральныя воды, при всей своей цѣлебности противъ многихъ болѣзней, были мало извѣстны, содержались въ плохомъ состояніи, или же находились въ полномъ забросѣ,—наконецъ, мукомольное и хлѣбопечное дѣло было, можно сказать, въ дѣтскомъ состояніи въ Руссильонѣ. Я командировалъ въ Парижъ молодого, хорошо образованнаго врача и далъ ему средства для прожитія въ столицѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. За это время онъ тамъ прослушалъ нѣсколько курсовъ по химіи, минералогіи и хлѣбопеченію,—и прослушалъ ихъ съ большимъ успѣхомъ, по признанію самыхъ извѣстныхъ спеціалистовъ во всѣхъ этихъ полезныхъ наукахъ. По возвращеніи его изъ командировки, я обратился къ министру съ ходатайствомъ объ учрежденіи (въ Перпиньянѣ) каѳедры химіи съ правомъ чтенія безплатныхъ курсовъ, на что послѣдовало разрѣшеніе министра. Я поручилъ названному врачу заняться разработкой вопроса о горномъ дѣлѣ и кромѣ того назначилъ его инспекторомъ минеральныхъ водъ" [1]).

Въ 1780 г. интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ устроилъ лечебницу на цѣлебныхъ водахъ и грязяхъ Сентъ-Аманда, съ нѣсколькими безплатными помѣщеніями для бѣдныхъ больныхъ [2]).

Начало благоустройству минеральныхъ водъ Бурбуль въ Оверни, одного изъ извѣстнѣйшихъ во Франціи курортовъ въ настоящее время, было положено послѣднимъ овернскимъ интендантомъ де-Шазера [3]).

Дижонскій интендантъ Амело, при своемъ объѣздѣ области въ 1784 г., обращаетъ вниманіе на многочисленность прудовъ въ областяхъ Брессъ и Домбъ; они, по мнѣнію интенданта, заражаютъ воздухъ и вызываютъ постоянныя заболѣванія, чѣмъ „крайне вредятъ населенію". Чтобы положить конецъ этой „ужасной гибели человѣчества" (ce dépérissement affreux de l'humanité), интендантъ представляетъ министру о необходимости „почти полнаго уничтоженія прудовъ". Амело находитъ также „крайне нездоровою" во-

[1]) Ibidem.—*Pièces justificatives,* Nrs. 161, 165.
[2]) *Legrand,* op. cit., p. 141.
[3]) *Legrand d'Aussy,* Voyage en Auvergne, t. II, p. 55.

ду, которою пользуется городъ Дижонъ, и хлопочетъ объ устройствѣ снабженія своей „столицы" ключевой водой [1]).

XXVI.

Занесенное въ шестидесятыхъ годахъ изъ Англіи оспопрививаніе [2]) находитъ себѣ дѣятельныхъ піонеровъ среди „просвѣщенныхъ администраторовъ", которымъ слишкомъ часто приходилось быть свидѣтелями тѣхъ ужасныхъ опустошеній, которыя производила среди дѣтскаго населенія деревень страшная гостья, носившая названіе оспы [3]). Такъ, уже въ 1765 г., значитъ—за десять лѣтъ до того, когда „примѣръ, данный королемъ и принцами, ввелъ оспопрививаніе въ моду" [4]), безансонскій интендантъ де-ла-Корэ приглашаетъ въ Безансонъ доктора Жіора, одного изъ немногихъ въ ту пору спеціалистовъ оспопрививанія, для обученія послѣднему мѣстныхъ врачей и фельдшеровъ. Въ виду благопріятныхъ результатовъ первыхъ опытовъ, интенданту удалось въ 1777 г. выхлопотать у правительства разрѣшеніе выдавать изъ средствъ провинціи три тысячи франковъ ежегодно въ видѣ вознагражденія оспопрививателямъ [5]). Въ началѣ семидесятыхъ годовъ вводитъ у себя оспопрививаніе парижскій интендантъ Бертье-де-Совиньи; въ теченіе одного 1783 г. имъ расходуется на эту часть болѣе шести тысячъ ливровъ [6]).

---

1) *Archives nationales,* H 202, 2.—Compte-rendu de la tournée de l'intendant de Bourgogne, 1784.—*Pièces justificatives,* Nr. 161.

2) *Le Hoc* (médecin de la faculté de Paris), Avis sur l'inoculation de la petite vérole, 1763; *Lecamus,*. Projet d'anéantir la petite-vérole, Paris, 1767; idem, Plan proposé pour l'exécution du projet d'anéantir la petite-vérole, 1770; idem, Lettre sur la maison d'inoculation établie au grand Charonne, Paris, 1771.—*Quérard,* op. cit., t. V, p. 38—39, 117.

3) Разъ, напримѣръ, въ Генганѣ (Бретань) оспа уноситъ половину всего дѣтскаго населенія города. — *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 1404.

4) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, 2-me série, t. I, p. 93 (12 août 1774): „L'exemple donné par le Roi et les Princes ses frères a tellement mis en vogue l'inoculation que les inoculateurs ne peuvent suffire au nombre de ceux qui requièrent leur médecine".—Сравн. ibidem, p. 203 (19 septembre 1782): „Le roi et la reine sont au château de la Muette pour y faire inoculer, sous leurs yeux, Mme Royale, leur fille; Mme la comtesse d'Artois fait aussi inoculer, à Passy, Mlle sa fille".

5) *Lurion,* op. cit., p. 39.

6) *Procès-verbal... de l'assemblée provinciale de l'Isle-de-France,* 1787, p. 151.—*Pièces justificatives,* Nr. 119.

Поощряемые сверху, интенданты находятъ себѣ дѣятельную помощь снизу, со стороны своихъ субделегатовъ. „Было бы желательно— пишетъ въ 1786 г. своему бретанскому интенданту одинъ изъ его субделегатовъ—, чтобы оспопрививаніе, польза котораго признана правительствомъ, было введено въ госпиталяхъ, и чтобы туда допускались бѣдныя дѣти какъ изъ города, такъ и изъ деревень. Несомнѣнно, что такимъ путемъ была бы сохранена жизнь огромнаго числа индивидуумовъ, гибнущихъ въ настоящее время жертвами безпомощности своихъ родителей“ [1]. „Просвѣщенному“ субделегату не пришлось долго ждать, потому что въ томъ же 1786 году генералъ-контролёръ де-Калоннъ сообщалъ интендантамъ о „намѣреніи короля распространить на провинціи прогрессъ оспопрививанія“, въ виду чего „Его Величество одобрилъ проектъ обязательной прививки оспы всѣмъ дѣтямъ-подкидышамъ, находящимся въ госпиталяхъ“ [2].

XXVII.

Шестидесятые и слѣдующіе годы отмѣчены, между прочимъ, устройствомъ во множествѣ провинціальныхъ городовъ безплатныхъ *акушерскихъ курсовъ* „для сельскихъ женщинъ“. Въ этомъ филантропическомъ движеніи принимаютъ участіе, какъ мы видѣли [3], представители всѣхъ слоевъ общества до священниковъ и епископовъ включительно; но иниціатива и руководящая роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, какъ было выше замѣчено, „просвѣщенной администраціи“ въ лицѣ интендантовъ.

Честь почина въ этомъ дѣлѣ, если вѣрить собственному заявленію овернскаго интенданта Баллэнвиллье, принадлежитъ именно ему [4]. Въ

[1]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 1435.

[2]) *Archives départementales de la Marne,* C 175. Calonne à Rouillé d'Orfeuil, 24 septembre 1786.

[3]) См. выше, стр. 410—412.

[4]) „J'ai établi dans la province des écoles pour la démonstration des accouchements, et c'est le premier établissement en ce genre qui ait été fait dans le royaume“.—*Ballainvilliers,* Etat de l'Auvergne en 1765, présenté à M. de Laverdy, contrôleur général de finances, Clermont-Ferrand, 1846, p. 92—93 (*Bibliothèque nat.,* Lk 2/218).—Исключеніе составляетъ Страсбургъ, гдѣ городскимъ управленіемъ была учреждена акушерская школа еще въ 1737 г.; но врядъ ли она имѣла въ виду именно „сельскихъ женщинъ“. — *Krug-Basse,* l'Alsace avant 1789, p. 294.

видахъ борьбы противъ крайне гибельныхъ для крестьянскаго населенія послѣдствій невѣжества деревенскихъ повитухъ, я—говоритъ Баллэнвиллье въ своемъ официіальномъ отчетѣ о состояніи своей области въ 1765 г.—„постарался воспользоваться изобрѣтеніемъ г-жи Дюкудрэ [1]. Я началъ съ того, что поручилъ г-жѣ Дюкудрэ обучить акушерскому искусству значительное число деревенскихъ женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ учредить постоянную школу для преподаванія послѣдняго. Въ этихъ видахъ я разослалъ во всѣ главные города провинціи по одной изъ машинъ г-жи Дюкудрэ. Въ каждомъ городѣ машина сдана на храненіе муниципальнымъ чиновникамъ, обязаннымъ держать ее въ зданіи думы. Въ каждомъ городѣ имѣется фельдшеръ, обученный непосредственно самой г-жей Дюкудрэ обращенію съ ея машиной. Эти фельдшера обязаны читать безплатно лекціи всѣмъ желающимъ. Субделегаты, совмѣстно съ приходскими священниками, намѣчаютъ въ своихъ приходахъ наиболѣе способныхъ и толковыхъ женщинъ. Опытъ показываетъ, что трехъ мѣсяцевъ практики совершенно достаточно, для того чтобы женщина, никогда не имѣвшая до тѣхъ поръ никакого знакомства съ этимъ искусствомъ, вполнѣ его усвоила".

Примѣру овернскаго интенданта послѣдовали не только многіе изъ его „собратьевъ", но также и нѣкоторые изъ провинціальныхъ штатовъ и возникшихъ въ семидесятыхъ годахъ провинціальныхъ собраній.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей овернскаго интенданта былъ графъ де-Блоссакъ, организовавшій, по тому же образцу, безплатные акушерскіе курсы въ Пуатье, Ніорѣ и Сабль-д'Олоннѣ. Среди мѣстныхъ фельдшеровъ было такое соревнованіе, что потре-

[1] Г-жа Дюкудрэ изобрѣла „une machine pour la démonstration des accouchements" (*Archives nationales*, H 1101).—Въ официіальной перепискѣ г-жа Дюкудрэ называется *maîtresse sage-femme, brevetée et pensionnée du roi*. Въ качествѣ таковой она получала изъ казны 4800 ливровъ жалованья (какъ это видно изъ напечатанной въ *Archives parlementaires*, t. XIII, p. 250, „livre rouge": „madame Ducoudray, chargée d'enseigner l'art d'accouchement, six premiers mois de 1783 de son traitement, 2400 livres").—Учредительное собраніе назначило ей въ 1791 г. денежное пособіе, согласно докладу комитета о пенсіяхъ (*Procès-verbal de l'Assemblée des communes et de l'Assemblée nationale*, imprimé par son ordre, t. XXIX, Nr. 401: décret du 4 septembre 1790; *Table des matières ... contenues dans les procès-verbaux de l'Assemblée nationale* [24 mars 1791] [*Bibliothèque nat.*, Le 27/14]).

бовалось вмѣшательство интенданта, чтобы размежевать „права“ различныхъ претендентовъ на преподаваніе акушерства по методу г-жи Дюкудрэ. Одинъ изъ учениковъ послѣдней, фельдшеръ Мори, былъ, по ея рекомендаціи, назначенъ послѣ нея „демонстраторомъ акушерскаго искусства“, какъ значится въ мѣстномъ ежегодникѣ [1]). Былъ затѣмъ объявленъ конкурсъ на премію въ пользу „фельдшерскаго помощника, наиболѣе искуснаго въ манипуляціяхъ съ машиной при родахъ двойней“. Изъ тринадцати конкуррентовъ побѣдителемъ былъ признанъ Joseph Poupin, которому и была присуждена премія, состоявшая изъ „набора ланцетовъ въ шагреневомъ футлярѣ, съ серебряными украшеніями и гербами города (Пуатье) и г. де-Блоссака, который имѣлъ любезность прислать эту вещь изъ Парижа“ [2]).

Въ 1771 г. завели у себя, въ г. Аррасѣ, акушерскую школу провинціальные штаты Артуа [3]).

Гренобльскій интендантъ де-ла-Корэ приглашаетъ въ 1772 г. въ Гренобль г-жу Дюкудрэ, которая и преподаетъ здѣсь свое искусство въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; ея аудиторію составляли сто двадцать слушательницъ и четырнадцать фельдшеровъ. Интендантъ „пожелалъ взять на свой счетъ расходы по раздачѣ премій, которыя состояли изъ хорошо переплетенныхъ и украшенныхъ гербами короля и интенданта экземпляровъ составленнаго г-жей Дюкудрэ краткаго руководства акушерскаго искусства“. Съ тѣхъ поръ „акушерскіе курсы“ продолжались регулярно въ Безансонѣ, подъ руководствомъ бывшихъ учениковъ г-жи Дюкудрэ; а въ 1776 г. интенданту удалось даже выхлопотать ежегодную субсидію отъ правительства въ размѣрѣ 1500 ливровъ „на содержаніе двѣнадцати слушательницъ и на расходы по организаціи курсовъ“ [4]).

Въ одно время съ гренобльскимъ интендантомъ, за дѣло насажденія „акушерскаго искусства“ въ своемъ итендантствѣ взялся энергичный шалонскій интендантъ Руйлле-д'Орфёйль, который, по примѣру своихъ коллегъ, началъ дѣло обращеніемъ къ содѣйствію приходскихъ священниковъ. Многіе изъ послѣднихъ отозвались съ большою

---

1) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII (1855), p. 305—306.

2) Ibidem.

3) *Filon*, Histoire des Etats d'Artois, p. 101.

4) *Lurion*, M. de Lacoré, Besancon, 1898, p. 37—38.

готовностью, можно сказать съ увлеченіемъ, на призывъ „просвѣщеннаго администатора“ [1]). Начинаніе шалонскаго интенданта имѣло успѣхъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ мы видимъ шалонское интендантство покрытымъ цѣлою сѣтью „акушерскихъ курсовъ“ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ интендантства [2]). Съ своей стороны, интендантомъ были приняты всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы побѣдить недовѣріе и косность „сельскихъ обывателей“ и привлечь „ученицъ“. Въ этихъ видахъ, послѣднимъ не только была обезпечена полная безплатность обученія, но кромѣ того еще и казенное содержаніе на все время послѣдняго (курсъ ученья былъ двухмѣсячный) [3]). Наконецъ, полученіе соотвѣтствующаго аттестата объ успѣшномъ прохожденіи „курса“ обезпечивало, какъ для его обладательницы лично, такъ и для ея мужа, извѣстныя, далеко немаловажныя въ крестьянскомъ быту льготы, заключавшіяся въ полномъ освобожденіи отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей и въ обезпеченіи на будущее время отъ всякой надбавки къ королевской „тальѣ“ [4]). Съ переходомъ акушерскихъ курсовъ въ вѣдѣніе провинціальнаго собранія, въ 1787 г., начатое интендантомъ дѣло продолжало развиваться, и въ 1788 г. исполнительная комиссія провинціальнаго собранія Шампани хлопочетъ о расширеніи существующей сѣти курсовъ, „этого драгоцѣннаго учрежденія, сохраняющаго жизнь множества подданныхъ его величества“. „Пожеланіе это опирается на самые могущественные мотивы гуманности“, и было бы по истинѣ „прискорбно быть въ подобномъ случаѣ экономнымъ“ [5]).

Организованные Руйллье-д'Орфейлемъ курсы оказались живымъ и жизненнымъ дѣломъ. Лѣтъ десять спустя послѣ ихъ начала, одинъ изъ обывателей Лангра пишетъ: „Городъ Кастръ не единственный въ Шампани, пользующійся привилегіей имѣть у себя без-

[1]) См. выше, стр. 411.

[2]) Въ резиденціяхъ выборныхъ коллегій.—*Archives départementales de la Marne,* C 2664.

[3]) Каждая „ученица“ получала по восьми су въ сутки на „пропитаніе“.—Ibidem.

[4]) *Archives départamentales de la Marne,* C 359.

[5]) *Archives départementales de la Marne,* C 2664. Précis des opérations de la Commission intermédiaire de Champagne: „Cette précieuse institution assure la vie d'une foule de sujets de S. M.... Ce voeu est fondé sur les plus puissants motifs de l'humanité.... Il est affligeant en pareil cas d'être économe“.—Стоимость содержанія курсовъ въ теченіе 1788 г. опредѣлилась въ суммѣ 4126 ливровъ.

платные акушерскіе курсы. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ нашъ городъ обязанъ этимъ учрежденіемъ интенданту Шампани, г. Руйлье. Устроилъ онъ это дѣло настолько безъ всякой остентаціи, что публика первое время даже не знала, что почипъ въ немъ принадлежалъ интенданту, и приписывала эту патріотическую идею г. епископу Кастра. Надо сказать, что въ этомъ дѣлѣ интендантъ нашелъ горячую отзывчивость со стороны городского управленія и дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ г. д'Арантьера, королевскаго врача въ этомъ городѣ. Изъ нашей акушерской школы, которая, сказать кстати, выдаетъ также преміи,—вышелъ уже цѣлый рядъ опытныхъ акушерокъ, способныхъ предупредить, къ сожалѣнію, слишкомъ частые несчастные случаи съ роженицами, даже въ самыхъ трудныхъ родахъ" [1].

Нѣсколькими годами позднѣе, въ 1778 г., организуетъ у себя акушерскіе курсы алансонскій интендантъ Жюльенъ. „Г. интендантъ этого генеральства—читаемъ мы въ докладѣ одной изъ комиссій алансонскаго провинціальнаго собранія въ 1787 г.—, виды котораго всегда характеризовались справедливостью и гуманностью, удрученный видомъ бѣдствій, проистекавшихъ для человѣчества, котораго онъ является другомъ, отъ глубокаго невѣжества и ужаснѣйшихъ предразсудковъ деревенскихъ повитухъ, учредилъ въ Алансонѣ акушерскіе курсы для деревенскихъ женщинъ". Съ своей стороны, авторы доклада высказываютъ пожеланіе, „чтобы предположеніе г. интенданта касательно распространенія этого благодѣтельнаго учрежденія на различные другіе города генеральства получило свое осуществленіе" [2]. Ежегодно „курсы" начинались 15-го декабря и продолжались въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, при ежедневныхъ двухъ лекціяхъ. За неимѣніемъ болѣе просторнаго помѣщенія, число ученицъ пришлось ограничить тридцатью пятью. „Но—замѣчаетъ интендантъ меланхолически — при всей незначительности этого числа и при всей, казалось бы, заманчивости обученія такому искусству.

[1] *Mémoires secrets,* t. XXVIII, p. 63—64 (24 janvier 1785). Extrait d'une lettre de Langres, du 18 janvier.

[2] Сравн. рѣчь алансонскаго интенданта при открытіи провинціальнаго собранія въ 1787 г.: *Pièces justificatives,* Nr. 124.—См. также *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, deuxième partie, t. II, p. 402 (procès-verbaux et rapports des Assemblées provinciales dans les généralités de Rouen, de Caen et d'Alençon, p. 215 et suiv.).

мои курсы остались бы безъ слушательницъ, если бы, глубоко убѣжденный въ полезности этого учрежденія, я не принялъ мѣръ къ тому, чтобы привлечь женщинъ—безплатностью обученія и обезпеченіемъ содержанія на все время послѣдняго“ [1]).

Высказывая признательность интенданту Тиру-де-Кроню за основанное имъ „благодѣтельное учрежденіе“, которое успѣло уже „произвести ощутительное благо“, комиссія руанскаго провинціальнаго собранія начинаетъ свой докладъ объ акушерскихъ курсахъ слѣдующимъ характернымъ для тогдашней „просвѣщенной администраціи“ вступленіемъ. „Можно бы прибѣгнуть здѣсь къ высокому краснорѣчію, ибо намъ предстоитъ говорить о человѣчности. Мы ограничимся однако простымъ обращеніемъ къ чувствительнымъ душамъ, и въ этомъ случаѣ мы заранѣе увѣрены, что вы будете поражены тою безотрадною картиной, какую представляютъ деревенскія повитухи... Въ виду очевидности этихъ злополучныхъ явленій, возмущающихъ природу, необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы просвѣтить деревню и распространить въ ней знаніе акушерскаго искусства“ [2]).

Амьенскій интендантъ графъ д'Агэ организуетъ въ восьмидесятыхъ годахъ акушерскіе курсы въ Амьенѣ, подъ руководствомъ мѣстныхъ акушеровъ, въ томъ числѣ Дону, отца извѣстнаго ученаго [3]). Въ восьмидесятыхъ же годахъ были устроены акушерскіе курсы бордоскимъ интендантомъ ле-Камюсъ-де-Невиллемъ, между прочимъ, учредившимъ при нихъ четыре „поощрительныя преміи“ для наиболѣе успѣшныхъ „ученицъ“ [4]). Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ лиможскомъ генеральствѣ функціонируютъ акушерскіе курсы въ каждомъ изъ главныхъ городовъ всѣхъ пяти выборныхъ округовъ генеральства, считая въ томъ числѣ и Лиможъ, „столицу“ области [5]).

Когда послѣдній перпиньянскій интендантъ, Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ, явился въ свое интендантство, онъ тамъ не нашелъ еще акушерскихъ курсовъ. „Не было въ деревняхъ акушерокъ—пишетъ онъ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г.—, повседневно повторялись несчастные

[1]) См. рѣчь интенданта (предыдущее примѣчаніе).

[2]) *Hippeau,* le Gouvernement de Normandie, deuxième partie, t. II, p. 262.

[3]) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 381.

[4]) *Mémoires secrets* t. XXXII (6 mai 1786). Extrait d'une lettre de Bordeaux, du 29 avril.

[5]) *Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne,* C 270.

случаи при родахъ, часто гибли одновременно и мать и ребенокъ. Я учредилъ безплатные акушерскіе курсы въ Перпиньянѣ, куда разрѣшилъ посылать сельскимъ общинамъ по одной женщинѣ для слушанія курса, продолжающагося одинъ мѣсяцъ" [1]).

Начиная со второй половины семидесятыхъ годовъ, акушерскіе курсы возникаютъ, по иниціативѣ мѣстныхъ интендантовъ, и во многихъ другихъ областяхъ, какъ-то: въ Бретани [2]), въ Эльзасѣ [3]), въ ліонскомъ генеральствѣ [4]), и во всѣхъ трехъ генеральствахъ Нормандіи: руанскомъ [5]), канскомъ [6]) и алансонскомъ [7]).

Кромѣ того, вслѣдъ за интендантами, подобную же организацію вводятъ у себя провинціальное собраніе Верней-Гюэни [8]) и провинціальные штаты Лангдока [9]), Беарна [10]), Бургони [11]) и др.

[1]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790.—*Pièces justificatives,* Nr. 161.

[2]) *Archives nationales,* H 613.

[3]) *Krug-Basse,* l'Alsace avant 1789, p. 294 (note).—До этого времени только Страсбургъ имѣлъ у себя акушерскую школу, которая была учреждена здѣсь городскимъ управленіемъ еще въ 1737 г.

[4]) *Tableau des fonds de différentes natures employés aux dépenses intérieures de la généralité de Lyon, depuis le 1-er septembre 1784 jusqu'au 1-er avril 1790,* Lyon, 1790, in-4, p. 11—12.—*Bibliothèque nat.,* Lb. 2/1102.—Общій расходъ на курсы—около 3000 ливровъ въ годъ (жалованье „профессору", содержаніе „ученицъ", преміи и пособія)

[5]) *Inventaire des archives départementales de la Seine-Inférieure,* C 95, 99.

[6]) *Mourlot,* l'Intendant Feydeau de Brou, ms., f. 5.

[7]) *Procès-verbal des séances de l'Assemblée provinciale de la Moyenne Normandie et du Perche,* etc., Lisieux, s. d., in-4.—*Bibliothèque nat.,* Lk 15—40.

[8]) *Procès-varbaux des séances de l'Assemblée provinciale de Haute-Guyenne,* Paris, 1787 *(Bibliothèque nat.,* Lk 14/15, in-4).

[9]) *Lois municipales et économiques de Languedoc,* Montpellier, 1780 et suiv., in-4, t. V, p 640 et suiv. (*Bibliothèque nat.,* Inv. F 12, 36). Сравн. *Mémoires secrets,* t. XVI (16 octobre 1780); *Rossignol,* Petits Etats d'Albigeois, ou Assemblée du diocèse d'Albi, Paris et Albi, 1875, p. 123.

[10]) *Archives nationales,* H 80, 1429.—Сравн. *Inventaire des archives départementales des Basses-Pyrénées,* série C.

[11]) *Archives departementales de la Côte-d'Or,* C 2413.- Сверхъ безплатности обученія, ученицы пользуются ежемѣсячнымъ пособіемъ на свое содержаніе въ размѣрѣ 24 ливровъ и сверхъ того—отъ 36 до 42 ливровъ на путевыя издержки, въ случаѣ переѣзда болѣе десяти льё. Кромѣ акушерскихъ, управленіемъ бургонскихъ штатовъ были организованы въ Дижонѣ также публичные безплатные курсы по анатоміи и по глазнымъ болѣзнямъ.—Сравн. *Almanach de la province de Bourgogne,* 1774—1788.—*Bibliothèque nat.,* Lc 29/31, in-8.

XXVIII.

Другъ человѣчества, просвѣщенный администаторъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *другъ народа* [1]).

Кардиналъ Ришелье держался того мнѣнія, что народъ слѣдуетъ держать впроголодь: иначе онъ не будетъ работать и будетъ бунтовать. Одинъ изъ интендантовъ второй половины семнадцатаго вѣка говоритъ о народѣ, какъ о „стоглавой скотинѣ, которая нуждается въ поводырѣ и сама не знаетъ, куда ее ведутъ“ [2]). Нельзя сказать, чтобы и въ „просвѣщенный вѣкъ“ народъ перестал голодать (хотя и меньше голодалъ, чѣмъ прежде),—чтобы онъ пересталъ нуждаться въ „поводырѣ“ и хорошо сознавалъ, „куда его ведутъ“; но во всякомъ случаѣ онъ пересталъ быть въ глазахъ представителей власти „скотиной“, которой не надо давать бѣситься съ жиру, и которую необходимо подгонять палкой, чтобы заставить работать. Ни одинъ „просвѣщенный администраторъ“ не позволилъ бы себѣ говорить въ подобномъ тонѣ о народѣ, какъ о „скотинѣ“, а о себѣ, какъ о „поводырѣ“. Нѣтъ, онъ не поводырь стада безсловесныхъ, онъ—*другъ народа* [3]), въ особенности—того народа, который состоитъ изъ „сельскихъ обывателей“, „земледѣльцевъ“, составляющихъ „наиболѣе драгоцѣнную часть“ націи [4]). *Другъ народа*, это—титулъ, которымъ „просвѣщенный администраторъ“ дорожитъ не меньше, чѣмъ титуломъ „просвѣщеннаго человѣка“ и „друга человѣчества“. Тюрго, который, въ качествѣ министра, былъ „другомъ государя“, по выраженію одного современника, „старался

[1]) Надпись къ портрету амьенскаго интенданта д'Агэ, исполненному по по заказу города Сенъ-Кантэна, говоритъ о немъ, какъ un tendre ami du peuple.—*Boyer de Sainte-Suzanne,* les Intendants de la généralité d'Amiens, p. 487.

[2]) *Depping*, Correspondance administrative, t. I, p. 783.

[3]) *Lescure*, Correspondance secrète, t. II, p. 69 (28 août 1786): „S. M. a réservé à son conseil l'examen de l'article des corvées, et a déclare qu'elle ne souffrirait pas que ses parlements apportassent d'obstacles à ses vues sur un objet, si interessant pour *la partie la plus précieuse de son peuple*“.

[4]) *Correspondance secrète, politique et littéraire*, t. III, p. 38—40 (un pamphlet en forme d'Evangile): „Les grands le haïssaient parce qu'il était l'ami du maitre et cherchait à être celui du peuple“.

быть въ то же время и другомъ народа". Ему впрочемъ и не было нужды особенно „стараться" въ этомъ случаѣ, такъ какъ та „любовь къ народу", въ особенности „къ сельскимъ обывателямъ",— о которой Тюрго-министръ заставляетъ говорить короля въ своихъ эдиктахъ [1]), была уже задолго до того однимъ изъ главныхъ двигателей дѣятельности его, какъ интенданта.

„Облегченіе народа", въ особенности же опять-таки „сельскаго люда", крестьянской массы, это одна изъ постоянныхъ заботъ „просвѣщеннаго администратора". Въ числѣ достоинствъ кандидата на должность субделегата, шалонскій интендантъ Руйлльe-д'Орфейль съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ, непосредственно послѣ „усердія къ службѣ государевой"—выказанную кандидатомъ „заботливость объ облегченіи сельскаго люда" [2]).

Перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совѣръ разсказываетъ въ своемъ *Отчетѣ*, какъ въ одинъ изъ своихъ объѣздовъ области ему пришлось раздать въ одной мѣстности нѣсколько маленькихъ премій за кузнечныя издѣлія, и какъ одинъ изъ получившихъ такую премію кузнецовъ заплакалъ отъ радости. Интендантъ выразилъ свое изумленіе, что полученіе такой незначительной награды (премія равнялась всего 36 ливрамъ) могло произвести такое сильное впечатлѣніе на парня. Присутствовавшій при этомъ мѣстный священникъ разъяснилъ интенданту его недоумѣніе. За 30 ливровъ мужикъ купитъ себѣ возъ пшеницы, а этого -въ придачу съ картофелемъ и маисомъ собственнаго производства—ему хватитъ, чтобы прокормить свою семью въ теченіе года. На остальные 6 л. мужикъ обзаведется кое-какой домашней утварью, а одежу они приготовляютъ домашнимъ образомъ. „Я былъ пораженъ этимъ сообщеніемъ —говоритъ интендантъ—и сказалъ съ грустью: „сколько людей, сколько семей въ королевствѣ могли бы получить существенное вспомоществованіе изъ тѣхъ 10—20,000 ливровъ, что получаетъ зачастую одно лицо!.." [3]).

Вліянію народолюбивыхъ вѣяній „просвѣщеннаго вѣка" не остаются чужды и низшіе агенты администраціи.

1) См. выше.

2) *Archives départementales de la Marne*, C 2055. Rouillé d'Orfeuil a Pierrot, 1 décembre 1783: „...votre zèle pour le service du roi, votre attention pour le soulagement des peuples de la campagne..."—*Pièces justificatives*, Nr. 35.

3) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte. 179.—*Pièces justificatives*. Nr. 146, p. 228.

Говоря о причинахъ народныхъ волненій и всеобщаго недовольства въ народѣ, субделегатъ мѣстечка Ploërmel въ Бретани замѣчаетъ (въ августѣ 1787 г.): „Великое зло въ нашемъ современномъ строѣ, это—то, что богатый слишкомъ богатъ, а бѣдный слишкомъ бѣденъ“ [1]).

Говоря съ сочувствіемъ о постановленіи королевскаго совѣта, которымъ кассировалось распоряженіе парламента, воспрещавшее косить жито,—распоряженіе крайне стѣснительное для крестьянъ и выгодное лишь для сеньеровъ [2]), — сенъ-кантенскій субделегатъ Колліетъ продолжаетъ (въ письмѣ къ амьенскому интенданту отъ 14-го января 1786 г.): „Теперь всѣмъ крестьянамъ, которые изъ-за этого находились подъ судомъ, можно косить или жать по ихъ желанію. Постановленіе о кассаціи гласитъ, что оно будетъ отпечатано и расклеено. Смѣю думать, что администрація всегда внимательная къ общему благу, должна бы взять на себя печатаніе и расклейку этого постановленія, заслуживающаго самой широкой гласности. Для всѣхъ, кто въ чисто земледѣльческой странѣ предпочитаетъ обильный сборъ хлѣба—обилію зайцевъ и куропатокъ, совершенно очевидна польза полученной земледѣльцемъ свободы косить или жать. Ему не нужно болѣе хлопотать о разрѣшеніи бальи на основаніи заключенія фискальнаго прокурора [3]),—не надо болѣе хлопотать о назначенія экспертовъ, –составлять протоколъ о количествѣ жита, подлежащаго уборкѣ косой и серпомъ, и потомъ еще другой протоколъ для удостовѣренія исполненія перваго; крестьянину не нужно болѣе оплачивать все это крючкотворство, да вдобавокъ – платить еще сторожу сеньеріи и ублаготворять его цѣлый годъ, чтобы задобрить его ко времени жатвы... Теперь, благодаря косьбѣ, у крестьянина будетъ вдоволь и соломы, которая

[1]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 1715. Lettre du 26 août 1789 (цит. по *Dupont,* la Condition des paysans dans la sénéchaussée de Rennes à la veille de la Révolution, Paris et Rennes, 1901, p. 20).

[2]) Стѣснительность этого распоряженія для земледѣльцевъ сама собою очевидна; выгоды же для сеньеровъ заключались, во-первыхъ, въ болѣе медленной уборкѣ крестьянскаго хлѣба, дававшей возможность дольше кормиться господской дичи, а во-вторыхъ—въ тѣхъ многочисленныхъ процессахъ, которыми было чревато упомянутое распоряженіе парламента; являясь подсудными сеньеріальнымъ судамъ, процессы эти служили одною изъ прибыльныхъ статей сеньеріальнаго хозяйства.

[3]) Procureur fiscal—блюститель фискальныхъ интересовъ сеньера въ судѣ.

замѣнить сѣно на кормъ скоту [1]). Значитъ, и корма и навоза будетъ больше. Бѣднякъ, интересъ котораго выдвигался (парламентомъ), для того чтобы прикрыть охотничью забаву, при косьбѣ получитъ также больше поживы [2]); наконецъ, вмѣсто двадцати дней, крестьянину теперь достаточно будетъ для уборки хлѣба десяти..." [3]).

По свидѣтельству Сенакъ-де-Мейльяна, „въ офиціальной перепискѣ этихъ магистратовъ (т. е. интендантовъ) можно найти краснорѣчивыя защитительныя рѣчи въ пользу народа" [4]). И это вѣрно, какъ вѣрно и то, что эти „краснорѣчивыя рѣчи" не были лишь модными фразами. Что вообще народолюбіе не является въ данномъ случаѣ лишь красивою декораціей, это уже достаточно показываетъ та часть „благотворительной" дѣятельности интендантовъ, съ которой мы познакомились; но это обнаружится еще нагляднѣе въ той части послѣдней, къ которой мы сейчасъ переходимъ, а именно—въ ихъ дѣятельности въ области лежавшихъ на народѣ налоговъ и повинностей.

XXIX.

Облегченіе податного времени „своей провинціи" составляетъ, какъ мы уже видѣли въ другой связи [5]), одну изъ постоянныхъ заботъ „просвѣщеннаго администратора", но преимущественнымъ объектомъ этихъ заботъ является „бѣдный плательщикъ тальи",—не протежируемый никакими привилегіями простой народъ.

Перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ, какъ „мыслящій администраторъ", „не можетъ видѣть безъ грусти, какъ бѣднякъ, земледѣлецъ, люди наиболѣе полезные и наименѣе матеріально обезпеченные, всегда наиболѣе обременены налогами и повинностями" [6]).

[1]) Потому что при косьбѣ солома получается длиннѣе, чѣмъ при уборкѣ жита серпомъ.

[2]) Въ силу освященнаго исконною традиціей обычая, бѣднымъ предоставлялось право собирать колосья на свѣже-скошенномъ или сжатомъ полѣ.

[3]) *Inventaire des archives départementales de la Somme,* C 132. Lettre de Colliette au comte d'Agay, 14 janvier 1786

[4]) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc, p. 141.

[5]) См. выше, стр. 303—305.

[6]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790: „L'administrateur qui pense... ne peut voir, sans chagrin, le pauvre, le cultivateur, les hommes enfin les plus utiles et les moins aisés, toujours les plus chargés".— *Pièces justificatives,* Nr. 189, p. 285.

Парижскій интендантъ Бертье-де-Совиньи „считаетъ своимъ долгомъ рекомедовать“ провинціальному собранію Иль-де-Франса, въ 1787 г., „три предмета, къ которымъ—говоритъ онъ—я всегда сохраню живѣйшую привязанность: это—бѣдные плательщики тальи, земледѣліе и сотрудниковъ, помогавшихъ мнѣ въ предпринимавшихся мною трудахъ“ [1]). Но на первомъ мѣстѣ все-таки—*бѣдные плательщики тальи, les pauvres taillables.*

Дижонскій интендантъ Амело въ 1785 г. обращаетъ вниманіе генералъ-контролера на „злоупотребленіе, въ высшей степени вредное для наименѣе зажиточнаго класса плательщиковъ, крестьянъ... Тѣ, что побогаче обзаводятся разными мелкими должностями и пользуются связанными съ ними привилегіями [2]), а въ результатѣ вся тяжесть податей ложится на остальныхъ (менѣе зажиточныхъ) плательщиковъ“ [3]). Я всегда старался—говоритъ алансонскій интендантъ Жюлльенъ при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія—„притти на помощь *народу, къ сожалѣнію слишкомъ всегда обремененному податями, благодаря тому, что тѣ люди, которые могли бы его защищать, зачастую заинтересованы въ томъ, чтобы оставить на немъ податное бремя, облегчить которое они могли бы не иначе, какъ взявъ часть его на самихъ себя*“. „Люди, которые могли бы“ и т. д., это—привилегированные и прежде всего—сеньеры. Обращаясь, далѣе, къ своимъ слушателямъ, интендантъ продолжаетъ: „Вы не ограничитесь, милостивые государи, поддержкой бѣдняка; вы постараетесь выяснить степень законности тѣхъ *многочисленныхъ льготъ, на которыя претендуютъ множество привилегированныхъ, подавляющихъ его (бѣдняка) своею массою.* Вы уничтожите тѣ изъ этихъ льготъ, которыя окажутся незаконно присвоенными; что же касается другихъ, то, быть можетъ, вамъ удастся найти средство устранить ихъ, внушивъ ихъ обладателямъ то *усердіе къ облегченію народа,* которымъ вы сами одушевлены“ [4]).

Филантропическое народолюбіе превращаетъ, такимъ образомъ, просвѣщеннаго администратора въ принципіальнаго противника

[1]) См. выше, стр. 396.

[2]) Между прочимъ—освобожденіемъ отъ подати *тальи.*

[3]) *Archives nationales,* H 200, 3, pièce 167.

[4]) *Procès-verbal... de l'assemblée provinciale de Moyenne Normandie Pièces justificatives,* Nr. 124.

податныхъ привилегій и въ защитника „ротюрной“ массы противъ тѣхъ самыхъ привилегированныхъ сословій, къ которымъ самъ онъ принадлежитъ по своему соціальному положенію, а часто и по своимъ фамильнымъ традиціямъ. Интенданты „просвѣщеннаго вѣка“, дѣйствительно, *„не перестаютъ*—какъ говоритъ одинъ министръ [1]) въ 1774 г.—*высказываться противъ податныхъ привилегій, какъ противорѣчащихъ общественному благу*“ [2]). Бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ находитъ въ 1782 г., что въ управляемой имъ области „количество дворянъ и привилегированныхъ велико, а предоставленныя имъ податныя льготы крайне тягостны и даже унизительны для народа“ [3]). Алансонскій интендантъ Жюлльенъ сѣтуетъ на то, что податное бремя, лежащее на провинціи, тяжелое уже само по себѣ, особенно тяжело для непривилегированныхъ вслѣдствіе *неравномѣрности его распредѣленія*“ [4]). Вообще неравномѣрность распредѣленія податного бремени въ ущербъ непривилегированной массѣ народа,—это одинъ изъ пунктовъ, на который интенданты указываютъ съ настойчивостью и съ единодушіемъ, какъ на *злоупотребленіе (abus)*, требующее „реформы“.

Въ числѣ своихъ первыхъ задачъ безансонскій интендантъ де-ла-Корэ ставитъ себѣ — упорядоченіе податной части. Въ числѣ главныхъ недостатковъ податной практики онъ находитъ—крайнюю невномѣрность распредѣленія податной тяжести, какъ между различными сословными группами плательщиковъ, такъ и между отдѣльными территоріальными величинами, входящими въ составъ области, какъ податной единицы; насколько это въ его власти, де-ла-Корэ стремится сгладить эти податныя неравенства [5]). Высказываясь за необходимость реформы дорожной повинности, шалонскій интендантъ Руйлле-д'Орфейль, между прочимъ, говоритъ въ своемъ письмѣ къ

[1]) Le duc d'Aiguillon.

[2]) „MM. les intendants n'ont cessé de représenter que les exemptions sont contraires au bien public“ —*Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, t. I. p. 149 *(Instruction et notice sur les gardes-côtes*, par de duc d'Aiguillon, 16 mars 1774).

[3]) *Tholin*, Cahiers du tiers-état du pays d'Agenais. Agen. 1885, p. 131: „La quantité des nobles et privilégiés est grande, les immunités qui leur sont accordées sont accablantes et même humiliantes pour le peuple“.

[4]) *Procès-verbal de l'assemblée provinciale de Moyenne-Normandie. Pièces justificatives*, Nr. 124.

[5]) *Lurion*, op. cit., p. 12—13.

генералъ-контролеру Тюрго отъ 9-го августа 1775 г.: „По моему убѣжденію, *было бы вполнѣ справедливо привлечь къ участію въ несеніи этой повинности также и всѣхъ привилегированныхъ*“ [1].

„*Достойно сожалѣнія*—пишетъ тотъ же интендантъ десять лѣтъ спустя генералъ-контролеру де-Калонну, по поводу той же повинности,—*что, въ силу политическихъ соображеній*, въ глубину которыхъ я не осмѣлюсь проникать, *правительство находитъ себя вынужденнымъ сосредоточить на одномъ лишь классѣ гражданъ* (непривилегированныхъ) *бремя повинности, о которомъ нельзя не пожелать, чтобы оно было распредѣлено между всѣми сословіями государства*“ [2]. Провинціальный администраторъ, разумѣется, не въ силахъ ничего подѣлать противъ этихъ „политическихъ соображеній“; но поскольку отъ него зависитъ, *онъ держитъ всегда сторону „бѣднаго плательщика тальи“ противъ привилегированныхъ*, хотя самъ, какъ уже было замѣчено, и принадлежитъ къ нимъ по своему соціальному положенію и по своимъ фамильнымъ связямъ. Руйллье пытается, между прочимъ, привлечь мѣстное духовенство къ участію въ платежѣ спеціальныхъ налоговъ, устанавливаемыхъ для покрытія издержекъ на различныя публичныя работы, представляющія мѣстный интересъ, напримѣръ на постройку дорогъ, мостовъ. По его толкованію, такого рода „мѣстные налоги не могутъ имѣть значенія общегосударственной повинности“, отъ которой церковь ограждена традиціонной привилегіей [3]. Пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантейль от-

[1] *Archives départementales de la Marne*, C 1520.—*Pièces justificatives*, Nr. 14.—Въ изданномъ, согласно выраженному здѣсь мнѣнію шалонскаго интенданта, совпадавшему, какъ съ мнѣніями многихъ другихъ изъ его коллегъ, такъ и съ мнѣніемъ министра (Тюрго), эдиктѣ 1776 г., замѣнявшемъ натуральную дорожную повинность, тяготѣвшую исключительно на непривилегированномъ, преимущественно сельскомъ населеніи, денежною податью, разложенною на плательщиковъ всѣхъ сословій, лотарингскій парламентъ усматриваетъ опасный принципъ, „санкціонирующій философскія идеи равенства между всѣми людьми“,—принципъ „противный—по мнѣнію парламента — порядку гражданскому, нравственному и политическому“.— *Krug-Basse*, Histoire du parlement de Lorraine, Paris et Nancy, 1899, p. 326. Изъ этого примѣра видно, насколько парламенты были менѣе податливы, сравнительно съ представителями администраціи, на „философскія“ и гуманитарно-народолюбивыя вѣянія „просвѣщеннаго вѣка“.

[2] *Archives départementales de la Marne*, C 1553.—Rouillé d'Orfeuil à Calonne, 22 avril 1786 —*Pièces justificatives*, Nr. 19.

[3] *Archives départementales de la Marne*, C 1679.

носится съ сочувствіемъ къ жалобѣ одной деревеньки на мѣстнаго сеньера, не желающаго участвовать въ платежѣ наложенной на общину тальи, хотя, какъ заявляютъ крестьяне, онъ уже использовалъ свою привилегію въ другомъ своемъ имѣніи [1]).

Въ своемъ донесеніи Неккеру отъ 25-го марта 1789 г. алансонскій интендантъ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о той части мѣстнаго дворянства, которая предлагала заявить отказъ дворянства отъ податныхъ привилегій, и не скрываетъ своего неодобренія другой части дворянства, которая, „изъ личныхъ видовъ“, противодѣйствовала и „интриговала“ противъ „тѣхъ, которые предлагали согласиться на *равенство въ дѣлѣ платежа податей*“ [2]).

Канскій интендантъ Кордье-де-Лонэ, въ своей рѣчи при открытіи мѣстнаго провинціальнаго собранія въ 1787 г., высказываетъ надежду, что послѣднему удастся наконецъ осуществить, въ распредѣленіи податного бремени, „то *равенство, о которомъ такъ давно вздыхаетъ добрый гражданинъ*, по которому не давали до сихъ поръ осуществиться вліяніе сильнаго человѣка и личный интересъ“ [3]).

Бретанскій интендантъ Бертранъ-де-Молльвиль отмѣчаетъ, въ своей докладной запискѣ министру въ 1784 г., „несправедливость“ существующаго въ Бретани порядка вещей, гдѣ дворянство, пользуясь своимъ перевѣсомъ въ мѣстныхъ штатахъ, сумѣло свалить изрядную долю податной тягости съ своихъ плечъ на плеча третьяго сословія. По словамъ интенданта, „дворяне, при одинаковыхъ доходахъ, платятъ вполовину меньше, чѣмъ не-дворяне“ [4]).

Интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ высказывается, по поводу вопроса объ организаціи провинціальныхъ штатовъ области Эно, въ 1788 г., за необходимость обезпечить третье сословіе противъ преобладанія двухъ привилегированныхъ. Для этого онъ рекомендуетъ, сохранивши традиціонную форму голосованія по сословіямъ, дать третьему сословію, вмѣсто одного—два голоса. Предоставленіе третьему сословію двойного числа представителей, при поголовномъ совмѣстномъ голосованіи всѣхъ трехъ сословій, онъ считаетъ недостаточной га-

1) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 106—107.

2) Rapport de Jullien, 25 mars 1789.—*Duval*, Ephémérides, p. 39.

3) *Procès-verbal... de l'assemblée provinciale de Basse-Normandie*, Caen. 1788.—*Pièces justificatives*, Nr. 121.

4) *Archives nationales*, H 643. Mémoire rédigé par Bertrand de Molleville, 1784.

рантіей независимости третьяго сословія отъ привилегированныхъ [1]).

Не имѣя возможности облегчить бремя „бѣднаго плательщика тальи" посредствомъ перенесенія части этого бремени на привилегированныхъ, просвѣщенный администраторъ старается, по крайней мѣрѣ, охранить этого безотвѣтнаго плательщика отъ различныхъ попытокъ взвалить на его плеча различныя новыя тяжести. Когда въ послѣдніе годы управленія финансами аббатомъ Террэ правительство сдѣлало попытку взвалить на городскіе финансы обязанность сооруженія новыхъ тюремъ и ремонта существующихъ, турскій интендантъ дю-Клюзель энергично вступился за интересы городовъ своей области, и аббату Террэ такъ и не удалось добиться въ турскомъ генеральствѣ исполненія изданнаго по его инпціативѣ постановленія королевскаго совѣта отъ 29-го марта 1773 г.; при преемникѣ же Террэ энергичному интенданту удалось добиться того, чтобы издержки по постройкѣ и ремонту мѣстныхъ тюремъ были разложены на все податное населеніе генеральства, при томъ—въ видѣ пропорціональной прибавки къ поголовной подати (ложившейся также и на привилегированныя сословія), а не къ тальѣ (ложившейся исключительно на непривилегированную массу). При существующемъ финансовомъ режимѣ, это было такое рѣшеніе вопроса, которое наиболѣе соотвѣтствовало интересамъ непривилегированной массы [2]). Когда заходитъ рѣчь о новомъ налогѣ для организаціи призрѣнія брошенныхъ дѣтей, алансонскій интендантъ Жюлльенъ заранѣе высказывается рѣшительно противъ возложенія этой новой фискальной тяжести на плательщиковъ тальи и по этому поводу высказываетъ свое сѣтованіе на то несправедливое и тягостное положеніе, которое создано для „обездоленныхъ потомковъ крѣпостныхъ" существующимъ податнымъ режимомъ, возлагающимъ главное бремя податей на тѣхъ, кто всего менѣе извлекаетъ изъ нихъ выгоды [3]).

Хотя и самъ—сеньеръ, интендантъ считаетъ однако своимъ долгомъ, долгомъ „просвѣщеннаго администратора", заступаться за „бѣдныхъ деревенскихъ обывателей" противъ притѣсненій со стороны ихъ сеньеровъ. Такъ, алансонскій интендантъ Жюлльенъ вступается за обы-

[1]) *Legrand*, op. cit., p. 264.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 287 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 332—335).

[3]) *Plantié*, les Enfants assistés dans l'Orne au XVIII-e siècle, Alençon, 1885, p. 39.

вателей сеньеріи Клеси противъ притѣсненій со стороны сеньера-собственника, нашедшаго поддержку своимъ притязаніямъ со стороны руанскаго парламента. Подъ предлогомъ своего исключительнаго права держать въ своей сеньеріи паромъ для перевозки черезъ р. Орнъ, сеньеръ добился отъ парламента разрѣшенія преградить всѣ дороги, ведшія къ находившемуся неподалеку броду черезъ эту рѣку, съ явною цѣлью принудить всѣхъ проѣзжихъ пользоваться своимъ паромомъ, разумѣется, не безвозмездно. Жители сосѣднихъ селеній обращаются въ королевскій совѣтъ съ просьбой объ отмѣнѣ этого постановленія руанскаго парламента, и интендантъ, съ своей стороны, энергично поддерживаетъ ихъ ходатайство. „Вы легко поймете—пишетъ онъ, между прочимъ, по этому дѣлу одному изъ секретарей королевскаго совѣта—, насколько стѣснительно для проѣзжающихъ дѣлать иногда больше четверти лье, для того чтобы искать переправы, безъ которой они легко могли обходиться". Что касается права сеньера Клеси, то, по толкованію интенданта, оно не должно простираться далѣе воспрещенія кому-либо устраивать другой паромъ въ предѣлахъ сеньеріи, но сеньеръ не въ правѣ препятствовать пользоваться имѣющимися по близости бродами, какъ не въ правѣ запрещать переправляться черезъ рѣку вплавь. „Въ постановленіи парламента—заключаетъ свое письмо интендантъ—я вижу лишь новый тормазъ для торговли и общественной свободы" [1]). Тотъ же интендантъ выступаетъ въ началѣ 1789 г. противъ попытки маркиза де-Сегри измѣнить направленіе одной проектированной дороги, въ интересахъ своихъ владѣній [2]).

Одинъ изъ сеньеровъ области Пуату, дворянинъ де-Водорэ, подалъ въ мѣстную выборную коллегію искъ противъ сельской общины Курлэ, которая, при раскладкѣ тальи, наложила соотвѣтствующую часть и на него, какъ лицо, эксплуатирующее въ предѣлахъ общины луговой участокъ. Вопросъ былъ, очевидно, спорный, судя по тому, что интендантъ, до свѣдѣнія котораго дошло это дѣло, предусматриваетъ возможность рѣшенія дѣла въ выборной коллегіи въ пользу истца, хотя, съ своей стороны, интендантъ считаетъ „претензію дворянина противною правиламъ" (какимъ?). Во всякомъ

1) *Duval,* Ephémérides, p. 9.

2) „L'alignement qu'il propose pourrait avoir pour lui quelque avantage, en ce qu'il mène plus directement en Touraine où il a des possessions..."—(Lettre de Jullien, 27 janvier 1789).—*Duval,* Ephémérides, p. 13.

случаѣ, интендантъ заранѣе высказываетъ готовность вступиться за интересы сельчанъ. „Если сельчане будутъ осуждены выборной коллегіей,—пишетъ интендантъ Була-де-Нантейль къ мѣстному субделегату—то вы порекомендуете имъ не подавать апелляціи противъ этого приговора, а тотчасъ же прислать мнѣ копію съ него, потому что я представлю объ этомъ дѣлѣ докладъ въ королевскій совѣтъ, который, по всей вѣроятности, не затруднится кассировать приговоръ выборной коллегіи" [1]).

XXX.

Особенно тяжело было податное бремя для непривилегированнаго населенія тѣхъ областей—а такихъ было большинство—, гдѣ королевская *талья* (къ которой пріурочивались, въ качествѣ пропорціональной надбавки, и другія подати) была не *вещной*, а *личной* [2]). *Вещная талья (taille réelle)*, какъ пріуроченная къ землѣ, была, по крайней мѣрѣ, свободна отъ того крайняго произвола, который царилъ въ дѣлѣ раскладки *тальи личной (taille personnelle)*, такъ какъ размѣры послѣдней для каждаго плательщика опредѣлялись сборщиками податей или податными комиссарами [3]) единственно на основаніи внѣшнихъ признаковъ большей или меньшей степени зажиточности даннаго плательщика, то-есть на основаніи личныхъ впечатлѣній раскладчиковъ, а впечатлѣнія эти, помимо неизбѣжной субъективности своей, сплошь да рядомъ конечно отражали на себѣ и личныя симпатіи и антипатіи, личные интересы и разсчеты раскладчика, внося, такимъ образомъ, въ эту подать новый элементъ несправедливости, сверхъ той несправедливости ея, которая коренилась въ традиціонной свободѣ отъ нея привилегированныхъ сословій. *Ограничить произволъ и ослабить обусловливаемыя имъ несправедливости—составляетъ одну изъ постоянныхъ заботъ просвѣщеннаго администратора.*

Во время объѣзда своей области въ 1784 г. дижонскій интендантъ Амело, ознакомившись съ господствующей въ Брессѣ системой раскладки податей, нашелъ ихъ, какъ онъ самъ о томъ пишетъ генералъ-контролеру, „до крайности произвольною"; интендантъ высказываетъ мнѣніе, что „нельзя дольше допускать, чтобы мѣстное

1) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 120. Boula de Nanteuil à Blactot, 9 mars 1785.

2) См. выше, т. I, стр. 641.

3) Тамъ же, стр. 639—640.

населеніе продолжало задыхаться" подъ гнетомъ этого произвола, и высказываетъ свою рѣшимость—„заняться безотлагательно этимъ предметомъ" [1]).

Мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ интенданты противъ указанныхъ отрицательныхъ сторонъ тальи, клонятся всѣ къ постепенному превращенію личной тальи въ вещную и, стало быть, заключаютъ въ себѣ элементы серьезной податной реформы. Таковы были попытки Тюрго который дѣятельно продолжалъ начатое однимъ изъ его предшественниковъ, интендантомъ де-Турни, въ тридцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, дѣло тарификаціи тальи [2]).

Подобнымъ же образомъ, шалонскій интендантъ Руйлье-д'Орфейль дѣятельно продолжаетъ аналогичную реформу, предпринятую въ 1740 г. однимъ изъ его предшественниковъ, ле-Пельтье-де-Бопрэ[3]).

Бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, въ видахъ достиженія большей справедливости въ распредѣленіи тальи, раздѣляетъ всѣхъ плательщиковъ на четыре категоріи: поденщики составляютъ первую категорію, вторую—мастеровые и торговцы, третью арендаторы и половники, четвертую и послѣднюю земледѣльцы-собственники [4]).

1) *Archives nationales*, H 200, 2.—*Pièces justificatives*, Nr. 164.

2) *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. 83, 139; *d'Hugues*, Essai, p. 20, 52, 61.—О томъ, что такое представляла собою *тарифованная талья (taille tariffée)*, см. выше, томъ I, стр. 642.

3) *Archives départementales de la Marne*, C 763. „Instruction pour les commissaires chargés du travail de la taille tariffée dans le département de Champagne (1740), 34, p. in-fol. Эта инструкція принадлежитъ интенданту ле-Пельтье-де-Бопрэ. Тамъ же—соотвѣтствующія инструкціи Руйлье-д'Орфейля, относящіяся къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ.—Образцомъ „тарифа" можетъ служить хранящійся въ томъ же архивѣ (C 789) *Tarif pour la répartition de la taille en 1788 dans les villes, bourgs et communautés de l'élection de Châlons*, представляющій собою большой томъ in-folio. Для каждой общины особый листъ (печатный бланкъ) для заполненія слѣдующихъ одиннадцати рубрикъ: 1) nom du seigneur, 2) nom du commisaire des tailles, 3) le taux de la taille de l'année précédente, au marc la livre de la propriété et de l'exploitation réunies, 4) celui des impositions accessoires et de la capitation, 5) la mesure du lieu pour les biens-fonds, 6) la mesure, le poids et le prix des différentes espèces de grains, 7) le tableau du territoire de la communauté, suivant les exploitations des privilégiés et des taillables, 8) la consistance des usages communaux, 9) le montant de la taille de chacune des dix dernières années, 10) le chiffre proposé par l'Election, 11) celui arrêté par l'Intendant.

4) *Girardot*, Essai sur les assemblées provinciales, Bourges, 1845, p. 115.

Объ аналогичной дѣятельности послѣдняго парижскаго интенданта, Бертье-де-Совиньи, по части болѣе справедливаго распредѣленія тальи между плательщиками, довольно обстоятельныя свѣдѣнія даетъ докладъ одной изъ комиссій провинціальнаго собранія Иль-де-Франса. „Когда парижское интендантство—читаемъ, между прочимъ, въ названномъ докладѣ—было поручено г. Бертье, онъ обратилъ вниманіе на значительную неравномѣрность, царившую въ распредѣленіи тальи, какъ между различными округами, такъ зачастую и между различными сельскими общинами одного и того же округа. Пораженный этой неравномѣрностью, г. интендантъ первымъ дѣломъ рѣшилъ изыскать средства къ *возстановленію равенства*“ [1]). Всѣ земельные участки были распредѣлены на двадцать четыре класса соотвѣтственно съ ихъ доходностью, и для каждаго класса былъ установленъ соотвѣтствующій коэффиціентъ податного оклада. Благодаря этой реформѣ, талья утратила свой главный недостатокъ, изъ-за котораго эта подать была особенно ненавистна,—произвольность ея распредѣленія. Чтобы устранить вліяніе произвола въ распредѣленіи земельныхъ участковъ по классамъ, къ активному участію въ этомъ дѣлѣ было привлечено само мѣстное населеніе. Намъ нѣтъ нужды вдаваться въ подробности произведенной интендантомъ реформы; достаточно лишь отмѣтить, что благотворные результаты послѣдней засвидѣтельствованы названною выше комиссіей провинціальнаго собранія, а Неккеръ, отмѣчая эту реформу въ своемъ *Отчетѣ* 1781 г., высказываетъ пожеланіе, чтобы она сдѣлалась со временемъ достояніемъ всѣхъ областей королевства [2]).

Замѣтимъ также, что Бертье-де-Совиньи и другіе интенданты весемнадцатаго столѣтія, своими попытками перенести королевскую талью съ *лица* на *землю* положили начало осуществленію грандіознаго статистическаго предпріятія—всеобщаго земельнаго кадастра страны,—предпріятія, получившаго свое окончательное завершеніе лишь къ серединѣ прошлаго столѣтія [3]).

Тамъ, гдѣ талья осталась по-прежнему личной, интенданты стараются устранить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить ея недочеты различными другими мѣропріятіями. Такъ, многіе интенданты замѣняютъ сборщиковъ тальи изъ крестьянъ, находившихся въ зависимо-

[1]) *Procès-verbal... de l'Isle-de-France.—Pièces justificatives,* Nr. 162.

[2]) *Boislisle.* Mémoires des Intendants, t. I, p. 86.

[3]) См. выше, т. I, стр. 115, примѣч. 2.

сти отъ мѣстныхъ кулаковъ и мирволившихъ богатѣямъ въ ущербъ бѣднякамъ, замѣняютъ этихъ сборщиковъ болѣе независимыми и болѣе интеллигентными податными комиссарами [1]. Интенданты требуютъ, чтобы члены выборныхъ коллегій неукоснительно производили ежегодные объѣзды своихъ округовъ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, для собиранія на мѣстѣ свѣдѣній объ урожаѣ, долженствующихъ служить матеріаломъ для раскладки тальи на слѣдующій годъ. Они внимательно слѣдятъ за директорами и контролерами двадцатинъ и требуютъ, чтобы тѣ дѣлали свое дѣло не бумажнымъ только образомъ [2],

Турскій интендантъ дю-Клюзель беретъ подъ свое особое покровительство наиболѣе беззащитныхъ изъ плательщиковъ, вдовъ и сиротъ, которыя, именно въ силу своей беззащитности, облагались зачастую чрезмѣрными податными окладами [3]. Вообще этотъ интендантъ „не пропускаетъ ни одного удобнаго случая, для того чтобы облегчить тяжесть, лежащую на плательщикахъ податей“ [4].

XXXI.

Однимъ изъ коррективовъ противъ совершившагося факта несправедливаго распредѣленія податного бремени является въ рукахъ интенданта *сбавка (diminution)*, которую ему удается выхлопотать у правительства для своей области [5]. „Сбавленная“ сумма не вычиталась огуломъ изъ податного оклада области, а распредѣлялась между податными общинами и отдѣльными плательщиками, пострадавшими въ теченіе податного года отъ неурожая, наводненія, пожаровъ, эпидемій, скотскихъ падежей и т. п. сельскохозяйственныхъ бѣдствій, при чемъ конечно являлась возможность уменьшить, путемъ пріобщенія къ упомянутой „сбавкѣ“, тотъ или другой, признанный чрезмѣрнымъ, податной окладъ. Вотъ почему возможно справедливому распредѣленію „сбавки“ интенданты—по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ—придаютъ самое серьезное значеніе.

„Удовлетвореніе, которое я испытываю, возвѣщая вамъ объ этомъ,—пишетъ интендантъ де-ла-Бурдоннэ къ своимъ субделега-

[1]) См. выше, томъ I, стр. 640.
[2]) См., напр., объ интендантѣ дю-Клюзелѣ, *Dumas*, op. cit., p. 26, 45.
[3]) *Dumas*, op. cit., p. 28 et suiv.
[4]) Ibidem, p. 18—19.
[5]) См. выше, стр. 303—305.

тамъ по случаю выхлопотанной имъ въ 1763 г. сбавки съ поголовной подати своего генеральства—*было бы значительно ослаблено, если бы я замѣтилъ, что бѣдные, которые вообще никогда не пользуются снисходительнымъ отношеніемъ въ дѣлѣ податей, не извлекли никакой пользы изъ этой сбавки.* Льщу себя надеждою, что имъ не придется жаловаться въ данномъ случаѣ, если рекомендованныя мною вамъ предосторожности будутъ въ точности выполнены, и если вы будете тщательно соблюдать то, что я вамъ предписываю" [1]). „Сбавка поголовной подати, которую я дарую этому городу,—пишетъ тотъ же интендантъ муниципалитету г. Пуатье въ 1767 г. —значительна; она поставитъ васъ въ возможность *облегчить положеніе бѣдныхъ и всѣхъ, кто черезчуръ обремененъ налогами.* Прошу васъ отнестись къ этой сторонѣ дѣла съ величайшимъ вниманіемъ, слѣдя вмѣстѣ съ тѣмъ за тѣмъ, чтобы сборщики податей соблюдали справедливость и точность въ раскладкѣ, подъ страхомъ личной отвѣтственности за чрезмѣрные податные оклады (surtaxes)" [2]).

Въ своемъ письмѣ къ членамъ выборной коллегіи города Амбуаза отъ 22-го октября 1781 г. турскій интендантъ дю-Клюзель пишетъ объ этомъ дѣлѣ: „Вы, мои субделегаты и сборщики податей, соберетесь вмѣстѣ и съ общаго согласія составите списокъ плательщиковъ, имѣющихъ право на участіе въ сбавкѣ, то-есть *не только тѣхъ, которые подадутъ о томъ прошенія или записки, но также и тѣхъ изъ этихъ несчастныхъ, которые по своей робости не осмѣливаются просить, но ждутъ, чтобы благодѣяніе само нашло ихъ; въ виды правительства и въ мои входитъ, чтобы эта категорія плательщиковъ, наиболѣе несчастная, не была забыта*" [3]).

Вообще, облегчить какимъ бы то ни было образомъ податное бремя „бѣднаго плательщика тальи" составляетъ одну изъ постоянныхъ заботъ „просвѣщеннаго администратора".

Предписывая своему субделегату въ Брессюирѣ произвести раскладку испрошеннаго интендантомъ вспомоществованія недостаточнымъ плательщикамъ тальи, пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантёйль спѣшитъ прибавить: „Вы предотвратите потерю рабочаго дня,

[1]) *Mémoirés ... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 297.

[2]) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 306.

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 84 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 27).

какъ для сборщиковъ, такъ и для плательщиковъ, избравъ для производства указанной операціи одно изъ ближайшихъ воскресеній" [1]).

Бретанскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ ходатайствуетъ въ 1776 г. передъ генералъ-контролеромъ о помощи городу Hennebond, пострадавшему отъ бури и наводненія; интересно отмѣтить, что передъ тѣмъ городъ обращался съ просьбою о помощи къ мѣстнымъ провинціальнымъ штатамъ, но получилъ отказъ [2]).

Какъ извѣстно, выколачиваніе податей изъ крестьянскаго населенія, при помощи вооруженной силы, было довольно заурядныхъ явленіемъ въ старой Франціи. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ быть отмѣченными благородныя попытки, которыя дѣлаютъ нѣкоторые изъ интендантовъ въ изучаемую нами эпоху—реагировать противъ такой практики. Въ отвѣтъ на просьбу, адресованную шалонскому интенданту Руйлье-д'Орфейлю мѣстными податными инспекторами о принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ неисправныхъ плательщиковъ двухъ селеній, интендантъ пишетъ въ 1786 г.: „*Средство, къ которому вы мнѣ предлагаете прибѣгнуть, слишкомъ сурово, для того чтобы я могъ изъявить на него свое согласіе*". Пусть—продолжаетъ интендантъ—выборныя коллегіи, если имъ угодно, обращаются къ помощи вооруженной силы; что касается меня, то „*крутыя мѣры не въ моихъ правилахъ*". Кромѣ того—заканчиваетъ интендантъ свое письмо—я считаю нужнымъ „выказать участіе къ тому положенію, въ какомъ находятся названные два прихода, и я только что отправилъ г. генералъ-контролеру письмо съ изложеніемъ понесенныхъ этими приходами потерь, вслѣдствіе неурожая, въ виду чего ходатайствую о сложеніи съ нихъ наивозможно значительной части подати" [3]).

XXXII.

Что касается косвенныхъ налоговъ, находившихся въ рукахъ компаніи откуповъ, то операціи послѣдней стояли внѣ сферы непосредственнаго воздѣйствія администраціи, и „просвѣщенному адми-

[1]) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 202. Boula de Nanteuil à Blactot, 24 mai 1786.

[2]) *Archives nationales,* H 614. „Cette communauté s'est adressée aux Etats, et sa demande a été renvoyée à des temps plus heureux".

[3]) *Archives départementales de la Marne,* C 955.

нистратору“ оставалось довольствоваться лишь косвеннымъ вмѣшательствомъ въ нихъ, въ видахъ пресѣченія различныхъ злоупотребленій и защиты плательщиковъ отъ притѣсненій. Къ чести интендантовъ надо сказать, что они вступались, гдѣ могли, за плательщиковъ и относились внимательно къ жалобамъ, которыя имъ подавались послѣдними. Такъ, въ 1777 г. турскій интендантъ дю-Клюзель выступаетъ противъ притязаній государственныхъ откупщиковъ, которые, ссылаясь на различные старинные ордоннансы, потребовали сноса одного соляного завода, устроеннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Больё, близъ границъ Бретани. Это пограничное положеніе соляного завода по отношенію къ области, гдѣ соляной режимъ былъ иной, чѣмъ въ Турени, было конечно нежелательно съ точки зрѣнія откупщиковъ, какъ обстоятельство, благопріятствовавшее контрабандѣ. Дю-Клюзель однако отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на ходатайство откупщиковъ, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что „изгнаніе гражданина изъ его собственнаго участка и нанесеніе ущерба его состоянію и его промыслу есть слишкомъ серьезное дѣло для того, чтобы при рѣшеніи его пренебречь необходимыми формальностями“, которыя, по мнѣнію интенданта, должны были состоять въ разсмотрѣніи этого вопроса королевскимъ совѣтомъ и въ непремѣнномъ вознагражденіи собственника соляного завода, въ случаѣ перенесенія послѣдняго, за имѣющій быть ему причиненнымъ такимъ перенесеніемъ матеріальный ущербъ [1]. Приведенный фактъ тѣмъ характернѣе, что интендантъ дю-Клюзель былъ самъ сыномъ откупщика [2].

Канскій интендантъ Фейдо-де-Бру беретъ подъ свою защиту интересы обывателей Авранша и его окрестностей противъ покушеній откупщиковъ, которые добивались уничтоженія мѣстныхъ соляныхъ промысловъ, для того чтобы тѣмъ лишить жителей дешевой мѣстной соли и принудить ихъ потреблять дорогую соль откупщиковъ [3].

Дѣла о контрабандѣ, поступающія на судъ интенданта, кончаются далеко не всегда къ полному удовольствію агентовъ откуповъ, сплошь да рядомъ слишкомъ склонныхъ видѣть „контрабанду“ въ

[1]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 142 (цит. по *Dumas,* la Généralité de Tours, p. 85).

[2]) См. выше, стр. 78.

[3]) *Archives départementales du Calvados*, C 5998 (цит. по *Mourlot,* l'Intendant Feydeau de Brou, ms., f. 4).

самой невинной операціи домашняго хозяйства [1]). На „контрабандистовъ“ интендантъ смотритъ обыкновенно другими глазами, чѣмъ откупщики и ихъ агенты.

Въ октябрѣ 1784 г. пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантёйль рекомендуетъ своему субделегату въ Брессюирѣ вручать агентамъ откуповъ и полиціи изданные имъ въ удовлетвореніе ихъ исковъ ордоннансы „по крайней мѣрѣ восемь дней спустя послѣ того, что вами—пишетъ интендантъ—будутъ о томъ извѣщены отвѣтчики, для того чтобы послѣдніе имѣли время явиться къ вамъ для уплаты въ вашемъ присутствіи агентамъ откуповъ тѣхъ суммъ, къ уплатѣ которыхъ они мною будутъ присуждены. *Этотъ новый порядокъ имѣетъ въ виду избавить отвѣтчиковъ отъ несенія расходовъ по связаннымъ съ исполненіемъ моихъ ордоннансовъ операціямъ*“ [2]).

XXXIII.

На плечахъ „бѣднаго плательщика тальи“ лежала, сверхъ того, цѣлая куча различныхъ натуральныхъ повинностей, изъ которыхъ самой тяжелой и вмѣстѣ самой несправедливой [3]) была *дорожная повинность (corvée des routes)* [4]). „Просвѣщенные администраторы“, не имѣя силъ уничтожить эту повинность, обременительность и несправедливость которой они прекрасно сознаютъ, стараются, по крайней мѣрѣ, загладить по мѣрѣ силъ грѣхъ своихъ отцовъ [5]), облегчая по возможности для сельскаго населенія отбываніе этой тажелой повинности. Пуатевинскій интендантъ де-ла-Бурдоннэ, подобно своему сверстнику Тюрго [6]), не перестаетъ бороться противъ зло-

[1]) Типичный случай см., напр., у *Bernier,* Essai sur le Tiers-Etat rural ou les paysans de Basse-Normandie, Paris et Lyon, 1892, p. 62.

[2]) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 99.

[3]) Несправедливый главнымъ орбазомъ потому, что дѣло исправленія большихъ дорогъ возлагалось исключительно на крестьянъ придорожныхъ деревень, которые конечно не одни—и даже не прежде всего они—пользовались этими дорогами.

[4]) См. о происхожденіи и организаціи этой повинности—выше, томъ I, стр. 600—609.

[5]) Интендантовъ тридцатыхъ годовъ, положившихъ начало практикѣ привлеченія окрестнаго крестьянскаго населенія къ безвозмездной работѣ по исправленію большихъ дорогъ. См. тамъ же.

[6]) *D'Hugues,* op. cit., p. 95—118.

употребленій, связанныхъ съ дорожною повинностью [1]). Руссильонскій интендантъ Мулэнъ-де-ла-Портъ изобрѣтаетъ въ семидесятыхъ годахъ новый способъ раскладки дорожной повинности, гарантировавшій ея бо́льшую равномѣрность и справедливость [2]). Мулэнскій интендантъ принимаетъ мѣры къ обезпеченію отбывающимъ эту повинность здоровыхъ помѣщеній; канскій интендантъ освобождаетъ отъ послѣдней жителей деревень, отстоящихъ па два и болѣе льё отъ мѣста работъ [3]).

Однимъ изъ первыхъ актовъ дѣятельности шалонскаго интенданта Руйлльe-д'Орфёйля, по прибытіи во ввѣренную ему область, было—отмѣнить практиковавшіяся до него тѣлесныя наказанія по отношенію къ неаккуратнымъ *corvéables*; въ качествѣ репрессивной принудительной мѣры, онъ довольствовался лишь посылкой къ неисправному corvéable жандарма, которому штрафуемый обязанъ былъ выплачивать содержаніе въ размѣрѣ трехъ ливровъ въ день впредь до выполненія своей доли повинности [4]). Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, какъ тотъ же интендантъ неодобрительно отнесся въ 1775 г. къ чрезмѣрному усердію, проявленному однимъ изъ его субделегатовъ по части взысканій по отношенію къ неисправнымъ corvéables [5]). По случаю неурожая сѣна въ 1785 г. Руйлльe-д'Орфёйль предписываетъ своимъ субделегатамъ „вовсе не требовать отъ населенія отбыванія дорожной повинности, въ теченіе весенняго сезона“ [6]),

По случаю голодовки въ 1769 г., интендантъ дю-Клюзель находитъ необходимымъ отнестись снисходительнѣе къ выполненію крестьянами дорожной повинности и въ этихъ видахъ предписываетъ инженерамъ воздерживаться отъ принятія репрессивныхъ мѣръ противъ неаккуратныхъ corvéables [7]). „Рвеніе, проявленное дю-Клюзелемъ въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ организаціи дорожной повинности,—замѣчаетъ его историкъ—есте-

1) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 296.

2) *Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'Ancien régime, p. 172.

3) *Bové*, les Travaux publics et le régime des corvées, p. 57.

4) *Poinsignon,* Histoire de la Champagne, t. III, p. 407.

5) См. выше, стр. 236—237.

6) *Archives départementales de la Marne*, C 1552.

7) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 36 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 344).

ственно, отозвалось на улучшеніи выполненныхъ работъ". Дѣйствительно, въ 1772 г. цѣнность выполненныхъ работъ была вычислена въ 1,592,000 л. и въ слѣдующемъ году—въ 1,800,000 л., между тѣмъ какъ за періодъ съ 1745 г. по 1771 г. общая цѣнность исполненныхъ этимъ путемъ работъ исчислялась всего въ 13,354,000 л., то-есть въ среднемъ только около 500,000 л. въ годъ [1]). Вообще дю-Клюзель добился искорененія многихъ злоупотребленій въ дѣлѣ дорожной повинности [2]).

При выполненіи натуральной дорожной повинности въ 1785 г., пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантёйль, въ своемъ письмѣ къ брессюирскому субделегату, высказываетъ заранѣе свою готовность дать отстрочку для выполненія тѣхъ или другихъ „уроковъ", въ случаѣ какихъ-либо затрудненій для отбывающихъ повинность. „Въ особенности—пишетъ интендантъ- я приму во вниманіе положеніе тѣхъ сельскихъ общинъ, которыя окажутся пострадавшими отъ эпидеміи; ихъ я буду освобождать вовсе или отчасти отъ возложенныхъ на нихъ уроковъ, въ зависимости отъ того, насколько каждая изъ нихъ пострадала" [3]). „Прискорбныя послѣдствія засухи, продолжающей господствовать въ Пуату,—пишетъ Була-де-Нантёйль тому же субделегату двѣ недѣли спустя—побудили меня обратиться къ г. генералъ-контролеру съ ходотайствомъ уполномочить меня отмѣнить назначенныя уже мною на текущій годъ дорожныя работы". Въ ожиданіи рѣшенія министра, интендантъ предлагаетъ субделегату не производить никакихъ операцій по этой части [4]).

Субделегаты, впрочемъ, не всегда нуждались въ подобныхъ напоминаніяхъ со стороны своего начальства въ лицѣ интендантовъ, какъ это видно хотя бы изъ слѣдующаго письма ажанскаго субделегата къ бордоскому интенданту, по поводу отданнаго послѣднимъ распоряженія объ отбываніи населеніемъ дорожной повинности, въ 1777 г. „Не умолчу, что, свидѣтель бѣдственнаго положенія, въ какомъ находится народъ, я повиновался (этому распоряженію) лишь съ сожалѣніемъ"—пишетъ субделегатъ и продолжаетъ: „Бо́льшая часть corvéables не имѣютъ хлѣба: какъ рѣшиться подвергать вы-

[1]) *Dumas*, op. cit., p. 61.

[2]) Ibidem, p. 72.

[3]) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 128. Boula de Nanteuil à Elactot, 3 mai 1785.

[4]) *Archives historiques du Poitou*, t. XX (1889), p. 132—133.

сканіямъ этихъ бѣдняковъ за то, что они манкируютъ публичными работами и отдаютъ предпочтеніе частнымъ работамъ, за которыя имъ платятъ? Въ народѣ безденежье, а если у кого и есть деньги, то онѣ нужны на пропитаніе. Но это не все. Положеніе серьезно, и я не могу думать о немъ безъ содроганія. Лукъ натянутъ; попробуйте его нагнуть еще, и онъ сломается. Вы меня понимаете, Manseigneur: я не отвѣчаю за то, что народъ не взбунтуется и не откажется наотрѣзъ отъ выполненія какихъ бы то ни было натуральныхъ повинностей...." [1]).

XXXIV.

Въ опубликованной въ 1785 г., безъ имени автора, *Запискѣ о натуральной дорожной повинности*, принадлежащей перу эльзасскаго (бывшаго лотарингскаго) интенданта Шомонъ-де-ла-Галезьера, авторъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ это фискальное учрежденіе, горячимъ приверженцемъ котораго заявилъ себя его отецъ [2]). Онъ находитъ эту повинность несправедливою и, „быть можетъ, наиболѣе достойною сожалѣнію изъ всѣхъ повинностей, отбываемыхъ подданными короля" [3]). Что дѣло было здѣсь не въ желаніи блеснуть нѣсколькими популярными въ ту пору фразами, лучшее тому свидѣтельство—административное прошлое автора. Около двадцати семи лѣтъ тому назадъ авторъ, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ—ему только что стукнуло тридцать лѣтъ—, прибылъ въ Нанси, для того чтобы замѣнить своего отца на посту интенданта Лотарингіи. Прибытіе въ Лотарингію молодого интенданта, успѣвшаго уже составить себѣ репутацію гуманнаго администратора въ Монтобанѣ [4]), отмѣчаетъ собою начало новой эпохи въ исторіи мѣстной администраціи и въ частности—въ дорожномъ дѣлѣ.

До тѣхъ поръ съ собственниками земельныхъ участковъ, чрезъ которые пролагались новыя дороги, нисколько не церемонились: нуж-

[1]) *Archives départementales de la Gironde*, C 1997 (цит. по *Marion*, Etat des classes rurales au XVIII-e siècle dans la généralité de Bordeaux (*Revue des Etudes historiques*, 1902).

[2]) Интендантъ и канцлеръ герцога Лотарингскаго.

[3]) *La Galaizière*, Mémoire sur les corvées, 1785 (цит. по *Boyé*, les Travaux publics et le Régime des corvées, p. 60).

[4]) Гдѣ онъ дебютировалъ въ этой должности въ 1756 г. Тамъ онъ издалъ въ 1757 г. *Инструкцію о дорожной повинности*, отмѣченную духомъ гуманности.—*Boyé*, op. cit., p. 61.

ная земля просто отбиралась безъ дальнѣйшихъ разсужденій; не полагалось никакихъ вознагражденій ни за поломанные заборы и изгороди, ни за вытоптанное жито. Новый интендантъ началъ съ того, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ввелъ соотвѣтствующія вознагражденія въ пользу собственниковъ.

Что касается дорожной повинности, то послѣдняя была значительно облегчена. Изъ нея были исключены наиболѣе трудныя и отвѣтственныя работы, которыя отнынѣ стали выполняться спеціальными рабочими и мастерами по найму. Продолжительность отбыванія повинности были по возможности сокращена, и самое отбываніе пріурочено къ мертвымъ сезонамъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ, гдѣ послѣднее условіе не могло быть выполнено, въ виду срочности работъ, послѣднія выполнялись наемными рабочими, „въ виду того, что г. интендантъ—какъ обыкновенно гласитъ въ такихъ случаяхъ офиціальная вѣдомость—не призналъ удобнымъ отвлекать населеніе отъ его собственныхъ работъ". Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ нельзя было обойтись безъ привлеченія населенія къ отбыванію повинности внѣ мертвыхъ сезоновъ, отбывающія ее лица получали соотвѣтствующее вознагражденіе. „Неслыханная, почти невѣроятная роскошь"—за лицами, подлежащими отбыванію повинности, посылаются даже подводы, когда ихъ мѣсто жительства болѣе или менѣе значительно удалено отъ мѣста работъ. Другая не менѣе неслыханная роскошь—интендантъ ассигнуетъ ежегодно спеціальную сумму для выдачи пособій лицамъ, получившимъ увѣчья при отбываніи дорожной повинности. Вымогательства и притѣсненія низшихъ агентовъ администраціи, на которыхъ возложено наблюденіе за отбываніемъ послѣдней, находятъ въ новомъ администраторѣ неумолимаго карателя. Подвергается карѣ даже простое проявленіе произвола, считавшееся раньше какъ бы неотъемлемымъ правомъ каждаго, кто такъ или иначе былъ поставленъ „наблюдать" за corvéables. Одна изъ мелкихъ сошекъ дорожной администраціи приговаривается интендантомъ въ 1765 г. къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы за то, что тотъ приказалъ жандарму арестовать одного corvéable безъ достаточныхъ основаній. Приговоръ интенданта былъ отпечатанъ въ видѣ афиши и расклеенъ во всѣхъ деревняхъ околодка. Нѣсколькихъ подобныхъ „примѣровъ" было достаточно, для того чтобы обуздать, кого слѣдовало, а деревенскому населенію показать, что оно можетъ, въ случаѣ нужды, найти управу на своихъ дотолѣ безнаказанныхъ притѣснителей. Въ лицѣ новаго интенданта оно нашло себѣ защитника

не только противъ притѣсненій со стороны мелкой сошки, но, какъ увидимъ, и со стороны сильныхъ міра.

Съ легкой руки канцлера-интенданта Лотарингіи, отличавшагося особенной размашистостью въ дѣлѣ примѣненія натуральной дорожной повинности, вошло въ обычай употреблять деревенское населеніе этой области для выполненія различныхъ дорожныхъ работъ въ прилегающихъ частяхъ сосѣдняго и черезполоснаго съ Лотарингіей мецскаго генеральства. Такой порядокъ продолжался вплоть до прибытія въ Лотарингію новаго интенданта, въ лицѣ сына канцлера. Державшійся, какъ мы видѣли, совершенно другихъ взглядовъ на дорожную повинность, новый интендантъ, объявившій войну различнымъ укоренившимся издавна „злоупотребленіямъ“ въ дѣлѣ отбыванія дорожной повинности, нашелъ нужнымъ положить конецъ и отмѣченному сейчасъ порядку. Весною 1759 г. онъ отказался выслать своихъ крестьянъ на дорожныя работы въ предѣлы мецскаго генеральства. Противъ смѣлаго новатора полетѣли жалобы и къ лотарингскому двору и въ Версаль. Особенно громко жаловались мѣстные важные сеньеры, что дороги прилегающія черезъ ихъ земли, запущены; жаловались откупщики, заявлявшіе, что, въ виду запущенности дорогъ, они испытываютъ крайнія затрудненія съ доставкой соли, и т. п. Къ интенданту полетѣли запросы. Интендантъ отстаиваетъ „свою провинцію“. Авторы жалобъ аттакуютъ правительство новыми „записками“. Правительство пытается „примирить“ обѣ стороны, предлагая сократить число рабочихъ дней по отбыванію дорожной повинности лотарингскими крестьянами въ сосѣднемъ генеральствѣ... Кончается тѣмъ, что интендантъ, вмѣсто уклончивой отписки, на этотъ разъ сердито заявляетъ въ письмѣ къ директору дорожнаго управленія, что онъ „не можетъ допустить, чтобы его область стала жертвой своей собственной доброй воли и нерадиваго отношенія сосѣдей къ работѣ, которая ея вовсе не касается“. „Нельзя—продолжаетъ интендантъ—требовать еще новыхъ услугъ отъ Лотарингіи, и безъ того черезчуръ обремененной множествомъ чрезвычайныхъ работъ и обширнымъ ремонтомъ“... „Лотарингія обременена дорожной повинностью въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая бы то ни была другая область Франціи. Она не можетъ помогать сосѣдней области Трехъ-Епископствъ безъ того, чтобы не вызвать вполнѣ основательнаго ропота. Лотарингія работаетъ болѣе тридцати пяти лѣтъ надъ сооруженіемъ мостовъ и дорогъ; она начинаетъ съ чувствомъ облегченія смотрѣть на приближеніе момента завершенія

этого великаго предпріятія и возможности—ограничиться лишь ремонтомъ произведенныхъ сооруженій. Не было ли бы несправедливостью по отношенію къ этой области обязать ее и далѣе помогать своимъ трудомъ Тремъ-Епископствамъ, послѣ всего того, что ею уже было сдѣлано для послѣднихъ... Объ этомъ стоитъ подумать“ 1). Въ теченіи трехъ лѣтъ удалось интенданту отстоять своихъ лотарингцевъ противъ поползновеній на ихъ трудъ со стороны сильныхъ міра и провинціальнаго и столичнаго 2).

Нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же интендантъ выступаетъ противъ подобныхъ же поползновеній на безвозмездный трудъ лотарингскихъ крестьянъ со стороны маркиза де-Мезьеръ, командира города Лонгви, для постройки шоссе. Встрѣтивъ отказъ со стороны интенданта, маркизъ обращается съ ходатайствомъ къ канцлеру, отцу интенданта, прося его „оказать протекцію передъ сыномъ“: „будьте нашимъ ангеломъ хранителемъ и убѣдите его согласиться на помощь, о которой я у него прошу...“ Если сладкорѣчивому маркизу посчастливилось убѣдить канцлера „оказать протекцію передъ сыномъ“, то этотъ послѣдній оказался далеко менѣе податливымъ. Канцлеръ переслалъ медоточивое письмо маркиза своему сыну. Какъ отнесся къ нему послѣдній, явствуетъ изъ слѣдующей собственноручной его замѣтки, приколотой къ письму маркиза: „Мой отецъ послалъ мнѣ это письмо, написанное ему маркизомъ де-Мезьеръ, командующимъ въ Лонгви. Надо ему отвѣтить, что отецъ мой переслалъ мнѣ это письмо, и что я имѣю великое желаніе содѣйствовать его видамъ, столь выгоднымъ для общественнаго блага, но что лотарингскія общины раздавлены тяжестью работъ, произведенныхъ ими въ ихъ собственныхъ областяхъ, и что онѣ уже вынесли на своихъ плечахъ значительную долю повинности, которую должны были бы выполнить общины Трехъ-Епископствъ, и заслуживаютъ того, чтобы ихъ пощадили“.

Заступничество интенданта за интересы безвѣстныхъ *corvéables*, быть можетъ, и вызвало чувство признательности въ послѣднихъ, но оно было во всякомъ случаѣ молчаливо; за-то не молчали всѣ тѣ,

1) *Archives départementales de Meurthe-et-Moselle*, C 122, Lettre de la Galaizsère à Trudaine. 24 juin 1759, et Réponse au Mémoire des fermiers généraux (цит. по *Boyé*, les Travaux publics, etc., p. 63—65).

2) Въ 1762 г. ему пришлось въ концѣ концовъ покориться передъ категорическимъ предписаніемъ изъ Версаля, вызваннымъ настойчивыми требованіями герцога Двухъ-Мостовъ.—Ibidem, p. 65.

чье благополучіе питалось пóтомъ этихъ самыхъ *corvéables*, и не прекращавшіеся вопли и жалобы этихъ господъ на вводившаго новые порядки администратора, достигая до Версаля, успѣли создать неблагопріятное для него настроеніе въ правительственныхъ кругахъ, какъ о томъ можно судить по неоднократнымъ, часто совершенно неосновательнымъ упрекамъ, и почти выговорамъ, которые приходилось получать молодому администратору и отъ министровъ и даже отъ директора дорожнаго управленія [1]).

Заступничество гуманнаго администратора оказалось однако въ состояніи лишь отсрочить на два-три года угрожавшую его провинціи невзгоду: въ концѣ концовъ ему пришлось покориться Версалю...

XXXV.

Однако всѣ старанія интендантовъ облегчить населенію отбываніе дорожной повинности, свидѣтельствуя о гуманномъ и народолюбивомъ настроеніи „просвѣщенныхъ администраторовъ", всетаки мало помогали дѣлу. Corvée продолжала оставаться созданіемъ фискальнаго произвола, государственной несправедливости и вмѣстѣ— „бичемъ" сельскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, для отбыванія этой повинности, крестьянину сплошь да рядомъ приходилось отрываться отъ своихъ полевыхъ работъ и проводить нѣсколько дней вдали отъ своего дома,—содержать себя и кормить свою лошадь. Иногда крестьянинъ получалъ всего за три дня извѣщеніе объ отбываніи повинности, и зачастую въ такой моментъ, что ему нельзя было оставить своего собственнаго дѣла; приходилось либо бросать послѣднее въ ущербъ своему хозяйству, либо нанимать—часто за дорогую цѣну—замѣстителя. Сплошь да рядомъ надзиратели и десятники не являлись вовремя на мѣсто работъ, и въ ожиданіи ихъ крестьянину, пріѣхавшему, быть можетъ, за нѣсколько лье, приходилось зря терять время и изъяниться на прокормъ себя и своей лошади. То же самое повторялось иногда и при пріемкѣ сработанныхъ „уроковъ". Надзиратели и десятники, пользуясь предоставленной имъ властью надъ подневольными рабочими, конечно не церемонились съ ними и вымогали при всякомъ удобномъ случаѣ. Жаловаться на нихъ боялись. „Не разъ—пишетъ дю-Клюзелю одинъ субделегатъ въ 1783 г.—

[1]) Ibidem, p. 67—68.

старался я постичь причину обычнаго въ публикѣ ропота противъ десятниковъ, но всегда безуспѣшно. Я готовъ былъ считать эти жалобы простымъ привередничаньемъ, но всякій разъ мнѣ давали понять, что открыть то, что меня интересовало, въ высшей степени трудно, потому что подлежащіе отбыванію дорожной повинности боятся мести со стороны десятниковъ" [1]). А сколько штрафовъ, сколько арестовъ за малѣйшія провинности со стороны отбывающихъ повинность. Въ одномъ изъ субделегатствъ турскаго интендантства подверглись наказанію 2,688 лицъ въ теченіе двухъ недѣль [2]). Какъ ни крѣпко было мужицкое терпѣніе, но неудивительно, что при такихъ условіяхъ и оно подъ часъ лопало, и когда вспыхивалъ „дорожный бунтъ", тогда тѣмъ же надзирателямъ и десятникамъ приходилось получить оптомъ за все, что отъ нихъ было получено въ розницу.

Маркизъ Мирабо, другъ Кенэ и одинъ изъ основателей школы физіократовъ, въ своемъ *Другѣ людей*, въ 1755 г., говоритъ о дорожной повинности, какъ объ „истинномъ проклятіи деревни". Возражая въ 1766 г. автору одного сочиненія въ защиту дорожной повинности, маркизъ Мирабо настаиваетъ на своемъ отрицательномъ отношеніи къ послѣдней и съ паѳосомъ восклицаетъ: „Если вы хотите знать мое пророчество, то вотъ оно: если эта повинность будетъ продолжать существоватъ на прежнихъ основаніяхъ, то она превратитъ территорію королевства въ огромное кладбище!.." [3]). Другой изъ современныхъ „экономистовъ", аббатъ Бодо, говоритъ о corvée, какъ объ „ужасающемъ рабствѣ" крестьянъ, которые „всей душой жаждутъ ея уничтоженія, точь въ точь, какъ каторжники жаждутъ освобожденія" [4]). Вольтеръ называетъ дорожную повинность „мерзостью запустѣнія деревень" [5]).

Одинъ изъ правительственныхъ дорожныхъ инженеровъ высказываетъ въ 1752 г. мысль о необходимости замѣнить натуральную дорож-

[1]) *Archives départementales d'Indre et-Loire*, C 164 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 56—57).

[2]) Ibidem, C 177 (*Dumas*, l. c.).

[3]) *Ducrocq*, la Corvée des grands chemins et sa suppression, Paris, 1882, p. 11.

[4]) „Un horrible esclavage..., les laboureurs soupirent après sa suppression comme les forçats après la liberté".—Цит. по статьѣ *Боренера* въ *Mémoires de l'Académie de Rouen*, 1882, p. 339.

[5]) „L'abomination de la désolation des campagnes".

ную повинность соотвѣтствующею податью, которая бы ложилась равномѣрно на всѣхъ землевладѣльцевъ. Въ составленной имъ по этому поводу запискѣ предвосхищаются многіе изъ тѣхъ аргументовъ, которые болѣе обстоятельно и краснорѣчиво были формулированы двадцать четыре года спустя генералъ-контролеромъ Тюрго, въ *предвареніи* къ предложенному имъ въ февралѣ 1776 г. эдикту, осуществлявшему ту реформу, идея которой была высказана въ упомянутой запискѣ 1752 г. Послѣдняя, повидимому, встрѣтила сочувствіе и въ правительственныхъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, Трюдэнь, стоявшій тогда во главѣ дорожнаго управленія, высказался въ началѣ 1754 г. въ одномъ изъ засѣданій „дорожнаго собранія" (assemblée des ponts et chaussées), что правительство „лишь скрѣпя сердце прибѣгаетъ къ натуральной повинности, и желало бы найти способы къ тому, чтобы всѣ дорожныя работы оплачивались" [1]).

Починъ въ дѣлѣ реформы corvée въ смыслѣ замѣны натуральной повинности соотвѣтствующей денежной податью принадлежитъ—ранѣе Тюрго—канскому интенданту Орсо-де-Фонтетту, впервые примѣнившему эту мѣру лѣтомъ 1757 г. Не смотря на противодѣйствіе со стороны руанской палаты пошлинъ и руанскаго парламента, энергичному интенданту удалось отстоять свое дѣло, въ которомъ онъ нашелъ поддержку со стороны королевскаго совѣта. Проведенная канскимъ интендантомъ реформа состояла въ обязательномъ выкупѣ натуральной повинности всѣми плательщиками тальи.

Вдохновленный примѣромъ Орсо-де-Фонтетта, лиможскій интендантъ Тюрго ввелъ аналогичную реформу въ своемъ генеральствѣ, внеся въ нее одну существенную поправку: онъ предоставилъ заинтересованнымъ общинамъ самимъ выбирать между традиціонной формой отбыванія повинности—натурой и новой формой—выкупа. Всѣ заинтересованныя общины высказались въ пользу второго (новаго) способа отбыванія дорожной повинности. Наученный горькимъ опытовъ своего канскаго „собрата", Тюрго предусмотрительно оградилъ себя отъ аттакъ со стороны парижскаго парламента и клермонской палаты пошлинъ, заручившись предварительно соотвѣтствующимъ постановленіемъ королевскаго совѣта, который ежегодно возобновлялся по его ходатайству [2]).

[1]) *Ducrocq*, la Corvée des grands chemins, p. 11.

[2]) *Ducrocq*, la Corvée des grands chemins et sa suppression, p. 9—10; *d'Hugues*, op. cit., p. 105.

Шамонъ-де-ла-Галезьеръ былъ однимъ изъ первыхъ среди интендантовъ, высказавшихся за уничтоженіе натуральной дорожной повинности и замѣну ея податью. Еще въ шестидесятыхъ годахъ онъ представилъ въ генеральный контроль проектъ въ этомъ смыслѣ, но первоначально не встрѣтилъ тамъ особаго сочувствія. Впервые къ предложенію лотарингскаго интенданта отнесся съ вниманіемъ генералъ-контролеръ аббатъ Террэ, который далъ интенданту, въ 1776 г., разрѣшеніе позволить подлежащему дорожной повинности населенію выкупать ее соотвѣтствующимъ денежнымъ взносомъ. Это была первая серьезная брешь, пробитая въ фискальной твердынѣ дорожной повинности [1]).

Съ появленіемъ Тюрго во главѣ генеральнаго контроля, тотъ же инженеръ Перронэ, воспроизводя свой проектъ, набросанный двадцать два года тому назадъ, заканчиваетъ свою новую записку словами: „Министръ, который произведетъ проектируемую перемѣну, совершитъ революцію, въ высшей степени выгодную для блага народа и государства" [2]). Циркуляромъ 28-го іюля 1775 г. Тюрго обратился ко всѣмъ интендантамъ съ запросомъ касательно проектированной имъ реформы дорожной повинности. Большинство интендантовъ высказались въ пользу реформы. Нѣкоторые изъ нихъ высказывали при этомъ опасенія противодѣйствія со стороны привилегированныхъ; дѣйствительность, какъ извѣстно, вполнѣ оправдала эти опасенія. Немногіе интенданты высказались — въ томъ числѣ интендантъ де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ въ Пуатье—за сохраненіе натуральной повинности, при условіи извѣстныхъ улучшеній въ ея организаціи [3]). Шалонскій интендантъ Руйллье д'Орфёйль писалъ министру: „Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ болѣе настоятельной для облегченія народа мѣры, чѣмъ измѣненіе организаціи дорожной повинности. По моему убѣжденію, *справедливость требуетъ привлеченія къ выполненію этой повинности всѣхъ привилегированныхъ*" [4]).

Дать практическое осуществленіе этому своему „убѣжденію" было конечно не во власти „просвѣщеннаго администратора"; прихо-

1) *Boyé,* op. cit., p. 70—71.
2) *Ducrocq,* la Corvée des grands chemins, p. 12.
3) Ibidem.
4) *Archives départementales de la Marne,* C 1520. Rouillé à Turgot, 9 août 1775.—*Pièces justificatives,* Nr. 14.

дилось довольствоваться различными палліативными мѣрами. „Вотъ ужъ давно - пишетъ Руйлье-д'Орфейль десять лѣтъ спустя—изыскиваю я средства къ облегченію бремени дорожной повинности въ Шампани. Я испробовалъ одну за другою бо́льшую часть практикуемыхъ въ различныхъ областяхъ королевства системъ, но ни одна изъ нихъ не отвѣчаетъ вполнѣ мѣстнымъ условіямъ моей области. Практикуемая мною въ настоящее время метода, первые опыты которой были сдѣланы въ 1779 г., имѣетъ ту выгоду, что она парализуетъ главное зло—произволъ низшихъ агентовъ администраціи; но за-то, съ другой стороны—какая масса неудобствъ... Пора наконецъ совсѣмъ отмѣнить этотъ порядокъ"... [1])

Большинство интендантовъ воспользовались предоставленнымъ имъ въ 1776 г. правомъ вводить въ своихъ областяхъ, сообразно съ желаніемъ самого заинтересованнаго населенія, факультативный выкупъ дорожной повинности. „Я предложилъ—пишетъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г.—общинамъ выбирать между отбываніемъ дорожной повинности натурой и выкупомъ; скоро онѣ перестали колебаться, и всѣ работы стали выполняться наемнымъ трудомъ" [2]). Разсчетъ былъ очень простъ: наемный трудъ оказался на практикѣ гораздо дешевле труда принудительнаго. „Сравнивая—говоритъ алансонскій интендантъ Жюлльенъ—работы, произведенныя послѣ введенной мною замѣны натуральной повинности денежнымъ взносомъ, съ произведенными ранѣе, при режимѣ отбыванія этой повинности натурой, я вижу, что она обходилась тогда втрое дороже, чѣмъ въ настоящее время" [3]).

„Благожелательный и внимательный" къ интересамъ своихъ управляемыхъ, послѣдній лотарингскій интендантъ Мулэнъ-де-ла-Портъ[4]) продолжаетъ начатое его предшественникомъ дѣло улучшенія организаціи дорожнаго дѣла въ области, и въ частности—организаціи дорожной повинности. Послѣ королевской деклараціи 11-го августа 1776 г., отмѣнившей реформу Тюрго и предоставившей интендантамъ право факультативной замѣны натуральнаго отбыванія повинно-

[1]) *Archives départementales de la Marne,* C 1651. Rouillé à le Jollivet, 30 novembre 1784.—*Pièces justificatives,* Nr. 187.

[2]) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte de l'administration, 1790.— *Pièces justificatives,* Nr. 189.

[3]) *Planté,* les Enfants assistés dans l'Orne, p. 35.—Сравн. *Archives nationales,* H 1460. L'état des ouvrages exécutés par corvée en 1764 en Champagne.

[4]) *Boyé,* les Travaux publics, etc., p. 72.

сти—денежнымъ взносомъ, большинство интендантовъ распредѣляли тяжесть этой повинности между отдѣльными общинами и отдѣльными лицами, либо пропорціонально ихъ *силамъ* (*forces*), то-есть пропорціонально количеству рабочихъ рукъ и рабочаго скота, либо пропорціонально *зажиточности* (*facultés*). Мулэнъ-де-ла-Портъ находитъ оба эти способа раскладки недостаточно справедливыми и вводитъ у себя третій, гораздо болѣе сложный и трудный для практическаго осуществленія, но, несомнѣнно, болѣе справедливый. Именно, при своихъ вычисленіяхъ, онъ счелъ нужнымъ принимать во вниманіе не только „силы" и „зажиточность" населенія, но также и бóльшую или меньшую удаленность мѣста жительства отдѣльныхъ подлежащихъ повинности общинъ отъ мѣста работъ, а также большую или меньшую удаленность подлежащихъ перевозкѣ матеріаловъ. Тѣмъ общинамъ, которыя высказывались за выкупъ повинности, предоставлено было употребить на это дѣло принадлежавшіе имъ общественные капиталы. Что направленныя къ улучшенію организаціи дорожной повинности и устраненію связанныхъ съ нею многочисленныхъ злоупотребленій усилія послѣднихъ двухъ лотарингскихъ интендантовъ [1]) не остались безплодными, это видно изъ того факта, что въ семидесятыхъ годахъ огромное большинство заинтересованныхъ общинъ въ Лотарингіи вовсе не пользуются предоставленнымъ имъ правомъ выкупа повинности и предпочитаютъ отбывать ее натурой [2]); а когда королевская декларація 27-го іюня 1787 г. замѣнила для всего королевства натуральную повинность обязательною прибавкою къ подати, то эта реформа была встрѣчена далеко не сочувственно въ Лотарингіи. „Большинство плательщиковъ—пишетъ по этому поводу одинъ изъ членовъ мѣстнаго провинціальнаго собранія—выказываютъ явное сожалѣніе о прежнемъ порядкѣ и отдаютъ предпочтеніе натуральной повинности передъ обязанностью платить новую подать" [3]).

Послѣ деклараціи 11-го августа 1776 г., турскій интендантъ дю-Клюзель работаетъ надъ упорядоченіемъ дорожной повинности. Въ

1) См. выше, стр. 522—523.

2) Такъ, въ 1777 г. изъ 2400 общинъ только 240 пожелали воспользоваться правомъ выкупа.—*Bové*, op. cit., p. 71.

3) Что касается провинціальнаго собранія, то оно оффиціально высказалось также отрицательно по отношенію къ реформѣ 1787 г.—*Archives départementales de Meurthe-et-Moselle*, C 107 (цит. по *Bové*, op. cit., p. 73). — Въ 1783 г. провинціальные штаты области Небузанъ ходатайствуютъ о возста-

видахъ всесторонняго освѣщенія и наилучшаго разрѣшенія вопроса, интендантъ созываетъ особое совѣщаніе изъ инженеровъ, субделегатовъ и лейтенанта турскаго бальяжа. Результатомъ этого совѣщанія былъ изданный интендантомъ 20-го іюля 1777 г. обширный регламентъ, которымъ упорядочивалась названная отрасль мѣстнаго управленія, при чемъ были приняты мѣры къ предупрежденію и устраненію прежнихъ непорядковъ и злоупотребленій [1]). Эти мѣры, повидимому, не остались безплодными. По крайней мѣрѣ, спустя четыре года дю-Клюзель констатируетъ въ письмѣ къ генералъ-контролеру (23-го августа 1781 г.), что жалобы на непорядки и злоупотребленія въ дѣлѣ дорожной повинности прекратились, и что въ этой отрасли управленія ему приходится имѣть дѣло лишь съ просьбами объ освобожденіи отъ отбыванія повинности со стороны сельскихъ общинъ, потерпѣвшихъ отъ градобитія, наводненія, эпидеміи и т. п. Случаи взысканій, особенно тюремныхъ заключеній, сдѣлались очень рѣдкими [2]).

Результаты, достигнутые усиліями дю-Клюзеля, сказались и на успѣхѣ самаго дѣла, какъ это можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ податныхъ инспекторовъ, сдѣлавшаго въ 1783 г. свой служебный объѣздъ турскаго интендантства. „Нельзя путешествовать по большимъ дорогамъ Турэни, лучшимъ во всемъ королевствѣ и могущимъ выдержать сравненіе съ дорогами Лангдока и ошскаго генеральства, обезсмертившими имя покойнаго д'Этиньи,—безъ того чтобы не проникнуться чувствомъ признательности къ постояннымъ и неустаннымъ заботамъ, проявленнымъ администраторами въ этой отрасли управленія, столь важной для торговли вообще и въ частности—для перевозки предметовъ первой необходимости“ [3]).

Вообще своею дѣятельностью и своими частными „реформами“ интенданты въ значительной мѣрѣ подготовили и облегчили общую реформу дорожной повинности, которую попытался провести въ свое кратковременное министерство Тюрго, но которой суждено было получить свое окончательное осуществленіе лишь десять лѣтъ спустя.

новленіи у нихъ натуральной дорожной повинности, „въ видахъ прекращенія злоупотребленій, связанныхъ съ отдачей работъ подрядчикамъ“.—*Archives nationales,* H 1058. Calonne à Chaumont de la Millière, 14 décembre 1785.

[1]) *Dumas,* op. cit., p. 66.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 167 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 70—71).

[3]) *Archives nationales,* K 1224 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 73).

Непосредственный толчекъ къ общему пересмотру вопроса о corvée и его окончательному законодательному рѣшенію въ 1786—1787 г.[1]) былъ данъ реформаторскою дѣятельностью одного изъ интендантовъ, именно—бордоскаго Дюпрэ-де-Сенъ-Мора, о которомъ намъ приходилось уже говорить въ другой связи [2]).

XXXVI.

Тѣмъ же духомъ гуманности и народолюбія отмѣчена дѣятельность „просвѣщенной администраціи" въ лицѣ интендантовъ также и въ отношеніи къ прочимъ натуральнымъ повинностямъ, которыя лежали на крестьянскомъ населеніи.

Подводная повинность (convois militaires), заключавшаяся въ обязанности сельскихъ общинъ поставлять подводы для военныхъ обозовъ, была особенно тяжела для сельскаго населенія пограничныхъ областей, гдѣ всего больше было сосредоточено войсковыхъ частей. Въ Руссильонѣ, напримѣръ, по отзыву мѣстнаго интенданта, этотъ видъ натуральной повинности былъ „наиболѣе обременительнымъ для жителей". Въ письмѣ къ министру интендантъ, путемъ вычисленій, доказываетъ, что каждый артиллерійскій выстрѣлъ отрываетъ въ среднемъ двѣсти человѣкъ на три дня [3]). Главный недостокъ этой повинности заключался въ крайней неравномѣрности ея распредѣленія. Для устраненія послѣдняго, интенданты начинаютъ—съ пятидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія—переводить эту повинность на денежную подать, равномѣрно распредѣляемую между податнымъ (taillable) населеніемъ всей области. Такой порядокъ былъ введенъ въ Лангдокѣ, во Франшъ-Контэ, въ Лимузенѣ (Тюрго), въ бордоскомъ генеральствѣ [4]). Эти единичныя реформаторскія попытки отдѣльныхъ интендантовъ послужили почвою для общей реформы которая была въ указанномъ направленіи проведена законодательнымъ путемъ въ 1787 г. [5]).

Существовалъ особый видъ подводной повинности: это—перевозка корабельнаго лѣса для военнаго флота. Повинность эта точно также

[1]) См. выше, т. I, стр. 260, примѣч. 7

[2]) См. выше, стр. 239—246.

[3]) *Archives departementales des Pyrénées-Orientales*, C 1227 (цит. по *Brutails*, Notes sur l'économie rurale, p. 173—174).

[4]) *D'Hugues*, op. cit., p. 131; *Babeau*, la Province, t. II, p. 122.

[5]) *Archives nationales*, H 91 (цит. по *Babeau*, la Province, t. II, p. 122).

подверглась въ семидесятыхъ годахъ реформѣ—по почину интендантовъ и главнымъ образомъ по почину турскаго интенданта дю-Клюзеля. Въ своемъ интендантствѣ дю-Клюзель сталъ просто-на-просто отказывать концессіонерамъ по поставкѣ лѣса на нужды флота въ нарядѣ подобной барщины, которую находилъ и несправедливой и слишкомъ обременительной для крестьянъ. На интенданта конечно полетѣли жалобы въ морское министерство. Министръ спѣшитъ побудить интенданта принять надлежащія мѣры. Дю-Клюзель отвѣчаетъ, что сельское населеніе, истощенное голодовкой въ теченіе истекшей зимы, нуждается въ облегченіи; въ виду этого, онъ, интендантъ, временно пріостановилъ отбываніе всякихъ натуральныхъ повинностей. Не смотря на новыя жалобы концессіонеровъ, поддержанныя на этотъ разъ интендантами портовъ, дю-Клюзелю удалось таки отстоять своихъ corvéables, и когда морское министерство очутилось—хотя и не надолго—въ рукахъ Тюрго (въ 1774 г.), послѣдній вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствій турскаго интенданта. „Мнѣ такъ же, какъ и вамъ,—писалъ Тюрго къ дю-Клюзелю 30-го іюля 1774 г.—хорошо извѣстны злоупотребленія, являющіяся слѣдствіемъ наряда подводъ для перевозки корабельнаго лѣса. *Я всегда отказывалъ въ такихъ нарядахъ въ моемъ генеральствѣ*. Можете быть увѣрены, что мои правила не измѣнились съ тѣхъ поръ, и *всякій отказъ съ вашей стороны отъ наряда этого рода государственной барщины можетъ всегда разсчитывать на мое одобреніе*" [1]).

Преемникъ Тюрго въ морскомъ министерствѣ, де-Сартинъ, просилъ дю-Клюзеля, въ октябрѣ 1774 г., побудить крестьянъ къ отбыванію названной повинности, но письмо это было написано министромъ, повидимому, единственно для очистки его чиновничьей совѣсти, ибо совѣсть не-чиновничья проговорилась въ собственноручной припискѣ министра къ этому произведенію его канцеляріи: „Предоставляю дѣло—гласила приписка—вполнѣ на ваше усмотрѣніе, и это самое лучшее, что я могу сдѣлать". И интендантъ продолжалъ дѣйствовать по „своему усмотрѣнію". Но, очевидно, не дремали и его противники, концессіонеры, потому что въ слѣдующемъ году тотъ же министръ уже *предписываетъ* интенданту распорядиться нарядомъ подводъ. Дю-Клюзель отписывается, отстаивая свою

1) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 262 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 298—299).

прежнюю точку зрѣнія. Министръ предупреждаетъ интенданта, что ему придется доложить это дѣло королю, но предварительно проситъ интенданта пріѣхать въ Версаль для личныхъ разъясненій по этому дѣлу. Интендантъ отвѣчаетъ, что лишенъ возможности прибыть лично, но „умоляетъ“ министра изложить передъ королемъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ его, интенданта, сопротивляться министерскимъ предписаніямъ, и выяснить государю злоупотребленія, допускаемыя въ этомъ дѣлѣ концессіонерами [1]), а также вредныя послѣдствія этой подводной повинности для сельскаго хозяйства. Одновременно дю-Клюзель пишетъ генералъ-контролеру Тюрго и, напоминая ему его іюльское письмо 1774 г., проситъ поддержать его въ этомъ вопросѣ. Упорство дю-Клюзеля не пропало даромъ. Оно заставило правительство серьезно заняться поднятымъ вопросомъ и въ то же время дало ему возможность убѣдиться въ невозможности поддерживать старый порядокъ въ этомъ дѣлѣ. Въ декабрѣ 1775 г. писалъ дю-Клюзель цитированныя сейчасъ письма къ министрамъ, а въ маѣ слѣдующаго года былъ изданъ королевскимъ совѣтомъ регламентъ, которымъ поднятый дю-Клюзелемъ вопросъ разрѣшался, на этотъ разъ уже для всего королевства—въ духѣ гуманныхъ стремленій турскаго интенданта [2]). Доставка подводъ для перевозки корабельнаго лѣса отмѣнялась, какъ повинность, и интендантамъ предоставлялось лишь устанавливать цѣны подводъ, соотвѣтственно съ временемъ года, мѣстными условіями и т. д. Одной тягостью стало меньше на крестьянствѣ. Отстаивая интересы своихъ управляемыхъ, турскій интендантъ оказался, такимъ образомъ, виновникомъ реформы, полезной для крестьянскаго населенія почти всей страны.

Поскольку это отъ него зависитъ, интендантъ старается облегчить населенію отбываніе воинской повинности [3]). По поводу предстоящей ежегодной жеребьевки рекрутъ для *провинціальной милиціи* (*milices provinciales*, *troupes provinciales*) [4]), пуатевинскій

[1]) Напримѣръ подъ видомъ матеріаловъ предназначенныхъ для военнаго флота, концессіонеры заставляли перевозить матиріалъ для постройки торговыхъ судовъ.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 362, 366 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 298—300).

[3]) О дѣятельности Тюрго въ этомъ отношеніи, см. *d'Hugues,* op. cit., p. 123—127.

[4]) См. выше, т. I, стр. 635—636.

интендантъ Була-де-Нантейль пишетъ своему субделегату въ Брессюпрѣ, въ февралѣ 1785 г.: „Рекомендую вамъ настоятельнѣйшимъ образомъ составлять планъ вашихъ операцій такимъ образомъ, чтобы лицамъ, подлежащимъ жеребьевкѣ, приходилось дѣлать наивозможно менѣе значительныя передвиженія, и въ особенности, чтобы отнюдь они не были поставлены въ необходимость проводить ночь внѣ дома“ [1]). „Многіе изъ моихъ субделегатовъ пишетъ онъ тому же субделегату въ январѣ слѣдующаго года— заставляли въ прошломъ году лицъ, подлежавшихъ жеребьевкѣ для набора милиціи, пріѣзжать въ главный городъ субделегатства за пять-шесть льё (20—24 версты). Подобныя перемѣщенія, крайне обременительныя для сельчанъ, противны видамъ администраціи. Я вамъ рекомендую поэтому распредѣлять вашъ трудъ такимъ образомъ, чтобы никому изъ отбывающихъ повинность не приходилось дѣлать переѣздовъ болѣе трехъ льё и заночевывать внѣ дома. Равнымъ образомъ, рекомендую вамъ блюсти съ величайшимъ вниманіемъ за тѣмъ, чтобы подчиненные вамъ агенты и жандармы, которые будутъ принимать участіе въ вашихъ операціяхъ, не брали, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, никакихъ суммъ, какъ отъ лицъ, подлежащихъ отбыванію повинности, такъ равно отъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ“ [2]).

XXXVII.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій „просвѣщенной благотворительности“, внушенной администраціи „благотворительною философіей“ просвѣщеннаго вѣка, является та роль, которую играютъ въ это время интенданты въ отношеніи къ протестантамъ.

Извѣстна та зловѣщая роль, какую играютъ интенданты въ эпоху гоненій на протестантовъ, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣковъ. Изданная Деппингомъ [3]) и Буалилемъ [4]) ад-

[1]) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 110. Boula de Nanteuil à Blactot, 9 février 1785.

[2]) Ibidem, p. 178. Boula de Nanteuil à Blactot, 21 janvier 1786.

[3]) *Depping,* Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV, Paris, 1850—1855 4 vol. in-4.

[4]) *A. de Boislisle,* Correspondance des contrôleurs généraux des finances, 1683—1715, Paris, 1874—1897, 3 vol. in-4.

министративная переписка эпохи и мемуары интенданта Фуко [1]) дают объ этомъ достаточно ясное представленіе. Офиціальная переписка второй половины восемнадцатаго столѣтія рисуетъ намъ, какъ увидимъ, совершенно другую картину. И не то чтобы направленные противъ протестантовъ законы временъ Людовика XIV были отмѣнены или смягчены законодательнымъ порядкомъ: нѣтъ, *законодательство это продолжало оставаться и сохранять свою юридическую силу, только юридическія нормы, продиктованныя духомъ религіозной нетерпимости и жестокости, не отвѣчали новому „духу времени", духу гуманности и вѣротерпимости, составлявшему одинъ изъ элементовъ духа „благотворительной философіи" просвѣщеннаго вѣка*; и *этотъ „духъ" оказался сильнѣе самихъ законовъ, сильнѣе традицій.*

Можно ли было, напримѣръ, требовать, чтобы лиможскій интендантъ Тюрго, авторъ краснорѣчивыхъ *Писемъ о вѣротерпимости* [2]), шелъ въ этомъ отношеніи по стопамъ Фуко или Бавилля [3]). Впрочемъ, въ лиможскомъ интендантствѣ, гдѣ протестанты представляли собою рѣдкость, Тюрго имѣлъ мало случаевъ дать наглядный примѣръ торжества „духа времени", внушеннаго „вѣкомъ просвѣщенія", надъ „духомъ законовъ", завѣщанныхъ „вѣкомъ фанатизма". Дать такой примѣръ взяли на себя тѣ изъ его сверстниковъ и собратьевъ по административной дѣятельности, которымъ приходилось гораздо чаще имѣть дѣло съ протестантами и съ примѣненіемъ къ нимъ дѣйствующаго законодательства.

XXXVIII.

Таковы три послѣднихъ канскихъ интенданта, имѣвшіе въ своемъ генеральствѣ значительный протестантскій элементъ.

Интендантъ Фонтеттъ, вопреки всѣмъ административнымъ традиціямъ, не говоря уже о традиціяхъ законодательныхъ, открываетъ

[1]) *Foucauld*, Mémoires, publiés et annotés par F. Baudry, Paris, 1862, 1 vol. in-4.

[2]) *Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 675-702.—Напомнимъ здѣсь также, что однимъ изъ первыхъ актовъ Тюрго, какъ министра, является представленная имъ въ 1775 г. королю записка о вѣротерпимости (см. тамъ же, стр. 492—501).

[3]) О Фуко, см. выше. О лангдокскомъ интендантѣ Бавиллѣ, см. изслѣдованіе *Monin*, Essai sur l'histoire administrative du Languedoc pendant l'intendance de Basville, 1685—1719, Paris, 1884.

для протестантовъ двери основанной при его дѣятельномъ содѣйствіи канской академіи; онъ же старается охладить проявляемое нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго духовенства анти-протестантское рвеніе и тщательно избѣгаетъ всякихъ крутыхъ мѣръ противъ протестантовъ и „ново-католиковъ" (т. е. новообращенныхъ[1]). Впрочемъ, Фонтеттъ считаетъ „полезнымъ учрежденіемъ" пріютъ для „новыхъ католичекъ" (nouvelles-catholiques), учрежденіе, предназначенное для принудительнаго воспитанія въ католическомъ духѣ дѣтей нетвердыхъ въ своей новой вѣрѣ новообращенныхъ протестантовъ. Завѣдовавшая этимъ учрежденіемъ въ г. Канѣ община монахинь пользовалась покровительствомъ интенданта, и когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ задумала расширить свои помѣщенія, то встрѣтила благосклонную поддержку со стороны Фонтетта. Послѣдній, между прочимъ, въ послѣдніе годы управленія интендантствомъ поддержалъ передъ генералъ-контролеромъ возбужденное монахинями ходатайство объ ассигнованіи изъ казны на названное дѣло 34,000 ливровъ, что и было исполнено. Въ маѣ 1778 г. оставалось монахинямъ получить послѣдніи три тысячи изъ этой суммы; но игуменья заявила интенданту, что для окончанія предпринятыхъ построекъ общинѣ необходимо еще 11,000 ливровъ. Однако это новое домогательство не встрѣтило уже въ интендантѣ привычнаго благосклоннаго пріема. Дѣло въ томъ, что интендантомъ былъ въ это время уже не Фонтеттъ, а смѣнившій его въ канскомъ интендантствѣ Эсмангаръ, который совершенно не раздѣлялъ взглядовъ своего предшественника на „полезность" учрежденія пріюта новыхъ католичекъ. А когда игуменья попробовала пустить въ ходъ свои парижскія связи, чтобы оказать на интенданта давленіе черезъ одного изъ министровъ, то Эсмангаръ спокойно отвѣтилъ послѣднему, что въ расширеніи названнаго пріюта вовсе нѣтъ надобности: „Былого фанатизма нынѣ уже нѣтъ, и со дня на день уменьшается число подданныхъ короля, подлежащихъ помѣщенію, по его указу, въ это убѣжище"[2]).

Дѣло было однако не столько въ ослабленіи „фанатизма" у „подданныхъ короля", сколько въ уменьшеніи этого фанатизма у

[1]) *Galland*, Essai sur l'histoire du protestantisme à Caen, Paris, 1898. p. 402.

[2]) Письмо Эсмангара къ министру Бертэну, 30-го октября 1778.—Ibidem, p. 416.

представителей королевской власти, и если не ощущалось надобности въ расширеніи помѣщеній „новыхъ католичекъ“ въ Канѣ, то не столько потому, чтобы „уменьшалось число подлежащихъ помѣщенію“ въ этомъ „убѣжищѣ“, сколько потому, что интендантъ просто не ощущаетъ въ себѣ никакого „усердія“ къ наполненію этой религіозно-педагогической бастиліи. Интендантъ чувствуетъ себя слишкомъ „просвѣщеннымъ человѣкомъ“, чтобы служить „орудіемъ фанатизма“, завѣщаннаго „вѣками невѣжества и предразсудковъ“. И вотъ, когда въ 1777 г. одинъ изъ приходскихъ священниковъ города Кана донесъ министру Бертэну о религіозной неблагонадежности одной четы изъ „новыхъ католиковъ“, имѣвшей четверыхъ дѣтей, то Эсмангаръ, получивши отъ министра запросъ по этому дѣлу и поручая своему субделегату собрать по нему точныя свѣдѣнія, при этомъ прибавляетъ: „Отбирать дѣтей у ихъ родителей—не въ правилахъ администраціи. Надо, чтобы сами дѣти о томъ просили или покрайней мѣрѣ—большинство семейныхъ“. Но вотъ, въ 1782 г. къ Эсмангару поступаетъ прошеніе отъ одной изъ такихъ „дѣтей“, отъ дѣвочки Магдалины Виллэнъ, которая отъ своего имени ходатайствуетъ о „королевскомъ приказѣ“, для того чтобы „быть помѣщенной къ новымъ католичкамъ“. „Но ребенку всего шесть лѣтъ“— возражаетъ интендантъ: „недопустимо, чтобы дѣвочка могла принять сознательное рѣшеніе. Подождемъ, пока она будетъ въ сосотояніи зрѣло размышлять“[1]). Но когда, послѣ пятнадцатилѣтняго размышленія, 21-лѣтняя дѣвица снова обратится къ Эсмангару съ тѣмъ же ходатайствомъ о „помѣщеніи“ ея къ „новымъ католичкамъ“ по королевскому приказу, то отнесется ли тогда съ большею предупредительностью къ ея просьбѣ просвѣщенный администраторъ?... Поручиться въ этомъ трудно послѣ неудачи, постигшей землячку названной дѣвочки, дѣвицу Магдалину Костиль. Она—взрослая, ей 21 годъ. Дѣвица эта обращается въ 1780 г. къ субделегату городка Сенъ-Ло съ просьбою „освободить ее изъ рукъ ея родителей“ и помѣстить къ новымъ католичкамъ названнаго городка. „Повседневно вздыхаю я и томлюсь—прибавляетъ просительница—о той счастливой минутѣ, когда освобожусь изъ лона ереси...“ Предусмотрительная дѣвица указываетъ даже субделегату мѣсто, гдѣ должны поджидать ее конные жандармы, для того чтобы похитить ее изъ родительскаго дома; самое удобное для этого время — около трехъ часовъ утра.

[1]) Ibidem, p. 419.

Субделегатъ, пересылая прошеніе къ интенданту, поддерживаетъ ходатайство просительницы. „Эта дѣвица—пишетъ онъ между прочимъ—предпочла форму притворнаго похищенія, потому что, живя въ шести льё отъ Сенъ-Ло, она не считаетъ возможнымъ пуститься въ путь одна. Кромѣ того, она дала знать черезъ своего приходскаго священника, что добровольное по внѣшности бѣгство слишкомъ огорчило бы ея родителей". Откажетъ ли при такихъ условіяхъ интендантъ? „Даже при наличности гораздо болѣе вѣскихъ мотивовъ,—отвѣчаетъ онъ субделегату — администрація, въ силу принятыхъ ею въ руководство правилъ, не возьметъ на себя устроить похищеніе ребенка [1]) изъ рукъ его родителей. Подобные акты произвола (coups d' autorité) неизбѣжно нарушаютъ семейную жизнь, а въ случаѣ частой повторяемости, результатомъ ихъ можетъ явиться ослабленіе чувства преданности, которое должны питать подданные къ особѣ короля. Вотъ почему я ни въ коемъ случаѣ не сдѣлаю по этому дѣлу какого бы то ни было предложенія министру" [2]).

Приведенные случаи вполнѣ объясняютъ намъ причину ненужности расширенія помѣщеній для „новыхъ католичекъ" въ Канѣ. Эсмангаръ не только далекъ отъ того, чтобы прилагать старанія къ ихъ наполненію, но склоненъ скорѣе къ сокращенію контингента ихъ обитательницъ, какъ это видно изъ слѣдующаго случая. Въ декабрѣ 1780 г. Эсмангаръ получилъ отъ одного рабочаго жалобу такого рода. „Нѣсколько недѣль тому назадъ моя 12-лѣтняя дочь была у меня взята и отведена къ священнику прихода Тишбрэ, откуда ее увезли къ монахинямъ общины Hospitaliérs города Вира. Въ отчаяніи отъ исчезновенія ребенка, я трижды ходилъ въ Виръ и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ, либо—что дочь мою нельзя видѣть, либо—что ничего о ней не знаютъ". Мѣстный субделегатъ, которому интендантъ поручаетъ провѣрить жалобу и собрать необходимыя по дѣлу свѣдѣнія, отвѣчаетъ интенданту: „Ла-Фонтенелль (имя рабочаго жалобщика)—дурной отецъ. Его дочь часто высказывала желаніе быть взятой отъ него, и священникъ, очень достойный человѣкъ, лишь помогъ ей выполнить ея желаніе. Не думаю, чтобы въ этомъ было что-либо противозаконное. Что касается родительской власти, то давать ребенку предписанное законами воспитаніе, значитъ ли это—оскорблять ее?" Эти тонкія соображенія вирскаго суб-

1) „Ребенка"—21 года.

2) Письмо Эсмангара отъ 11 апрѣля 1780.—Ibidem, p. 419.

делегата, по всѣмъ видимостямъ—изъ мѣстныхъ „законниковъ" (gens de loi), встрѣтило довольно скептическій пріемъ въ интендантствѣ. Канскій генералъ-субделегатъ, прочтя донесеніе субделегата, даетъ ему слѣдующую оцѣнку. „Въ этомъ докладѣ пишетъ онъ—„быть можетъ, много истинъ, но въ немъ очень мало философіи" [1]). Этотъ отзывъ заставлялъ предугадывать резолюцію интенданта. Послѣдняя гласила: „Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка не можетъ имѣть сама по себѣ такихъ желаній. Отецъ ее требуетъ, и ни монахини, равно какъ и никто другой, не въ правѣ ее удерживать у себя. Отвѣтить г-ну Демонтрé (вирскому суделегату), чтобы немедленно освободили дѣвочку" [2]).

Въ 1783 г. Эсмангаръ перешелъ въ Лилль, и его мѣсто въ Канѣ занялъ переведшійся изъ Дижона Фейдо-де-Бру. Перемѣна лицъ не означала однако въ данномъ случаѣ перемѣны въ „принятыхъ администраціею въ руководство правилахъ", на которыя любилъ такъ настойчиво ссылаться Эсмангаръ. Какъ извѣстно, въ видахъ пресѣченія эмиграціи протестантовъ, послѣдніе были стѣснены въ своемъ правѣ распоряжаться своей недвижимостью; они не могли, напримѣръ, продать ея безъ разрѣшенія администраціи. Съ просьбой о такомъ разрѣшеніи обращаются въ 1784 г. въ интендантство два крестьянина канскаго генеральства, братья Mauger. Мѣстный субделегатъ высказывается противъ такого разрѣшенія, на томъ основаніи, что у просителей имѣются родственники на островѣ Жерсеѣ, а это, по его мнѣнію, даетъ поводъ подозрѣвать въ данномъ случаѣ намѣреніе эмигрировать (Жерсей принадлежалъ Англіи). Замѣнявшій въ эту пору интенданта канскій генералъ-субделегатъ не соглашается однако стать на эту точку зрѣнія. „Допустимъ даже—возражаетъ онъ на соображенія гранвилльскаго субделегата—, что у нихъ, дѣйствительно, есть намѣреніе переселиться (на Жерсей) и перенести туда заключающійся въ ихъ земельномъ имуществѣ капиталъ. Неужели же ради этого запрещать имъ продавать послѣднее? *Этотъ запретительный законъ отмѣченъ печатью варварства.* Законъ этотъ и фактически не примѣняется въ извѣстной мнѣ провинціи, насчитывающей въ себѣ много протестантовъ: почему же ставить въ болѣе невыгодное положеніе протестан-

[1]) „Ce rapport contient peut-être beaucoup de vérités, mais bien peu de philosophie".—Ibidem, p. 423.

[2]) 10-го февраля 1780.—Ibidem, p. 423.

товъ Нормандіи? *Зачѣмъ вообще притѣснять протестантовъ?* Запрещеніями все равно не удержать ихъ въ странѣ..." [1]). Что генералъ-субделегатъ не желавшій примѣнять по отношенію къ протестантамъ „варварскій законъ" и считавшій вообще совершенно ненужными какія-бы то ни было притѣсненія по отношенію къ нимъ, былъ лишь вѣрнымъ истолкователемъ взглядовъ своего принципала, это видно хотя бы изъ его отзыва по поводу другого аналогичнаго случая, имѣвшаго мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ спустя. „Мы вѣдь уже не живемъ—пишетъ по этому поводу Фейдо-де-Бру къ министру Верженню—въ тѣ вѣка, когда религіозный фанатизмъ вызывалъ эмиграцію" [2]).

Характеренъ для Фейдо-де-Бру и подчиненной ему администраціи слѣдующій имѣвшій мѣсто въ 1786 г. случай. Одинъ протестантъ изъ коммерсантовъ городка Condé-sur-Noireau, высказалъ въ предсмертной агоніи желаніе исповѣдаться у католическаго священника. Узнавъ объ этомъ, мѣстный приходскій священникъ спѣшитъ къ Лемаршану (имя умирающаго протестанта) и натыкается на запертую дверь. Послѣдняя отворяется лишь послѣ того, какъ явился, въ сопровожденіи полиціи, вызванный священникомъ мѣстный судья. Комната умирающаго оказалась наполненною протестантами, которые, при появленіи священника и судьи съ полиціей, подняли такой шумъ, что священникъ нашелъ себя вынужденнымъ уйти, не напутствовавъ умирающаго, который нѣсколько недѣль спустя умеръ. Съ точки зрѣнія закона (декларація 1724 г.), протестантами, помѣшавшими „обращенію" умиравшаго, совершено было тяжкое уголовное преступленіе, подлежавшее суровой карѣ. Однако ни духовенство, ни судъ, ни администрація не дѣлаютъ ничего, чтобы „дать дѣлу законный ходъ". Оно такъ бы и прошло „подъ молчаніемъ", если бы не была получена министромъ Верженнемъ жалоба. Но интересно—отъ кого и на кого?.. Отъ вдовы Лемаршана на священника и судью!.. Что же дѣлаетъ министръ? Онъ „рекомендуетъ" интенданту *замять дѣло*, сдѣлавши надлежащее внушеніе вдовѣ

[1]) *„Cette loi prohibitive est barbare;* elle est tombée en désuétude dans une province du royaume que j'ai connue et où il y a beaucoup de protestants: pourquoi traiter ceux de Normandie plus défavorablement? *Purquoi géner les protestants en général?* Ce n'est point avec des prohibitions qu'on les retiendra dans le royaume..." (12 octobre 1784). —*Galland*, op. cit., p. 424.

[2]) „Nous ne vivons plus dans les siècles où le fanatisme de la religion portait à des émigrations" (mai 1785). —*Galland*, op. cit, p. 424.

Лемаршанъ, а священнику посовѣтовавши соблюдать сдержанность. По этому случаю Фейдо-де-Бру пишетъ субделегату г. Вира: „Прошу васъ поѣхать въ Condé-sur-Noireau, подъ видомъ вашихъ личныхъ дѣлъ, не придавая этой поѣздкѣ офиціальнаго характера. Вы повидаете тамъ вдову, о которой идетъ рѣчь, наиболѣе вліятельныхъ протестантовъ, представителей католическаго духовенства, судью. Во время вашихъ визитовъ слѣдуетъ избѣгать всякихъ объясненій, но стараться произвести своимъ поведеніемъ успокаивающее дѣйствіе на умы“ [1]). Во исполненіе порученія интенданта, субделегатъ ѣдетъ въ Кондэ, гдѣ проводитъ цѣлую недѣлю. Онъ наноситъ визитъ вдовѣ и сестрѣ покойнаго Лермашана, „деликатнымъ образомъ входитъ въ ихъ горе“, пріобрѣтаетъ ихъ довѣріе и добивается того, что онѣ признаютъ, что своимъ образомъ дѣйствій нарушили декларацію 1724 г. Другимъ протестантамъ онъ даетъ понять, что „собираться толпой у больного, какъ они сдѣлали, это значило обнаружить фанатизмъ и неуваженіе къ законамъ и доброму порядку“. Съ другой стороны, мѣстному приходскому священнику и его двумъ викаріямъ субделегатъ рекомендуетъ на будущее время не ходить напутствовать умирающихъ протестантовъ иначе, какъ по просьбѣ ихъ родныхъ, и проявлять въ такихъ случаяхъ лишь „просвѣщенное и умѣренное усердіе“. Судьѣ онъ совѣтуетъ дать почтеннымъ отцамъ „благоразумныя инструкціи“ въ этомъ смыслѣ [2]).

Въ томъ же духѣ гуманной терпимости, хотя и не совсѣмъ въ духѣ существующаго законодательства, дѣйствуетъ въ своей области валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ, смотрящій глазами „просвѣщеннаго человѣка“ на „фанатизмъ, какъ на одну изъ самыхъ страшныхъ болѣзней человѣческаго духа“, и привѣтствующій успѣхи „философіи“ въ пользу человѣчества, проявившіеся, между прочимъ, въ „прогрессѣ духа терпимости“ [3]). Сенакъ-де-Мейльянъ высказывается въ 1776 г. вообще противъ строгаго примѣненія законодательства противъ протестантовъ на томъ основаніи, что „придерживаться началъ терпимости во всемъ, что не влечетъ за собою

[1]) Письмо отъ 31-го марта 1786 г.—Ibidem, p. 423.

[2]) Ibidem, p. 423—424.

[3]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 151: „Le fanatisme est une des plus terribles maladies de l'esprit humain... La philosophie avait vu couronner ses efforts en faveur de l'humanité par les progrès de l'esprit de tolérance“.

огласки, и вообще щадить протестантовъ—полезно для торговли и населенія этой провинціи". Согласно съ „мнѣніемъ" валансьеннскаго интенданта, военный министръ высказывается въ пользу терпимой политики по отношенію къ протестантамъ и считаетъ нужнымъ „сдерживать въ должныхъ границахъ опасное, быть можетъ, усердіе судей противъ протестантовъ" [1]).

XXXIX.

Нельзя конечно сказать, чтобы традиціи бавилевскихъ драгоннадъ окончательно исчезли въ „этотъ просвѣщенный вѣкъ"; но всякія попытки къ ихъ возрожденію, попытки къ тому же крайне рѣдкія въ это время, уже не встрѣчаютъ достаточно благопріятныхъ условій, для того чтобы воплотиться въ дѣйствительность. Попытки эти не только не встрѣчаютъ болѣе поддержки ни сверху, ни со стороны мѣстныхъ властей, но часто наталкиваются даже на противодѣйствіе съ ихъ стороны. Таковъ случай съ беарнскимъ интендантомъ Дюэ-де-ла-Буллэ, который въ семидесятыхъ годахъ предложилъ было министру Амело послать драгунъ въ тѣ мѣстности, гдѣ имѣли мѣсто запрещенныя собранія протестантовъ. Предложеніе интенданта встрѣтило однако очень холодный пріемъ въ министерствѣ. „Не полагаете ли вы—пишетъ ему сухо въ отвѣтъ Амело—, „что подобная мѣра напоминаетъ старинныя драгоннады, надѣлавшія черезчуръ много шума не только во Франціи, но и во всей Европѣ?.." [2]). Если назначенный въ 1751 г. интендантомъ въ Лангдокѣ Гиньяръ-де-Сенъ-При, шествующій по стопамъ Бавилля, старается отличиться своимъ усердіемъ въ преслѣдованіи протестантовъ [3]), то, вмѣсто

[1]) *Legrand,* op. cit., p. 146.

[2]) *Jobez,* la France sous Louis XVI, t. II, p. 124. Интересно, что правительство проявляло гораздо болѣе податливости „духу времени" въ смыслѣ вѣротерпимости, чѣмъ судебныя учрежденія. Такъ, когда въ 1778 г. главное командованіе въ Эльзасѣ было поручено временно барону Вурмзеру, который былъ лютераниномъ, то кольмарскій верховный совѣтъ обратился по этому поводу къ королю съ „представленіями", которыя впрочемъ были оставлены безъ послѣдствій.—*Krug-Basse,* l'Alsace avant 1789, p. 208.

[3]) *D'Argenson,* Journal et Mémoires, t. VII, p. 212 (28 avril 1752): „L'intendant de Languedoc poursuit avec plus de diligence que ci-devant les religionnaires".—Ibidem, p. 223 (5 mai 1752): „M. de Saint-Priest, nouvel intendant de Languedoc, imite M. de Bâville, et fait le diable contre les protestants".

ожидаемаго содѣйствія со стороны мѣстнаго главнокомандующаго, онъ находитъ въ немъ противовѣсъ своей дѣятельности въ этомъ направленіи. Маршалъ Ришелье—такъ зовутъ этого, очевидно, „просвѣщеннаго" парижскаго барина—„старается, какъ записываетъ въ своемъ дневникѣ маркизъ д'Аржансонъ, установить въ Лангдокѣ *самую благородную вѣротерпимость*" [1]).

XL.

Тѣмъ же духомъ гуманной терпимости отмѣченъ образъ дѣйствій „просвѣщенной администраціи" и по отношенію къ евреямъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго не лишеннаго характерности дѣла о двухъ евреяхъ, заявившихъ въ началѣ 1789 г. о своемъ желаніи принять христіанство. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просятъ начальство о принятіи ихъ на казенное содержаніе въ одномъ изъ существующихъ пріютовъ для „ново-католиковъ". Министръ Виллъдейль, къ которому было направлено прошеніе, пересылаетъ его для разъясненія дѣла и для отзыва мѣстному (алансонскому) интенданту Жюллъену. „Я разспрашивалъ—пишетъ въ своемъ донесеніи по этому дѣлу Жюллъенъ—этихъ молодыхъ людей (евреевъ), для того чтобы удостовѣриться относительно мотивовъ ихъ рѣшимости оставить іудейство. Хотя они мнѣ отвѣтили, что рѣшеніе свое они приняли въ силу убѣжденія въ превосходствѣ нашей религіи надъ ихней, я всетаки вынесъ впечатлѣніе, что главный пунктъ ихъ вѣрованій едва ли не заключается въ надеждѣ получить вспомоществованіе по переходѣ въ католичество. Впрочемъ, въ виду незначительности издержки, которую причинятъ эти два еврея, можно было бы, думается мнѣ, рискнуть сдѣлать изъ этихъ двухъ плохихъ евреевъ двухъ посредственныхъ католиковъ". Министръ однако нашелъ, что „рисковать" не стоитъ. „Эти лица—пишетъ онъ интенданту—въ состояніи зарабатывать себѣ средства къ существованію, и если они искренно желаютъ перейти въ нашу вѣру, то ничто не мѣшаетъ имъ обратиться за наставленіемъ къ приходскимъ священникамъ" [2]).

---

[1]) Ibidem, p. 383 (13 janvier 1753): „Le maréchal de Richelieu s'occupe d'établir en Languedoc *le plus honnête tolérantisme qui se puisse établir...*"

[2]) *Duval,* Ephémérides, p. 40—41.

XLI.

Интендантъ „просвѣщеннаго вѣка“ является нерѣдко „благотворителемъ“ не только въ качествѣ администратора, но и просто—въ качествѣ „просвѣщеннаго филантропа“.

Интересно, что знаменитый филонтропъ этой эпохи, Монтіонъ, являющійся однимъ изъ наиболѣе яркихъ и типичныхъ представителей „просвѣщенной филантропіи“ восемнадцатаго вѣка, вышелъ изъ среды провинціальныхъ интендантовъ. Въ 1783 г. онъ жертвуетъ 12,000 л. въ пользу бѣдныхъ Пуату и Берри и 8,000 л. на выдачу процентовъ съ этого капитала (600 л.) въ качествѣ пенсіи одному писателю, котораго лично не зналъ Монтіонъ, равно какъ не зналъ и тотъ писатель, отъ кого онъ получалъ „пенсію“ [1]. По словамъ его новѣйшаго біографа, Мантіонъ „часто вручалъ изъ рукъ въ руки лицамъ, пользовавшимися его безусловнымъ довѣріемъ, суммы въ три, шесть, десять тысячъ, для раздачи людямъ науки и литературы, очутившимся въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи“ [2].

Но главнымъ образомъ благотворительность Монтіона проявилась въ учрежденіи имъ цѣлаго ряда премій въ духѣ того „просвѣщеннаго вѣка“. Въ 1780 г. онъ жертвуетъ капиталъ въ 12,000 л., для того чтобы проценты съ него выдавались ежегодно въ видѣ преміи, по присужденію парижской Академія наукъ, за „опыты полезные для промышленности“ [3]. Въ 1782 г. Монтіонъ, подобнымъ же образомъ, „основываетъ“ три преміи, каждую съ основнымъ капиталомъ въ такую же сумму (12,000 л.). Одна изъ этихъ (ежегодныхъ) премій предназначалась, по присужденію Французской Академіи, автору „такого литературнаго произведенія, отъ котораго могло бы проистекать наибольшее благо для общества“; другая премія назначалась, по присужденію Академій наукъ, автору „доклада или опыта, которые бы сдѣлали менѣе вредными для здоровья мастеровъ и рабочихъ связанныя съ ихъ работой механическія операціи“ [4]; наконецъ, третья премія, это была знаменитая *премія за добродѣтель* (*prix de vertu*), о которой намъ приходилось вскользь упоминать въ дру-

[1] *Labour,* M. de Montyon, Paris, 1880, p. 218.
[2] Ibidem, p 229.
[3] Ibidem, p. 111.
[4] Ibidem, p. 218.

гой связи [1]); тамъ мы видѣли, что Монтіонъ отнюдь не является въ данномъ случаѣ какимъ-то новаторомъ, какимъ его обыкновенно выставляютъ его біографы и панегиристы, совершенно напрасно старающіеся *оправдать* яко-бы идею Монтіона, тогда какъ это была безличная идея этой исторической эпохи; да и вообще вся „благотворительность" этого знаменитаго филантропа является прежде всего именно продуктомъ эпохи и „духа времени", который успѣлъ сдѣлать щедраго благотворителя изъ этого въ сущности скупого и не особенно жалостливаго человѣка [2]). Стоитъ быть отмѣченнымъ одинъ изъ параграфовъ установленныхъ основателемъ правилъ для выдачи „преміи за добродѣтель" (по присужденію Французской Академіи), такъ какъ параграфъ этотъ очень хорошо отражаетъ одну изъ характерныхъ чертъ настроенія „просвѣщенныхъ людей" эпохи, именно ихъ—народолюбіе. „Авторъ награждаемаго подвига—гласитъ второй параграфъ правилъ—, мущина ли, или женщина, не долженъ быть, по своему общественному положенію, выше мелкой буржуазіи, и даже *желательно, чтобы онъ избирался среди низшихъ слоевъ общества (dans les derniers rangs de la société)*" [3]). Въ 1783 г. Монтіонъ жертвуетъ опять 12,000 л. на основаніе ежегодной преміи, предназначаемой, по присужденію Академіи наукъ, автору тѣхъ или другихъ „изобрѣтеній, клонящихся къ упрощенію техническихъ пріемовъ" въ различныхъ производствахъ. Въ 1787 г.—точно такое же пожертвованіе въ 12,000 л. на премію, подлежащую выдачѣ, по присужденію парижской Медицинской школы, автору изслѣдованія „по какому-либо вопросу изъ области медицины" [4]). Наконецъ, оставленное Монтіономъ завѣщаніе содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ статей о пожертвованіяхъ—и главнымъ образомъ опять-таки въ формѣ премій [5]).

Въ качествѣ филантропа-благотворителя, Монтіонъ не представляетъ собою какого-либо исключительнаго явленія среди интендантовъ, своихъ сверстниковъ. Еще раньше монтіоновскихъ премій, лиможскій интендантъ Тюрго учреждаетъ на свои средства при лиможскомъ сельскохозяйственномъ обществѣ ежегодную премію за

1) См. выше, стр. 420.
2) См. выше, стр. 443—444.
3) *Labour*, op. cit., p. 215.
4) Ibidem, p. 219.

лучшее сочиненіе по политической экономіи или сельскому хозяйству [1]). Въ 1778 г канскій интендантъ Эсмангаръ жертвуетъ 800 ливровъ па двѣ преміи, которыя должны присуждаться мѣстной академіей—одна за сочиненіе о средствахъ развитія мѣстной промышленности, другое—о средствахъ „защитить побережье области отъ морскихъ прибоевъ". „Подобные *акты патріотизма*—замѣчаетъ сообщающій объ этомъ фактѣ современный хроникеръ—заслуживаютъ самой широкой огласки и общественнаго одобренія" [2]). Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ учреждаетъ на свой счетъ преміи при основанной при его дѣятельномъ участіи школѣ живописи и ваянія въ Безансонѣ [3]), а нѣсколько позднѣе—при основанныхъ тамъ же по его иниціативѣ акушерскихъ курсахъ [4]).

По случаю рожденія дофина въ октябрѣ 1781 г. де-ла-Корэ и его супруга раздаютъ подарки обитателямъ мѣстныхъ мѣстъ заключенія и такимъ образомъ, по выраженію современнаго хроникера, „присоединяютъ къ парадньмъ празднествамъ *актъ патріотизма и благотворительности*" [5]). Кромѣ того, какъ передаетъ мѣстная газета, интендантъ „велѣлъ избрать по одной бѣдной дѣвушкѣ въ каждомъ изъ семи приходовъ города (Безансона); дѣвушекъ этихъ онъ щедро одѣлилъ приданымъ и пожелалъ обезпечить имъ замужество. Будущіе супруги собрались къ десяти часамъ въ отелѣ интендантства. Г-нъ и г-жа де-ла-Корэ проводили ихъ лично въ соборъ и представили ихъ епископу, который и совершилъ обрядъ бракосочетанія. Вслѣдъ затѣмъ въ честь новобрачныхъ былъ устроенъ въ интендантствѣ роскошный ужинъ (un repas somptueux), въ которомъ принимали участіе много лицъ изъ лучшаго общества" [6]).

Овернскій интендантъ де-Баллэвилльe пріобрѣтаетъ на свой счетъ „питательныя плитки", изобрѣтенныя мѣстнымъ химикамъ Queyriau, и разсылаетъ ихъ субделегатамъ для безплатной раздачи бѣднымъ въ деревняхъ [7]). Если вѣрить заявленію его сына, послѣдняго ланг-

1) *D'Hugues,* op. cit., p. 145.

2) *Mémoires secrets,* t. XI (5 mai 1778).

3) *Lurion,* op. cit., p. 26.

4) Ibidem, p. 38.

5) *Journal de Franche-Comté,* 26 novembre 1781 (цит. по *Lurion,* op. cit. p. 48).

6) *Estignard,* op. cit., t. II, p. 28.—Сравн. *Gauthier,* Besançon, etc., p. 13.

7) Эти плитки изготовлялись изъ костей и служили для приготовленія бульона.—*Bonnefoy,* op. cit., t. I, p. 122—123.

докскаго интенданта, въ одной офиціальной бумагѣ [1]), то Баллэнвилльe-отецъ, въ бытность свою оверискимъ интендантомъ, оказывалъ зачастую вспомоществованіе бѣднымъ плательщикамъ тальи, уплачивая изъ своихъ личныхъ средствъ причитавшуюся съ нихъ подать, чѣмъ интендантъ-сынъ объясняетъ оставленные отцомъ крупные долги (до 250,000 л.) [2]). Составленная по этому поводу однимъ изъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля докладная записка говоритъ, что упомянутый „фактъ засвидѣтельствованъ представленной въ генеральный контроль г. Монбуассье запиской“ [3]). Та же составленная въ генеральномъ контролѣ записка прибавляетъ, что Баллэнвилльe-сынъ (лангдокскій интендантъ) „издержалъ въ 1787 г. изъ своихъ личныхъ средствъ 12,000 л. на вспомоществованіе оставшимся безъ работы рабочимъ города Нима“. Изъ другихъ свидѣтельствъ узнаемъ, что тѣмъ же интендантомъ было издержано въ предыдущемъ году изъ личныхъ средствъ тридцать тысячъ ливровъ на пропитаніе бѣднаго люда города Монпеллье и его окрестностей въ теченіе суровой зимы [4]).

Оверискій интендантъ де-Шазерà, въ голодный 1771 г., устраиваетъ на свой счетъ продажу хлѣба для бѣдныхъ своей „столицы“ по цѣнѣ дешевле рыночной [5]). Послѣдній пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантейль пріобрѣтаетъ въ 1784 г. для своей „столицы“, на собственныя средства, двѣ пожарныхъ машины [6]). Турскій интендантъ дю-Клюзель, получивъ отъ генералъ-контролера де-Калонна отказъ на свое ходатайство о пособіи отъ казны для устройства мастерской для трощенія (organsinage) шелка въ Турѣ, выдаетъ это пособіе, которое онъ считаетъ необходимымъ для успѣха дѣла, изъ собственнаго кармана [7]). Пуатевинскій интандантъ графъ де-Блоссакъ идетъ въ этомъ направленіи еще дальше, основывая на собственныя средства мануфактуру для изготовленія бумажныхъ тканей, въ видахъ „насажденія“ этой новой отрасли промышленности

[1]) *Bonnefoy,* op. cit., t. I, p. 119—120.

[2]) *Archives nationales,* H 1090. Lettre de Ballainvilliers au contrôleur général, 5 février 1788.

[3]) Ibidem.

[4]) *Archives nationales,* H 1022 (цит. по *Babeau,* la Ville, t. p. 235).

[5]) *Evérat,* la Sénéchaussée d' Auvergne, p. 371.

[6]) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXXIII (1868), p 9.

[7]) *Dumas,* op. cit., p. 153.

въ своей мало культурной и лишенной промышленной предпріимчивости области [1]). Во время общественныхъ празднествъ, устроенныхъ въ Пуатье, по случаю выздоровленія Людовика XV въ 1757 г. тотъ же интендантъ вручаетъ изъ собственныхъ средствъ четыреста ливровъ приходскимъ священникамъ города для раздачи „стыдливымъ бѣднымъ“ (pauvres honteux) [2]). По примѣру интенданта, городское управленіе раздаетъ такую же сумму въ видѣ милостыни нищимъ на одной изъ городскихъ площадей [3]).

Бретанскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ ознаменовалъ свой пріѣздъ въ городокъ Ваннъ (Vannes) пожертвованіемъ 600 л. на предметъ „выдачи за-мужъ двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ“ [4]). Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по области, суассонскому интенданту ле-Пелльте случилось проѣзжать черезъ мѣстечко Salency, гдѣ какъ разъ въ это время предстояло „коронованіе розьеры“. Интендантъ получилъ приглашеніе на „торжество“, собственноручно возложилъ вѣнокъ на „розьеру“ и ознаменовалъ это „событіе“ пожертвованіемъ капитала, съ тѣмъ чтобы процентами съ него, въ размѣрѣ 200 л., пользовались по очереди „мѣстныя розьеры“ [5]).

Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ принимаетъ участіе въ подпискѣ въ пользу двухъ крестьянъ, проявившихъ выдающуюся самоотверженность въ дѣлѣ спасанія утопающихъ. По этому случаю интендантъ вызвалъ ихъ въ Перпиньянъ, гдѣ они были увѣнчаны изъ его рукъ миртовыми вѣнками въ торжественномъ собраніи мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, при чемъ интендантомъ были вручены имъ собранныя по подпискѣ преміи [6]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, между прочимъ, что „просвѣщенные администваторы“, въ дѣлѣ благотворительности, отдавали изрядную дань сентиментально-народолюбивому характеру современной филантропіи.

[1]) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII (1855), p. 297.

[2]) Бѣдняки, стыдящіеся просить милостыню.

[3]) *Mémoires....des Antiquaires de l'Ouest,* t XXII, p. 336.

[4]) *Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 3 (1775).

[5]) *Mémoires secrets,* t. XXVII, p. 289.

[6]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte, 1790.—*Pièces justificatives,* Nr. 146, p. 228.

Резюмируемъ изложенную главу.

Вѣкъ просвѣщенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *вѣкъ благотворительности.*

Просвѣщенная благотворительность заключается прежде всего въ „дѣятельномъ состраданіи“ къ „страждущему человѣчеству“ и находитъ свое выраженіе, какъ въ отдѣльныхъ актахъ благотворительности и „благотворительныхъ проектахъ“ различныхъ „просвѣщенныхъ благотворителей“, такъ и въ различныхъ филантропическихъ учрежденіяхъ, частью вновь возникающихъ и новыхъ по своему характеру, частью—въ старыхъ, но преобразившихся подъ вліяніемъ *благотворительной философіи.*

Отмѣченная печатью народолюбиваго настроенія эпохи, *просвѣщенная благотворительность* имѣетъ своимъ объектомъ преимущественно „бѣдныхъ сельскихъ обывателей“ и особенно ярко проявляется въ годины народныхъ бѣдствій.

Но этимъ дѣло не ограничивается. *Просвѣщенная благотворительность* занимающей насъ эпохи гораздо шире того, что въ наше время принято называть благотворительностью. „Просвѣщенная благотворительность“ охватываетъ собою всю совокупность элементовъ „общественнаго блата“ въ широкомъ смыслѣ. Она есть не что иное, какъ практическое осуществленіе „любви къ общественному благу“. Писатель-современникъ опредѣляетъ „просвѣщенную благотворительность“, какъ *соціальную любовь въ дѣятельномъ состояніи*; примѣнительно же къ нашей современной терминологіи, ее можно опредѣлить, какъ *соціально-утилитарный идеализмъ.* Быть „просвѣщеннымъ благотворителемъ“, это значитъ, въ пониманіи людей „просвѣщеннаго вѣка“, служить *общественной пользѣ*, другими словами—содѣйствовать тѣми или другими способами улучшенію моральныхъ и матеріальныхъ условій существованія общества.

Содѣйствовать улучшенію *моральныхъ условій*, это значитъ, прежде всего, работать надъ искорененіемъ тѣхъ *abus*, которые мѣшаютъ „общественному благополучію“: въ этомъ случаѣ *просвѣщенная благотворительность* подаетъ руку, съ одной стороны—тому *реформаторскому духу*, который составляетъ одну изъ господствующихъ нотъ въ идейномъ настроеніи „просвѣщеннаго вѣка“, съ другой—тому *чувствительному народолюбію*, печатью котораго отмѣчена просвѣщенная филантропія эпохи.

Тѣмъ же характеромъ сентиментальнаго народничества отмѣчена и та сторона „просвѣщенной благотворительности“, которая напра-

влена къ улучшенію *матеріальныхъ условій* существованія общества. Этотъ видъ „благотворительности", находящій себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ разнообразныхъ „поощреніяхъ" различныхъ улучшеній, усовершенствованій и изобрѣтеній въ области народнаго труда, преимущественно же труда земледѣльческаго,—вноситъ, между прочимъ, новую струю въ дѣятельность многочисленныхъ въ ту пору „академій", направляя эту дѣятельность на вопросы соціально-утилитарнаго характера. Но еще болѣе полное и всестороннее выраженіе находитъ себѣ „духъ просвѣщенной благотворительности"—въ возникшихъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія многочисленныхъ *сельскохозяйственныхъ обществахъ*.

Этотъ „духъ просвѣщенной благотворительности" или, что то же, тотъ *соціально-утилитарный идеализмъ*, который является внутреннею движущею силою практической дѣятельности *просвѣщеннаго человѣка*,—онъ налагаетъ свою печать также и на дѣятельность *просвѣщеннаго администратора*. Конечною цѣлью этой дѣятельности является воплощеніе идеала просвѣщенной благотворительности въ духѣ гуманности и народолюбія.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого административнаго идеализма является лиможскій интендантъ Тюрго; менѣе блестящими, но за-то пожалуй болѣе типичными выразителями этого идеализма эпохи являются многіе изъ интендантовъ, сверстниковъ Тюрго. „Духъ времени", этотъ „духъ просвѣщенной благотворительности", настолько силенъ, что онъ заражаетъ собою даже такихъ людей, которые ни по своему личному темпераменту, ни по своему моральному складу, не представляли особенно благопріятныхъ данныхъ для этого.

Въ своей провинціи „просвѣщенный администраторъ" находитъ широкое поле для проявленія своей *просвѣщенной* благотворительности. Онъ вноситъ новую, „филантропическую" струю въ традиціонную—наполовину церковную, наполовину полицейскую—борьбу съ нищенствомъ, этимъ исконнымъ „бичемъ" страны. Филантропическо-административная благотворительность по отношенію къ „страждущему человѣчеству", въ лицѣ нищихъ и убогихъ, находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ устройствѣ и отчасти—переустройствѣ традиціонныхъ *благотворительныхъ комитетовъ*, но главнымъ образомъ—въ организаціи различныхъ *благотворительныхъ работъ*, получающихъ широкое развитіе въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ восемнадцатаго вѣка.

Хроническая „язва“ нищенства, естественно, обострялась въ годы народныхъ бѣдствій, въ особенности—голодовокъ, въ родѣ тѣхъ, которыя постигли Францію въ 1770—1771, 1784—1785 и 1788—1789 гг. Поэтому вопросъ о нищенствѣ самымъ тѣснымъ образомъ переплетается въ старой Франціи съ болѣе общимъ вопросомъ о народномъ продовольствіи,—вопросомъ, который точно также открываетъ „просвѣщенному администратору“ широкое поле для „благотворительности“. На ряду съ нищими и голодными, объектомъ этой „благотворительности“ являются и другія категоріи „страждущаго человѣчества“, какъ-то: подкидыши, невольные обитатели тюремъ и т. д.

Участливое вниманіе „просвѣщеннаго администратора“ привлекаетъ къ себѣ также вопросъ о врачебной помощи населенію, въ особенности же —„бѣднымъ сельскимъ обывателямъ“. Интенданты заботятся также объ улучшеніи санитарнаго состоянія селъ и городовъ, о благоустройствѣ цѣлебныхъ источниковъ. Занесенное въ шестидесятыхъ годахъ изъ Англіи оспопрививаніе находитъ въ интендантахъ, свидѣтеляхъ производимыхъ оспою опустошеній, въ особенности среди сельскаго населенія,—горячихъ поборниковъ. А огромная смертность среди рожениць и новорожденныхъ дѣтей въ деревняхъ, обусловливаемая невѣжествомъ деревенскихъ повитухъ, заставляетъ „просвѣщенныхъ и чувствительныхъ администраторовъ“, раздѣлявшихъ къ тому же въ большинствѣ случаевъ воззрѣніе „философовъ-экономистовъ“ на народонаселеніе, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго преуспѣянія, —обратить свое „благотворительное“ вниманіе и на эту сторону дѣла: отсюда—тотъ широкій и дѣятельный почииъ, который, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, проявляютъ интенданты въ дѣлѣ организаціи безплатныхъ акушерскихъ курсовъ и акушерскихъ школъ „для сельскихъ женщинъ“.

Въ устройствѣ акушерскихъ курсовъ, какъ и во многихъ другихъ „благотворительныхъ“ начинаніяхъ, „просвѣщенный администраторъ“ выступаетъ не только какъ *другъ человѣчества*, но и какъ *другъ народа*. Народолюбивое настроеніе „вѣка просвѣщенія“ наложило глубокій отпечатокъ и на интендантскую администрацію. „Облегченіе народа“, въ особенности же „сельскаго люда“, это—одна изъ постоянныхъ заботъ „просвѣщеннаго администратора“. Въ частности особенное участіе послѣдняго возбуждаетъ къ себѣ „бѣдный плательщикъ тальи“, не прикрытый отъ фиска никакими привилегіями. Филантропическое народолюбіе дѣлаетъ изъ интенданта — принципіаль-

наго противника податныхъ привилегій и защитника „ротюрной“ массы противъ тѣхъ самыхъ привилегированныхъ сословій, къ которымъ самъ онъ принадлежитъ по своему соціальному положенію, а зачастую—и по своимъ фамильнымъ традиціямъ. Будучи не въ силахъ предотвратить постоянное увеличеніе податного бремени „своей провинціи“, онъ стремится, по крайней мѣрѣ, облегчить это бремя для болѣе обездоленной части плательщиковъ путемъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія этого бремени между всѣмъ податнымъ населеніемъ, путемъ наивозможно справедливаго распредѣленія вспомоществованій, наконецъ—путемъ соотвѣтствующихъ преобразованій, какъ податей, такъ и различныхъ, висѣвшихъ на плечахъ непривилегированной крестьянской массы, натуральныхъ повинностей, въ особенности—повинности дорожной. Помимо различныхъ частичныхъ облегченій въ дѣлѣ отбыванія этихъ повинностей, интенданты постепенно подготовляетъ ихъ коренную реформу въ смыслѣ замѣны этихъ натуральныхъ повинностей болѣе равномѣрно ложащеюся на все податное населеніе и сравнительно незначительною денежною податью.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій „просвѣщенной благотворительности“, внушенной администраціи „благотворительной философіей“ „просвѣщеннаго вѣка“, является та роль, которую играютъ въ то время интенданты въ отношеніи къ протестантамъ. Не смотря на то, что продиктованное эпохой религіозныхъ гоненій законодательство о протестантахъ продолжало сохранять свою юридическую силу, фактически оно утратило, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, изрядную долю своего значенія—благодаря тому, что администрація, въ лицѣ своихъ представителей, сама проникласъ внушеннымъ „философіей“ вѣка духомъ гуманной вѣротерпимости. Традиціи *драгоннадъ*, правда, не вполнѣ исчезли, но онѣ не встрѣчаютъ болѣе благопріятныхъ условій для своего проявленія въ конкретной дѣйствительности. Вліяніе духа вѣротерпимости сказалось также и на отношеніи „просвѣщенной администраціи“ къ евреямъ.

Вліяніе духа „просвѣщенной благотворительности“ на „просвѣщеннаго администратора“, естественно, не ограничивается рамками его административной дѣятельности, но распространяется зачастую и на его дѣятельность, какъ частнаго человѣка. Въ числѣ интендантовъ занимающей насъ эпохи мы встрѣчаемъ настоящихъ филантроповъ-благотворителей, а въ лицѣ бывшаго интенданта Монтіона мы имѣемъ дѣло даже съ однимъ изъ выдающихся филантроповъ своего времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Просвѣщенная администрація“ и культурный прогрессъ.

I. Матеріальное преуспѣяніе и администрація: взглядъ современниковъ.—II. Сельское хозяйство, какъ преимущественный объектъ заботъ „просвѣщенной администраціи“.—III. Оживленіе интереса къ сельскому хозяйству въ правящихъ сферахъ.—IV. Интенданты-поборники сельскохозяйственнаго прогресса.—Субделегаты.—V. Борьба противъ различныхъ „бичей“ сельскаго хозяйства.—VI. Интенданты-поборники промышленнаго прогресса.—VII. „Просвѣщенная администрація“ и развитіе путей сообщенія.—Сооруженіе новыхъ дорогъ и улучшеніе прежнихъ; постройка мостовъ.—VIII. Усовершенствованіе внутреннихъ водныхъ путей; сооруженіе судоходныхъ каналовъ.—IX. Вліяніе экономическихъ идей физіократовъ на администрацію.—Физіократы и правительство.—X. Интенданты-единомышленники и предшественники *философовъ-экономистовъ*.—XI. Судьба двухъ постановленій королевскаго совѣта.—XII. Идеи физіократовъ и субделегаты.—XIII. Интенданты и прогрессъ городского благоустройства.—XIV. „Просвѣщенная администрація“ и моральный прогрессъ.—Интенданты и школьное дѣло.—XV. Интенданты и „поощреніе“ наукъ, искусствъ и литературы.—XVI. Интенданты—иниціаторы и „покровители“ мѣстныхъ „академій“ и сельскохозяйственныхъ обществъ.—XVII. Интенданты и развитіе провинціальной прессы.—XVIII Интенданты и прогрессъ отечествовѣдѣнія.—XIX. Ихъ война съ „злоупотребленіями“.—„Просвѣщенные администраторы“ въ роли поборниковъ равенства.—XX. Они же—въ роли „друзей свободы“ и противниковъ „деспотизма“ и „произвола“.—XXI. „Просвѣщенная администрація“ и *lettres de cachet*.—XXII. Интенданты-реформаторы.—Заключеніе.

„Духъ благотворительной философіи“, или, говоря другими словами, тотъ *соціально-утилитарный идеализмъ*, направленный къ улучшенію матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія общества и въ особенности *народа*,—*этотъ идеализмъ, составляющій движущій мотивъ дѣятельности „просвѣщеннаго человѣка“, въ равной мѣрѣ является такимъ же движущимъ мотивомъ и дѣятельности „просвѣщеннаго администратора“*. Съ относящимися сюда данными мы уже отчасти познакомились, при изученіи нѣкоторыхъ изъ сторонъ этой дѣятельности, отчасти познакомимся при изученіи другихъ сторонъ послѣдней. Мы увидимъ, что „просвѣ-

щенная администрація“ вноситъ изрядную долю своего дѣятельнаго участія и почина въ дѣло культурнаго прогресса „провинціи“, какъ и всей страны.

I.

„Если—говоритъ писатель занимающей насъ эпохи—тамъ, гдѣ земля не отказываетъ въ своихъ произведеніяхъ, всетаки существуетъ бѣдность, то это—вина администраторовъ“ [1]). Таково мнѣніе одного изъ сотрудниковъ *Методической Энциклопедіи* [2]). Не иначе смотрятъ на дѣло и современные ему администраторы. „Богатство той или другой области обусловливается ея хорошимъ управленіемъ“—пишетъ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г. интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ [3]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ, очевидно, и его ошскій собратъ, Дуэ-де-ла-Буллэ, когда въ своемъ письмѣ къ Неккеру въ 1778 г., настаивая на необходимости снова выдѣлить изъ состава бордоскаго интендантства и возсоединить съ ошскимъ недавно вторично изъ него выдѣленныя въ пользу бордоскаго интендантства прибрежныя области Labourd и Landes, говоритъ: „Эти области, удаленныя отъ взоровъ администратора (т. е. бордоскаго интенданта), были бѣдны и лишены промышленности“ [4]).

II.

Подъ вліяніемъ *физіократовъ*, на земледѣліе, вообще—на сельское хозяйство, смотрѣли въ занимающую насъ эпоху, какъ на главный источникъ народнаго богатства и какъ на „важнѣйшую отрасль промышленности“ [5]), а слѣдовательно и какъ на преимущественный объектъ заботъ „просвѣщенной администраціи“. „Земледѣліе должно

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence*, Paris, 1785, t. V, p. 207: „...Partout où la terre donne des productions, et où il y a des consommateurs, il n'y a d'indigence nécessaire que par la faute des administrateurs“.

[2]) См. выше, стр. 188, примѣч. 5.

[3]) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte de l'administration, 1790: „La richesse d'une province suit bientôt sa bonne administration“.—*Pièces justificatives*, Nr. 65.

[4]) *Archives nationales*, H 1411. Douet de la Boullaye à Necker, 26 janvier 1778: „Ces provinces éloignées des regards de l'administrateur, étaient pauvres et sans industrie“.—*Pièces justificatives*, Nr. 15.

[5]) См. выше, стр. 365—369.

быть первѣйшимъ предметомъ законодательства"—говоритъ одинъ современный публицистъ [1]). „Въ интересахъ правительства—говоритъ другой современный писатель—покровительствовать земледѣльцамъ предпочтительно передъ прочими классами общества" [2]).

Взгляды эти проникаютъ и въ администрацію вплоть до ея вершинъ. Въ офиціальномъ актѣ король изъясняется въ своей любви къ „сельскимъ обывателямъ" и объявляетъ земледѣліе „наиболѣе достойнымъ предметомъ своего покровительства и своей заботливости" [3]). „Изъ всѣхъ благодѣяній, которыя можетъ сдѣлать разумная администрація,—читаемъ въ докладѣ бургонскихъ алкадовъ мѣстнымъ штатамъ въ 1787 г.—самое драгоцѣнное состоитъ, безспорно, въ поощреніи и прогрессѣ сельскаго хозяйства... Окажемъ же прежде всего честь сельскому хозяйству и сдѣлаемъ счастливыми сельскихъ тружениковъ..." [4]).

III.

Объ *оживленіи интереса къ сельскому хозяйству въ правящихъ сферахъ во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка*, именно—главнымъ образомъ начиная съ шестидесятыхъ годовъ, свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что въ *Собраніи старыхъ французскихъ законовъ* Изамбера, за шестидесятилѣтній періодъ 1701—1761 г. едва можно насчитать съ полдюжины офиціальныхъ актовъ, относящихся къ сельскому хозяйству, между тѣмъ какъ за гораздо болѣе короткій періодъ 1761—1789 г. ихъ можно тамъ найти цѣлые десятки.

Другимъ, не менѣе нагляднымъ свидѣтельствомъ того же пробужденія серьезнаго интереса къ сельскому хозяйству въ правящихъ сферахъ можетъ служить возникновеніе въ шестидесятыхъ годахъ особаго центральнаго вѣдомства для завѣдованія главнымъ образомъ дѣлами сельскаго хозяйства. Началось съ того, что въ 1761 г. былъ

[1]) L'agriculture devait être le premier objet des législateurs".—*De la félicité publique*, Bouillon, 1776, t. I, p. 102.

[2]) „L'intérêt du gouvernement est de favoriser les cultivateurs avant toutes les classes de la société".—*Dictionnaire universel, ou Bibliothèque de l'Homme d'Etat*, Londres, 1782, t. I, p. 533.

[3]) *Déclaration portant abolition des contraintes solidaires*, 3 janvier 1775: „Notre affection pour les habitants de la campagne nous engage", etc... „Ces poursuites rigoureuses... découragent *l'agriculture, l'objet le plus digne de notre protection et de nos soins*".—*Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 379—380.

[4]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3014.

образованъ въ генеральномъ контролѣ особый отдѣлъ, посвященный, какъ значится въ „королевскомъ альманахѣ“, „разсмотрѣнію различныхъ проектовъ, относящихся къ сельскому хозяйству и торговлѣ“. Это — ячейка, изъ которой возникло вскорѣ отдѣльное вѣдомство. По почину Бертэна, одного изъ приверженцевъ школы физіократовъ, было образовано въ 1763 г. особое вѣдомство безъ опредѣленнаго наименованія — офиціально оно носило названіе „вѣдомства г-на Бертэна“, который сталъ въ его главѣ -, но по характеру своему представлявшее собою зачатокъ двухъ новѣйшихъ министерствъ — земледѣлія и торговли: соединеніе вполнѣ естественное въ ту пору, когда хлѣбъ являлся однимъ изъ главныхъ предметовъ внѣшней торговли [1]). Неккеръ, смотрѣвшій косо на это новорожденное вѣдомство, проникнутое ненавистнымъ ему духомъ „секты экономистовъ“, добился того, что оно было совсѣмъ уничтожено въ 1780 г., а предметы его вѣдѣнія снова переданы были генеральному контролю [2]).

Крайне сухая весна 1785 г., имѣвшая своимъ результатомъ неурожай хлѣбовъ и травъ, вызвали въ большей части страны острую голодовку и народа и скота [3]). Нѣкоторыя области рисковали остаться вовсе безъ скота, а слѣдовательно и безъ возможности производить полевыя работы по минованіи голодовки. Для предотвращенія этого бѣдствія, было разрѣшено крестьянамъ пасти крупный скотъ въ лѣсахъ королевскихъ доменовъ до будущей осени [4]) и принято много другихъ аналогичныхъ мѣръ. Генералъ-контролеръ де-Калоннъ обратился въ эту трудную минуту за совѣтомъ къ парижской Академіи наукъ. Изъ нѣсколькихъ членовъ Академіи была по этому случаю образована особая комиссія. Комиссія эта послужила ячейкой, изъ которой въ іюнѣ того же года былъ образованъ „административный комитетъ сельскаго хозяйства“, въ составъ котораго, кромѣ нѣсколькихъ академиковъ (въ томъ числѣ Лавуазье), вошло нѣсколько представителей администраціи, въ лицѣ высшихъ чиновни-

[1]) По словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей экономической исторіи Франціи, послѣдней принадлежало въ восемнадцатомъ вѣкѣ первое мѣсто среди другихъ государствъ по размѣрамъ хлѣбнаго экспорта. — *A. de Calonne*, la Vie agricole, Paris, 18~7, p. 110.

[2]) *Procès-verbaux du Comité d'administration de l'agriculture*, Introduction, — См. также выше, т. I, стр. 226, примѣч. 3.

[3]) *Archives nationales*, H 1429.

[4]) *Archives nationales*, H 1447. *Isambert*, Recueil, t. XXVIII, p. 50.

ковъ контроля, въ томъ числѣ извѣстный Дюпонъ-де-Немуръ и завѣдующій податнымъ отдѣломъ Гравье-де-Верженнь,—послѣдній въ роли предсѣдателя комитета. Комитетъ этотъ, первоначальное назначеніе котораго было служить совѣщательнымъ органомъ генералъ-контролера по сельскохозяйственнымъ вопросамъ, проявилъ за свое непродолжительное существованіе также и значительный собственный починъ, благодаря главнымъ образомъ присутствію въ его средѣ такихъ дѣятельныхъ и горячо преданныхъ дѣлу лицъ, какъ Лавуазье и Дюпонъ-де-Немуръ. Такъ, комитетъ предпринялъ собираніе статистическихъ данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства страны, привлекши къ дѣлу, въ качествѣ своихъ корреспондентовъ, множество сельскихъ священниковъ и сельскихъ хозяевъ [1]. Однимъ изъ первыхъ результатовъ этой предпринятой на широкую ногу статистической enquête было выясненіе крайней недостаточности живого сельскохозяйственнаго инвентаря [2]. Отсюда—цѣлый рядъ проектовъ, выработанныхъ комитетомъ въ видахъ поощренія скотоводства (травосѣяніе, организація опытныхъ фермъ и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ были болѣе обстоятельно, чѣмъ это было возможно до тѣхъ поръ, выяснены причины, парализовавшія успѣхи сельскаго хозяйства вообще и въ частности—земледѣлія: податная система, сеньеріальныя повинности, церковная десятина, аграрные порядки (droit de parcours и др.), стѣсненія хлѣбной торговли и т. д. [3]. Комитетъ пришелъ къ единодушному признанію недостаточности для подъема сельскаго хозяйства однихъ техническихъ и экономическихъ мѣропріятій и указывалъ на необходимость коренныхъ реформъ во внутреннемъ управленіи. Въ этомъ сходились люди такого различнаго характера и умственнаго склада, какъ герцогъ де-Ліанкуръ, будущій эмигрантъ, и Лазовскій, будущій якобинецъ и членъ парижской революціонной коммуны [4].

Наконецъ, проявляемая въ занимающую насъ эпоху правительствомъ дѣятельность, является лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу пробужденія въ немъ серьезнаго интереса къ сельскому хозяйству и

[1]) Въ 1787 г. комитетъ насчитывалъ уже болѣе 900 корреспондентовъ въ разныхъ уголкахъ королевства.

[2]) Число лошадей опредѣлялось около 1,700,000, число коровъ около 1,800,000.

[3]) *Procès-verbaux du comité d'agriculture.* Introduction, p. XVII—XXII.

[4]) Ibidem.

его преуспѣянію. Правительство принимаетъ мѣры къ расширенію площади запашекъ путемъ поощренія осушки болотъ и распашки пустошей [1]). Оно дѣятельно поощряетъ развитіе новыхъ сельскохозяйственныхъ культуръ и вмѣстѣ—усовершенствованіе существующихъ. Генералъ-контролеръ освѣдомляется, чрезъ посредство интендантовъ, о наиболѣе предпріимчивыхъ въ этомъ направленіи сельскихъ хозяевахъ и лично обращается къ нимъ по этому случаю съ лестными письмами [2]).

Начиная съ пятидесятыхъ годовъ, правительство поощряетъ разведеніе только что появившейся около того времени марены, освобождая на двадцать лѣтъ отъ тальи лицъ, которыя разработаютъ для этой культуры извѣстное количество невоздѣланной земли. Результаты получились блестящіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, многія заброшенныя земли оказались покрытыми этой новой культурой, сдѣлавшейся вскорѣ одной изъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства во Франціи [3]).

Въ семидесятыхъ годахъ правительство пропагандируетъ разведеніе картофеля [4]), въ восьмидесятыхъ годахъ—травосѣяніе [5]). „Искусственные луга—читаемъ въ одномъ изъ многочисленныхъ печатныхъ „наставленій“, которыя разсылались въ это время правительствомъ интендантамъ для распространенія среди мѣстнаго земледѣльческаго населенія,—составляютъ важное подспорье сельскаго хозяйства. Кромѣ того, что они даютъ возможность держать больше скота, они имѣютъ еще ту выгоду, что даютъ отдыхъ землѣ и дѣлаютъ ее способною родить пшеницу безъ удобренія навозомъ. Наконецъ, выгода искусственныхъ луговъ еще въ томъ, что они избавляютъ земледѣльца отъ необходимости держать часть земли подъ паромъ“ [6]).

[1]) Деклараціи 1764 и 1766 г.—См. выше, стр. 264, примѣч. 6.

[2]) *Dumas*, op. cit., p. 285.

[3]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 316.

[4]) *Mémoires secrets*, t. XIV p. 28 (21 avril 1779): „Le gouvernement songe sérieusement à tirer parti de la culture de la pomme de terre en France“.—Сравн. выше, стр. 266—267.

[5]) Генеральный контроль разсылаетъ интендантамъ сѣмена луговыхъ травъ и брюквы для раздачи мелкимъ сельскимъ хозяевамъ, то-есть крестьянамъ-собственникамъ. Въ Турѣ интендантъ дю-Клюзель является дѣятельнымъ сотрудникомъ генеральнаго контроля въ этомъ отношеніи.—*Dumas*, op. cit., p. 284.

[6]) *Théron de Montaugé*, l'Agriculture et les Classes rurales, p. 138—139.

Около того же времени генералъ-контролеръ разсылаетъ въ области сѣмена англійской брюквы для продажи по умѣренной цѣнѣ болѣе зажиточнымъ крестьянамъ (платившимъ не менѣе 50 ливровъ тальи) и—безплатно менѣе зажиточнымъ [1]).

Министръ Бертэнъ разсылаетъ интендантамъ брошюру о картофелѣ и его разведеніи. Овернскому интенданту—имъ былъ въ то время знаменитый Монтіонъ—онъ рекомендуетъ выписать картофель на сѣмена, для разведенія въ этой области, изъ Forez и Lyonnais, гдѣ, по увѣренію министра, „порода картофеля лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было". Генералъ-контролеръ аббатъ Террэ встревоженъ появившимися въ одной газетѣ скептическими „замѣчаніями" на счетъ новаго американскаго корнеплода; по этому поводу онъ спѣшитъ разослать въ провинціи обстоятельную записку, въ которой старается „успокоить населеніе и, указывая на благопріятный результатъ произведенныхъ опытовъ, удостовѣряетъ полную пригодность новаго растенія, какъ питательнаго продукта" [2]).

„Въ интересахъ прогресса земледѣлія", генералъ-контролеръ спѣшитъ сообщить въ 1783 г. лангдокскому интенданту. главнокомандующему и предсѣдателю провинціальныхъ штатовъ объ „изобрѣтенномъ г-номъ Аргономъ изъ Женевы новомъ способѣ выдѣлки виноградной водки". Съ примѣненіемъ этого изобрѣтенія, „множество невоздѣланныхъ земель, единственно пригодныхъ для культуры винограда", сдѣлаются, какъ надѣется министръ, предметомъ сельскохозяйственной эксплоатаціи [3]). Въ 1787 г. генералъ-контролеръ разсылаетъ интендантамъ печатныя наставленія для распространенія въ провинціяхъ, касательно удобренія земли, скотоводства, травосѣянія, воздѣлыванія новыхъ культуръ, наилучшаго устройства хлѣбныхъ скирдъ, и т. д. [4]).

Въ декабрѣ 1788 г. министръ Ломени-де-Бріеннъ посылаетъ лангдокскому интенданту присланное въ генеральный контроль „докторомъ медицины Аморрё" изъ Монпеллье составленное имъ „сочиненіе о культурѣ оливковыхъ деревьевъ и о способахъ извлеченія изъ

[1]) Ibidem, p. 139.

[2]) *Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 147.

[3]) *Archives nationales*, H 1058. Le contrôleur général au comte de Périgord, 14 février 1783.—Тождественныя письма отъ того же числа на имя интенданта и предсѣдателя штатовъ.

[4]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 314.

нихъ масла". „Какъ бы то ни было—заканчиваетъ свое письмо министръ,—чтобы не упустить ничего, что могло бы послужить къ развитію и усовершенствованію культуры оливковыхъ деревьевъ, я предлагаю вамъ вызвать къ себѣ г. Аморрё и предложить ему изложить въ вашемъ присутствіи рекомендуемые имъ пріемы" [1]).

Для развитія садоводства и лѣсоводства правительство заводитъ казенные питомники древесныхъ породъ [2]), откуда на льготныхъ условіяхъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и совсѣмъ безплатно, выдаются молодыя деревья мелкимъ сельскимъ хозяевамъ [3]).

По части скотоводства, правительство значительно расширяетъ въ занимающую насъ эпоху сѣть конскихъ заводовъ и тѣмъ дѣлаетъ болѣе доступнымъ для мелкихъ хозяевъ пользованіе породистыми производителями, чѣмъ достигалось улучшеніе породы рабочей крестьянской лошади [4]). При Людовикѣ XVI, и при непосредственномъ участіи короля, было положено во Франціи начало разведенію мериносовъ, первое стадо которыхъ было выписано изъ-за границы самимъ королемъ и помѣщено на опытной фермѣ, въ королевскомъ паркѣ Рамбуллье [5]).

Скотскіе падежи—вотъ еще одинъ изъ многочисленныхъ „бичей" сельскаго хозяйства,—бичъ тѣмъ болѣе страшный, что почти не существовало средствъ для борьбы съ нимъ. Достаточно сказать, что до 1762 г. во Франціи—какъ впрочемъ и нигдѣ въ Европѣ—не было ни одной ветеринарной школы, и самое скотолеченіе почти не отличалось отъ простого знахарства. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ министру Бертэну, который еще въ бытность свою интендантомъ въ Ліонѣ мечталъ объ учрежденіи тамъ ветеринарной школы. Осуществленіе этой мечты было однимъ изъ первыхъ актовъ его министерства. 1-го января 1762 г. открылась въ Ліонѣ первая во Франціи—и во всей Европѣ—ветеринарная школа. Всеобщее со-

[1]) *Archives nationales*, H 1063. Lettre de Loménie de Brienne à Bernard de Ballainvilliers, 1 décembre 1788: „Quoiqu'il en soit, pour ne rien négliger de ce qui pourrait concourir à étendre et à perfectionner la culture des oliviers, je vous engage à mander le sieur Amorreux pour lui faire développer en votre présence ses procédés"...

[2]) И поощряетъ частную предпріимчивость въ этомъ направленіи.

[3]) *Archives nationales*, H 2110—2112.

[4]) *Archives nationales*, H 1046, 1110, 1111. Сравн. выше, стр. 268.

[5]) *Chaptal*, Industrie française. Paris, 1819, t. I. p. 149.—Сравн. выше, стр. 268.

чувствіе, которымъ было встрѣчено это начинаніе, является лучшимъ доказательствомъ того, что оно отвѣчало живой потребности [1]). Въ 1766 г. правительствомъ была основана вторая ветеринарная школа, близъ Парижа. Посѣтившій ее въ 1787 г. англичанинъ Артуръ Юнгъ нашелъ, что это учрежденіе „дѣлаетъ честь французскому правительству“, которое значительно расширило это учрежденіе въ 1783 г., присоединивъ къ существующимъ каѳедрамъ каѳедры „сельской экономіи“, анатоміи и химіи и устроивъ при школѣ, при участіи королевскаго сельскохозяйственнаго общества, опытную ферму [2]).

Если мы прибавимъ сюда отзывчивость правительства на ходатайства провинціальныхъ штатовъ, провинціальныхъ собраній и сельскохозяйственныхъ обществъ о разрѣшеніи раздѣла общинныхъ земель въ различныхъ областяхъ [3]), далѣе —мѣры къ расширенію запашекъ [4]), и, наконецъ —цѣлый рядъ мѣръ, проведенныхъ въ кратковременное министерство Тюрго въ интересахъ сельскаго хозяйства и крестьянства [5]), то приходится признать, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка правящія сферы проявляютъ серьезный интересъ къ сельскому хозяйству и его „прогрессу“. Въ періодъ съ 1761 до 1784 гг. правительствомъ—по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей экономической исторіи Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ -было сдѣлано для сельскаго хозяйства болѣе, чѣмъ за предыдущій восьмидесятилѣтній періодъ, протекшій со смерти Кольбера [6]).

---

1) *D'Hugues*, op. cit., p. 159.

2) *Young*, Voyages en France, t. I, p. 116.

3) Іюньскимъ эдиктомъ 1769 г. разрѣшается раздѣлъ въ области Трехъ-Епископствъ (*Archives départementales de la Côte-d'Or*. C 3332); январьскимъ эдиктомъ 1777 г.—въ Бургони (ibidem, C 3523; *Guyot*, Traité des droits, etc., t. III, p. 305): королевскою грамотой отъ 13-го ноября 1779 г.—въ области Артуа (*Filon*, Histoire des Etats d'Artois, p. 95), и т. д.

4) См. выше, стр. 264.

5) Освобожденіе отъ различныхъ стѣсненій торговли хлѣбомъ и виномъ, облегченіе дорожной повинности, отмѣна круговой поруки и т. д.

6) *Pigeonneau et de Foville*, Procès-verbaux du Comité de l'agriculture, Introduction, p. VII—VIII.—По поводу нѣкоторыхъ мѣропріятій генеральнаго контроля въ восьмидесятыхъ годахъ, историкъ-экономистъ Тэронъ-де-Монтоже замѣчаетъ: „Ces précautions minutieuses révèlent de la part de l'autorité centrale une grande sollicitude pour les intérêts agricoles“ (*Théron de Montaugé*, l'Agriculture et les Classes rurales, p. 139).—Сравн. *A. de Calonne*, la Vie agricole, p. 7: „Aucune des graves questions actuellement à l'ordre du jour n'échappe à la sollicitude des ministres de Louis XV et de Louis XVI, qui en-

IV.

Что касается интендантовъ, то *въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго прогресса они не только являются ревностными и сознательными исполнителями правительственныхъ начинаній, но и проявляютъ много собственнаго почина, идя зачастую впереди центральной власти.* Можно даже сказать, что *въ самую эту центральную власть починъ вносится главнымъ образомъ интендантами же.* Въ самомъ дѣлѣ, кто среди министровъ являются главными иниціаторами различныхъ поощреній сельскому хозяйству и реформъ, направленныхъ къ его „прогрессу“? Это: Машо, бывшій валансьеннскій интендантъ,—Бертэнъ, бывшій ліонскій интендантъ, -Тюрго, бывшій лиможскій интендантъ. Словомъ, это—все бывшіе интенданты, которые принесли съ собой въ центръ тотъ живой интересъ къ „прогрессу сельскаго хозяйства“, который они многократно выказали до того въ управляемыхъ ими областяхъ.

„Сельская экономія“, это первое, что интересуетъ „просвѣщеннаго администратора“. Характерно въ этомъ отношеніи письмо, или вѣрнѣе—циркуляръ, разосланный пуатевинскимъ интендантомъ Буладе-Нантейлемъ своимъ субделегатамъ въ январѣ 1780 г., въ которомъ онъ проситъ своихъ подчиненныхъ доставить ему въ теченіе двухнедѣльнаго срока свѣдѣнія по слѣдующимъ частямъ „сельской экономіи“ ихъ субделегатствъ: „Какія мѣры общаго или частнаго характера приняты земледѣльцами вашего округа для восполненія недостатка въ фуражѣ и каковъ былъ результатъ этихъ мѣръ? Какія приняты мѣры для обезпеченія удобренія, которое, вслѣдствіе недостатка фуража, должно было стать рѣдкимъ? Было ли прошлымъ лѣтомъ запрещено полиціей пускать скотъ на луга непосредственно послѣ косьбы, для того чтобы за этотъ временный перерывъ трава могла снова подрасти? Было ли устроено такъ, чтобы мельницы были останавливаемы каждый день на нѣсколько часовъ, для того чтобы можно было воду, предназначенную для движенія мельничнаго колеса, употреблять въ этотъ промежутокъ на поливку луговъ? Засѣвали ли земледѣльцы паровую землю журавлинымъ горохомъ, клеверомъ, люцерной, маисомъ, рѣпой, брюквой, гречихой и другими

ceurageaient de tous leurs efforts les progrès et les améliorations de la science agricole“.

обиходными злаками или овощами, для того чтобы дѣлать такъ называемый coupage или искусственные луга? Есть ли среди земледѣльцевъ лица, которыя предполагаютъ ввести эти различные методы въ свою хозяйственную эксплоатацію, для того чтобы предохранить себя на будущее время отъ слѣдствій подобной засухи? Какими средствами располагаетъ большинство земледѣльцевъ для прокормленія своей скотины въ теченіе остающейся части зимы? Не меньшаго вниманія заслуживаетъ также вопросъ объ обезпеченіи сѣменами для предстоящаго посѣва тѣхъ мѣстностей, которыя можетъ постигнуть полный неурожай овсовъ. Возможно, что мелкіе хозяева не въ состояніи будутъ въ такомъ случаѣ добыть себѣ сѣмянъ... Прошу васъ предложить мнѣ наиболѣе подходящія, по вашему мнѣнію, средства, для того чтобы не оставалось незасѣянныхъ земель. Не оказалось ли бы, напримѣръ, возможнымъ замѣнить недостающій овесъ рожью или какимъ-либо другимъ злакомъ, культура котораго могла бы всего лучше удасться въ вашемъ округѣ?" Письмо интенданта заканчивается слѣдующими строками: „Я желалъ бы, Милостивый Государь, получить отъ васъ, не позднѣе 20-го сего мѣсяца, отвѣтъ на всѣ эти вопросы, подсказываемые настоящими обстоятельствами. Благоволите сообщить мнѣ самыя точныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ наивозможно обстоятельно обоснованными соображеніями. Не бойтесь входить во всѣ подробности этого столь важнаго предмета. Вы сдѣлаете хорошо, обратившись за справками къ приходскимъ священникамъ и наиболѣе просвѣщеннымъ изъ земледѣльцевъ, которые будутъ въ состояніи дать вамъ необходимыя свѣдѣнія, благодаря ихъ близкому практическому знакомству съ средствами, къ которымъ нужда заставила прибѣгать земледѣльцевъ..." [1]).

Подобнымъ же образомъ, безансонскій интендантъ Лефевръ-де-Комартэнъ разсылаетъ въ 1785 г. своимъ субделегатамъ и сельскимъ священникамъ области вопросные листы для выясненія состоянія сельскаго хозяйства области. На ряду съ краткими отвѣтами, интендантъ получаетъ длинныя „записки", въ родѣ той, которая ему была прислана священникомъ прихода Besain [2]).

Весной 1785 г. сельскимъ хозяевамъ Пуату угрожаетъ неурожай травъ, чреватый гибельными послѣдствіями для домашняго скота, ко-

[1]) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 171—172. Boula de Nanteuil à Blactot, 7 janvier 1786.

[2]) *Archives départementales du Jura*, C 836 (цит. по *Bulletin de la Société d'agriculture de Poligny*, 1880, p. 65, 97).

тораго нечѣмъ будетъ прокормить зиму. Мѣстный интендантъ Була-де-Нантейль, въ виду этой тяжелой перспективы, пытается, насколько возможно, парализовать угрожающее мѣстному сельскому хозяйству бѣдствіе. „Нельзя ли было бы—пишетъ онъ по этому случаю своему субделегату въ Брессюирѣ—уже теперь попытать какой-либо родъ культуры, могущій восполнить недостатокъ фуража? Во многихъ областяхъ, напримѣръ—въ Лимузенѣ, разводятъ рѣпу и брюкву, которыя служатъ кормомъ для овецъ, а зимой и для коровъ. Мнѣ кажется, что въ Пуату тѣмъ легче было бы прибѣгнуть къ этому средству, что эти сорта овощей сѣются обыкновенно въ іюлѣ и августѣ. Прошу васъ сообщить мнѣ ваши соображенія по этому предмету, и если предполагаемый мною выходъ изъ затруднительнаго положенія окажется практически пригоднымъ, я выпишу сѣмянъ, раздамъ ихъ безплатно и даже выдамъ награды тѣмъ лицамъ, которыя займутся этимъ видомъ культуры“ [1]). Надо думать, что отъ субделегата послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Двѣ-три недѣли спустя интендантъ, въ письмѣ къ тому же субделегату, высказываетъ надежду имѣть въ скоромъ времени въ своемъ распоряженіи сѣмена англійской брюквы и маиса „для раздачи наименѣе зажиточнымъ изъ сельчанъ, которые пожелаютъ заняться культурой этихъ растеній“ [2]).

„Земледѣліе, это—одинъ изъ предметовъ, заслуживающихъ величайшаго вниманія, а между тѣмъ о немъ всего менѣе помышляютъ“—пишетъ интендантъ де-ла-Корэ въ одномъ изъ своихъ первыхъ циркуляровъ субделегатамъ въ 1761 г. Интендантъ удѣляетъ этой части администраціи самое серьезное вниманіе. Онъ тщательно слѣдитъ за своевременнымъ доставленіемъ субделегатами свѣдѣній объ урожаѣ, о градобитіяхъ, заморозкахъ и т. п. сельскохозяйственныхъ катастрофахъ. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ началось движеніе въ пользу основанія сельскохозяйственныхъ обществъ, де-ла-Корэ думалъ было слить это новое учрежденіе съ существовавшей уже въ Безансонѣ „академіей“ [3]), личнымъ составомъ которой въ сущности заранѣе опредѣлялся будущій контингентъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества; но министръ Бертэнъ, горячій сторонникъ сельскохозяй-

[1]) Ibidem, p. 143. Boula de Nanteuil à Blactot, 15 juin 1785.

[2]) *Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 140. Boula de Nanteuil à Blactot, 27 mai 1785.

[3]) См. выше, стр. 296, примѣч. 2.

ственныхъ обществъ, желалъ видѣть въ Безансонѣ, по примѣру другихъ провинціальныхъ „столицъ", непремѣнно особое сельскохозяйственное общество, отдѣльно отъ академіи. Дѣйствительность однако оправдала предположенія интенданта: отдѣльнаго сельскохозяйственнаго общества такъ и не удалось сформировать въ Безансонѣ, но за-то академія, „поощряемая" де-ла-Корэ, старалась до извѣстной степени замѣнить собою недостающую сельскохозяйственную ассоціацію, удѣляя извѣстное вниманіе вопросамъ сельскаго хозяйства, какъ въ выборѣ темъ для докладовъ, такъ и въ выборѣ сюжетовъ для конкурсовъ. Такъ, въ 1772 г. академіей была присуждена премія извѣстному агроному и химику Парментье за сочиненіе на заданную академіей тему: „Какими растительными продуктами можно было бы замѣнить, въ случаѣ неурожая, обычную пищу?" [1])

Амьенскій интендантъ графъ д'Агэ пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе для распространенія добрыхъ началъ „сельской и домашней экономіи". По его порученію составляются, печатаются и разсылаются по деревнямъ различныя „наставленія" по этой части. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на развитіе и усовершенствованіе въ амьенскомъ интендантствѣ коневодства и овцеводства. Для полученія болѣе тонкой шерсти, онъ выписываетъ улучшенныя породы овецъ изъ Голландіи и Англіи и устраиваетъ „королевскія овчарни" въ области Булоннэ и въ Бовѣ (Boves) близъ Амьена. Что касается поощренія коневодству, то въ этихъ видахъ интендантъ раздаетъ до пятисотъ кавалерійскихъ лошадей мелкимъ сельскимъ хозяевамъ въ безсрочное пользованіе, съ обязательствомъ содержать этихъ лошадей, и въ случаѣ смерти ихъ, замѣщать соотвѣтствующими экземплярами; въ случаѣ маневровъ или мобилизаціи, эти лошади должны были передаваться военному вѣдомству съ вознагражденіемъ ихъ обладателей изъ казны въ размѣрѣ двадцати су въ сутки [2]).

Интересы земледѣлія и земледѣльческаго населенія находятъ себѣ дѣятельнаго поборника въ лицѣ послѣдняго парижскаго интенданта Бертье-де-Совиньи. Онъ содѣйствуетъ возстановленію мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, расширяетъ и оживляетъ его дѣятельность путемъ организаціи *земледѣльческихъ комитетовъ*

[1]) Отвѣтъ Парментье заключался въ указаніи на картофель.—*Suchet*, la Pomme de terre en Franche-Comté (*Annuaire du Doubs*, 1870) (цит. по *Lurion*, op. cit., p. 35).

[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., 382—383.

(comices agricoles) во всѣхъ закоулкахъ своей области, снабжаетъ нуждающихся крестьянъ сѣменами для посѣва и домашнимъ скотомъ, поощряетъ разведеніе новыхъ культуръ, значительно облегчаетъ для крестьянъ натуральную дорожную повинность, замѣнивъ „ручную“ повинность (corvée de bras) платными „благотворительными работами“ [1]).

Что касается сельскохозяйственныхъ комитетовъ, то о происхожденіи и дѣятельности ихъ современный хроникеръ сообщаетъ слѣдующееe. „Въ 1785 г., интендантъ, желая поощрять земледѣліе, это первѣйшее изъ искусствъ, возымѣлъ мысль—организовать въ каждомъ выборномъ округѣ комитетъ изъ двѣнадцати наиболѣе зарекомендовавшихъ себя земледѣльцевъ (laboureurs). Разъ въ мѣсяцъ они собираются въ назначенный день у субделегата. Здѣсь докладывается объ интересныхъ фактахъ, относящихся къ сельской экономіи. Комитеты ведутъ переписку съ королевскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ“. Начиная съ 1786 г., послѣднее отряжаетъ въ комитеты особыхъ комиссаровъ, которые, для ознакомленія съ дѣломъ на мѣстѣ, присутствуютъ на засѣданіяхъ комитетовъ во время объѣзда интендантомъ свой области. Такимъ образомъ, независимо отъ письменныхъ сношеній, разъ въ годъ происходитъ непосредственное общеніе между обществомъ и комитетами. Въ каждомъ засѣданіи присуждается медаль земледѣльцу, признанному его собратьями наиболѣе того заслуживающимъ; вручаетъ медаль самолично интендантъ [2]).

Интенданты являются дѣятельными сотрудниками правительства въ дѣлѣ распространенія новыхъ земледѣльческихъ культуръ. Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ издаетъ въ 1768 г. получившее отъ безансонской академіи премію сочиненіе „о различныхъ видахъ овощей и растеній, разведеніе которыхъ, до сихъ поръ не практикуемое во Франшъ-Контэ, могло бы быть введено въ этой области“ [3]). Бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ пытается ввести въ своемъ генеральствѣ табаководство; но его начинанія въ этомъ направленіи встрѣчаются съ однимъ изъ тѣхъ неодолимыхъ барьеровъ, избороздившихъ старую Францію по всѣмъ направленіямъ, о которые разбивалось немало благихъ начинаній. Въ данномъ слу-

1) *A. de Boislisle*, Mémoires des intendants, t. I, p. LXXXVI.

2) *Mémoires secrets*, t. XXXIV (7 mars 1787).

3) *Lurion*, op. cit., p 35.

чаѣ начинанія интенданта наткнулись на „права" государственныхъ откупщиковъ, имѣвшихъ монополію табачной торговли,--монополію, которая ограждалась, между прочимъ, воспрещеніемъ разведенія табака въ предѣлахъ Франціи. Энергичный интендантъ сдѣлалъ попытку примирить интересы отечественнаго земледѣлія съ существующимъ фискальнымъ режимомъ. Развитію и обоснованію своей мысли онъ посвятилъ особую обширную „записку", которую напечаталъ въ 1781 г. Оставляя за государственными откупщиками монополію табачной торговли, онъ предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить табаководство въ предѣлахъ Франціи, только ограничивъ его строго опредѣленными, болѣе или менѣе тѣсными, районами и поставивъ эту отрасль сельскаго хозяйства подъ строгій контроль администраціи. Хотя автору этого проекта не суждено было увидѣть его осуществленія, но его идея легла въ основаніе той системы, которая была введена уже послѣ революціи, и которая существуетъ до сихъ поръ. Любопытно, что интендантъ идетъ въ своемъ проектѣ далѣе, чѣмъ пошло настоящее время (во Франціи). Дѣло въ томъ, что на предложенный имъ порядокъ, онъ смотрѣлъ лишь какъ на переходный modus vivendi, долженствовавшій подготовить переходъ къ полной свободѣ, какъ культуры, такъ и продажи табака [1]).

Овернскій интендантантъ де-Шазера поощряетъ разведеніе винограда и виподѣліе въ Оверни и продолжаетъ попытки своихъ предшественниковъ привить въ области культуру марены; попытки эти не дали однако прочныхъ результатовъ, въ виду неблагопріятныхъ климатическихъ условій области [2]). Болѣе успѣха имѣлъ интендантъ съ пропагандой культуры англійской брюквы, сѣмена которой, присылаемыя правительствомъ, онъ усердно распространяетъ, чрезъ посредство своихъ субделигатовъ, среди мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Нѣкоторые изъ субделегатовъ проявляютъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ большее рвеніе, что и сами занимаются сельскимъ хозяйствомъ, въ качествѣ помѣщиковъ. Одинъ изъ субделегатовъ, напримѣръ, пишетъ интенданту по этому случаю: „Я считаю себя въ правѣ утверждать, что порода брюквы, разводимая въ нашей мѣстности, та же самая, что и столь восхваляемая англійская. Я читалъ описаніе этого овоща въ естественно-историческомъ словарѣ де-Бомара

1) *Bussière*, Etudes historiques, etc., t. I, p. 135.
2) *Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 148—149.

и нашелъ поразительное сходство. Можно даже думать, что культура этой породы брюквы болѣе подходитъ къ нашей почвѣ...“ [1]).

Въ шестидесятыхъ годахъ многіе интенданты увлекаются шелководствомъ, стараясь привить его въ своихъ областяхъ. Такъ, буржскій интендантъ Додаръ выписываетъ изъ Прованса двѣ тысячи молодыхъ шелковичныхъ деревьевъ, которые и были посажены частью на принадлежавшей буржскому госпиталю подгородной дачѣ, частью розданы различнымъ сельскимъ хозяевамъ. Онъ же содѣйствовалъ основанію въ Буржѣ сельскохозяйственнаго общества въ 1762 [2]).

Де-ла-Бурдоннэ отецъ пытается привить шелководство въ Пуату. Благодаря особому покровительству интенданта, послѣднее, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, практиковалось однако въ теченіе нѣкотораго времени, но, какъ тепличное растеніе, прекратило свое существованіе, какъ только было предоставлено самому себѣ [3]).

Интендантъ дю-Клюзель беретъ подъ свое покровительство издавна заведенное въ Турэни шелководство. Для поощренія разведенія шелковичнаго дерева крестьянами, онъ раздаетъ желающимъ безплатно выписанныя съ юга лучшія сѣмена этого растенія и учреждаетъ при сельскохозяйственныхъ обществахъ Тура, ле-Мана и Анжера денежныя преміи за лучшія плантаціи шелковичнаго дерева. Дю-Клюзель продолжаетъ также раздачу выписанныхъ изъ Италіи шелковичныхъ коконовъ. Что эти мѣры не остались безплодными, видно изъ того, что въ 1766 г. число лицъ, занимавшихся въ области шелководствомъ, увеличилось въ пятнадцать разъ сравнительно съ 1750 г., а производство увеличилось въ тридцать разъ [4]). Въ 1766 г. стоимость выработаннаго въ области шелка интендантъ опредѣляетъ въ 200,000 ливровъ, въ 1781—въ одинъ милліонъ. Для улучшенія качества продукта дю-Клюзель учредилъ въ 1781 г. нѣсколько премій въ пользу шелководовъ, которые выработаютъ наилучшій по качеству шелкъ [5]).

Лиможскій интендантъ Тюрго былъ въ числѣ первыхъ насадителей культуры картофеля на почвѣ Франціи. Онъ щедрою рукой раз-

[1]) *Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 146.

[2]) *Raynal*, Histoire du Berri, t. IV, p. 419.

[3]) *Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 355.

[4]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 87 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 145).—Число шелководовъ въ 1750 г.—47, въ 1766 г.—504; количество шелка въ 1750 г.—834 фунта, въ 1766 г.—26,138 ф.

[5]) Ibidem.

давалъ сѣмена членамъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, приходскимъ священникамъ и сельскимъ хозяевамъ для распространенія новой культуры. Для того чтобы побѣдить господствовавшее предубѣжденіе противъ американскаго корнеплода, Тюрго распорядился, чтобы у него ежедневно было за обѣдомъ какое-либо блюдо изъ картофеля. Въ своихъ поѣздкахъ по области, онъ бралъ съ собой въ дорогу картофеля и, остановившись гдѣ-нибудь въ деревнѣ, приказывалъ подавать себѣ картофель въ присутствіи недовѣрчивыхъ крестьянъ. Столь наглядными аргументами „просвѣщенному администратору" удалось побѣдить въ концѣ концовъ мужицкій скептицизмъ, но — увы! — побѣдить лишь наполовину: крестьяне стали разводить картофель и кормить имъ... свою скотину. Къ счастью, крестьянскія дѣти оказались довѣрчивѣе своихъ родителей и скоро стали рѣшительными прозелитами пропагандируемой просвѣщеннымъ администраторомъ культуры; они нашли, что въ вареномъ или печеномъ видѣ картофель вовсе недуренъ „и какъ мясомъ, такъ и вкусомъ своимъ, немногимъ отличается отъ каштановъ" [1]. Усилія Тюрго вскорѣ увѣнчались успѣхомъ, и въ своемъ „отзывѣ касательно раскладки тальи на 1766 г." онъ могъ впервые довести до свѣдѣнія министра о „хорошихъ результатахъ культуры картофеля" въ своемъ интендантствѣ [2]. Интендантъ де ла-Бурдоннэ, одновременно съ Тюрго, также всячески поощряетъ разведеніе картофеля въ Пуату [3]. Бордоскій интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ благодаритъ въ 1780 г. одного сельскаго священника за присылку „пататовъ собственной культуры" и настоятельно совѣтуетъ ему продолжать и расширять начатое дѣло, такъ какъ разведеніе картофеля обѣщаетъ „большую пользу для ландъ (landes)" [4].

Вслѣдъ за Тюрго, который ввелъ въ лиможскомъ генеральствѣ травосѣяніе [5], эту культуру „поощряютъ" у себя и другіе интенданты [6].

[1]) *Dupont de Nemours*, op. cit., 1-re partie. p. 118 (цит. по *d'Hugues*, op. cit., p. 164).

[2]) *Avis sur l'imposition de la taille pour l'année 1766* (*Turgot*, Oeuvres, t. I, p. 538).

[3]) *Mémoires.. des Antiquaires de l'Ouest*, t. XX, p. 296.

[4]) *Archives historiques de la Gironde*, t. XXV, p. 431.

[5]) *D'Hugues*, op. cit., p. 162.

[6]) Напримѣръ де-Шазера—въ Оверни (*Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 146), графъ д'Агэ—въ Пикардіи (*Inventaire des archives départementales de la Somme*, C 132. Colliette au comte d'Agay, 14 janvier 1786).

Успѣхи древонасажденія, размноженіе казенныхъ и частныхъ питомниковъ древесныхъ породъ также въ значительной мѣрѣ обязаны дѣятельному почину интендантовъ. Эльзасскій интендантъ Силлери устраиваетъ такіе питомники въ Страсбургѣ, Кольмарѣ, Савернѣ и Бельфорѣ [1]). Въ Турскомъ генеральствѣ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ интенданту дю-Клюзелю. Принявшись за это дѣло въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дю-Клюзель въ 1781 г. съ чувствомъ удовлетворенія констатируетъ наличность тридцати льё обсаженныхъ деревьями дорогъ, не считая обсаженныхъ улицъ въ Турѣ и другихъ городахъ интендантства. Обсадка дорогъ продолжалась и послѣ этого съ неослабною энергіей, и ея успѣхи играли, быть можетъ, не послѣднюю роль въ томъ восторгѣ, въ какой привели въ 1783 г. дороги Турени податного инспектора Harvoin'а, аттестовавшаго ихъ, какъ „самыя прекрасныя во всемъ королевствѣ“ [2]). Алансонскій интендантъ Жюлльенъ съ чувствомъ удовлетворенія констатируетъ въ 1787 г. существованіе въ предѣлахъ генеральства „восьми питомниковъ, доставляющихъ въ одно и то же время и предметъ украшенія (дороги) и предметъ пользы (сады, парки)“ [3]). Послѣдніе парижскіе интенданты Бертье, отецъ и сынъ, также принимаютъ близко къ сердцу это дѣло. Въ семидесятыхъ годахъ парижское генеральство насчитываетъ двѣнадцать древесныхъ питомниковъ. Содержаніе ихъ обходится въ годъ около двадцати двухъ тысячъ ливровъ. О размѣрахъ насажденій можно судить, напримѣръ, по тому, что для одного изъ питомниковъ поставщикъ обязался въ теченіе восьми лѣтъ доставить шестьдесятъ тысячъ молодыхъ деревьевъ, для другого въ теченіе девяти лѣтъ восемьдесятъ четыре тысячи. Разводятся въ нихъ породы, пользующіяся наибольшимъ спросомъ. Въ отчетѣ, представленномъ интенданту арендаторомъ одного изъ питомниковъ о числѣ годныхъ для продажи деревьевъ, значится: 4000 буковыхъ деревьевъ, 2900 вязовыхъ, 1200 ясеней, 1000 итальянскихъ тополей, 900 фиговыхъ деревьевъ, 600 орѣховыхъ, 500 платановъ, 500 шелковичныхъ деревьевъ, 400 липъ, 150 грушевыхъ деревьевъ, 100 абрикосовыхъ и по стольку же яблонь и сливъ [4]).

[1]) *Krug-Basse*, l'Alsace avant 1789, p. 317.

[2]) *Dumas*, op. cit., p. 294.

[3]) *Procès-verbal de l'assemblée provinciale de Moyenne-Normandie*, 1787.— *Pièces justificatives* Nr. 124.

[4]) *Archives nationales*, 2110—2112.

Осушеніе болотъ, сдѣлавшее, какъ мы видѣли выше [1]), большіе успѣхи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, также въ значительной степени обязано послѣднимъ дѣятельному почину „просвѣщенныхъ администраторовъ". Въ первые же годы своего управленія областью, амьенскій интендантъ графъ д'Агэ обратилъ вниманіе на обширную болотистую и подверженную разливамъ рѣки Соммы мѣстность близъ устья послѣдней, такъ называемую Marquenterre. Въ 1774 г. онъ лично отправился для осмотра мѣстности въ сопровожденіи двухъ областныхъ инженеровъ. Они нашли двѣнадцать жалкихъ селеній, окруженныхъ зловонными болотами; здѣсь не выводились болѣзни среди жителей, падежи среди скота. Въ результатѣ, инженерамъ было поручено составить планъ осушенія мѣстности. Встрѣтили ли послѣдніе здѣсь какія-либо особыя трудности, или же были отвлечены отъ этой задачи другими дѣлами, но, повидимому, прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ планы были составлены, а тамъ нагрянула революція, и осуществить начатое послѣднимъ амьенскимъ интендантомъ дѣло суждено было лишь въ началѣ девятнадцатаго вѣка [2]).

По пріѣздѣ на мѣсто своего служенія, въ ла-Рошелль, интендантъ Гео-де-Реверсо обратилъ вниманіе на значительную смертность среди мѣстнаго населенія отъ злокачественной лихорадки. Оказалось, что причиною этого явленія были огромныя болота, которыя широкой полосой тянулись вдоль морского берега и нижняго теченія Шаранты. Энергичный администраторъ принялся немедленно за борьбу со зломъ. Ему удалось выхлопотать въ генеральномъ контролѣ необходимыя для первыхъ работъ по осушенію болотъ средства, для усиленія которыхъ была обращена, по личному усмотрѣнію интенданта, часть суммъ, предназначенныхъ на выполненіе дорожныхъ работъ. Такимъ путемъ удалось въ нѣсколько лѣтъ осушить приморскія болота. Гораздо болѣе значительныя трудности представляло осушеніе болотъ вдоль рѣки Шаранты. Многіе готовы были смотрѣть на это дѣло, какъ на совершенно безнадежное предпріятіе, которое должно потребовать для своего осуществленія и огромныхъ издержекъ и безконечно-продолжительнаго времени. Однако интендантъ не отступилъ передъ этими трудностями и энергично принялся за это „грандіозное и благородное дѣло", какъ его называетъ

[1]) См. выше, стр. 264—265.
[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 387—388.

одинъ изъ новѣйшихъ мѣстныхъ историковъ [1]). За свое девятилѣтнее управленіе ла-рошелльскимъ интендантствомъ, энергичному администратору удалось превратить такимъ образомъ до 64.000 арпановъ негодной для земледѣлія и вредной для мѣстнаго населенія болотной земли въ землю годную для сельскохозяйственной культуры [2]). Съ аналогичною дѣятельностью интендантовъ встрѣчаемся и въ другихъ областяхъ [3]).

Интенданты принимаютъ также дѣятельное участіе въ развитіи коневодства (haras) [4]), а также и другихъ отраслей скотоводства. Такъ, перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ выписываетъ изъ Испаніи стадо тонкорунныхъ барановъ, для усовершенствованія мѣстнаго овцеводства [5]). Парижскій интендантъ Бертье пріобрѣтаетъ породистыхъ коровъ и отдаетъ ихъ въ пользованіе сельскимъ общинамъ [6]).

Когда въ 1768 г. островъ Корсика былъ присоединенъ къ Франціи, онъ образовалъ въ административномъ отношеніи особое интендантство. Французскіе интенданты и сюда принесли съ собой одушевлявшее ихъ рвеніе къ „прогрессу земледѣлія". Они „поощряютъ" здѣсь садоводство, выдавая преміи за посадку лимонныхъ,

1) Louis Audiat.

2) *Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis*, t. XXVIII (1899);— *Bulletin de la Saintonge,* 1892.—„Грандіозное предпріятіе" это, начатое послѣднимъ ларошелльскимъ интендантомъ и прерванное смутами революціонной эпохи, было доведено до конца лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи.

3) Напримѣръ, въ Нормандіи (*Archives nationales,* H 1482), въ Оверни (*Bonnefoy,* op. cit., t I, p. 146).

4) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790.—*Pièces justificatives,* Nr. 189, p. 283.—Сравн. выше, стр. 268.

5) Эльзасскій интендантъ устроилъ конскій заводъ въ Робертсау, для усовершенствованія лошадиной породы въ области, которая въ этомъ отношеніи была ранѣе данницей сосѣднихъ Швабіи и Баваріи по части пріобрѣтенія лошадей. Заводъ этотъ заключалъ въ своихъ конюшняхъ около шестидесяти производителей; кромѣ того, около полутораста таковыхъ было размѣщено въ различныхъ пунктахъ провинціи (*Krug-Basse,* l'Alsace avant 1789. p. 317).—Ошскій интендантъ во время своего объѣзда области осматриваетъ также конскіе заводы, гдѣ находитъ „великолѣпныхъ жеребятъ"; онъ высказываетъ надежду, что черезъ нѣсколько лѣтъ область будетъ въ состояніи поставлять „очень красивыхъ лошадей для кавалеріи". —*Archives nationales,* H 74.—*Pièces justificatives,* Nr. 163.

6) *Inventaire des archives départementales de la Côte-d'Or* C 1975 (1774 1790).

оливковыхъ и шелковичныхъ деревьевъ и устраивая питомники этихъ древесныхъ породъ. Въ деревни командируются агрономы съ порученіемъ просвѣщать сельскихъ хозяевъ по части сельскаго хозяйства [1]), и т. д.

Въ своихъ начинаніяхъ по части содѣйствія „прогрессу сельскаго хозяйства" интендантъ встрѣчаетъ нерѣдко дѣятельныхъ и „просвѣщенныхъ" сотрудниковъ въ лицѣ своихъ субделегатовъ. Таковы, напримѣръ, Колліеттъ, одинъ изъ субделегатовъ амьенскаго интендантства, пишущій въ 1789 г. слѣдующее интересное письмо своему интенданту, графу д'Агэ: „Позвольте мнѣ смѣлость высказать одно соображеніе въ пользу сельскаго хозяйства, которымъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ не перестается интересоваться правительство. Чѣмъ почтеннѣе и почетнѣе человѣкъ считаетъ свою профессію, тѣмъ болѣе старается отличиться въ ней. Это чувство одинаково для всѣхъ временъ и народовъ. Земледѣлецъ, припоминая, какъ земледѣлію воздвигались алтари у грековъ и римлянъ, и какъ то же самое практикуется и въ настоящую пору въ Китаѣ (если вѣрить хотя одной четверти того, что намъ разсказываютъ путешественники),—видя въ земледѣліи древнѣйшее изъ искусствъ и самое полезное для рода человѣческаго,—земледѣлецъ, говорю я, не смотря на эти совершенно правильныя представленія, удрученъ въ то же время несправедливою мыслью, что государство его презираетъ и третируетъ, — мыслью, которая является оттого, что онъ встрѣчаетъ презрительное отношеніе къ себѣ со стороны горожанина,—оттого, что приходскій священникъ позволяетъ себѣ иногда обращаться къ нему на ты,—оттого, наконецъ, что въ комической оперѣ его высмѣиваютъ, какъ простака. Я почти готовъ осмѣлиться посовѣтовать правительству—показать публично особенное свое уваженіе къ земледѣлію, оказывая ему явное покровительство. Это бы-

[1]) *Archives nationales*, K 1227.—Въ апрѣлѣ 1782 г. администраціей былъ заключенъ контрактъ съ Шарлемъ Буонапарте (отцомъ Наполеона I), обязавшимся за извѣстное вознагражденіе поставлять въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1787 до 1797 г., по сто тысячъ молодыхъ шелковичныхъ деревьевъ ежегодно. Со смертью Карла Буонапарте въ 1787 г., контрактъ былъ нарушенъ, и отсюда возникли продолжительныя пререканія между администраціей и вдовой. Послѣдняя вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, „артиллерійскимъ офицеромъ" (будущимъ Наполеономъ I), требовала отъ администраціи 15,000 ливровъ вознагражденія; эта претензія однако не получила полнаго удовлетворенія.

ло бы самымъ лучшимъ поощреніемъ и самою лестною наградой, какую только правительство можетъ дать земледѣлію, для того чтобы побудить его шествовать крупными шагами по пути къ совершенству" [1]).

V.

Въ качествѣ просвѣщенныхъ покровителей сельскаго хозяйства, интенданты, иногда по указанію правительства, но нерѣдко и по собственному почину, принимаютъ различныя мѣры къ огражденію его отъ различныхъ „бичей". Такъ, турскій интендантъ дю-Клюзель объявляетъ въ 1779 г. войну гусеницамъ, которыя производили зачастую огромныя опустошенія въ садахъ. Бороться со зломъ отдѣльнымъ хозяевамъ оказывалось не подъ силу, такъ какъ истребленныя усерднымъ хозяиномъ гусеницы обыкновенно быстро замѣщались ихъ соплеменницами изъ садовъ менѣе заботливыхъ сосѣдей. Интендантъ счелъ себя въ правѣ признать гусеницъ общественнымъ зломъ и на этомъ основаніи издалъ 6-го января 1779 г. приказъ, предписывавшій всѣмъ садовладѣльцамъ истреблять у себя гусеницъ; въ случаѣ нерадѣнія хозяина, операція эта должна была производиться мѣстными городскими или сельскими властями за счетъ садовладѣльца [2]).

Весной 1785 г. въ нѣкоторыхъ частяхъ Пуату на поляхъ появился жучекъ. Интендантъ немедленно доноситъ о томъ генералъ-контролеру, отъ котораго получаетъ въ отвѣтъ „краткое изложеніе опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью уничтоженія жучка". Копію съ наставленія интендантъ препровождаетъ соотвѣтствующимъ субделегатамъ „Если указанный способъ—пишетъ онъ имъ по этому поводу—окажется пригоднымъ для сохраненія жита отъ истребленія жучкомъ, то онъ долженъ быть также надежнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ развитія бабочки. Я желаю, чтобы вы ознакомили съ этимъ способомъ населеніе вашего субделегатства; я вамъ вышлю даже печатное наставленіе, для облегченія вашей задачи, если вы это найдете необходимымъ" [3]).

[1]) *Inventaire des archives départementales de la Somme,* C 132. Colliette au comte d'Agay, 14 janvier 1786. — Сравн. *Théron de Montaugé,* op. cit., p. 138: „Sa correspondance (de Ginesty, subdélégué de Toulouse) nous montre en lui un homme intelligent et dévoué à la prospérité de l'agriculture".

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 82 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 294—295).

[3]) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 117. Boula de Nanteuil à Blactot, 9 mars 1785.

Волки были въ нѣкоторыхъ областяхъ настоящимъ „бичемъ" сельскаго хозяйства [1]). Бретань, по словамъ мѣстнаго интенданта въ 1777 г., „наводнена волками: они производятъ зачастую ужасныя опустошенія, подходятъ къ городамъ вплоть до городскихъ воротъ, а въ деревняхъ пожираютъ ежедневно скотину на пастьбѣ". Для борьбы со зломъ, интендантъ предлагаетъ ввести въ Бретани, „по примѣру Франшъ-Контэ", систему премій за истребленіе волковъ [2]). Еще въ 1785 г. дижонскій интендантъ сообщаетъ о „страхѣ, нагнанномъ волками на населеніе шалонскаго бальяжа" [3]). Какъ бы то ни было, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ числѣ покровительственныхъ послѣднему мѣръ, интенданты включаютъ въ свою задачу и борьбу съ этимъ хищникомъ. Борьба эта сводилась къ поощренію истребленія волковъ путемъ усиленныхъ премій. Инціатива этой мѣры принадлежитъ, какъ кажется, пуатевинскому интенданту де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссаку, примѣру котораго послѣдовали интенданты овернскій, лиможскій (Тюрго) и др. [4]). Въ шалонскомъ генеральствѣ выдавалось, въ видѣ премій, по десяти ливровъ за убитую волчицу, по шести ливровъ за убитаго волка и по три за волченка. О степени успѣшности этого „поощренія" можно судить по тому, что за одинъ лишь 1788 г. общая сумма выданныхъ премій достигала въ этой области почти трехъ тысячъ ливровъ [5]). Кромѣ того, постановленіями совѣта отъ 28-го февраля 1778 г. и отъ 15-го января 1785 г., интендантамъ было предоставлено право устраивать время отъ времени облавы на волковъ, для чего въ ихъ распоряженіи были особые „волчатники" (officiers de louveterie), въ помощь которымъ наряжалось интендантомъ необходимое число помощниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ [6]). Въ нѣкоторыхъ областяхъ существовалъ

[1]) *Young,* op. cit., t. I, p. 28: „Loups, une des plus grandes plaies du pays..."

[2]) *Archives nationales,* H 614 (1777).

[3]) *Archives nationales,* H 200, 3 (1785).

[4]) Въ лиможскомъ интендантствѣ установлены были Тюрго слѣдующіе размѣры премій: за волка 12 ливровъ, за волчицу—15 л., за волчицу беременную—18 л. за волченка—3 л., за бѣшенаго волка—48 л. — *D'Hugues,* op. cit., p. 158.

[5]) *Archives nationales,* H 1602.—*Archives départementales de la Marne,* C 2664—Точная цифра—2,889 ливровъ.

[6]) *Arrêt du Conseil portant réglement pour les chasses aux loups,* 15 janvier 1785.—*Isambert,* Recueil, t. XXVIII, p. 4—7.—Первоначальный проектъ этого регламента сохранился въ *Archives nationales,* H 1444.—Сравн. *Archives nationales,* H 1429. Feuilles de travail de M. Acher de Mortonval, 1786.

еще довольно характерный обычай. Человѣкъ съ волкомъ на привязи ходилъ по деревнямъ, собирая въ свою пользу доброхотныя подаянія „въ награду за свою ловкость“, и какъ „вознагражденіе за свои труды“ по поимкѣ одного изъ страшныхъ хищниковъ [1]).

Пожары, отъ которыхъ страдали главнымъ образомъ деревни съ ихъ крытыми соломой хатами, можно разсматривать, вмѣстѣ съ современниками, какъ одно изъ сельскохозяйственныхъ бѣдствій. Въ видахъ уменьшенія деревенскихъ пожаровъ, гренобльскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ объявляетъ войну соломеннымъ крышамъ. Понимая однако, что запретить соломенныя крыши (какъ это сдѣлалъ нѣсколькими годами раньше его шалонскій „собратъ“ Руйлье-д'Орфёль), еще не значитъ разрѣшить вопроса, Казъ-де-ла-Бовъ избралъ менѣе быстрый, но гораздо болѣе вѣрный способъ борьбы съ соломенными крышами —путемъ поощренія замѣны послѣднихъ черепичными и грифельными. Поощренія эти заключались въ облегченіи податного бремени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для тѣхъ, кто произведетъ у себя такую замѣну. Чтобы облегчить послѣднюю, интендантъ принялъ одновременно мѣры къ удешевленію самаго матеріала, что было достигнуто аналогичными поощреніями выдѣлки черепицы и разработки грифельныхъ залежей. Выработанныя интендантомъ мѣры были облечены, по его ходатайству, въ авторитетную форму постановленія королевскаго совѣта [2]). Нѣсколькими годами ранѣе шалонскій интендантъ Руйллье-д'Орфейль думалъ было рѣшить пожарный вопросъ болѣе просто и быстро: въ 1767 г. онъ издалъ ордоннансъ, которымъ впредь строго-на-строго воспрещалось дѣлать соломенныя крыши. Результатъ получился тотъ, что многія хаты остались вовсе безъ крышъ... Въ концѣ концовъ интендантъ убѣдился въ невозможности бороться со зломъ однѣми полицейскими мѣрами и въ 1785 г., по примѣру своего гренобльскаго собрата, ввелъ у себя такую же систему поощреній для замѣны соломенныхъ крышъ огнеупорными [3]). Благопріятные результаты не замедлили сказаться въ постепенномъ вытѣсненіи соломенныхъ крышъ черепичными и

[1]) *Archives nationales,* H 200, 3.

[2]) *Archives départementales de la Marne,* C 1966.

[3]) Система эта была санкціонирована постановленіемъ совѣта отъ 29-го іюня 1785 г., аналогичнымъ съ постановленіемъ отъ 6-го ноября 1784 г. для Дофинэ.—Ibidem.

грифельными, а вмѣстѣ и въ пропорціональномъ уменьшеніи количества и опустошительности пожаровъ въ деревняхъ [1]).

Скотскіе падежи были часты и опустошительны, благодаря крайней небрежности и невѣжеству крестьянскаго населенія. Павшихъ отъ заразныхъ болѣзней животныхъ бросали въ ближайшій ровъ или просто вывозили въ сосѣдній лѣсъ, либо бросали среди поля. Съ больныхъ или даже павшихъ животныхъ сдирали кожу и везли ее продавать въ городъ. Заражались подъ часъ сами, и эпизоотія усугублялась эпидеміей. Интенданты дѣлаютъ, что могутъ, чтобы пособить горю: прекращаютъ ярмарки, предписываютъ убивать заболѣвшихъ и зарывать павшихъ животныхъ, изолировать здоровыхъ отъ больныхъ, дезинфецировать стойла и подозрительныя кожи [2]). Но трудно было провести даже и эти примитивныя мѣры предосторожности при безнадежномъ невѣжествѣ простонародья и при крайней слабости ветеринарной помощи, къ тому же часто сомнительной, въ виду дѣтскаго состоянія ветеринарнаго искусства въ ту пору [3]). Не смотря однако на это послѣднее обстоятельство, мѣры борьбы съ эпизоотіями, выработанныя правительствомъ при дѣятельномъ сотрудничествѣ интендантовъ, „составляютъ настоящій санитарный кодексъ, которымъ вдохновляются регламенты нашего времени“ [4]).

Когда начала функціонировать открытая въ Ліонѣ первая ветеринарная школа, воспитанники послѣдней разбирались на расхватъ провинціальными интендантами, штатами, городами. Нѣкоторые изъ интендантовъ (и провинціальныхъ штатовъ) посылали въ ліонскую школу учениковъ на счетъ „своихъ провинцій“, чтобы потомъ имѣть своихъ ветеринаровъ. Въ числѣ первыхъ былъ лиможскій интендантъ Тюрго, который не ограничился посылкой учениковъ въ Ліонъ, но поспѣшилъ учредить другую такую же школу у себя въ Лиможѣ [5]). Турскій интендантъ дю-Клюзель собирался было, по примѣру Тюрго, учредить и у себя въ Турѣ ветеринарную школу и обратил-

[1]) Ibidem, C 2664.

[2]) *Archives départementales de l'Aisne,* C 30 (цит. по *Calonne,* la Vie agricole, p. 163); *Babeau,* la Province, t. II, p. 250).

[3]) Ветеринары, напр., надрѣзываютъ язву заболѣвшаго животнаго и вкладываютъ въ надрѣзъ кусочекъ мышьяка, думая тѣмъ *убить заразу!*... *Bonnefoy*, op cit., t. I, p. 154.

[4]) *Calonne,* la Vie agricole, p. 167.

[5]) *Dupont de Nemours,* Mémoire sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, 1-re partie, p. 95 (цит. по *D'Hugues,* op. cit., p. 160).

ся по этому поводу за свѣдѣніями къ своему лиможскому собрату. Отвѣтъ послѣдняго оказался однако настолько мало ободряющимъ, что дю-Клюзель нашелъ болѣе благоразумнымъ отказаться отъ своего проекта и ограничиться посылкой стипендіатовъ въ существующія ветеринарныя школы въ Ліонѣ и Альфортѣ [1]). Дю-Клюзель посылалъ, въ качествѣ стипендіатовъ провинціи, сначала шестерыхъ, потомъ восьмерыхъ слушателей въ ветеринарныя школы Ліона и Альфорта; послѣ окончанія курса (продолжавшагося четыре года), молодые ветеринары обязывались служить въ той области, на средства которой учились [2]). Въ результатѣ, въ 1777 г. турское генеральство имѣло въ своемъ распоряженіи двѣнадцать ветеринаровъ, которымъ дѣла оказалось всѣмъ вдоволь, въ особенности въ годы эпизоотій; но благодаря ветеринарной помощи, четвероногое населеніе области было теперь уже не такъ безпомощно, какъ ранѣе. Во время сильной эпизоотіи 1775 г., охватившей территоріи нѣсколькихъ интендантствъ, по иниціативѣ директора ветеринарныхъ школъ, Буржела, была впервые примѣнена въ широкихъ размѣрахъ система массоваго убоя зараженнаго скота и дезинфекція стойлъ и даже одежды лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ больнымъ скотомъ [3]).

„Напрасно стали бы искать—говоритъ въ своемъ офиціальномъ докладѣ орлеанскому провинціальному собранію одна изъ его комиссій въ 1787 г.—въ различіи качества почвы причину огромной разницы въ сельскохозяйственной производительности земли во Франціи и въ Англіи“. Нѣтъ также никакихъ основаній для того, чтобы искать объясненія отмѣченнаго факта въ различіи характера обѣихъ націй. „Различіе это—осмѣлимся же наконецъ сказать это—находится въ причинной зависимости отъ формы нашихъ старинныхъ учрежденій“. Первое мѣсто среди послѣднихъ слѣдуетъ отвести въ данномъ отношеніи королевской тальѣ, „подъ игомъ которой вотъ

[1]) Тюрго указывалъ на дороговизну содержанія школы и на незначительное количество желающихъ учиться. —*Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 358 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 302—303).

[2]) То-есть въ одной изъ трехъ областей, входившихъ въ составъ турскаго интендантства: Турэни, Анжу и Мэна. —*Archives departementales d'Indre-et-Loire*, C 353—358 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 301—302).

[3]) *Dumas*, op. cit., p. 306. —Выработанныя Буржела правила для борьбы съ эпизоотіями были вскорѣ введены въ Австріи, Даніи, Швейцаріи и Англіи (ibidem, p. 309).

уже цѣлыя столѣтія стонетъ французская нація". „Эта произвольная подать..., возрастающая подъ часъ въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ платежная способность плательщика, несовмѣстима съ процвѣтаніемъ земледѣлія, потому что она представляетъ собою штрафъ за всякое проявленіе предпріимчивости въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и настоящую prime de découragement. Талья отпугнула отъ деревни всѣ таланты и всѣ капиталы, чтобы сосредоточить ихъ въ городахъ" [1]). Королевская подать является, такимъ образомъ, однимъ изъ „бичей" сельскаго хозяйства. И дѣйствительно, если „просвѣщенный администраторъ" борется противъ ея увеличенія и изыскиваетъ всяческіе способы къ ея облегченію, то онъ дѣлаетъ это не только какъ „другъ человѣчества" и „другъ народа", во имя гуманности и справедливости, но также и какъ „экономистъ", во имя интересовъ сельскаго хозяйства [2]). То же самое, mutatis mutandis, можно сказать и относительно различныхъ натуральныхъ повинностей, составлявшихъ исключительный удѣлъ крестьянства [3]).

VI.

Промышленный прогрессъ страны, о которомъ намъ приходилось говорить въ другой связи [4]), *представляетъ собою конечно результатъ взаимодѣйствія множества самыхъ разнообразныхъ факторовъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ необходимо отмѣтить и „благотворительную" дѣятельность „просвѣщенной администра-*

[1]) *Procès-verbal de l'Assemblée provinciale de la généralité d'Orléans*, 1787.—*Bibliothèque nat.*, Lk 15/46.—Сравн. *Young*, op. cit., t. II, p. 205.

[2]) Парижскій интендантъ Бертье, въ своей рѣчи при открытіи провинціальнаго собранія въ 1787 г., между прочимъ, говоритъ: „Je ne me suis pas occupé à faire des progrès à l'agriculture, tant que l'arbitraire de l'impôt en était le principal ennemi".—*Pièces justificatives*, Nr. 119, p. 189.

[3]) „Только соображенія высшаго порядка, нежели выгоды сельскаго хозяйства и торговли—пишетъ въ 1761 г. канскій интендантъ—могутъ оправдать дальнѣйшее существованіе, на прежнихъ началахъ, милиціи для охраны морскихъ береговъ (la milice garde-côte)".—„Examen du projet de la nouvelle division des capitaineries et de nouvelle formation des compagnies détachées de garde-côtes", par M. de Fontette, intendant de la généralité de Caen, 1761.—*Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 1-ère partie, t. I, p. 127.—Сравн. Lettre de la Commission intermédiaire de Champagne à Necker, mars 1789.—*Archives nationales*, H 1602 („Mais la culture des terres était chaque jour de plus en plus abandonnée").

[4]) См. стр. 269—272.

ціи". Дѣйствительно, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка правительствомъ дѣлаются серьезныя усилія поднять промышленность страны [1]), и въ этомъ отношеніи оно находитъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ интендантовъ, изъ которыхъ иные идутъ даже впереди правительства и по собственному почину принимаютъ тѣ или другія мѣры въ видахъ развитія промышленности въ своихъ областяхъ. Буржскій интендантъ Додаръ въ пятидесятыхъ годахъ содѣйствуетъ основанію двухъ большихъ мануфактуръ – суконной въ Шатору и мануфактуры легкихъ матерій хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ—въ Буржѣ [2]). Лиможскій интендантъ Тюрго содѣйствуетъ въ шестидесятыхъ годахъ учрежденію въ одномъ изъ городовъ интендантства мануфактуры англійскихъ шерстяныхъ матерій. Въ видахъ дальнѣйшаго развитія производства виноградной водки, одной изъ существенныхъ отраслей мѣстной промышленности, Тюрго предложилъ въ 1765 г., отъ имени лиможскаго сельскохозяйственнаго общества, въ числѣ конкурсныхъ темъ—вопросъ о наилучшихъ и наиболѣе экономныхъ способахъ выгонки водки [3]). Онъ же оказываетъ дѣятельное содѣйствіе первому въ области предпріятію по разработкѣ мѣстныхъ залежей каменнаго угля. Сдѣланные въ этомъ направленіи въ 1765 г. первые шаги увѣнчались успѣхомъ; лимузенскія копи и въ настоящую пору однѣ изъ богатѣйшихъ во Франціи. Въ виду того, что существующее законодательство парализовало личную предпріимчивость въ горномъ дѣлѣ, Тюрго возбудилъ ходатайство объ его измѣненіи въ желательномъ смыслѣ [4]).

Тюрго хлопочетъ объ усовершенствованіи и развитіи существующихъ въ Лиможѣ производствъ: кожевеннаго, суконнаго, желѣзнаго (проволока и гвозди). Въ случаѣ надобности онъ даетъ фабрикантамъ субсидіи на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ машинъ и на

[1]) *Levasseur,* Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France, t. II, p. 521 et suiv.; *Levasseur,* la France industrille en 1789, Paris, 1865; —*Des Cilleuls,* Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII et XVIII-e siècles. Paris, 1898; *Germain Martin*, la Grande industrie en France sous Louis XV, Paris, 1900.—Болѣе обстоятельныя указанія на литературу предмета можно найти у *Germain Martin,* Bibliograohie critique de l'histoire de l'industrie en France avant 1789, Paris, 1899.

[2]) *Raynal,* Histoire du Berry, t. IV, p. 419.

[3]) *D'Hugues,* op. cit., p. 183—187.

[4]) *Leroux,* op. cit., p. CXXII—CXXIII.

производство опытовъ. Ко времени его управленія лиможскимъ интендантствомъ относятся первые серьезные успѣхи находившагося ранѣе въ зародышѣ производства фланели и драгета. Постигшая Лимузенъ въ 1770 г. голодовка послужила „просвѣщенному администратору" поводомъ для насажденія новыхъ промысловъ въ своей области. Въ числѣ различныхъ благотворительныхъ работъ, онъ учредилъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, многочисленныя прядильни и поощрялъ кустарное производство легкихъ бумажныхъ тканей, выдѣлку корзинъ и т. п. [1]). Ему же обязанъ Лиможъ первымъ пивоваренымъ заводомъ. Въ пивовареніи Тюрго видѣлъ косвенное поощреніе земледѣлію и средство „отнять у иностранцевъ прибыль, получаемую ими съ общественнаго потребленія" [2]). Тюрго беретъ подъ свое покровительство развившееся, благодаря усиліямъ его предшественниковъ, писчебумажное производство въ Лимузенѣ [3]), и когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ генералъ-контролеръ аббатъ Террэ повысилъ было казенные сборы съ этой отрасли производства, то Тюрго выступилъ энергично на защиту писчебумажныхъ фабрикантовъ, обратившихся къ нему по этому поводу съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ [4]).

Лиможъ славится въ настоящую пору своими фарфоровыми издѣліями; многихъ ли однако извѣстно, что начало этой въ настоящее время цвѣтущей отрасли промышленности было положено въ Лиможѣ во время управленія лиможскимъ интендантствомъ Тюрго и при его дѣятельномъ содѣйствіи?

Преемникъ Тюрго въ лиможскомъ интендантствѣ, Меланъ-д'Аблуа, слѣдуя по стопамъ своего знаменитаго предшественника, содѣйствуетъ устройству бумагопрядильни въ Линарѣ, близъ Лиможа, и „поощряетъ" возникшія ранѣе полотняныя мануфактуры въ Лиможѣ, Бривѣ и Ла-Сутерренѣ, для которыхъ выхлопатываетъ привилегію „королевскихъ мануфактуръ" [5]). Меланъ д'Аблуа продолжаетъ дѣло Тюрго также по части „покровительства" мѣстному писчебумажному производству. Одна изъ бумажныхъ фабрикъ, въ Лиможѣ, получила

1) *D'Hugues,* op. cit., p. 189—190.

2) *Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne,* C 434.

3) *Leroux,* op. cit., p. CXV.

4) *D'Hugues,* op. cit., p. 191—193; *Leroux,* op. cit., p. CXVII.

5) *Inventaire des archives départementales de la Haute-Vienne* C 263, 422 (цит. по *Leroux,* op. cit., p. CXIV).

при немъ ежегодную субсидію въ 2,400 ливровъ, которая выплачивалась вплоть до 1789 г. включительно [1]). Онъ оказываетъ „просвѣщенное покровительство“ основанной при Тюрго первой фарфоровой фабрикѣ въ Лиможѣ: послѣдняя впрочемъ нашла себѣ еще болѣе высокое покровительство — въ лицѣ самого короля, который пожелалъ пріобрѣсть ее въ 1784 г. въ pendant къ своей севрской мануфактурѣ, которая, до возникновенія фарфороваго производства въ Лиможѣ, была единственною фарфоровой фабрикой въ королевствѣ [2]).

Къ числу „просвѣщенныхъ администраторовъ“, которыхъ коснулось вѣяніе современныхъ экономическихъ идей, принадлежитъ и безансонскій интендантъ де-ла-Корэ. Онъ также хлопочетъ о развитіи промышленности и о насажденіи новыхъ отраслей послѣдней въ своей области. Такъ, онъ употребляетъ свое вліяніе на, то чтобы побудить города субсидировать у себя различныя новыя промышленныя предпріятія. Такимъ путемъ интенданту удалось, напримѣръ, привить въ Безансонѣ чулочно-вязальную промышленность; въ Baume-les-Dames, по его инпціативѣ, субсидируются опыты добыванія селитры. Онъ поощряетъ разработку угольныхъ копей и носится съ мыслью о насажденіи въ Безансонѣ часового производства, но мысли этой суждено было осуществиться лишь впослѣдствіи [3]). Въ видахъ развитія промышленной и торговой дѣятельности въ своей области, де-ла-Корэ придумалъ, между прочимъ, учредить въ Безансонѣ *коммерческій кружокъ (cercle du commerce)*: мысль совершенно новая въ то время. „Кружокъ“, образовавшійся по мысли интенданта въ 1781 г., состоялъ изъ представителей мѣстнаго промышленнаго и коммерческаго міра. Члены „кружка“, какъ передаетъ мѣстная газета, воскрешенный интендантомъ *Journal de Franche-Comté*, собирались разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, „для расширенія и упроченія дѣловыхъ сношеній, для сообщенія различныхъ проектовъ, соображеній, предложеній и мнѣній, ко взаимной выгодѣ всѣхъ и каждаго“. По мнѣнію мѣстнаго хроникера, „можно ожидать отъ этого учрежденія самыхъ осязательныхъ выгодъ“ [4]).

Турскій интендантъ дю-Клюзель проявляетъ живой интересъ къ промышленности „своей провинціи“. Онъ, по его собственному вы-

---

1) *Leroux,* op. cit., p. CXIV.
2) Ibidem, p. CXVII.
3) *Lurion,* op. cit., p. 32.
4) Ibidem, p. 33—34.

раженію, не знаетъ ничего болѣе восхитительнаго, чѣмъ преуспѣяніе промышленности [1]). Отъ фабричныхъ инспекторовъ своего генеральства онъ требуетъ точныхъ свѣдѣній относительно существующихъ въ его предѣлахъ промышленныхъ заведеній, относительно количества и качества выпускаемыхъ ими продуктовъ, относительно мѣстъ ихъ сбыта, количества машинъ и станковъ на каждой фабрикѣ и т. д. Всѣ эти подробности интендантъ желаетъ знать не потому, чтобы этого требовало отъ него правительство, но ради собственнаго удовлетворенія, „для того чтобы знать съ полною обстоятельностью рессурсы своего генеральства“ [2]).

Дю-Клюзель, который, какъ мы видѣли, усердно и не безъ успѣха поощрялъ въ своей области шелководство, заботится одновременно и о развитіи въ ней шелковой мануфактуры. Послѣдняя, дѣйствительно, настолько развилась при немъ, что мѣстнаго шелка не стало хватать, не смотря на значительный ростъ мѣстнаго шелководства; турскимъ фабрикантамъ приходилось выписывать недостающій шелкъ изъ Лангдока, Дофинэ и даже изъ-заграницы; дю-Клюзелю удалось выхлопотать у генералъ-контролера разрѣшеніе получать необходимый для мѣстныхъ фрбрикъ шелкъ безпошлинно [3]). Дю-Клюзель входитъ лично въ детали шелковаго производства, списывается съ Лангдокомъ, чтобы добыть свѣдѣнія о „новой методѣ Вокансона“ для сученія шелка; обращается также въ Ліонъ, въ Романсъ, къ самому Вокансону, который, по желанію интенданта, прибылъ лично въ Туръ (въ 1767 г.) [4]). Онъ содѣйствуетъ открытію въ Турѣ, въ 1781 г., „академической школы живописи, скульптуры, ваянія, зодчества и рисованія“, съ особымъ преподавателемъ техническаго рисованія спеціально для шелковыхъ тканей [5]).

Интендантъ де-Шазера поддерживаетъ основанную въ Оверни при одномъ изъ его предшественниковъ фабрику мелкихъ металлическихъ издѣлій „въ подраженіе англійскимъ“. Фабрика съ тру-

[1]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 114. Lettre de du Cluzel à son secrétaire, 13 janvier 1780 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 132).

[2]) *Dumas*, loc. cit.

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 109 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 153).

[4]) *Dumas*, op. cit., p. 149—150.

[5]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 348 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 155).

домъ сводитъ концы съ концами; интендантъ ей выхлопатываетъ ежегодную субсидію отъ казны, доставляетъ ей заказы [1]).

Перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ содѣйствуетъ возстановленію запущеннаго порохового завода въ окрестностяхъ Перпиньяна и объявляетъ преміи за отысканіе каменноугольныхъ залежей [2]).

Интендантъ де-ла-Бурдоннэ старается о насажденіи и развитіи промышленности въ своей мало промышленной области (Пуату). Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ „поощряетъ" основавшуюся въ Пуатье шерстяную мануфактуру и пивоваренный заводъ. Для того, чтобы показать „примѣръ", онъ еще ранѣе основалъ на собственныя средства мануфактуру хлопчатобумажныхъ тканей [3]). Амьенскій интендантъ графъ д'Агэ поощряетъ развитіе производства шерстяныхъ тканей въ области и старается облегчить лежащее на мѣстной промышленности бремя фискальнаго гнета [4]).

Гренобльскій интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ, въ своей рѣчи при открытіи мѣстныхъ штатовъ въ 1788 г., съ чувствомъ удовлетворенія констатируетъ „успѣхи, сдѣланные за послѣдніе годы мѣстною промышленностью". „Оказанная администраціей поддержка имѣла наилучшіе результаты. Пользующееся такой извѣстностью перчаточное производство въ Греноблѣ съ прошлаго года сильно оживилось, благодаря выхлопотанному мною постановленію королевскаго совѣта". „Стальное заведеніе гг. Муару и Пошена представляетъ собою учрежденіе, могущее сдѣлаться однимъ изъ полезнѣйшихъ для провинціи. Нѣсколько дней тому назадъ въ моемъ присутствіи было изготовлено нѣсколько косъ, оказавшихся превосходными по своему качеству. Значитъ, не придется болѣе привозить ихъ изъ-за границы и стало быть —вывозить за-границу значительныя суммы; наша область первая извлечетъ изъ этого наибольшую выгоду". „Нѣсколько другихъ мануфактуръ различнаго рода возникло въ послѣднее время въ Дофинэ. Поскольку отъ меня зависѣло, я не скупился на всяческія поощренія по отношенію ко всѣмъ имъ; но всетаки болѣе всего мнѣ хотѣлось бы развить шелковое производство. Во-

[1]) *Bonnefoy,* op. cit., t. I, p. 168,

[2]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790.—*Pièces justificatives,* Nr. 194.

[3]) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 297.

[4]) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 388 et suiv.

обще я полагаю, что надо стараться приблизить фабрики къ мѣстамъ производства сырыхъ продуктовъ: такимъ путемъ сокращаются издержки фабричнаго производства, что ведетъ къ удешевленію самыхъ тканей и слѣдовательно ставитъ насъ въ болѣе выгодное положеніе относительно конкурренціи". „Я положилъ начало—продолжаетъ интендантъ—нѣсколькимъ подобнымъ мануфактурамъ въ Греноблѣ и его окрестностяхъ". Интендантъ хвалитъ предпріимчивость жителей городка Креста, который, „не смотря на трудность сообщеній, даетъ всей провинціи примѣръ промышленной дѣятельности". „Здѣсь—продолжаетъ интендантъ—находится эта изобрѣтенная однимъ англичаниномъ [1]) хитроумная бумагопрядительная машина (cette machine ingénieuse), которую я поспѣшилъ добыть для г. д'Алли, заслуживающаго всякой признательности за распространяемое имъ вокругъ себя добро". „Благодаря спеціальнымъ поощреніямъ, начинаютъ возникать и различныя другія мануфактуры въ Briançonnois и Gapençois; онѣ тѣмъ болѣе цѣнны, что доставляютъ работу и средства къ существованію мѣстному населенію, которое бываетъ вынуждено искать въ зимнее время заработковъ на сторонѣ..." [2])

За время своего управленія Корсикой, интендантъ Бушпорнъ, по свидѣтельству одного изъ своихъ земляковъ [3]), „поощрялъ земледѣліе, торговлю, положилъ конецъ господствовавшему въ дѣлѣ раскладки податей произволу, способствовалъ доставленію необходимыхъ средствъ краю, опустошенному тридцатью годами войны, внутренними смутами и продолжительными голодовками". Въ частности, интендантъ положилъ начало эксплоатаціи корсиканскихъ лѣсовъ для надобностей военнаго флота, что оказалось особенно важнымъ подспорьемъ во время войны съ Англій изъ-за американскихъ колоній [4]).

VII.

Въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія путей сообщенія [5]) *вліяніе „просвѣщенной администраціи" сказывается еще болѣе на-*

[1]) Аркрайтомъ (Arkwright)

[2]) *Procès-verbaux des Etats du Dauphiné*, Lyon, 1888, p. 199—200.

[3]) Обывателя города Меца, гдѣ передъ тѣмъ Бушпорнъ состоялъ адвокатомъ, потомъ генералъ-адвокатомъ при мѣстномъ парламентѣ.

[4]) *Mémoires secrets*, t. XVII, p. 158—159 (Extrait d'une lettre de Metz, du 25 avril 1781).

[5]) См. выше, стр. 274—276.

глядным и непосредственным образом, чем в деле промышленнаго прогресса страны.

Во второй четверти восемнадцатаго века стало складываться— говорит в восьмидесятых годах бордоский интендант Дюпре-де-Сен-Мор— „убежденіе, что прочно построенныя и удобныя для езды большія дороги способны оказать существенную услугу развитію торговли и вообще подъему благосостоянія страны“ [1]). „Убежденіе“ это проникло и в администрацію. С появленіем во главе дорожнаго ведомства знаменитаго Трюдэна в 1736 г., правительство начинает принимать самое деятельное участіе в деле дорожнаго строительства. В 1747 г. оно основывает первую во Франціи школу инженеров путей сообщенія (école des ponts et chaussées). По свидетельству хорошо осведомленнаго современника— одного из дорожных инженеров -серьезная работа над постройкой и улучшеніем дорог началась во Франціи лишь с 1750 г., то-есть вскоре после открытія этой школы. „До этого времени обращали вниманіе лишь на главныя магистрали королевства, да и те были в очень плохом состояніи“. Сколько-нибудь сносныя дороги были лишь в Лотарингіи, во Франш-Контэ и монтобанской области [2]).

Что касается интендантов, то они не только являются деятельными исполнителями предначертаній центральной власти, но зачастую идут даже впереди последней. „Убежденіе“, о котором сейчас была речь, сделалось достояніем провинціальной администраціи чуть ли даже не раньше, чем администраціи центральной, судя хотя бы по тому, что выросшая на почве указаннаго убежденія натуральная дорожная повинность была обязана своим происхожденіем именно почину интендантов [3]). Правда, следущее поколеніе интендантов, поколеніе „просвещеннаго века“, готово было открещиваться от „изобретенія“ своих *отцов*, которое претило человеколюбивому и народолюбивому настроенію их *детей*. Но как бы ни судили дорожную повинность с гуманитарной точки зренія, этой повинности, функціонировавшей в теченіе полустолетія, страна в значительной мере обязана благоустройством и

[1]) *Dupré de Saint-Maur,* Mémoire sur les corvées, p. 12. — Сравн. выше, стр. 239—246.

[2]) *Pierre Boyé,* les Travaux publics et le régime des corvées en Lorraine au XVIII-e siècle, Nancy, 1900, p. 7.

[3]) См. выше, т. I, стр. 603.

обиліемъ своихъ дорогъ. Не забудемъ также, что даже въ золотой вѣкъ дорожной повинности, послѣдняя играла лишь вспомогательную роль въ дѣлѣ дорожнаго строительства, которое вершилось главнымъ образомъ всетаки путемъ свободнаго, оплачиваемаго труда, на долю же натуральной повинности выпадала преимущественно починка и исправленіе уже существующихъ дорогъ.

Какъ бы то ни было, интендантамъ принадлежитъ по праву изрядная доля чести въ созданіи той сѣти грунтовыхъ дорогъ, которая составляетъ до нашихъ дней гордость Франціи. Не безынтересно отмѣтить, что въ дѣлѣ улучшенія путей сообщенія нѣкоторые изъ областей со штатами оказались болѣе отсталымъ, чѣмъ большинство областей, управлявшихся интендантами [1]).

Когда Тюрго прибылъ въ Лиможъ въ качествѣ интенданта въ 1761 г., онъ нашелъ въ области „мало дорогъ, къ тому же неудачно проведенныхъ и плохо поддерживаемыхъ“. Четырнадцать лѣтъ спустя онъ оставилъ лиможское интендантство покрытымъ цѣлою сѣтью благоустроенныхъ дорогъ, связывавшихъ, какъ отдѣльные пункты внутри области, такъ и эту послѣднюю съ столицей и съ другими крупными провинціальными центрами: Тулузой, Бордо, Ліономъ. Тюрго заканчиваетъ начатую однимъ изъ его предшественниковъ въ лиможскомъ интендантствѣ, Россиньолемъ, большую дорогу изъ Клермона въ Ліонъ. По его почину и при дѣятельномъ руководствѣ, частью построены заново, частью улучшены проходящіе черезъ область участки большихъ дорогъ Бордо-Ліонъ черезъ Бривъ и Тюлль, Лиможъ-Тулуза черезъ Юзершъ и Бривъ, и Лиможъ-Ларошель черезъ Шабанэ [2]). „Эти дороги существуютъ по настоящее время“, замѣчаетъ историкъ Тюрго-интенданта. „Онѣ подтверждаютъ предсказаніе Вольтера, объявившаго ихъ *безсмертными*, какъ старыя римскія дороги“ [3]). Это—живой и несокрушимый памятникъ, который воздвигъ себѣ „просвѣщенный администраторъ“ въ своей области. „Если бы—говоритъ біографъ Тюрго—онъ ничего больше не сдѣлалъ, то и тогда его слава заслуживала бы быть столь же вѣчной, какъ тѣ горы, которыя были сравнены благодаря его заботамъ“. Памятникъ тѣмъ болѣе симпатичный, что онъ

[1]) Такъ, въ Наваррѣ „только въ семидесятыхъ годахъ было обращено серьезное вниманіе на постройку большихъ дорогъ“.—*Archives départementales des Basses-Pyrénées,* C 1539.

[2]) *Leroux,* la Généralité de Limoges, p. CXXXII.

[3]) *D'Hugues,* op. cit., p. 195 suiv.

былъ сооруженъ безъ помощи злополучной дорожной барщины. Справедливость требуетъ прибавить, что Тюрго, какъ увидимъ ниже, не былъ въ данномъ случаѣ единичнымъ явленіемъ среди интендантовъ своего времени. Кромѣ того, Тюрго принадлежитъ честь почина въ дѣлѣ сооруженія сѣти дорогъ мѣстнаго сообщенія (chemins vicinaux), въ лиможскомъ генеральствѣ [1]). Одновременно съ нимъ, и частью подъ вліяніемъ поданнаго имъ примѣра, и другіе интенданты начинаютъ работать надъ восполненіемъ ощущавшагося въ этомъ отношеніи пробѣла. Постройка дорогъ мѣстнаго сообщенія обыкновенно пріурочивалась къ благотворительнымъ работамъ; съ тѣхъ поръ какъ въ семидесятыхъ годахъ послѣднія получили широкое примѣненіе и прочную ораганизацію, быстро двинулось впередъ и дѣло постройки дорогъ названной категоріи, и такимъ образомъ было положено начало той въ настоящую пору густой сѣти прекрасныхъ дорогъ мѣстнаго сообщенія, которой Франціи можетъ гордиться и теперь, послѣ того, какъ страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ: если послѣднимъ должны были уступить свою роль главныхъ артерій большія, „королевскія“ (нынѣ „національныя“) дороги, то грунтовыя дороги мѣстнаго сообщенія продолжаютъ и до сихъ поръ играть немаловажную роль,—роль, такъ сказать, волосныхъ сосудовъ, въ дѣлѣ внутренняго обмѣна веществъ внутри экономическаго организма страны. До какой степени близко къ сердцу принималъ Тюрго это дѣло—какъ впрочемъ и всякое другое, за которое брался—, показываетъ то, что, вмѣстѣ съ своимъ главнымъ дорожнымъ инженеромъ, онъ лично изучалъ мѣстности, гдѣ имѣлось въ виду проводить новыя дороги, избиралъ болѣе удобные уклоны и закругленія и заставлялъ при себѣ же наносить намѣченныя данныя на карту; измѣрялъ предположенныя выемки и насыпи, вычислялъ заранѣе приблизительную стоимость тѣхъ или другихъ работъ, и т. д. [2]). Для поддержанія дорогъ въ постоянно хорошемъ состояніи, Тюрго прибѣгъ къ тому средству, которое практикуется и въ настоящее время во Франціи. Дорога дѣлится на небольшіе участки, каждый подъ наблюденіемъ одного *кантониста* (*cantonnier*), на обязанности котораго лежитъ смотрѣть за постоян-

[1]) Ibidem, p. CXXXIII.

[2]) *Dupont de Nemours*, Mémoire sur la vie de Turgot, 1-re partie, p. 78 (цит. по *D'Hugues*, op. cit., p. 197).

ной исправностью пути и немедленно исправлять мелкія поврежденія, причиненныя ѣздой, дождемъ и т. д. [1]).

Примѣръ, данный Тюрго, не остался безъ подражанія; такъ, нѣсколько позднѣе аналогичный порядокъ заводитъ въ своемъ интендатствѣ турскій интендантъ дю-Клюзель [2]). Вообще по части дорожнаго благоустройства дю-Клюзель является достойнымъ соревнователемъ своего лиможскаго „собрата“ [3]).

Преемники Тюрго въ Лиможѣ, д'Энь и Мёланъ-д'Аблуа, дѣятельно продолжаютъ энергично двинутое впередъ ихъ предшественникомъ дѣло постройки и улучшенія сѣти грунтовыхъ дорогъ въ лиможскомъ генеральствѣ [4]). Дижонскій интендантъ Амело, при первомъ своемъ объѣздѣ области, удѣляетъ много вниманія осмотру дорогъ и мостовъ, хотя эта часть входитъ собственно въ вѣдѣніе мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ [5]). Перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ пролагаетъ прямой путь изъ Руссильона въ Верхній Лангдокъ, при чемъ ему удается привлечь провинціальные штаты Лангдока къ участію (изъ половины) въ издержкахъ по постройкѣ двухъ мостовъ на этой новой дорогѣ [6]). При помощи благотворительныхъ работъ онъ значительно расширяетъ и улучшаетъ сѣть малыхъ дорогъ мѣстнаго сообщенія [7]).

Канскій интендантъ Орсо-де-Фонтеттъ былъ, по выраженію его новѣйшаго біографа, „великимъ строителемъ дорогъ“ [8]). Непосредственный преемникъ Фонтетта въ канскомъ интендантствѣ, Эсмангаръ, является также дѣятельнымъ продолжателемъ его въ дѣлѣ развитія мѣстной дорожной сѣти. Эсмангаръ началъ, кромѣ того, работы по урегулированію русла рѣки Орны, въ цѣляхъ сдѣлать ее удобною для судоходства въ ея нижнемъ теченіи отъ Кана до впаденія въ море. Для покрытія расходовъ по этому предпріятію ему удалось выхлопотать особый налогъ, разложенный равномѣрно на всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія привилегированныхъ и непривилегированныхъ [9]).

1) *D'Hugues,* op. cit., p. 203—204.

2) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 167 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 71—72).

3) *Dumas,* op. cit., p. 215—280.

4) *Leroux,* la Généralité de Limoges, p. CXXXII.

5) *Archives nationales,* H 200, 2.—*Pièces justificatives,* Nr. 164.

6) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte, 179).—*Pièces justificatives,* Nr. 161.

7) Ibidem.—*Pièces justificatives,* Nr. 165.

8) „Grand constructeur de routes“.—*F. Mourlot,* l'Intendant Fontette, p. 9 (Extrait du *Bulletin historique et philologique,* 1904).

9) *Mourlot,* l'Intendant Esmangart, ms., feuille 3.

Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ энергично продолжаетъ начатое его предшественникомъ дѣло улучшенія грунтовыхъ дорогъ въ области, а также сооруженіе новыхъ. Онъ же первый принялъ мѣры къ исполненію давнишняго, но по большей части остававшагося мертвою буквой, правительственнаго предписанія касательно обсадки дорогъ деревьями [1]). Онъ издалъ также распоряженіе о постановкѣ столбовъ съ соотвѣтствующими надписями на всѣхъ перекресткахъ главныхъ дорогъ [2]). „Для оживленія этой части Оверни (Livradois) гражданинъ Шазера, интендантъ, составилъ проектъ дороги, которая бы, ведя изъ Велэ въ Парижъ, начиналась у Пюи и, идя черезъ Saint-Paulie, Saint-Just... и пересѣкая Бурбоннэ, соединялась съ большимъ трактомъ изъ Ліона въ Парижъ" [3]). Обширное предпріятіе это, начатое въ 1788 г., было прервано наступившими съ 1789 г. событіями, и проекту интенданта—не въ полномъ впрочемъ объемѣ [4])—суждено было осуществиться лишь впослѣдствіи. Проектированная дорога должна была облегчить вывозъ произведеній восточной Оверни, такъ какъ она связывала послѣднюю съ однимъ изъ судоходныхъ притоковъ Алльe, а эта послѣдняя рѣка, какъ притокъ Луары, открывала широкую перспективу для вывоза естественныхъ, а частью и фабричныхъ [5]) произведеній области [6]).

Одною изъ первыхъ заботъ гренобльскаго интенданта Казъ-де-ла-Бова, по прибытіи въ интендантство, было приведеніе въ благоустроенный видъ мѣстныхъ дорогъ, въ особенности же проходящаго черезъ область участка большой дороги Ліонъ-Марсель [7]). Интендантъ де-ла-Бурдоннэ также работаетъ надъ улучшеніемъ дорогъ и постройкой новыхъ въ пуатевинскомъ генеральствѣ [8]). Его же почину городъ Пуатье

[1]) *Arrêt du conseil qui ordonne l'élargissement des grands chemins, lesquels seront plantés d'arbres,* 3 ma 1720.— *Isambert,* Recueil, t. XX, p. 182—184.

[2]) *Lurion,* op. cit., p. 24: *Hyenne,* op. cit., p. 159.

[3]) *Legrand d'Aussy,* Voyage en Auvergne en 1788, Paris, an III, t. I, p. 437.

[4]) Участокъ между Тьерсомъ и Кюссэ такъ и не былъ достроенъ; пункты эти въ настоящее время соединены желѣзной дорогой, продолженіе которой идетъ по большей части вдоль сооруженной по проекту де-Шазера грунтовой дороги.

[5]) Напримѣръ, гончарныхъ.

[6]) *Legrand d'Aussy,* Voyages en Auvergne, t. I, p. 437.

[7]) *Procès-verbaux des Etats du Dauphiné,* p. 192.

[8]) *Mémoires ...des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 296.

обязанъ былъ своимъ Новымъ мостомъ, первый камень котораго былъ положенъ собственноручно интендантомъ 17-го августа 1778 г. Стоимость постройки по смѣтѣ была исчислена въ триста тысячъ ливровъ [1]). Ла-рошелльскому интенданту Гео-де-Реверсо область обязана была большей частью существующихъ и понынѣ грунтовыхъ дорогъ [2]). Лотарингскій интендантъ Шомонъ-де-ла-Галезьеръ отецъ сильно двинулъ впередъ дѣло сооруженія и улучшенія мѣстныхъ путей сообщенія [3]).

VIII.

Сказанное относительно дорогъ вполнѣ приложимо, mutatis mutandis, и къ воднымъ путямъ сообщеній.

Лиможскій интендантъ Тюрго дѣятельно продолжаетъ работы своихъ предшественниковъ по превращенію Шаранты въ судоходную рѣку въ ея среднемъ и верхнемъ теченіи; достигнуть этой цѣли значило—связать Лимузенъ съ океаномъ и такимъ образомъ—„открыть новое поле для мѣстной промышленности, позволяя ей искать потребителей за предѣлами королевства и раздѣлить съ прочими подданными короля выгоды торговли съ колоніями“ [4]). Преемникъ Тюрго, д'Энь, возобновляетъ въ 1776 г. прерванныя въ 1768 г. работы по превращенію Везеры въ судоходную рѣку [5]). Улучшеніе внутреннихъ водныхъ путей составляетъ не послѣднюю изъ „благотворительныхъ“ заботъ интенданта де-ла-Корэ. Въ 1778 г. онъ предлагаетъ Безансону заняться превращеніемъ рѣки Ду въ судоходную, и встрѣчаетъ сочувственное отношеніе къ своему предложенію со стороны муниципалитета, признавшаго, что, съ выполненіемъ этого проекта, „вся провинція получитъ значительныя выгоды въ отношеніи торговли“. Возникшіе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ помимо интенданта проекты соединительныхъ каналовъ между Роной и Рейномъ и между Соной и Ду, нашли себѣ дѣятельную поддержку со стороны де-ла-Корэ. Послѣ продолжительнаго „изученія“ проекта въ генеральномъ контролѣ, въ 1783 г. послѣдовало „постановленіе

1) Ibidem, p. 358.

2) *Audiat,* les Etat provinciaux de Saintonge, p. 9.

3) *Boyé,* les Travaux publics et le régime des corvées en Lorraine, p. 17.

4) *Turgot,* Oeuvres, t. I, p. 373 (Lettre au contrôleur général du 17 juillet 1772). Сравн. *d'Hugues,* op. cit., p. 205—206.

5) *Annuaire de la Corrèze,* 1824, p. 16 (цитировано по *Leroux,* op. cit., p. CXXXVI).

королевскаго совѣта, разрѣшавшее сооруженіе послѣдняго изъ двухъ проектированныхъ каналовъ, который получилъ названіе канала Франшъ-Контэ [1]). Въ турскомъ генеральствѣ, дю-Клюзель оказываетъ дѣятельное содѣйствіе предпринятому частной компаніей осушенію дивскихъ болотъ (les marais de la Dive), содѣйствуетъ успѣху другой компаніи, взявшейся приспособить для судоходства одинъ изъ притоковъ Луары, и дѣятельно продолжаетъ начатыя при его предшественникахъ работы по урегулированію рѣкъ Луары и Шера [2]). Валансьеннскій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ настойчиво поддерживаетъ провинціальные штаты области Камбрези въ предпринятыхъ ими работахъ по урегулированію Шельды, въ видахъ превращенія ея въ судоходную рѣку до Камбрэ, что и было выполнено къ 1780 г. [3]). Для предупрежденія разливовъ Соммы, амьенскій интендантъ графъ д'Агэ устраиваетъ цѣлый рядъ сооруженій между мѣстечкомъ Ault и мысомъ Hourdel [4]). Амьенскіе интенданты принимаютъ самое дѣятельное участіе въ сооруженіи знаменитаго Пикардійскаго канала, который мѣстный историкъ называетъ „величайшимъ административнымъ дѣломъ провинціи" и „величайшимъ промышленнымъ предпріятіемъ Франціи въ восемнадцатомъ вѣкѣ" [5]). По почину эльзасскихъ интендантовъ начались въ восемнадцатомъ вѣкѣ систематическія и планомѣрныя работы по урегулированію русла Рейна. До тѣхъ поръ отдѣльные прибрежные города и села производили на свой рискъ и страхъ изолированныя сооруженія, для того чтобы оградить себя отъ разливовъ. Производились эти сооруженія конечно безъ всякаго общаго плана, и по большей части наскоро,

[1]) *Lurion*, op. cit., p. 23. — *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 1558—9.

[2]) *Dumas*, op. cit., p. 236—280.

[3]) *Legrand*, op. cit., p. 138—139.

[4]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 388.

[5]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 408—427. Осматривавшій каналъ въ 1787 г. Артуръ Юнгъ говоритъ: „расходы уже достигаютъ 1.000.000 ливровъ; для окончанія сооруженія потребуется еще около 2.500.000 л. (*Young*, Voyages en France, t. I, p. 126). За десятилѣтіе 1776—1785 г. на постройку каналовъ пикардійскаго и бургонскаго было ассигновано восемь милліоновъ (по 800.000 въ годъ), какъ это видно изъ соотвѣтствующихъ постановленій королевскаго совѣта. См. *Archives nationales*, AD XIII, 1. — Сравн. докладъ Poncin'а Національному собранію въ собраніи протоколовъ послѣдняго (т. 75), имѣющемся въ парижской Національной библіотекѣ, подъ рубрикой Lc 27/10.

въ минуту угрожающей опасности. Взявъ въ свои руки это дѣло, интенданты дали ему солидную организацію; работы отдѣльныхъ городскихъ и сельскихъ общинъ, сдѣланныя обязательными, стали съ той поры выполнять постепенно отдѣльныя части одного грандіознаго и планомѣрнаго предпріятія. Такъ какъ, въ виду новой широкой постановки дѣла, выполненіе его превышало средства прибрежнаго населенія, то на послѣднее была возложена лишь часть работъ, другая же часть выполнялась средствами „провинціи" и королевской казны [1]).

IX.

Въ вопросахъ промышленности и торговли „просвѣщенный администраторъ" является по большей части послѣдователемъ передовыхъ въ ту пору экономическихъ идей, идей школы (или, какъ тогда выражались, „секты") „философовъ-экономистовъ", т. е. физіократовъ, которые насчитывали во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка своихъ приверженцевъ и друзей и въ правительственныхъ сферахъ. Генералъ-контролеръ Машо (Machault, 1745—1754) даже предвосхищаетъ идеи физіократовъ. Въ его лицѣ, въ 1749 г., правительство впервые дѣлаетъ попытку отрѣшиться отъ традиціонной политики въ дѣлѣ хлѣбной торговли,—политики, внушенной глубоко укоренившимся воззрѣніемъ, что голодъ происходитъ отъ дороговизны хлѣба, а дороговизна отъ произвола „скупщиковъ"; для обузданія же этого произвола необходимо поставить торговлю хлѣбомъ подъ строгій контроль правительства. Отсюда—система регламентаціи, совершенно уничтожившая свободу хлѣбной торговли, и приводившая въ конечномъ результатѣ къ искусственному сокращенію хлѣбныхъ рынковъ, а тѣмъ самымъ—къ неизбѣжному сокращенію производства хлѣба; сокращеніе же производства приводило къ поднятію цѣнъ на хлѣбъ. Политика правительства приводила, слѣдовательно, къ результату діаметрально противоположному тому, котораго оно думало этимъ путемъ достигнуть. Въ лицѣ Машо правительство впервые усумнилось въ непогрѣшимости этой общепринятой теоріи. Машо пользуется взякимъ случаемъ, чтобы въ своей офиціальной перепискѣ съ интендантами указывать на выгоды, какъ для самого населенія, такъ и для сельскихъ хозяевъ, отъ свободы торговли хлѣбомъ и его перевозки. Этотъ новый взглядъ на дѣло получилъ

---

[1]) *Krug-Basse,* l'Alsace avant 1789, p. 51.

вскорѣ и законодательное выраженіе, въ формѣ изданнаго по почину Моро-де-Сешелля, преемника Машо въ генеральномъ контролѣ, постановленія королевскаго совѣта отъ 17-го сентября 1754 г., разрѣшавшаго безпрепятственную перевозку хлѣба внутри королевства. Но, какъ оказалось, населеніе въ большинствѣ не доросло еще тогда до пониманія столь неслыханнаго новшества и само пресѣкало по большей части всякія попытки перевозки хлѣба въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ [1]).

Интендантъ торговли, Гурнэ, одинъ изъ высшихъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, около того же времени, въ своей проповѣди свободы (промышленности и торговли) доходитъ до осужденія регламентовъ и фабричныхъ инспекторовъ; этотъ чиновникъ призванный своею должностью блюсти за исполненіемъ фабричныхъ регламентовъ, занятъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы обезпечить неисполненіе однихъ изъ нихъ и дискредитировать другіе [2]).

Директоръ департамента путей сообщенія въ генеральномъ контролѣ, Трюдэнь, является приверженцемъ „экономистовъ", равно какъ и его сынъ и преемникъ въ должности, Трюдэнь-де-Монтиньи [3]). Съ 1759 до 1769 г. во главѣ генеральнаго контроля стоятъ приверженцы физіократовъ, генералъ-контролеры Бертэнъ (1759—1763), де-Лаверди (1763—1768) и Maynon d'Invault (1768—1769), а въ лицѣ Тюрго во главѣ финансоваго вѣдомства становится въ 1774 г. одинъ изъ главныхъ представителей „школы" [4]).

Еще въ бытность свою лиможскимъ инденданюмъ Тюрго былъ убѣжденнымъ физіократомъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ его переписки съ генералъ-контролеромъ аббатомъ Террэ, предъ которымъ онъ горячо отстаиваетъ свободу хлѣбной торговли. „Я не знаю—пишетъ онъ въ 1773 г. аббату Террэ—иного средства внести оживленіе въ какой бы то ни было видъ торговли, какъ самую широкую свободу, и въ частности—свободу отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ поборовъ, которыми обложены всевозможные товары въ силу дурно понятаго интереса казны" [5]). Противъ этихъ поборовъ,

[1]) *Marion,* Machault d'Arnouville, p 422 et suiv.

[2]) *Inventaire des archives départementales de l'Hérault,* série C 2527 (цит. по *Babeau,* la Province, t. II, p. 231).

[3]) *Mauguin,* op. cit., t. I, p 306—307.

[4]) Ibidem.—Многіе изъ *préambules* эдиктовъ, редактированныхъ Тюрго, представляютъ собою настоящія professions de foi физіократіи.

[5]) *Turgot,* Oeuvres, t. I, p. 377 (Lettre à l'abbé Terray sur la marque des fers, 24 décembre 1773).

а также противъ внутреннихъ таможенныхъ границъ, противъ стѣснительной регламентаціи промышленности и всевозможныхъ стѣсненій промышленности и торговли Тюрго горячо возстаетъ также въ своемъ *Похвальномъ словѣ Гурнэ*. Война—монополіямъ, война—регламентаціи, война — покровительственнымъ тарифамъ:— такова хозяйственно-административная программа интенданта Тюрго. Это то же самое, что было формулировано Гурнэ въ его знаменитомъ афоризмѣ: *laissez faire, laissez passer*. Программу эту можно резюмировать еще короче—однимъ словомъ: *свобода* [1]). Вліяніе посѣянныхъ физіократами идей—въ частности идеи свободы промышленности и торговли—настолько проникло въ правящіе круги, что даже послѣ паденія Тюрго и наступившей вслѣдъ затѣмъ реакціи противъ произведенныхъ имъ реформъ, его преемникъ не рѣшился возстановить въ полномъ объемѣ отмѣненный Тюрго хозяйственный режимъ. Въ дорожной повинности была оставлена широкая дверь для замѣны ея денежнымъ взносомъ, а привилегіи возстановленныхъ послѣ Тюрго цеховъ и прошленныхъ корпорацій подверглись существеннымъ ограниченіямъ.

X.

Что касается интендантовъ, то *среди нихъ „философы-экономисты“ насчитываютъ не только многочисленныхъ единомышленниковъ* (а одинъ изъ нихъ, Тюрго, и самъ является однимъ изъ главарей „школы“), *но также и предшественниковъ*. Уже въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія нѣкоторые изъ интендантовъ

---

[1]) Еще десятью годами ранѣе, Тюрго выказываетъ себя ревностнымъ сторонникомъ деклараціи 25-го мая 1763 и іюльскаго эдикта 1764 г. относительно свободы хлѣбной торговли. Экземпляры этихъ правительственныхъ актовъ онъ разсылаетъ съ приложеніемъ „сочиненія г. Летроня, королевскаго адвоката при орлеанскомъ бальяжѣ, доказывающаго съ такою же ясностью, какъ и неотразимостью, пользу этихъ законовъ во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ“... „Не сомнѣваюсь—продолжаетъ Тюрго—, что и вы, проникнувшись убѣжденіемъ въ основательности благодѣтельныхъ видовъ, внушившихъ рѣшеніе законодателя санкціонировать торжественнымъ законодательнымъ актомъ свободу хлѣбной торговли, поставите себѣ въ обязанность и удовольствіе работать надъ распространеніемъ того же убѣжденія во всѣхъ умахъ“.—*Turgot*, Oeuvres, t. I, p. 664—672 (Lettre aux officiers de police).—„Достойно сожалѣнія—пишетъ Тюрго въ 1766 г. Трюдэню—, что законодательство заранѣе стѣснено массой привилегій; это тормазъ, который не слѣдуетъ увеличивать“ (ibidem, t. I, p. 357).

относятся критически къ меркантильнымъ тенденціямъ традиціонной политики правительства, клонящейся къ одностороннему покровительству обработывающей промышленности въ ущербъ сельскому хозяйству. „Подлинно ли—пишетъ интендантъ ле-Бретъ въ 1724 г.—, что обиліе фабрикъ такъ выгодно для государства, какъ то думали въ то время, когда вызывали ихъ возникновеніе или расширеніе въ такой мѣрѣ, что онѣ поглотили огромную часть рабочей силы народа къ великому ущербу земли, остающейся невоздѣланной...“ [1]).

Какъ истые „экономисты“, большинство интендантовъ занимающей насъ эпохи—сторонники свободы труда и торговли. При возстановленіи послѣ паденія Тюрго цеховъ и промышленныхъ корпорацій были запрошены интенданты, и если привилегіи этихъ корпорацій были возстановлены въ болѣе или менѣе урѣзанномъ видѣ, то это въ значительной мѣрѣ благодаря усиліямъ интендантовъ, которые были по этому поводу запрошены. Такъ, турскій интендантъ дю-Клюзель настоялъ на томъ, чтобы статья 34-ая августовскаго эдикта 1776 г. (возстановлявшаго корпораціи) была дополнена оговоркой, въ силу которой корпораціямъ воспрещалось распространять свои привилегіи, какъ это имѣло мѣсто ранѣе, за предѣлы тѣхъ городовъ съ предмѣстьями, къ которымъ была пріурочена ихъ осѣдлость [2]). Результатомъ было то, что въ подгородныхъ деревняхъ явились свои хлѣбопеки, свои мясники, свои сапожники, кузнецы, лавочники, и крестьянамъ не надо было болѣе отрываться постоянно отъ своего дѣла и тащиться въ городъ за каждымъ пустякомъ, какъ это было при непочатомъ режимѣ привилегированныхъ цеховъ и корпорацій [3])

Когда въ 1778 г. Неккеръ запросилъ мнѣнія интендантовъ относительно желательныхъ измѣненій въ существующей регламентаціи промышленности, то лишь часть интендантовъ высказалась въ духѣ традиціонныхъ идей, за сохраненіе правительственнаго надзора за промышленностью, за-то другіе высказались за совершенную свободу послѣдней, какъ выгодную одинаково и для производителя и для потребителя, а въ концѣ концовъ и для самой промышленности [4]). На-

[1]) *Babeau*, la Province, t. II, p. 230. — Одинъ изъ корреспондентовъ ле-Брета пишетъ въ 1701 г.: „Свобода есть душа торговли и ея настоящая стихія“,—предвосхищая, такимъ образомъ, знаменитую формулу физіократовъ: *laissez faire, laissez passer*.—Ibidem, p. 196.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 148 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 181).

[3]) *Dumas*, op. cit., p. 182.

[4]) *Dumas*, op. cit., p. 188—189; *Lurion*, op. cit., p. 33.

до замѣтить, что этимъ новаторамъ приходилось итти въ данномъ случаѣ противъ желанія большинства самихъ фабрикантовъ и промышленныхъ корпорацій; и если нѣкоторые изъ интендантовъ высказались, какъ дю-Клюзель, въ принципѣ за сохраненіе регламентаціи, хотя правда, съ послабленіями на практикѣ,—то въ этомъ случаѣ они являлись лишь истолкователями пожеланій фабрикантовъ и промышленныхъ корпорацій. Кромѣ духа рутины, въ данномъ случаѣ сказывался, несомнѣнно, и узкій разсчетъ; дѣло въ томъ, что существовавшая система регламентаціи, при которой каждая фабрика и каждая промышленная корпорація должна была ограничивать свое производство продуктами строго опредѣленнаго качества, размѣра и т. д., въ значительной мѣрѣ ограждала каждаго производителя отъ конкурренціи со стороны другихъ производителей и для каждаго изъ нихъ создавала положеніе болѣе или менѣе близкое къ монополіи. Вредная для промышленности въ ея цѣломъ, для отдѣльныхъ фабрикантовъ и промышленныхъ корпорацій такая система представляла непосредственныя и вполнѣ осязательныя выгоды,—и въ этомъ разгадка отмѣченнаго, казалось бы, страннаго явленія [1]). Путемъ такихъ частичныхъ побѣдъ надъ твердынями стараго, отжившаго экономическаго режима интенданты подготовляли окончательную побѣду свободѣ внутренней торговли.

Турскій интендантъ дю-Клюзель, совершенно въ духѣ „физіократіи“, ходатайствуетъ передъ правительствомъ объ отмѣнѣ налоговъ на продукты сельскаго хозяйства и мѣстной промышленности. Въ 1782 г., послѣ продолжительной переписки ему удалось, не смотря на отчаянное сопротивленіе компаніи откуповъ, добиться возстановленія вольныхъ ярмарокъ (foires franches) въ Турѣ и отмѣны вывозныхъ пошлинъ съ различныхъ тканей, производимыхъ мануфактурами Тура и Амбуаза. Еще три года спустя, интенданту удается добиться освобожденія отъ подобныхъ пошлинъ для всѣхъ товаровъ, продаваемыхъ на ярмаркахъ Тура. Эти, съ величайшимъ трудомъ добытыя облегченія для мѣстной промышленности и торговли, не замедлили сказаться на значительномъ повышеніи вывоза мѣстныхъ продуктовъ въ другія области [2]).

[1]) Режимъ, установленный королевскою грамотой 5-го мая 1779 г., является компромиссомъ между традиціонною регламентаціей промышленности и новыми идеями свободы, согласно девизу *laissez faire, laissez passer*.

[2]) *Archives municipales de Tours*, Registres du corps de ville, 21 décembre 1785 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 81; сравн. ibidem, p. 213).

Особенно много сторонниковъ насчитываетъ въ средѣ „просвѣщенныхъ администраторовъ“ идея физіократовъ о свободѣ хлѣбной торговли. Таковъ орлеанскій интендантъ Синьеръ. Въ отвѣтъ на запросъ перваго президента парижскаго парламента относительно изданнаго въ 1764 г. закона о свободѣ хлѣбной торговли, Синьеръ называетъ этотъ законъ „спасительнымъ“, потому что, благодаря ему, обезпечивается продовольствіе населенія „въ силу взаимнаго вспомоществованія“, вызываемаго и регулируемаго факторами независимыми отъ какой-либо регламентаціи. Послѣдняя не только безполезна, но и прямо вредна, такъ какъ въ концѣ концовъ вызываетъ ту самую дороговизну хлѣба, противъ которой направлена, а стало быть —способствуетъ лишь обостренію голодовокъ, вмѣсто того чтобы парализовать ихъ. Наоборотъ, „свобода торговли въ состояніи поддерживать изобиліе, путемъ взаимнаго обмѣна между сосѣдними областями и вмѣстѣ—поддерживать хлѣбныя цѣны на болѣе равномѣрномъ уровнѣ“. „Средняя цѣна“, устанавливаемая такимъ естественнымъ путемъ будетъ, съ одной стороны—достаточно высокою для того, чтобы „служить поощреніемъ земледѣльцу“, съ другой—настолько низкою, чтобы быть доступной для рабочаго-поденщика. Напротивъ, всякая регламентація, стѣсняющая хлѣбную торговлю, „парализуетъ полезныя сдѣлки, создающія изобиліе на рынкахъ, ограничиваетъ право собственности и ослабляетъ предпріимчивость земледѣльца, не принося въ то же время никакого облегченія поденщикамъ и ремесленникамъ“ [1]).

Въ 1769 г., по случаю неурожая и вздорожанія хлѣба въ Турэни—переполохъ въ городахъ. Обращаются по этому случаю съ различными просьбами и предложеніями къ интенданту. „Просвѣщенный администраторъ“, въ лицѣ дю-Клюзеля, спѣшитъ вразумить городскія управленія, что лучшее средство предупредить недостатокъ хлѣба и его чрезмѣрную дороговизну, это—обезпечить безпрепятственную ц[illegible]куляцію послѣдняго. „Хлѣбъ—пишетъ онъ по этому поводу городс[illegible]у управленію ле-Мана 30-го сентября 1789 г.—есть одинъ изъ вид[illegible] провизіи, и торговля имъ должна быть точно такъ же свободн[illegible] какъ торговля всякой другой провизіей. Чѣмъ менѣе будетъ стѣсне[illegible]а торговля имъ, тѣмъ менѣе будутъ провинціи рисковать остаться безъ хлѣба даже въ годы плохого урожая, потому что въ интересахъ продавца—доставлять свой товаръ туда, гдѣ

---

[1]) *Camille Bloch,* Etudes sur l'histoire économique de la France (1760—1789), Paris, 1900, p. 48—50.

онъ находитъ для себя наиболѣе выгодный сбытъ"[1]). Для проведенія этихъ идей въ жизнь, дю-Клюзель прибѣгаетъ, гдѣ нужно, къ помощи собственной власть. Такъ, всѣмъ подчиненнымъ ему чинамъ полиціи онъ предписываетъ принимать всяческія мѣры къ обезпеченію свободы хлѣбной торговли[2]).

Когда въ октябрѣ 1770 г. генералъ-контролеръ аббатъ Террэ разослалъ интендантамъ, для отзыва, проектъ королевской деклараціи, направленной къ стѣсненію хлѣбной торговли, то проектъ этотъ далеко не встрѣтилъ единодушнаго одобренія со стороны провинціальныхъ администраторовъ. Лиможскій интендантъ Тюрго вступилъ по этому поводу въ смѣлую полемику съ министромъ. Въ своихъ письмахъ къ нему Тюрго шагъ за шагомъ разбиваетъ традиціонные доводы въ пользу регламентаціи хлѣбной торговли, развивая въ то же время свои теоретическіе взгляды въ духѣ физіократовъ. Въ томъ же духѣ высказывается относительно проекта турскій интендантъ дю-Клюзель. По его мнѣнію, только свободная торговля хлѣбомъ въ состояніи обезпечить народу во всякое время пропитаніе, поддерживая приблизительно на одинаковомъ уровнѣ цѣны во всѣхъ частяхъ королевства. Свобода хлѣбной торговли способствуетъ его изобилію, такъ какъ поощряетъ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ увеличивать его производство. Выгодная для послѣднихъ, свобода выгодна и для сельскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые, при расширеніи сельскохозяйственнаго производства, получаютъ и больше заработка. Наоборотъ, всякаго рода запрещенія и стѣсненія хлѣбной торговли только вызываютъ въ народѣ безпокойство, а въ торговлю хлѣбомъ вносятъ духъ спекуляціи. Заблаговременная скупка хлѣба, его монополизированіе,—вотъ неизбѣжный результатъ регламентаціи.

До сихъ поръ, какъ легко видѣть, подъ письмомъ интенданта охотно подписался бы любой „экономистъ". Но что касается вывоза хлѣба за-границу, то въ этомъ вопросѣ турскій интендантъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая нѣсколько позднѣе была подробно развита Неккеромъ, и которую можно назвать точкою зрѣнія экономическаго оппортунизма: торговлѣ слѣдуетъ либо предоставлять сво-

1) *Archives départementales d'Indre-et-Loire*, C 96 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 344).

2) Ibidem.

боду, либо ее ограничивать или вовсе прекращать *сообразно съ обстоятельствами* [1]).

Изданное въ концѣ 1770 г. постановленіе совѣта касательно регламентаціи хлѣбной торговли, между прочимъ, запрещало всякую куплю-продажу хлѣба иначе, какъ на базарныхъ площадяхъ или у городскихъ воротъ. Это послѣднее предписаніе оказалось на практикѣ трудно исполнимымъ и крайне тягостнымъ для сельскихъ обывателей, которыхъ оно обязывало за каждою покупкою хлѣба ѣздить на рынокъ, въ ближайшій городъ. Въ результатѣ это постановленіе по большей части не исполнялось, и самъ аббатъ Террэ, авторъ постановленія совѣта 1770 г., предоставилъ „благоразумію" интендантовъ придерживаться болѣе или менѣе строго исполненія указанаго предписанія; министръ даже находитъ нужнымъ рекомендовать индентантамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы мѣстные судьи не проявляли въ этомъ случаѣ чрезмѣрнаго усердія, чтобы не „слишкомъ стѣснять торговлю" [2]).

Весною 1789 года ростущая дороговизна хлѣба внушаетъ опасенія алансонскому интенданту Жюлльену. 11-го апрѣля онъ излагаетъ свои опасенія въ длинномъ письмѣ къ одному изъ высшихъ чиновниковъ контроля, де-Монтарану. Мѣры, которыя предлагаетъ интендантъ, сводятся къ поощренію ввоза хлѣба изъ-за границы и къ полной свободѣ торговли имъ въ предѣлахъ королевства. „Начнемъ съ того, что дадимъ свободу циркуляціи хлѣба внутри королевства; уберемъ всѣ препоны старинныхъ законовъ, запрещавшихъ перевозку хлѣба изъ одной области въ другую; пусть самымъ категорическимъ образомъ будетъ запрещено, подъ страхомъ наказанія, мѣшать вывозу хлѣба съ одного рынка на другой"... [3]).

Прибавимъ къ сказанному, что работы интендантовъ объ улучшеніи раскладки тальи, ихъ ежедневныя ходатайства передъ правительствомъ объ ея облегченіи, даже – замѣна натуральной дорожной и подводной повинностей денежной податью, облегченіе отбыванія рекрутской повинности,—всѣ эти гуманныя мѣры вытекали столько же изъ филантропическаго стремленія „облегчить страждущее чело-

---

1) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 94 (цит. по *Dumas*, op. cit., p. 351).

2) *Archives départementales d'Indre et-Loire,* C 94 (цит. по *Dumas*, op cit., p. 352—353).

3) *Duval*, Ephémérides, p. 50.

вѣчество“, сколько изъ подсказаннаго физіократическими воззрѣніями желанія облегчить земледѣльческое населеніе, „производительный классъ“, отъ стѣсненій, неизбѣжно отзывавшихся вредно на земледѣліи, этомъ источникѣ народнаго богатства. Вліяніемъ же „философовъ-экономистовъ“, несомнѣнно, обусловливается до извѣстной степени и отмѣченное выше оживленіе интереса къ сельскому хозяйству въ административныхъ сферахъ.

XI.

Приведемъ еще нѣсколько конкретныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ вліяніе идей физіократовъ на администрацію.

Хроническій недостатокъ хлѣба, вызывавшій голодовки при малѣйшемъ недородѣ, и обусловливавшійся въ дѣйствительности, какъ несовершенствомъ сельскохозяйственной техники, такъ еще въ большей, быть можетъ, степени финансовой системой и экономической политикой правительства,—приписывался современниками часто совершенно другимъ причинамъ, напримѣръ—тому, что сельскіе хозяева „самовольно“ обращали подъ виноградники земли годныя для хлѣба. Слѣдствіемъ этого наивнаго воззрѣнія, усвоеннаго и правящими сферами, было изданіе королевскимъ совѣтомъ постановленія отъ 5-го іюня 1731 г., въ силу котораго воспрещалось разводить новые виноградники и даже возстановлять запущенные—безъ особаго на каждый случай разрѣшенія мѣстнаго интенданта, при чемъ виноградники, посаженные безъ такого разрѣшенія, подлежали уничтоженію. Мы ошибемся, если подумаемъ, что эта послѣдняя угроза была присоединена просто для острастки: *искорененіе* виноградниковъ въ буквальномъ смыслѣ сдѣлалось одною изъ повседневныхъ заботъ провинціальной администраціи, и, напримѣръ, въ 1756 г., въ теченіе восьми только мѣсяцевъ, въ одномъ лишь турскомъ генеральствѣ тридцать сельскихъ хозяевъ были присуждены къ истребленію своихъ виноградниковъ, оказавшихся „посаженными безъ разрѣшенія“... Между тѣмъ это было уже время, когда идеи *laissez faire* въ области сельскохозяйственнаго, какъ и промышленнаго труда, успѣли уже пробить брешь въ традиціонныхъ экономическихъ воззрѣніяхъ, и, напримѣръ, въ 1753 г. (значитъ, за три года до приведенаго сейчасъ факта) финансовый интендантъ Трюдэнъ писалъ турскому интенданту, что не слѣдуетъ очень настаивать на исполненіи постановленія совѣта 1731 г., „лишающаго землевладѣльцевъ свободы обработы-

вать свои земли согласно своимъ желаніямъ". Правда, осторожный чиновникъ прибавляетъ, что это только его личный взглядъ; но мы уже видѣли немало примѣровъ того, какъ часто старые законы и предписанія падали во прахъ передъ силою новыхъ идей и „личныхъ взглядовъ" людей, отъ которыхъ зависѣло исполненіе этихъ законовъ и предписаній. Можно себѣ представить, что творилось въ первые годы послѣ изданія постановленія 1731 г., когда „личные взгляды" его исполнителей находились еще въ полной гармоніи съ „духомъ закона". Какъ бы то ни было, разладъ между первыми и послѣднимъ, начавшійся около половины вѣка, идетъ crescendo, и когда вновь назначенный на турское интендантство дю-Клюзель обратился въ 1767 г. съ запросомъ въ генеральный контроль относительно того, какъ быть съ пресловутымъ постановленіемъ 1731 г., то получилъ оттуда разъясненіе, что „въ виды королевскаго совѣта входитъ— возвращеніе землевладѣльцамъ свободы обработывать свои земли по ихъ собственному усмотрѣнію",—но что въ то же время правительство „не желаетъ торжественно отмѣнять постановленія 1731 г." [1]). Въ высшей степени характерна слѣдующая фраза въ цитируемомъ письмѣ финансоваго интенданта д'Ормессона: „Правительство—пишетъ онъ — удовольствовалось лишь тѣмъ, что закрыло глаза (на неисполненіе постановленія 1731 г.), какъ это видно изъ письма генералъ-контролера къ министру Бертэну отъ 30-го іюля 1765 г." [2]). Признавъ непригодность существующаго законоположенія, правительство не рѣшается однако „торжественно отмѣнить" его, а „довольствуется закрываніемъ глазъ" на его неисполненіе... Не такова ли, за единичными исключеніями, вся внутренняя политика французскаго правительства во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка?

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ бордоскій интендантъ де-Турни сѣтуетъ на то, что различныя привилегіи являются тормазомъ для мѣстной торговли виномъ, однимъ изъ важнѣйшихъ произведеній области, и на то, что этихъ привилегій „нельзя коснуться безъ того, чтобы не вызвать всеобщаго возбужденія" [3]). Одинъ изъ его

1) Ibidem, C 93 (ibidem, p. 310).

2) Нерѣшительность правительства находитъ себѣ извѣстное, если не оправданіе, то объясненіе, въ неподготовленности населенія къ тѣмъ или другимъ новшествамъ. Такъ, напримѣръ, администраціи приходилось иногда защищать противъ ихъ сосѣдей тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые превращали пахатныя земли въ виноградники. Тамъ же, стр. 311.

3) *Actes de l'Académie de Bordeaux,* 1889, p. 435—436.

преемниковъ, интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, имѣлъ случай убѣдиться на собственномъ опытѣ въ справедливости этого наблюденія [1]. Въ 1785 г. винодѣламъ Турэни, Анжу и Сомюра удается наконецъ добиться признанной закономъ свободы вывозить свои вина въ колоніи и отмѣны постановленія королевскаго совѣта отъ 10-го мая 1723 г. которымъ такой вызовъ строго воспрещался на томъ основаніи, что, какъ ему, королевскому совѣту, доподлинно извѣстно, вина эти не въ состояніи выносить перевозки моремъ безъ того, чтобы не подвергаться порчѣ [2]. Сами винодѣлы, правда, пробовали протестовать противъ такого запрещенія, но стоило ли обращать вниманіе на эти протесты невѣжественныхъ винодѣловъ? ихъ ли ума это дѣло?.. Потребовалось полстолѣтія идейной работы, потребовался переворотъ въ области экономическихъ идей, для того чтобы на эти протесты наконецъ обратили вниманіе и приняли ихъ немножко въ серьезъ...

XII.

Офиціальныя письма субделегатовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что *идеи „философовъ-экономистовъ“ успѣли въ занимающую насъ эпоху проникнуть вплоть до канцелярій этихъ низшихъ органовъ администраціи.*

„Разрѣшеніе вывоза хлѣба — пишетъ амьенскому интенданту субделегатъ города Montdidier въ 1772—есть, повидимому, самое надежное и, быть можетъ, единственно дѣйствительное средство оживить предпріимчивость сельскихъ хозяевъ и распространить сельскохозяйственную эксплотацію даже на самыя неважныя земли. Дѣйствительно, въ Пикардіи, напримѣръ, необходимо, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, для того чтобы половина земель не была въ забросѣ. Хлѣбъ, получаемый земледѣльцемъ на земляхъ средняго качества, обходится ему самому въ восемь ливровъ квинталъ; на плохихъ земляхъ онъ ему обходится еще дороже по той причинѣ, что даваемый ими урожай меньше, между тѣмъ какъ расходы по эксплоатаціи тѣ же. Если цѣна хлѣба падаетъ ниже указанной и остается на этомъ уровнѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то земледѣльцу приходится бросать воздѣлываніе этихъ земель, сдѣлавшееся для него убыточнымъ“ [3].

---

[1]) См. выше, стр. 240.

[2]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 27 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 197).

[3]) *Archives départementales de la Somme,* C 119. Lettre du subdélégué de Montdidier, 8 février 1772 (цит. по *Calonne,* la Vie agricole, p. 21).

Въ письмѣ къ своему интенданту въ 1783 г., амьенскій субделегатъ высказываетъ мнѣніе, что разрѣшеніе вывоза хлѣба „есть единственное средство утѣшить и ободрить земледѣльца, —дать ему возможность съ радостью ожидать жатвы...“ [1]).

XIII.

Овладѣвшая во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка городами „страсть къ украшеніямъ“ [2]) *вполнѣ раздѣлялась и „просвѣщенными администраторами“; послѣдніе играютъ зачастую самую дѣятельную роль въ дѣлѣ „украшенія“ провиціальныхъ городовъ, въ особенности же своихъ „столицъ“, нерѣдко проявляя широкій починъ въ этомъ дѣлѣ.* Если, какъ мы видѣли, имена многихъ изъ интендантовъ остались увѣковѣченными въ названіяхъ различныхъ городскихъ улицъ, площадей, бульваровъ, парковъ и т. д., то это является не только выраженіемъ симпатіи или признательности данныхъ городовъ своимъ бывшимъ администраторамъ, но вмѣстѣ и свидѣтельствомъ объ ихъ активномъ участіи въ томъ или другомъ сооруженіи. Если, напримѣръ, овернскіе городки Орилльякъ и Моріакъ окрестили именемъ своего бывшаго интенданта Монтіона свои бульвары [3]), то это не потому только, что обыватели этихъ городковъ хотѣли выразить ему этимъ свою симпатію, но также и потому, что самые бульвары являлись плодомъ „благотворительнаго“ почина названнаго интенданта, который сдѣлалъ изъ упомянутыхъ бульваровъ предметъ организованныхъ имъ въ голодный годъ благотворительныхъ работъ [4]). Вѣроятно, въ силу аналогичной причины получилъ имя интенданта Сенакъ-де-Мейльяна одинъ изъ бульваровъ города Марсели [5]). Свой вкусъ къ „украшеніемъ“ онъ перенесъ потомъ и въ свою новую „столицу“, Валансьеннъ, гдѣ съ его именемъ осталось связано нѣсколько публичныхъ сооруженій [6]). По всей вѣроятности, аналогичнаго происхожденія названіе городского гулянья въ городѣ Рошфорѣ

[1]) *Inventaire des archives départementales de la Somme,* C 98. Lettre du 8 mai 1783.

[2]) См. выше, стр. 279—284.

[3]) См. выше, стр. 334.

[4]) *Alissan de Chazet,* Vie de M. de Montyon, Paris, 1829, p. 21—25.— *Pièces justificatives,* Nrs. 556—557.

[5]) См. выше, стр. 335.

[6]) *Legrand,* op. cit., p. 129.

cours d'Ablois (по имени одного изъ послѣднихъ интендантовъ ла-Рошелли)[1]). Руанскій интендантъ Тиру-де-Кронь, увѣковѣчившій свое имя въ названіи одной изъ улицъ Руана[2]), проявилъ за время своего продолжительнаго (1768—1785) управленія интендантствомъ много рвенія по части городского благоустройства своей „столицы". По его почину и при его активномъ содѣйствіи былъ нивеллированъ и обсаженъ деревьями красивый проспектъ, ведущій изъ центра города къ дорогѣ на Гавръ; закончено устройство Марсова поля, построены—обширное ярмарочное зданіе, новыя просторныя и свѣтлыя казармы; перенесены изъ города въ окрестности пороховые погреба; приняты мѣры къ сохраненію и по возможности возстановленію памятниковъ старины, которыми была такъ богата старинная столица Нормандіи [3]). Городъ Сэнтъ былъ обязанъ инниціативѣ интенданта Гео-де-Реверсо различными улучшеніями и „украшеніями", между прочимъ—своими благоустроенными набережными и общественнымъ гуляньемъ [4]).

Интендантъ Жюлльенъ, за двадцать пять лѣтъ своего управленія алансонскимъ интендантствомъ, успѣлъ сдѣлать многое для благоустройства Алансона [5]). Амьенъ обязанъ былъ почину интенданта д'Агэ своимъ роскошнымъ по тому времени театромъ [6]). Сооруженіе площади Перигора, постройка крытаго рынка, городского театра, „отеля", интендантства, устройство бульваровъ на мѣстѣ старинныхъ земляныхъ укрѣпленій, окружавшихъ городъ,—таковы главные этапы въ прогрессѣ „украшенія" столицы Пикардіи обязанные своимъ происхожденіемъ „плодовитой инниціативѣ графа д'Агэ" [7]).

Про шалонскаго интенданта Руллье-д'Орфейля, имя котораго было дано одной изъ улицъ Шалона, читаемъ въ письмѣ одного изъ мѣстныхъ обывателей, нашедшемъ себѣ мѣсто на страницахъ „Секретныхъ мемуаровъ Башомона", что „нашъ интендантъ неустанно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы нашъ гнусный (infâme) городишка пре-

1) См. выше, стр. 336.

2) См. выше, стр. 335.

3) *Raisson,* Histoire de la police de Paris, Paris, 1843, p. 190.

4) *Audiat,* les Etats de Saintonge, p. 9.—Сравн. выше, стр. 335—336.

5) *Odolant-Desnos,* Mémoires historiques sur la ville d'Alençon et sur ses seigneurs, Alençon, 1787, t. II, p. 458.

6) *Mémoires secrets,* t. XVII (2 janvier 1781). Extrait d'une lettre d'Amiens, du 28 décembre 1780.

7) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 429—434.

вратить въ красивый городъ" [1]). Сенакъ-де-Мейльянъ, за свое 15-тилѣтнее управленіе валансьенскамъ интендантствомъ, содѣйствовалъ „украшенію Валансьенна нѣсколькими новыми общественными зданіями [2]). Интендантъ (будущій министръ) де-Клюньи содѣйствовалъ осуществленію цѣлаго ряда публичныхъ сооруженій въ Бордо, въ томъ числѣ новаго зданія городской думы [3]). Послѣдній суассонскій интендантъ де-ла-Бурдоннэ-де-Блоссакъ отмѣтилъ свое кратковременное управленіе своимъ генеральствомъ постройкою „отеля" интендантства, который служитъ въ настоящее время помѣщеніемъ для префектуры [4]). Интендантъ д'Энь, „шествовавшій по стопамъ Тюрго", содѣйствовалъ приведенію въ благообразный видъ столицы своей области, Лиможа, „одного изъ древнѣйшихъ, но въ то же время и одного изъ наиболѣе невзрачныхъ и грязныхъ городовъ Франціи" [5]).

Интендантъ Орсо-де-Фонтеттъ много содѣйствовалъ „украшенію" своей „столицы", города Кана въ Нормандіи [6]). По его почину были сравнены остатки старинныхъ земляныхъ крѣпленій, на мѣстѣ которыхъ была разбита площадь, которой муниципалитетъ далъ имя интенданта, сохранившееся и до сихъ поръ [7]). Дѣло украшенія и благоустройства города Кана дѣятельно продолжаетъ преемникъ Фонтетта, интендантъ Эсмангаръ. При немъ Канъ обогатился новой площадью, при чемъ были снесены прилегавшія къ ней старинныя ворота и двѣ башни. Канъ, какъ и нѣкоторые другіе города, страдалъ отъ недостатка воды, на что также было обращено серьезное вниманіе Эсмангаромъ. Онъ выписалъ

---

[1]) *Mémoires secrets,* t. V (17 décembre 1769). Extrait d'une lettre de Châlons, du 14 décembre 1769. Однимъ изъ лучшихъ архитектурныхъ „украшеній", которыми Шалонъ обязанъ былъ почину Руйлье-д'Орфёйля, былъ (и до нашихъ дней остается) построенный при немъ „отель интендантства" См. выше, т. I, стр. 281.

[2]) *Legrand,* Senac de Meilhan, p. 129.

[3]) *Ribadieu,* op. cit., p 105.

[4]) И для городской думы; такъ, по крайней мѣрѣ, было въ пятидесятыхъ годахъ—время, къ которому относится цитируемое нами сочиненіе мѣстнаго историка (*Mémoires . . . des Antiquaires de l'Ouest,* XXII, p. 313).

[5]) *Mémoires secrets,* t. XXIII (14 novembre 1783). Extrait d'une lettre de Limoges, du 8 novembre).

[6]) Его именемъ была названа одна изъ площадей г. Кана. См. выше, стр. 335.

[7]) *F. Mourlot,* l'Intendant Fontette, p. 9 (Extrait du *Bulletin historique et philologique,* 1904).

инженера, специалиста по части сооруженія артезіанскихъ колодцевъ [1]). Въ Канѣ, кромѣ того, былъ устроенъ, по его почину, водопроводъ отъ рѣки Орны. Въ городѣ Вирѣ, при его дѣятельномъ участіи, былъ сооруженъ новый водоемъ, названный именемъ интенданта и продолжающій до нашихъ дней служить свою скромную, но полезную службу [2]).

Девятилѣтнее управленіе (1774 - 1783) Казъ-де-ла-Бова въ Бретани не осталось безслѣднымъ для городского благоустройства области, оставлявшаго желать очень многаго. Достаточно сказать, что когда онъ явился во „ввѣренную ему область", уличное освѣщеніе было вещью совершенно неизвѣстной даже въ „столицѣ" области, не говоря уже прочихъ городахъ. Казъ-де-ла-Бовъ добился того, что освѣщеніе было введено не только въ его резиденціи, Реннѣ, и второй столицѣ Бретани, Нантѣ, но также и въ большинствѣ прочихъ бретанскихъ городовъ [3]).

Послѣдній перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ удѣляетъ много вниманія благоустройству своей „столицы". „Городъ Перпиньянъ—повѣствуетъ онъ въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г.— не имѣлъ другихъ приспособленій для тушенія пожаровъ, кромѣ двѣнадцати ручныхъ насосовъ съ приставленными къ нимъ двѣнадцатью пожарными. но вовсе не было ведеръ для переноски воды. Я распорядился сдѣлать сто двѣнадцать ведеръ изъ камыша, обтянутыхъ кожей, и двѣ водовозныхъ бочки. Городъ имѣлъ плохое освѣщеніе: всего сорокъ фонарей. Я удвоилъ число послѣднихъ и намѣренъ довести его до сотни. Не стало слышно о ночныхъ безчинствахъ, нападеніяхъ, кражахъ что прежде случалось очень часто. Перпиньянъ отличался большой неопрятностью; воздухъ былъ насыщенъ міазмами, особенно вредными въ лѣтнее время. Я устроилъ правильное метеніе улицъ съ ежедневнымъ удаленіемъ нечистотъ. Стоки для нечистотъ не имѣли правильнаго уклона, улицы были

---

1) *Archives départementales du Calvados,* C 1135, 1141 (цит. по *Mourlot,* l'Intendant Esmangart, ms., feuille 7).

2) Сохранилась и латинская надпись, гласящая, что: Anno MDCCLXXXI regnante Ludovico XVI humanissimus et felicitati publicae studiosissimus Carolus Franciscus Hyacinthus Esmangart summus in aeraria et judiciaria in tractu Cadomensi praefectus inopem aquarum hanc urbis partem hoc voluit fonte irrigare et adornari utilitati civium et securitati pr. videns in perpetuum.—*F. Mourlot,* op. cit., p. 4.

3) *Dupuy*, op. cit., p. 88 - 89

загромождены массой разныхъ препятствій, мѣшавшихъ движенію, и служившихъ часто источниками разныхъ міазмовъ; я распорядился очистить улицы и исправить стоки. При семидесяти тысячахъ годового дохода и восьмидесяти тысячахъ расхода, у города было до ста тридцати тысячъ долговъ; при помощи бережливости въ расходованіи городскихъ средствъ, при помощи возвышенія аренды городскихъ заставныхъ пошлинъ, при помощи упорядоченія мясоторговли, удвоившаго потребленіе этого подукта, а слѣдовательно и доходность лежавшаго на немъ налога, мнѣ удалось довести городскіе доходы почти до уровня расходовъ. Долги города сократились и въ скоромъ времени могутъ быть совершенно погашены, не смотря на сдѣланныя имъ различныя улучшенія въ городскомъ благоустройствѣ. Я исходатайствовалъ для города еженедѣльный базаръ, который не преминетъ отозваться удешевленіемъ съѣстныхъ припасовъ, увеличеніемъ количества скота и удобренія, оживленіемъ денежной циркуляціи", и т. д. [1]).

Если имя интенданта Блоссака связано съ городскимъ паркомъ въ Пуатье, то это потому, что своимъ происхожденіемъ паркъ этотъ былъ обязанъ названному интенданту [2]). Послѣ устройства парка, Блоссакъ задался проектомъ соединить его съ королевской площадью „достойнымъ города" проспектомъ (avenue) для котораго надо было проложить широкую просѣку въ чащѣ старыхъ кривыхъ улицъ. Проспектъ, съ его новымъ, выстроенными по „однообразному плану"— единообразіе есть необходимый элементъ архитектурной красоты въ глазахъ людей того времени—домами, долженъ былъ являть собою выгодный контрастъ съ окружающими старыми кварталами города, напоминавшаго собою „большую деревню". Въ самомъ началѣ проспекта, у парка, проектировалось построить новый „отель" интендантства. Были подъ наблюденіемъ интенданта составлены соотвѣтствующіе планы и смѣты, не доставало только денегъ, а ихъ требовалось около полумилліона для осуществленія этой грандіозной архитектурной затѣи. Проектъ оказывался роскошью непосильною не только для города, но и для всего генеральства; на правительство, же съ грѣхомъ пополамъ сводившее свои концы съ концами,

[1]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790. — *Pièces justificatives,* Nr. 161.

[2]) *Mémoires... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII, p. 364—365. — Сравн. выше, стр. 336.

разсчитывать не приходилось. Какъ бы то ни было, весь проектъ такъ и остался лишь грандіозной мечтой „просвѣщеннаго администратора“ [1]). Кромѣ знаменитаго парка, до сихъ поръ носящаго его имя, интендантъ Блоссакъ является иниціаторомъ и разнаго рода другихъ работъ и проектовъ, имѣвшихъ цѣлью „украшеніе“ города. Такъ, въ 1783 г., по его почину, площадь св. Петра была обсажена деревьями. И другіе города генеральства не были забыты интендантомъ по части „украшеній“. Такъ, города Châtelleraud. Saint-Maixent, ему обязаны, какъ и Пуатье, своими общественными садами, а городъ Фонтенэ—площадью, которая получила, какъ и паркъ въ Пуатье, имя своего иниціатора [2]).

Интендантъ де-ла-Корэ продолжаетъ начатое его предшественниками дѣло „украшенія“ Безансона [3]). По его мысли, мѣстное Марсово поле было превращено въ великолѣпный общественный садъ, составляющій и по настоящее время одно изъ лучшихъ украшеній Безансона [4]). Чтобы не обременять слишкомъ городского бюджета, значительная часть сопряженныхъ съ выполненіемъ этого предпріятія издержекъ была покрыта путемъ устроенной интендантомъ общественной подписки [5]). Затѣмъ интендантъ задумалъ расширить площадь св. Петра. Въ февралѣ 1777 г. безансонскій муниципалитетъ высказалъ свое сочувствіе этому „проекту, направленному къ украшенію города“, и постановилъ „выразить интенданту благодарность за его старанія объ украшеніи своей столицы“. Но самымъ крупнымъ сооруженіемъ, съ которымъ осталось связаннымъ въ Безансонѣ имя де-ла-Корэ, является „новое интендантство“. Частный домъ, служившій до тѣхъ поръ помѣщеніемъ для интенданта и его канцелярій, приходилъ въ ветхость, и это дало интенданту поводъ къ постройкѣ собственнаго „отеля“ интендантства, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ новымъ украшеніемъ города. Въ виду того, что до сихъ поръ квартира интенданта оплачивалась городомъ, послѣдній взялъ на себя часть издержекъ по постройкѣ новаго интендантства, но большая часть этихъ расходовъ была разложена

[1]) Ibidem, p. 344.

[2]) Ibidem, p. 343.

[3]) Такъ, въ тридцатыхъ годахъ интендантъ де-Ванолль сооружаетъ въ Безансонѣ „прекрасныя набережныя“ и проводитъ новую улицу. — *Lurion*, op. cit., p. 15.

[4]) „Jardin de Chamars“ (вѣроятно, сокращенное champs de Mars).

[5]) *Lurion*, op. cit., p. 16.

на „провинцію", съ разсрочкой на нѣсколько лѣтъ. Голодная зима 1770—1771 гг. дала интенданту поводъ ускорить начало постройки, такъ какъ предварительныя земляныя работы, не требовавшія спеціальной технической сноровки, могли служить подходящимъ объектомъ для „благотворительныхъ работъ", что и было сдѣлано интендантомъ. Слѣдующимъ же лѣтомъ, 14-го іюня, интендантъ собственноручно положилъ первый камень будущаго „отеля", содержавшій двойную надпись—одну по-латыни, сочиненную г. Этисомъ, первымъ секретаремъ интендантства, другую—по-французски, написанную въ стихахъ мѣстнымъ поэтомъ, каноникомъ Тальберомъ [1]). Построенное по планамъ знаменитаго въ ту пору архитектора Луи [2]), новое интендантство было закончено къ началу 1778 г. и обошлось болѣе шестисотъ тысячъ ливровъ. 18-го февраля 1778 г. имѣла мѣсто „инавгурація" зданія. Утромъ оно было освящено мѣстнымъ приходскимъ священникомъ, а вечеромъ былъ устроенъ ужинъ въ честь мѣстныхъ дамъ, представителей муниципалитета и офицеровъ мѣстнаго гарнизона. „Ужинъ этотъ—сообщаетъ бытописатель-современникъ—сопровождался большимъ баломъ, продолжавшимся всю ночь... Это былъ блестящій праздникъ по числу присутствовавшихъ дамъ и богатству уборовъ, которыми онѣ соперничали другъ передъ другомъ". „Отель интендантства—писалъ послѣ этого интенданту безансонскій муниципалитетъ—, начатый постройкой по вашему почину и законченный вашими заботами, а также перестройка улицы, украшеніе которой онъ составляетъ, вмѣстѣ съ открытіемъ другой, новой, которая идетъ отъ него, представляютъ собой памятники, которые увѣковѣчатъ патріотическіе виды, васъ одушевляющіе, и мудрость вашего управленія. Ваше имя... напомнитъ нашимъ потомкамъ и объ этомъ дѣятельномъ геніи и о томъ гражданинѣ, который... безпрестанно заботился о благосостояніи и украшеніи этого города..." [3]). Почину де-ла-Корэ Безансонъ обязанъ былъ также своимъ театромъ. Мѣсто для постройки, было имъ выбрано совмѣстно съ муниципалитетомъ. Начатый постройкой, по плану одного изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ архитекторовъ, Леду, въ 1777 г., театръ былъ оконченъ въ 1784 г. Чтобы облегчить разрѣшеніе финансовой

[1]) Текстъ у Люріона, op. cit., p. 19.

[2]) По его же плану построенъ поражавшій въ свое время своимъ великолѣпіемъ театръ въ Бордо, составляющій впрочемъ и понынѣ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ архитектурныхъ „украшеній" города.

[3]) *Lurion*, op. cit., p. 20.

стороны вопроса, интендантъ выхлопоталъ въ генеральномъ контролѣ крупную субсидію, равнявшуюся двумъ третямъ всей стоимости постройки [1]). Впрочемъ заботы интенданта объ „украшеніи“ не ограничивались предѣлами „столицы“ области. Городокъ Baume-les-Dames обязанъ ему новымъ „дворцомъ юстиціи“ (palais de justice); городокъ Люксейль своимъ зданіемъ купаленъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ латинская надпись на фронтонѣ послѣдняго.— Доль и Грэ—новыми казармами, и т. д. [2]). Онъ старается упорядочить коммунальное хозяйство, какъ городское, такъ и сельское, — увеличить его доходы и направить послѣдніе на различныя надобности городского и сельскаго благоустройства: на постройку и перестройку церквей и церковныхъ домовъ, на благоустройство кладбищъ, на сооруженіе мостовъ, общественныхъ водоемовъ, наконецъ—на погашеніе старыхъ долговъ [3]). Такимъ образомъ, чисто полицейская въ своей основѣ функція „административной опеки“ получаетъ у „просвѣщеннаго администратора“ характеръ культурной дѣятельности.

XIV.

Народное просвѣщеніе въ старой Франціи было предоставлено почти цѣликомъ почину и усмотрѣнію городскихъ и сельскихъ обществъ и духовенства, и государственная власть ограничивала свое вмѣшательство въ эту область почти исключительно внѣшнимъ полицейскимъ контролемъ (заключавшимся въ утвержденіи соотвѣтствующихъ „регламентовъ“ и наблюденіи за ихъ исполненіемъ,—въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ субсидій отъ городскихъ или сельскихъ обществъ въ пользу тѣхъ или другихъ „просвѣтительныхъ учрежденій“, и т. д.) [4]). Тѣмъ не менѣе, начиная съ половины восемнадцатаго вѣка, захватившее общество и администрацію „просвѣтительное“ движеніе начинаетъ сказываться, съ одной стороны—въ томъ, что государственная власть начинаетъ брать на себя из-

[1]) Ibidem, p. 21.
[2]) Ibidem, p. 21—23.
[3]) *Lurion*, op. cit., p. 12.
[4]) *D'Arbois de Jubainville*, l'Administration des Intendants d'après les archives de l'Aube, Paris, 1880, p. 108—112; *Creuzer*, les Intendants de Lorraine et leur action sur l'instruction publique de cette province (*Journal officiel*, 3 avril 1880, p. 3847); *Guyot*, Traité des droits, etc., t. IV, p. 164—165; *Leroux*, la Généralité de Limoges, p. CXLV.

вѣстный починъ въ дѣлѣ „народнаго просвѣщенія“ въ интересахъ его „прогресса“, съ другой—въ томъ, что подобный же починъ начинаютъ проявлять, совершенно независимо отъ центральной власти, мѣстные органы ея—интенданты. Почипъ государственной власти въ данномъ отношеніи сказался въ послѣдовательномъ открытіи цѣлаго ряда среднихъ и высшихъ, частью казенныхъ, частью субсидируемыхъ казной, учебныхъ заведеній техническаго характера: школы инженеровъ путей сообщенія въ 1747 г. [1]), королевской военной школы въ 1751 г. [2]),—обѣ въ Парижѣ, затѣмъ ветеринарной школы въ 1762 г. въ Ліонѣ [3]), затѣмъ другой такой же въ 1765 г. въ Альфортѣ, близъ Парижа [4]), далѣе—королевской рисовальной школы въ 1776 г., въ Парижѣ [5]), школы горнаго дѣла въ 1783 г., также въ Парижѣ [6]), и т. д. Почему именно вмѣшательство государства въ „народное просвѣщеніе“ началось съ техническаго образованія, это объясняется, съ одной стороны сравнительно бо́льшей близостью техническаго образованія къ непосредственнымъ потребностямъ государства, съ другой -также общимъ утилитарнымъ характеромъ той „просвѣщенной благотворительности“, которая нашла здѣсь одно изъ своихъ многообразныхъ выраженій. Что касается роли интендантовъ въ дѣлѣ „народнаго просвѣщенія“, то она сводилась, по „духу должности“, лишь къ чисто полицейской функціи „наблюденія за исполненіемъ“ тѣхъ или другихъ регламентовъ [7]). Иногда на него возлагалась правительствомъ ревизія того или другого учебнаго заведенія, ограничивавшаяся обыкновенно хозяйственной да чисто полицейской стороной дѣла [8]). Относительно низшихъ сельскихъ школъ, служебная роль интенданта сводилась къ чисто формальному „утвержденію“ выбранныхъ тою или другою общиной учителя, да къ разбору нерѣдко возникавшихъ между учителями и „нанявшими“ ихъ

[1]) Ecole des Ponts et Chaussées.—*Leroux*, op. cit., p. CXLV.

[2]) Ibidem.

[3]) *D'Hugues*, Essai sur l'administration de Turgot, Paris, 1859, p. 159.

[4]) *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 302.

[5]) *Isambert*, Recueil des anciennes lois, t. XXIV, p. 176—177: *Lettres patentes du roi concernant l'Ecole royale gratuite de dessein*, 19 décembre 1776.

[6]) *Archives nationales*, AD XIII: *Arrêt du Conseil portant établissement d'une école des mines à Paris*. Сравн. *Isambert*, op. cit., t. XXVIII, p. 260—262.

[7]) *Guyot*, Traité des droits, etc., t. IV, p. 164.

[8]) Ibidem.

общинами тяжебъ [1]). Но интенданты „просвѣщеннаго вѣка“ уже не довольствуются традиціонными рамками чисто внѣшней „полиціи“ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Что касается собственно школьнаго дѣла, то преимущественный интересъ интендатовъ—точно такъ же, какъ и правительства,—привлекаютъ къ себѣ различныя техническія школы, согласно съ чисто утилитарною тенденціею административнаго идеализма, смотрѣвшаго на просвѣщеніе, какъ на одно изъ средствъ къ поднятію народнаго благосостоянія [2]). Со времени основанія въ Парижѣ королевской рисовальной школы въ 1776 г., подобныя же учебныя заведенія были основаны, по почину интендантовъ, и во многихъ провинціальныхъ центрахъ [3]), или же существовавшія ранѣе частныя предпріятія этого рода получили болѣе прочную и солидную постановку, превращаясь, при содѣйствіи интендантовъ, въ казенныя заведенія [4]). Быть можетъ, въ этомъ соревнованіи интендантовъ въ указанномъ направленіи играла извѣстную роль просто „мода“, или желаніе не отстать отъ своихъ „собратьевъ“; но во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ среди нихъ такихъ людей, которымъ нельзя отказать въ живомъ, не „бумажномъ“ только интересѣ къ дѣлу. Такъ, гренобльскій интендантъ, въ одинъ изъ періодическихъ объѣздовъ своей области, обращаетъ вниманіе на двухъ дѣтей-близнецовъ, сиротъ, лишенныхъ отца; интенданту показалось, что онъ замѣтилъ въ нихъ „инстинктивную наклонность къ граверному искусству“. Дѣти были пристроены интендантомъ въ гренобльскую рисовальную школу и, дѣйствительно, вскорѣ же „оказали выдающіеся успѣхи“ [5]).

[1]) См. источники и пособія, названныя выше, на стр. 611, примѣч. 4.

[2]) Совершенно ясно выражена эта тенденція въ письмѣ интенданта Була-де-Нантёйля къ своему субделегату Блакто отъ 11-го декабря 1785 г., гдѣ, между прочимъ, читаемъ такую фразу: „Le but du gouvernement ... est de faire connaître à tous les sujets les devoirs qu'ils ont à remplir, et de *leur communiquer des lumières qui peuvent accroître leur propriété et leur industrie*“.—*Archives historiques du Poitou*, t. XX, p. 166.

[3]) *Archives départementales de la Marne*, C 175.

[4]) Такъ, гренобльскій интендантъ вводитъ нѣкоторыя „улучшенія“ въ мѣстную рисовальную школу; турскій интендантъ добивается расширенія и преобразованія въ казенную школу — училища, основаннаго нѣсколькими годами ранѣе однимъ частнымъ лицомъ.—*Procès-varbaux des Assemblées ... du Dauphiné*, p. 202—203; *Dumas*, la Généralité de Tours, p. 154.

[5]) *Procès-verbaux des Assemblées ... du Dauphiné*, p. 203.

Что касается элементарныхъ народныхъ училищъ общаго характера, то заботливость „просвѣщенной администраціи“ была направлена въ эту сторону въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ сторону различныхъ видовъ техническаго образованія. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдніе годы стараго порядка начинаетъ мало-по-малу проникать въ администрацію убѣжденіе, что „однимъ изъ средствъ къ улучшенію положенія низшихъ классовъ является учреждніе безплатныхъ школъ“ [1]), и нѣкоторые изъ интендантовъ начинаютъ высказывать живой интересъ и къ этой сторонѣ дѣла [2])

XV.

Не каждый изъ „просвѣщенныхъ администраторовъ“ имѣетъ непосредственную прикосновенность къ „литературной республикѣ“, но врядъ ли найдется среди нихъ хоть одинъ, который бы не считалъ въ числѣ своихъ первѣйшихъ обязанностей—„покровительствовать“ наукамъ, искусствамъ и литературѣ, и всячески „насаждать“ и „поощрять“ ихъ въ своей области. Интендантъ обыкновенно считаетъ своимъ долгомъ оказывать содѣйствіе всякаго рода мѣстнымъ научнымъ предпріятіемъ, а иногда и самъ затѣваетъ таковыя. Такъ, овернскій интендантъ де-Шазера устраиваетъ въ Клермонъ-Ферранѣ ботаническій садъ [3]) и замышляетъ другое болѣе обширное начинаніе въ этомъ родѣ. ИнтендантъМонтіонъ оказываетъ вспомоществованія бѣднымъ литераторамъ изъ своихъ личныхъ средствъ [4]). Амьенскій интендантъ Дюплэ-де-Баканкуръ ассигнуетъ изъ мѣстныхъ средствъ субсидіи амьенской академіи и мѣстному музыкальному обществу [5]). Графъ д'Агэ содѣйствуетъ осуществленію затѣянной амьенскимъ городскимъ управленіенъ художественной выставки въ 1782 г. Послѣдняя повторилась въ 1784 г. Это была одна изъ первыхъ попытокъ этого рода въ провинціи [6]). Гренобльскій интендантъ Казъ-де-

[1]) Таково, напримѣръ, мнѣніе автора одного изъ докладовъ, представленныхъ беррійскому провинціальному собранію въ 1786 г.—*Procès-verbaux de l'Assemblée provinciale de Berry. Bibliothèque nat.*, Lk 15/20.

[2]) Таковъ, напримѣръ, лотарингскій интендантъ Мулэнъ-де-ла-Портъ.—*Mathieu,* l'Ancien régime dans la province de Lorraine et de Barrois, p. 250.

[3]) *Legrand d'Aussy,* Voyage en Auvergne, t. I, p. 144.

[4]) *Labour,* op. cit., p. 229.

[5]) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 214.

[6]) Ibidem, p. 220, 376.

ла-Бовъ оказываетъ покровительство организованной городомъ публичной библіотекѣ, которую интендантъ называетъ „великолѣпнымъ учрежденіемъ, дѣлающимъ честь городу Греноблю“ [1]). Въ Пуатье, въ восьмидесятыхъ годахъ, супруга адъюнктъ-интенданта присутствуетъ на защитѣ диссертаціи, посвященной ей. Во вниманіе къ такому посѣщенію, диспутъ происходитъ, вмѣсто традиціоннаго латинскаго, на французскомъ языкѣ. Въ августѣ 1782 г. адъюнктъ-интендантъ съ супругой присутствуютъ на годичномъ актѣ въ мѣстномъ коллежѣ. По традиціонному обычаю, въ программу акта входило представленіе трагедіи, при чемъ прологъ въ стихахъ заключалъ въ себѣ похвалы знатнымъ посѣтителямъ [2]). Самъ интендантъ, де-ле-Бурдоннэ-де-Блоссакъ, оказываетъ всегда радушный пріемъ ученымъ, писателямъ, художникамъ, артистамъ. „Королевская академическая школа живописи и ваянія“ въ Пуатье пользуется особымъ вниманіемъ и покровительствомъ интенданта-мецената. „Онъ часто оказывалъ ей честь своимъ присутствіемъ на засѣданіяхъ этого патріотическаго учрежденія и согласился принять отъ него титулъ покровителя“. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ 1776 г., директоръ школы и одинъ изъ ея профессоровъ обратились къ интенданту съ рѣчами, въ которыхъ, по сообщенію мѣстной газеты, *Affiches du Poitou*, этотъ „магистратъ-гражданинъ, управляющій своею провинціею въ духѣ мудрости и благотворительности, получилъ заслуженную имъ дань хвалы“ [3]). Овернскій интендантъ де-Баллэнвиллье покровительствуетъ клермонферранскому коллежу и „поощряетъ“ успѣхи учениковъ, приглашая лучшихъ изъ нихъ въ свое имѣніе, угощая ихъ играми и увеселеніями, и т. д. [4]). Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ хлопочетъ въ 1776 г. въ генеральномъ контролѣ о субсидіи недавно основанной, при его содѣйствіи, школѣ живописи и ваянія въ Безансонѣ. „За пятнадцать лѣтъ моего управленія этой областью—пишетъ онъ 29-го августа 1776 г. генералъ-контролеру—я вынесъ впечатлѣніе о мѣстныхъ жителяхъ, какъ людяхъ, одаренныхъ духомъ предпріимчивости, а по большей части и художественными способностями. Большинству молодыхъ людей не достаетъ лишь предметовъ для соревнованія и способовъ для

1) *Procès-verbaux des Assemblées... du Dauphiné*, p. 202.
2) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 308
3) Ibidem, p. 297.
4) *Bonnefoy*, op. cit., t. I, p. 122.

развитія данныхъ имъ природой талантовъ. Нѣсколько времени тому назадъ въ Безансонъ прибыли изъ Рима, гдѣ были удостоены премій по конкурсу, художникъ-портретистъ Виршъ и очень искусный ваятель по имени Бретонъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить имъ взять на себя устройство безплатной школы живописи и ваянія для молодыхъ людей города и провинціи, у которыхъ оказался бы вкусъ и расположеніе къ искусству. Оба эти художника отозвались на мое предложеніе съ полнымъ безкорыстія усердіемъ... Безансонскій магистратъ (городское управленіе), сознавая всю пользу подобнаго учрежденія, выказалъ также большую готовность содѣйствовать съ своей стороны этому начинанію: онъ ассигновалъ ежегодную субсидію школѣ для покрытія расходовъ на модели, отопленіе, освѣщеніе... Вотъ уже третій годъ, что существуетъ это учрежденіе; но я считалъ нужнымъ подождать, чтобы начинаніе это доказало успѣхомъ свою полезность, прежде чѣмъ осмѣлиться просить у правительства матеріальной помощи, необходимой для его поддержки и усовершенствованія". Интендантъ проситъ объ ежегодной субсидіи въ тысячу экю, изъ каковой суммы будутъ выплачиваться—вознагражденіе преподавателямъ, ежегодныя преміи ученикамъ и другіе „повседневные расходы" [1]). Прибавимъ, что въ ожиданіи просимой субсидіи, интендантъ покрывалъ расходы по выдачѣ премій изъ своихъ личныхъ средствъ.

Участіе, выказываемое интендантомъ къ художественной школѣ, не ограничивается этою матеріальною поддержкой и ходатайствами передъ правительствомъ. Онъ принимаетъ самое близкое участіе въ жизни школы, прислушивается къ нуждамъ преподавателей, съ участіемъ слѣдитъ за успѣхами учениковъ, журитъ городское управленіе за недостаточно, по его мнѣнію, горячее отношеніе къ дѣлу; старается убѣдить его не скупиться на матеріальныя жертвы для того, чтобы привлечь въ Безансонъ лучшія артистическія силы. Въ этихъ видахъ, онъ побудилъ городское управленіе возстановить уничтоженныя его предшественникомъ пенсіи отъ города различнымъ выдающимся художникамъ и артистамъ, съ тѣмъ чтобы они избирали Безансонъ мѣстомъ своего постояннаго жительства [2]).

[1]) *Archives départementales du Doubs,* C 1695 (цит. по *Lurion,* op. cit., p. 26).

[2]) Такъ, въ 1767 г. въ числѣ такихъ пенсіонеровъ города значатся: Taperet, organiste, и Bulle, musicien; „пенсія" послѣдняго равняется 150 ливрамъ.—*Lurion,* op. cit., p. 26.

Художники, съ своей стороны, относятся къ интенданту, какъ къ своему присяжному покровителю. Вершъ даритъ въ 1775 г. городу Безансону портретъ де-ла-Корэ своей работы. Въ 1781 г. живописецъ-миніатюристъ Корню подноситъ супругѣ интенданта картину, изображающую одинъ изъ актовъ ея благотворительной дѣятельности. Въ 1782 г. одинъ изъ учениковъ художественной школы получаетъ премію за изваянный имъ медальонъ, сюжетъ котораго представляетъ собою символическое выраженіе признательности автора интенданту. Надпись на медальонѣ гласила: CAROLUS ANDREAS LACORÉ MAECENAS SEQUANORUM. Другой благодарный художникъ, ваятель Люкъ-Бретонъ, въ 1784 г., уже послѣ ухода де-ла-Корэ изъ Безансона, старается увѣковѣчить своимъ рѣзцомъ память объ интендантѣ-меценатѣ [1]). Одинъ изъ мѣстныхъ историковъ говоритъ о времени интендантства де-ла-Корэ въ Безансонѣ, какъ объ эпохѣ „плодотворной въ смыслѣ литературной и вообще умственной производительности области [2]).

Роль покровителя науки и литературы заводитъ подъ часъ „просвѣщеннаго администратора" гораздо дальше, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ главы полицейской власти въ области. Такъ, только что упомянутый де-ла-Корэ, который, въ качествѣ интенданта, обязанъ былъ пресѣкать всякія попытки контрабанднаго ввоза книгъ изъ-заграницы, не только смотритъ сквозь пальцы на подобную контрабанду, но и позволяетъ себѣ роскошь полученія на свое имя нецензурныхъ заграничныхъ изданій [3]).

XVI.

Большая часть тѣхъ многочисленныхъ „академій" и другихъ научно-литературныхъ и артистическихъ ассоціацій, которыми, какъ мы видѣли, обогатилась Франція во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, возникли при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи и содѣйствіи мѣстныхъ интендантовъ, частью даже по ихъ почину. Такъ, овернскій интендантъ де-Шазера является иниціаторомъ учрежденія клермонферранской академіи, ставившей сво-

[1]) *Lurion,* op. cit., p. 26—27.

[2]) *Estignard,* le Parlement de Franche-Comté, t. II, p. 10.

[3]) *Archives départementales du Doubs,* C 1534 (цит. по *Lurion,* op. cit., p. 31).

ею цѣлью литературныя и научныя занятія [1]). Сенакъ-де-Мейльянъ содѣйствовуетъ основанію „академіи“ въ Валансьеннѣ, въ 1783 г. [2]). Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ поддерживаетъ въ 1783 г. передъ правительствомъ ходатайство многочисленной (до сотни лицъ) группы мѣстныхъ „любителей литературы и всякаго рода полезныхъ наукъ“ о разрѣшеніи основать литературно-научную ассоціацію подъ именемъ *Музея* [3]). Когда послѣдовало разрѣшеніе министра (Верженния), интендантъ предоставилъ въ его распоряженіе, для устройства засѣданій, обширный концертный залъ своего „отеля“ [4]). Интендантъ нерѣдко самъ посѣщаетъ публичныя засѣданія мѣстной „академіи“, участвуетъ въ раздачѣ премій. Нѣкоторые изъ интендантовъ принимаютъ и болѣе дѣятельное участіе въ дѣятельности мѣстныхъ „академій“, вступая въ число ихъ членовъ, участвуя въ ихъ дебатахъ, читая собственные доклады и т. д.

Таковъ, напримѣръ, амьенскій интендантъ, графъ д'Агэ, вообще „высказывавшій явную склонность къ благородному умственному труду, и видѣвшій свой первый долгъ въ поощреніи литературы, наукъ и искусствъ“ [5]). Онъ любилъ общество писателей и ученыхъ. Мѣстный профессоръ краснорѣчія и переводчикъ сатиръ Персія, Селисъ, аббатъ Жакъ Деллиль, химики Пармантье и Лапостоль, поэтъ Грессе—были въ числѣ его близкихъ друзей. Послѣднему интендантъ имѣлъ удовольствіе вручить, въ торжественномъ засѣданіи амьенской академіи, жалованную грамоту на дворянство, какъ награду за „сочиненія, снискавшія себѣ извѣстность, тѣмъ болѣе заслуженную, что ни религія, ни благопристойность никогда не терпѣли въ нихъ ни малѣйшаго ущерба“, какъ гласила королевская грамота [6]). Любовь д'Агэ къ литературѣ и наукамъ не была ни чисто показною, ни исключительно платоническою. Въ бытность свою амьенскимъ интендантомъ онъ не только „покровительствовалъ“ мѣстной академіи, но и заявилъ себя однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ послѣдней. Кромѣ многочисленныхъ сообщеній въ академіи, которую ин-

[1]) *Legrand d'Aussy*, Voyage fait en 1787 et 1788 dans la ci-devant Auvergne, Paris, an III, t. I, p. 142—143.

[2]) *Legrand*, op. cit., p. 130.

[3]) *Archives de la Gironde*, t. XXIV, p. 510. Lettre de Saint-Maur à Gravier de Vergennes, 9 mai 1783.

[4]) *Ribadieu*, Histoire de Bordeaux pendant le règne de Louis XVI, p 30.

[5]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 373.

[6]) Ibidem.

тендантъ пытался заинтересовать различными вопросами, имѣвшими связь съ администраціей [1]), ей онъ посвятилъ два небольшихъ изслѣдованія о древнихъ границахъ Франшъ-Контэ и о старинныхъ правахъ графовъ бургонскихъ [2]). Безансонскій интендантъ де-ла-Корэ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстной „академіей", въ засѣданіяхъ которой нерѣдко самъ принималъ участіе, и разъ даже въ качествѣ предсѣдателя. Въ случаѣ надобности, онъ охотно ходатайствовалъ о ея нуждахъ передъ правительствомъ [3]). Одною изъ важнѣйшихъ функцій провинціальныхъ академій было въ ту пору устройство ежегодныхъ конкурсовъ, съ выдачею премій за сочиненія, по большей части на задаваемыя академіями темы. Де-ла-Корэ принимаетъ близкое участіе въ этой части дѣятельности безансонской академіи, подсказывая иногда темы для конкурсовъ, которые, согласно съ духомъ времени и духомъ администраціи, имѣли своимъ предметомъ различные гуманитарно-утилитарные сюжеты [4]). Канскій интендантъ Эсмангаръ старается—и не безъ успѣха—оживить дѣятельность мѣстной академіи, направляя ее, между прочимъ, на разработку практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурными нуждами области [5]). Въ Нанси интендантъ является „прирожденнымъ членомъ" Станиславовой Академіи и „верховнымъ блюстителемъ" мѣстной общественной библіотеки [6]).

Что касается сельскохозяйственныхъ обществъ, то интенданты играютъ далеко не послѣднюю роль, какъ въ ихъ возникновеніи, такъ и въ ихъ дѣятельности. Нѣкоторыя изъ этихъ ассоціацій возникли по непосредственному почину интендантовъ, другія при болѣе или менѣе дѣятельномъ содѣйствіи послѣднихъ.

Перпиньянскій интендантъ нашелъ сельское хозяйство въ Руссильонѣ „въ совершенномъ забросѣ", не смотря на плодородіе почвы. Въ качествѣ одной изъ мѣръ къ поднятію здѣсь сельскаго хо-

[1]) Напримѣръ, въ 1784 г., интендантъ сдѣлалъ въ Академіи докладъ „о выгодахъ внутреннихъ водныхъ путей сообщенія". — *Quérard,* la France littéraire, t. I, p. 13.

[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne,* op. cit., p. 374.

[3]) Такъ, въ 1778 г. онъ хлопочетъ передъ Неккеромъ о ежегодной субсидіи въ ея пользу изъ доходовъ области.—*Lurion,* op. cit., p. 28.

[4]) Ibidem, p. 29.

[5]) *Formigny de la Londre,* Histoire de l'académie de Caen (цит. по *Mourlot,* l'Intendant Esmangart, ms., f. 5).

[6]) *Babeau,* la Province, t. II, p. 315.

зяйства, интендантъ устраиваетъ въ „столицѣ области“ сельскохозяйственное общество. Капиталъ, образованный изъ членскихъ взносовъ, служитъ на преміи и поощренія по части производства хлѣба и прочихъ злаковъ, по части культуры винограда, оливковыхъ и тутовыхъ деревьевъ, по части выдѣлки оливковаго масла, разведенія шелковичнаго червя, винодѣлія, наконецъ—по части разведенія новыхъ культуръ, разведенія лѣсовъ, и т. д. [1]).

Возникшее въ числѣ первыхъ этого рода ассоціацій сельскохозяйственное общество въ Лиможѣ имѣетъ не столько характеръ самодовлѣющей корпораціи, сколько совѣщательнаго комитета при интендантѣ, который обыкновенно и предсѣдательствуетъ въ его собраніяхъ въ качествѣ „королевскаго комиссара“. Самыя засѣданія происходятъ обыкновенно въ помѣщеніи интендантства, иногда въ рабочемъ кабинетѣ интенданта [2]). Тюрго обыкновенно самъ редактировалъ программу вопросовъ, объявлявшихся на конкурсъ отъ имени общества [3]). За время своего управленія лиможскимъ генеральствомъ съ 1761 по 1774 г., Тюрго предсѣдательствовалъ на тридцати четырехъ засѣданіяхъ сельскохозяйственнаго общества (изъ восьмидесяти засѣданій, имѣвшихъ мѣсто въ этотъ промежутокъ времени [4]). Интендантъ настолько энергично подгоняетъ свое сельскохозяйственное общество, провинціальная мѣшкотность котораго, видимо, его подъ часъ раздражала, что снискалъ себѣ даже нерасположеніе съ его стороны [5]). Можно подумать, что Тюрго совершенно истощилъ всю энергію общества, потому что съ его уходомъ оно стало неудержимо клониться къ спячкѣ, отъ которой тщетно пытался его разбудить преемникъ Тюрго [6]).

XVII.

Газеты съ трудомъ проникали въ глубь провинціи, благодаря главнымъ образомъ крайне плохой организаціи почтоваго сообщенія:

[1]) *Raymond de Saint-Sauveur,* Compte de l'administration, 1790. — *Pièces justificatives,* Nr. 161, 194.

[2]) *Leroux,* la Généralité de Limoges, p. CII.

[3]) *D'Hugues,* op. cit., p. 147.

[4]) Въ теченіе одного 1763 г. изъ двѣнадцати засѣданій, онъ предсѣдательствовалъ на восьми.—*Leroux,* op. cit., p. CX—CXI.

[5]) Нерасположеніе это выразилось, напримѣръ, въ томъ, что общество ничѣмъ не отмѣтило фактъ ухода Тюрго изъ Лиможа; журналы засѣданій общества проходятъ это событіе полнымъ молчаніемъ. — *Leroux,* op. cit., p. CXI.

[6]) Ibidem.

поэтому онѣ не могли служить и сколько-нибудь надежнымъ средствомъ оповѣщенія провинціальной публики о новыхъ книгахъ, и „просвѣщенная“ администрація, въ лицѣ интендантовъ, спѣшитъ и тутъ прійти на помощь. Роль агента издателей и авторовъ не смущала ни самихъ интендантовъ, ни подчиненныхъ имъ субделегатовъ, равно какъ не шокировала и публики, которая впрочемъ ничего, кромѣ удобства, отъ этого не получала. Такимъ образомъ, въ 1761—1763 гг. де-ла-Корэ беретъ на себя заботу оповѣстить публику, чрезъ своихъ себделегатовъ, о предпріятіи группы писателей, „составившихъ союзъ для составленія полнаго трактата по сельскому хозяйству, промышленности, искусствамъ и мануфактурамъ Франціи“, подъ заглавіемъ *Agronomie de France*. Съ другой стороны, интендантъ не уклоняется и отъ косвеннаго сотрудничества въ различныхъ научно-литературныхъ изданіяхъ. Такъ, въ канцеляріяхъ интендантствъ собираются въ шестидесятыхъ годахъ различныя свѣдѣнія для *Исторической Библіотеки Франціи*, предпринятой аббатомъ Лелонгомъ. Въ 1782 г. другой аббатъ занялся составленіемъ карты Франшъ-Контэ; „г. де-ла-Корэ предоставилъ ему всякія облегченія, въ которыхъ онъ нуждался, для выполненія своихъ операцій“ [1]). Покровительство свое де-ла-Корэ простираетъ и на мѣстную прессу. Существовавшее съ 1766 г. въ Безансонѣ періодическое изданіе, *Journal et Affiches de Franche-Comté*, было въ 1775 г. прекращено за какую-то провинность мѣстнымъ парламентомъ. Болѣе либеральный, чѣмъ парламентъ, и вмѣстѣ болѣе чуткій къ интересамъ своей области, интендантъ де-ла-Корэ хлопочетъ о возстановленіи прекращеннаго изданія. „Публика очень недовольна. что ее лишили этой газеты“—пишетъ интендантъ къ хранителю печатей въ февралѣ 1777 г. „Польза этого изданія была вполнѣ признана, и правительству угодно было разрѣшить подобныя изданія въ большей части провинцій. Эти извѣстія содержатъ въ себѣ обыкновенно факты интересные для человѣчества, и кромѣ того, сообщаютъ полезныя свѣдѣнія по части торговли, искусствъ, промышленности“. Послѣ изрядной канцелярской волокиты, нашедшей себѣ союзника въ недоброжелательствѣ мѣстнаго парламента, интенданту удалось въ концѣ концовъ воскресить газету, которая, благодаря ему, снова увидѣла свѣтъ въ 1779 г. [2]).

[1]) *Lurion*, M. de Lacoré, p. 30.
[2]) *Archives départementales du Doubs*, C 1683 (цит. по *Lurion*, op. cit., p. 29).

XVIII.

Особенно существенную услугу оказали интенданты статистическому изученію Франціи. Можно сказать, что интенданты являются во Франціи истинными родоначальниками статистики. Первый капитальный трудъ по статистикѣ Франціи, *Состояніе Франціи* графа де-Булэнвиллье [1]), представляетъ собою не что иное, какъ сокращенную сводку болѣе или менѣе подробныхъ статистическихъ описаній отдѣльныхъ областей, составленныхъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія провинціальными интендантами [2]). Первый капитальный трудъ по статистикѣ народонаселенія во Франціи принадлежитъ одному изъ интендантовъ „просвѣщеннаго вѣка" [3]). По почину интендантовъ же, состоящими въ ихъ распоряженіи „инженерами-географами" составляются первыя сколько-нибудь сносныя карты отдѣльныхъ областей.

Вообще „просвѣщенные администраторы" видятъ одну изъ своихъ первѣйшихъ задачъ—въ возможно всестороннемъ изученіи страны, которая, дѣйствительно, представляла еще собою въ ту пору во многихъ отношеніяхъ terram incognitam. Про одного изъ интендантовъ „просвѣщеннаго вѣка" современникъ передаетъ, между прочимъ: „Когда добродѣтельный Тюрго занялъ постъ министра финансовъ, интендантъ де-Шазера представилъ ему проектъ, который, будь онъ принятъ, вскорѣ значительно облегчилъ бы и усовершенствовалъ естественно-историческое изученіе Франціи. Проектъ заключался въ содержаніи на жалованьѣ въ каждой изъ областей искуснаго натуралиста, на обязанности котораго лежало бы высылать въ королевскій кабинетъ образцы всѣхъ минераловъ и растеній, встрѣчаю-

[1]) *Boulainvilliers (Comte de),* Etat de la France, Londres, 1727, 3 vol. in-fol.; Londres (Rouen), 1737, 6 vol. in-12; Londres, 1752, 8 vol. in-12.

[2]) Подлинники этихъ описаній хранятся въ парижскомъ Національномъ архивѣ; часть ихъ издана различными провинціальными учеными обществами и отдѣльными изслѣдователями мѣстной исторіи. Предпринятое правительствомъ общее изданіе этихъ описаній, начатое еще въ восьмидесятыхъ годахъ, ограничилось до сихъ поръ почему-то описаніемъ лишь одного парижскаго „генеральства".

[3]) Другой интендантъ, де-ла-Мишодьеръ, является главнымъ авторомъ вышедшаго въ шестидесятыхъ годахъ подъ другимъ именемъ (Messance) статистическаго труда о народонаселеніи Оверни и нѣкоторыхъ другихъ областей.—*Quérard,* op. cit., t. VI, p. 89.

щихся въ данной области, при чемъ для произведеній каждой отдѣльной мѣстности въ кабинетѣ было бы отведено особое мѣсто. Подобное учрежденіе, одинаково полезное и естествовѣду, который бы захотѣлъ изучить ту или другую мѣстность, и гражданину, который, возвращаясь въ свою провинцію, пожелалъ бы принести домой болѣе глубокое знакомство съ своей родиной, -подобное учрежденіе не могло конечно не встрѣтить сочувствія со стороны министра, друга наукъ... Но если онъ принялъ проектъ, то не имѣлъ времени его осуществить" [1]).

Первымъ дѣломъ новаго интенданта, по прибытіи во ввѣренную ему область, является непосредственное и всестороннее ознакомленіе съ послѣдней. Для первоначальной оріентировки новый интендантъ находилъ живую традицію, оставленную его предшественниками въ архивахъ и канцеляріяхъ интендантства— въ видѣ различныхъ справокъ, записокъ, замѣтокъ, сообщеній, оффиціальныхъ и частныхъ писемъ, а также —въ лицѣ живого персонала ближайшихъ помощниковъ своихъ: секретарей интендантства и субделегатовъ, которые обыкновенно переходили, какъ наслѣдіе, отъ одного интенданта къ другому. Но этимъ канцелярскимъ ознакомленіемъ съ своей провинціей интендантъ не довольствуется; по изстари заведенному обычаю, онъ дѣлаетъ *объѣздъ (tournée)* своей области, знакомясь на мѣстахъ съ состояніемъ земледѣлія и промышленности, съ положеніемъ населенія и его нуждами, словомъ—собирая всевозможныя свѣдѣнія и наблюденія. Объѣзжающій свою провинцію интендантъ смахиваетъ немножко на путешественника по мало изслѣдованной странѣ. Не представляла ли, въ самомъ дѣлѣ, тогдашняя Франція—особенно нѣкоторыя изъ ея областей—страны, дѣйствительно, оставлявшей широкое поле для изслѣдованій и пожалуй даже для открытій? [2]). Въ своемъ *Отчетѣ* интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ нерѣдко употребляетъ такія выраженія: „тамъ-то я *нашелъ* то-то", „тамъ-то *открылъ (découvert)* то-то" [3]). Словомъ, *провинціальные интенданты являются истинными основателями статистики во Франціи и піонерами отечествовѣдѣнія.* И въ настоящее время главнѣйшихъ первоисточниковъ для статистической реконструкціи старой

1) *Legrand d'Aussy,* op. cit., t.I,p. 148.
2) Сравн. выше, т. I, стр. 124 и далѣе.
3) *Raymond de Saint-Sauveur.* Compte de l'administration. 1790.—*Bibliothèque nat.,* Lk 2/1492.

Франціи слѣдуетъ искать въ архивахъ провинціальныхъ интендантствъ.

XIX.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ „просвѣщенная администрація“, въ лицѣ интендантовъ занимающей насъ эпохи, является дѣятельнымъ факторомъ культурнаго прогресса „провинціи“, а слѣдовательно и всей страны. *Лучшая часть общества, „просвѣщенные люди“, въ своемъ стремленіи къ улучшенію матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія общества и „народа“, находятъ себѣ надежнаго и сильнаго союзника въ лицѣ „просвѣщеннаго администратора“. Борьба противъ всякаго рода безпорядковъ и злоупотребленій, ихъ „реформа“ („la réforme des abus“), являющаяся однимъ изъ лозунговъ „просвѣщеннаго человѣка“, составляетъ и одинъ изъ пунктовъ программы „просвѣщеннаго администратора“.*

Въ своихъ инструкціяхъ новому субделегату, шалонскій интендантъ Руйлье-д'Орфёйль ставитъ ему въ обязанность доводить до его свѣдѣнія о „всякихъ злоупотребленіяхъ, въ какой бы отрасли управленія они ни оказались“ [1]). Дижонскій интендантъ Дюплэ ведетъ въ 1779 г. войну противъ одного изъ застарѣлыхъ „злоупотребленій“ мѣстной юстиціи, заключающемся въ чрезмѣрныхъ поборахъ съ тяжущихся сторонъ за разные процессуальные акты [2]). Съ одинаковой энергіей продолжаетъ борьбу съ этими „злоупотребленіями“ также преемникъ Дюплэ, энергичный интендантъ Амело [3]). Вообще современная юстиція представляла широкое поле для борьбы съ различными *abus*, и Амело имѣлъ въ этомъ отношеніи

---

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 2055. *Pièces justificatives*, Nr. 33.

[2]) Установленная королевской декларацiей 31-го декабря 1773 г. такса совершенно игнорировалась судьями, къ великому ущербу тяжущихся. Если бы эта такса соблюдалась, то процессуальные расходы для выигрывающей процессъ стороны не могли бы ни въ какомъ случаѣ превышать 6 ливровъ 15 су въ первой инстанціи, и 18 л. въ случаѣ апелляціи. Между тѣмъ интендантъ приводитъ случай, гдѣ одна община, выигравшая процессъ, въ которомъ дѣло шло всего о четырехъ ливрахъ съ небольшимъ, должна была заплатить 172 ливра различныхъ судебныхъ сборовъ.—*Archives nationales*, H 200, 2.

[3]) Ibidem. Mémoire de l'Intendant de Bourgogne sur les communautés d'habitants, et principalement sur les autorisations à plaider.

много соревнователей среди своихъ коллегъ [1]). При ближайшемъ ознакомленіи съ областью, Амело находитъ, что „дѣла города Дижона издавна запущены“. „Я подробно ознакомился съ его управленіемъ—докладываетъ онъ министру—и надѣюсь искоренить внѣдрившіяся въ немъ злоупотребленія“ [2]). Защищая своихъ подчиненныхъ отъ незаслуженныхъ нареканій, интендантъ принимаетъ, съ другой стороны, мѣры къ тому, чтобы они не подавали повода къ справедливымъ жалобамъ. Когда секретарь анжерскаго субделегата вздумалъ было взыскать съ одного истца шесть ливровъ за составленіе протокола, тотъ отказался платить такой поборъ (хотя и принятый въ судахъ „обыкновенной“ юстиціи) и обратился съ жалобой къ интенданту. Интендантъ—это былъ дю-Клюзель—пишетъ по этому поводу изъ Парижа, гдѣ онъ въ это время (въ мартѣ 1783 г.) находился, своему секретарю въ Турѣ, чтобы тотъ провѣрилъ жалобу. Интендантъ находитъ „подобные денежные счеты неприличными для администраціи“; всякаго рода судебные акты должны быть такъ же безвозмездны въ канцеляріяхъ субделегатствъ, какъ они безвозмездны въ канцеляріяхъ интендантства [3]).

Намъ уже приходилось равнымъ образомъ отмѣчать, въ другой связи, многочисленныя и часто не безплодныя попытки различныхъ интендантовъ искоренить тѣ или другія „злоупотребленія“ въ постановкѣ раскладки и взиманія податей и отбыванія натуральныхъ повинностей [4]). Дѣло не ограничивается при этомъ, какъ мы видѣли, одними лишь злоупотребленіями, такъ сказать, техническаго характера: въ число подлежащихъ „реформѣ“ „злоупотребленій“ интенданты не обинуясь включаютъ и „неравенства“, основанныя на сословныхъ и иныхъ привилегіяхъ, т. е. одинъ изъ „основныхъ законовъ исконной конституціи королевства“. Такимъ образомъ, интенданты выступаютъ нѣкоторымъ образомъ въ роли поборниковъ *равенства*.

XX.

Еще болѣе неожиданно—встрѣтить въ средѣ администраціи, хотя бы и „просвѣщенной“, „друзей свободы“ и противниковъ „деспотизма“

---

1) См., напр., *Dumas,* op. cit., p. 323.

2) *Archives nationales,* H 200, 2.—*Pièces justificatives,* Nr. 164.

3) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 148 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 317).

4) См. выше, стр. 510—534.

и „произвола“. Впрочемъ, если „любовь къ свободѣ“ и „ненависть къ деспотизму“ нѣсколько неожиданны въ „человѣкѣ короля“, то, съ другой стороны—онѣ вполнѣ естественны и логичны въ „просвѣщенномъ человѣкѣ“, для котораго любовь къ свободѣ составляетъ, какъ мы видѣли, одинъ изъ членовъ его символа вѣры; а „просвѣщенный администраторъ“ есть вѣдь прежде всего — „просвѣщенный человѣкъ“, и если „просвѣщенное“ свободолюбіе не въ силахъ было, какъ увидимъ, даже и у „философовъ“ вполнѣ вытѣснить изъ головы глубоко вкоренившіеся навыки произвола, то, съ другой стороны, свободолюбіе это не осталось безъ вліянія на самихъ присяжныхъ представителей произвола, въ лицѣ администраторовъ. Въ интендантахъ „просвѣщеннаго вѣка“ мы напрасно стали бы искать систематическихъ защитниковъ деспотизма и произвола. „*Я ненавижу деспотизмъ*“—пишетъ бывшій интендантъ Оже-де-Монтіонъ [1]). Новѣйшій біографъ Монтіона находитъ у него „извѣстный запасъ либеральныхъ, почти демократическихъ идей“ [2]). Другой бывшій интендантъ, Сенакъ-де-Мейльянъ, восхищается англійской конституціей [3]) и говоритъ съ нескрываемой симпатіей о „мужественномъ сопротивленіи“, которое въ свое время оказывали парламенты и другіе высшіе трибуналы „противъ *произвола министровъ-деспотовъ*“ [4]).

[1]) „J'abhorre le despotisme“.—*Auget de Montyon,* Rapport au roi Louis XVIII (цит. по *Labour,* M. de Montyon, p. 167). — Напечатанный въ 1796 г. *Rapport à S. M. le roi Louis XVIII,* принадлежащій перу Монтіона, отмъченъ „истинно либеральнымъ духомъ“, по выраженію *Labour,* op. cit., p. 155 Сравн. ibid., p. 191 („des doctrines si profondément libérales“ de M. de Montyon).

[2]) „Un certain fond d'idées libérales, presque démocratiques“. - *Labour,* op. cit., p. 230.—Что вліяніе „философскаго просвѣщенія“ на администрацію не останавливалось на той ступени, на которой стояли интенданты, можно видѣть хотя бы изъ публичной рѣчи бургскаго субделегата Рибу (въ 1787 г.), гдѣ онъ высказываетъ энергичное осужденіе „деспотизму, подчиняющему народы единоличной волѣ владыки,—опошляющему души, вытравляющему любовь къ отечеству и подготовляющему паденіе имперій“.—*Riboud,* Discours sur l'administration de la Bresse (*Bibliothèque nat.,* Lk 2/405. — *Pièces justificatives,* Nr. 252).—Сравн. выше, стр. 224.

[3]) См. выше, стр. 217 и 219.

[4]) См. выше, стр. 222, примѣч. 6. Впрочемъ просвѣщенный либерализмъ очень легко уживался въ головѣ просвѣщеннаго человѣка съ преклоненіемъ передъ монархическимъ абсолютизмомъ, лишь бы послѣдній былъ „просвѣщеннымъ“. Сенакъ-де-Мейльянъ, одинъ изъ наиболѣе „просвѣщенныхъ“ и наиболѣе либеральныхъ интендантовъ, говоритъ съ восхи-

Интендантъ Дюпрэ-де-Сенъ-Моръ, въ своей офиціозной запискѣ о дорожной повинности въ 1784 г., подвергаетъ суровой критикѣ старый режимъ этой повинности, при которомъ, какъ онъ говоритъ, „народъ находился *подъ игомъ деспотическаго произвола*“ [1]. Экскій интендантъ де-Галлуа-де-ла-Туръ говоритъ съ почтительной симпатіей о Ж.-Ж. Руссо, какъ „писателѣ, посвятившемъ свое перо свободѣ“ [2]. Интендантъ Казъ-де-ла-Бовъ принадлежитъ, по словамъ одного изъ новѣйшихъ провинціальныхъ историковъ, къ „нарождавшемуся новому типу либеральныхъ интендантовъ“ [3]. Нѣкоторые изъ интендантовъ, какъ мы видѣли въ другой связи, отказались въ свое время служить „орудіемъ деспотизма“ въ рукахъ канцлера Мопу, въ эпоху „парламентской революціи“ [4].

Въ эпоху выборовъ въ генеральные штаты въ 1788 г., „столь ненавистная публицистамъ эпохи администрація (въ лицѣ интендантовъ и ихъ субделегатовъ)—замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этой эпохи—являлась иногда силою вещей чуть ли не поборницей свободы въ минуту выборовъ“ [5]. Приводимые цитируемымъ изслѣдователемъ факты давали ему, какъ намъ кажется, право обойтись безъ оговорки „чуть ли не“. Прибавимъ также отъ себя, что кромѣ „силы вещей“ и соперничества между администраціей и судейскими, въ данномъ случаѣ не послѣднюю роль игралъ и „духъ времени“, отъ вліянія котораго, какъ мы видѣли, не остались свободны и представители администраціи. Замѣтимъ также, что въ эту пору нѣкоторые изъ интендантовъ высказываются за дарованіе третьему сословію двойного числа голосовъ въ генеральныхъ штатахъ [6]. Мы видѣли также въ другомъ мѣстѣ, что „просвѣщенные администраторы“ выступаютъ нерѣдко въ роли защитниковъ провинціальной и городской свободы противъ покушеній централь-

щеніемъ о Фридрихѣ II, какъ о „славѣ своего вѣка“ и о „величайшемъ изъ государственныхъ людей со времени Цезаря“.— *Senac de Meilhan,* Considérations, etc., p. 317—318. См. выше, стр. 215, примѣч. 1.

1) *Dupré de Saint-Maur,* Mémoire sur la corvée, p. 4: „...les peuples semblent être *sous le joug d'un despotisme arbitraire*“.

2) См. выше, стр. 398.

3) *Ch. de Calan,* la Bretagne sons Louis XVI, Vannes, 1896, p. 15—16.

4) См. выше, стр. 113, примѣч. 2.

5) *Ону,* Наказы третьяго сословія, стр. 71.

6) Таковъ, напримѣръ, безансонскій интендантъ Комартэнъ-де-Сентъ-Анжъ. — *Archives nationales,* H 723. Lettre de Caumartin, 5 décembre 1788 (цит. по *Taine,* op cit., t. I, p. 497)

ной власти [1]), и объявляютъ войну произволу въ дѣлѣ раскладки и взиманія податей и отбыванія натуральныхъ повинностей [2]). Не рѣдкость также встрѣтить „просвѣщеннаго администратора“ въ роли защитника своихъ управляемыхъ противъ произвола различныхъ сильныхъ міра. Характеренъ въ этомъ отношеніи передаваемый на основаніи документовъ турскаго архива мѣстнымъ историкомъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 1769 г. Командиръ полка, проходившаго черезъ одно мѣстечко близъ Алансона, нуждаясь въ путеводителѣ, обратился къ мѣстному судьѣ, какъ къ человѣку, который долженъ лучше всякаго другого знать мѣстность. Судья отказался исполнить просьбу офицера, прежде чѣмъ ему не будетъ предъявленъ соотвѣтствующій королевскій приказъ. Разсерженный командиръ приказываетъ арестовать судью и заставляетъ его сопровождать полкъ въ качествѣ проводника. Сынъ судьи вызывается замѣнить отца въ этой роли, и послѣдняго отпускаютъ на свободу. Судья обращается тогда съ жалобой на командира къ военному министру; послѣдній поручаетъ разслѣдовать это дѣло интенданту дю-Клюзелю. Въ своемъ докладѣ министру интендантъ признаетъ, что судья высказалъ въ данномъ случаѣ недостатокъ доброй воли, но онъ былъ въ своемъ правѣ отказать въ услугѣ, которая была дѣломъ сельскаго старосты. „Обязанности судей сводятся —пишетъ интендантъ — къ разбору судебныхъ дѣлъ, гражданскихъ и уголовныхъ, и не имѣютъ никакого отношенія къ военной службѣ. Нельзя поэтому не отнестись съ порицаніемъ ко всякой выходкѣ, направленной къ униженію званія судьи... Отдавая приказаніе стрѣлкамъ схватить судью съ цѣлью принудить его служить проводникомъ, командиръ полка подвергъ судью униженію, навязывая ему насильно функціи, несоотвѣтствующія званію, которымъ онъ облеченъ. Было бы поэтому умѣстно поставить командующихъ королевскими войсками офицеровъ въ извѣстность, что они должны оказывать вниманіе судьямъ, общественныя функціи которыхъ заслуживаютъ во всякомъ случаѣ уваженія“ [3]). По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя, опирающемуся на обширный документальный матеріалъ, интендантъ дю-Клюзель „поль-

---

[1]) См. выше, стр 306—314.

[2]) См. выше, стр. 510 – 534.

[3]) *Archives départementales d'Indre-et-Loire,* C 80 (цит. по *Dumas,* op. cit., p. 319—320).

зовался своею абсолютною властью лишь въ видахъ возможнаго смягченія господствовавшаго при старомъ порядкѣ *произвола*" [1]).

За учиненный однимъ жандармомъ произвольный арестъ, въ 1782 г., послѣдній былъ, по представленію интенданта Руйлльe-д'Орфейля, приговоренъ къ тюремному заключенію [2]).

Бретанскій интендантъ Бертранъ-де-Молльвилль предаетъ суровому осужденію королевскій ордоннансъ 1778 г., предписывающій жандармамъ арестовать не только всякаго попавшагося имъ на глаза нищаго или бродягу, но и всякаго, на кого имъ будетъ указано, какъ на таковаго. Въ силу этого ордоннанса, значитъ, —пишетъ интендантъ въ 1785 г.—„самый безукоризненный въ своемъ поведеніи гражданинъ не можетъ быть увѣренъ, что не попадетъ въ смирительный домъ, разъ его свобода всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія жандарма, который легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе ложнымъ оговоромъ, а то и подкупленъ деньгами". Чтобы не быть голословнымъ, интендантъ приводитъ факты. „Я самъ—продолжаетъ онъ—видѣлъ въ смирительномъ домѣ въ Реннѣ нѣсколькихъ лицъ, арестованныхъ и заключенныхъ сюда по оговору ихъ женъ,—нѣсколькихъ дѣтей, очутившихся въ такомъ же положеніи по оговору своихъ мачихъ,—много служанокъ, забеременѣвшихъ отъ своихъ хозяевъ и заключенныхъ по ихъ оговору,—дѣвицъ въ подобномъ же положеніи, заключенныхъ по оговору своихъ соблазнителей,—дѣтей, заключенныхъ по оговору своихъ отцовъ и—отцовъ по оговору дѣтей,—и все это—безъ малѣйшихъ доказательствъ нищенства или бродяжничества..." [3]).

Беарнскій интендантъ де-Бушпорнъ вступается за одинъ изъ беарнскихъ кантоновъ (la vallée d'Asp) противъ поползновеній беарнскихъ штатовъ ограничить въ свою пользу автономныя права кантона. „Ни съ чѣмъ несообразно—пишетъ онъ по этому поводу министру Лоранъ-де-Вилльдёйлю 16-го февраля 1789 г.—то, что беарнскіе штаты собственною властью лишили общины (этого кантона) права свободнаго избранія своихъ депутатовъ (въ штаты); совершенно произвольно присвоили они вовсе не принадлежащую имъ

---

[1]) *Dumas*, op. cit., p. 393.

[2]) *Archives départementales de l'Aube*, C 294 (цит. по *Babeau*, le Villages p. 231).

[3]) *Archives nationales*, H 554. Lettre de Bertrand de Molleville, 7 août 1785 (цит. по *Taine*, les Origines, t. I, p. 504).

власть отнимать у своихъ же избирателей одно изъ ихъ драгоцѣннѣйшихъ правъ..." [1]).

Пуатевинскій интендантъ Була-де-Нантейль вступается въ 1784 г. за обывателей сельской общины la Chapelle-Saint-Laurent противъ произвола мѣстныхъ жандармовъ, покушающихся на безвозмездный трудъ крестьянъ для перевозки фуража [2]).

Подобнымъ же образомъ, парижскій интендантъ Бертье энергически вступается въ 1785 г. за крестьянъ деревни Louan, которыхъ мѣстный сеньеръ, состоящій въ то же время „субделегатомъ парижскаго купеческаго старшины", покушается заставить перевозить закупленныя имъ дрова за произвольно-низкое вознагражденіе [3]).

XXI.

Отношеніе „просвѣщенной администраціи" къ свободѣ —съ одной стороны, къ деспотизму и произволу—съ другой, можетъ быть иллюстрировано той ролью, какую получаютъ въ ея рукахъ lettres de cachet, это классическое „орудіе деспотизма и произвола" [4]).

Въ послѣднюю пору стараго порядка, въ особенности въ царствованіе Людовика XVI [5]), „администрація—какъ замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей занимающей насъ въ настоящую минуту стороны административныхъ нравовъ стараго порядка—дѣлала похвальныя усилія къ тому, чтобы пользоваться этою исключительною властью съ умѣренностью" [6]) Когда въ началѣ царствованія Людовика XVI Мальзербъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, въ вѣдѣніи котораго находились *lettres de cachet*, то онъ, по заведенному обычаю, подвергъ ревизіи всѣ мѣста заключенія въ силу этого рода приказовъ. Результатомъ этой ревизіи, какъ гласила молва, было освобо-

---

1) *Archives nationales,* K 680. Bouchporn à Villedeuil, 16 février 1789: „Il est absurde que les Etats de Béarn ont privé de leur propre autorité les communautés du droit d'élire librement leurs députés".

2) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 99—100.

3) *Archives départementales de la Marne,* C 1641. — *Pièces justificatives,* Nrs. 286—287.

4) *Maximes du droit public français,* 1775, t. I, p. 198: „Les lettres de cachet sont les armes du despote".

5) *Senac de Meilhan,* le Gouvernement, etc., p. 151.

6) *A. Joly,* les Lettres de cachet dans la généralité de Caen au XVIII-e siècle, Paris, 1864, p. 30.

жденія множества узниковъ. Но—говоритъ бывшій интендантъ Сенакъ-де-Мейльянъ— „Мальзербъ мнѣ говорилъ лично, съ характеризующимъ его прямодушіемъ, что онъ освободилъ только двоихъ". „Это обстоятельство—прибавляетъ Сенакъ-де-Мейльянъ—доказываетъ, что мотивы заключенія остальныхъ узниковъ найдены были имъ основательными"[1]. Не забудемъ, что Мальзербъ былъ „другомъ философіи" и покровителемъ *Энциклопедіи*[2], а Сенакъ-де-Мейльянъ не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія къ „злоупотребленію", каковымъ онъ считаетъ практику *lettres de cachet*[3],

Во всякомъ случаѣ, при Людовикѣ XVI и отчасти уже въ концѣ предыдущаго царствованія, *lettres de cachet* почти совершенно утратили значеніе „орудія деспотизма" въ рукахъ администраціи, которая лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ по собственному почину, и то по большей части по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ политическими соображеніями[4]. Администрація обыкновенно ограничивается тѣмъ, что идетъ навстрѣчу—и нельзя сказать, чтобы съ большою готовностью — различнымъ ходатайствамъ, исходящимъ изъ среды самого же общества, не исключая ни представителей передовой литературы, ни предста-

---

[1]) *Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 156.

[2]) См. выше, стр. 182.

[3]) См. выше, стр. 222

[4]) Въ 1775 г., въ силу „королевскаго приказа", подвергается заключенію въ тюрьмѣ нѣкто Франсуа Пишо, за то, что „пригналъ въ округъ Мармандъ скотъ изъ мѣстности, подозрительной въ смыслѣ эпизоотіи".— *Foncin*, Essai sur le ministère de Turgot, Paris, 1877, p. 585 —„Такъ какъ въ парижской оперѣ—сообщаетъ современный хроникеръ въ 1772 г.—не оказалось альта, то была отправлена *lettre de cachet* въ ла-Рошелль, чтобы взять тамъ одного пѣвчаго, имѣющаго, какъ говорятъ, очень красивый голосъ".— *Hippeau*, le Gouvernement de Nromandie, 2-ème partie, t. II, p. 83. — Въ 1784 г., на станціи Joncher въ Шампани офицеръ chevalier de Ferussac, разсерженный медленностью перепряжки лошадей, распекъ за это двухъ виноватыхъ, по его мнѣнію, въ этомъ станціонныхъ служащихъ и порывался даже побить ихъ. Побить себя однако тѣ не дали и даже выругали Ферюссака. Оставить этого безъ послѣдствій благородный chevalier конечно не могъ; онъ подалъ на служащихъ жалобу интенданту. Послѣдній поручаетъ своему реймсскому субделегату произвести слѣдствіе. Результатъ слѣдствія: дерзкія слова со стороны служащихъ, дѣйствительно, имѣли мѣсто, но они были лишь отвѣтомъ на брань офицера и на его угрозу—побить. Свое донесеніе субделегатъ сопровождаетъ просьбой „не наказывать очень сурово виновныхъ", ибо по логикѣ эпохи „виновнымъ" оказывался не тотъ, кто хотѣлъ побить, а тѣ, кого собирались побить. Резолюція интен-

вителей парламентской магистратуры [1]), отъ которыхъ, казалось бы, всего меньше можно было ожидать подобныхъ ходатайствъ. Поводомъ для послѣднихъ служатъ по большей части различныя семейныя дѣла, которымъ семейные не желали бы давать огласки, неизбѣжной въ случаѣ ликвидиціи ихъ при посредствѣ суда. Въ семидесятыхъ годахъ, въ силу *lettre de cachet*, подвергается заключенію въ монастырѣ, по ходатайству мѣстнаго епископа, молодая дѣвушка, которую ея опекунъ хотѣлъ выдать замужъ противъ ея воли [2]). Другой разъ двѣ молодыя дѣвушки изъ мѣстечка Мармандъ ходатайствуютъ сами о заключеніи ихъ по приказу короля въ монастырь, „для того чтобы избавиться отъ дурного обращенія со стороны ихъ семейныхъ" [3]). Два лица обращаются съ ходатайствомъ о королевскомъ приказѣ противъ служанки ихъ брата, на которой послѣдній намѣревается жениться, и тѣмъ „опозорить ихъ семью". „Если она не распутная женщина—отвѣчаетъ министръ Сенъ-Флорантэнъ,—то несоотвѣтствіе общественныхъ положеній не есть основаніе для вмѣшательства королевской власти; если же, напротивъ, эта дѣвица въ самомъ дѣлѣ распутная, то ея семья должна обратиться къ суду, для того чтобы ее подвергнуть заточенію" [4]). На просьбу одной дѣвушки, чтобы ей было дозволено поселиться вмѣстѣ съ ея матерью, разошедшейся съ своимъ мужемъ, и чтобы послѣдній былъ обязанъ путемъ „королевскаго приказа" выплачивать ей пенсію, министръ Бертэнъ отвѣчаетъ, что король не можетъ употреблять свою власть въ подобныхъ семейныхъ спорахъ, и что это—дѣло обыкновеннаго суда [5]). Въ отвѣтъ на ходатайство сестры о заключеніи, въ силу королевскаго приказа, ея брата, какъ помѣшаннаго, тотъ же министръ пишетъ: „Болѣе правильный и болѣе надежный путь въ данномъ случаѣ, это—обратиться къ суду, который, по наведеніи необходимаго слѣдствія, и можетъ присудить къ заточенію данное лицо, если

данта: составить проектъ письма къ г. д'Оньи (директору почтъ) съ просьбой подвергнуть обоихъ служащихъ тюремному заключенію на восемь дней". Результатъ: въ интендантствѣ получается, нѣсколько времени спустя, пакетъ съ двумя „королевскими приказами" въ силу которыхъ оба „виновныхъ" приговариваются къ восьмидневному заключенію въ тюрьмѣ.— *Archives départementales de la Marne,* C 1149 (1784).

[1]) *Joly,* op. cit.; *F. Funck-Brentano,* les Lettres de cachet à Paris, p. XXIV.

[2]) *Inventaire des archives départementales de la Gironde,* C 3644.

[3]) Ibidem.

[4]) *Inventaire des archives départementales de la Seine-Inférieure,* C 12.

[5]) Ibidem, C 26.

его помѣшательство будетъ доказано" [1]). Министръ Амело отклоняетъ въ 1781 г. просьбу о „королевскомъ приказѣ", мотивированную желаніемъ помѣшать одному дворянину вступить въ неравный бракъ, „такъ какъ, если этотъ бракъ такого рода, что онъ противенъ законамъ, то законы же и должны ему воспрепятствовать" [2]). Въ отвѣтъ на просьбу семейныхъ о „королевскомъ приказѣ" въ 1782 г. министръ баронъ де-Бретейль пишетъ: „Распутство, расточительность и намѣреніе вступить въ неравный бракъ не представляютъ собою достаточныхъ мотивовъ, для того чтобы лишить свободы мущину тридцати лѣтъ" [3]).

Вообще министры и интенданты оставляютъ часто безъ послѣдствій ходатайства, признанныя ими недостаточно обоснованными. Они стараются сдерживать излишнее рвеніе иныхъ фамилій къ охраненію своей „чести" на счетъ личной свободы нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ. Канскій интендантъ Орсо-де-Фонтеттъ высказывается противъ всякихъ облегченій въ дѣлѣ исходатайствованія королевскихъ приказовъ. Его преемникъ Фейдо-де-Бру высказывается въ 1785 г. противъ того, чтобы лицо, о которомъ онъ былъ запрошенъ, „было подвергнуто болѣе суровому административному взысканію, чѣмъ какому оно подверглось бы со стороны обыкновеннаго суда" [4]). Интенданты „просвѣщеннаго вѣка" по большей части очень осторожны въ своихъ „отзывахъ" по вопросу о королевскихъ приказахъ о заключеніи, и въ случаѣ сомнѣній, выказываютъ полную готовность подвергнуть пересмотру свое собственное первоначальное рѣшеніе. По поводу ареста одного обывателя мѣстечка Soliers (Нормандія) въ силу такого приказа, интендантъ Эсмангаръ получаетъ отъ мѣстнаго приходскаго священника и нѣсколькихъ земляковъ заключеннаго петицію объ его освобожденіи. Эсмангаръ спѣшитъ препроводить петицію къ министру; послѣдній предписываетъ произвести переразслѣдованіе дѣла. Интендантъ пишетъ своему субделегату: „Благоволите провѣрить, не были ли введены въ заблужденіе и министръ и я, если, какъ высказывается въ петиціи, задержаніе этого лица было вызвано его родственниками исключительно съ цѣлью завладѣть его имуществомъ. Прошу васъ отнестись къ этому

1) Ibidem, C 51.
2) *Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine,* C 217 (1781).
3) Ibidem, C 220 (1782).
4) *Joly,* les Lettres de cachet dans la généralité de Caen, p. 32—34.

дѣлу съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ и не пренебрегать ничѣмъ для выясненія истины, чтобы такимъ образомъ поставить меня въ возможность отдать справедливость тому, кому она принадлежитъ, хотя бы для этого мнѣ пришлось отказаться отъ своего первоначальнаго рѣшенія" [1]).

Иногда однако „выясненіе истины", принесенной злыми людьми въ жертву своимъ низкимъ чувствамъ или мелкимъ интересамъ, заставляетъ себя ждать долгіе годы, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующей грустной исторіи. Въ 1775 г. отецъ и нѣсколько родственниковъ нѣкоей Маріи-Анны Ф. обращаются къ министру съ ходатайствомъ о заключеніи ея въ монастырь, „въ видахъ предупрежденія могущихъ обезчестить фамилію послѣдствій ея безстыднаго распутства (son libertinage scandaleux)". Одинъ изъ ея братьевъ заявляетъ при этомъ, что онъ одинъ взялъ на себя попеченіе о ея (яко бы незаконномъ) сынѣ. Согласно заключенію канскаго интенданта, которому было передано это дѣло для „провѣрки", заинтересованная фамилія получаетъ просимый приказъ и въ томъ же году „позорящая свою фамилію" женщина заточена была въ мѣстный монастырь. Проходитъ около восьми лѣтъ. Въ 1783 г., послѣ смерти родителей заключенной, возникаютъ препирательства между ея братьями. Одинъ изъ нихъ Жакъ Ф., канскій буржуа, отказывается выплачивать содержаніе своей сестрѣ, ссылаясь на то, что заключеніе ея состоялось по настояніямъ отца, матери и другого брата, приходскаго священника въ Аквиллѣ, и на то, что этотъ послѣдній далъ словесное обѣщаніе одинъ выплачивать содержаніе сестры. Къ тому же онъ, Жакъ Ф., никогда не настаивалъ на заточеніи сестры и не противился возвращенію ей свободы. Тогда и настоятельница монастыря стала требовать освобожденія заключенной, въ виду того, что ея содержаніе не выплачивается монастырю, а сама она не въ состояніи заработывать свое содержаніе. Вызванное этими препирательствами дѣло не получило еще никакого разрѣшенія, когда явившійся въ мартѣ 1785 г. для ревизіи монастыря (собственно заключенныхъ въ немъ) канскій субделегатъ поинтересовался и этой узницей. Въ результатѣ оказалось, что эта якобы позорящая свою семью распутница была честной матерью теперь уже шестнадцатилѣтняго сына, и что этотъ послѣдній, на котораго родственники указывали въ свое время, какъ на живое свидѣтельство ея распут-

---

[1]) *Joly,* op. cit., p. 34—35.

ства, былъ ея законнымъ сыномъ; что лишившись рано мужа, она приняла на себя оставленные послѣднимъ долги, что и было единственной причиной преслѣдованій, которымъ она подверглась со стороны своихъ родственниковъ, и особенно со стороны брата Жака. Узнавъ объ этомъ, интендантъ пылаетъ негодованіемъ, пишетъ немедленно горячее письмо министру, настаивая на немедленной отмѣнѣ приказа о заточеніи Маріи-Анны Ф. Тронутый министръ дѣлаетъ свои распоряженія объ освобожденіи „несчастной женщины". Однако проходитъ пять мѣсяцевъ между моментомъ освобожденія и донесеніемъ субделегата интенданту... [1]. Какіе гуманные люди и какіе жестокіе порядки!... И что сказать о такихъ порядкахъ, при которыхъ гуманнѣйшіе люди играютъ безсознательно роль жестокихъ палачей?...

Въ 1779 г. родственники Жака М. и Маделэны М., жены послѣдняго, обращаются къ министру съ просьбой подвергнуть названныхъ лицъ заключенію, въ виду ихъ склонности къ воровству, бросающему тѣнь позора на ихъ фамилію. Мѣстный субделегатъ поддерживаетъ ходатайство. „Мнѣ представляется—пишетъ онъ—важнымъ, въ интересахъ всей фамиліи, предупредить ихъ отъ безчестія, которымъ они будутъ заклеймлены, въ случаѣ наказанія по суду. Гражданскія претензіи были удовлетворены прежде, чѣмъ компрометирующіе факты сдѣлались достояніемъ суда. Къ тому же, какъ мнѣ стало извѣстнымъ, въ видахъ предупрежденія возможности привлеченія ихъ къ суду, родственники названныхъ лицъ имѣли предосторожность собственною властью временно изъять ихъ изъ общества (les sequestrer de la société). Только послѣ этихъ жертвъ съ своей стороны и послѣ этихъ усилій названная фамилія, по справедливости обезпокоенная за свою честь, прибѣгаетъ къ вашей добротѣ и къ авторитету короля". При этомъ прибавлялось что, благодаря вліянію членовъ названной фамиліи на судей мѣстнаго бальяжа, послѣдніе встрѣтятъ съ полнымъ сочувствіемъ испрашиваемый *актъ милости* государя. Въ результатѣ оба названныя лица подвергаются „изъятію изъ общества" на этотъ разъ уже въ силу королевскаго приказа. Оказалось однако, что одинъ изъ заключенныхъ пострадалъ совершенно невинно, если не считать того, что жена не донесла на своего мужа. Однако только по смерти послѣдняго ей была возвращена свобода (въ 1784 г.). Тронутый горькой судьбой

---

[1]) *Joly*, op. cit., p. 33—35.

несчастной женщины, интендантъ принимаетъ въ ней чисто отеческое участіе и обращается къ ея семьѣ съ запросомъ относительно мѣръ, какія послѣдняя имѣетъ въ виду принять для обезпеченія существованія освобожденной узницы. Не смотря однако на отмѣну приказа о заточеніи, не смотря па участіе, которое принялъ интендантъ въ судьбѣ пострадавшей, управленіе госпиталя, служившаго ей мѣстомъ заточенія, наотрѣзъ отказалось выпустить ее прежде, чѣмъ будетъ выплачено ея содержаніе, просроченное на два года, а между тѣмъ родственники препирались о томъ, кому платить. Въ концѣ концовъ объявленную свободной, но не получившую свободы узницу совсѣмъ забыли; вспомнили ее лишь полтора года спустя, благодаря тому, что произошло перенесеніе госпиталя, о которомъ идетъ рѣчь, въ другое мѣсто...

Изъ этого случая видно, что вліятельные люди ухитрялись упрятывать неудобныхъ или непріятныхъ для нихъ родственниковъ даже и не прибѣгая къ содѣйствію администраціи[1]). Подобные факты, какъ оказывается, были возможны еще въ концѣ симидесятыхъ годовъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ восьмидесятыхъ годахъ администраціей были приняты мѣры къ предотвращенію повторенія подобныхъ „недоразумѣній“. Сильное впечатлѣніе и на общество и на администрацію произвела вышедшая въ 1782 г. (напечатанная за границей) талантливо и сильно написанная обличительнаго книга противъ *lettres de cachet*, принадлежавшая перу графа Мирабо. Въ этомъ памфлетѣ „чуется вѣяніе грядущей революціи, и старыя власти, въ предчувствіи наступающихъ для нихъ опасностей, спѣшатъ подтянуться, чтобы предстать передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое потребуетъ у нихъ отчета. Отовсюду тревога; зарождаются сомнѣнія въ непогрѣшимости самаго учре-

---

[1]) Достаточно было для этого найти податливаго настоятеля или настоятельницу монастыря. Такъ, настоятельница монастыря Montebourg въ Нормандіи собственною властью заключаетъ у себя въ монастырѣ даму по просьбѣ ея мужа, обвинявшаго ее въ невѣрности и пьянствѣ Первоначально настоятельница приняла ее лишь въ качествѣ „пансіонерки“, но спустя нѣкоторое время явился снова мужъ послѣдней и просилъ подвергнуть свою жену болѣе строгому заточенію, ссылаясь при этомъ на состоявшееся о томъ постановленіе семейныхъ. Дѣйствительно, въ подтвержденіе этого заявленія въ монастырь явилось нѣсколько родственниковъ заключенной съ требованіемъ не выпускать ее изъ монастыря.—*Joly*, op. cit., p. 51.

жденія. Запросы о разъясненіяхъ и справкахъ становятся настойчивѣе, интенданты настораживаютъ ухо...“ [1])

Однимъ изъ результатовъ произведеннаго памфлетомъ Мирабо переполоха былъ обширный циркуляръ барона де-Бретёйля, статсъ-секретаря королевскаго дома, къ интендантамъ, отъ 25-го октября 1784 г. Министръ рекомендуетъ имъ крайнюю внимательность и осмотрительность въ дѣлахъ, касающихся выдачи *lettres de cachet* по ходатайствамъ, возбуждаемымъ частными лицами. Циркуляръ заканчивается слѣдующими характерными строками: „Его Величество желаетъ, чтобы по возможности не дѣлалось уклоненій отъ изложенныхъ здѣсь инструкцій; такъ какъ Е. В. знаетъ, что общее мнѣніе о правительствѣ слагается и установливается главнымъ образомъ на основаніи того, какъ послѣднее употребяетъ свою власть по отношенію къ частнымъ лицамъ, то государь благоизволилъ, чтобы его намѣренія въ этомъ отношеніи были извѣстны всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе участвуютъ въ дѣлѣ выдачи королевскихъ приказовъ“ [2]).

Годъ спустя послѣ этого циркуляра, въ октябрѣ 1785 г., вышло королевское предписаніе объ общей ревизіи всѣхъ государственныхъ тюремъ и объ освобожденіи всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя оказались бы заключенными лишь по ходатайству ихъ семейныхъ, при чемъ объявлялось, что даже власть родителей надъ совершеннолѣтними дѣтьми не должна служить достатоточнымъ основаніемъ для лишенія послѣднихъ свободы. Во исполненіе этого предписанія, министромъ барономъ Бретейлемъ были затребованы отъ интендантовъ списки всѣхъ имѣющихся въ ихъ интендантствахъ заключенныхъ въ силу королевскихъ приказовъ, съ указаніемъ повода къ заключенію и срока послѣдняго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [3]). Изъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукою министра на доставленныхъ ему интендантами спискахъ, видно, что министръ отнесся къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью [4]).

---

[1]) *Joly,* op. cit., p. 35.

[2]) Циркуляръ этотъ перепечатанъ въ нашихъ *Pièces justif.,* Nr. 285.

[3]) Во исполненіе этого предписанія министра, канскій интендантъ Фейдо-де-Бру предписываетъ своимъ субделегатамъ строгую ревизію всѣхъ госпиталей и монастырей „Прошу васъ—пишетъ онъ имъ—приложить къ выполненію этой ревизіи все вниманіе, котораго заслуживаетъ дѣло столь большой важности, и собрать, для представленія мнѣ, самыя обстоятельныя свѣдѣнія о каждомъ изъ заключенныхъ“.—*Joly,* op. cit., p. 51.

[4]) Вотъ для примѣра замѣчаніе министра: „On ne voit pas bien par la note qui concerne la nommée N..., si elle est entrée de bonne volonté dans

Ревизія, произведенная въ силу октябрьскаго распоряженія 1785 г., обнаружила немало „злоупотребленій". Такъ, въ одномъ изъ госпиталей Нормандіи, въ Шербургѣ, была „обнаружена" одна женщина, содержавшаяся въ заключеніи уже пятнадцать лѣтъ—*безъ всякаго королевскаго приказа*, какъ и безъ всякаго судебнаго приговора,—единственно въ силу услужливаго согласія завѣдующихъ госпиталемъ на просьбу ея родныхъ [1]). Въ февралѣ 1787 г. баронъ де-Бретейль, по поводу подобнаго же факта, пишетъ собственноручную помѣту: „Прошу васъ (интенданта) строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не повторялось болѣе подобныхъ злоупотребленій" [2]).

По словамъ Жоли, послѣ ревизіи 1785—1786 г., обнаружившей цѣлый рядъ подобныхъ злоупотребленій, администрація стала проявлять еще бóльшую осторожность въ практикѣ королевскихъ приказовъ и еще меньшую податливость на различныя „ходатайства" по этой части. Но врядъ ли было возможно искоренить „злоупотребленія" изъ такого *usus*'а, который являлся по самому существу своему *abusus*'омъ, какъ это признавалось и самими представитлеями администраціи, или по крайней мѣрѣ лучшими изъ нихъ [3]).

Сущность этого *abus* заключалась въ *произволѣ*, которымъ, по совершенно вѣрному замѣчанію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей послѣдней поры стараго порядка,—„была насыщена вся общественная и административная атмосфера", и противъ котораго „безъ достаточнаго успѣха боролись тогда лучшіе представители администраціи и общества" [4]). „Достаточнаго успѣха" не было—прибавимъ отъ себя—потому, что произволъ глубоко коренился и въ нравахъ самого общества и въ административныхъ традиціяхъ,—и въ *людяхъ* и въ *учрежденіяхъ*.

cette maison ou par abus d'autorité; mais il semble qu'elle voudrait sortir".—*Joly*, op. cit, p. 35.

1) *Joly*, op. cit., p, 50–51.

2) Ibidem, p. 36.

3) Таковъ, напримѣръ, Мальзербъ, который, въ бытность свою статсъ-секретаремъ королевскаго дома возымѣлъ даже мысль „совершенно изгнать произволъ", какъ говоритъ Сенакъ-де-Мейльянъ, — путемъ передачи этой практики въ фактическое распоряженіе особаго комитета изъ юристовъ. Мальзербъ однако понялъ, что лекарство могло оказаться хуже самой болѣзни и отказался отъ своего плана.—*Senac de Meilhan*, le Gouvernement, etc., p. 152—153; *В. Герье*, Республика или монархія установится во Франціи? (*Сборникъ государственныхъ знаній*, т. III (1877), стр. 107—170),

4) *Ону*, Наказы, стр. 93.

XXII.

Однимъ изъ факторовъ культурнаго прогресса въ занимающую насъ эпоху является охватившій въ это время „просвѣщенную публику“ *реформаторскій духъ* [1]). Но этотъ реформаторскій духъ, вмѣстѣ съ прочими струями „духа времени“, успѣлъ проникнуть и въ администрацію. И что особенно замѣчательно, провинціальная администрація, въ лицѣ интендантовъ, идетъ въ этомъ отношеніи впереди правительства. Это не значитъ конечно, чтобы интенданты отличались какою-либо особенною чуткостью, сравнительно съ представителями центральной администраціи, по отношенію къ реформаторскимъ вѣяніямъ времени: объясненія отмѣченному явленію слѣдуетъ, быть можетъ, искать скорѣе въ томъ, что провинціальные администраторы стояли ближе къ населенію, и потому лучше были знакомы съ его назрѣвшими нуждами и потребностями, и отчетливѣе сознавали поэтому настоятельность тѣхъ или другихъ реформъ; для осуществленія же послѣднихъ на дѣлѣ, интенданты обладали, какъ мы видѣли въ другой связи, широкимъ просторомъ, который былъ предоставленъ ихъ административному почину [2]).

Какъ бы то ни было, *интенданты занимающей насъ эпохи являются, въ дѣлѣ реформъ, не столько исполнителями предначертаній правительства, сколько его вдохновителями и руководителями*, и это въ двоякомъ смыслѣ. Съ одной стороны, интенданты подготовляютъ различныя общегосударственныя реформы, вводя въ своихъ областяхъ, по собственному почину, тѣ или другія новшества и „улучшенія“, которыя впослѣдствіи распространяются законодательнымъ путемъ на все королевство. Съ другой стороны, интенданты вносятъ духъ реформы, вносятъ реформаторскій починъ въ правительство, путемъ вступленія въ его среду. Въ самомъ дѣлѣ, если мы поинтересуемся прошлымъ тѣхъ немногихъ министровъ-реформаторовъ, съ которыми мы встрѣчаемся во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, то мы найдемъ, что это—за единичными исключеніями (какъ Неккеръ или Сенъ-Жермэнъ) все—бывшіе интенданты. Таковъ министръ-реформаторъ второй половины царствованія Людовика XV, генералъ-контролеръ Машо [3]): онъ былъ

[1]) См. выше, стр. 415—416.

[2]) См. выше, т. I, стр. 262—267.

[3]) *Marion*, Machault d'Arnouville, Paris, 1891.

передъ тѣмъ интендантомъ въ Валансьеннѣ. Таковъ министръ-реформаторъ первыхъ лѣтъ царствованія Людовика XVI, Тюрго, наиболѣе яркій выразитель реформаторскаго духа своего времени. Извѣстно, что реформаторскій починъ онъ принесъ съ собой въ министерство изъ „своей провинціи", лиможскаго генеральства, служившаго въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ полемъ для различныхъ реформаторскихъ начинаній этого „просвѣщеннаго администратора". Нѣкоторыя изъ реформъ Тюрго-министра (напр., реформа дорожной повинности) представляли собою, какъ мы видѣли въ другой связи, лишь законодательное обобщеніе нововведеній, осуществленныхъ частью тѣмъ же Тюрго-интендантомъ, частью другими интендантами [1]); среди своихъ вчерашнихъ „собратьевъ" министръ-реформаторъ встрѣтилъ дѣятельную и сознательную поддержку своимъ начинаніямъ, и если кое-что осталось отъ этихъ начинаній послѣ паденія Тюрго, то это опять-таки въ значительной мѣрѣ благодаря интендантамъ, не желавшимъ, напримѣръ, возвращенія къ прежнему порядку въ дѣлѣ отбыванія податнымъ населеніемъ дорожной повинности, въ организаціи ремесленныхъ цеховъ и т. д. Окончательная отмѣна натуральныхъ повинностей (замѣненныхъ умѣренною податью) послѣ Тюрго была опять-таки результатомъ почина нѣсколькихъ энергичныхъ интендантовъ [2]). То же самое слѣдуетъ сказать объ осуществленной въ 1787 г. муниципальной реформѣ, которая являлась въ сущности лишь законодательнымъ обобщеніемъ тѣхъ нововведеній, которыя были произведены нѣсколькими интендантами по ихъ собственному почину въ ихъ областяхъ [3]). Послѣдовавшая около того же времени реформа законодательства о протестантахъ въ духѣ вѣротерпимости была точно также въ значительной степени подготовлена административной практикой, проявлявшей, какъ мы видѣли, большую податливость на гуманно-толерантныя вѣянія времени [4]). Можно сказать, что революція, окончательно разрѣшившая протестантскій вопросъ на основѣ безусловной вѣротерпимости, лишь завершила дѣло начатое „просвѣщенными администраторами" второй половины восемнадцатаго вѣка. Они же, ратуя за уравненіе всѣхъ плательщиковъ передъ фискомъ, за уничтоженіе податныхъ привилегій, под-

---

[1]) См. выше, стр. 526–527.

[2]) См. выше, стр. 531—534.

[3]) См. выше., т. I, стр. 263.

[4]) См. выше, стр. 534—542.

готовляютъ дѣло знаменитой ночи на 4-е августа 1789 г. Вообще интенданты-реформаторы „просвѣщеннаго вѣка" являются, въ извѣстномъ смыслѣ, предшественниками великой революціи.

Подводя итоги настоящей главы, мы можемъ сказать, что „просвѣщенная администрація", въ лицѣ интендантовъ занимающей насъ эпохи, является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ факторовъ культурнаго прогресса страны, и это—благодаря тому вліянію, которое оказываетъ на администрацію, въ лицѣ ея представителей, одушевляющій „просвѣщенное" общество эпохи *соціально-утилитарный идеализмъ*, направленный къ улучшенію и матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія общества и народа.

Что касается *матеріальныхъ условій*, то, подъ вліяніемъ экономическихъ идей *физіократовъ*, сельское хозяйство становится, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, предметомъ особенныхъ заботъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны провинціальныхъ интендантовъ. Въ средѣ послѣднихъ мы находимъ многихъ горячихъ поборниковъ сельскохозяйственнаго прогресса, и въ данномъ случаѣ провинціальные администраторы не только являются ревностными и сознательными исполнителями правительственныхъ начинаній, но проявляютъ также много и собственнаго почина, идя даже зачастую впереди центральной власти, при чемъ въ своихъ начинаніяхъ по части содѣйствія „прогрессу сельскаго хозяйства" интенданты встрѣчаютъ нерѣдко дѣятельныхъ и „просвѣщенныхъ" сотрудниковъ въ лицѣ своихъ субделегатовъ.

Въ числѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ того *промышленнаго прогресса*, которымъ отмѣчена во Франціи вторая половина восемнадцатаго вѣка, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ администраціи и въ частности—провинціальнымъ интендантамъ этого времени.

Еще болѣе нагляднымъ и непосредственнымъ образомъ сказывается вліяніе „просвѣщенной администраціи" въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія въ эту эпоху внутреннихъ путей сообщенія, какъ сухопутныхъ, такъ и водныхъ.

Въ вопросахъ хозяйственнаго порядка „просвѣщенный администраторъ" является обыкновенно послѣдователемъ передовыхъ въ ту пору экономическихъ идей,—идей физіократовъ. Вліяніе этихъ идей сказывается, какъ на дѣятельности правительства, такъ

и на дѣятельности интендантовъ, среди которыхъ физіократы насчитываютъ не только многихъ послѣдователей и единомышленниковъ, но отчасти даже и предшественниковъ. Идеи „философовъ-экономистовъ“ успѣли въ это время проникнуть вплоть до канцелярій низшихъ агентовъ провинціальной администраціи.

Овладѣвшая городами во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка „страсть къ украшеніямъ“—одинъ изъ симптомовъ культурнаго роста страны—не осталась безъ вліянія и на интендантовъ, которые играютъ зачастую самую дѣятельную роль въ дѣлѣ благоустройства провинціальныхъ городовъ, въ особенности же провинціальныхъ „столицъ“.

Далеко не послѣднюю роль играетъ „просвѣщенная администрація“, въ лицѣ интендантовъ, также и въ дѣлѣ того *морально-интеллектуальнаго прогресса*, которымъ отмѣчена во Франціи вторая половина восемнадцатаго столѣтія. Въ качествѣ „просвѣщеннаго администратора“, интендантъ обыкновенно считаетъ одною изъ своихъ первѣйшихъ обязанностей „покровительствовать“ литературѣ, наукамъ и искусствамъ и всячески „насаждать“ и „поощрять“ ихъ въ своей области. Онъ обыкновенно оказываетъ свое содѣйствіе всякаго рода мѣстнымъ научнымъ предпріятіямъ, а подъ часъ и самъ беретъ на себя починъ таковыхъ. Въ частности, что касается тѣхъ многочисленныхъ „академій“ и разнаго рода научно-литературныхъ и артистическихъ ассоціацій, а также—сельскохозяйственныхъ обществъ, которыми обогатилась французская провинція во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, то въ возникновеніи и развитіи ихъ мѣстные интенданты принимаютъ по большей части самое дѣятельное участіе; нѣкоторыя изъ этихъ ассоціацій были даже обязаны своимъ возникновеніемъ почину мѣстныхъ интендантовъ. Послѣдніе обыкновенно принимаютъ близко къ сердцу нужды этого рода учрежденій, содѣйствуютъ ихъ преуспѣянію и принимаютъ нерѣдко дѣятельное участіе въ ихъ трудахъ.

Нѣкоторые изъ интендантовъ оказываютъ также содѣйствіе развитію мѣстной прессы.

Особенно существенныя услуги оказали интенданты статистическому изученію Франціи; они являются, можно сказать, истинными родоначальниками статистики и піонерами отечествовѣдѣнія во Франціи.

Вообще, „просвѣщенное“ общество въ своемъ стремленіи къ улучшенію матеріальныхъ и моральныхъ условій существованія об-

щества и „народа“, находитъ себѣ дѣятельнаго и вѣрнаго союзника въ лицѣ „просвѣщеннаго администратора“; борьба противъ всякаго рода непорядковъ и злоупотребленій, являющаяся однимъ изъ лозунговъ „просвѣщеннаго человѣка“, составляетъ въ то же время и одинъ изъ пунктовъ программы „просвѣщенной администраціи“.

Въ качествѣ врага злоупотребленій, въ числѣ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ, съ одной стороны —основанныя на сословныхъ и другихъ привилегіяхъ податныя неравенства, съ другой—„деспотизмъ“ и „произволъ“,—интендантъ выступаетъ нерѣдко въ роли поборника *равенства* и *свободы*. Отношеніе „просвѣщенной администраціи“ къ свободѣ—съ одной стороны, къ деспотизму и произволу—съ другой, находитъ себѣ наглядную иллюстрацію въ той роли, какую получаютъ въ ея рукахъ *lettres de cachet*, это классическое „орудіе деспотизма и произвола“.

Активная роль „просвѣщенной администраціи“, въ лицѣ интендантовъ, въ культурномъ прогрессѣ страны обусловливается въ значительной степени вліяніемъ того *реформаторскаго духа*, который, вмѣстѣ съ прочими струями „духа времени“, успѣлъ во второй половинѣ вѣка глубоко проникнуть и въ провинціальную администрацію. Въ дѣлѣ реформаторскаго почина послѣдняя идетъ даже впереди правительства; интенданты занимающей насъ эпохи являются въ этомъ отношеніи не столько исполнителями предначертаній правительства, сколько его вдохновителями и руководителями, съ одной стороны —подготовляя своею дѣятельностью различныя общегосударственныя реформы, съ другой—внося реформаторскій починъ въ правительство путемъ проникновенія въ его среду. Наиболѣе выдающимися изъ министровъ-реформаторовъ второй половины восемнадцатаго вѣка являются бывшіе провинціальные интенданты. Честь почина многихъ крупныхъ реформъ, осуществленныхъ частью въ послѣдніе годы стараго порядка, частью же лишь въ пору великой революціи, принадлежитъ интендантамъ „просвѣщеннаго вѣка“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Административные нравы; злоупотребленія и жалобы.

I. Административные нравы стараго порядка въ характеристикѣ Токвиля.— Тенденція къ бюрократической централизаціи.—II. Административная „ревность“. — „Презрѣніе къ закону“. — III. Канцелярская волокита. — IV. Тонъ куртуазной фамильярности во взаимныхъ отношеніяхъ начальствующихъ къ подчиненнымъ и vice versa. — V. То же—во взаимныхъ отношеніяхъ между интендантами. — VI. То же—во взамныхъ отношеніяхъ между администраторами и управляемыми. — VII. Участіе „провинціи“ въ „событіяхъ“ семейной жизни интенданта.—VIII. Публичныя празднества. — IX. Подарки натурой и „жетоны“.—X. *Gratifications*.—XI. „Отеческій“ *произволъ* и *деспотизмъ*.—XII. Произволъ, какъ принадлежность *учрежденія* интендантства.—XIII. Произволъ не есть спефическая принадлежность администраціи.—Провинціальные штаты и муниципалитеты. — XIV. Произволъ — въ практикѣ судебныхъ учрежденій.—XV. Произволъ въ нравахъ общества.—XVI. „Просвѣщенный произволъ“. — XVII. Взяточничество и казнокрадство. — XVIII. Дѣло интенданта Фонтетта. — XIX. Историческое значеніе этого „дѣла“. — Характеристика интендантовъ у Фонвизина. — XX. „Небрежность и легкомысліе“.—XXI. „Страсть къ украшеніямъ“.—XXII. Протекція и непотизмъ.— XXIII. Административная молодежь — XXIV. Жалобы противъ интендантской администраціи и ихъ историческая оцѣнка.

Настоящая глава не претендуетъ на то, чтобы передѣлать, сдѣланную рукою мастера характеристику административныхъ нравовъ до-революціонной Франціи въ книгѣ Токвиля[1]); но она и не будетъ лишь повтореніемъ послѣдней: первое было бы безразсудно, второе—безцѣльно. Но дѣло въ томъ, что предметъ, затронутый Токвилемъ, такъ обширенъ, что и послѣ его блестящей главы остается достаточно простора для различныхъ дополненій и поправокъ. *Дополненій*—потому что Токвиль и не ставилъ себѣ задачей дать исчерпывающую характеристику предмета; согласно съ основной идеей своего сочиненія, онъ имѣлъ въ виду не столько дать всестороннюю характеристику административныхъ нравовъ до-революціонной Франціи, сколько отмѣтить въ нихъ то, что въ этихъ нравахъ было общаго

съ нравами современной Токвилю французской администраціи. *Поправокъ*—потому, что задаваясь характеристикой стараго порядка вообще, Токвиль недостаточно оттѣняетъ различіе эпохъ, благодаря чему нѣкоторыя изъ отмѣчаемыхъ имъ чертъ оказываются анахронизмомъ для той эпохи, которая насъ занимаетъ.

I.

Такъ, въ числѣ одной изъ главныхъ чертъ административныхъ нравовъ старой Франціи, Токвиль указываетъ на стремленіе „министра собственными глазами проникнуть во всѣ подробности управленія и лично регламентировать все изъ Парижа". По словамъ Токвиля, въ концѣ восемнадцатаго вѣка „никакія благотворительныя работы въ глубинѣ какой-либо отдаленной провинціи не могутъ имѣть мѣста безъ того, чтобы генералъ-контролеръ не пожелалъ лично контролировать ихъ денежную часть, регламентировать ихъ и опредѣлять для нихъ мѣсто" [1]). Въ подкрѣпленіе этой характеристики Токвиль ссылается на то, что̀ писалъ въ 1733 г. маркизъ д'Аржансонъ: „Подробности, сообщаемыя министрамъ, безчисленны. Ничто не дѣлается безъ нихъ участія, все дѣлается черезъ нихъ".

Но свидѣтельство д'Аржансона, вѣрное относительно его времени, оказывается уже устарѣлымъ относительно послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій стараго порядка, относительно которыхъ намъ уже извѣстно, что тогда какъ разъ напротивъ—*очень многое дѣлалось интендантами по ихъ собственному почину и помимо министровъ* [2]). Въ частности, что касается приводимаго Токвилемъ примѣра благотворительныхъ работъ, то въ занимающую насъ эпоху роль министра (генералъ-контролера) въ этой части интендантской администраціи сводилось исключительно къ контролю. Какъ самый вопросъ о надобности тѣхъ или другихъ благотворительныхъ работъ, такъ равно

---

[1]) *Tocqueville,* l'Ancien régime et la Révolution, p 95--96.—Отмѣтимъ попутно неточность, допущенную въ этомъ мѣстѣ новѣйшимъ русскимъ переводчикомъ книги Токвиля (начало главы шестой), переводящимъ *atelier de charité* выраженіемъ *благотворительная мастерская*, что конечно вполнѣ правильно грамматически, но неточно исторически. См. выше, т. I, стр. 609—613.

[2]) Припомнимъ хотя бы произведенную шалонскимъ интендантомъ въ семидесятыхъ годахъ реформу сельскаго управленія въ своей области. См. выше, т. I, стр. 263, примѣч. 4.

выборъ для нихъ мѣста и времени, а также—опредѣленіе ихъ характера, размѣра и стоимости, все это рѣшается и устанавливается интендантомъ, по его собственному почину и усмотрѣнію, и генералъ-контролеръ довольствуется обыкновенно лишь тѣмъ, что *утверждаетъ* представленные интендантомъ проекты и смѣты. Въ частности, аббатъ Террэ предоставилъ самую широкую инициативу и распорядительную власть въ этой области интендантамъ (или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ), какъ это явствуетъ, напримѣръ, изъ дѣла Фонтетта [1]). Раскрытіе злоупотребленій послѣдняго при Тюрго, правда, заставило генералъ-контролеровъ относиться внимательнѣе къ контролю надъ хозяйничаньемъ интендантовъ, но дальше *контроля* дѣло все-таки не пошло: *починъ* и *распоряженіе* оставались все-таки въ рукахъ интендантовъ.

Какъ бы то ни было, въ дополненіе и поправку къ сдѣланной Токвилемъ характеристикѣ, слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднія два-три десятилѣтія стараго порядка провинціальная администрація, въ лицѣ интендантовъ, получаетъ, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, гораздо больше простора для проявленія административной предпріимчивости во всѣхъ направленіяхъ. До извѣстной степени сказалось здѣсь *вліяніе отмѣченныхъ выше свободолюбивыхъ вѣяній „просвѣщеннаго вѣка", притупившихъ властолюбивые инстинкты вверху, оживившихъ чувство независимости внизу и до извѣстной степени ослабившихъ внутреннюю дисциплину въ нѣдрахъ административнаго организма.* „Просвѣщенный министръ" семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годовъ менѣе деспотиченъ по отношенію къ подначальному ему интенданту, интендантъ—къ подчиненному ему субделегату, и наоборотъ—субделегатъ менѣе угодливъ по отношенію къ своему интенданту, интендантъ менѣе послушенъ по отношенію къ своему министру, чѣмъ это было, скажемъ, въ началѣ того же столѣтія. Затѣмъ, *не могла остаться безъ вліянія на ослабленіе авторитета министра по отношенію къ интенданту все возрастающая въ послѣднія десятилѣтія стараго порядка неустойчивость министерской должности, тогда какъ должность интенданта, наоборотъ, пріобрѣтаетъ все большую и большую устойчивость,* проявляя даже извѣстную тенденцію къ наслѣдственности [2]). Наконецъ, *прогрессивное усложненіе задачъ администраціи, частью*

---

[1]) См. ниже, въ настоящей главѣ (отдѣлъ XVIII).

[2]) См. выше, стр. 316.

вслѣдствіе усложненія самой жизни, частью вслѣдствіе расширенія сферы вмѣшательства администраціи въ культурную жизнь страны, дѣлало для министра физически невозможнымъ „собственными глазами проникнуть во всѣ подробности управленія и лично регламентировать все изъ Парижа“, и вынуждало его предоставлять все больше и больше простора самодѣятельности провинціальныхъ администраторовъ. Свою роль провидѣнія министръ, особенно генералъ-контролеръ, все болѣе и болѣе становится вынужденнымъ дѣлить съ своими подчиненными—интендантами.

II.

Далѣе, въ числѣ главныхъ „характерныхъ чертъ французской администраціи“, Токвиль отмѣчаетъ ея „необузданную ненависть ко всѣмъ—будь то дворяне или буржуа—, кто хочетъ заниматься общественными дѣлами помимо нея“. „Ее пугаетъ малѣйшая независимая корпорація, обнаруживающая желаніе образоваться безъ ея содѣйствія; ее стѣсняетъ малѣйшая свободная ассоціація, какова бы ни была ея цѣль; она допускаетъ существованіе лишь такихъ ассоціацій, которыя бы были сформированы по ея усмотрѣнію и находились подъ ея ферулой“ [1]).

Опять-таки характеристика Токвиля въ данномъ случаѣ невполнѣ приложима къ „просвѣщенной администраціи“ послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій стараго порядка; „просвѣщенные администраторы“ этого времени были, за единичными, быть можетъ, исключеніями, далеки отъ того, чтобы относиться съ „необузданной ненавистью“ ко всякому проявленію общественной самодѣятельности. Послѣдняя, какъ мы видѣли, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка проявляетъ значительный подъемъ сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, и мы видимъ, что *администрація, въ лицѣ интендантовъ, не только не старается парализовать это движеніе, а скорѣе выказываетъ склонность итти навстрѣчу послѣднему.* Шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы, это—можно сказать—классическое время возникновенія всевозможныхъ общественныхъ кружковъ и ассоціацій, начиная съ научно-литературныхъ „академій“ и сельско хозяйственныхъ обществъ, и кончая различными „патріотическими“ ассоціаціями и масонскими „ложами“; если мѣстная администрація принима-

---

[1]) *Tocqueville,* op. cit., p. 99.

етъ какое-либо участіе въ подобныхъ начинаніяхъ, то почти всегда—доброжелательное, „поощрительное", а подъ часъ и покровительственное, не говоря уже о тѣхъ довольно нерѣдкихъ случаяхъ, когда „просвѣщенный администраторъ" является самъ иниціаторомъ дѣла [1]).

По словамъ Токвиля, администрація „рѣшительно не терпитъ, чтобы граждане какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивались въ обсужденіе своихъ собственныхъ дѣлъ; конкурренціи она готова предпочесть полную скудость и застой общественной жизни" [2]).

Что власть всегда и всюду ревнива и „хочетъ всегда повелѣвать" [3]),—это вполнѣ понятно и естественно; тѣмъ не менѣе, свободолюбивыя вѣянія „просвѣщеннаго вѣка" не остались безъ вліянія и на администрацію. Со стороны интендантовъ этого времени мы не видимъ систематической враждебности ни къ „вмѣшательству гражданъ въ обсужденіе своихъ дѣлъ", ни къ тѣмъ остаткамъ общественной свободы, которыя сохранились въ городскихъ самоуправленіяхъ и въ провинціальныхъ штатахъ, гдѣ граждане именно занимались „обсужденіемъ своихъ собственныхъ дѣлъ".

Непостоянство и непослѣдовательность, на которыя далѣе указываетъ Токвиль, какъ на характерныя черты администраціи стараго порядка [4]), особенно характерны для позднѣйшей поры послѣдняго; но это наблюденіе имѣетъ болѣе отношенія къ центральной администраціи, чѣмъ къ провинціальной. Что касается „презрѣнія къ закону" [5]), то оно составляетъ скорѣе черту нравовъ старой Франціи вообще, а не спеціально административныхъ нравовъ, и стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми глубоко укоренившимися во всѣхъ слояхъ общества навыками произвола, на которыхъ намъ еще предется остановиться ниже [6]).

Въ другой связи было уже нами отмѣчено прогрессивное развитіе въ восемнадцатомъ вѣкѣ канцелярщины и бумажнаго дѣлопроизводства въ управленіи [7]). Но послѣднее обусловливалось, по нашему мнѣнію, не столько централизаторскими тенденціями министровъ, какъ полагаетъ Токвиль, сколько прогрессивнымъ усложненіемъ работы адми-

---

[1]) См. выше, стр. 617–620.

[2]) *Tocqueville,* op. cit., p. 99.

[3]) „L'autorité veut toujours pouvoir tout". — *De Calan,* la Bretagne sous Louis XVI, Vannes, 1896, p. 16.

[4]) *Tocqueville,* op. cit., p. 102.

[5]) Ibidem, p. 102—103.

[6]) См. также выше, т. I, стр. 108—115.

[7]) Тамъ же, стр. 284.—Сравн. *Tocqueville,* op. cit., p. 96.

нистрацiи, какъ вслѣдствiе расширенiя ея задачъ, такъ и усложненiя самой жизни.

III.

Однимъ изъ послѣдствiй развитiя бумажнаго дѣлопроизводства была медленность движенiя административныхъ дѣлъ. Дѣлаемое Токвилемъ краткое указанiе на эту сторону дѣла [1]), совершенно справедливое и для занимающей насъ эпохи, мы дополнимъ здѣсь нѣсколькими иллюстрацiями и замѣчанiями.

Случаи *канцелярской волокиты* нерѣдки, какъ въ центральныхъ вѣдомствахъ, такъ и въ интендантствахъ. Такъ, перпиньянскiй интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ запрашиваетъ, письмомъ отъ *1-го сентября 1781 г.*, генералъ-контролера, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ уплачивать разрѣшенное министромъ жалованье субделегату г. Фуа. *23-го мая 1782 г.* интендантъ возобновляетъ вопросъ, присовокупляя, что онъ до сихъ поръ не получилъ отвѣта на свое письмо отъ *7-го сентября 1781 г.* (копiя котораго при этомъ препровождается). Отвѣтъ генералъ-контролера послѣдовалъ *7-го августа 1783 г.*, то-есть почти два года спустя послѣ отправленiя интендантомъ письма [2]). Въ *маѣ 1784 г.* генералъ-контролеръ проситъ лангдокскаго интенданта поспѣшить съ присылкою затребованнаго у него „отзыва“ по поводу представленной въ *сентябрѣ 1783 г.* королевскимъ прокуроромъ при финансовомъ присутствiи въ Монпеллье записки касательно „сноса одного *дома, угрожающаго паденiемъ*“ [3]). Канскiй интендантъ доноситъ министру *28-го февраля 1786 г.* объ исполненiи министерскаго предписанiя отъ *26-го iюля 1784 г.*, хотя и съ объясненiями по поводу такого замедленiя [4]). Въ *январѣ 1787 г.* генералъ-контролеръ де-Калоннъ жалуется на то, что затребованныя отъ лангдокскаго интенданта Гиньяръ-де-Сенъ-При разъясненiя по поводу возбужденнаго въ генеральномъ контролѣ городомъ Сеттъ ходатайства въ *ноябрѣ 1785 г.*, интендантомъ такъ и не были представлены [5]). Затребованныя въ 1784 г. отъ интенданта ле-Камюсъ-де-Невилля замѣчанiя на проектъ инструкцiй касательно штатовъ различныхъ областей, входящихъ въ составъ

[1]) Ibidem.

[2]) *Archives nationales*, H 719.

[3]) *Archives nationales*, H 1429.—*Pièces justificatives*, Nr. 290.

[4]) *Joly*, les Lettres de cachet dans la généralité de Caen, p. 59.

[5]) *Archives nationales*, H 1062.—*Pièces justificatives*, Nr. 292.

его интендантства, не были своевременно получены въ генеральномъ контролѣ, и пхъ пришлось редактировать „безъ помощи“ интенданта[1]). Денежная отчетность также не можетъ похвалиться быстротой. Такъ, отчетъ по казеннымъ питомникамъ древесныхъ породъ *за 1775 г.* подписанъ парижскимъ интендантомъ лишь *31-го января 1777 г.*, а отчетъ *за 1776 г.—30-го сентября 1779 г.* [2]).

Канцелярская медлительность не была однако исключительной спеціальностью интендантской администраціи: свидѣтельствомъ тому хотя бы письмо генералъ-контролера къ старшинамъ беарнскихъ штатовъ, отъ *3-го февраля 1783 г.*, начинающееся словами: „Я доложилъ королю приговоръ беарнскихъ штатовъ отъ *16-го января 1782 г.* который вы мнѣ сообщили *1-го прошлаго сентября*“ [3]). Канцелярской волокитой грѣшатъ, повидимому, въ большей степени центральныя учрежденія, чѣмъ канцеляріи интендантовъ, выказывающихъ иногда нетерпѣніе по поводу дѣйствительной, а подъ часъ и мнимой медлительности министерскихъ канцелярій, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, съ молодымъ лангдокскимъ интендантомъ Баллэнвиллье въ 1786 г. Чиновникъ генеральнаго контроля, завѣдующій дѣлами областей со штатами, заноситъ 3-го августа 1786 г. въ свою *feuille de travail* такую замѣтку: „Г. де-Баллэнвиллье, въ письмѣ своемъ отъ 17-го іюля, жалуется, что до сихъ поръ не получилъ отвѣта на свое письмо отъ 29-го іюня, по поводу понесенныхъ областью бѣдствій. Если бы этотъ магистратъ пожелалъ подождать еще два дня, то онъ получилъ бы ожидаемый отвѣтъ, который былъ подписанъ (министромъ) 12-го; а такъ какъ его письмо было получено въ канцеляріи лишь 9-го, и слѣдовательно, отвѣтъ на него былъ изготовленъ три дня спустя, то конечно о небрежности здѣсь не можетъ быть и рѣчи“ [4]).

Какъ примѣръ нормальнаго, то-есть обычнаго движенія дѣлъ, попавшихъ въ шестерню административной машины, можно привести дѣло витремонскаго заводчика Альбера Сореля. *21-го февраля* одинъ изъ финансовыхъ интендантовъ, Блондель, запрашиваетъ у амьенскаго интенданта его „мнѣнія“ касательно возбужденнаго названнымъ заводчикомъ ходатайства о предоставленіи ему права брать необходимую для его черепичнаго завода глину всюду, гдѣ таковая

[1]) *Archives nationales,* H 186.—*Pièces justificatives,* Nr. 291.

[2]) *Archives nationales*, H 2110. Compte que rend Mgr Bertier, etc.

[3]) *Archives nationales,* H 1058.

[4]) *Archives nationales,* H 1090.—*Pièces justificatives,* Nr. 271.

окажется, съ обязательствомъ вознагражденія землевладѣльцамъ. Слѣдующаго *3-го марта* интендантъ запрашиваетъ по этому дѣлу „мнѣніе" соотвѣтствующаго по мѣсту субделегата. *12-го мая* того же года субделегатъ отвѣчаетъ, что, при всей полезности завода Сореля, онъ находитъ удовлетвореніе его ходатайства сопряженнымъ съ многочисленными затрудненіями; было бы, по мнѣнію субделегата, всего лучше поощрять черепичное производство посредствомъ казенныхъ субсидій. Слѣдующаго *19-го мая* интендантъ препровождаетъ Блонделю отвѣтъ своего субделегата, къ мнѣнію котораго самъ присоединяется. *15-го слѣдующаго іюля*, преемникъ Блонделя, Толозанъ, проситъ интенданта сообщить, въ какомъ размѣрѣ, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначить субсидію Сорелю. *22-го того же іюля* интендантъ адресуется съ тѣмъ же запросомъ къ своему субделегату. *22-го августа* субделегатъ отправляетъ свой отвѣтъ. *30-го августа* интендантъ препровождаетъ Толозану отвѣтъ субделегата, къ мнѣнію котораго присоединяется. *17-го ноября* того же года Толозанъ извѣщаетъ интенданта о резолюціи генералъ-контролера, согласной съ „мнѣніемъ" субделегата. Наконецъ, *3-го декабря* (того же 1787 г.) интендантъ увѣдомляетъ субделегата о резолюціи министра [1]).

Изъ этого краткаго curriculum одного изъ дѣлъ, проходившихъ тысячами черезъ интендантскія и министерскія канцеляріи, видно, во-первыхъ, что, поскольку дѣло зависѣло отъ канцелярій интендантства, оно ни разу не испытывало задержки,—залеживалось дѣло лишь въ министерскихъ канцеляріяхъ и у субделегата (у послѣдняго, быть можетъ, вслѣдствіе необходимости собирать на мѣстѣ различныя справки); во-вторыхъ, если мы прикинемъ приблизительно, сколько времени потребовалось на многочисленныя путешествія запросовъ и отвѣтовъ между Парижемъ, Амьеномъ и Перонномъ (резиденціей субделегата), то найдемъ, что мѣшкотность движенія дѣла обусловливалась не столько лежаніемъ той или другой бумаги подъ сукномъ, сколько длинными и медленными путешествіями бумагъ, а это послѣднее обстоятельство находилось въ зависимости не столько отъ большей или меньшей неаккуратности канцелярій, сколько отъ тогдашней почты и тогдашнихъ способовъ передвиженія. Для иллюстраціи этой стороны дѣла приведемъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Офиціальныя письма, отправленныя изъ генеральнаго контроля въ одинъ и тотъ же день, *4-го сентября*, получаются: *7-го* въ

1) *Inventaire des archives départementales de la Somme,* C 387.

въ Орлеанѣ и Мецѣ, *8-го* въ Турѣ и Канѣ (Нормадія), *9-го* въ Диж͏онѣ, Безансонѣ и Страсбургѣ, *10-го* въ Пуатье, *11-го* въ Сентѣ (ла-рошелльское интендантство), *15-го* въ Байоннѣ, *18-го* въ Эксѣ (Провансъ)[1]. Письмо овернскаго интенданта, отправленное изъ Клермона *23-го августа*, получено въ Парижѣ *27-го* того же мѣсяца (1787 г.)[2]. Письмо предсѣдателя лангдокскихъ штатовъ изъ Монпеллье, посланное съ нарочнымъ курьеромъ *2-го декабря* (1784 г.), получается въ Версалѣ *13-го декабря*[3]. Письмо, отправленное изъ Парижа *22-го мая*, получаетсь въ Монтобанѣ *29-го*[4]. Письмо, посланное изъ Оша *19-го ноября* (1774 г.), получено въ Версалѣ *26-го*[5].

При такихъ условіяхъ почтовой пересылки, нельзя конечно упрекнуть въ медлительности генералъ-контролера, который *5-го января 1783 г.* отвѣчаетъ на письмо, посланное изъ г. По *23-го предыдущаго декабря* (слѣдовательно полученное въ Версалѣ *2 - 3 января)*[6], или когда онъ отвѣчаетъ *7-го февраля* 1783 г. на письмо, посланное изъ Тарба *17-го предыдущаго января* (письмо могло быть получено 31-го января или 1-го февраля)[7], или когда на письмо, посланное изъ Диж͏она *15-го мая*, онъ пишетъ отвѣтъ *25-го* того же мѣсяца, равно какъ и диж͏онскій интендантъ не можетъ быть упрекнутъ въ медлительности, когда онъ отвѣчаетъ *15-го* мая на письмо министра отъ *10-го* того же мѣсяца[8].

Во всякомъ случаѣ огульный упрекъ въ медлительности былъ бы несправедливъ по отношенію къ интендантамъ занимающей насъ эпохи. *9-го мая 1783 г.* бордоскій интендантъ отправляетъ министру Верженню ходатайство о разрѣшеніи открыть литературное общество въ Бордо. Письмо это могло быть получено въ Версалѣ *13—14 мая*, а *20-го* того же мѣсяца Верженнь уже подписываетъ свой от-

[1]) *Archives nationales,* H 1447.

[2]) *Archives nationales,* H 1596.

[3]) *Archives nationales,* H 1059. De Calonne à l'archevêque de Narbonne, 13 décembre 1784.

[4]) *Archives nationales,* H 1447.

[5]) *Archives nationales,* H 1411. Journet au contrôleur général, 19 novembre 1774.

[6]) *Archives nationales,* H 1058.—Le contrôleur général au marquis d'Usson, 5 janvier 1783.

[7]) Ibidem.—Le contrôleur général au comte de Gontaud, 7 février 1783.

[8]) *Archives nationales,* H 1484. Le contrôleur général à l'intendant de Bourgogne, 25 mai 1788: „J'ai reçu la lettre que vous m'avez adressée le 15 mai, en réponse à la mienne du 10..."

вѣтъ на ходатайство интенданта, дающій просимое разрѣшеніе [1]). Быстрота, которая могла бы сдѣлать честь и современной администраціи, имѣющей къ своимъ услугамъ паровозъ, телеграфъ и телефонъ... Министръ Лоранъ-де-Вилльдейль, письмомъ отъ *22-го іюня*, запрашиваетъ „мнѣніе" мѣстнаго интенданта объ учрежденіи основанной въ 1786 г. аббатомъ Сикаромъ школы глухонѣмыхъ; *6-го слѣдующаго іюля* интендантъ уже посылаетъ министру свое „мнѣніе",—что̀ нельзя не признать быстрымъ, если принять во вниманіе, что изъ отдѣляющихъ письмо интенданта отъ запроса министра четырнадцати дней, 10—12 дней надо отчислить на путешествіе той и другой бумаги между Бордо и Версалемъ.

Быстрота (célérité), это—вмѣстѣ съ внимательностью, аккуратностью и честностью—одно изъ качествъ, которыхъ обыкновенно требуетъ интендантъ отъ своихъ подчиненныхъ. „Мнѣ нѣтъ нужды —пишетъ шалонскій интендантъ въ своемъ письмѣ-инструкціи новому субделегату въ Эпернэ [2])—рекомендовать вамъ самое внимательное отношеніе къ разъясненіямъ и отзывамъ, которыя вамъ придется мнѣ давать; *но не могу не просить васъ настоятельнѣйшимъ образомъ - дѣлать это съ наивозможной быстротой: вы доставите мнѣ этимъ истинное удовлетвореніе*" [3]). Въ своемъ *Отчетѣ* 1790 г. интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совёръ говоритъ, что онъ постоянно „блюлъ за тѣмъ, чтобы его чиновники не задерживали дѣлъ" [4]). Интендантъ Була-де-Нантейль, въ своей перепискѣ съ брессюирскимъ субделегатомъ, не перестаетъ подгонять его. „Необходимо вамъ написать *какъ можно скорѣе (le plus promptement possible)* сельскимъ старостамъ" и т. д.—пишетъ ему интендантъ 29-го октября 1784 г. [5]) „Благоволите разослать прилагаемые приказы—пишетъ онъ ему же 8-го декабря того же года—по принадлежности *со всею аккуратностью и быстротой*, какихъ требуетъ благо службы" [6]). 25-го декабря того же года: „Распредѣленіе субделегатствъ требуетъ, мнѣ кажется, нѣкоторыхъ измѣненій, въ видахъ облегче-

---

[1]) *Archives de la Gironde,* t. XXIV, p. 210—211.

[2]) *Archives de la Gironde,* t. XXIII, p. 233—234.

[3]) *Archives départementales de la Marne,* C 2055. Rouillé d'Orfeuil à Pierrot, 1 décembre 1783.

[4]) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte de l'administration, 1790. — *Pièces justificatives*, Nr. 172.

[5]) *Archives historiques du Poitou,* t. XX, p. 101.

[6]) Ibidem, p. 104.

нія переписки и *ускоренія ходадѣлъ..*" [1]) 9-го февраля 1785 г.: „Благоволите *не упустить отправить мнѣ немедленно* протоколы жеребьевки милиціи" [2]). 24-го марта того же года: „Благоволите разослать *наиболѣе вѣрнымъ и быстрымъ путемъ* гг. приходскимъ священникамъ препровождаемое мною письмо для нихъ" [3]). 27-го мая того же года: „Прошу васъ сообщить мнѣ *наивозможно скорѣе* ваши замѣчанія" [4]). И надо замѣтить, что субделегатъ обыкновенно не даетъ поводовъ къ упрекамъ въ неаккуратности со стороны интенданта. Такъ, на запросъ интенданта, отправленный изъ Пуатье *29 го декабря* 1785 г., субделегатъ уже *2-го слѣдующаго января* посылаетъ затребованный „отзывъ", несомнѣнно, потребовавшій нѣкоторыхъ предварительныхъ справокъ [5]). *7-го января* 1786 г. интендантъ посылаетъ субделегату вопросный листъ, требующій различныхъ свѣдѣній по части состоянія сельскаго хозяйства округа, и уже *18-го того же мѣсяца*, то-есть одиннадцать дней спустя (изъ нихъ по крайней мѣрѣ два дня надо вычесть на путешествіе обоихъ писемъ) субделегатъ посылаетъ интенданту обстоятельныя свѣдѣнія, затребованныя вопроснымъ листомъ [6]).

IV.

Въ дополненіе къ сдѣланной Токвилемъ характеристикѣ административныхъ нравовъ дореволюціонной Франціи мы остановимся болѣе обстоятельно на тѣхъ—не затронутыхъ имъ или затронутыхъ лишь вскользъ—чертахъ, которыя составляютъ какъ разъ именно особенность тогдашней Франціи сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ.

Первое, что поражаетъ современнаго изслѣдователя при изученіи офиціальной переписки „просвѣщеннаго вѣка", это—въ высшей степени *куртуазный* и вмѣстѣ *фамильярный*—въ хорошемъ смыслѣ слова -тонъ ея, составляющій рѣзкій контрастъ съ той офиціальной сухостью и канцелярской черствостью, которыя составляютъ отличительную черту эпистолярнаго стиля новѣйшей бюрокра-

---

[1]) Ibidem, p. 105.
[2]) Ibidem, p. 109.
[3]) Ibidem, p. 123.
[4]) Ibidem, p. 136.
[5]) Ibidem, p. 161—162
[6]) Ibidem, p. 173—176.

тіи—французской, какъ и всякой другой. Офиціальная переписка между министромъ и интендантомъ, это—не столько начальническія предписанія—съ одной стороны, и чиновнически-почтительныя отписки—съ другой, сколько—дѣловая, но непринужденная бесѣда двухъ „просвѣщенныхъ людей“, почти двухъ товарищей, друзей, родственниковъ,—изъ которыхъ одинъ относится къ другому скорѣе какъ младшій къ старшему, чѣмъ какъ подчиненный къ начальнику. Въ своихъ письмахъ къ интенданту министръ никогда не *предписываетъ*, не *приказываетъ*, не *запрещаетъ*, а *рекомендуетъ*, *совѣтуетъ*, *проситъ*, *будетъ обязанъ* („je vous serais obligé de...“). Въ свою очередь, въ письмѣ интенданта къ министру—ни малѣйшаго чиновничьяго подобострастія, ни малѣйшей специфически бюрократической почтительности, а просто—свѣтская вѣжливость, не исключающая извѣстной самостоятельности взглядовъ и извѣстной твердости въ ихъ отстаиваніи противъ своего начальства [1]) „Нижайшій и покорнѣйшій слуга“ одинаково заканчиваетъ собою, какъ письмо подчиненнаго къ начальнику, такъ и наоборотъ, съ тою лишь разницею, что интендантъ „остается съ истиннымъ почтеніемъ“, а министръ—„съ искреннею (или совершенною) привязанностью“. Въ обоихъ случаяхъ письмо начинается обращеніемъ *Monsieur*, съ тою лишь разницею, что въ письмѣ министра къ интенданту слово *Monsieur* помѣщается обыкновенно послѣ двухъ-трехъ начальныхъ словъ, въ противномъ же случаѣ *Monsieur* стоитъ на первомъ мѣстѣ [2]). Иногда трудно по слогу офиціальнаго письма сразу рѣшить, кто пишетъ: начальникъ къ подчиненному, равный къ равному, или же подчиненный къ начальнику.

Похоже ли, напримѣръ, съ точки зрѣнія новѣйшихъ бюрократическихъ нравовъ, на письмо начальника къ своему подчиненному—хотя бы слѣдующее письмо генералъ-контролера Ламбера къ лангдокскому интенданту отъ 21-го февраля 1788 г. „Я получилъ, милостивый государь,—пишетъ министръ—письмо, которое вы сдѣлали

---

1) См., напр., письмо лиможскаго интенданта Мелана-д'Аблуа къ министру де-Калонну, въ іюнѣ 1784 г. (*Pièces justificatives,* Nr. 214). См. также письма Тюрго къ министру аббату Террэ (*Turgot,* Oeuvres, t. II, p. 158 et suiv.).

2) Впрочемъ министръ Тюрго свои письма къ интендантамъ также начинаетъ иногда словомъ *Monsieur* (въ самомъ началѣ). См., напр., *Archives départementales de la Marne,* C 174, Lettre de Turgot à Rouillé d'Orfeuil, 24 août 1774.—*Pièces justificatives,* Nr. 259.

мнѣ честь написать 29-го предыдущаго мѣсяца, и копію содержащихся въ вашихъ инструкціяхъ требованій, вмѣстѣ съ результатомъ приговоровъ (лангдокскихъ штатовъ) по каждому пункту ихъ. Благодарю Васъ за это новое доказательство вашего вниманія...“ [1]). Можно поручиться, что никакой изъ современныхъ префектовъ не получаетъ подобныхъ писемъ отъ своихъ министровъ. Врядъ ли также кто изъ современныхъ министровъ сталъ бы писать префекту въ такомъ тонѣ: „Я очень обязанъ, Милостивый Государь, за вниманіе, которое вы мнѣ оказали присылкою копіи вашего письма къ г-ну Амело“, и т. д.: такъ именно начинается письмо Неккера къ его подчиненному, лангдокскому интенданту, отъ 14-го марта 1781 г. [2]).

Вступая въ должность, новый министръ обыкновенно первымъ дѣломъ извѣщаетъ о томъ каждаго изъ интендантовъ вѣжливымъ письмомъ, ни по внѣшности (не печатное, а рукописное), ни по своему тону не похожимъ на циркуляръ новѣйшаго бюрократическаго фасона. Вотъ, для примѣра, письмо, которымъ извѣщаетъ шалонскаго интенданта о своемъ вступленіи въ должность военнаго министра графъ Сенъ-Жермэнъ. „Король оказалъ мнѣ милость, Милостивый Государь, назначить меня на должность статсъ-секретаря военнаго вѣдомства, о чемъ и имѣю честь васъ увѣдомить, для того чтобы вы обращались ко мнѣ по всѣмъ дѣламъ вашего интендантства, имѣющимъ отношеніе къ военному управленію, и—увѣрить васъ въ моемъ желаніи, чтобы дѣловыя сношенія, которыя намъ предстоятъ, дали мнѣ возможность доказать вамъ ту привязанность, съ каковою имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Де-Сенъ-Жермэнъ“ [3]). Сообщая шалонскому интенданту о назначеніи на должность начальника податного отдѣла генеральнаго контроля Верження, министръ де-Калоннъ рекомендуетъ ему обращаться непосредственно къ послѣднему по всѣмъ дѣламъ этой категоріи, и продолжаетъ: „Я расположенъ, тѣмъ не менѣе, обсуждать съ вами наиболѣе важные вопросы, которые вами будутъ признаны заслуживающимъ этого. Я былъ бы огорченъ лишиться интересныхъ сношеній съ вами, и я

---

[1]) *Archives nationales,* H 1063.—*Pièces justificatives,* Nr. 277.

[2]) *Archives nationales,* H 1057.—*Pièces justificatives,* Nr. 151.

[3]) *Archives départementales de la Marne,* C 174.—*Pièces justificatives,* Nr. 260. — Сравн. также другія аналогичныя письма: *Pièces justifiicatives,* Nrs. 259, 265, 274, 279

никогда не упущу случая дать вамъ новыя доказательства искренней привязанности, съ каковою имѣю честь быть", и т. д. [1]). По случаю новаго года интенданты обыкновенно адресуютъ министрамъ собственоручныя поздравительныя письма [2]), на которыя получаютъ куртуазные отвѣты. Отсутствіе всякихъ внѣшнихъ специфическихъ признаковъ офиціальности въ административной перепискѣ занимающей насъ эпохи подчеркивается еще, между прочимъ, полнымъ отсутствіемъ, какъ въ самыхъ письмахъ, такъ и въ ихъ адресахъ, всякихъ офиціальныхъ титуловъ. Министръ подписываетъ офиціальныя письма своимъ именемъ, а не *министръ такой-то*; точно также и интендантъ. Никогда офиціальное письмо не адресуется *интенданту такому-то*, *министру такому-то*, а просто: „г-ну Амело", „г-ну де-Калонну", „г-ну Тюрго". Кому и отъ кого письмо? „Г-ну де-Калонну отъ г-на Амело". Что это—отъ министра къ интенданту, или отъ интенданта къ министру? Отъ министра къ министру или отъ интенданта къ интенданту? Напрасно стали бы мы искать какихъ-либо внѣшнихъ указаній на это въ письмѣ. A priori возможны всѣ четыре случая, потому что въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ мы имѣемъ двухъ Амело интендантовъ, изъ которыхъ одинъ впослѣдствіи былъ министромъ, а де-Калоннъ, прежде чѣмъ стать министромъ, былъ интендантомъ. Напрасно стали бы мы искать въ письмѣ какихъ-либо прямыхъ указаній для разрѣшенія этого недоумѣнія: послѣднее можетъ быть разрѣшено лишь анализомъ содержанія письма въ связи съ данными министерской и интендантской хронологіи и ономатологіи [3]).

Что касается отношеній между интендантами — съ одной стороны, и высшими чиновниками центральныхъ вѣдомствъ (напримѣръ, съ

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 175. — *Pièces justificatives*, Nr. 264.

[2]) Которыя конечно лишь случайно могли попасть въ офиціальный архивъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ собственноручнымъ письмомъ Сенакъ-де-Мейльяна на имя Мироменила.—*Archives nationales*, AA 57.—*Pièces justificatives*, Nr. 270.—*Babeau*, la Province, t. II, p. 55, говоритъ также, что интенданты „обмѣниваются съ министрами поздравленіями по поводу семейныхъ событій"; но намъ ни разу не попадалось этого рода писемъ, что конечно еще не доказываетъ, что таковыя не имѣли мѣста. (Бабо не приводитъ при этомъ никакихъ указаній на документы).

[3]) И та и другая, сказать къ слову, оставляютъ до сихъ поръ немало пробѣловъ, по крайней мѣрѣ—что касается интендантовъ. Составленные въ шестидесятыхъ годахъ Boyer de Sainte-Suzanne списки интендантовъ не отличаются ни полнотой, ни точностью данныхъ.

финансовыми интендантами)—съ другой, то, хотя служебное положеніе послѣднихъ и считалось выше положенія интендантовъ [1]), но въ офиціальной перепискѣ это различіе служебныхъ ранговъ совершенно стушевывается. Нѣкоторая офиціальность обращенія *Monsieur* смягчается здѣсь обычною прибавкою *et cher confrère*. Вотъ для примѣра--письмо, которымъ назначенный на должность финансоваго интенданта по отдѣлу откуповъ, де-Колоніа, извѣщалъ о томъ шалонскаго интенданта Руйллье д'Орфейля, въ январѣ 1784 г. „Милостивый государь и дорогой собратъ! Милость, которую мнѣ оказалъ король, назначивъ меня на должность интенданта по отдѣлу откуповъ, тѣмъ болѣе для меня лестна, что она открываетъ мнѣ перспективу частыхъ сношеній съ вами. Но для того чтобы эти отношенія были пріятны для меня и полезны для службы государевой, необходимо, чтобы вы благоволили не отказать мнѣ въ вашемъ уваженіи. Осмѣливаюсь уже теперь разсчитывать на это чувство съ вашей стороны и надѣюсь получить ваше довѣріе и уваженіе, когда время и удобные къ тому случаи позволятъ мнѣ ихъ заслужить, и тогда я буду чувствовать полное удовлетвореніе“ [2]).

Вообще отношенія интендантовъ къ этимъ чиновникамъ центральныхъ вѣдомствъ отмѣчены характеромъ товарищеской фамильярности. Препровождая одному изъ финансовыхъ интендантовъ затребованные генеральнымъ контролемъ документы, дижонскій интендантъ Амело сопровождаетъ свою посылку слѣдующей препроводительной запиской: „Г. Амело шлетъ свой привѣтъ (fait mille compliments) г-ну Костеру и препровождаетъ ему копію различныхъ затребованныхъ у него г. Неккеромъ документовъ касательно созыва бургонскихъ штатовъ въ 1560, 1589 и 1614 г. —13 января 1789 г.“ [3]) Одно „дѣло“, поступившее въ 1785 г. въ генеральный контроль отъ шалонскаго интенданта, находившагося въ данный моментъ въ Парижѣ, сопровождается собственноручною запиской интенданта, на имя одного изъ финансовыхъ интендантовъ, такого рода: „Г. де-Шайлу [4]) желаетъ г-ну Гаривелю [5]) добраго вечера и посылаетъ ему

[1]) Если провинціальный интендантъ получалъ мѣсто финансоваго интенданта, то это считалось повышеніемъ. См. выше, т. I, стр. 244.

[2]) *Archives départementales de la Marne,* C 175. — *Pièces justificatives,* Nr. 266.

[3]) *Archives nationales,* Ba 36.—*Pièces justificatives,* Nr. 278.

[4]) Amelot de Chaillou, имя интенданта.

[5]) Harivel, premier commis du contrôle général.

исправленную копію своей переписки съ г. де-Прэнсомъ [1]); онъ проситъ его прочитать прилагаемое и сдѣлать соотвѣтствующій докладъ о томъ г. де-Калонну" [2]).

Свѣтская куртуазность и нѣкоторая фамильярность тона офиціальной переписки между министрами—съ одной стороны и интендантами—съ другой, кромѣ вліянія традицій—съ одной стороны и „просвѣщеннаго вѣка"—съ другой, объясняется въ значительной мѣрѣ и тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ было выяснено въ первой главѣ, интенданты и министры были людьми одного и того же, довольно тѣснаго соціальнаго круга,—людьми связанными взаимно не только соціальными и культурными, но въ значительной мѣрѣ и кровными узами. Это были дѣйствительно близкіе другъ къ другу люди,—*свои люди*, между которыми трудно было установиться той сухой и черствой офиціальности, которою характеризуется новѣйшій бюрократическій стиль. Можно даже сказать, что французская администрація занимающей насъ эпохи не знала особаго офиціальнаго слога: слогъ офиціальной переписки, это—обычный литературно-разговорный, мы бы сказали—*салонный* слогъ, которымъ въ ту пору и писали и говорили всѣ „просвѣщенные люди".

Что касается переписки между интендантами—съ одной стороны, и ихъ субделегатами—съ другой, то о ней можно сказать, mutatis mutandis, то же, что было сказано относительно переписки между интендантами и министрами.

Съ своими канцелярскими чиновниками интенданту (за исключеніемъ перваго секретаря, съ которымъ ему приходилось вести переписку во время отлучекъ изъ области) конечно не приходилось вести дѣловой переписки: но это не исключало куртуазно-свѣтскаго обмѣна письменными поздравленіями, напримѣръ, по случаю новаго года, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, чиновники, шалонскаго интендантства, посылающіе новогоднее привѣтствіе своему интенданту, находящемуся въ Парижѣ. Въ отвѣтъ на свое поздравленіе они получаютъ отъ интенданта адресованную на имя „Messieurs de l'Intendance de Champagne", слѣдующую записку: „Парижъ, 1-го января 1785 г. Я чувствительно тронутъ, Милостивые Государи,

[1]) Первый секретарь дижонскаго интендантства, съ которымъ у интенданта вышло столкновеніе. Переписку ихъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, см. въ *Pièces justificatives*, Nr. 28.

[2]) Генералъ-контролеръ.—*Archives nationales*, H 200, 3.

пожеланіями, которыя вы изволите высказывать мнѣ по случаю новаго года. Примите выраженіе моей благодарности и будьте увѣрены, что я съ удовольствіемъ воспользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ, который бы мнѣ далъ возможность доказать искренность намѣреній, съ каковыми остаюсь, Милостивые Государи, вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга Руйллье" [1]).

Общеобязательныхъ формулъ офиціальной вѣжливости не существовало; онѣ были дѣломъ личнаго пониманія и такта пишущаго. Съ первою попыткою регламентаціи этой стороны дѣла мы встрѣчаемся лишь въ началѣ 1788 г., въ связи съ началомъ функцій исполнительныхъ комиссій учрежденныхъ въ предыдущемъ году провинціальныхъ собраній. Именно, 5-го января 1788 г. изъ генеральнаго контроля была разослана всѣмъ исполнительнымъ комиссіямъ бумага, подъ названіемъ *Protocole pour les Commissions intermédiaires des Assemblées provinciales,* гдѣ были указаны обязательныя формулы для начала и окончанія офиціальныхъ писемъ, адресуемыхъ на имя или отъ имени исполнительныхъ комиссій [2]).

V.

Тѣмъ же характеромъ фамильярно-товарищеской куртуазности отличаются и взаимныя офиціальныя отношенія интендантовъ между собою,—тѣмъ болѣе, что послѣднія не ограничиваются лишь пустыми „сообщеніями", „отношеніями" и „отписками" чисто формаль-

[1]) *Archives départementales de la Marne,* C 2055. — *Pièces justificatives,* Nr. 268.

[2]) На имя хранителя печатей письмо должно начинаться словомъ *Monseigneur,* отъ котораго начало текста письма должно отдѣляться пространствомъ двѣнадцати строкъ, а заключительная формула должна редактироваться въ такихъ словахъ: „Monseigneur, Votres (sic) très humbles et très obéissants serviteurs". На имя перваго министра (Ломени-де-Бріенны): *Monseigneur,* пропускъ шести строкъ и заключительная формула: „Nous sommes avec respect, Monseigneur, votres (sic) très humbles et très obéissants serviteurs". На имя прочихъ министровъ: *Monsieur,* пропускъ шести строкъ и: „Nous sommes avec respect, Monsieur", etc. На имя интенданта: *Monsieur,* пропускъ трехъ строкъ и: „Nous avons l'honneur d'être avec respect, Monsieur", etc. Послѣдняя формула также и по отношенію къ финансовымъ интендантамъ Примѣчаніе гласитъ: „Messieurs les Procureurs généraux Syndics écrivant collectivement doivent suivre le même protocole que les Commissions intermédiaires, mais on double les intervalles du blanc". Заключительныя формулы писемъ генералъ-контролера устанавливаются слѣдующія: 1) на

наго характера. Ихъ взаимная переписка отличается, напротивъ, большою содержательностью. Интендантъ съ интересомъ слѣдитъ за всякимъ новымъ начинаніемъ своихъ „собратьевъ"; онъ всегда готовъ поучиться у нихъ хорошему и посовѣтоваться по-товарищески, на что, въ свою очередь, встрѣчаетъ обыкновенно самую предупредительную товарищескую отзывчивость. Узнавъ, что въ безансонскомъ интендантствѣ обременительная для крестьянъ подводная повинность уже давно была замѣнена (по почину интенданта де-Бомона) денежною податью, интендантъ Тюрго обращается, въ шестидесятыхъ годахъ, къ своему безансонскому „собрату" де-ла-Корэ съ просьбой посвятить его въ подробности существующей въ его генеральствѣ организаціи, и получаетъ въ отвѣтъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія [1]).

Шалонскій интендантъ Руйлле-д'Орфейль интересуется принятыми въ различныхъ интендантствахъ мѣрами борьбы противъ деревенскихъ пожаровъ и отовсюду получаетъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія [2]). Въ свою очередь, Руйлле дѣлится своимъ опытомъ и свѣдѣніями по этой части съ своимъ пуатевинскимъ „собратомъ" Блоссакомъ, который къ нему за этимъ обратился [3]). По просьбѣ другого „собрата", дижонскаго интенданта Фейдо-де-Бру, Руйлле сообщаетъ послѣднему обстоятельныя подробности относительно организаціи въ его области дѣла общественныхъ работъ и въ частности—ремонта и перестройки сельскихъ церквей и церковныхъ домовъ (presbytères) [4]).

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ парижскій интендантъ Бертье и шалонскій Руйлле ведутъ другъ съ другомъ дѣятельную переписку касательно мѣръ борьбы съ нищенствомъ, предупредительно дѣлясь другъ съ другомъ своимъ опытомъ, своими наблюденіями и совѣтами [5]). Въ 1780 г. Бертье пишетъ тому же Руйлле:

имя провинціальнаго собранія или его исполнительной комиссіи: „J'ai l'honneur d'être très sincèrement, Messieurs, votre très humble et très obéissant serviteur"; 2) на имя провинціальныхъ собраній или ихъ комиссій низшаго ранга: „J'ai l'honneur d'être, Messieurs, votre très humble et très obéissant serviteur". — *Archives nationales*, H 1601.

[1]) *D'Hugues*, Essai, p. 131.

[2]) *Archives départementales de la Marne*, C 1953.

[3]) Ibidem, C 1966.

[4]) Ibidem, C 1797.

[5]) Ibidem, C 2002, 2005

. Я готовъ дать вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя вы пожелали бы имѣть касательно организаціи курпуса піонеровъ. Мнѣ доставитъ даже истинное удовольствіе содѣйствовать вамъ въ устройствѣ подобной же организаціи въ Шампани“ [1]).

„Вы были любезны, дорогой собратъ,—пишетъ дижонскій интендантъ Дюплэ своему шалонскому коллегѣ въ 1778 г.—сообщить мнѣ различныя постановленія королевскаго совѣта, которыя обезпечиваютъ за вами право завѣдовать управленіемъ общинныхъ земель. Я просилъ васъ оказать мнѣ помощь этими постановленіями, въ виду того, что я встрѣтилъ со стороны дижонскаго парламента тѣ же самыя притязанія, какія были выдвинуты противъ васъ парижскимъ парламентомъ. Немало времени и труда стоило мнѣ добиться справедливости, несмотря на ту поддержку, которую мнѣ оказало последнее изъ изданныхъ въ вашу пользу постановленій совѣта, на которое я и ссылался. Но въ концѣ концовъ, по зрѣломъ обсужденіи вопроса, совѣтъ рѣшился издать два постановленія, которыми регулируются мои компетенціи по отношенію къ парламенту. Чтобы отплатить вамъ тою же монетой, я посылаю вамъ по два экземпляра этихъ постановленій. Вы, безъ сомнѣнія, не безъ удовольствія присоедините ихъ къ тѣмъ, которыя вамъ удалось выхлопотать для вашего округа, и надо надѣяться, что наконецъ эта солидарность въ рѣшеніи вопроса обезпечитъ уваженіе къ нему, и что во всякомъ случаѣ, если возобновятся попытки оспаривать наши права, то совѣтъ поддержитъ свое рѣшеніе“ [2]).

VI.

Тѣмъ же характеромъ куртуазной фамильярности отмѣчены зачастую и письменныя сношенія управляемыхъ съ администраторами, которые при этомъ проявляютъ иногда поразительное благодушіе. Очень удачно подмѣтилъ эту черту нашъ соотечественникъ А. М. Ону, хорошо изучившій административную переписку эпохи выборовъ въ генеральные штаты 1789 г. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ онъ, „свойственное восемнадцатому вѣку сентиментальное благодушіе одушевляло тогда начальствующихъ и подчиненныхъ. Доступность министровъ была даже чрезмѣрной, такъ какъ

[1]) Ibidem, C 1441. *Pièces justificatives*, Nr. 23.
[2]) Ibidem. C 513.—*Pièces justificatives*, Nr. 21.

приходилось удѣлять вниманіе мечтаніямъ наивныхъ прожектеровъ, вожделѣніямъ нахальныхъ честолюбцевъ и жалобамъ обиженныхъ неудачниковъ. Характеренъ при этомъ тонъ обращеній къ министрамъ какъ частныхъ лицъ, такъ и общественныхъ учрежденій. Крайняя его фамильярность свидѣтельствуетъ о малой степени водбуждаемаго страха. Особенно не стѣсняются съ популярнымъ Неккеромъ, которому городъ Condeau вотируетъ курьезный хвалебный адресъ, а одинъ авторъ посвящаетъ любопытное *Посланіе генеральному директору финансовъ по поводу слуха, что онъ ѣстъ исключительно яства, приготовляемыя ему его добродѣтельною супругой.* Нѣкоторые корреспонденты Неккера извиняются, что не имѣли подъ рукой хорошей бумаги и чернилъ; сапожникъ Guérin проситъ денегъ, чтобы пріѣхать къ нему изложить свой планъ реформъ, долженствующій переродить Францію; нѣкій Goupy восклицаетъ: „Ахъ! мой дорогой г. Неккеръ, съ какимъ бы удовольствіемъ я васъ поцѣловалъ! Въ то время, когда фортуна, разсѣянная и капризная, обращала свои взоры на другіе предметы, я съ своей стороны громкимъ голосомъ (avec une voix de stentor) гордо поддерживалъ ваши интересы и, узнавъ о вашемъ вторичномъ призывѣ, мое сердце, это сердце, чьей пищей служитъ истина, встрепенулось отъ радости. Богу извѣстно, что эта правда!“ Просители безъ всякаго стѣсненія посвящаютъ министровъ въ свои семейныя дѣла и денежныя дрязги, искренне удивляются или негодуютъ, когда высшее начальство отказывается исполнить неисполнимыя требованія, при чемъ даетъ себѣ однако трудъ вѣжливо отвѣчать на подобные запросы и объяснять ихъ несостоятельность“ [1]).

Въ поясненіе къ приведенной здѣсь характеристикѣ слѣдуетъ лишь замѣтить, что послѣдняя приложима и ко всей занимающей насъ эпохѣ, съ тою лишь оговоркою, что нѣсколько приподнятое настроеніе момента созыва генеральныхъ штатовъ, естественно, сообщило болѣе яркое выраженіе отмѣченной чертѣ. Эта, такъ сказать, эпистолярная фамильярность представляетъ собою лишь одно изъ внѣшнихъ проявленій той общей фамильярности, которою отмѣчены отношенія между управляемыми—съ одной стороны, и администраторами -съ другой въ старой Франціи. Можно сказать, что вообще *та межа, которая такъ рѣзко отграничиваетъ въ наше время част-*

---

1) *Ону,* Наказы третьяго сословія, стр. 16—17.—Сравн. тамъ же, стр. 18, 23, 26, 27, а также нашъ первый томъ, стр. 241—243.

ную жизнь каждаго человѣка отъ его жизни официальной или общественной, была едва лишь намѣчена въ тѣ времена. Администраторъ въ ту пору не представляетъ собою чего-то отдѣльнаго отъ семьянина, мужа, отца, помѣщика. Въ официальныхъ своихъ титулахъ интендантъ, на ряду съ званіемъ королевскаго комиссара, заботливо перечисляетъ свои вотчины, которыхъ онъ состоитъ сеньеромъ; съ другой стороны, тамъ, гдѣ нѣтъ нужды въ подробномъ титулѣ, къ интенданту обращаются просто, какъ къ „г-ну Амело", „г-ну де-Блоссаку", не упоминая его официальнаго званія *интенданта,* которое не фигурируетъ равнымъ образомъ—какъ уже выше было замѣчено—ни въ адресѣ получаемыхъ имъ официальныхъ писемъ, ни въ его собственной подписи. И дѣйствительно, въ интендантѣ трудно сказать, гдѣ кончается частное лицо и гдѣ начинается лицо официальное, и наоборотъ. Официальное лицо и частный человѣкъ сливаются въ немъ, можно сказать, въ одно нераздѣльное цѣлое. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, сказывается *вліяніе господствовавшей въ до-революціонной Франціи патріорхально-патримоніальной концепціи публичной власти, унаслѣдованной отъ феодальнаго строя.* По этой концепціи, въ королѣ *государь* сливается съ *сеньеромъ* страны и, такъ сказать, поглощается послѣднимъ, а *государство* сливается съ королевской *вотчиной сеньера-короля* (*seingeur roi*) и, такъ сказать, утопаетъ въ послѣдней. Подобнымъ же образомъ, въ лицѣ интенданта, представитель государственной власти сливается съ частнымъ лицомъ; оффиціальное лицо поглощается частнымъ человѣкомъ и какъ бы „утопаетъ" въ послѣднемъ. Съ точки зрѣнія патріархальнаго пониманія власти, „король есть отецъ всѣхъ подданныхъ государства"; согласно съ этимъ, интендантъ „долженъ смотрѣть на себя, какъ на отца всѣхъ обывателей ввѣренной ему провинціи" [1]). Не будемъ удивляться, что подобныя воззрѣнія излагаются въ *Энциклопедіи,* на ряду съ теоріями общественнаго договора и т. д.; это значитъ лишь то, что традиціонныя понятія отличаются большою живучестью, и ихъ не такъ-то легко искоренить различными новыми теоріями. Во всякомъ случаѣ, отмѣченная концепція власти объясняетъ намъ многое въ административныхъ нравахъ старой Франціи. Она объясняютъ намъ, въ частности, и эту фамильярность во вза-

---

[1]) *Encyclopédie méthodique, Jurisprudence,* t. V, p. 207: „Si le roi est le père de tous les sujets de l'état, on peut dire que l'intendant doit se regarder omme celui de tous les habitants de la province qui lui est confiée".

имныхъ отношеніяхъ между администраторами и управляемыми; ею объясняется въ значительной степени и тотъ *опекающій* характеръ вмѣстѣ съ тѣмъ „отеческимъ“ *произволомъ*, которымъ характеризуются отношенія власти къ „подданнымъ“.

VII.

„Провинція“, представляющая собою, съ точки зрѣнія отмѣченной концепціи, какъ бы одну большую семью интенданта—„отца“, вполнѣ естественно, не можетъ относиться безучастно къ частной жизни послѣдняго. Радостныя или же печальныя событія въ личной, семейной жизни интенданта; болѣзнь или смерть въ его семьѣ, свадьба, родины, крестины и т. д.,—все это такія „событія“, въ которыхъ „провинція“, въ особенности же ея „столица“, принимаютъ обыкновенно болѣе или менѣе близкое и живое участіе.

Женитьба сына пуатевинскаго интенданта Блоссака въ 1782 г. на дочери парижскаго интенданта Бертье даетъ поводъ къ цѣлому ряду сочувственныхъ манифестацій, какъ со стороны „столицы провинціи“, такъ и со стороны отдѣльныхъ „гражданъ“. Муниципалитетъ г. Пуатье отрядилъ депутацію во главѣ съ меромъ, для привѣтствованія прибывшей въ Пуатье молодой интендантши. Вмѣстѣ съ привѣтственною рѣчью меръ преподнесъ ей отъ имени города ящикъ съ коробками конфектъ, „который былъ принятъ съ величайшею учтивостью и выраженіемъ благодарности городскому корпусу“ [1]). Одинъ изъ студентовъ мѣстнаго „факультета“ посвятилъ „молодой“ свою дисертацію; мѣстные гимназисты почтили „молодыхъ“ хвалебными стихами своего издѣлія. Вообще не было недостатка въ мѣстныхъ поэтахъ, наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшившихъ „прославлять добродѣтели“ молодыхъ супруговъ во французскихъ и латинскихъ стихахъ. Въ написанной по этому случаю однимъ изъ мѣстныхъ поэтовъ латинской эклогѣ въ стихахъ Дафнисъ спрашиваетъ Микона, извѣстно ли ему, что Блоссакъ-сынъ прибылъ въ Пуатье съ молодой супругой. Миконъ отвѣчаетъ, что да, и что онъ даже сочинилъ стихи въ честь ихъ прибытія. Дафнисъ хочетъ ихъ послушать и въ награду даетъ Микону ивовую корзинку. Миконъ начинаетъ декламировать свои стихи, въ кото-

¹) *Mémoires de la Société... des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII (1855), p. 308.

рыхъ восхваляетъ молодыхъ супруговъ, ихъ „добродѣтели“, ихъ „благотворительность“, ихъ привѣтливость, скромность, красоту и т. д. Каждая строфа заканчивается стихомъ:

Dicamus bona verba, venit Blossacea proles.

А другой мѣстный поэтъ, изъ начинающихъ, потому что ему было всего двѣнадцать лѣтъ, перевелъ этотъ стихъ по-французски:

Formons des chants agréables,
L'arrivée des Blossac nous y invite.

Когда въ январѣ слѣдующаго (1788) года молодая интендантша родила сына, это дало новую тему для мѣстныхъ поэтовъ. Одинъ изъ нихъ обращается къ счастливому отцу съ латинскимъ четверостишіемъ:

Fortunate, tenes dulci de conjuge natum,
Urbis complentur, credito, vota, preces;
Justus erit, prudens, fortis, bonus atque peritus,
Ut par sit matri, par tibi, par sit avis.

Другой поэтъ воспѣваетъ роженицу:

Dum genitrix fit Bertheridis enixa puellam,
Concipe fausta, miser; corda, puella, cave:
Namque beare inopes gaudebit more parentum,
Ad se cuncta trahet corda, Cupido novus.

Послѣдніе стихи нашли себѣ переводчика въ лицѣ одного изъ мѣстныхъ гимназистовъ, который латинское четверостишіе своего земляка передаетъ слѣдующимъ французскимъ пятистишіемъ:

Bertier, d'un fils devenant mère,
Que tout ce qui gémit espère;
Que la beauté veille à son coeur;
En lui les malheureux retrouveront un père
Et le sexe un vainqueur.

Другой поэтъ „воспѣваетъ“ обоихъ супруговъ:

Vivent Blossac et Sauvigny!
Vivent et le père et le fils!
Protecteurs-nés de la province,
Ils sont également chéris
Et des Poitevins et du Prince [1]).

[1]) Ibidem, p. 309–310.

Другой разъ, по случаю смерти жены того же интенданта, городской совѣтъ г. Пуатье единогласно постановилъ „сдѣлать визитъ г-ну интенданту по поводу этого печальнаго событія, и почтить память г-жи де-Блоссакъ торжественнымъ богослуженіемъ въ церкви отцовъ Якобинцевъ, о чемъ извѣстить заблаговременно гг. де-Блоссакъ, отца и сына, и разослать пригласительные билеты всѣмъ лицамъ, занимающимъ видное положеніе въ городѣ". Постановлено, кромѣ того, что „церковь будетъ задрапирована внутри трауромъ,— что будетъ воздвигнутъ мавзолей, украшенный гербами, -что мэръ и майоръ города позаботятся о томъ, чтобы церемонія отвѣчала своею торжественностью заслугамъ дамы, ради которой она будетъ совершена, и чтобы она сдѣлала честь городу, отъ имени котораго она организуется,—что, наконецъ, аббату Дево будетъ поручено произнести надгробную рѣчь". Различныя другія мѣстныя корпораціи также приняли активное участіе въ выраженіи своихъ симпатій къ интенданту по случаю постигшаго его семейнаго горя [1]).

Родины и крестины въ семьѣ интенданта [2]), это обыкновенно— одно изъ событій, въ которымъ провинція принимаетъ особенно близкое участіе, главныхъ образомъ—въ лицѣ своей „столицы", а если это область со штатами, то также и въ лицѣ послѣднихъ.

Дижонскій муниципалитетъ обращается въ октябрѣ 1784 г. къ генералъ-контролеру съ слѣдующимъ ходатайствомъ. „Въ виду предстоящихъ въ концѣ текущаго мѣсяца первыхъ родовъ г-жи интендантши въ Дижонѣ, мы полагаемъ, это это единственное въ своемъ родѣ обстоятельство предоставляетъ намъ случай (и мы не должны его упускать) дать г-ну интенданту осязательное доказательство, какъ нашей привязанности къ нему, такъ и той привязанности которую городъ всегда сохранитъ къ его отцу [3]). Въ виду этого, мы желали бы предложить ему, чтобы городъ былъ крестною матерью [4]) его перваго дитяти, въ убѣжденіи что этотъ шагъ будетъ пріятенъ интенданту. Однако, прежде чѣмъ поставить его въ извѣстность относительно нашего намѣренія, мы обращаемся къ вамъ, Monseigneur, съ почтительнѣйшею просьбою одобрить нашъ проектъ, и такъ какъ воспріемничество города связано будетъ съ нѣкоторыми

1) Ibidem, p. 303—304.

2) Также и главнокомандующаго въ провинціи.

3) Который тоже былъ ранѣе дижонскимъ интендантомъ.

4) Такъ какъ *городъ (ville)* по-французски женскаго рода.

незначительными издержками для города, какъ-то на пріобрѣтеніе необходимыхъ для крещенія новорожденнаго принадлежностей и прочіе расходы, то мы просимъ васъ не отказать намъ въ соотвѣтствующемъ разрѣшеніи вашемъ" [1]). За министромъ, очевидно, дѣло не стало, такъ какъ мѣстная газета, *Feuilles de Bourgogne*, въ своемъ № 13 за 1785 г., даетъ описаніе „обряда крещенія старшаго сына г-на интенданта, воспріемницей котораго былъ городъ" (Дижонъ) [2]). Подобнымъ же образомъ „столица" Бретани, Реннъ, воспринимаетъ въ 1786 г. при крещеніи сына интенданта [3]). Беременность маркизы де-Лонъ, жены мѣстнаго главнокомандующаго въ Наваррѣ и Беарнѣ, даетъ поводъ для приговоровъ штатовъ каждой изъ этихъ областей. Штаты Беарна предупредили своихъ сосѣдей, обезпечивъ за собой воспріемничество перваго *сына*, какой родится у главнокомандующаго; штаты Наварры, въ своемъ засѣданіи 25-го апрѣля 1787 г., принимая это во вниманіе, высказываютъ пожеланіе, чтобы за ними была оставлена честь воспріемничества, „въ случаѣ если маркиза родитъ *дочь*"; если же родится мальчикъ, то они готовы ждать слѣдующихъ родовъ маркизы [4])... Въ засѣданіи 9-го октября 1783 г. комитетъ старшинъ трехъ сословій областей Бресса, Бюжея, Домба и Жекса, постановляютъ, какъ гласитъ протоколъ засѣданія:—„чтобы отвѣтить на учтивость, съ какою г. де-Бру изволилъ принять ихъ предложеніе относительно воспринятія при крещеніи дитяти, которымъ въ настоящее время беременна г-жа де-Бру, постановили назначить своимъ представителемъ высокаго и могущественнаго сеньера Клода-Анри Фейдо-де-Марвилля, дядю дитяти, которому дается полномочіе присутствовать отъ ихъ имени при крещеніи дитяти и дать ему, съ соизволенія г-на и г-жи де-Бру, имя областей [5]). При крещеніи ребенокъ получилъ имя *Bresse-Bugey*-Henri-Victor [6]). Подобнымъ же образомъ одинъ изъ сыновей лангдокскаго интенданта, воспринятый „провинціей", получилъ при крещеніи имя Antoine-Fulcrand-Emmanuel-*Languedoc*, а крещенная

[1]) *Archives nationales*, H.—*Pièces justificatives*, Nr. 267.

[2]) *Pièces justificatives*, Nr. 269.

[3]) *Archives nationales*, H 522 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. I, p. 232).

[4]) *Archives départementales des Basses-Pyrénées*, C 1539. — *Pièces justificatives*, Nr. 275.

[5]) *Archives départementales de l'Ain*, C 894.—*Pièces jutificatives*, Nr. 263.

[6]) Ibidem.

въ подобныхъ же условіяхъ дочь интенданта была названа Charlotte-Antoinette-Marie-*Septimanie* [1]).

VIII.

Поводами для проявленія куртуазно-фамильярныхъ отношеній между администраторомъ и управляемыми служатъ также довольно частыя *публичныя празднества,* которыя вообще составляютъ въ старой Франціи одну изъ видныхъ сторонъ общественной жизни, въ особенности въ провинціи. Прибытіе въ Безансонъ новаго интенданта въ лицѣ бывшаго монтобанскаго интенданта де-ла-Корэ, въ октябрѣ 1761 г., было ознаменовано общественнымъ праздникомъ и иллюминаціей. Интендантъ—пишетъ мѣстный бытописатель-современникъ—изъ любопытства посмотрѣть на это повсемѣстное празднество, захотѣлъ пройтись вечеромъ по улицамъ. Проходя по площади Сенъ-Морисъ, не смотря на густую толпу публики, онъ былъ узнанъ, благодаря лунному освѣщенію. Его остановили и заставили танцовать вмѣстѣ съ другими танцующими, при непрерывныхъ возгласахъ: „Да здравствуетъ ла-Корэ! къ черту де-Бонна!...“ [2]).

Въ качествѣ хлѣбосольнаго „хозяина“ провинціи, интендантъ принимаетъ зачастую дѣятельное участіе въ этого рода публичныхъ празднествахъ, что вполнѣ гармонируетъ съ той центральной ролью, которую обыкновенно играетъ интендантскій „отель“ въ „столицѣ“ области, гдѣ гостиная „г-жи интендантши“ является главнымъ, если не единственнымъ, мѣстнымъ „салономъ“, а парадный залъ интендантства—въ то же время и театромъ, зачастую единственнымъ во всей провинціи. Чиновники интендантскихъ канцелярій нерѣдко въ то же время и артисты, играющіе каждый свою роль въ дѣлѣ организаціи общественныхъ празднествъ, на ряду съ подобными же артистами-любителями изъ мѣстнаго „общества“. Такъ, при безансонскомъ интендантствѣ мы находимъ цѣлый неофиціальный штатъ различныхъ спеціалистовъ по организаціи празднествъ и увеселеній. Тутъ мы находимъ мѣстнаго писателя, поэта и драматурга

---

1) *Roschach,* op. cit., t. XIII, p. 1148.—*Septimania*, римская провинція, составлявшая часть позднѣйшаго Лангдока.

2) *Grimont,* Annales de Besançon, t. II, p. 12 (цит. по *Lurion,* M. de la Coré, p. 9).—Де-Боннъ, предшественникъ ла-Корэ, былъ непопуляренъ въ своей области.

Philipon de la Madelaine, соединявшаго это качество съ званіемъ королевскаго адвоката при мѣстномъ финансовомъ присутствіи [1]); его спеціальностью было—сочинять соотвѣтствующія случаю „дивертисменты“ въ прозѣ и стихахъ. Музыкальная часть была спеціальностью г-на Гріуа, одного изъ секретарей интендантства, а жена послѣдняго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами, подвизалась не безъ успѣха на домашней сценѣ интенданта; городской архитекторъ Бертранъ завѣдовалъ декоративной частью и иллюминаціями [2]). Возстановленіе безансонскаго парламента въ апрѣлѣ 1775 г. было ознаменовано цѣлымъ рядомъ „празднествъ“, въ особенности у представителей мѣстной магистратуры. Въ теченіе нѣсколькихъ дней фасады домовъ были иллюминованы транспарантами съ надписями въ честь короля и парламента. „Первый президентъ, г. де-Гробуа, далъ великолѣпный обѣдъ въ честь членовъ парламента“: въ числѣ приглашенныхъ были также мѣстные главнокомандующій и интендантъ [3]). 22-го мая того же года интендантомъ былъ устроенъ „праздникъ“ въ честь прибывшихъ проѣздомъ въ Безансонъ принца Кондэ и герцога Бурбонскаго. Интендантство, гдѣ былъ устроенъ въ честь высокихъ гостей ужинъ, было роскошно декорировано и иллюминовано. Стѣны столовой были сплошь покрыты зеленью, колонны соединены гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ и „медальонами, содержащими эмблемы нравственныхъ и военныхъ добродѣтелей принцевъ Кондэ“. Съ потолка опускался балдахинъ изъ цвѣтовъ. „Праздникъ“ завершился баломъ, продолжавшимся всю ночь [4]). 21-го мая 1777 г. въ интендантствѣ опять устраивается „праздникъ“ въ честь д'Антрэга, одного изъ мѣстныхъ командующихъ войсками. Ужинъ, концертъ, въ которомъ принимаетъ личное участіе, въ качествѣ пѣвицы г-жа де-ла-Корэ, супруга интенданта, затѣмъ —„аллегорическій дивертисментъ“, прославлявшій въ довольно неуклюжихъ стихахъ единеніе города, парламента и различныхъ

[1]) *Quérard,* la France littéraire, t. VII, p. 124—126. Довольно плодовитый писатель, продолжавшій свою писательскую дѣятельность и во время революціи и послѣ нея. Во время имперіи онъ получилъ мѣсто библіотекаря при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при реставраціи — мѣсто управляющаго брата короля.

[2]) *Lurion,* op. cit., p. 45.

[3]) Ibidem, p. 46.

[4]) *Grimont,* Annales de Besançon, t. II, p. 278 (цит. по *Lurion,* op. cit., p. 46—47).

корпорацій. Въ началѣ 1778 г. законченъ постройкой начатый въ 1771 г. новый „отель интендантства“ [1]), 18-го февраля интендантъ справляетъ свое новоселье, которое началось утромъ богослуженіемъ, а закончилось вечеромъ—ужиномъ въ новомъ помѣщеніи интендантства. Приглашено было все мѣстное общество: представители мѣстной магистратуры, городского управленія, офицеры гарнизона—конечно съ дамами. „Ужинъ—записываетъ въ своемъ дневникѣ мѣстный обыватель—сопровождался большимъ баломъ, продолжавшимся всю ночь. Празднество вышло блестящимъ, благодаря множеству дамъ, разряженныхъ одна роскошнѣе другой. Дорога къ интендантству, начиная отъ переулка Кармъ была иллюминована плошками“ [2]). 24-го мая 1778 г. снова праздникъ въ честь князя де-Монбаррэ, назначеннаго военнымъ министромъ. Иллюминація интендантства, памятниковъ, различныхъ общественныхъ и частныхъ зданій, винные фонтаны для народа и т. д. [3]). 13-го января 1779 г. большой ужинъ въ интендантствѣ по случаю рожденія дочери Людовика XVI (впослѣдствіи герцогини Ангулемской) [4]). Въ ноябрѣ 1781 г. городъ Безансонъ устраиваетъ, по случаю рожденія дофина, празднество, въ которомъ принимаютъ дѣятельное участіе, какъ мѣстный парламентъ, такъ и интендантство [5]).

Первымъ актомъ дѣятельности интенданта де-Блоссака въ Пуатье было устройство празднества по случаю рожденія герцога Бургонскаго. Въ программу празднества входила свадьба двѣнадцати „бѣдныхъ дѣвушекъ“, въ которой принялъ дѣятельное участіе городъ. Свадебный кортежъ направился изъ „отеля“ городского мера, при чемъ городскіе старшины вели подъ руку невѣстъ. Шествіе открывалось представителями промышленныхъ цеховъ въ парадныхъ костюмахъ, съ музыкантами впереди, и замыкалось представителями городского муниципалитета съ интендантомъ, „г-жей интендантшей“, представителями мѣстной знати и „безчисленной толпой народа“. По улицамъ, вдоль выстроившихся шпалерами „гренадеръ“ городской милиціи, процессія направилась къ собору. Послѣ бракосочетанія, совершеннаго здѣсь епископомъ, новобрачные со „свитой“

[1]) Въ настоящее время—префектура департамента *Doubs*.

[2]) *Grimont*, Annales de Besançon, t. II, p. 317 (цит. по *Lurion*, op. cit., p. 20).—Сравн. *Gauthier*, Besançon de 1774 à 1791, p. 8.

[3]) *Lurion*, op. cit., p. 47.

[4]) *Lurion*, op. cit., p. 47—48.

[5]) *Estignard*, le Parlement de Franche-Comté, t. II, p. 27—28.

были приглашены въ „отель“ интенданта, гдѣ въ честь ихъ и ихъ семействъ былъ устроенъ обѣдъ на 90 персонъ, „обиліе котораго нисколько не отразилось на его изысканности и великолѣпіи“. Вино текло рѣкой, какъ за столомъ, такъ и у „воротъ отеля, что доставило большое удовлетвореніе народу“. Во все время обѣда играла музыка, а послѣ обѣда былъ балъ, закончившійся фейерверкомъ. Епископъ, съ своей стороны, ознаменовалъ этотъ день угощеніемъ, которое имъ было послано въ главный госпиталь и въ мѣстныя тюрьмы. На другой день новобрачные явились къ интенданту и его супругѣ, чтобы выразить имъ свою благодарность, и были снова приглашены обѣдать, а послѣ обѣда опять былъ балъ, на которомъ „сочли за удовольствіе появиться и танцовать“ представители мѣстнаго общества [1]).

Организація „стола“ составляетъ не послѣднюю изъ заботъ интенданта въ эпоху сессіи мѣстныхъ штатовъ. Ландокскій интендантъ Баллэнвилльe принимаетъ заблаговременно мѣры къ обезпеченію своего стола отборною провизіей. „Вы меня премного обяжете—пишетъ онъ собственноручную записку своему субделегату въ Тулузѣ, 12-го декабря 1787 г.—, добывъ мнѣ при случаѣ два самыхъ лучшихъ лосося, какіе ловятся въ вашихъ краяхъ, и даже—двухъ осетровъ, если бы оказалось возможнымъ. Необходимо при пересылкѣ принять мѣры къ тому, чтобы рыба не попортилась въ дорогѣ. Жалѣю о причиняемомъ вамъ безпокойствѣ, но буду безконечно вамъ признателенъ“ [2]).

Иногда это административное хлѣбосольство носитъ на себѣ слѣды вліянія сентиментально-народолюбиваго настроенія эпохи. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ передаетъ зарегистрованное въ *Секретныхъ мемуарахъ* письмо одного обывателя городка Prades въ Руссильонѣ, отъ 27-го іюня 1784 г. „Нашему интенданту Ремонъ-де-Сенъ-Совёру пришла въ голову идея—устроить сельскій праздникъ (une fête champêtre). Идею эту онъ вычиталъ въ одномъ сочиненіи, носящемъ заглавіе *Воспитаніе народа.* Не буду входить въ подробности продѣланныхъ при этомъ различныхъ ребяческихъ

---

[1]) *Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest,* t. XXII (1855), p. 289—293.

[2]) *Archives départementales de la Haute-Garonne,* C 56—*Pièces justificatives,* Nr. 276.—Сравн. также то, что было сказано объ офиціальномъ хлѣбосольствѣ—въ другой связи, т. I, стр. 279—280 и 310.

церемоній, смыслъ которыхъ заключался въ нѣкоторой чувствительной аллегоріи, клонящейся къ установленію той истины, что, послѣ благодѣяній Провидѣнія, истинными источниками благосостоянія являются трудъ и благонравіе. Таковъ именно былъ смыслъ словъ, сказанныхъ интендантомъ при врученіи городу суммы, равной стоимости двухъ возовъ пшеницы вѣсомъ въ 600 фунтовъ, въ качествѣ преміи, по присужденію городского корпуса, въ пользу лучшаго земледѣльца, самаго честнаго и трудолюбиваго во всей округѣ. Выдача преміи сопровождалась раздачею милостыни бѣднымъ. Въ честь награжденнаго преміей и сопровождавшихъ его жнецовъ, жницъ и бѣдняковъ былъ устроенъ обѣдъ изъ соотвѣтствующихъ обстановкѣ кушаній. *При этомъ г. интендантъ, а по его примѣру и муниципальные чиновники прислуживали гостямъ.* Онъ предложилъ тостъ за короля, вызвавшій возгласы *да здравствуетъ король!* Празднество завершилось танцами“ [1]).

А вотъ и другая картинка въ томъ же родѣ, съ тою лишь разницею, что интендантъ на этотъ разъ фигурируетъ не въ роли хлѣбосольнаго и услужливаго хозяина, а въ роли благосклоннаго гостя. Мѣстомъ дѣйствія является Овернь. Въ этой, сохранившей много культурной первобытности провинціи, продолжали среди крестьянства существовать кое-гдѣ патріархальныя семьи-роды, состоявшія изъ нѣсколькихъ семей, жившихъ вмѣстѣ однимъ общимъ хозяйствомъ. Такова была семья-родъ Гиттаровъ, состоявшая въ восьмидесятыхъ годахъ изъ четырехъ семей, всего девятнадцать человѣкъ, считая и дѣтей, и жившая особымъ хуторомъ вблизи городка Тьерса, не подалеку отъ имѣнія овернскаго интенданта де-Шазера. По пути въ имѣніе интендантъ любилъ заѣзжать къ Гиттарамъ, которыхъ, въ свою очередь, запросто принималъ у себя въ качествѣ гостей, когда кому-либо изъ ихъ многолюдной семьи случалось заѣхать къ своему сосѣду. Разъ Гиттары устроили настоящій „праздникъ“ въ честь Шазера. Предоставляемъ слово повѣствователю-современнику. „Хозяинъ (maître) [2]), въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ общины, явился въ имѣніе [3]) Ligonnes, чтобы выразить г-ну де-Шазера желаніе послѣдней устроить въ честь его обѣдъ. Интендантъ и его

1) *Mémoires secrets,* t. XXVI (19 juillet 1784).

2) Избираемый всей семьей глава ея. Объ организаціи этой семьи-рода см. выдержку изъ Legrand d'Aussy у *Карѣева*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ, стр. 145—146.

3) Интенданта.

супруга не только сочли своимъ долгомъ, но и почли за честь принять приглашеніе. Вслѣдъ за ними многія лица изъ общества высказали желаніе присутствовать на празднествѣ. Мѣстомъ послѣдняго былъ выбранъ просторный сарай, полъ котораго по этому случаю былъ усыпанъ цвѣтами и душистыми травами, стѣны же и стропила, покрытыя сплошь свѣжими вѣтками, представляли собою настоящую бесѣдку изъ зелени.... Обѣдъ, хотя и приготовленный поваромъ интенданта, имѣлъ вполнѣ деревенскій характеръ; но свобода обращенія, непринужденное веселье и духъ равенства сообщили ему чарующую прелесть. Послѣ обѣда начались танцы, и празднество продолжалось до самой ночи. Во всѣхъ участникахъ оно оставило столь пріятное впечатлѣніе, что тѣ изъ нихъ, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать, говорили о немъ съ восхищеніемъ. Въ свою очередь, г. де-Шазера далъ великолѣпный пиръ въ честь Гиттаровъ въ своемъ имѣніи". Благоволеніе интенданта къ Гиттарамъ выразилось, кромѣ того, въ особомъ „отличительномъ и почетномъ знакѣ", который интендантъ выхлопоталъ для нихъ у правительства. „Это былъ поясъ во вкусѣ тѣхъ, что носятъ овернскіе крестьяне. Изъ голубого бархата, отороченнаго краснымъ, онъ былъ украшенъ спереди серебряной бляхой съ рельефнымъ изъ литого золота изображеніемъ государственнаго герба и орнаментомъ на сельскохозяйственные сюжеты, и съ надписью внизу, состоящею изъ слѣдующаго четверостишія, болѣе замѣчательнаго выраженными въ немъ чувствами, чѣмъ изяществомъ стиховъ:

Chazerat, de d'état obtint cette ceinture;
Les Guittard en sont revêtus.
Elle honore l'agriculture,
Elle est le prix de leurs vertus"[1]).

IX.

„Провинція", съ своей стороны, старается, по мѣрѣ возможности, не остаться въ долгу у своего хлѣбосольнаго „хозяина", частью участвуя матеріально въ этомъ хлѣбосольствѣ, частью возвращая хлѣбъ-соль за хлѣбъ-соль, частью—и главнымъ образомъ—*отдаривая* его болѣе или менѣе щедрою рукою. Въ засѣданіи штатовъ области Жексъ 22-го апрѣля 1778 г.—какъ гласитъ протоколъ—

1) *Legrand d'Aussy*, Voyage dans la ci-devant Auvergne, t. I, 487—493.

г-номъ Фабри [1]) было доложено, что въ предстоящую сессію (бургонскихъ) штатовъ г. маркизъ де-Гувернэ [2]) и г. интендантъ даютъ нѣсколько обѣдовъ въ честь Его свѣтлѣйшаго Высочества [3]), и что имъ было бы сдѣлано большое удовольствіе доставкой нѣсколькихъ крупныхъ форелей изъ Женевскаго озера, какъ это обыкновенно дѣлаетъ область въ подобномъ случаѣ. О каковомъ предложеніи собранію предлагается постановить приговоръ. Постановлено, что гг. старшины сословій приложатъ всѣ заботы къ тому, чтобы добыть четыре крупныхъ форели изъ Женевского озера, и отправить кратчайшей и наиболѣе удобной въ настоящій сезонъ дорогой двѣ форели маркизу де-Гувернэ и двѣ г-ну интенданту" [4]). Въ росписи расходовъ области Жексъ за 1778 г. значится, между прочимъ, 436 л. 5 с. 6 д. на пріемъ дижонскаго интенданта, по случаю сессіи штатовъ, въ томъ числѣ: 165 л. 15 с. 6 д. „за рыбу, добытую изъ Копэ, въ Швейцаріи": 56 л. за 16 фунтовъ свѣчей; 159 д.— „трактирщику—за прокормъ людей г-на интенданта, его свиты и лошадей"; 96 л. „ему же, въ видѣ вознагражденія за труды и заботы по доставкѣ необходимыхъ продуктовъ для стола г-на интенданта и за приготовленіе для него кушаній во время его пребыванія въ Жексѣ"; 9 л. 10 с.—„за чистку столоваго бѣлья, принадлежащаго провинціи". Сверхъ того, выдано 150 л. г-ну Фабри [5]) „въ возмѣщеніе дорожныхъ расходовъ во время поѣздки съ интендантомъ" [6]).

Что касается *подарковъ натурой*, то они представляютъ собою одну изъ наиболѣе общепринятыхъ формъ куртуазности въ отношеніяхъ „провинціи" и ея „столицы" къ своимъ офиціальнымъ „хозяевамъ", въ лицѣ интенданта и главнокомандующаго [7]).

„Узнавъ, что г. де-ла-Корэ, послѣ отставки г. де-Боина, назначенъ интендантомъ (въ Безансонъ)—значится въ протоколѣ засѣданія безансонскаго муниципалитета 2-го мая 1761 г.—собраніе обратилось къ гг. комиссарамъ городской думы съ просьбой добыть вина и туалетныя принадлежности, которыя, согласно обычаю, городъ

1) Старшина третьяго сословія, онъ же субделегатъ интендата.

2) Главнокомандующій.

3) Генералъ-губернаторъ, князь Кондэ.

4) *Archives départementales de l'Ain*, C 1009.

5) Субделегату.

6) Ibidem.

7) Также—генералъ-губернатора; это, впрочемъ, въ одной лишь области (Бургони).

преподноситъ гг. интендантамъ и ихъ супругамъ при ихъ прибытіи". Интендантъ прибылъ въ Безансонъ пятаго октября въ восемь часовъ вечера. Тотчасъ же къ нему въ „отель" явилась депутація отъ города въ лицѣ одного старшины и трехъ совѣтниковъ, для принесенія привѣтствія. Депутація „была принята очень привѣтливо" „Затѣмъ отъ имени городского муниципалитета интенданту было поднесено пятьдесятъ бутылокъ бургонскаго и столько же шампанскаго". Супругѣ интенданта преподнесено два туалета съ принадлежностями, на сумму въ семьсотъ пятьдесятъ ливровъ [1]). Въ 1763 г. супруга пуатевинскаго интенданта возвращается въ Пуатье послѣ продолжительнаго отсутствія. По предложенію мера, городской совѣтъ постановляетъ, что, въ виду того, что городъ многимъ обязанъ г-ну интенданту, меръ города предложитъ г-жѣ де-Блоссакъ, при ея возвращеніи, обычный подарокъ, состоящій изъ конфектъ". Во исполненіе этого постановленія, городской совѣтъ съ меромъ во главѣ отправились въ „отель" интендантства. „Меръ сказалъ привѣтственную рѣчь г-жѣ де-Блоссакъ и передалъ ей ящикъ, наполненный коробками конфектъ, что было ею принято съ величайшею учтивостью и выраженіемъ благодарности городскому корпусу" [2]). Подобное же подношеніе „коробокъ конфектъ", отъ имени города имѣло, какъ мы видѣли, мѣсто въ 1782 г. по отношенію къ прибывшей въ Пуатье новобрачной супругѣ сына интенданта [3]).

По случаю новаго года городской корпусъ Пуатье подноситъ интенданту, въ качествѣ *étrennes*, сто фунтовъ столовыхъ свѣчей изъ бѣлаго воска, тридцать фунтовъ такихъ же свѣчей первому секретарю интендантства и, наконецъ, тридцать ливромъ деньгами прислугѣ интенданта,—все это впрочемъ съ оговоркою въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ протоколовъ городского совѣта: „sans tirer à conséquence" [4]).

Подарки натурой, на которые въ то время смотрѣли, какъ на естественное продолженіе хлѣбосольства, не только никого не смущали, но, наоборотъ, служили, такъ сказать, къ обоюдному удовольствію и дающаго и получающаго. Подарковъ не думали прикрывать или маскировать ни тѣ, кто давалъ, ни тѣ, кто получалъ; на-

1) *Délibérations du magistrat de Besançon* (цит. по *Lurion*, op. cit., p. 9).
2) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 298.
3) См. выше, стр. 665.
4) *Mémoires ... des Antiquaires de l'Ouest*, t. XXII, p. 298—299.

оборотъ, каждая сторона не прочь была даже аффишировать ихъ: дающая сторона—какъ знакъ своей щедрости и умѣнья цѣнить „оказанныя ей услуги“, получающая сторона—какъ наглядный знакъ „уваженія“ со стороны дающихъ. „Подобные подарки—пишетъ городской прокуроръ Булони при Счетной палатѣ, въ 1769 г.,—всегда почетны для тѣхъ, кому они дѣлаются. Мнѣ это лучше знать, чѣмъ многимъ другимъ, потому что я состою ходатаемъ по дѣламъ городъ Ліона и нѣсколькихъ другихъ городовъ. Отъ Ліона я получаю, при каждой сдачѣ отчета, прованское масло, оливки, окорока: отъ Реймса—шампанское, и т. д.“ [1]) Не только въ принятіи подарка нѣтъ ничего зазорнаго для получающаго, а наоборотъ—„было бы по меньшей мѣрѣ неприлично“—отказаться отъ подарка [2]).

Подарки преподносятся отъ имени городовъ и областей не только мѣстнымъ представителямъ власти, въ лицѣ интендантовъ и главнокомандующихъ, но также посылаются и министрамъ.

Въ бюджетѣ города Бордо за 1777 г. находимъ, между прочимъ, статью расхода въ 5.210 л. 2 с. 6. д. въ уплату за „свиные и гусиные окорока для подарковъ“ (всего 172 свиныхъ окорока и 28 боченковъ гусиныхъ). „Распредѣленіе ихъ произведено слѣдующимъ образомъ: 36 свиныхъ окороковъ и 12 боченковъ гусиныхъ—г-ну Бертэну; 36 свиныхъ и 12 боченковъ гусиныхъ—г-ну генералъ-контролеру; 12 свиныхъ и 4 боченка гусиныхъ—г-ну де-ла-Барбери“ [3]). Далѣе слѣдуютъ 12 окороковъ—г-ну де-Буллоннь (одному изъ финансовыхъ интендантовъ), виконту де-Ноэ, меру Бордо, шесть окороковъ—г-ну Менару, одному изъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля, и т. д.[4]). Старшины бургонскихъ штатовъ отправляютъ въ 1786 г. цѣлый обозъ мѣстныхъ винъ въ Версаль, всего на сумму около 12.000 ливровъ (считая въ томъ числѣ провозъ и пошлины). На первомъ мѣстѣ фигурируетъ Son Altesse sérénissime, князь де-Кондэ, генералъ-губернаторъ области, которому посылается транспортъ въ триста бутылокъ лучшихъ сортовъ (Vosne et Nuits), по 39 су бутылка, двѣсти бутылокъ болѣе дешеваго сорта (Aloxe) по 31 су 3 д. бу-

---

1) *Inventaire des archives de Boulogne*, Nr. 78 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. I, p. 276).

2) „Pour le moins indécent“. — Lettre de Nogaret à Ménard de Conichard. 1781.— *Archives nationales*, H 1315 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. I. p. 277).

3) Директору канцеляріи министа Бертэна.

4) *Archives nationales*, H 92 (1777).

тылка, три боченка бонскаго вина (vin de Beaune), всего съ доставкой и пошлинами на сумму около полуторы тысячи ливровъ. Далѣе слѣдуютъ: министръ двора, баронъ де-Бретейль, которому предназначается подобный же транспортъ винъ на 1227 ливровъ,—министръ провинціи маршалъ де-Сегюръ, которому адресуется подобная же посылка на 776 л., —генералъ-контролеръ де-Калоннъ—на тысячу ливровъ; далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ чиновниковъ центральныхъ вѣдомствъ [1]). Въ области Брессъ существуетъ обычай посылать ежегодно министрамъ, интенданту, главнокомандуещему и ихъ секретарямъ, равно какъ депутатамъ третьяго сословія, подарки откормленой птицей (volaille grasse), всего на сумму до 1500 л. [2]). Предсѣдатель беарнскихъ штатовъ, лескарскій епископъ, предлагаетъ въ 1786 г. собранію послать въ подарокъ генералъ-контролеру, министрамъ Верженню и Бретейлю и герцогу Граммону (главнокомандующему въ области) каждому по шестисотъ бутылокъ лучшаго мѣстнаго вина, „для того чтобы дать имъ понятіе о качествѣ беарнскихъ винъ и заручиться ихъ покровительствомъ мѣстной винной торговлѣ“ [3]). Вообще, по части подарковъ натурой, каждая область обладала особой „спеціальностью“. Такъ, Бургонь шлетъ свои знаменитыя вина, тоже—Шампань; Маконнэ — свои варенья, область Брессъ—своихъ пулярдокъ и прочую пернатую живность, Бордо и Байонна—свиные и гусиные окорока, Провансъ—оливковое масло, и т. д. [4]).

Одну изъ обычныхъ формъ „подарковъ“ отъ имени провинціальныхъ штатовъ составляютъ „кошельки съ жетонами“ (bourses de jetons). Въ 1789 г. Son Altesse sérénissime получаетъ отъ бургонскихъ штатовъ сто золотыхъ жетоновъ „вѣсомъ въ шесть марокъ“, въ „бархатномъ кошелькѣ, подбитомъ атласомъ, съ вышитымъ золотомъ гербомъ Его свѣтлѣйшаго Высочества“. Остальные должны довольствовать серебряными и бронзовыми жетонами. На ряду съ различными почетными членами штатовъ и видными чинами „провинціи“, въ числѣ получателей жетоновъ [5]) фигурируютъ министры Неккеръ и Лоранъ-де-Билльдейль („министръ провинціи“); на долю каждаго

[1]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3242. Etat des vins de présent envoyés par ordre de MM. les Elus, pour l'année 1786.

[2]) *Archives départemental de l'Ain*, C 899 (30 novembre 1789).

[3]) *Archives départementales des Basses-Pyrénées*, C 821.

[4]) Сравн. *Babeau*, la Ville, t. I, p. 277.

[5]) Всего 68 лицъ.

приходится по 100 жетоновъ; по стольку же—на долю мѣстнаго главнокомандующаго и интенданта[1]).

X.

Кошелекъ съ золотыми жетонами врядъ ли чѣмъ существенно отличенъ отъ кошелька съ золотыми монетами, и почему бы, спрашивается, послѣдній не могъ играть съ такимъ же успѣхомъ роль „подарка“? Врядъ ли стоитъ удивляться тому, что онъ, дѣйствительно, играетъ эту роль, и даже съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ подарокъ натурой или въ видѣ жетоновъ, какъ это можно судить по той популярности, какою пользуется нумизматическій „подарокъ“ въ обиходѣ взаимныхъ отношеній между правителями и управляемыми въ старой Франціи. Замѣтьте, что дѣло идетъ не о тѣхъ „подаркахъ“, которые даются и получаются изъ-подъ полы, въ запечатанномъ конвертѣ и по возможности съ глазу на глазъ. Съ денежными *вознагражденіями (gratifications)*, какъ ихъ называли, такъ же мало стыдятся или скрываются и дающіе и получающіе, какъ это было и съ подарками натурой. „Вознагражденія“ вносятся въ оффиціальные бюджеты и въ оффиціальные отчеты городовъ и провинціальныхъ штатовъ; получающіе выдаютъ форменныя расписки въ полученіи, и эти расписки „пріобщаются“ къ соотвѣтствующимъ „дѣламъ“ [2]). Въ бюджетѣ города Бордо на 1777 г. находимъ, между прочимъ, слѣдующія статьи расходовъ: „директору канцеляріи г. Бертэна, министра провинціи,—1.200 ливровъ: секретарю интендантства, завѣдующему дѣлами, касающимися города, согласно исконному обычаю,—200 ливровъ; содержателю конной почты, согласно обычаю,—1.000 ливровъ; на праздничныя различнымъ лицамъ, какъ въ Бордо, такъ и въ Парижѣ, согласно старинному обычаю,—1.721 л. 15 с“. Относительно послѣдней суммы, примѣчаніе гласитъ, что „подробная роспись ея была послана генералъ-контролеру“ [3]). Городъ Ліонъ выплачиваетъ одному изъ чиновниковъ центральныхъ вѣдомствъ ежегодную „пенсію“

[1]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3344.

[2]) Напримѣръ, расписку, выданную министромъ Бретейлемъ 14-го января 1788 г. въ полученіи имъ отъ беарнскихъ штатовъ 1500 л. „вознагражденія“ за 1786 г. сохранилась въ *Archives départementales des Basses-Pyrénées*, C 1516 (она воспроизведена въ нашихъ *Pièces justificatives*. Nr. 254).

[3]) *Archives nationales*, H 92.

въ 3.000 ливровъ, „въ благодарность за оказанныя имъ городу услуги и за ускореніе движенія дѣлъ, которыя городу приходилось въ различныя времена вести въ королевскомъ совѣтѣ“ [1]). Марсель посылаетъ 2.000 л. „вознагражденія“ министру провинціи и 1000 л. его первому секретарю [2]). Городъ Нанси выплачиваетъ „вознагражденія“ въ 2.000 л. главнокомандующему и въ 6.000 л. интенданту [3]). Тулуза выплачиваетъ въ восьмидесятыхъ годахъ 300 ливровъ главному секретарю интендантства и 96 л. одному изъ его помощниковъ [4]). Чиновники лангдокскаго интендантства получаютъ отъ различныхъ городовъ области въ общей сложности 9.100 л. въ годъ [5]). Министръ финансовъ получаетъ въ восьмидесятыхъ годахъ отъ лангдокскихъ штатовъ 8.000 ливровъ, „за сессію штатовъ“ (pour la tenue des Etats), интендантъ — 7.000 л., и его секретарь—3.200 л. „вознагражденія“ [6]). Отъ штатовъ Артуа интендантъ получаетъ въ послѣдніе годы передъ революціей 6.000 л. въ годъ [7]). Марсанскій субделегатъ получаетъ 70 ливровъ въ годъ отъ мѣстныхъ штатовъ [8]). Собраніе коммунъ Прованса ассигнуетъ, въ своемъ засѣданіи 22-го ноября 1780 г., 900 ливровъ „вознагражденія“ главному секретарю интендантства [9]). Бургонскіе штаты ассигнуютъ въ 1776 г. 12.000 л., а въ 1785 г.—18.000 л. на „вознагражденіе“ чиновникамъ интендантскихъ канцелярій [10]). Въ бюджетѣ штатовъ сосѣдней области Брессъ на 1778 г. фигурируетъ, между прочимъ, отдѣлъ расходовъ, озаглавленный „вознагражденія“, и распадающійся на слѣдующія статьи: губернатору—21.600 ливр., королевскому генералъ-лейтенанту—10.000 л., байльи области Брессъ—6.000 л., министру Амело—3.600 л., интенданту Дюплэ, „въ признательность за существенные знаки его покрови-

[1]) *Inventaire des archives municipales de Lyon*, BB 327 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. I, p. 286).

[2]) *Archives nationales*, H 1314—1315 (ibidem).

[3]) *Mathieu*, l'Ancien régime en Lorraine, p. 250.

[4]) *Archives nationales*, H 944.

[5]) *Archives nationales*, H 995.

[6]) *Archives nationales*, H 944.

[7]) Губернаторъ—25,000 л. — *Loriquet*, les Cahiers du Pas-de-Calais, t. I, p. 396.

[8]) Etats des Bastilles de Marsan, Tursan et Gabardan.—*Archives nationales*, H 1165.

[9]) *Archives départamentales des Bouches-du-Rhône*, C 91.

[10]) *Babeau*, la Province, t. II, p. 41.

тельства области Брессъ" [1]),—1.600 л.: первому секретарю министра Амело—800 л., другому его секретарю—400 л., третьему—200 л.: первому секретарю генералъ-контролера—400 л., интенданту—1.600 л., первому секретарю интендантства—400 л., секретарю королевскаго генералъ-лейтенанта—300 л., субделегату—1.000 л. [2]). Штаты сосѣдней области Жексъ ассигнуютъ въ томъ же году 1.000 л. „вознагражденія" интенданту и 150 л. его первому секретарю [3]). Штаты сосѣдней области Маконнэ, въ своемъ засѣданіи 3-го марта 1789 г., ассигнуютъ 1.200 л. „вознагражденія" главному секретарю „министра провинціи", столько же главному секретарю генералъ-контролера и 600 л. другому секретарю [4]). Королевскій комиссаръ при штатахъ области Фуа, графъ д'Юссонъ, получаетъ въ 1783 г. „чрезвычайное вознагражденіе" въ 20.000 л. [5]), а въ 1786 г., „въ виду того, что дѣла провинціи задержали королевскаго комиссара въ области на болѣе продолжительное время", эта сумма была повышена до 24.000 л., не считая „вознагражденія" въ 1.500 л. его секретарю [6]). Герцогъ д'Эгильонъ, главнокомандующій въ Бретани, получаетъ, въ качествѣ королевскаго комиссара, „вознагражденіе отъ провинціи" въ 30,000 л. за каждую сессію штатовъ, интендантъ 8.000 л. [7]). Сверхъ того, „согласно исконному обычаю" (suivant l'usage immémorial), бретанскіе штаты ассигнуютъ въ каждую свою сессію слѣдующія „вознагражденія": статсъ-секретарю, министру провинціи, 16.000 л., морскому министру—6.000 л., первому секретарю министра провинціи—3.000 л., первому секретарю отдѣла провинціальныхъ штатовъ—1.000 л., одному изъ секретарей министра провинціи —300 л. [8]).

[1]) „En reconnaissance des marques essentielles qu'il donne de sa protection au pays de Bresse".

[2]) *Archives départementales de l'Ain*, C 895. Registre des délibérations du Tiers Etat de Bresse, 27 avril 1778.

[3]) Ibidem, C 1009.

[4]) *Archives départementales de Saône-et-Loire*, C 499

[5]) *Archives nationales*, H 1053.

[6]) *Archives nationales*, H 1429.

[7]) Отъ казны, сверхъ того, герцогъ получаетъ отъ 100,000 до 330,000 л. за каждую сессію. Всего за время своего командованія въ Бретани онъ получилъ, въ качествѣ „вознагражденія", 1,654,400 л., въ томъ числѣ отъ штатовъ—225.000 л.—*Archives nationales*, H 560, 536.

[8]) *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 1798.

На „вознагражденіе“ получающій готовъ смотрѣть даже, какъ одно изъ „правъ своей должности“, которое онъ, при случаѣ, будетъ отстаивать „всѣми законными путями“. Бигоррскій сенешалъ чувствуетъ себя въ „своемъ правѣ“, требуя отъ мѣстныхъ штатовъ уплаты ему „вознагражденія“ за семнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ штаты „присвоивали себѣ“ причитавшееся ему, какъ королевскому комиссару, ежегодное вознагражденіе въ традиціонномъ размѣрѣ 270 л. Получивъ отъ штатовъ отказъ, сенешалъ обращается съ жалобой къ генералъ-контролеру. Принципіально генералъ-контролеръ, очевидно, ничего не имѣлъ противъ удовлетворенія жалобы сенешала, потому что 13-го февраля 1783 г. министръ обращается къ старшинамъ штатовъ съ письмомъ, въ которомъ запрашиваетъ у нихъ „разъясненія“ по этому дѣлу [1]). Не знаемъ, каковы были данныя старшинами штатовъ „разъясненія“, но жалоба сенешала была генералъ-контролеромъ д'Ормессономъ оставлена безъ послѣдствій [2]). Въ 1785 г. беарнскіе штаты ассигновали 1.500 ливровъ въ „вознагражденіе“ „министру провинціи“ и 500 л. одному изъ его секретарей, но, по забывчивости или съ какою-либо коварною цѣлью, не внесли въ свою смѣту соотвѣтствующихъ статей для генералъ-контролера и его канцеляріи. Копія съ соотвѣтствующаго приговора штатовъ, присланная въ генеральный контроль, попадаетъ въ руки чиновника, завѣдующаго дѣлами провинціальныхъ штатовъ. „Непонятно—записываетъ онъ въ своей feuille de travail—, чѣмъ вызвано такое упущеніе относительно министра финансовъ, который, безспорно, имѣетъ болѣе, чѣмъ всякій другой министръ, вліянія на дѣла внутренняго управленія,—и что̀ особенно достойно удивленія—штаты совсѣмъ не занимались этимъ предметомъ въ свою послѣднюю сессію, когда именно они чувствовали и высказали свою признательность министру за новый законъ, положившій конецъ неурядицамъ, на которыя они уже давно жаловались“ [3]).

Во многихъ областяхъ существовалъ освященный давностью и какъ бы узаконенный обычаемъ порядокъ, по которому чиновники интендантскихъ канцелярій и субделегаты получали, подъ названіемъ

[1]) *Archives nationales*, H 1058.

[2]) Сенешалъ возобновилъ свою жалобу нѣсколько лѣтъ спустя, при Неккерѣ, но съ такимъ же результатомъ, не смотря на протекцію графа Пюисегюра.—*Archives nationales*, H 1429.

[3]) *Archives nationales*, H 77. Feuille de travail de M. Acher, 1785.

aubaine или *канцелярскихъ расходовъ,* болѣе или менѣе значительную мзду отъ откупщиковъ городскихъ заставныхъ пошлинъ и отъ подрядчиковъ различныхъ общественныхъ работъ[1]). Подобные поборы были вполнѣ въ тогдашнихъ нравахъ вообще и не были исключительной особенностью провинціальной администраціи. Такъ, генералъ-контролеръ, какъ извѣстно, получалъ при каждомъ возобновленіи контракта съ государственными откупщиками, 150.000 л. въ качествѣ *pot-de-vin* [2]). Счетныя палаты взимали съ городовъ, при каждой сдачѣ ими отчетовъ, такъ называемые *épices*, размѣры которыхъ зачастую далеко не соотвѣтствовали городскимъ бюджетамъ. Если, напримѣръ, Брестъ, съ своимъ бюджетомъ въ 10.000 л., платилъ въ восьмидесятыхъ годахъ 542 л. *épices*, то маленькій городокъ той же области (Бретани) Croisic платилъ 787 л., хотя его доходы не превышали въ лучшіе годы 8—9.000 л., а въ плохіе падали до 2.000 л. [3]). Подобные же *épices* взимались счетными палатами и съ провинціальныхъ штатовъ, и, напримѣръ, бургонскимъ штатамъ эта статья обходилась въ восемнадцатомъ вѣкѣ, болѣе чѣмъ 90.000 л. въ годъ [4]). Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ „просвѣщенныхъ администраторовъ" начинаютъ смотрѣть на подобный обычай неблагосклоннымъ окомъ, какъ на „злоупотребленіе", подлежащее „реформѣ". Такъ, послѣдній перпиньянскій интендантъ Ремонъ-де-Сенъ-Совѣръ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что, „если кто изъ нихъ позволитъ себѣ взять отъ кого-либо хотя бы малѣйшую сумму сверхъ извѣстныхъ министру и имъ одобренныхъ сборовъ, то виновный будетъ немедленно удаленъ со службы, а взятая сумма возвращена по принадлежности" [5]).

[1]) *Archives nationales*, H 1058. D'Ormesson à l'Intendant d'Auch, 1783: „J'ai remarqué, Monsieur, qu'il avait été passé 1013 livres à l'ingénieur pour ses plans et devis, et 300 livres au subdélégué et à son greffier pour trois vacations. Ces attributions m'ont paru bien considérables". Дѣло идетъ о постройкѣ моста черезъ Гаронну близъ Мирамона.

[2]) Отъ котораго впервые отказался Неккеръ, чѣмъ вызвалъ восхищеніе однихъ, недоумѣніе другихъ и удивленіе всѣхъ.

[3]) *Archives nationales*, H 1057.

[4]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3413.

[5]) *Raymond de Saint-Sauveur*, Compte de l'administration, p. 118 (цит. по *Babeau*, la Province, t. II, p. 42). Противъ практики „вознагражденій" высказываются и нѣкоторые изъ наказовъ 1789 г. (см., напр., *Loriquet*, op. cit., t. I, p. 315 и наши *Pièces justificatives*, Nr. 396).

XI.

Отмѣченный нами фамильярный характеръ взаимныхъ отношеній между представителями администраціи—съ одной стороны, и управляемыми—съ другой, находится, какъ выше было замѣчено, въ связи съ унаслѣдованною отъ феодальнаго строя патріархально-патримоніальною концепціей публичной власти. Въ связи съ этою концепціей стоитъ и тотъ „отеческій" *произволъ* и тотъ *деспотизмъ*, которые вызываютъ громкія жалобы въ дореволюціонной Франціи. „*Деспотизмъ, подъ игомъ котораго стонутъ ваши поданные,*— говоритъ парижская палата пошлинъ въ своихъ представленіяхъ въ 1761 г.—, это—власть, которая дана не только королевскимъ комиссарамъ (интендантамъ), но также — множеству людей безъ всякихъ легальныхъ полномочій или порученій, которыя бы исходили отъ Вашего Величества,—даже безъ того, чтобы тѣ лица, которыя ихъ избрали, могли зачастую сказать, что ихъ выборъ обусловленъ знаніемъ ихъ личныхъ достоинствъ [1]). И такимъ-то людямъ врученъ мечъ, болѣе страшный, чѣмъ мечъ правосудія: это—мечъ ихъ личнаго усмотрѣнія, отъ котораго зависитъ и участь трудолюбиваго земледѣльца, и изобрѣтательнаго мастера, и зачастую—бѣднаго дворянина, который именно, въ силу испытываемой имъ матеріальной нужды, менѣе въ состояніи протестовать противъ притѣсненій. *Эта власть,* государь, *носитъ всѣ признаки деспотизма...*" [2]). Въ своемъ посланіи къ королю отъ 8-го февраля 1771 г., по поводу декабрьскаго эдикта 1770 г., ограничивавшаго право „представленій" парламентовъ, руанскій парламентъ протестуетъ противъ этого „*акта деспотизма*", который „возводится *произвольною властью* въ законъ" [3]). Въ своемъ адресѣ королю нормандское дворянство жалуется въ 1772 г. на „*всепоглощающій произволъ*" („*cet arbitraire dévorant*") [4]). „Врядъ ли можно—говоритъ Неккеръ въ своей запискѣ о реформѣ провинціальнаго управленія въ 1778 г. —

1) Дѣло идетъ о субделегатахъ и „избирающихъ" ихъ интендантахъ.

2) *Remontrances de la Cour des aides de Paris*, 1761. — *Bibliothèque nat.*, Lb 38/874, in-12.

3) *Hippeau*, le Gouvernement de Normandie, 2-me partie, t. II, p. 6—17: *Lettre du parlement de Normandie au roi sur l'état actuel du parlement de Paris*, 8 février 1771).

4) *Hippeau*, le Gouvernement de Normadie, 2-me partie, t. II. p. 96.

дать названіе администраціи *личному усмотрѣнію одного человѣка*, иногда къ тому же неспособнаго, который—частью лично, частью заочно—долженъ управлять важнѣйшими отдѣлами общественнаго порядка“ [1]). Безансонскій парламентъ, въ своихъ представленіяхъ отъ 1-го сентября 1787 г., говоритъ объ интендантахъ, какъ объ „административномъ учрежденіи, лишенномъ законной формы и *деспотическомъ по своему существу*“. „Интендантъ, вмѣстѣ съ своими подчиненными, проявляетъ чрезмѣрную власть, закономъ не признанную... Эта *произвольная власть* проявляется въ такихъ формахъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ ея назначенію. Единственной ея основой являются секретныя рѣшенія, извѣстныя подъ названіемъ постановленій (королевскаго) совѣта“ [2]). Парижское финансовое присутствіе проситъ въ іюлѣ 1789 г. Національное собраніе, чрезъ особую депутацію, возвратить ему исконныя его права, которыя были постепенно захвачены интендантами, этими *„агентами произвола“ (agents de l'arbitraire)* [3]).

Ненависть къ деспотизму и произволу, это—господствующій мотивъ общественныхъ настроеній эпохи; этою ненавистью, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ новѣйшій изслѣдователь, дышатъ наказы 1789 г. [4]). Деспотизмъ и произволъ, это—одинъ изъ наиболѣе обычныхъ обвинительныхъ пунктовъ, формулируемыхъ противъ интендантовъ въ наказахъ. Наказъ третьяго сословія Приморской Фландріи, это—настоящій обвинительный актъ противъ интендантской администраціи, въ которомъ *произволъ* и *деспотизмъ* составляютъ главный обвинительный пунктъ. Представители третьяго сословія жалуются, что „предоставленное королевскимъ комиссарамъ наблюденіе надъ управленіемъ городовъ совершенно ниспровергло гарантированную капитуляціями муниципальную конституцію“ области; что „у плательщиковъ податей отнято ихъ естественное право избирать себѣ управителей и судей [5]), между тѣмъ наблюдатель-комиссаръ (интендантъ) присвоилъ себѣ, вопреки

[1]) *Necker*, Mémoire sur l'établissement des administrations provinciales, 1781, in-4.—*Bibliothèque nat.* Lb 39/288.—*Pièces justificatives*, Nr. 477.

[2]) *Lurion*, op. cit., p. 8.

[3]) *Moniteur*, réimpression, t. II, p. 246.

[4]) *Poncins*, les Cahiers de 1789, Paris, 1887, p. 230 (цит. по *Ону*, Наказы третьяго сословія, стр. 98).

[5]) То-есть муниципальныхъ чиновниковъ.

справедливости и закону, право назначать ихъ"; что „законныя управленія замѣнены субделегатами, которые, совмѣщая въ своемъ лицѣ два явно несовмѣстимыя качества—наблюдателей и наблюдаемыхъ, въ то же время играютъ активную роль въ дѣлѣ замѣщенія муниципальныхъ должностей, и, такимъ образомъ, оказываются безраздѣльными хозяевами („maîtres absolus et très absolus") городовъ, кастелянствъ и даже штатовъ". „Эта самозванная и въ то же время до крайности ревнивая власть (une autorité particulière se faisant un principe de n'en admettre aucune) имѣла смѣлость поставить себя выше законной власти"; „окутанная таинственностью, *пропитанная произволомъ* и вредоносная администрація стала на мѣсто администраціи публичной, законной и благодѣтельной". „*Чудовищная власть субделегатовъ (l'autorité monstrueuse des subdélégués)* увеличила въ Приморской Фландріи земельную подать далеко за предѣлы требованій Его Величества, и это *безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ ихъ личнаго усмотрѣнія.* Подъ предлогомъ общественнаго блага, деньги народа идутъ на пріобрѣтеніе болѣе или менѣе важныхъ должностей, которыя, соединяясь въ рукахъ субделегатовъ, ихъ родственниковъ и пріятелей, служатъ лишь къ увеличенію ихъ личнаго богатства..." „Не съ иною цѣлью, какъ именно съ цѣлью сохранить подобную *деспотическую власть (une autorité despotique)*, была сдѣлана тайная попытка склонить правительство къ принятію проекта провинціальныхъ штатовъ, въ которыхъ третье сословіе было бы представлено муниципальными чиновниками, то-есть креатурами субделегатовъ..." „*Тиранническая власть субделегатовъ* (*le pouvoir tyrannique des subdélégués*), дающая себя знать, какъ въ общемъ управленіи, такъ и въ отдѣльныхъ его отрасляхъ, породила всюду невѣроятныя злоупотребленія, благодаря которымъ увеличилась тяжесть земельной подати" [1]). „Безчисленныя злоупотребленія—такъ начинается восьмой пунктъ первой главы наказа третьяго сословія бальяжа Vouvant въ Пуату—, свившія себѣ гнѣздо въ администраціи провинціальныхъ интендантовъ, вызываютъ всеобщія и громкія жалобы противъ этихъ комиссаровъ короля и ихъ агентовъ и подчиненныхъ. *Произволъ*, вотъ—единственный законъ этихъ чиновниковъ, являющихся въ одно и то же время и судьями и сторонами. *Они заставляютъ стонать народъ подъ гнетомъ своей власти.* Отсюда—многочисленныя злоупотребленія ин-

[1]) *Archives parlementaires*, t. II, p. 174—175.

женеровъ, субделегатовъ...“ [1]). Если генеральныя штаты, сверхъ чаянія, оставятъ по-прежнему интендантовъ, то—говоритъ наказъ бигоррскаго сенешальства—„пусть они подчинятъ ихъ поведеніе и ихъ приговоры особому закону, который бы обезпечилъ священныя права личности и собственности“ [2]). „*Гнетъ интендантовъ*—гласитъ наказъ города Montbron (Angoumois)—слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы дѣлать изъ него секретъ“ [3]). „*Наша администрація*—читаемъ въ наказѣ городка Bergues-Saint-Winoc (Flandre)—*произвольна въ своей основѣ*“, такъ какъ она всецѣло „во власти одного человѣка: это—королевскій комиссаръ, г. интендантъ, являющійся главой администраціи“. „Основнымъ началомъ настоящей администраціи является *произволъ, основанный на волѣ одного человѣка*“ [4]). По словамъ приходского наказа Cérans (Maine, турское интендантство), „королевскіе комиссары, это обыкновенно—*деспоты*“ [5]). Наказъ деревни Montignac-le-Coq (Angoumois), въ лиможскомъ генеральствѣ сѣтуетъ, на то, что „управленіе областью, находясь подъ руководствомъ лиможскихъ интендантовъ, хотя и преисполненныхъ благими намѣреніями, но въ силу ихъ отдаленности, управленіе это находится всецѣло въ рукахъ субделегатовъ, говорящихъ съ народомъ повелительнымъ тономъ отъ имени монарха, преисполненнаго кротости и отеческой доброты; отсюда происходитъ то, что субделегатъ почти всегда заставляетъ ненавидѣть лучшаго изъ королей...“ [6]). Приходскій наказъ d'Etagnac (Angoumois) находитъ, что „слѣдуетъ отобрать у интендантовъ предоставленныя имъ *черезчуръ обширныя полномочія*, которыя они, съ своей стороны, передаютъ своимъ секретарямъ, чиновникамъ и субделегатамъ“ [7]). Приходскій наказъ

[1]) *Archives parlementaires*, t. V, p. 423.—*Pièces justificatives*, Nr. 358.

[2]) *Ricaud*, la Bigorre et les Hautes-Pyrénées pendant la Révolution, Paris et Tarbes, 1894.—*Pièces justificatives*, Nr. 349. — Замѣтимъ, что область Бигорръ, принадлежавшая къ числу пиренейскихъ *pays d'Etats*, входила въ 1789 г. въ составъ ошскаго интендантства.

[3]) *De Chancel*, l'Angoumois en l'année 1789, ou Analyse des documents authentiques, etc., Angoulême, 1847.—*Pièces justificatives*, Nr. 359.

[4]) *Archives parlementaires*, t. II, p. 179.—*Pièces justificatives*, Nr. 362.

[5]) *Bellée* et *Duchemin*, Cahiers des paroisses du Maine, t. I, p. 325.—*Pièces justificatives*, Nr. 427.

[6]) *De Chancel*, l'Angoumois en l'année 1789, p. 472—475.—*Pièces justificatives*, Nr. 375.

[7]) *De Chancel*, op. cit.—*Pièces justificatives*, Nr. 374.

деревни Vayx-sur-Yonne (Bourgogne) относится съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ „*деспотическому управленію интендантовъ*“, являющемуся источникомъ притѣсненій и несправедливостей, тѣмъ болѣе возмутительныхъ, что не существуетъ ни защитника, который бы противъ нихъ оборонялъ, ни суда, который бы ихъ сдерживалъ“ [1]). Наказъ лимузенской деревеньки Oradour-Saint-Genest жалуется на произволъ, допускаемый субделегатами въ оцѣнкѣ понесенныхъ крестьянами убытковъ вслѣдствіе непогоды, градобитія и т. п. [2]). Наказъ деревни Bussy-Saint-Martin, въ окрестностяхъ Парижа, озаглавливаетъ свой третій пунктъ: *О тиранніи интендантовъ*. „Если бы интендантъ—читаемъ здѣсь—всегда сообразовался съ видами монарха, онъ пользовался бы въ глазахъ народа такимъ же почтеніемъ, какъ и самъ монархъ; но въ дѣйствительности всякій сельчанинъ гораздо болѣе трепещетъ передъ именемъ интенданта, чѣмъ передъ именемъ короля...“ [3]). Другая деревенька изъ окрестностей столицы, Collégien-en-Brie, высказываетъ свое осужденіе интендантамъ за ихъ „*потворство деспотизму*“ („*trop favorables au despotisme*“) [4]). Деревенька Nantouillet, изъ того же округа, высказываетъ желаніе вовсе освободиться отъ обязанности подчиняться „*произвольнымъ распоряженіямъ интендантовъ*, которые, при малѣйшемъ сопротивленіи имъ, подвергаютъ ослушниковъ заключенію въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ“ [5]).

XII.

Хотя произволъ, какъ покоящійся на личномъ усмотрѣніи и личномъ изволеніи, по существу своему тѣсно связанъ съ *личностью*, слѣдовательно—съ *людьми*, тѣмъ не менѣе упрекъ въ произволѣ долженъ относиться не столько къ *людямъ*, столько къ *учрежденію*, не столько къ отдѣльнымъ *интендантамъ*, сколько вообще къ *интендантству*, какъ учрежденію, потому что *произволъ коренился не столько въ характерѣ людей, сколько въ существѣ самаго учрежденія.*

[1]) *Demay*, Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre, Auxerre, 1885, p. 445: „...l'administration despotique (des intendants) est une source de vexations et d'injustices d'autant plus révoltantes qu'il n'existe ni défenseur pour s'y opposer, ni tribunaux pour les arrêter“.

[2]) *Archives révolutionnaires de la Haute-Vienne*, t. I, p. 55.

[3]) *Archives parlementaires*, t. IV, p. 389 —*Pièces justificatives*, Nr. 434.

[4]) Ibidem, p. 451.—*Pièces justificatives*, Nr. 437.

[5]) Ibidem, p. 747.—*Pièces justificatives*, Nr. 444.

Начало произвола коренилось, въ-первыхъ—въ *единоличности* интендантства. Каждый отдѣльный интендантъ является самодовлѣющимъ носителемъ всей совокупности полномочій, связанныхъ съ этимъ учрежденіемъ. Ихъ онъ не дѣлитъ ни съ кѣмъ. Возлѣ него нѣтъ никакого сколько-нибудь самостоятельнаго совѣщательнаго органа въ родѣ того, какой существуетъ при современномъ историческомъ преемникѣ интенданта -префектѣ департамента, въ видѣ conseil de préfecture[1]). Словомъ, связанныя съ интендантствомъ, какъ учрежденіемъ, полномочія осуществляются интендантомъ безусловно *единолично*, иначе говоря—исключительно по своему *усмотрѣнію*.

Далѣе, начало произвола, лежавшаго въ основѣ интендантства, какъ учрежденія, коренилось въ *чрезвычайной широтѣ связанныхъ съ нимъ полномочій, въ связи съ крайней неопредѣленностью границъ послѣднихъ*. Что такое интендантъ? Это—„человѣкъ короля", которому поручено „блюсти за всѣмъ, что касается дѣлъ и службы государевыхъ" [2]), и „вообще—дѣлать все, что окажется, по его, интенданта, усмотрѣнію, необходимымъ и цѣлесообразнымъ" [3]). Интенданту, стало быть, продоставляется, „по его усмотрѣнію", опредѣлять въ отдѣльныхъ случаяхъ границы своихъ полномочій [4]).

Коррективомъ личному усмотрѣнію интенданта являлись въ большей или меньшей мѣрѣ, во-первыхъ—*контроль сверху*, со стороны

[1]) Тяжебный совѣтъ не можетъ итти въ счетъ, такъ какъ это учрежденіе, представлявшее собою созданіе рукъ интенданта, не имѣло и тѣни самостоятельности. См. объ этомъ выше, т. I, стр. 297 и далѣе.

[2]) Изъ *порученія* валансьеннскому интенданту де-Блеру.—См. выше, т. I, стр. 560, примѣч. 5.

[3]) Изъ *порученія* шалонскому интенданту Руйлле-д'Орфёйлю. — *Archives départementales de la Marne*, C 2507.—*Pièces justificatives*, Nr. 8

[4]) Наличность элемента произвола въ полномочіяхъ интендантовъ признается и правительствомъ. Въ составленной въ генеральномъ контролѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ программѣ подготовительныхъ работъ къ проекту регламента о финансовыхъ присутствіяхъ, между прочимъ, читаемъ: „Разсмотрѣть: нельзя ли, соединивъ власть интендантовъ съ властью казначеевъ Франціи, сообщить больше энергіи этой части администраціи, которая такимъ путемъ получила бы болѣе судебный характеръ и *освободилась бы отъ того элемента произвола, который при настоящемъ положеніи вещей вызываетъ столько жалобъ*".—*Archives nationales*, K 890: „Voir, si en réunissant, à l'égard de la voirie, l'autorité de MM. les Intendants à celle des Trésoriers de France, on ne donnerait pas plus de force à cette administration, en lui donnant une forme plus judiciaire..., *en bannissant cette espèce d'arbitraire dont on se plaint dans l'état actuel*".

центральной власти, во-вторыхъ—*конкурренція въ области*, со стороны различныхъ болѣе или менѣе независимыхъ учрежденій (парламентовъ, провинціальныхъ штатовъ и т. д.) и, наконецъ, въ-третьихъ—*сопротивленіе снизу*, со стороны управляемыхъ; но всѣ эти коррективы, ограничивая до извѣстной степени поле дѣйствія личнаго усмотрѣнія интенданта, не могли конечно радикально измѣнить отмѣченнаго характера интендантства, какъ учрежденія.

Далѣе, произволъ коренился во множествѣ случаевъ въ *характерѣ самыхъ функцій*, связанныхъ съ должностью интенданта. Центръ тяжести этихъ функцій—въ принципѣ по крайней мѣрѣ—лежалъ въ области государственнаго хозяйства,—въ раскладкѣ податей и натуральныхъ повинностей, во взиманіи первыхъ и наблюденіи за исполненіемъ послѣднихъ. Но мы уже видѣли въ другой связи, что вся система податей и повинностей была сверху донизу проникнута началомъ произвола: этого не отрицаетъ само правительство, это категорически признаютъ интенданты, не говоря уже о самихъ плательщикахъ [1]).

Словомъ, *произволъ, въ которомъ упрекаютъ интендантовъ ихъ современники, былъ не столько виною интендантовъ, какъ людей*,

[1]) О главной подати, *тальѣ*, министръ де-Калоннъ, въ своей рѣчи передъ нотаблями въ 1787 г., говоритъ: „S. M. sait combien cette imposition et *l'arbitraire de son recouvrement* pèsent sur la partie la plus souffrante de ses sujets“ (*Archives parlementaires*, t. I, p. 189 -198).—О поголовной подати министръ и бывшій интендантъ Тюрго говоритъ въ 1776 г., въ своихъ „отвѣтахъ“ на „замѣчанія“ хранителя печатей: „La capitation est *une imposition arbitraire*“ (*Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 258).—Относительно двадцатинъ канскій интендантъ Фонтеттъ пишетъ въ 1772 г. генералъ-контролеру аббату Террэ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ увеличенія окладовъ двадцатинъ была *масса случаевъ полнаго произвола*; у многихъ землевладѣльцевъ этотъ окладъ болѣе чѣмъ учетверенъ... Вотъ *этотъ-то произволъ*, эти чрезмѣрныя увеличенія окладовъ вызываютъ неудовольствіе“.. Въ числѣ особенно усердныхъ по этой части финансовыхъ чиновниковъ, интендантъ указываетъ контролера Филэншера. „Это онъ предложилъ тѣ *произвольныя увеличенія* окладовъ, которыя вызываютъ жалобы... Человѣкъ усердный, но черезчуръ жесткій и проникнутый чрезмѣрнымъ фискальнымъ духомъ. .“ Любопытна однако мѣра, рекомендуемая интендантомъ, высказывающимъ такое суровое осужденіе *произволу* въ лицѣ контролера Филэншера: „Считаю долгомъ—пишетъ Фонтеттъ въ томъ же письмѣ къ генералъ-контролеру -предложить здѣсь для успокоенія умовъ двѣ слѣдующія мѣры: первая, это—выслать г. Филеншэра изъ Кана...“ Для искорененія *произвола* интендантъ не находитъ лучшаго средства, какъ... *произволъ* же! (*Archives nationales*, 1463. Lettre de Orceau de Fontette à l'abbé Terray, 17 février 1772).

сколько недостаткомъ интендантства, какъ учрежденія. Интендантъ неминуемо впадаетъ въ произволъ, какъ только начинаетъ осуществлять связанныя съ своею должностью полномочія—совершенно такъ же, какъ трубочистъ неминуемо покрывается сажей, лишь только принимается за свое дѣло.

XIII.

Для правильной исторической оцѣнки интендантскаго произвола, необходимо, далѣе, принять во вниманіе тотъ фактъ, что *произволъ въ старой Франціи не является специфическою принадлежностью администраціи, а представляетъ собою начало, проникающее собою, можно сказать, всѣ поры „стараго порядка“.*

Не говоря уже о правительствѣ, которое, по исторически-вѣрному замѣчанію г-жи де-Сталь, характризовалось „постояннымъ *произволомъ* и перемежающимся *деспотизмомъ*“ [1]), отъ упрека въ произволѣ далеко не свободны и органы мѣстнаго самоуправленія—провинціальные штаты и городскіе муниципалитеты. Въ Бургони, гдѣ податное дѣло находится въ рукахъ мѣстныхъ провинціальныхъ штатовъ, подати въ деревняхъ собираются, въ занимающую насъ эпоху, не иначе, какъ при помощи „гарнизаровъ“, т. е. солдатъ, помѣщаемыхъ на постой къ плательщикамъ, при чемъ, какъ обнаружилось изъ одного дѣла, въ Бургони „установился обычай посылать гарнизаровъ четырежды въ

[1]) *Mme de Staël*, Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. t. I, p. 52: „*Le gouvernement de France a été constamment arbitraire, et de temps en temps, despote*“.—Сравн. ibidem, p. 142: „La France a été gouvernée par des coutumes, souvent par des caprices, et jamais par des lois... On pouvait tout soutenir et tout défendre dans un pays où les circonstance seules disposaient de ce que chacun appelait son droit. — Ibidem, t. III, p. 347—348: „Depuis Louis XVI un demi-siècle s'est écoulé: *véritable modèle de ce qu'on appelle le gouvernement arbitraire*, quand on veut le représenter sous les plus douces couleurs. Il n'y avait pas de tyrannie, parce que les moyens manquaient pour l'établir; mais on ne pouvait dérober quelque liberté que par le désordre et l'injustice“.—Сравн. *Necker*. De l'administration de Necker, par lui-même, 1791, p. 39: „J'avais connu mieux que personne, combien était instable et passager le bien que l'on pouvait faire sous *un gouvernement où les principes d'administration changeaient au gré des ministres, et les ministres au gré de l'intrigue...*“—Сравн. также *Turgot*, Oeuvres, t. II, p. 504: „La cause du mal, Sire, vient de ce que votre nation n'a point de constitution“.—*Montlosier*, Mémoires, t. I, p. 166: „...*l'arbitraire* était inévitable, et par-là même *le despotisme*, à l'effet de protéger *l'arbitraire*“.—*Pièces justificatives.* Nr. 259.

годъ *во всѣ сельскія общины безъ исключенія*" [1]). Въ протоколахъ засѣданій старшинъ тѣхъ же штатовъ, подъ 16-мъ апрѣля 1787 г., читаемъ постановленіе объ „освобожденіи изъ оксонской тюрьмы Клода Гарнье, бывшаго сборщикомъ податей въ городѣ Краванѣ въ 1779 г. и заключеннаго въ тюрьму въ 1783 г. за неаккуртный сборъ податей..." И еще долженъ былъ быть благодаренъ злополучный Клодъ Гарнье, что среди своихъ многочисленныхъ дѣлъ гг. старшины удосужились о немъ вспомнить, иначе сидѣть бы ему въ тюрьмѣ еще неопредѣленное число лѣтъ—и даже нельзя сказать, чтобы „на казенныхъ хлѣбахъ", ибо постановленіе старшинъ заканчивается такими словами: „Присуждаемъ названаго Гарнье къ уплатѣ расходовъ по содержанію и охранѣ, связаннымъ съ его заключеніемъ" [2]). Въ семидесятыхъ годахъ тѣ же старшины бургонскихъ штатовъ собственною властью устраняютъ отъ должности мера г. Beaune, вызвавшаго ихъ неудовольствіе, хотя на это они не имѣли права, такъ какъ меръ, утверждаемый въ своей должности королемъ, не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ съ королевскаго соизволенія [3]). Въ 1787 г. дижонскій парламентъ сурово осуждаетъ „произволъ" (pouvoir arbitraire) названныхъ старшинъ [4]). На произволъ ихъ раздаются жалобы и со стороны городовъ, въ особенности въ 1788 г., когда возникло въ широкихъ кругахъ провинціальнаго общества движеніе въ пользу преобразованія провинціальныхъ штатовъ [5]).

Не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ pays d'Etats [6]), а также въ городахъ. „Муниципальные чиновники—сѣтуетъ авторъ приводимой Токвилемъ „записки", составленной въ 1764 г., объ управленіи города Анжера,—несутъ на себѣ обязанность составленіи списковъ поголовной подати: эту обязанность свою они выполняютъ съ не-

[1]) *Archives nationales*, H 1436.

[2]) „Condamnons ledit Garnier au payement des frais de gîte, geole et garde, occasionnés par sa détention". — *Archives départementales de la Côte-d'Or*. C 3242.

[3]) *Archives notionales*, H 203.—До какой степени нерѣшительно защищала королевская власть свои права, можно судить по тому, что, какъ гласитъ письмо министра Амело къ старшинамъ бургонскихъ штатовъ по этому поводу, „Его Величество, не желая удручать ихъ отмѣной ихъ постановленія", примиряется съ совершившимся фактомъ, „хотя и не одобряетъ ихъ поведенія".

[4]) *Archives départementales de la Côte-d'Or*, C 3350.

[5]) *Archives nationales*, H 200, 3.

[6]) См., напр., *Filon*, Histoire des Etats d'Artois, p. 92; *Young*, Voyages, t. I, p. 56.

брежностью и *произволомъ*, чѣмъ вызываются ежегодно многочисленныя жалобы, подаваемыя интенданту" [1]). Лангдокскій интендантъ, сѣтуя въ 1782 г. на постоянный прогрессъ „злоупотребленій" въ муниципальномъ управленіи области, какъ на одинъ изъ источниковъ послѣднихъ, указываетъ на „отсутствіе всякихъ правилъ" въ дѣлѣ городского управленія, гдѣ „все рѣшается единственно усмотрѣніемъ нѣсколькихъ лицъ" [2]). Составители наказа города Orchies (Фландрія) жалуются на *произвольное* расходованіе городскихъ денегъ муниципальнымъ управленіемъ [3]).

XIV.

Произволомъ грѣшатъ, быть можетъ, не менѣе администраціи тѣ самыя корпораціи, которыя сдѣлали себѣ профессію изъ обличеній административнаго произвола: судебные трибуналы съ парламентами во главѣ. „Поведеніе парламентовъ—говоритъ Артуръ Юнгъ—было безчестно и преступно. Почти во всякомъ судебномъ дѣлѣ рѣшающій голосъ имѣлъ личный интересъ, и горе тому, кому нечѣмъ было привлечь благоволенія судей..." По мнѣнію Юнга, произволъ парламентовъ и другихъ трибуналовъ даже оставлялъ за собой произволъ административный. „Многіе писатели—продолжаетъ онъ—утверждаютъ, что при старомъ порядкѣ во Франціи собственность была столь же прочно обезпечена, какъ и въ Англіи. Быть можетъ, это и было такъ, поскольку дѣло шло о произволѣ короля, министровъ и магнатовъ; но поскольку дѣло касается судебныхъ рѣшеній трибуналовъ, то не существовало въ данномъ отношеніи даже и тѣни обезпеченности". Исключеніе составляли лишь тѣ тяжбы, въ которыхъ обѣ стороны были „одинаково неизвѣстны и одинаково безупречны", во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ „верхъ брала наиболѣе рекомендованная сторона". Довольно обычны были случаи, что „судьи рѣшали тяжбы, въ которыхъ сами были одной изъ сторонъ, и такимъ образомъ совершали вопіющія несправедливости, какихъ не рѣшился бы себѣ позволить и король" [4]).

[1]) *Tocqueville*, l'Ancien régime, p. 376.

[2]) *Archives nationales*, H 1022 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. I, p. 246).— Сравн. *Pièces justificatives*, Nr. 155.

[3]) *Archives parlementaires*, t. III, p. 190.—*Pièces justificatives*, Nr. 367.

[4]) *Young*, Voyages en France, t. II, p. 435—436.

Дижонскій интендантъ Дюпла отмѣчаетъ въ 1779 г., въ письмѣ къ хранителю печатей и министру финансовъ, произволъ, господствующій въ дѣлѣ взиманія судьями различныхъ процессуальныхъ сборовъ съ тяжущихся сторонъ, при чемъ установленная королевской властью такса, ограждающая интересы сторонъ, совершенно игнорируется судьями [1]). Въ числѣ лицъ, обращающихся къ министру съ просьбами о заключеніи тѣхъ или другихъ лицъ въ силу „королевскаго приказа“, не рѣдкость встрѣтить членовъ тѣхъ самыхъ парламентовъ, которые не переставали „протестовать“ въ своихъ „представленіяхъ“ противъ подобныхъ „актовъ произвола“. Такъ, нантскій субделегатъ, запрошенный бретанскимъ интендантомъ относительно одной особы, противъ которой испрашивался „королевскій приказъ“, открылъ слѣдующую не лишенную своеобразной пикантности подробность, которую онъ и считаетъ не лишнимъ довести до свѣдѣнія интенданта: „Въ числѣ подписавшихъ ходатайство родственниковъ фигурируютъ два совѣтника парламента, въ данномъ случаѣ скрывшіе свое званіе, для того чтобы не дать повода говорить, что члены этого трибунала испрашиваютъ приказы противъ которыхъ они постоянно протестуютъ“ [2]).

Навыки произвола въ судейской средѣ обнаружились съ особенной наглядностью во время выборныхъ операцій въ генеральные штаты 1789 г. Руководящіе этими операціями бальи и генералъ-лейтенанты бальяжей и сенешальствъ [3]), дѣйствительно, проявляютъ зачастую поразительный произволъ. Первичныя собранія, на которыхъ предсѣдательствовали эти бальи и лейтенанты, между прочимъ, должны были выбрать изъ своей среды комиссаровъ, для того чтобы совмѣстно съ комиссарами другихъ первичныхъ собраній бальяжа или сенешальства, выработать, на основаніи наказовъ, составленныхъ на этихъ первичныхъ собраніяхъ, общій наказъ отъ всего округа. Но во многихъ случаяхъ предсѣдатель самовольно не допускаетъ избранія комиссаровъ и попросту назначаетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Противъ тѣхъ, кто пытается протестовать противъ подобнаго произвола, принимаются соотвѣтствующія мѣры [4]). „Въ Прадѣ (Руссильонъ) лейтенантъ Tixedor назначилъ большую часть ко-

[1]) *Archives nationales*, H 200, 2.
[2]) *Inventaire des archives départementales d'Ille-et-Vilaine*, C 214 (1778).
[3]) См. выше, т. I, стр. 138 и 474.
[4]) *Ону*, Наказы третьяго сословія, стр. 37 и далѣе.

миссаровъ, а толпа, настроенная въ его пользу, заглушала оппозицію, угрожая побоями возражающимъ" [1]). Другой лейтенантъ самовольно распустилъ половину наличнаго состава собранія, которое онъ находилъ черезчуръ многолюднымъ; на возраженія противъ этого произвольнаго распоряженія „произнесены были священныя для каждаго француза слова: „король разрѣшаетъ мнѣ привести васъ къ молчанію". Тогда всѣ умолкли" [2]). Нѣкоторые изъ предсѣдателей пытаются вовсе лишить членовъ собранія всякой инціативы, и присвоиваютъ себѣ исключительное право дѣлать предложенія собранію [3]). Они самымъ безцеремоннымъ образомъ вмѣшиваются въ составленіе наказовъ, пользуются всевозможными способами, чтобы подмѣнить желанія собранія своимъ личнымъ усмотрѣніемъ. Въ Neufchâteau предсѣдатель превращаетъ себя въ „единственнаго редактора" наказа, предоставляя избраннымъ для этого комиссарамъ довольствоваться ролью простыхъ „докладчиковъ". Въ Montreuil-sur-Mer предсѣдатель-лейтенантъ „самовластно рѣшаетъ всѣ возникающіе вопросы", а когда одинъ изъ членовъ собранія сунулся было съ какимъ-то предложеніемъ, то предсѣдатель просто-на-просто „усадилъ его силой" [4]). Въ Ріомѣ предсѣдатель-лейтенантъ, мирволящій депутатамъ этого (главнаго) города, даетъ имъ возможность составить сводный наказъ по своему усмотрѣнію, а затѣмъ объявляетъ его принятымъ, не допуская никакихъ дебатовъ и возраженій со стороны устраненныхъ отъ составленія наказа комиссаровъ [5]). „Въ малолюдномъ округѣ Mohon (Лотарингія) предсѣдатель, безъ дальнѣйшихъ околичностей, прочелъ составленный имъ заранѣе проектъ наказа, принятіе котораго было заранѣе обезпечено, такъ что никакого обсужденія въ собраніи не состоялось" [6]). Въ перпиньянскомъ сенешальствѣ, предсѣдатель, „окруживъ себя военной силой, распоряжался редакціей наказа по своему усмотрѣнію. Онъ явился въ засѣданіе комиссаровъ съ готовымъ проектомъ, который и послужилъ основой для ихъ работы" [7]). Своимъ поведеніемъ на собраніи трехъ сословій Гюэнп мѣстный сенешалъ вызвалъ многочислен-

1) Тамъ же, стр. 40.
2) Тамъ же, стр. 39.
3) Тамъ же, стр. 38.
4) Тамъ же, стр. 41.
5) Тамъ же, стр. 41.
6) Тамъ же, стр. 45.
7) Тамъ же, стр. 48.

ныя жалобы на свой „произвольный и тираннический образъ дѣйствій“[1]). Въ Lixheim'ѣ (Лотарингія) предсѣдатель-лейтенантъ не допускаетъ никакихъ поправокъ къ составленному подъ его давленіемъ проекту наказа. Когда при подписи одинъ изъ депутатовъ отказался подписать наказъ, составленный при такихъ условіяхъ, то лейтенантъ тутъ же распорядился отвести строптиваго въ тюрьму. Той же участи подвергся и другой такой же строптивый депутатъ, послѣ чего лейтенантъ объявилъ, что всякій, кто попытается удалиться изъ собранія, не подписавши наказа, будетъ арестованъ. „Какъ было не подписать, если этой цѣной можно было купить свободу?...“ [2])

XV.

Произволъ былъ въ нравахъ общественныхъ и судебныхъ учрежденій, какъ и въ нравахъ администраціи, потому что онъ былъ въ сущности въ нравахъ самого общества. Инженеръ, на котораго возложено добыть гравія для ремонта шоссе, ничто же сумняся производитъ раскопки на ближайшихъ къ мѣсту назначенія земельныхъ участкахъ, не считая нужнымъ заручиться предварительно согласіемъ на то ихъ собственниковъ[3]). Одинъ изъ вербовщиковъ солдатъ, офицеръ де-Баръ, приказываетъ жандармамъ арестовать и отвести въ тюрьму одного изъ завербованныхъ, нѣкоего Гужеле, за то, что тотъ въ пьяномъ видѣ „позволилъ себѣ дерзости“ по отношенію къ офицеру. Это было актомъ чистѣйшаго произвола, шедшимъ въ разрѣзъ съ категорическимъ предписаніемъ королевскаго ордонанса 26-го января 1775 г., которымъ воспрещалось офицерамъ заключать въ тюрьму рекрутовъ безъ предварительнаго разрѣшенія интенданта или его субделегата. Впрочемъ на другой день де-Баръ поѣхалъ къ субделегату, которому объяснилъ произведенный имъ наканунѣ произвольный арестъ позднимъ временемъ, не позволившимъ-де ему снестись съ нимъ, субделегатомъ, котораго теперь онъ проситъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о задержаніи рекрута въ тюрьмѣ. Просьба де-Бара была уважена и арестованный остался въ тюрьмѣ на законномъ основаніи. Забылъ ли однако субделегатъ обо-

[1]) „La conduite arbitraire et tyrannique“. — *Brette*, Recueil de documents, t. I, Introduction, p. 53—54.

[2]) *Ону*, op. cit., p. 52.

[3]) *Archives départementales de la Marne*, C 1651.

значить въ своемъ приказѣ срокъ, на который рекрутъ заключался въ тюрьму, или же просто забылъ потомъ о существованіи послѣдняго, изъ дѣла не видно: видно только, что засадившій его туда офицеръ какимъ-то образомъ—вѣроятно, при помощи взятки смотрителю тюрьмы —превратился въ настоящаго тюремщика. По крайней мѣрѣ, не къ кому другому, какъ къ нему именно обращается нѣкоторое время спустя заключенный съ просьбой объ освобожденіи изъ тюрьмы, а когда простая просьба оказалась недѣйствительной, то Гужеле предложилъ де-Бару взятку въ триста ливровъ; послѣдняя была однако отклонена, какъ недостаточная: офицеръ требовалъ шестьсотъ ливровъ. Арестованный снесся по этому вопросу съ своей семьей, но та отказалась отъ уплаты такого крупнаго „выкупа". Тогда де-Баръ, при помощи послушнаго ему смотрителя тюрьмы, засаживаетъ рекрута въ каменный мѣшокъ (cachot). Какимъ-то путемъ узнику удалось добыть бумагу и перо, написать просьбу на имя интенданта и доставить ее по назначенію. Узнавъ, въ чемъ дѣло, интендантъ пересылаетъ просьбу къ субделегату, предлагая ему навести соотвѣтствующія справки и распорядиться соотвѣтственно положенію дѣла. Ознакомившись съ послѣднимъ, субделегатъ дѣлаетъ распоряженіе объ освобожденіи рекрута. Многое характерно въ этомъ маленькомъ эпизодѣ, но не лишенъ характерности и его эпилогъ. Можно бы ожидать, что де-Бару придется такъ или иначе отвѣтить за подобное вопіющее самоуправство. Ничуть не бывало! Напротивъ, де-Баръ обращается къ военному министру съ жалобой на субделегата, осмѣлившагося освободить рекрута, и интендантъ вынужденъ защищать своего подчиненнаго!... [1]).

Даже людямъ „просвѣщеннымъ" и „гуманнымъ" оказывается трудно отрѣшиться отъ вѣками привитыхъ навыковъ произвола. Свидѣтельство тому—тѣ два сеньера, „пользующіеся репутаціей людей человѣколюбивыхъ", которые за нѣсколько лѣтъ передъ 1789 г., пользуясь своими связями въ правительственныхъ кругахъ, устраиваютъ, путемъ привлеченія (совершенно незаконнаго) мѣстныхъ крестьянъ къ натуральной повинности, одинъ—дорогу къ своему замку, другой такую же дорогу къ двумъ своимъ мельницамъ [2]). У самихъ „философовъ", при всемъ ихъ идейномъ свободолюбіи [3]), нѣтъ-нѣтъ

[1]) *Archives départementales de la Marne*, C 1457 (1775).
[2]) *Ону*, Наказы, стр. 94.
[3]) См. выше, стр. 355–356.

да и прорвется—иногда, быть можетъ, безсознательно—привитая всякому французу вѣковымъ воспитаніемъ привычка къ произволу. Когда гренобльскій парламентъ подвергся ссылкѣ, Вольтеръ „рукоплескалъ этому акту произвола“ [1]). Когда была поставлена на театральной сценѣ извѣстная сатира Палиссо противъ „философовъ“, послѣдніе негодовали, что „фарсъ Палиссо былъ разыгранъ съ разрѣшенія правительства, и что полиція позволила играть эту рѣзкую сатиру“ [2]). Д'Аламберъ обращается къ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати съ просьбой—пріостановить журналъ, провинившійся въ рѣзкой критикѣ противъ *Энциклопедіи*, пользующейся въ эту пору покровительствомъ начальства въ лицѣ Мальзерба [3]). Кажется, будь это въ ихъ власти, „философы“ не устояли бы противъ искушенія упрятать своихъ супостатовъ въ Бастилію. По крайней мѣрѣ, г-жа де-Жанлисъ утверждаетъ, что „Вольтеръ интриговалъ, хотя и безуспѣшно, о томъ, чтобы подвергнуть заключенію, или по крайней мѣрѣ—ссылкѣ анти-философскаго сатирика Клемана“ [4]). А при разборѣ уцѣлѣвшаго архива Бастиліи, французскій ученый Funck-Brentano нашелъ, между прочимъ, одно прошеніе, которое было подано Вольтеромъ, совмѣстно съ нѣсколькими другими лицами, на имя парижскаго генералъ-лейтенанта полиціи, о заключеніи, по „приказу короля“, въ Бастилію одной безпокойной и непріятной просителямъ сосѣдки, которую они аттестуютъ „женщиною безпорядочнаго поведенія“ [5]).

XVI.

Далѣе, для правильной исторической оцѣнки занимающей насъ стороны административныхъ нравовъ эпохи, не нужно забывать, что *лучшіе среди представителей самой администраціи смотрятъ на произволъ, какъ на злоупотребленіе (abus), противъ котораго добросовѣстно, хотя, правда, и не всегда успѣшно, стараются бороться* [6]).

1) *Mme de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 289.

2) *Ducros*, les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 164.

3) См. выше, стр. 185, примѣч. 3.

4) *Mme de Genlis*, Dictionnaire des étiquettes, t. I, p. 289.

5) *Frantz Funck-Brentano*, les Lettres de cachet à Paris, Paris, 1803, p. XXV.—Напомнимъ здѣсь также, что тотъ же Вольтеръ отнесся, какъ извѣстно, съ полнымъ одобреніемъ къ coup d'état Mony (противъ парламентовъ) и „апплодировалъ этому акту произвола“. — *Mme de Genlis*, op. cit., t. I, p. 289.

6) См., напр., выше, стр. 510—513, 516, 523, 627—638, 697.

Наконецъ, говоря объ административномъ произволѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида также той стороны предмета, которую, примѣнительно къ словоупотребленію эпохи, можно было бы назвать *просвѣщеннымъ произволомъ. Просвѣщенный произволъ*, представляющій собою французскую параллель *просвѣщенному деспотизму* (*despotisme éclairé*) эпохи,—это тотъ произволъ, который приноситъ основанный на „варварскихъ заблужденіяхъ“ и „готическихъ предрасудкахъ“ *законъ* въ жертву „просвѣщенному“ человѣколюбію, свободолюбію и вообще—„просвѣщенный благотворительности“. Это—тотъ произволъ, которому, подъ „просвѣщеннымъ“ управленіемъ цензурнымъ вѣдомствомъ „друга философіи“, Мальзерба, обязаны были своимъ появленіемъ въ легальной печати большая часть произведеній „философіи“ съ *энциклопедіей* включительно [1]). Это—тотъ произволъ, во имя котораго „просвѣщенный министръ“ Тюрго прибѣгъ къ „акту деспотизма“, къ *lit de justice*, для (принудительнаго) занесенія въ реестры парижскаго парламента своихъ гуманныхъ и народолюбивыхъ „февральскихъ эдиктовъ“ [2]). Это—тотъ произволъ, въ силу котораго тотъ же Тюрго, еще ранѣе, въ бытность свою интендантомъ, предписалъ землевладѣльцамъ, въ голодный 1770 годъ, содержать своихъ половниковъ и батраковъ до будущаго урожая [3]). Это—тотъ произволъ, который диктуетъ гуманному интенданту Жюлльену его угрозу по адресу нерадиваго больничнаго управленія [4]). Это—тотъ произволъ, которому отдаетъ дань интендантъ дю-Клюзель, превращающій истребленіе гусеницъ въ садахъ въ обязательную повинность для садовладѣльцевъ [5]). Это—тотъ произволъ, въ силу котораго „просвѣщенные администраторы“ относятся съ гуманной терпимостью къ протестантамъ и „новокатоликамъ“, въ прямое нарушеніе закона, проникнутаго духомъ нетерпимости и репрессіи. Справедливость, гуманность, свобода могли зачастую проявиться лишь въ формѣ *произвола*. И это опять-таки вполнѣ естественно тамъ, гдѣ *законъ* на сторонѣ несправедливости, жестокости и деспотизма. „Просвѣщенный произволъ“ лежитъ въ основѣ

---

1) См. выше, стр. 182.

2) Объ уничтоженіи натуральной дорожной повинности, объ отмѣнѣ круговой поруки и т. д. (см. выше, стр. 131, примѣч. 4—5). Это тотъ самый *lit de justice*, который Вольтеръ привѣтствовалъ, какъ *lit de bienfaisance*.

3) *D'Hugues*, op. cit., p. 125—249.

4) См. выше, стр. 478.

5) *Dumas*, op. cit., p. 294—295.

не одной гуманной мѣры, не одной благодѣтельной реформы, получившихъ осуществленіе въ эту пору. Произволъ становится факторомъ культурно-общественнаго прогресса. И это вполнѣ естественно тамъ, гдѣ существующій „законный“ порядокъ проявляетъ слишкомъ много косности и слишкомъ мало отзывчивости на назрѣвшія потребности жизни. Можно сказать, что прогрессивнымъ началомъ въ „старомъ порядкѣ“ является именно „просвѣщенный произволъ“, и что вся исторія стараго порядка есть непрерывный рядъ болѣе или менѣе мелкихъ „актовъ произвола“, завершившійся однимъ грандіознымъ „актомъ произвола“—революціей.

XVII.

Гораздо болѣе рѣдки, сравнительно съ жалобами на деспотизмъ и произволъ, жалобы на *взяточничество* и *казнокрадство* и тому подобныя злоупотребленія, при чемъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ этого рода раздаются не столько по адресу самихъ интендантовъ, сколько по адресу ихъ секретарей. „Мы признаемъ—говорятъ составители наказа духовенства одного изъ бальяжей Лотарингіи (Thiaucourt)—, что интенданты, поставленные въ провинціяхъ, дѣйствительно, отцы народа; но... но ихъ секретари!.. На нихъ льется золотой дождь... Десяти-двѣнадцати лѣтъ секретарства многимъ было достаточно, чтобы обогатиться. Какія еще нужны болѣе несомнѣнныя доказательства того, что безвозмездный судъ, который они обязаны вершить, зачастую слишкомъ хорошо оплачивается!..“ [1]). Три главныхъ секретаря, послѣдовательно смѣнившихся въ безансонскомъ интендантствѣ при де-ла-Корэ, обвиняются мѣстной молвой въ томъ, что они составили себѣ цѣлыя состоянія на своей службѣ. „Дай Богъ—пишетъ анонимный обыватель Безансона въ маѣ 1784 г.—, чтобы преемникъ г-на де-ла-Корэ не имѣлъ столь же хищныхъ секретарей. Г. Этисъ, состоявшій секретаремъ интендантства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, допускалъ такія возмутительныя вымогательства, что г. де-ла-Корэ счелъ себя вынужденнымъ пожертвовать имъ. Это однако не помѣшало этому подчиненному, жившему на такую же широкую ногу, какъ и его начальникъ, унести съ собой изъ провинціи милліонъ. Преемникъ Этиса, Бланшаръ, не имѣлъ ни-

---

[1]) *Mathieu*, l'Ancien régime dans la province de Lorraine, Paris, 1879, p. 240.

какого состоянія, а теперь у него насчитываютъ до 600,000 ливровъ состоянія. Наконецъ, этотъ жуликъ (fripounеau) Гріуа, отростившій себѣ кругленькій животикъ, успѣлъ прикарманить на свой пай 200,000 ливровъ“ [1]).

Первый секретарь (или генералъ-субделегатъ), этотъ служебный alter ego интенданта [2]), является подъ часъ его злымъ геніемъ. Таковъ, напримѣръ, генералъ-субделегатъ канскаго интендантства Малафэ, любимецъ Фонтетта и его правая рука во всѣхъ и хорошихъ и сомнительныхъ операціяхъ своего принципала. „Малафэ является моимъ сотрудникомъ вотъ уже 23 года“—пишетъ о немъ Фонтеттъ въ 1775 г. „Онъ пользуется репутаціей строгой честности, которая за все это время ни разу не подвергалась ни нападкамъ, ни даже подозрѣніямъ“ [3]). Послѣднее утвержденіе было болѣе, чѣмъ смѣло, судя по тому, что въ это время въ генеральномъ контролѣ успѣли составить себѣ нѣсколько иное представленіе объ этомъ субъектѣ. Помимо того, что произведеннымъ надъ операціями Фонтетта слѣдствіемъ было установленно сообщничество генералъ-субделегата во всѣхъ махинаціяхъ этого интенданта [4]),—„репутація строгой честности“, которой будто бы пользовался въ своей области Малафэ, была, какъ оказалось, далеко не такой безспорной, какъ въ томъ хотѣлъ увѣрить Фонтеттъ. Чиновникъ генеральнаго контроля, состовлявшій одну изъ записокъ по дѣлу Фонтетта въ 1775 г., вынесъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи документовъ впечатлѣніе, что одною изъ причинъ обнаруженныхъ въ канскомъ интендантствѣ неурядицъ является „оказываемое г. интендантомъ безграничное довѣріе своему генералъ-субделегату Малафэ, служащему предметомъ ненависти въ городѣ и области со стороны всѣхъ служащихъ“. Между прочимъ, „этотъ человѣкъ вступилъ въ неособенно пристойный бракъ (un mariage fort peu convenable), и это обстоятельство заставляетъ сторониться отъ его знакомства всѣхъ, которые имѣютъ уважающихъ себя женъ“. „Очень прискорбно—прибавляетъ отъ себя чиновникъ—, что подобныя обстоятельства могутъ оказывать вліяніе на администрацію той или другой области, но, къ сожалѣнію, это слишкомъ обычная

1) *Mémoires secrets*, j. XXVI (8 juin 1784). Extrait d'une lettre de Besançon, du 30 mai 1784

2) См. выше, т. I, стр. 289—293.

3) *Archives nationales*, H 1411. Mémoire ee Fontette, 25 avril 1775.

4) См. объ этомъ ниже, стр. 705 и далѣе.

исторія". По дѣламъ службы Фонтетту, какъ канцлеру графа Прованскаго, приходилось часто отлучаться въ Парижъ и предоставлять хозяйничать въ области „этому человѣку, вызывавшему противъ себя всеобщія жалобы". На амьенскаго субделегата жалуются въ 1778 г., что онъ „часто наряжаетъ дорожную барщину для собственной личной пользы" 1). Въ субделегатствѣ Руа (амьенскаго генеральства) жалуются на взиманіе субделегатомъ „высокихъ пошлинъ" съ подрядчиковъ по выполненію дорожныхъ работъ, — пошлинъ, которыя, разумѣется, ложатся въ концѣ концовъ на мѣстное населеніе, подлежащее отбыванію дорожной повинности. Въ пуатевинскомъ генеральствѣ жалуются на одного субделегата, который устроилъ такъ, что подрядъ на постройку моста былъ сданъ одному лицу, находившемуся съ нимъ въ близкихъ семейныхъ отношеніяхъ. Другой субделегатъ того же генеральства „нарядилъ подводную барщину для перевозки лѣса для одного изъ своихъ пріятелей", при чемъ селенія, на которыхъ была возложена эта произвольная повинность, были освобождены отъ отбыванія дорожной барщины, которая была разложена на другія деревни [1]).

По случаю приглашенія, сдѣланнаго интенданту однимъ сенкантэскимъ купцомъ пожаловать отобѣдать въ его подгородную виллу, „обывателей — гласитъ поданная въ 1778 г. парламенту жалоба — заставили чинить дорогу въ воскресенье". „Подрядчики — жалуются другіе обыватели того же амьенскаго генеральства —, пользуясь покровительствомъ субделегатовъ и секретарей интендантства, довольствуются лишь самымъ поверхностнымъ ремонтомъ. Десятники берутъ выкупъ съ зажиточныхъ обывателей и всю тяжесть работы взваливаютъ на бѣдняковъ". „Было выхлопотано у интенданта (кѣмъ?) — жалуются обыватели парижскаго генеральства — распоряженіе построить путемъ барщины дорогу въ половину льё длины, ведущую къ оградѣ одного замка (чьего?), и совершенно безполезную въ другихъ отношеніяхъ" [2]). Авторъ одной посланной лангдокскому интенданту въ 1782 г. анонимной жалобы на тулузскаго субделегата Жинести обвиняетъ послѣдняго въ „сребролюбіи", „нерадивости" и „простодушіи" (!) (avarice, indolence et bonhomie) [3]). Другой анонимъ об-

[1]) *Archives nationales*, K 883. Résumé des plaintes adressées au Procureur général sur les corvées.

[2]) Ibidem.

[3]) *Inventaire des archives départementales de la Haute-Garonne*, C 56.

виняетъ другого субделегата того же интендантства въ „алчности и необузданномъ сребролюбіи“ („sa cupidité et son amour effrené pour l'argent“) [1]).

Сравнительно рѣдки подобныя жалобы по адресу самихъ интендантовъ; къ тому же жалобы эти ограничиваются, за рѣдкими исключеніями, общими мѣстами и обвиненіями огульнаго характера, лишенными всякой конкретности. Такъ, наказъ деревеньки Epineu-le-Chevreuil (Maine) требуетъ уничтоженія интендантовъ, какъ „обогащающихся на счетъ несчатнаго бѣдняка“ [2]). Наказъ нормандской деревеньки Lonray формулируетъ подобное же требованіе, мотивируя его, кромѣ „произвола“ интендантовъ, еще тѣмъ, что они „берутъ подарки отъ откупщиковъ“ [3]). Современный куплетистъ обвиняетъ подобнымъ же образомъ валансьеннскаго интенданта Сенакъ-де-Мейльяна въ „позаимствованіи изъ кассы откупщиковъ“ [4]).

Характерный эпизодъ, слѣды котораго сохранились въ административной перепискѣ, имѣлъ мѣсто въ 1774 г. Нѣкто Touya, выбранный своими сочленами по муниципалитету на должность казначея г. Бордо, ходатайствуетъ передъ министромъ объ утвержденіи своемъ въ этой должности. Вѣроятно, предвидѣлись какія-либо затрудненія, потому что кандидатъ въ казначеи счелъ нужнымъ дать кое-кому взятку въ 12.000 л. Дѣло дошло до короля, и „Его Величество —пишетъ по этому поводу министръ—, въ видахъ предупрежденія подобныхъ продѣлокъ на будущее время, изволилъ пожелать быть подробно освѣдомленнымъ о всей этой исторіи; онъ счелъ нужнымъ обратить на благочестивое дѣло сумму, которую хотѣли взять съ г-на Touya. Но какъ Его Величество не нашелъ въ его поведеніи ничего несогласнаго съ требованіями порядочности, то онъ, король, утвердилъ его въ должности“ [5]). Заключеніе инцидента нѣсколько неожиданно; оно во всякомъ случаѣ прекрасно характеризуетъ тогдашній взглядъ на взятку,—взглядъ несравненно болѣе снисходи-

[1]) Ibidem.

[2]) *Bellée* et *Duchemin*, Cahiers des paroisses du Maine. t. II, p. 168.—*Pièces justificatives*, Nr. 430.

[3]) *Duval*, Cahiers du bailliage d'Alençon, p. 185. – *Pièces justificatives* Nr. 433.

[4]) *Legrand*, op. cit., p. 66.

[5]) „Mais comme S. M. n'a rien trouvé dans sa conduite qui ne fût très-honnête, elle lui a confirmé sa place“.—*Archives nationales*, H 93, 3 (цит. по *Babeau*, la Ville, t. II, p. 215).

тельный, чѣмъ тотъ, который существуетъ въ наше время: считалось дѣломъ недопустимымъ—*брать* взятку, но *давать*—въ этомъ ни министръ, ни король не усматриваютъ „ничего, несогласнаго съ требованіями порядочности“...

При всемъ томъ однако нѣтъ серьезныхъ основаній предполагать, что взяточничество и казнокрадство играло сколько-нибудь видную роль въ числѣ злоупотребленій администраціи, по крайней мѣрѣ—въ занимающую насъ эпоху. Намъ извѣстно во всякомъ случаѣ, что ни одинъ изъ министровъ Людовика XVI не составилъ себѣ состоянія на своемъ посту, какъ это бывало въ доброе старое время, особенно при Людовикѣ XIV. Крупныя хищенія, даже допуская, что они могли не оставить никакихъ документальныхъ слѣдовъ, не могли бы все-таки укрыться отъ взоровъ современниковъ, а стало быть и отъ потомства [1]). Что же касается мелкаго взяточничества и казнокрадства, то унижаться до него не имѣли никакихъ основаній тогдашніе министры, которые были людьми слишкомъ богатыми для этого. Наконецъ, присутствіе среди министровъ безспорно честныхъ людей конечно не могло не дѣйствовать сдерживающимъ образомъ на тѣхъ изъ нихъ коллегъ, у которыхъ явились бы хищническія поползновенія: вѣдь если при извѣстной осторожности можно было укрыться отъ взоровъ „публики“, то это довольно трудно было сдѣлать по отношенію къ своимъ ближайшимъ коллегамъ. Что касается интендантовъ занимающей насъ эпохи, то мы тоже не знаемъ случаевъ, чтобы кто-либо изъ нихъ составилъ себѣ состояніе или вообще „нажился“ на своей службѣ; есть, наоборотъ, случаи, что интенданты жалуются—и жалуются, какъ мы видѣли, не безъ основанія—на разорительность своихъ мѣстъ, связанныхъ зачастую съ огромными издержками, едва покрываемыми жалованьемъ и черезвычайными субсидіями [2]). Если многіе изъ интендантовъ оставили свое мѣсто богатыми людьми, то

[1]) Наиболѣе расточительный и оставившій наиболѣе дурную славу изъ министровъ Людовика XVI, де-Калоннъ, не составилъ себѣ состоянія за свое пятилѣтнее управленіе финансовымъ вѣдомствомъ, и по удаленіи отъ дѣлъ, „жилъ на средства своей жены, которую разорилъ такъ же, какъ разорилъ государство“ (*Labour*, M. de Montyon, p. 201). Что касается Неккера, единственнаго изъ министровъ этого времени, который оставилъ послѣ себя крупное состояніе, то послѣднимъ онъ обязанъ былъ, какъ извѣстно, исключительно удачѣ своихъ банкирскихъ и коммерческихъ операцій, и въ казнокрадствѣ не рѣшались его обвинять даже его злѣйшіе враги.

[2]) См. т. I, стр. 309—311.

потому, что богатыми они вступили въ свою должность. Оставившій наиболѣе крупное состояніе изъ бывшихъ интендантовъ эпохи, извѣстный филантропъ Монтіонъ, стоитъ, какъ извѣстно, внѣ всякихъ подозрѣній въ чемъ-либо похожемъ на взяточничество и казнокрадство. Что же касается мелкаго хищничества, которое могло легко ускользнуть отъ взоровъ современниковъ и потомства и не оставить никакихъ документальныхъ слѣдовъ,—то утверждать, что таковаго не было, разумѣется, нельзя, хотя бы уже потому, что мы имѣемъ передъ глазами нѣкоторымъ образомъ документальную исторію одного административнаго хищничества (изъ мелкихъ), практиковавшагося въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ канскомъ интендантствѣ. Это—единственное подобнаго рода дѣло, на слѣды котораго намъ удалось напасть въ офиціальной перепискѣ эпохи, и потому мы остановимся на немъ нѣсколько обстоятельнѣе.

XVIII.

Орсо-де-Фонтеттъ[1]), назначенный въ 1752 г. на постъ интенданта канскаго генеральства (Нормандія), пріобрѣлъ въ 1767 г. въ предѣлахъ послѣдняго крупное имѣніе Тилли съ деревней того же имени. Доходность имѣнія, по платежу налога „двадцатинъ", была офиціально оцѣнена въ 1759 г. въ 15.000 л., съ каковой суммы и взимался названный налогъ. Новый помѣщикъ нашелъ, что это слишкомъ много, и возбудилъ въ генеральномъ контролѣ ходатайство о пониженіи оцѣночной суммы до 7.000 л. Ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. Ободренный послѣднимъ, Фонтеттъ проситъ въ слѣдующемъ, 1768 г., вовсе освободить его отъ уплаты двадцатинъ за два 1767—1768 гг. въ виду того, что имъ затрачено было 2.000 л. на постройку „экономической мельницы". И это ходатайство было уважено. Неизвѣстно, въ силу какихъ новыхъ представленій и мотивовъ, но уменьшенная въ 1767 г. оцѣночная сумма съ 15.000 л. до 7.000 л., оказалась доведенной къ 1772 г. уже всего до 1.500 л. Когда въ этомъ году генералъ-контролеръ аббатъ Террэ предписалъ произвести новую, болѣе строгую оцѣнку недвижимости, въ цѣляхъ повышенія доходности двадцатинъ, Фонтеттъ по собственному почину повысилъ оцѣночную сумму своего имѣнія снова до 7.000 л. и на дополни-

[1]) См. дѣло Фонтетта: *Archives nationales*, H 1411; извлеченія изъ него напечатаны въ нашихъ *Pièces justificatives*, Nr. 294.

тельную къ этой оцѣнкѣ сумму распорядился изготовить дополнительную окладную опись (supplément au rôle), по которой причиталось уплатить двадцатинъ 537 ливровъ 10 с. Но при этомъ интендантъ „забылъ" распорядиться внести соотвѣтствующую поправку въ податной списокъ, по которому взимался налогъ финансовымъ чиновникомъ (receveur des vingtièmes). Въ результатѣ, владѣлецъ Тилли уплатилъ всего лишь, какъ и въ предыдущіе годы, 165 л., причитавшихся съ оцѣночной суммы 1.500 л. Въ слѣдующемъ, 1773 г., Фонтеттъ представилъ въ генеральный контроль записку, въ которой предлагалъ повысить оцѣночную сумму своего имѣнія до 10.000 л., „для того чтобы показать примѣръ" другимъ плательщикамъ. Въ генеральномъ контролѣ это „усердіе" интенданта произвело надлежащее впечатлѣніе, снискавъ ему безграничное довѣріе министра, который и предоставилъ ему распоряжаться въ этой области въ качествѣ полнаго хозяина [1]). И онъ распорядился такъ, что за 1773 г. его имѣніе вовсе „забыли" внести въ податные списки, такъ что и казна не получила ни гроша изъ причитавшихся по оцѣнкѣ тысячи съ лишкомъ ливровъ двадцатинъ. Та же „операція" съ одинаковымъ успѣхомъ была повторена и въ слѣдующемъ, 1774 году [2]). Но это была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя изъ этого рода операцій. Успѣшность послѣднихъ находилась въ зависимости отъ покладистости мѣстнаго директора двадцатинъ. Послѣдній, по своей должности, пользовался извѣстной независимостью по отношенію къ интенданту, но благодаря чрезвычайному благоволенію и безграничному довѣрію, какими удалось заручиться Фонтетту со стороны министра, онъ, какъ было замѣчено, сдѣлался фактически безконтрольнымъ хозяиномъ въ данной области, и директору оставалось либо рисковать своимъ мѣстомъ, либо „слѣпо повиноваться" интенданту. Ланглядъ—такъ звали директора—избралъ вторую половину этой дилеммы, тѣмъ болѣе, что и его ближайшее начальство, главный директоръ двадцатинъ (directeur général des vingtièmes), которому онъ сдѣлалъ было попытку открыть глаза на „операціи" канскаго интенданта, рекомендовалъ ему „послушаніе и

[1]) По словамъ другой записки, не вошедшей въ наши *Pièces justificatives*, „on avait abandonné à M. de Fontette toute l'inspection et toute l'autorité sur la régie des vingtièmes . . . on l'avait laissé le maître absolu..."

[2]) Въ этомъ признался и самъ Фонтеттъ, объяснявшій это „недосмотромъ" съ своей стороны и коварствомъ со стороны директора двадцатинъ.

молчаніе впредь до болѣе благопріятнаго времени" [1]). Но, должно быть, Фонтеттъ почуялъ ненадежность своего невольнаго сообщника, судя по тому, что уже въ мартѣ 1774 г., въ письмѣ къ одному изъ высшихъ чиновниковъ генеральнаго контроля, Фонтеттъ жалуется на недостатокъ субординаціи со стороны Ланглада, который—пишетъ Фонтеттъ—„повседневно и публично игнорируетъ мою власть, какъ и власть моего генералъ-субделегата" [2]). Между тѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, произошло важное событіе: въ концѣ августа 1774 г. Франція узнала, что ненавистный аббатъ Террэ получилъ отставку, и мѣсто генералъ-контролера передано бывшему лиможскому интенданту, „другу философіи" Тюрго... О впечатлѣніи, которое произвело это событіе въ провинціи, даетъ понятіе письмо Ланглада. „Тюрго получилъ мѣсто (генералъ-контролера)—пишетъ онъ—, и провинціальныя физіономія поблѣднѣли, кое-кто струхнулъ..." [3]). Словомъ, „струхнули" тѣ, которые до сихъ поръ сами наводили трепетъ. „Струхнулъ" или нѣтъ Фонтеттъ, неизвѣстно, но слѣдовавшій до сихъ поръ благоразумному совѣту своего начальства—„слушаться и молчать впредь до болѣе благопріятнаго времени"—Ландладъ рѣшилъ, очевидно, что это „благопріятное время" настало,—что пора выйти изъ повиновенія и въ случаѣ надобности—нарушить благоразумное молчаніе. Ландладъ началъ съ того, что собственною властью (какъ это и слѣдовало по закону) внесъ имѣніе Тилли въ податные списки соотвѣтственно съ установленной въ 1773 г. (но фактически не выполнявшей своей функціи) оцѣночной суммой въ полномъ размѣрѣ. Фонтеттъ пришелъ въ ярость. Онъ потерялъ всякое самообладаніе и забывъ, что самое благоразумное въ его положеніи было—„молчать впредь до болѣе благопріятнаго времени", какъ въ свое время молчалъ Ландландъ,—сгоряча написалъ финансовому интенданту д'Ормессону письмо съ приложеніемъ длинной записки, гдѣ металъ громы и молніи противъ дерзкаго директора. Оказывается, что Ланландъ отъявленный негодяй, оставившій „самую дурную репутацію въ Алансонѣ", откуда онъ перемѣстился въ Канъ, гдѣ является

---

[1]) См. выдержку изъ письма Ланглада: *Pièces justificatives*, Nr. 294, p. 266.

[2]) Malafait, *alter ego* интенданта, его правая рука и, само собою разумѣется, его сообщникъ (см. о немъ выше, стр. 701). — Fontette à d'Ormesson, 7 mars 1774: „Le sieur Langlade méconnait tous les jours publiquement mes pouvoirs et ceux de mon subdélégué général".

[3]) См. письмо Ланглада: *Pièces justificatives*, p. 366.

„предметомъ ненависти для тѣхъ, кто его не знаетъ (?), и предметомъ презрѣнія для тѣхъ, кто знаетъ". Кромѣ того, Лангладъ вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ „съ крайне несуразными идеями", и сверхъ того—„самый отъявленный лжецъ, какого только можно встрѣтить". „Нѣтъ въ цѣломъ городѣ ни одного человѣка, который бы желалъ его видѣть, и Лангладъ лишь солжетъ лишній разъ, если осмѣлится утверждать, что хотя одинъ изъ жителей Кана питаетъ къ нему малѣйшее уваженіе" [1]). Въ заключеніе интендантъ находитъ „невозможнымъ оставлять долѣе завѣдованіе двадцатинами генеральства въ рукахъ Лангладa" и предлагаетъ перевести его куда-нибудь въ другое генеральство, прося замѣнить его другимъ директоромъ; впрочемъ, можно было бы и совсѣмъ обойтись безъ директора—полагаетъ интендантъ...

Д'Ормессонъ —безъ сомнѣнія, по порученію Тюрго,—отвѣчаетъ Фонтетту пространнымъ письмомъ отъ 6-го марта, въ которомъ со всей куртуазностью „собрата", но въ то же время съ твердостью, въ которой звучитъ авторитетный тонъ начальника, указываетъ на трудность совмѣстить предлагаемую Фонтеттомъ мѣру съ „благомъ службы и справедливостью, на которую имѣетъ право народъ". Что же касается характеристики, которую даетъ Лангланду Фонтеттъ, то д'Ормессонъ „считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она находится въ противорѣчіи съ многочисленными другими свидѣтельствами, которыя способны уравновѣсить въ мнѣніи министра, равно какъ и въ умѣ моего отца и моемъ собственномъ—пишетъ д'Ормессонъ [2]) — то, что мы должны думать на этотъ счетъ". Письмо это взорвало Фонтетта, привыкшаго получать отъ своего начальства лишь выраженія благодарности за свое „усердіе" и немедленное удовлетвореніе своихъ ходатайствъ. Письмо, которымъ онъ отвѣчаетъ д'Ормессону (отвѣтъ этотъ помѣченъ Парижемъ, 8-го марта) прекрасно отражаетъ неподдѣльный гнѣвъ разсерженнаго enfant gâté администраціи. „Я отвѣчаю немедля и собственноручно, Милостивый Государь, на письмо, которое вы сдѣлали мнѣ честь написать 6-го сего мѣсяца касательно г. Ланглада. Я конечно поостерегусь передать ваше письмо въ свою канцелярію: съ тѣхъ поръ, что я состою интендантомъ — а тому уже двадцать три года —я ни разу не получалъ подобнаго

[1]) Lettre et Mémoire de Fontette, 9 février 1775.

[2]) Его отецъ былъ тоже финансовымъ интендантомъ и вмѣстѣ—государственнымъ совѣтникомъ.

письма ни отъ какого министра, и смѣю думать, что подобнаго письма не подписалъ бы вашъ отецъ, потому что онъ знаетъ на основаніи опыта, что я заслуживаю лично того довѣрія, на которое вообще имѣютъ право гг. интенданты... Вашъ отецъ понялъ бы, что мое свидѣтельство не можетъ быть уравновѣшено свидѣтельствами, въ которыхъ честные люди не отказываютъ изъ милости, а прочіе— изъ признательности за послабленія, которыя могли быть имъ сдѣланы...“ Фонтеттъ, очевидно, былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ „кредитѣ“, какъ тогда выражались, чтобы считать опасными для себя разоблаченія какого-нибудь директора двадцатинъ. Кромѣ своего престижа въ качествѣ интенданта, онъ разсчитывалъ (какъ это обнаруживается изъ дальнѣйшей переписки) также и на могущественное покровительство графа Прованскаго, который въ 1771 г. сдѣлалъ его своимъ канцлеромъ.

Дѣйствительно, престижъ Фонтетта былъ еще настолько великъ въ этотъ моментъ, что Лангладъ, который, узнавъ объ объявленной ему интендантомъ войнѣ, поѣхалъ хлопотать въ Парижъ, не рѣшился сразу разоблачить всю подноготную дѣла, и старался объяснить враждебность къ себѣ Фонтетта вліяніемъ его любимца, генералъ-субделегата Малафэ, а этотъ послѣдній былъ-де вооруженъ противъ него, Ланглада, своей женой, которая-де не могла простить его, Ланглада, женѣ того, что эта послѣдняя не хотѣла сдѣлать той визита [1]). Лангладу однако дали понять, что его объясненія не считаютъ достаточными. Ему, повидимому, показали направленную противъ него записку Фонтетта, и тогда, „подъ вліяніемъ охватившаго его волненія“ [2]), Лангладъ признался въ своемъ соучастіи въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ интенданта для освобожденія его имѣнія отъ уплаты двадцатинъ. Въ подтвержденіе своего заявленія Лангладъ представилъ въ генеральный контроль записку съ приложеніемъ нѣсколькихъ документовъ, которые, „какъ казалось, не оставляли никакого сомнѣнія относительно образа дѣйствій интенданта“. „Однако, для того чтобы не оставалось ничего не разъясненнымъ въ дѣлѣ такой важности“, было командировано въ Канъ надежное лицо для провѣрки на мѣстѣ, и съ соблюденіемъ строжайшей тайны, по-

[1]) Записка, не вошедшая въ наши *Pièces justificatives*. — Сравн. выше, стр. 701—702.

[2]) „Dans un mouvement de sensibilité de se voir maltraité par M. de Fontette...“

датныхъ списковъ, относящихся къ Тилли, на основаніи подлинныхъ податныхъ списковъ и прочихъ документовъ, находящихся въ рукахъ мѣстнаго финансоваго чиновника [1]). Наведенныя на мѣстѣ справки подтвердили заявленія Ланглада. Письмомъ отъ 18-го апрѣля д'Ормессонъ сообщилъ Фонтетту формулированныя противъ него обвиненія, не упоминая впрочемъ источника послѣднихъ. Вслѣдъ за „временнымъ отвѣтомъ" (réponse provisoire), отъ 22-го апрѣля, Фонтеттъ прислалъ въ генеральный контроль пространную „оправдательную записку" (mémoire justificatif), въ которой довольно неудачно старался взвалить всю вину на Ланглада, который-де хотѣлъ безъ вѣдома его, интенданта, освободить Тилли отъ платежа двадцатинъ, для того чтобы его подвести, а онъ, интендантъ, виноватъ-де только въ излишней довѣрчивости къ директору, этому „преступнѣйшему изъ людей". Фонтеттъ не знаетъ границъ своему негодованію по поводу того, что смѣютъ вѣрить извѣтамъ негодяя, въ родѣ Ланглада, и не вѣрить ему, „прослужившему 23 года интендантомъ и вдобавокъ заслужившему довѣріе Monsieur..." Фонтеттъ требуетъ немедленнаго и примѣрнаго наказанія Ланглада. Да какъ онъ смѣлъ!.. Да какъ смѣли повѣрить, чтобы онъ, магистратъ, управлявшій въ теченіе 23 лѣтъ интендантствомъ, могъ и т. д. Фонтеттъ не столько оправдывается, сколько обвиняетъ и грозитъ, — грозитъ вмѣшательствомъ Monsieur, „канцлеромъ котораго—пишетъ Фонтеттъ—я имѣю честь состоять: его я возьму въ судьи своего образа дѣйствій, и онъ конечно не откажется довести мой голосъ до подножія трона"... Повидимому, однако Фонтеттъ, какъ человѣкъ неглупый, предпочелъ „добровольно" покинуть свое интендантство, гдѣ его такъ мало оцѣнили, и сдѣлалъ онъ это тѣмъ охотнѣе, что уходу этому былъ приданъ характеръ повышенія по службѣ: въ августѣ 1775 г. онъ оставилъ Канъ, чтобы занять мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ, въ званіи государственнаго совѣтника. Надо думать, что, если не прямое вмѣшательство высокаго покровителя Фонтетта въ лицѣ Monsieur, то во всякомъ случаѣ—уже одно званіе его „канцлера" сыграло не послѣднюю роль въ столь счастливомъ для ея героя эпилогѣ этой „непріятной исторіи"...

[1]) Та же записка. Этимъ довѣреннымъ лицомъ былъ одинъ изъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, Faraguet, который 28-го марта прибылъ въ Канъ, а 3-го апрѣля представилъ д'Ормессону свой докладъ, сохранившійся въ дѣлѣ.

Исторія вышла тѣмъ болѣе непріятная, что одновременно выплыли на свѣтъ Божій и разныя другія не менѣе темныя „операціи" черезчуръ предпріимчиваго администратора; выплыли они частью въ связи съ изложенною исторіей, частью же независимо отъ нея, въ силу рокового для него сцѣпленія случайностей. Обнаружились, между прочимъ, слѣдующія „операціи" съ казенной квартирой интенданта. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ интендантовъ начинаетъ, какъ мы видѣли, обуревать стремленіе обзавестись „приличными ихъ состоянію" казенными „отелями" [1]. Въ числѣ первыхъ, ощутившихъ эту потребность, былъ и Фонтеттъ, довольствовавшійся до тѣхъ поръ, подобно своимъ коллегамъ, казенною квартирой въ частномъ домѣ. Въ 1765 г. онъ выступилъ съ проектомъ постройки въ Канѣ „отеля интендантства"; но такъ какъ осуществленіе этого проекта встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, то находчивый администраторъ, который имѣлъ собственный домъ въ Канѣ, предложилъ въ 1769 г. купить его казнѣ; вмѣстѣ съ предположенными интендантомъ передѣлками и „украшеніями", стоимость дома исчислялась имъ въ суммѣ 84.000 ливровъ. Но чувство деликатности не позволяетъ ему, Фонтетту, требовать отъ короля такую цѣну, какую бы онъ счелъ себя въ правѣ потребовать отъ частнаго лица: поэтому интендантъ предлагаетъ казнѣ купить свой домъ всего за 50.000 л., съ прибавкой 10.000 въ качествѣ pot-de-vin. На городъ Канъ, выплачивающій пока ежегодно 1.500 л. за квартиру интенданта, будетъ возложенъ ремонтъ новаго интендантства. Фонтеттъ соглашается даже разсрочить уплату выговариваемыхъ 60.000 л. на три года, по 20.000 въ годъ, разумѣется—съ процентами. Предложеніе интенданта было принято генеральнымъ контролемъ, какъ принимались вообще всякія предложенія и ходатайства Фонтетта. Но тутъ вдругъ Фонтеттъ нашелъ свой домъ недостаточно просторнымъ и предложилъ гененералъ-контролеру прикупить для интендантства одинъ сосѣдній домъ: эта просьба была также немедленно уважена. Около двухъ лѣтъ спустя оказалось желательнымъ прикупить еще другой домъ,—и это было исполнено. Еще раньше было исполненно желаніе Фонтетта, чтобы pot-de-vin въ 10.000 л. былъ ему уплаченъ одновременно съ первымъ платежомъ въ 20.000 л., который вдобавокъ, по его просьбѣ, онъ получилъ четырьмя мѣсяцами

[1]) См. выше, т. I, стр. 281—283.

ранѣе договорнаго срока. За-то въ 1768 г. Фонтеттъ великодушно предложилъ отказаться отъ полученія въ свою пользу процентовъ, которыхъ за первый годъ причиталось 2.000 л., такъ какъ-де онъ, Фонтеттъ, недавно получилъ отъ казны дополнительную ежегодную субсидію въ 1.200 л. на канцелярскіе расходы. Новое великодушное предложеніе интенданта было принято съ благодарностью, а въ январѣ 1769 г. Фонтеттъ обратился въ генеральный контроль съ просьбой объ уплатѣ ему тѣхъ самыхъ процентовъ, отъ которыхъ онъ такъ великодушно отказался всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Довѣріе къ интенданту было такъ велико въ министерствѣ, что столь, казалось бы, странное непостоянство Фонтетта не обратило на себя ничьего вниманія. Онъ не только получилъ сполна проценты за весь договорный срокъ, но еще и ухитрился получить остающіеся 30.000 л. за полгода до истеченія договорнаго срока. Сверхъ того, Фонтеттъ ухитрился сохранить въ свою пользу, „впредь до окончанія работъ“ по перестройкѣ и „украшенію“ казеннаго отеля, тѣ ежегодные 1.500 л., которые городъ платилъ ему въ качествѣ квартирныхъ; взамѣнъ этихъ 1.500 л. интендантъ предложилъ взять на себя уплату „рентъ“, лежавшихъ на его бывшемъ домѣ и на одномъ изъ прикупленныхъ къ нему. Министерство, по обыкновенію, согласилось и на это предложеніе, даже не полюбопытствовавъ относительно размѣровъ тѣхъ „рентъ“, которыя выдвигались Фонтеттомъ въ качествѣ эквивалента 1.500 л. квартирныхъ. Любопытство явилось только съ той минуты, когда, вслѣдствіе разоблаченій Ланглада, поколебалось традиціонное довѣріе начальства къ канскому интенданту. Тогда навели и по этому дѣлу необходимыя справки, и открыли, какъ тѣ факты, которые только что изложены, такъ и то, что пресловутыя „ренты“, взамѣнъ которыхъ Фонтеттъ „согласился“ получать 1.500 л. квартирныхъ, равнялись въ общей сложности суммѣ въ 83 ливра..., изъ которыхъ 70 л. составляли „ренту“, которую бывшій домъ Фонтетта долженъ былъ выплачивать собственнику Тилли, и слѣдовательно эту сумму Фонтеттъ уплачивалъ себѣ самому, а стало быть 1.500 л. ежегоднаго дохода находчивымъ хозяиномъ были пріобрѣтены цѣною ежегодной уплаты 13 ливровъ!... Подводя итоги хитроумнымъ финансовымъ операціямъ Фонтетта на почвѣ созданнаго имъ вопроса о казенномъ „отелѣ“, въ генеральномъ контролѣ нашли, что этимъ путемъ изобрѣтательный администраторъ сумѣлъ увеличить свой ежегодный доходъ на сумму около 5700 ливровъ, а именно: 1.500 л. — квартирныхъ взамѣнъ взятаго

имъ на себя обязательства уплачивать ежегодную ренту въ 13 л.: 1.200 л.—взамѣнъ процентовъ, отъ которыхъ якобы отказался, и, наконецъ, 3.000 л. процентовъ съ 60.000 л., полученныхъ имъ за свои домъ.

Въ концѣ 1774 г., слѣдовательно мѣсяца за два до того, какъ Фонтеттъ потребовалъ удаленія Ланглада, онъ обратился въ генеральный контроль съ жалобой на своихъ инженеровъ путей сообщенія, преимущественно же на инженера-инспектора де-ла-Пейра, которымъ до тѣхъ поръ не нахваливался, и даже хлопоталъ для него въ 1772 г. о мѣстѣ главнаго инженера генеральства (ingénieur en chef de la généralité). 22-го декабря 1774 г. Фонтеттъ обратился къ генералъ-контролеру съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ вовсе устранить инженеровъ отъ завѣдованія благотворительными работами по исправленію дорогъ, мотивируя это тѣмъ, что участіе инженеровъ отзывается тяжело на бюджетѣ этихъ работъ, и намекая на существованіе злоупотребленій съ ихъ стороны при сдачѣ работъ подрядчикамъ. Письмо это, предназначенное для генералъ-контролера, по роковой для его автора канцелярской ошибкѣ, было адресовано на имя Трюдэня, директора департамента путей сообщенія. Человѣкъ безукоризненной честности, Трюдэнь стремился привить подобныя же понятія и въ средѣ инженеровъ своего вѣдомства, окруженныхъ постоянными соблазнами нелегальной наживы. Трюдэнь немедленно отвѣтилъ интенданту, прося его указать ему хотя бы одинъ точно установленный случай тѣхъ злоупотребленій, на которыя интендантъ намекаетъ, какъ на „обычное явленіе". Трюдэнь обѣщалъ съ своей стороны примѣрное наказаніе виновнымъ. Фонтеттъ уклонился отъ исполненія того, что ему предлагалъ Трюдэнь, ссылаясь на невозможность добыть доказательства злоупотребленій, которыя обыкновенно обставляются большими предосторожностями со стороны тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Трюдэнь, повидимому, удовлетворился этимъ объясненіемъ, и возможно, что дѣло на томъ бы и кончилось, но Фонтеттъ самъ поспѣшилъ себя выдать головой. Какъ разъ въ это время производилось секретное слѣдствіе надъ Фонтеттомъ по доносу Ланглада, и врядъ ли оно осталось тайной для интенданта. Опасаясь, вѣроятно, чтобы слѣдствіе не было распространено и на дорогостроительную часть, въ которой также не все было чисто, Фонтеттъ рѣшилъ на всякій случай обезопасить себя съ этой стороны, сообщивъ д'Ормессону, письмомъ отъ 21-го апрѣля, о якобы открытой имъ „ошибкѣ" въ отчетности по благотвори-

тельнымъ работамъ за 1773 г. „Провѣряя—пишетъ онъ—отчетъ за 1773 г., я замѣтилъ, что въ немъ фигурируетъ, между прочимъ, сумма въ 2.000 л., какъ израсходованная на дорожныя работы между Lingevres и Hottot, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти работы не имѣли мѣста, а тѣ 2.000 л. были обращены на такія же работы въ Тилли“... Это запоздалое объясненіе обратило на себя вниманіе д'Ормессона и на эту часть административно-хозяйственныхъ операцій предпріимчиваго интенданта. Были собраны необходимыя справки, изъ которыхъ выяснилось, что 2.000 л., о которыхъ идетъ рѣчь, пошли на дорожныя работы въ имѣніи интенданта взамѣнъ такой же суммы, которую Фонтеттъ обязался внести въ фондъ этого atelier въ качествѣ своей contribution volontaire [1]): эта сумма, стало быть, осталась въ карманѣ Фонтетта. Оказалось далѣе, что вообще, при распредѣленіи благотворительныхъ работъ, интендантъ выказывалъ особенное попеченіе объ умноженіи и благоустройствѣ дорогъ, ведущихъ къ Тилли... Естественно, что казенные инженеры, которые могли не раздѣлять этого пристрастія интенданта къ своему гнѣзду, являлись помѣхой, и, такимъ образомъ, становилась понятной та настойчивость, съ какою Фонтеттъ старался устранить ихъ отъ всякаго вмѣшательства въ завѣдованіе благотворительными работами...

Благотворительныя работы, по ихъ связи съ дорожнымъ дѣломъ, побудили обратить вниманіе и на операціи канскаго интенданта по части дорожной повинности. При этомъ обнаружились „большія неправильности съ сдачѣ дорожныхъ работъ подрядчикамъ“, и оказалось, что безпорядки эти существуютъ издавна [2]). Такъ, оказалось, что интендантъ собственною властью „освободилъ“ дорожныхъ инженеровъ отъ участія въ распредѣленія дорожныхъ работъ, поручивъ это дѣло одному изъ своихъ чиновниковъ, бывшему служащему главнаго инженера, прогнанному послѣднимъ за „нахальство“ (insolence) и взяточничество, „какъ это явствуетъ изъ писемъ двухъ подрядчиковъ, удостовѣряющихъ ихъ обязательство сдѣлать ему подарки для ускоренія дѣлопроизводства“. Кромѣ того, „публика жа-

[1]) См. выше, т. I, стр. 612.

[2]) *Archives nationales*, H 1411. Записка, составленная въ генеральномъ контролѣ въ 1775 г. и не вошедшая въ *Pièces justificatives*: „Il résulte de tout cela qu'il y a certainement du desordre dans l'adjudication des tâches, que ce desordre est ancien...“

луется на то, что г. интендантъ, распоряжаясь по своему усмотрѣнію дорожною податью, употребляетъ ее главнымъ образомъ на тѣ дороги, которыя могутъ быть полезными для его имѣнія Тилли и для имѣнія Sainte-Marie, принадлежащаго его шурину“...

XIX.

Дѣло интенданта Фонтетта обращаетъ на себя вниманіе историка, подобно тому, какъ обращаетъ на себя вниманіе библіофила книга, составляющая библіографическую рѣдкость, библіографическій *unicum*. Но рѣдкость или даже единичность данной книги можетъ обусловливаться либо тѣмъ, что она была напечатана въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, быть можетъ даже--въ одномъ экземплярѣ, либо тѣмъ, что, не смотря на то, что она была отпечатана во многихъ экземплярахъ, большинство послѣднихъ (или даже всѣ за исключеніемъ одного), въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, безслѣдно исчезли. Если для библіофила не безразлично, какому изъ этихъ двухъ обстоятельствъ обязана занимающая его книга своей рѣдкостью или „уничностью“, то еще менѣе безразлично для историка, къ какой изъ двухъ возможныхъ категорій слѣдуетъ отнести найденный имъ въ документахъ въ единственномъ экземплярѣ фактъ: смотрѣть ли на этотъ фактъ, какъ на единичный въ дѣйствительности, или же—какъ на одинъ изъ многихъ фактовъ этой категоріи, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности, но не оставившихъ послѣ себя документальныхъ слѣдовъ, за исключеніемъ одного „экземпляра“.

Данныхъ, которыя бы позволили дать тотъ или другой категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, у насъ нѣтъ, и приходится ограничиться лишь различными соображеніями, могущими дать въ результатѣ лишь *вѣроятное* рѣшеніе вопроса, но отнюдь не безусловно достовѣрное.

Начнемъ съ вопроса: можно ли предполагать, что занимающій насъ фактъ казнокрадства, дошедшій до насъ лишь въ одномъ экземплярѣ, составляетъ не болѣе, какъ случайно сохранившійся единственный экземпляръ многочисленнаго изданія? Многія соображенія говорятъ въ пользу отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Начать съ того, что интендантъ не получалъ на руки никакихъ суммъ, за исключеніемъ причитавшагося ему жалованья и запрошенныхъ имъ экстренныхъ субсидій и „наградныхъ“, а тѣ казенныя деньги, которыми

онъ могъ располагать по усмотрѣнію, находились въ рукахъ независимаго отъ интенданта мѣстнаго казначея, и сверхъ того, расходованіе всякихъ суммъ по ордерамъ интенданта находилось подъ контролемъ генеральнаго контроля. При такихъ условіяхъ, хищенія могли практиковаться интендантомъ лишь при условіи 1) недостаточной внимательности контроля, или 2) сообщничества мѣстныхъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства. Наличность того и другого изъ этихъ условій мы находимъ въ дѣлѣ Фонтетта, и можно сказать, что вообще интендантскія хищенія могли практиковаться лишь по схемѣ хищеній интенданта Фонтетта. Послѣднія имѣли успѣхъ до тѣхъ поръ, пока продолжалось сообщничество директора двадцатинъ Ланглада: „измѣна" послѣдняго моментально положила имъ конецъ. Замѣтимъ, что раскрытіе подвиговъ Фонтетта имѣло мѣсто въ самомъ началѣ царствованія Людовика XVI, и хотя административное слѣдствіе велось въ полномъ секретѣ, но оно не могло долго оставаться тайной ни для прочихъ интендантовъ при ихъ близкихъ, частью даже родственныхъ связяхъ съ посвященными въ дѣло чиновниками генеральнаго контроля [1]). Оно не могло конечно не произвести сильнаго впечатлѣнія въ интендантствахъ... Если уже одно вступленіе Тюрго на постъ генералъ-контролера заставило, по словамъ Ланглада, „поблѣднѣть провинціальныя физіономіи", то тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе должно было произвести дѣло Фонтетта. Оно не могло не послужить острасткой для тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли уже вступить на одну стезю съ своимъ канскимъ „собратомъ", и предостереженіемъ для тѣхъ, которые на этотъ путь вступить еще не успѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло Фонтетта показало всѣмъ „собратьямъ" канскаго интенданта, какъ рискованно разсчитывать на сообщниковъ, а кромѣ того, *послѣ него* сдѣлалось невозможнымъ уже разсчитывать и на малую бдительность генеральнаго контроля, внимательность котораго къ денежной отчетности интендантовъ, дѣйствительно, повысилась съ тѣхъ поръ [2]). Такимъ образомъ, дѣло Фонтетта, кромѣ того, что оно послужило устра-

[1]) Вскорѣ оно перестало быть секретомъ и для „публики", такъ какъ Ланглад выступилъ впослѣдствіи съ своими разоблаченіями въ печати.

[2]) Замѣтки, сдѣланныя рукою одного изъ высшихъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, иногда—самого министра, на поляхъ различныхъ интендантскихъ отчетовъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, свидѣтельствуютъ о большой внимательности генеральнаго контроля къ этой сторонѣ дѣла.

шающимъ примѣромъ для интендантовъ, оно не могло не оказать парализующаго вліянія на предпріимчивость послѣднихъ въ данномъ направленіи, съ одной стороны —сообщивъ контролю ту зоркость, которой ему до тѣхъ поръ не доставало, съ другой—подрѣзавъ крылья сообщничеству, безъ котораго были невозможны цѣлыя категоріи хищническихъ операцій. Врядъ ли при такихъ условіяхъ возможно предположить повтореніе при Людовикѣ XVI того, что имѣло мѣсто въ предыдущее царствованіе, т. е. систематическихъ хищеній въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о многочисленности „экземпляровъ" фонтеттовской исторіи хищеній въ его время (которое, за исключеніемъ нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, принадлежитъ всецѣло времени Людовика XV), мы можемъ во всякомъ случаѣ смотрѣть на эту исторію, какъ на послѣднюю главу, или пожалуй—какъ на послѣдній, заключительный эпизодъ исторіи интендантскихъ хищеній, у которыхъ она отняла необходимую обстановку, какъ матеріальную, такъ и моральную. Къ числу элементовъ послѣдней, кромѣ только что отмѣченныхъ, необходимо также отнести и тотъ духъ здороваго идеализма, который все болѣе и болѣе проникалъ, вмѣстѣ съ „благотворительной философіей", въ „просвѣщенную администрацію". Вліяніе этого послѣдняго фактора тоже нельзя конечно упускать изъ вида при разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса. А такъ какъ вліяніе этого фактора начинаетъ сказываться уже задолго до начала царствованія Людовика XVI, и въ частности—въ ту эпоху, къ которой относятся хищенія Фонтетта, то едва-ли можно предполагать, чтобы фонтеттовская исторія представляла собою изданіе во многихъ экземплярахъ, въ особенности, если припомнить, что интенданты были, по своему матеріальному положенію, людьми не нуждавшимися въ нелегальныхъ источникахъ дохода, къ тому же всегда рискованныхъ, не говоря уже объ ихъ несовмѣстимости съ чувствомъ порядочности, въ которомъ мы не имѣемъ основанія отказать интендантамъ этого времени, за рѣдкими,—быть можетъ, даже единичными исключеніями.

Подводя итоги сказанному по поводу поставленнаго нами вопроса, можно сказать, что на ту „библіографическую рѣдкость", которую представляетъ собою документальная исторія фонтеттовскихъ хищеній, можно смотрѣть какъ на случайно сохранившійся единственный экземпляръ изданія, которое было отпечатано еще въ царствованіе Людовика XV и, по всей вѣроятности, въ незначитель-

номъ количествѣ экземпляровъ; съ началомъ же новаго царствованія (Людовика XVI) новаго изданія этой „исторіи“ больше не выходило, въ виду отсутствія спроса на таковое.

Что касается характеристики, которую даетъ французскимъ интендантамъ—очевидно, со словъ какого-нибудь туземнаго острослова —нашъ соотечественникъ Фонвизинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Франціи, то она находится въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ интендантахъ этой эпохи. „Народъ въ провинціяхъ—пишетъ Фонвизинъ—еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенганта; но что есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у Двора сія привилегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ чрезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ“ [1]). Послѣдняя фраза заключаетъ въ себѣ, очевидно, отголосокъ пресловутой легенды-клеветы о *pacte de famine*, разоблаченной новѣйшею историческою критикой [2]). Предшествующая ей фраза заключаетъ въ себѣ не то недоразумѣніе (если предполагать, что Фонвизинъ считаетъ интендантство продажной должностью, о чемъ вслѣдъ за этимъ ведетъ рѣчь), не то—обвиненіе, но обвиненіе во всякомъ случаѣ вполнѣ голословное и не находящее себѣ ни малѣйшаго подтвержденія въ другихъ современныхъ свидѣтельствахъ; если послѣднія много говорятъ о вліяніи протекціи и непотизма въ дѣлѣ замѣщенія интендантскихъ вакансій, то ничего не говорятъ они о пріобрѣтеніи этихъ мѣстъ путемъ подкупа „при дворѣ“. Не менѣе голословно и то огульное обвиненіе въ „воровствѣ“ и „грабежѣ“, которымъ начинается фонвизиновская характеристика интендантовъ. Ближайшее знакомство съ дѣятельностью послѣднихъ рисуетъ намъ ихъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

XX.

По мнѣнію Сенакъ-де-Мейльяна, интенданты его времени менѣе заслуживаютъ упрека во мздоимствѣ и „злоупотребленіи вла-

1) *Фонвизинъ*, Письма изъ Франціи (письмо изъ Ахена, отъ 18/29 сентября 1778 г.).

2) См. особенно *Афанасьевъ*, op. cit., p. 249—298.

стью“, чѣмъ въ „небрежности и легкомысліи“ [1]). Подобный же упрекъ дѣлаетъ имъ авторъ одного памфлета восьмидесятыхъ годовъ [2]). Но надо замѣтить, что, вообще говоря, съ этимъ упрекомъ приходится встрѣчаться довольно рѣдко; онъ, можно сказать, почти отсутствуетъ въ наказахъ 1789 г., по крайней мѣрѣ, намъ лично не припоминается, чтобы мы встрѣтили упомянутый упрекъ въ пересмотрѣнныхъ нами многочисленныхъ изданныхъ наказахъ. Въ частности, что касается цитированнаго памфлета, то крайне задорный, бранный и частью пасквильный тонъ послѣдняго лишаетъ его „свидѣтельство“ сколько-нибудь серьезнаго значенія. Что же касается „свидѣтельства“ Сенакъ-де-Мейльяна, то оно подсказано, быть можетъ, не столько *наблюденіемъ*, сколько *самонаблюденіемъ*, и представляетъ собою скорѣе матеріалъ для характеристики самого автора, какъ администратора, чѣмъ для оцѣнки интендантовъ его времени вообще [3]).

XXI.

Раздѣлявшаяся „просвѣщенными администраторами“ слабость того вѣка къ „украшеніямъ“ [4]) далеко не вызывала единодушныхъ восторговъ, такъ какъ украшеніе „столицы“ области зачастую оказывалось для податного населенія послѣдней новымъ приращеніемъ къ лежавшему на его плечахъ бремени податей и повинностей,—бремени, чрезмѣрность котораго признавалась часто и самими интендантами. Напримѣръ, податное населеніе Шампани несетъ въ семидесятыхъ годахъ болѣе тяжелое податное бремя, чѣмъ нѣкоторыя изъ сосѣднихъ областей, благодаря тому, что—пишетъ одинъ современникъ—„шампанскій интендантъ (Руйлльe-д'Орфейль) пожелалъ имѣть (въ столицѣ области) блестящій театръ, красивые бульвары и общественные сады, роскошный отель или лучше сказать—дворецъ, который ему захотѣлось окружить прямыми и широкими улицами, а для удовлетворенія этихъ дорого стоящихъ фантазій пришлось перекроить весь городъ. Пользуясь вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, интендантъ добился всего, чего просилъ у Совѣта,—и все это—на счетъ бѣдной области, которую онъ обогащаетъ па-

[1]) См. выше, стр. 221.
[2]) *Espion dévalisé*, Londres, 1782.—*Pièces justificatives*, Nr. 479.
[3]) См. особенно *Legrand*, op. cit., p. 65—68. Сравн. также выше, стр. 221.
[4]) См. выше, стр. 279—284.

мятниками, подрывая въ то же время ея промышленность и сельское хозяйство" [1]). Въ административной перепискѣ намъ пришлось, напримѣръ, встрѣтить указанія на то, что сооруженная по случаю проѣзда черезъ Шалонъ Маріи-Антуанетты въ 1770 г. тріумфальная арка, подъ именемъ *Porte Dauphine* [2]), обошлась дорого окрестному крестьянскому населенію, которое заставили безплатно возить строевой матеріалъ и производить земляныя работы для этого сооруженія. Нѣкоторые изъ современниковъ ставятъ интендантамъ въ упрекъ „чрезмѣрную роскошь большихъ дорогъ, украшаемыхъ въ ущербъ человѣколюбію" [3]).

Въ 1783 г. одинъ панегиристъ управленія турскаго интенданта дю-Клюзеля, для того, чтобы сильнѣе подчеркнуть „добродѣтели", своего героя, бичуетъ различныхъ „модныхъ интендантовъ, болѣе занятыхъ внѣшнимъ украшеніемъ своихъ столицъ и своихъ отелей, чѣмъ дѣйствительно полезными улучшеніями, въ родѣ тѣхъ, какими обязана провинція г. дю-Клюзелю" [4]).

Дѣятельность лиможскаго интенданта д'Эня по части украшенія своей столицы точно также вызываетъ не одни лишь похвалы въ средѣ мѣстнаго населенія, какъ это можно судить, напримѣръ, по нашедшему себѣ мѣсто въ *Секретныхъ мемуарахъ* письму лиможскаго обывателя отъ 15-го ноября 1785 г. „Все, что вамъ сообщали объ общественныхъ работахъ, произведенныхъ въ нашемъ городѣ г. д'Энемъ для его благоустройства и украшенія, черезчуръ преувеличено. Этотъ интендантъ отличался изряднымъ тщеславіемъ и любилъ читать похвалы себѣ въ газетахъ. Вообще, построенныя имъ сооруженія не блещутъ ни вкусомъ, ни достоинствомъ и не соотвѣтствуютъ тѣмъ издержкамъ, которыя ими были вызваны" [5]).

Къ тому же затѣваемыя интендантами „украшенія" далеко не всегда находили себѣ оправданіе въ идеѣ общественной пользы. Таково, напримѣръ, сооруженіе статуи Людовика XVI въ Долѣ, по почину

[1]) *Espion Anglais*, Londres, 1783, t. V, p. 103-106 (29 janvier 1777).

[2]) Существуетъ понынѣ подъ названіемъ *Porte Sainte-Croix*.

[3]) Слова маркиза д'Аржансона, приводимыя *Babeau*, la Province, t. II, p. 184.

[4]) *Mémoires secrets*, t. XXIII (20 octobre 1783). Extrait d'une lettre de Tours, du 15 octobre.

[5]) *Mémoires secrets*, t. XXX (26 novembre 1785). Extrait d'une lettre de Limoges, du 16 novembre.

интенданта де-ла-Корэ [1]), въ чемъ, кромѣ непроизводительной траты общественныхъ суммъ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ обывателей склонны усматривать „un trait d'adulation" со стороны интенданта. Ліонскій интендантъ де-Флесселль сооружаетъ въ восьмидесятыхъ годахъ подобный же памятникъ въ честь Людовика XVI въ Ліонѣ [2]). Нельзя было бы конечно ничего возразить противъ сооруженія подобныхъ памятниковъ, если бы оно производилось, какъ это принято въ наше время по отношенію къ подобнымъ сооруженіямъ, на средства, собранныя путемъ добровольныхъ пожертвованій, а не выжатыя изъ податного населенія путемъ принудительной разверстки въ видѣ пропорціональной прибавки къ тальѣ, какъ это обыкновенно практиковалось въ тѣ времена.

XXII.

Интересно, что ни въ наказахъ 1789 г., ни въ другихъ памятникахъ эпохи мы почти не находимъ жалобъ на *протекцію* и *непотизмъ*, господствовавшія, какъ мы видѣли [3]), въ дѣлѣ замѣщенія интендантскихъ вакансій, и цитированный выше современный памфлетъ, съ своими „разоблаченіями", стоитъ совершенно одиноко. Объясненія этому странному на первый взглядъ обстоятельству слѣдуетъ, думается намъ, искать прежде всего въ томъ, что *протекція* и *непотизмъ* (въ извѣстныхъ случаяхъ *кастовый непотизмъ*) составляли въ старой Франціи явленіе до такой степени обычное и, такъ сказать, всеобщее во всей служилой средѣ, не исключая и парламентско-судейскаго міра [4]), что на него привыкли смотрѣть, какъ на нѣчто вполнѣ нормальное. Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны, не видно, чтобы вліяніе протекціи и непотизма на замѣщеніе интендантскихъ вакансій сказывалось неизбѣжно дурными результатами для соотвѣтствующихъ провинцій. Послѣдній дижонскій интендантъ Амело, получившій это мѣсто благодаря могущественной протекціи, въ возрастѣ 22-хъ лѣтъ, оказался, несмотря на свою крайнюю молодость, очень дѣльнымъ и

[1]) *Mémoires secrets*, t. XXV (19 janvier 1784). Extrait d'une lettre du 19 novembre.

[2]) Ibidem, t. XXIV (6 décembre 1783). Extrait d'une lettre de Lyon, du 19 novembre.

[3]) См. выше, стр. 94—102.

[4]) См. выше, стр. 17—21.

толковомъ администраторомъ [1]). Въ лицѣ Шомонъ-де-ла-Галезьера, который былъ, какъ интендантъ, „креатурой Шуазеля“, мы имѣли дѣло съ однимъ изъ выдающихся администраторовъ своего времени [2]). Административная дѣятельность дю-Клюзеля, получившаго турское интендантство по протекціи того же Шуазѣля, была, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя, „столь же благотворною, какъ и дѣятельность Тюрго въ Лимузенѣ“, и то, что намъ извѣстно о дю-Клюзелѣ, вполнѣ оправдываетъ такую характеристику. Замѣтимъ также, что въ качествѣ интенданта, дю-Клюзель, какъ мы видѣли, пріобрѣлъ себѣ широкія симпатіи въ своей области [3]). Родство Монтіона съ генералъ-контролеромъ Maynon d'Invault, не оставшееся, безъ сомнѣнія, безъ вліянія на назначеніе его интендантомъ, не помѣшало Монтіону сдѣлаться однимъ изъ наиболѣ „просвѣщенныхъ“ и „благотворительныхъ“ администраторовъ и оставить по себѣ благодарную память среди бывшихъ управляемыхъ [4]). Овернь, по словамъ мѣстнаго историка, обязана была Монтіону, какъ интенданту, различными „полезными начинаніями и многочисленными благодѣяніями“ [5]). По отзыву его новѣйшаго біографа, какъ администраторъ, Монтіонъ „былъ гораздо внимательнѣе къ потребностямъ порученнаго его управленію населенія, чѣмъ къ придворнымъ интригамъ“ [6]). Protégé герцога de Duras, графъ д'Агэ оказался хорошимъ администраторомъ и „просвѣщеннымъ благотворителемъ“ своей провинціи, нашедшей въ немъ горячаго защитника своихъ интересовъ и выражавшей ему при всякомъ случаѣ свои симпатіи [7]). Тиру-де-Кронь, получившій мѣсто руанскаго интенданта благодаря будто бы

---

[1]) На новѣйшаго изслѣдователя *А. М. Ону* (Наказы третьяго сословія), хорошо изучившаго переписку интендантовъ въ 1788—1789 г., этотъ совсѣмъ юный администраторъ (въ 1788 1789 г. ему было 27—28 л.) произвелъ самое выгодное впечатлѣніе. См. также выше, стр. 99 и passim.

[2]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, le Personnel administratif, p. 26—27. См. также выше, стр. 98.

[3]) *Dumas*, op. cit., p. 393—394 et passim; также выше, стр. 99, 328 и passim.

[4]) См. выше, стр. 97—98, 324, 335 и passim.

[5]) *Cohendy*, Mémoire historique sur les modes successits de l'administration dans la province d'Auvergne, Clermont-Ferrand, 1856, p. 19.

[6]) *Dufaure*, Eloge de M. de Montyon, 1866 (цит. по *Labour*, M. de Montyon, p. 273).

[7]) *Boyer de Sainte-Suzanne*, op. cit., p. 488—489. См. также выше, стр. 97, 327 и passim.

протекціи герцога Шуазеля и своего тестя де-ла-Мишодьера, успѣлъ снискать себѣ широкія симпатіи въ своей области [1]). Ремонъ-де-Сенъ-Соверъ, „добившійся“ мѣста перпиньянскаго интенданта, если вѣрить тому же памфлетисту, при помощи не особенно лестной протекціи, былъ, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя, „добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ“, и то, что намъ извѣстно о его дѣятельности, вполнѣ оправдываетъ этотъ отзывъ [2]). Интендантъ де-Понъ, назначеніе котораго на мецское интендантство современный памфлетистъ приписываетъ связямъ его жены, успѣлъ, какъ мы видѣли, пріобрѣсти въ своей области прочныя симпатіи [3]). Не меньшія симпатіи пріобрѣлъ, какъ мы видѣли, въ своей „столицѣ“ послѣдній лангдокскій интендантъ Баллэнвиллье, получившій это мѣсто, несомнѣнно, въ качествѣ „родного человѣка“ тогдашняго генералъ-контролера де-Калонна [4]). Жюлльенъ, обязанный, если вѣрить цитированному памфлету, мѣстомъ алансонскаго интенданта заинтересованной протекціи, былъ, по словамъ новѣйшаго изслѣдователя [5]), „замѣчательнымъ администраторомъ“, отличавшимся „независимостью характера, широтою взглядовъ и просвѣщеннымъ усердіемъ“. Это былъ, кромѣ того, какъ мы имѣли случай видѣть, въ высшей степени гуманный и „чувствительный“ человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова [6]). По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ провинціальныхъ изслѣдователей, интендантъ Жюлльенъ, „не обладая знаменитостью Тюрго, не уступаетъ ему однако въ достоинствахъ“ [7]). Интендантъ Гео-де-Реверсо, обязанный своимъ „возвышеніемъ“ своему кузену, министру де-л'Аверди, заявилъ себя „просвѣщеннымъ администраторомъ“, хотя, повидимому, и не пользовался особенными симпатіями въ своей провинціи, благодаря своему строптивому нраву и деспотическимъ наклонностямъ [8]). Какъ бы то ни было, по словамъ

[1]) *Floquet*, Histoire du parlement de Normadie, t. VII, p. 669—700; также выше, стр. 99, 329 и passim.

[2]) *Brutails*, Notes sur l'économie rurale du Roussillon, p. 8; см. также выше, стр. 99 и passim.

[3]) См. выше, стр. 99 и 326.

[4]) См. выше, стр. 100, 325 и passim.

[5]) M. Louis Duval, archiviste de l'Orne.

[6]) *L. Duval*, Ephémérides p. 18; idem, Notice ms.; *Angot des Rotours*, Notice ms.; также выше, стр. 98, 325 и passim.

[7]) *Plantié*, les Enfants assistés dans l'Orne au XVIII-e siècle, p. 35.

[8]) *Rondeau*, les Cahiers des communautés du bailliage de Rochefort-sur-Mer en 1789 (*Archives historiques de la Saintonge*, t. XVI [1888], p. 340 et

мѣстнаго изслѣдователя, интендантъ Гео-де-Реверсо, которому область Сентонжъ „обязана была въ значительной мѣрѣ своимъ матеріальнымъ преуспѣяніемъ, выказалъ большую преданность ея интересамъ и въ теченіе девяти лѣтъ посвятилъ ей свою энергію и свои таланты“ [1]. Интендантъ Эсмангаръ, „пристроенный“ въ Бордо по протекціи герцогини Шартрской, если вѣрить автору цитированнаго памфлета, снискалъ, по словамъ другого современника, „уваженіе и любовь“ своихъ управляемыхъ; а сохранившіеся документальные слѣды его административной дѣятельности рисуютъ намъ Эсмангара энергичнымъ и вмѣстѣ гуманнымъ администраторомъ [2]. Овернскій интендантъ де-Шазера, обязанный своимъ мѣстомъ протекціи нѣсколькихъ сильныхъ покровителей, заявилъ себя, въ качествѣ администратора, „достойнымъ преемникомъ Монтіона“ [3]. Казъ-де-ла-Бовъ, protégé министра де-Монбаррэ, управлялъ гренобльскимъ интендантствомъ съ „просвѣщеннымъ усердіемъ“ [4]. Если Сенакъ-де-Мейльяна, обязаннаго своимъ мѣстомъ интенданта придворнымъ вліяніямъ, и нельзя причислить къ числу лучшихъ изъ интендантовъ его времени, тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать въ правѣ на званіе „просвѣщеннаго администратора“; въ этомъ званіи ему не отказывали впрочемъ и его управляемые, среди которыхъ ему удалось снискать извѣстныя симпатіи [5].

Что протекція и непотизмъ не влекли за собою неизбѣжнымъ образомъ тѣхъ отрицательныхъ явленій, какихъ бы можно было ожидать a priori, объясняется это, съ одной стороны—вліяніемъ традицій quasi-сословной чести и профессіональной порядочности, выработавшихся внутри магистратуры; и въ частности—внутри магистратуры административной, именно въ силу извѣстной какъ бы сослов-

---

suiv.); *Bulletin de la Société des Archives de la Saintonge et de l'Aunis*, 1892, p. 429; *Meschinet de Richemond* (archiviste de la Charente-Inférieure), Notice ms.; также выше, стр. 98 и passim.

[1] *Audiat*, les Etats de Saintonge, p. 9.

[2] *Mémoires secrets*, t. XXXIV (21 février 1787) (*Pièces fustificatives*, Nr. 540); *F. Mourlot*, l'Intendant Esmangart, ms., f. 8; также выше, стр 98, 324 и passim.

[3] *Cohendy*, Mémoire historique, etc., p. 19—20; сравн. *Bonnefoy*, op. cit. p. 14, 34—36; *Evérat*, op. cit., p. 190; также выше, стр. 98 и passim.

[4] *Périer*, Histoire de Grenoble, p. 42–43. См. также выше, стр. 98, 335 и passim.

[5] См. выше, стр. 100, 324 и passim.

ной замкнутости этихъ группъ; съ другой стороны, не послѣднюю роль, въ качествѣ корректива по отношенію къ отмѣченному отрицательному явленію, играла та струя здороваго идеализма, которая проникла въ администрацію, въ лицѣ ея „просвѣщенныхъ" представителей, подъ вліяніемъ идейныхъ вѣяній „вѣка просвѣщенія".

XXIII.

Интересно также, что практика замѣщенія интендантскихъ вакансій зачастую совсѣмъ юными „магистратами" тоже не вызывала особенныхъ нареканій. Объясняется это, во-первыхъ—тѣмъ, что представленія о *молодости* должностныхъ лицъ въ ту пору, когда министръ въ 20—25 лѣтъ не представлялъ собою чего-либо необычнаго [1]), не могли конечно совпадать съ представленіями нашего времени, когда о министрѣ въ 40—50 лѣтъ говорятъ, какъ о „совсѣмъ еще молодомъ". То, что представляется намъ страннымъ, почти нелѣпымъ, могло казаться людямъ занимающей насъ эпохи вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Это —разъ. Во-вторыхъ, наслѣдственность должностей внутри магистратуры вообще, и въ частности--внутри отдѣльныхъ фамилій, создавала извѣстную наслѣдственность судебныхъ и административныхъ навыковъ, которая до нѣкоторой степени восполняла тѣ пробѣлы, которые обусловливались незрѣлостью отдѣльныхъ лицъ.

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что мы не видимъ, чтобы молодость нѣкоторыхъ изъ интендантовъ давала себя чувствовать какими-либо отрицательными результатами, и чтобы вообще наиболѣе юные изъ администраторовъ менѣе удачно справлялись съ своею задачей, чѣмъ ихъ болѣе зрѣлые „собратья". Въ частности, намъ уже приходилось упоминать по другому поводу объ Амело, который принадлежитъ къ числу наиболѣе юныхъ изъ интендантовъ занимающей насъ эпохи [2]). Не слѣдуетъ конечно при этомъ забывать о существованіи перваго секретаря, этого *alter ego* интенданта [3]). Опытный и

---

[1]) Сенакъ-де-Мейльянъ приводитъ примѣры Вилльруа, Морепа, Лаврилльера и др. лицъ, которыя получили должности статсъ-секретарей (министровъ) въ возрастѣ двадцати лѣтъ и моложе. — *Sénac de Meilhan*, le Gouvernement, p. 210—211.

[2]) См. выше, стр. 92 и 721.

[3]) См. т. I, стр. 289—290.

дѣльный секретарь конечно могъ предохранить неопытнаго и неумѣлаго интенданта отъ различныхъ промаховъ, и то, что по документамъ представляется актомъ дѣятельности интенданта, является въ извѣстномъ случаѣ, быть можетъ, лишь получившимъ санкцію дѣломъ его перваго секретаря.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида и того обстоятельства, что молодость тѣхъ или другихъ администраторовъ имѣла также и свою положительную сторону, поскольку она обусловливала собою бо́льшую податливость ихъ на идейныя вѣянія времени, бо́льшую чуткость къ идеальнымъ побужденіямъ, наконецъ—бо́льшую отзывчивость на живыя потребности минуты. Во всѣхъ этихъ качествахъ, дѣйствительно, нельзя отказать „просвѣщенной администраціи" занимающей насъ эпохи, въ особенности по сравненію съ администраціей нашего времени. Положительныя стороны послѣдней, это, можно сказать—достоинства зрѣлаго возраста; но за-то ей хватаетъ положительныхъ сторонъ юности, которыя составляютъ преимущество болѣе юной администраціи „просвѣщеннаго вѣка".

XXIV.

Для правильной исторической оцѣнки раздающихся противъ интендантовъ жалобъ со стороны управляемыхъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, кромѣ дѣйствительныхъ фактовъ злоупотребленій въ дѣятельности этихъ представителей администраціи, жалобы эти подсказываются до извѣстной степени тою *непопулярностью, которую интендантамъ приходится раздѣлять съ правительствомъ, органами котораго они являются.* И всякій разъ, какъ, въ силу какихъ бы то ни было обстоятельствъ, въ обществѣ обостряется оппозиціонное настроеніе противъ правительства, это немедленно отражается и на интендантахъ. Такъ было, напримѣръ, въ 1756 г.; въ маѣ этого года маркизъ д'Аржансонъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Въ настоящее время замѣчается *всеобщее возстаніе противъ провинціальныхъ интендантовъ...* Счетная палата, провинціальныя палаты пошлинъ и депутаты отъ парламентовъ (въ Парижѣ) вырабатываютъ сообща представленія королю противъ злоупотребленій его совѣта, министровъ *и интендантовъ*" [1]). Это былъ какъ разъ одинъ

---

[1]) *D'Argenson*, Journal et Mémoires, t. IX, p. 263 (7 mai 1756).

изъ моментовъ обостренія отношеній между правительствомъ и магистратурой [1]). „*Трибуналы объявляютъ войну интендантамъ*, чтобы добраться потомъ и до министровъ“ — пишетъ д'Аржансонъ въ концѣ слѣдующаго ноября [2]). Начиная съ этихъ поръ, провинціальными парламентами и провинціальными штатами — по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ—воздвигается гоненіе на непосредственныхъ агентовъ интендантовъ —субделегатовъ. Такъ, парламенты экссiй, а затѣмъ тулузскій объявляютъ несовмѣстимость судебныхъ и муниципальныхъ должностей съ званіемъ субделегата [3]); бретанскіе штаты изгоняютъ субделегатовъ изъ своей среды [4]); нѣсколько позднѣе та же тенденція проявляется и въ другихъ областяхъ со штатами [5]). Недовѣріе къ администраціи такъ глубоко въ народныхъ массахъ, что во время голодовки въ 1768 г. орлеанскій интендантъ, употреблявшій всѣ усилія противъ монополизированія хлѣба скупщиками, самъ слыветъ въ народѣ скупщикомъ. Впрочемъ не менѣе враждебную подозрительность массъ вызываетъ къ себѣ мѣстный судья Ле-Тронь, извѣстный писатель, приверженецъ доктрины физіократовъ и защитникъ свободы хлѣбной торговли. По сообщенію интенданта, „онъ вызываетъ къ себѣ въ городѣ такую ненависть, чтобы не сказать презрѣніе, что, когда онъ возвратился изъ Парижа, какъ разъ во время вздорожанія хлѣба, то въ народѣ открыто указывали на него, какъ на главнаго виновника голодовки“ [6]). Удивительно ли, если на этой почвѣ возникали различныя обвиненія противъ интендантовъ, въ родѣ хотя бы того обвиненія въ участіи ихъ въ (несуществующемъ) *pacte de famine*, которое успѣло, между прочимъ, проникнуть и въ переписку нашего соотечественника Фонвизина [7]). Зачастую самыя благія начинанія администраціи наталкиваются на глубокое недовѣріе населенія. Когда, около того же времени, одинъ изъ „просвѣщенныхъ администраторовъ“, желая приняться за „поощреніе“ въ своей области пчеловод-

1) *Rocquain*, op. cit., p. 195—196.

2) *D'Argenson*, op. cit., t. IX, p. 350 (29 novembre 1756).

3) См. выше, томъ I.

4) *Archives nationales*, H 591, 613. — *Pièces justificatives*, Nrs. 41, 44. Сравн. ibidem, Nrs. 40, 79.

5) Напримѣръ, въ Брессѣ въ 1779 г.— *Archives nationales*, H 222, 3— *Pièces justificatives*, Nr. 42.

6) *Camille Bloch*, Etudes sur l'histoire économique, p. 35.

7) См. выше, стр. 718.

ства, началъ собирать о немъ статистическія данныя, то это произвело настоящій переполохъ среди пчеловодовъ, которые рѣшили, что дѣло идетъ, очевидно, о введеніи какой-нибудь новой подати, и, не долго думая, предали свои ульи всесожженію... [1])

Всякій, кто выступалъ публично противъ интендантовъ, могъ заранѣе разсчитывать на болѣе или менѣе единодушное одобреніе. Если вѣрить хроникеру *Секретныхъ мемуаровъ*, то Лоранъ-де-Вилльдейль былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ на постъ министра въ 1787 г. „вылазкѣ противъ интендантовъ", которую онъ сдѣлалъ въ собраніи нотаблей [2]). Безансонскій интендантъ говоритъ около того же времени объ интендантахъ, какъ объ „администраціи искони непопулярной и вызывающей къ себѣ всеобщее недовѣріе" [3]). Этого традиціоннаго недовѣрія не въ состояніи была, стало быть, побороть даже та „благотворительная философія", которая въ сущности переродила администрацію, сдѣлавъ ее „просвѣщенной". Можно сказать, что „просвѣщеннымъ" интендантамъ приходилось до извѣстной степени искупать грѣхи своихъ отцовъ.

Имъ приходилось, естественно, нести отвѣтственность также и за различные промахи и злоупотребленія своихъ секретарей и субделегатовъ, которымъ они силою вещей принуждены были делегировать изрядную долю своихъ полномочій, не имѣя въ то же время возможности фактически контролировать всѣ ихъ дѣйствія.

Наконецъ, интендантамъ, съ ихъ секретарями и субделегатами, приходится нести, въ глазахъ народныхъ массъ, отвѣтственность за изрядную долю тѣхъ многочисленныхъ и многообразныхъ *abus*, которыми былъ пропитанъ старый порядокъ, и которые простонародью приходится ощущать по большей части въ формѣ конкретныхъ столкновеній съ „монсеньеромъ интендантомъ", либо еще чаще—съ его главнымъ секретаремъ или съ субделегатомъ. Для насъ, напримѣръ, вполнѣ ясно, что если французскій крестьянинъ этого времени задыхается подъ гнетомъ податей и повинностей, то виною тому—весь податной режимъ, опирающійся, въ свою очередь, на режимъ соціально-политическій, связанный съ податными изъятіями для привилегированныхъ сословій; но въ глазахъ мужика, имѣющаго дѣло съ интендантомъ и субделегатами, которые опредѣляютъ размѣръ

---

1) *Necker*, op. cit., t. III, p. 232—233.
2) *Mémoires secrets*, t. XXXV (8 mai 1787).
3) *Lurion*, op. cit., p. 8.

податного оклада его деревни, виновниками гнетущаго его податного бремени являются прежде всего именно эти представители администраціи; въ нихъ для него олицетворяется весь фискальный режимъ. „Съ уничтоженіемъ фиска—читаемъ, напримѣръ, въ наказѣ одной мэнской деревеньки—, должны быть уничтожены и интенданты“[1]. Указаннымъ обстоятельствомъ объясняется до извѣстной степени тотъ фактъ, что жалобы на интендантскую администрацію, сопровождающіяся зачастую требованіемъ ея полной отмѣны, исходятъ главнымъ образомъ изъ крестьянской среды[2]. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, чтобы первичные приходскіе наказы представляли собою точное выраженіе думъ и желаній этой среды, такъ какъ фактическими вдохновителями этихъ наказовъ являлись ихъ редакторы-составители, каковыми были по большей части мѣстные представители „судейскаго сословія“, въ рукахъ котораго вообще находилась судьба выборныхъ операцій въ средѣ третьяго сословія „сверху до низу“ — по выраженію новѣйшаго изслѣдователя, пролившаго впервые свѣтъ на этотъ до сихъ поръ остававшійся въ тѣни уголокъ исторіи послѣднихъ дней стараго порядка во Франціи[3]. Вполнѣ естественно, что представители судейскаго сословія не упустили столь удобнаго случая, для того чтобы свести свои старые счеты съ ненавистною имъ интендантскою администраціей[4]. Впрочемъ на наказахъ 1789 г. намъ придется еще остановиться болѣе обстоятельно въ другой связи.

Резюмируемъ вкороткѣ изложенную главу.

Одною изъ основныхъ чертъ административныхъ нравовъ стараго порядка является, по мнѣнію Токвиля, тенденція къ бюрократической централизаціи; но тенденція эта значительно ослабѣваетъ въ занимающую насъ эпоху, частью вслѣдствіе вліянія свободолюбивыхъ

---

1) *Bellée* et *Duchemin*, Cahiers des paroisses du Maine, t. I, p. 323.—*Pièces justificatives*, Nr. 427.

2) См. наши *Pièces justificatives*, Nrs. 374—449. Эти жалобы и требованія, естественно, находятъ себѣ мѣсто и въ сводныхъ наказахъ бальяжей и сенешальствъ (см., напр., ibidem, Nrs. 340—358).

3) *Ону*, op. cit., p. 20: „Сверху до низу, судьба выборовъ была въ рукахъ судебнаго сословія“.—Сравн. ibidem, p.: 60, 71, 73, 85, 92, 96—97, 116, 128, 132, 142, 169—170.

4) См. выше, т. I, стр. 476—477.

вѣяній „просвѣщеннаго вѣка“, частью вслѣдствіе ослабленія министерскаго престижа по сравненію съ пріобрѣтавшей все большую и бо́льшую устойчивость должностью интенданта, частью, наконецъ, вслѣдствіе прогрессивнаго усложненія задачъ центральной администраціи, все болѣе и болѣе вынуждающаго центральную власть расширять поле самодѣятельности областныхъ администраторовъ.

Подобнымъ же анахронизмомъ, по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ, страдаетъ и другое наблюденіе Токвиля, касающееся преувеличенно ревниваго отношенія администраціи ко всякимъ проявленіямъ общественной самодѣятельности.

Что касается развитія бюрократическаго начала въ администраціи стараго порядка, то оно проявляется въ позднѣйшую пору не столько въ подавленіи общественной самодѣятельности, сколько въ развитіи бумажнаго дѣлопроизводства.

Однимъ изъ послѣдствій этого развитія является извѣстное замедленіе въ ходѣ административныхъ дѣлъ. Медленность движенія послѣднихъ однако зачастую обусловливается не столько *канцелярской волокитой*, сколько медленностью тогдашней почты, неизбѣжною при существовавшихъ въ ту пору способахъ передвиженія. Во всякомъ случаѣ, канцелярская волокита не составляетъ характерной черты интендантской администраціи занимающей насъ эпохи; въ отдѣльныхъ случаяхъ мы видимъ, наоборотъ, со стороны интендантовъ сознательное стремленіе къ возможному ускоренію дѣлопроизводства.

Однимъ изъ характерныхъ отличій административныхъ нравовъ занимающей насъ эпохи, по сравненію съ нашимъ временемъ, является *тонъ куртуазной фамильярности* во взаимныхъ официальныхъ отношеніяхъ, какъ между начальствующими и подчиненными, такъ и между „собратьями“ по должности, въ частности—между интендантами.

Тѣмъ же характеромъ куртуазной фамильярности отмѣчены зачастую и взаимныя отношенія между администраторами и управляемыми. Въ этомъ случаѣ сказывается вліяніе господствовавшей въ дореволюціонной Франціи патріархально-патримоніальной концепціи публичной власти. Если, согласно этой концепціи, „король есть отецъ всѣхъ подданныхъ государства“, то администраторъ, интендантъ, какъ представитель короля въ области, „долженъ смотрѣть на себя, какъ на отца всѣхъ обывателей ввѣренной ему провинціи“. „Провинція“, представляющая собою, съ указанной точки зрѣнія,

какъ бы одну большую семью интенданта-„отца“, вполнѣ естественно, не можетъ относиться безучастно къ частной жизни послѣдняго. Отсюда—болѣе или менѣе близкое участіе, принимаемое „провинціей“, главнымъ же образомъ—ея „столицей“, въ семейныхъ радостяхъ и печаляхъ интенданта. Поводами для проявленія куртуазно-фамильярныхъ отношеній между администраторомъ и управляемыми являются также довольно частыя *публичныя празднества*, составляющія въ старой Франціи одну изъ видныхъ сторонъ общественной жизни, въ особенности въ провинціи. Въ этихъ празднествахъ интендантъ играетъ обыкновенно роль хлѣбосольнаго хозяина; что же касается „провинціи“, то она частью принимаетъ матеріальное участіе въ этомъ хлѣбосольствѣ, частью „благодаритъ“ интенданта, *отдаривая* его болѣе или менѣе щедрою рукою. Отсюда—*подарки натурою*, составляющіе одну изъ характерныхъ чертъ административныхъ нравовъ старой Франціи; подарки натурою представляютъ собою одну изъ наиболѣе общепринятыхъ формъ куртуазности въ отношеніяхъ „провинціи“ къ интенданту, какъ и къ другимъ представителямъ администраціи. Въ областяхъ со штатами, одну изъ обычныхъ формъ „подарковъ“ отъ имени „провинціи“ составляютъ „кошельки“ съ золотыми и серебряными жетонами. Эта нумизматическая форма подарка представляетъ собою нѣчто среднее между *подаркомъ натурой* и денежнымъ *вознагражденіемъ (gratification)*; эта послѣдняя форма офиціальнаго „подарка“ пользуется широкою популярностью въ обиходѣ взаимныхъ отношеній между правителями и управляемыми въ старой Франціи.

Въ связи съ тою же патріархально-патримоніальною концепціею публичной власти въ старой Франціи стоитъ также тотъ „отеческій“ *произволъ* и тотъ *деспотизмъ*, которые вызываютъ громкія жалобы въ дореволюціонной Франціи, въ особенности въ „представленіяхъ“ парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ, а также въ „наказахъ“ 1789 г.

Что касается собственно интендантовъ, то произволъ коренился не столько въ характерѣ *людей*, сколько въ существѣ самаго *учрежденія*, представителями котораго они являлись. Для правильной исторической оцѣнки административнаго произвола необходимо также имѣть въ виду тотъ фактъ, что произволъ въ старой Франціи не является специфическою принадлежностью администраціи, а представляетъ начало, проникающее собою, можно сказать, всѣ поры „стараго порядка“. Отъ упрека въ произволѣ не свободны не

только органы мѣстнаго самоуправленія—провинціальные штаты и городскіе муниципалитеты—, но и представители тѣхъ судебныхъ учрежденій, съ парламентами во главѣ, которыя на словахъ не перестаютъ громко протестовать противъ „министерскаго деспотизма" и „административнаго произвола". Произволъ былъ въ нравахъ общественныхъ и судебныхъ учрежденій, какъ и въ нравахъ администраціи, потому что *въ сущности онъ былъ въ нравахъ самого общества*, не исключая и наиболѣе „просвѣщенныхъ людей", съ „философами" включительно. Далѣе, для правильной исторической оцѣнки *произвола*, какъ одной изъ характерныхъ чертъ административныхъ нравовъ занимающей насъ эпохи, необходимо принять во вниманіе тотъ фактъ, что лучшіе среди представителей самой администраціи смотрятъ па произволъ, какъ на *злоупотребленіе* (*abus*), противъ котораго добросовѣстно, хотя, правда, и не всегда успѣшно, пытаются бороться. Наконецъ, говоря объ административномъ произволѣ, не слѣдуетъ упускать изъ вида также той стороны послѣдняго, которую, примѣнительно къ словоупотребленію эпохи, можно было бы назвать *просвѣщеннымъ произволомъ*. Это, такъ сказать, французская параллель *просвѣщенному деспотизму* того времени (въ другихъ странахъ). Это—тотъ произволъ, который приноситъ основанный на „варварскихъ заблужденіяхъ" и „готическихъ предразсудкахъ" *законъ* въ жертву „просвѣщенной благотворительности".

Гораздо болѣе рѣдки, сравнительно съ жалобами на деспотизмъ и произволъ, жалобы на взяточничество и казнокрадство и тому подобныя злоупотребленія, при чемъ объектомъ этихъ жалобъ являются не столько сами интенданты, сколько ихъ секретари. Во всякомъ случаѣ, относительно занимающей насъ эпохи нельзя констатировать ни одного случая, чтобы кто-либо изъ интендантовъ „нажился" на своей службѣ. Послѣдняго нельзя сказать даже о Фонтеттѣ, единственномъ изъ интендантовъ этой эпохи, относительно котораго имѣются компрометирующія въ этомъ отношеніи данныя: эти хищенія по своей сравнительной незначительности, въ сущности не могли дать сколько-нибудь существеннаго плюса къ тому крупному состоянію, которымъ обладалъ этотъ интендантъ по наслѣдству. Къ тому же не представляется никакихъ основаній для того, чтобы видѣть въ примѣрѣ Фонтетта типичную иллюстрацію нѣкотораго общаго явленія, по крайней мѣрѣ—по отношенію къ занимающей насъ эпохѣ. Нельзя также признать справедливымъ дѣлаемаго Сенакъ-де-Мейльяномъ огульнаго упрека интендантамъ того времени—въ „небреж-

ности и легкомыслія". Болѣе справедливъ, быть можетъ, другой упрекъ, адресуемый нѣкоторымъ изъ „просвѣщенныхъ администраторовъ",—упрекъ въ излишней слабости къ „украшеніямъ", зачастую—„въ ущербъ человѣколюбію".

Что касается протекціи и непотизма (въ частности—кастоваго непотизма) въ дѣлѣ замѣщенія интендантскихъ вакансій, то отрицательное вліяніе этихъ факторовъ находило себѣ извѣстный коррективъ, съ одной стороны—въ традиціяхъ quasi-сословной чести и профессіональной порядочности внутри административной магистратуры, съ другой—въ облагораживающемъ вліяніи того связаннаго съ просвѣщенно-гуманными вѣяніями времени соціально-утилитарнаго идеализма, который наложилъ свою печать на все образованное общество эпохи, а eo ipso и на „просвѣщенную администрацію", составлявшую плоть отъ плоти и кость отъ кости этого общества. Чуткость „просвѣщенной администраціи" къ идейнымъ и идеалистическимъ вѣяніямъ вѣка обусловливалась до извѣстной степени и сравнительной молодостью ея личнаго состава. Что же касается незрѣлости нѣкоторыхъ администраторовъ въ смыслѣ ихъ возраста, то послѣдняя находила себѣ коррективы, съ одной стороны—въ извѣстной quasi-сословной наслѣдственности административныхъ навыковъ внутри административной магистратуры, съ другой—въ наличности опытныхъ и дѣльныхъ совѣтниковъ, въ лицѣ первыхъ секретарей.

Что касается вообще различныхъ жалобъ на интендантскую администрацію занимающей насъ эпохи, то для того, чтобы дать имъ правильную историческую оцѣнку, необходимо принять во вниманіе ту традиціонную непопулярность, которую интенданты „просвѣщеннаго вѣка" унаслѣдовали отъ своихъ историческихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что интендантамъ приходится нести отвѣтственность, съ одной стороны—за грѣхи правительства, органами котораго они являются, съ другой—за промахи и злоупотребленія своихъ низшихъ агентовъ, наконецъ—вообще за всяческіе *abus* „стараго порядка", который представители администраціи какъ бы олицетворяютъ собою въ глазахъ народныхъ массъ. Въ частности, что касается жалобъ на интендантскую администрацію въ наказахъ 1789 г., то для правильной оцѣнки ихъ необходимо, между прочимъ, имѣть въ виду ту роль, которую играли въ составленіи эпохи наказовъ судейскіе, эти исконные недруги интендантской администраціи.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Книги и брошюры проф. П. Н. Ардашева,

имѣющіяся въ продажѣ:

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890 (студенческое сочиненіе, удостоенное Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета золотой медали). Цѣна **2** р.

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Петербургъ, 1900 (удостоено Московскимъ университетомъ полной преміи имени С. М. Соловьева). Цѣна **2** р. **50** к. Томъ II, Кіевъ, 1906. Цѣна **2** р. **75** к.

Абсолютная монархія на Западѣ. С.-Петербургъ, 1902. Изданіе Т-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Цѣна **1** р.

Les Intendants de province sous Louis XVI. Tome III. Appendice. Première partie: pièces justificatives. Youriev (Dorpat), 1903. Prix **2** r. **75** c.

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. Цѣна **50** к.

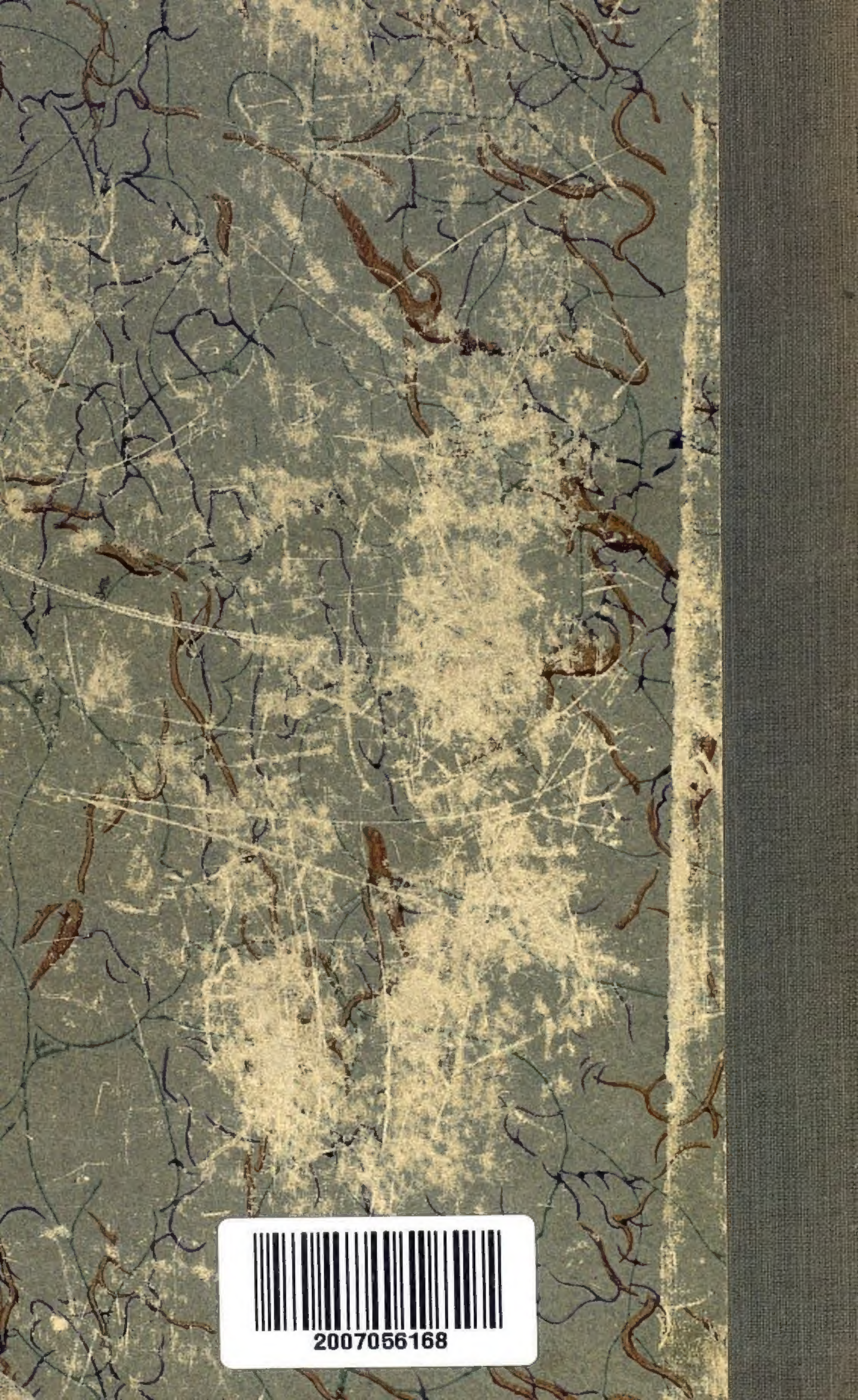
Эразмъ Роттердамскій. Похвала Глупости. Переводъ съ латинскаго съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Изданіе 2-е, исправленное. Юрьевъ, 1903. Цѣна **1** р.

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. Цѣна **35** к.

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 1905. Цѣна **75** к.

Примѣчаніе. Складъ всѣхъ поименованныхъ изданій, за исключеніемъ „Абсолютной монархіи на Западѣ“ (Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. № 6), - у автора (Кіевъ, Университетъ).

Цѣна 2 р. 75 к.

2007056168